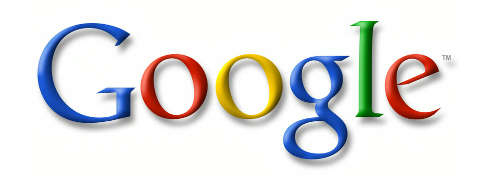
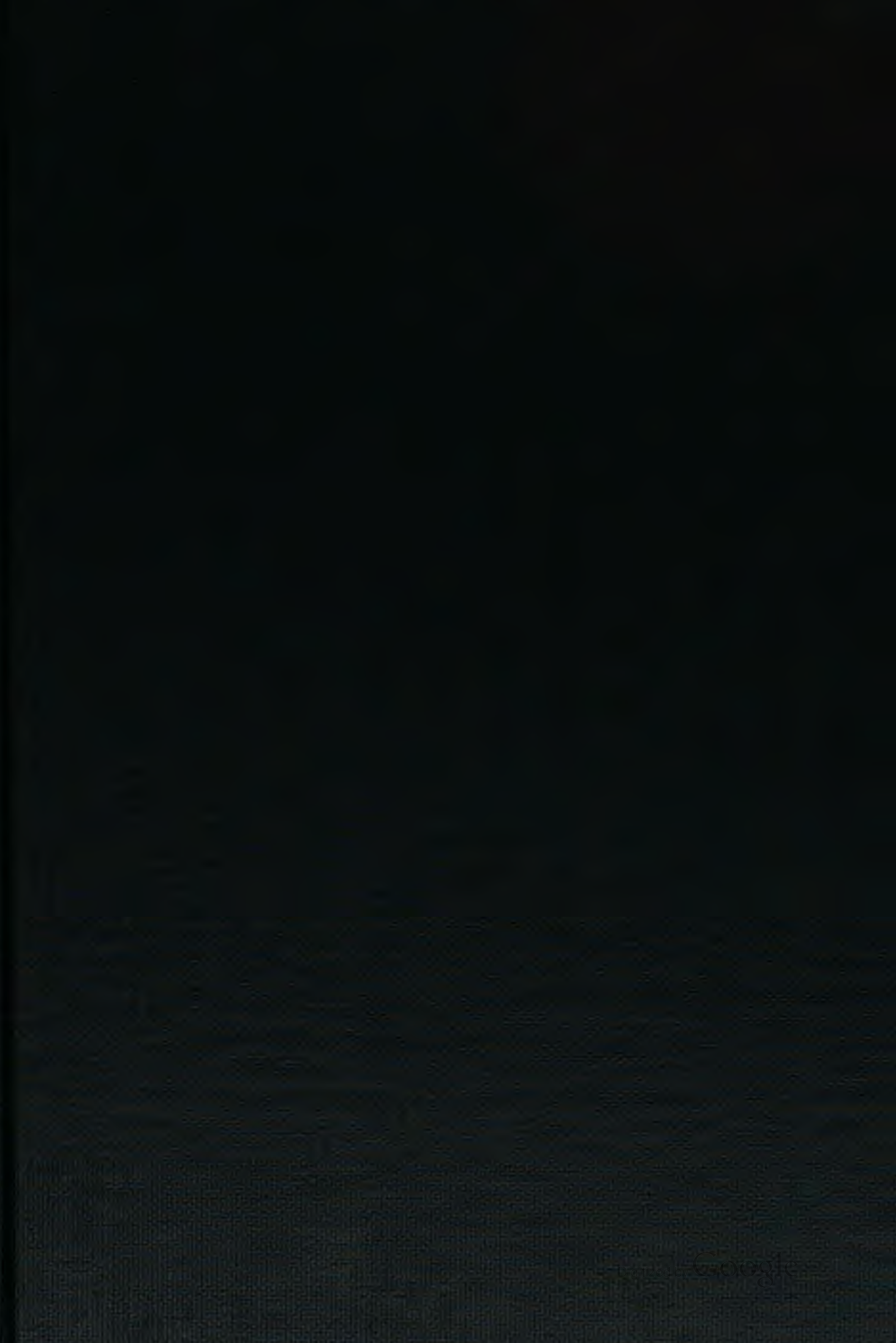

Google

VE
RI
TAS

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXIII.

1901.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXIII.

1901.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Наша учебная литература.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(28-го ноября 1900 года, № 80). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Альбицкій*—профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по общей патологіи, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ *Чтецовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Енисейской губерніи; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Эриксонъ*—дѣлопроизводителемъ V класса того же департамента; директоры: Пензенскаго реальнаго училища статскій совѣтникъ *Косыхъ* и Ахтырской шестиклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*, инспекторъ Евпаторійской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Богдановичъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ *Егоровъ*—директорами: первый—Харьковской третьей гимназіи, второй—Ахтырской гимназіи, третій—Евпаторійской шестиклассной прогимназіи и послѣдній — Бѣлостокскаго реальнаго училища, изъ нихъ Миротворцевъ съ 1-го іюля.

Увольняется согласно прошенію, почетный попечитель Алферовской учительской семинаріи, корнетъ запаса арміи *Волковъ*—отъ означенной должности.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій*, съ 11-го октября.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени купца Николая Аполлоновича Завьялова при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени Николая Аполлоновича Завьялова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто четыре рубля*, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлію въ ознаменованіе столѣтняго юбилея училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты и четырехъ рубляхъ наличными, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Галичскаго городского училища.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по отчисленіи годовой платы за ученіе стипендіата, прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Галичскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 9. Въ случаѣ же закрытія означеннаго училища стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ г. Галичѣ взамѣнъ существующаго нынѣ училища.

2. (13-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени крестьянина Михаила Ивановича Балаева при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени крестьянина Михаила Ивановича Балаева, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто три* рубля *тридцать одну* коп., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью въ ознаменованіе столѣтняго юбилея училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты и трехъ рубляхъ тридцати одной копѣйкѣ наличными, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Галичскаго городского училища.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по отчисленіи годовой платы за ученіе стипендіата, прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Галичскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 9. Въ случаѣ же закрытія означеннаго училища стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ тому учебному

заведенію, которое будетъ учреждено въ городѣ Галичѣ взамѣнъ существующаго нынѣ училища.

3. (17-го ноября 1900 года). *Положеніе о капиталѣ умершаго статскаго совѣтника Іоны Назарьевича Галагана.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталъ въ *десять тысячъ* рублей, пожертвованный по духовному завѣщанію статскаго совѣтника Іоны Назарьевича Галагана, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, по номинальной стоимости въ *девять тысячъ восемьсотъ* рублей, составляетъ полную собственность Императорскаго Новороссійскаго университета и, оставаясь неприкосновеннымъ, именуется капиталомъ имени жертвователя.

§ 2. Изъ процентовъ съ этого капитала, по волѣ жертвователя, по истеченіи каждаго полугодія, выдается вдовѣ поручика Феодосіи Николаевнѣ Стояновой по сто пятидесяти рублей въ полную собственность до ея смерти, не относя на эти выдачи казеннаго налога на доходы, а уплачивая таковой изъ остальныхъ процентовъ.

§ 3. Остатокъ процентовъ, по усмотрѣнію правленія, выдается въ пособіе студентамъ Новороссійскаго университета, христіанскихъ исповѣданій, лучшихъ по ученію и поведенію, а послѣ смерти Стояновой, всѣ проценты съ того капитала употребить на выдачу пособій указаннымъ студентамъ.

4. (17-го ноября 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный потомственною почетною гражданкою Александрою Карповною Рахмановою.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *2.100* руб., пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Александрою Карповною Рахмановою, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе на взносъ платы за слушаніе лекцій имени ординарнаго профессора Московскаго университета Алексѣя Александровича Остроумова.

§ 2. Пособіе это назначается для студента исключительно медицинскаго факультета Московскаго университета, недостаточнаго со-

стоянія, на основаніи общихъ правилъ назначенія пособій студентамъ университета.

§ 3. Назначенное студенту пособіе не должно быть выдаваемо на руки студенту, а перечисляется по полугодно правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдуемыхъ за слушаніе лекцій денегъ, остатокъ отъ процентныхъ денегъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала на пособіе студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

5. (23-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшихъ учениць Рижской Ломоносовской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Рижской Ломоносовской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшихъ учениць Рижской Ломоносовской женской гимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ *восемьсотъ* рублей, собраннаго по добровольной подпискѣ между бывшими ученицами названной гимназіи, въ память двадцатипятилѣтія ея существованія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляетъ собственность Рижской Ломоносовской женской гимназіи и хранится въ числѣ ея спеціальныхъ средствъ въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, попечительный совѣтъ гимназіи пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются попечительнымъ совѣтомъ гимназіи стипендіаткѣ, или родителямъ ея, по полугодно впередъ,—въ январѣ и августѣ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Рижской Ломоносовской женской гимназіи.

§ 6. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениць гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ нау-

кахъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, но преимущественно изъ дочерей тѣхъ матерей, которыя въ свое время обучались въ Рижской Ломоносовской женской гимназіи.

§ 7. Стипендіатка лишается получаемой ею стипендіи: 1) при оставленіи ею гимназіи, 2) по малоуспѣшности и другимъ уважительнымъ причинамъ, согласно постановленіямъ попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ гимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 9. Стипендіальный капиталъ можетъ увеличиваться путемъ новыхъ пожертвованій на сей предметъ со стороны бывшихъ ученицъ гимназіи.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (28-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго врача Алапаевскаго трехклассцаго городского училища Николая Николаевича Волкова при названномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Алапаевскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго врача означеннаго училища Николая Николаевича Волкова на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *двѣсти* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата и на покупку ему учебныхъ пособій и т. п.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата, а также лишенія его стипендіи,

за неуспѣшность въ наукахъ или неодобрительное поведеніе предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (30-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени ветеринарнаго врача Константина Михайловича Медвѣдева при Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ.*

(На оснований Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Медвѣдевымъ, учреждается при Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ стипендія имени ветеринарнаго врача Константина Михайловича Медвѣдева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Казанскаго ветеринарнаго института, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% налога, употребляются на взносъ платы за слушаніе лекцій, а остающіяся отъ зачисленія за слушаніе лекцій деньги выдаются стипендіату на руки въ пособіе.

§ 4. Стипендіатъ долженъ быть изъ дворянъ или дѣтей чиновниковъ, православнаго исповѣданія и уроженецъ Астраханской губерніи, а за неимѣніемъ таковаго другой мѣстности.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ совѣту ветеринарнаго института.

§ 6. Стипендіатъ избирается, съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ § 4 сего положенія, изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію и дѣйствительно нуждающихся студентовъ Казанскаго ветеринарнаго института.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію совѣта ветеринарнаго института, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, или если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а не вслѣдствіе болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, и на мѣсто

его назначается другой, заслуживающій стипендіи по своей бѣдности, успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 8. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (30-го ноября 1900 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 30-го ноября 1900 года за № 31015 по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ должностей профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству.*

Изъ имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній вакантныя должности профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ остаются иногда незамѣщаемыми въ продолженіе значительнаго времени.

Если подобное незамѣщеніе вакансіи происходитъ по экономическимъ соображеніямъ съ цѣлью обратить свободный остатокъ отъ содержанія личнаго состава на хозяйственныя нужды учебнаго заведенія, то это не должно имѣть мѣста, такъ какъ успѣхъ каждаго высшаго учебнаго заведенія, кромѣ надлежащей его организаціи, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ удачнаго состава профессоровъ, и потому незамѣщеніе профессорскихъ каѳедръ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени должно безусловно отзываться вредно на состояніи учебнаго дѣла. Кромѣ того, это обстоятельство можетъ заставить выдающихся и достойныхъ поощренія преподавателей и лаборантовъ оставлять мѣсто своего служенія, избирать себѣ другого рода практическую дѣятельность или же обременять себя еще посторонними обязанностями, дабы имѣть достаточныя средства къ жизни.

Въ виду сего признавая, что одною изъ первыхъ обязанностей совѣтовъ или учебныхъ комитетовъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній должна быть забота о возможно лучшей постановкѣ учебнаго дѣла, я прошу ваше превосходительство предложить директорамъ названныхъ заведеній незамедлительно входить съ надлежа-

щими представленіями о замѣщеніи вакантныхъ должностей профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ достойными лицами согласно заключеніямъ совѣтовъ или учебныхъ комитетовъ.

9. (2-го декабря 1900 года). *Положеніе о пяти стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ивановича Масленникова при Новоторжскомъ городскомъ четырехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Новоторжскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются пять стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ивановича Масленникова, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ 5-го займа государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе пяти бѣдныхъ учениковъ названнаго училища.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ, согласно желанію М. И. Масленникова, церковно-приходскому попечительству при Богоявленской, города Торжка, церкви, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 5. Стипендіи выдаются ученикамъ означеннаго училища — дѣтямъ бѣдныхъ прихожанъ Богоявленской церкви, или за неимѣніемъ таковыхъ, дѣтямъ бѣдныхъ прихожанъ другихъ церквей города Торжка, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Новоторжскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

10. (7-го декабря 1900 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени Лаишевскаго податного инспектора Николая Владиміровича Бечко-Друзина при Лаишевскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 г., утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Лаишевскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени Лаишевскаго податного инспектора Николая Владиміровича Бечко-Друзина, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти* рублей, собраннаго съ этою цѣлью по подпискѣ жителями города Лаишева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Лаишевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ ученикамъ училища, дѣтямъ недостаточныхъ родителей города Лаишева, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія званія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ Н. В. Бечко-Друзину, а въ случаѣ его выѣзда изъ Лаишева или смерти—педагогическому совѣту означеннаго училища.

§ 6. Педагогическій совѣтъ Лаишевскаго городского училища можетъ лишать стипендіатовъ стипендій въ случаѣ дурного ихъ поведенія или малоуспѣшности.

§ 7. Остающіеся же невыданными проценты со стипендіальнаго капитала, равно какъ могущіе образоваться по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ употребляются на покупку стипендіатамъ книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Лаишевскаго городского училища

въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 10. Въ случаѣ же закрытія названнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Музыкальная азбука. Необходимое пособіе при изученіи музыки и пѣнія. Составилъ *Л. Гинцбургъ*. С.-Пб. 1899. Стр. IV+28. Цѣна въ переплетѣ 45 коп. (Складъ изданія: С.-Петербургскій книжный складъ М. Залшупина)" —допустить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія: 1) „Атласъ географическихъ контуровъ. Курсъ первоначальный. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназіи *Н. Ѳ. Арепьевъ*. С.-Пб. 1900. Цѣна 50 коп."—2) „Атласъ контуровъ Австраліи, Африки, Америки и Азіи. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназіи *Н. Ѳ. Арепьевъ*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп."—3) „Атласъ контуровъ Европы. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназіи *Н. Ѳ. Арепьевъ*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп."—4) „Атласъ контуровъ Россійской Имперіи. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназіи *Н. Ѳ. Арепьевъ*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, гдѣ существуетъ черченіе по пріемамъ, рекомендованнымъ объяснительною запиской къ учебнымъ планамъ географіи.

Опредѣленіями ученаго комитета, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Составилъ *А. Кирпичниковъ*. Изданіе второе. Изданіе книжнаго магазина Ѳ. И. Салаева.

М. 1879. Стр. VIII + 104. Цѣна 75 коп." — оставить въ спискахъ учебныхъ руководствъ, допущенныхъ къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, но признать необходимымъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно пересмотрѣна и исправлена.

— Книги: 1) „Слова и выраженія къ I-й пѣсни Одиссеи Гомера, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста, съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *Э. Э. Лямбекъ*, преподаватель С.-Петербургской гимназіи д-ра Видемана. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1900. Стр. 34+II. Цѣна 30 коп."—2) „Слова и выраженія къ IX-й пѣсни Одиссеи Гомера, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста. Съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *Б. Варнеке*. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1899. Стр. 34+VI. Цѣна 30 коп."—3) „Слова и выраженія ко II-й книгѣ Анабасиса Ксенофонта, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста, съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *К. Берентъ*. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1900. Стр. 35+1. Цѣна 30 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*. *Горацій*. Избранныя стихотворенія. Выпускъ I. Оды и эподы. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 17 рисунками. Объяснилъ *О. А. Шеборъ*, орд. проф. Императорскаго С.-Пб. историко-филологическаго института. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1900. Часть I: Текстъ. Стр. 50.—Часть II. Комментарій. Стр. 159 + 1. Цѣна за обѣ части 60 коп." — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Учебникъ ариѳметики. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ *Б. Чихановъ*, преподаватель Люблинской мужской гимназіи. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Люблинъ. 1901. Стр. IV+104. Цѣна 50 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Дм. Кайгородовъ*. Начальная ботаника для городскихъ училищъ со многими рисунками. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1900. Стр. II+VII+142. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 70 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Наши моря и какъ мы пользуемся ими. *А. Г. Шиле*. Изданіе 3-е. С.-Пб. Изданіе Товарищества «Общественная Польза». 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Серія учебниковъ по біологіи. *Гёксли-Розенталь*. Основы физіологіи. Съ 118 рисунками. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями *В. Н. Львова*, приватъ-доцента Московскаго университета. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Стр. XX + 515. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальное руководство къ самостоятельному изученію высшей математики и механики. Составилъ *Н. Б. Делоне*, Ординарный профессоръ Варшавскаго Политехническаго Института Императора Николая II. Съ 321 фигурой въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1900. Стр. XII+486. Цѣна 4 руб. 20 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Сочиненіе: „Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Томъ I. (Отъ Петра I до Карамзина). Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе десятое. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. IV+457. Томъ II. (Отъ Карамзина до Пушкина) М. 1898. Стр. IV+481. Цѣна за два тома 2 руб. 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „*К. Ельницкій*. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Десятое изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1899. Стр. 143. Цѣна 75 коп."—2) „Очерки по исторіи педагогики. Пособіе для занимающихся воспитаніемъ дѣтей и для учебныхъ заведеній. въ которыхъ преподается педагогика. Составилъ *К. Ельницкій*. 3-е изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1897. Стр. 157+1. Цѣна 75 коп."—допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также и въ ученическія библіотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ министерства.

— Книгу: „*К. Д. Краевичъ*. Сокращенный учебникъ физики. Обработанъ согласно существующимъ программамъ *А. Л. Гершуномъ* и *В. В. Скобельцынымъ*. Первое изданіе. Первый выпускъ. С.-Пб. 1900. Стр. VIII + 178.—Второй выпускъ. С.-Пб. Стр. VI + (179 — 484)+1. Цѣна за два выпуска 2 руб.“—рекомендовать особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ весьма полезное учебное руководство.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Der Neffe als Onkel. Lustspiel in drei Aufzügen. Aus dem Französischen des *Picard* von *Friedrich von Schiller*. Племянникъ-дядя. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Пикара*. Переводъ съ французскаго *Фридриха Шиллера*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, сборникомъ словъ и оборотовъ, расположенныхъ въ порядкѣ текста, алфавитнымъ словаремъ и алфавитнымъ перечнемъ сильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Обработалъ *Э. Е. Неймейстеръ*, преподаватель Ставропольской мужской гимназіи. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1900. Стр. 76+59. Цѣна съ приложеніями 40 коп., въ папкѣ 50 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка, отрывковъ изъ Остромирова Евангелія и ороографическаго указателя. Часть первая. Этимологія. Составилъ *А. Преображенскій*, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Изданіе пятое, дополненное. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. VIII + 160. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго*. Часть II. Внѣ-европейскія страны. Съ 33 политип., 24 таблицами рисунковъ и 5-ю раскрашен. картами. Изданіе восьмое. С.-Пб. 1900. Стр. IV+86+XXIV табл. Цѣна 65 коп.“—2) „То же. Часть III. Западная Европа. Съ 9-ю раскраш. картами, 39 полит. въ текстѣ и 26 табл. рисунковъ въ приложеніи. Изданіе восьмое. С.-Пб. 1900. Стр. IV+97+XXVI табл. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Холощеніе (кастрація) жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Съ 11 рисунками. Составилъ *И. А. Братчиковъ*, ветеринаръ Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1900. Стр. 20. Цѣна 6 коп."—допустить въ учительскія библіотеки сельскихъ начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) „Учебникъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Составилъ *П. Смирновскій*. Изданіе 2-е. М. Изданіе книжной торговли А. Я Панафидина. 1900. Стр. 56. Цѣна въ папкѣ 15 коп." — 2) „*П. Смирновскій*. Практическое пособіе какъ приложеніе къ учебнику русской грамматики для церковно-приходскихъ школъ и для двухклассныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. М. Изданіе книжной торговли А. Я. Панафидина. 1900. Стр. 60. Цѣна въ папкѣ 15 коп." —допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Александръ II, Царь-Освободитель. *Е. Л.* Съ портретомъ и тремя рисунками. Изданіе 4-е, К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 58. Цѣна 10 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ тщательнаго исправленія ея при слѣдующемъ изданіи, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Разсказы изъ Русской исторіи": 1) „Херсонесъ. Древній городъ Корсунь. *М. Н. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 38. Цѣна 10 коп."—2) „Язычники и христіане на Руси. *М. Н. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 36. Цѣна 10 коп."—3) „Начало удѣловъ на Руси. *М. Н. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп." —допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Изданіе О. Н. Поповой. Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе *Э. Реклю*“: 1)„ *Элизе Реклю*. Швеція и Норвегія. Страна. Народъ. Учрежденія. Переводъ съ французскаго (безъ пропусковъ) *П. Н. Краснова*. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистическихъ таблицъ и библіографическаго указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 75 рисунками. С.-Пб. 1895. Стр. II + 252. Цѣна 1 руб.“ — 2) „*Элизе Реклю*. Бельгія и Голландія. Страна. Народъ. Учрежденія. Переводъ съ французскаго (безъ пропусковъ) *Пл. Краснова*. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, составленныхъ *Д. Протопоповымъ*, и библіографическимъ указателемъ. Съ 67 рисунками и 9 чертежами. Вып. II. С.-Пб. 1897. Стр. II + 325. Цѣна 1 руб.“—3) „Соединенные Штаты. Часть первая. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Н. Березина*. 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. Вып. III, ч. I, С.-Пб. 1898. Стр. IV+382. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—4) „Выпускъ V. Британскіе острова. Полный переводъ съ французскаго подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго*. Съ 91 иллюстраціей и приложеніемъ статей: Очеркъ государственнаго устройства, *В. Водовозова*. Значеніе физико-географическихъ условій въ спеціальномъ развитіи Англіи, *Д. Коропчевскаго*. Библіографія. Указатель географическихъ именъ и карты Великобританіи. С.-Пб. 1899. Стр. IV+424+70. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ ея св. иконы. М. 1891. Стр. 655 + V. Цѣна 2 руб.“ — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) „Методическое руководство обученія письму. Пособіе для учителей низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, родителей и для самообученія. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Составилъ *А. К. Гортовъ*, преподаватель Елабужскаго реальнаго училища. Казань. 1900. Стр. III+110. Цѣна 70 коп.“—2) „Систематическія русскія прописи. Пособіе для обучающихся чистописанію. Составилъ *А. К. Гортовъ*, преподаватель реальнаго училища. 2-е изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. М. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“—допустить первое въ учительскія библіо-

теки низшихъ училищъ, второе къ классному употребленію учащимися въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи чистописанію.

— Книги: 1) „Дѣти Солнцевыхъ. Повѣсть для юношества *Е. Н. Кондрашовой*. Съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 287. Цѣна въ коленкор. перепл. 3 руб.“—2) „*А. И. Красницкій*. Слезы. Повѣсть для юношества изъ гимназическаго быта. Съ рисунками А. А. Чикина. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 166. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб.“— допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „Дѣвичій Вѣкъ. Картины изъ быта русской крестьянской дѣвушки. Для юношества. Сочиненіе *П. Н. Полевого*. Съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 139 + 1. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 руб. 10 коп.“ —2) „Которая изъ двухъ? Повѣсть *М. А. Ляпиной*. Съ 6-ю рисунками Е. Самокишъ-Судковской. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 79. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Составленъ подъ редакціей *Ал. Гатлиха*. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 95. Цѣна 20 коп.“—допустить къ употребленію въ воскресныхъ школахъ, вечернихъ и повторительныхъ классахъ, съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „*Н. Я. Некрасовъ*. Практическій курсъ правописанія. Выпускъ III. 3-е изданіе. «Петербургскій Учебный Магазинъ». С.-Пб. 1901. Стр. 94+II. Цѣна 15 коп.“ —допустить къ употребленію въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы при 4-мъ изданіи этой книги были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета, сдѣланныя на 1-е и 2-е изданіе.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книжки: 1) „Калевала. Финскія народныя былины для юношества пересказалъ *Н. А. Борисовъ*. Изданіе 2-е, съ рисунками. Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова. С.-Пб. 1898. Стр. 139. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 75 коп.“—2) „Маленькіе чистильщики

улицъ. Разсказъ *В. Сорокина.* Изъ книги «Дѣтскій Сборникъ». Изданіе 2-е, исправленное, съ рисунками. С.-Пб. Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—3) „*А. Н. Острогорскій.* Англійскій поэтъ Георгъ Краббъ. (Изъ книги «У рабочихъ людей»). Съ 5 рисунками. Изданіе 3-е. С.-Пб. Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова. 1899. Стр. 28. Цѣна 10 коп."— 4) „Друзья. Разсказъ *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.* Съ рисунками А. М. Нечаева. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 23. Цѣна 5 коп." — 5) „*Генрихъ Сенкевичъ.* Пойдемъ за нимъ! Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова.* Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 1900. Стр. 48. Цѣна не обозначена".—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а означенныя подъ №№ 2, 3 и 4 сверхъ того и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Сибирь. Очеркъ завоеванія и заселенія Сибири. *С. Олферьева.* М. 1899. Стр. 104. Цѣна 12 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „*Е. Свѣшникова.* Ледяной домъ. (По роману *И. И. Лажечникова*). С.-Пб. 1895. Стр. 172. Цѣна не обозначена."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Старая сказка про Кандида-Простодума. Пересказана *Е. Свѣшниковой.* М. 1900. Стр. 58. Цѣна не обозначена."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Сборникъ двухголосныхъ пѣсенъ на слова *А. С. Пушкина* для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ училищъ. Составленъ по случаю столѣтняго юбилея рожденія поэта *Ѳ. Л. Плосайкевичемъ.* Собственность автора. М. 1899. Стр. 19. Цѣна для учебныхъ заведеній *50 коп.*, вмѣсто прежде объявленной 1 руб. 50 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Научно-популярная библіотека для народа. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Составилъ *В. Лункевичъ.* Съ 33 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 16 коп." —допустить въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги, изданныя Товариществомъ М. О. Вольфъ, С.-Пб. и М., подъ общимъ заглавіемъ: „Золотая библіотека“: 1) „Донъ Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Переводъ *А. Греча.* Съ 78 иллюстраціями Густава Доре. Изданіе второе. 1897. Стр. 262+III. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 2) „Приключенія и путешествія барона Мюнхгаузена. Полный переводъ на русскомъ языкѣ *Е. Песковской.* Съ 118 иллюстраціями въ текстѣ и 29 отдѣльными картинами Густава Доре. Второе изданіе. 1898. Стр. IV+274. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—3) „Сказки *Вильгельма Гауфа.* Съ 21 иллюстраціей въ текстѣ и 20 отдѣльными картинами Өеодора Вебера, Газемана и Людвига Бургера. Второе изданіе. 1898. Стр. 441+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 4) „Хижина дяди Тома. Сочиненіе *Бичеръ Стоу.* Примѣненное къ дѣтскому возрасту *М. Л. Песковскимъ.* Съ 104 иллюстраціями въ текстѣ и 14 отдѣльными картинами. Второе изданіе. 1899. Стр. IV+461+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—5) „Маленькій человѣкъ. Исторія одного ребенка (Petit chose) *Альфонса Додэ.* Переводъ *М. Л. Лихтенштадтъ.* Съ 63 иллюстраціями. 1899. Стр. IV+373+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“— допустить всѣ въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, изданныя Товариществомъ М. О. Вольфъ, С.-Пб. и М., подъ общимъ заглавіемъ „Золотая библіотека“: 1) „Маленькій лордъ Фаунтлерой (Little Lord Fauntleroy). Разсказъ для дѣтей *Ф. Г. Бернеттъ.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ *М. Никольскаго.* Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. 1899. Стр. IX+219+1. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 2) „Записки школьника (Cuore) *Эдмунда де Амичисъ.* Съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго.* Съ 16 рисунками въ текстѣ и 32 отдѣльными картинами. Второе изданіе. 1899. Стр. II+VIII+447. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры: 1) „Научно-популярная библіотека для народа. Невидимые друзья и враги людей. Составилъ *В. Лункевичъ.* Съ 28 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 16 коп.“—2) „Научно-популярная библіотека для народа. Жизнь въ каплѣ воды. Составилъ *В. Лункевичъ.* Съ 14 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“.—3) „О водѣ и ея значеніи для здоровья человѣка. Д-ра *В. Н. Золотницкаго.* С.-Пб. 1899. («Читальня народной школы»). Стр. 28. Цѣна не обозначена“.—4) „Какъ сохранить глаза. (Гигіена глазъ). М. 1900. Стр. 53. Цѣна не обозначена“,—допустить въ учительскія библіотеки

низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки *Б. Б. Глинскаго*. Съ 31 портретомъ и 9 иллюстраціями. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1899. Стр. III+282+2. Цѣна 1 руб. 25 коп." — допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*И. Плетеневъ*. Какъ научиться рѣшать задачи. Цѣлыя числа. Пособіе для учащихся и для лицъ, поступающихъ въ спеціальныя низшія и среднія учебныя заведенія. С.-Пб. Изданіе А. С. Мыльникова. 1899. Стр. 98. Цѣна 65 коп."—допустить въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ, а также въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Брошюры: „*С. Н. Архиповъ*. Общедоступныя бесѣды по лѣсоводству. Бесѣда II. Какъ слѣдуетъ хозяйничать въ лѣсу для полученія наибольшихъ выгодъ. Описаніе самыхъ простыхъ способовъ хозяйства. Возобновленіе лѣса вообще. Наиболѣе обыкновенные виды естественнаго возобновленія его. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 67. Цѣна 12 коп.—Бесѣда III. Разведеніе лѣса и указаніе различныхъ способовъ его выращиванія при наименьшихъ затратахъ. М. 1900. Стр. 63. Цѣна 12 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Книжка за книжкой". Изданія *М. Н. Сльпцовой*. 1) „Кн. 77-я. Египетъ. Съ 47-ю рисунками. С.-Пб. 1900. Стр. 173+1. Цѣна 35 коп." — 2) „Кн. 98-я. Отъ нужды къ достатку. (Изъ сѣверо-американской жизни). По *М. Уилькинсъ*. С.-Пб. 1899. Стр. 107. Цѣна 25 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Списокъ сочиненій и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нихъ, допущенныхъ, согласно опредѣленіямъ особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Абаза, К. Общедоступная военно-историческая хрестоматія. Книга вторая (Русская исторія). С.-Пб. 1887.

Авенаріусъ, В. Васильки и колосья. Очерки и разсказы для юношества. Съ 22 портретами и рисунками. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Авенаріусъ, В. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ эпической поэзіи. М. 1893. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Авенаріусъ, В. Образцовыя сказки русскихъ писателей. М. 1892. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Авенаріусъ, В. Сказка о муравьѣ-богатырѣ. С.-Пб. 1883. Цѣна 50 коп.

Авенаріусъ, В. Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. М. 1893. Цѣна 50 коп.

Аксаковъ, С. Т. Дѣтскіе годы Багрова внука. М. 1895. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Аксаковъ, С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Съ портретомъ автора. М. 1895. Цѣна 1 руб. 75 коп. (Статьи: 1. Переселеніе.— 2. Оренбургская губернія.—3. Новыя мѣста.—4. Добрый день Степана Михайловича.—5. Женитьба молодого Багрова.—6. Молодые въ Багровѣ.—7. Жизнь въ Уфѣ.—8. Годъ въ деревнѣ).

Александровъ, Н. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. 1) Благодатный край (Малороссія). М. 1898. Цѣна 10 коп.— 2) Крымъ (Таврическій полуостровъ). М. 1898. Цѣна 10 коп.

Александровъ, Н. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. Жители лѣсной полосы. Изд. 4-е. М. 1896. Цѣна 10 коп.

Александровъ, Н. Казаки. Черноморцы и терцы. М. 1899. Цѣна 10 коп.—Казаки. Донцы и Уральцы. М. 1899. Цѣна 15 коп.

Александровъ, Н. Народы Россіи. Этнографическіе разсказы для дѣтей. Выпускъ I. Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели. Изд. 2-е. М. 1898. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Александровъ, Н. Народы Россіи. Этнографическіе разсказы для дѣтей. Выпускъ II. Инородцы лѣсовъ. (Сибирь). М. 1899. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Изданіе „Досугъ и Дѣло".

Аникіевъ, П. О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ. Чтеніе для народа. С.-Пб. 1876. Цѣна 10 коп.

Анненская, А. Фрятіофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. С.-Пб. 1899. Цѣна 1 руб.

Арскій. А. Степь и оазисъ. (Письма о хивинскомъ походѣ 1873 г.). М. 1879. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ахшарумовъ, С. и *Лапицкій. Н.* „Высочайшее Путешествіе". Альбомъ и текстъ. С.-Пб. 1897. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Барсовъ, К. Болгарія и болгары. Очеркъ. М. 1899. Цѣна 15 коп.

Бахтіаровъ. Валаамская обитель. (Поѣздка на Валаамъ). С.-Пб. 1893. Цѣна 10 коп.

Бестужевъ, А. (Марлинскій, А.). Избранныя сочиненія въ изд. Суворина „Дешевая Библіотека". Мореходъ Никитинъ. Цѣна 25 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. С.-Пб. 1886. Цѣна 8 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. С.-Пб. 1865. Цѣна 8 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ. С.-Пб. 1867. Цѣна 22 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Про былое время на Руси. О крещеніи Руси. С.-Пб. 1885. Цѣна 11 коп.

Библіотека Путешествій: 1) Аѳонская гора; 2) *Свиридовъ.* Скорпіоны Закавказья; 3) *Диксонъ.* Льды и степи; 4) *Лебедевъ* и *Норъ.* Мерзлый край. С.-Пб. 1878. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Богдановъ. М. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. С.-Пб. 1893. Цѣна 2 руб.

Богдановъ, М. Наши полезныя птички. Первое знакомство дѣтей съ родными птицами. М. 1898. Цѣна 30 коп.

Богдановъ, М. О родныхъ птицахъ. Очерки изъ жизни пернатыхъ. М. 1898. Цѣна 30 коп.

Богдановъ, М. Птицы и звѣри черноземной полосы, Поволжья и долины средней и нижней Волги. Казань. 1871. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Богдановъ. М. Птицы Кавказа. Казань. 1889. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бояринъ Матвѣевъ. другъ царя и народа. Историческая повѣсть. С.-Пб. 1874. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Брассей, А. Вокругъ свѣта въ одиннадцать мѣсяцевъ. Путевыя записки. Въ сокращенномъ переводѣ Н. Познякова. С.-Пб. 1893. Цѣна 1 руб.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Иллюстрированное изданіе, со множествомъ политипажей. Въ 3-хъ томахъ. Передѣлано для юношества. Съ 3-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей К. К. Сентъ-Илера. Изда-

ніе Тов-ва „Общественная польза и К." С.-Пб. 1900. Томъ I. Стр. XVI+768+I.

Бунаковъ. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 40 коп.

Бурда. Откуда берется въ человѣкѣ рабочая сила, какъ онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ. Одесса. 1895. Цѣна 6 коп.

Быкова, А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 5-ю рисунками въ текстѣ и географической картой. М. 1898.

Вейнбергъ, Петръ (ред.). „Русскіе писатели въ классѣ". Вып. III. Императрица Екатерина II. С.-Пб. 1881. Цѣна 25 коп. (Статьи: „О время!" и „Были и небылицы").

Воронецкій. Иллюстрированная географическая хрестоматія. Часть I. Общій обзоръ земного шара.—Часть II. Внѣ-европейскія страны.—Часть III. Европа. Спб. 1893—1894. Цѣна за три части 5 руб.

Воронецкій. По Русской землѣ. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб.

Воронецкій, А. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 10 коп.

Воронецкій, А. О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 10 коп.

Воронецкій, А. Что мы видимъ на небѣ ночью. С.-Пб. 1874. Цѣна 10 коп.

Вудъ, Дж. Гнѣзда, норы и трущобы. Перев. Н. Страхова. С.-Пб. 1866. Цѣна 8 руб.

Вулканы и землетрясенія. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 коп.

Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 к.

Гадзяцкій, П. 25-лѣтіе царствованія Императора Александра II. С.-Пб. 1881. Цѣна 75 коп. (Главы: Покореніе Кавказа. Завоеваніе Туркестана. Изъ исторіи войны 1877—78 г.: Пріѣздъ Государя въ армію (стр. 48—51). Пребываніе Государя въ арміи (87—89). Переходъ черезъ Балканы (стр. 90—93).

Ганике, А. Картины изъ жизни насѣкомыхъ. С.-Пб. 1875. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартвигъ, Г. Воздухъ и его жизнь. М. 1875. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартвигъ, Г. Море и его жизнь. М. 1875. Цѣна 1 руб.

Гартвигъ, Г. Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Переводъ Усова. М. 1866. Ц. 2 руб.

Гартвигъ, Г. Тропическій міръ. Пер. Усова. М. 1865. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартвигъ, Г. Человѣкъ и природа на островахъ Великаго океана. М. 1865. Цѣна 3 руб.

Гартвигъ, Г. Чудеса подземнаго міра. М. Ц. 2 руб. 50 коп.

Георгіевскій, В. Святый благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій. Владиміръ. 1894. Цѣна 40 коп. (за исключеніемъ стр. 91—101—объ убіеніи Андрея Боголюбскаго).

Гердъ, А. Міръ Божій. Книжка 1-я. Земля, воздухъ и вода. 4-е изданіе. С.-Пб. 1898. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 74. Цѣна 25 коп.

Гершель, Дж. Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Перев. С. А. Рачинскаго. 1868. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Глазенапъ, С. Кометы и падающія звѣзды. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Головинъ, Н. 1812 годъ. Отечественная война и ея герои. Съ 203 рисунками. С.-Пб. Цѣна 90 коп.

Гончаровъ, И. Фрегатъ Паллада. Т. II-й. (Гл. VIII: „Изъ Якутска").

Горчакова, Е., кн. Кіевъ. М. 1886. Цѣна 40 коп.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. С.-Пб. 1895. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Григоровичъ, Д. Антонъ Горемыка. С.-Пб. 1895. Цѣна 60 коп.

Григоровичъ, Д. Бобыль. С.-Пб. 1895. Цѣна 20 коп.

Григоровичъ, Д. Пахарь. С.-Пб. 1895. Цѣна 30 коп.

Григоровичъ, Д. Переселенцы. С.-Пб. 1889. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Григоровичъ, Д. Свѣтлое Христово Воскресеніе. С.-Пб. 1884. Цѣна 20 коп.

Григорьевъ, С. Доступные опыты. Воздухъ и его свойства. Практическія занятія въ школѣ и дома, въ свободное время. Съ объяснительными чертежами. М. 1896.

Данилевскій, Г. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. С.-Пб. Изд. Суворина. Цѣна 20 коп.

Деполовичъ. Разсказы о землѣ Аравійской. 3 книжки. С.-Пб. 1894. Цѣна 40 коп.

Дерпачевъ, Н. Гиганты животнаго царства. Тула. Цѣна 10 коп.

Догель. Жизнь, вино и смерть. Казань. 1886. Цѣна 15 коп.

Догель. Табакъ, какъ прихоть и несчастіе человѣка. Казань. 1887. Цѣна 30 коп.

Другъ и недругъ человѣка. Собака и волкъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 10 коп.

Елисѣевъ, А. Въ тайгѣ. (Изъ воспоминаній о далекомъ Востокѣ). С.-Пб. 1891. Цѣна 50 коп.

Елисѣевъ, А. „По бѣлу-свѣту". Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта. Т. I. С.-Пб. 1894. Цѣна 3 руб.—Т. II. С.-Пб. 1895. Цѣна 3 руб.

Елисѣевъ, А. „По бѣлу-свѣту". Очерки и картины изъ путешествій. Томъ III. С.-Пб. 1896. Цѣна 3 руб.—Томъ IV. С.-Пб. 1898. Цѣна 3 руб.

Желиховская, В. Мое отрочество. Съ рисунками. С.-Пб. 1896. Цѣна 3 руб.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. 1) Капитанъ Боппъ. — 2) Выборъ Креста. — 3) Повѣсть объ Іосифѣ Прекрасномъ. — 4) Повѣсть о мудрецѣ Керимѣ.

Загоскинъ, М. Аскольдова могила. М. 1853. Цѣна 3 руб.

Загоскинъ, М. Рославлевъ. С.-Пб. 1890. Цѣна 80 коп.

Загоскинъ, М. Русскіе въ началѣ XVIII вѣка. М. 1848. Цѣна 3 руб.

Загоскинъ, М. Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. М. 1882. Цѣна 1 руб.

Ивановъ, Д. Геройская смерть Данилова и Коканскій бунтъ въ 1875 году. С.-Пб. 1876. Цѣна 20 коп.

Иверсенъ, В. Какъ добываютъ шелкъ. Наставленіе къ разведенію шелковичныхъ деревъ и выводкѣ шелковичныхъ коконовъ. С.-Пб. 1894. Цѣна 25 коп.

Исторія крупинки соли. Съ франц. С.-Пб. 1871. Цѣна 1 руб.

Кайгородовъ, Д. Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Изд. 3-е. С.-Пб. 1895.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1898.

Кайгородовъ, Д. „Лепестки". Разсказы, очерки и картинки. С.-Пб. 1896. Изданіе А. С. Суворина.

Кайгородовъ, Д. Начальная ботаника для городскихъ училищъ. С.-Пб. 1900. Изданіе А. С. Суворина. Стр. VII+142. Цѣна 60 коп.

Кирпотенко, А. Князья растительнаго царства. С.-Пб. 1892. Цѣна 30 коп.

Кирпотенко, А. Прогулка въ страну чудесъ. С.-Пб. 1891. Цѣна 40 коп.

Клейберъ, І. О томъ, что видно на небѣ. Съ рисунками. М. Стр. 24. Цѣна 3 коп.

Ковальскій, Я. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи

которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. С.-Пб. 1885. Стр. 275. Цѣна 2 руб.

Кохановская. Старина. С.-Пб. Цѣна 20 к.—Послѣ обѣда въ гостяхъ. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Краевичъ, К. Физика ежедневныхъ явленій. Изд. 3-е. С.-Пб. 1897. Цѣна 70 коп.

Кривенко, Н. Бесѣды о лошади. С.-Пб. 1890. Цѣна 60 коп.

Крымъ и крымскіе татары. Кіевъ. 1892. Ц. 10 коп.

Кукольникъ, Н. Изъ жизни Петра Великаго: 1) Сказаніе о синемъ и зеленомъ суднѣ. Остапъ и Ульяна. С.-Пб. 1872. Цѣна 25 коп. 2) Позументы. С.-Пб. 1872. Цѣна 25 коп.

Кукольникъ, Н. Новый годъ. Историческій разсказъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 25 коп.

Кукольникъ, Н. Рука Всевышняго отечество спасла. С.-Пб. 1881. Цѣна 25 коп.

Лажечниковъ, И. Полное собраніе сочиненій. 12 т. С.-Пб. 1883—1884. Цѣна 18 руб.

Леббокъ, Д. Красоты природы и ея чудеса. С.-Пб. 1894. Цѣна 65 коп.

Леббокъ, Д. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ и перепончатокрылыхъ. Перев. Л. Никифорова. М. 1898. Цѣна 2 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Герой нашего времени. (Глава II: Максимъ Максимычъ).

Линдеманъ. Итальянская саранча и мѣры къ ея истребленію. М. 1893. Стр. 45. Цѣна 8 коп.

Линдеманъ. О главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ. М. 1893. Стр. 58. Цѣна 10 коп.

Литль-Бой. Живописное путешествіе по Европейской и Азіатской Турціи. М. 1878. Цѣна 3 руб.

Луговыя и песчаныя степи. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 коп.

Лукашевичъ, К. Даша Севастопольская (первая сестра милосердія). Быль. Съ рисунками. М. 1899. Цѣна 25 коп.

Львовичъ. Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ. Степь. С.-Пб. 1875. Цѣна 40 коп.

Львовъ, В., кн. Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе. М. 1892. Цѣна 75 к.

Майковъ, Ап. Н. Изъ-за чего пошли войны съ мусульманствомъ. Книга I. Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константино-

поля. Москва—третій Римъ. Цѣна 7 коп.—Книга II. Покореніе при Іоаннѣ Грозномъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Цѣна 5 коп.— Кн. III. Завоеваніе Сибири. Цѣна 7 коп. С.-Пб. 1883.

Майковъ, Ап. Н. Пѣснь о полку Игоревѣ. (Въ изданіи А. Ф. Маркса).

Майковъ, Ап. Н. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. С.-Пб. 1892. Цѣна 10 коп.

Малининъ, А. Завоеваніе Сибири. 1888. Цѣна 3 коп.

Масе. Исторія кусочка хлѣба. М. 1880. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Медвѣдевъ, Θ. Чудеса растительнаго міра. Съ 30-ю рисунками. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп.

Мей, Л. А. Сочиненія. (Поэмы: 1. Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата.—2. Спаситель.—3. Александръ Невскій).

Мензбиръ, М. Изъ жизни звѣрей и птицъ. Популярные очерки. Съ 20 рисунками. М. 1897. Цѣна 3 руб.

Мечъ, С. Австралія. М. 1888. Цѣна 65 коп.

Мечъ, С. Альпы. М. 1888. Цѣна 30 коп.

Мечъ. С. Кавказъ. М. 1893. Цѣна 50 коп.

Мечъ, С. Палестина и Аравія. М. 1892. Цѣна 30 коп.

Мечъ, С. Сахара. М. 1888. Цѣна 30 коп.

Мечъ, С. Финляндія. М. 1887. Цѣна 50 коп.

Мечъ, С. Центральная Азія. М. 1893. Цѣна 30 коп.

Народы Россіи (изд. ред. „Досугъ и Дѣло"): Великоруссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 25 коп.—Малороссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Бѣлоруссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп. — Финны, эсты, корелы и ливы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Латыши и литовцы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп. — Мордва и черемисы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Крымскіе татары. С.-Пб. 1879. Цѣна 25 коп.—Черкесы и абхазцы. С.-Пб. 1880. Цѣна 25 коп.—Якуты. 1880. Цѣна 20 коп.—Тунгусы и юкагиры. Цѣна 20 коп.

Немировичъ-Данченко, В. Махмудкины дѣти. Разсказъ. М. 1884. Цѣна 10 коп.

Никитенко, А. Моя повѣсть о самомъ себѣ. С.-Пб. 1900. Цѣна 1 руб.

Одоевскій, кн. В. Дѣдушки Ириня сказки и сочиненія для дѣтей. С.-Пб. Изд. Суворина. „Сказки и разсказы". Цѣна 15 коп. „Повѣсти" (3 книжки). Цѣна 45 коп.

Ожешкова, Эл. Милордъ. Бабушка. Переводъ съ польскаго В. Лаврова. М. 1896. Цѣна 50 коп.

Океаны. М. 1880. Цѣна 15 коп.

Острогорскій, *А*. Альпійская горная область. С.-Пб. Цѣна 10 коп.

Очерки Бѣлоруссіи. С.-Пб. 1876. Цѣна 15 коп.

Петровскій, *А*. Подвиги русскихъ. Походы русскихъ войскъ въ Хиву. М. 1877. Цѣна 10 коп.

Петрушевскій, *А*. Разсказы про Петра Великаго и его время. С.-Пб. 1893. Цѣна 50 коп. (Главы: II. Азовскіе походы. VI. Окно въ Европу. VII. Война, мятежи и измѣна. VIII. Полтава. X. Въ чужихъ земляхъ. XII. Мирныя дѣла и конецъ войны. XIV. Послѣдніе годы).

Петрушевскій, *А*. Разсказы про старое время на Руси. М. 1893. Цѣна 75 коп. (Главы: I. Откуда пошла и какъ стала Русская земля. II. Ольга мудрая. III. Владиміръ Красное Солнышко. IV. Владиміръ Мономахъ. V. Татарскій погромъ. VIII. Мамаево побоище. IX. Ягелло. XI. Иванъ III Васильевичъ. XII. Великій Московскій пожаръ. XIII. Взятіе Казани. XV. Ермакъ Тимоѳеевичъ. XIX. Кн. Скопинъ-Шуйскій. XX. Мининъ и Пожарскій. XXI. Литовская Унія. Богданъ Хмѣльницкій).

Плечко, *А*. Московскій Кремль. С.-Пб. 1895. Цѣна 7 коп.

Полонскій, *Я*. Кузнечикъ музыкантъ. С.-Пб.

Поповъ, *Р*. О болгарахъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Поповъ, *Р*. О сербахъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Поповъ, *Р*. О черногорцахъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Псковъ и его окрестности. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Пуцыковичъ, *Ѳ*. Вокругъ насъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Съ 125 рисунками. С.-Пб. 1882. Цѣна 40 коп.

Пушкинъ, *А. С*. Борисъ Годуновъ. М. 1887. Цѣна 10 коп. Изд. Общества любителей Россійской словесности.

Пыляевъ, *М*. Драгоцѣнные камни. 1896.

Равнины и пустыни. С.-Пб. 1876. Цѣна 15 коп.

Разинъ. Разсказы о животныхъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 2 руб.

Разинъ. Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ. С.-Пб. 1874. Цѣна 2 руб.

Разинъ, *А*. Гетманъ Степанъ Остраница. Повѣсть изъ русской исторіи (1638 г.). С.-Пб. 1887. Цѣна 40 коп.—Изд. Суворина. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Разинъ, *А*. Дѣдушка Гостомыслъ. Повѣсть изъ русской исторіи. С.-Пб. 1868. Цѣна 50 коп.

Разинъ, *А*. Разоренный годъ (1812 г.). Повѣсть изъ русской исторіи. Изд. Суворина. С.-Пб. 1893. Цѣна 15 коп.

Рачинскій, С. Школьный походъ въ Нилову пустынь. С.-Пб. 1888. Цѣна 25 коп.

Романсъ, Д. Умъ животныхъ. Переводъ съ англ. подъ редакціей Н. Холодковскаго. С.-Пб. 1889. Цѣна 3 руб.

Россмесслеръ. Вода. С.-Пб. 1863. Цѣна 4 руб.

Россмесслеръ. Лѣсъ. С.-Пб. 1866. Цѣна 4 руб.

Россмесслеръ. На досугѣ. Популярныя бесѣды по естествознанію. С.-Пб. 1886. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ. Послѣдовательная хрестоматія. Книга первая—отъ Смутнаго времени до Петра Великаго. С.-Пб. 1895. Цѣна 40 коп. Книга вторая—время Петра Великаго. С.-Пб. 1896. Цѣна 35 коп.

Сабанѣевъ. Глухой тетеревъ. М. 1876. Цѣна 75 коп.

Сабанѣевъ. Драгоцѣнные металлы. С.-Пб. 1880. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сабанѣевъ. Соболь и соболиный промыселъ. М. 1875. Цѣна 1 руб.

Сабанѣевъ. Тетеревъ-косачъ. М. 1876. Цѣна 1 руб.

Сафоновъ, А. Царствованіе Императора Александра II. М. 1897. Цѣна 1 руб. (Главы: Крымская война. Покореніе Кавказа. Война за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Завоеванія и пріобрѣтенія въ Азіи).

Святыни и древности великаго града Кіева. Съ 7 рисунками. С.-Пб. 1867. Цѣна 15 коп.

Сергѣевъ, К. Якуты. М. 1898. Цѣна 3 руб.

Серебряковъ, Л. Кометы и падающія звѣзды. Съ 25 рисунками. М. 1895.

Симонова, Л. По русской землѣ: Эзе (изъ быта остяковъ). С.-Пб. 1884. Цѣна 50 коп.—Ильдіа (изъ быта самоѣдовъ). С.-Пб. 1887. Цѣна 30 коп.

Соколовскій, А. Шекспиръ для юношества (переводъ въ стихахъ): 1) Король Лиръ и 2) Макбетъ. С.-Пб. 1884. Цѣна по 85 коп.

Супоневъ, А. Разсказы о севастопольцахъ. С.-Пб. 1895. Цѣна 10 коп.

Титовъ, А. Ростовъ Великій и его святыни. С.-Пб. 1895. Цѣна 15 коп.

Тихомирова, О. Краткое наставленіе къ выкормкѣ шелковичныхъ червей шелковицей и скорцонеромъ. Съ 14 рисунками. М. 1896. Стр. 42. Цѣна 10 коп.

Тихомирова, О. Краткое описаніе жизни шелковичнаго червя. Съ 12 рисунками. М. 1896. Стр. 29. Цѣна 10 коп.

Тихомирова, О. Скорцонеръ, какъ кормъ шелковичнаго червя. М. 1896. Стр. 16. Цѣна 5 коп.

Тихомірова и *Богданова.* Чтеніе внѣ класса. Выпускъ I. Обезьяны, попугаи и слоны. М. 1873. Цѣна 35 коп.

Толстой, гр. А. К. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. С.-Пб. 1896. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Толстой, гр. Л. Н. Дѣтство и отрочество. М. 1887. Цѣна 2 руб. (Статьи: 1. Охота. 2. Юродивый Гриша. 3. Разлука. 4. Дѣтство. 5. Гроза).

Толычева, Т. Благовѣщеніе. М. 1886. Цѣна 15 к.

Толычева, Т. Наталья Борисовна Долгорукова и березовскіе ссыльные. М. 1890. Цѣна 15 коп.

Турбинъ. Волга и Поволжье. С.-Пб. 1875. Цѣна 30 коп.

Турбинъ. Днѣпръ и Приднѣпровье. С.-Пб. 1880. Цѣна 75 коп.

Тургеневъ, И. Отдѣльно изданные книгопродавцемъ Глазуновымъ разсказы: 1) Однодворецъ Овсянниковъ. Цѣна 4 коп. 2) Пѣвцы. Цѣна 4 коп. 3) Бѣжинъ Лугъ. Цѣна 6 коп. 4) Бирюкъ. Цѣна 4 коп. 5) Хорь и Калинычъ. Цѣна 4 коп. 6) Льговъ. Цѣна 4 коп. 7) Касьянъ съ Красивой Мечи. Цѣна 5 коп. 8) Лебедянь. Цѣна 4 коп. 9) Живыя мощи. Цѣна 4 коп. 10) Лѣсъ и степь. Цѣна 5 коп. 11) Пегасъ. Цѣна 6 коп. 12) Пожаръ на морѣ. Цѣна 5 коп. 13) Поѣздка въ Полѣсье. Цѣна 6 коп. 14) Собака. Цѣна 4 коп. 15) Бригадиръ. Цѣна 7 коп.

Турскій, Д. Остяки. М. 1898. Цѣна 6 коп.

Туръ, Евгенія. Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англійскаго. М. 1895. Цѣна 1 руб.

Фигье, Л. Жизнь насѣкомыхъ. С.-Пб. 1869. Цѣна 4 руб.

Фигье, Л. Жизнь растеній. С.-Пб. 1870. Цѣна 4 руб.

Фонъ-Визинъ, Д. Бригадиръ. Комедія. М. 1885. Цѣна 6 коп.

Фонъ-Визинъ, Д. Двѣ его комедіи: „Бригадиръ" и „Недоросль", изд. А. Суворина. („Дешевая библіотека"). С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Фурманъ, П. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть для дѣтей. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Фурманъ, П. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческій романъ для дѣтей. С.-Пб. 1894. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Фурманъ, П. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. С.-Пб. 1896. Цѣна 75 коп.

Фурманъ, П. Саардамскій плотникъ. С.-Пб. 1895. Цѣна 75 коп.

Фурманъ, П. Сынъ рыбака — Ломоносовъ. С.-Пб. 1890. Цѣна 50 коп.

Хитровъ, М. Евстаѳій Плакида. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I и начала II столѣтія. М. 1888. Цѣна 50 коп. — М. 1896.

Хрущовъ, И. Пѣсня о стародавней порѣ. С.-Пб. 1891. Цѣна 10 коп.

Чаевъ. Богатыри. Романъ изъ временъ Императора Павла. М. 1872. Цѣна 3 руб. (Статья: Переходъ Суворова черезъ Альпійскія горы).

Черты изъ жизни извѣстнаго филантропа Іоанна Оберлина, бывшаго пастора въ Штейнталѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1867. Цѣна 50 коп.

Чистяковъ, М. Богъ въ природѣ (по *К. Фламмаріону*). С.-Пб. 1884. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Чистяковъ, М. Весна. Новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта. С.-Пб. 1871. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Лѣто. С.-Пб. 1870. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Осень. С.-Пб. 1872. Цѣна 2 руб. 50 коп.— Зима. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Чистяковъ, М. Охотничьи разсказы, выбранные изъ „Журнала для дѣтей". С.-Пб. 1873. Цѣна 2 руб.

Чистяковъ, М. Разсказы изъ жизни животныхъ. С.-Пб. 1883. Цѣна 75 коп.

Чистяковъ, М. Разсказы изъ отечественной исторіи для средняго возраста. С.-Пб. 1872. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Чистяковъ, М. Разсказы изъ путешествій. С.-Пб. 1880. Цѣна 2 руб.

Чистяковъ, М. Русскіе историческіе разсказы. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Чуди. Альпійскій міръ. С.-Пб. 1873. Цѣна 4 руб.

Чудиновъ, А. (редакторъ). „Русская классная библіотека". Пособіе для изученія литературы. Выпускъ XVII—Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. С.-Пб. 1894. Цѣна 45 коп. (Статьи: „О время!" и „Были и небылицы").— Выпускъ XXII — Василій Никитичъ Татищевъ (1685—1705). Духовная моему сыну. С.-Пб. 1896. Цѣна 30 коп.

Штейнгауеръ, И. Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1895. Стр. 39. Цѣна 10 коп.

Щербина. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Языковъ, М. Стихотворенія. С.-Пб. 1887. Цѣна 40 коп. (сказка: „Жаръ-Птица").

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Изданную *К. Тихомировымъ* книгу: „Катихизисъ химическихъ производствъ. II. Жиры, жирныя масла, жирныя кислоты, мыловареніе и глицериновое производство. Краткій технологическій очеркъ и справочная книга. (55 рис. въ текстѣ и 5 таблицъ). Составилъ *Е. И. Орловъ*, преподаватель и руководитель работъ въ химическихъ мастерскихъ химико-техническаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, съ участіемъ мастера Д. П. Киселева. Москва. 1900 г."—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ химико-техническихъ училищахъ.

— Книгу *Гартманна*: „Руководство къ токарнымъ работамъ по металлу. 4-е изданіе руководства въ совершенно новой обработкѣ инженера Ф. Неймана. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ атласомъ, содержащимъ 29 таблицъ чертежей. Изд. *К. А. Казначеева*. Москва. 1899 г. Цѣна 2 р."—допустить въ библіотеки тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ которыхъ преподается обработка металловъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 14-го сентября 1900 года открыто инородческое для чувашъ училище въ дер. Айгулевой, Уфимской губерніи, Стерлитамакскаго уѣзда, при 70 учащихся. 2-го октября 1900 г. преобразовано Каймашебашевское, Уфимской губерніи, одноклассное инородческое училище въ двухклассный составъ, при 59 учащихся и 2-го того же октября открыты въ Бирскомъ уѣздѣ русско-башкирскія начальныя училища: Четырмановское при 32 учащихся, Усть-Багазинское при 30 учащихся и Явгильдинское при такомъ же количествѣ учащихся.

— 16-го сентября 1900 года состоялось преобразованіе Порплицкаго, Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, народнаго училища въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ въ это училище поступило 43 ученика.

— 21-го сентября 1900 года открыта въ Кинь-Аральской волости, Кустанайскаго уѣзда, Сарыбелевская аульная школа.

— 9-го октября 1900 года состоялось открытіе низшей ремесленной школы въ сл. Николаевской, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, учрежденной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го ноября 1899 года. Въ составъ учащихся принято 18 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, большею частью изъ окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— 10-го октября 1900 года открыто мордовское училище въ дер. Алешкиной, Стерлитамакскаго уѣзда, при 20 учащихся и 16-го того же октября открыто русско-черемисское начальное училище въ дер. Малыхъ Шидахъ, Уфимскаго уѣзда, при 22 учащихся.

— 20-го октября 1900 года открыто Щербиновское, Екатеринославской губерніи, двухклассное министерское училище при 200 учащихся.

— 28-го октября 1900 года открыто въ с. Гостомелѣ, Кіевскаго уѣзда и губерніи, двухклассное министерства народнаго просвѣщенія начальное училище при 120 учащихся, 29-го того же октября Трипольское сельское одноклассное училище, названныхъ уѣзда и губерніи, преобразовано въ двухклассный составъ при 200 учащихся и 1-го ноября 1900 г. открыто въ с. Николаевкѣ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, двухклассное начальное училище, при 80 учащихся.

— 30-го октября 1900 года открыто въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, Толбазинское русско-башкирское училище, при 12 учащихся.

— 1-го ноября 1900 года открыто одноклассное сельское начальное народное училище въ с. Черной, Балтскаго уѣзда, при 36-ти учащихся (26 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ).

— При Плосковскомъ одноклассномъ министерскомъ училищѣ, Тираспольскаго уѣзда, открытъ классъ ручнаго труда на спеціальныя средства названнаго училища.

— 25-го августа 1900 года открыты въ Тургайскомъ уѣздѣ Биктасовская и Турлубековская аульныя школы,—первая при 25-ти учащихся и вторая—при 20-ти.

— 13-го ноября 1900 года открыто въ с. Самчикахъ, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, одноклассное министерское народное училище при 13 учащихся и 21-го того же ноября Подлужанское одноклассное народное училище Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи, преобразовано въ двухклассное народное училище при 110 учащихся.

— 1-го ноября 1900 года въ с. Острожкѣ, Новоградволынскаго уѣзда, Волынской губерніи, открыто одноклассное народное училище при 30 учащихся и 5-го того же ноября Домбровицкое одноклассное народное училище Ровенскаго уѣзда, той же губерніи, преобразовано въ двухклассное народное училище при 158 учащихся.

„РОССІАДА“ ХЕРАСКОВА И „ИСТОРІЯ О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ“ [1]).

Въ своемъ „Историческомъ предисловіи“ къ „Россіядѣ“ Херасковъ говоритъ: „Издавая въ свѣтъ сей восьмилѣтній мой трудъ, чувствую несовершенство и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими Епическими поемами...

Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на Исторической истинѣ; сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупивъ къ тому нѣкоторыя анекдоты, доставленныя мнѣ изъ Казани тамошнимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій. Но да памятуютъ мои читатели, что въ Епической поемѣ, вѣрности Исторической, какъ напротивъ въ лѣтописаніяхъ поемы искать не возможно. Многое отметалъ я; переносилъ изъ одного времяни въ другое; изобрѣталъ, украшалъ; творилъ и созидалъ! Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить“ [2]).

Что Херасковъ при своей работѣ пользовался разными источниками, видно, между прочимъ, и изъ примѣчаній къ отдѣльнымъ стихамъ. Такъ, напримѣръ, къ стиху, которымъ начинается рѣчь Іоанна

---

[1]) Читано 28-го октября 1900 года въ Неофилологическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ.

[2]) „Россіяда. Ироическая поема. Печатана при *Императорскомъ Московскомъ* университетѣ 1779 года“. Стр. 4—5 („Предисловія“). И дальше я пользуюсь этимъ изданіемъ, но въ виду его рѣдкости позволяю себѣ указывать соотвѣтствующія страницы изданія „Россіады“ подъ редакціей *А. Н. Чудинова*: „Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Выпускъ XX-й *М. М. Херасковъ*. (1733—1807). Россіада. Поэма въ XII-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова“. Спб. 1895.

Грознаго къ боярамъ („О! вы, которыя державу мнѣ вручили"), сдѣлано примѣчаніе: „Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной говоренной царемъ І. В. при тогдашнемъ случаѣ" [1]).

Въ примѣчаніи къ стиху: „Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ" читаемъ: „Подлинное его имя Уланъ Кощакъ" [2]).

На стр. 45 въ стихѣ: „Казанскій князь Сагрунъ заслуги изчисляетъ" къ слову „Сагрунъ" сдѣлано примѣчаніе: „Подлинное его имя Чапкунъ" [3]).

На стр. 139, въ примѣчаніи къ стиху: „Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой", сказано: „Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіи г. профессора Лепехина" [4]). На стр. 167, о „Вассіянѣ", въ примѣчаніи, сказано: „Сей Вассіянъ, или Савастіянъ, сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ" [5]). На стр. 222, къ стихамъ:

„Ты, Слава, подвиги Россійскія любила,
Казанской брани ты донынѣ не забыла;
Повѣдай мнѣ теперь геройски имяна,
Вѣнчанныя тобой въ прошедши времяна"

сдѣлано примѣчаніе: „Сіе описаніе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято" [6]).

На стр. 223 о Розмыслѣ читаемъ, въ примѣчаніи: „Кто сей Розмыслъ былъ въ Исторіи не означено" [7]). На стр. 265, въ примѣчаніи, читаемъ: „О семъ волхвованіи лѣтописатели тогдашнихъ времянъ согласно утверждаютъ" [8]).

Занимаясь „Исторіей о Казанскомъ царствѣ", или т. н. Казанскимъ лѣтописцемъ, я интересовался собственно вопросомъ, былъ ли знакомъ Херасковъ съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ".

„Исторія о Казанскомъ царствѣ" была весьма распространена [9]), и

---

1) „Россіяда", стр. 20 прим.; „Россіада", изд. 1895 г., стр. 24, прим.
2) „Россіяда", стр. 39, прим.; „Россіада", изд. 1895 г., стр. 41, прим.
3) „Россіяда", стр. 45, прим.; „Россіада", изд. 1895 г., стр. 47, прим.
4) „Россіада", изд. 1895 г., стр. 132, прим.
5) „Россіада", изд. 1895 г., стр. 157, прим.
6) „Россіада", изд. 1895 г., стр. 207, прим.
7) „Россіада", изд. 1895 г., стр. 209, прим.
8) „Россіада", изд. 1895 г., стр. 247, прим.
9) См. *С. М. Шпилевскій*. Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань 1877. Стр. 552—556. См. *В. С. Иконни-*

въ XVIII вѣкѣ чтеніе ея, по выраженію ея издателя, не непріятно было любителямъ исторіи [1]): вполнѣ естественно, что Херасковъ, восемь лѣтъ работавшій надъ „Россіадой“, познакомился, въ числѣ другихъ „письменныхъ извѣстій“ о Казани, и съ „Исторіей“. О ней онъ могъ узнать, между прочимъ, и изъ „Опыта Казанской исторіи“ П. Рычкова. (Спб. 1767. Стр. 66, примѣчаніе.—Приведено ниже).

Это—съ одной стороны, а съ другой—вотъ данныя.

„Россіяда“, стр. 126 — 127 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 120—121):

Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
Вступалъ [2]) Россійскія державы на границу.
Тамъ видитъ ярости Казанскія слѣды,
Разлившіяся вкругъ, какъ быстрый токъ воды́:
Взведетъ ли Іоаннъ слезами полны взоры,
На долы томныя, на возвышенны го́ры,
На храмы Божіи, на селы, на пески;
Все ризой черныя одѣянно тоски;
Въ крови, является, сожженны домы топутъ,
Дымятся вкругъ поля̀; лѣса̀ и рѣ́ки стонутъ.
Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
Внимая плачъ вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ.
Печальны матери воителей встрѣчаютъ,
У коихъ слезы взоръ и лица помрачаютъ,
Терзая грудь свою едина вопіетъ:
Мой сынъ, любезный сынъ, тебя во свѣтѣ нѣтъ!
Я видѣла его на части раздробленна,
Моя надежда съ нимъ и пища погребенна;
Отмстите за него!.. Упала ницъ она,
И вышла изъ нее душа тоски полна.
Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
Подъемлется съ одра трепещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюда похищенъ, вѣщаетъ, мой покой;
Недавно набѣжавъ грабители суровы,
Вложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы.
. . . .

ковъ. Опытъ русской исторіографіи. Стр. 728, 741, 786, 855, 887, 890, 931, 951, 1001, 1007, 1038, 1045, 1046, 1092, 1156, 1210, 1245, 1309. См. *Г. Кунцевичъ*. Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки). (Оттискъ изъ „Сборника“ Акад. Наукъ. Печатается).—Въ настоящее время мнѣ извѣстно около 170 списковъ.

[1]) „Предувѣдомленіе“ въ печ. изд., стр. 1.

[2]) Царь Іоаннъ Васильевичъ.

„Россіяда", стр. 129 — 130 (=„Россіада", изд. 1895 г., стр. 122—123):

„Взведи [1]) глаза кругомъ, и слухъ твой приклони,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни;
Младенцы бѣдныя о камень пораженны,
Текуща кровь по нихъ, и домы въ прахъ сожженны,
Повелѣваютъ намъ отмщеньемъ поспѣшать;
Зря пламень, можно ли намъ жаръ свой потушать?
Когда царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва блѣдный видъ имѣюща вбѣжала,
Скрывающи ея печальныя красы
Прилипли ко лицу заплаканну власы,
Потокомъ слезъ она стенящу грудь кропила,
И руки протянувъ къ Монарху возопила:
. . . .
...Ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
„Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечь во грудь стенящу,
Пустите душу вонъ къ любезному хотящу;
Скончайте съ жизнію и муку вдругъ мою.
Стыда я моего предъ вами не таю:
Любовной страстію къ любезному возженна,
Ужѐ была я съ нимъ закономъ сопряженна;
Ужѐ насъ брачныя украсили вѣнцы;
Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ творцы,
Казанцы лютыя, въ Господній храмъ вломились,
И брачныя свѣщи въ надгробны претворились;
Оковы нѣжныя, связующія насъ,
Кровавыя мечи разторгли въ оный часъ;
Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно,
На мѣсто: я люблю! сказалъ: прости мнѣ, вѣчно!
Рвалася я изъ рукъ, произносила стонъ;
Но далѣ что вѣщать?... поруганъ и законъ!"
. . . .

„Россіяда", стр. 132 (= „Россіада", изд. 1895 г., стр. 125—126).

„Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Саканскій лѣсъ,
Въ предѣлахъ скипетру Россійскому подвластныхъ,
Вездѣ встрѣчается и стонъ, и плачъ несчастныхъ;
Стрѣлами ужаса изгнанны изъ домовъ,
Сокрылись жители во глубину лѣсовъ;
Надежнѣе для нихъ среди звѣрей жилище;
О чадахъ не радятъ, о паствѣ, ни о пищѣ;

---

[1]) Говоритъ Іоаннъ „некоему мужу, украшенному сѣдиной", который совѣтовалъ ему „укротить на время ратный жаръ".

Волы, забывъ яремъ, безъ пастыря ревутъ,
И странствуя въ лугахъ, траву поблеклу рвутъ;
Стада, призрѣнія и прежнихъ нѣгъ лишенны;
Тамъ селы кажутся въ пустыни превращенны;
Повсюду бѣдности и смертной грусти видъ,
Слѣды мучительства, насилія, обидъ“.

„Россіяда“, стр. 225—226 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 211).

„На рвы глубокія, на стѣны [1]) царь возрѣвъ,
Почувствовалъ въ душѣ крушеніе, не гнѣвъ;
Вообразилъ себѣ обиды, страхи, брани,
Которыя несла Россія отъ Казани;
Воспламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
Которыхъ на стѣнахъ еще дымится кровь;
Воображаетъ онъ невольниковъ стенящихъ,
О помощи его въ отчаяньѣ молящихъ;
Вникаетъ гласъ вдовицъ, онъ видитъ токи слезъ;
Простерты длани зритъ, ко высотѣ небесъ,
И слышитъ вопль сиротъ на небо вопіющихъ,
Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ“.

„Исторія о Казанскомъ царствѣ“, рукопись В. М. Ундольскаго № 774, гл. 23 [2]) (Ср. печ. изд. гл. XXIV): (л. 39 об.) „О пленении казанъцевъ на рускую землю и оскверпении отъ нихъ святыхъ церквей і о наругании крестьяномъ“.

---

[1]) Казани.

[2]) Текстъ беру изъ рукописи Ундольскаго, потому что онъ исправнѣе печатнаго. При печатаніи текста принято: ѧ, ꙗ=я; ѡ=о; оу, ꙋ=у; ї=і; титла раскрыты; надстрочныя буквы внесены въ строку и послѣ нихъ, смотря по надобности, поставленъ ъ или ь; надстрочные знаки (паерокъ, придыханіе, точки) опущены, прибавленное мною поставлено въ квадратныя скобки; что въ круглыхъ скобкахъ, взято изъ рукописи Московской Духовной Академіи № 98. Знаки препинанія мои.

О рукописи *Ундольскаго* № 774 см. „Рукописи славяно-русскія В. М. Ундольскаго“. М. 1870 г. стр. 22. Это—древнѣйшій списокъ изъ всѣхъ, которые мнѣ болѣе или менѣе извѣстны, конца XVI вѣка—начала XVII вѣка. Описаніе рукописи см. въ статьѣ *Г. Кунцевича*, „Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки)“. Стр. 39—54.

О рукописи М. Д. Ак. № 98 см. у архим. *Леонида*, „Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.“ стр. 156. („Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древностей россійскихъ“, 1883 г. кн. 2-я). Описаніе рукописи см. въ упомянутой статьѣ *Г. Кунцевича*, стр. 60—85. Рукопись съ рисунками. (Другой списокъ „Исторіи“ съ рисунками въ библіотекѣ Ак. Н.—№ 34. 6. 64=№ 48 по „Каталогу“ *Соколова*, 1818 г., стр. 16).

(Л. 40)....„И кто убо тогда, о вернии, изрещи может бывшия великия беды за многа лѣта отъ казанцевъ и отъ поганыя черемисы ихъ, православнымъ хрестияномъ, паче батыя! Онъ бо единою протекъ рускую землю......... казанцы же не тако, но всегда изъ земля нашея не изхождаху, овогда убо со царемъ воююще и пленяюще, и яко пшеницу пожинають и яко соды посекають руские люди и кровь (л. 40 об.) ихъ, яко воду, проливающе по удолиямъ, покоя християнамъ и тихости на всякъ часъ не дающе, и никому же отъ нашихъ князей и воеводъ могущу супротивъ ихъ стати, ни возбранити отъ таковаго ихъ зверства и безчеловѣчия и суровства.... Все[мъ] тогда людямъ бѣ тоска велика, въ краи живущимъ варваръ техъ, и у всехъ вѣрныхъ людеи горки слезы отъ очию тецаху, и болши домовеи своихъ въ пустыняхъ лѣса и въ пещерахъ горнихъ крыющеся живяху з женами и з детми, варваръскаго ради пленения; овии же, оставляюще домы своя пусты и родъ, и племя своя, и страну отечества своего, въ неи же родишася и воспитани быша, и преселение творяху оттуду въ глубочаишую русь, идѣ же (л. 41) варвари тии не ходять. И что много глаголю? Отъ частаго бо ихъ нахождения и пленения мнози рустие грады велицыи до основания низложени быша и отъ очию человѣкъ не познаваемы быши............. (л. 41 об.) и надъ девицами мирскими предъ очима отци і (л. 42) матереи ихъ безаконие и мерзское блудное дѣло, не срамляющеся, творяху, такожде и надъ женами пре[дъ] очима мужеи ихъ, еще же надъ старыми женами...... И нѣсть мочно таковаго безокония ихъ подобно и[с]чести, понеже бо то все самъ язъ своима очима видехъ и пишу свѣдая горкое повѣдание. Православнии же крестьяня по вся дни казанъскими срацыны и черемисою въ пленъ ведоми бываху, и старымъ и непотребнымъ имъ очи избодаху, и уши и носъ и уста обрезоваху, и зубы изкореневаху, и ланита выламляху, и тако и пометаху, конечно дышущихъ, и овемъ же руце и нозѣ [1]) отьсекаху, и, яко бездушенъ каменъ, по земли тело валяшеся, и по мале часѣ умираше, овии же человѣкы усекаеми (л. 42 об.), овехъ же, на полы пресецающе, погубляху и овехъ, на же[лѣ]зныхъ удищахъ за ребра и за пазуси и за ланиты пронизающе, повешаху, а овехъ на вострая колъя окола града своего посажаху и позори дѣяху и смехъ великъ. Оле, царю христе терпѣния твоего! І сие же паче и злѣе сихъ реченныхъ—и младенца незлобивая отъ пазухъ матереи ихъ и смеющихся, и играю-

---

[1]) Изъ рук. М. Д. А. № 98; въ рук. Ундольскаго: незе.

щихъ и ручицы [1]) своя яко отцемъ своимъ любезно имъ подавающихъ, тѣхъ, окаяннии кровопиицы, за гортани похитивше, задавляху и, за нози емлюще, о каменъ и о стену разбиваху, и, на копияхъ, прободающе, поднимаху........ (л. 43) И хъто тогда жестокъ, каменосердеченъ горце не возплакася, глаголющи: о горе, увы! и видяще отцы и матери отъ чадъ своею разлучаему....... Подружие отъ подружия своего растовашеся живымъ растаяниемъ... Овии же новобрачьни суть, яко единъ день, или множая два, поживше, овииже ни тако, но еще токмо по законному браку обручившеся и отъ церкве въ домъ свои идуще, венчание приемши у презвитера своего, и не познавшемася горлицы съ супр(уг)омъ своимъ и тако же [2]) разлучахуся, женихъ съ невестою, и другъ отъ друга безъ вести (л. 43 об.) бываху я(ко) зверми разхищаеми, невѣдомо [ис] [3]) пустыня пришедшим[и] [4]); овии же во благоденстве кипяще, яко древнии аврамъ, і нищая удоволяюще, и страные упоевающе, и церковная іерея почитающе, и пленныя, у варваръ откупающе, на волю пущающе, — и многими деньми собранное у нихъ богатество в мегневении очиомъ [5]) поганыхъ руками разграбляему изгобоше, они же во единъ часъ нази остаху...... и во убожестве и въ нищете горце дни своя препровожаху, туне ходяще и просяще укроха хлебнаго......... Казанцы же, преводяще к собѣ въ казанъ пленную русъ, и прелщаху, и принуждаху ихъ мужескъ полъ и женескъ мусурма (л. 44) (н) скую веру ихъ прияти.... не хотящихъ же веры ихъ прияти убиваху, и овехъ, яко скотъ, толпами привязанныхъ держаху, и на торгу продаваху иноземцемъ купцемъ же, поганымъ человѣкомъ, во иныя страны далече.... И бѣ скорбь велика въ руской земле и везде про(и)зхождаше плачь велигласенъ и горекъ и неутѣшимъ отъ языка погана и неправедна, і отъ языка студа и злобы исполнен(а) [6]); и отъ человѣкъ сердецъ милостивыхъ неимущихъ“.

„Россіада“, стр. 43—44 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 45—46).

„И се! является казанскихъ золъ рачитель,
Сеитъ, закона ихъ начальникъ и учитель;

---

[1]) Изъ рук. М. Д. А. № 98; въ рук. Ундольскаго: кроучи҃и.

[2]) Въ рук. М. Д. А. № 98 „же“ нѣтъ.

[3]) Въ рукописи Ундольскаго: и҃с.

[4]) Въ рукописи Ундольскаго: пришедшимъ.

[5]) Въ рукописи М. Д. А. № 98: в мегновѐнію оч҄ію.

[6]) Въ рук. Ундольскаго: исполненъ.

Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
Или кровавыми мечами окруженъ,
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи,
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи,
Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ;
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собранье онъ вбѣжалъ;
. . . .
Собравъ разстроенныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося сей старецъ возгласилъ:
О! братія мои, и други! горе! горе!
. . . .
Ходилъ не давно я спокоить духъ смущенный,
На Камскія брега, во градъ опустошенный,
Опредѣленіе проникнути небесъ;
Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И вопрошалъ духовъ во градѣ семъ живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
И се покрылися чертоги чернымъ дымомъ,
Увидѣлъ я изъ нихъ летящую змію,
Какъ громъ вѣщающу, погибель мнѣ сію:
Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
И вы погибнете и я погибъ на вѣки;
Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
Внимающій сіе окамененъ я сталъ".

Ср. рукопись Ундольскаго № 774, л. 67 об.—69, гл. 32-я (= печ. изд. гл. XXXIV, стр. 127—9):

„К сему же и се третее знамение при мнѣ же бысть,—еще (л. 68) бо ми тогда живущу не въ коемъ улусе казанскомъ. Малъ градецъ, пустъ, на брезе высоцы камы реки стоя, его же русь имянуетъ бѣсовъское городище, въ немъ же живяше бѣсъ, мечты творя отъ многа лѣтъ; и то бѣ еще старыхъ болгаръ мольбище жертвеное, и схожахуся ту людие мнози, исо взея земли казанские, варвари и черемиса, мужи и жены, жруще бѣсу, и о полезныхъ себѣ вопрошаху ту сущихъ волхвъ. Нерадениемъ минующихъ его уморяще, не помянувшихъ [1]) ему ничто же и плавающихъ рекою опроверзаше лодия и потопляше въ реце—чюдо же і о християнехъ некихъ погубляше—темъ никто же смѣяше нроехати его, не повергъши мало что отъ рухла своего; къ вопрошающимъ отвѣты невидимо отдаяше жерцы своими—

[1]) Въ рукописи М. Д. А. № 98: не помѣтнувшихъ.

приездяху (л. 68 об.) бо (к) (н)ему волхвы—и кому же долголѣтъствие сказываше, смерть, и здравие, и немощи, и убытцы, и на землю ихъ пленение, и пагуб(у) [1]), и всяку скорбь; и на воину пошедше жряху ему, совопрошающе волъхвы, аще з добыткомъ или со тщетою возвратятца. Бѣсъ же все проявляше имъ и прелщаше, овогда же и лгаше. И посла тогда царица самого сеита казанскаго вопрошати, аще одолѣетъ казанъ московъскои царь і князь великии іли казанъцы его одолѣютъ. И въ десятыи день в полудне едва отозвася имъ гласъ отъ бѣса, въ мечете, глаголюще, всемъ людямъ слышащимъ: „Что стужаете ми? Уже бо отныне нѣсть вамъ надежды на мя и помощи (л. 69) мала, отхожу бо отъ васъ въ пустая мѣста і непроходная, прогнанъ христовою силою. Приходитъ бо сюда со славою своею и хощетъ воцаритися в земли сеи и просвѣтитъ ю святы(м) крещениемъ“. И по малѣ часѣ явися дымъ чернъ и великъ изъ нутра града, изъ мечети, на воздухъ, и се излѣтѣ змии огнянъ и на западъ полете, всемъ намъ зрящимъ и чюдящимся, и невидимъ бысть изъ очию нашею. И разумѣша вси бывшии ту, яко изчезе живот ихъ“.

„Россіяда“, стр. 46—47, 208 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 47—48, 195).

(*Пѣснь третія*).

„Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является въ дали, какъ новый Евкеладъ,
Который будто бы возсталъ, пресиливъ адъ;
То князь былъ Асталонъ; онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ сломить удобенъ,
Отваженъ и свирѣпъ, сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ:
Се! въ помощь къ вамъ пришелъ, безстрашный Асталонъ;
Я слова украшать цвѣтами не умѣю;
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю,
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;

[1]) Въ рукописи Ундольскаго: пагуба.

Вотъ опытъ силъ моихъ, вскричалъ: спасайтесь мною!
Хощу я вашей быть въ сраженіи стѣною,
Готовъ я гнать одинъ россійскія полки;
Не требую во мзду Царицыной руки"...

(*Пѣснь девятая*).

Сагрунъ, казанскій князь, хотѣлъ убить спящаго Асталона,
„Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
Браздами загремѣлъ строптивый конь [1]), заржалъ;
Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечъ хватился;
Но мечъ его Сагрунъ уже въ рукахъ имѣлъ;
Смутился Асталонъ, и на коня взлетѣлъ;
Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтьвистое древо;
Сагрунъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
Но рыцарь Сагруна за выю ухватилъ,
И буйнаго коня здержать не въ силахъ болѣ,
Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле;
Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ;
Крутился, возпрядалъ, ногами воздухъ билъ:
И се въ полночный часъ неумерщвленна злоба,
Въ лицѣ Османовомъ воставъ изъ хладна гроба,
Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагамъ текла;
И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала;
Пріявъ ихъ всѣхъ на дно Казанка зашумѣла.
Такой конецъ вражда и злоба возымѣла!"

Ср. рукопись Ундольскаго № 774, гл. 19-я, л. 30 об.—31 (= печ. изд. гл. XX, стр. 70—71).

Въ 7038-е лѣто, іюля въ 16-ый день, русскіе взяли крѣпкій острогъ, защищавшій посады Казани, сожгли его и посады, и бывшихъ въ немъ „срацынъ" всѣхъ „избиша, аки скотъ, числомъ. з҃. тысячь"... „Ту же, наскочивъ, вои избодоша копьи силнаго варвара аталыка, спящу ему в шатре своемъ з женою своею на дворе своемъ, упившуся виномъ и не успевшу ему скоро отъ сна воспрянути и возложит[и] на сибя панъсыря и шлема ни палицы железные, ни меча похватит[и] в руку свою, но тако [2]) скочи с оторопа, в однои срачицы, на конъ свои, и безъ пояса, и не обувенъ в сапозе, ни плесленицъ [3]) имуще, и хоте во градъ убежати; и понесе конъ его изо острога на

[1]) Асталона.
[2]) Въ рукописи: в' тако.
[3]) Въ рук. М. Д. А. № 98: ни плеснйцъ.

(л. 31) поле к реце к булаку и аки крылатъ конь его реку прелетѣ, онъ же отъ страха не удержася и спаде съ коня своего, и остася на сеи странѣ, а на друзеи стране бежаше [1]) конъ его; и ту на брезе убиша аталыка похвалнаго воеводу казанского. А наеждаючи на р̃. воинъ, на великъ полкъ удалыхъ боицовъ и возмужаще всеми полки рускими и многихъ убивъ, а самъ отъезжаше прочь, и, догоняя, коего(ж)до мечемъ своимъ разтинаше [2]) на двое, до седла, не удержавася бо мечь его ни (въ) шлемѣ, ни в пансыре; и стреляше дале версты в примѣту, и убиваше птицъ или зверя, или человѣка; величество же и ширина его телѣси—аки исполинъ, очи же его бѣша кровавы, аки зверя человѣкоядца, велики, аки буиволовы. И бояся его всякъ человѣкъ русинъ, воевода и воинъ, противъ его выехатъ і с нимъ братися не сме, но все отъ его взора страшахуся“ [3]).

„Россіяда“, стр. 20—21 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 24—25): Рѣчь Іоанна къ боярамъ [4]), гдѣ онъ упоминаетъ о Святославѣ, Владимирѣ Святомъ, Великомъ Мономахѣ.

„Смиряяся Комнинъ въ знакъ мира наконецъ,
Ему [5]) приноситъ въ даръ порфиру и вѣнецъ;
Я сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю“.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LII, въ рукописи Ундольскаго гл. 49.— Къ этой же главѣ „Исторіи“ относится, по содержанію, и то, что въ „Россіядѣ“ на стр. 134—135, 136 (=„Россіада“ изд. 1895 г., стр. 128 вверху, 129).—Ср. Степен. книга I, 247 и др. См. И. Н. Ждановъ. Рус. был. эпосъ. Стр. 62—151.

„Россіяда“, стр. 39, 40, 49—54 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 41, 42, 51—55): Сумбека любитъ князя Османа [6]).

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXXVI, стр. 132—135, въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 71 об.

„Россіяда“, стр. 211—215 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 199—201): Плачъ царицы (Сумбеки).

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXXIX, стр. 144—147; въ рукописи Ундольскаго гл. 38.

---

[1]) Въ рук. М. № 98: бѣгаше.

[2]) Въ рукописи М. Гл. Архива М. И. Д. № 95/125, 1-ой половины XVII вѣка: рассецаше.

[3]) Изъ рукописи Архива 95/125. Въ рукописи Ундольскаго: страхъ.

[4]) См. выше примѣчаніе Хераскова къ этой рѣчи.

[5]) Великому Мономаху.

[6]) См. выше примѣчаніе о немъ Хераскова.

„Россіяда“, стр. 143—144, 145 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 136, 137): По просьбѣ свирѣпаго Киремета, Волга преграждаетъ путь плывшей по ней Московской рати: крушеніе. Казанцы стрѣляютъ съ береговъ и бьютъ выплывающихъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XIX, стр. 63 и пр. 49; въ рукописи Ундольскаго гл. 18.

„Россіяда“, стр. 162—164 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 153, 154): Алей, „задумчивъ и рубищемъ одѣянъ“, убѣжавъ изъ Казани, разсказываетъ Іоанну о своихъ злоключеніяхъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. XXXVIII, стр. 138 — 139; гл. XVIII, стр. 59; гл. XVIII, стр. 59 — 60; въ рукописи Ундольскаго гл. 33, 16, 17.

„Россіяда“, стр. 164, 198 — 199, 200, 201 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 154, 186, 187, 189): Гирей избавляетъ друга своего Алея и умираетъ за него.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXVIII, стр. 102—107; въ рукописи Ундольскаго гл. 25.

Какъ извѣстно, „Россіяда“ напечатана впервые въ 1779 г. До этого времени изъ источниковъ о казанскихъ походахъ была напечатана Царственная книга, въ 1769 г., и Степенная книга (ч. II, въ 1775 г.) [1]. При чтеніи „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ можно видѣть, что она имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большое сходство съ Царственной и Степенной книгой [2]): въ „Россіядѣ“ можно указать и такіе стихи, въ соотвѣтствіе которымъ можно привести страницы какъ „Исторіи“, такъ и Царственной и Степенной книги.

Вотъ эти мѣста.

„Россіяда“, стр. 29—31 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 32—34): Царица со слезами упрашиваетъ Іоанна остаться, бояре тоже. Царь непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи идти.

„Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
Супругъ и царь тогда достойный я не буду“.

---

[1]) „Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ“, ч. I (до 1094 г.), какъ извѣстно, вышла въ въ 1767 г., ч. II (до 1237 г.)—въ 1768 г., ч. III (до 1362 г.)—въ 1786 г., ч. VII (1535—1598 г.)—въ 1791 г.

[2]) См. *С. М. Шпилевскій*. Древніе города въ Казанской губерніи. Стр. 558—560.—Дѣйствительно ли была „заимствована т. н. Казанская исторія изъ Степенной книги и Царственной, будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. LIV, стр. 195—196; въ рукописи Ундольскаго л. 118 об. Ср. Царственная книга, стр. 219—223.

„Россіяда“, стр. 104, 106, 108, 108—110, 113, 114—115, 118—120 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 100, 101, 103, 104, 104 — 105, 108, 109, 113—114): Іоаннъ двинулся на Казань. Извѣстіе о приходѣ Крымскаго хана. Совѣтъ. Посылается Курбскій. Побѣда. Татары въ страхѣ бѣгутъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LIV, стр. 190 — 194; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 112 об.—Ср. Царственная книга, стр. 229—234.·Ср. П. Рычковъ. „Опытъ Казанской исторіи“. Спб. 1767, стр. 147—148.

„Россіяда“, стр. 124 — 125, 187 — 188, 189 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 118—119, 176, 177): Походъ на Казань.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LV, стр. 196—197; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 119.—Ср. Царственная книга, стр. 252—254, 258 — 259. Ср. Степенная книга, стр. 256 — 257. Ср. П. Рычковъ. „Опытъ Казанской исторіи“. Стр. 149, прим.

„Россіяда“, стр. 195—198 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 183 — 186): Казанскій князь Сагрунъ. (См. выше примѣчаніе о немъ Хераскова).

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XLV; въ рукописи Ундольскаго гл. 43: „О прилагатае князе Чапкуне и о измене с нимъ казанъцевъ“.— Ср. Царственная книга, стр. 195, 197, 200—201. Ср. П. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 138—139, 142.

„Россіяда“, стр. 222--223 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 207—209): Іоаннъ раздѣляетъ войско „на полчища и части“. (См. выше относящееся сюда примѣчаніе Хераскова: „Сіе описаніе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято“).

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LVI; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 120.—Ср. Царственная книга, стр. 217—218. П. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 148—149.

„Россіяда“, стр. 36—37, 38—39, 40, 43 (=„Россіада“, изд. 1895 г., стр. 38—40, 41, 44—45): „Дива“.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXXV, стр. 130—132, гл. XXXII, стр. 121—125, гл. XXXIII, стр. 125—126; въ рукописи Ундольскаго гл. 29, 30.—Ср. Степенная книга, стр. 252—254; Царственная книга, стр. 167—169.

„Россіяда“, стр. 4—5, 6, 7 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 10—11,

11—12, 12): Бѣдствія Россіи въ началѣ царствованія Іоанна.—Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. XXIII, стр. 80, гл. XXIV, стр. 82—83; въ рук. Ундольскаго л. 35—35 об., л. 37, л. 37 об.—Ср. Степенная книга, стр. 243—244. II. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 113—4.

Указанныя выше, въ началѣ моей замѣтки, мѣста изъ „Исторіи“ ни въ Царственной книгѣ, ни въ Степенной не находятся, кромѣ рѣчи Іоанна къ боярамъ. (См. выше стр. 11).

Выше же было сказано, что, когда Херасковъ писалъ свою поэму, была уже издана книга П. Рычкова „Опытъ Казанской исторіи“ (Спб. 1767 г.). П. Рычковъ самъ заявляетъ, что онъ пользовался „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“ [1]). Не воспользовался ли Херасковъ книгой Рычкова и не оттого ли сходство съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“?

Раскроемъ „Опытъ Казанской исторіи“. 1) Содержаніе главы „О плененіи казанцевъ на русскую землю“ передано настолько кратко [2]), что совпаденія съ „Исторіей“ не возможны при пользованіи только „Опытомъ“. 2) Нѣтъ плача царицы Сумбеки [3]). 3) О любви Улана Кощака къ царицѣ тоже ничего не сказано [4]). 4) Хотя объ „Асталыкѣ“ разсказъ „Исторіи“ переданъ Рычковымъ довольно подробно, но опущены нѣкоторыя выраженія, которыя именно напоминаютъ нѣкоторые стихи „Россіяды“, напр.

---

[1]) „Съ прежней Казанской исторіи или лѣтописи“, говоритъ онъ, „имѣю я у себя разные списки въ разныя времена полученные, изъ которыхъ полнѣйшій сообщенъ мнѣ послѣ всѣхъ, отъ... Исторіографа Миллера... Штиль въ немъ старинный схожъ съ церковнымъ, и внесено въ него много такихъ вещей, которыя къ Исторіи гражданской существенно не принадлежатъ. Прочіе списки такого жъ штиля и содержанія; видно, что учинены изъ одного подлинника съ нѣкоторыми изъятіями и сокращеніями... Въ послѣдованіи сего опыта, всѣ оные списки сличая буду считать за одинъ, и стану изъ нихъ сокращать и вносить одно то, что покажется мнѣ вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія, и съ нынѣшнимъ состояніемъ сходственнѣе, раздѣляя оное на главы по сходству приключеній и времени“. „Опытъ“. Стр. 66 прим. — См. *Н. Барсуковъ*. „Рукописи Археографической Коммиссіи“. Спб. 1882 г., стр. 5. Ср. „Князь *Н. В. Голицынъ*. Портфели Г. Ф. Миллера“. М. 1889 г., стр. 22, рукопись № 72.

[2]) „Опытъ Казанской исторіи“. Примѣчаніе на стр. 115. Ср. „Россіяда“, 126—127 (стихи приведены выше).

[3]) См. выше „Россіяда“, стр. 211—215.—„Опытъ Казанской исторіи“. Стр. 134, пр. 1.

[4]) См. выше „Россіяда“, стр. 39, 40, 49—54.

„И буйнаго коня здержать не въ силахъ болѣ,
Лѣтѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле“...

Въ „Исторіи“: „и понесе конъ его изо острога на поле к реце к булаку и аки крылатъ конь его реку прелетѣ“ [1]).

Правда, въ „Опытѣ“ Рычкова есть пересказъ довольно близкій къ „Исторіи“. Такъ, на стр. 130 говорится о бѣсѣ, жившемъ на Камѣ въ одномъ болгарскомъ городищѣ, на стр. 101—о крушеніи лодокъ русской рати, плывшей по Волгѣ, на стр. 133—о козняхъ Сумбеки (отравленная пища, рубашка), на стр. 119—121—о Чюрѣ, спасшемъ Шихъ-Алея [2]). Но, если даже предположить, что Херасковъ именно здѣсь воспользовался „Опытомъ“, во всякомъ случаѣ указанныя выше мѣста, которыхъ нѣтъ въ „Опытѣ“, говорятъ о знакомствѣ съ первоисточникомъ.

Итакъ, можно видѣть, что Херасковъ воспользовался нѣкоторыми страницами „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ или, такъ называемымъ, Казанскимъ лѣтописцемъ.

При этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ остался вѣренъ своему времени: выражаясь его словами, онъ „многое отметалъ, переносилъ изъ одного времени въ другое; изобрѣталъ; украшалъ; творилъ и созидалъ“.... „Епическія поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливыя намѣренія, всегда по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“ [3]).

Г. Кунцевичъ.

---

[1]) См. выше „Россіяда“, стр. 46—47, 208.
[2]) Соотвѣтственные стихи „Россіяды“ см. выше.
[3]) „Россіяда“. „Историческое предисловіе“. Стр. 5—6.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ИМЕНИ ПЕРМЬ.

Что Пермь тожественна съ древней Біарміей и что праисторія пермской народности кроется въ скандинавскихъ сагахъ, было предположеніемъ, имѣвшимъ долгое время чуть ли не силу научнаго догмата. Его возникновеніе объясняется нѣкоторымъ созвучіемъ обоихъ именъ и тѣмъ туманомъ, въ которомъ теряются этнографическія отношенія древнихъ обитателей крайняго сѣвера, такъ что каждый лучъ, могущій пролить нѣкоторый свѣтъ въ ихъ темное прошлое, принимался съ восторженною радостью, безъ оговорокъ. Я не знаю, былъ ли Strahlenberg, плѣнный шведъ, издавшій въ 1730 г. описаніе: Das Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asia, вообще первымъ, высказавшимъ мнѣніе о тожествѣ Перми и Біарміи, но съ его словъ восхваленіе древней Перми—Біармія перешло въ русскую науку, гдѣ однимъ изъ его первыхъ провозвѣстниковъ явился никто иной какъ самъ Ломоносовъ. Знаменитые финскіе ученые, положившіе основаніе научному изслѣдованію этой области вопросовъ, Sjögren, Castrén и Europaeus не преминули примкнуть къ гипотезѣ, открывавшей столь лестную славу о прошломъ пермскаго племени. Но по мѣрѣ систематической и болѣе разносторонней обработки относящихся сюда вопросовъ, догматъ о Перми-Біарміи расшатывался, и противъ него выступили скептики, отрицавшіе какую бы то ни было связь между Пермью и тѣмъ, что скандинавскія саги повѣствуютъ о Біарміи. Когда помимо общихъ историковъ, какъ С. М. Соловьевъ и Д. И. Иловайскій, такое отрицательное положеніе заняли и А. Дмитріевъ, издатель Пермской Старины, и проф. И. Н. Смирновъ въ своемъ историко-этнографическомъ очеркѣ о пермякахъ [1]), то можно сказать,

[1]) См. Извѣстія Общества Археологіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, т. IX 1891 г.

что гипотеза о нѣкогда славной Перми-Біарміи стала легендой, не вызывающей болѣе прежняго довѣрія. Доводы, которые приводились противъ отожествленія Перми съ Біарміей, сводятся къ отсутствію всякихъ находокъ, могущихъ послужить вещественнымъ доказательствомъ погибшей культуры, къ баснословности скандинавскихъ сагъ и къ недоказанности этимологической связи между именами Пермь и Біармія. Развитіе археологіи и лингвистики и болѣе близкое знакомство съ сагами вызвало, слѣдовательно, опроверженіе гипотезы о Перми-Біарміи. Слѣдуя тому же пути, мы доберемся, быть можетъ, и до положительныхъ выводовъ.

Необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку. Вопросъ о тожествѣ Перми-Біарміи можетъ быть понятъ въ двоякомъ смыслѣ: въ этнографическомъ и лингвистическомъ. Въ этнографическомъ смыслѣ я формулирую вопросъ такъ: суть ли теперешніе пермійцы, пермяне или пермяки прямые потомки того (финскаго) племени, съ которымъ скандинавскіе викинги сталкивались у низовья Сѣверной Двины и страну котораго они прозвали Bjarmaland? — Съ лингвистической точки зрѣнія наша задача куда уже, а именно, слѣдуетъ показать, каково толкованіе именъ Пермь и Біармія и устанавливается ли между ними какая-нибудь связь, независимо отъ этнографіи и исторіи тѣхъ племенъ, къ которымъ примѣняются эти названія. Если будетъ доказано, что пермяки не родственны съ жителями прежней Біарміи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что имена Пермь и Біармія восходятъ къ разнымъ корнямъ и даже разнымъ языкамъ. Оба вопроса не только могутъ, но даже должны быть разсмотрѣны независимо другъ отъ друга, при чемъ вопросъ о происхожденіи имени Пермь явится чисто лингвистическимъ экскурсомъ. Его-то я и попытаюсь представить въ настоящей статьѣ.

Скандинавское названіе нашей народности встрѣчается обыкновенно во множественномъ числѣ: Bjarmar = жители Біарміи. Единственное число будетъ Bjarmir или Bjarmer. Bjarmaland производное, содержащее родительный падежъ множественнаго числа отъ Bjarmir. Производится также прилагательное: bjarmskr. Въ англосаксонскомъ употребляется тоже множественное число: Beormas. Скандинавское Bjarmar и англосаксонское Beormas разнятся только на первый взглядъ. Это различіе легко устраняется, если принять во вниманіе звуковыя явленія германскихъ языковъ: я говорю о такъ называемомъ законѣ преломленія (Brechung). По немъ:

прагерманское e = { *ea = ia — скандинавскій переходъ.
eo (=io) — англосаксонскій переходъ. }

Это явленіе происходитъ непосредственно передъ r + consonans, о чемъ см. соотвѣтствующія главы въ англосаксонской грамматикѣ Sievers'а и древнесѣверной Noreen'а. Въ силу этого закона я на основаніи норвежской формы Bjarmir возстановляю *BearmiR и *Bermiz, а равно и англосаксонское Beormas указываетъ на прежнее Bermas или вѣрнѣе *Bermioz, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ основой „ia". Отбросивъ падежный знакъ и суффиксъ основы, мы получимъ корень *berm — или, предполагая дѣйствіе перебоя (Lautverschiebung), *bherm. — Этотъ корень вполнѣ уже напоминаетъ намъ русское и финское прозвище Perm.

Разбираясь въ соотношенія этихъ названій, необходимо имѣть въ виду три случая: происхожденіе русское, финское или скандинавское. Англосаксонское происхожденіе почти немыслимо, такъ какъ англосаксы узнали о Біарміи только отъ норвежцевъ.

Если предположить, что корень perm русскаго или финскаго происхожденія, то нельзя объяснить перехода его въ скандинавское berm-, такъ какъ при заимствованіи чужихъ словъ звукъ p въ скандинавскомъ сохраняется:

латинское	pavo	>	скандинавское	pál
„	Apulia	>	„	Pül
„	apostolus	>	„	postole
„	Petrus	>	„	Pettarr

Noreen замѣчаетъ: anlautendes p kommt—so weit die etymologischen verhältnisse klar sind—nur in lehnwörtern vor. (Altisl. Gramm., стр. 148). Значитъ, если бы Perm перешло въ скандинавскій языкъ изъ какого-нибудь иностраннаго, то непремѣнно сохранился бы первый звукъ p. Заимствованныя слова со скандинавскаго также указываютъ на полное тожество звука p въ русскомъ, финскомъ и древнесѣверномъ языкахъ:

Древнесѣв. spánn	>	финск.	paanu	>	русск.	спѧдъ
„ penningr	>	„	penni	>	„	пѣнязь.

Съ другой стороны скандинавское b никогда не восходитъ къ какому-нибудь прагерманскому p (Noreen, Altisl. Gramm. стр. 150).

Если такимъ образомъ переходъ имени Perm изъ финскаго или русскаго въ скандинавскій языкъ встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ

смыслѣ, что не объясняетъ замѣну перваго согласнаго звука, то посмотримъ, не поддадутся ли другія возможности менѣе натянутой мотивировкѣ. Но также нѣтъ никакого основанія думать, чтобы скандинавское b при переходѣ въ русскій языкъ превратилось въ p. Такъ, при заимствованіяхъ съ готскаго языка, звукъ b въ русскомъ неизмѣнно сохраняется:

готское:	ulbandus	>	русское:	вельблядъ
„	brunjo	>	„	бръня
„	hlaibs	>	„	хлѣбъ.

По аналогіи съ этими примѣрами мы въ правѣ заключить, что скандинавское berm- врядъ ли въ русскомъ дало бы perm. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Теплоухова, высказаннымъ въ его статьѣ: Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути [1]). Соглашаемся, что корень Bjarm- и Beorm- нужно искать въ скандинавскихъ языкахъ. „Вообще сомнительно, справедливо замѣчаетъ г. Теплоуховъ (стр. 282), чтобы какой-нибудь народъ при встрѣчѣ съ другимъ, неизвѣстнымъ ему народомъ могъ воспользоваться для названія его корнями изъ языка послѣдняго, такъ какъ языкъ этотъ ему долженъ быть неизвѣстнымъ. Далѣе, г. Теплоуховъ полагаетъ, что норманы занесли на Русь это прозваніе, изъ котораго посредствомъ порчи (?) получилось Пермь. Такой порчи строгій изслѣдователь допустить не можетъ. Но г. Теплоуховъ увлекался тѣмъ, что такое отношеніе объясняло и пріуроченіе имени Пермь къ современнымъ пермякамъ. Зная по слухамъ о существованіи на востокѣ богатой Біарміи, новгородцы, думаетъ г. Теплоуховъ, могли принять за нее первую же страну, въ которой они нашли возможнымъ пріобрѣтать серебро, цѣнные мѣха и проч., и присвоили ей имя Біарміи, передѣлавъ его въ Пермь. — Нечего и говорить, что эта догадка, весьма остроумная, лишена всякой доказательности.

Перейдемъ къ послѣднему возможному случаю, къ заимствованію скандинавскаго корня *berm- финами. Въ финскомъ языкѣ мы дѣйствительно встрѣтимъ отсутствіе звука b въ началѣ слова, и поэтому всѣ заимствованныя слова, имѣющія b, мѣняютъ его на p [2]). Напримѣръ:

---

[1]) Пермскій Край т. III, 1895 г.

[2]) *Thomsen*, Ueber den Einfluss d. german. Sprachen, стр. 159.

древнесѣв.:	bátr	>	финское:	paatti
„	barm	>	„	parma
готское:	bansts	>	„	pahna
„	balgs	>	„	pale

То же происходитъ и съ мѣстными названіями въ Финляндіи [1]):

по шведски:	Barkarila	>	по фински:	Parkarila
„ „	Bennås	>	„ „	Pånnåinen
„ „	Bertula	>	„ „	Perttula
„ „	Bjernå	>	„ „	Perniő.

Мнѣ могутъ возразить, что звуковые законы, наблюдаемые въ западно-финскихъ говорахъ, не имѣютъ значенія для нашего вопроса, а что важнѣе всего, какіе переходы существовали въ языкѣ самихъ біармійцевъ. Но о нарѣчіи послѣднихъ намъ за исключеніемъ одного имени главнаго бога jomali ничего неизвѣстно. Пермяки могутъ и не быть ихъ потомками. Въ спискахъ фамилій, прозвищъ и личныхъ именъ, относящихся къ современнымъ пермякамъ и приведенныхъ проф. Смирновымъ (стр. 84), дѣйствительно, попадается не мало словъ, начинающихся со звука b. Но это явленіе объясняется уже довольно сильнымъ русскимъ вліяніемъ. Болѣе характеренъ перечень названій рѣкъ и мелкихъ притоковъ (тамъ же, стр. 101), гдѣ въ началѣ слова рѣшительно отсутствуетъ звукъ b. Какъ бы тамъ ни было, безусловнаго значенія языкъ „біармійскій" для меня не имѣетъ. Если біармійцы не имѣли согласнаго b, то переходъ отъ скандинавскаго *berm- въ perm ясенъ. Если же придется считаться и съ обратнымъ случаемъ, а именно, что біармійцы знали звукъ b и что имъ при заимствованіи незачѣмъ было замѣнять его звукомъ p, то въ этомъ случаѣ біармійцы навѣрно и сохранили скандинавскую форму *berm- безъ измѣненія, но когда это урочище было усвоено другими финскими народностями, то состоялось перенначиваніе въ perm. Если въ этихъ передачахъ участвовали лапландцы, какъ, быть можетъ, нѣкоторые будутъ склонны думать, то и у нихъ всегда господствуетъ только одинъ рядъ согласныхъ: tenues или mediae, и въ то время, какъ норвежскіе лапландцы знаютъ лишь медіальные звуки, восточнымъ говорамъ эти звуки недоступны (Thomsen, стр. 39).

Результатомъ моихъ чисто лингвистическихъ разсужденій явились

---

[1]) Перечень мѣстныхъ названій въ Финляндіи, помѣщенный въ Svenska literatursällskapets i Finland skrifter, XXXIV.

слѣдующіе выводы: если, оставаясь на строго фонетической почвѣ, мы пожелаемъ обосновать переходы имени Пермь отъ одной народности къ другой, то одно скандинавское происхожденіе этого имени можетъ доставить намъ удобную исходную точку. Скандинавское прозвище образовано изъ корня *berm-. Посредственно ли, черезъ самихъ біармійцевъ или, можетъ быть, лапландцевъ, непосредственно ли это имя было усвоено финскими племенами и впослѣдствіи пріурочено къ болѣе южному народу, прозывающему себя самого Коми, Коми-йасъ или Коми-отиръ (Коми не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Пермь). Если не лапландцы или сами біармійцы, то фины же и должны были измѣнить корень *berm- въ perm. Русскіе узнали о Перми не отъ скандинавовъ, но отъ финовъ, поэтому и у нихъ явилась форма Пермь, которая ими пріурочивается къ значительной части населенія Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерній.

Кромѣ фонетическаго доказательства, что корень *bjarm- нѣкогда дѣйствительно звучалъ *berm-, я могу указать еще на балладу, извѣстную подъ названіемъ Ormar Visen, въ которой противъ Ormar'а выступаетъ великанъ Bjarkmarr (такъ въ исландскихъ Rimur). Это имя встрѣчается еще подъ видомъ Bjartmarr (Hauksbok) и Bjarmarr (Codex Regius). Въферейской пѣснѣ говорится, что герой явился af Bjarna landi вмѣсто Bjarmaland. Ясно, что произошла контаминація двухъ различныхъ именъ: собственнаго имени Bjarkmarr или Bjartmarr съ корнемъ *bjarm-, входящимъ въ Bjarmaland. Но въ датскомъ варіантѣ великанъ именуется Bermer, а въ шведскомъ Berneris. Berneris получилось изъ Berner ris = Bermer ris = великанъ Бермеръ. Замѣну m черезъ n можно считать случайностью. Или Bjarna land возникло подъ вліяніемъ Bjarnar, родительнаго падежа отъ собственнаго имени Bjǫrn? Важно для насъ то, что первоначальная форма *berm- сохранилась въ нѣкоторыхъ варіантахъ средневѣковой баллады [1]).

Въ англійской версіи той же пѣсни выступаетъ нѣкій король Испаніи Bremor. Справедливо Bugge замѣчаетъ, что Bremor относится къ Bjarmarr, какъ англійское слово bright къ скандинавскому bjartr. Итакъ, если придавать значеніе этому свидѣтельству, то наряду съ корнемъ *berm могла образоваться и варіація: *brem. Такое грамматическое явленіе, сохраняющее то первый, то второй гласный

---

[1]) Объ этой балладѣ см. Grundtvig. Danmarks gamle Folkwiser, 1869 г. VI т., стр. 705 слѣд.

звукъ двухсложной основы, извѣстно подъ названіемъ Wurzelvariation. Среди такихъ основъ въ прагерманскомъ языкѣ Noreen въ своей Urgermanische Lautlehre (стр. 90) приводитъ: *bherem -*bherm -*bhrem. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ основу, изъ которой образовалось и названіе Пермь. Это предположеніе подтверждается самымъ убѣдительнымъ образомъ русскими и мѣстными свидѣтельствами. Имя Пермь попадается въ русскихъ документахъ не раньше XIV вѣка; въ самыхъ старыхъ новгородскихъ грамотахъ, относящихся къ XIII вѣку постоянно пишется: Перемь. Далѣе, въ Писцовыхъ книгахъ за 1707 и 1710 гг. называются двѣ деревни подъ именемъ Pereima. Въ хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи называются деревеньки Perem или Parmi [1]). Названія деревень: Perem и Pereima и русская форма, притомъ весьма вѣроятно, исконная: Перемь вполнѣ поддерживаютъ наши выводы на основаніи скандинавскихъ данныхъ.

Попытаемся теперь изъ словъ различныхъ языковъ германской группы, восходящихъ къ основѣ *bherem, возстановить ея значеніе. Замѣтимъ, однако, что при другой ступени Ablaut'а гласный звукъ е замѣнялся звукомъ а.

Въ *англійскомъ* языкѣ [2]):

berm, berme, birm = узкое мѣсто вообще, тропинка.

bermbank = the bank of a canal opposite the towing path.

Въ *норвежскомъ* языкѣ [3]):

barmr = бортъ на шлемѣ; край посуды.

Въ *голландскомъ* языкѣ [4]):

barm, baerm, barem = береговая полоса, земляная насыпь вдоль берега, тропинка вдоль рѣки.

Въ *исландскомъ* языкѣ [5]):

barmr = берегъ; значеніе „лоно" пріурочивается лишь со временъ реформаціи.

eybarmr = берегъ острова, если только „ey" не значитъ „рѣка", какъ это явствуетъ изъ нѣсколькихъ текстовъ; тогда eybarmr было бы— рѣчной берегъ.

vikrbarmr = берегъ морской губы.

---

[1]) Ср. *Sjögren*, I т., стр. 294—295.

[2]) *Murray*. New english Dictionary.

[3]) *Fritzner*. Ordbog over det gamle norske Sprog.

[4]) *Verwijs* en *Verdam*, Middernederlandsch Woordenbock.

[5]) *Cleasby*. Icelandic—engl. Dictionary.

Въ *восточно-скандинавскихъ* языкахъ [1]):

bräm, bremm въ шведскомъ и bremme въ датскомъ языкѣ, по мнѣнію Tamm'a, вмѣстѣ съ bord = столъ, бортъ и bräde = бревно восходятъ къ индо-европейскому корню *bher = поднимать и означаютъ собственно то, что выдается, что приподнято.

Въ *средне-нѣмецкомъ* языкѣ [2]):

barm = груди, лоно; но употребляется и въ другомъ смыслѣ, какъ напримѣръ des saligen heimuote barm = берегъ святой родины.

brêm соотвѣтствуетъ современному слову Verbrämung. Ср. prem des schiltes = край щита.

Въ *ново-нѣмецкомъ* языкѣ [3]):

berme = узкій ходъ, узкая полоса земли за или передъ плотиной.

bräme — мѣховой бортъ; кустарникъ, окаймляющій лѣсъ, поле или лугъ.

brane = ora silvae.

Augenbrane = бровь.

bärme = насыпи, образовывающіяся при раскопкѣ плотинъ.

barm (у нижняго Рейна) = куча немолотой ржи.

barm, barmte = холмъ, куча земли, стогъ сѣна.

Очевидно, послѣднія ново-нѣмецкія значенія, относящіяся скорѣе къ діалектическому словарю, не должны быть приняты въ расчетъ при установленіи основнаго значенія общаго корня. Если также отклонить въ сторону barm = грудь, главнымъ образомъ, женскія груди, лоно, то окажется, что во всѣхъ языкахъ повторяется одно и то же объясненіе: *berm, *barm = край, бортъ, береговая полоса. Что касается barm = груди, лоно, то по моему мнѣнію гораздо правильнѣе,—и Grimm, кажется, склоненъ къ этому,—сопоставить это значеніе съ barme = дрожжи (ср. англійское: beorma, латинское: fermentum). Во всякомъ случаѣ barm = лоно и barm = берегъ лишь впослѣдствіи смѣшались и были приняты составителями словарей за одно и то же слово. Ново-нѣмецкія же слова: barmte и barm у Рейна, вѣроятно, новѣйшаго происхожденія и думать, на основаніи этихъ двухъ словъ, что barm означалъ — „холмъ, возвышеніе" было бы рискованно, когда на всѣхъ германскихъ языкахъ упорно повторяется значеніе „берега" или „борта".

---

[1]) *Tamm*. Etymologisk svensk Ordbok.

[2]) *Lexer*. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch.

[3]) Братья *Grimm*. Deutsches Wörterbuch.

Въ такомъ значеніи германскій корень *berm,* barm послужилъ географическимъ именемъ для обозначенія извѣстной береговой полосы. Названіе города Barmen въ Германіи объясняется тѣмъ, что первоначально онъ состоялъ изъ длиннаго ряда поселеній вдоль рѣки, такъ что и до днесь еще различаютъ Ober, Mittel и Unterbarmen. Относительно имени ганзейскаго когда-то города Bremen принято производство отъ brem = ежевика (ср. Brombeere). Такъ какъ это объясненіе лишено всякой болѣе или менѣе серьезной мотивировки, то я думаю, что толкованіе его въ связи съ *berm = береговая полоса гораздо естественнѣе. Когда Карлъ Великій въ 788 г. назначилъ здѣсь мѣстопребываніе епископа, то на берегу Везера тянулись рыбачьи поселки, которые всѣ вмѣстѣ назывались Bremon или Bremum.

Познакомившись съ этими географическими обозначеніями въ самой Германіи, мы легко поймемъ происхожденіе имени Пермь. Скандинавскіе викинги, впервые посѣтившіе Сѣверную Двину и увидѣвшіе поселки неизвѣстнаго имъ народа, тянувшіеся вдоль берега, назвали эту мѣстность *Berema или *Berma. Туземцы усвоили себѣ оба варіанта. Деревня Pereima доказываетъ, что знали полную форму съ скандинавскимъ окончаніемъ. Русское начертаніе Перемь уже отбросило его. Кромѣ того, русскіе переняли отъ финовъ также сокращенную форму Perm. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что фины однимъ и тѣмъ же именемъ обозначаютъ и мѣстность и народность. Поэтому фины стали употреблять имя Perm и по отношенію къ народу. Эту двойственность значенія переняли также русскіе. Скандинавы же изъ *Berma образовали особый nomen agentis: *Bermjiz >*Bermiz >*BermiR >*Bermir >*Bearmir >*Biarmir >Bjarmir.

Прямое доказательство справедливости нашего толкованія имени Пермь: на западномъ берегу Двины находится волость Пермогорье, которая у Лепехина называется Каймогорьемъ. Sjögren (I стр. 291) считаетъ это прозвище у Лепехина ошибкой или даже опечаткой, мнѣ же кажется, что Каймогорье просто переводъ полупонятнаго Пермогорья. Изъ этого перевода явствуетъ, что Пермь = кайма, и что значеніе имени Пермь, заимствованнаго съ древнесѣвернаго языка, еще долго было доступно мѣстному населенію.

Представляется ли это мое толкованіе имени Пермь менѣе натянутымъ, нежели прежнія объясненія?

Оставляемъ въ сторонѣ наивныя попытки объяснить имя Біармія изъ пермяцкихъ словъ: би=огонь, ар=рыба и му=земля. Толкова-

нія, имѣющія въ наше время еще извѣстную вѣроятность за собой, принадлежатъ Sjögren'у и Лыткину. Они предполагаютъ происхожденіе мѣстное, т.-е. пермское. Этимъ они загораживаютъ путь къ переходу этого имени къ норманамъ и, ссылаясь на эти этимологіи, русскіе ученые правы, когда они отрицаютъ связь между Біарміей и Пермью. Sjögren (I стр. 393) полагаетъ, что—норманы узнали о Bjarmaland'ѣ на Руси. Не говоря уже о филологическихъ затрудненіяхъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы викинги обладали такимъ правильнымъ представленіемъ о географіи, что, узнавъ на Руси о Перми, лежащей гдѣ-то на сѣверѣ, поѣхали бы отыскивать ее по Ледовитому морю. Если финское толкованіе Перми вводитъ насъ въ затрудненіе уже относительно перехода этого имени къ норманамъ, то еще менѣе доказуемы предпосылки историческаго свойства. Для возможнаго пріуроченія своего толкованія Sjögren предполагаетъ слѣдующее:

1) Что въ нашей области жили три разныхъ народа, другъ за другомъ: аборигены сомнительнаго происхожденія, фины и, наконецъ, пермяки, которые сами, однако, называли себя другимъ именемъ.

2) Когда пермяки еще сосѣдили со вторымъ, финскимъ, народомъ, то они называли эту область Perjema, т.-е.. отнятую scil. у аборигеновъ. (Это уже тѣмъ невѣроятно, что предполагаетъ, что пермяки были свидѣтелями этого отниманія, иначе не могли же они прозвать страну отнятой).

3) Когда пермяки впослѣдствіи заняли эту самую область, то они какъ будто унаслѣдовали ее отъ прежнихъ обитателей. Perimä означаетъ наслѣдство.

4) Это названіе области (мы впрочемъ не знаемъ, на какомъ, наконецъ, останавливается самъ Sjögren, на Perimä или Perjema) русскіе перенесли на самихъ пермяковъ. (Намъ однако извѣстно, что фины, но отнюдь не русскіе, путали географическія и этнографическія названія) [1]).

Итакъ, мы прошли цѣлую цѣпь недоказанныхъ и даже ошибочныхъ предположеній. Кромѣ того, имена Perimä и Perjema въ звуковомъ отношеніи далеко не тожественны и переходъ ихъ въ Пермь почти невозможенъ.

Лыткинъ въ своемъ очеркѣ о Зырянскомъ краѣ 1889 г. выво-

---

[1]) Такъ, Sjögren, I стр. 296. Стр. 429 Sjögren уже довольствуется двумя народами.

дитъ Пермь и Beormas изъ зырянскаго слова parma = поросшая лѣсомъ возвышенность. (Eine mit Waldung bewachsene Anhöhe, die zur Bebauung (Rödung) benutzt werden kann. Sjögren, I стр. 294). Вывести изъ формы parma скандинавское Bjarmir никто не возьмется, равнымъ образомъ и Пермь не безъ натяжекъ поставлена въ связь съ ней. Любопытно, что деревня Perem также называется Parmi и что есть еще другія мѣстечки того же названія. Такъ какъ зырянское слово parma соотвѣтствующаго родства въ другихъ говорахъ не имѣетъ, и въ зырянскомъ, кажется, стоитъ особнякомъ, то не устанавливается ли отношеніе между Perem и Parmi съ одной стороны и parma и Пермь съ другой въ такомъ видѣ, что зырянское слово parma заимствовано съ древнесѣвернаго языка? Другая ступень Ablaut'а отъ корня *Berm—была *Barm, которая встрѣчалась чуть ли не чаще первой. *Barma понятно дало бы parma и въ названіяхъ мѣстности могло бы чередоваться съ *Berma. Если, такимъ образомъ, между именемъ Пермь и словомъ parma и существуетъ извѣстная связь, то во всякомъ случаѣ не въ томъ порядкѣ, какъ то полагалъ Лыткинъ. Зырянское parma однако передаетъ другой оттѣнокъ въ значеніи корня *Berm.

Если мое толкованіе имени Пермь встрѣтитъ сочувствіе, то намъ дана и нѣкоторая точка опоры для хронологіи. Дѣло въ томъ, что названіе Perm перешло къ финамъ, очевидно, до появленія преломленія, такъ какъ Bjarm — врядъ ли дало бы Perm. Bugge (Z. f. d. Ph. VII 394) относитъ этотъ законъ къ VIII вѣку, Noreen же склоненъ считать его еще древнѣе.—Далѣе, финскія формы Pereima и др. указываютъ на скандинавское окончаніе a, въ то время какъ прасѣверное окончаніе было ō. *Berma въ болѣе древней эпохѣ было бы *Bermō. Это ō сохраняется въ финскомъ, напримѣръ:

Исландское sáta —финское saatto (стогъ сѣна)
„ kelda — „ kaltio (источникъ).

*Bermō при заимствованіи дало бы *Permo, а не *Perma. Окончаніе a въ Pereima восходитъ только къ *Berma, т.-е. не къ праскандинавской формѣ. Во всякомъ случаѣ она образовалась не раньше VII вѣка, хотя, можетъ быть, и позже. Руническія надписи VI вѣка все еще имѣютъ ō вмѣсто a. Такимъ образомъ, мы получили нѣкоторое хронологическое опредѣленіе того времени, когда норманы передали финамъ имя Пермь: не раньше VII и не позже IX вѣка.

Въ IX вѣкѣ король Альфредъ Великій въ свой переводъ Орозія

вставляетъ разсказъ норвежца, побывавшаго въ Bjarmaland'ѣ. Очевидно, что тогда въ Англіи интересовались этой страной, что имя Beormas еще до Альфреда было занесено въ англосаксонскій языкъ, и что интерполяція Альфреда объясняется какъ разъ желаніемъ удовлетворить любопытству своихъ земляковъ относительно этой страны.—Эта литературная справка скрѣпляетъ нашъ выводъ относительно хронологіи. Вѣроятно, открытіе скандинавами Bjarmaland'a произошло въ VIII вѣкѣ или близко около того времени. Словомъ, изслѣдованіе отсылаетъ насъ къ самымъ раннимъ поѣздкамъ викинговъ.

Благодаря любезному указанію Ѳедора Александровича Брауна, я узналъ о конъектурѣ Мюлленгоффа, имѣющей значеніе и для нашего вопроса. Въ томъ мѣстѣ (XXIII гл.), гдѣ Іорнандъ перечисляетъ подвластные Эрманарику народы, встрѣчается также загадочное имя: Vasinabroncas. (Варіанты: uasinabruncas и wasinaboroncas). Мюлленгоффъ полагаетъ, что въ этомъ словѣ кроется названіе двухъ народностей· Веси и Перми,—„quos latine dicas *Bermos*" [1]).—Такъ какъ это преданіе относится къ VI вѣку, то приходилось бы предполагать, что имя Пермь было въ то время уже общеизвѣстно какъ опредѣленное этническое обозначеніе. Передача этого имени отъ скандинавовъ къ финамъ произошло бы гораздо раньше, такъ какъ водвореніе чужого имени среди финскихъ племенъ требовало же времени. Но врядъ ли викинги уже въ V вѣкѣ направлялись къ низовьямъ Двины. Кромѣ того, если готы переняли названіе Пермь отъ финовъ,—единственная, какъ мнѣ кажется, возможность—то мы бы не встрѣтили согласнаго звука b, а p, о чемъ уже было говорено выше, въ началѣ этой статьи. Это исправленіе Мюлленгоффа загадочнаго Vasinabroncas во многомъ противорѣчитъ соображеніямъ, вызваннымъ нашей гипотезой о скандинавскомъ происхожденіи имени Пермь.

Еще другое возраженіе, которое, впрочемъ, не имѣетъ рѣшающаго значенія, было высказано противъ меня, когда я впервые въ лингвистическомъ отдѣленіи Неофилологическаго Общества сообщилъ о своемъ предположеніи: отчего въ балладѣ „Ormar-visen" форма Bermer осталась безъ перебоя?—Ссылаясь на статью Edzardi (P. B. B. IV 133), можно было бы просто сказать, что законъ преломленія не проводился безъ исключенія, и что иногда западноскандинавская, иногда восточно-

---

[1]) См. Index locorum къ изданію Іорнанда Момсеномъ (Mon. Germ. Hist., V т. I часть).

скандинавская группа языковъ сохраняла первичныя формы словъ безъ измѣненія. Но я думаю, что и безъ того имена героевъ какой-нибудь пѣсни могутъ отзываться большой архаичностью, въ то время какъ на ряду съ ними, въ обыденной рѣчи, та же основа подверглась дѣйствію болѣе позднихъ звуковыхъ законовъ.

К. Тіандеръ.

О МНОГОЧЛЕНАХЪ ВТОРОЙ, ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ, НАИМЕНѢЕ УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТЪ НУЛЯ.

Русскій математикъ П. Л. Чебышевъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „О функціяхъ, наименѣе уклоняющихся отъ нуля" даетъ общій способъ опредѣленія коэффиціентовъ многочлена $x^n + a_1x^{n-1} + a_2x^{n-2} + \ldots + a_{n-1}x + a_n$, который, возрастая или убывая при увеличеніи x отъ a до b, наименѣе уклоняется отъ нуля. Справедливо высказывается сожалѣніе, что ученики Чебышева мало занимаются разработкой элементарныхъ способовъ рѣшенія знаменитой его задачи. И. Травчетовъ въ своей статьѣ „О коэффиціентахъ трехчлена $px^2 + qx + r$", напечатанной въ № 123 и № 127 „Вѣстника опытной физики и элементарной математики" даетъ вполнѣ элементарное рѣшеніе задачи Чебышева для трехчлена второй степени и въ то же время рѣшаетъ нѣкоторые вопросы, относящіеся къ трехчлену.

Въ настоящей статьѣ предлагается элементарное рѣшеніе задачи Чебышева для многочленовъ второй, третьей и четвертой степени въ надеждѣ, что сдѣланная попытка заинтересуетъ читателей и побудитъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ того же рода. Эти изслѣдованія могли бы привести къ тому, чтобы простѣйшіе частные случаи задачи Чебышева были включены въ курсъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится отдѣлъ алгебры: о наибольшихъ и наименьшихъ значеніяхъ функцій.

1. Положимъ, что цѣлая раціональная функція f(x) вида $x^n + a_1x^{n-1} + a_2x^{n-2} + \ldots + a_{n-1}x + a_n$ при измѣненіи x отъ a до b постоянно возрастаетъ или убываетъ. Спрашивается, какія надо дать

значенія коэффиціентамъ $a_1, a_2, a_3, \ldots a_{n-1}, a_n$, чтобы функція наименѣе уклонялась отъ нуля? Эти значенія, конечно, будутъ зависѣть отъ a и b, а также отъ n. Одно изъ условій, которому должна удовлетворять искомая функція, заключается въ томъ, что $f(b) = -f(a)$ или $f(a) + f(b) = 0$. Для доказательства допустимъ, что это условіе не выполняется. Тогда можно найти другую функцію такого же вида, которая, постоянно возрастая или убывая, при измѣненіи x отъ a до b будетъ уклоняться отъ нуля менѣе, чѣмъ данная функція. Въ самомъ дѣлѣ, вычтя изъ многочлена $f(x)$ постоянное количество $\frac{f(a)+f(b)}{2}$, мы не измѣнимъ его вида. Новая функція $F(x)$ равная $f(x) - \frac{f(a)+f(b)}{2}$ будетъ, какъ и данная функція $f(x)$, при измѣненіи x отъ a до b, постоянно увеличиваться или уменьшаться. Крайнія ея значенія будутъ: $F(a) = f(a) - \frac{f(a)+f(b)}{2} = \frac{f(a)-f(b)}{2}$, $F(b) = f(b) - \frac{f(a)+f(b)}{2} = \frac{f(b)-f(a)}{2}$. Сравнимъ абсолютныя величины крайнихъ значеній функцій $F(x)$ и $f(x)$. Для этого возводимъ въ квадратъ значенія $F(a)$ и $F(b)$ и преобразуемъ полученныя выраженія.

$$[F(a)]^2 = [F(b)]^2 = \frac{[f(b)]^2 - 2f(b)\,f(a) + [f(a)]^2}{4} = \frac{[f(b)]^2 + [f(a)]^2}{2} - \left(\frac{f(b)+f(a)}{2}\right)^2.$$

Отсюда заключаемъ, что каждый изъ квадратовъ предѣльныхъ значеній новой функціи будетъ менѣе полусуммы квадратовъ предѣльныхъ значеній данной функціи, а значитъ и подавно менѣе наибольшаго изъ двухъ послѣднихъ квадратовъ. Поэтому предѣльныя значенія $F(x)$ по числовой величинѣ будутъ менѣе предѣльныхъ значеній $f(x)$. Такимъ образомъ многочленъ $f(x)$, постоянно возрастающій или убывающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при измѣненіи x отъ a до b, долженъ имѣть крайнія значенія $f(a)$ и $f(b)$ равныя по абсолютной величинѣ и съ разными знаками.

2. Опредѣлимъ трехчленъ вида $x^2 + px + q$, который при увеличеніи x отъ a до b постоянно увеличивается и наименѣе уклоняется отъ нуля. По доказанному сумма его значеній для $x = a$ и для $x = b$ должна равняться нулю. На основаніи этого получаемъ слѣдующее уравненіе для опредѣленія коэффиціентовъ: $a^2 + pa + q + b^2 + pb + q = 0$, откуда $q = -\frac{a^2 + b^2 + p(a+b)}{2}$. Такимъ образомъ искомый трехчленъ долженъ имѣть видъ $x^2 + px - \frac{1}{2}\left(a^2 + b^2 + p(a+b)\right)$. Обозначая его черезъ $f(x)$, находимъ его приращеніе при увеличеніи x на ε.

$$f(x+\varepsilon) - f(x) = (x+\varepsilon)^2 + p(x+\varepsilon) + q - (x^2 + px + q) = \varepsilon(2x+p) + \varepsilon^2.$$

Такъ какъ трехчленъ долженъ увеличиваться при увеличеніи x отъ a до b, то выраженіе $2x+p$ должно оставаться положительнымъ при измѣненіи x отъ a до b. Въ самомъ дѣлѣ, при достаточно маломъ значеніи ε количество ε^2 будетъ менѣе абсолютной величины количества $\varepsilon(2x+p)$ и знакъ приращенія трехчлена будетъ зависѣть отъ знака члена $\varepsilon(2x+p)$. Такимъ образомъ количества $2a+p$ и $2b+p$, изъ которыхъ первое менѣе второго, должны быть положительны, т. е. $2a+p \geqq 0$, $2b+p > 0$, откуда $\frac{p}{2} \geqq -a$.

Съ другой стороны $f(b) = -f(a) = b^2 + pb - \frac{a^2+b^2+p(a+b)}{2} = \frac{b^2-a^2}{2} + \frac{p}{2}(b-a)$. Слѣдовательно,

$f(b) \geqq \frac{b^2-a^2}{2} - a(b-a)$ или $f(b) \geqq \frac{(b-a)^2}{2}$. Изъ этого неравенства заключаемъ, что наименьшее значеніе для $f(b)$ есть $\frac{(b-a)^2}{2}$. При такомъ значеніи $f(b)$ коэффиціентъ p долженъ равняться $-2a$. Значитъ, искомый трехчленъ будетъ $f(x) = x^2 - 2ax + \frac{a^2+2ab-b^2}{2}$.

Опредѣлимъ теперь трехчленъ $x^2 + px - \frac{a^2+b^2+p(a+b)}{2}$ при условіи, чтобы онъ при увеличеніи x отъ a до b постоянно уменьшался и наименѣе уклонялся отъ нуля. При этомъ условіи приращеніе его должно быть отрицательнымъ. Для этого выраженіе $2x+p$ при увеличеніи x отъ a до b должно оставаться отрицательнымъ, т. е. $2a+p<0$ и $2b+p \leqq 0$, откуда $-\frac{p}{2} \geqq b$.

Съ другой стороны $f(a) = -f(b) = a^2 + pa - \frac{a^2+b^2+p(a+b)}{2}$,

$f(a) = \frac{a^2-b^2}{2} - \frac{p}{2}(b-a)$. Слѣдовательно,

$f(a) \geqq \frac{a^2-b^2}{2} + b(b-a)$ или $f(a) \geqq \frac{(b-a)^2}{2}$.

Такимъ образомъ наименьшее значеніе $f(a)$ есть $\frac{1}{2}(b-a)^2$. Оно получается, когда полагаемъ $p = -2b$.

Значитъ, искомый трехчленъ будетъ

$f(x) = x^2 - 2bx + \frac{b^2+2ab-a^2}{2}$.

3. Найдемъ трехчленъ x^2+px+q, который при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ получаетъ значеніе minimum и наименѣе уклоняется отъ нуля. Такой трехчленъ долженъ сначала уменьшаться, а затѣмъ уве-

личиваться. Minimum его будетъ при x равномъ $-\frac{p}{2}\cdot$ По условію это значеніе x должно заключаться между -1 и $+1$, такъ что $-1 < -\frac{p}{2} < 1$. По доказанному при измѣненіи x отъ -1 до $-\frac{p}{2}$ абсолютная величина крайнихъ уклоненій трехчлена отъ нуля будетъ не менѣе $\frac{1}{2}\left(-\frac{p}{2}+1\right)^2$ или $\frac{1}{8}(2-p)^2$, а при измѣненіи x отъ $-\frac{p}{2}$ до 1 будетъ не менѣе $\frac{1}{2}\left(1+\frac{p}{2}\right)^2$ или $\frac{1}{8}(2+p)^2$. Большая изъ этихъ двухъ величинъ будетъ наименьшей при $p=0$. Такимъ образомъ крайнія уклоненія искомой функціи отъ нуля по числовой величинѣ не могутъ быть менѣе $\frac{1}{2}\cdot$ Остается повѣрить, можно ли p дать значеніе 0. Трехчленъ, уменьшающійся при увеличеніи x отъ -1 до $-\frac{p}{2}$ и наименѣе уклоняющійся отъ нуля, долженъ имѣть видъ $x^2+px+\frac{1}{8}(p^2+4p-4)$, какъ было доказано. Трехчленъ, увеличивающійся при увеличеніи x отъ $-\frac{p}{2}$ до 1 и наименѣе уклоняющійся отъ нуля, долженъ имѣть видъ $x^2+px+\frac{1}{8}(p^2-4p-4)$. Написанные трехчлены будутъ тожественны при $p=0$. Такимъ образомъ искомый трехчленъ есть $x^2-\frac{1}{2}\cdot$

Полагаемъ $x=\frac{2z-(a+b)}{b-a}\cdot$ При $x=-1$ будетъ $z=a$ и при $x=1$ будетъ $z=b$. Найденная функція приметъ видъ

$$\frac{4z^2-4z(a+b)+(a+b)^2}{(b-a)^2}-\frac{1}{2} \text{ или } \frac{4}{(b-a)^2}\left[z^2-(a+b)z+\frac{a^2+b^2+6ab}{8}\right]\cdot$$

При измѣненіи z отъ a до b абсолютныя величины написаннаго выраженія будутъ не болѣе $\frac{1}{2}\cdot$ Отсюда заключаемъ, что при увеличеніи z отъ a до b абсолютныя величины значеній трехчлена $z^2-(a+b)z+\frac{a^2+6ab+b^2}{8}$ не превзойдутъ $\frac{(b-a)^2}{8}\cdot$ Кромѣ того этотъ трехчленъ при измѣненіи z отъ a до b уклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ всѣ другіе трехчлены вида z^2+pz+q.

4. Найдемъ многочленъ, вида x^3+px^2+qx+r, постоянно возрастающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Обозначая его черезъ $f(x)$, находимъ $f(1)+f(-1)=0$ или $1+p+q+r-1+p-q+r=0$, откуда $p+r=0$ и $r=-p$. Значитъ, $f(x)=x^3+px^2+qx-p$. Приращеніе искомаго многочлена при увеличеніи x на ϵ выразится такъ:

$$f(x+\varepsilon)-f(x)=\varepsilon(3x^2+2px+q)+\varepsilon^2(3x+p)+\varepsilon^3.$$

Знакъ этого приращенія для достаточно малаго значенія ε зависитъ отъ знака выраженія $3x^2+2px+q$. Такъ какъ искомый многочленъ постоянно увеличивается при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, то выраженіе $3x^2+2px+q$ при такомъ измѣненіи x должно оставаться положительнымъ. Крайнія значенія искомаго многочлена будутъ $f(1)=1+q$ и $f(-1)=-(1+q)$.

Пусть трехчленъ $f_1(x)=3x^2+2px+q$ имѣетъ корень -1. Тогда онъ долженъ дѣлиться безъ остатка на $x+1$. Раздѣливъ его на $x+1$, получимъ въ частномъ $3x+2p-3$ и въ остаткѣ $q+3-2p$. Этотъ остатокъ долженъ равняться нулю. Поэтому $q=2p-3$ и $f(1)=1+q=2p-2$. Но частное $3x+2p-3$ должно оставаться положительнымъ при увеличеніи x отъ -1 до $+1$. Поэтому $-3+2p-3\geqq 0$, откуда $2p-2\geqq 4$. Слѣдовательно, изъ нашего предположенія слѣдуетъ $f(1)\geqq 4$.

Пусть трехчленъ $f_1(x)$ имѣетъ корень 1. Раздѣливъ его на $x-1$, получимъ въ частномъ $3x+2p+3$ и въ остаткѣ $2p+q+3$. Такъ какъ остатокъ долженъ равняться нулю, то $q=-2p-3$ и $1+q=-2p-2$. Но частное $3x+2p+3$ должно оставаться отрицательнымъ. Поэтому $3+2p+3\leqq 0$, откуда $-2p-2\geqq 4$, или $f(1)\geqq 4$.

Нельзя допустить, что трехчленъ $f_1(x)$ имѣетъ корни $+1$ и -1, ибо при такомъ предположеніи онъ имѣлъ бы видъ $3(x^2-1)$ и имѣлъ бы отрицательныя значенія при измѣненіи x отъ -1 до $+1$.

Допустимъ, что $f_1(x)$ не имѣетъ корня равнаго -1 или $+1$. Обозначимъ черезъ a его наименьшее значеніе при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Тогда $f_1(x)-a$ будетъ имѣть значенія не менѣе нуля при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Возьмемъ $F(x)=f(x)-ax$. Приращеніе этой функціи выразится такъ:

$$F(x+\varepsilon)-F(x)=f(x+\varepsilon)-f(x)-a\varepsilon=\varepsilon(f_1(x)-a)+\varepsilon^2(3x+p)+\varepsilon^3.$$

Крайнія значенія этой возрастающей функціи будутъ $F(1)=1+q-a$ и $F(-1)=-1-q+a$. Новая функція $F(x)$ уклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ $f(x)$, чего быть не должно. Такимъ образомъ при нашемъ предположеніи $f_1(x)$ долженъ имѣть корень, заключающійся между -1 и $+1$. Съ другой стороны этотъ трехчленъ долженъ оставаться положительнымъ. Поэтому корень его долженъ быть двойнымъ. Иначе говоря, $f_1(x)$ долженъ имѣть 2 равныхъ корня, заключающихся между

-1 и $+1$. А для этого должно удовлетворяться условіе $4p^2-12q=0$. откуда $q=\frac{1}{3}p^2$. Тогда $f(1)=1+\frac{1}{3}p^2$. Это выраженіе имѣетъ наименьшее значеніе при $p=0$. Но въ такомъ случаѣ $q=0$ и $r=0$.

Разобравъ всѣ предположенія, какія можно сдѣлать относительно корней трехчлена $f_1(x)$, мы должны остановиться на томъ, изъ котораго получимъ многочленъ $f(x)$, наименѣе уклоняющійся отъ нуля. Слѣдовательно, искомый многочленъ будетъ имѣть видъ $f(x)=x^3$.

Полагая $x=\frac{2z-(a+b)}{b-a}$, получимъ функцію $\left(z-\frac{a+b}{2}\right)^3$, которая при увеличеніи z отъ a до b увеличивается отъ $-\frac{(b-a)^3}{8}$ до $\frac{(b-a)^3}{8}$. Это выраженіе уклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ всякое другое выраженіе вида z^3+pz^2+qz+r, увеличивающееся при увеличеніи z отъ a до b.

Если искомый многочленъ $f(x)=x^3+px^2+qx-p$ долженъ постоянно уменьшаться при увеличеніи x отъ -1 до $+1$, то крайнее его значеніе $f(1)=1+q$ должно быть отрицательно, откуда $q<-1$. Кромѣ того выраженіе $3x^2+2px+q$ должно оставаться отрицательнымъ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, т.-е., $3+2p+q<0$ и $3-2p+q<0$, откуда $6+2q<0$ и $q\leqq-3$. Такимъ образомъ $f(-1)\geqq 2$. Чтобы крайнія значенія искомой функціи наименѣе уклонялись отъ нуля, мы должны положить $q=-3$. Но въ такомъ случаѣ выраженіе $3x^2+2px+q$ при $x=-1$ и $x=1$ получаетъ значенія $-2p$ и $2p$. Такъ какъ эти значенія не могутъ быть разныхъ знаковъ, то $p=0$. Поэтому искомая функція будетъ $f(x)=x^3-3x$. Крайнія ея значенія будутъ $+2$ и -2.

Полагая $x=\frac{2z-(a+b)}{b-a}$, получимъ многочленъ $z^3-\frac{3(a+b)z^2}{2}+3abz+$ $+\frac{(a+b)(a^2-4ab+b^2)}{4}$ который при измѣненіи z отъ a до b уменьшается отъ $\frac{(b-a)^3}{4}$ до $\frac{(b-a)^3}{4}$ и наименѣе уклоняется отъ 0.

5. Найдемъ многочленъ вида $f(x)=x^4+px^3+qx^2+rx+s$, постоянно возрастающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при увеличеніи x отъ -1 до $+1$. Изъ условія $f(1)+f(-1)=0$ находимъ $1+p+q+r+s+1-p+q-r+s=0$, откуда

$$1+q+s=0 \quad \ldots\ldots\ldots \quad (1)$$

Наибольшее значеніе искомой функціи при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ будетъ $f(1)=p+r$.

Приращеніе искомаго многочлена при увеличеніи x на ε выразится такъ:

$$f(x+\varepsilon)-f(x)=\varepsilon(4x^3+3px^2+2qx+r)+\varepsilon^2(6x^2+3px+q)+\varepsilon^3(4x+p)+\varepsilon^4.$$

Для сокращенія можемъ положить

$$f(x+\varepsilon)-f(x)=\varepsilon f_1(x)+\varepsilon^2 f_2(x)+\varepsilon^3 f_3(x)+\varepsilon^4.$$

Знакъ приращенія функціи $f(x)$ одинаковъ со знакомъ выраженія $f_1(x)$. Для возрастающей функціи $f(x)$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ должны имѣть $f_1(x) \geqq 0$. Функція $f_1(x)$ должна имѣть корень -1 и два равныхъ корня, заключающихся между -1 и $+1$. Для доказательства разберемъ разныя предположенія.

Допустимъ, что $f_1(x)$ не имѣетъ корней, заключающихся между -1 и $+1$ или равныхъ этихъ числамъ. Обозначимъ черезъ a ея наименьшее значеніе при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Тогда выраженіе $f_1(x)-a$ при измѣненіи x отъ -1 до 1 будетъ получать значенія не менѣе нуля. Взявъ вмѣсто $f(x)$ новую функцію $F(x)=f(x)-ax$, мы увидимъ, что $F(x)$ будетъ уклоняться отъ нуля менѣе, чѣмъ $f(x)$. Въ самомъ дѣлѣ, составимъ приращеніе новой функціи и найдемъ ея крайнія значенія:

$$F(x+\varepsilon)-F(x)=f(x+\varepsilon)-f(x)-a\varepsilon=\varepsilon[f_1(x)-a]+\varepsilon^2 f_2 x+\varepsilon^3 f_3(x)+\varepsilon^4;$$

$F(1)=f(1)-a$, $F(-1)=f(-1)+a$. Изъ этихъ неравенствъ заключаемъ, что $F(x)$ возрастаетъ при увеличеніи x отъ -1 до $+1$ и крайнее ея значеніе $F(1)<f(1)$, при чемъ $F(1)+F(-1)=0$. Такимъ образомъ $f(x)$ не можетъ быть функціей наименѣе уклоняющейся отъ нуля, когда $f_1(x)$ не имѣетъ корней, заключающихся между -1 и $+1$ или равныхъ этимъ числамъ.

Допустимъ, что $f_1(x)$ имѣетъ корень -1. Тогда мы можемъ положить $f_1(x)=(x+1)\,\zeta(x)$, гдѣ $\zeta(x)$ есть трехчленъ второй степени. Пусть $\zeta(x)$ не имѣетъ корня, заключающагося между -1 и $+1$ или равнаго одному изъ этихъ чиселъ. Обозначимъ наименьшее значеніе $\zeta(x)$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ черезъ a. Тогда выраженія $\zeta(x)-a$ и $(x+1)\,[\zeta(x)-a]$ при указанныхъ измѣненіяхъ x будутъ оставаться положительными, а при нѣкоторыхъ значеніяхъ x равными нулю. Возьмемъ новую функцію $F(x)=f(x)-a\left(\frac{x^2}{2}+x\right)$. Составимъ выраженіе для ея приращенія: $F(x+\varepsilon)-F(x)=f(x+\varepsilon)-f(x)-a\varepsilon(x+1)-a\frac{\varepsilon^2}{2}=\varepsilon[f_1(x)-a(x+1)]+\varepsilon^2[f_2(x)-\frac{a}{2}]+\varepsilon^3 f_3(x)+\varepsilon^4=$

$$=\varepsilon(x+1)[\zeta(x)-a]+\varepsilon^2[f_2(x)-\frac{a}{2}]+\varepsilon^3 f_3(x)+\varepsilon^4.$$

Такъ какъ коэффиціентъ при ε получаетъ значенія не менѣе нуля при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, то F(x) при такомъ измѣненіи x постоянно увеличивается. Найдемъ ея крайнія значенія: $F(1)=f(1)-\frac{3a}{2}$ $F(-1)=f(-1)+\frac{a}{2}$. Такъ какъ $F(1)>F(-1)$, то $f(1)-\frac{3a}{2}>f(-1)+\frac{a}{2}$, откуда $2f(1)>\frac{3a}{2}+\frac{a}{2}$ и $f(1)>a$. Это показываетъ, что $F(-1)<o$ и абсолютная величина $F(-1)$ менѣе $f(1)$. Съ другой стороны $F(1)<f(1)$. Стало быть $F(x)$ отклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ $f(x)$. Поэтому необходимо принять, что $\zeta(x)$ имѣетъ корень при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Если этотъ корень заключается между -1 и $+1$, то онъ долженъ быть двойнымъ, потому что трехчленъ $\zeta(x)$ не долженъ мѣнять знака при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Если же $\zeta(x)$ имѣетъ корень -1 или $+1$, то многочленъ $f_1(x)$ долженъ имѣть видъ или $(x+1)^2\,\zeta(x)$ или $(x^2-1)\,\zeta_1(x)$, гдѣ $\zeta(x)$ и $\zeta_1(x)$ суть двучлены первой степени относительно x.

Точно такимъ же образомъ докажемъ, что если $f_1(x)$ будетъ имѣть корень 1, то эта функція должна имѣть видъ или $(x^2-1)\,\zeta_1(x)$ или $(x-1)^2\,\zeta_2(x)$. Предположеніе $f_1(x)=(x-1)\,(x-\alpha)^2$, гдѣ $-1<\alpha<1$, можетъ имѣть мѣсто только для убывающей функціи $f(x)$.

Допустимъ, что $f_1(x)$ имѣетъ двойной корень α, заключающійся между -1 и $+1$. Тогда $f_1(x)=(x-\alpha)^2\varphi(x)$. Обозначимъ черезъ a наименьшее значеніе $\varphi(x)$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Возьмемъ новую функцію $F(x)=f(x)-\frac{a}{3}(x-\alpha)^3$ и составимъ выраженіе для ея приращенія

$$F(x+\varepsilon)-F(x)=f(x+\varepsilon)-f(x)-a\varepsilon(x-\alpha)^2-a\varepsilon^2(x-\alpha)-\frac{a\varepsilon^3}{3}=$$

$$=\varepsilon f_1(x)+\varepsilon^2 f_2(x)+\varepsilon^3 f_3(x)+\varepsilon^4-a\varepsilon(x-\alpha)^2-a\varepsilon^2(x-\alpha)-\frac{a\varepsilon^3}{3}=$$

$$=\varepsilon(x-\alpha)^2[\varphi(x)-a]+\varepsilon^2[f_2(x)-a(x-\alpha)]+\varepsilon^3\left[f_3(x)-\frac{a}{3}\right]+\varepsilon^4.$$

Такъ какъ $\varphi(x)-a$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ остается не менѣе нуля, то $F(x)$ возрастаетъ. Найдемъ крайнія значенія $F(x)$:

$$F(1)=f(1)-\frac{a}{3}(1-\alpha)^3,\quad F(-1)=f(-1)+\frac{a}{3}(1+\alpha)^3.$$

Отсюда видимъ, что $F(1)>f(1)$ и $F(-1)>f(-1)$.

Такъ какъ $F(1)>F(-1)$, то $f(1)-\frac{a}{3}(1-\alpha)^3>f(-1)+\frac{a}{3}(1+\alpha)^3$, откуда $f(1)>\frac{1}{2}\left[\frac{a}{3}(1-\alpha)^3+\frac{a}{3}(1+\alpha)^3\right]$. Отсюда видимъ, что $f(1)$

болѣе полусуммы количествъ $\frac{a}{3}(1-\alpha)^3$ и $\frac{a}{3}(1+\alpha)^3$; поэтому f(1) болѣе наименьшаго изъ нихъ. Слѣдовательно, при α положительномъ $F(1) > 0$, а при α отрицательномъ $F(-1) < 0$. Это показываетъ, что уклоненія отъ нуля функціи F(x) будутъ менѣе, чѣмъ уклоненія f(x). Поэтому мы должны предположить, что $\varphi(x)$ имѣетъ корень, не выходящій изъ предѣловъ -1 и $+1$. Такъ какъ выраженіе $\varphi(x)$ должно оставаться положительнымъ, то этотъ корень есть -1. Слѣдовательно $f_1(x)$ имѣетъ видъ $4(x-\alpha)^2(x+1)$.

Такимъ образомъ относительно вида функціи $f_1(x)$ возможны 4 предположенія:

a) $f_1(x)=(x+1)^2\psi(x)$. Раздѣливъ $4x^3+3px^2+2qx+r$ на x^2+2x+1, получимъ въ частномъ $4x+3p-8$ и въ остаткѣ $2x(q-3p+6)+ +8+r-3p$. Такъ какъ остатокъ долженъ тожественно равняться нулю, то $q=3p-6$ и $r=3p-8$. Поэтому $f(1)=r+p=4p-8$. Выраженіе $\psi(x)$ равное $4x+3p-8$ должно быть положительно. Значитъ $-4+3p-8 \geqq 0$, откуда $p \geqq 4$. Слѣдовательно, $f(1) \geqq 8$.

b) $f_1(x)=(x^2-1)\psi_1(x)$. Раздѣливъ $4x^3+3px^2+2qx+r$ на x^2-1, получимъ въ частномъ $4x+3p$ и въ остаткѣ $2x(q+2)+3p+r$. Поэтому $q=-2$, $r=-3p$; $p+r=-2p$. Но $\psi_1(x)=4x+3p$ должно оставаться отрицательнымъ. Значитъ $4+3p \leqq 0$, $p \leqq -\frac{4}{3}$. Слѣдовательно, $f(1) \geqq \frac{8}{3}$.

c) $f_1(x)=(x-1)^2\psi_2(x)$. Раздѣливъ $4x^3+3px^2+2qx+r$ на x^2-2x+1, получимъ въ частномъ $4x+3p+8$ и въ остаткѣ $2(q+3p+6)x+r-8-3p$. Поэтому $q=-3p-6$, $r=3p+8$; $r+p=4p+8$. Но $\psi_2(x)=4x+3p+8$ должно оставаться положительнымъ. Значитъ $-4+3p+8 \geqq 0$, откуда $p \geqq -\frac{4}{3}$. Слѣдовательно, $f(1) \geqq \frac{8}{3}$.

Наконецъ, полагаемъ $f_1(x)=4(x+1)(x-\alpha)^2$. Раздѣливъ $4x^3+ +3px^2+2qx+r$ на $x+1$, получимъ въ частномъ $4x^2+(3p-4)x+r$ и въ остаткѣ $-4+3p-2q+r$, что должно равняться нулю. Поэтому

$$-4+3p-2q+r=0 \quad \ldots\ldots\ldots \quad (2).$$

Трехчленъ $4x^2+(3p-4)x+r$ долженъ имѣть равные корни. Поэтому имѣемъ равенство:

$$(3p-4)^2-16r=0 \quad \ldots\ldots\ldots\ldots \quad (3).$$

Изъ 3 найденныхъ нами уравненій выразимъ q, r и s черезъ p. Тогда получимъ

$$q=\frac{(3p-4)^2}{32}+\frac{3p}{2}-2,\quad r=\frac{(3p-4)^2}{16},\quad s=1-\frac{3p}{2}-\frac{(3p-4)^2}{32}.$$

Предѣльное значеніе искомой функціи будетъ $f(1)=p+r=p+$ $+\frac{(3p-4)^2}{16}$. Но это выраженіе имѣетъ наименьшее значеніе $\frac{8}{9}$ при $p=\frac{4}{9}$.

Слѣдовательно, искомая функція есть

$$f(x)=x^4+\frac{4}{9}x^3-\frac{10}{9}x^2+\frac{4}{9}x+\frac{1}{9}.$$

Другія предположенія относительно вида $f_1(x)$ приводятъ къ функціямъ, уклоняющимся отъ нуля болѣе, чѣмъ на $\frac{8}{9}$.

Полагая $x=\frac{2z-(a+b)}{b-a}$, получимъ функцію $z^4-\frac{4}{9}(5a+4b)z^3+\frac{2}{9}(2b+a)(2b+7a)z^2-\frac{4}{9}a(a+2b)^2z+$ $+\frac{1}{18}(a^4+4a^3b+10a^2b^2+4ab^3-b^4)$, которая при увеличеніи z отъ a до b постоянно возрастаетъ и наименѣе уклоняется отъ нуля. Крайнія ея значенія суть $\mp\frac{1}{18}(b-a)^4$.

Подобнымъ же образомъ выведемъ, что функція $z^4-\frac{4}{9}(5b+4a)z^3+$ $+\frac{2}{9}(2a+b)(2a+7b)z^2-\frac{4}{9}b(b+2a)^2z+\frac{1}{18}(b^4+4b^3a+$ $+10b^2a^2+4ba^3-a^4)$ при увеличеніи z отъ a до b постоянно уменьшается и наименѣе уклоняется отъ нуля. Крайнія ея значенія будутъ $\pm\frac{1}{18}(b-a)^4$.

П. Сѣшниковъ.

О ТРАГЕДІЯХЪ КАЛЬДЕРОНА.

(Посвящается Донъ Хуану Дубоску).

Трагедіи Кальдерона уже давно обратили на себя вниманіе изслѣдователей; о нихъ высказаны были разнообразныя сужденія, между которыми намъ предстоитъ разобраться, ибо не всѣ они представляются намъ убѣдительными. Кромѣ того, на нѣкоторые пункты въ трагедіяхъ Кальдерона предшествующіе изслѣдователи и критики не обратили вниманія, вслѣдствіе чего ихъ разборъ страдаетъ нѣкоторой неполнотой. Религіозныя и философскія драмы Кальдерона, а также его комедіи подвергались болѣе тщательному изученію. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ въ настоящемъ очеркѣ, ограничиваясь болѣе спеціальнымъ анализомъ трагедій знаменитаго испанскаго драматурга. Напомнимъ сперва мнѣнія наиболѣе выдающихся ученыхъ, писавшихъ о Кальдеронѣ.

Первый изъ новыхъ критиковъ, который обратился къ изученію испанцевъ, былъ А. В. Шлегель. Въ своихъ „Vorlesungen über dramatische Kunst und Litteratur“ онъ неоднократно говоритъ о Кальдеронѣ, котораго считаетъ наилучшимъ романтическимъ поэтомъ, но въ подробное изученіе трагедій Кальдерона не вдается. О чести, какъ причинѣ трагическихъ осложненій, у Шлегеля говорится очень мало, и лишь вскользь упоминается, что честь принимаетъ иногда характеръ враждебной судьбы (ein feindseliges Schicksal). Наконецъ, Шлегель вовсе не отмѣчаетъ полнаго сходства въ построеніи всѣхъ трагедій Кальдерона, а не только пьесъ, изображающихъ оскорбленіе чести. Этотъ недосмотръ, который нельзя поставить въ вину Шлегелю, имѣвшему лишь весьма ограниченныя свѣдѣнія по исторіи испанской драмы, повторяется, какъ уви-

димъ, и у другихъ писателей, изучавшихъ Кальдерона [1]). Среди работъ, посвященныхъ этому поэту, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ необходимо отвести книгѣ Viel-Castel'я „Essai sur le théâtre espagnol", которая отдѣльными статьями начала появляться въ Revue des deux Mondes съ 1841 г. Окончательное изданіе этой работы сдѣлано въ Парижѣ, въ двухъ томахъ (Charpentier, 1882). Viel-Castel ясно и опредѣленно указываетъ фатализмъ трагедій чести у Кальдерона, а также отмѣчаетъ, что идеи, которыя воплощены въ трагедіяхъ Кальдерона, не могутъ считаться совершенно устарѣлыми и въ наши дни. Устарѣли не самыя идеи, а то преувеличеніе (l'exagération), которое придаетъ имъ иногда поэтъ. У Кальдерона убійство изъ мести—необходимая принадлежность любви и ревности. Герой трагедіи Mayor monstruo los celos—истинный ревнивецъ. Какъ увидитъ читатель, наши мнѣнія во многомъ примыкаютъ ко взглядамъ французскаго ученаго. Но и Viel-Castel, подобно прочимъ критикамъ, не разсматриваетъ всѣ шесть трагедій Кальдерона вмѣстѣ, объединяя ихъ принципомъ фатализма, и кромѣ того не указываетъ, въ чемъ же именно преувеличеніе идеи чести у Кальдерона, говоря точнѣе, въ чемъ ошибка испанскаго поэта [2])? Въ связи съ этимъ стоитъ замѣчаніе Віель-Кастеля, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи El Médico de su honra превосходны: этого, какъ выяснится впослѣдствіи, никакъ нельзя сказать про характеръ протагониста. Viel-Castel подробнѣе прочихъ ученыхъ изучилъ трагедіи Кальдерона, вслѣдствіе чего мы можемъ ограничиться самымъ краткимъ упоминаніемъ о мнѣніяхъ другихъ изслѣдователей испанскаго театра [3]). Шакъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи испанской драмы, указываетъ на безнравственный характеръ понятій о чести, лежащихъ въ основѣ трагедій Кальдерона. Онъ совершенно правильно замѣчаетъ, что борьба въ означенныхъ трагедіяхъ имѣетъ характеръ черезчуръ субъективный. Но въ общемъ, по его мнѣнію, эти пьесы, напримѣръ El Médico de

---

[1]) A. W. v. Schlegel's Sämmtliche Werke, изд. 1846 г., т. VI, стр. 60, 137, 154, 390, 395 и др.

[2]) Louis de Viel-Castel, Essai sur le théâtre espagnol, т. I, стр. 329, 342, 346, 353 и слѣд. 384, 397 и т. д.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ вовсе не знакома работа Валентина Шмидта „Die Schauspiele Calderons erläutert und dargestellt" (Elberfeld, 1857 г.), которая представляетъ библіографическую рѣдкость и не могла быть нами разыскана даже въ фундаментальныхъ библіотекахъ.

su honra, превосходнѣйшія созданія поэзіи. Мнѣнія Шака пріобрѣли наибольшую авторитетность и въ обществѣ, однако, мы не считаемъ ихъ правильными и постараемся придать иное освѣщеніе трагедіямъ Кальдерона [1]). Тикноръ не останавливается на подробномъ анализѣ трагедій чести Кальдерона, при чемъ общая ошибка критиковъ—разсматривать трагедіи чести отдѣльно отъ другихъ, повторяется и у американскаго ученаго. Кромѣ того, Тикноръ не отмѣчаетъ фатализма трагедій Кальдерона и не проводитъ строгаго различія между драмами чести и ревности, что безусловно необходимо. Анализъ трагедіи Amar despues de la muerte можно считать удачнымъ [2]). Лемке ограничивается простымъ перечнемъ трагедій Кальдерона [3]). Приблизительно въ предѣлахъ Шаковской формулировки вращается и Клейнъ, хотя приговоръ его, вообще, чрезвычайно суровъ. Оставляя безъ разсмотрѣнія собственно фаталистическія трагедіи Кальдерона, онъ нападаетъ на самыя понятія чести, принятыя у Кальдерона, какъ на нелѣпыя и безнравственныя. Онъ ставитъ Кальдерону въ вину, что онъ не возвысился надъ понятіями своего вѣка, которыя имѣютъ вполнѣ условный характеръ. Лишь въ Саламейскомъ алькальдѣ эти понятія стоятъ на здоровой, естественной почвѣ. Словомъ, Клейнъ ставитъ Кальдерону въ вину то, въ чемъ поэтъ вовсе не виноватъ, забывая, что поэта мы должны оцѣнивать прежде всего съ исторической точки зрѣнія. Понятія о чести условны и, даже допустивъ, что по нашимъ современнымъ взглядамъ, тогдашнія представленія о чести нелѣпы, мы должны прежде всего выяснить вопросъ, насколько удалось поэту и изъ нихъ построить интересную трагедію. У Клейна нѣтъ даже попытки отвѣтить на этотъ вопросъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, указать, что Клейнъ иногда отмѣчаетъ фатализмъ трагедій Кальдерона [4]). Шефферъ, указавъ, что понятія о чести, господствующія въ трагедіяхъ Кальдерона, предосудительны, спѣшитъ замѣтить, что они являются лишь драматической пружиной. Подробнаго анализа пьесъ, интересующихъ насъ, у Шеффера нѣтъ. Кромѣ того нельзя согласиться съ замѣчаніемъ Шеффера, что въ тра-

---

[1]) A. F. Schack, Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien, т. III, стр. 148, 149, 150, 156 и т. д.

[2]) Тикноръ, Исторія испанской литературы, т. II, стр. 329—336.

[3]) Handbuch der Spanischen Literatur, т. III, стр. 675.

[4]) Klein, Geschichte des Dramas, т. XI, 2, стр. 79, 89, 205, 211, 217, 235, 245 и т. д.

гедіяхъ Кальдерона мы находимъ глубокую психологію героевъ: во всякомъ случаѣ подобное замѣчаніе не относится ко всѣмъ трагедіямъ Кальдерона [1]). Послѣдній по времени историкъ испанскаго театра Ad. Gassier не прибавляетъ ничего существенно новаго къ изученію трагедій Кальдерона. У него нѣтъ подробнаго анализа трагедій Кальдерона, и кромѣ того авторъ повторяетъ старую мысль, что Кальдеронъ восхваляетъ въ своихъ трагедіяхъ честь [2]). Гюнтнеръ въ спеціальной работѣ, посвященной нашему поэту, также повторяетъ по вопросу о трагедіяхъ Кальдерона общепринятыя мысли, формулированныя Шакомъ [3]). Наконецъ, у общихъ историковъ искусства, поэзіи и драмы мы не находимъ сколько-нибудь оригинальныхъ замѣчаній о трагедіяхъ Кальдерона [4]). Не болѣе посчастливилось трагедіямъ Кальдерона и у испанскихъ критиковъ. И они въ большинствѣ случаевъ высказываютъ мысли, принятыя у нѣмецкихъ ученыхъ. Напримѣръ, Арценбушу трагедія El Médico de su honra кажется прямо безбожной, на томъ основаніи, что въ ней месть объявляется позволительной. Конечно, такое же обвиненіе, съ точки зрѣнія Арценбуша, легко примѣнить и къ остальнымъ трагедіямъ Кальдерона [5]). Angel Lasso de la Vega въ юбилейной работѣ, посвященной нашему поэту, не входитъ въ подробный анализъ идей, лежащихъ въ основѣ его театра, тѣмъ не менѣе утверждаетъ на каждомъ шагу, что Кальдеронъ восхваляетъ, обожествляетъ честь и т. д. [6]).

Гораздо болѣе удовлетворительной представляется намъ книга извѣстнаго испанскаго ученаго г. Antonio Rubio y Lluch, „El sentimiento del honor en el teatro de Calderon“ (Barcelona, 1882, XVI+290 стр.). Во многихъ отношеніяхъ необходимо принять мысли, которыя высказываетъ Rubio y Lluch. Напримѣръ, онъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что драмы Кальдерона полны протестовъ противъ

---

[1]) Geschichte des Spanischen National-Dramas, т. I, стр. 4 и т. II, стр. 9, 12, 29 и т. д.

[2]) Ad. Gassier, Le théâtre espagnol, стр. 181—188.

[3]) Günthner, Calderon und seine Werke, т. II, стр. 190—191.

[4]) Карьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры, т. IV, стр. 344—348; Proelss, Geschichte des neuren Dramas, т. II, стр. 358—360 и т. д.

[5]) Calderon, Comedias, т. IV, стр. 695 (= Biblioteca de Autores Españoles, т. 14).

[6]) Calderon de la Barca, Estudio de las obras de este insigne poeta. Madrid, 1882, passim.

суровыхъ законовъ чести (стр. 102 и слѣд.). Но онъ ничего не говоритъ о драматическомъ значеніи этого протеста. О томъ, что герои трагедій чести у Кальдерона не имѣютъ каждый достаточно ясной индивидуальности—капитальный недостатокъ этихъ драмъ—г. Rubio y Lluch говоритъ лишь вскользь (стр. 129). Точно также слѣдовало гораздо подробнѣе остановиться на другомъ коренномъ недостаткѣ названныхъ драмъ, именно на отсутствіи достаточно точнаго изображенія психологіи героевъ (стр. 139, 252). Далѣе авторъ неоднократно осуждаетъ самые законы чести, которые служатъ драматической пружиной трагедій Кальдерона, и называетъ ихъ нелѣпыми и дикими (стр. 277). Спѣшу замѣтить, что указанныя неточности въ работѣ г. Rubio y Lluch не уничтожаютъ другихъ капитальныхъ достоинствъ этой книги, которая можетъ служить прекраснымъ руководствомъ при изученіи театра Кальдерона. Adolfo de Castro y Rossi въ своемъ Discurso acerca de la costumbres públicas y privadas de los Españoles en el Siglo XVII, fundado en el estudio de las comedias de Calderon (Madrid, 1881) указываетъ, что понятія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, были общепринятыми въ испанскомъ обществѣ XVII вѣка (стр. 144 и слѣд.), съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. Но г. Castro не изучаетъ самыхъ трагедій Кальдерона по существу, что вполнѣ объясняется цѣлью его трактата. Наконецъ Menéndez y Pelayo, лучшій, хотя въ общемъ и суровый критикъ Кальдерона, въ подробный анализъ нашихъ трагедій не входитъ, ограничившись замѣчаніемъ, что трагедіи чести у Кальдерона насквозь безнравственны [1]). И въ позднѣйшей своей работѣ, предисловіи къ избраннымъ произведеніямъ Кальдерона (Biblioteca clasica, томы 36, 37, 38 и 39), почтенный испанскій ученый называетъ міровоззрѣніе, на которомъ основана трагедія El Médico de su honra, нелишеннымъ нѣкоторой дозы фальши (стр. LLX, т. 36). Но г. Menéndez y Pelayo правильно различаетъ между трагедіями ревности и чести и указываетъ на постоянный протестъ героевъ противъ понятій, которымъ они должны подчиняться [2]). Словомъ, о трагедіяхъ Кальдерона высказывались мысли часто противоположныя, въ которыхъ нельзя разобраться, не пересмотрѣвъ снова всѣ эти трагедіи. Лишь послѣ подробнаго анализа трагедій Кальдерона возможно будетъ указать, есть-ли въ нихъ какіе-нибудь недостатки и въ чемъ именно они заключаются.

---

[1]) Calderon y su teatro, Madrid, 1885, стр. 279.
[2]) Calderon y su teatro, стр. 251—253.

I.

Мы имѣемъ всего шесть трагедій Кальдерона—El mayor monstruo los celos, Amar despues de la muerte, El médico de su honra, Á secreto agravio secreta venganza, El Pictor de su deshonra и El Alcalde de Zalamea [1]). Есть еще одна піеса Кальдерона, которую можно назвать трагедіей, именно „Las tres justicias en una“. Однако, мы оставимъ ее въ сторонѣ, на томъ соображеніи, что герой пьесы изъ числа „добродѣтельныхъ разбойниковъ“ и потому долженъ быть изучаемъ совсѣмъ въ иномъ соединеніи. Эта фигура получитъ надлежащее освѣщеніе лишь въ сопоставленіи съ героями многочисленныхъ піесъ, написанныхъ на ту же тему (напримѣръ, Luis Perez el Gallego, El Purgatorio de San Patricio). Далѣе, любовь, ревность или честь не имѣютъ въ этой трагедіи первенствующаго значенія, и надо всѣмъ высится въ ней идея божественнаго провидѣнія, карающаго за грѣхи. Такимъ образомъ эта піеса не имѣетъ ничего общаго съ трагедіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. (О выдѣленіи трагедій Кальдерона изъ остальной массы его произведеній см. у Menendez y Pelayo въ Teatro Selecto de Calderon т. I, стр. LIX и слѣд.). Что же общаго у шести указанныхъ трагедій? Во всѣхъ нихъ катастрофа выясняется не изъ личнаго характера героевъ и героинь, а вызвана какими-либо внѣшними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи испанская трагедія представляется совершенной противоположностью французскому театру. Такихъ трагедій, гдѣ дѣйствіе зависитъ отъ психологіи героевъ, у Кальдерона нѣтъ. Въ трагедіяхъ нашего поэта характеръ героя, какъ бы превосходно онъ ни былъ обрисованъ, не стоитъ въ прямой связи съ катастрофой. Развязка трагедій Кальдерона совершается такимъ образомъ, что герой страдаетъ и гибнетъ или непосредственно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ или отъ дѣйствія какой-либо моральной силы, вызванной къ жизни этими обстоятельствами. Если мы условимся называть такое построеніе трагедій „фаталистическимъ“, то всего болѣе фатализма найдемъ въ первой изъ нихъ „El mayor monstruo los celos“. Содержаніе ея сводится къ слѣдующему: Иродъ, тетрархъ іерусалимскій, и Маріамна, его жена,—вполнѣ счастливые супруги. Они взаимно любятъ другъ друга, и эта любовь напол-

[1]) По русски: Самое великое чудовище—ревность, Любовь за гробомъ, Врачъ своей чести, Тайному оскорбленію тайная месть, Живописецъ своего позора и Саламейскій алькальдъ.

няетъ все ихъ существованіе. Но счастье ихъ омрачилось однимъ обстоятельствомъ. Какой-то астрологъ предсказалъ Маріамнѣ, что она должна погибнуть отъ кинжала Ирода, и вмѣстѣ съ этимъ ея гибели будетъ содѣйствовать какая-то таинственная причина, которую предсказатель назвалъ „самымъ ужаснымъ чудовищемъ въ мірѣ". Какое это чудовище? Маріамна, конечно, не можетъ догадаться, и душа ея полна самыхъ мрачныхъ предчувствій. Иродъ успокаиваетъ жену. Самое ужасное чудовище въ мірѣ—это его любовь къ ней. Страстнѣе и сильнѣе его любви нѣтъ ничего въ мірѣ. А можетъ ли любовь погубить кого-нибудь? Не къ чему бояться и кинжала, отъ котораго чрезвычайно легко отдѣлаться. Иродъ бросаетъ его въ море съ террасы своего загороднаго дворца... Но не такъ-то легко идти противъ роковаго стеченія обстоятельствъ... Иродъ въ союзѣ съ Антоніемъ уже давно ведетъ войну противъ Октавіана. Союзный флотъ побѣжденъ и одинъ изъ офицеровъ, Толомео, спѣшитъ къ Ироду съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. Кинжалъ Ирода угодилъ Толомею въ плечо, когда онъ вплавь добирался до берега. И такъ Маріамна вновь видитъ орудіе своей смерти. Она не въ силахъ вынести этого ужаснаго зрѣлища и поспѣшно удаляется. Толомео разсказываетъ своему повелителю о пораженіи. Но изъ бесѣды со старымъ офицеромъ, Филипо, мы узнаемъ, что Иродъ довольно равнодушенъ къ побѣдѣ Октавіана. Онъ огорченъ, лишь поскольку все это касается его любви къ Маріамнѣ. Онъ расчитывалъ войти съ нею, какъ тріумфаторъ въ древній Римъ. Пусть погибъ флотъ, пусть умеръ Антоній, пусть весь міръ подчинится Октавіану. Все это не печалитъ Ирода. Печаль его кроется въ томъ, что онъ не могъ сдѣлать Маріамну царицей міра. Только поэтому непріятно ему, что въ мірѣ есть человѣкъ болѣе счастливый и знаменитый, чѣмъ онъ (акт. I сц. 5-я). Затѣмъ дѣйствіе переносится въ Мемфисъ, во дворецъ Октавіана. Среди плѣнниковъ римскаго героя мы видимъ Аристобула, брата Маріамны. У него между прочимъ отобрали письма, изъ которыхъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что Иродъ былъ въ союзѣ съ Антоніемъ противъ Октавіана. Онъ отдаетъ приказъ захватить Ирода и привести къ нему. Среди бумагъ Аристобула Октавіанъ находитъ портретъ незнакомой ему, прекраснѣйшей женщины. Онъ не знаетъ, что это портретъ Маріамны, и влюбляется въ нее. Между тѣмъ тучи собираются надъ головой Ирода. Прежде всего онъ не знаетъ, какъ ему быть съ кинжаломъ, который опять очутился въ его рукахъ? Онъ хочетъ его отдать Маріамнѣ; ему безопаснѣе быть въ ея рукахъ, потому что

она, конечно, сама себя не захочетъ погубить. Но Маріамна боится носить съ собой орудіе своей смерти и проситъ Ирода сохранить у себя роковой кинжалъ. Если правда, говоритъ она, что самое великое чудовище въ мірѣ — твоя любовь, то мнѣ не грозитъ никакая опасность. Если ты меня любишь, то меня не убьешь. А если не любишь, то самое великое чудовище въ мірѣ, твоя любовь, уже не имѣетъ ко мнѣ никакого отношенія, *мнѣ* страшна не можетъ быть (акт. I сц. 13-я). Иродъ соглашается съ этими доводами жены и оставляетъ кинжалъ при себѣ...

Не успѣли они кончить разговора, какъ приносятъ извѣстіе, что войска Октавіана подступили къ Іерусалиму. Иродъ рѣшается защищаться... На этомъ кончается первый актъ. Въ самомъ началѣ втораго мы узнаемъ, что Октавіанъ еще сильнѣе влюбился въ неизвѣстную красавицу, велѣлъ нарисовать ея большой портретъ и повѣсилъ у себя въ комнатѣ. Съ маленькимъ портретомъ онъ не разстается, и, когда приводятъ плѣннаго Ирода, онъ занятъ его разсматриваніемъ. Когда Иродъ наклоняется поцѣловать руку Октавіана, онъ замѣчаетъ, чей портретъ у побѣдителя. Мгновенно забываетъ Иродъ о своемъ униженіи, о томъ, что ему грозитъ смерть. Лишь одному чувству остается мѣсто въ его душѣ—ревности. Надо убить Октавіана. Онъ бросается на него съ кинжаломъ, но большой портретъ Маріамны случайно срывается съ своего мѣста, падаетъ между ними, и ударъ, назначенный Октавіану, достается портрету. Замѣтивъ движеніе Ирода, Октавіанъ велитъ схватить его и бросить въ темницу. А кинжалъ Октавіанъ оставляетъ при себѣ, грозя отомстить оскорбителю прекрасной незнакомки и убить его этимъ самымъ кинжаломъ (акт. II сц. 4-ая). Въ темницѣ разыгрывается сцена, изъ которой читатель убѣждается, что самое великое чудовище въ мірѣ и есть ревность Ирода. Для него нѣтъ сомнѣнія, что Октавіанъ любитъ Маріамну, и въ этомъ причина его несчастія. Опять повторяетъ онъ Филиппо, что ни неудавшаяся политика, ни позоръ—ничто не тревожитъ его души. Онъ умираетъ отъ ревности. Ему страшна самая мысль, что Маріамна достанется другому. Чтобы избѣжать этого, онъ рѣшился на одинъ поступокъ. Пусть называютъ его безуміемъ и жестокостью! Что все это въ сравненіи съ мученіями ревности? Онъ отдаетъ Филиппо приказъ убить Маріамну, въ томъ случаѣ если Октавіанъ велитъ его казнить. Но пусть только Маріамна не узнаетъ, что этотъ ужасный приказъ исходитъ отъ него. Иродъ не хочетъ, чтобы она возненавидѣла его, умирая. Свое жестокое рѣшеніе Иродъ оправ-

дываетъ ссылкой на силу любви. Всякій мужъ и любовникъ, говоритъ онъ, предпочтетъ видѣть свою даму мертвой, чѣмъ въ объятіяхъ другого (акт. II сц. 10-я).

Филипо отправляется въ Іудею. Тамъ Маріамна занята мыслію, какъ бы послать Ироду помощь и освободить его изъ плѣна. Записка Ирода, содержащая смертный приговоръ Маріамнѣ, попадаетъ ей въ руки. Она прочитываетъ ее, и чувство оскорбленной гордости поднимается въ ея душѣ. „Когда я забочусь о твоей свободѣ, говоритъ она, и, какъ Семирамида, спускаю на морскія волны цѣлый Вавилонъ кораблей; когда мое воображеніе цѣлуетъ твою тѣнь, когда я обнимаю пустой воздухъ, обманутая фантазіей, ты въ мрачномъ жилищѣ, въ твоей ужасной темницѣ, ты замышляешь мою смерть?“ Но не только эта случайная неблагодарность Ирода поразила Маріамну. Она оскорблена и недовѣріемъ Ирода: какъ могъ онъ подумать, что она переживетъ его? Неужели и безъ его приказанія она не знала бы какъ ей поступить? Маріамнѣ приходится пережить страшную борьбу. Съ одной стороны она любитъ Ирода, съ другой—въ ней сказывается горечь несправедливой и жестокой обиды. Она не можетъ выйти изъ этого конфликта и проситъ помощи у неба. Тѣмъ временемъ Октавіанъ завладѣлъ Іерусалимомъ. Маріамна, въ которой онъ узналъ оригиналъ прекраснаго портрета, умолила его пощадить Ирода и вернуть ему свободу и царство. Иродъ вполнѣ счастливъ, но его ждетъ жестокое разочарованіе. При людяхъ Маріамна бросилась ему въ объятія, но когда они вернулись во дворецъ, все перемѣнилось, такъ что Иродъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Подаривъ мнѣ жизнь, зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня? Почему ломаешь бѣлыя руки? Почему ты блѣдна и твой голосъ дрожитъ? Зачѣмъ пришла ты въ эти отдаленныя комнаты дворца? Что это значитъ?“ Маріамна говоритъ мужу, что она знаетъ про его ужасное приказаніе. Она указываетъ Ироду, какъ жестоко и неумѣстно оно. „Одинъ лишь ты, варваръ, не только ласкаешь то, что любишь, но не хочешь разстаться съ нимъ и послѣ смерти. Я допускаю, что твое приказаніе вызвано ревностью, готова все привести въ твое оправданіе. Но скажи мнѣ, какой же скупецъ беретъ что-нибудь изъ этого міра въ тотъ?“ Она не можетъ болѣе любить его: онъ ей противенъ. Ей страшно быть съ нимъ; ужъ не есть ли его безумная ревность то ужасное чудовище, отъ котораго ей суждено погибнуть? Оберегая свое доброе имя, она не уйдетъ отъ Ирода „vivir en el clima más remoto“, но отнынѣ не будетъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній и удалится въ уединенную башню, куда

онъ никогда не долженъ входить (акт. III сц. 6-я). Иродъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ жены: теперь она не достанется ни ему, ни другому. Даже самъ онъ не будетъ подходить къ ея жилищу, чтобы не ревновать къ самому себѣ. Теперь Иродъ уже понялъ, что самое ужасное чудовище въ мірѣ и есть ревность, но онъ еще не знаетъ, какъ можетъ погибнуть Маріамна отъ этого чудовища? А происходитъ это слѣдующимъ образомъ. До Октавіана доходятъ слухи, что Иродъ заперъ Маріамну въ башню и вообще жестоко съ ней обращается. Онъ идетъ выручить ее изъ затруднительнаго положенія. Но Маріамна отвергаетъ его предложенія, отвергаетъ любовь и грозитъ покончить самоубійствомъ, если Октавіанъ не оставитъ ея. Октавіанъ послѣ вышеуказанной сцены въ Мемфисѣ, когда ударъ Иродова кинжала достался на долю портрета, не разстается съ этимъ кинжаломъ, и именно этотъ кинжалъ выхватываетъ у него Маріамна. Пользуясь замѣшательствомъ Октавіана, Маріамна спасается отъ него бѣгствомъ, а роковой кинжалъ остается лежать на полу. Въ это время несчастный ревнивецъ тихонько пробирается въ башню Маріамны. Онъ видитъ въ комнатѣ слѣды борьбы и безпорядка, замѣчаетъ и кинжалъ. Все для него становится ясно: несомнѣнно, Октавіанъ восторжествовалъ надъ добродѣтелью Маріамны. Но это убѣжденіе сейчасъ же смѣняется другимъ. Въ комнату вбѣгаетъ Маріамна, и вслѣдъ за ней Октавіанъ. Видя поспѣшное бѣгство своей жены, Иродъ понимаетъ, что она спасается отъ Октавіана, и что, слѣдовательно, съ ея стороны ему нечего опасаться измѣны. Онъ вполнѣ опредѣленно выражается по этому поводу:

Vista tu fuga, á tu honor
Este pecho será muro

т. е. „я вижу твое бѣгство, и грудь моя защититъ твою честь“.

Между соперниками въ полной темнотѣ происходитъ схватка, во время которой Иродъ, по ошибкѣ, роковымъ кинжаломъ убиваетъ Маріамну. Итакъ предсказаніе совершилось. Хотя и не ревность Ирода была непосредственной причиной гибели Маріамны, но все-таки она погибла отъ самаго великаго чудовища въ мірѣ.

Ревность, которая и есть это самое чудовище, какъ бы воплотилась въ Иродѣ. Не любовь его, какъ онъ думалъ сперва, оказалась этимъ чудовищемъ, а онъ самъ и воплотившаяся въ него ревность.

Когда всѣ окружающіе негодуютъ на Ирода, обвиняя его въ смерти невинной Маріамны, онъ отвѣчаетъ имъ, что не онъ, а судьба, погубила Маріамну.

Tados — Yo no la he dado la muerte
Pues quién?

Tetraca — El destino suyo,
Pues que muriendo á mis celos,
Que son sangrientos verdugos,
Vino à morir à las manos
Del mayor monstruo del mundo.

А что касается кинжала, то, какъ было предсказано, онъ и послужилъ орудіемъ враждебной судьбы. Иродъ, убивъ самое дорогое для себя существо, конечно, уже не можетъ жить и въ отчаяніи бросается въ морскія волны. Таково содержаніе этой трагедіи. Изъ анализа ея выясняется, что построеніе ея дѣйствительно таково, что сюжету ея подходитъ названіе фаталистическаго. Не говоримъ уже о томъ, что событія заранѣе подготовлены враждебнымъ рокомъ. Въ теченіи трехъ актовъ дѣйствующія лица стараются вырваться изъ желѣзныхъ цѣпей судьбы и подъ конецъ, повидимому, успѣваютъ въ этомъ. Но тутъ является кинжалъ, и судьба довершаетъ свое дѣло. Съ другой стороны ясно, что Иродъ есть дѣйствительный ревнивецъ. Онъ какъ бы наглядно показываетъ, что любовь и ревность нераздѣлимы. Любовь въ этой пьесѣ показываетъ свою жестокую, мрачную сторону, размышленіе надъ которой заставило Лопе де Вегу воскликнуть—Qué amor no acaba en tragedia? Даже отдавая свое ужасное приказаніе, Иродъ все еще находится во власти любви, конечно, любви страстной, эгоистической и исключительной. Но тѣмъ не менѣе онъ не противорѣчитъ самъ себѣ; онъ весь сотканъ изъ одного чувства, которое, сообразно обстоятельствамъ, является то какъ любовь, то какъ ревность. Поэтому Иродъ—фигура цѣльная, чуждая какой-либо дисгармоніи, и исторія его несомнѣнно производитъ трагическое впечатлѣніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о Маріамнѣ, въ которой авторъ искусно соединилъ черты существа слабаго и безпомощнаго передъ враждебной силой судьбы и женщины гордой и независимой, чувства которой глубоко уязвлены несправедливыми подозрѣніями мужа.

Не менѣе фатализма въ трагедіи Amar despues de la muerte, которая общимъ характеромъ своимъ напоминаетъ Ромео и Джульетту Шекспира. Здѣсь, какъ и въ англійской пьесѣ, изображена трагическая исторія любви двухъ молодыхъ людей, кончившаяся печально вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ. У Шекспира Дамокловымъ мечомъ, который губитъ Ромео и Джульетту, служитъ

вражда между двумя знатными фамиліями Вероны. У Кальдерона трагедія любви разыгрывается на фонѣ крупнаго историческаго событія, именно возстанія мавровъ Альпухарры, которое длилось отъ 1568 г. до 1570 г. и было подавлено усиліями донъ Хуана Австрійскаго. Критики этой превосходной пьесы единогласно прославляютъ безпристрастіе и искусство Кальдерона, съ какими онъ изобразилъ это, не особенно пріятное для испанскаго самолюбія, событіе. Герои пьесы мориски, Tuzaní и Clara — страстно любящіе другъ друга. Несмотря на ихъ происхожденіе и обычное у испанцевъ презрительное отношеніе къ маврамъ вездѣ, гдѣ они сопоставляются съ христіанами, Кальдеронъ сдѣлалъ своихъ героевъ вполнѣ достойными любви и уваженія читателя. Когда началось знаменитое возстаніе, любовники должны покинуть Гранаду, гдѣ жили до сихъ поръ. Отецъ Клары получилъ начальствованіе надъ однимъ изъ возставшихъ городовъ, а Tuzaní—надъ другимъ. Оба эти города находятся въ горахъ Альпухарры, въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другого, такъ что Clara и Tuzaní продолжаютъ видѣться. Уже назначенъ день ихъ свадьбы. Но въ этотъ самый день испанцы идутъ приступомъ на городъ, въ которомъ живетъ Clara, и овладѣваютъ имъ. Одинъ испанскій солдатъ, по имени Garcés, смертельно ранитъ Клару, желая воспользоваться ея драгоцѣнностями. Затѣмъ слѣдуетъ эффектная сцена. При яркомъ пламени горящихъ домовъ, подъ страшный шумъ битвы, Tuzaní, который примчался изъ сосѣдняго города на защиту своей милой, видитъ ее едва живой. Клара, принимая жениха за испанца, проситъ его изъ состраданія нанести ей смертельный ударъ:

Тусани. О, несчастное божество! Тотъ, кто держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ, вовсе не хочетъ убить тебя; онъ предпочелъ бы свою жизнь раздѣлить на двѣ половины (и одну отдать тебѣ).

Клара. Изъ твоихъ словъ я вижу, что ты африканскій арабъ. И если я дважды имѣю право на твою помощь, какъ женщина и какъ женщина несчастная, окажи мнѣ одну услугу. Въ Гавіи живетъ, какъ алькальдъ, Тусани, супругъ мой. Немедля отправься къ нему и это послѣднее, крѣпкое объятіе передай ему отъ меня. Скажи ему, что его жена, обагренная собственной кровью, лежитъ въ Гимерѣ, убитая рукой испанца, болѣе жаднаго до ея драгоцѣнностей, чѣмъ до ея жизни.

Тусани. То объятіе, которое ты даешь мнѣ, не надо передавать

твоему мужу: онъ самъ здѣсь, чтобы его принять. Вѣдь никто не опаздываетъ въ несчастьи!

Клара. Лишь твой голосъ, о, мое блаженство, могъ дать мнѣ новое дыханіе, лишь онъ дѣлаетъ счастливой мою смерть. О, дай мнѣ обнять тебя, умереть въ твоихъ объятьяхъ и умереть!..

Не докончивъ своей рѣчи, Клара умираетъ, и Tuzaní надъ ея трупомъ даетъ клятву отомстить ея убійцѣ. Переодѣвшись испанцемъ, Tuzaní пробирается въ непріятельскій лагерь, гдѣ судьба сводитъ его съ убійцей невѣсты. Здѣсь опять весьма патетическая сцена, когда Garcés, не зная, кто находится передъ нимъ, спокойно разсказываетъ Tuzaní, какъ онъ убилъ Клару. Онъ кончаетъ свой разсказъ словами: „Желая отнять у ней ея украшенія, я ударилъ ее кинжаломъ въ грудь"... Тогда Tuzaní выхватываетъ свой кинжалъ и закалываетъ Garcés'а, говоря: „И ударъ твой былъ таковъ?" [1]) Отомстивъ за убійство невѣсты, Tuzaní, гордый и неукротимый, удаляется въ родныя горы.

И въ этой трагедіи герои страдаютъ и гибнутъ не вслѣдствіе своихъ страстей, а потому что жизнь ихъ вовлечена въ водоворотъ крупныхъ историческихъ событій. Страстная любовь Клары и Tuzaní виновата ли въ подобной развязкѣ? Изъ ихъ характера можно ли вывести, что они должны погибнуть? Разумѣется нѣтъ, и въ комедіяхъ „плаща и шпаги" Кальдеронъ, черезъ самыя разнообразныя препятствія, обыкновенно доводитъ любовную исторію до счастливаго окончанія. Значитъ, любовь не представлялась Кальдерону исключительной трагической силой, одно прикосновеніе которой губитъ человѣка. Но въ данномъ случаѣ дѣло получаетъ трагическій оборотъ, потому что исторія никогда не справляется съ желаніями отдѣльныхъ лицъ и неукоснительно совершаетъ свое шествіе, хотя бы при этомъ погибли тысячи индивидуумовъ. Печальная судьба людей въ тяжелыя военныя времена, вотъ тема Кальдероновской трагедіи. Ясно, что постройка этой трагедіи совершенно напоминаетъ намъ постройку El mayor monstruo los celos: и тамъ и здѣсь развязка не стоитъ въ связи съ характеромъ героевъ, а объясняется внѣшними обстоятельствами. Не желая задерживать читателя подробнымъ анализомъ второй трагедіи Кальдерона, перейду къ трагедіямъ собственно чести.

---

[1]) Calderon, Comedías III, стр. 699, 3. Въ подлинникѣ: Fué—Como esta la puñalada?

II.

Какого же рода судьба является намъ въ четырехъ трагедіяхъ чести Кальдерона, и можно ли, вообще, назвать ихъ фаталистическими? Эти вопросы выясняются при ближайшемъ разсмотрѣніи трагедій.

Основная тема ихъ—месть за оскорбленную честь. Три изъ нихъ въ различныхъ варіаціяхъ изображаютъ, какъ мужъ убиваетъ жену за ея мнимую или дѣйствительную измѣну. Для подробнаго анализа остановимся на самой мрачной и кровавой изъ трехъ трагедій, изображающихъ оскорбленіе супружеской чести. Это—знаменитая пьеса „El Médico de su honra“ (Врачъ своей чести). Инфантъ, донъ Энрике, упалъ съ коня и въ безчувственномъ состояніи былъ принесенъ въ загородный домъ Гутьерре Солиса, неподалеку отъ Севильи. Этотъ Гутьерре Солисъ женатъ на молодой Менсіи, за которой когда-то ухаживалъ инфантъ. Менсія раздѣляла его чувства, но по волѣ родителей ей пришлось выйти за Гутьерре. Инфантъ не могъ воспрепятствовать этому браку, потому что находился тогда въ отсутствіи. Теперь ему снова пришлось столкнуться съ Менсіей. Менсія еще любитъ инфанта по прежнему, но рѣшаетъ побороть эту страсть, какъ противную супружеской чести. Когда Энрике очнулся и увидѣлъ, кто передъ нимъ находится, онъ хочетъ сейчасъ покинуть жилище Гутьерре. Въ это время возвращается самъ хозяинъ, Гутьерре Солисъ, и благодаритъ инфанта за высокую честь остановиться на время въ его домѣ. Энрике, въ досадѣ, что Менсія уже болѣе не можетъ ему принадлежать, удаляется. Гутьерре, оставшись вдвоемъ съ женою, въ самыхъ галантныхъ выраженіяхъ проситъ у ней позволенія покинуть ее на время и отправиться въ Севилью, чтобы засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства королю, Петру Жестокому. Менсія не особенно охотно отпускаетъ мужа. Догадливая служанка замѣтила, что послѣ всего этого происшествія Менсія потеряла обычную веселость, и говоритъ ей объ этомъ. Менсія въ двухъ словахъ указываетъ служанкѣ, какъ затруднительно ея положеніе.—„Tuve amor y tengo honor“, т. е. я любила Энрике, чувство это легко можетъ возродиться, но честь повелѣваетъ мнѣ хранить вѣрность Гутьерре (акт. I сц. 11). Менсія и не измѣнитъ мужу даже въ мысляхъ, но обстоятельства сложатся такъ, что Гутьерре повѣритъ въ ея измѣну. Изъ дальнѣйшаго развитія пьесы мы узнаемъ, что Гутьерре не только галантенъ въ обращеніи съ женщинами, не

только любитъ Менсію и чрезвычайно лояленъ по отношенію къ государю и членамъ царской фамиліи, но и ревниво оберегаетъ свою честь отъ всякихъ оскорбленій. Такъ онъ признался Петру Жестокому, почему онъ не женился на Леонорѣ, за которой когда-то ухаживалъ. Онъ видѣлъ, какъ однажды, ночью, какой-то мужчина соскочилъ съ балкона ея дома. Это ему показалось достаточнымъ, чтобы прервать съ нею отношенія. Одинъ изъ кавалеровъ, присутствующихъ при этомъ, заступился за Леонору; Гутьерре возражаетъ; и они въ присутствіи короля хватаются за шпаги. Король, видя въ этомъ неуваженіе къ своей особѣ, велитъ ихъ отвести въ тюрьму. Энрике очень радъ такому обороту дѣла: онъ спѣшитъ воспользоваться отсутствіемъ Гутьерре, чтобы повидаться съ Менсіей, но тюремщикъ въ Севильѣ—другъ Гутьерре и на честное слово отпустилъ его до зари, чтобы Гутьерре могъ посѣтить свою усадьбу. Гутьерре пріѣзжаетъ домой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Энрике изливаетъ передъ Менсіей свои жалобы на ея измѣну. Менсія, чтобы не возбудить подозрѣній мужа, прячетъ инфанта въ своей комнатѣ и, стараясь овладѣть собой, спѣшитъ на встрѣчу мужу. Она надѣется какъ-нибудь избавиться отъ непріятнаго гостя. Послѣ первыхъ привѣтствій, Менсія уходитъ приготовить мужу ужинъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ крикомъ, что у себя въ комнатѣ она видѣла незнакомаго мужчину. Гутьерре спѣшитъ узнать, въ чемъ дѣло, и, когда они идутъ, Менсія, какъ бы случайно гаситъ свѣчу. Инфанту удалось спастись. Гутьерре возвращается, но это уже не нѣжный счастливый супругъ. Въ душу его запало подозрѣніе: въ комнатѣ Менсіи онъ нашелъ чей-то кинжалъ. Подозрѣнія его усиливаются, когда Менсія, видя этотъ кинжалъ, думаетъ, что Гутьерре хочетъ ее убить, и начинаетъ оправдываться. Гутьерре успокаиваетъ ее, но про себя замѣчаетъ:

Ay, honor! mucho tenemos
Que hablar á solas los dos

(о многомъ нужно намъ поговорить наединѣ, о честь моя! — Акт. II сц. 11). Король между тѣмъ прощаетъ Гутьерре. Встрѣтившись во дворцѣ съ инфантомъ, Гутьерре замѣчаетъ, что кинжалъ, найденный имъ въ комнатѣ Менсіи, совершенно подходитъ къ шпагѣ инфанта. Ужъ не инфантъ ли былъ у Менсіи? Подозрѣнія все сильнѣе и сильнѣе подымаются въ душѣ, но онъ не даетъ имъ воли и старается спокойно обсудить положеніе дѣла. Вся видимость противъ Менсіи, но тутъ можетъ быть

случайное совпаденіе. Менсія женщина вполнѣ достойная и не измѣнить чести. Но вѣдь и на солнцѣ есть пятна, можетъ забыться и Менсія. „Честь моя находится въ опасности, я долженъ лѣчить ее“. Гутьерре рѣшаетъ наблюдать за женой и съ этой цѣлью опять тайно вернуться въ усадьбу. Дальнѣйшее развитіе исторіи и состоитъ въ томъ, какъ постепенно убѣждается Гутьерре въ виновности жены. Ночью въ саду Менсія принимаетъ Гутьерре за инфанта, и Гутьерре при этомъ узнаетъ, что инфантъ дѣйствительно былъ въ комнатѣ Менсіи. Гутьерре отомститъ за такое оскорбленіе чести. Но месть эта будетъ тайная, и никто не узнаетъ о позорѣ Гутьерре.

Pues médico llamo de mi honra,
Yo cubriré con tierra mi deshonra (актъ II сц. 19).

Онъ узнаетъ, что инфантъ еще прежде его любилъ Менсію. Нѣтъ для него выхода изъ затруднительнаго положенія, есть лишь одно средство—убить измѣнницу. Потомъ онъ находитъ у жены записку, вполнѣ невинную, къ инфанту. Теперь дѣло кончено. Подозрѣнія оправдались. Убить инфанта Гутьерре не можетъ, это запрещаетъ ему его лояльность. Но Менсія должна умереть. Однако, убивая ея тѣло, Гутьерре не хочетъ губить ея души. Онъ даетъ ей два часа времени, чтобы исповѣдаться и причаститься. Онъ пишетъ ей записку: „Любовь тебя обожаетъ, честь тебя ненавидитъ, любовь тебя предупреждаетъ, что честь тебя убьетъ. Тебѣ осталось два часа жизни: ты христіанка, спасай душу, потому что жизнь спасти невозможно“ (актъ III сц. 10-я). По прошествіи двухъ часовъ, Гутьерре призываетъ человѣка, спеціальность котораго пускать кровь (sangrador), велитъ ему продѣлать эту операцію съ Менсіей. Гутьерре вполнѣ спокоенъ въ ужасные моменты и еще разъ сравниваетъ себя съ врачемъ:

Médico soy de mi honor.
La vida pretendo darle
Con una sangria que todos
Curan á costa de sangre

(т. е. я врачъ своей чести, и этимъ способомъ думаю сохранить ей жизнь. Вѣдь кровопусканіе самый обычный способъ лѣченія.—Актъ III сц. 13-я). Потомъ передъ королемъ и прочими дѣйствующими лицами Гутьерре разсказываетъ, что жена его случайно умерла отъ кровопусканія. Дѣлаетъ это онъ, конечно, не изъ трусости, а для того, чтобы позоръ его остался неизвѣстнымъ. Зная содержаніе этой первой трагедіи чести, мы знаемъ приблизительно содержаніе и двухъ дру-

гихъ, которыя изображаютъ тоже оскорбленіе супружеской чести и месть за него. И въ другихъ двухъ трагедіяхъ содержаніе и развитіе пьесы состоитъ въ томъ, какъ мужъ, счастливый и любящій, постепенно убѣждается въ измѣнѣ жены, и какъ мститъ онъ за это оскорбленіе. Въ виду этой общности сюжета, который различается лишь въ подробностяхъ интриги, мы ограничимся лишь самыми краткими замѣчаніями о двухъ другихъ трагедіяхъ. Во второй трагедіи „Á secreto agravio secreta venganza" жена виновата передъ мужемъ по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ и мысляхъ. Она совѣтуетъ мужу отправиться на войну въ Африку, что ему кажется подозрительнымъ, такъ какъ онъ давно замѣтилъ какого-то молодого человѣка, который постоянно ходитъ вокругъ его дома. Далѣе, она принимаетъ у себя своего прежняго обожателя. Наконецъ, пользуясь отсутствіемъ дона Лопе, она прямо приглашаетъ Луиса на любовное свиданіе [1]). Донъ Луисъ отправляется на свиданіе, но по дорогѣ встрѣчается съ дономъ Лопе, который предлагаетъ ему ѣхать съ нимъ въ лодкѣ, обѣщая доставить въ надлежащее мѣсто. Луисъ, думая, что Лопе не узнаетъ его, смѣло садится съ нимъ въ лодку, говоря про себя: „Есть-ли въ мірѣ человѣкъ болѣе счастливый, чѣмъ я?" Въ это время донъ Лопе тоже про себя замѣчаетъ: „Онъ попался въ мои руки, и уже ударилъ часъ его смерти". „Самъ мужъ ведетъ меня къ своей женѣ!" продолжаетъ Луисъ [2]). Съ такими весьма эффектными a parte они отчаливаютъ отъ берега, и во время поѣздки донъ Лопе топитъ Луиса. Потомъ онъ приходитъ къ женѣ и разсказываетъ ей о случившемся. Леонора падаетъ въ обморокъ. Теперь для Лопе уже нѣтъ болѣе сомнѣнія въ виновности жены. Не желая, чтобы позоръ его сталъ извѣстенъ всѣмъ, если онъ убьетъ жену, онъ зажигаетъ домъ, и въ пламени гибнетъ Леонора.

Въ третьей трагедіи измѣна жены уже несомнѣнна. Серафина оставляетъ своего пожилого мужа, дона Хуана Рока, и съ любовникомъ, Альваро, бѣжитъ въ Италію. Донъ Хуанъ, въ одеждѣ бѣднаго живописца, отправляется на поиски бѣглецовъ. Однажды въ Италіи его просятъ нарисовать портретъ одной красавицы. Во время сеанса онъ узнаетъ въ этой красавицѣ свою жену. Вдругъ она засыпаетъ (обычный пріемъ у Кальдерона); донъ Хуанъ колеблется: убивать или нѣтъ? Серафина просыпается, встревоженная страшнымъ сномъ, и, еще не

[1]) Calderon, Comedias, т. I, стр. 608,2.
[2]) Calderon, Comedias, I, 607,2.

совсѣмъ очнувшись, восклицаетъ: „ Донъ Хуанъ, мой господинъ и супругъ, подожди, не марай твоей шпаги моей кровью, не убивай, не убивай меня." Слова эти относятся къ страшному сну: она видѣла, что донъ Хуанъ хотѣлъ ее убить. На ея крикъ входитъ Альваръ и спрашиваетъ, что съ ней? Серафина говоритъ: „ я видѣла во снѣ изображеніе моей смерти. О, никогда мнѣ не были столь пріятны твои объятія, какъ теперь." Эти слова открываютъ донъ Хуану все, и онъ убиваетъ оскорбителей въ порывѣ негодованія, которое такъ долго сдерживалъ.

Кромѣ сходства въ сюжетѣ, который представляетъ лишь весьма незначительныя отличія въ трехъ трагедіяхъ изъ семейной жизни (между мужемъ и женой), — есть нѣсколько другихъ пунктовъ, которые лишь усиливаютъ впечатлѣніе однообразія, оставляемое этими пьесами. Напримѣръ, длинныя признанія героевъ неизмѣнно повторяются во всѣхъ трехъ трагедіяхъ. Но впечатлѣніе однообразія несомнѣнно бы ослабилось, если бы поэтъ внесъ въ характеры своихъ героевъ болѣе индивидуальныхъ чертъ. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ, и приходится признаться, что всѣ три героя анализованныхъ трагедій—на одно лицо. Дѣйствительно, они скроены по одной мѣркѣ, въ чемъ отчасти можно было убѣдиться изъ предшествующаго анализа трагедій чести. Всѣ они въ большей или меньшей степени, и при томъ съ ничтожными варіаціями, воплощаютъ въ себѣ типъ испанскаго кавалера XVII вѣка. Но кромѣ общихъ свойствъ кавалера, какъ-то: галантнаго обращенія съ женщинами, непоколебимой вѣрности друзьямъ и королю и т. д., въ трагедіяхъ ярко изображены черты испанскаго мужа, какимъ онъ неизмѣнно является въ драматической поэзіи. На ряду съ отмѣченными только что блестящими чертами кавалера, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ трехъ мужей, въ нашихъ трагедіяхъ мы видимъ одинъ и тотъ же типъ „мужа-аргуса". Эта любопытная фигура не можетъ считаться оригинальнымъ созданіемъ Кальдерона: не съ меньшей энергіей въ ея изображеніи встрѣчаемся мы уже въ драмахъ Лопе де Веги. Мужъ — аргусъ, зорко наблюдающій за своей женой, крайне подозрительный и недовѣрчивый — вотъ въ общихъ чертахъ портретъ испанскаго мужа, пока онъ еще не убѣдился въ измѣнѣ жены. Одинаково находимъ мы эти черты и у Гутьерре, и у Лопе, и у Хуана Рока. Наконецъ, когда жена измѣнила и этимъ самымъ оскорбила честь своего супруга, онъ выступаетъ въ роли мстителя за поруганную честь. Читатель можетъ убѣдиться, что

и въ этомъ отношеніи три мужа въ трагедіяхъ Кальдерона совершенно одинаковы. И такъ испанскій кавалеръ, аргусъ и мститель— вотъ три типическія черты мужа, съ которыми мы встрѣчаемся безразлично во всѣхъ трехъ трагедіяхъ. Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, придалъ ли Кальдеронъ этому типическому портрету какія-либо существенныя черты разнообразія? Говоря иначе, создалъ ли онъ фигуры живыхъ, индивидуальныхъ людей, или мы остаемся въ предѣлахъ эстетической абстракціи. Напримѣръ, разнообразіе могло быть внесено самимъ временемъ, къ которому относится дѣйствіе каждой трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ три мужа живутъ въ различныя эпохи. Гутьерре XIV вѣка, донъ Лопе—въ концѣ XVI вѣка и донъ Хуанъ—близкій современникъ Кальдерона. Но различіе эпохъ не отразилось въ различіи характеровъ. Дѣйствительно, своею преданностью королю и членамъ королевскаго дома Гутьерре ни чуть не отличается отъ дона Лопе. Между тѣмъ они живутъ въ различныя эпохи: Гутьерре — современникъ Петра Жестокаго, всю жизнь проведшаго въ войнахъ съ непокорными вассалами, которые могли имѣть всякія другія добродѣтели, но никакъ не обожествленіе королевской власти и полную преданность ей. Другое дѣло — конецъ XVI в., эпоха дона Лопе де Альмейда: съ воцареніемъ австрійскаго дома появляется и та lealtad, героями которой изображены Гутьерре и донъ Лопе [1]).

Конечно, современники Кальдерона не замѣчали этого отсутствія исторической вѣрности, но для насъ это несомнѣнный недостатокъ. Во всякомъ случаѣ трагедіи Кальдерона выиграли бы въ правдивости, еслибъ онъ воспользовался благодарнымъ ресурсомъ, который ему давала исторія. Въ трагедіи El pintor de su deshonra, частному человѣку не приходится столкнуться съ королевской властью; поэтому въ ней не можетъ быть коллизіи lealtad и супружеской чести. Кальдеронъ сдѣлалъ героя живописцемъ, — моментъ, позволявшій внести разнообразіе въ психологію героя. Но Кальдеронъ ограничился тѣмъ, что вложилъ въ уста Хуана нѣсколько словъ о задачахъ и цѣляхъ этого искусства [2]), и профессія дона Хуана не отразилась на его отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ и на его поступкахъ. Правда, она имѣетъ прямую связь съ окончаніемъ трагедіи, но это

---

[1]) См. объ этомъ вполнѣ правильныя замѣчанія L. Viel-Castel'я въ Essai sur le théâtre espagnol, т. II, стр. 71.

[2]) Calderon, Comedias, IV, 72, 2—3.

опять уже моментъ внѣшняго разнообразія, варіаціи интриги, а не той психологіи, которую мы ищемъ теперь. Но нигдѣ такъ ярко не выступаетъ однообразіе Кальдероновскихъ героевъ, какъ въ длинныхъ монологахъ, которые можно считать ихъ самоанализомъ. Они произносятъ эти монологи при каждомъ удобномъ случаѣ. Всѣ монологи построены на одной общей схемѣ. Особенно замѣтно это сходство въ трагедіяхъ: El Médico de su honra и A secreto agravio, secreta venganza. Въ душу героя западаетъ подозрѣніе насчетъ вѣрности его жены; различными доводами онъ старается устранить его, но оно возникаетъ все съ новой и новой силой, и наконецъ герой рѣшается мстить за оскорбленіе, увѣрившись въ измѣнѣ и негодуя при этомъ на безумные законы чести. Эту схему монолога мы встрѣчаемъ въ обѣихъ трагедіяхъ. Допустимъ, что при одинаковомъ положеніи и дѣйствіе трагедіи должно развиваться одинаково. Но сходство монологовъ—не только въ ходѣ мыслей, которыя постоянно однѣ и тѣ же, за самыми незначительными колебаніями: оно простирается и на способъ выраженія. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько отрывковъ:

Гутьерре.

Esta noche iré á mi casa,
De secreto entraré en ella,
Por ver qué malicia tiene
El mal, y hasta apurar esto
Disimularé, si puedo,
Esta desdicha, esta pena,
Este rigor, este agravio,
Este dolor, esta ofensa,
Este asombro, este delirio,
Este cuidado, esta afrenta
Estos celos... Celos dije?
Que mal hice; vuelva, vuelva
Al pecho la voz.

(Переводъ послѣд. трехъ строкъ. Эта ревность... Я сказалъ ревность? Худо поступилъ я; вернись, вернись, о голосъ, обратно въ грудь).

Mas siéndolo, no pudiera
No estar culpada Mencía?
. . . . *Mencía es quien es*
Y soy quien soy.

Д. Лопе Альмейда.

Osará decir la lengua
Que tengo? Lengua, detente,
No pronuncies, ni articules
Mi afrenta; que castigada
Podrá ser que si me ofendes
Con mi vida ó mi muerte,
Siendo ofensor y ofendido,
Yo me agravie y me vengue.
No digas, que tengo celos.
Ya lo dije, ya no puede
Volverse al pecho la voz.

(*Idem.* Не говори, что я ревную. Я уже сказалъ это, уже не можетъ вернуться въ грудь мой голосъ).

No puede ser que Leonor
Tales consejos me diese
Por ser noble como es
. . . .

. . . .
No hay quien pueda
Borrar de tanto esplendor
La hermosura y la pureza и т. д.

(Но даже если это и такъ, развѣ не можетъ быть, что Менсія невиновата? Менсія—та, кто она есть; и я тотъ, кто я есть. Никто не можетъ затемнить красоту и чистоту такого блеска).

Leonor es quien es y yo
Soy quien soy, y nadie puede
Borrar fama tan segura и т. д.

(Леонора та, кто она есть; и я тотъ, кто я есмь. Никто не можетъ затемнить такую славу и т. д.) [1]).

Означенными выписками не исчерпывается параллелизмъ двухъ трагедій: его можно отмѣтить и въ другихъ частяхъ. И Гутьерре и донъ Лопе, страдая отъ оскорбленія чести, оба высказываютъ желаніе умереть. Гутьерре говоритъ при этомъ:

Muera Mencia de suerte
Que ninguno lo imagine,
Mas antes que llegue á esto
La vida el cielo me quite.

и немного ниже:

Paro cuando, para cuando,
Esos azules viriles
Guardan un rayo? No es tiempo,
De que sus puntas se vibren
Preciando de tan piadosos? (акт. 7 III сц. 3-ья).

И донъ Лопе высказываетъ пожеланіе, чтобы молнія убила его:

No fuera mejor castigo,
Cielos, desatar un rayo,
Que con mortal precipicio
Me abrasara? (акт. III сц. 6-ая).

Было бы излишнимъ послѣ этихъ сопоставленій продолжать выписки. Читателю ясно и теперь, какъ великъ иногда параллелизмъ двухъ первыхъ трагедій чести [2]). Точно также развивается дѣйствіе и въ трагедіи El pintor de su deshonra, съ тою разницею, что герой ея убѣждается въ измѣнѣ жены гораздо скорѣе и способомъ несомнѣннымъ.

Такимъ образомъ три мужа мыслятъ, чувствуютъ и разсуждаютъ

---

[1]) Comedias, т. I, стр. 600, 3—601, 1 и 357,3—358,1.
[2]) Ср. еще напримѣръ, El Médico актъ, II сц. 19 и A. Secreto... акт. II сц. 19.

совершенно одинаково. Но сходство не только въ ихъ монологахъ, которые можно назвать психологическимъ моментомъ трагедій. И самая месть, выполненіе которой занимаетъ послѣднюю часть пьесы, варьируется только съ внѣшней стороны. Психика героевъ нисколько отъ этого не измѣняется. Мститель за честь, бо́льшею частью старающійся скрыть дѣйствительное оскорбленіе,—вотъ неизмѣнный характеръ мужа въ послѣднихъ сценахъ трагедій. Чертъ личнаго разнообразія мы не замѣчаемъ и въ описаніи кровавой развязки. Напримѣръ, и Гутьерре, и донъ Лопе объясняютъ смерть женъ естественной, посторонней причиной. Правда, скрыть оскорбленіе—это одинъ изъ параграфовъ кодекса чести; но для чего дважды повторять одинъ и тотъ же мотивъ? Наконецъ, ни одинъ изъ трехъ мужей не чувствуетъ раскаянія, совершивъ свою месть.

Можно идти далѣе и сказать, что центръ тяжести въ трагедіяхъ чести заключается во внѣшнемъ развитіи интриги, въ искусно составленной комбинаціи фактовъ, чрезвычайно правдоподобно убѣждающихъ мужа въ виновности жены. Конечно, способы убѣжденія могутъ быть различные, но все это сценическія мелочи, ни чуть не отражающіяся на развитіи темы. Историкъ литературы, разумѣется, увидитъ здѣсь характерное свойство испанскихъ драматурговъ переносить центръ тяжести на интригу, но однообразіе характеровъ всетаки непріятно чувствуется.

Второй недостатокъ семейныхъ трагедій заключается въ томъ, что герои не только однообразны, но, кромѣ того, мы въ нихъ не замѣчаемъ слѣдовъ душевной борьбы, столь естественной въ ихъ положеніи. Между тѣмъ на необходимость такой внутренней борьбы указываетъ сама завязка названныхъ пьесъ, которая какъ бы обязывала автора изобразить ее. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Кальдероновскіе мужья любятъ своихъ женъ. Когда Гутьерре арестовали, по приказанію короля, вотъ, что онъ говоритъ a parte: „мнѣ все равно, что король сердится на меня, но я страдаю отъ того, что не увижу тебя сегодня, Менсія“ (акт. I сц. 17-ая). Рискуя жизнью, Гутьерре ночью покидаетъ темницу и спѣшитъ въ свое помѣстье повидаться съ женой, чтобы къ утру вновь вернуться въ заключеніе. „Быть безъ жены въ темницѣ—все равно, что не жить. Въ темницѣ я жилъ безъ души, потому что тебя не было со мной“ (акт. II сц. 5-ая). Такія же чувства высказывалъ и донъ Лопе. Но все это, пока не задѣта честь. Лишь только дѣло коснется оскорбленія, мужъ мгновенно забываетъ свои нѣжныя чувства

къ женѣ. Многое можно привести въ оправданіе этого страннаго исчезновенія чувствъ при первомъ появленіи опасности. Можно допустить, честь—первое благо въ мірѣ, а измѣна жены представляется вполнѣ вѣроятною. Но какъ бы выиграла трагедія въ правдивости и цѣльности изображенія характеровъ, если бы поэтъ представилъ намъ борьбу любви и чести. Мелодія любви, начатая въ началѣ пьесы, вдругъ безслѣдно обрывается.

Мстить за оскорбленіе чести можетъ супругъ, который и не любитъ своей жены. И безъ любви къ женѣ оскорбленіе чести остается въ полной силѣ. Но разъ поэтъ началъ съ изображенія столь естественнаго чувства, какъ супружеская любовь, слѣдовало изобразить также, какъ любовь постепенно уступаетъ мѣсто суровому закону чести. Нечего и говорить, какія широкія перспективы психологической драмы открывались тутъ передъ поэтомъ. Но и элементарное требованіе драматической техники состоитъ въ томъ, чтобы доводить до конца разъ начатые мотивы. Если бы Кальдеронъ изобразилъ подобную борьбу любви и чести, его герои покинули бы узкую область эгоистическихъ страданій, въ которой находятся все время. Жена своей измѣной оскорбила мою честь, но если я убью жену, честь моя возстановится — вотъ какъ разсуждаютъ герои Кальдерона. За такими разсужденіями сейчасъ же слѣдуетъ рѣшеніе убить жену. Такъ они и поступаютъ. Увѣрившись въ измѣнѣ жены, они убиваютъ ее безъ всякаго состраданія. Въ этомъ отношеніи характеренъ монологъ, который произноситъ донъ Лопе, когда онъ окончательно рѣшилъ убить жену. Въ этомъ монологѣ 81 строка, и изъ нихъ только слѣдующія относятся къ несчастной женщинѣ:

Leonor (ay de mí) Leonor,
Bella como licenciosa,
Tan infeliz, como hermosa.

И больше ничего. Далѣе слѣдуетъ строка, произносимая безъ всякихъ ограниченій и коментаріевъ—La muerte á Leonor daré (я убью Леонору, акт. II сц. 16-ая). Изъ длиннѣйшихъ монологовъ Гутьерре почти только слѣдующія строки обнаруживаютъ его чувства къ Менсіи, въ то время, когда онъ подозрѣваетъ ее. „Пусть Менсія умретъ и никто не узнаетъ, за что она умретъ. Но до того момента, о Боже, возьми у меня жизнь, чтобы мнѣ не пришлось видѣть трагедіи столь несчастной любви“ (акт. III сц. 3-я). Никто, конечно, не станетъ требовать, чтобы мужъ любилъ преступницу жену, но отъ автора мы вправѣ требовать, чтобы онъ показалъ, какъ постепенно одно чувство

уступаетъ мѣсто другому. Этотъ переходъ, эта борьба въ трагедіяхъ Кальдерона не изображена. Даже сожалѣнія объ убитой женѣ не замѣчаемъ мы въ мужьяхъ. Гутьерре совершенно спокоенъ, окончивъ свою ужасную месть. Вотъ что говоритъ онъ: „это былъ самый тонкій способъ покончить съ моимъ оскорбленіемъ: ядъ и кинжалъ были бы слишкомъ явными уликами" (акт. III сц. 13-ая). Послѣ этихъ соображеній читателю, можетъ быть, станетъ ясно, въ чемъ заключается второй недостатокъ въ характерахъ Гутьерре и донъ Лопе. Намъ кажется, что его необходимо считать недостаткомъ чисто техническимъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ области идей. Съ точки зрѣнія техники, трагедія El pintor de sa deshonra кажется намъ болѣе удачной потому, что роль Хуана Рока вообще невелика, и слѣдовательно означенные недостатки не выступаютъ столь ярко. И такъ техника трехъ трагедій чести страдаетъ отсутствіемъ индивидуализаціи характеровъ героевъ и чрезвычайно недостаточнымъ изображеніемъ психологической борьбы, ожидать каковую мы имѣемъ право на основаніи первыхъ сценъ трагедій. Выяснивъ, въ чемъ, на нашъ взглядъ, заключается недостатокъ трагедій Кальдерона, мы не беремъ на себя объяснить, откуда возникъ этотъ недостатокъ. Быть можетъ, недостаточную индивидуализацію характеровъ героевъ можно поставить въ связь съ общимъ свойствомъ Кальдероновской поэзіи изображать скорѣе схематичныя фигуры, чѣмъ живыхъ, опредѣленныхъ людей. Перенеся центръ тяжести въ искусно составленную интригу, примѣромъ чего могутъ быть всѣ шесть трагедій Кальдерона, испанскій поэтъ обращалъ гораздо менѣе вниманія на отдѣлку характеровъ. Но фигуры Ирода и Маріамны блестяще доказываютъ талантъ Кальдерона къ изображенію вполнѣ индивидуальныхъ характеровъ.

Точно также мало понятнымъ представляется намъ отсутствіе психической борьбы. У Кальдерона есть цѣлая группа такъ называемыхъ героическихъ комедій, въ которыхъ со значительнымъ искусствомъ представлена борьба чести и другихъ побужденій души. Значитъ, Кальдеронъ понималъ, какой интересъ составляетъ изображеніе подобной борьбы, и обладалъ достаточнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, чтобы рѣшаться изображать ее. Нельзя ссылаться и на то, что въ сознаніи испанскаго общества идеи чести господствовали такъ рѣшительно, что поглощали безъ остатка всю душевную жизнь людей. Уже самый фактъ существованія протеста противъ этихъ идей, съ которыми мы еще встрѣтимся у Кальдерона, не позволяетъ дѣлать та-

кого заключенія. Во всякомъ случаѣ идеей чести не исчерпывалась вся душевная жизнь испанцевъ XVII вѣка. Тотъ же театръ испанскій, на ряду съ пьесами чести, имѣетъ великое множество пьесъ религіозныхъ, любовныхъ, патріотическихъ и т. д.

Оставляя открытымъ вопросъ, какъ объяснить означенные недостатки трагедій Кальдерона, мы ограничиваемся ихъ указаніемъ.

III.

Послѣдняя трагедія чести, о которой намъ придется говорить, есть знаменитѣйшая испанская драма XVII вѣка, El alcalde de Zalamea (Саламейскій алькальдъ). Въ ней разрабатывается опять тема отомщенія за оскорбленную честь. Но герой ея является мстителемъ не только за свою собственную честь: онъ заступается за обиженную дочь. Героя этой трагедіи зовутъ Педро Креспо. Онъ богатый крестьянинъ изъ мѣстечка Саламея. Онъ проводитъ свою жизнь счастливый и довольный, раздѣляя свое время между сельскими работами и семейными дѣлами. У Педро Креспо двое дѣтей: дочь Изабелла и сынъ Хуанъ. И молодой человѣкъ и Изабелла—почтительныя и ласковыя дѣти. Креспо богатъ и всѣми уважаемъ. Ни самъ онъ, ни его предки не совершили ничего предосудительнаго. Хотя онъ и крестьянинъ, но добродѣтельная жизнь его снискала ему всеобщую любовь. Дѣтей своихъ Педро Креспо воспитываетъ въ строгихъ правилахъ, особенно заботится онъ о дочери, у которой нѣтъ ближайшей руководительницы-матери, потому что Креспо вдовецъ —

mi hija
se ha criado á lo que pienso,
Con la mejor opinion,
Virtud y recogimiento
Del mundo (акт. III сц. VII).

Словомъ на горизонтѣ Педро Креспо ни единаго облачка, и, не случись одного обстоятельства, независящаго отъ воли Креспо, онъ прожилъ бы счастливо и безмятежно свою жизнь. Рано или поздно ему досталось бы на долю быть деревенскимъ алькальдомъ, но не пришлось бы ему судить оскорбителя своей дочери. Есть нѣкоторое сходство въ сюжетѣ между „Amar despues de la muerte“ и „Саламейскимъ алькальдомъ“. И тамъ и здѣсь изображены страданія и гибель людей, вызванная обстоятельствами тяжелаго военнаго времени. Въ деревню, гдѣ проживаетъ Педро Креспо,

приходитъ на постой полкъ солдатъ. Старикъ велитъ Изабеллѣ на все время пребыванія ихъ въ деревнѣ оставаться въ верхней комнатѣ дома. Онъ боится, что солдаты найдутъ какой-нибудь способъ оскорбить честь молодой дѣвушки. Опасенія Креспо сбываются: капитанъ Альваръ, которому назначено помѣщеніе въ домѣ Креспо, все-таки увидѣлъ красавицу крестьянку и влюбился въ нее. Этотъ капитанъ исполненъ сознанія своего достоинства, онъ презираетъ мужиковъ и третируетъ ихъ чрезвычайно грубо. Креспо встрѣтилъ капитана ласково: обязанность всякаго испанца радушно относиться къ воинамъ за короля, отечество и вѣру. Но ему непріятно, что капитанъ все-таки проникъ въ комнату Изабеллы. Онъ высказываетъ ему свое неудовольствіе. Хуанъ, вспыльчивый юноша, вторитъ своему отцу. Креспо останавливаетъ Хуана довольно рѣзко, но когда капитанъ хочетъ ударить Хуана за его дерзость, Креспо останавливаетъ и капитана:

Detened
Señor Capitan; que yo
Puedo tratar á mi hijo
Como quisiere y no vos (акт. I сц. 16-я).

Въ этой сценѣ ярко обрисованы основныя черты характера Креспо. Мы видимъ въ немъ заступника семейной чести и человѣка, гордаго и независимаго, который не позволитъ безнаказанно оскорбить себя. Онъ, конечно, согласенъ съ своимъ сыномъ, когда тотъ объявляетъ капитану, что у мужика такая же честь, какъ и у hidalgo:

Capitan. Qué opinion tiene un villano?
Juan. Aquella mesma que vos.
Que no hubiera un capitan,
Si no hubiera un labrador (ibidem).

Такова завязка этой трагедіи. Уже сразу видно, что она не можетъ кончиться счастливо для дѣйствующихъ лицъ: слишкомъ противоположны характеры, которые должны войти въ столкновеніе вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ ссору Креспо и капитана вмѣшивается генералъ, который и велитъ Альвару покинуть деревню. Авторъ дополняетъ привлекательный портретъ Креспо новыми чертами. Мы открываемъ въ Креспо значительный запасъ юмора и остроумія, которыя обнаруживаются въ бесѣдахъ его съ генераломъ. Этотъ генералъ ворчитъ и бранится, но очень скоро оцѣниваетъ честный и открытый характеръ мужика и становится его другомъ. Креспо охотно

отдаетъ своего сына въ военную службу подъ покровительство генерала. Хороши наставленія, которыя старикъ даетъ отъѣзжающему сыну. Въ нихъ смѣсь благородныхъ идей съ правилами житейской мудрости. Такъ Креспо, какъ честный кавалеръ, даетъ сыну завѣтъ никогда дурно не отзываться о женщинахъ, потому что отъ нихъ мы родились:

No hables mal de las mujeres:
La más humilde, te digo
Que es digna de estimacion,
Porque al fin dellas nacimos.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ совѣтуетъ Хуану быть щедрымъ и вѣжливымъ и почаще снимать шляпу:

Que el sombrero y el dinero
Son los que hacen los amigos.

Когда сынъ уходитъ, Креспо признается самъ себѣ, что хоть онъ и радъ за него, ему жалко разстаться съ сыномъ:

Enternecido
Me deja cierto el muchacho,
Aunque en publico me animo.

Онъ садится у входа въ свой домъ, чтобы видѣть дорогу, по которой только что отправился Хуанъ:

A la verdad, no entro dentro,
Porque desde aqui imagino,
Como el camino blanquea,
Que veo á Juan en el camino (акт. II сц. XX).

Въ этотъ самый моментъ капитанъ съ своими клевретами похищаетъ Изабеллу. Тщетно пытается Креспо спасти свою дочь. Онъ находитъ ее уже тогда, когда, обезчещенная и покинутая капитаномъ, она печально блуждаетъ въ горахъ. Креспо смиренно склоняется подъ тяжестью постигшаго ихъ обоихъ горя. Онъ не убиваетъ дочь, какъ она боится, а только говоритъ, что страданія удѣлъ смертныхъ, и ихъ надо терпѣть. Онъ занятъ не только мыслью о мести. Изъ разсказа Изабеллы онъ узнаетъ, что Хуанъ, услышавшій ея крики о помощи, напалъ на капитана и опасно ранилъ его. Надо подумать о томъ, какъ спасти и Хуана. Изабелла смущена такимъ спокойствіемъ

отца (акт. III сц. II). Однако, Креспо говоритъ дочери, что онъ отомститъ за ея позоръ, если только капитанъ попадется въ его руки. Такъ и случилось. Раненнаго капитана испуганные солдаты приносятъ обратно въ Саламею, а Креспо какъ разъ въ этотъ день деревенскій совѣтъ избираетъ своимъ алькальдомъ. И такъ Креспо будетъ вмѣстѣ и мстителемъ и судьей. Но прежде чѣмъ выступить въ этой роли, Креспо обращается къ своему обидчику просто, какъ человѣкъ (como un hombre, no más) и проситъ его загладить свой грѣхъ женитьбой на Изабеллѣ. Онъ умоляетъ капитана вернуть ему честь, которую тотъ самъ отнялъ у него. Но капитанъ съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ просьбы деревенскаго судьи. Тогда Креспо беретъ въ руки жезлъ, символъ своей власти, и клянется именемъ Бога отомстить за обиду. Онъ приводитъ эту угрозу въ исполненіе, обставивъ все дѣло законными формальностями. Капитана предаютъ позорной казни. Всѣмъ присутствующимъ приходится склониться передъ совершившимся фактомъ, а Изабелла уходитъ въ монастырь, къ жениху, передъ которымъ равны всѣ сословія:

Que no mira en calidad.

Уже изъ этого бѣглаго анализа видно существенное различіе между Педро Креспо и тремя мужьями. Ясно, что въ дѣятельности своей мужья руководятся исключительно эгоистическими цѣлями. Лишь спасеніемъ своей собственной части озабочены они. Напротивъ Педро Креспо заступается за честь своей несчастной дочери. Капитанъ оскорбилъ и его собственную честь. Старикъ, становясь на колѣни передъ своимъ обидчикомъ, говоритъ ему:

Mirad que echado en el suelo
Mi honor á voces os pido.

И *его* честь замѣшана въ дѣлѣ. Но онъ и не думаетъ убивать своей дочери, которую тоже могъ бы назвать „фатальной гибелью“ (ruina fatal) своей чести. Изабелла и сама ожидаетъ, что отецъ, узнавъ о ея несчастьи убьетъ ее:

Porque si una vez te miras
. . . . Sin honor,
Me darán muerte tus iras.

Креспо не думаетъ обрушиваться на свою дочь, но просто, по человѣчески, желаетъ заступиться зе нее и доставить ей возможность спокойно дожить свою жизнь. Этотъ новый элементъ въ ха-

рактерѣ Педро Креспо, конечно, чрезвычайно выгодно отличаетъ его отъ трехъ мужей. Характеръ старика, благодаря этому, принимаетъ вполнѣ человѣческую окраску, и онъ въ теченіи всей пьесы сохраняетъ симпатію читателя. Заботливый и честный отецъ, другъ своихъ дѣтей—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Педро Креспо. Какъ фигура Ирода, фигура Креспо производитъ впечатлѣніе полной художественной законченности и свободна отъ малѣйшей фальши и дисгармоніи. Въ душѣ Креспо не можетъ быть борьбы между заботой о чести и любовью къ дочери, потому что и та и другая велятъ ему мстить за оскорбленную честь дочери. Требованія чести и любви въ данномъ положеніи совпадаютъ, и отсутствіе психологической борьбы никакимъ образомъ не можетъ считаться недостаткомъ характера Креспо. Наоборотъ, три мужа, мстя за оскорбленіе своей чести, руководятся эгоистическими соображеніями. Естественно, что въ ихъ душѣ могутъ столкнуться личныя чувства съ чувствами болѣе альтруистическими, напримѣръ, любовью къ женѣ. Если у трехъ мужей есть любовь къ женамъ, то она непремѣнно столкнется съ заботой о чести. Уже изъ этихъ соображеній видно, что психологія Кальдероновскихъ мужей сложнѣе, чѣмъ психологія Креспо, и требуетъ гораздо болѣе вдумчиваго отношенія со стороны автора. У нихъ борьба неизбѣжна, и если Кальдеронъ не изобразилъ ея, то ясно, что трагедіи чести не свободны отъ недостатковъ. Есть еще разница между Педро Креспо и тремя мужьями, которая опять подтверждаетъ, что недостатки трагедій супружеской чести заключаются именно въ ихъ техникѣ. Мы видимъ, какія разнообразныя черты отмѣчены поэтомъ въ характерѣ Креспо. Забота о чести у Креспо не заглушала остальныхъ побужденій человѣческой души. Рядомъ съ заботой о чести въ Креспо мы видимъ и патріотизмъ и юморъ и любовь къ дѣтямъ и т. д. Креспо нельзя назвать эстетической абстракціей или воплощеніемъ опредѣленной идеи, что несомнѣнно замѣчается въ Гутьерре или въ донѣ Лопе. Одна изъ причинъ этого различія, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что катастрофа, оскорбляющая честь Креспо, въ этой трагедіи, наступаетъ гораздо позднѣе, чѣмъ въ первыхъ трехъ трагедіяхъ. Читатель еще не успѣлъ достаточно заинтересоваться личностью Гутьерре или дона Лопе, какъ вдругъ въ ихъ душѣ возникаютъ сомнѣнія насчетъ вѣрности жены, и живые люди разомъ превращаются въ абстрактныя существа, которыя думаютъ только о чести.

IV.

Таковы четыре драмы чести у Кальдерона. Уже изъ предложеннаго анализа видно, что фатумъ, или по крайней мѣрѣ, то, что не стоитъ въ связи съ характеромъ героевъ и не зависитъ отъ ихъ разсчета, играетъ въ этихъ пьесахъ не послѣднюю роль. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вывести изъ характера Педро Креспо, добраго и умнаго мужика, ту катастрофу, которая обрушилась на его голову? Не явись въ деревню капитанъ, и Креспо прожилъ бы счастливо свой вѣкъ, выдалъ бы дочь за какого-нибудь labrador'а и покончилъ бы свои дни, всѣми любимый и уважаемый. Далѣе, развѣ Гутьерре былъ виновенъ въ томъ, что его жена любила Энрике еще до замужества? Виноватъ ли донъ Лопе, что жена хочетъ измѣнить ему? и т. д. Словомъ во всѣхъ этихъ пьесахъ Кальдерона изъ характеровъ героя нельзя вывести кровавой развязки дѣйствія. Такимъ образомъ, не впадая въ особое преувеличеніе, можно сказать, что первую каплю яда въ чашу счастья героевъ вливаетъ внѣшнее обстоятельство.

Но, конечно, только за одно это нельзя назвать фаталистическими четыре трагедіи чести. Такого рода завязки могутъ быть и въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ дальнѣйшее развитіе дѣйствія зависитъ отъ характера дѣйствующихъ лицъ. Дѣло въ томъ, что въ трагедіяхъ Кальдерона къ первому толчку, который является извнѣ, присоединяется еще новая сила, приводящая къ кровавой развязкѣ. Сила эта не зависитъ отъ воли отдѣльнаго лица, и оно должно подчиняться ей также безпрекословно, какъ и судьбѣ. Сила эта — общественныя понятія о чести, господствовавшія въ эпоху Кальдерона. Постараемся собрать во едино черты, разбросанныя въ предыдущихъ отдѣлахъ статьи, и представить общую картину чести по испанскимъ понятіямъ. Сущность этихъ воззрѣній на честь заключается въ извѣстной формулѣ, которую мы встрѣчаемъ у многихъ испанскихъ писателей золотого вѣка литературы. Эта формула „Yo soy quien soy", т. е. я тотъ, кто я есть. Если раскрыть смыслъ, заключенный въ этой формулѣ, то получится слѣдующее: я отвѣчаю тому идеалу христіанина и человѣка, который начертанъ въ правилахъ религіи, морали и тѣхъ спеціальныхъ правилахъ общественной жизни, которыя приняты въ извѣстную эпоху.

Изъ этого — своего рода категорическій императивъ: будь таковъ, каковымъ ты долженъ быть сообразно со всѣми этими требованіями

Въ этомъ пунктѣ честь, какъ ее понимаютъ дѣйствующія лица Кальдерона, немного чѣмъ отличаются отъ нравственнаго закона, которымъ должны руководиться всѣ люди, и есть нѣчто прекрасное и высокое само по себѣ. Такую честь еще Rabelais очень удачно опредѣлилъ словами: gens liberes, bien nez, bien instruicts, conversans en compaignies honestes, ont par nature un instinct et aiguillon qui tousjours les poulse à faicts vertueux et retire de vice, le quel ils nommoient honneur (Gargantua, ch. LVII). Кто исполняетъ всѣ эти требованія, тотъ порядочный человѣкъ, „un hombre de bien". Такого человѣка, отвѣчающаго требованіямъ чести, Кальдеронъ изобразилъ намъ въ героѣ трагедіи Á secreto agravio secreta venganza. Когда измѣна жены становится для него почти несомнѣнной, донъ Лопе, разсуждая со своей, какъ бы олицетворенной въ собесѣдникѣ, честью, спрашиваетъ, чѣмъ провинился онъ, что навлекъ на себя такія страданія? Вотъ что говоритъ онъ: „О, честь моя, обсудимъ вмѣстѣ положеніе, сведемъ наши счеты. Какія жалобы у тебя противъ меня? Чѣмъ, скажи мнѣ, я оскорбилъ тебя? Къ храбрости, унаслѣдованной отъ предковъ, развѣ не присоединилъ я своей собственной, съ презрѣніемъ относясь ко всѣмъ опасностямъ? Я, не желая рисковать тобою (por no ponerte en riesgo), всю жизнь свою развѣ не былъ вѣжливъ со смиреннымъ, другъ съ каждымъ рыцаремъ, съ бѣднымъ щедръ и ласковъ съ солдатами? Женившись (о, горе мнѣ!), женившись, въ чемъ провинился я? Гдѣ моя ошибка? Развѣ я не выбралъ жену изъ рода съ чистой кровью и испытанной добродѣтелью? И теперь развѣ я не люблю и не уважаю своей жены? Если въ жизни моей не было ничего оскорбительнаго для тебя, за что же ты меня оскорбляешь? За что?" (актъ III сц. 67). Поступки дона Лопе, пока не задѣта его честь, не вызовутъ порицанія даже самаго строгаго моралиста. Онъ обѣщаетъ свою дружбу и покровительство донъ-Хуану де Сильва, котораго преслѣдуетъ судьба, и держитъ свое слово. Когда король Себастьянъ отправляется въ Африку на войну съ маврами, донъ Лопе готовъ слѣдовать за нимъ въ этомъ трудномъ предпріятіи, потому что это „необходимая обязанность, унаслѣдованная съ благородной кровью". Словомъ всѣ симпатіи читателя на сторонѣ этого благороднаго кавалера. Тѣ же самыя „formosas obligaciones" кратко, но ясно указаны въ характерѣ доньи Менсіи, героини трагедіи „El médico de su honra". Когда послѣ долгой разлуки Менсія, уже замужемъ за Гутьерре, встрѣтилась съ своимъ прежнимъ поклонникомъ, дономъ Энрике,

она отвергла его любовь. Но побѣда надъ собою досталась ей не дешево. Служанка замѣтила это и говоритъ госпожѣ:

Ты опечалилась, госпожа моя.

Д-а Менсія: „Хочешь, я повѣрю тебѣ тайну, отъ которой зависитъ жизнь моя и честь? Слушай внимательно. Я родилась въ Севильѣ, и тамъ меня увидѣлъ донъ Энрике, онъ ухаживалъ за мною и прославилъ даже мою холодность... Счастливое время! Онъ уѣхалъ, и отецъ принудилъ меня выйти за Гутьерре. Я подчинилась. Но вотъ вернулся вновь Энрике... Тогда была любовь. теперь надо думать о чести. Вотъ все, что могу сказать тебѣ!" (актъ I сц. 11-я).

Честь, поскольку она совпадаетъ съ нравственнымъ закономъ, основывается на высокомъ мнѣніи о достоинствѣ человѣка, которое имѣютъ герои Кальдерона. Это ясно изъ словъ Педро Креспо въ отвѣтъ на замѣчаніе генерала, донъ Лопе де Фигероа, что крестьяне должны нести государеву службу.

Донъ Лопе: Знаете ли вы. что вы обязаны исполнить эту повинность?

Педро-Креспо: Да, если она не касается моего добраго имени! Королю имущество и жизнь должны мы отдавать. Но честь—достояніе души, а душа принадлежитъ лишь Богу (актъ I сц. 18-я).

Эти прекрасныя слова напоминаютъ не менѣе замѣчательное выраженіе одной комедіи Лопе де Веги, когда въ отвѣтъ па удивленіе hidalgo. какъ это крестьянинъ можетъ любить благородную барышню, крестьянинъ отвѣчаетъ:

„У крестьянина такая же душа".

Но какъ бы то ни было, честь, совпадающая съ нравственнымъ закономъ, въ разбираемыхъ пьесахъ Кальдерона, не приводитъ къ трагической развязкѣ. Въ четырехъ трагедіяхъ Кальдерона изображена не борьба чести и какого-нибудь другого нравственнаго принципа, а страданія, вызванныя оскорбленіемъ чести. Оскорбить честь человѣка можетъ или онъ самъ, когда совершитъ что-либо противное правиламъ религіи, морали или другимъ принципамъ, господствующимъ въ обществѣ, или оскорбляютъ его честь другіе люди поступками, въ которыхъ сказывается неуваженіе къ нему. Положеніе перваго рода не встрѣчается въ разбираемыхъ трагедіяхъ, всѣ онѣ изображаютъ оскорбленіе *моей* чести *другими* людьми. Такъ какъ доброе имя и спокойствіе каждаго человѣка зависятъ отъ поведенія *другихъ* людей, то вполнѣ понятны правила жизни, которыми руководятся герои Кальдерона. Уберечь свою честь отъ оскорбленія—вотъ прямая задача

всякаго порядочнаго человѣка. Среди несчастій, которымъ подвержена человѣческая жизнь и которыя приходится принимать, какъ неизбѣжное наслѣдіе нашей природы, „счастливымъ можетъ считаться лишь тотъ, у кого не запятнана честь, и кто отомстилъ за обиду“.

Ужасно самое подозрѣніе, что оскорблена честь. Мы уже знаемъ дона Лопе за вполнѣ порядочнаго человѣка: онъ добръ, храбръ, преданъ своему королю и т. д. И однако вотъ, что говоритъ онъ: „И если бы я повѣрилъ... Нѣтъ, если бы я подумалъ или вообразилъ, что кто-нибудь могъ запятнать мою честь... Нѣтъ, что̀ мою честь? Мое доброе имя и славу, и только въ словахъ презрѣнной служанки или рабыни, клянусь Богомъ, я отнялъ бы у него тысячу жизней“ [1]). Почти также разсуждаетъ крестьянинъ, Педро Креспо, потому что честь, какъ достояніе души, одинакова и у дворянина и у мужика. Педро благодаритъ генерала за то, что своимъ прибытіемъ и вмѣшательствомъ въ его ссору съ капитаномъ, онъ устранилъ возможность весьма непріятныхъ послѣдствій.

Креспо. Тысячу разъ, сеньоръ, благодарю васъ, что вы не допустили меня погибнуть. *Д. Лопе*. Какъ могли вы погибнуть? *Креспо*. Убивъ того, кто задумалъ бы малѣйшее оскорбленіе моей чести. *Д. Лопе*. Знаете вы, чертъ возьми, что онъ капитанъ? *Креспо*. Да, я знаю это. Но будь онъ генералъ, я убилъ бы его за оскорбленіе моей чести. *Д. Лопе*. Кто хотя бы пальцемъ коснулся до одежды солдата, клянусь небомъ, я повѣсилъ бы его. *Креспо*. И я клянусь небомъ, что и я повѣсилъ бы того, кто дерзнулъ бы коснуться одного атома моей чести (á un atomo de mi honor)“. И далѣе слѣдуютъ тѣ прекрасные стихи о чести, какъ о достояніи души, которые были приведены выше. Выслушавъ ихъ, генералъ, человѣкъ, подъ грубой внѣшностью стараго воина скрывающій добрую и благородную душу, замѣчаетъ: „Клянусь Христомъ, мнѣ кажется, вы правы“.

Оберегая свою честь, человѣкъ относится къ ней съ такой же заботливостью, какъ врачъ къ больному. Этимъ объясняется заглавіе первой трагедіи чести: El Médico de su honra. Что Гутьерре такъ именно разсуждаетъ, это несомнѣнно изъ его монологовъ и изъ развязки пьесы. Вотъ его слова:

„Я вылѣчу васъ, честь моя. Уже начало болѣзни показываетъ великую опасность. Первое средство—закрыть доступъ причинѣ, выз-

---

[1]) C. edias т. I, 604, 2, нѣсколько ниже.

вавшей страданія. И такъ, врачъ своей чести прописываетъ во-первыхъ діэту молчанія и т. д." [1]).

Разъ принявъ этотъ образъ сравненія, Гутьерре уже не разстается съ нимъ. Убѣдившись, что честь его, дѣйствительно, больна, т.-е. что жена ему измѣнила, онъ примѣняетъ обычную въ то время медицинскую мѣру—кровопусканіе. И такъ, первоначально, оберегать честь отъ различныхъ покушеній, не допускать ни малѣйшаго подозрѣнія, но если уже случилась бѣда, отъ которой, по выраженію Клотальдо въ ком. La vida es sueño, „никто не застрахованъ", надо возстановить запятнанную честь, т.-е. убить того, кто оскорбилъ ее.

Въ частности, по отношенію къ женѣ, обязанность чести въ томъ, чтобы любить мужа и быть ему вѣрной. Поступая такимъ образомъ, жена поступаетъ согласно принципу: es quien es. Поэтому честный мужъ, предполагающій и въ женѣ такую же честность, не можетъ сразу повѣрить въ ея измѣну. Но когда онъ убѣдился, что она виновата, ее ждетъ жестокое наказаніе. Убивая жену и иногда и ея любовника, мужъ возстановляетъ свою честь, такъ какъ честь жены принадлежитъ мужу, и отдѣльной, собственной чести у ней нѣтъ.

Гутьерре говоритъ: „Я врачъ своей чести и хочу спасти ея жизнь, подвергнувъ жену кровопусканію: вѣдь всѣ лѣчатся этимъ средствомъ. Менсія должна умереть, и кровь оросить ея грудь, въ которой скрыто оскорбленіе, требующее тайной мести". Точно также разсуждаетъ и донъ Лопе: „женщина — носительница чести, и за оскорбленіе чести надо мстить. Кто заключилъ честь въ сосудъ столь хрупкій? Я отправлюсь съ королемъ и послѣ найду предлогъ вернуться домой и наказать жену. Моя месть будетъ извѣстна всему міру. Узнаютъ всѣ, и король и донъ Хуанъ и даже грядущіе вѣка, что такое оскорбленный португалецъ!" [2]). Еще яснѣе изъ слѣдующихъ словъ: „Леонора (о горе мнѣ), Леонора, столь же красивая, сколь и развратная, такъ же прекрасная, какъ и несчастная, фатально погубившая мою честь, должна умереть". Онъ поджигаетъ свой домъ, въ которомъ находится Леонора. „Смѣло покончу я съ Леонорой и изъ пламени извлеку свою честь невредимой". Запятнать честь человѣка возможно не только какимъ-либо поступкомъ, но и самой мыслью, что человѣкъ совершилъ что-нибудь дурное. Нельзя даже подумать дурно о человѣкѣ. Это равносильно реальному оскорбленію

---

[1]) Comedias т. I, стр. 357, 3.
[2]) Comedias т. I, стр. 606, 2.

чести. Не слѣдуетъ также разглашать своихъ оскорбленій. Этимъ правиломъ объясняется заглавіе пьесы: Á secreto agravio secreta venganza. Даже убивъ оскорбительницу чести, надо представить дѣло такъ, будто она погибла случайно, и не отъ руки мужа, а по какой-либо другой причинѣ. Поэтому донъ Лопе зажигаетъ домъ, гдѣ находится его жена, и, вынеся ея бездыханный трупъ, говорить предстоящимъ: „Эта мертвая краса, этотъ цвѣтокъ, замерзшій въ жестокомъ огнѣ,—потому что только огонь, изъ зависти къ блеску ея красоты, могъ погубить ее,—это, государь, моя жена, благородная, честная и уважаемая, которая оставитъ по себѣ вѣчную славу. Это—моя жена, которую я любилъ со всею нѣжностью любви, и теперь вдвойнѣ чувствую несчастье потерять ее. Она погибла въ живомъ пламени, она потонула въ густомъ дыму. Когда я хотѣлъ спасти ее, въ моихъ объятіяхъ она испустила послѣднее дыханіе“ [1]).

Но если честь оскорблена публично, то и месть должна быть явной и открытой. Въ этомъ отношеніи характерна одна сцена изъ Саламейскаго алькальда. Педро Креспо велитъ своей дочери подписать жалобу на капитана. *Изабелла*. „Ты хотѣлъ утаить оскорбленіе, которое оплакиваетъ моя душа. Теперь же ты желаешь отомстить за него. Зачѣмъ же ты объявляешь о немъ другимъ?“ *Креспо*. „Я не могу возстановить свою честь тѣмъ способомъ, какъ хотѣлъ бы. Поэтому я долженъ поступить такъ, какъ поступаю теперь“. И вскорѣ послѣ этого Педро Креспо отдаетъ приказъ покончить съ капитаномъ. Такъ же открыта и публична месть Хуана Рока.

Таковы основныя понятія чести, съ которыми мы имѣли дѣло въ трагедіяхъ Кальдерона. Конечно, нельзя сопоставлять ихъ съ древнегреческимъ фатумомъ, нельзя даже приравнивать ихъ къ неумолимому ходу историческихъ событій, отъ которыхъ гибнутъ отдѣльныя лица. Тѣмъ не менѣе остается на лицо обстоятельство, вполнѣ сознаваемое героями трагедій, что законы о чести тяготѣютъ надъ жизнью отдѣльныхъ лицъ, которыя цѣликомъ находятся въ ихъ власти. Человѣкъ безсиленъ противъ этихъ общественныхъ понятій. Онъ можетъ считать ихъ безсмысленными и все-таки подчиняться имъ въ своихъ поступкахъ. Это ясно изъ цѣлаго ряда цитатъ, которыя можно почерпнуть въ изучаемыхъ трагедіяхъ. Донъ Лопе говоритъ: „человѣкъ оскорбленный можетъ безконечно долго осуждать глупые законы свѣта. Я не могу ихъ уничтожить: отъ рожденія мы находимся въ ихъ власти.

---

[1]) Comedias, т. I, стр. 610, 2.

Я живу затѣмъ, чтобы мстить, сообразно съ ними, а не затѣмъ, чтобы исправлять ихъ“ (актъ III сц. 6-я). Въ трагедіи „El Pintor de su deshonra“ понятія о чести такъ и названы „жестокимъ закономъ“ (ley rigurosa), которому человѣкъ долженъ покоряться, хотя и со скрежетомъ зубовнымъ. И такъ несомнѣнно, что въ четырехъ трагедіяхъ чести причиной, которою обусловливается страданіе героевъ, служитъ не ихъ характеръ или страсти, а внѣшнее обстоятельство и извѣстныя общественныя понятія, во власти которыхъ находится жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ всѣ шесть трагедій Кальдерона въ условномъ смыслѣ имѣютъ право на названіе фаталистическихъ.

V.

Предшествующій анализъ выяснилъ намъ отчасти и точки зрѣнія, съ которыхъ мы должны оцѣнивать трагедіи Кальдерона. Прежде всего несомнѣнно, что ни построеніе интриги, ни характеры дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ: El mayor monstruo los celos, Amar despues de la muerte, El alcalde de Zalamea не нуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ или защитѣ. Достоинства этихъ пьесъ выяснились сами собою изъ анализа ихъ содержанія. Нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаній требуютъ лишь три трагедіи чести, въ которыхъ героемъ является оскорбленный мужъ. Отмѣтимъ въ противоположность мнѣнію большинства прежнихъ изслѣдователей, что въ идеяхъ чести, съ каковыми мы встрѣтились въ трагедіяхъ Кальдерона, нѣтъ ничего возмутительнаго или нелѣпаго, по существу. Идеи эти и до нашихъ дней во многомъ не утеряли своей силы. Защита своего добраго имени и до нынѣ составляетъ заботу каждаго порядочнаго человѣка. И до нынѣ проступокъ жены можетъ запятнать честь мужа, и кровавая расплата за оскорбленіе нерѣдкое явленіе и въ XIX вѣкѣ. Если идеи чести предразсудокъ, то этотъ предразсудокъ, повидимому, общій у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. При такой постановкѣ вопроса, сразу отпадаютъ всѣ замѣчанія, что трагедіи Кальдерона вполнѣ безнравственны и безбожны.

Напротивъ того, честь у Кальдерона во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно представлена „какъ нѣчто высокое и прекрасное само по себѣ, къ чему всѣми силами долженъ стремиться человѣкъ“ [1]).

[1]) Аверкіевъ. О драмѣ, стр. 74.

Что въ идеяхъ, господствующихъ въ сознаніи героевъ Кальдерона, есть много высокаго и прекраснаго, это вытекаетъ изъ предшествующаго анализа. Вполнѣ благородно помогать бѣднымъ, держать данное слово, сражаться за отечество, бороться съ преступной любовью, даже желать, чтобы всѣ насъ уважали. Вѣдь это все требованія обычнаго нравственнаго сознанія, которыя достойно восхвалять и поддерживать. Но нигдѣ и никогда Кальдеронъ не восхваляетъ закона чести, когда этотъ законъ велитъ кровью мстить за нанесенное оскорбленіе. Наоборотъ, даже тѣ, которые своими поступками поддерживаютъ законъ чести въ такомъ пониманіи, въ мысляхъ своихъ осуждаютъ его. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слова Хуана Рока: „Будь проклятъ тотъ, кто установилъ столь жестокій законъ! Мало понималъ въ вопросахъ чести тотъ, кто мое доброе имя поставилъ въ зависимость отъ поступковъ другого человѣка. О, безумный, измѣнническій законъ! (Oh, injusta ley traidora!) Честь моя—рабыня другого человѣка? Я долженъ отвѣчать за чужія преступленія? Какъ только терпитъ міръ этотъ позорный обычай?“ Уже извѣстно, что донъ Лопе называетъ законъ чести „глупымъ закономъ свѣта“. Рядомъ съ этими косвенными осужденіями нигдѣ мы не встрѣчаемъ у Кальдерона восхваленія кровавой мести. Это нужно признать разъ навсегда и уже не обвинять поэта въ томъ, въ чемъ онъ неповиненъ. Скорѣе мы должны оцѣнить проницательность испанскаго поэта, который задолго до нашихъ дней съумѣлъ указать слабую сторону закона чести, ставящаго мое доброе имя въ зависимость отъ поступковъ другого человѣка. Въ этомъ отношеніи Кальдеронъ стоялъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выше понятій современнаго ему общества, въ которомъ убійство жены мужемъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ [1]). Убивая оскорбительницу чести, мужъ все-таки не можетъ возстановить своего добраго имени, потому что онъ не въ силахъ уничтожить уже нанесенное ему оскорбленіе. Что кровь смываетъ оскорбленіе, это своего рода petitio principii. И если въ заключительныхъ сценахъ поступку героя выносится иногда оправданіе, то вѣдь оправданіе не есть еще восхваленіе. Но установивъ тотъ фактъ, что кровавое отомщеніе Кальдеронъ не восхваляетъ нигдѣ и никогда, слѣдуетъ оцѣнить драматическое значеніе протеста героевъ противъ законовъ чести, на что никто еще не обратилъ вниманія. Если бы герой благоговѣлъ передъ закономъ, повелѣвающимъ ему

---

[1]) См. многочисленныя записки современниковъ, напримѣръ, Avisos de Barrionuevo, ч. II, стр. 174—175; 407 и т. д.

мстить, онъ совершилъ бы наказаніе преступной жены безъ малѣйшихъ колебаній: радостно нанесъ бы онъ ей смертельный ударъ, зная, что убійство это есть жертва на алтарѣ уважаемаго божества. Но въ такомъ случаѣ почти весь интересъ трагедій сводился бы къ изображенію способовъ, какими мужъ открылъ измѣну жены и отмстилъ за это.

Несомнѣнно, трагедіи Кальдерона возбуждаютъ и этотъ интересъ, т. е. искусно составленная интрига ихъ занимаетъ читателя и помимо психологіи героевъ. Въ такомъ случаѣ герой страдалъ бы просто отъ оскорбленія чести, отъ наличности предосудительнаго поступка. Но если герой при этомъ видитъ всю безсмысленность закона чести, ставящаго доброе имя человѣка въ зависимость отъ поступковъ посторонняго лица, страданіе его, конечно, усугубляется. Ужасны оскорбленія чести, но еще ужаснѣе думать и сознавать, что законъ, заставляющій меня такъ страдать, самъ по себѣ нелѣпый и безумный законъ. Охотно согл .имся, что протесты противъ закона чести могутъ быть объяснены христіанскими мыслями Кальдерона. Вполнѣ вѣроятно, что благочестивый поэтъ возмущался многими явленіями въ жизни современнаго ему общества. Но въ трагедіяхъ его протесты противъ закопа чести имѣютъ не только это моральное значеніе. Они глубоко связаны съ самою сущностью драмы, усиливая трагичность положенія героевъ.

Такимъ образомъ, повторимъ въ заключеніе, идейная сторона трагедій чести у Кальдерона не можетъ вызывать особенно вѣскихъ возраженій. Недостатки ихъ исключительно техническіе, относящіеся къ области драматургіи.

А что касается трагедій „Mayor monstruo los celos“, „Amar despues de la muerte“ и „El Alcalde de Zalamea“, то въ нихъ нѣтъ и этихъ техническихъ недостатковъ.

Въ этихъ трехъ трагедіяхъ мы видимъ глубокое, правдивое изображеніе характеровъ, искусно составленную интригу и выдержанный драматическій стиль. Особенно ярко видны эти достоинства въ „Саламейскомъ алькальдѣ“, на которомъ главнымъ образомъ и понынѣ держится слава Кальдерона, какъ трагическаго поэта.

Д. Петровъ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АП. АНДРЕЯ И СВ. НИНЫ ВЪ ГРУЗІИ.

I. Св. Нина.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи Грузіи часто приходится читать жалобы на недостатокъ историческаго матеріала. Скудость памятниковъ и считается главнымъ образомъ причиной того, что грузинская исторія такъ мало разработана.

Конечно, нельзя сказать, чтобы у насъ въ изобиліи были историческіе памятники. Но жалобы на скудость до нѣкоторой степени преувеличены и неосновательны, такъ какъ мы еще не съумѣли воспользоваться и имѣющимися у насъ подъ руками матеріалами, мы не смогли опредѣлить степень достовѣрности, характеръ памятниковъ и не извлекли изъ нихъ всѣхъ необходимыхъ и важныхъ для исторіи Грузіи данныхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и на основаніи имѣющихся у насъ памятниковъ возможно сдѣлать н че, въ высшей степени любопытные выводы—быть можетъ этотъ опытъ, хотя отчасти, докажетъ справедливость этой мысли.

Матеріалы о св. Нинѣ и обращеніи Грузіи у насъ имѣются на грузинскомъ, греческомъ и армянскомъ языкахъ [1]).

Грузинскіе матеріалы *Картліс цховреба*, *Chronique arménienne*, Грузинскій рай, изд. М. Сабинина, житіе св. Нины въ рукописи Азіатскаго Музея Академіи Наукъ за № 38 и наконецъ десять лѣтъ тому назадъ обнародованный Мокцевай Картлисай и Новый варіантъ житія св. Нины" [2]). Мы не будемъ упоминать мелкихъ данныхъ, съ

[1]) И на коптскомъ, см. O. von Lemm, Kleine Copt. Studien, 1899 г. Это житіе ничего существенно новаго не даетъ.

[2]) Этотъ памятникъ имѣлъ право называться „новымъ" варіантомъ только

которыми приходится встрѣчаться въ различныхъ памятникахъ. Среди вышеупомянутыхъ матеріаловъ „Шатбердское житіе св. Нины", какъ древнѣйшее, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Греческіе памятники, относящіеся къ интересующему насъ вопросу, восходятъ еще къ IV вѣку: Руфинъ, „Historia Ecclesiastica", lib. I, cap. X; затѣмъ Сократъ, „Historia Scholastica", lib. I, cap. XX; Созоменъ, „Historia Ecclesiastica" lib. II, cap. VII, Θеодоритъ, „Hist. eccles.", lib. I, cap. XXIV.

Изъ этихъ историковъ важны для насъ только свѣдѣнія Руфина, (остальные повторяютъ слова Руфина же), какъ историка-современника обращенія Грузіи въ христіанство, тѣмъ болѣе, что онъ передаетъ разсказъ грузинскаго царя Бакура, при которомъ Грузія приняла христіанство.

Изъ армянскихъ историковъ Моисей Хоренскій (М. Хорен. кн. II, гл. 22) довольно подробно разсказываетъ о жизни и трудахъ св. Нины. Житіе просвѣтительницы Грузіи внесено и въ армянскіе синаксаріи подъ 19-мъ октября.

Изъ этого списка памятниковъ видно, что матеріаловъ у насъ довольно много, и притомъ они разнообразны. Намъ оставалось только приступить къ изслѣдованію этихъ памятниковъ; между тѣмъ наши историки, какъ до обнародованія „Шатбердскаго житія", такъ и послѣ, обыкновенно повторяютъ только разсказъ лѣтописи „Картлисъ Цховреба". Только изрѣдка сравниваютъ „Картлис Цховреба" съ „Мокцевая Картлисаи" и „Шатбердскимъ житіемъ", но и то для того, чтобы доказать достовѣрность разсказовъ перваго (Кар. Цх.) памятника. Изслѣдовать же самое Шатбердское житіе Нины, выяснить цѣнность сообщаемыхъ въ этомъ памятникѣ свѣдѣній, до сихъ поръ никому изъ занимавшихся этимъ вопросомъ и въ голову не приходило. Всѣ вѣрятъ [1]), что Шатбердское житіе, какъ увѣряетъ самъ авторъ этого памятника, записано ученицами св. Нины со словъ про-

---

до тѣхъ поръ, пока не нашелся еще другой (а такой г. Жорданія уже открылъ), который справедливо пришлось бы назвать новѣйшимъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ мы его будемъ называть „Шатбердскимъ житіемъ", такъ какъ оно написано въ м. Шатберди.

[1]) Такъ думаетъ, напримѣръ, г. Такайшвили, см. Три историческія хроники (грузин.), стр. XCVI, также г. Хахановъ, Источники по введ. христ. въ Грузіи. Древн. вост. Моск. археол. Общ. 1893 г. т. I, вып. III, стр. 333, 334, г. Жорданія, Хроники (грузин.) кн. I, стр. 106 прим.

повѣдницы и потому, какъ видно, не сомнѣваются въ подлинности и достовѣрности разсказываемаго въ Житіи св. Нины.

А, между тѣмъ, какой же историкъ теперь можетъ вѣрить свѣдѣніямъ историческаго памятника безъ его предварительной провѣрки? Это азбучное правило, извѣстное всѣмъ въ теоріи, но при примѣненіи такъ часто упускаемое изъ виду, должно быть примѣняемо къ такимъ памятникамъ, которые претендуютъ на особенную достовѣрность. Шатбердское житіе св. Нины относится именно къ этой категоріи.

Разсмотрѣніе этого житія мы начнемъ съ внѣшней стороны. „Текстъ Житія св. Нины въ «Картлисъ Мокцева», пишетъ г. Такайшвили [1]), раздѣленъ на 14 главъ, но нумерація главъ начинается съ четвертой главы и у предыдущихъ трехъ главъ нумерація отсутствуетъ. Смотря по заглавіямъ, первую главу составляетъ хроника «Картлис Мокцева», вторую — введеніе Житія св. Нины и третью—Житіе св. Нины до разсказа Саломе Ужармели“. Мы не знаемъ, гдѣ принято, чтобы два различныхъ памятника считались главами одинъ другого, но предположимъ, что авторъ Житія св. Нины считалъ такъ странно, если только это предположеніе поможетъ намъ въ будущемъ.

Г. Такайшвили и другіе изслѣдователи совершенно не замѣтили, что въ этомъ же Шатбердскомъ житіи за четвертой (см. „Новый варіантъ ж. Нины“, стр. 10) главой непосредственно слѣдуетъ глава шестая (ibid., стр. 20), а пятая совершенно отсутствуетъ, что за девятой главой (ibid., стр. 40) не десятая глава, какъ слѣдовало ожидать, а одиннадцатая (ibid., стр. 49).

Они не замѣтили также, что въ Житіи нумерація отсутствуетъ не только въ началѣ, но и въ концѣ у двухъ главъ, у письма царя Миріана (ibid., стр. 68) и у завѣщанія царя Миріана (ibid., стр. 72). Тутъ, очевидно, хроника „Картлис Мокцева“ дѣлу не поможетъ, и объясненіе г. Такайшвили теряетъ значеніе. Если мы оставимъ въ сторонѣ погоню за искусственными объясненіями, то послѣ разсмотрѣнія внѣшней стороны этого памятника можемъ сказать, что въ Шатбердскомъ житіи св. Нины нумерація главъ мѣстами перепутана, мѣстами же совершенно отсутствуетъ.

Но внимательное чтеніе этого памятника убѣдитъ изслѣдователя,

---

[1]) Такайшвили, „Новый варіантъ жит. Нины“ (грузин.), стр. XV.

что въ этомъ житіи не только нумерація перепутана, но и нѣкоторыя заглавія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже порядокъ разсказа долженъ быть измѣненъ; доказательствъ тому можно найти много, но мы ограничимся приведеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ; напримѣръ, на 36 страницѣ Шатбердскаго житія (см. Новый варіантъ ж. Нины) мы читаемъ слѣдующее:

„Разрушилъ Господь Армаза и другихъ идоловъ... что писано выше въ завѣщаніи ея (Нины)“.

Это предложеніе называетъ какое-то завѣщаніе Нины, но ни одна глава Шатбердскаго житія не носитъ этого заглавія. Разрушеніе Армаза и другихъ идоловъ описывается въ главѣ шестой, передъ которой выпущена одна глава. Такъ какъ 6-я, равно какъ и 4-я главы считаются записанными однимъ и тѣмъ же лицомъ (Саломэ Ужармели) и такъ какъ между этими двумя (6 и 4) главами существуетъ тѣсная логическая связь, 6-я глава составляетъ непосредственное продолженіе четвертой и заглавіе не кстати прерываетъ естественное теченіе разсказа, то согласно со смысломъ вышеприведеннаго предложенія можно думать, что это повѣствованіе Житія св. Нины, которое теперь подѣлено на главы, нѣкогда было безъ дѣленій и носило одно общее заглавіе „Завѣщаніе св. Нины“. Достойно вниманія, что въ „Картлисъ Цховреба“, „Житіяхъ св. Нины“ по спискамъ Шіомгивскаго монастыря и Іоанна Крестителя эта именно часть не подѣлена на главы (см. ibid., стр. 20[1] и стр. 10[1]).

Второй отрывокъ касается животворящаго столпа (ibid., стр. 44):

„И былъ видъ этого столпа страшный и поразительный, что писано выше. Когда же настало время поднять этотъ вышеупомянутый столпъ, плотники начали поднимать“.

Какъ изъ этого мѣста видно, страшный видъ столпа долженъ быть описанъ раньше этого отрывка, но и въ Шатбердскомъ житіи и во всѣхъ другихъ о животворящемъ столпѣ разсказывается въ концѣ Житія, а не въ началѣ. Этотъ отрывокъ, слѣдовательно, доказываетъ, что въ томъ Житіи св. Нины, откуда эта глава должна была быть взята, о животворящемъ столпѣ разсказывалось въ началѣ.

Далѣе Житіе разсказываетъ о приходѣ духовенства изъ Византіи (ibid., стр. 50):

„Тогда прибыли послы изъ Греціи, архипастырь, священники и діаконы и начали крестить (народъ), какъ выше писано“.

Выше же ничего не писано о прибытіи духовенства и крещенія

народа. Это предложеніе также заставляетъ насъ предполагать, что въ древнѣйшемъ Житіи св. Нины порядокъ повѣствованія былъ иной, чѣмъ въ Шатбердскомъ.

„Тогда принесли, читаемъ мы (ibid., стр. 3), письменныя принадлежности Саломэ Ужармели и Перожавра Сюнійская, и начала говорить св. Нина, а онѣ писали".

Писавшихъ было двѣ: по всей вѣроятности, когда одна уставала, начинала записывать другая; поэтому житіе Нины должно быть записано двумя особами. Съ главами, записанными Саломэ Ужармели, мы встрѣчаемся нѣсколько разъ въ Шатбердскомъ житіи св. Нины, между тѣмъ какъ Перожаврѣ Сюнійской ничего не приписывается. Если бы и имени Саломэ Ужармели не было упомянуто въ заглавіяхъ, тогда можно было бы подумать, что Шатбердское житіе упоминаетъ только имена записывавшихъ, но не обозначаетъ отдѣльно, что̀ каждая изъ нихъ записала, но такъ какъ въ Житіи указываются труды одной, конечно, должны были быть труды и другой, но они не попали, повидимому, въ Шатбердское житіе св. Нины.

И этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что кромѣ нумераціи въ Житіи и заглавія перепутаны и измѣнены, что даже прежній порядокъ повѣствованія нарушенъ.

Оставимъ въ сторонѣ заглавія и нумерацію: вѣдь, Шатбердское житіе увѣряетъ насъ, что все въ точности записано со словъ св. Нины ученицами ея. Если это увѣреніе справедливо, то тогда на заглавія и нумерацію не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія.

Утомленная проповѣдью и подвижнической жизнью, св. Нина лежала въ деревнѣ Боди на смертномъ одрѣ и прощалась со своей паствой; тутъ собрались члены царскаго семейства, близкіе сотрудники и сотрудницы, которые разспрашивали Нину объ ея происхожденіи.

„Гдѣ было воспитаніе твое, царица, возвѣсти намъ дѣло твое, о какомъ плѣнѣ ты говоришь, о ты, желанная избавительница плѣнныхъ" (ibid., стр. 2).

Св. проповѣдница соглашается на просьбу своихъ ученицъ и начинаетъ разсказывать свою автобіографію, „чтобы знали, говоритъ св. Нина, и ваши дѣти о томъ, что вы увѣровали и приняли меня".

Тогда принесли письменныя принадлежности Саломэ Ужармели и Перожавра Сюнійская, и начала говорить св. Нина, а онѣ писали (ibid., стр. 3). И видно писали дословно, послѣдовательно, въ Шатбердскомъ житіи сама Нина въ первомъ лицѣ разсказываетъ о своемъ

происхожденіи, дѣтствѣ и воспитаніи. Вышеприведенныя выписки изъ Житія ясно показываютъ, что какъ ученицы Нины, такъ и всѣ окружавшіе ничего не знали до послѣдняго часа о происхожденіи проповѣдницы, и что все это имъ приходилось слышать въ первый разъ. Однако, въ этой же книгѣ нѣсколькими страницами ниже сама Нина разсказываетъ, какъ на шестой день послѣ разрушенія идоловъ пришла къ ней дворцовая служительница Шрошана, которая разспросила ее объ ея путешествіи; Нина разсказала ей подробно о себѣ, и этотъ разсказъ настолько подѣйствовалъ на слушавшую, что у Шрошаны полились слезы изъ глазъ (ibid., стр. 26). Это мѣсто замѣтно противорѣчитъ тѣмъ двумъ выпискамъ, которыя мы привели выше, и показываетъ также, что паства Нины еще за долго до послѣднихъ дней проповѣдницы знала объ ея происхожденіи, что Нина на первыхъ же порахъ разсказала свою біографію. Такъ или приблизительно такъ и должно было случиться на самомъ дѣлѣ. Если даже то мѣсто, откуда мы привели послѣднюю выписку, признать подложнымъ или позднѣйшей добавкой, то и тогда мы можемъ съ увѣренностью сказать, что грузины, современники Нины, знали объ ея происхожденіи, въ особенности послѣ обращенія Грузіи въ христіанство. Развѣ не личностью и происхожденіемъ проповѣдницы стали бы интересоваться прежде всего вновь обращенныя ученицы, а сама Нина развѣ стала бы скрывать свое происхожденіе послѣ того, какъ грузины приняли христіанство? Нина, конечно, могла скрывать въ первое время, когда грузины были еще язычниками, но послѣ того, какъ царь со своимъ семействомъ и большинство народа преклонились предъ новой религіей и Нинѣ, какъ святой, оказывали уваженіе, какія же, собственно, соображенія могли мѣшать ей разсказать всю свою біографію подробно для назиданія? Никакія,—это вполнѣ очевидно. Она разсказала бы всякому, кто интересовался, а интересующихся, можно думать, было много; и не было бы никакой надобности разсказывать Нинѣ передъ смертью о своей жизни. Авторъ же Шатбердскаго житія увѣряетъ насъ, будто царское семейство и ученицы только передъ смертью разспрашивали св. Нину. И почему это вздумалось имъ задавать такіе вопросы передъ смертью, когда ей оставалось жить нѣсколько дней, быть можетъ всего нѣсколько часовъ? А авторъ Житія столько заставляетъ говорить умирающую проповѣдницу, что даже одинъ человѣкъ не въ силахъ записать всего,—Саломэ Ужармели и Перожавра Сюнійская поочередно писали за разсказчицей.

И такъ, увѣренія автора Шатбердскаго житія, будто это Житіе за-

писано передъ смертью Нины со словъ ея, мало или, лучше сказать, совсѣмъ невѣроятно. Объ этомъ намъ еще придется говорить ниже, и тогда еще яснѣе увидимъ основательность того заключенія, къ которому мы пришли. А теперь мы должны разсмотрѣть тѣ главы, которыя въ Житіи приписываются сотрудникамъ или сотрудницамъ св. Нины. И въ этомъ случаѣ мы должны провѣрить, насколько основательно приписываются эти главы современникамъ проповѣдницы.

Вслѣдъ за разсказомъ Нины идетъ сказаніе о Хитонѣ, написанное Сидоніей, дочерью священника Абіатара, но мы пока оставимъ разборъ этого сказанія и перейдемъ прямо къ изученію тринадцатой главы Житія св. Нины.

Тринадцатая глава о честномъ крестѣ приписывается священнику Іакову, который прибылъ вмѣстѣ съ другими изъ Греціи. Онъ былъ больше всѣхъ приближенъ къ Нинѣ, которая, умирая, завѣщала архіепископу, чтобы онъ назначилъ замѣстителемъ своимъ Іакова. Когда воздвигали честный крестъ, Нина со священствомъ еще находилась въ Мцхетѣ; только послѣ воздвиженія отправилась Нина проповѣдывать въ различныхъ областяхъ Грузіи (см. ibid., всю главу 13, особенно стр. 55 и 59).

Поэтому Іаковъ долженъ былъ быть очевидцемъ воздвиженія честнаго креста, а его разсказъ—разсказомъ очевидца. И, дѣйствительно, изъ этого сказанія ясно видно, что разсказчикъ во всемъ самъ принималъ участіе (ibid., стр. 56 — 59): „и срубили мы это (дерево) въ мѣсяцъ мартѣ... тогда-то мы начали спрашивать блаженную Нину“.

„А этотъ... честный крестъ мцхетскій взяли мы руками бренными (соб. человѣческими) и мы пришли подъ этотъ холмъ... и провели мы ночь въ бдѣніи и молились Богу“...

„И положила она (Нина) на одинъ камень и сказала мнѣ“.

Эти строки могъ написать только очевидецъ, который самъ былъ даже активнымъ дѣятелемъ. Но странно то, что почти въ самомъ началѣ же этого сказанія мы читаемъ такую фразу, которая прямо противорѣчитъ всѣмъ вышеприведеннымъ выпискамъ (ibid., стр. 56):

„Тогда воздвигли (древо это) на основаніи (?) у южныхъ церковныхъ дверей и дулъ отъ водъ (рѣки) вѣтерокъ и колыхалъ листья этого дерева и качалъ вѣтки его и былъ видъ дерева прекрасенъ и пріятенъ, какъ мы по наслышкѣ знаемъ объ этомъ кипарисовомъ деревѣ“.

„Какъ мы по наслышкѣ знаемъ“, говоритъ священникъ Іаковъ

который двумя строками ниже увѣряетъ насъ: „мы обрѣзали (это дерево) въ мартѣ мѣсяцѣ". Если они срубили дерево и онъ принималъ участіе, или присутствовалъ только, къ чему тогда „какъ мы по наслышкѣ знаемъ"? Онъ былъ очевидцемъ, и ему никакой надобности не было слышать объ этомъ.

Первое, что можно сказать, это то, что авторъ того предложенія, которое мы въ послѣдній разъ привели, конечно, не можетъ быть авторомъ всѣхъ другихъ вышеприведенныхъ. Ясно также, что Іаковъ не высказалъ бы о себѣ двухъ совершенно одна другой противорѣчащихъ мыслей. Это сказаніе или составлено изъ двухъ различныхъ источниковъ, или же одинъ какой-нибудь источникъ передѣланъ, но передѣланъ совершенно неумѣло.

Значитъ, сказаніе о честномъ крестѣ, помѣщенное въ Шатбердскомъ житіи, не можетъ принадлежать Іакову, и его имя какъ автора неосновательно указывается въ заглавіи Житія.

Мы убѣдились, что всѣ тѣ части Шатбердскаго житія св. Нины, которыя приписываются различнымъ современникамъ Нины, сильно искажены и переработаны, а все предисловіе или введеніе Житія сочинено, подложно.

Конечно, мы не можемъ послѣ этого и все Житіе признать никуда негоднымъ, лишеннымъ всякаго историческаго значенія, такъ какъ введеніе Житія можетъ быть позднѣйшей добавкой, а въ переработанныхъ и искаженныхъ главахъ могутъ оказаться драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія, сохранившіяся изъ древняго Житія, быть можетъ, написаннаго современникомъ.

Поэтому теперь мы должны выяснить достовѣрность сообщаемыхъ въ Житіи фактовъ и сравнительную ихъ древность. Для облегченія работы раздѣлимъ все Житіе св. Нины на нѣсколько частей и разсмотримъ каждую часть отдѣльно:

1) Происхожденіе св. Нины, рожденіе ея и воспитаніе до 12 лѣтъ.

2) Проповѣдническая дѣятельность Нины въ Византіи до прихода въ Грузію.

и 3) Приходъ Нины въ Грузію, проповѣдь и обращеніе народа въ христіанство.

Начнемъ съ первой части. — Во время [1]) мученической кончины

[1]) Въ Житіи св. Нины, въ рук., прин. Азіат. Музею, № 39, говорится, что Георгій Каппадокійскій былъ другомъ Завулона: „былъ нѣкій человѣкъ (Завулонъ) сообщникъ и другъ св. мученика (Георгія)". Въ исторіи Грузіи Вахушта эта дружба обратилась

Георгія Каппадокійскаго въ Каппадокіи жилъ нѣкій юноша Завулонъ, который отправился въ столицу на службу царю. Въ это время „Бранджи" напали на византійцевъ, но Богъ даровалъ этому каппадокійцу юношѣ силу непобѣдимую и... онъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Плѣнные „Бранджи" приняли христіанство, а благодаря просьбѣ Завулона спаслись отъ смерти. Завулонъ вмѣстѣ съ „Бранджами" отправился въ страну бранджскую для обращенія всего народа въ христіанство, откуда онъ съ большими подарками и богатствомъ вернулся въ столицу. Но не люба была ему придворная жизнь, оставилъ онъ столицу и отправился съ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Этотъ Завулонъ былъ отецъ Нины.

Въ это же время жилъ нѣкій человѣкъ, у котораго было двое дѣтей: сынъ Ювеналій — онъ затѣмъ становится іерусалимскимъ патріархомъ согласно Житію,—и дочь Суссана, которая во время патріаршества брата своего жила въ Іерусалимѣ при немъ. Прибывшій въ Іерусалимъ на поклоненіе Завулонъ сватается за Суссану и женится на ней. Св. Нина была дочь Завулона и Суссаны.

Когда Нинѣ было двѣнадцать лѣтъ, родители ея продали все свое имущество, и Завулонъ сталъ пустынникомъ, а Суссана, по назначенію брата ея, іерусалимскаго патріарха, должна была прислуживать бѣднякамъ.—Здѣсь прекратимъ мы передачу содержанія Житія.

Легко догадаться, что мученичество Георгія Каппадокійскаго въ этомъ житіи играетъ роль даты года рожденія св. Нины, а патріархъ Ювеналій и побѣдоносный полководецъ Завулонъ, просвѣтитель „Бранджовъ", должны намъ показывать высокое происхожденіе и блестящую родословную св. проповѣдницы.

Что касается мученичества Георгія Каппадокійскаго, то едва ли оно можетъ намъ помочь опредѣлить годъ рожденія св. Нины, такъ какъ неизвѣстно, сколько прошло лѣтъ отъ мученичества Георгія до брака Завулона и Суссаны, или до избранія Ювеналія въ патріархи, а безъ этихъ данныхъ вѣдь совершенно невозможно высчитать годъ рожденія Нины.

Въ Шатбердскомъ житіи есть нѣсколько хронологическихъ данныхъ, которыя хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ году рожденія св. проповѣдницы, но съ помощью которыхъ, быть можетъ,

---

уже въ родство (стр. 56): „Былъ мужъ въ Каппадокіи, родственникъ св. Георгія, правитель и рабъ Божій Завулонъ"... Вотъ, маленькій и яркій примѣръ того, какъ легко искажаются историческія свѣдѣнія.

удастся вычислить дату. Эти хронологическія данныя касаются прибытія св. Нины въ Грузію и ея смерти (ibid., стр. 30).

„До пришествія Христа прошло 5500 [1]) лѣтъ, отъ Рождества Христова до распятія 33 и отъ распятія до крещенія греческаго царя Константина 311, четырнадцать лѣтъ спустя была явлена въ страну нашу проповѣдница истины, Нина, царица наша".

Изъ этого отрывка видно, что вся хронологія въ житіи св. Нины основана на годѣ крещенія царя Константина, — отъ правильности этой даты зависитъ точность и вѣрность остальныхъ.

Отъ Рождества Христова до распятія	33
„ Распятія до крещенія Константина	311
„ Рождества Христова до крещенія Константина .	344

Итакъ, по Шатбердскому житію крещеніе Константина было въ 344 году по Р. Хр., т.-е., спустя семь лѣтъ послѣ его смерти.

Спустя 14 лѣтъ прибыла Нина въ Грузію, или въ [344 + 14 =] 358 году по Р. Хр. Значитъ св. Нина умерла въ [358+15]=[2]) 373 г. по Р. Хр. Если Нина въ 358 году прибыла въ Грузію, тогда царь Миріанъ отправилъ бы въ Византію пословъ въ [358+8=] 366 году, потому что царь Миріанъ увѣровалъ во Христа на 7-мъ году [3]) послѣ прихода св. Нины въ Грузію, и только годъ спустя отправлены были послы къ Константину.

Очевидно, что всѣ эти даты должны быть невѣрны, такъ какъ годъ крещенія Константина, на которомъ основано вычисленіе, взятъ явно не точно. Напримѣръ, если бы грузины посылали пословъ въ Византію въ 366 году, то, очевидно, посольство было бы отправлено не къ Константину, который скончался уже въ 337 году, такъ какъ въ продолженіе 29 лѣтъ въ Грузіи могли бы узнать о смерти Константина.

Между тѣмъ и Шатбердское житіе св. Нины и остальныя, также „Мокцевай Картлисай", согласно увѣряютъ, что посольство было послано именно къ Константину. Можно предположить, что имя Константина въ древнѣйшемъ житіи не встрѣчалось и добавлено кѣмъ-нибудь лишь впослѣдствіи; но такое предположеніе будетъ совершенно неосновательно, такъ какъ современникъ обращенія Грузіи, византійскій исто-

---

[1]) Объ этомъ см. Джанашвили, *Аіѳадшнэ*, стр. 43, 68.

[2]) См. Такайшвили, Три истор. хрон., стр. 20.

[3]) Ibid., стр. 45.

рикъ IV вѣка Руфинъ, разсказывающій со словъ грузинскаго царя Бакура, также подтверждаетъ свѣдѣнія грузинскихъ источниковъ, — вотъ что говоритъ онъ:

„Postea vero quam Ecclesia magnifice constructa est et populi fidem Dei majore ardore sitiebant, captivae monitis ad Imperatorem Constantinum totius gentis legatio mittitur“... (Historia eccl., lib. I, cap. X, Patr. lat. 21).

„Послѣ того какъ церковь была великолѣпно построена и племена сильно жаждали вѣры Бога, по совѣту плѣнницы къ императору Константину отправляется отъ всего народа посольство“.

А разъ посольство было отправлено къ Константину, то, конечно, отправленіе могло состояться до 337 года, когда онъ умеръ,

Если мы предположимъ, что Миріанъ послалъ вѣстниковъ именно въ послѣдній годъ жизни императора Константина, тогда прибытіе Нины въ Грузію на основаніи свѣдѣній Мокц. Картлиса“ и Шатбердскаго житія должно было случиться въ (337—338) 329 году, т.-е. ровно (358 — 329) 29-ю годами раньше того года, который указывается Шатбердскимъ житіемъ. По нашему вычисленію годомъ смерти также можно считать (329 + 15) 344 годъ, а не 373-й, какъ показываетъ Житіе св. Нины.

Итакъ, хронологическія данныя Шатбердскаго житія, какъ относительно прихода св. Нины въ Грузію и смерти ея, такъ и относительно Константина, совершенно неточны. Но не въ лучшемъ положеніи находятся свѣдѣнія Мокцеваи Картлисай: одна дата противорѣчитъ другой и всѣ вмѣстѣ тѣмъ вычисленнымъ даннымъ, которыя должны считаться за наиболѣе вѣроятныя.

Св. Нина скончалась послѣ прибытія ея въ Грузію на четырнадцатомъ году и отъ вознесенія Христова на 338 (*Три Хроники*, стр. 20) году, а отъ сотворенія міра въ 5838 году. 5838—5500 [1])=338 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если за основаніе принять годъ отъ сотворенія міра.

338 + 33 = 371 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если считать отъ Рождества Христова.

358 + 15 = 373 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если считать отъ года ея прибытія въ Грузію.

---

[1]) См. выше, стр. 86, и Джанашвили, *Аѳадiнис*, стр. 43, 68.

Это явное противорѣчіе другъ съ другомъ хронологическихъ данныхъ ясно показываетъ, что они совершенно непригодны и, конечно, съ такими датами вычислить года рожденія Нины нельзя.

Мы оставимъ эту хронологію—съ ней ничего не удастся сдѣлать—и приступимъ къ разсмотрѣнію родословной св. Нины. Отецъ и дядя Нины были выдающимися людьми своего времени: первый былъ побѣдоноснымъ византійскимъ полководцемъ, сокрушившимъ „Бранджовъ", второй же—главой церкви Христовой, іерусалимскимъ патріархомъ. И церковная исторія, и свѣтская должны дать намъ о нихъ свѣдѣнія, потому что исторія рѣдко забываетъ побѣдоносныхъ вождей и архипастырей церкви. Еще покойный грузиновѣдъ *Броссе* [1]) указалъ, что въ IV вѣкѣ ни одинъ іерусалимскій архипастырь имени Ювеналія не носилъ. Между тѣмъ важно, что не только въ это время Ювеналія не было, въ IV вѣкѣ въ Іерусалимѣ даже еще патріархія не существовало. Только послѣ вселенскаго собора въ Ефесѣ (431 г.), когда соборъ пастырей церкви отвергъ требованіе іерусалимскаго архіепископа Ювеналія о томъ, чтобы въ Іерусалимѣ была учреждена патріаршая каѳедра, императоръ Ѳеодосій II [2]) своимъ рескриптомъ даровалъ Ювеналію санъ патріарха іерусалимскаго.

Такимъ образомъ, если бы даже въ Іерусалимѣ въ IV вѣкѣ и былъ архипастыремъ Ювеналій, т.-е. если бы даже дядя Нины былъ дѣйствительно историческимъ лицомъ, то и тогда, конечно, Житіе не должно было называть его патріархомъ, каковой санъ былъ учрежденъ только въ V столѣтіи. Теперь мы не можемъ, конечно, вѣрить въ существованіе Ювеналія, дяди св. Нины, въ его санъ и личность; вся эта исторія должна быть легендой очень поздняго происхожденія. Можно даже приблизительно опредѣлить время внесенія этой легенды въ житіе св. проповѣдницы. Для того, чтобы лицо V вѣка отнести къ IV и одарить его саномъ, тогда несуществовавшимъ, должно было пройти довольно много времени со дня самихъ событій, съ другой стороны, такъ какъ въ *Мокцевай Картлисай* встрѣчается еще одинъ, подобный грубый анахронизмъ [столицею сасанидскихъ царей называется Багдадъ [3])] и въ Шатбердскомъ житіи—дру-

---

[1]) См. *Hist. de la G.*, стр. 92, пр. 1.

[2]) См. Kurz, Lehrbuch der Kirchengeschichte, стр. 193.

[3]) Такайшвили, *Три Хроники*, стр. 85 и Христ. Чтеніе, 1898 г., статья Болотова, стр. 255.

гой [Миріанъ говоритъ на ново-персидскомъ языкѣ [1])], то съ нѣкоторой вѣроятностью можно и внесеніе легенды о дядѣ св. Нины отнести ко времени внесенія двухъ послѣднихъ анахронизмовъ, а именно къ VIII—IX вѣку.

Какъ косвенное доказательство того, что дядя Нины не только не былъ іерусалимскимъ патріархомъ, но и вообще выдающимся іерархомъ въ Іерусалимской епархіи, можно привести то соображеніе, что Нина посылаетъ вѣстниковъ съ извѣщеніемъ объ обращеніи Грузіи и съ просьбой выслать священниковъ не въ Іерусалимъ, а въ Византію.

Личность отца св. Нины, побѣдоноснаго вождя, также не извѣстна византійской исторіи: ни имя Завулонъ, ни побѣда надъ „Бранджами" въ ней не упоминаются.

Броссе предполагалъ, что описанная въ Житіи св. Нины битва съ „Бранджами" можетъ быть сопоставлена съ битвой Константина съ франками (306 г.). И въ нашей древней литературѣ иногда подъ „бранджами" понимаются франки, напримѣръ, рукопись № 131 Церковнаго музея [2]): „Бранджи—это франки"... „Но въ то время было отпаденіе франковъ" (рукопись № 39 Азіатскаго музея Академіи Наукъ).

Но за исключеніемъ сходства въ этомъ имени нѣтъ ничего больше, напоминающаго сраженіе Константина съ франками: во-первыхъ, въ этой битвѣ не видно никакого Завулона, затѣмъ франкскіе цари не только не были освобождены, но, напротивъ, были преданы на растерзаніе звѣрямъ въ амфитеатрѣ [3]), а о принятіи плѣнными франками христіанства въ византійской исторіи и рѣчи нѣтъ, такъ какъ извѣстно, что франки только въ концѣ V вѣка стали христіанами [4]). Таковы свѣдѣнія Шатбердскаго житія объ отцѣ и дядѣ св. Нины. Конечно, и говорить нечего, что эти свѣдѣнія не могутъ исходить ни отъ самой Нины, ни отъ учениць, или современниковъ ея.

Итакъ, исторія не знаетъ Завулона и Ювеналія; но, что замѣчательно, ихъ не знаетъ и *Мокцевай Картлисай*, лѣтопись, которая въ рукописи находится рядомъ съ Шатбердскимъ житіемъ св. Нины; видно, въ то время, когда писалась эта лѣтопись, еще не существовало легенды о родителяхъ и дядѣ Нины, такъ какъ трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, зная объ этомъ, могъ выпустить эти

---

[1]) Н. Марръ, *Хитонъ Господенъ*, стр. 72, пр. 1.
[2]) Жорданія, *Хроники*, т. I, стр. 82, пр. 66.
[3]) Le Beau, t. I, стр. 42.
[4]) Kurz, Lehrbuch der Kirchengeschichte, т. II, стр. 12.

свѣдѣнія. Мокцевай Картлисай выражается о Нинѣ вполнѣ категорично (см. Такайшвили, *Три Хроники*, стр. 14):

„И была... плѣнница, нѣкая женщина прекрасная, по имени Нина".

Она называется „нѣкоей плѣнницей", въ чемъ соглашаются также свѣдѣнія византійскаго историка Руфина:

„Per idem tempus etiam Iberorum gens quae sub axe Pontico jacet, verbi Dei foedera et fidem futuri susceperat regni. Sed hujus boni praestitit caussam mulier quaedam captiva"... (Rufinus, *Hist. Eccl.*, lib. I, cap. X).

„Въ то же время племя Иверійское, которое поселено по Понтійскому побережью, приняло заповѣди (собственно, договоры) слова Божья и вѣру будущаго царства. Причиной такого блага была преимущественно нѣкая плѣнная женщина".

Въ такихъ же, приблизительно, выраженіяхъ излагаютъ событіе и всѣ остальные византійскіе историки. Какъ видно, въ IV вѣкѣ и тѣ грузины, которые присутствовали при обращеніи Грузіи въ христіанство, ровно ничего не знали о блестящемъ происхожденіи св. проповѣдницы.

Если бы Бакуръ слыхалъ, что отецъ Нины побѣдоносный византійскій полководецъ, то онъ не забылъ бы этого, а тѣмъ скорѣе сообщилъ бы онъ самому византійскому историку Руфину, который, конечно, съ своей стороны постарался бы отмѣтить, что св. Нина, проповѣдница христіанства въ Грузіи, была дочерью знаменитаго византійскаго полководца.

Напротивъ, употребленное Руфиномъ „quaedam" показываетъ, что кто бы ни были родители Нины, они не должны были во всякомъ случаѣ быть высокаго происхожденія.

Къ этому нужно добавить, что и Моисею Хоренскому или его источнику неизвѣстны родители и дядя просвѣтительницы Грузіи:

„Нѣкая женщина, по имени Нунэ изъ подругъ св. Рипсиміи" [1]).

Даже въ томъ же Шатбердскомъ житіи, которое такъ увѣряетъ насъ, что родители и дядя Нины были выдающимися людьми, даже и тамъ можно найти слѣды того, что и въ Житіи Нина нѣкогда называлась простой плѣнницей (стр. 2):

---

[1]) М. Хоренскій, Исторія, (арм.) 1881, Тифлисъ, стр. 253.

„Какъ говоришь, что-де я плѣнница. Возвѣсти намъ дѣло твое, о какомъ ты плѣнѣ говоришь, о, избавительница плѣнныхъ".

„Господи Іисусе Христе, въ котораго вѣруемъ мы отъ плѣнницы этой... Прибыла эта блаженная женщина... святая Нина впервые [1]) какъ плѣнница, какъ чужестранка"...

Но и въ этихъ нѣсколькихъ мѣстахъ смыслу приданъ отчасти иной оттѣнокъ, напримѣръ, во второмъ предложеніи. Хотя именно это старательное желаніе измѣнить смыслъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Нина называется плѣнницей, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ житіи нѣкогда Нина называлась „нѣкоей плѣнницей". Быть можетъ, для того и выдуманъ въ Шатбердскомъ житіи совершенно невѣроятный случай, будто Нина только передъ смертью сняла съ себя маску и объявила впервые о своей личности, чтобы придать бо́льшую вѣру разсказамъ о блестящей роднѣ св. проповѣдницы; грузинскаго читателя или слушателя, которому было извѣстно, что Нина плѣнница, только разсказъ самой Нины могъ увѣрить въ достовѣрности повѣствованія и того, будто Нина сама скрывала свое происхожденіе.

Таково, думается намъ, назначеніе и смыслъ введенія Шатбердскаго житія, тенденціозности котораго (введенія) авторъ Житія не съумѣлъ удачно замаскировать. Здѣсь можно подвести итоги того, что было сказано о первой части Шатбердского житія:

Кто была св. Нина по происхожденію, по званію, намъ не извѣстно. Можно только сказать, что родители и родня ея была не такого высокаго происхожденія, какъ Завулонъ и Ювеналій; напротивъ, быть можетъ родня Нины была до того незначительна по положенію, что современники (Бакуръ, Руфинъ) даже не обратили особеннаго вниманія и не передали потомству свѣдѣній о нихъ.

Нина была плѣнницей — вотъ все, что знаютъ о ней Руфинъ, авторъ *Мокцевай Картлисай* и Моисей Хоренскій.

Только, по всей вѣроятности, съ VIII — IX вѣка, быть можетъ нѣсколько раньше появляются имена родни Нины и разсказы о ней (роднѣ), но имена выдуманы и разсказы съ начала до конца сказочны, легендарны.

Вторая часть касается проповѣднической дѣятельности Нины въ Византіи.

---

[1]) Объ этомъ Джанашвили, *Аіоадінэ*, стр. 74.

Въ то время [1]), когда мать Нины по приказанію своего брата, мнимаго патріарха, въ Іерусалимѣ прислуживала бѣднякамъ, дочь ея жила и воспитывалась у одной армянки изъ Двина; она разсказывала часто о жизни Іисуса Христа, о крестныхъ Его страданіяхъ и между прочимъ объ участи хитона Господня. Когда Нина подросла, изъ Ефеса прибыла прислужница царицы Елены и сообщила Нинѣ, что царица жаждетъ вѣры Христовой. Нина, получивъ благословеніе отъ дяди-патріарха, отправляется съ прислужницей Елены, чтобы проповѣдывать царицѣ Еленѣ христіанство. Прислужница привела Нину въ свой домъ, гдѣ оказалась царица Рипсимэ, которая ожидала крещенія изъ Іерусалима. Нина крестила Рипсимэ и сорокъ подругъ ея и пробыла у нихъ два года.

„Тогда призрѣлъ Господь Грецію и увѣровалъ царь Константинъ и исповѣдали Христа онъ и мать его и весь дворъ ихъ отъ сотворенія міра 5444 г., а отъ вознесенія Христа 311 г. и обратилась вся Греція въ христіанство".

„На седьмой годъ былъ святой соборъ въ Никеѣ и на восьмой было бѣгство наше изъ Греціи, Рипсимэ и воспитательница Гаіанэ и 50 душъ отправились" (Новый варіантъ ж. Нины стр. 13, 14).

Когда всѣ онѣ прибыли въ Арменію, Рипсимэ и Гаіанэ были замучены тамъ, а Нина бѣжала въ Грузію.

Съ перваго раза эта часть производитъ на читателя впечатлѣніе несомнѣннаго историческаго факта, хотя и въ этой части много непонятнаго и страннаго.

Непонятно, напримѣръ, почему Нина живетъ не у матери, а у армянки изъ Двина; если мать Нины могла прислуживать бѣднякамъ, то ужели она не могла воспитывать, кормить свою единственную дочь. Страннымъ кажется также поступокъ прислужницы царицы Елены и Нины: отправилась Нина съ прислужницей для того, чтобы проповѣдывать Еленѣ христіанство, она просила разрѣшенія у своей воспитательницы отпустить именно съ этой цѣлью [2]), и вдругъ читаемъ, что прислужница привела дѣвушку къ себѣ въ домъ, гдѣ оказывается царица, но не Елена, а Рипсимэ, „которая ожидала изъ Іерусалима крещенія и желала исповѣдать Христа" (ibid., стр. 13).

Такимъ образомъ, вмѣсто царицы Елены, для обращенія которой

---

[1]) Такайшвили, *Новый варіантъ житія Нины*, стр. 11—14.

[2]) Такайшвили, *Новый варіантъ житія Нины*, стр. 12.

въ христіанство Нина отправилась, появляется царица Рипсимэ; оказывается, она-то и ожидала крещенія изъ Іерусалима.

Шатбердское житіе совершенно забываетъ объ Еленѣ и ничего не говоритъ намъ, проповѣдовала ли Нина передъ ней, или нѣтъ. Хотя въ житіи и сказано: „призрѣлъ Господь Грецію и увѣровалъ царь Константинъ и исповѣдалъ Христа онъ и мать его"... по отсюда еще далеко нельзя заключить, причастна ли Нина къ этому обращенію?

Очевидно, что Шатбердское житіе главное вниманіе обращаетъ на Рипсимэ: потому оно заставляетъ двинскую армянку воспитывать Нину, потому нарушаетъ логическое теченіе разсказа и вмѣсто Елены неожиданно выводитъ на сцену Рипсимэ. По этой причинѣ и намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣгство Нины и Рипсимэ съ подругами изъ Греціи и на мученичество Рипсимэ и Гаіане въ Арменіи.

Въ этой части Житія есть нѣсколько хронологическихъ данныхъ; къ разсмотрѣнію ихъ-то мы и обратимся. Оставимъ въ покоѣ годъ обращенія Константина: онъ неправиленъ, какъ мы убѣдились выше. Въ Житіи сказано: на седьмой годъ (отъ обращенія Константина) былъ святой соборъ въ Никеѣ и на восьмой было бѣгство наше изъ Греціи.

Значитъ, бѣгство Нины и Рипсимэ было годъ спустя послѣ Никейскаго собора, т.-е. въ (325+1=) 326 году; въ это время императоромъ Византіи былъ Константинъ, христіанству была предоставлена свобода (даже соборъ былъ дозволенъ) и невозможно допустить, чтобы онѣ укрывались и были гонимы, какъ христіанки, а тѣмъ болѣе замучены. Въ Житіи Григорія Просвѣтителя, гдѣ разсказывается про это бѣгство, оно случается при Діоклетіанѣ, который-де хотѣлъ жениться на Рипсимэ. Ниже мы увидимъ, насколько основательна и эта причина мученичества Рипсимэ и ея подругъ; а пока можно сказать, что если онѣ были гонимы и замучены за христіанство, то во всякомъ случаѣ бѣгство ихъ со всѣми послѣдствіями должно было случиться гораздо раньше 326 года, такъ какъ въ то время въ Византіи царствовалъ Константинъ, а въ Арменіи въ это время по крайней мѣрѣ уже было принято христіанство, и мучить за вѣру христіанинъ Тиридатъ не могъ.

И такъ годъ бѣгства Нины изъ Греціи совершенно невѣренъ, и, конечно, онъ ни Ниной, ни современникомъ или современницей ея не можетъ быть сообщенъ. Напротивъ, нарушеніе логическаго теченія

повѣствованія относительно отправленія Нины съ прислужницей въ Грецію, заставляетъ насъ думать, что вся эта исторія возникла впослѣдствіи, послѣ Нины. Эта мысль становится болѣе убѣдительной послѣ того, какъ мы разсмотримъ зависимость житія Рипсимэ и Гаіанэ отъ обращенія Арменіи. Этого вопроса давно коснулся нѣмецкій ученый von Gutschmid [1]), доказывавшій, что между этими двумя произведеніями въ древности не существовало никакой зависимости. Этотъ извѣстный ученый не приводитъ такихъ доводовъ, которыхъ нельзя было поколебать и опровергнуть. Напримѣръ, онъ думаетъ, что разъ Тиридатъ ничего не говоритъ о Діоклетіанѣ и его посланіи, когда самъ приказываетъ разыскивать Рипсимэ, то будто бы это доказываетъ несуществованіе самого посланія. Но на это можно возразить, что Тиридатъ, которому заочно понравилась Рипсимэ, согласно съ предложеніемъ Діоклетіана, искалъ уже не для греческаго императора, а для себя [2]). Не трудно дать объясненіе и относительно имени Рипсимэ.

Для рѣшенія вопроса главное значеніе имѣетъ письмо императора Діоклетіана къ Тиридату, такъ какъ изъ него мы узнаемъ, по какой причинѣ преслѣдуетъ Рипсимэ вначалѣ Діоклетіанъ, а потомъ армянскій царь, такъ какъ только это письмо соединяетъ двѣ части мученичества свв. дѣвъ, греческую и армянскую.

Въ то время, какъ Діоклетіанъ всенародно объявилъ о своемъ бракѣ и призвалъ почетныхъ гостей къ придворному пиру, невѣста его Рипсимэ съ подругами тайно бѣжала въ Арменію. Деоклетіанъ во всѣ концы разослалъ гонцовъ въ погоню, чтобы они вернули его невѣсту обратно, и онъ отпраздновалъ бы свадьбу. Посланцы императора прибыли въ Арменію и царю Тиридату подали письмо Діоклетіана. Онъ сообщалъ, что собирался жениться на Рипсимэ и отпраздновать всенародно это торжество; письмо заканчивалось такъ: „обольстительную красавицу пришли ко мнѣ сюда, но если понравится тебѣ красота ея (соб. видъ красоты), оставь ее при себѣ, такъ какъ нигдѣ въ Греціи не найдется подобной ей" [Агаѳангелъ (арм.), Тифлисъ, стр. 99]. Согласно съ письмомъ Діоклетіана Тиридатъ желаетъ Рипсимэ себѣ въ жены и приказываетъ тщательно разыскивать ее.

Это письмо съ начала до конца подложно: стиль и содержаніе

---

[1]) Zeitschr. d. d. Ml. Gesellschaft, 31 B., стр. 1—60: *Agathangelos*, особ. стр. 34, 35.

[2]) Агаѳангелъ (арм.), (Тифлисъ) стр. 103, 107.

ясно доказываютъ это. Развѣ возможно допустить, чтобы царь, который собирается жениться и готовится къ свадебному торжеству, уступилъ свою невѣсту другому? Уже-ли Діоклетіанъ для того только потревожилъ своихъ подданныхъ, разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, чтобы предложить отыскавшему его невѣсту жениться на ней?...

Подложность этого письма до того очевидна, что нѣтъ надобности въ новыхъ доказательствахъ ея. А разъ письмо Діоклетіана признаемъ подложнымъ, тогда рушится все мученичество Рипсимэ и Гаіанэ, рушится то, что соединяло свв. дѣвъ съ Арменіей.

Все вышесказанное даетъ намъ возможность такимъ образомъ закончить разсмотрѣніе второй части Житія:

Первоначально не должно было существовать никакой связи между мученичествомъ Рипсимэ и Житіемъ св. Нины; впослѣдствіи было внесено это мученичество, и Нина называлась то одной изъ подругъ Рипсимэ, то ея просвѣтительницей. Нельзя еще категорически сказать, когда внесли мученичество св. дѣвъ въ Житіе, ясно только, что оно должно быть болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ легенда о роднѣ св. Нины, такъ какъ имѣются памятники, гдѣ ни слова не говорится объ отцѣ и дядѣ Нины, хотя она тамъ уже называется подругой Рипсимэ, напримѣръ, *Моќцевай' Ќартлисай* и у Моисея Хоренскаго.—Кромѣ того мученичество, внесенное въ Житіе Нины, уже носитъ отпечатокъ армянской обработки. Какъ первая часть Шатбердскаго житія—для доказательства именитаго происхожденія св. Нины, такъ и вторая часть можетъ быть внесена для объясненія того, какъ прибыла Нина въ Грузію.

Съ воспитаніемъ Нины связанъ разсказъ о Хитонѣ Господнемъ, а авторъ житія этимъ какъ бы желаетъ дать знать, что сказаніе о Хитонѣ Нина знала еще въ Іерусалимѣ и что прибытіе ея въ Грузію было не вполнѣ случайно.

У насъ имѣются три различныхъ сказанія о Хитонѣ: одно внесено въ *Ќартлис Цховреба* (стр. 107—110 [1]), второе—въ житіи Нины рукописи Азіатскаго Музея Академіи Наукъ, № 39 (см. Н. Марръ, *Хитонъ Господень*, стр. 73—77), третье внесено въ Шатбердское житіе (стр. 29—36).

---

[1]) Изд. З. Чичинадзе.

По первому сказанію хитонъ приноситъ Эліозъ Мцхетскій и Лонгинъ Карсскій. Это имя появляется неожиданно, и о происхожденіи Лонгина, ни объ отношеніи его къ Эліозу ничего не извѣстно. Послѣ того, какъ они получаютъ по жребію хитонъ, Лонгинъ также безслѣдно исчезаетъ. Имя Лонгина, конечно, съ умысломъ внесено въ сказаніе [1]), для доказательства истинности его. Во второмъ сказаніи о Лонгинѣ ничего не говорится, его не видно. Авторъ старается на основаніи Евангельскаго текста доказать [2]), что Эліозъ могъ быть во время крестныхъ страданій Іисуса Христа въ Іерусалимѣ.

Авторъ третьяго сказанія не прибѣгаетъ къ Евангельскому тексту, не приводитъ и Лонгина, — онъ употребляетъ совершенно другой способъ. Авторъ старается доказать читателю, что сказаніе записано самими потомками, внучкой Эліоза Сидоніей, и что потому въ достовѣрности сообщаемаго сомнѣній быть не должно. Этотъ пріемъ, какъ мы видѣли выше, примѣняется во всемъ Шатбердскомъ житіи. И тутъ увѣреніе автора сказанія о томъ, что оно записано внучкой, не оправдывается: нѣсколько мѣстъ изъ этого сказанія даютъ возможность составить родословную таблицу мнимаго автора сказанія Сидоніи (ibid., стр. 32).

„Написалъ (говоритъ Сидонія) Анна [перво]священникъ отцу отца моего Озіи"...

Озія—отецъ отца Сидоніи,
Абіатаръ—отецъ Сидоніи,
Сидонія—авторъ сказанія.

Есть еще одно мѣсто (стр. 33), но мы не будемъ его приводить, такъ какъ этотъ отрывокъ дѣла совершенно не измѣнитъ.

Сестра Эліоза, принесшаго хитонъ въ Грузію, была замужемъ за Озіей, такъ что Сидонія, казалось, могла бы сохранить въ цѣлости сказаніе о хитонѣ, если бы только не являлось вопроса [3]), какимъ образомъ братъ бабушки Сидоніи, которая жила въ началѣ IV столѣтія, могъ присутствовать при крестныхъ страданіяхъ Іисуса Христа? Три поколѣнія не могли, конечно, жить въ продолженіе трехъ вѣковъ. Эліозъ могъ жить въ концѣ второго вѣка, или даже въ началѣ третьяго, такъ что, если Эліозъ дѣйствительно былъ родственникомъ Сидоніи, то, конечно, и говорить нельзя, будто хитонъ былъ имъ принесенъ въ

---

[1]) Н. Марръ. Хитонъ Господень, стр. 78, 79, 80, 81.

[2]) Ibid., стр. 75, 94.

[3]) Указаннаго М. Броссе, см. *Hist. de la G.*, стр. 106, пр. 5.

Грузію. Если же родство сочинено позже кѣмъ-нибудь, то тогда сказаніе теряетъ цѣну, какъ матеріалъ для исторіи, такъ какъ намъ не извѣстно, насколько вѣрно передано это преданіе, почему выступаетъ въ немъ Эліозъ, можно ли считать это преданіе грузинскимъ или оно иностранное. Всѣ эти вопросы не могутъ быть пока еще разрѣшены.

Въ этомъ сказаніи, есть одно предложеніе, которое даетъ возможность нѣсколько уяснить, какого происхожденія эта легенда (ibid. стр. 31): „Послѣ всего этого я разскажу тебѣ сказаніе моего отца, которое я знаю изъ чтенія книгъ, и разсказы моего отца". Это неуклюжее предложеніе косвенно указываетъ на чтеніе книгъ, на примѣсь въ этомъ сказаніи чисто-литературнаго, книжнаго элемента.

Въ третьей части Шатбердскаго житія излагается проповѣдническая и подвижническая жизнь св. Нины, обращеніе царицы Наны и потомъ царя Миріана.

Разсказъ Руфина доказываетъ, что чудесное обращеніе Миріана,— затменіе солнца на охотѣ—было извѣстно уже современникамъ этого событія.

Нѣсколько разнится разсказъ Моисея Хоренскаго объ этомъ случаѣ. Онъ говоритъ, что царь во время затменія вспомнилъ объ обращеніи Тиридата въ кабана, испугался за свою участь и призналъ единаго Бога.

Чудеса при построеніи церкви также были извѣстны современникамъ, что видно изъ того же Руфина.

Совершенно иначе, чѣмъ всѣ остальные историки, разсказываетъ Моисей Хоренскій объ отправленіи Ниной и грузинскимъ народомъ пословъ: онъ умалчиваетъ о посольствѣ въ Грецію, вмѣсто Константина у него является армянскій царь Тиридатъ и Григорій Просвѣтитель, а вмѣсто Греціи—Арменія.

Хоренскій разсказываетъ, что Григорій не послалъ священниковъ въ Грузію, а только посовѣтовалъ воздвигнуть кресты и разрушить идоловъ, „пока Богъ дастъ имъ, говоритъ просвѣтитель армянъ, пастыря въ руководительство" (М. Хоренскій, Тифл. 1881, стр. 255). Этотъ странный отвѣтъ, молчаніе о томъ, откуда привели грузины духовенство, наводитъ на мысль, что священники пришли не изъ Арменіи. Является вопросъ, посылалось ли какое-либо посольство къ Григорію Просвѣтителю въ Арменію?

Руфину и Бакуру, ничего не извѣстно о посольствѣ въ Арменію. Они, напротивъ, вполнѣ ясно говорятъ, что вѣстники были посланы въ Грецію къ Константину. Свѣдѣніе ихъ какъ современниковъ заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда жили они, еще не существовало національныхъ тенденцій и традицій въ религіозныхъ вопросахъ; между тѣмъ какъ въ разсказѣ о Нинѣ, приводимомъ Хоренскимъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Халатьянцъ [1]), явно замѣтна національная армянская тенденція.

Намъ кажется только, что доказывать, будто это мѣсто выдумано самимъ Хоренскимъ, какъ это предполагаетъ г. Халатьянцъ, далеко еще невозможно, во всякомъ случаѣ преждевременно, такъ какъ свѣдѣніе объ отправленіи пословъ въ Арменію, повидимому, тѣсно связано съ легендой о томъ, что Нина была одной изъ подругъ Рипсимэ и Гаіанэ; авторъ, знавшій эту легенду, могъ естественно предположить, что Нина прежде всего сообщитъ объ обращеніи Грузіи Григорію Просвѣтителю, съ житіемъ котораго такъ тѣсно связано мученичество вышеупомянутыхъ святыхъ дѣвъ. Происхожденіе этой легенды можетъ быть выяснено только тогда, когда будутъ изслѣдованы шагъ за шагомъ грузино-армянскія церковныя отношенія до раздѣленія церквей. Нельзя считать справедливымъ и то мнѣніе Гр. Халатьянца, будто облачный столбъ и двѣнадцать звѣздъ надъ честнымъ крестомъ были выдуманы Моисеемъ Хоренскимъ [2]). Съ трудомъ вѣрится, чтобы армянскій писатель, націоналистъ, какимъ представляется г. Халатьянцу Моисей Хоренскій, сочинялъ легенды для грузинской церкви.

Болѣе правдоподобна мысль о. Мэсропа Теръ-Мовсесяна [3]), что свѣдѣнія объ этомъ Хоренскимъ почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ греческихъ или грузинскихъ источниковъ, такъ какъ въ Шатбердскомъ житіи какъ разъ имѣется столпъ свѣтовой и двѣнадцать звѣздъ (см. стр. 63). Легко допустить, что эти свѣдѣнія были и у источника Шатбердскаго житія.

Выше мы уже разсмотрѣли сказаніе Іакова о честномъ крестѣ, такъ что въ этой части намъ остается просмотрѣть только письмо царя Миріана, которое фактически ровно ничего новаго не сообщаетъ; оно повторяетъ то, что говорится у Саломэ Ужармели, Абіатара и

---

[1]) Гр. Халатьянцъ. *О новыхъ источникахъ М. Хоренскаго* (арм.), стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 49, 50.

[3]) Церковная исторія Сократа (арм. текстъ), стр. 71 предисл.

священника Іакова, только съ большей примѣсью легендарнаго элемента; гипербола тутъ на каждомъ шагу (см. ibid., стр. 68):

„Дѣтей своихъ съѣдали, какъ жертву противнымъ идоламъ... отцы наши убивали (букв.: косили) дѣтей своихъ такъ, какъ косятъ траву, чтобы быть въ благоволеніи у идоловъ".

Въ этомъ же письмѣ имѣется странная сказка о томъ, какими цѣлебными свойствами отличалось то дерево, которое было срублено для креста. Это преданіе отсутствуетъ въ сказаніи Іакова.

Наиболѣе интересно знать подробныя свѣдѣнія о проповѣднической дѣятельности св. Нины въ Грузіи и о томъ, какъ распространялось христіанство, но Шатбердское житіе увлечено больше чудесными разсказами, а важныя обстоятельства упускаетъ изъ виду.

Мы едва ли бы получили какой-нибудь отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, если бы *Мокцевай Картлисай* не сохранило намъ нѣсколькихъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ [1]): изъ Картли Нина двинулась съ проповѣдью къ жителямъ горныхъ мѣстъ, которые не приняли ни проповѣдницы, ни новой вѣры, чего, конечно, можно было ожидать, такъ какъ они всегда привержены къ старымъ, дѣдовскимъ обычаямъ и къ новшествамъ не очень легко склоняются. Это мѣсто въ *Мокцевай Картлисай*, по всей вѣроятности, удержалось изъ древняго, хорошаго, еще неисправленнаго памятника, такъ какъ если бы позже писали о распространеніи христіанства, то тогда или это мѣсто было бы выпущено, какъ то дѣлаетъ Шатбердское житіе, или же какъ въ рукописи № 170 Шіомгвимскаго монастыря [2]), было бы сказано, что „большинство грузинскаго племени впервые же крестилось, какъ только прибылъ епископъ". А что христіанство не такъ ужъ сразу распространилось, видно изъ того же памятника [3]), который передаетъ намъ, что еще въ пятомъ столѣтіи маги въ Могвети исполняли свои обязанности.

Вообще изъ всѣхъ матеріаловъ, которые у насъ имѣются о Нинѣ и христіанствѣ въ Грузіи на греческомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ, лучшимъ можетъ считаться *Мокцевай Картлисай*.

Св. Нина скончалась въ с. Боди, которое всѣми отожествляется съ с. Бодбэ, Сигнахскаго уѣзда, но, насколько правильно такое ото-

[1]) Жорданія, *Хроники*, кн. I, стр. 32, 33.
[2]) Жорданія, *Хроники*, кн. I, стр. 31, пр. 64.
[3]) Т.-е. *Мокц. Карт.*, ibid., стр. 44.

жествленіе, можетъ выясниться только тогда, когда историческая географія Грузіи будетъ изучена.

Теперь мы можемъ спросить себя, къ какому результату привели всѣ изысканія, что новаго узнали мы изъ изученія всѣхъ памятниковъ, относящихся къ этой эпохѣ, и что можно будетъ извлечь для исторіи грузинской церкви, или для исторіи христіанства въ Иверіи.

Въ первой половинѣ четвертаго столѣтія въ Грузіи нѣкая плѣнница, которая по грузинскимъ источникамъ называлась Нино, по армянскимъ Нунэ, начала проповѣдывать христіанство [1]. О происхожденіи этой плѣнницы мы ничего не знаемъ. Около 337 года одна часть грузинъ съ царскимъ семействомъ во главѣ приняла проповѣдь плѣнницы и послала къ императору Константину вѣстниковъ съ просьбой прислать имъ духовенство для крещенія народа. Константинъ исполнилъ просьбу грузинъ и послалъ священнослужителей, которые крестили принявшихъ вѣру Христову.

Нѣкоторые изъ грузинскихъ племенъ, жившихъ въ горныхъ мѣстахъ, не приняли ни вѣры, ни священниковъ.

Неизвѣстно, когда впервые было написано житіе проповѣдницы христіанства въ Грузіи. Мы не имѣемъ еще такого житія, въ которомъ были записаны только вышеупомянутыя свѣдѣнія, т.-е. у насъ на грузинскомъ языкѣ еще нѣтъ такого житія, которое можно было бы приписать современнику [2] или современницѣ св. проповѣдницы. До насъ дошедшія житія содержатъ въ себѣ свѣдѣнія легендарнаго характера; древнѣйшее наслоеніе (съ такимъ наслоеніемъ у Моисея Хоренскаго и въ *Мокцевай Картлисай*)—это сказаніе о томъ, что Нина была одной изъ подругъ свв. Рипсимэ и Гаіанэ; оно разсказываетъ о пребываніи Нины въ Греціи и о бѣгствѣ ея въ Арменію и оттуда въ Грузію. Это сказаніе, какъ бы выражающее изначальное церковное единство грузинъ и армянъ, могло возникнуть среди духовенства этихъ двухъ народовъ, хотя въ этой легендѣ преобладаетъ армянская тенденція.

Второе наслоеніе—сказаніе о родителяхъ и дядѣ Нины, объ ихъ

---

[1]) Еще грузинскій писатель Ефремъ М. думалъ, что Нино есть искаженное „нонна": см. Жорданія, *Хроники*, т. I, стр. 36. Этотъ же писатель сообщаетъ, что имя просвѣтителя Грузіи извѣстно и нѣкоторымъ греческимъ писателямъ; мы ихъ не могли отыскать. По-коптски она называлась Ѳеогностою, см. O. v. Lemm, ц. с.

[2]) Такое имѣется на лат. яз. у Руфина.

блестящемъ прошломъ. Проф. Болотовъ [1]) поднялъ вопросъ еще о томъ, что имя Миріана было позднѣе тенденціозно связано съ первыми шагами христіанства, что христіанство было принято при царѣ Бакурѣ. Мысль эта очень правдоподобна, но такъ какъ для разрѣшенія этого вопроса необходимо отдѣльное, спеціальное изслѣдованіе въ связи съ хронологіей, которая вся построена на совершенно ложномъ основаніи, и въ связи съ династической таблицей, то мы оставляемъ этотъ вопросъ до поры до времени спорнымъ.

Свѣдѣнія о св. Нинѣ съ этими двумя наслоеніями постепенно сильно измѣнили свой обликъ. Разсказчицей была выведена сама Нина, а нѣкоторыя изъ свѣдѣній были приписаны современникамъ Нины (такого характера Шатбердское житіе).

Такая переработка не можетъ быть приписана автору Шатбердскаго житія, такъ какъ, оказывается, существовали и другіе памятники, которые приписывались Нинѣ или ея современникамъ, хотя они и отсутствуютъ въ Шатбердскомъ житіи, напр. завѣщаніе св. Нины, сказаніе Иерожавры Сюнійской и одинъ недавно открытый памятникъ, который вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль,—двѣ проповѣди св. Нины (см. Жорданія, Хроники. кн. II, стр. 14) [2]), найденныя въ рукописи десятаго столѣтія. Можно полагать, что такого рода памятники еще найдутся.

Слѣдовательно, изученіе Шатбердскаго житія сообщило намъ о весьма важномъ обстоятельствѣ, о томъ, что и у грузинъ существовалъ тотъ родъ литературныхъ и историческихъ произведеній, которыми такъ богата христіанская литература первыхъ вѣковъ и которая именуется литературой псевдоэпиграфической. Шатбердское житіе относится именно къ этому роду произведеній.

II. Апостолъ Андрей въ Грузіи.

Какъ въ церковныхъ исторіяхъ Грузіи, такъ и въ гражданскихъ обыкновенно раньше излагается о проповѣднической дѣятельности апостола Андрея въ Грузіи, а потомъ о Нинѣ. При изложеніи мы отступили отъ этого хронологическаго порядка и занялись разборомъ Житія св. Нины, такъ какъ намъ необходимо было знать, хоть приблизительно, къ какому времени нужно отнести Шатбердское житіе

---

[1]) Христ. Чтеніе. 1898 г. № 4. стр. 263.

[2]) Изданы г. Джанашвили, *Исторія Грузин. Церкви*, 1898 г., стр. 80—93.

св. Нины, на которое при изложеніи объ апостолѣ Андреѣ намъ приходится опираться. Мы потомъ убѣдимся, что, собственно, и хронологически было бы вѣрнѣе излагать объ Андреѣ послѣ жизнеописанія св. Нины.

Въ нашей исторической литературѣ проповѣдь Андрея въ Грузіи считается неоспоримымъ фактомъ, и въ этой проповѣди видятъ подготовительную ступень къ принятію христіанства всей Грузіей. Вотъ какъ выражается, напримѣръ, покойный историкъ Бакрадзе [Исторія Грузіи (грузин.), стр. 106]: „Долгое время Грузія подготовлялась къ принятію евангелія Христа. Фундаментъ былъ положенъ еще во времена апостоловъ... Нашъ Понтъ достался въ удѣлъ апостолу Андрею". Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ объ этомъ и академикъ Броссе. Мы не будемъ указывать другихъ, такъ какъ всѣ наши историки говорятъ одно и то же и большей частью повторяютъ слова Броссе и Бакрадзе [1]). Мы обратимъ вниманіе только на слова П. Іосселіани [2]), который думаетъ, что „древнее сказаніе" о проповѣди Андрея въ Грузіи было извѣстно еще при жизни просвѣтительницы Нины. Онъ не указываетъ, откуда онъ взялъ это важное свѣдѣніе, но можно думать, что на такую мысль навела лѣтопись „Картлис Цховреба", гдѣ до житія Нины разсказывается и о путешествіи Андрея по Грузіи. Этотъ фактъ, конечно, далеко не доказываетъ, что „это сказаніе" было извѣстно, еще при жизни просвѣтительницы Нины. Напротивъ, рядъ историческихъ данныхъ, которыя мы приводимъ ниже, указываетъ, думается намъ, совершенно противное. Въ введеніи Шатбердскаго житія св. Нины, которое мы уже разсмотрѣли, разсказывается, какъ ученицы спрашивали Нину передъ ея смертью объ ея происхожденіи. Вотъ что говорятъ между прочимъ ученицы Нины (стр. 2):

„Вотъ мы учились отъ тебя, что были до сошествія Бога на землю пророки, а послѣ двѣнадцать апостоловъ и еще семьдесятъ два, и къ намъ ни кого ни прислалъ Богъ, кромѣ тебя".

Очевидно, что о хожденіи апостола Андрея по Грузіи ничего не было извѣстно автору этихъ строкъ. Это мѣсто, конечно, еще не показываетъ, что объ Андреѣ не было извѣстно и ученицамъ Нины, такъ какъ выше мы убѣдились, что все предисловіе не достовѣрно и сочинено впослѣдствіи. Эти строки доказываютъ, что въ то время,

---

[1]) М. Броссе, *Исторія Грузіи* (грузин.), стр. 36, 37, 38, 39.

[2]) *Краткая исторія Грузинской церкви*, 1843 г., стр. 2, примѣчаніе 3.

когда это введеніе Житія св. Нины писалось, т.-е. приблизительно около VIII—IX вѣка, просвѣщеннымъ грузинамъ преданіе объ Андреѣ было неизвѣстно. Но у насъ имѣется возможность прослѣдить, знали-ли и до IX вѣка въ Грузіи о хожденіи Андрея по Понту, и именно по Понту Кавказскому.

Историкъ Руфинъ, который разсказываетъ со словъ грузинскаго царя Бакура объ обращеніи Грузіи при Нинѣ, ничего не говоритъ о хожденіи Андрея въ Грузію. Если бы Бакуръ сообщилъ ему объ этомъ важномъ фактѣ, то, конечно, онъ не оставилъ бы его безъ упоминанія. А Бакуръ вѣдь былъ такой человѣкъ, „cui summa erat cura et religionis et veritatis“ (Rufinus, His. eccl. lib., c. x.), и, знай онъ преданіе объ Андреѣ, едва ли упустилъ бы случай разсказать своему знакомому Руфину.

Ни Петру Майумскому, который былъ сынъ грузинскаго царя, ни его ученику біографу ничего не извѣстно объ Андреѣ: въ житіи этого Майумскаго епископа упоминается только [1]) принятіе христіанства при царѣ Бакурѣ, его предкѣ; трудно предположить, чтобы при существованіи преданія объ Андреѣ въ Грузіи оно не было извѣстно такому ревнителю вѣры, какимъ изображается онъ въ житіи; можно было ожидать также, что біографъ, какъ видно хорошо знающій Грузію и ея исторію, разсказалъ бы читателямъ и о проповѣди Андрея въ Иверіи. Конечно, можно предположить, что біографъ Петра Майумскаго зналъ о рожденіи первозваннаго апостола, но не упомянулъ только потому, что это не входило въ его задачу. Но послѣ такого очевиднаго факта, который намъ сообщаетъ вышеприведенная выписка изъ Шатбердскаго житія Нины, факта, что грузины въ VIII — IX вѣкѣ не знали преданія о хожденіи Андрея въ Грузіи, можно отчасти и молчаніе біографа о проповѣди Андрея въ Грузіи принять за незнаніе. Тѣмъ болѣе, что *Мокцевай Картлисай*, древнѣйшій нашъ лѣтописный памятникъ, также хранитъ полное молчаніе о проповѣди Андрея. Упомянуть объ этой проповѣди, конечно, въ данномъ случаѣ входило и въ задачу, и въ обязанность автора лѣтописи, и только незнаніе этого преданія можетъ намъ объяснить, почему авторъ *Мокцевай Картлисай* даже словомъ не обмолвился объ этой проповѣди. Если мы составленіе этой лѣтописи отнесемъ, какъ всѣ историки думаютъ, къ VII—VIII вѣку, тогда у насъ будутъ прибли-

---

[1]) R. Raabe, *Petrus der Iberer*, стр. 14, 15, 16.

зительныя хронологическія данныя, которыя намъ показываютъ, что въ IV вѣкѣ (Руфинъ-Бакуръ). въ V—VI вѣкѣ (Петръ Майумскій—біографъ житія Петра), въ VII—VIII и въ VIII—IX вѣкахъ въ Грузіи не знали еще о проповѣднической дѣятельности Андрея въ Грузіи.

Вопросъ о томъ. кто проповѣдывалъ первоначально въ Грузіи, могъ возникнуть тогда, когда антіохійская патріархія давала грузинской церкви автокефалію, такъ какъ для самостоятельности церкви необходимо было, чтобы одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ былъ основателемъ ея. Но время, когда грузинамъ была предоставлена неполная автокефалія, было такое, что вести догматикосхоластическіе диспуты при разрѣшеніи чисто церковно-административныхъ вопросовъ было не время. Окруженные мусульманскимъ міромъ, восточные христіане должны были стараться о томъ, какъ бы поддержать единовѣрцевъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ; а для сохраненія вѣры былъ необходимъ непосредственный духовный контроль, который часто отсутствовалъ потому, что грузинскіе іерархи должны были получать посвященіе отъ антіохійскаго патріаршаго престола, гдѣ въ то время царствовали неурядицы, междупатріаршество (611—659; 682—683). Къ тому же связь съ Антіохіей была почти прервана вслѣдствіе опасности путей сообщенія.

Вотъ что говорится обо всемъ этомъ въ спискѣ антіохійскихъ патріарховъ Михаила Брека [1]):

„Ѳеофилактъ (745 — 751) изъ Едессы... До него въ Грузіи или Иверіи съ той поры, когда грузины увѣровали во Христа... держался тамъ обычай, что по смерти какого-либо епископа избранный на мѣсто его ходилъ въ Антіохію за рукоположеніемъ. Такъ и въ дни патріарха Ѳеофилакта грузины послали къ нему 10 іереевъ, избранныхъ царемъ ихъ Давидомъ (?), дабы они послѣ рукоположенія въ санъ возвратились на мѣста свои. Но на пути шайка сарацинскихъ разбойниковъ умертвила 10 изъ нихъ... бѣгствомъ спаслись только два изъ нихъ. Они-то, достигнувъ Антіохіи, увѣдомили Ѳеофилакта о всемъ случившемся съ ними. А патріархъ сей, собравъ своихъ архіереевъ, повѣдалъ имъ все, что касалось этихъ іереевъ... и присовокупилъ, что по причинѣ отдаленности отечества ихъ и небезопасныхъ путей надобно устроить церковное дѣло ихъ иначе. Тогда отцы сего

---

[1]) Порфирій, *Востокъ христіанскій. Сирія*, стр. 54.

послѣдняго собора вмѣстѣ съ поименованнымъ патріархомъ рѣшили рукоположить одного изъ оныхъ двухъ іереевъ, и поставить его каѳоликосомъ, и дать ему власть рукополагать тамъ, по необходимости, епископовъ и митрополитовъ, которые и обязаны поминать его въ священныхъ службахъ своихъ, а онъ да поминаетъ имя патріарха антіохійскаго; по смерти же его да соберутся архіереи и, избравъ другого вмѣсто него, пусть рукополагаютъ его..."

Итакъ, при предоставленіи автокефаліи не были затронуты вопросы о проповѣди апостоловъ. Къ тому же, грузинская церковь все-таки была подъ властью антіохійскихъ патріарховъ еще до патріарха Петра (XI ст.).

Одно обстоятельство мѣшаетъ признать несомнѣннымъ положеніе, что грузины до IX вѣка не знали о проповѣднической дѣятельности въ Грузіи. Въ грузинскомъ житіи Петра Майумскаго говорится (см. Н. Марръ, Пал. сбор., вып. 47, стр. 3=82): ..."святой и славный апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Грузіи святое Евангеліе, какъ объ этомъ пишетъ божественный философъ Никита"...

Если только житіе Петра Майумскаго древнее, то это мѣсто опровергаетъ нашъ выводъ.

А чтобы узнать, какой древности это житіе или данный отрывокъ, необходимо, конечно, выяснить личность того, на котораго ссылается авторъ этого мѣста, нужно узнать, кто такой Никита божественный философъ? Этого вопроса коснулся и покойный грузиновѣдъ М. Броссе [1]) и далъ категорическое, но нѣсколько поспѣшное рѣшеніе: онъ думаетъ, что "Никита божественный и философъ"—грузинскій писатель V вѣка, т. е. такой эпохи, когда будто бы еще свѣжи были преданія о хожденіи первозваннаго апостола. Къ такому выводу его приводитъ вышеприведенное мѣсто житія Петра Ивера; но изъ этого отрывка вовсе не видно, чтобы Никита писалъ въ концѣ V вѣка, или же, чтобъ онъ былъ грузиномъ. Во-первыхъ, о грузинскихъ писателяхъ V вѣка ничего не извѣстно, не только имени ихъ мы еще не знаемъ, но даже о существованіи ихъ не сохранилось свѣдѣній. Извѣстны только имена двухъ древнихъ переводчиковъ священнаго писанія, Давида и Стефана, время жизни которыхъ должно быть отнесено ко времени VII—VIII [2]) столѣтій. Къ

---

[1]) *Hist. de la G.*, t. I, стр. 60, пр. 5.
[2]) Н. Марръ, Изъ книги ц-ча Баграта, стр. 241.

тому же не существуетъ на грузинскомъ языкѣ такого хожденія Андрея, которое приписывалось бы Никитѣ.

Въ данномъ случаѣ Броссе жестоко ошибся, такъ какъ извѣстнаго византійскаго писателя IX столѣтія Никиту Паѳлагонійскаго († 890) принялъ за грузинскаго агіографа V столѣтія. Никита Паѳлагонійскій дѣйствительно прозывался философомъ и писалъ панегирики въ честь апостоловъ [1]), между прочимъ и объ Андреѣ, гдѣ онъ дѣйствительно говоритъ о хожденіи первозваннаго апостола по Грузіи.

„Σὺ δὲ μοι, σεβασμιώτατε 'Ανδρέα... τὸν βεῤῥᾶν κληρωθεὶς Ἴβηρας καὶ Σαυρομάτης. Ταύρους καὶ Σκύθας, καὶ πᾶσαν χώραν καὶ πόλιν... ἔδραμες ἐν δίψει δοξάζων τὸν 'Ιησοῦν (Patr. gr., t. 105, стр. 64).

„Ты же, честнѣйшій Андрей... получилъ въ удѣлъ иверовъ, сарматовъ, тавровъ и скиѳовъ и всякую страну и городъ..... обошелъ въ жаждѣ прославляя Іисуса".

Значитъ, свѣдѣніе о хожденіи апостола Андрея по Грузіи, въ которомъ имѣется ссылка на трудъ писателя конца IX столѣтія, не можетъ быть, конечно, ранѣе X столѣтія, а оно внесено въ грузинское житіе Петра Маіумскаго, по всей вѣроятности, протоіереемъ Павломъ, который нѣсколько переработалъ житіе Петра Ивера [2]).

Разъ выяснилось, что свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ вышеупомянутомъ житіи могло быть внесено только послѣ IX вѣка, то устанавливается вполнѣ опредѣленно, что грузины до IX вѣка не знали о проповѣди Андрея въ Грузіи, что сказаніе о хожденіи первозваннаго апостола по Кавказу не мѣстнаго происхожденія, а было занесено извнѣ.

Путями, которыми всѣ свѣдѣнія входили къ грузинамъ изъ тогдашняго образованнаго міра, были грузинскіе монастыри, въ Палестинѣ, Сиріи и на Аѳонѣ. Съ возникновенія этихъ монастырей начинается эпоха особеннаго разцвѣта грузинской духовной литературы. Грузины монахи сталкивались съ лучшими людьми своего времени, читали въ оригиналѣ творенія выдающихся иностранныхъ византійскихъ или сирійскихъ писателей, и передъ ихъ глазами рельефнѣе выступала бѣднота, пробѣлы родной литературы. Это непосредственное общеніе съ Византіей возжгло въ сердцахъ лучшихъ грузинъ

---

[1]) Krumbacher, *Geschichte d. Bizant. Lit.*, стр. 167, § 75.

[2]) Н. Марръ, Палест. сбор., вып. 47, стр. XV.

монаховъ страстное желаніе поднять родную литературу и обогатить ее. Тогда массами переводились различныя произведенія поистинѣ достойнымъ удивленія отцомъ Евѳиміемъ; въ спискѣ трудовъ этого ученаго монаха упоминается между прочимъ и переводъ книги „Хожденіе и проповѣди св. апостола Андрея“ [1]). Нужно думать, что Евѳимій тогда узналъ самъ впервые и сообщилъ своей братіи о хожденіи Андрея въ Грузіи.

Пребываніе грузинъ монаховъ внѣ отечества и частое столкновеніе съ иноземнымъ духовенствомъ заставляло не разъ чувствовать необходимость обосновать, оправдать соотвѣтственными доводами автокефалію грузинской церкви.

Богословскосхоластическіе споры, которые велись при дворѣ византійскихъ императоровъ и вселенскихъ патріарховъ, возбуждали нерѣдко вопросы о правахъ той или другой церкви. Эти споры также съ своей стороны заставили просвѣщенныхъ грузинъ порыться въ разныхъ „хожденіяхъ“. Существованіе споровъ объ автокефальныхъ правахъ грузинской церкви между грузинскимъ и византійскимъ духовенствомъ доказывается однимъ эпизодомъ, который разсказывается въ біографіи Георгія Мтацминдели (Святогорца). Патріарху антіохійскому Іоанну сообщили [2]) о томъ, что грузинская церковь не имѣетъ правъ на то, чтобы пользоваться церковнымъ самоуправленіемъ, автокефаліей, потому что ни одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ не приходилъ въ ихъ страну. Эти доводы сообщилъ антіохійскій патріархъ Георгію Мтацминдели. Ученый монахъ изъ монастыря Евѳимія уже зналъ книгу *Хожденій апостола Андрея* и на основаніи ея доказалъ присутствовавшему антіохійскому духовенству, что не только грузины не должны подчиняться антіохійскому патріарху, но что наоборотъ антіохійская церковь должна подчиняться грузинской, такъ какъ основатель ея—первозванный апостолъ. Споры эти были, повидимому, настолько часты и ожесточенны, что въ грузинскомъ монастырѣ св. Симеона было даже написано спеціальное изслѣдованіе Ефремомъ Младшимъ о томъ, въ какихъ историческихъ памятникахъ говорится объ обращеніи Грузіи въ христіанство, для того, чтобы всякій могъ пользоваться этими выписками. Что изслѣдованіе Ефрема Младшаго (XI вѣка) было вызвано именно вышеуказанными спорами и разспро-

---

[1]) А. Цагарели, *Свѣд. о памят. груз. письм.*, вып. I, стр. 58.
[2]) Чубиновъ, *Груз. Хрестом.*, 1846 г., ч. I, стр. 280, 281.

сами, видно изъ заключительныхъ словъ самого автора, гдѣ онъ обращается къ игумену своего монастыря и говоритъ такъ:

„Эти немногія слова, какъ собиратель сѣмени, собралъ я изъ различныхъ мѣстъ св. книгъ, гдѣ они были разсѣяны, вслѣдствіе указанія твоего, человѣкъ Божій, о необходимости этого. Ты знаешь, какъ многіе многажды спрашивали насъ объ этихъ (вопросахъ) и по незнанію соблазнялись о насъ, какъ будто мы отступились отъ церкви великаго Петра, главы апостоловъ" (Жорданія, *Хроники* т. I, стр. 53).

Въ этомъ отрывкѣ явно слышится намекъ на тѣ споры, образецъ которыхъ мы читали выше.

Послѣ того какъ были произведены подобныя изысканія въ области церковной исторіи, *Хожденіе апостола Андрея* для грузинскихъ монаховъ, находившихся внѣ предѣловъ родной страны, пріобрѣло исключительное значеніе, а день, когда церковь празднуетъ память Андрея, сталъ днемъ особенно важнымъ и торжественнымъ. Одно мѣсто изъ синаксарія, написаннаго на Аѳонѣ [1]), показываетъ, что тамъ день въ честь Андрея праздновался съ нѣкоторыми особенностями.

„Мѣсяца ноября 30-го. Святаго и всехвальнаго апостола Андрея, брата Петра, главы апостоловъ"... (см. Собраніе кн. Грузинскаго публичной библіотеки, № 171). Въ концѣ краткаго хожденія говорится:

„На заутренѣ пусть скажутъ одинъ канонъ и пусть читаютъ *Хожденіе апостола*".

Такимъ образомъ вся братья выслушивала хожденіе, на основаніи котораго можно было отстоять автокефальныя права грузинской церкви.

Свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ Иверіи быстро проникло и въ Грузію, и Руисоурбнійскій (1103 г.) церковный соборъ, опираясь на изслѣдованіе Ефрема Младшаго, признаетъ [2]) хожденіе и проповѣдь Андрея по Грузіи фактомъ. Впослѣдствіи начали образовываться мѣстныя легенды объ Андреѣ съ національнымъ колоритомъ; въ хожденіи Андрея, внесенномъ въ *Картлис Цховреба* (см. стр. 53—60), всѣ эти позднѣйшія мѣстныя легенды сгруппированы вмѣстѣ. Хожденіе Андрея, напечатанное М. Сабининымъ въ *Раѣ Грузіи*, есть пере-

---

[1]) Этотъ синакс., насколько мы могли просмотрѣть, есть переводъ менологія Василія (Patr. gr., t. 117, pars. I).

[2]) Жорданія, *Хроники* т. II, стр. 58.

водъ съ древняго оригинала и примыкаетъ къ хожденію Андрея по изложенію Епифанія [1]).

Итакъ свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ Грузіи было неизвѣстно грузинамъ и занесено изъ Византіи грузинами-монахами, жившими внѣ предѣловъ своей родины.

Если грузины до IX вѣка не знали о проповѣди Андрея, то, конечно, этимъ не разрѣшается вопросъ о достовѣрности или недостовѣрности свѣдѣній объ Андреѣ, такъ какъ изъ народной памяти могли изгладиться древнѣйшія мѣстныя сказанія о проповѣди первозваннаго апостола. Поэтому, чтобы удостовѣриться, насколько правдоподобно это сказаніе, необходимо разсмотрѣть тѣ византійскіе источники, которые говорятъ объ Андреѣ.

Древнѣйшее упоминаніе удѣла первозваннаго апостола встрѣчается у Оригена [2]), который говоритъ слѣдующее:

„Τῶν δε ἱερῶν Σωτῆρος ἡμῶν ἀποστόλων τε καὶ μαθητῶν ἐφ ἅπασαν διασπαρέντων τὴν οἰκουμένην. Θωμᾶς μέν, ὡς ἡ παράδοσις περιέχει, τὴν Παρθίαν εἴληχεν, Ἀνδρέας δὲ τὴν Σκυθίαν, Ἰωάννης τὴν Ἀσίαν... Πέτρος δ' ἐν Πόντῳ καὶ Γαλατίᾳ καὶ Βιθυνίᾳ, Καππαδοκίᾳ τε καὶ Ἀσίᾳ κεκηρυχέναι“...

„Когда св. апостолы и ученики Спасителя Нашего разсѣялись по всей вселенной, Ѳома, какъ преданіе передаетъ, получилъ въ жребій Парѳію, Андрей же Скиѳію, Іоаннъ Азію, Петръ въ Понтѣ, Галатіи и Виѳиніи, Каппадокіи и Азіи проповѣдывалъ“.

По этому древнѣйшему свидѣтельству апостолъ Андрей получаетъ въ удѣлъ Скиѳію, а Понтъ, Каппадокія, Азія и т. д., т.-е. всѣ мѣста, которыя наиболѣе близки къ Грузіи, достались по жребію Петру. Мы не будемъ приводить словъ Евхерія [3]) (449), такъ какъ онъ говоритъ то же, что и вышеприведенный писатель съ тѣмъ исключеніемъ, что у него вмѣсто „ὡς ἡ παράδοσις περιέχει“ сказано „quantum narrat historia“.

Также расположены области и у Исидора Испалійскаго [4]), кото-

---

[1]) Васильевскій, *Хожденіе апост. Андрея,* стр. 166.
[2]) Migne, Patr. gr. t. 12: Origenis opera omnia, стр. 91—92.
[3]) Patr. lat. t., 50, стр. 809.
[4]) Patr. lat., t. 83, стр. 151. cap. LXX и стр. 149, cap. LXVIII.

рый говоритъ, что „Andreas... frater Petri... in sorte praedicationis Scythiam atque Achaiam accepit"... (Patrologia latina, t. 83. S. Isidori Hispalensis стр. 151. cap. LXX), и про Петра сказано, что „hic in Galatia. Ponto, Cappadocia, Bithynia, Asia, atque Italia Evangelium praedicavit" (стр. 149).

Въ каталогѣ же Дороѳея, который, по мнѣнію проф. Васильевскаго [1]), относится къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ IV вѣкъ, братья апостолы вдругъ, какъ будто, мѣняются своими удѣлами, Андрей проповѣдываетъ въ Виѳаніи, Понтѣ, Ѳракіи.

То же говоритъ и Епифаній Кипрскій (VIII—IX в.), который путешествовалъ и собиралъ мѣстныя легенды объ Андреѣ. Какъ видно, онъ не былъ на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, такъ какъ Епифаній, излагая мѣстныя легенды, сообщаетъ попутно, гдѣ и что онъ самъ видѣлъ, напримѣръ (Patr. gr., t. 120, стр. 244):

„καὶ ἦλθεν εἰς Βόσπορον, πόλιν πέραν τοῦ Πόντου, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν"...	и пришелъ (Андрей) въ Босфоръ, городъ (лежащій) по ту сторону Понта, до котораго и мы доходили.

Епифаній разсказываетъ, какъ ему показывали ковчегъ съ именемъ Симеона апостола, когда же онъ говоритъ о гробницѣ въ Никопсисѣ Симеона Кананита, онъ не добавляетъ, что онъ былъ самъ и видѣлъ эту святыню. У Епифанія Кипрскаго и другихъ позднѣйшихъ авторовъ *Хожденія Андрея* вкрадывается одно недоразумѣніе: Симеонъ оказывается погребеннымъ въ двухъ мѣстахъ—въ Босфорѣ и Никопсисѣ. Епифаній не указываетъ точно, кто это такой Симеонъ апостолъ; у Метафраста [2]) этотъ недочетъ восполняется, и Симеонъ апостолъ оказывается Симеономъ Зилотомъ, но это, конечно, нисколько дѣлу не помогаетъ, такъ какъ, во-первыхъ, Симеонъ Кананитъ [3]) стоитъ на мѣстѣ Симона Петра древнѣйшаго сказанія; во-вторыхъ, какъ покажутъ нижеслѣдующія выписки, Симеонъ Зилотъ и Кананитъ считались однимъ и тѣмъ же лицомъ: напримѣръ, въ латинскомъ *Breviarium apostolorum* (см. Lipsius, *Apostelge-*

---

[1]) *Хожд. ап. Андрея*, стр. 49.

[2]) Lipsius, *Apok. Apostelg. und Apostelleg.* ч. I, стр. 585.

[3]) Ibid. ч. I, стр. 611.

schichte... B. I, стр. 24, прим.) „Симеонъ Зилотъ или Кананитъ", то же сказано въ „de vita et obitu Sanctorum" (ibid., стр. 24, прим.) и въ хроникѣ, приписываемой Симону Логоѳету (ibid., ч. I).

Еще болѣе запутана, конечно, географія этихъ хожденій. Первоначально Петру приписываемыя области были какимъ-то образомъ впослѣдствіи сдѣланы удѣломъ Андрея,—онъ проповѣдывалъ всюду и Саккамъ и Согдіаномъ и тамъ, гдѣ находится укрѣпленіе Ансаръ [1]) онъ проповѣдывалъ, по этимъ сказаніямъ, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности трудились неутомимо Павелъ и Петръ, а между тѣмъ ни изъ дѣяній апостольскихъ, ни изъ посланій апостола Павла не видно, чтобы Андрей дѣйствовалъ въ этихъ мѣстахъ; при той энергической проповѣди, неутомимомъ миссіонерскомъ рвеніи, которое проявляетъ первозванный апостолъ въ легендахъ, Андрей не могъ хоть гдѣ-нибудь не встрѣтиться съ Павломъ, а этотъ едва ли обошелъ бы молчаніемъ эту встрѣчу, если бы она случилась. Полная легендарность и сказочность свѣдѣній о жителяхъ тѣхъ странъ, гдѣ якобы проповѣдывалъ Андрей, путанница въ географіи (приписываніе однихъ и тѣхъ же мѣстъ нѣсколькимъ апостоламъ), затѣмъ то обстоятельство, что у древнѣйшихъ писателей (Оригенъ, Евхерій) Андрею приписывается только Скиѳія, все же остальное Петру, побуждаютъ заключить, что апостола Андрея въ Грузіи никогда и не было и что хожденіе его по Иверіи есть легенда, возникшая или благодаря случайной путанницы (области Петра—Понтъ, Каппадокія и т. д. случайно какимъ-нибудь позднѣйшимъ писателемъ могли быть приписаны брату его Андрею, какъ случайно вмѣсто Симона-Петра появился въ хожденіи Симеонъ Кананитъ), или же благодаря тому, что въ позднихъ хожденіяхъ апостола Андрея Колхида, какъ это думаетъ Васильевскій (*Хожд. ап. Ан.*, стр. 159), была отожествлена съ Эѳіопіей; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ апостольской проповѣди: Оригенъ своей одной фразой уничтожаетъ всякое сомнѣніе по этому вопросу. „Non enim fertur praedicatum esse Evangelium apud omnes Aethiopas maxime apud eos qui sunt ultra flumen"... (Origenis in Matthaeum comment. series, Migne patr. graeca, t. 13, стр. 1655). Если христіанство не было проповѣдано у эѳіоповъ, не могло быть и у колхидцевъ, съ которыми ихъ отожествляли авторы хожденій. Опровергая

---

[1]) Васильевскій, *Хожд. ап. Андрея*, стр. 51.

преданіе о проповѣди первозваннаго апостола въ Грузіи, мы, конечно, не рѣшаемся утверждать, что въ Грузіи христіанство вообще распространялось не съ первыхъ вѣковъ,—христіанство могло быть, но для доказательства его существованія въ Иверіи нужно подыскать другія, достовѣрныя данныя, а не ссылаться на *Хожденіе апостола Андрея*, какъ это дѣлаютъ наши историки.

Въ этой статьѣ мы критически разсмотрѣли грузинскія церковныя преданія; они существуютъ не менѣе десяти вѣковъ и имѣли въ свое время большое значеніе: не разъ въ критическіе моменты народной жизни, былъ ли то вопросъ о защитѣ автокефальныхъ правъ грузинской церкви или тяжелый гнетъ мусульманства,—они, какъ извѣстно, давали вѣру и бодрость народу и облегчали переносить житейскія невзгоды. Теперь уже время, чтобы эти письменныя преданія со всѣми матеріалами были разсмотрѣны научной критикой.

Матеріалы эти опредѣленнаго направленія, съ массой наслоеній, передающіе традиціонный, вѣками созданный взглядъ на происхожденіе и распространеніе христіанства въ Грузіи. При критическомъ разборѣ намъ, кажется, удалось выяснить историческую цѣнность сообщаемыхъ этими произведеніями свѣдѣній и отчасти въ общихъ чертахъ установить исторію возникновенія и постепенныхъ измѣненій этихъ житій. Намъ осталось еще много поработать надъ послѣднимъ вопросомъ для того, чтобы выяснить подробности и нарисовать ясно и рельефно исторію этихъ памятниковъ, въ которой въ миніатюрѣ отразились культурно-литературныя теченія въ тогдашнемъ грузинскомъ обществѣ. Но и послѣ выясненія исторической цѣнности имѣвшихся у насъ подъ рукой памятниковъ мы далеко не считаемъ картину христіанства первыхъ (четырехъ) вѣковъ въ Грузіи законченной; необходимо разсмотрѣніе этого вопроса еще съ другихъ сторонъ и съ привлеченіемъ другихъ матеріаловъ, историческихъ и литературныхъ, для того, чтобы предъ нами предстала въ реальномъ видѣ жизнь этого важнаго момента исторіи грузинскаго народа. Выясненіе отношеній грузинской церкви къ антіохійской патріархіи, проповѣднической и подвижнической дѣятельности отцовъ сирійцевъ въ Грузіи и исторія древнѣйшихъ переводовъ священнаго писанія на грузинскій языкъ дадутъ намъ большой матеріалъ. Въ критическомъ изслѣдованіи памятниковъ, представляющихъ традиціонный взглядъ на происхожденіе христіанства въ Грузіи, была настоятельная необходимость, чтобы съ одной стороны расчистить почву для дальнѣйшихъ научныхъ работъ по

этому вопросу, съ другой стороны, чтобы предотвратить массу ошибокъ тѣхъ историковъ, которые не довольствуются дословной передачей содержанія памятниковъ и на основаніи непровѣренныхъ данныхъ, заключающихся въ вышеразобранныхъ произведеніяхъ, стараются разрѣшить вопросы первостепенной важности [1]).

И. Джаваховъ.

---

[1]) См. напримѣръ, Джанашвили, Исторія грузинской церкви, 1898 г. и Грузинская письменность (груз.), 1900 г.

ПРИМИТИВНЫЯ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

(По новѣйшимъ изслѣдованіямъ).

При современномъ ростѣ этнологическихъ знаній, при постоянно усиливающемся интересѣ къ формамъ экономическаго быта некультурныхъ народовъ мнѣ представляется небезполезнымъ познакомить русское образованное общество съ тѣми результатами, которые добыты въ этой области современной западной наукой. Придавая только психологическое значеніе старому дѣленію народовъ на охотничьи, земледѣльческіе и пастушескіе, я счелъ болѣе удобнымъ отдѣлить въ своемъ изложеніи примитивный индивидуальный строй (см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 12) отъ болѣе развитыхъ строевъ общества, родового и общиннаго. Но я постоянно имѣлъ въ виду, что первобытныхъ народовъ, первобытныхъ въ буквальномъ значеніи этого слова, нѣтъ нигдѣ на всей землѣ, что каждый изъ нихъ испыталъ на себѣ тѣ или другія вліянія болѣе культурныхъ сосѣдей, и потому изложенію такихъ формъ быта, которыя возникали путемъ естественной эволюціи отъ простого къ болѣе сложному, я предпослалъ обзоръ культурныхъ сношеній народовъ древнѣйшаго времени, еще не достигшихъ (по крайней мѣрѣ въ Европѣ) знакомства съ металлами (объ этомъ см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 6). Вопросъ, который сначала сильно подрывалъ моё довѣріе къ такого рода соціологическимъ изслѣдованіямъ, именно вопросъ о степени вліянія національныхъ особенностей на племенныя учрежденія, я старался разрѣшить по-своему въ статьѣ: „Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ [1])“, напечатанной въ журналѣ „Рус-

[1]) Первоначально она служила докладомъ въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го апрѣля 1899 года.

скій Филологическій Вѣстникъ" (1899, т. 42) и представлявшей отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, поскольку шла рѣчь объ особенностяхъ духовнаго характера, присущихъ тому или другому народу искони, такъ сказать врожденныхъ ему. Признавая въ полной мѣрѣ существованіе національныхъ особенностей, я думаю, что онѣ развиваются лишь при условіи національнаго самосознанія и не оказываютъ вліянія на примитивныя формы общественнаго быта. Когда создается національное сознаніе, а возникновеніе его можетъ произойти при благопріятныхъ условіяхъ (напримѣръ, при столкновеніи съ чуждой расой) въ очень древнюю эпоху, то у племени начинаетъ складываться своя, самобытная физіономія. Такъ, оригинальный, національный характеръ мы можемъ приписать, какъ мнѣ кажется, уже общеиндоевропейской культурѣ, выясненію которой я посвятилъ статьи: „Жреческая культура индоевропейцевъ" (*Живая Старина* за 1900 годъ) и „Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ" (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1899, ч. 332, стр. 493—512). Такимъ образомъ циклъ статей, названныхъ выше, составляетъ по мысли одно цѣлое съ тѣми, которыя помѣщены ниже.

I.

Родовой бытъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы говорили о первичной индивидуальной организаціи человѣчества, при которой каждый человѣкъ настолько ставитъ себя въ центрѣ міра, что не признаетъ ничьихъ правъ, кромѣ своихъ, не любитъ никого, кромѣ себя. Однако, животная привязанность къ женѣ и дѣтямъ не можетъ быть вовсе чужда и ему, хотя она должна по самой натурѣ его не отличаться прочностью. Едва человѣкъ выходитъ изъ тѣхъ жалкихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ живетъ бушменъ, австраліецъ или андаманецъ, какъ въ немъ пробуждаются гуманныя чувства, благодаря которымъ первоначальная крошечная семейная группа разростается уже въ цѣлый родъ. Семейныя узы, первоначально крайне слабыя, съ теченіемъ времени крѣпнутъ; дѣти все болѣе учатся цѣнить родительскую любовь, а родители питаютъ страстную нѣжность къ дѣтямъ. Разсказываютъ, что у патагонцевъ жена всегда можетъ удержать мужа отъ путешествія, увѣряя его, что ребенокъ его не можетъ разлучиться съ отцомъ; тогда этотъ послѣдній остается, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что

его дитя такъ любитъ его [1]). Если у навахо родители не рѣшаются наказывать дѣтей изъ боязни быть застрѣленными ими, если у туземцевъ Калифорніи родители совершенно равнодушны къ дѣтямъ, а эти послѣднія отлучаются отъ нихъ, едва научившись ловить мышей и змѣй [2]), если наконецъ на нѣжную привязанность отца и матери дѣти у луизіанскихъ индѣйцевъ, у ительменовъ и многихъ другихъ племенъ отвѣчаютъ грубостями или даже побоями, въ которыхъ восторженные родители видятъ залогъ свободнаго развитія смѣлой души воина; то съ другой стороны у даяковъ взаимная любовь отцовъ и дѣтей доходитъ до такой чуткости, что бывали случаи, когда дитя, не будучи въ состояніи вынести упрековъ родителей, кончало съ собой самоубійствомъ. Штейнметцъ собралъ длинный рядъ примѣровъ педагогическихъ воззрѣній дикарей, которые онъ дѣлитъ на три группы (это дѣленіе имѣетъ, конечно, только психологическое значеніе). Къ первой группѣ онъ относитъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ родители изъ равнодушія, излишней любви или принципа совершенно не вмѣшиваются въ ходъ развитія своихъ дѣтей. Такихъ примѣровъ у него очень много. Нѣсколько меньше случаевъ второго рода, представляющихъ переходную стадію отъ полнаго отсутствія воспитанія къ первымъ попыткамъ родителей направлять нравственное развитіе дѣтей въ ту или иную сторону. Побои играютъ здѣсь послѣднюю роль (у дакотовъ одна мать умертвила себя, принявъ слишкомъ близко къ сердцу, что отецъ поколотилъ ея сына); въ общемъ, всѣ отношенія между родителями и дѣтьми основаны на такомъ глубокомъ уваженіи первыхъ къ личности и будущей роли послѣднихъ, какому могло бы позавидовать и современное общество. Списокъ племенъ, примѣняющихъ къ дѣтямъ суровую систему побоевъ и солдатской дисциплины, у Штейнметца очень невеликъ: онъ включаетъ всего 11 племенъ, тогда какъ первый содержитъ 41 имя, а второй 25. Эта статистика при всемъ своемъ видимомъ несовершенствѣ позволяетъ сдѣлать очень важный выводъ о томъ значеніи и размѣрахъ, какіе при первомъ развитіи гуманныхъ чувствъ заняла родительская любовь.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равнодушіи, которое господствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ у самыхъ дикихъ народовъ, ассоціація отдѣль-

---

[1]) *Steinmetz*, Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. 1894, т. II, стр. 184 (отсюда взяты и многіе изъ нижеприведенныхъ примѣровъ).

[2]) Объ этомъ раннемъ обособленіи ребенка см. книгу Otis T. Mason'а: „The origins of invention" (London 1895, стр. 16). Было бы очень желательно видѣть переводъ этой прекрасной книги на русскій языкъ.

ныхъ племенъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная выгода взаимодѣйствія видна всѣмъ ея участникамъ. Это случаи совмѣстной охоты или обороны, которые мы уже приводили раньше. Но филиппинскіе негритосы или бушмены могутъ соединяться рѣдко и не надолго; иначе они умерли бы съ голоду, охотясь сообща за какой-нибудь мелкой дичью. Совершенно мѣняется картина, когда судьба пошлетъ такому дикарю добычу, съ которой одному ему не справиться, когда, напримѣръ, море выброситъ на австралійскій берегъ разлагающійся трупъ кита. Тогда, по словамъ Зибера („Очерки", стр. 189), всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. Вмѣсто того, чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ преисполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этой цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло вмѣстѣ съ женой и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи. Исполнивъ эту обязанность, онъ натираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ женъ и, приготовленный такимъ образомъ, прорѣзываетъ себѣ путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать себѣ дорогу въ китѣ, и вы видите, какъ они лазаютъ взадъ и впередъ по вонючему остову, выбирая лучшіе куски. Размѣры аппетита дикаря служатъ огромнымъ препятствіемъ на пути къ заключенію крупныхъ союзовъ. Разсказываютъ, что бушменъ съ пятью земляками безъ затрудненія съѣстъ въ одинъ часъ жирную овцу, а въ теченіе полуночи цѣлую кваггу вмѣстѣ съ кожей и шерстью, что готтентоты въ часъ могутъ съѣсть по 8 фунтовъ мяса; вогулъ, наголодавшійся за нѣсколько дней, съѣдаетъ штукъ пять тетерокъ вмѣстѣ съ похлебкой, въ которой онѣ варились, заѣдая все это массой сушеной рыбы, замѣняющей ему хлѣбъ и т. п. Такіе размѣры аппетита объясняются частыми голодовками, какія приходится терпѣть необезпеченному охотнику. Поэтому, прочный союзъ можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ пищи много, и гдѣ добыча ея имѣетъ постоянный характеръ.

Къ этимъ двумъ факторамъ образованія родовой группы, т. е. къ усиленію нравственной связи между членами семьи и къ достиженію сравнительной обезпеченности жизни, присоединяется въ качествѣ

очень сильнаго фактора развитіе культа предковъ. Мы видѣли, что уже самыя дикія племена боятся своихъ покойниковъ и для обезпеченія себя отъ посѣщенія ихъ душъ сожигаютъ или хоронятъ все ихъ добро, а хижину ихъ покидаютъ навсегда или сожигаютъ. Вѣра въ переживаніе души послѣ смерти распространена среди всего человѣчества. Каково бы ни было ея происхожденіе, лежатъ ли въ основѣ ея странствованіе души во снѣ и явленія тѣни, какъ думаютъ Спенсеръ [1]), датскій психологъ Гефдингъ и др.,—воззрѣніе, которое находитъ сильную поддержку въ народныхъ повѣріяхъ всѣхъ временъ и народовъ [2]),—или же нѣчто врожденное человѣку, во всякомъ случаѣ, мы вездѣ найдемъ вѣру въ посмертное существованіе души, хотя представленія объ этомъ существованіи могутъ быть очень неясными. Такъ, веддахи допускаютъ мысль, что душа покойника послѣ смерти остается на мѣстѣ его погребенія, при которомъ, однако, не соблюдается никакихъ обрядовъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они знаютъ культъ предковъ. Сарасинъ разсказываетъ („Ergebnisse“, стр. 497) о двухъ дикихъ веддахахъ, которые, по ихъ сообщенію, не вѣрили ровно ни во что; другая группа вѣрила, что послѣ смерти люди превращаются въ духа или *яка*, но не приносили имъ никакихъ жертвъ. Малайцы не вѣдаютъ страха передъ привидѣніями, а души и духовъ представляютъ себѣ совершенно на подобіе дѣйствительныхъ существъ (Ratzel, II, 473). Мадагассы имѣютъ уже развитой культъ душъ и придаютъ огромное значеніе правильному, обрядовому погребенію, такъ какъ душа не успокаивается до тѣхъ поръ, пока тѣлу не будутъ оказаны надлежащія почести (loc. cit., 517—518). Наконецъ, австралійцы вѣрятъ въ то, что души покойниковъ переживаютъ тѣло и сидятъ на деревьяхъ; иногда они входятъ въ ротъ человѣка и выходятъ изъ него въ видѣ газовъ. Они являются дѣятельными помощниками человѣка, а духи предковъ стараются оказывать своимъ потомкамъ всякія услуги (loc. cit., 92). Такимъ образомъ, отъ смутнаго представленія о духахъ вообще человѣкъ постепенно приходитъ къ живому представленію о дѣятельной силѣ своихъ предковъ. Этотъ переходъ можетъ совершиться лишь тогда, когда связь между родителями и дѣтьми настолько окрѣпнетъ, что ея не можетъ уже разор-

---

[1]) „Основанія соціологіи“, т. I.

[2]) Напримѣръ, въ средніе вѣка думали, что дьяволъ, заключая договоръ съ человѣкомъ, беретъ въ залогъ его тѣнь. См. объ этомъ *C. Meyer*, „Der Aberglaube des Mittelalters“ (Basel 1884); на эту книгу обращаемъ особенное вниманіе читателей.

вать и смерть. Поэтому культъ предковъ, чуждый первобытному человѣку, является отвѣтомъ на естественную потребность его души, едва она доростаетъ до сознанія своей принадлежности къ семьѣ. Этотъ культъ, это ожиданіе благодѣтельныхъ послѣдствій его связываетъ сородичей такъ же крѣпко, какъ необходимость кооперацiи на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ распространенъ на всей землѣ у народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры [1]).

Объяснять происхожденіе родовой организаціи одними экономическими соображеніями нельзя уже потому, что, какъ мы знаемъ, сородичей у родовыхъ племенъ соединяютъ узы самой нѣжной привязанности. Штейнметцъ, подробно изслѣдовавшій вопросъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на члена рода за преступленія, не выходящія за предѣлы его, констатируетъ неопредѣленность, даже зачастую полное отсутствіе взысканія, указывающія на то, что первоначально это послѣднее служило лишь импульсивной, инстинктивной реакціей на преступленіе (тамъ же, II, 176). Тѣмъ не менѣе, въ основѣ этой индифферентности родичей къ преступнику лежитъ часто, какъ мнѣ думается, не нравственная халатность, въ которой упрекаетъ эти племена Штейнметцъ, а напротивъ глубокое убѣжденіе, что преступникъ, положимъ, убійца, убилъ свою жертву не ради корыстныхъ цѣлей, что въ убитомъ онъ лишился дорогого для себя человѣка, и что поэтому его надо жалѣть, а не казнить. Достаточно привести два-три примѣра. У гуроновъ предполагается, что убійца имѣлъ достаточныя основанія, чтобы совершить свое преступленіе. Его даже жалѣютъ за то, что ему пришлось поднять руку на свою кровь. У индѣйцевъ Гвіаны ссоры между туземцами большая рѣдкость. Въ случаѣ оскорбленія они только не говорятъ между собой, что очень ихъ огорчаетъ; назвать сородича дурнымъ человѣкомъ равносильно проклятію. Въ большинствѣ случаевъ преступникъ оказывается вынужденнымъ покинуть свой домъ, иногда его присуждаютъ къ штрафу. Чрезвычайно любопытная форма взысканія наблюдается у одного сѣвероамериканскаго племени, гдѣ за собственное увѣчіе или даже за горе несчастному приходится платить штрафъ, который по отношенію къ роднѣ съ материнской стороны признается уплатой за пролитую родовую кровь, а по отношенію къ родственникамъ по отцу считается деньгами на утѣшеніе (Trostgeld). Дальше этого родовая связь, кажется, не можетъ идти.

[1]) Штейнметцъ, тамъ же, т. I, стр. 277.

Какъ же складывается жизнь въ родовыхъ группахъ? Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ входятъ вовсе не одни дѣйствительные члены семьи. Въ томъ явленіи, которое Бюхеръ признаетъ доказательствомъ взаимнаго равнодушія родителей и дѣтей, т. е. въ обычаѣ усыновленія, чрезвычайно распространенномъ у всѣхъ народовъ земли, нужно видѣть, думается мнѣ, скорѣе указаніе на зарождающееся или уже укоренившееся высокое пониманіе семейнаго очага. „Главная цѣль усыновленія“, говоритъ А. Постъ [1]): „сохранить родъ, особенно въ случаѣ бездѣтности родителей или отсутствія подходящаго наслѣдника“. Поэтому у многихъ племенъ усыновленіе допускается лишь тогда, когда бракъ бездѣтенъ, или дѣти умерли; усыновленный поддерживаетъ культъ предковъ; поэтому сумасшедшихъ усыновлять нельзя, а съ другой стороны запрещается отдавать изъ семьи такое дитя, которое предназначается для сохраненія культа предковъ. Кромѣ усыновленныхъ, въ составъ рода могутъ входить лица, нуждающіяся въ его покровительствѣ, даже военноплѣнные (Post, 122).

Родовымъ бытомъ живутъ (слѣдуя въ названіяхъ классификаціи Гроссе) „высшіе охотники“ и „скотоводы“ [2]). Къ первымъ относятся индѣйцы на сѣверо-западѣ Америки, напримѣръ, тлинкиты, камчадалы и др. племена Америки и сѣверной Азіи, которыя питаются по преимуществу или исключительно дарами моря, лососью, тюленемъ и т. п. Общество ихъ гораздо значительнѣе, нежели группы низшихъ охотниковъ; такъ, напримѣръ, казаки, занимая Камчатку, находили въ одномъ острогѣ отъ 200 до 300 человѣкъ; но они не только значительнѣе, они и замкнутѣе. Ихъ деревни напоминаютъ цѣлые города, содержатъ нѣсколько десятковъ домовъ и нѣсколько сотенъ жителей, и имѣютъ характеръ не временной, какъ стоянки веддаховъ или бушменовъ, но прочный, осѣдлый. Иногда цѣлая деревня селится въ одномъ домѣ, который представляетъ весьма замѣчательное сооруженіе. Самоанское семейство состоитъ изъ обширной группы родственниковъ человѣкъ въ 50, въ которую входятъ и дяди, и двоюродные братья и т. д. Такое семейство владѣетъ однимъ большимъ домомъ, своего рода клубомъ, и нѣсколькими меньшими домами, расположенными одинъ возлѣ другого; въ Новой Гвинеѣ путешественникъ на-

---

[1]) *A. H. Post*, Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, 1894, стр. 101.

[2]) Характеристика этихъ племенъ составлена по книгамъ Гроссе, Гильдебранда, Зибера, Ратцеля и др.; отдѣльныя цитаты не приводятся.

шелъ домъ туземцевъ, который имѣлъ 30 футовъ ширины и около 300 длины; онъ былъ раздѣленъ на камеры, пространствомъ около 10 футовъ; общая часть дома, составлявшая около трети его ширины, содержалась весьма чисто. „Какъ назвать общество, обитавшее въ подобномъ домѣ?“ спрашиваетъ Зиберъ. „Семействомъ, братствомъ, родомъ, кланомъ? За одно можно поручиться, что это было собраніе родичей, ведущихъ общее хозяйство и спящихъ подъ одною кровлей“. У эскимосовъ, въ южной Гренландіи, встрѣчаются дома болѣе 60 футовъ длины, содержащіе въ себѣ помѣщенія для 10 семействъ [1]).

При такомъ количествѣ жителей въ одномъ домѣ, конечно, становится возможно уже нѣкоторое раздѣленіе труда, при которомъ на долю женщины падаетъ устройство дома, няньченіе дѣтей, собираніе ракушекъ или растеній и т. п., а мужчина охотится или работаетъ внѣ дома. Интересную форму такого раздѣленія труда мы находимъ у якутовъ и тунгусовъ, населяющихъ Верхоянскій округъ Якутской области и промышляющихъ по берегамъ Ледовитаго океана охотой за дикими оленями. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ-то подстрѣлены олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа по общему приговору дается кому-нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и еслибъ онъ началъ о томъ споръ, то долженъ навсегда лишиться охотничьяго таланта (Зиберъ, 20). Раздѣленіе труда, допускавшее у тлинкитовъ существованіе спеціальныхъ кузнецовъ, столяровъ и серебрянниковъ, тѣсно связано съ торговыми сношеніями племенъ. Если низшіе охотники знаютъ только мѣновой торгъ, то у высшихъ есть уже и монета. У однихъ изъ нихъ (калифорнцевъ) ей служатъ раковины и бѣлыя оленьи шкуры, у другихъ (на сѣверозападѣ) одѣяла.

---

[1]) Такіе же дома имѣются у даяковъ на Борнео. *Gomme*, The village Community, 1890, стр. 11.

Наконецъ, мы находимъ здѣсь уже рабовладѣльчество и разныя степени богатства. У высшихъ охотниковъ плутократія обычное явленіе. Среди одного и того же рода (innerhalb eines Geschlechtes), сообщаетъ о тлинкитахъ Краузе, нѣкоторыя семьи занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ остальныя; онѣ образуютъ своего рода дворянство, преимущества котораго зависятъ не столько отъ рожденія, сколько отъ обладанія значительной наслѣдственной собственностью. Санъ вождя точно такъ же связанъ съ перевѣсомъ богатства, которое заключается главнымъ образомъ въ рабахъ. Обыкновенно онъ переходитъ отъ дяди къ племяннику, но бываютъ случаи, что выбираютъ другого вождя. Среди сѣверныхъ калифорнцевъ наслѣдственный санъ вождя почти неизвѣстенъ. Если сынъ является преемникомъ отца въ этой должности, то это случается лишь потому, что онъ унаслѣдовалъ его состояніе; едва появится человѣкъ болѣе богатый, какъ прежній вождь безъ дальнихъ разговоровъ лишается своего значенія въ пользу новаго богача, значенія, но не власти, потому что вождю повинуются постольку, поскольку это каждому угодно. Власть вождя племени слабая тѣнь авторитета главы рода, и только во времена войнъ изъ среды воиновъ возвышается кто-нибудь наиболѣе искусный и воинственный, которому остальные инстинктивно повинуются. Сыгравъ свою роль неограниченнаго государя на войнѣ, онъ возвращается въ среду товарищей, едва заключается миръ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о матріархатѣ, многоженствѣ и бракѣ куплей, который встрѣчается одинаково у скотоводческихъ племенъ и высшихъ охотниковъ, я коснусь ихъ родовой организаціи. Чинуки Сѣверной Америки, заключая бракъ, вводятъ своихъ женъ въ родительскій домъ; нѣсколько поколѣній вмѣстѣ дружно живетъ подъ одной обширной кровлей, пока родъ не разростется до такихъ размѣровъ, что сожитіе его становится практической невозможностью. То же самое наблюдается у нутка: каждый домъ вмѣщаетъ толпу родственниковъ, при чемъ вождь живетъ на верхнемъ концѣ, а остальные размѣщаются по степени родства съ нимъ. У камчадаловъ, какъ мы уже видѣли, родъ зачастую состоялъ изъ 200—300 человѣкъ, что объясняется обычаемъ брать мужей дочерей къ себѣ на домъ; тотъ, у кого было много дочерей, могъ легко завести большую семью и устроить огромный острогъ (деревню). „Наши данныя не позволяютъ съ увѣренностью сказать“, замѣчаетъ Гроссе (стр. 87): „поскольку домашнія родовыя общины функціонируютъ и въ качествѣ промысловыхъ товариществъ. Мы знаемъ, что на охоту и на рыбную

ловлю зачастую собираются значительныя группы подъ руководствомъ выбраннаго вождя, но мы не знаемъ, являются ли эти группы домашними и деревенскими общинами". Отмѣтить этотъ фактъ очень важно, потому что, читая о значительныхъ сооруженіяхъ у дикарей, легко впасть въ заблужденіе и приписать прочную организацію такимъ рабочимъ союзамъ, которые имѣютъ характеръ временный и произвольный; въ это заблужденіе, думается мнѣ, впалъ и Зиберъ, который серьезно говоритъ объ общинныхъ работахъ по выжиганію лѣсовъ, по орошенію и т. п. у самыхъ дикихъ народовъ земли.

Санъ родового вождя у высшихъ охотниковъ имѣетъ чисто номинальное значеніе; зато онъ нерѣдко связанъ съ неограниченной властью у племенъ скотоводческихъ, безчисленнаго множества племенъ, раскинувшихся въ необозримыхъ степяхъ Азіи отъ тибетскаго плоскогорія на югѣ до Ледовитаго океана на сѣверѣ, отъ сѣверныхъ береговъ Тихаго океана на востокѣ до Каспійскаго моря на западѣ. Въ южной Индіи и на сѣверѣ Европы, въ степяхъ Аравіи и въ центральной Африкѣ, наконецъ, на югѣ ея, у каффровъ и готтентотовъ, скотоводство главное занятіе жителей. Переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто, эти племена движутся въ опредѣленныхъ границахъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой набѣгъ сосѣдей. У конныхъ племенъ южной Америки, которыя развились лишь съ того времени, когда европейцы завезли въ новый свѣтъ лошадь, у каждаго племени точно также своя опредѣленная область, на которой чужеземецъ не смѣетъ раскинуть палатки. Каждый годъ въ извѣстное время года племя переходитъ со своими стадами въ то мѣсто, гдѣ было въ ту же пору въ прошломъ году; по справедливому замѣчанію академика В. Радлова, владѣлецъ оленей (а это примѣнимо ко всякому скотоводческому племени) при своихъ блужданіяхъ долженъ имѣть въ виду свой скотъ, и потому можетъ двигаться лишь по тому пути, гдѣ этому послѣднему не грозитъ никакой опасности. По сообщенію одного путешественника начала XIX вѣка, жители внутренней Африки снимаются со своей зимней стоянки въ февралѣ мѣсяцѣ, когда солнечный зной начинаетъ выжигать скудную растительность степи, и приближаются къ южнымъ негритянскимъ государствамъ; здѣсь они остаются все лѣто, добывая въ обмѣнъ за соль, которую приносятъ съ собой изъ степей, хлѣбъ и другія необходимыя вещи, а въ іюлѣ, при наступленіи дождливаго времени, возвращаются къ себѣ. Подобно тому, какъ у высшихъ охотниковъ, женщина и здѣсь не касается главнаго занятія мужчины: доступъ къ вымени коровы ей запрещенъ

у многихъ племенъ [1]) (см. Бюхеръ, стр. 102); бедуинъ самъ доитъ своихъ верблюдовъ и кормитъ коней; но очень часто мужчина слагаетъ съ себя и эту обязанность и проводитъ цѣлые дни въ праздности, предоставляя женщинамъ и уходъ за скотомъ, и ухаживаніе за его собственной драгоцѣнной особой.

Общая черта всѣхъ пастушескихъ народовъ заключается въ томъ, что мяса своего скота они почти не ѣдятъ, питаясь молокомъ. Гильдебрантъ собралъ рядъ примѣровъ изъ сочиненій новѣйшихъ путешественниковъ и классическихъ писателей, которые единогласно подтверждаютъ это наблюденіе. Самоѣдъ ѣздитъ на своихъ оленяхъ, но даже не доитъ ихъ, добывая себѣ средства пропитанія охотой за дикими оленями; онъ бьетъ своего оленя только для жертвоприношенія, какъ это дѣлали и древніе іудеи (3 кн. Моис. 17, 1—7) со своимъ скотомъ. Каффры, дамары, готтентоты питаются точно также исключительно добычей охоты и тѣми жалкими корнями, которые добываютъ ихъ жены. Вотъ почему, нельзя никоимъ образомъ видѣть въ бытѣ пастушескихъ народовъ высшую стадію культурнаго развитія, нежели та, на которой стоятъ сѣверо-американскіе рыболовы. Напротивъ, непостоянная жизнь съ постоянными блужданіями останавливаетъ въ зародышѣ развитіе промышленности, которая можетъ процвѣтать у охотничьихъ племенъ. Только войлочное и шерстяное производство достигаютъ совершенства у скотоводовъ; издѣлія изъ кожи тоже имѣли центромъ распространенія, вѣроятно, скотоводческія племена, а нѣкоторыя изъ нихъ славятся и металлургіей. Свободные отъ всякаго занятія, когда номады переходятъ отъ охоты къ употребленію въ пищу молока своихъ коровъ, они охотно занимаются торговлей; это очень важно для насъ, потому что, какъ мы уже видѣли, большинство культурныхъ пріобрѣтеній человѣчества вышло изъ центра, лежавшаго, по всей вѣроятности, въ области скотоводческаго быта, и древнѣйшей мѣновой единицей у народовъ средней Азіи и Европы служила корова.

Какъ у высшихъ охотниковъ, такъ и у скотоводовъ имущественнаго равенства нѣтъ. Такая перемѣнная величина, какъ стадо, можетъ при первомъ скотскомъ падежѣ дойти до нуля, или же постепенно

[1]) У каффровъ уходъ за скотомъ считается не столько долгомъ, сколько правомъ мужчины; женщина подъ угрозой строгаго наказанія не смѣетъ вступать въ краль; бечуаны сдѣлались землевладѣльцами лишь со времени введенія къ нимъ тяжелаго плуга, влекомаго быками, и то только потому, что женщины не смѣютъ прикасаться къ скоту. Grosse, стр. 92—93.

возрости до огромныхъ размѣровъ. Другимъ источникомъ обогащенія является война. Смѣлый и счастливый воинъ добываетъ скотъ, женъ, рабовъ, тогда какъ неудачнику постоянно грозитъ опасность потерять все свое имущество въ пользу сильнаго (Grosse, 97), такъ какъ, по самой своей натурѣ, большинство скотоводовъ питаетъ особое пристрастіе къ грабежу и разбою. Разбитыя по необходимости на маленькія группы, ихъ племена не знаютъ ни политической организаціи, ни центральной власти. Родъ является единственной государственной единицей, военныя деспотіи, возникавшія то тамъ, то сямъ среди скотоводческихъ племенъ, никогда не могли похвалиться долговѣчностью; онѣ сдерживались только личностью завоевателя и распадались послѣ его смерти, какъ распались царства Чингисхана или Аттилы. Большинство номадовъ придаетъ важное значеніе родственнымъ связямъ, при чемъ эти послѣднія считаются исключительно по отцовской линіи. Если самый промыселъ и не требуетъ соединенія родственныхъ родовъ въ одну группу, потому что для наблюденія за огромнымъ стадомъ достаточно незначительнаго числа пастуховъ, то въ видахъ взаимной обороны кочевники держатся поближе другъ къ другу. Но это только тамъ, гдѣ грозитъ опасность со стороны чужихъ наѣздниковъ; лапландцы, защищенные отъ набѣговъ суровостью климата, живутъ обособленными семьями—родами, лишенными опредѣленной организаціи. Родъ тунгузовъ (tagaun) представляетъ уже нѣчто болѣе законченное и находится въ управленіи избраннаго старшины, который выбирается не за возрастъ, а за богатство и хорошее поведеніе. У бурятъ и калмыковъ каждый родъ раздѣляется на группы въ 10 — 12 палатокъ, которыя называются *хотунъ*, а у башкировъ деревня или аулъ состоитъ изъ 5—20 юртъ. Лагери бедуиновъ бываютъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и содержатъ отъ 10 до 800 палатокъ. Зимой племя распространяется по равнинѣ мелкими группами въ 3—4 палатки, на полчаса дороги между собой. Нѣсколько хотуновъ, составляющихъ одинъ родъ, имѣютъ во главѣ себя вождя, который блюдетъ его интересы. Въ мирное время его авторитетъ уступаетъ власти отцовъ семействъ, но, когда раздается военный кличъ, онъ становится во главѣ своего рода въ качествѣ уполномоченнаго диктатора, и власть его пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ чаще и сильнѣе племя сталкивается съ врагами. Это явленіе замѣчается и въ жизни арабовъ, а у сомалійцевъ путешественникъ Паулички видѣлъ семью, состоявшую изъ 150—200 хорошо вооруженныхъ мужчинъ.

Вообще, строй кочевыхъ пастушескихъ племенъ настолько однообразенъ, что, говоря объ одномъ народѣ, мы можемъ имѣть въ виду и всѣ подобные ему. Такъ, у всѣхъ ихъ общею чертой является, кромѣ признанія родового избирательнаго вождя, совѣтъ старѣйшинъ семей въ важныхъ случаяхъ, т. е. въ вопросахъ жертвоприношенія, перемѣны стоянки и т. д. Это же наблюдается у арабовъ и у готтентотовъ, а у бечуановъ замѣчается стремленіе къ совмѣстной племенной жизни. Крали отдѣльныхъ родовъ составляютъ городъ, которымъ управляетъ патріархъ старшаго и большаго краля совокупно со старѣйшинами другихъ кралей, являясь такимъ образомъ своего рода primus inter pares.

У высшихъ охотниковъ и у кочевыхъ племенъ религія сводится къ культу родовыхъ предковъ, который является однимъ изъ связующихъ звеньевъ рода. Кромѣ этой особенности духовной жизни, они раздѣляютъ обычай купли женъ, обычай, чреватый важными послѣдствіями. Первобытныя охотничьи племена рады отдѣлаться отъ лишняго рта: не то у высшихъ охотниковъ, гдѣ всякій лишній работникъ пріобрѣтеніе; здѣсь ужъ приходится жену покупать. Въ случаѣ несостоятельности женихъ идетъ въ домъ тестя работать, за то, купивъ жену, онъ дѣлается ея неограниченнымъ собственникомъ. „Женщины созданы для работы“, увѣрялъ одинъ изъ сѣвероамериканскихъ вождей: „одна женщина больше унесетъ и протащитъ, чѣмъ двое мужчинъ. Женщины разбиваютъ палатки, чинятъ и шьютъ наши одежды, согрѣваютъ насъ по ночамъ, и прежде всего, безъ нихъ не сдѣлаешь большого путешествія“. У гайдаховъ, гдѣ принадлежность къ племени и сословію даетъ происхожденіе по матери (обычай, какъ мы уже говорили, вызванный боязнью кровосмѣшенія), положеніе женщины тоже очень низко; мужъ отдаетъ ее изъ корыстныхъ цѣлей кому угодно. Все дѣло объясняется тѣмъ, что мужчина отдалъ за жену свои кровныя денежки. Картина совершенно перемѣняется, когда родители возвращаютъ цѣну дочери въ видѣ обратнаго подарка жениху; тогда права сторонъ уравновѣшиваются. У тлинкитовъ, гдѣ господствовалъ этотъ обычай, женщина принимала участіе въ дѣлахъ мужа, имѣла наравнѣ съ нимъ право требовать развода, и, въ случаѣ его, дѣти оставались при матери [1]). У камчадаловъ, гдѣ мужъ входилъ въ домъ жены, существовалъ настоящій матріархатъ. По разсказу стараго наблюдателя, Штеллера, камчадалы „до того влюблены въ

[1]) Подробно и очень интересно разсказываетъ объ этомъ Вестермаркъ, гл. XVIII.

своихъ женъ, что становятся ради нихъ добровольными рабами. Женщина отдаетъ приказанія и распоряжается всѣмъ домомъ". Однако и здѣсь de jure власть принадлежала мужчинѣ, который распоряжался рукой дочери, бралъ зятя къ себѣ въ домъ и т. д. У кочевниковъ бракъ куплей единственная форма заключенія брака; умыканіе невѣсты признается нарушеніемъ права, наказуемымъ преступленіемъ; считать этотъ обычай переживаніемъ древнѣйшихъ брачныхъ формъ невозможно.

Нигдѣ, говоритъ Гроссе, женщина не находится въ такомъ глубокомъ униженіи, какъ у кочевыхъ народовъ. И дѣйствительно, не принимая участія въ скотоводствѣ, она является только средствомъ увеличить стадо на деньги, вырученныя за нее, это—товаръ. Поэтому ни у одного кочевого народа жена не пользуется правомъ наслѣдованія (Hildebrand, 34—35), и презрѣніе со стороны всѣхъ мужчинъ ея постоянная доля. „Противно смотрѣть", замѣчаетъ Вамбери о тюркахъ: „съ какимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ сынъ обращается на людяхъ со своей матерью". Положеніе дѣтей не лучше. „Дѣти цѣнятся едва-ли выше, чѣмъ неодушевленные предметы. Они являются собственностью отца, для котораго они должны работать, отъ котораго они обязаны откупаться. Отецъ по отношенію къ нимъ не обязанъ ровно ничѣмъ, даже поддержаніемъ ихъ существованія, разъ они подросли настолько, что могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ. Только путемъ брака или, вѣрнѣе, пріобрѣтенія собственнаго потомства они выходятъ изъ семьи".

И такъ, подводя итоги всему вышесказанному, мы будемъ вправѣ замѣтить, что въ родовомъ быту собственность, теряя свой индивидуальный характеръ, переходитъ всецѣло къ одному лицу, отцу семейства. Въ общинѣ и этотъ послѣдній лишается собственности.

II.

Общинный бытъ.

Совмѣстная охота и рыбная ловля, которая извѣстна самымъ первобытнымъ племенамъ, не мѣшаетъ участникамъ ея чувствовать себя самостоятельными единицами, заинтересованными въ общемъ дѣлѣ только ради своей выгоды, выгоды индивидуальной. Обитатели огромныхъ домовъ у тлинкитовъ или нутка являются въ своемъ сознаніи членами одного рода, связанными между собою узами родства; но и

здѣсь на первомъ планѣ стоитъ семья, почему и общій домъ раздѣляется на углы, предназначенные для отдѣльныхъ семей. Общая родовая добыча дѣлится здѣсь на части по числу семействъ, гдѣ право на собственность имѣетъ, въ сущности, только отецъ. То же мы отмѣтили въ родовомъ быту кочевыхъ пастушескихъ народовъ.

Когда родъ переходитъ къ такому занятію, гдѣ успѣхъ дѣла увеличивается пропорціонально числу рабочихъ рукъ, гдѣ добычу нельзя дѣлить такъ же просто, какъ дичь или рыбу, застрѣленную или пойманную тѣмъ или другимъ участникомъ охоты,—тогда семья разростается въ большой родъ, а плоды труда становятся недѣлимыми. Я говорю объ общинномъ бытѣ, который въ наиболѣе чистомъ видѣ наблюдается у некультурныхъ земледѣльческихъ племенъ, къ числу которыхъ принадлежатъ малайцы, жители Конго и вообще очень многіе народы Австраліи, Африки и Америки. Общинный бытъ явленіе, несомнѣнно, болѣе сложное, чѣмъ примитивный индивидуальный строй или бытъ родовой, а потому при изученіи его мы встрѣчаемся съ гораздо бóльшимъ разнообразіемъ формъ землевладѣнія и обработки полей, и здѣсь уже сказывается вліяніе національныхъ особенностей. Тѣмъ не менѣе, сходство ихъ такъ велико, что глазу, не вооруженному изученіемъ соціологіи, легко можетъ представиться, будто въ основаніи его лежатъ не общія условія экономическаго развитія народовъ, но распространеніе общиннаго строя изъ одного центра. Въ это заблужденіе впалъ англійскій ученый J, F. Hewitt [1]), прибѣгающій къ самымъ невозможнымъ филологическимъ пріемамъ (въ родѣ образованія греческаго слова ἀκρόπολις отъ мундскаго [2]) *akra* или германскаго *Gau* отъ мундскаго *Gowa*) для выясненія древнѣйшихъ культурныхъ путей распространенія общины, вышедшей изъ среды племенъ Южной Индіи, изъ среды племенъ дравидовъ.

Примѣръ фантаста Hewitt'а особенно поражаетъ насъ потому, что именно англійскимъ ученымъ принадлежитъ честь изученія замѣчательнаго сходства, существующаго между общиной индійской и тѣми переживаніями общиннаго быта, которыя наблюдаются въ Англіи и Шотландіи. Ни Мэнъ [3]), одинъ изъ первыхъ изслѣдователей индій-

---

[1]) The ruling races of prehistoric times in India, South-Western Asia and southern Europe. Westminster. 1894. I, стр. 43.

[2]) *Мунды*, неарійское племя Индіи.

[3]) Village communities in the East and West. 1872.

ской общины, ни Гоммъ [1]), подробно изучившій въ послѣднее время остатки англійской, не ищутъ происхожденія общиннаго быта изъ одного гипотетическаго центра. Однако, посвящая блестящія страницы описанію индійской общины, эти ученые пренебрегаютъ тѣми данными, которыя сообщаетъ этнографія дикарей, и даже въ книгѣ Гомма общинный бытъ этихъ послѣднихъ (даяковъ, фиджійцевъ и басутовъ) затронутъ очень поверхностно. Въ отношеніи къ нимъ мы можемъ примѣнить совершенно справедливый укоръ, сдѣланный Н. И. Зиберомъ современной наукѣ: „Слѣдуетъ сознаться“, говоритъ онъ, „что принадлежность земли въ общую собственность всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ скорѣе принималась до сихъ поръ на вѣру, какъ нѣчто подразумѣвающееся само собою, нежели служила цѣлью сколько-нибудь обстоятельныхъ изслѣдованій“ („Очерки“, 246 стр.).

Однако, этотъ упрекъ совершенно несправедливъ по отношенію къ нѣмецкой наукѣ. Труды Колера и Гроссе выяснили эту форму общественнаго быта до мелочей, а въ превосходномъ трудѣ А. Г. Поста: „Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz“ (1894) мы имѣемъ классическое изложеніе общиннаго землевладѣнія и землепользованія. По опредѣленію этого ученаго, общинная организація на всей землѣ имѣла, повидимому, одинаковое происхожденіе; она вызывалась тѣмъ, что родъ садился въ извѣстной мѣстности и, какъ удачно выражается г. Зиберъ, „переносилъ на землю или, лучше сказать, на неразрывно связанный съ нею полезный матеріалъ, понятіе коллективнаго труда и пользованія“. Общинная организація пріобрѣтаетъ самостоятельный характеръ, когда родовая падаетъ, и центръ тяжести переносится съ общности по крови на общность по занятію одной земли. Такимъ образомъ, общинный бытъ вовсе не предполагаетъ на первыхъ своихъ ступеняхъ общаго права на пользованіе землей; это право ограничивается плодами и обладаніемъ землей постольку, поскольку она находится въ обработкѣ. Мы уже видѣли, что первобытный земледѣльческій строй далеко не связанъ съ осѣдлостью; даже болѣе того: эта послѣдняя невозможна, пока племя не научится унавоживать землю или не перейдетъ къ плодопеременной, напримѣръ, трехпольной системѣ (какъ въ Индіи). Конды Ориссы (южной части Нижней Бенгаліи), описанные І. Колеромъ [2]), живутъ родами (можетъ быть, у

---

[1]) The Village Community with special reference to the origin and form of its survivals in Britain. London 1890.

[2]) Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, т. VIII (1888), стр. 262 и дал.

нихъ это уже разложеніе общины, вызванное множествомъ иноземныхъ вторженій, жертвою которыхъ было племя); родовой бытъ кондовъ очень напоминаетъ вышеразсмотрѣнный нами строй жизни кочевыхъ народовъ: такъ же во главѣ племени стоитъ здѣсь староста съ болѣе или менѣе номинальной властью и съ совѣтомъ старшинъ при себѣ; такъ же здѣсь уже существуетъ раздѣленіе труда на ремесла и землепашество; такъ же, наконецъ, дѣти находятся въ неограниченной власти отца. Однако, конды племя земледѣльческое; при первобытномъ способѣ воздѣлыванія земли почва скоро истощается, и потому деревни черезъ каждыя 14 приблизительно лѣтъ мѣняютъ свое мѣстоположеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бенгаліи сохранилась до сихъ поръ такъ называемая система—*Іит* [1]), состоящая въ томъ, что жители деревни ежегодно или черезъ годъ все болѣе углубляются въ лѣсъ, валятъ и сжигаютъ его; вскорѣ затѣмъ засѣянныя поля покидаются, и когда нивы слишкомъ далеко отодвинутся отъ поселка, онъ подвигается вслѣдъ за ними. Гильдебрандъ [2]) собралъ очень много примѣровъ того же рода, которые показываютъ, что кочевое земледѣліе существуетъ у веддаховъ (росчисти въ лѣсу мѣняются въ промежутокъ отъ 5 до 10 лѣтъ), въ экваторіальной Африкѣ (ежегодно), въ Западной Африкѣ (тоже ежегодно), у арабовъ, уйносовъ и т. д.

Понятное дѣло, что о землевладѣніи въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть и рѣчи. По словамъ одного путешественника по Западной Африкѣ, „покинутое мѣсто возвращается, такъ сказать, во власть пустыни, и скоро даже не узнаешь, что оно было когда-то обработано". Вслѣдствіе этого у низшихъ земледѣльческихъ племенъ права на землю собственно не существуетъ: оно замѣняется правомъ пользованія землей, правомъ на плоды деревьевъ и полей. Въ Новой Гвинеѣ земельной собственности не существуетъ, говоритъ Розенбергъ (цитированный у Гильдебранда, стр. 49), всякій занимаетъ любое пространство земли и считаетъ себя обладателемъ его во все время, пока продолжаетъ воздѣлывать его. Въ Сіерра-Леонѣ достаточно прежнему владѣльцу земли перестать обрабатывать ее, какъ это самое мѣсто можетъ занять другой туземецъ. По словамъ Фрича, земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ бечуановъ, которые считаютъ себя владѣльцами земли лишь постольку, поскольку культивируютъ ее. Тотъ же взглядъ на землевладѣніе раздѣляютъ, по разска-

---

[1]) О ней Колеръ тамъ же, т. X, стр. 336—337.

[2]) Recht und Sitte, стр. 51—54.

замъ различныхъ путешественниковъ, зулусы, кафры, народы Ориссы (на сѣверо-восточномъ берегу Венгальскаго залива), маори въ Новой Зеландіи и мн. др.

На землѣ, пріобрѣтенной путемъ оккупаціи ея, трудится все племя; общимъ трудомъ каждый изъ членовъ рода пріобрѣтаетъ одинаковое право на плоды. Такъ, въ Африкѣ (въ Сьерра-Леонѣ и Фернандо По) поля воздѣлываются сообща всей деревней, и хлѣбъ раздѣляется по числу семей, принимавшихъ участіе въ общемъ дѣлѣ. или же по степени нужды. У кабиловъ родъ составляетъ одну тѣсно сплоченную политическую единицу. Собственность недѣлима, и доходы съ нея, плоды полей, тратятся на содержаніе и прокормленіе всѣхъ сородичей безъ различія. У малайцевъ всѣ члены *suku* (материнскій родъ) являются дѣйствительно членами одного тѣла; они такъ тѣсно связаны между собой общими интересами, что раздѣляютъ славу и позоръ, горе и радость. Имущество *suku*, состоящее изъ построекъ и полей, переходитъ недѣлимо отъ одного поколѣнія къ другому (Grosse, 140). У нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ плата за жену собирается среди членовъ всего рода, который такимъ образомъ уступаетъ своему члену право на временное пользованіе женой; въ случаѣ его смерти на этой послѣдней можетъ жениться всякій изъ сородичей, не внося новой платы. У карибовъ жатва складывается въ общественные амбары; каждая семья получаетъ изъ нея свою долю; поля обрабатываются сообща.

Однако, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся уже съ болѣе развитой формой общины, гдѣ поля не обрабатываются сообща, но дѣлятся между членами общины. Признавая эту форму землепользованія болѣе развитой, но не приписывая ей самостоятельного, иного происхожденія, нежели общинѣ съ недѣлимыми полями, происшедшей изъ рода, я основываюсь на томъ, что раздѣленные участки земли отдаются членамъ общины, по большей части, не по жребію, но по назначенію родового, а потомъ общиннаго старшины. Такія указныя поля мы находимъ у басутовъ въ Южной Африкѣ, гдѣ страна принадлежитъ всей общинѣ, и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Начальники указываютъ своимъ вассаламъ доли земли, которыя они должны занимать, а эти послѣдніе даютъ каждому отцу семейства участокъ, пригодный къ обработкѣ и соотвѣтствующій его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечено для владѣльца на все время, пока онъ остается на мѣстѣ; если онъ переселится въ другое мѣсто, то долженъ сдать поле обратно на-

ıальнику, отъ котораго получилъ его, чтобы послѣдній могъ распоıагать имъ въ пользу другого лица. Границы полей обозначены съ ɩостаточною точностью. Случаи споровъ подвергаются рѣшенію тре-ейскаго суда сосѣдей, а въ послѣдней инстанціи суду начальника Зиберъ, стр. 252). Этотъ начальникъ, какъ я уже сказалъ, въ сущıости патріархъ рода; ему одному принадлежитъ земля; онъ одинъ ıавѣдуетъ доходами. У кабиловъ родъ доставляетъ каждому изъ своихъ ıленовъ рабочія орудія, оружіе и капиталъ для веденія торговли или ıанятія ремесломъ, которое онъ избралъ для себя. Зато каждый изъ ıихъ обязанъ отдать весь свой трудъ на пользу общинѣ и весь ıаработокъ передавать въ руки родового старшины. Поэтому указныя ıоля далеко не составляютъ особенности однихъ басутовъ. Ту же ·истему раздѣленія земли мы находимъ, напримѣръ, на Палаузскихъ островахъ, гдѣ король былъ распорядителемъ земельныхъ участковъ: онъ раздавалъ эти послѣдніе своимъ подданнымъ, которые владѣли ıми, пока культивировали; всякій разъ, когда такое лицо переселяıось съ семьею на новое мѣсто, его участокъ возвращался къ королю, который передавалъ его другому. У санталовъ (въ сѣверной части верхней Индіи) во главѣ каждой деревни стоитъ старшина, который распредѣляетъ землю и слѣдитъ за ея воздѣлываніемъ. Онъ не польıуется никакимъ правомъ на лучшіе участки земли; какъ въ нашей общинѣ, каждый получаетъ свою долю и въ удобной, и въ дурной землѣ. У гуроновъ (въ Сѣв. Амер.) передѣлы повторяются черезъ каждые два года, и земля распредѣляется на совѣтѣ старшинъ, въ которомъ участвуютъ четыре женщины и одинъ мужчина.

Можно думать, что дѣленіе земли по жребію форма болѣе поздняя, нежели распредѣленіе участковъ по волѣ старѣйшины или совѣта: оно предполагаетъ уже отсутствіе тѣсной родовой связи между членами общины, и, вообще говоря, встрѣчается у некультурныхъ народовъ рѣдко. Постомъ эта система дѣлежа отмѣчена у бразилійскихъ индѣйцевъ, въ Пенджабѣ и въ другихъ немногихъ мѣстахъ.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ изъ общинной собственности мало-по-малу развивается индивидуальная. На основаніи собранныхъ Гроссе данныхъ мы можемъ отмѣтить этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ. Каждый городъ индѣйцевъ Пуэбло раздѣляется на племена или роды, и каждая изъ этихъ группъ носитъ названіе какого-нибудь звѣря, птицы, травы, дерева, планеты или одной изъ четырехъ стихій. Землей они владѣютъ сообща, видя въ ней общинную собственность; но если извѣстное лицо обработало

участокъ земли отъ себя, самостоятельно, то оно пріобрѣтаетъ личное право на него и получаетъ право продать его любому изъ членовъ своего рода. Другимъ способомъ выдѣленія индивидуальной собственности изъ общинной служатъ торговля и промышленность, которыя обогащаютъ не весь родъ, а отдѣльное лицо, хотя все-же мы знаемъ немало случаевъ, когда членъ общины оказывается обязаннымъ отдавать весь свой заработокъ старшинѣ. Это, съ нашей точки зрѣнія, ненормальное явленіе сохраняетъ свою закономѣрную силу только по традиціи; контроль доходовъ промышленника зачастую оказывается невозможнымъ, и вслѣдствіе этого лицо, эманципировавшееся отъ власти родовыхъ предразсудковъ, оказывается въ состояніи прикопить собственное богатство. Такимъ образомъ, по словамъ Гроссе (стр. 136), у большинства низшихъ земледѣльческихъ народовъ существуетъ наряду съ общинной собственностью частное владѣніе благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, которое въ своемъ развитіи приводитъ, какъ мнѣ кажется, къ постепенному вымиранію общинной собственности[1]). Какъ послѣднюю вспышку угасающаго пламени, отмѣтимъ переживаніе общины въ видѣ обычая сообща обрабатывать нѣкоторыя поля, обычая, сохранившагося въ Сѣверной Америкѣ у племени криковъ (Post., стр. 336).

Покончивъ съ вопросомъ о землепользованіи, коснемся другого, весьма важнаго вопроса о родовой власти у земледѣльческихъ народовъ. Какъ во главѣ кочевыхъ племенъ стоятъ вожди съ совѣтомъ родовыхъ старшинъ около себя, такъ точно бываетъ и здѣсь. Только отъ общины легче переходъ къ государству, и у земледѣльческихъ народовъ мы находимъ переходныя формы отъ простой общины къ цѣлому союзу этихъ послѣднихъ, политическому союзу съ верховной властью. Иногда во главѣ общины стоитъ старшина, значеніе котораго весьма слабо и всецѣло зависитъ отъ его личности.

Такъ, на Самоа отцы семействъ избираютъ изъ своей среды деревенскаго вождя; изъ числа ихъ потомъ выбирается старшина всей области. По описанію Тернера (Зиберъ, стр. 269), „здѣсь границы

[1]) Развитіе того же процесса въ древней Индіи описано въ книгѣ Лейста: „Alt-arisches Jus Gentium“ (1889, стр. 419). „При существованіи наслѣдственной общины“, говоритъ онъ на основаніи брахманической литературы: „все, что пріобрѣлъ отдѣльный членъ ея обычнымъ путемъ, принадлежитъ общинѣ; но то, что добыто съ помощью ученой дѣятельности (очевидно, болѣе поздняя привилегія брахмановъ), становится частной собственностью ученыхъ членовъ общины“ (Gautama, 28, 30, 31).

участка, принадлежащаго каждому семейству, точно опредѣлены, и лицо, признаваемое въ данное время главою семейства, имѣетъ право располагать имъ. То же самое примѣняется къ начальникамъ. Имъ принадлежатъ опредѣленные участки земли. Необработанныя пространства подчиняются праву тѣхъ, кто занимаетъ землю по краямъ ихъ. Хотя право продажи земли и исполненіе другихъ важныхъ обязанностей, имѣющихъ отношеніе къ членамъ семейства, и совмѣщаются въ лицѣ главы семейства, но послѣдній ничего не можетъ предпринять безъ формальнаго совѣщанія съ остальными. Если бы онъ пожелалъ придерживаться противоположнаго образа дѣйствій, то у него отняли бы достоинство главы и передали бы другому. Итакъ, члены семейства могутъ лишить достоинства своего главу, а главы семействъ своего начальника, и отдать таковое брату, дядѣ или другому члену семейства, который, по ихъ убѣжденію, будетъ дѣйствовать въ большемъ согласіи съ ихъ желаніями. Эти сельскія общины, съ числомъ жителей отъ 200 до 500, считаютъ себя совершенно отдѣльными и независимыми отъ другихъ, свободными дѣйствовать на своей собственной землѣ и въ своихъ дѣлахъ. Сверхъ того, эти деревни соединяются съ общаго согласія въ одно цѣлое въ числѣ 8 или 10 и образуютъ округъ для взаимной защиты. Нѣсколько деревень извѣстны какъ главныя въ округѣ и, согласно древнему обычаю, самый высшій начальникъ живетъ въ одной изъ этихъ деревень въ качествѣ главы ея".

Иногда община не знаетъ никакого начальника и управляется лишь совѣтомъ родовыхъ старшинъ. Этотъ строй существуетъ какъ въ Африкѣ (у племени кру), такъ и въ Америкѣ и въ Азіи. Интересную картину его представляетъ бытъ гуроновъ, интересную особенно потому, что мы видимъ здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ матріархатъ, форму жизни, довольно обычную у земледѣльческихъ племенъ и обязанную своимъ происхожденіемъ тому воззрѣнію первобытныхъ народовъ на земледѣліе, по которому оно является исключительной заботой женщины. Женщина, какъ первая изобрѣтательница хлѣбопашества, имѣетъ преимущественное право и на землю и на всѣ доходы съ нея, а у земледѣльческихъ племенъ и на все домашнее имущество. Я не буду останавливаться подробно на этомъ вопросѣ, которому Гроссе посвятилъ обстоятельное разсужденіе: моя задача освѣтить только примитивныя общинныя формы землевладѣнія и показать, какъ изъ общины развивается государство. Возвращаясь къ совѣту старшинъ, я укажу на устройство его у гуроновъ. Это племя состоитъ изъ двѣнадцати материнскихъ родовъ;

въ составъ каждой деревенской общины входятъ представители различныхъ родовъ (подобное же явленіе извѣстно у никобаровъ). Земля, общее достояніе всего племени, раздѣляется между родами на совѣтѣ племени, который составляютъ представители родовъ. Въ свою очередь, родовая область распредѣляется по участкамъ среди отдѣльныхъ семействъ, и это распредѣленіе принадлежитъ родовому совѣту, въ составъ котораго входятъ четыре наиболѣе чтимыя хозяйки домовъ, подъ предсѣдательствомъ мужчины. Это участіе женщинъ понятно, потому что на ихъ обязанности лежитъ воздѣлываніе сообща всѣхъ родовыхъ участковъ. У весьма многихъ племенъ Африки и Океаніи на ряду съ совѣтами функціонируютъ собранія всѣхъ членовъ общины.

Если у кочевыхъ земледѣльческихъ народовъ объединеніе совершалось искусственнымъ путемъ въ случаѣ необходимости общей защиты или подъ вліяніемъ особенно даровитой деспотической личности, то у племенъ земледѣльческихъ, перешедшихъ къ осѣдлому образу жизни, этотъ процессъ объединенія совершается легко и естественно. Государство просто выростаетъ изъ общины, и въ основѣ его образованія лежитъ своего рода національное самосознаніе, совершенно чуждое народамъ охотничьимъ (въ родѣ ведда) и слишкомъ пассивное у вялыхъ номадовъ. Общинный бытъ такъ тѣсно связанъ съ государственнымъ строемъ, что у изслѣдователей (напримѣръ, Hildebrand'a) явилась мысль, что община насильственно организуется государственной властью; но всѣ данныя, на которыя ссылается Гильдебрандъ, поздняго времени (послѣ Карла Великаго), между тѣмъ какъ вышеприведенные факты относятся къ эпохамъ, когда о государствѣ не можетъ быть и рѣчи.

А. Могодинъ.

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ [1]).

ГЛАВА III.

Вопросъ о происхожденіи Семилѣтней войны.

Вопросъ о томъ, на кого должна пасть главная отвѣтственность за происхожденіе Семилѣтней войны въ 1756 году, еще задолго до этого, какъ онъ сталъ достояніемъ историковъ-изслѣдователей, уже сознавался и былъ поставленъ и по своему даже разрѣшенъ однимъ изъ участниковъ событія—самимъ Фридрихомъ II и притомъ дважды: въ первый разъ еще прежде, чѣмъ король открыто началъ военныя дѣйствія, перейдя 29-го августа новаго стиля границу Саксоніи, а затѣмъ вторично—въ историческомъ описаніи всей войны уже послѣ ея окончанія.

Со второй половины іюля Фридрихъ II сталъ вырабатывать свой манифестъ, который онъ обнародовалъ только въ сентябрѣ, чтобы оправдать вступленіе прусскаго войска въ предѣлы Богеміи, предстоявшее 13-го числа по новому стилю. По словамъ короля, со времени заключенія Дрезденскаго мира вѣнскій дворъ всячески старался найти средство, чтобы нарушить его. Новый австрійскій императорскій домъ вернулся къ честолюбивымъ замысламъ Фердинанда II, разбившимся о сопротивленіе Ришелье и Густава-Адольфа. Въ своемъ стремленіи поработить себѣ нѣмецкихъ князей, искоренить протестантскую религію, законы, строй и вольности германской имперіи онъ встрѣчаетъ со времени Ахенскаго мира препятствія со стороны Франціи, гарантировавшей Вестфальскій миръ,

---

[1]) *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

Пруссіи, принужденной не допускать осуществленія подобныхъ замысловъ, и султана, который вторженіемъ въ Венгрію можетъ разрушить любыя мѣропріятія Маріи-Терезіи. Чтобы прорвать эти три плотины одну за другой, вѣнскій дворъ рѣшилъ начать съ Пруссіи; въ надеждѣ отвести глаза общественному мнѣнію отъ своихъ тайныхъ плановъ, онъ выставилъ предлогомъ желаніе вернуть себѣ уступленную Фридриху II область, вступилъ въ оборонительный союзъ съ Россіей, перессорилъ между собой дворы С.-Петербурга и Берлина и заключилъ съ императрицей Елисаветой соглашеніе противъ Турціи. Австрійскіе министры побудили Россію вооружиться и изъ года въ годъ производить воинственныя демонстраціи на границахъ Пруссіи, въ надеждѣ, что случай вызоветъ, можетъ быть, войну между обѣими державами. Въ Вѣнѣ желали такой войны и мечтали принять въ ней участіе лишь въ качествѣ союзника императрицы. И война возгорѣлась бы, если бы король не обходилъ такъ старательно всѣхъ случайностей, способныхъ поссорить его съ Россіей, подобно тому, какъ устраняютъ всякій горючій матеріалъ отъ огня, который хотятъ затушить. Однако, дѣла въ Америкѣ стали грозить спокойствію Европы. Англійскій король, предвидя войну съ Франціей, обратился за помощью къ Маріи-Терезіи въ расчетѣ на ея признательность за прошлое. Къ его изумленію императрица-королева поставила условіемъ своей помощи, чтобы Англія приняла участіе въ ея заговорѣ противъ владѣній короля прусскаго. Георгъ II по благородству отвергъ это предложеніе и сблизился съ своимъ родственникомъ Фридрихомъ II; чтобы отвратить отъ Германіи надвигавшуюся бурю, оба государя подписали въ Лондонѣ договоръ о нейтралитетѣ. Но заботы о спокойствіи Германіи шли въ разрѣзъ съ замыслами вѣнскаго двора. Австрійскіе министры усилили свои интриги въ С.-Петербургѣ и создали планъ раздѣла владѣній Фридриха II. Чтобы обезвредить Францію, былъ заключенъ 1-го мая 1756 года Версальскій договоръ; съ тѣхъ поръ Австрія пускаетъ въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобы вызвать открытый разрывъ между Франціей и Пруссіей. Наконецъ, въ виду военныхъ приготовленій въ Моравіи и Богеміи и сосредоточенія австрійскаго войска въ лагеряхъ на границахъ Силезіи, Фридрихъ II сдѣлалъ въ Вѣнѣ запросъ черезъ своего посланника Клинггрэффена о цѣли этихъ вооруженій. Императрица-королева на аудіенціи 26-го іюля новаго стиля отвѣчала очень неопредѣленно, что въ виду политическихъ обстоятельствъ она нашла нужнымъ вооружиться на защиту себя и своихъ союзниковъ. Тогда король велѣлъ заявить Маріи-Терезіи,

что ему извѣстно наступательное соглашеніе обѣихъ императрицъ, состоявшееся въ С.-Петербургѣ; еще весной текущаго года Австрія должна была внезапно напасть на него съ 80-тысячнымъ войскомъ. а Россія—съ арміей въ 120 тысячъ человѣкъ; осуществленіе этого плана было затѣмъ отложено на годъ, вслѣдствіе недостатка у русскихъ въ рекрутахъ, матросахъ и хлѣбѣ на харчи въ Ливоніи. Фридрихъ II предлагалъ Маріи-Терезіи выборъ между миромъ и войной; если она желаетъ мира, такъ пусть дастъ ясное и положительное завѣреніе, что не атакуетъ короля ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ; всякій уклончивый отвѣтъ онъ сочтетъ за объявленіе войны и заранѣе слагаетъ на императрицу-королеву отвѣтственность за пролитіе неповинной крови и бѣдственныя послѣдствія военныхъ дѣйствій. Въ отвѣтѣ на этотъ мемуаръ Клинггрэффена, врученный въ Вѣнѣ 20-го августа, Марія-Терезія ставила на видъ, что Фридрихъ II самъ началъ свои внушительныя приготовленія къ войнѣ, тревожныя для всеобщаго спокойствія, уже за нѣкоторое время до того, какъ надумался сдѣлать запросъ отъ 26-го іюля новаго стиля о цѣли австрійскихъ вооруженій, предпринятыхъ лишь послѣ завершенія прусскихъ; она отвергала какъ существованіе наступательнаго договора между Вѣной и С.-Петербургомъ противъ Фридриха II, такъ и свою вину въ грядущихъ прискорбныхъ событіяхъ. Прусскій король разъяснилъ въ своемъ манифестѣ, что въ отвѣтъ на вооруженія Россіи онъ дѣйствительно передвинулъ въ іюнѣ четыре полка изъ курфюршества бранденбургскаго въ Померанію и приказалъ приготовить крѣпости къ оборонѣ; эта мѣра встревожила, будто бы, вѣнскій дворъ и побудила его стянуть въ Богеміи и Моравіи армію свыше 80 тысячъ человѣкъ! По мнѣнію короля походъ 4-хъ полковъ въ Померанію послужилъ для Австріи только предлогомъ, чтобы прикрыть свою злую волю. Узнавъ, что австрійская армія стягивается въ Богеміи, Фридрихъ II двинулъ къ Гальберштадту три полка пѣхоты изъ Вестфаліи, но, чтобы не возбуждать подозрѣній въ Вѣнѣ, онъ и теперь не послалъ ни одного полка въ Силезію; войска продолжали спокойно оставаться въ гарнизонахъ и не имѣли даже лошадей, нужныхъ для лагеря или вторженія. Однако, вѣнскій дворъ пошелъ дальше и намѣтилъ лагерь у Гоценплоца, правда все еще на австрійской территоріи, но непосредственно между крѣпостями Нейссе и Козелемъ, а въ Богеміи его армія готовилась стать лагеремъ въ Яромежѣ въ 4 миляхъ отъ силезской границы. Только теперь Фридрихъ II рѣшилъ принять мѣры безопасности, отдалъ арміи приказъ запасаться лошадьми и готовиться къ

походу. Если бы король питалъ враждебные замыслы противъ императрицы-королевы, онъ могъ бы ихъ безъ труда осуществить еще два мѣсяца тому назадъ, не давая ей времени стянуть сильныя арміи. Но Фридрихъ II велъ переговоры, тогда какъ его враги вооружались, и шелъ только вслѣдъ за мѣропріятіями австрійцевъ. Точно такъ же и ни одному союзнику Маріи-Терезіи не грозило нападеніе пруссаковъ; 4-хъ полковъ въ Помераніи было бы, конечно, недостаточно для предпріятія противъ Россіи. Вѣнскій дворъ заявилъ, что онъ ни на кого не хочетъ нападать. Чтò стоило ему прибавить, что онъ не намѣренъ атаковать именно Фридриха II? Австрійскимъ министрамъ легко отвергать существованіе наступательнаго союза между Вѣной и С.-Петербургомъ, но доказательства противнаго—на лицо. Въ началѣ іюня русскія войска приблизились къ границамъ Пруссіи; армія въ 70 тысячъ человѣкъ образовывалась въ то самое время, когда Марія Терезія готовилась стянуть войска въ Богемію подъ именемъ наблюдательнаго корпуса. Въ серединѣ іюня русское войско получило приказъ отступить на свои квартиры, а австрійскіе лагери отсрочены до слѣдующаго года. Король былъ бы радъ, если бы вѣнскій дворъ не ограничился однимъ отрицаніемъ наличности наступательныхъ замысловъ въ настоящемъ, а прибавилъ бы еще и желанное завѣреніе, что у союзниковъ нѣтъ намѣренія напасть на Фридриха II ни въ нынѣшнемъ году, ни въ будущемъ. Вся сила была въ этой просьбѣ, а ее-то Марія Терезія и обошла молчаніемъ. Высокомѣрный отвѣтъ вѣнскаго двора свидѣтельствуетъ, что онъ думаетъ только о войнѣ и предполагаетъ постояннымъ ябедничествомъ и надменностью побудить короля взяться за оружіе, дабы имѣть поводъ потребовать помощи у своихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе, даже принимая неизбѣжныя мѣры безопасности, Фридрихъ II рѣшился сдѣлать еще одну послѣднюю попытку поколебать непреклонность австрійскаго правительства и поручилъ Клингграффену заявить въ третій разъ, что король и теперь тотчасъ же отодвинетъ свои войска назадъ, если Марія Терезія дастъ положительное завѣреніе, что она не собирается напасть именно на него ни въ нынѣшнемъ году, ни въ будущемъ. Однако и этотъ послѣдній шагъ остался безъ успѣха. Фридрихъ II надѣялся теперь, что Европа оцѣнитъ его усилія по справедливости и вынесетъ убѣжденіе, что не король, а именно вѣнскій дворъ желалъ войны! Конечно, король первый начинаетъ „враждебныя дѣйствія“ (hostilités), но этого выраженія не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ „наступленія“ (agression). Подъ „наступленіемъ“ разумѣется дѣйствіе, прямо противоположное

понятію мирнаго договора. Заключить наступательный союзъ, создать враговъ какой-либо державѣ и побудить ихъ начать войну противъ нея, задумать вторженіе во владѣнія другого государя, наконецъ, предпринять внезапное нападеніе—все это проявленія „наступленія", но только самое нападеніе подходитъ подъ понятіе „враждебныхъ дѣйствій". Кто желаетъ предупредить эти наступательныя дѣйствія, тотъ можетъ самъ перейти къ дѣйствіямъ враждебнымъ, но онъ все-таки не будетъ наступающей стороной. (Quiconque prévient ces agressions, peut commettre des hostilités, mais il n'est pas l'agresseur). Провозглашая себя защитникомъ вольностей германской имперіи противъ деспотизма австрійскаго дома, прусскій король призывалъ небо въ свидѣтели того, что онъ принужденъ взяться за оружіе, дабы разсѣять заговоръ, составленный противъ его владѣній и короны, но лишь послѣ того, какъ онъ исчерпалъ всѣ средства къ примиренію и даже предоставилъ самой императрицѣ-королевѣ выбирать между миромъ и войной [1]).

---

[1]) См. Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III. Манифестъ Фридриха II, заранѣе оправдывавшій вступленіе прусскаго войска въ предѣлы Австріи, былъ озаглавленъ „Exposé des motifs, qui ont obligé S. M. le Roi de Prusse à prévenir les desseins de la cour de Vienne" („Изложеніе соображеній, побудившихъ Его Величество короля Прусскаго предупредить замыслы Вѣнскаго двора"). Въ берлинскомъ государственномъ архивѣ нашлось семь послѣдовательныхъ редакцій этого манифеста; изъ нихъ первыя пять были собственноручно выработаны королемъ. Сознаніе, что война неизбѣжна и что надо предупредить своихъ враговъ, созрѣло у Фридриха II къ 15-му іюля 1756 г. (Pol. Corr., B. XIII. № 7704 письмо къ брату пр. Авг. Вильгельму Прусскому: je n'aurai de moyen que de gagner de vitesse sur mes ennemis). Еще отъ 4-го іюля н. с. Шлабрендорфъ донесъ королю изъ Бреславля со словъ одного надежнаго купца, что австрійскій лагерь въ Богеміи будетъ насчитывать 60 тыс., а лагерь въ Моравіи 40 тыс. человѣкъ (Ibid., № 7666). 16-го іюля н. с. Фридрихъ II получилъ извѣстіе изъ Дрездена отъ 14-го іюля, что всѣ австрійскія войска изъ Венгріи двинуты въ Богемію и Моравію, чтобы образовать два лагеря (ibid., № 7711). Уже 17-го іюля н. с. король пишетъ брату Вильгельму: des regiments de Hongrie sont en marche pour entrer dans les deux camps, dont l'un doit être de 60.000 hommes et l'autre de 40.000 (ibid. № 7714). Въ тотъ же день 17-го іюля н. с. Фридрихъ II двинулъ три полка изъ Вестфаліи къ Гальберштадту (ibid., № 7721. Quadt, Knobloch, Wied), а на слѣдующій день 18-го іюля н. с. послалъ приказъ Клинггрэффену въ Вѣну сдѣлать первый запросъ Маріи Терезіи о цѣли движенія австрійскихъ войскъ въ Моравію и Богемію (ibid., № 7722). Отвѣтъ императрицы-королевы на первый запросъ былъ полученъ въ Потсдамѣ 2-го августа н. с. Еще въ тотъ же день король послалъ Клинггрэффену наказъ сдѣлать вторичный запросъ (ibid., № 7795). Отвѣтъ вѣнскаго двора на этотъ вторичный

Въ этомъ „Изложеніи соображеній, побудившихъ короля прусскаго предупредить замыслы вѣнскаго двора" Фридрихъ II не могъ писать вполнѣ искренно, какъ историкъ, о своихъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ, пока они еще не отошли въ прошедшее. Какъ государственный человѣкъ, онъ прибѣгъ къ печатному слову, чтобы воздѣйствовать на политическія силы внутри и за предѣлами германской имперіи, еще не успѣвшія стать въ опредѣленное отношеніе къ вооруженіямъ

запросъ король получилъ въ Потсдамѣ 25-го августа н. с. (ibid., №№ 7914 и 7928). Такъ какъ въ черновомъ наброскѣ Exposé des motifs идетъ уже рѣчь о движеніи австрійскихъ войскъ изъ Венгріи въ два лагеря въ Богеміи и Моравіи, но нѣтъ еще ни слова о запросѣ Клинггрэффена, то издатель д-ръ Краускe пріурочиваетъ происхожденіе наброска къ 16-му или 17-му іюлю н. с. или во всякомъ случаѣ ко времени между 15-мъ іюлемъ и 2-мъ августа н. с. Во второй редакціи Exposé уже упоминается первый приказъ короля своему посланнику въ Вѣнѣ потребовать тамъ объясненій. Въ третьей редакціи Exposé изложенъ уже вторичный приказъ Клинггрэффену сдѣлать запросъ императрицѣ-королевѣ, четвертая редакція названа, наконецъ, манифестомъ, но и здѣсь еще не приведенъ отвѣтъ Маріи Терезіи на вторичный запросъ Клинггрэффена. Въ пятую редакцію Фридрихъ II еще до 25-го августа впервые вставилъ свои разсужденія о различіи между враждебными и наступательными дѣйствіями (hostilités и agressions). Король поручилъ министру Финкенштейну просмотрѣть эту редакцію и представить свои замѣчанія, а Варендорфу—снять съ нея копію; 23-го августа копія была готова, и Фридрихъ II внесъ въ нее нѣкоторыя измѣненія, отчасти по указаніямъ Финкенштейна; въ этой шестой редакціи было оставлено мѣсто для отвѣта изъ Вѣны на второй запросъ. Когда отвѣтъ этотъ, наконецъ, пришелъ 25-го августа, Финкенштейнъ вставилъ его въ краткомъ изложеніи въ манифестъ, а по желанію самого Фридриха II упомянулъ еще и о прусскомъ ультиматумѣ. Такъ возникла седьмая редакція, напечатанная ко 2-му сентябрю н. с. Вѣнскій отвѣтъ на ультиматумъ былъ полученъ въ главной квартирѣ короля въ Седлицѣ 12-го сентября (ibid., № 8017), и въ тотъ же день началась разсылка Exposé; представители иностранныхъ державъ въ Берлинѣ получили манифестъ 15 сентября.

Обвиненія, выставленныя королемъ въ Exposé противъ австрійскихъ министровъ, будто бы они вооружили Россію и побудили ее къ военнымъ демонстраціямъ на прусской границѣ въ надеждѣ, что какой-нибудь случай вызоветъ, можетъ быть, войну между обѣими державами, насколько они передаютъ субъективныя стремленія вѣнскаго двора, подтвердились и нашимъ изслѣдованіемъ, но они стоятъ въ противорѣчіи съ тѣми же самыми упреками, которые король дѣлалъ графу Брюлю передъ вступленіемъ прусскаго войска въ Саксонію. Сначала король набросалъ было лично рѣзкій манифестъ противъ дрезденскаго двора. Фридрихъ II ставилъ себѣ въ заслугу передъ курфюрстомъ, что содѣйствовалъ браку саксонской принцессы съ дофиномъ, но министръ, отъ котораго „всего можно ждать" (un ministre capable de tout), поссорилъ Августа III съ его сосѣдомъ-государемъ. Графъ Брюль предписывалъ саксонскому посланнику въ С.-Петербургѣ сѣять недовѣріе между Россіей и Пруссіей, внушать Елисаветѣ опасенія

Австріи и Пруссіи другъ противъ друга. Король не терялъ надежды, что Людовикъ XV можетъ еще измѣнять свой взглядъ на вторженіе пруссаковъ въ Саксонію и ограничиться нейтралитетомъ, а потому щадилъ въ манифестѣ Францію и дѣлалъ видъ, какъ будто-бы онъ не замѣчаетъ враждебности версальскаго двора. Чисто историческое изложеніе вопроса о происхожденіи Семилѣтней войны Фридрихъ II далъ въ продолженіи своей „Исторіи моего времени" [1]. Со времени

за Курляндію и за польскую Пруссію (Западную). Вслѣдствіе интригъ и клеветъ графа Брюля въ дѣлѣ о долговыхъ обязательствахъ податной палаты Фридрихъ II ради спокойствія Европы сдѣлалъ будто бы уступку въ своемъ правѣ на преимущество при оплатѣ и пожертвовалъ единственной выгодой, пріобрѣтенной по Дрезденскому миру. Точку зрѣнія графа Брюля король такъ передавалъ на своемъ образномъ языкѣ (en bon françois): у меня нѣтъ мужества бороться съ моимъ врагомъ, но, когда онъ будетъ повергнутъ на землю, я охотно готовъ убить его и раздѣлить добычу. По поводу передвиженія пяти (одинъ батальонъ гренадеръ) прусскихъ полковъ въ Померанію, дрезденскій дворъ поднялъ крикъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, С.-Петербургѣ объ опасныхъ вооруженіяхъ Фридриха II на саксонской границѣ. Теперь, когда король принужденъ Маріей Терезіей порвать съ Австріей, легко угадать по поведенію Саксоніи въ 1744 и 45 гг., на чью сторону станетъ дрезденскій дворъ. Въ виду лживости и коварства графа Брюля Фридриху II остается только обезоружить саксонское войско, дабы оно не могло болѣе вредить ему въ теченіе войны. Однако король не обнародовалъ своего рѣзкаго манифеста, какъ бы объявлявшаго войну Саксоніи (désarmer les troupes saxonnes), а поручилъ министру Финкенштейну выработать болѣе умѣренную декларацію. Эта „Декларація короля о мотивахъ, побуждающихъ Его Величество вступить съ своей арміей въ наслѣдственныя владѣнія короля польскаго, курфюрста саксонскаго" (Déclaration du Roi sur les motifs, qui obligent Sa Majesté d'entrer avec son armée dans les États Héréditaires du roi de Pologne Électeur de Saxe) была сдана въ печать 28-го августа, а 31-го августа н. с. вручена въ Берлинѣ иностраннымъ дипломатамъ и обнародована. Декларація ничего не говорила ни о графѣ Брюлѣ, ни объ обезоруженіи саксонской арміи. Фридрихъ II напоминалъ, что въ 1744 году, когда онъ щадилъ Саксонію, курфюрстъ соединилъ свое войско съ австрійскимъ, двинулъ его въ Силезію и задумалъ овладѣть столицей Бранденбурга. И теперь король не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ умысловъ, но ради собственной безопасности долженъ занять Саксонію; онъ будетъ радъ при первой возможности вернуть курфюрсту его владѣнія въ полной сохранности. (Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III). Очевидно, что вслѣдствіе уклончивости перваго отвѣта вѣнскаго двора, Фридрихъ II рѣшилъ главную отвѣтственность за созданіе противъ него наступательнаго союза перенести съ графа Брюля на графа Кауница.

[1]) Эта такъ называемая „Исторія Семилѣтней войны" напечатана въ Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse, t. III—IV, Berlin 1788 и въ Oeuvres historiques de Frédéric II, roi de Prusse, t. IV—V, Berlin 1847. Въ предисловіи къ изданію 1847 года исторіографъ Прейссъ (Preuss) далъ слѣдующія свѣдѣнія

Дрезденскаго мира король не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Политическія интриги, не приводившія къ крупнымъ событіямъ, заслуживали на его взглядъ не болѣе вниманія, чѣмъ дрязги въ обществѣ. Но война, начавшаяся въ 1756 году, подготовленная съ такимъ искусствомъ и хитростью, заставила его измѣнить свое мнѣніе. Онъ призналъ это важное событіе достойнымъ того, чтобы передать его потомству, и сталъ въ концѣ каждой кампаніи набрасывать воспоминанія о событіяхъ года; но такъ какъ военныя дѣйствія были тѣсно связаны съ дипломатическими сношеніями, то поневолѣ и политика нашла себѣ мѣсто въ его трудѣ. Въ своемъ новомъ историческомъ произведеніи Фридрихъ II преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: съ одной стороны король хотѣлъ доказать потомству, что не въ его волѣ было избѣжать этой войны, а что честь и благо государства позволяли ему прекратить ее только на условіяхъ Губертусбургскаго мира; съ другой стороны въ подробномъ изложеніи военныхъ дѣйствій король стремился дать перечень выгодныхъ или опасныхъ позицій въ тѣхъ областяхъ, которыя и впредь будутъ театромъ войнъ при каждомъ столкновеніи между бранденбургскимъ и австрійскимъ домомъ. При этомъ

объ этомъ произведеніи короля. Подлинникъ собственноручно написанъ Фридрихомъ II; во многихъ мѣстахъ король зачеркивалъ уже написанное и замѣнялъ его другими выраженіями. Самъ авторъ не далъ своему произведенію особаго заглавія и разсматривалъ его, какъ продолженіе своихъ мемуаровъ, т.-е. Histoire de mon temps. Заголовокъ „Histoire de la guerre de sept ans“ былъ внесенъ въ подлинникъ уже въ архивѣ. Въ концѣ подлинной рукописи подпись короля—Берлинъ, 17-го декабря 1763 года; въ концѣ его предисловія другая подпись—Потсдамъ, 8-го марта 1764 года. Между тѣмъ одна замѣтка извѣстнаго секретаря Фридриха II, Гейнриха Катта сохранила разсказъ, будто-бы исторія войны, уже доведенная королемъ до конца, сгорѣла вмѣстѣ со всѣми матеріалами для нея у него на столѣ въ ноябрѣ 1763 года. Впрочемъ, извѣстіе Катта стоитъ совершенно уединенно, а съ другой стороны трудно предположить, чтобы Фридрихъ II могъ возстановить къ половинѣ декабря сочиненіе, сгорѣвшее въ ноябрѣ вмѣстѣ съ матеріалами. Вслѣдствіе этого Прейссъ заподозрѣвалъ весь разсказъ о пожарѣ, а Вильмаръ старается ограничить размѣры событія. (Th. Vilmar, Ueber die Quellen der Histoire de la guerre de sept ans Friedrichs des Grossen. Cassel 1888). Вѣроятно, рѣчь можетъ идти только о гибели въ пламени матеріаловъ или какихъ-либо черновыхъ. Для изданія 1788 года съ рукописи была снята копія; графъ Герцбергъ свѣрилъ ее съ подлинникомъ, дѣлая мѣстами пропуски или легкія измѣненія. Самъ Фридрихъ II обозначалъ Семилѣтнюю войну, какъ la guerre qui survint en 1756. Названіе „Семилѣтней войны“ встрѣчается уже въ заголовкѣ нѣмецкаго перевода книги Lloyd'a „The history of the late war in Germany“, изданномъ въ 1783 году Темпельгофомъ. (Tempelhoff, Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland).

король принялъ за правило добросовѣстно держаться истины и быть безпристрастнымъ (je me suis fait une loi de m'attacher scrupuleusement à la vérité et d'être impartial) [1]. Происхожденію Семилѣтней войны посвящены первыя три главы этого труда.

Десятилѣтіемъ мира послѣ Дрезденскаго договора Фридрихъ II воспользовался, чтобы поднять не только производительныя, но и военныя силы своего государства. Доходы короны возросли къ 1756 г. на милліонъ двѣсти тысячъ талеровъ, народонаселеніе прусскаго королевства со времени Фридриха Вильгельма удвоилось; перепись опредѣляла его число въ 5 милл. 300 тыс. душъ. Зачисленіе въ полки съ густо населенными кантонами сверхкомплектныхъ по 24—36 человѣкъ на роту увеличило войско безъ всякаго чрезвычайнаго набора на десять тысячъ солдатъ. Крѣпостныя сооруженія были заново построены въ Швейдницѣ и усовершенствованы въ Нейссе, Козелѣ, Глацѣ, Глогау. Въ арсеналѣ хранилось 50 тысячъ ружей, 20 тысячъ сабель, 12 тысячъ шпагъ и т. п. Была отлита осадная артиллерія изъ 80 батарейныхъ пушекъ и 20 мортиръ и поставлена на храненіе въ крѣпости Нейссе. Запасы пушечнаго пороха доходили до 56 тысячъ центнеровъ; въ хлѣбныхъ магазинахъ хранилось 36 тысячъ виспелей муки [2] и 12 тысячъ овса. Наконецъ, въ 1755 году король увеличилъ гарнизоны въ Силезіи до 8 баталіоновъ, въ Пруссіи до 3 баталіоновъ, въ маркѣ бранденбургской до 2 баталіоновъ, а всего до 13 баталіоновъ. Онъ сберегалъ во время мира денежныя суммы, которыя могли потребоваться во время войны; благодаря этому Пруссія была въ состояніи сдѣлать нѣсколько кампаній на собственныя средства. Итакъ, все было готово для войны, которую предвидѣли въ близкомъ будущемъ (tout était préparé pour la guerre qu'on prévoyait et qui ne paraissait pas éloignée), такъ какъ въ лицѣ императрицы-королевы у Фридриха II былъ честолюбивый и мстительный врагъ, по-женски упорный и непримиримый (le Roi avait dans la personne de l'Impératrice Reine une ennemie ambitieuse et vindicative... elle était femme, entêtée de ses opinions et implacable).

Дрезденскій миръ положилъ конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, не истребивъ самого сѣмени раздора между Австріей и Пруссіей. Вѣнскій дворъ затаилъ въ себѣ злобу за утрату Силезіи; онъ не прекратилъ войны, а измѣнилъ ея форму, вмѣсто армій онъ пустилъ въ

---

[1]) Avant-Propos.

[2]) По Aubök'у Wispel въ Пруссіи равенъ 24 шефелямъ, или 1819 литрамъ.

ходъ интригу, хитрости, обманы, чтобы поссорить съ Пруссіей дворы Европы и создать ей враговъ. Уже при переговорахъ о мирѣ въ Ахенѣ уполномоченный Маріи Терезіи, гр. Кауницъ, пытался отцѣпить версальскій дворъ отъ берлинскаго и предлагалъ представителю Франціи С. Северену, чтобы Людовикъ XV принудилъ Фридриха II вернуть Силезію императрицѣ и въ благодарность за это принялъ отъ нея Фландрію и Брабантъ; но Франція была тогда изнурена войной. Въ качествѣ посла въ Парижѣ гр. Кауницъ внушалъ французскимъ министрамъ, что возвышеніе Пруссіи—дѣло ихъ рукъ, за которое они пожали только неблагодарность союзника; пора теперь Франціи освободиться отъ опеки королей Пруссіи и Сардиніи; политика мелкихъ государей сводится лишь къ тому, чтобы ради собственнаго роста сѣять раздоръ между великими державами, которыя въ концѣ концовъ ведутъ войну ради нихъ; первымъ государствамъ Европы надо стать независимыми отъ мелкихъ державъ и ради этого прійти къ соглашенію между собой. Въ рѣчахъ гр. Тирконнеля, представителя Франціи въ Берлинѣ, Фридриху II слышался откликъ нашептываній гр. Кауница. Тройственный союзъ Франціи, Пруссіи и Швеціи на Сѣверѣ послужилъ поводомъ для гр. Бестужева внушить императрицѣ Елисаветѣ опасенія и стянуть русскія войска къ границамъ Ливоніи и Финляндіи. Эти воинственныя демонстраціи повторялись изъ году въ годъ, а неясность границъ между Швеціей и Россіей, установленныхъ по миру въ Або, давала с.-петербургскому двору возможность всегда начать войну противъ шведовъ, какъ только она найдетъ это удобнымъ. Вѣнскій дворъ раздувалъ эти несогласія, чтобы раздражить прусскаго короля и толкнуть его на ложный шагъ, способный поссорить его съ Россіей [1]). Затруднительное положеніе Фридриха II облегчалось тѣмъ, что онъ нашелъ средство слѣдить за самыми сокровенными замыслами своихъ враговъ. Онъ подкупилъ Вейнгартена, секретаря австрійскаго посланника въ Берлинѣ графа де-ла-Пуэбла,

[1]) Фридрихъ II смягчаетъ это невѣрное утвержденіе, будто бы вѣнскій дворъ раздувалъ несогласія между Россіей и Швеціей, тѣмъ, что видитъ въ этомъ только средство поссорить императрицу Елисавету съ Пруссіей, не доводя ихъ пока до полнаго разрыва. (L'Impératrice Reine se contenta de fournir des aliments à l'aigreur des deux cours sans précipiter le moment de la rupture). Натянутыя отношенія между с.-петербургскимъ и стокгольмскимъ дворомъ установились изъ за вопроса о гарантіи шведскаго государственнаго строя; вѣнскій дворъ старался уладить дѣло, чтобы сосредоточить всю энергію русской политики противъ Пруссіи.

и еще одного чиновника тайной канцеляріи въ Дрезденѣ (т. е. Менцеля). Австрійскій секретарь доставлялъ королю копіи съ депешъ гр. Пуэблѣ изъ С.-Петербурга, Вѣны, Лондона, а саксонскій чиновникъ—копіи съ договоровъ (?) между Россіей и Саксоніей, съ переписки между гр. Брюлемъ и гр. Бестужевымъ, съ донесеній гр. Флемминга изъ Вѣны. Гр. Брюль мечталъ о войнѣ и надѣялся воспользоваться первой же смутой въ Европѣ, чтобы смирить опаснаго сосѣда Саксоніи. Онъ понималъ, что пруссаки не станутъ щадить курфюршества и направятъ противъ него свой первый натискъ, и однако же допускалъ гибнуть его военныя силы. Для каждаго государства было бы ошибкой вмѣсто того, чтобы опираться на свои собственныя силы, довѣрить свою судьбу союзникамъ. Тайныя разоблаченія Вейнгартена и Менцеля служили Фридриху II компасомъ, чтобы править въ обходъ подводныхъ камней, и спасали его отъ ошибки принять пустыя демонстраціи за рѣшимость объявить ему тотчасъ же войну (l'empêchaient de prendre de pures démonstrations pour un dessein formé de lui déclarer incessament la guerre). Въ 1745 году, когда король осенью вступилъ въ Саксонію, то еще передъ битвой при Кессельсдорфѣ онъ далъ Мардефельду приказъ предложить гр. Бестужеву 40 тыс. талеровъ за то, чтобы Россія не вмѣшивалась въ войну; но послѣ Дрезденскаго мира вслѣдствіе неумѣстной бережливости или по личной непріязни Мардефельдъ воздержался отъ уплаты этихъ денегъ канцлеру; съ этого времени гр. Бестужевъ возненавидѣлъ будто бы все, что̀ носило имя пруссака, и изъ личнаго мщенія побудилъ Елисавету заключить союзъ съ Австріей и Англіей. Вѣнскій дворъ могъ оказать Россіи поддержку противъ предпріятій Турціи, а лондонскій—наводнить С.-Петербургъ субсидіями. Затѣмъ Маріи Терезіи удалось порвать всякія сношенія между Фридрихомъ II и Елисаветой [1]). Пользуясь

---

[1]) Король-историкъ передаетъ здѣсь по памяти разсказъ объ отъѣздѣ Гросса изъ Берлина и, какъ часто, далеко не точно. По словамъ Histoire de la guerre de sept ans, король давалъ праздникъ въ Шарлоттенбургѣ по случаю свадьбы принца Гейнриха съ принцессой гессенской. Присутствовали представители иностранныхъ державъ. Придворный фурьеръ, получившій приказаніе пригласить ихъ на ужинъ, не могъ найти Гросса, нарочно собравшагося уѣхать за полчаса до остальныхъ. На другой день посланникъ въ угоду гр. Бестужеву заявилъ, что послѣ оскорбленія, нанесеннаго императрицѣ въ его лицѣ, онъ не появится болѣе при дворѣ, и затѣмъ тайно покинулъ Берлинъ; тогда Фридрихъ II отозвалъ будто бы гр. Финкенштейна изъ С.-Петербурга. Въ этомъ разсказѣ все невѣрно съ начала до конца. Редакція изданія 1847 года отмѣтила, что Финкенштейнъ уже

отъѣздомъ прусскаго посланника изъ С.-Петербурга, австрійская дипломатія стала смѣло клеветать на прусскаго короля, убѣдила Елисавету, будто бы онъ составилъ заговоръ противъ ея жизни ради возведенія на престолъ Іоанна Брауншвейгскаго и пробудила въ ней непримиримую ненависть къ Фридриху II. Волнуя всю Европу своими интригами и неслышно составляя заговоръ противъ Пруссіи, Марія Терезія и теперь еще оттягивала развязку, чтобы закончить свои приготовленія. Наконецъ, вѣнскій дворъ подстрекнулъ герцога мекленбургскаго воспротивиться праву вербовки въ его владѣніяхъ, которымъ съ незапамятныхъ временъ пользовались предки Фридриха II. Король силой возстановилъ свое право; его вербовщики увели нѣсколько мекленбургскихъ солдатъ, а власти, сопротивлявшіяся набору, были арестованы. Герцогъ сначала поднялъ было шумъ, но, видя безполезность его, пошелъ на полюбовную сдѣлку. Вскорѣ послѣ этого Марія Терезія убѣдилась, что между Англіей и Франціей готова вспыхнуть война, и стала искать предлога, чтобы порвать съ Пруссіей. Въ этихъ видахъ она побудила герцога мекленбургскаго принести жалобу сейму въ Регенсбургѣ. Вѣнскій дворъ пытался истолковать все дѣло, какъ нарушеніе Вестфальскаго мира, и думалъ воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы объявить войну королю и потребовать тогда помощи у всѣхъ державъ, гарантировавшихъ миръ. Это дѣло не удалось австрійскому дому, но ему нетрудно было отыскать другой предлогъ. Когда государи ищутъ разрыва, то конечно уже не затрудненія съ манифестомъ могутъ остановить ихъ. Они приходятъ къ рѣшенію, ведутъ войну и предоставляютъ какому-нибудь трудолюбивому юристу заботу оправдать ихъ (ils font la guerre et ils laissent à quelque jurisconsulte laborieux le soin de les justifier). Случай, нетерпѣливо ожидаемый въ Вѣнѣ, вскорѣ представился. Утрехтскій миръ неясно опредѣлилъ границы Канады, изъ за которыхъ шли распри между англичанами и французами въ Америкѣ. Ахенскій миръ торопливо предоставилъ установленіе границъ въ колоніяхъ особой комиссіи по назначенію спорящихъ дворовъ; но совѣщанія комиссаровъ вмѣсто того, чтобы примирить умы обѣихъ націй, только усилили взаимное раздраженіе. Съ конца 1754 года война между Англіей и Франціей казалась уже неминуемой. Версальскій дворъ замѣтно обнаруживалъ гораздо

въ 1749 году былъ снова въ Пруссіи, а свадьба пр. Гейнриха совершилась въ іюнѣ 1752 года, тогда какъ Гроссъ покинулъ Берлинъ въ концѣ 1750 года.

больше умѣренности, и дурные пріемы были пущены въ ходъ только англичанами. Подъ страхомъ войны оба короля старались усилить свою партію, завязать новые союзы и укрѣпить старые. Англичане и французы заискивали у Фридриха II. Его союзъ съ версальскимъ дворомъ еще не истекъ [1]), но въ виду всѣхъ обстоятельствъ казалось, что удѣломъ Пруссіи будетъ оставаться нейтральной и простой зрительницей волненій. Франція смотрѣла на ея короля, почти какъ на своего вассала, обязаннаго начать войну по первому приказу. Однако ея министръ иностранныхъ дѣлъ Рульэ тщетно старался черезъ Книпгаузена втянуть Фридриха II въ предпріятіе противъ Ганновера, соблазняя его богатой добычей. Переговоры въ этомъ смыслѣ стали оживленными къ концу 1755 года и тревожили англійскаго короля. Тогда Георгъ II поручилъ своему государственному секретарю Гольдернессу завести съ берлинскимъ дворомъ переговоры о заключеніи оборонительнаго союза. Гольдернессъ сдѣлалъ первыя предложенія Фридриху II черезъ герцога брауншвейгскаго. При тогдашнемъ положеніи Пруссіи отъ ея рѣшенія зависѣлъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Возобнови она договоръ съ Франціей, и ей пришлось бы атаковать Ганноверъ, а этимъ она навлекла бы на себя силы англичанъ, австрійцевъ, русскихъ. Напротивъ, заключая союзъ съ Англіей, она, казалось, могла этимъ воспрепятствовать французамъ перенести войну въ имперію и сближалась съ Великобританніей и Россіей, а этотъ тройственный союзъ принудилъ бы и императрицу-королеву блюсти миръ, при всемъ ея желаніи вернуть Силезію и несмотря на всѣ сдѣланныя ею приготовленія къ тому, чтобы открыть военныя дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ. Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться, король счелъ нужнымъ выяснить себѣ настроеніе Россіи и обратился съ запросомъ къ Гольдернессу и Клинггрэффену (?), беретъ ли въ С.-Петербургѣ перевѣсъ вліяніе вѣнскаго, или лондонскаго двора. Клинггрэффенъ видѣлъ въ русскихъ только корыстолюбивыхъ наемниковъ и былъ убѣжденъ, что они богатую Англію предпочтутъ Австріи, стѣсненной въ средствахъ на собственные расходы. Отвѣтъ Гольдернесса говорилъ о полномъ единодушіи между Лондономъ и С.-Петербургомъ; король Георгъ твердо уповалъ на дружбу императрицы Елисаветы. Свѣдѣнія, сообщенныя королю его послан-

[1]) По „Hist. de la guerre d. s. a." союзъ истекалъ въ мартѣ 1756 года, но король, вѣроятно, хотѣлъ сказать въ маѣ. Редакція изданія 1847 года приводитъ 5-ое іюня 1741 года для договора въ Бреславлѣ на 15 лѣтъ по 1756 г. и 5-ое іюня 1744 г. для договора въ Версалѣ на неопредѣленное время.

никомъ изъ Гааги, только подтверждали представленіе о томъ, что Россія тѣснѣе связана съ Англіей, нежели съ Австріею. Тогда Фридрихъ II далъ отвѣтъ Гольдернессу и высказалъ свое согласіе на то, чтобы сообща принять оборонительныя мѣры для обезпеченія нейтралитета Германіи. Такъ состоялся договоръ между Пруссіей и Англіей, подписанный въ Лондонѣ 16-го января 1756 года. Обѣ державы приняли на себя обязательства препятствовать вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію. Изъ двухъ тайныхъ статей одна изъяла австрійскіе Нидерланды изъ подъ дѣйствія гарантіи, другая обязала Георга II заплатить 20 тыс. ф. ст. прусскимъ купцамъ въ возмѣщеніе за убытки, причиненные имъ англійскими каперами во время послѣдней войны. Договоръ былъ полученъ въ Берлинѣ около мѣсяца спустя послѣ прибытія герцога Ниверпэ, посланнаго Людовикомъ XV для возобновленія Версальскаго договора и вовлеченія Фридриха II въ замыслы противъ Ганновера. Прусскій король отклонилъ отъ себя всѣ французскія предложенія—и комичное вознагражденіе въ видѣ острова Табаго [1]), и возобновленіе договора, и участіе въ войнѣ. Чтобы доказать версальскому двору свою искренность и убѣдить его въ невинномъ характерѣ своихъ новыхъ обязательствъ, онъ показалъ герцогу Ниверпэ трактатъ, подписанный въ Лондонѣ. Фридрихъ II, по его собственнымъ словамъ, союзомъ съ Англіей нисколько не нарушалъ своего слова, такъ какъ договоръ съ Франціей истекалъ черезъ два (?) мѣсяца, но въ Версалѣ заговорили объ измѣнѣ прусскаго короля, коварно предавшаго своихъ прежнихъ союзниковъ (il ne s'agissait à Versailles que de la défection du roi de Prusse qui abandonnait perfidement ses anciens alliés). Уже теперь можно было ждать, что Франція въ своей досадѣ не ограничится одними словами. Мысль графа Кауница о союзѣ между Вѣной и Версалемъ нашла теперь благодарную почву для себя; при живости французскаго характера она вдругъ представилась высшимъ проявленіемъ утонченности въ политикѣ. Предложенія графа Штаремберга были приняты, и 1-го мая 1756 г. подписанъ Версальскій договоръ, пресловутое „единеніе двухъ великихъ державъ“. Договоръ былъ въ сущности оборонительный, но именно онъ поощрилъ императрицу-королеву приступить къ осуществленію давно задуманнаго исполинскаго замысла. Съ этихъ поръ миръ висѣлъ на волоскѣ, не доставало

[1]) Островъ Табаго офиціально не могъ быть предложенъ Фридриху II. См. ниже о миссіи герцога Ниверпэ.

только предлога для войны; вскорѣ она оказалась уже неизбѣжной, такъ какъ всѣ политики обманулись на счетъ Россіи. Австрійскія интриги взяли верхъ въ С.-Петербургѣ, и Елисавета порвала съ англійскимъ королемъ изъ ненависти къ его союзу съ Пруссіей. Графъ Бестужевъ колебался нѣкоторое время между страстью къ гинеямъ и ненавистью къ королю; враждебное чувство взяло верхъ. Русская императрица предпочла соединиться даже съ недавнимъ врагомъ — съ Франціей, чтобы только не идти заодно съ союзницей Фридриха II. Вѣнскій дворъ увлекъ Россію къ демонстраціямъ въ Ливоніи; пятидесятитысячная русская армія на границахъ Пруссіи внушала опасенія. Изъ с.-петербургскихъ депешъ, сообщаемыхъ Менцелемъ [1]), стало, однако, извѣстно, что русскій дворъ не можетъ начать войну въ текущемъ году вслѣдствіе того, что флотъ не въ состояніи еще выйти въ море, но зато обѣщаетъ употребить всѣ усилія на слѣдующій. Тогда король рѣшилъ послать въ Померанію корпусъ изъ 10 батальоновъ и 20 эскадроновъ въ видѣ резерва. Это войско расположилось у Штольпа, откуда оно, не вызывая пока тревоги въ Россіи, при малѣйшемъ движеніи непріятеля могло подкрѣпить маршала Левальдта. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и вѣнскій дворъ стянулъ въ Богеміи войска больше, чѣмъ обыкновенно; одна армія стала лагеремъ у Кёниггреца, другая, главная, подъ начальствомъ Броуна—въ окрестностяхъ Праги. Кромѣ того австрійцы стали готовить въ Богеміи магазины и собирать лошадей для обоза и артиллеріи, т. е. дѣлали приготовленія, обычныя въ тѣхъ случаяхъ, когда одна держава собирается сдѣлать нападеніе на другую. Депеши изъ Дрездена сообщали, будто бы Марія Терезія расчитываетъ воспользоваться распрей между Фридрихомъ II и герцогомъ мекленбургскимъ, какъ наиболѣе удобнымъ поводомъ, чтобы атаковать короля [2]). Извѣстіе объ

[1]) Фридрихъ II получилъ это извѣстіе не отъ Менцеля, а изъ Голландіи. При изложеніи исторіи Семилѣтней войны память въ частностяхъ нерѣдко измѣняла королю.

[2]) Здѣсь Фридрихъ II еще разъ повторяетъ сущность своей распри съ герцогомъ мекленбургскимъ и, утверждая, что именно она послужила поводомъ для сосредоточенія австрійскихъ армій въ Богеміи, впадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что разсказалъ раньше: nous verrons dans la suite de cet ouvrage que, quoique ce prétexte manquât à la cour de Vienne, il ne lui fut pas difficile d'en trouver un autre. Подъ „другимъ предлогомъ" король могъ разумѣть только посылку прусскаго корпуса въ Померанію въ отвѣтъ на русскія вооруженія. Дѣйствительно, Фридрихъ II вступилъ въ предѣлы Саксоніи раньше, чѣмъ его распря съ герцогомъ мекленбургъ-шверинскимъ могла разрѣшиться на сеймѣ въ Регенс-

этомъ замыслѣ и сосредоточеніе трехъ армій на границахъ Пруссіи побудили Фридриха II сдѣлать въ Вѣнѣ запросъ о причинахъ громадныхъ вооруженій. Графъ Кауницъ далъ королю двусмысленный отвѣтъ, но въ то же время будто бы откровенно высказался въ разговорѣ съ саксонскимъ посланникомъ графомъ Флеммингомъ, что своими отвѣ-

---

бургѣ. Бранденбурго-прусскіе государи издревле набирали часть своего войска въ сосѣднемъ Мекленбургъ-Шверинѣ, но формально не имѣли на то никакого права; ни титулы курфюрста и директора Нижнесаксонскаго округа (по Магдебургу), ни условныя права на наслѣдованіе (Eventualsuccession), хотя Фридрихъ II и ссылался на нихъ, не могли дать имъ этой власти. Первое столкновеніе съ администраторомъ Мекленбургъ-Шверина, герцогомъ Христіаномъ Людвигомъ, король имѣлъ еще до своего восшествія на престолъ по поводу ареста двухъ вербовщиковъ его Руппинскаго полка. Въ концѣ 1747 года герцогъ Христіанъ Людвигъ наслѣдовалъ (28-го ноября) своему брату и съ 1750 года (съ мая мѣсяца) назначилъ своимъ вицеканцлеромъ фонъ-Дитмара (v. Ditmar), человѣка горячаго, упрямаго и крайне враждебнаго Пруссіи. Когда въ 1753 году прусскіе вербовщики силой увели изъ Малхина мекленбургскаго мушкетера, то подъ вліяніемъ фонъ-Дитмара шверинское правительство прибѣгло къ репрессаліямъ и велѣло арестовать какого-то драгуна Байрейтскаго полка. Набѣгъ прусскаго отряда (Streifzug) и угрозы короля побудили герцога на этотъ разъ освободить драгуна и нѣсколько арестованныхъ имъ вербовщиковъ, но съ этого времени укоренился обычай возстановлять свое право насиліемъ. 28-го ноября 1754 года герцогъ Христіанъ Людвигъ издалъ новый патентъ противъ вербовщиковъ. Всякая вербовка силой или по доброй волѣ, въ городахъ или въ сельскихъ мѣстностяхъ, мѣстными или пришлыми вербовщиками—отнынѣ безусловно запрещалась чужимъ правительствамъ, подъ страхомъ штрафа въ 500 талеровъ и другихъ каръ. Кто служилъ шпіономъ для вербовщиковъ, тому грозила висѣлица; самихъ вербовщиковъ велѣно было повсюду преслѣдовать и при малѣйшемъ сопротивленіи прибѣгать къ насилію, не щадя ихъ жизни. Горожане и крестьяне, несшіе военную службу въ чужихъ государствахъ, утрачивали право гражданства и свои дворы и должны были немедленно взять къ себѣ своихъ женъ; дѣти же ихъ и имущество, остававшееся въ пользу этихъ послѣднихъ, попадали подъ правительственную опеку. Ни одинъ чужой военный—офицеръ, унтеръ-офицеръ, рядовой—не могъ безъ особаго разрѣшенія герцога оставаться въ предѣлахъ Мекленбургъ-Шверина долѣе 24 часовъ, а на эти льготныя сутки отдавался подъ присмотръ. Для прусской арміи это былъ жгучій вопросъ о жизни и смерти. Примѣру Мекленбургъ-Шверина легко могли послѣдовать другія территоріи, и тогда Фридрихъ II не могъ бы долѣе пополнять свое войско, превосходившее размѣрами силы его государства. Споръ шелъ теперь уже не изъ-за правонарушеній и насилій, сопровождавшихъ прусскіе наборы, а принципіально о правѣ вербовки вообще. Осенью 1755 года былъ арестованъ въ Мекленбургѣ прусскій унтеръофицеръ (полка Ухлендора), проводившій тамъ свой отпускъ. Когда рѣзкая королевская нота (отъ 16-го сентября 1755 года) не подѣйствовала на герцога, тогда Фридрихъ II приказалъ 26-го октября командиру гусаръ Цитена въ Пархимѣ

тами онъ намѣренъ раздражать Фридриха II и побудить его первымъ начать военныя дѣйствія (?). Копія съ депеши графа Флемминга была сообщена королю въ Берлинѣ. Было очевидно, что Марія Терезія ждетъ только времени, когда всѣ ея союзники будутъ готовы для нападенія на Пруссію соединенными силами. Королю приходилось

фонъ-Горну тайкомъ овладѣть нѣсколькими мекленбуржцами, исключительно изъ подданныхъ, зависимыхъ не отъ тамошней знати, а непосредственно отъ самого герцога, и увести ихъ въ заключеніе въ Пархимъ. Въ общемъ при набѣгахъ въ началѣ ноября было захвачено въ Мекленбургѣ 26 герцогскихъ чиновниковъ и арендаторовъ различныхъ разрядовъ и уведено въ Шпандау; они должны были оставаться здѣсь заложниками, пока герцогъ не отпуститъ захваченныхъ имъ пруссаковъ, не возьметъ назадъ новаго патента и не дозволитъ добровольной вербовки (freiwillige Werbung). Еще въ декабрѣ 1754 года мекленбургскіе тайные совѣтники фонъ-Дитмаръ и графъ Бассевицъ отъ имени своего герцога грозили Фридриху II подать жалобу императору и сейму. Въ Вѣнѣ внимательно слѣдили за развитіемъ ссоры, и въ письмѣ отъ 30-го декабря 1755 года Христіанъ Людвигъ предупредилъ прусскаго короля, что онъ принужденъ отдать все дѣло на разсмотрѣніе рейхсгофрата и рейхстага. Фридрихъ II рѣшился не уступать и отвѣчалъ герцогу 13-го января 1756 года, что онъ не можетъ дозволить родственному государю угрожать смертью прусскимъ вербовщикамъ, ударять, какъ въ военное время, въ набатъ при появленіи его солдатъ въ Мекленбургѣ и карать ихъ висѣлицей, словно воровъ и разбойниковъ. Но въ началѣ января 1756 года жалоба мекленбургскаго герцога (Promemoria отъ 30-го декабря 1755 года) уже поступила въ рейхсгофратъ. Въ то же время въ отвѣтъ на утвержденіе Фридриха II, будто бы онъ имѣетъ право производить наборъ въ территоріяхъ сосѣднихъ имперскихъ чиновъ, герцогъ (въ письмѣ отъ 24-го января 1756 года) подымалъ вопросъ, какому имперскому чину дозволитъ король вербовать въ его собственныхъ владѣніяхъ цвѣтъ мужской молодежи и по добру, хитростью или насиліемъ уводить ее въ военную службу на чужбинѣ. Предложеніе—покончить все дѣло миромъ между собой, посланное въ Шверинъ 3-го февраля 1756 года, не могло болѣе имѣть успѣха у герцога, такъ какъ рейхсгофратъ принялъ уже къ свѣдѣнію жалобу Мекленбурга на нарушеніе земскаго мира вмѣстѣ съ просьбой Христіана Людвига о rescriptum dehortatorium et simul de relaxandis captivis и 19-го февраля далъ отзывъ для императора (votum ad Imperatorem) въ томъ смыслѣ, чтобы послать курфюрсту бранденбургскому увѣщаніе. Ободряемый успѣхами въ Вѣнѣ, герцогъ принялъ твердый тонъ въ отвѣтѣ Фридриху II отъ 18-го февраля, получившемъ значеніе ультиматума: Мекленбургъ не можетъ болѣе идти на сдѣлку; пусть императорская власть рѣшитъ, права ли Пруссія. Если король серьезно ищетъ мира, то пусть онъ дастъ обѣщаніе не дѣлать герцогству того, чего не дѣлаютъ ему самому другіе имперскіе чины, освободить герцогскихъ чиновниковъ, арендаторовъ и другихъ подданныхъ, захваченныхъ съ ноября, и избавить Мекленбургъ на будущее время отъ всякихъ наборовъ. Въ виду новыхъ прусскихъ набѣговъ въ февралѣ, герцогъ послалъ 26-го числа вторичную жалобу императору, а въ мартѣ Фридрихъ II уже зналъ, что согласіе императора на постановленіе рейхсгофрата почти обезпечено. Прусское министерство тотчасъ же

выбирать, предупредить ли своихъ враговъ немедленнымъ нападеніемъ, или ждать, когда они закончатъ свои приготовленія, и предоставить имъ свободу въ ихъ начинаніяхъ. Война во всякомъ случаѣ была неизбѣжна; вопросъ шелъ только о томъ, отложить ли ее на нѣсколько мѣсяцевъ, или начать теперь же. Фридрихъ II считалъ ко-

---

запретило своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Регенсбургѣ принимать какое-либо императорское посланіе. 2 апрѣля состоялось окончательное постановленіе рейхсгофрата — послать королю прусскому, какъ курфюрсту бранденбургскому, rescriptum Caesareum dehortatorium въ отборныхъ, мягкихъ выраженіяхъ; рескриптъ указывалъ, что поведеніе Фридриха II противорѣчитъ установленіямъ имперіи, земскому миру, Вестфальскому трактату и правамъ каждаго чина въ предѣлахъ своихъ земель. Заботу о врученіи рескрипта королю имперское правительство предоставило самому герцогу мекленбургскому. Шверинскій дворъ счелъ самымъ безопаснымъ переслать подлинникъ рескрипта безъ всякихъ формальностей по почтѣ въ Потсдамъ. Но тамъ были на-сторожѣ; пакетъ, полученный 17-го апрѣля, былъ нераспечатаннымъ доставленъ министру Подевильсу; по повелѣнію короля онъ такъ никогда и не былъ вскрытъ (до января 1876 г.). Эта процессуальная ошибка враговъ давала Фридриху II возможность затянуть дѣло, не прибѣгая къ самому главному доводу—о неподсудности императору дѣлъ чисто военныхъ. Между тѣмъ одновременно съ увѣщаніемъ въ Берлинъ (Dehortatorium) пошелъ въ апрѣлѣ и декретъ императора сейму съ просьбой о поддержкѣ со стороны имперіи для дальнѣйшихъ мѣропріятій (Commissionsdecret). Представитель Мекленбурга на сеймѣ, фонъ-Тейфель, сдѣлалъ ошибку, вступая въ близкое общеніе исключительно съ представителями императора и католическихъ чиновъ имперіи, хотя и часть протестантскихъ чиновъ выражала свое сочувствіе герцогу. Этимъ воспользовался прусскій посланникъ фонъ-Плото (von Plotho) и старался придать всей распрѣ религіозную окраску; такой оборотъ дѣла заставилъ бы, напримѣръ, протестантскій Вюртембергъ забыть о своей ненависти противъ вербовщиковъ Фридриха II. Прусскіе министры въ Берлинѣ дѣйствовали далеко не съ той увѣренностью, какъ фонъ-Плото въ Регенсбургѣ. Стараясь по обязанности всевозможными доводами поддержать притязанія своего короля, они не скрывали отъ него своего убѣжденія въ ихъ неосновательности. Въ докладѣ отъ 25-го апрѣля 1756 г. министры объясняли, что нѣтъ и не было договора, дававшаго бы Фридриху II право на вербовку въ Мекленбургѣ: Фридрихъ Вильгельмъ I могъ производить свои наборы, только благодаря уступчивости герцоговъ и неустройствамъ въ герцогствѣ; при Фридрихѣ II воображаемое право осуществлялось уже только насиліемъ. Несмотря на свои усилія, фонъ-Плото все-таки не могъ положиться на весь евангелическій корпусъ имперіи. Протестантскіе чины, близкіе къ Пруссіи, какъ курфюрстъ ганноверскій, герцогъ Карлъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, ландграфъ Вильгельмъ Гессенъ-Кассельскій предлагали свое посредничество для примиренія враждующихъ сторонъ; но зато Карлъ Евгеній Вюртембергскій и маркграфъ Людвигъ Георгъ Баденскій признали образъ дѣйствія Пруссіи несправедливымъ. Рѣзче высказывались католическіе чины: архіепископъ трирскій самъ готовъ былъ жаловаться на прусскіе наборы въ его владѣніяхъ; архіепископъ майнцскій Фридрихъ Карлъ графъ Остейнъ, бывшій директоромъ

роля польскаго однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ заговорѣ Маріи-Терезіи противъ Пруссіи. Саксонская армія была, правда, слаба и не превышала 18 тысячъ человѣкъ, но въ теченіе зимы ее предполагалось довести до 40 тысячъ. Такъ какъ Россія не могла принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ этого года, а Саксонія еще

имперскаго сейма, уполномочилъ своего посланника начать дѣйствовать такъ, какъ требуютъ въ такихъ случаяхъ законы имперіи. Между тѣмъ въ половинѣ мая 1756 года представитель Мекленбурга на сеймѣ, Тейфель фонъ-Пюркензе (Teuffel von Pürckensee), выступилъ съ предложеніями полюбовной сдѣлки; по его мнѣнію, прусскій король долженъ былъ дать заявленіе, что онъ никогда не тронетъ герцогскихъ правъ на Мекленбургъ и будетъ впредь производить вербовку только съ предварительнаго разрѣшенія герцога и избѣгая тѣхъ насилій, которыя подали поводъ для патента. Напротивъ, и фонъ-Плото, и самъ король ставили непремѣннымъ условіемъ полюбовной сдѣлки предварительную отмѣну ноябрьскаго патента; съ другой стороны берлинскій дворъ принялъ посредничество, предложенное ганноверскимъ министерствомъ. 30-го мая умеръ герцогъ Христіанъ Людвигъ Мекленбургскій, но дѣло шло своимъ чередомъ. По поводу вторичной жалобы герцога рейхсгофратъ постановилъ (26-го и 29-го мая) послать Фридриху II новое увѣщаніе; на этотъ разъ рескриптъ, утвержденный императоромъ Францемъ I (Dehortatorium), былъ болѣе рѣзокъ, назначалъ прусскому королю двухмѣсячный срокъ для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ герцогства Мекленбурга и грозилъ прибѣгнуть затѣмъ къ законнымъ мѣрамъ въ силу своей судебной власти. Шверинскій дворъ не сталъ, однако, пересылать въ Берлинъ этого вторичнаго увѣщанія. Зато враги Фридриха II на сеймѣ съ представителемъ архіепископа майнцскаго во главѣ рѣшили не обращать вниманія на близость полюбовной сдѣлки и стали на точку зрѣнія, что независимо отъ частнаго примиренія между Мекленбургомъ и Пруссіей все-таки долженъ быть разсмотрѣнъ принципіальный вопросъ о правѣ вербовки въ чужихъ государствахъ. Новый герцогъ Фридрихъ въ половинѣ іюня послалъ къ берлинскому двору фонъ-Форстнера возвѣстить о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ Фридриха II въ доказательство дружелюбія отпустить на волю его чиновниковъ и т. п., захваченныхъ и уведенныхъ съ 3-го ноября прошлаго года. Король выразилъ свое согласіе освободить захваченныхъ имъ заложниковъ, если герцогъ Фридрихъ приметъ условія полюбовной сдѣлки, выработанныя Тейфелемъ. 30-го іюня онъ узналъ отъ фонъ-Форстнера, что герцогъ одобрилъ эти условія, и тотчасъ же послалъ распоряженіе въ Шпандау выпустить на волю узниковъ. Мекленбургскія требованія, представленныя въ іюлѣ Подевильсу въ десяти параграфахъ, не отличались уступчивостью. Фридрихъ II долженъ былъ обѣщать не нарушать верховныхъ правъ герцога и производить вербовку въ мекленбургскихъ владѣніяхъ каждый разъ только съ его письменнаго разрѣшенія; насильственно завербованные или арестованные подданные герцога пусть будутъ отпущены на волю, а на будущее время приняты мѣры противъ злоупотребленій силой. По восьмому параграфу для этой полюбовной сдѣлки требовалось испросить согласіе императора и гарантію сейма, но Фридрихъ II и его министры не хотѣли и слышать о вмѣшательствѣ германской имперіи и Франца I въ распрю между Пруссіей и

не успѣла довести свои приготовленія до совершенства, то все говорило въ пользу того, чтобы предупредить враговъ, перенести театръ войны въ ихъ владѣнія и пріобрѣсти надъ ними преимущества уже въ первую же кампанію. Напротивъ, отложивъ военныя дѣйствія изъ неумѣстной тонкости чувства (par une délicatesse déplacée) до слѣ-

Мекленбургомъ. На этомъ разногласіи переговоры въ Берлинѣ оборвались было 26-го іюля, но фонъ-Тейфель умѣлымъ давленіемъ на прусскаго посланника въ Регенсбургѣ все-таки довелъ ихъ до конца. Представитель Мекленбурга сообщилъ фонъ-Плото свой послѣдній наказъ настаивать передъ директоріей сейма на разсмотрѣніи спорнаго дѣла и торопилъ его согласиться на полюбовную сдѣлку еще до 2-го августа. Въ послѣднюю минуту фонъ-Плото добился, впрочемъ, нѣкоторыхъ уступокъ: право наказывать вербовщиковъ признавалось за герцогомъ только въ тѣхъ случаяхъ, если на его жалобы не послѣдовало тотчасъ же достаточнаго удовлетворенія; ему возвращались только тѣ подданные, которые были силой завербованы или арестованы послѣ 3-го ноября 1755 года; отъ имперской гарантіи фонъ-Тейфель отказался, но согласіе императора считалъ неизбѣжнымъ, а ноябрьскій патентъ призналъ утратившимъ значеніе вмѣстѣ со смертью Христіана Людвига. Съ этими оговорками фонъ-Плото подписалъ полюбовную сдѣлку 1-го августа 1756 года. Но Фридриху II было теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, трудно согласиться на императорское утвержденіе, такъ какъ война съ Австріей уже была въ виду. Плото думалъ, что денежнымъ подаркомъ Тейфелю можно еще склонить его отказаться отъ этого требованія, но королевской ратификаціи сдѣлки во всякомъ случаѣ не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе прусскій посланникъ достигъ своей цѣли: жалобы Мекленбурга не были доложены сейму, который 6-го августа отсрочилъ свои засѣданія до октября. Разгромъ Саксоніи при началѣ Семилѣтней войны отодвинулъ весь мекленбургскій вопросъ на задній планъ. При свиданьѣ съ Плото 24-го августа фонъ-Тейфель согласился на новую уступку—присоединить къ полюбовной сдѣлкѣ добавочную статью въ томъ смыслѣ, что герцогъ не станетъ искать ни императорской конфирмаціи, ни имперской гарантіи, пока король будетъ блюсти договоръ. Эту добавочную статью вмѣстѣ съ просьбой Плото о тысячѣ талеровъ для фонъ-Тейфеля Фридрихъ II получилъ, уже будучи въ предѣлахъ Саксоніи. Король согласился на нее, но высказалъ мнѣніе, что, услышавъ о войнѣ, герцогъ уступитъ еще болѣе. Однако, вопреки его предсказаніямъ герцогъ Фридрихъ не захотѣлъ ратификовать даже добавочную статью отъ 24-го августа, такъ какъ онъ далъ обѣщаніе вѣнскому двору тотчасъ послѣ ратификаціи Регенсбургской сдѣлки просить императора объ ея утвержденіи и о гарантіи имперіи. Тѣсная связь между Мекленбургомъ и Австріей стала теперь очевидной. См. Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II. Въ офиціальныхъ документахъ намъ нигдѣ не попадалось извѣстіе изъ Дрездена, будто бы Марія Терезія думаетъ воспользоваться распрей между Пруссіей и Мекленбургомъ, какъ поводомъ для нападенія на Фридриха II. Одно время король самъ былъ готовъ согласиться на то, чтобы герцогъ мекленбургъ-шверинскій обратился со своими жалобами къ императору и сейму (Pol. Corr., B. X, № 7228). Фридрихъ II только подозрѣвалъ, что вѣнскій дворъ хочетъ косвенно помѣшать ему увеличивать свою армію наборами (№ 7458, апрѣль 1756 года). По

дующаго года, Фридрихъ II облегчилъ бы врагамъ ихъ задачу—атаковать короля соединенными силами въ его собственныхъ владѣніяхъ. Страшная кличка „нападающей стороны", способная запугать малодушныхъ, не могла остановить Фридриха II, когда дѣло шло о благѣ отечества, такъ какъ истиннымъ нарушителемъ мира (agresseur) былъ по его мнѣнію тотъ, кто принудилъ другого вооружиться и первому начать войну менѣе трудную, чтобы избѣжать другой, болѣе опасной [1]). Итакъ, Фридрихъ II рѣшился вступить въ Саксонію, чтобы обезоружить войско курфюрста, если бы онъ нашелъ его разсѣяннымъ по квартирамъ, или атаковать его, если оно сомкнулось въ одинъ корпусъ. Въ виду злостныхъ намѣреній дрезденскаго двора, обнаруживавшихся въ депешахъ саксонскихъ министровъ, которыя были въ рукахъ у короля, и памятуя о коварномъ поведеніи курфюрста въ 1744 году, прусская армія, направляясь впередъ въ Богемію, не могла оставить вооруженнаго непріятеля у себя въ тылу [2]). Таковъ взглядъ

сообщенію фонъ-Плото изъ Регенсбурга отъ 21-го іюня 1756 года, представители Курмайнца и Австріи дѣйствительно добивались того, чтобы сеймъ поручилъ императору защитить герцога мекленбургскаго и добиться для него удовлетворенія (B. XII, S. 486: „dem Kaiser als obristen Richter aufgetragen würde, mit allem nöthigen Nachdruck den Herzog von Mecklenburg zu schützen, auch demselben Satisfaction zu verschaffen").

[1]) Le véritable agresseur est sans doute celui qui oblige l'autre à s'armer et à le prévenir par l'entreprise d'une guerre moins difficile, pour en éviter une plus dangereuse.

[2]) Къ III-й главѣ своей Histoire de la guerre de sept ans Фридрихъ II приложилъ Pièces justificatives изъ печатнаго экземпляра Mémoire raisonné 1756 года; это документы, заимствованные королемъ изъ дрезденскаго архива и въ свое время обнародованные въ оправданіе прусскаго вторженія въ Саксонію и Богемію и въ доказательство того, что вѣнскій дворъ и его союзники уже раньше составили заговоръ противъ Пруссіи. См. Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III. Тотчасъ по полученіи австрійскаго отвѣта на свой ультиматумъ король отдалъ 12-го сентября новаго стиля приказъ своему министерству напечатать акты, добытые изъ курфюршескаго архива, и документально доказать, что со времени дрезденскаго мира саксонскіе министры строили козни противъ него при иностранныхъ дворахъ. Архивные документы были получены въ Берлинѣ 21-го сентября новаго стиля, а министерство поручило просмотрѣть и обнародовать ихъ молодому дипломату тайному легаціонному совѣтнику Эвальду Фридриху фонъ-Герцбергу. Министръ Финкенштейнъ и фонъ-Герцбергъ были согласны между собой, что, не ограничиваясь оправданіемъ мѣропріятій короля противъ Саксоніи, надо изобличить и воинственную политику вѣнскаго двора. Когда „подтвержденная доказательствами записка" фонъ-Герцберга была уже готова и исправлена къ 4-му октября, то Финкенштейнъ, въ виду щекотливыхъ

самого короля на происхожденіе Семилѣтней войны, высказанный имъ въ ея исторіи.

Но еще задолго до своей Histoire de la guerre de sept ans и

отношеній съ Россіей, нашелъ нужнымъ запросить о ней отзывъ у Фридриха II. Между тѣмъ король и безъ того торопилъ министерство обнародовать скорѣе очеркъ переговоровъ графа Брюля о раздѣлѣ Пруссіи въ духѣ майской сдѣлки 1745 года и депешу графа Флемминга отъ 28-го іюля (Pol. Corr., XIII, № 8160); получивъ на полѣ битвы у Лобозица (Pol. Corr., XIII, № 8175) на просмотръ работу фонъ-Герцберга, Фридрихъ II послалъ министрамъ упрекъ за недостатокъ самостоятельности и напрасную потерю времени; самую записку король нашелъ слишкомъ сухой выдержкой изъ документовъ и требовалъ обоснованнаго изложенія несправедливаго и пагубнаго для него образа дѣйствія враговъ, принудившаго его предупредить ихъ и взяться за оружіе; полное умолчаніе о бесѣдѣ между графомъ Кауницемъ и графомъ Флеммингомъ по поводу своего перваго запроса онъ считалъ крупнымъ пробѣломъ и приказывалъ восполнить его, а главное пусть министры больше работаютъ и меньше спрашиваютъ (travaillez davantage et consultez moins, il faut agir et non pas attendre des ordres). Получивъ въ Берлинѣ 10-го октября укоры Фридриха II, министры рѣшили, что для полной переработки записки нѣтъ болѣе времени. При новомъ просмотрѣ своей работы фонъ-Герцбергъ дополнилъ необходимое, а Финкенштейнъ написалъ вступительныя строки и по соглашенію съ Подевильсомъ установилъ заглавіе: „Обоснованная доводами записка о поведеніи вѣнскаго и саксонскаго дворовъ и о ихъ опасныхъ замыслахъ противъ Его Величества короля прусскаго съ оригинальными оправдательными документами, дающими къ нимъ доказательства" („Mémoire raisonné sur la conduite des cours de Vienne et de Saxe et sur leurs desseins dangereux contre Sa Majesté le Roi de Prusse, avec les pièces originales et justificatives qui en fournissent les preuves"). 16-го октября закончилось печатаніе записки. Посылая полсотни экземпляровъ королю, министры въ донесеніи, составленномъ фонъ-Герцбергомъ, указывали, что обойти полнымъ молчаніемъ русскій дворъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ принималъ участіе во всѣхъ козняхъ противъ короля и былъ даже ихъ главной двигающей пружиной; составители постарались только щадить личность самой императрицы Елисаветы, выпустить имена ея министровъ и, насколько возможно, свалить все на вѣнскій дворъ. Съ 16-го октября началось и обнародованіе записки. Цѣль мемуара—доказать общественному мнѣнію, что король взялся за оружіе только ради собственной защиты противъ цѣлой цѣпи заговоровъ и предательствъ, злыхъ умысловъ и опасныхъ замысловъ двухъ сосѣднихъ дворовъ—саксонскаго и австрійскаго. Герцбергъ прослѣдилъ исторію заговора между Дрезденомъ и Вѣной со времени Лейпцигской сдѣлки 18-го мая 1745 года о раздѣлѣ прусскихъ владѣній въ случаѣ удачи войны. Русско-австрійскій договоръ 1746 года онъ считаетъ наступательнымъ, такъ какъ по 4-й тайной статьѣ даже война Фридриха II съ Россіей или Польшей должна была освободить Марію-Терезію отъ обязательствъ по отношенію къ Пруссіи, наложенныхъ на нее Дрезденскимъ миромъ. Приглашая Саксонію присоединиться къ этому „оборонительному" договору, вѣнскій дворъ въ сущности предлагалъ возобновить сдѣлку о раздѣлѣ владѣній прусскаго короля. Правда, дрезденскій дворъ откладывалъ съ

даже раньше своего Exposé des motifs Фридрихъ II далъ опредѣленный отвѣтъ на тотъ же историческій вопросъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, современныхъ событіямъ. Эта „Политическая Корреспонденція"

года на годъ свое присоединеніе, но онъ многократно завѣрялъ союзниковъ, что готовъ всегда примкнуть къ союзу 1746 года, какъ только ему будетъ обезпечена доля въ завоеваніяхъ, а главное устранена всякая опасность, грозящая Саксоніи со стороны Фридриха II; онъ желалъ также, чтобы предварительно присоединился къ договору и Георгъ II, какъ курфюрстъ ганноверскій. Австрійскіе и саксонскіе министры общими усиліями старались вызвать случай, предусмотрѣнный 4-й тайной статьей союза; чтобы поссорить русскую императрицу съ Фридрихомъ II, они лживо приписывали ему замыслы противъ Россіи или даже противъ личности самой Елисаветы, противъ Польши или и въ шведскомъ вопросѣ. Подъ вліяніемъ этихъ клеветъ московскія придворныя конференціи отъ 14-го и 15-го мая 1753 года приняли, какъ основное правило для русской политики — стремиться къ сокращенію владѣній бранденбургскаго дома. С.-Петербургская конференція въ октябрѣ 1755 года вернулась къ этому постановленію и признала даже нужнымъ атаковать Фридриха II, какъ только онъ нападетъ на кого-либо изъ союзниковъ Россіи или подвергнется самъ нападенію съ ихъ стороны. Въ 1756 году апрѣльскія вооруженія Россіи были, правда, пріостановлены, но изъ депеши саксонскаго секретаря Прассе къ графу Брюлю (отъ 21-го іюня) Фридрихъ II будто бы узналъ (въ дѣйствительности изъ донесеній Сварта), что причиной тому только недостатокъ хорошихъ офицеровъ и матросовъ, магазиновъ и фуража для сухопутнаго войска. Графъ Флеммингъ, саксонскій посланникъ въ Вѣнѣ, высказывалъ въ депешахъ графу Брюлю увѣренность, что обязательствами, принятыми по конвенціи съ Англіей, Россія пользуется, только какъ предлогомъ, дабы скрыть истинную цѣль своихъ вооруженій—напасть неожиданно на прусскаго короля въ силу тайнаго соглашенія съ Австріей. По поводу перваго запроса Клинграффена графъ Кауницъ сознался графу Флеммингу, что онъ нарочно посовѣтовалъ Маріи-Терезіи отвѣтить Фридриху II уклончиво и совершенно обойти сущность вопроса, дабы безостановочно продолжать свои мѣропріятія, признанныя необходимыми. Съ самаго начала политической тревоги графъ Брюль игралъ роль давно условленную съ союзниками и надѣлъ пока маску нейтралитета, но въ то же время, еще за два мѣсяца до выступленія Фридриха II въ походъ, черезъ графа Флемминга предлагалъ (отъ 1-го іюля 1756 года) вѣнскому двору принять мѣры противъ движенія прусской арміи черезъ Саксонію, сосредоточить ради этого войско въ округахъ Богеміи, смежныхъ съ курфюршествомъ, и приказать австрійскому фельдмаршалу Брауну войти въ тайное соглашеніе съ фельдмаршаломъ графомъ Рутовскимъ. Графъ Кауницъ далъ на это предложеніе сочувственный отвѣтъ и заодно съ Маріей-Терезіей совѣтовалъ курфюрсту готовиться къ возможнымъ событіямъ. Графъ Флеммингъ съ своей стороны совѣтовалъ графу Брюлю (въ депешѣ отъ 14-го іюля) согласиться на проходъ прусской арміи черезъ Саксонію и тогда уже принять мѣры по усмотрѣнію. Фонъ-Герцбергъ выводилъ отсюда, что саксонскіе министры, несмотря на отказъ формально присоединиться къ договору 1746 года, были все-таки зачинщиками и главными участниками (les auteurs et les principaux promoteurs) опасныхъ замысловъ противъ Фридриха II и ждали только

даетъ возможность не только провѣрить точность дипломатическихъ актовъ и историческаго разсказа короля, но и составить изъ отдѣльныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ письмахъ за 1755—56 гг., цѣльный очеркъ прусской политики передъ началомъ войны.

Вплоть до марта 1755 года Фридрихъ II считалъ правдоподобнымъ, что распря между Англіей и Франціей изъ за владѣній въ

раздробленія силъ короля, чтобы снять маску. Къ Mémoire raisonné фонъ-Герцбергъ приложилъ 29 выдержекъ изъ документовъ саксонскаго архива, которыя Фридрихъ II включилъ и въ свою „Исторію Семилѣтней войны" (Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III). Такъ какъ король не имѣлъ болѣе основанія щадить Россію, то въ противоположность фонъ-Герцбергу выдвинулъ въ своей „Исторіи" не столько переговоры между Австріей и Саксоніей, сколько наступательное соглашеніе противъ него обѣихъ императрицъ. Говоря объ Австріи, Фридрихъ II приводитъ фразу, будто бы сказанную графомъ Кауницемъ по поводу перваго запроса Клинггрэффена и сообщенную графомъ Флеммингомъ въ Дрезденъ: „Le comte Kaunitz se propose d'inquiéter le Roi par ses réponses et de le pousser à commettre les premières hostilités". Но въ депешѣ графа Флемминга отъ 28-го іюля 1756 года, передающей его разговоръ съ австрійскимъ канцлеромъ, этихъ словъ нѣтъ. Вѣроятно, король по памяти передалъ здѣсь своими словами общее впечатлѣніе разсказа саксонскаго посланника и впалъ въ противорѣчіе съ оправдательными документами, приложенными затѣмъ къ III-й главѣ. Въ противоположность Фридриху II, его братъ принцъ Гейнрихъ высказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ мысль, будто бы войны можно было еще избѣжать, что она не вытекала изъ дѣйствительныхъ государственныхъ интересовъ, а возникла исключительно вслѣдствіе честолюбія Винтерфельдта, склонившаго короля къ наступленію ложнымъ изображеніемъ политическаго положенія. (См. Naudé, Aus ungedruckten Memoiren der Brüder Friedrichs des Grossen, въ Forschungen zur Brandenburg. und Preuss. Geschichte, B. I). Но принцъ Гейнрихъ былъ плохо освѣдомленъ относительно дипломатическихъ переговоровъ между дворами Европы, исполненъ личной непріязни къ Винтерфельдту и недовѣрія къ военнымъ и политическимъ дарованіямъ своего брата, а главное находился подъ вліяніемъ французской партіи и, во что бы то ни стало, защищалъ союзъ съ Версалемъ. Послѣ смерти Фридриха II и самъ графъ фонъ-Герцбергъ высказался въ томъ смыслѣ, что лѣтомъ 1756 года нападеніе на Пруссію далеко еще не было дѣломъ рѣшеннымъ и что Семилѣтняя война вызвана въ сущности измѣной одного саксонскаго чиновника и любопытствомъ самого короля. (См. статьи Weiss'а въ Historisches Jahrbuch, B. XVIII, 1897 и Prof. Heigel'я въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Jahrgang 1896—97, а также Waddington, Louis XV et le Renversement des Alliances, p. 523). Но и фонъ-Герцбергу были доступны только бумаги дрезденскаго архива, а о намѣреніи Маріи-Терезіи и Елисаветы напасть на Пруссію въ 1757 году Фридрихъ II зналъ изъ донесеній Сварта. Фонъ-Герцбергъ правъ только въ томъ, что въ 1756 году дѣйствительно не существовало офиціальнаго наступательнаго союза между Австріей и Россіей, а Саксонія никогда не присоединялась и къ оборонительному договору 1746 года.

Америкѣ можетъ еще улечься [1]); только къ концу этого мѣсяца онъ пришелъ къ убѣжденію, что несмотря на переговоры съ герцогомъ Мирпуа, въ Англіи и король, и министерство, а слѣдовательно и народъ рѣшили порвать съ Франціей [2]); ему стало даже казаться, будто бы онъ съ самаго начала вѣрно угадалъ, что за всѣми этими выраженіями мирныхъ чувствъ, за показной заботливостью о спокойствіи Европы кроется только желаніе выиграть время и успѣть приготовиться [3]). 1-го апрѣля новаго стиля король уже предписывалъ своему посланнику въ Парижѣ барону Книпгаузену предупредить государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ — Рульэ, что войну надо считать дѣломъ рѣшеннымъ и готовиться къ ней, дабы англичане не застали ихъ врасплохъ [4]). Прусскій король не сомнѣвался, что Георгъ II постарается превратить свое столкновеніе съ Франціей во всеобщую войну; ему приходило въ голову, что въ виду этого было бы можетъ быть полезно, если бы Людовикъ XV двинулъ значительное войско прямо въ Ганноверъ, овладѣлъ имъ и тогда предложилъ Англіи возстановить миръ. Книпгаузенъ долженъ былъ внушать эту мысль министру Рульэ, но по возможности ловко и осторожно, чтобы не возбудить подозрѣнія, будто бы Фридрихъ II старается раздувать огонь и усиливать взаимное раздраженіе между Франціей и Англіей [5]). Вообще король желалъ, чтобы Рульэ выказалъ болѣе твердости въ переговорахъ съ лондонскимъ дворомъ [6]). Въ отвѣтъ на призывъ Фридриха II овладѣть Ганноверомъ Рульэ предложилъ ему черезъ Книпгаузена взять эту диверсію на себя, соблазняя „богатой добычей" [7]). Король отвѣчалъ, что онъ всегда будетъ принимать близко къ сердцу все, что касается Франціи, но выполнить предлагаемую диверсію ему гораздо труднѣе, нежели для Рульэ рѣшить ее за него. Книпгаузенъ долженъ былъ обратить вни-

---

[1]) Pol. Corr. B. XI, №№ 6669—70 отъ 1-го марта.

[2]) № 6695 отъ 22-го марта.

[3]) №№ 6705—6 отъ 29-го марта.

[4]) № 6714.

[5]) № 6719 отъ 5-го апрѣля.

[6]) № 6726.

[7]) Письмо Книпгаузена изъ Парижа отъ 25-го апрѣля: on se flattait que Votre Majesté voudrait... s'en charger en entier... qu'Elle trouverait dans l'électorat d'Hanovre de quoi se dédommager amplement des frais. Вѣроятно, здѣсь имѣлось въ виду территоріальное вознагражденіе, но Фридрихъ II въ „Исторіи Семилѣтней войны" разсказываетъ, будто бы Рульэ предложилъ ему ограбить ганноверскую казну. (Chapitre III).

маніе французскаго государственнаго секретаря на то, что каждое лѣто въ Курляндіи на границахъ Пруссіи располагается 60 тысячъ русскихъ, что вѣнскій дворъ легко можетъ стянуть на другой границѣ 80 тысячъ, что Саксонія приняла на себя обязательства передъ Англіей; что ни на Данію, ни на Порту нельзя еще пока полагаться; Фридрихъ II не могъ взять на себя всю тягость войны, пока онъ не найдетъ поддержки хотя бы съ одной стороны [1]). Въ то же время черезъ фельдмаршала графа Шверина прусскій король спѣшилъ завѣрить графа Михаила Бестужева, что онъ искренно ищетъ примиренія съ Елисаветой, что Россіи и Пруссіи въ сущности не изъ чего ссориться и что единственной причиной охлажденія между ними были только ложь, подозрѣнія и грубая и смѣшная клевета, злостно внушаемая императрицѣ противъ короля, но все это разсѣется при первомъ же объясненіи между обоими дворами [2]). Однако французское правительство продолжало настаивать, чтобы Фридрихъ II согласился вторгнуться въ Ганноверъ. Король старался отсрочить рѣшительный отвѣтъ, будто бы поджидая, чтобы замыслы лондонскаго двора стали яснѣе: если другія державы не вмѣшаются въ войну, то съ англичанами французы справятся одни; въ противномъ случаѣ всегда еще будетъ время договориться относительно общихъ предпріятій и взаимной поддержки [3]); пока же онъ совѣтовалъ Рульэ не поддаваться самообольщеніямъ и не считать простой хитростью англійскихъ министровъ приказъ, отданный адмиралу Боскоуэну, напасть на французскую эскадру въ американскихъ водахъ [4]). Французское правительство съ своей стороны черезъ посланника Латуша разузнавало у министра Подевильса, намѣренъ ли Фридрихъ II возобновить договоръ съ Людовикомъ XV, истекавшій 5-го іюня 1756 г.; по этому оборонительному трактату обѣ державы гарантировали въ 1741 г. другъ другу ихъ владѣнія въ Европѣ, въ томъ числѣ и Силезію. Но и это дѣло король и его министръ рѣшили пока отложить [5]). Наконецъ, нападеніе англійскаго флота подъ командой адмирала Боскоуэна на три французскіе корабля близъ Луисбѣрга (не 8-го, а 10-го іюня) положило начало военнымъ дѣйствіямъ; представители Франціи, герцогъ Мирпуа и Бюсси, были отозваны своимъ правительствомъ изъ Лон-

[1]) № 6774.
[2]) № 6779 отъ 8-го мая.
[3]) № 6781 отъ 10-го мая.
[4]) № 6814 отъ 29-го мая.
[5]) № 6817 отъ 8-го іюня.

дона и Ганновера [1]). Не сомнѣваясь, что Франція намѣрена уязвить англійскаго короля въ самое чувствительное мѣсто и произвести диверсію въ его ганноверскія владѣнія, Фридрихъ II предписалъ Книпгаузену (отъ 29-го іюля) внушить при случаѣ французскимъ министрамъ, что лучшимъ средствомъ для осуществленія этого предпріятія будетъ—привлечь къ участію въ немъ короля датскаго; онъ зналъ какъ о личной непріязни Фредерика V къ Георгу II, такъ и о притязаніяхъ Даніи на долю въ герцогствѣ лауэнбургскомъ; со всѣмъ этимъ дѣломъ король совѣтовалъ обратиться въ Копенгагенѣ не къ барону Бернсторфу, а къ графу Мольтке [2]). Прусскій посланникъ долженъ былъ при этомъ отвѣчать на всѣ запросы въ Компьенѣ, что обстоятельства не позволяютъ его королю перейти къ дѣйствіямъ уже въ текущемъ году, что вообще онъ не можетъ начать дѣйствовать открыто, пока Порта не выскажется въ пользу Франціи, а въ частности выступить противъ Ганновера рѣшится не иначе, какъ въ союзѣ съ Даніей [3]). Но по обыкновенію у Фридриха II были въ запасѣ и другія предложенія; если Франція еще не рѣшила окончательно вторгнуться въ австрійскіе Нидерланды, такъ она могла бы воспользоваться посредничествомъ Маріи Терезіи и прусскаго короля и полюбовно уладить свою распрю съ Англіей [4]). Французскій дворъ съ своей стороны продолжалъ идти на встрѣчу Фридриху II. 23-го іюля Рульэ возвѣстилъ въ Компьенѣ Книпгаузену, что Людовикъ XV рѣшилъ отправить въ Берлинъ герцога Ниверне, дабы договориться относительно мѣръ, неизбѣжныхъ въ виду враждебныхъ дѣйствій Англіи. Въ своемъ отвѣтѣ (отъ 9-го августа) на эту любезность король подвергъ критикѣ малодушный образъ дѣйствія французскихъ министровъ въ переговорахъ съ Англіей; онъ по прежнему совѣтовалъ привлечь на свою сторону Данію и произвести нападеніе на Ганноверъ для ускоренія мира, а съ другой стороны въ одну кампанію овладѣть беззащитной Фландріей на случай, если бы потребовался выкупъ за Канаду. Такимъ путемъ Франція управится съ непріятелемъ собственными силами; это тѣмъ болѣе необходимо, что

---

[1]) №№ 6893 и 6895, 25-го — 29-го іюля. Ср. Waddington, Renversement des Alliances, 107.

[2]) № 6899 отъ 29-го іюля.

[3]) № 6904 отъ 2-го августа: je ne saurais agir contre l'Hanovre, à moins que l'alliance entre le Danemark et moi ne soit constatée et que celui-ci ne se joignît à l'entreprise sur l'Hanovre.

[4]) №№ 6904—6 отъ 2-го августа.

военныя силы обѣихъ императрицъ на прусской границѣ осуждаютъ короля на бездѣйствіе [1]).

При такой близости къ версальскому двору Фридрихъ II въ августѣ 1755 года могъ отвѣчать только рѣшительнымъ отказомъ на первую попытку Англіи втянуть его въ кругъ ганноверскихъ интересовъ [2]). Лордъ Гольдернессъ лично обратился было 10-го августа къ посредничеству правящаго герцога брауншвейгскаго, женатаго на сестрѣ прусскаго короля Филиппинѣ Шарлоттѣ. Англійскій государственный секретарь просилъ герцога поддержать заботы его государя о сохраненіи мира въ Германіи и склонить своего шурина къ торжественному обѣщанію, что онъ ни прямо, ни косвенно ничего не предприметъ противъ Ганновера, не будетъ поддерживать замысловъ Франціи противъ владѣній Георга II въ Германіи, не станетъ препятствовать мѣрамъ, которыя можетъ быть понадобится королю принять для ихъ защиты отъ французскаго вторженія, и даже постарается предупредить французовъ и помѣшать всякой ихъ попыткѣ въ этомъ направленіи [3]). Фридрихъ II отвѣчалъ совѣтомъ Гольдернессу стараться покончить дѣло миромъ, принять ради этого посредничество Пруссіи и просить той же услуги у Маріи Терезіи, или Голландіи, или Даніи [4]). Это мягкое „показное" письмо король написалъ герцогу Карлу, не желая разстраивать его переговоровъ съ Гольдернессомъ о бракѣ дочери, принцессы брауншвейгской, съ принцемъ Уэльскимъ. Напротивъ, въ письмѣ отъ того же 12-го августа, предназначенномъ

---

[1]) № 6.918 отъ 9-го августа.

[2]) По англійскимъ извѣстіямъ прусскій король еще лѣтомъ 1755 года сдѣлалъ первый попытку примириться съ Георгомъ II. Въ концѣ мая Фридрихъ II намѣревался посѣтить свои прирейнскія владѣнія, а по дорогѣ навѣстить брауншвейгскій дворъ. Ему предстояло ѣхать невдалекѣ отъ города Ганновера и замка Герренгаузена, гдѣ пребывалъ тогда англійскій король. Гольдернессъ извѣстилъ въ первыхъ числахъ іюня герцога Ньюкэстля, что, судя по сообщеніямъ изъ Брауншвейга, прусскій король по пути расчитываетъ посѣтить и своего дядю Георга II. Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій по просьбѣ самого Фридриха II писалъ въ этомъ духѣ брату своему, владѣтельному герцогу. Тщетно ганноверскіе министры Мюнхгаузенъ и Штейнбергъ убѣждали своего курфюрста выразить согласіе и даже желаніе на свиданіе. Георгъ II уклонился отъ этой встрѣчи, а прусскій король, не добившись своего, не захотѣлъ даже послать привѣтствія дядѣ и инкогнито прослѣдовалъ мимо его замка. (Holdernesse à Newcastle, 18-го іюня 1755 г. у Waddington'a, Louis XV et le Renversement des Alliances, 1896).

[3]) № 6923, письмо герцога брауншвейгскаго отъ 11-го августа.

[4]) № 6923, отъ 12-го августа, „lettre ostensible".

только для самого герцога, Фридрихъ II подъ величайшей тайной завѣрялъ зятя, что англичанамъ никогда не удастся вырвать у него требуемаго заявленія (que jamais ils ne m'extorqueront la déclaration qu'ils prétendent); однако въ интересахъ Пруссіи и Брауншвейга онъ совѣтовалъ не лишать ганноверскаго дома сразу всякой надежды, но стараться убаюкать Гольдернесса, затягивать дѣло совѣтами о посредничествѣ, всевозможными запросами и затрудненіями [1]). До конца августа прусскій король въ переговорахъ съ Англіей черезъ посредство герцога брауншвейгскаго заботился только о томъ, чтобы выиграть время и дождаться болѣе подробнаго объясненія со стороны Гольдернесса [2]). Только съ 1-го сентября по н. с. начинается переворотъ въ отношеніяхъ Фридриха II къ лондонскому двору. Эта перемѣна во взглядахъ была вызвана во второй половинѣ августа преждевременнымъ извѣстіемъ о томъ, что будто-бы субсидная конвенція между Англіей и Россіей уже подписана. Отъ 12-го августа н. с. фонъ-деръ-Гелленъ сообщилъ королю изъ Гаги, будто-бы англійскій курьеръ, проѣхавшій изъ Ганновера черезъ Голландію въ Лондонъ, везъ извѣстіе о заключеніи на 10 лѣтъ конвенціи, которая отдавала 60 тысячъ русскихъ въ распоряженіе Георга II [3]). Въ письмахъ короля отъ 18 — 19-го августа неразъ упоминаются эти 60 тысячъ русскихъ [4]). Книпгаузенъ долженъ былъ передать Рулье слухъ, что ганноверское правительство думаетъ высадить русскій отрядъ въ Любекѣ и непосредственно двинуть его въ Нидерланды, дабы французскій министръ могъ забить тревогу въ Копенгагенѣ. Слухи объ англо-русской конвенціи подтверждались [5]). Наиболѣе надежнымъ источникомъ Фридрихъ II считалъ саксонскія донесенія изъ С.-Петербурга. Отъ 25-го августа Мальцанъ сообщилъ королю изъ Дрездена, что по донесенію Функа (отъ 28-го іюля) Уильямсу еще не удалось довести дѣло конвенціи до конца, но что канцлеры Бестужевъ и Воронцовъ и секретарь Волковъ уже вызваны съ соотвѣтствующими документами къ государынѣ въ Царское Село [6]). Съ

[1]) № 6924: il convient à vos intérêts et aux miens qu'on ne leur en fasse point perdre l'espérance, mais que vous les flattiez.

[2]) № 6948 отъ 25-го августа: rien ne me vient plus à propos sur ceci que de pouvoir gagner du temps.

[3]) № 6938.

[4]) №№ 6937—41.

[5]) № 6943 отъ 23-го августа.

[6]) № 6963.

этихъ поръ прусскій король сталъ, очевидно, считать вопросъ рѣшеннымъ и надумалъ сблизиться съ Англіей, чтобы вырвать жало у субсидной конвенціи, направленной противъ него столько же, сколько и противъ Франціи. 1-го сентября онъ писалъ уже герцогу брауншвейгскому о новомъ направленіи, которое приняли его мысли. Срокъ союзнаго договора съ Франціей истекалъ весной слѣдующаго года; до тѣхъ поръ король не намѣренъ былъ принимать на себя какія либо новыя обязательства, но, если бы лондонскій дворъ сдѣлалъ ему сходныя предложенія, то Фридрихъ II считалъ еще возможнымъ придти къ соглашенію относительно нейтралитета для Ганновера; однако онъ не хотѣлъ открываться первымъ и ждалъ начала съ англійской стороны. Все это герцогъ брауншвейгскій долженъ былъ довести до свѣдѣнія Гольдернесса, какъ бы отъ себя, отнюдь не примѣшивая имени самого короля [1]). Отъ 29-го августа Мальцанъ сообщалъ изъ Дрездена, будто-бы 9-го числа субсидный договоръ между Англіей и Россіей былъ дѣйствительно подписанъ [2]). Прусскій король продолжалъ и послѣ этого слѣдить за затрудненіями, встрѣтившимися при ратификаціи въ Лондонѣ новаго трактата, но его сближеніе съ Англіей независимо отъ всего шло своимъ путемъ [3]). Весь вопросъ вертѣлся около того, кто первый сдѣлаетъ вполнѣ ясныя предложенія. Гольдернессъ въ отвѣтѣ герцогу брауншвейгскому отъ 30-го сентября 1755 года отказывался понимать, что именно разумѣетъ Фридрихъ II подъ сходными предложеніями (proposition acceptable), но высказывалъ увѣренность въ томъ, что, если прусскій король открыто выскажется за нейтралитетъ для Ганновера и поддержаніе мира въ Германіи, то къ нему будетъ посланъ въ Берлинъ уполномоченный для завершенія переговоровъ [4]). Тогда Фридрихъ II написалъ два письма (отъ 13-го октября) герцогу Карлу. Въ показномъ письмѣ, написанномъ болѣе для англійскаго министерства, король напоминалъ, что въ сущности онъ все еще союзникъ Франціи (je

---

[1]) № 6966 отъ 1-го сентября: je ne désavouerai point Votre Altesse, si Elle veut donner à entendre au ministre anglais, mais toujours comme d'Elle même et sans que je sois mêlé encore, que, pourvu qu'on me fasse faire des propositions raisonnables de la part du roi d'Angleterre, l'on pourrait peut-être arriver au but qu'on s'était proposé relativement à la neutralité des États d'Hanovre; qu'il ne fallait, cependant, pas s'attendre que je m'y ouvrirais le premier.

[2]) № 6970.

[3]) № 7022 отъ 11-го октября.

[4]) № 7024.

suis à la vérité allié de la France) и что лондонскій дворъ, не давая яснаго объясненія, требуетъ отъ него слишкомъ много — поставить предѣлъ мѣропріятіямъ, которыя можетъ предпринять Людовикъ XV; впрочемъ въ Берлинѣ всегда готовы съ уваженіемъ встрѣтить уполномоченнаго Англіи [1]). Въ письмѣ, предназначенномъ исключительно для самого герцога, король высказывалъ рѣзче свое неудовольствіе противъ лондонскаго двора, который требуетъ у него поддержки, не уладивъ своихъ старыхъ распрей съ Пруссіей, и ждетъ предложеній съ его стороны, хотя первый завязалъ всѣ эти переговоры; впрочемъ, Фридрихъ II все-таки просилъ герцога Карла не отнимать у Гольдернесса надежды, сообщить ему копію съ показнаго письма, предупредить его, что въ Берлинъ ѣдетъ герцогъ Ниверпэ возобновлять договоръ, и настаивать на болѣе откровенномъ объясненіи со стороны Англіи [2]). Изъ донесенія посланника въ Вѣнѣ, Клингграэффена (отъ 12-го ноября), прусскій король узналъ, что всѣ недоразумѣнія между Лондономъ и С.-Петербургомъ по вопросу о субсидной конвенціи устранены къ удовольствію англійскаго министерства и что теперь все дѣло только въ утвержденіи трактата парламентомъ [3]).

Слухи о томъ, что Георгъ II старается отдалить Пруссію отъ Франціи и перетянуть ее на свою сторону, черезъ Гагу и Вѣну достигли въ ноябрѣ Парижа, и встревоженный дворъ сталъ торопить отъѣздъ герцога Ниверпэ. Фридрихъ II предписалъ своему посланнику успокоивать Рульэ и заявить, что ни король, ни герцогъ брауншвейгскій не приняли никакихъ обязательствъ относительно лондонскаго двора [4]). Фридрихъ II, очевидно, еще не вполнѣ былъ увѣренъ въ искренности Англіи, а съ другой стороны, сближаясь съ Георгомъ II, не думалъ порывать съ Франціей. Гольдернессъ въ письмѣ къ герцогу Карлу (отъ 21-го ноября) старался успокоить подозрѣнія, пробужденныя въ Берлинѣ субсидной конвенціей, и отъ имени своего короля завѣрялъ, что Англія ни на кого въ Европѣ не собирается нападать и что русское войско будетъ пущено въ ходъ только въ

---

[1]) № 7025.

[2]) № 7026: ils veulent que je plante là la France et que je me repaisse de la gloire d'avoir préservé leur pays d'Hanovre... ces gens en veulent me duper grossièrement, ou ils sont fols.

[3]) № 7091. Свѣдѣнія Фридриха II были не вполнѣ точны; онъ думалъ, что Елисавета согласилась измѣнить спорную декларацію, направленную противъ Пруссіи. Ср. № 7022.

[4]) № 7110.

томъ случаѣ, если какая-либо держава прибѣгнетъ къ открытому насилію противъ владѣній Георга II [1]). 26-го ноября лордъ Гольдернессъ пригласилъ прусскаго секретаря Мишеля на конференцію, сообщилъ ему списокъ съ субсидной конвенціи и ея тайной статьи и предлагалъ отъ имени Георга II не только возобновить гарантію владѣніямъ Фридриха II, но и войти съ нимъ даже въ болѣе близкія обязательства; въ случаѣ согласія Пруссіи лондонское правительство готово было уладить ко взаимному удовольствію споръ о вознагражденіи прусскихъ купцовъ за убытки отъ англійскихъ каперовъ [2]). Фридрихъ II остался доволенъ такимъ довѣріемъ и заявилъ черезъ Мишеля, что, желая сохранить миръ Европѣ, онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ начать именно съ укрѣпленія спокойствія въ Германіи; по словамъ короля, этого можно достичь, если Англія и Пруссія заключатъ договоръ о нейтралитетѣ на все время, пока будутъ длиться теперешнія распри въ Европѣ, не упоминая ни французовъ, ни русскихъ, дабы не раздражать ихъ и облегчить берлинскому двору примиреніе обѣихъ враждующихъ державъ; дѣло о захватѣ англійскими каперами нѣсколькихъ прусскихъ судовъ Фридрихъ II считалъ пустякомъ, но все-таки радовался возможности покончить его на сходныхъ условіяхъ [3]). Въ декабрѣ Фридрихъ II увѣдомлялъ своего министра Подевильса, что вновь явилась надежда довести до конца негоціацію съ англійскимъ дворомъ. Такъ какъ Подевильсъ приписывалъ соглашеніямъ между обѣими императрицами исключительно оборонительный характеръ и не вѣрилъ, чтобы Пруссіи грозила какая-либо опасность, если только король самъ не рѣшится начать войну, то Фридрихъ II черезъ Эйхеля сообщилъ къ свѣдѣнію своего министра содержаніе воинственныхъ постановленій русской конференціи въ октябрѣ 1755 года, пересланныхъ ему изъ Дрездена [4]).

---

1) № 7113.

2) № 7119: de s'unir encore étroitement.

3) Отъ 7-го декабря № 7119: qu'étant dans l'intention de contribuer de tout mon pouvoir au maintien de la paix de l'Europe, je ne trouvais rien de plus raisonnable, que de commencer par affermir la tranquillité de l' Allemagne... en concluant entre le roi d'Angleterre et moi un traité de neutralité pour l'Allemagne pour le temps des démêlés qui subsistent actuellement en Europe, sans y nommer les Français, ni les Russes.

4) №№ 7134—7147. Eichel писалъ отъ 20-го декабря: weil (S. Königl. Majestät) angemerket haben wollen, als ob Ew. Excellenz (Gr. Podewils) in der festen Persuasion ständen, dass alle Engagements zwischen denen beiden kaiserlichen Höfen nur pur defensive wären und des Königs Majestät daher nicht leicht etwas

22-го декабря Гольдернессъ вручилъ, наконецъ, Мишелю проектъ конвенціи о нейтралитетѣ; сверхъ того государственный секретарь прибавилъ устно, что, какъ только Фридрихъ II сниметъ запрещеніе съ суммъ, причитающихся англійскимъ подданнымъ въ Силезіи, министры Георга II подпишутъ тайную декларацію съ обязательствомъ выплатить ему приличную сумму денегъ въ вознагражденіе прусскимъ купцамъ за убытки отъ каперовъ. Получивъ эти предложенія изъ Лондона, Фридрихъ II пригласилъ къ себѣ (1-го января 1756 года) для совѣщанія министра Подевильса и прочелъ ему депеши Мишеля отъ 23-го декабря. Прусскій министръ согласился, что нейтралитетъ для Германіи будетъ лучшимъ средствомъ избавить Пруссію отъ всякой опасности и всякаго участія въ войнѣ, но совѣтовалъ исключить изъ подъ дѣйствія договора австрійскіе Нидерланды, чтобы не поссориться изъ-за этого съ Франціей; для этого онъ предложилъ понятіе l'Empire Germanique замѣнить словомъ Allemagne и кромѣ того внести изъятіе Нидерландовъ въ особую тайную и сепаратную статью [1]). Сообразно указаніямъ Подевильса выработанъ былъ контръ-проектъ конвенціи и наказъ секретарю Мишелю, который при этомъ случаѣ сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Фридрихъ II предписывалъ ему добиться вознагражденія для прусскихъ купцовъ по крайней мѣрѣ тысячъ въ 20 фунтовъ ст., а главное быстраго отвѣта у лондонскаго правительства, согласно ли оно на перемѣны и тайную сепаратную статью, предложенныя Пруссіей; въ виду предстоявшаго прибытія въ Берлинъ герцога Ниверно, королю важно было окончательно выяснить свои отношенія съ Англіей [2]). Итакъ, Фридрихъ II еще 4-го января 1756 г. н. ст. не зналъ навѣрное, понадобится ли ему возобновить союзный договоръ съ Франціей, или онъ замѣнитъ его конвенціей о нейтралитетѣ съ Георгомъ II, а главное, собираясь принять на себя обязательства относительно Англіи, король старательно избѣгалъ раздражать версальскій дворъ и преграждать ему путь въ австрійскіе Нидерланды. Цѣлью конвенціи было намѣчено сохраненіе мира Европѣ

---

zu besorgen hätten, daferne Dieselbe nicht etwa von Selbsten zu einem Kriege resolviren sollten.

[1]) Pol. Corr., B. XII, № 7167. S. Königl. Majestät auch mit Frankreich sich darüber nicht committiren und brouilliren könnten.

[2]) Il m'importe extrêmement de savoir au plus tôt, où j'en serai avec eux, vu que de la part de la France le duc de Nivernois arrivera au premier jour ici et qu'il faut en conséquence que je puisse me décider sur mon parti à prendre № 7175.

и Германія. Фридрихъ II и Георгъ II обязывались удерживать своихъ союзниковъ отъ нападенія на владѣнія англійскія и прусскія и соединенными силами препятствовать вступленію чужестраннаго войска въ Германію; обѣ договаривающіяся стороны возобновляли всѣ договоры о союзѣ и гарантіи, уже существовавшіе между ними. Такъ какъ 8-ой статьей Дрезденскаго мира король прусскій гарантировалъ Маріи Терезіи только ея владѣнія въ Германіи (Allemagne), то австрійскіе Нидерланды [1]) исключались изъ конвенціи о нейтралитетѣ Германіи. 16-го января 1756 г. по н. ст. конвенція была подписана въ Вестминстерѣ; англійскіе министры присоединили къ ней въ тотъ же день декларацію, по которой Георгъ II обязывался уплатить прусскому королю 20 тыс. фунт. ст., какъ вознагражденіе для его подданныхъ за убытки отъ англійскаго каперства [2]). Всѣ эти дипломатическіе акты были доставлены въ Берлинъ 25-го января. Около того же времени Мальцанъ сообщилъ изъ Дрездена (отъ 23-го января) на основаніи донесеній Функа (отъ 8-го и 15-го декабря), что 11-го декабря англійскій курьеръ прибылъ въ С.-Петербургъ съ ратификаціей субсидной конвенціи [3]).

Между тѣмъ къ половинѣ января герцогъ Ниверно прибылъ, наконецъ, въ Берлинъ [4]). Уже при первой дѣловой бесѣдѣ 19-го января герцогъ Ниверно говорилъ главнымъ образомъ о возобновленіи союза между Франціей и Пруссіей; Фридрихъ II считалъ еще тогда это дѣло вполнѣ возможнымъ [5]). Послѣ своего рѣшительнаго разговора съ Ниверно (24-го января) король набросалъ письменно всѣ свои доводы въ защиту конвенціи о нейтралитетѣ и сообщилъ ихъ Подевильсу, дабы и министръ исходилъ отъ нихъ въ своихъ бесѣдахъ съ французскимъ уполномоченнымъ. Пруссія никогда не гарантировала

---

[1]) Брабантъ и Фландрія, или такъ называемый Бургундскій округъ Германской Имперіи. Article secret et séparé, B. XI[I], № 7175.

[2]) № 7219. Утверждая, что конвенція подписана въ Вестминстерѣ, мы слѣдуемъ ея тексту у Schaefer'a, Geschichte des Siebenjährigen Kriegs, B. I, Beilagen и Pol. Corr., B. XII, S. 54. Waddington, l. c. принимаетъ, что конвенція подписана въ White-Hall'ѣ, не указывая своихъ источниковъ.

[3]) № 7233.

[4]) № 7199. Voilà ici depuis quatre jours le duc de Nivernois, пишетъ Фридрихъ II 17-го января; герцогъ прибылъ въ Берлинъ 12-го января.

[5]) № 7206. Son entretien... a principalement roulé sur le renouvellement de mon alliance avec la France, ce qui aussi à la fin ne souffrira pas de grandes difficultés. Perey (un petit-neveu de Mazarin) относитъ первую важную бесѣду къ 20-му января.

Людовику XV его колоніальныхъ владѣній, а потому нынѣшняя война нисколько не касается ея; ея оборонительный союзъ съ версальскимъ дворомъ не обязываетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и при томъ же идетъ къ концу. Начинать наступательныя войны вообще не стоитъ, такъ какъ онѣ сопряжены съ наибольшимъ рискомъ. Фридрихъ II можетъ выставить въ поле только 100 тысячъ человѣкъ, тогда какъ его противники—200 тысячъ (Ганноверъ 40 тыс., Марія Терезія 100 тыс., Россія 60 тыс.); къ тому же непріятель принудитъ его раздробить свои силы, и въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ онъ будетъ слабѣйшимъ. Оставаться простымъ зрителемъ, если русскіе войдутъ въ имперію, король не можетъ, такъ какъ это слишкомъ усилитъ его противниковъ. Итакъ, ему остается только заключить конвенцію, предложенную Англіей. Для Людовика XV тоже лучше, чтобы русскіе не могли проникнуть въ Германію, потому что они будутъ призваны противъ Франціи. Въ силу этихъ доводовъ король вполнѣ искренно сообщилъ герцогу весь ходъ своихъ переговоровъ съ Англіей [1]). Часть тѣхъ же доводовъ Фридрихъ II писалъ и барону Книпгаузену въ Парижъ для передачи ихъ Рульэ [2]); прусскій посланникъ долженъ былъ завѣрить государственнаго секретаря, что все это не помѣшаетъ Пруссіи возобновить оборонительный договоръ съ Людовикомъ XV и не измѣнитъ чувствъ ея короля къ Франціи [3]). По полученіи подписанной въ Вестминстерѣ конвенціи король приказалъ вручить 29-го января герцогу Нивернэ копію съ нея вмѣстѣ съ тайной статьей для отсылки своему правительству [4]), а своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ (въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ и т. д. вплоть до мелкихъ резидентовъ или агентовъ въ городахъ Германской имперіи, какъ-то въ Гамбургѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ, Нюрнбергѣ и т. п.) разослалъ наказъ, въ случаѣ запросовъ со стороны чужихъ правительствъ, отвѣчать, что конвенція заключена ради обезпеченія мира Германіи, касается только нейтралитета и текущей войны и отнюдь не уничтожаетъ другихъ обязательствъ, которыя лежатъ на королѣ по отношенію къ Франціи [5]);

---

[1]) № 7215 отъ 24-го января.

[2]) Отъ 27-го января № 7220.

[3]) Que tout cela ne m'empêcherait point de faire une alliance défensive avec la France... et que je conserverai les mêmes sentiments d'amitié pour la France que j'avais toujours eus pour elle. № 7220 отъ 27-го января.

[4]) №№ 7226—27.

[5]) № 7224. Jedoch gehe solches nur pur und alleine die Neutralité von Teut-

въ частности прусскій секретарь въ Варшавѣ Бенуа должень былъ въ случаѣ разглашенія конвенціи написать коронному гетману Браницкому, что король нейтралитетомъ для Германіи думалъ избавить Польшу отъ тягостнаго прохода русскаго войска [1]). Повидимому, извѣстіе о Вестминстерской конвенціи не должно было бы задѣть версальскій дворъ за живое, такъ какъ мысль о вторженіи въ Ганноверъ была тамъ оставлена [2]); но Рульэ былъ недоволенъ, что Фридрихъ II такъ долго хранилъ глубокое молчаніе о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Англіей, словно какъ будто бы онъ считалъ Францію безполезной союзницей, или не понималъ, что версальскій дворъ, преданный въ критическую минуту, легко найдетъ случай отомстить. На эти упреки Фридрихъ II отвѣчалъ уже послѣ сообщенія всей конвенціи герцогу Ниверпэ [3]). Король напоминалъ, что затяжки въ отъѣздѣ герцога въ Берлинъ, оповѣщенномъ еще въ іюлѣ истекшаго года, были единственной причиной, почему онъ раньше не могъ объясниться съ французскимъ правительствомъ о предложеніяхъ лондонскаго двора. Теперь, когда договоръ съ Франціей какъ разъ истекаетъ, король долженъ былъ позаботиться о пріобрѣтеніи союзниковъ; хотя Англія ясно даетъ понять, что она желала бы заключить съ Берлиномъ союзъ, но онъ все-таки склоняется въ этомъ отношеніи на сторону Людовика XV и готовъ возобновить съ нимъ свои обязательства, если Рульэ отложитъ въ сторону своя неумѣстныя угрозы [4]). Конвенція съ Англіей—дѣло преходящее и случайное; она освобождаетъ Францію отъ 60 тысячъ русскихъ и 60 тыс. австрійцевъ. Августъ минувшаго года былъ удобнымъ временемъ для предпріятія противъ Ганновера, но теперь оно не имѣло бы успѣха въ виду мѣропріятій, принятыхъ Георгомъ II заодно съ его союзниками, и вовлекло бы версальскій дворъ въ общеевропейскую войну [5]). Вест-

---

schland und diesen Krieg an und hindere nicht die anderen Verbündnisse, welche Se. Königl. Majestät sonsten mit der Krone Frankreich hätten.

[1]) № 7221.

[2]) Книпгаузенъ отъ 28-го января о разговорѣ съ Рульэ 20-го января; прусскій посланникъ думалъ тогда еще que l'éloignement du ministère de France pour la neutralité de l'Allemagne n'est pas aussi considérable.

[3]) № 7236 отъ 3-го февраля.

[4]) Отъ 10-го февраля Фридрихъ II писалъ Книпгаузену: je n'ai jamais refusé au duc de Nivernois de renouveler mon traité d'alliance avec la France et je suis encore prêt de le faire sur le pied d'une alliance défensive, car, pour des offensives, je n'en ferai jamais avec personne. № 7258.

[5]) № 7236: Quoique l'Angleterre m'ait donné assez intelligiblement à entendre,

минстерская конвенція не препятствуетъ Франціи вести войну и на сушѣ, такъ какъ Нидерланды нарочно изъяты изъ нейтралитета [1]). Герцогу Ниверпэ Фридрихъ II давалъ позволеніе разглашать, что конвенція заключена съ согласія Франціи [2]).

Но эти проявленія дружбы къ Франціи не мѣшали королю слѣдить черезъ Книпгаузена за тайными сношеніями между Парижемъ и Вѣной; если бы французскіе министры отказались возобновить съ нимъ договоръ, такъ это послужило бы для него признакомъ, что они собираются примкнуть къ другой партіи, и сигналомъ—самому принять соотвѣтствующія мѣры [3]). Въ виду всеобщаго броженія, охватившаго Европу, Фридрихъ II считалъ Вестминстерскую конвенцію единственнымъ выходомъ изъ опаснаго положенія; спокойствіе Пруссіи и теперь казалось ему еще не достаточно прочнымъ, но король былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что онъ выигралъ 1757 годъ, въ которомъ сильно нуждался для завершенія необходимыхъ мѣропріятій и предохраненія своего государства отъ всякаго риску; далѣе, онъ сохранялъ свободу дѣйствій, смотря по тому, будетъ ли стеченіе обстоятельствъ благопріятно, или нѣтъ [4]). Неувѣренность Фридриха II въ прочности французскаго союза была умѣстна. Уже самъ герцогъ Ниверпэ въ разговорѣ съ Подевильсомъ пытался найти противорѣчія

---

combien elle désirerait de faire un traité d'alliance avec moi, je penche nonobstant cela pour la France et suis intentionné encore de renouveler mon alliance avec elle... le temps propre de tenter une expédition sur l'Hanovre fut dans le mois d'août de l'année passée, mais à présent... une entreprise sur l'Hanovre manquerait absolument de succès.

[1]) Elle saura toujours faire la guerre aux Pays-Bas, que j'ai exceptés expressément, et où la France la saura faire avec le plus de succès.

[2]) № 7245.

[3]) Cela me servira de boussole qu'ils veulent prendre parti ailleurs, et dans ce cas-là il faut bien que je prenne mes mesures en conséquence. № 7258.

[4]) Фридрихъ II писалъ брату принцу Августу Вильгельму отъ 12-го февраля: du moins y a-t-il toutes les apparences que je gagnerai l'année 57, dont j'ai grand besoin pour achever des arrangements nécessaires et indispensables sans lesquels l'État serait trop hasardé, et ensuite il faudra voir si les conjonctures nous deviendront favorables ou contraires, car ce sont elles qui nous mènent. Тому же брату Фридрихъ II писалъ отъ 19-го февраля: „Cette année-ci, que je compte avoir gagnée, me vaut autant que cinq des précédentes et si dans la suite je peux servir de médiateur aux puissances belligérantes, j'aurai fait à la Prusse le plus grand rôle qu'elle puisse représenter en temps de paix; et ne comptez-vous pour rien le plaisir de faire enrayer la reine de Hongrie, d'humilier, ou pour mieux dire, d'anéantir la Saxe, de désespérer Bestushew? Voilà quelles sont les suites qu'aura un petit coup de plume. №№ 7266, 7281.

между Вестминстерской конвенціей и обязательствами Пруссіи передъ Людовикомъ XV и ставилъ вопросъ, обязанъ ли Фридрихъ II вступиться за Англію, если французы произведутъ нападеніе на Великобританскіе острова? Министръ отвѣчалъ, что даже независимо отъ новой конвенціи Георгъ II всегда могъ бы въ этомъ случаѣ потребовать помощи въ силу прежней гарантіи, данной ему разъ навсегда, а также наслѣдственныхъ правъ прусской династіи на великобританскую корону. Вполнѣ отрицательно отнесся къ Вестминстерской конвенціи Рульэ, и графъ Штарембергъ спѣшилъ воспользоваться охлажденіемъ французскаго министерства къ Пруссіи, чтобы двинуть впередъ тайные переговоры между Версалемъ и Вѣной [1]). Получивъ, наконецъ, копію съ конвенціи, Рульэ отказывался понимать, какимъ образомъ прусскій король, гарантировавъ Георгу II всѣ его владѣнія въ Европѣ, считалъ еще возможнымъ поручиться и за неприкосновенность французскихъ земель въ то время, какъ эти державы готовы начать между собой военныя дѣйствія, которыя по всей вѣроятности не ограничатся Америкой. По мнѣнію государственнаго секретаря, конвенція связала Франціи руки для всѣхъ предпріятій противъ англичанъ въ Европѣ и обезпечила имъ прусскую помощь противъ всѣхъ замысловъ версальскаго правительства [2]). Въ разговорѣ 17-го февраля Рульэ особенно нападаетъ на возобновленіе по Вестминстерской конвенціи договора отъ 18-го ноября 1742 года, гарантировавшаго всѣ британскія владѣнія въ Европѣ и обязывавшаго Фридриха II защищать ихъ противъ всякаго непріятельскаго нападенія. При всемъ своемъ желаніи сохранить прежнія отношенія съ Берлиномъ, французскій министръ отказывался высказаться о предложеніи возобновить договоръ 1741 года между Людовикомъ XV и Фридрихомъ II, пока прусскій король не разсѣетъ его сомнѣнія, насколько эти прежнія обязательства совмѣстимы теперь съ новой конвенціей [3]). Между тѣмъ 13-го февраля совершился размѣнъ ратификацій Вестминстерской конвенціи, а въ мартѣ мѣсяцѣ герцогъ Ниверна былъ отозванъ и уѣхалъ въ началѣ апрѣля [4]).

---

[1]) № 7285, донесеніе Книпгаузена отъ 9-го февраля, и № 7298.

[2]) № 7298. Донесеніе Книпгаузена отъ 13-го февраля: Je ne saurais cacher à Votre Majesté que le ministère de France paraît être tous les jours plus affecté de cet événement et que la copie de ce traité qu'Elle a communiquée à M. de Nivernois, a répandu ici la plus grande consternation.

[3]) № 7317.

[4]) №№ 7290, 7383, 7401. Ср. Waddington, Louis XV et le Renversement des

Отказываясь вѣрить, чтобы французы рѣшились порвать съ нимъ

Alliances, 1896. Ваддингтонъ не вполнѣ могъ выяснить себѣ мотива, побудившаго версальское правительство въ теченіе пяти мѣсяцевъ задерживать отъѣздъ герцога Ниверне, который еще въ августѣ назначенъ былъ съ чрезвычайными полномочіями ко двору Фридриха II (въ письмѣ отъ 9-го августа прусскій король далъ свое согласіе на это). И виды на мирный исходъ распри съ Англіей, и желаніе пойти на союзъ съ Австріей были осенью 1755 года слишкомъ слабы для того, чтобы влiять на рѣшеніе Людовика XV. Авторъ готовъ объяснить затяжку миссіи герцога Ниверне скорѣе отсутствіемъ логичности и единства въ политикѣ Франціи. Фридрихъ II не торопилъ версальскаго двора, но постарался уже къ началу ноября добыть себѣ чересъ Книпгаузена (и M. de Bussy, служившаго во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) содержаніе полномочій, выработанныхъ для герцога Ниверне. По словамъ извлеченія изъ инструкціи, пересланнаго прусскимъ посланникомъ въ Берлинъ, Франція думала ограничиться на первое время морской и колоніальной войной; только въ случаѣ неудачи на морѣ версальскій дворъ готовъ былъ перенести войну и на материкъ и заранѣе расчитывалъ на содѣйствіе Фридриха II въ Германіи. Герцогъ Ниверне долженъ былъ теперь же условиться относительно совмѣстныхъ операцій и мѣръ предосторожности противъ нападенія русскихъ на Пруссію: de Lui exposer les moyens dont la France a déjà fait et compte encore de faire usage, afin de mettre Votre Majesté hors de toute atteinte de la part de la Russie, qu'on regarde comme la puissance qu' Elle aurait le plus à craindre, si Elle (Votre Majesté, т. е. Фридрихъ II) Se déclarait en faveur de la France et qu' Elle attaquât l'électorat d'Hanovre; car c'est là la diversion à laquelle on voudrait déterminer Votre Majesté. P. C. XI, 7073. Предполагалось, что прусскій король согласится еще въ случаѣ нужды произвести диверсію противъ Ганновера; въ видѣ вознагражденія для Фридриха думали дать ему гарантію на Остфрисландію; въ королевскомъ совѣтѣ шла даже рѣчь предложить ему острова Табаго, Св. Викентія и Св. Луціи; впрочемъ, въ инструкціи объ этихъ предложеніяхъ не говорилось ни слова, и герцогъ Ниверне долженъ былъ предварительно узнать собственныя желанія Фридриха II; самой Франціи пришлось бы тогда вести войну въ Нидерландахъ. Но главной цѣлью герцога Ниверне было возобновленіе союза, заключеннаго между Франціей и Пруссіей въ іюнѣ 1741 года на 15 лѣтъ, въ прежнемъ видѣ или съ перемѣнами, сообразно обстоятельствамъ. Кромѣ того герцогъ долженъ былъ разузнать сущность предложеній, сдѣланныхъ будто бы Фридриху II лондонскимъ дворомъ, и по возможности добиться одобренія прусскаго короля для субсиднаго договора съ Саксоніей (№ 7073). Ваддингтонъ сличилъ сообщенія Книпгаузена съ копіей инструкціи въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и не нашелъ никакой существенной разницы (инструкція прочитана въ совѣтѣ 12-го ноября 1755 года). Герцогъ Ниверне покинулъ Парижъ 22-го декабря 1755 года, 12-го января 1756 года достигъ Берлина и въ среду 14-го къ вечеру былъ принятъ Фридрихомъ II на аудіенціи. Чрезвычайный посланникъ (l'envoyé extraordinaire; но ambassadeur по Percy) вынесъ впечатлѣніе, что прусскій король, подъ предлогомъ боязни русскихъ, находится въ переговорахъ съ Англіей; Фридрихъ II выказывалъ нерасположеніе къ какимъ-либо наступательнымъ обязатель-

и втянуться въ общеевропейскую войну, противную ихъ интересамъ [1]), прусскій король старался выяснить себѣ, насколько можно воздѣйствовать на Россію черезъ своего новаго союзника—Георга II. Ради этого Фридрихъ II предупредилъ Гольдернесса, что Марія Терезія дѣлаетъ попытку сблизиться съ Франціей, и просилъ высказать ему подъ секретомъ свои предположенія на счетъ того, насколько вѣроятно, что въ случаѣ перемѣны системы Австріей и ея соединенія съ Людовикомъ XV, Россія не отдастъ ей предпочтенія передъ Англіей

ствамъ, но герцогъ не терялъ надежды склонить его къ заключенію союза оборонительнаго. Дѣйствительно, король просилъ его даже составить проектъ трактата, но въ то же время познакомилъ герцога со своими переговорами въ Лондонѣ о нейтралитетѣ для Германіи и мѣропріятіяхъ противъ появленія русскихъ въ имперіи. Наконецъ, 27-го января Фридрихъ II потребовалъ Ниверня къ себѣ и сообщилъ ему, что такъ называемая Вестминстерская конвенція подписана. Въ то время, какъ въ Версалѣ это извѣстіе возбудило подозрѣнія противъ политическихъ цѣлей Фридриха II, посланникъ продолжалъ трудиться надъ проектомъ договора; по его мнѣнію, Франція должна была возобновить оборонительный союзъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, производимое конвенціей отъ 16-го января, и не заботиться о томъ, искренно ли, или нѣтъ заключитъ теперь прусскій король этотъ договоръ съ Людовикомъ XV (Nivernais à Rouillé 20-e février 1756 у Ваддингтона). Фридрихъ II извинялся передъ герцогомъ Ниверня, что подписалъ такъ поспѣшно сдѣлку съ Англіей, не предупредивъ версальскаго правительства, и объяснялъ это боязнью русскихъ и задержкой въ пріѣздѣ самого посланника; чтобы разсѣять подозрѣнія, будто бы онъ скрывалъ какія-то тайныя статьи, король далъ ему прочесть самый подлинникъ договора. Вѣроятно, чтобы испытать французскаго уполномоченнаго, Фридрихъ II совѣтовалъ черезъ него версальскому двору заключить сдѣлку о нейтралитетѣ съ Маріей Терезіей и этимъ отдалить Англію отъ Австріи; тогда онъ въ свою очередь убѣдитъ лондонскій дворъ перетянуть Россію на свою сторону и высвободить ее изъ подъ вліянія союза съ Вѣной; такимъ образомъ тройственный союзъ—Георга II, Елисаветы и императрицы-королевы — будетъ разорванъ. Герцогъ Ниверня считалъ это предложеніе какимъ-то политическимъ романомъ и угадалъ, что слухи о переговорахъ между аббатомъ Берни и графомъ Штарембергомъ достигли Потсдама. 27-го февраля проектъ для возобновленія союза, истекавшаго 5-го іюня 1756 года, былъ готовъ; но еще 19-го февраля были уже подписаны отзывныя грамоты для герцога Ниверня съ тѣмъ, чтобы онъ воспользовался ими по обстоятельствамъ. Однако, посланникъ сталъ въ Берлинѣ убѣжденнымъ сторонникомъ какого-либо соглашенія съ Пруссіей и думалъ отсрочить свой отъѣздъ до возобновленія договора (Nivernais, 9-e Mars, у Ваддингтона). Тогда отъ 13-го марта Рулье прямо написалъ ему, что король не считаетъ нужнымъ спѣшить съ возобновленіемъ союза. 27-го марта Ниверня офиціально простился съ Фридрихомъ II въ торжественной аудіенціи, но это отнюдь не означало разрыва. Постояннымъ посланникомъ къ прусскому двору былъ назначенъ маркизъ Валори.

[1]) Отъ 16-го марта, № 7356.

и не поддастся вліянію вѣнскаго двора [1]). Въ отвѣтъ на это Гольдернессъ завѣрялъ (въ мартѣ 1756 г.), что вѣнскій дворъ жестоко ошибется, если воображаетъ силой своего вліянія оторвать Россію отъ интересовъ Георга II. Обѣ императрицы дѣйствительно дружны между собой, но Елисавета всегда предпочтетъ держаться своего союза съ Англіей [2]). Однако, благодаря измѣнѣ Менцеля, Фридрихъ II былъ лучше освѣдомленъ относительно настроенія въ С.-Петербургѣ, нежели Гольдернессъ, и не вполнѣ вѣрилъ въ „чистоту" русскихъ намѣреній; черезъ Мишеля онъ сообщалъ государственному секретарю, что партія Шуваловыхъ была вообще противъ субсидной конвенціи, что императрица Елисавета, узнавъ о Вестминстерскомъ договорѣ, раскаивалась въ своей ратификаціи и твердо рѣшилась сохранить свое доброе расположеніе къ вѣнскому двору [3]). На аудіенціи англійскаго посланника Митчелля 12-го мая Фридрихъ II ручался головой за то, что въ текущемъ году миръ въ Германіи не будетъ нарушенъ, но не брался предугадывать того, что можетъ случиться въ слѣдующемъ. Если миръ въ имперіи нарушится вслѣдствіе соглаше-

---

[1]) Отъ 21-го февраля № 7286: Si alors l'Angleterre saurait compter malgré cela sur la Russie et si elle pouvait faire fond sur la cour de Petersbourg qu'elle ne se laisserait pas entraîner par celle de Vienne. Ср. № 7299 отъ 24-го февраля № 7328 отъ 6-го марта и № 7342 отъ 11-го марта.

[2]) № 7397: qu'il était vrai que les deux Impératrices étaient bonnes amies, mais que celle de Russie s'en tiendrait toujours préférablement à ses liaisons et à ses engagements avec l'Angleterre. Клинггрэффенъ сообщалъ изъ Вѣны отъ 19-го февраля, что по мнѣнію Кейта Австрія врядъ ли предприметъ что-либо, не войдя въ болѣе тѣсныя отношенія съ с.-петербургскимъ дворомъ, Россія же предпочтетъ ничего не дѣлать, получать ежегодно сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ и сохранить выгодную торговлю съ Англіей. Таковы были надежды Кейта. На отзывы самого Клинггрэффена Фридрихъ II не вполнѣ полагался, такъ какъ подозрѣвалъ, что его нарочно сбиваютъ съ толку. См. В. XI, №№ 7111 и 7154. Наиболѣе важныя свѣдѣнія о Россіи и Англіи король самъ сообщалъ своему посланнику. В. XII, №№ 7190, 7232.

[3]) № 7424 отъ 13-го апрѣля на основаніи донесенія Функа отъ 21 февраля, сообщеннаго Мальцаномъ изъ Дрездена отъ 5-го апрѣля. Отъ 6-го февраля Мальцанъ извѣстилъ короля, что по требованію русскаго двора Функу посланы 17-го декабря 1755 года отзывныя грамоты (№ 7307). Фридрихъ II считалъ отъѣздъ Функа прямо-таки потерей (comme une vraie perte) и просилъ Мальцана постараться добыть отъ Функа въ Дрезденѣ недостававшія еще свѣдѣнія объ истинномъ расположеніи Елисаветы и ея министровъ къ Англіи и Вѣнѣ при наличномъ стеченіи обстоятельствъ, а также о конференціяхъ, засѣдавшихъ 23-го и 25-го марта. См. № 7423 отъ 13-го апрѣля. Дальнѣйшія извѣстія изъ С.-Петербурга должны были идти отъ секретаря Прассе.

нія между Вѣной и Версалемъ, то прусскій король пойдетъ заодно съ Георгомъ II сразу и противъ австрійцевъ, и противъ французовъ, но онъ желалъ знать, увѣрено ли англійское правительство въ Россіи? Митчелль дважды отвѣчалъ, что Георгъ II вполнѣ увѣренъ и полагается на русскихъ [1]). Тогда Фридрихъ II сталъ сравнивать силы обѣихъ партій, готовыхъ нарушить миръ въ Германіи; Марія Терезія могла, по его расчету, выставить 100 тысячъ, Франція 50 тысячъ преимущественно нѣмецкаго войска, а противъ нихъ король англійскій будетъ располагать 25—30 тысячами субсидированнаго войска и Пруссія—сотней тысячъ. Итакъ, 30 тысячъ русскихъ могли бы очень пригодиться виновникамъ Вестминстерской конвенціи; чтобы ускорить ихъ появленіе на театрѣ войны въ Германіи, король предлагалъ посадить ихъ на галеры въ Ливоніи и Курляндіи, вдоль береговъ Пруссіи и Помераніи перевезти въ Роштокъ и высадить тамъ на берегъ. Но припадки такого самообольщенія бывали у Фридриха II кратковременны. На возвратномъ пути въ Дрезденъ Функъ изъ Курляндіи (Didenhoff, 31-го марта) послалъ впередъ свое послѣднее донесеніе, содержаніе котораго Мальцанъ и могъ сообщить королю [2]). По новымъ свѣдѣніямъ русская императрица и ея министры, въ особенности канцлеръ Бестужевъ, были болѣе, чѣмъ когда-либо, недовольны поведеніемъ Англіи и вслѣдъ за вѣнскимъ дворомъ величаютъ измѣной Георга II его конвенцію съ Пруссіей о нейтралитетѣ. Все это Мишель долженъ былъ передать Гольдернессу [3]) и просить его, не теряя времени, разсѣять при с.-петербургскомъ дворѣ всю ложь и всѣ подозрѣнія, внушенныя Австріей, и вернуть императрицу Елисавету и ея министровъ на прежній путь; только тогда можно будетъ полагаться на Россію и перестать бояться, что вѣнскій дворъ оторветъ ее отъ Англіи и втянетъ въ свои личные широкіе замыслы. Митчелль на аудіенціи 24-го мая старался успокоить короля и изъ наказа Гольдернесса (Whitehall, 14-го мая) сообщилъ ему извѣстіе отъ Уильямса изъ С.-Петербурга (отъ 11-го апрѣля), будто бы попытки внушить императрицѣ недовѣріе къ англо-прусской конвенціи оставались до сихъ поръ безуспѣшными, и отъ Кейта изъ Вѣны (отъ 27-го марта) о томъ, что Кейзерлингъ получилъ отъ своего

---

[1]) № 7493: but, says he, are you sure of the Russians? I replied, the King, my master, thought so... He asked me whether we were absolutely sure of the Russians? I told him I believed we were.

[2]) Отъ 12-го мая, № 7502.

[3]) Наказъ отъ 18-го мая № 7500.

двора предписаніе поддержать тамъ англійскіе интересы. Однако посланникъ замѣтилъ, что нѣкоторыя сомнѣнія и недовѣріе все-таки остались у Фридриха II и послѣ его сообщенія [1]). Король говорилъ о томъ, какъ важно, чтобы вліяніе Георга II осталось въ силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ: пока Россія обезпечена для союзниковъ, миру въ Германіи не грозитъ опасность [2]); надо слѣдить за русскимъ дворомъ какъ въ виду его непостоянства, такъ и потому, что Франція старается отбить его у англичанъ. Фридрихъ II былъ увѣдомленъ, что какъ разъ теперь въ С.-Петербургъ присланъ изъ Парижа Дугласъ, креатура д'Аржансона, что онъ уже представленъ императрицѣ и, какъ думали, снабженъ ввѣрительными грамотами. Король объяснилъ Митчеллю и весь смыслъ своихъ переговоровъ съ герцогомъ Ниверно; ему нужно было помѣшать войнѣ сдѣлаться всеобщей; онъ даже надѣялся въ то время сблизить оба враждующіе народа и привести ихъ къ сознанію взаимныхъ интересовъ. Онъ и теперь держится того же взгляда и охотно воздержался бы отъ участія въ войнѣ, пока можно, но, если чужеземное войско вторгнется въ Германію, онъ исполнитъ свои обязательства и готовъ содѣйствовать переправѣ 30 тысячъ русскихъ для высадки въ Роштокѣ или Штетинѣ; они будутъ служить какъ бы залогомъ вѣрности всей русской имперіи и препятствіемъ для нея выступить противъ участниковъ Вестминстерской конвенціи [3]). Одно только смущало Фридриха II: онъ узналъ, что Уильямсъ въ С.-Петербургѣ старался войти въ милость къ великой княгинѣ и этимъ возбудилъ ревность и тревогу у императрицы; король побаивался, какъ бы англійскіе интересы не пострадали отъ этого [4]).

Только къ іюню Фридрихъ II убѣдился, что сближеніе между Парижемъ, Вѣной и С.-Петербургомъ состоялось и что Вестминстерская конвенція не осуществила его надеждъ — сохранить дружбу съ Франціей и черезъ лондонскій дворъ возстановить прежнія связи съ

---

[1]) № 7520.

[2]) That, while Russia was secured, the peace of Germany was safe.

[3]) № 7520. They will serve as a pledge for the fidelity of the Russian Empire and prevent its being induced to take a part against us. Черезъ Мишеля Фридрихъ II сообщалъ англійскимъ министрамъ, что въ концѣ апрѣля прибылъ въ С.-Петербургъ Дугласъ, 6-го мая будто-бы представленъ великимъ канцлеромъ императрицѣ и, какъ говорятъ, имѣетъ порученіе отъ версальскаго двора и переводы на большія суммы. № 7521.

[4]) № 7549 отъ 5-го іюня и № 7535 о Уильямсѣ.

Россіей. Съ конца мая король зналъ [1]), что союзный договоръ между Маріей Терезіей и Людовикомъ XV уже подписанъ въ Версалѣ и что Кауницъ оправдывалъ его передъ англійскимъ посланникомъ опасностью, грозившей австрійскимъ Нидерландамъ вслѣдствіе ихъ выключенія изъ подъ гарантіи по Вестминстерской конвенціи [2]). Наконецъ, 13-го іюня маркизъ Валори и графъ Пуэбла вручили копію съ оборонительнаго договора отъ 1-го мая между ихъ державами. Французскій посланникъ казался недовольнымъ новой системой своего двора; онъ утверждалъ, какъ и Рульэ, что договоръ вызванъ желаніемъ Франціи сохранить миръ и спокойствіе въ Европѣ, а въ частности въ Германіи, и выражалъ надежду, что все это не ослабитъ узъ дружбы, связывающихъ Берлинъ съ Версалемъ [3]). Съ другой стороны изъ Гаги (отъ повѣреннаго въ дѣлахъ фонъ-Геллена отъ 31-го мая и 1-го іюня) Фридрихъ II получилъ извѣстіе, что графу Головкину уже пришелъ наказъ жить отнынѣ въ добромъ согласіи и тѣсномъ общеніи съ представителями Франціи [4]). Сопоставляя слухи о Дугласѣ съ сношеніями между графомъ Боннакомъ и Головкинымъ въ Голландіи и съ версальскимъ договоромъ, король приходилъ къ выводу, что Франція и Австрія согласились привлечь къ своему союзу императрицу Елисавету и что ея присоединеніе можетъ быть уже было обезпечено заранѣе.

Приходилось подумать о средствахъ обороны, чтобы устоять противъ назрѣвавшей грозной коалиціи [5]). По мнѣнію Фридриха II лондонскій дворъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку удержать „отпаденіе“ (défection) императрицы Елисаветы; если онъ сохранитъ въ своемъ распоряженіи Россію, то союзникамъ нечего бояться войны въ Германіи [6]). Но если эта попытка не удастся, такъ Англія и Пруссія должны въ свою очередь принять угрожающее положеніе, усилить себя по мѣрѣ возможности наборами войска, субсидными до-

---

[1]) № 7519 отъ 24-го мая.

[2]) №№ 7520—22.

[3]) Отъ 14-го іюня № 7568.

[4]) De vivre dorénavant en bonne harmonie et en plus grande liaison avec les ministres de France.

[5]) № 7551 отъ 8-го іюня: pour se soutenir contre une ligne aussi formidable et supérieure en forces. № 7550 отъ 7-го іюня: pour ne pas succomber contre un parti si formidable et supérieur.

[6]) Si l'Angleterre garde à sa disposition la Russie, nous n'aurons point à appréhender la guerre en Allemagne.

говорами и т. п., чтобы въ будущемъ году мощно противостать предпріятіямъ враговъ. Надо подумать и о диверсіяхъ противъ державъ, которыя съ превосходными силами нападутъ на участниковъ Вестминстерской конвенціи; лучшее средство—побудить Турцію объявить войну австрійцамъ и русскимъ, чтобы отвлечь ихъ силы. На Саксонію союзники не могли расчитывать, такъ какъ графа Брюля король считалъ австрійцемъ въ душѣ, но Англія могла бы получить за субсидію войско у курфюрста кельнскаго, герцога брауншвейгскаго, ландграфа гессенъ-кассельскаго и друг., всего 40 — 50 тысячъ человѣкъ. На случай нападенія русскихъ на Пруссію, Фридрихъ II желалъ уже теперь заручиться обѣщаніемъ англійскаго министерства послать тогда флотъ въ Балтійское море для обороны побережья [1]). Въ бесѣдѣ съ Митчеллемъ король кромѣ призыва Турціи намѣтилъ еще два средства на случай утраты Россіи—вызвать диверсіей религіозную войну въ Венгріи и попытаться устроить государственный переворотъ въ С.-Петербургѣ [2]). Наконецъ, англійскіе дипломаты сами должны были сознаться, что ихъ вліяніе при дворѣ Елисаветы пошатнулось. Митчелль счелъ своимъ долгомъ открыться графу Финкенштейну [3]), что, судя по краткимъ письмамъ Уильямса, доставленнымъ курьеромъ [4]), положеніе дѣлъ въ Россіи неблагопріятно для англійскаго правительства; къ тому же, по разсказамъ курьера, дорога отъ Нарвы до Риги и далѣе до Митавы была загромождена русской пѣхотой и обозами. Фридрихъ II сталъ отчаяваться, чтобы Англія могла еще вернуть себѣ русскую дружбу [5]). Въ довершеніе всего Мальцанъ прислалъ ему изъ Дрездена (отъ 18-го іюня) письмо графа Флемминга къ Брюлю (отъ 9-го іюня), которое разсѣяло у короля послѣднія сомнѣнія. Саксонскій посланникъ писалъ изъ Вѣны, что по его убѣжденію воинственныя демонстраціи Россіи лишь слѣдствіе ея соглашенія съ Маріей Терезіей. По внушеніямъ австрійскаго двора кто-то воспользовался личнымъ раздраженіемъ Елисаветы противъ прусскаго короля и изобразилъ ей положеніе дѣлъ въ Европѣ крайне благопріятнымъ для нападенія на Фридриха II, такъ какъ императрица-

[1]) № 7550 отъ 7-го іюня и № 7551.

[2]) Аудіенція 10-го іюня № 7558: An application to the Turks, to attempt a revolution in Russia, to raise a religious war in Hungary by way of diversion.

[3]) 18-го іюня, № 7582.

[4]) Курьеръ Поллокъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 6-го іюня, прибылъ въ Берлинъ 17-го іюня.

[5]) № 7596 отъ 22-го іюня.

королева заручилась обѣщаніемъ Франціи не мѣшать ихъ замысламъ противъ Пруссіи, а потому теперь нечего бояться ни Порты, ни Швеціи. Флеммингъ предполагалъ, что по уговору между императорскими дворами Россія должна была скрывать пока истинную причину своихъ вооруженій и заканчивать ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ, будто-бы она готовится исполнить обязательства передъ Англіей, связанныя съ субсидной конвенціей; какъ только все будетъ готово, союзницы неожиданно обрушатся на короля прусскаго [1]). Подъ впечатлѣніемъ этого правдоподобнаго толкованія русско-австрійской политики Фридрихъ II выработалъ свою инструкцію (отъ 23-го іюня) для генералъ-фельдмаршала Левальдта на случай войны [2]). Извѣщая о сосредоточеніи русскихъ войскъ у Риги и Митавы, король высказывалъ увѣренность въ томъ, что Левальдту съ самаго начала войны удастся разбить ихъ и прогнать обратно за границу въ виду негодности русскихъ генераловъ, въ особенности самого Апраксина; тогда фельдмаршалъ можетъ первый вступить съ ними въ переговоры о мирѣ. Если Левальдтъ одержитъ побѣду прежде, чѣмъ завяжется дѣло у короля съ австрійцами, то онъ можетъ заключить съ русскими миръ подъ условіемъ блюсти нейтралитетъ. Если же ко времени мирныхъ переговоровъ Фридриху удастся на голову разбить австрійцевъ, въ такомъ случаѣ Левальдтъ долженъ добиться вознагражденія въ видѣ ли всей польской Пруссіи, или только Эльбинга, Торна, Кульма, съ тѣмъ, чтобы русскіе договорились сами объ уступкѣ этихъ областей съ Рѣчью Посполитой [3]). Хотя донесеніе голландскаго посланника Сварта изъ С.-Петербурга (отъ 12-го іюня), перлюстрованное въ Берлинѣ, и говорило о внезапной пріостановкѣ движенія русскихъ войскъ и отъѣзда командующихъ генераловъ въ Ливонію, однако Фридрихъ II принялъ, наконецъ, первыя мѣры предосторожности; ради защиты своихъ границъ онъ отдалъ нѣсколькимъ полкамъ приказъ передвинуться въ Померанію, а съ другой стороны велѣлъ напоказъ разбить лагерь близъ Гальберштадта на 20 тысячъ человѣкъ [4]). Вскорѣ вслѣдъ за этимъ передви-

---

[1]) dés que les préparatifs seraient achevés, on tomberait inopinément sur le roi de Prusse. № 7608.

[2]) № 7601.

[3]) № 7601.

[4]) Въ Hornburg'ѣ, №№ 7618 и 7625 отъ 26-го и 29-го іюня. Въ Померанію были двинуты 4 полка — Darmstadt, Amstel, Alt = Württemberg, Franz = Braunschweig и гренадерскій баталіонъ Kahlden при 22 полевыхъ орудіяхъ. См. № 7631. Приказъ отъ 25-го іюня принцу Францу Брауншвейгскому въ Кенигсбергѣ въ

женіемъ полковъ графъ Финкенштейнъ узналъ, что австрійскій посланникъ графъ Пуэбла всюду жалуется на неожиданныя военныя приготовленія Фридриха II, къ которымъ вѣнскій дворъ не подавалъ ни малѣйшаго повода, и грозитъ, что такія демонстраціи принудятъ Марію Терезію въ свою очередь вооружиться ради обороны. Прусскій министръ дѣлалъ отсюда выводъ, что Австрія постарается свои собственныя вооруженія изобразить передъ Европой простыми мѣрами предосторожности; предчувствуя, что Версальскій договоръ и ея военныя приготовленія въ Богеміи и Моравіи вызовутъ со стороны короля какой-либо рѣшительный шагъ, она рада объявить его нападающей стороной и подъ этимъ предлогомъ потребовать помощи у Франціи и Россіи [1]).

Слухи объ австрійскихъ вооруженіяхъ дѣйствительно стали доходить до Потсдама съ первыхъ чиселъ іюля. По свѣдѣніямъ полковника Неттельгорста (Рейхенбахъ 30-го іюня) на основаніи письма изъ Моравіи отъ 24-го іюня [2]), полки въ Богеміи и Моравіи находились въ необычномъ движеніи, нѣсколько венгерскихъ шло ближе къ границѣ, другіе ожидались изъ Италіи. Въ Богеміи предполагалось сосредоточить 60 тысячъ, въ Моравіи 40 тысячъ; лошади для артиллеріи набирались въ австрійскихъ областяхъ, чтобы избѣжать шума на границахъ. Въ крѣпость Ольмюцъ доставлялись амуниція и орудія. Зато новое донесеніе Сварта генеральнымъ штатамъ отъ 19-го іюня, перлюстрованное въ Берлинѣ 3-го іюля, сообщало, что русскія

Новой маркѣ предписывалъ поставить свой полкъ на военную ногу, призвать всѣхъ находящихся въ отпуску и двойныхъ сверхкомплектныхъ и на шестой день по полученіи приказа двинуться въ Кёслинъ въ Заднюю Померанію. Соотвѣтствующіе приказы отправлены въ тотъ же день наслѣдному принцу гессенъ-дармштадтскому въ Пренцлау, генералъ-майору Амстелю въ Штеттинъ, полковнику фонъ-Кальдену въ Трейенбрицеyъ, генералъ-майору фонъ-Пфулю въ Берлинъ. См. № 7609. Приготовленіе лагеря у Горнбурга производилось напоказъ, чтобы сбить съ толку непріятеля. Въ этомъ смыслѣ Финкенштейнъ со словъ Фридриха II говорилъ Митчеллю еще 26-го іюня: que, Votre Majesté étant occupée à faire des arrangements et à prendre des mesures pour Se mettre en sûreté contre les entreprises de Ses ennemis et pour les dérouter, Elle avait pris la résolution de faire tracer un camp à Hornburg dans le pays de Halberstadt. (XII, № 7618). То же самое повторилъ англійскому посланнику и самъ король 27-го августа: that he had ordered several camps to be marked out, particularly that at Hornburg, which he never intended to occupy, that his design in this was pour donner le change à ses ennemis, who... had not yet penetrated his real intentions. (XIII, № 7930).

[1]) Pol. Corr., B. XIII, № 7637 отъ 1-го іюля.

[2]) Король зналъ эти вѣсти уже 3-го іюля. См. №№ 7650, 7648.

сухопутныя и морскія вооруженія пріостановлены и отмѣнены, а корпусу нерегулярнаго войска въ 25—30 тысячъ человѣкъ посланъ приказъ вернуться съ дороги [1]). Фридрихъ II готовъ былъ вѣрить, что Уильямсу все-таки удалось измѣнить положеніе вещей при с.-петербургскомъ дворѣ [2]). Съ этихъ поръ прусскій король начинаетъ серьезно ждать нападенія австрійцевъ [3]). Клинггрэффенъ писалъ изъ Вѣны отъ 3-го іюля, что предполагается собрать два кавалерійскихъ лагеря, одинъ въ Раабѣ къ 16-му іюля, другой въ Китзэ—къ половинѣ августа; по окончаніи упражненій они двинутся въ Богемію и Моравію, гдѣ въ сентябрѣ будетъ образовано два большихъ лагеря въ родѣ, какъ за два года передъ тѣмъ. Наконецъ, изъ Дрездена отъ 14-го іюля было дано знать, будто бы всѣ австрійскія войска изъ Венгріи были двинуты въ лагеря въ Богемію и Моравію [4]). Еще 1-го іюля король былъ предупрежденъ, что австрійцы хотятъ купить 8 тысячи лошадей въ той же области Ганновера, гдѣ дѣлали свои закупки прусскіе ремонтеры [5]). Митчелль обѣщался было написать объ этомъ въ Ганноверъ, но австрійскій барышникъ Альтфатеръ продолжалъ свои закупки лошадей въ Голштиніи, Мекленбургѣ и Ганноверѣ, получивъ заказъ на 6 тысячъ головъ [6]). Фридрихъ II считалъ теперь положеніе настолько запутаннымъ, что не видѣлъ средства выйти изъ него безъ разрыва [7]). 15-го іюля король писалъ наслѣдному принцу, что все клонится къ войнѣ и остается только одно средство—скорѣе опередить своихъ враговъ [8]), а на аудіенціи 16-го іюля онъ высказалъ Митчеллю мнѣніе, что Марія Терезія рѣшилась на войну [9]); онъ самъ, правда, уже приготовился, но, чтобы избѣ-

---

[1]) № 7650.

[2]) № 7661.

[3]) 3-го іюля онъ пишетъ шведской королевѣ: je me vois sur le point d'être attaqué d'un jour à l'autre par l'Autriche et par la Russie, № 7645; къ 4-му іюлю относятся инструкціи коменданту Козеля фонъ-Латторфу и коменданту Швейдница фонъ-Кальсову на случай вторженія непріятеля въ Силезію и дѣйствительной осады ихъ крѣпостей, №№ 7651—52.

[4]) № 7711.

[5]) № 7650.

[6]) №№ 7703, 7712.

[7]) Sans parvenir à l'éclat. № 7707 отъ 16-го іюля герцогу Брауншвейгскому.

[8]) № 7704. Je me trouve sur la fin de mes eaux et je crois en même temps bien près de la guerre. Tout s'y achemine et je n'aurai de moyen que de gagner de vitesse sur mes ennemis.

[9]) По воспоминаніямъ Митчелля, онъ будто-бы первый посовѣтовалъ Фрид-

жать неожиданностей, собирался сдѣлать ей запросъ о причинахъ чрезвычайныхъ военныхъ приготовленій и движенія многочисленнаго войска въ Богемію и Моравію [1]). Съ этихъ поръ Фридрихъ II началъ стягивать войска и къ саксонской границѣ. 17-го іюля онъ послалъ приказъ генералъ-маіору фонъ-Квадту въ Гаммѣ призвать двойныхъ сверхкомплектныхъ и выступить черезъ 6 дней по полученіи письма съ своимъ полкомъ въ область Гальберштадта, куда направлены еще полки Кноблохъ и Ней-Видъ [2]), а 18-го іюля — наказъ Клинггрэффену въ Вѣнѣ, потребовать у императрицы аудіенціи и сдѣлать ей отъ имени короля запросъ въ виду движенія войска въ Богемію и Моравію, не имѣютъ ли эти вооруженія цѣлью напасть на него. Если бы Марія Терезія отвѣтила на это, что она слѣдуетъ примѣру прусскаго короля, передвинувшаго свои войска, то посланникъ долженъ былъ указать, что его государь перевелъ войска въ Померанію для прикрытія Пруссіи на случай злостныхъ замысловъ русскихъ, стянувшихъ въ этой мѣстности 70 тысячъ, но ничего не измѣнилъ на границахъ Силезіи и вообще не сдѣлалъ ни одного распоряженія, способнаго внушить тревогу императрицѣ-королевѣ [3]). Тотчасъ послѣ этого король получилъ черезъ фонъ-Геллена новыя вѣсти изъ Гаги отъ 13-го іюля, добытыя повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ тамошняго представителя Англіи полковника Іорка; по этимъ свѣдѣніямъ императрица Елисавета готова была присоединиться къ договору между Вѣной и Версалемъ и заодно съ 80 тысячами австрійцевъ обрушиться на Фридриха II съ 120 тысячами русскихъ; впрочемъ Россія не была еще готова для нападенія въ нынѣшнемъ году [4]). Вскорѣ эти вѣсти были подтверждены документально [5]). Король убѣдился, что существовало соглашеніе между обѣими императрицами

рихy II сдѣлать Маріи Терезіи запросъ о причинахъ ея вооруженій, прежде чѣмъ начинать войну. См. Waddington, ibidem, p. 488.

[1]) № 7711.

[2]) № 7721.

[3]) Rien n'avait remué sur ses frontières de Silesie. № 7722.

[4]) № 7729. Король получилъ эти вѣсти, вѣроятно, 20-го іюля. (Ne pouvait pas être prête pour un pareil dessein cette année-ci). Фонъ-Гелленъ думалъ, что полковникъ Іоркъ извлекъ ихъ изъ донесеній Сварта, писемъ отъ Кейта и разговоровъ съ графомъ Головкинымъ. № 7730.

[5]) А именно greffier Фагель далъ прочесть Іорку письмо Сварта къ нему изъ С.-Петербурга отъ 19-го іюля, а фонъ-Гелленъ со словъ англійскаго посланника сообщилъ все его содержаніе отъ 16-го іюля изъ Гаги Фридриху II къ 21-му іюля. № 7735.

напасть на него еще въ текущемъ году, но что наступленіе отложено до слѣдующей весны, такъ какъ русская армія въ Лифляндіи и Курляндіи въ дѣйствительности достигала лишь 53 тысячъ человѣкъ и должна была еще пополниться наборомъ до 75—80 тысячъ; по его свѣдѣніямъ изъ послѣдняго набора въ 70 тысячъ болѣе половины разбѣжалось на пути, а добрая четверть погибла отъ болѣзней (crevé de maladie), не достигши мѣста назначенія; къ тому же и вѣнскому двору приходилось еще наладить много мелочей за зиму, чтобы быть въ состояніи осуществить свой обширный проектъ [1]). Ссылаясь на эти извѣстія, Фридрихъ II заявилъ своему министру графу Подевильсу на послѣобѣденной бесѣдѣ 21-го іюля, что онъ рѣшился предупредить своихъ враговъ [2]). Министръ не вполнѣ раздѣлялъ рѣшимость своего государя и еще разъ напомнилъ, какъ опасно начинать наступленіе, прижимать Францію и Россію, такъ сказать, къ стѣнѣ и вопреки ихъ желанію принуждать ихъ уже въ этомъ году къ исполненію обязательствъ по договорамъ о гарантіи и взаимной оборонѣ; вѣдь король еще не ощущаетъ пока такой безысходной нужды, чтобы идти противъ трехъ могущественныхъ державъ; вмѣсто этого лучше воспользоваться отсрочкой почти въ 10 мѣсяцевъ [3]), укрѣпить свою партію внутри и внѣ имперіи, попытаться возобновить переговоры о мирѣ между Англіей и Франціей, обезпечить себѣ и Георгу II за субсидіи еще войска кое-какихъ им-

---

[1]) № 7747: de plus la cour de Vienne avait de son côté aussi à régler bien des détails encore pendant l'hiver, avant d'avoir ajusté le tout au point de pouvoir mettre son vaste projet en exécution. Ср. №№ 7748 и 7735 отъ 22-го іюля: ehe aber könnte weder der wienersche Hof mit seinen Praeparatorien fertig sein, noch der russische die ihm nöthige Recruten zu Completirung der Regimenter anschaffen... dass endlich in Petersburg vor Engelland alles auf einmal aus und solches von dem Bestushew rondement an Williams declariret worden wäre. Послѣднее не вполнѣ подтверждается письмами Уильямса отъ 6-го и 9-го іюля, по которымъ великій канцлеръ сказалъ англійскому послу: „qu'il ferait son possible pour empêcher l'accession de sa cour au traité de Versaille“ или „vous pouvez dire au Roi de ma part que je suis résolu et à présent en état de ramener cette cour à la façon juste de penser et je n'ai point de doute de l'accomplir en six mois au plus tard“. № 7746. Митчелль отъ 22-го іюля.

[2]) № 7735: „das Praevenire zu spielen“. Ср. № 7746: il ne me reste plus que prevenire quam preveniri, отъ 24 іюля.

[3]) № 7735: In was vor einen terriblen Embarras Se. Königl. Majestät zu gleicher Zeit ohne anitzo noch dringende Noth gesetzet werden dürften, dreien so mächtigen Puissanzen zugleich zu resistiren, anstatt das beneficium temporis, so von nun an bis künftige Operationssaison beinahe 10 Monate wäre etc.

перскихъ чиновъ и въ то же время держать наготовѣ внушительныя арміи въ Пруссіи, Силезіи и другихъ областяхъ, дабы образумить враговъ. Всѣ эти доводы Фридрихъ II счелъ за проявленіе излишней боязливости и отпустилъ своего министра со словами: „прощайте, человѣкъ трусливой политики!“ (Adieu, Monsieur de la timide politique!) Въ отвѣтъ на донесеніе полкового командира Кіау [1]) (Kyau) о томъ, что вѣнскій дворъ рѣшилъ 7-го іюля двинуть 18-ть полковъ въ лагерь у Голлешау за Ольмюцемъ, король 22-го іюля отдалъ приказъ кавалерійскимъ полкамъ Кіау и принца Шёнайхъ двинуться подъ предлогомъ совмѣстныхъ упражненій на квартиры у Оппельна и Леобшюца, а гусарскому полку Wechmar идти для упражненій въ Ратиборъ и оттуда выслать патрули для развѣдокъ къ Троппау [2]). Но еще 30-го іюля Фридрихъ II говорилъ Митчеллю, что, хотя онъ уже и теперь готовъ и могъ бы быть въ Силезіи въ 6 дней, онъ все-таки отсрочитъ начало военныхъ дѣйствій до конца августа, чтобы сдѣлать немыслимымъ на нынѣшній годъ появленіе французовъ въ Германіи [3]).

Между тѣмъ 26-го іюля Клингграэффенъ былъ принятъ Маріей Терезіей на аудіенціи въ Шёнбруннѣ и передалъ запросъ короля; императрица прочла ему свой заранѣе приготовленный отвѣтъ по бумагѣ, что въ виду критичности общаго политическаго положенія она нашла нужнымъ ради безопасности своей собственной и своихъ союзниковъ принять мѣры, которыя никому не грозятъ вредомъ. Получивъ этотъ отвѣтъ въ Потсдамѣ 2-го августа, Фридрихъ II сталъ разсылать приказы по полкамъ мобилизоваться и двигаться въ походъ по первому слову. Нападенія со стороны Россіи король не ждалъ ранѣе весны слѣдующаго года [4]), но миръ или война съ австрійцами зависѣли теперь отъ предстоявшаго отвѣта Маріи Терезіи на его вторичный запросъ [5]). Въ виду этого фельдмаршалъ графъ Шверинъ получилъ приказъ отправиться въ Нейссе и тамъ ждать курьера изъ Вѣны съ новымъ отвѣтомъ, дабы въ случаѣ неизбѣжности войны принять первыя мѣры къ сосредоточенію войскъ еще до прибытія самого

---

[1]) Отъ 19-го іюля изъ Ратибора.

[2]) №№ 7742—43.

[3]) № 7758.

[4]) № 7817.

[5]) № 7796 отъ 2-го августа. Cette année-ci on se croit en sûreté contre les entreprises des Russes; il est à croire qu'ils se mettront en marche le printemps qui vient.

Фридриха II; всѣ полки, имѣвшіе свои кантоны въ Верхней Силезіи, уже теперь должны были призвать двойныхъ сверхкомплектныхъ [1]). Клинггрэффену еще въ тотъ же день 2-го августа было послано предписаніе сдѣлать императрицѣ-королевѣ новое заявленіе отъ имени Фридриха II: ни Маріи Терезіи, ни ея союзникамъ не грозитъ нападеніе, а исключительно прусскому королю; король знаетъ за вѣрное, что въ началѣ нынѣшняго года Австрія и Россія заключили противъ него наступательный союзъ; обѣ императрицы должны были напасть на него неожиданно, Елисавета съ арміей въ 120 тысячъ человѣкъ, Марія Терезія съ 80-ю тысячами воиновъ. Осуществленіе этого замысла предполагалось начать уже въ минувшемъ маѣ, но оно было отложено, такъ какъ русскому войску не хватало рекрутъ, ихъ флоту—матросовъ. Оба двора согласились отложить все дѣло только до будущей весны. Теперь въ виду сосредоточенія австрійскаго войска въ Богеміи и Моравіи король считаетъ себя въ правѣ потребовать у императрицы-королевы торжественнаго и опредѣленнаго заявленія, устнаго или письменнаго, что она не имѣетъ намѣренія напасть на него ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ [2]). Король какъ бы предоставлялъ Маріи Терезіи рѣшить, будетъ ли между ними война, или миръ. Самъ Фридрихъ II въ сущности уже теперь считалъ войну неизбѣжной [3]). Собираясь неожиданнымъ нападеніемъ предупредить державы, подготовлявшія противъ него наступленіе, Фридрихъ II въ Политической перепискѣ за августъ 1756 года часто возвращается къ своей любимой мысли, что начать первымъ непріязненныя дѣйствія еще не значитъ быть нападающей стороной; по старой памяти онъ готовъ былъ приписать Гуго Гроцію установленіе этого различія [4]). Нападающей стороной (l'agresseur) надо считать

---

[1]) Les doubles Beurlaubten. № 7796 отъ 2-го августа. Полкъ герцога брауншвейгъ-беверискаго въ Штеттинѣ долженъ былъ мобилизоваться къ 14-му августу. № 7797.

[2]) № 7795 отъ 2-го августа.

[3]) 9-го августа онъ писалъ сестрѣ маркграфинѣ Байрейтской: je crois la guerre inévitable, j'attends le dernier mot de la reine de Hongrie: ce sera elle qui choisira de la paix ou de la guerre. Ср. Левальдту отъ 7-го августа № 7817.

[4]) № 7834 графу Подевильсу отъ 12-го августа. Слова „Im übrigen distinguirete Ich sehr zwischen dem ersten Agresseur und zwischen die ersteren Hostilitäten, eine Distinction, die Ich glaubete, dass Hugo Grotius schon solche gemachet habe" очевидно принадлежатъ Фридриху II, а не Эйхелю. Ср. № 7859, барону Книпгаузену отъ 16-го августа: la distinction solide et fondée entre l'agresseur et entre les premières hostilités... cette distinction est exactement conforme

того, кто составляетъ замыслы атаковать и уничтожить другую державу, дѣлаетъ приготовленія для осуществленія этихъ замысловъ, не хочетъ вдаваться въ объясненія и ждетъ только минуты, чтобы нанести ударъ; напротивъ, держава, принужденная вопреки своей волѣ первой начать непріязненныя дѣйствія, чтобы не быть связанной по рукамъ, по ногамъ и задушенной безнаказанно, дѣйствуетъ только оборонительно [1]). Фридрихъ II тѣмъ болѣе не считалъ своихъ военныхъ приготовленій наступленіемъ, что въ случаѣ благопріятнаго отвѣта Маріи Терезіи всегда готовъ былъ взять свои приказы о передвиженіи войска назадъ, сохранить миръ и остаться по старому друзьями съ императрицей-королевой [2]). Наконецъ, 21-го августа

---

au droit de nature et des gens. Ссылка на Гуго Гроція невѣрна. Авторъ трактата „De jure belli ac pacis" (Амстердамъ, изданіе 1632 г.) считалъ предупрежденіе воображаемаго наступленія несправедливостью и этимъ колебалъ основы системы политическаго равновѣсія, практически осуществлявшейся въ Европѣ (Liber II, cap. 1, XVII: „Illud vero minime ferendum est, quod quidam tradiderunt, jure gentium arma recte sumi ad imminuendam potentiam crescentem, quae nimium aucta nocere posset... sed, ut vim pati posse ad vim inferendam jus tribuat, ab omni æquitatis ratione abhorret"). Напротивъ, реалистическое направленіе въ современномъ международномъ правѣ вообще отвергаетъ возможность прилагать понятіе юридической справедливости къ оцѣнкѣ войнъ. Профессоръ Людеръ даже чисто завоевательныя войны отказывается называть несправедливыми и вопросъ о справедливости или несправедливости той или другой исторической войны заранѣе готовъ признать празднымъ. Точно такъ же онъ не считаетъ нападающую державу обязанной торжественно объявить войну своему противнику или даже просто заранѣе оповѣстить о ней во всеобщее свѣдѣніе. См. Handbuch des Völkerrechtes von Holtzendorff, B. IV, 1889 г., отдѣлъ Krieg und Kriegsrecht, von Prof. Lueder. Фридрихъ II свой взглядъ на войны, предупреждающія нападеніе противниковъ, изложилъ еще кронпринцемъ въ L'Antimachiavel. (Oeuvres, t. VIII, 1848). Здѣсь онъ защищаетъ уже и систему политическаго равновѣсія, и право предупредить своихъ враговъ. (Стр. 159. Il y a des guerres de précaution, que les princes font sagement d'entreprendre. Elles sont offensives, à la vérité, mais elles n'en sont pas moins justes. Lorsque la grandeur excessive d'une puissance semble prête à se déborder et menace d'engloutir l'univers, il est de la prudence de lui opposer des digues... Il vaut donc mieux qu'un prince s'engage dans une guerre offensive lorsqu'il est le maître d'opter entre la branche d'olive et la branche de laurier, que s'il attendait à des temps désespérés où une déclaration de guerre ne pourrait retarder que de quelques moments son esclavage et sa ruine. C'est une maxime certaine qu'*il vaut mieux prévenir que d'être prévenu*).

[1]) № 7859: n'agit qu'à son corps défendant. Ср. № 7874: je me soucierai [illegible] e commettre les premières hostilités, ayant des preuves convaincantes qu'ils veulent la guerre et que par conséquent ils sont les agresseurs.

[2]) № 7867: So darf sie Mir nur diejenige Declaration, aber klar und reine

Клинггрэффенъ получилъ отъ графа Кауница отвѣтъ на свой мемуаръ, переданный императрицѣ 20-го августа. Марія Терезія приказала отвѣтить посланнику, что всѣ свѣдѣнія короля прусскаго о наступательномъ союзѣ между Австріей и Россіей безусловно невѣрны и вымышлены и что подобнаго союза противъ Фридриха II не существуетъ, да и никогда не было [1]). Король считалъ все поведеніе вѣнскаго двора неискреннимъ. Въ іюнѣ въ отвѣтъ на русскія вооруженія онъ двинулъ четыре полка въ Померанію и велѣлъ подготовить крѣпости къ оборонѣ. Австрія воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы сосредоточить въ Богеміи и Моравіи 90 тысячъ человѣкъ. Тогда король перемѣстилъ три полка изъ Вестфаліи къ Гальберштадту. Марія Терезія для видимости продолжала говорить миролюбивымъ языкомъ, но въ то же время велѣла разбить лагерь у Hotzenplotz'а непосредственно между крѣпостями Нейссе и Козелемъ; ея богемская армія готова была занять лагерь въ Яромежѣ — въ четырехъ миляхъ отъ Силезіи. Только послѣ этого Фридрихъ II отдалъ приказъ своей арміи готовиться къ походу и обратился къ императрицѣ съ своими запросами. Завѣренія вѣнскаго двора, что онъ ни на кого не собирается нападать и не заключалъ съ Россіей никакого наступательнаго союза, противорѣчатъ очевиднымъ фактамъ— русско-австрійскимъ вооруженіямъ. Почему императрица-королева не сказала ясно, что она не намѣрена нападать на Пруссію [2])? Наконецъ, король уже зналъ изъ письма графа Флемминга, что Кауницъ нарочно посовѣтовалъ своей государынѣ дать неопредѣленный отвѣтъ на первый прусскій запросъ, чтобы не прерывать своихъ военныхъ приготовленій изъ-за дипломатическихъ переговоровъ [3]). Въ виду этого, получивъ 25-го августа вторичный отвѣтъ изъ Вѣны, Фридрихъ II (26-го августа) послалъ наказъ Клинггрэффену—въ третій разъ устно или письменно обратиться къ Маріи Терезіи, заявить ей, что ея объясненія только убѣдили короля въ злыхъ умыслахъ вѣнскаго двора и что ему осталось лишь принять необходимыя мѣры ради собственной безопасности; однако онъ и теперь готовъ отозвать

thun, so Ich von ihr verlanget habe, so bleiben wir Freunde, wie vorhin, und der Friede bleibt conserviret. Ср. № 7862: tout restera tranquille ici et la paix continuera; mais si au contraire la réponse est obscure, équivoque ou mauvaise, je crois que la cour de Vienne aura par là assez déclaré ses desseins pernicieux.

[1]) № 7923.

[2]) № 7923.

[3]) № 7849.

свои войска назадъ, если императрица дастъ желанный отвѣтъ, что не намѣрена атаковать его ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ [1]).

Къ державамъ, принимавшимъ участіе въ заговорѣ противъ него, Фридрихъ II причислялъ и Саксонію и слѣдилъ за ея сношеніями съ Вѣной по донесеніямъ графа Флемминга, которыя добывалъ для него Мальцанъ. Въ концѣ іюля онъ узналъ такимъ путемъ, что Кауницъ обѣщался назначить одного изъ австрійскихъ генераловъ для какого-то соглашенія съ саксонскимъ фельдмаршаломъ графомъ Рутовскимъ; король жаловался по этому поводу, что „плуты" саксонцы кричатъ противъ него въ Вѣнѣ, Парижѣ, С.-Петербургѣ и подсказываютъ все, чтò служитъ ему ко вреду [2]). По донесеніямъ Мальцана (отъ 19-го августа), дрезденскій дворъ былъ готовъ къ тому, что прусскія войска двинутся отъ Магдебурга и Галле черезъ саксонскую территорію, но не ожидалъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ себя; на всякій случай онъ сосредоточивалъ войска, артиллерію и запасы амуниціи въ Кенигштейнѣ и Пирнѣ въ сторонѣ отъ предполагаемаго пути пруссаковъ и въ то же время поближе къ австрійцамъ въ Богеміи [3]). Но на этотъ разъ Фридрихъ II рѣшилъ принять „свои мѣры", чтобы не попасть въ то опасное положеніе, въ которое поставили его саксонцы въ 1744 г. и 1745 г., когда они соединили свои силы съ австрійцами, двинулись вмѣстѣ съ ними въ Силезію и договорились было даже напасть на короля въ сердцѣ его владѣній—въ самомъ Бранденбургѣ [4]). Съ этой оговоркой Мальцанъ долженъ былъ предупредить короля польскаго или его министра графа Брюля о вступленіи прусскаго войска на саксонскую территорію по пути въ Богемію [5]). Принцу Фердинанду Брауншвейгскому уже былъ отданъ приказъ выступить 29-го августа въ походъ [6]). Намѣченныя королемъ мѣры безопасности, очевидно, сводились къ тому, чтобы занять Саксонію на время войны и ввести въ ней военнополевое управленіе, дабы не оставлять у себя въ тылу крайне опаснаго врага [7]). Однако курфюрстъ Августъ обольщался еще

---

[1]) № 7014.

[2]) № 7782 отъ 30-го іюля. Ср. № 7936 отъ 28-го августа.

[3]) № 7892.

[4]) №№ 7927 и 7948.

[5]) № 7915 отъ 26-го августа.

[6]) № 7916 отъ 26-го августа.

[7]) № 7945. Notre plus dangereux ennemi, par rapport à sa mauvaise volonté

нѣкоторое время надеждой обезпечить себѣ нейтральное положеніе. Въ отвѣтъ на требованіе прусскаго посланника дозволить арміи Фридриха II свободный проходъ черезъ Саксонію онъ послалъ (29-го августа) къ королю своего генералъ-лейтенанта Мэгера, чтобы договориться въ подробностяхъ относительно движенія пруссаковъ черезъ его владѣнія, и теперь же протестовалъ противъ нѣкоторыхъ неожиданныхъ заявленій Мальцана, противныхъ мирнымъ договорамъ и взаимной дружбѣ [1]). Но прусская армія была уже на саксонской территоріи, а Фридрихъ II въ отвѣтѣ курфюрсту (отъ 1-го сентября) ясно высказывалъ сожалѣніе по поводу преобладающаго вліянія графа Брюля при дрезденскомъ дворѣ; напротивъ, завѣряя Августа III въ своемъ уваженіи къ нему и его семьѣ и въ своемъ желаніи по возможности щадить его области, король какъ-то неопредѣленно намекалъ на возможность, что его собственные поступки, въ особенности въ началѣ, произведутъ совершенно обратное впечатлѣніе [2]). Дѣйствительно, въ новомъ письмѣ къ Фридриху II (отъ 3-го сентября) курфюрстъ уже жаловался, что прусскія войска захватываютъ казенныя кассы, арестуютъ саксонскихъ офицеровъ, уничтожили часть укрѣпленій въ Виттенбергѣ, а между тѣмъ въ силу декларацій самого короля онъ могъ расчитывать, что пруссаки не намѣрены вести войну противъ Саксоніи и обращаться съ ней, какъ

---

et la situation de ses États. Выписки изъ саксонской политической переписки, характеризующей злую волю графа Брюля, см. при № 7936. Ср. еще № 7918 отъ 31-го августа: comme d'ailleurs je connaissais parfaitement les mauvais desseins de la cour de Dresde contre moi, qui n'épiait que la conjoncture favorable où elle saurait me donner le coup de grâce impunément, la prudence et mon devoir m'ont obligé de prendre d'abord mes sûretés contre une cour ennemie, d'autant plus dangereuse, parceque, sous l'apparence trompeuse d'amitié, elle avait juré ma perte. Инструкцію для министра фонъ-Борка, выработанную еще до отъѣзда короля изъ Потсдама, см. подъ № 7932: die sächsische Lande occupiren müssen, um nicht einen höchst gefährlichen Feind hinter sich zu lassen.

[1]) № 7955. De quelques déclarations inattendues et peu conformes au traité de paix et à l'amitié qui subsiste entre nous, que le baron de Maltzahn y a ajoutées au nom de Votre Majesté.

[2]) № 7955. Un grand Prince que j'estime et que je ne trouve à plaindre qu'en ce qu'il se livre trop aux conseils d'un homme dont les mauvaises intentions me sont trop connues... j'assure Votre Majesté, que, quand même dans quelques moments, surtout du commencement, les apparences me seront contraires, Elle verra... que ses intérêts me seront sacrés.

съ непріятельской землей [1]). Въ виду этого Августъ III отправлялся, къ своей арміи, чтобы во главѣ ея ждать дальнѣйшихъ разъясненій, но при этомъ еще разъ заявлялъ прусскому королю, что онъ охотно готовъ заключить съ нимъ сдѣлку о нейтралитетѣ [2]). Однако, Фридрихъ II открыто говорилъ теперь (5-го сентября), что не можетъ очистить Саксоніи, дабы не отрѣзать себѣ подвоза провіанта [3]). Мальцану король подъ тайной признавался въ своемъ истинномъ намѣреніи—обезоружить саксонскую армію, прежде чѣмъ двигаться въ Богемію [4]). Наконецъ, курфюрстъ рѣшился сдѣлать и дальнѣйшія уступки и (въ письмѣ отъ 12-го сентября) предлагалъ королю заложниковъ, а ради обезпеченія сообщенія по Эльбѣ разрѣшалъ на все время войны занять прусскими гарнизонами Виттенбергъ, Торгау и даже Пирну; за это онъ требовалъ очищенія всей остальной территоріи Саксоніи. Фридрихъ II и на этотъ разъ повторилъ свой откровенный отвѣтъ, данный королю наканунѣ, а именно, что, двигаясь впередъ въ Богемію, онъ не можетъ оставлять саксонскую армію у себя въ тылу [5]).

Между тѣмъ Клинггрэффенъ вручилъ въ Вѣнѣ письменно (2-го сентября) третій запросъ короля и 7-го сентября получилъ на него отвѣтъ Маріи Терезіи. Императрица-королева указывала на вторженіе Фридриха II въ Саксонію и на манифестъ, обнародованный имъ при этомъ случаѣ лично противъ нея, какъ на явные признаки наступленія; послѣ всего этого рѣчь могла идти только объ обнародованіи опроверженія на этотъ манифестъ [6]). 11-го сентября письменный отвѣтъ вѣнскаго двора былъ уже въ рукахъ прусскаго короля. Еще 10-го сентября секретарь Плесманъ и генералъ Вилихъ отобрали изъ захваченнаго въ Дрезденѣ архива бумаги, изобличавшія враж-

---

[1]) № 7981: Qu'elle n'a aucune intention de me faire la guerre, ni de traiter mes États comme des pays ennemis.

[2]) № 7981: Que mon intention n'est nullement de m'éloigner d'une convention de neutralité avec Elle, mais que plutôt j'y donnerai les mains avec une satisfaction parfaite.

[3]) № 7981.

[4]) № 7982.

[5]) №№ 8010 и 8013: Ces précautions consistent, premièrement, en m'assurant du cours de l'Elbe, en second lieu, en ne laissant pas sur mes derrières une armée qui n'attendrait que le moment de me voir bien engagé avec mes ennemis pour entreprendre contre moi.

[6]) № 8017.

дебную Пруссіи политику графа Брюля, и доставили Фридриху II доказательства для самооправданія [1]). Тогда 13-го сентября н. с. король двинулъ свой авангардъ за богемскую границу [2]). Собираясь довести саксонскую армію голодомъ до сдачи, онъ въ то же время (отъ 13-го сентября) еще разъ убѣждалъ курфюрста связать свою судьбу съ счастіемъ Пруссіи [3]); для этихъ переговоровъ онъ послалъ къ Августу III своего генералъ-лейтенанта Винтерфельдта [4]). Но курфюрстъ считалъ для себя немыслимымъ безъ всякой причины поднять оружіе противъ Маріи Терезіи, которой онъ въ силу договора (отъ 1743 г.) долженъ былъ бы, напротивъ, послать помощь въ 6 тысячъ человѣкъ, если бы фактъ нападенія именно со стороны Пруссіи былъ внѣ всякихъ сомнѣній [5]). Къ тому же онъ не признавалъ и своего участія въ наступательныхъ замыслахъ противъ Фридриха II, считалъ захватъ Саксоніи несправедливостью и взывалъ къ суду Европы [6]). Въ отвѣтъ на это прусскій король дѣлалъ различіе между самимъ курфюрстомъ и его министромъ и брался изобличить съ документами въ рукахъ злые замыслы графа Брюля [7]). Переговоры между Августомъ III и Фридрихомъ II ни къ чему не привели, и судьбу Саксоніи рѣшили войско и тактика прусскаго короля. 16-го октября 1756 года фельдмаршалъ Рутовскій, стоявшій во главѣ саксонской арміи при Лиліэнштейнѣ, прислалъ подписанную имъ по довѣренности курфюрста капитуляцію въ лагерь Фридриха II въ Штруппенѣ. Все войско Августа III сдалось на правахъ военноплѣнныхъ и получило разрѣшеніе поступать на прусскую службу; самъ Фридрихъ II признавалъ право уклоняться отъ присяги ему, кажется,

---

[1]) № 8018.

[2]) № 8034.

[3]) Отъ 13-го сентября № 8021. Je l'assure sur mon honneur ...que je n'en veux ni à sa personne, ni aux intérêts de sa famille, mais que, dans les circonstances présentes, il faut que son sort soit lié au mien.

[4]) 14-го сентября № 8033.

[5]) № 8042: n'était ce que le cas de l'agression devient douteux dans la guerre présente.

[6]) № 8069. Votre Majesté saisit mes États sans sujet. L'Europe jugera ma cause et du plan controuvé, dont toutes les cours reconnaîtront facilement la nonexistence, n'ayant jamais fait des propositions qu'on voudrait me prêter.

[7]) Je suis très persuadé que tout le monde impartial verra que la nécessité de mes affaires, surtout la mauvaise volonté du ministère de Votre Majesté, mise clairement au jour, m'ont obligé de prendre un parti contraire à mon inclination et à ma façon de penser. № 8069 отъ 18-го сентября.

только за генералами и офицерами [1]). Финансовое управленіе Саксоніей находилось отнынѣ въ рукахъ министра Борка [2]).

И собираясь предупредить своихъ враговъ внезапнымъ нападеніемъ, и заканчивая войну съ Саксоніей, и переступая черезъ границу Богеміи, Фридрихъ II не переставалъ еще надѣяться, что ему удастся удержать Россію и Францію отъ дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ началѣ іюля (6-го іюля н. с.). Митчелль сообщилъ королю на основаніи донесенія Уильямса ту тайную декларацію, которую Бестужевъ и Воронцовъ вручили ему при обмѣнѣ ратификацій субсиднаго договора ($^{1}/_{12}$ февраля). Фридрихъ II зналъ теперь, что по толкованію русскаго двора диверсія, условленная между Лондономъ и С.-Петербургомъ, можетъ быть направлена только противъ него [3]). По донесеніямъ Прассе графу Брюлю король могъ слѣдить за стараніями графа Эстергази привлечь и Россію къ соглашенію между Вѣной и Версалемъ. Но саксонскій повѣренный въ дѣлахъ по старой привычкѣ придавалъ главное значеніе поведенію канцлера, а потому и не вѣрилъ еще въ возможность разрыва между Елисаветой и Георгомъ II; по его словамъ, Бестужевъ мало сообщался съ Дугласомъ и смягчалъ раздраженіе своего двора противъ участниковъ Вестминстерской конвенціи [4]). Въ разговорѣ съ Уильямсомъ (9-го іюля н. с.) канцлеръ совѣтовалъ ему вооружиться терпѣніемъ, завѣрялъ, что будетъ всѣми силами противодѣйствовать сближенію съ Франціей и обѣщался въ шесть мѣсяцевъ вернуть свой дворъ къ прежней политикѣ [5]). Неудивительно, что и въ августѣ мѣсяцѣ какъ прусскій король, такъ и англійскій посолъ въ С.-Петербургѣ были увѣрены, что Россія останется въ союзѣ съ Англіей и что усилія

---

[1]) Ср. № 8211 и № 8228 съ № 8229: Il a été arrêté que ces troupes se rendent prisonnières de guerre et qu'elles entreront à mon service, или съ № 8236 Da Ich aus denen sächsischen Gefangenen 10 neue Regimenter inclusive ihrer Grenadiercompagnien errichtet habe.

[2]) № 8225. По донесенію графа Рутовскаго и разсказамъ генерала графа Вицтума пруссаки хитростью и даже силой принуждали саксонскихъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ приносить присягу Фридриху II. См. Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, B. II, S. 249.

[3]) № 7762. Лордъ Гольдернессъ предписалъ Уильямсу отъ 30-го марта 1756 года вернуть русскому двору „Déclaration secretissime“ и заявить, что англійскій король ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять ее (№ 7864).

[4]) № 7669.

[5]) № 7746.

Дугласа ни къ чему не приведутъ [1]). Во всякомъ случаѣ, даже послѣ своего вторженія въ Саксонію Фридрихъ II былъ убѣжденъ, что въ текущемъ году русскіе ничего не предпримутъ противъ него [2]). Около того же времени Уильямсъ высказывалъ желаніе, чтобы король прусскій не начиналъ первымъ враждебныхъ дѣйствій, такъ какъ русскій дворъ въ такомъ случаѣ не останется, пожалуй, спокойнымъ наблюдателемъ; напротивъ, если императрица-королева нападетъ на него, то русскія войска по всей вѣроятности не тронутся съ мѣста [3]). Въ началѣ октября Фридрихъ II получилъ изъ Швеціи отъ сенатора Гёпкена извѣстіе, что русскій посланникъ Панинъ сдѣлалъ въ Стокгольмѣ заявленіе о намѣреніи Елисаветы двинуть свои войска на защиту императрицы-королевы, такъ какъ запросъ прусскаго короля о существованіи наступательнаго союза одинаково оскорбителенъ для обѣихъ императрицъ. Но въ виду поздняго времени года король пока не боялся угрозъ Россіи [4]). Уильямсъ тоже высказывалъ сожалѣніе, что Фридрихъ II упрекнулъ вѣнскій дворъ за наступательный союзъ, котораго па дѣлѣ не существовало [5]). Еще на аудіенціи 27-го августа прусскій король заявилъ Митчеллю, что онъ готовъ послать своего посланника въ С.-Петербургъ, если бы Елисавета выразила желаніе, и согласенъ даже принять ея посредничество въ распрѣ съ Австріей [6]); онъ предоставлялъ въ то же время въ распоряженіе Уильямса сто тысячъ талеровъ на подкупъ Бестужева и при обнародованіи документовъ изъ дрезденскаго архива щадилъ тайны русскаго канцлера [7]). Однако, когда Уильямсъ предложилъ русскому двору посредничество между Фридрихомъ II и Маріей Терезіей, то получилъ отвѣтъ отъ императрицы, что она рѣшилась не мѣшаться въ распрю, единственнымъ виновникомъ которой былъ прусскій король, но намѣрена исполнить всѣ свои обязательства отно-

---

[1]) Король брату Августу-Вильгельму отъ 23-го августа: La Russie redevient de jour en jour plus anglaise, № 7895. Уильямсъ отъ 7-го августа: les actions de M. Douglas baissent de jour en jour, № 7902.

[2]) Отъ 3-го сентабря, № 7967.

[3]) Уильямсъ отъ 4-го сентября № 8109, тоже отъ 7-го сентября № 8128.

[4]) № 8169 отъ 7-го октября (въ отвѣтъ на донесеніе Сольмса отъ 23-го сентября).

[5]) Въ письмѣ Митчеллю изъ С.-Петербурга отъ 14-го сентября, № 8182.

[6]) № 7930.

[7]) №№ 7975, 8068 и 8151. Рѣчь шла, вѣроятно, о замыслахъ Бестужева въ пользу великой княгини Екатерины.

сительно императрицы-королевы [1]). Однако прусскій король и теперь продолжалъ надѣяться на время года и подкупъ [2]). Уильямсъ тоже вѣрилъ въ возможность крупной суммой денегъ измѣнить направленіе русской политики и просилъ открыть ему кредитъ на десять тысячъ дукатовъ. Алексѣй Бестужевъ уже отказался отъ всякой враждебности къ королю и обѣщался держать его сторону противъ Франціи [3]). Впрочемъ, канцлеръ находилъ, что время для воздѣйствія на русскій дворъ упущено; мѣсяца два тому назадъ онъ могъ бы еще сдѣлать многое, но теперь, когда Фридрихъ II уже началъ войну, ничто не можетъ помѣшать императрицѣ Елисаветѣ поддержать австрійскій домъ [4]). И послѣ разгрома Саксоніи, въ концѣ октября прусскій король ставилъ главной цѣлью своей политики отдѣлить Россію отъ Австріи [5]); къ тому же съ осени ходили слухи о тяжкой болѣзни императрицы Елисаветы, и Фридрихъ II ждалъ ея смерти [6]). Большія надежды на перемѣну русской политики со смертью Елисаветы возлагалъ и Уильямсъ, такъ какъ великій князь и великая княгиня казались преданными Пруссіи и Англіи [7]). До поры до времени канцлеръ желалъ, чтобы Фридрихъ II одержалъ еще одну по-

---

[1]) Письмо Уильямса отъ 18-го сентября, № 8182.

[2]) 9-го октября, № 8182.

[3]) Le chef m'a déjà assuré qu'il est tout changé, qu'il n'en veut plus au roi de Prusse, qu'au contraire il se range de son côté, quand il s'agit de s'opposer à la France, № 8216, изъ письма Уильямса отъ 21-го сентября, врученнаго королю 16-го октября Митчеллемъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, отъ 28-го сентября, Уильямсъ пишетъ о канцлерѣ: Je l'ai trouvé pour quelque temps inflexible, mais comme je commençai à parler plus clair touchant l'argent, il céda peu à peu... Когда Уильямсъ завѣрилъ Бестужева, что онъ говоритъ съ нимъ съ согласія Георга II, тогда le Grand Chancelier dit: „Je ne puis rien refuser au Roi votre maître et je servirai Sa Majesté Prussienne... de ce moment, je suis son ami.“ Уильямсъ пока еще не обозначалъ канцлеру размѣра обѣщанной суммы.

[4]) № 8216.

[5]) № 8262 отъ 29-го октября: de détacher tout-à-fait la Russie de la cour de Vienne.

[6]) На основаніи письма Уильямса отъ 30-го октября, № 8342. Далѣе № 8294 отъ 5-го ноября; Pol. Corr., B. XIV, № 8320 отъ 11-го ноября и № 8342 отъ 17-го ноября; № 8355 Левальдту отъ 20-го ноября: Es schiene in Russland viel besser jetzunder vor uns als vor einiger Zeit. Die Kaiserin wäre schlimm und könnte nicht lange leben. Bis dato glaubte ich noch nicht, dass sich ein Russe rühren würde. Слухи о близкой кончинѣ Елисаветы продолжаются и позднѣе до марта 1757 года (№№ 8706 и 8749).

[7]) Письмо Уильямса отъ 2-го ноября: c'est l'opinion de beaucoup de personnes qu'elle n'a pas deux mois à vivre.

бѣду надъ австрійцами и поскорѣе заключилъ съ ними миръ; это вывело бы и русскій дворъ изъ затрудненія. Но, по словамъ англійскаго посла, вліяніе Бестужева уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ камергеръ Шуваловъ вмѣшивается въ дѣла и поддерживаетъ французскія интриги въ С.-Петербургѣ [1]). Вплоть до начала декабря прусскій король сохранялъ свою увѣренность, что со стороны Россіи ему нечего бояться даже и на слѣдующій годъ [2]). Наконецъ, къ Рождеству 1756 года король получилъ отъ Уильямса рѣшительное извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ для него все проиграно [3]). Подъ вліяніемъ отступленія прусской арміи изъ Богеміи и обѣщанія Франціи вторгнуться въ область Клевэ, Елисавета считала теперь Фридриха II менѣе страшнымъ врагомъ, нежели недѣль 5 тому назадъ, и рѣшила двинуть на помощь Маріи Терезіи до 80 тысячъ войска, не считая иррегулярнаго. Ив. Ив. Шуваловъ открыто высказывался за присоединеніе къ Версальскому договору и новую систему политики, а великому канцлеру императрица уже отдала приказъ приготовить актъ о приступленіи Россіи къ этому австро-французскому соглашенію [4]). Прусскій король вернулся теперь къ мысли склонить Порту къ диверсіи противъ его враговъ и просилъ Уильямса добиться по крайней мѣрѣ отъ великой княгини обѣщанія, что въ случаѣ смерти Елисаветы и восшествія на престолъ великаго князя, Россія не станетъ дѣйствовать враждебно противъ Пруссіи, если только самъ Фридрихъ II не вмѣшается въ дѣла Шлезвигъ-Голштиніи [5]). Въ довершеніе всего въ февралѣ правящая принцесса Оранская извѣстила изъ Гаги короля о томъ, что Россія присоединилась уже къ Версальскому договору и готовится теперь заключить новый наступательный союзъ съ Австріей [6]).

---

[1]) № 8378. Письмо Уильямса отъ 11-го ноября.

[2]) Отъ 3-го декабря: Bis dato scheinet es in Russland ziemlich gut; diesen Winter bin ich gewisse, die Kaiserin ist todtkrank, und glaube ich nicht vor künftig Jahr, und dann auch nicht einmal, von der was zu besorgen, № 8393. Далѣе № 8407 отъ 7-го декабря и № 8439 отъ 14-го декабря: qu'elle restera tranquille cet hiver. Уильямсъ въ концѣ ноября (27-го числа) тоже не могъ еще сказать ничего положительнаго относительно рѣшеній Россіи: il m'est encore impossible de vous dire quel parti cette cour prendra, № 8449.

[3]) Письмо Уильямса отъ 9-го декабря, № 8472.

[4]) Письмо отъ 9-го декабря, № 8472.

[5]) №№ 8472—8478 отъ 25-го декабря.

[6]) № 8641 отъ 22-го февраля на основаніи письма принцессы Оранской отъ 14-го февраля.

Не оправдалось и другое предположеніе Фридриха II, будто бы Франція ограничится посылкой Маріи Терезіи вспомогательнаго отряда въ силу оборонительныхъ обязательствъ по Версальскому договору. Еще 26-го іюля 1756 года французскій посланникъ маркизъ Валори передалъ королю письменное заявленіе, что, если Пруссія подъ вліяніемъ Георга II нападетъ на императрицу-королеву, то Людовикъ XV подастъ ей помощь на основахъ Версальскаго трактата [1]). Фридрихъ II велѣлъ отвѣтить представителю Франціи, что его вооруженія носятъ чисто оборонительный характеръ и предприняты для защиты Пруссіи отъ вторженія русскихъ, а крѣпости Силезіи приготовлены къ оборонѣ въ виду опасныхъ замысловъ Маріи Терезіи [2]); эти мѣропріятія и дали поводъ вѣнскому двору поднять шумъ, чтобы выставить прусскаго короля нападающей стороной и отдалить отъ него другія державы [3]). Узнавъ о второмъ запросѣ Фридриха II въ Вѣнѣ, государственный секретарь Рульэ увѣрялъ прусскаго посланника Книпгаузена, что Людовикъ XV готовится къ наступленію исключительно только противъ короля великобританскаго, а Версальскимъ договоромъ имѣлъ лишь въ виду спасти всю остальную Европу отъ войны; французскій министръ предупреждалъ, что, если и прусскій король нападетъ на Австрію, то этимъ онъ не только уничтожитъ всѣ гарантіи, данныя Силезіи, но и лишитъ себя поддержки всѣхъ союзниковъ, съ которыми у него только оборонительные договоры. Вторженіе Фридриха II именно въ Саксонію произвело въ Парижѣ особенно тяжелое впечатлѣніе уже потому, что дофинъ былъ женатъ на дочери курфюрста. Рульэ сталъ теперь поговаривать о томъ, что Валори будетъ отозванъ, а Маріи Терезіи подана помощь [4]). Узнавъ объ этомъ отъ Книпгаузена, прусскій король писалъ въ Парижъ, что не видитъ причины отзывать оттуда своего посланника, такъ такъ у него нѣтъ съ Франціей ни войны, ни ссоры [5]); Книп-

---

[1]) B. XIII, № 7763.

[2]) № 7762 отъ 26-го іюля: des mesures défensives que j'ai prises pour la sûreté de la Prusse, menacée d'une invasion des Russes, et de l'état de défense où j'ai mis les forteresses de la Silésie, pour être à l'abri des entreprises de la reine de Hongrie; que les desseins dangereux de ces deux cours m'obligent à prendre ces précautions.

[3]) Ibid. de me faire passer pour l'agresseur dans l'esprit de ceux dont ils font tous les efforts pour m'aliéner totalement les coeurs. Ср. письменный отвѣтъ, врученный Валори, № 7764.

[4]) № 8082. Сообщеніе Книпгаузена отъ 10-го сентября.

[5]) № 8082, отъ 20-го сентября.

гаузену онъ совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ, ждать, когда первый порывъ раздраженія у французовъ пройдетъ, и удерживать Рульэ отъ опрометчивой поспѣшности. Отношенія между Версалемъ и Фридрихомъ II обострились, когда прусскія войска силой воспрепятствовали французскому посланнику маркизу де Брольи проникнуть къ курфюрсту въ лагерь у Пирны съ наказами отъ своего короля и задержали одного изъ его курьеровъ, посланнаго изъ Дрездена къ Людовику XV [1]). Тогда 20-го октября н. с. Рульэ сообщилъ прусскому посланнику въ Фонтэнбло, что Валори посланъ наказъ покинуть Берлинъ безъ всякой прощальной аудіенціи; самъ Книпгаузенъ не долженъ былъ болѣе появляться при дворѣ Людовика XV. Фридрихъ II утверждалъ теперь, что все это онъ предвидѣлъ заранѣе, и тоже предписалъ своему посланнику уѣхать изъ Парижа, не прощаясь [2]). Съ этихъ поръ король сталъ ждать вторженія французовъ въ область Клевэ [3]).

Итакъ, главной причиной Семилѣтней войны самъ Фридрихъ II считалъ честолюбіе австрійскаго дома и интриги графа Брюля, т. е. стремленіе Маріи Терезіи вернуть себѣ Силезію и желаніе саксонскаго министра ослабить опаснаго сосѣда. Когда возникли несогласія между англичанами и французами въ Америкѣ, то король сначала старался направить французское наступленіе на Ганноверъ, но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ между Лондономъ и Вѣной обнаруживалось охлажденіе, а въ С.-Петербургѣ шли къ концу переговоры о субсидной конвенціи, король началъ думать только о томъ, чтобы обезпечить для Германіи нейтралитетъ и разорвать русско-австрійскій союзъ. Съ этой лишь цѣлью онъ и заключилъ Вестминстерскую конвенцію. Вступая въ сдѣлку съ Англіей, Фридрихъ II надѣялся воспрепятствовать французамъ перенести войну за Рейнъ и въ то же время самому сблизиться съ Великобританніей, а черезъ нее и съ Россіей; этотъ тройственный союзъ принудилъ бы и императрицу-королеву блюсти миръ при всемъ ся желаніи вернуть себѣ Силезію. Итакъ, ошибка короля была въ томъ, что онъ преувеличилъ вліяніе Англіи въ С.-Петербургѣ. Но, заключая Вестминстерскую конвенцію, Фридрихъ II не думалъ порывать съ Франціей, отдавалъ ей въ жертву австрійскіе Нидерланды и даже готовъ былъ возобновить оборони-

[1]) № 8173 и 8167.
[2]) Отъ 30-го октября, № 8265.
[3]) В. XIV, отъ 9-го ноября, № 8311.

тельный договоръ 1741 года. Изъ ложно понятаго чувства собственнаго достоинства Людовикъ XV сблизился теперь, однако, съ Австріей. Желаніе императрицы Елисаветы при случаѣ перейти въ наступленіе противъ Пруссіи давно было извѣстно Фридриху II изъ саксонской дипломатической переписки. Поэтому сосредоточеніе русскаго войска близъ границъ побудило короля въ концѣ іюня двинуть 4 полка и одинъ гренадерскій баталіонъ въ Померанію поближе къ арміи Левальдта въ Восточной Пруссіи. Въ то же время стали приходить слухи изъ Австріи (съ 30-го іюня) о передвиженіи войскъ изъ Венгріи и о намѣреніи Маріи Терезіи образовать два лагеря въ Богеміи и Моравіи. Вѣнскій дворъ, встревоженный походомъ прусскихъ полковъ въ Померанію, дѣйствительно сталъ въ іюлѣ усиленно стягивать войска изъ Венгріи къ границамъ Саксоніи и Силезіи. Съ первыхъ чиселъ іюля Фридрихъ II зналъ, что русскія вооруженія пріостановлены, но ждалъ теперь нападенія австрійцевъ. Извѣстіе изъ Дрездена, будто бы всѣ войска изъ Венгріи двинуты въ Богемію и Моравію, было получено королемъ 16-го іюля и побудило его стянуть войска къ саксонской границѣ. На слѣдующій же день онъ двинулъ три полка въ область Гальберштадта, а 18-го іюля послалъ наказъ Клингтрэффену сдѣлать первый запросъ въ Вѣнѣ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля Фридрихъ II узналъ за вѣрное, что русско-австрійское нападеніе на Пруссію отложено лишь до слѣдующей весны. Королю оставалось только предупредить это нападеніе союзниковъ, пока Саксонія и Россія не были еще вполнѣ готовы, перенести театръ войны во владѣнія противниковъ и успѣхами въ первую же кампанію обезпечить себѣ счастливый исходъ войны. Императрица-королева могла бы еще избѣжать ея, давъ завѣренія, что она ни въ текущемъ, ни въ слѣдующемъ году не нападетъ на Пруссію. Но, получивъ вмѣсто этого отъ Маріи Терезіи уклончивые отвѣты на свои два запроса, король 29-го августа перешелъ границу Саксоніи. Не желая оставлять у себя въ тылу саксонской арміи и предполагая, что курфюрстъ въ союзѣ съ обѣими императрицами, онъ рѣшилъ обезоружить саксонцевъ, включить ихъ затѣмъ въ свою армію и занять курфюршество на все время войны. Итакъ, Фридрихъ II первымъ началъ непріязненныя дѣйствія, но нападающей стороной, по мнѣнію короля, все-таки были его противники, подготовлявшіе наступленіе, какъ это онъ старался доказать обнародованіемъ документовъ изъ дрезденскаго архива. Такъ какъ Марія Терезія признала вторженіе въ Саксонію явнымъ наступленіемъ, а манифестъ, объявленный по этому поводу,

оскорбительнымъ для Австріи, то 13-го сентября новаго стиля прусское войско перешло границу Богеміи. Но Фридрихъ II все еще надѣялся быстрыми успѣхами надъ саксонцами и австрійцами предупредить дѣятельное вмѣшательство въ войну Елисаветы и Людовика XV [1]). Только отъѣздъ маркиза Валори изъ Берлина и присоединеніе Россіи къ Версальскому договору вывели его изъ заблужденія. Таково изложеніе вопроса о происхожденіи Семилѣтней войны въ письмахъ и сочиненіяхъ самого Фридриха Великаго.

Евгеній Щепкинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Послѣ битвы при Лобозицѣ прусскій король думалъ даже предложить Голландіи посредничество между воюющими сторонами, Англіей и Франціей, Пруссіей и Австріей, дабы ко благу всей Европы уладить распри, пока положеніе дѣлъ не обострилось еще больше; Фридрихъ II заявлялъ при этомъ, что онъ не ищетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ ущербъ Австріи или Саксоніи, а желаетъ только прочнаго мира (P. C., XIII, № 8163 отъ 6-го октября: vous déclarerez que je ne forme absolument aucune prétention à la charge de l'Impératrice-Reine, ni à celle de la Saxe et que je ne prétends faire aucune acquisition, mais que je ne cherche qu'à me procurer une paix stable et solide qui me mette l'esprit en repos sur l'appréhension continuelle d'une nouvelle guerre).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новая этнографическая карта Сѣверной Чехіи.

„Kde jeden jazyk, tu jeho sláva“. Dalimil.
„Jest mnohá ztráta naše, po všem není veta“! Ant. Marek.

Крайній оплотъ славянства на западѣ, Чехія въ своихъ политическихъ границахъ заключаетъ значительную стихію германскую, съ которою чешскій народъ ведетъ вѣковую борьбу за сохраненіе своей самобытности и національной самостоятельности. Борьба эта въ послѣднее время отличается особенною напряженностью. Событія недавняго прошлаго, преслѣдованія и безобразнѣйшія жестокости и избіенія, коимъ подвергались чехи въ нѣмецкихъ городахъ, въ такъ называемой „закрытой“ нѣмецкой язычной области („uzavřeném území“), возбудили всеобщій интересъ къ этой борьбѣ и создали обширную литературу по вопросу о сущности исконныхъ споровъ этихъ двухъ народностей [1]).

Народъ, коему лучшіе сыны его предсказывали близкую кончину и чуть ли не собирались пѣть ему отходную, еще въ концѣ прошлаго столѣтія воспрянулъ духомъ, проснулся отъ долговременнаго сна для новой жизни и заявилъ міру въ энергичныхъ выраженіяхъ о своихъ правахъ на свободное существованіе и развитіе. „Передняя стража“ самоотверженныхъ бойцовъ за права чешскаго народа и

[1]) Къ сожалѣнію, русское общество весьма мало ознакомлено съ этими спорами. То, что иногда подноситъ публикѣ наша печать, стоитъ упоминанія развѣ какъ курьезъ. Даже такія изданія, какъ Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона стоятъ не выше въ этомъ отношеніи по части нѣкоторыхъ свѣдѣній о славянахъ.

его языка была, по собственному ихъ признанію, незначительна,— это была лишь горсточка людей, одушевленныхъ идеей служенія народу, но эта „маленькая горсточка" зажгла такой яркій свѣточъ, что къ нему невольно собрались всѣ искавшіе свѣта. Правда, эти немногочисленные бойцы сами какъ бы сомнѣвались подчасъ въ спасительности своей работы; защита „тѣсныхъ Ѳермопилъ" казалась имъ, быть можетъ, и напрасной, но они не падали окончательно духомъ и не сдавались позорно безъ боя. „Покуда хватитъ силъ, мы не должны переставать бороться съ угрожающей намъ гибелью. Если народу нашему суждено погибнуть, пусть погибаетъ не по нашей винѣ; пусть будущіе вѣка, иного образа мыслей, чѣмъ мы, убѣдятся, что чешскій славянинъ не былъ лишь измѣнникомъ самому себѣ, что и наши Ѳермопилы взяты были не однимъ ударомъ".

Мрачно смотрѣлъ на безотрадное положеніе родного народа великій аббатъ Іосифъ Добровскій: ему казалось, что только помощь Божія можетъ улучшить это положеніе. „Causa gentis nostrae, nisi Deus audjuvet, plane desperata est", писалъ онъ Копитару. Но при всемъ пессимизмѣ онъ не впадалъ въ отчаяніе; въ послѣдніе годы своей жизни и онъ убѣдился, что „живой пульсъ начинаетъ биться въ кажущемся трупѣ". Отраднѣе былъ взглядъ новаго поколѣнія, выступавшаго на поприще служенія народу. Шафарикъ писалъ Палацкому изъ Іены (22-го іюня 1817 г.): „Еще не все пропало! Живъ Господь Богъ, живы небеса, раньше или позже вѣнчающія успѣхомъ усилія вѣрныхъ своихъ. Но допустимъ, что все это лишь сонъ, одна мечта,— что за бѣда! Если и мы помремъ, какъ наши отцы, ничего не совершивши, мы помремъ все-таки за идею; человѣкъ есть человѣкъ, и онъ долженъ умирать за идеи; изъ-за чрева погибаетъ и животное. Потомство будетъ благословлять предковъ, которые не щадили жизни въ стремленіи воскресить славу праотцевъ своихъ, и если этого не сдѣлаетъ потомство, — его легко можетъ и не быть,—тогда сдѣлаетъ тотъ, у кого записаны дѣянія всѣхъ людей отъ вѣка и до вѣка. Но напрасны наши опасенія: на всемъ широкомъ пространствѣ проснулись славянскіе народы; съ новыми поколѣніями расцвѣтаютъ всюду новыя силы; все, что омертвѣло, приходитъ въ движеніе. Разсѣялась дремота, должна начаться новая жизнь, но какая,—кто это можетъ предугадать"? Но новая жизнь началась не вдругъ. Препятствія многочисленныя и едва одолимыя воздвигались на пути первыхъ дѣятелей возрожденія не только врагами чешской національности,— необходимо было побѣдить еще и апатію чешскаго народа, въ двух-

вѣковомъ ярмѣ безпомощно склонившаго выю и не понимавшаго значенія высокихъ стремленій его воскресителей. Не удивительно, что это равнодушіе вызывало въ нихъ иногда горькія чувства и безотрадныя мысли. „Неужели нѣтъ уже ни одного чеха? Неужели свѣча славянскихъ народовъ уже погасла?" вопрошалъ поэтъ, призывая къ защитѣ правъ родного языка. Съ большими усиліями прокладывался чешскому языку путь въ семейную и общественную жизнь. „Чештина", эта, по выраженію Гавличка, „chudá, utištěná vdova", презиралась, нѣмецкій же языкъ по мнѣнію многихъ чеховъ былъ „krása, vtip, ctnost, bohatství i poctivost". Многіе еще нынѣ помнятъ тѣ времена, когда на улицѣ „прилично одѣтые" люди стыдились говорить по-чешски, когда чехъ-„властенецъ" считался чуть ли не бунтовщикомъ, а его благородныя стремленія подвергались осмѣянію. Для надлежащей оцѣнки тѣхъ громадныхъ успѣховъ, какихъ достигли чехи за какія-нибудь 50—60 послѣднихъ лѣтъ, и тѣхъ заслугъ, какія имѣютъ въ этомъ прогрессѣ „будители" народа, необходимо хоть въ нѣсколькихъ словахъ вспомнить объ этихъ обстоятельствахъ. Въ настоящее время чешскій народъ спокойно можетъ смотрѣть навстрѣчу будущему: основаніе заложено прочное и широкое, остальная, значительнѣйшая часть созидательной работы выпадаетъ на долю нынѣшнему и грядущимъ поколѣніямъ. Судя по успѣхамъ настоящаго, можно надѣяться, что въ будущемъ они будутъ не меньше, а серьезные успѣхи чешской стихіи въ борьбѣ ея съ стихіей германской признаютъ и подтверждаютъ и противники славянства. Эти успѣхи отмѣчены ясно и на вышедшей въ прошедшемъ году картѣ Лянгганса: „Deutsche und Tschechen in Nordböhmen" (въ масштабѣ: 1 : 500.000), изданной въ извѣстной коллекціи: „Karten der Verbreitung des Deutschtums" (у Ю. Пертеса въ Готѣ). На дополнительныхъ картахъ, внесенныхъ на тотъ же листъ, опредѣлены, кромѣ того: „Чешско-моравско-словацкая язычная область" въ Австріи и Пруссіи (въ размѣрахъ 1 : 1.500.000), „Чешскій клинъ въ нѣмецкихъ восточныхъ маркахъ" (1 : 370.000) и маленькій планъ г. Праги и ея окрестностей.

Карта Лянгганса являтся не первымъ опытомъ подробнаго опредѣленія чешско-нѣмецкой язычной границы. Мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ картъ, на коихъ съ большею или меньшею степенью точности и достовѣрности отмѣчались предѣлы распространенія въ Чехіи національностей чешской и нѣмецкой. Такъ еще въ 1819 г. издана была „Mapa Králowstwj Českého od Cys.

Král. Pražského Hwězdaře Aloyzyusa Dawida, Kanownjka Teplského řádu Praemonstrátského... Reysowaná od H. W. Seykory", въ настоящее время, конечно, значительно устарѣвшая, но достаточно вѣрно для своего времени опредѣлявшая въ общихъ чертахъ чешско-нѣмецкую язычную границу. Интересною является карта (Das Königreich Boehmen, entworfen von C. F. Weiland, Weimar, 1829), хранящаяся въ собраніи П. І. Шафарика въ библіотекѣ Чешскаго Музея, съ нанесенными на нее І. Юнгманномъ границами обоихъ языковъ и съ исправленіями К. Запа. Объ этой совмѣстной работѣ ихъ свидѣтельствуетъ надпись на ней рукою П. І. Шафарика: „Podlé schematismu zhotovil J. Jungmann, opravil p. Záp". Довѣрять вполнѣ этой картѣ, конечно, тоже трудно, такъ какъ офиціальный источникъ, шематизмы, на основаніи коихъ она составлена, самъ по себѣ не заслуживаетъ большого довѣрія; вѣроятно, поэтому и понадобились многочисленныя исправленія къ ней, сдѣланныя (другой краской) К. Запомъ; къ тому же и эта карта въ настоящее время значительно устарѣла. Чешско-нѣмецкую язычную границу находимъ также и на „Neueste General-Post-und Strassen-Karte der Osterreichischen Monarchie mit politischer Eintheilung der Provinzen..., bearbeitet von Franz Fried", 1833 (Wien, Artaria), къ сожалѣнію, только въ общихъ чертахъ. Достаточно точно, насколько позволяютъ незначительные размѣры ея, отмѣчаетъ границы распространенія чешскаго языка этнографическая карта славянскихъ народностей П. І. Шафарика, „Slovanský Zeměvid", приложенная къ его „Славянской Народописи" (1842 г.) [1]).

---

[1]) На недостатокъ этой карты, вытекающій главнымъ образомъ изъ ея небольшихъ размѣровъ, указываетъ самъ Шафарикъ въ предисловіи къ „Народописи" (р. IV): „První obtíž (при составленіи карты) povstala z míry. Chtěje všecko na jednom listu uměstiti, volil jsem míru dle možnosti velikou... A však i tou měrou, při větších slovanských zemích dosti pohodlnou, přišly vždy některé menší země a krajiny, a sice zrovna ty, jenž pro nás Čechoslovany nad jiné důležitější jsou, ke skrácení, tak že ani jmen měst na hranicích a osad jinojazyčných v poli nařečí v žádoucí úplnosti na mappě pokládati, ani všech zvláštních názvův jednotlivých větví na příslušných místech vpisovati nebylo možné". Недостатокъ этотъ Шафарикъ старался устранить болѣе подробнымъ *описаніемъ* границъ языковъ и нарѣчій въ самой „Народописи" на основаніи спеціальныхъ, имъ же составленныхъ картъ. П. П. Дубровскій, посѣтившій Шафарика во время своей поѣздки въ Чехію въ іюнѣ 1841 года, видѣлъ у него составленную имъ карту современнаго состоянія Чехіи. Вотъ какъ онъ описываетъ ее въ своемъ отчетѣ министру народнаго просвѣщенія: „Нѣмцы означены на ней желтою краскою,

Достаточною для своего времени точностью отличается небольшая „Ethnographische Karte der Oesterreichischen Monarchie nach Bernhardi, Šafařík und eigenen Untersuchungen von H. Berghaus“, 1845 года. Карта J. V. Haeufler'а: „Sprachenkarte der Osterreichischen Monarchie...“ (Pest, 1846) опредѣляетъ чешско-нѣмецкую язычную границу только въ общихъ чертахъ; приложенный къ ней объяснительный текстъ и таблицы въ настоящее время цѣны не имѣютъ. Іосифъ Иречекъ на изданной имъ картѣ: „Králowstwí České. Uprawil a pomocí Českého Museum vydal J. J., v Praze, 1850“, границы обѣихъ народностей Чехіи отмѣчаетъ тоже только приблизительно.

На основаніи офиціальныхъ матеріаловъ австрійскаго статистическаго бюро составлена большая (на четырехъ листахъ) карта К. Чернига: „Ethnographische Karte der Osterreichischen Monarchie, entworfen von K. Freiherrn v. Czoernig, herausgegeben von der K. K. Direction der administrativen Statistik“ (1 : 864,000), Вѣна, 1855. Если положенныя въ основаніе ея данныя и заставляютъ относиться къ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ извѣстною осторожностью, то это все-таки не уменьшаетъ большихъ достоинствъ этой въ общемъ весьма солидной ученой работы. „Politická a místopisná mapa Království Českého“ Іос. Эрбена (1869 г.) только общими чертами обозначаетъ чешско-нѣмецкую границу и нынѣ уже тоже устарѣла. Болѣе новыми данными пользовался Le Monnier при составленіи своей общей: „Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn, bearbeitet nach den durch die Volkszahlung von 31 dec. 1888 erhobenen Daten. Wien 1888 (Ed. Hölzel)“. Новѣйшею чешской работой по изслѣдованію границъ чешскаго и нѣмецкаго языка является „Národnostní mapa Království Českého. Sestavila Severo-česká Národní Jednota“ (J. E. Wagner). Далѣе отмѣтимъ еще общую карту всего славянскаго міра, составленную Іос. Эрбеномъ: „Mapa slovanského světa. Dle Šafaříka, Czoerniga, Kozlera, Boeckha, Lejeana, Koeppena etc., sestavil Prof. Ios. Erben“ (Matice Lidu, II, 1868, č. VI); „Этнографическую карту

чехи — розовою. Весь пограничный кругъ совершенно онѣмеченъ; ближе къ центру, по направленію къ Прагѣ, также тянутся желтыя полоски; остальное, въ разныхъ мѣстахъ, еще покрыто розовою краскою“. Картина довольно печальная! Но, вѣроятно, Дубровскій не особенно близко ознакомился съ этой картой. Въ томъ же отчетѣ онъ также доносилъ министру: „Въ Силезіи нѣтъ болѣе славянскаго народа, и языкъ силезскихъ славянъ исчезъ уже давно“. Отъ Шафарика онъ этого услышать никоимъ образомъ не могъ, и ни на какой картѣ у Шафарика этого Дубровскій не могъ видѣть.

славянскихъ народностей“ М. Ѳ. Мирковича (1867 г.), съ объяснительнымъ къ ней текстомъ А. С. Будиловича, и позднѣйшую „Карту славянскихъ народностей“, составленную Н. С. Зарянко (1889 г.) и изданную Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. При незначительности масштаба изображенія Чехіи на этихъ картахъ этническія границы ихъ не могутъ быть точными. Упомянемъ еще объ одной мало извѣстной, весьма претенціозной этнографической картѣ Австро-Венгріи: „Carte ethnographique, historique et stratégique des contreés hongroises, slaves, moldo-valaques et allemandes de l'Empire Autrichien... de M. Paul Bourgoing, ancien ministre de France en Russie et en Allemagne“. Насколько карта эта заслуживаетъ названія этнографической, можно судить хотя бы по тому, что составитель ея отдѣляетъ языкъ чешскій отъ языка „моравскаго“ (langue moravienne). Ближайшей предшественницей карты Лянгганса является маленькая карта А. Л. Гикмана: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen, Mähren u. Schlesien“ (Wien u. Lpzg, 1898). Отмѣтимъ еще тѣ отдѣльныя изслѣдованія и статьи, которыя посвящены разсмотрѣнію этого постоянно живого и привлекающаго напряженное вниманіе обѣихъ борющихся сторонъ вопроса. Къ сожалѣнію, почти все, имѣющееся въ литературѣ этого вопроса, принадлежитъ нѣмцамъ, обращающимся съ матеріаломъ довольно свободно и всегда тенденціозно его искажающимъ, сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ.

Чешскихъ работъ по занимающему насъ вопросу весьма немного. Полный списокъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень, лежавшихъ лѣтъ 60 тому назадъ на пограничной чертѣ между славянами и нѣмцами въ Чехіи, представилъ J. A. Dunder въ статьѣ: „Rozhraní mezi Čechy a Němci v Čechách“ (Časopis Č. Musea, 1843, VI, 1844, I). Назовемъ здѣсь еще статью В. В. Томка: „Česká a německá národnost v Praze až do začátku 15 století“, въ Часописи Чешскаго Муз., 1845, 213—244. Драгоцѣнный историческій матеріалъ заключаетъ въ себѣ: „Popis Království Českého“ Фр. Палацкаго (v Praze, 1848), каталогъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ Чешскаго королевства съ указаніемъ общаго числа населенія въ каждомъ изъ нихъ, безъ раздѣленія чеховъ и нѣмцевъ. „Národopisný přehled království Českého r. 1850“, составленный Іос. Иречкомъ, какъ дополненіе къ названной выше картѣ его, не даетъ яснаго представленія объ абсолютномъ количествѣ чешскаго населенія и границахъ его распространенія, такъ какъ цифры, имъ приводимыя, указываютъ только *число жителей* общинъ чешскихъ, нѣмецкихъ и смѣшанныхъ, тоже безъ раздѣленія

нихъ по народностямъ. Поэтому и карта I. Иречка имѣетъ тѣ же недостатки. Краткій обзоръ племенного состава населенія Чехіи и размѣщенія чешскаго и нѣмецкаго населенія на территоріи ея даетъ А. С. Будиловичъ въ своей статьѣ: „Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и австрійской Силезіи“ (въ „Славянскомъ сборникѣ“, I) и Т. Д. Флоринскій въ „Лекціяхъ по славянскому языкознанію“ (т. II, стр. 31). Новый чешскій „Slovník Naučný“ (J. Otto) въ статьѣ: „Čechy“ (p. 122) даетъ краткое опредѣленіе язычной границы чешсконѣмецкой, къ сожалѣнію, безъ карты. Въ этомъ отношеніи старый „Slovník Naučný“ (подъ ред. Ф. Л. Ригра), для своего времени, давалъ болѣе подробныя свѣдѣнія (въ ст. Čechy), а приложенная карта давала ясное представленіе о площади распространенія чешскаго языка.

Обильный этнографическій матеріалъ заключаютъ: „Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen“ (въ Прагѣ, съ 1862 г.). Монографія К. Чернига: „Die Vertheilung der Völkerstämme und deren Gruppen in der Oesterreichischen Monarchie. Sprachgrenzen und Sprachinseln. Wien, 1861“, является позднѣйшимъ дополненіемъ къ его картѣ. А. Фиккеру принадлежатъ двѣ работы по занимающему насъ вопросу: „Die Bevölkerung des Königreichs Böhmen in ihren wichtigsten statistischen Verhältnissen“ (съ десятью картами), Wien u. Olmütz, 1864, и болѣе широкая: „Die Völkerstämme der Oest.-Ung. Monarchie, ihre Gebiete, Grenzen und Inseln“ (Wien, 1869), въ коей „Deutsch-čechische Sprachgrenze“ опредѣляется подробно на стр. 41—44. Никакого довѣрія не заслуживаютъ очерки извѣстнаго славянофоба и чехоненавистника Рих. Андрее: „Tschechische Gänge“ (1872 г., съ картой) и брошюра: „Nationalitätsverhältnisse und Sprachgrenze in Böhmen“ (Lpzg, 1871 г.). Отношенія обѣихъ народностей Чехіи разсматриваетъ съ особеннымъ вниманіемъ Dr. Ludwig Schlesinger въ своей „Geschichte Böhmens“ (Прага, 1869 и 1870 гг.), въ отдѣльной монографіи: „Die Nationalitätsverhältnisse Böhmens“ (Stuttgart, 1880 г.) и новѣйшей брошюрѣ: „Die deutsch-böhmische Sprachgrenze nach der letzten Volkszählung“ (Wien, 1894 г.), изданной нѣмецкимъ Schulverein'омъ и не заслуживающей довѣрія уже потому, что она должна послужить „als schneidige Agitationswaffe“ цѣлямъ германства. Анастасіи Прохазка принадлежитъ очеркъ: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen“ (въ Mittheilungen des Vereins f. Geschichte d. Deutschen in Böhmen, 1876, 221, 267).

Изъ новѣйшихъ работъ можемъ отмѣтить еще брошюру Эдуарда Гербста: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen" (Prag, 1887 г.) и статьи I. Цеммриха: „Deutsches und tschechisches Sprachgebiet" (въ ж. Geogr. Zeitschrift, 1898 г., съ картой) и „Die Völkerstämme Oesterreich-Ungarns" (ibid., 1899 г. 299). Въ серіи изданій „всенѣмецкаго союза": „Der Kampf um das Deutschtum" (Heft 6) вышла брошюра извѣстнаго депутата австрійскаго парламента Карла Тюрка (Türk): „Böhmen, Mähren und Schlesien" (съ картой), отдѣльныя главы коей посвящены занимающему насъ вопросу [1]).

Перейдемъ къ обозрѣнію чешско-нѣмецкой язычной границы, какъ она представляется намъ на новѣйшей картѣ Лянганса. Пользуемся при этомъ описаніи ея, кромѣ самой карты Лянганса, еще прекраснымъ и обширнымъ рефератомъ Евг. Мушки: „Nová národnostní mapa severních Čech", въ журналѣ „Česká Revue", R. III (1899 г., říjen, listopad, стр. 106 — 119, 195 — 200). Авторъ реферата давно собираетъ статистическій матеріалъ для составленія новой карты распространенія чешской народности, при чемъ, въ ожиданіи данныхъ предстоявшей въ 1900 году переписи, лично собираетъ и провѣряетъ необходимыя статистическія свѣдѣнія. Насколько удовлетворительно можетъ быть исполнена перепись населенія Австріи, можно судить по тому, что въ бюджетъ 1900 г. внесена была на сей предметъ сумма 400 тысячъ кронъ (200 т. гульденовъ)!

На юго-западѣ Чехіи чешско-нѣмецкая граница начинается у чешской деревни Pecí (507 чеховъ, 2 нѣмца), принадлежащей къ общинѣ Ходово (Chodovo). Земельные надѣлы этой общины на западѣ ближе всего подходятъ къ баварской границѣ. Изъ населенныхъ пунктовъ ближе всего выдвинута къ границамъ Германской имперіи Чешская Кубица (Česká Kubice, Böhmisch Kubitzen), въ коей чешскій элементъ въ десятилѣтній промежутокъ отъ 1880 г. до 1890 г. значительно усилился (съ 220 ч. въ 1880 г. на 296 ч. въ 1890 году), а нѣмецкій ослабѣлъ (съ 78 н. на 24 н.); точно такъ же въ Новомъ Постржековѣ (Neu Possigkau), гдѣ еще въ 1880 году считалось 3 нѣмца, въ теченіе десяти лѣтъ они совершенно исчезли. Деревня Новый Постржековъ (Nový Postřekov), лежащая подъ 12° 45′ восточной долготы, является крайнимъ западнымъ предѣломъ чешскаго

[1]) Обширную литературу по статистикѣ нѣмецкаго населенія Чехіи можно найти у Ad. Hauffen'a: Einführung in die deutsch-böhmische Volkskunde nebst einer Bibliographie. Prag, 1896, гдѣ на стр. 104—112 перечислены: „Schriften zur Geschichte, Statistik und Ethnographie der Deutschen in Böhmen".

языка и вмѣстѣ съ тѣмъ наидалѣе выдвинутымъ на западъ славянскимъ мысомъ. Движеніе чешской стихіи на западъ, къ баварской границѣ, совершается, по мнѣнію Лянганса, главнымъ образомъ, вслѣдствіе энергичной агитаціи общества чешскихъ туристовъ въ Домажлицахъ, постоянно усиливающагося наплыва сюда, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, чешской интеллигенціи и большой бѣдности горнаго нѣмецкаго населенія, ищущаго поддержки у чешскихъ сосѣдей. Главнымъ центромъ распространенія чешской стихіи на западъ наряду съ Домажлицами является въ особенности мѣстечко Кленечъ (Kleneč), откуда чешскій элементъ въ ущербъ нѣмецкому съ особеннымъ успѣхомъ утверждается въ Цапартицахъ (нѣм. Nepomuk), где нѣмцы съ 95% 1880 года упали до 86% въ 1890 г.; дальнѣйшія усилія утвердить чешскій элементъ направлены главнымъ образомъ на деревни: Черную Рѣку (Černá Řeka, Sofienthal), Haselbach, Nimmvorgut, остающіяся однако въ значительной части чисто нѣмецкими. Отъ Новаго Пострженова граница народностей чешской и нѣмецкой направляется на востокъ, вдоль границъ Горшово-Тынскаго уѣзда (Horšův Týn, Bischof Teinitz) подходитъ къ желѣзнодорожной линіи Пльзенъ-Хамъ (Cham, въ Баваріи), мимо селеній Ждяновъ (Tannova), Тржебнице, Нагошице съ нѣмецкой стороны (съ большинствомъ нѣмецкимъ) и Драженова (Drasenau), Милавчи съ чешской стороны. Въ этихъ предѣлахъ нѣмецкій элементъ упалъ въ общемъ въ г. Кленчи (въ 1880 г.: 1,254 ч. и 48 н., въ 1890 г.: 1149 ч. и 17 н.), въ Домажлицахъ (Taus, съ 200 н. до 106), но усилился въ Тржебницѣ (съ 235 н. до 238), Выровѣ (Weyrowa), гдѣ чехи совершенно исчезли, хотя въ 1880 г. ихъ насчитывалось еще 15 душъ; въ Остржижи, гдѣ чеховъ осталось 17 изъ 25. Въ цѣломъ Домажлицкомъ уѣздѣ къ концу 1890 года обнаруживается приростъ чеховъ, или упадокъ нѣмецкаго элемента, на 1,1%; точно то же явленіе замѣчается и въ сосѣднемъ уѣздѣ Роншперкскомъ, правда, въ незначительной только степени. Отъ Блажеёва (Blisiwa, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ) граница поднимается къ сѣверу, направляясь вдоль общинъ Крженовой (Křenowa), Пуцлицъ (н. Putzlitz), Чечовицъ къ Гоносицамъ (Honositz), откуда рѣзко поворачиваетъ на югъ и образуетъ, такимъ образомъ, весьма важный чешскій полуостровъ Станьковскій (Staňkov, Stankau), на западѣ ограниченный административной границей Горшово-Тынскаго уѣзда. Уже при взглядѣ на этотъ уголокъ на картѣ Лянганса видно, что этотъ полуостровокъ—не чисто чешскій, а смѣшанный, съ преобладающимъ только элементомъ чешскимъ. Къ тому же въ самомъ центрѣ этого

полуостровка находится чисто нѣмецкій островокъ Огучовскій (Ohučov, Autschowa), образовавшійся только въ періодъ времени съ 1880 по 1890 годъ [1]) и серьезно угрожающій, такимъ образомъ, чешской части Станьковскаго полуострова, окруженной съ востока, запада и сѣвера нѣмецкой стихіей. Въ 1880 году изъ принадлежащихъ къ этому острову селеній: Станьковъ, Штиховъ (Stich), Каменице (Kamenzen), Квичовице, Ноумержъ (Nohmirschen), Шкрхлебы (Stirchlova) были еще чисто чешскими селеніями (свыше 90% чеховъ); Гоносице, Вшекары (Schekarschen), Пуцлице—съ преобладающимъ чешскимъ населеніемъ (50—90% чеховъ); Огучовъ—нѣмецкимъ смѣшаннымъ; въ 1890 году остаются чисто чешскими селеніями уже только Квичовице и Каменице; Штиховъ, Ноумержъ, Станьковъ становятся чешскими смѣшанными, Гоносице—нѣмецкимъ смѣшаннымъ, а изъ Огучова образуется самостоятельный, чисто нѣмецкій островъ въ самомъ сердцѣ исключительно чешской стихіи. Такимъ образомъ, онѣмеченіе идетъ здѣсь быстро впередъ, и всему Станьковскому полуострову угрожаетъ въ недалекомъ будущемъ опасность растаять совершенно въ омывающихъ его нѣмецкихъ волнахъ. Чешскій элементъ усилился только въ деревнѣ Пуцлицѣ, гдѣ число нѣмцевъ упало съ 127 на 84. Въ общемъ, однако, во всемъ Горшово-Тынскомъ уѣздѣ замѣчается незначительный приростъ чешскаго населенія (0,3%).

Отъ восточной стороны Станьковскаго полуострова чешско-нѣмецкая граница все время идетъ на сѣверо-востокъ вдоль границы Стодскаго (Staab) уѣзда съ нѣмецкой — и Пильзенскаго и Пржестицкаго съ чешской стороны, при чемъ граница эта на чешской сторонѣ въ пользу чешскаго элемента обозначается острѣе и точнѣе, нежели на сторонѣ нѣмецкой. Начинается она у хутора Вытуны, принадлежащаго къ г. Мерклину, въ коемъ въ 1890 году было 118 нѣмцевъ. Нѣмцы здѣсь замѣтно слабѣютъ. Такъ въ Штенёвицахъ изъ 178 нѣмцевъ 1880 года осталось къ 1890 г. только 48; между тѣмъ чешскій элементъ усиливается въ смѣшанныхъ общинахъ на нѣмецкой сторонѣ (напримѣръ, въ Пржеставлкахъ съ 8 на 53, Встишѣ (Stich) съ 0 на 68, въ Добржанахъ съ 345 на 1,902 и т. д.), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ успѣшно развивающейся здѣсь чешской промышленности. Это замѣтное движеніе впередъ чешскаго населенія обнаружится особенно ясно, если мы сравнимъ этотъ уголокъ на картѣ Лингганса и на картѣ

[1]) Однако у Палацкаго (Popis, str. 393) для 1843 года въ самомъ Огучовѣ указаны 191 человѣкъ только нѣмцевъ.

Эрбена. Большой нѣмецкій полуостровъ, идущій отъ Нирржанъ (Nýrany) въ прямомъ направленіи на востокъ къ чешской деревнѣ Доудлебцы, а оттуда направляющійся къ югу, къ Пржеховицамъ, затѣмъ поворачивающій на западъ къ Чернотину, въ настоящее время совершенно потерялъ свой нѣмецкій обликъ, будучи весь покрытъ селеніями или съ чешскимъ большинствомъ, или съ меньшинствомъ. Уменьшилось число чеховъ въ этомъ краю въ Горнихъ Секиржанахъ. Въ общемъ, въ цѣломъ Стодскомъ уѣздѣ чешскій элементъ усилился на 5% (въ 1880 г.: 22,6%, въ 1890 г.: 27,6%).

Точно такъ же чешскій элементъ значительно усилился въ г. Пржестицахъ (Přestice), гдѣ изъ 135 нѣмцевъ (въ 1880 г.) осталось только 17 (въ 1890 г.); такъ же и мѣстечко Пoржичи Спалене (Brennporitschen), Бловицкаго уѣзда, къ 1890 г. становится совершенно чешскимъ, тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ въ немъ насчитывался 61 ч. нѣмцевъ. Равномѣрнымъ является усиленіе обѣихъ народностей въ Тржемошнѣ (Třemošná, Пльзенскаго уѣзда), гдѣ нѣмецкое меньшинство возрасло съ 251 на 309 чел., главнымъ образомъ подъ вліяніемъ основанныхъ вѣнскимъ Schulverein'омъ въ 1884 г. двухклассной нѣмецкой школы и въ 1894 г.—нѣмецкаго фребелевскаго садика. Незначительное число нѣмцевъ въ 1890 г. находилось въ Храстѣ (12 н.), Ст. Пльзенцѣ (Starý Plzenec, Pilsenetz, 10 н.) и Буковцѣ (11 н.). Въ общемъ, въ Пльзенскомъ уѣздѣ замѣчается процентный приростъ чеховъ и уменьшеніе нѣмцевъ. Отношеніе обѣихъ народностей выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1880 г. нѣмцевъ: 8,147 (или 12,9%), чеховъ: 55,040 (или 87,1%); въ 1890 г. нѣмцевъ: 9,552 (11,8%), то-есть число чеховъ увеличилось на 1,1%.

Въ Рокицанскомъ уѣздѣ процентное отношеніе особенно не измѣнилось,—нѣмцы здѣсь остаются въ меньшинствѣ 10—15%.

Чешскій Стржибрскій (Stříbro, Mies) островокъ въ исторіи борьбы обѣихъ народностей занимаетъ видное мѣсто. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убѣдиться, что спасти эти нѣсколько квадратныхъ километровъ территоріи для чешскаго народа едва-ли удастся. Нѣмецкая стихія окружила чеховъ тѣснымъ кольцомъ, пробить же въ этотъ центръ путь со стороны Пльзна весьма затруднительно. Насколько быстро совершается его упадокъ, явствуетъ изъ того факта, что еще въ половинѣ XIX столѣтія къ этому островку, какъ отмѣчаетъ Эрбенъ на своей картѣ, принадлежали селенія Отрочинъ, Техловице, Врановъ, Бутовъ (Wuttau), Сулиславъ (Solislau), Сытно, Врбице (Wirbitz) и Миликовъ, изъ коихъ уже въ 1880 году селенія

Отрочинъ, Техловице, Врбице и Миликовъ подверглись полнѣйшему онѣмеченію. Судьбу ихъ раздѣлили съ ними къ 1890 г. еще Врановъ и Бутовъ, такъ что чешскій островокъ въ 1890 г. состоялъ уже только изъ Сулислава (въ 1880 г.: 175 ч., 122 н., въ 1890 г.: 190 ч., 102 н.) и Сытна. Окружающія нынѣ эти остатки чешскаго острова селенія принадлежатъ вполнѣ нѣмцамъ, за исключеніемъ незначительнаго чешскаго меньшинства въ с. Улицѣ (32 ч.). Въ общемъ, въ Стржибрскомъ уѣздѣ за періодъ времени 1880—1890 гг. отмѣчается значительный приростъ нѣмецкаго элемента (2,6%) и въ той же мѣрѣ ослабленіе чешскаго (1880 г.: 1,680 ч.; 1890 г.: 1.018 ч.).

Отъ Пльзна чешско-нѣмецкая граница поднимается къ сѣверо-западу въ острыхъ и опредѣленныхъ чертахъ къ г. Манетину. Отношеніе обѣихъ народностей осталось здѣсь и въ послѣднее десятилѣтіе почти безъ измѣненій. Въ общемъ замѣчается большее процентное проникновеніе нѣмецкой волны въ область чешскую (3,2%), нежели чешской въ область нѣмецкую (2%). Вообще въ смежныхъ общинахъ это взаимодѣйствіе весьма незначительно. Только дер. Спанковъ (въ Краловицкомъ уѣздѣ) къ 1890 г. преобразилась въ маленькій нѣмецкій островокъ, въ коемъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ нѣмецкое населеніе увеличилось съ 82,2% до 96%, тогда какъ чешское населеніе уменьшилось на 13,8%. Этотъ островокъ впервые отмѣчаетъ на своей картѣ Лянгансъ. Ослабѣлъ чешскій элементъ и въ Тоушковскомъ (Tuschkau) уѣздѣ (на 1,1%; въ 1880 г.: 5,1% ч.; въ 1890 г.: 4,0% ч.).

Отъ Манетина граница обѣихъ народностей почти непрерывно тянется на сѣверовостокъ вдоль административной границы Краловицкаго уѣзда; въ однихъ мѣстахъ очень опредѣленная, въ другихъ— она расплывается въ смѣшанныхъ общинахъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ большинствомъ, каковы, напримѣръ: нѣмецкая Доубравице, Ствольны (Zwollen, 44 ч., 292 н.), Одлѣзлы (Voitles, 44 ч., 69 н.), Пржегоржъ (52 ч., 189 н.), Либыне (36 ч., 337 н.), или съ чешскимъ большинствомъ, какъ: Манетинъ (977 ч., 363 н.), Уѣздъ (140 ч., 21 н.), Калецъ (50 ч., 34 н.), Седлецъ (189 ч., 3 н.). Увеличеніе чешскаго населенія замѣчается въ общ. Ствольны и Тисъ (въ 1880 г.: 10 ч. и 123 ч., въ 1890 г.: 44 ч. и 168 ч.; и нѣмцы: въ 1880 г.: 318 и 509; въ 1890 г.: 292 и 399). При сравненіи карты Эрбена съ картой Лянганса легко замѣтить, что нѣмецкая язычная граница за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ глубоко врѣзалась въ чешскій материкъ, отвоевавши с. Высочаны, Котаночъ и Луковъ, и только въ

Кальцѣ чешскій элементъ пріобрѣтаетъ незначительное вознагражденіе за эти потери. Въ общемъ. весь Манетинскій уѣздъ имѣетъ незначительное процентное приращеніе чеховъ (на 0,7%), равно какъ и уѣздъ Жлутицкій (Luditz, на 0.3%).

Отъ г. Чистой (въ Краловицкомъ уѣздѣ) язычная граница поднимается на сѣверъ по меридіану, придерживаясь близко административной границы Есеницы (Jechnitz) и Жатца (Saatz) съ нѣмецкой стороны и Раковника и Лоунъ — съ чешской. Однако граница эта здѣсь не такъ чиста и опредѣленна, какъ между Пльзномъ и Манетиномъ. Пунктовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ здѣсь много, при чемъ чешскій элементъ держится въ нихъ очень слабо и замѣтно и постепенно уступаетъ нѣмецкому. Въ общемъ, во всемъ Раковницкомъ уѣздѣ замѣчается незначительное увеличеніе нѣмецкаго населенія (на 0,1%), но на нѣмецкой сторонѣ это усиленіе уже значительнѣе, такъ, въ Есеницкомъ уѣздѣ оно достигаетъ 0,3%, а въ Жатецкомъ 0.4%. Большая опасность полнаго исчезновенія въ омывающемъ ихъ нѣмецкомъ морѣ угрожаетъ селеніямъ съ чешскимъ меньшинствомъ Жатецкаго уѣзда, каковы. напримѣръ, дер. Стекникъ (Steknitz), гдѣ чехи съ 68 ч. упали до 36; Виклетице (Wikleditz), гдѣ чехи совершенно исчезли (1880 г.: 46 ч., 1900 г.: 0); Пrживлаки (Pröhlig, въ 1880 г.: 20 ч.. 1890 г.: 8 ч.). Весьма незначителенъ приростъ чешскаго населенія въ Жатцѣ (1880 г.: 660 ч.; 1890 г.: 689 ч.) и др. мѣстахъ.

Отъ Лоунъ, въ направленіи на сѣверъ и востокъ, язычная граница опять не имѣетъ строго опредѣленныхъ чертъ, она теряется среди множества этнически смѣшанныхъ острововъ, то съ преобладаніемъ чешскаго элемента, то съ его меньшинствомъ. Однако чешская стихія, несмотря на незначительность свою, прорываетъ прочно сомкнутую нѣмецкую цѣпь и, направляясь черезъ Мостъ, Духцовъ и Теплицы, достигаетъ саксонской границы. Благодаря обилію чешскаго рабочаго люда въ каменноугольныхъ копяхъ и многочисленныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, сосредоточенныхъ въ округахъ названныхъ трехъ городовъ, цѣлый рядъ чисто-нѣмецкихъ селеній обратился въ послѣднее время въ селенія смѣшаннаго характера, а кое-гдѣ и съ преобладаніемъ чешскаго населенія. Это обстоятельство вызываетъ въ нѣмцахъ извѣстнаго рода опасенія, но едва-ли они могутъ быть признаны основательными, такъ какъ чешскій элементъ не настолько силенъ, чтобы удержать за собой занятыя позиціи, а кромѣ того, онъ состоитъ изъ людей бѣдныхъ, пришлыхъ рабочихъ, не имѣющихъ

особенно прочныхъ корней въ этой мѣстности; между тѣмъ вся земля находится въ рукахъ нѣмецкихъ капиталистовъ. Чешское меньшинство можетъ удержаться только до тѣхъ поръ, пока его будетъ терпѣть нѣмецкій капиталъ, въ немъ нуждающійся; но эти острова будутъ тотчасъ же залиты, лишь только нѣмецкій капиталъ найдетъ соотвѣтствующую замѣну дешевой чешской рабочей силы. Острова эти идутъ къ саксонской границѣ, начинаясь на сѣверо-западъ отъ Лоунъ, по двумъ направленіямъ и раздѣляются только незначительными промежутками. Первая цѣпь ихъ, начинаясь островкомъ Постолопртскимъ (Postelberg), идетъ черезъ Рвенице (Ferbenz), Битозевесь (Wittosess), Блажимъ (Ploscha), Моравевесь (Morawes, 5 ч.) къ Гаврани (Hawran); тамъ она прерывается и, послѣ небольшого промежутка, идетъ далѣе черезъ Вршаны (Würschen) къ большому острову у г. Моста (Brüx), откуда, опять послѣ незначительнаго перерыва, достигаетъ острова у г. Духцова (Dux) и продолжается далѣе на сѣверъ черезъ Осѣкъ (Osseg), Гробы (Klostergrab) и мимо Микулова (Niklasburg) къ границѣ. Вторая цѣпь начинается у Брзванъ (Weberschan) и Градка (Hradek), идетъ на сѣверъ черезъ Бечовъ (Hochpetsch) къ Заечицамъ (Seidschitz) у Моста, гдѣ временно прерывается и только у Обрницъ (Obernitz) достигаетъ острова Мостскаго и направляется тоже черезъ Духцовскій островъ къ сѣверу, къ границѣ Саксоніи. Въ этихъ островахъ въ теченіе 1880—1890 гг. чешскій элементъ усилился въ значительной степени, такъ что прежнія чисто-нѣмецкія селенія стали теперь смѣшанными. Уменьшеніе числа нѣмцевъ начинается уже въ Лоунахъ, гдѣ изъ 230 ихъ стало 152; нѣмецкій островокъ Горжаны (Horschan, къ юго-западу отъ Лоунъ), имѣвшій еще въ 1880 г. 60% нѣмцевъ, уже въ 1890 г. считаетъ ихъ только 17%.

Отъ г. Лоунъ чешско-нѣмецкая граница большой дугой направляется къ сѣверо-востоку, вдоль южнаго склона чешскаго Средогорья (Mittelgebirge), къ Литомержицамъ, гдѣ она достигаетъ теченія Лабы. Въ этой области ведется упорная борьба за преобладаніе въ городахъ Тржебеницѣ (Trebnitz), Ловосицахъ (Lobositz), Терезинѣ (Theresienstadt) и Литомержицахъ (Leitmeritz). Въ виду особеннаго интереса, возбуждаемаго въ чешскомъ обществѣ и чешской печати этой энергичной защитой національныхъ чешскихъ правъ, и важности обороняемыхъ позицій, мы приведемъ нѣсколько болѣе подробныхъ числовыхъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ національностей на этой окраинѣ. Усиленіе нѣмцевъ замѣчается въ Тржебеницахъ (въ 1880 г.: 383 н., 1066 ч.; въ 1890 г.: 488 н., 985 ч.), Енчицахъ

(съ 417 н. до 425 н.; число чеховъ уменьшилось съ 44 до 25), Длажковицахъ (со 149 н. до 239; чеховъ со 102 до 32!) и другихъ общинахъ; усиленіе чешскаго населенія можно отмѣтить въ Подсѣдницахъ, гдѣ теперь преобладаютъ чехи (въ 1880 г.: 208 ч., 221 н.; въ 1890 г.: 286 ч., 150 н.). и Долахъ (Neugründel, съ 23 ч. до 29 ч., тогда какъ число нѣмцевъ уменьшилось съ 13 до 7). Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ нѣмцы были въ меньшинствѣ еще въ 1880 г., къ 1890 г. они совершенно исчезли. Въ Ловосицахъ, гдѣ борьба особенно энергична. чехи убываютъ. Въ общемъ, во всемъ уѣздѣ они уменьшились на 0,5%; такъ же теряютъ почву чехи и въ Литомержицахъ, гдѣ въ 1880 г. считалось: 1417 чеховъ и 9263 нѣмцевъ, а въ 1890 г.: 1191 чехъ и 10.004 нѣмцевъ; однако, въ общемъ, весь Литомержицкій уѣздъ имѣетъ значительное процентное приращеніе чешское (на 3,6%).

Отъ Литомержицъ язычная граница идетъ частью вверхъ по Лабѣ (Литомержице-Лоункы), частью—придерживаясь границы Роудницкаго уѣзда, то опять по теченію Лабы (Залужъ-Либеховъ). Въ этихъ предѣлахъ она отличается большой опредѣленностью, и только Губеновъ (Hubina) и Либеховъ (Liboch) являются смѣшанными. Сел. Либеховъ, отмѣчаемое на картѣ Эрбена еще на чешской сторонѣ, потеряло свой чисто-чешскій характеръ, такъ что теперь въ немъ чехи только въ меньшинствѣ (въ 1880 г.: 255 ч.; въ 1890 г.: 223 ч.); точно такъ же сел. Коховице, нынѣ вполнѣ нѣмецкое, на картѣ Эрбена отмѣчено еще, какъ чешское. Въ общемъ, въ Штетскомъ округѣ число чеховъ упало на 0,3%.

У Либехова чешско-нѣмецкая граница оставляетъ теченіе Лабы и постепенно, изгибами поднимается къ сѣверо-востоку и, придерживаясь границъ уѣздовъ Мельницкаго на чешской сторонѣ и Дубскаго на нѣменкой, доходитъ до Бѣлой (Bělá pod Bezdězem). Въ этихъ предѣлахъ замѣчается болѣе значительная инфильтрація чешской стихіи въ нѣмецкую, чѣмъ обратно. Въ общемъ отношеніе обѣихъ народностей пропорціонально: насколько чехи потеряли на нѣмецкой сторонѣ (0.3%) въ уѣздѣ Дубскомъ (Dauba), настолько пріобрѣли на чешской сторонѣ въ Мельницкомъ уѣздѣ, гдѣ число нѣмцевъ въ Мельникѣ уменьшилось съ 30 въ 1880 г. до 12 въ 1890 г. Отъ Бѣлой подъ Бездезомъ граница извилистой, но ясно очерченной линіей поднимается почти къ самому Либерцу (Reichenberg). Маленькій нѣмецкій островокъ замѣчаемъ тутъ только у с. Носадлова (Nosadl), Безденицъ (Kl. Bösig) и Виски (всего 84 ч. и 568 н.), лежащихъ

на западъ отъ Бѣлой. Такимъ же смѣшаннымъ характеромъ отличается и Глиновище (Leimgruben, 76 ч. и 242 н.), Вазачка (2 ч. и 42 н.), Врхбѣла (15 ч., 405 н.), Езова (Jezowai, 12 ч., 342 н.), Дольняя Крупа (Nd. Krupai, 46 ч., 468 н.), Горняя Рокита (Ob. Rokitai) и Дольняя Рокита. Но нѣмецкое населеніе падаетъ и въ селеніяхъ съ нѣмецкимъ меньшинствомъ на нѣмецкой сторонѣ. Въ общемъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ чехи усилились къ 1890 г. на 3% по сравненію съ числомъ ихъ въ 1880 году; нѣмецкій элементъ ослабѣлъ въ уѣздѣ Мниховоградиштскомъ (Münchengrätz), гдѣ нѣмцы не составляютъ и 1% всего населенія, и въ Младоболеславскомъ (до 1,3%).

На югъ отъ Либерца въ нѣмецкую область врѣзается небольшой, но важный чешскій полуостровъ Чешскодубскій, въ коемъ, несмотря на напряженныя усилія близкаго нѣмецкаго Либерца, чешская стихія изъ году въ годъ значительно усиливается и непрерывно поднимается къ Либерцу, а оттуда къ саксонской границѣ, отъ коей крайній сѣверный пунктъ этого полуострова отстоитъ уже только на 17 километровъ. Путь къ этой цѣли проложенъ нѣсколькими довольно значительными чешскими островками, идущими по направленію къ Либерцу [1]). Чешскій элементъ впервые въ 1890 г. отмѣчается въ д. Глубокой (Lubokei), гдѣ по офиціальнымъ даннымъ въ 1880 г. не было еще ни одного чеха; въ 1890 г. здѣсь считается уже 30 чеховъ; далѣе дер. Влахове (Wlachai, въ уѣздѣ Чешсколипскомъ, Böhmisch Leipa) въ 1880 г. не имѣла ни одного чеха, въ 1890 г. считаетъ ихъ уже 31 (нѣмцы упали съ 111 на 86); въ дер. Собаковѣ (Sobaken) отношенія приняли совершенно обратное направленіе (въ 1880 г.: 0 ч., 137 н.; въ 1890 г.: 125 ч., 1 н.!), въ Цетеновѣ (Zetten) въ 1880 г. чеховъ вовсе не было, а въ 1890 г. ихъ считается уже 198. Причину этого очевиднаго упадка нѣмецкаго элемента въ названныхъ селеніяхъ Лянггансъ видитъ въ вліяніи чешской школы, присоединеніи нѣмецкихъ деревень къ чешскимъ приходамъ, въ частыхъ смѣшанныхъ бракахъ и пр. Особенно упорный бой ведетъ чешское меньшинство за мѣстечко Годковице (юго-восточнѣе Либерца), въ коемъ чешскій элементъ въ послѣднее десятилѣтіе все-таки нѣсколько сократился. С..льный нѣмецкій островъ представ-

---

[1]) Интересные очерки экономическаго положенія чешскаго Подкрконошья, точнѣе—широкаго клина между нѣмецкими Либерецкимъ и Врхлабско-Трутновскимъ округами, принадлежатъ Юрію Засадскому въ ж. Naše Doba, R. VII, seš. 4—5 и сл.

ляетъ собой г. Чешскій Дубъ (Böhmisch Aicha) и его околье, въ коемъ нѣмецкое населеніе, составлявшее въ 1880 г. 58,3%, усилилось къ 1890 г. до 65,8%, такъ что чехи потеряли тутъ 7,5%. Вообще чешскому элементу въ Чешскодубскомъ округѣ угрожаетъ серьезная опасность. Въ цѣломъ Чешскодубскомъ округѣ нѣмецкое населеніе за десятилѣтіе 1880—1890 г. усилилось на 2,1% (въ 1880 г.: 88,9% чеховъ; въ 1890 г.: 86,8%). Напротивъ, въ округѣ Мимоньскомъ (нѣм. Niemes), вслѣдствіе сильнаго наплыва чешскаго рабочаго класса, произошло усиленіе чешскаго населенія на 3,2% (въ 1880 г.: 0,2% ч., въ 1890 г.: 3,4%). Упорная и въ послѣднее время особенно ожесточенная борьба противъ чеховъ ведется нѣмцами въ Либерецкомъ уѣздѣ, гдѣ въ послѣднее десятилѣтіе чешскій элементъ упалъ на 2,1%, а въ самомъ г. Либерцѣ даже на 3,7%; точно такъ же стало значительно уменьшаться чешское населеніе въ деревняхъ этого округа съ нѣмецкимъ большинствомъ.

Отъ Ештеда (Jeschken, югозападнѣе Либерца) язычная граница идетъ, вдоль административной границы Либерецкаго уѣзда съ нѣмецкой стороны и Чешскодубскаго—съ чешской, до Годковицъ, откуда постепенно начинаетъ подниматься къ сѣверо-востоку и достигаетъ прусской границы (сѣвернѣе чешской деревни Paseky). Въ общемъ, граница здѣсь опредѣляется достаточно рѣзко и совпадаетъ съ границами уѣздовъ: Яблонецкаго (Gablonz) съ нѣмецкой стороны и Семильскаго и Илемницкаго—съ чешской. Смѣшанные островки на этомъ протяженіи замѣчаемъ только у Илове (нѣм. Jillowej) и въ сѣверной части границы—у Шумбурка и Полубной (восточнѣе Таннвальда). Чешскому элементу наибольшая опасность угрожаетъ въ промышленномъ Шумбуркѣ, гдѣ чешское населеніе быстро уменьшается, и, какъ видно уже при взглядѣ на карту, въ маленькомъ полуостровкѣ съ дер. Пасѣкп въ центрѣ. Несмотря на усиленіе нѣмецкаго элемента въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напримѣръ, Пасѣкахъ, гдѣ онъ въ теченіе десяти лѣтъ удвоился), чешское населеніе во всемъ Турновскомъ уѣздѣ усилилось на 1,9%; но зато въ Яблонецкомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1880 г. чеховъ считалось только 6,5%, число ихъ уменьшилось еще на 0,2%.

Отъ д. Пасѣки, наидалѣе выдвинутаго на сѣверъ чешскаго пункта, граница обѣихъ народностей въ довольно рѣзкихъ очертаніяхъ начинаетъ опускаться въ направленіи юговосточномъ къ г. Дворъ Кралове. На этомъ протяженіи ея встрѣчаемъ нѣсколько незначительныхъ смѣшанныхъ островковъ. Сначала язычная граница совпадаетъ

съ границей Высоцкаго (нѣм. Hochstadt) и Илемницкаго судебнаго округа съ чешской стороны и Рокетницкаго и Врхлабскаго (Hohenelbe)—на нѣмецкой сторонѣ. Положеніе чешскаго элемента въ этихъ предѣлахъ слѣдуетъ признать вообще благопріятнымъ: въ то время какъ примѣсь нѣмецкой стихіи въ чешской язычной области составляетъ только 3,3%, примѣсь чешскаго элемента въ области нѣмецкаго языка равняется 4,1%. Усиленію чешскаго элемента на прусской границѣ, въ направленіи отъ Пасѣкъ къ сѣверо-востоку, много содѣйствуетъ существованіе здѣсь большихъ стеклянныхъ заводовъ графа Гарраха въ сел. Новый Свѣтъ (Neuwelt), гдѣ чешское населеніе съ 67-и душъ въ 1880 г. увеличилось до 121 въ 1890 г., и Гарраховѣ (Harrachsdorf).

Въ области чешской г. Яблонецъ обнаруживаетъ значительное усиленіе нѣмецкаго элемента въ ущербъ чешскому. Такъ въ 1880 г. здѣсь было только 86 нѣмцевъ, а въ 1890 ихъ стало уже 257. Въ общемъ во всемъ Рокетницкомъ округѣ наблюдается незначительное усиленіе чешскаго населенія (на 0,1%). Въ судебномъ округѣ Врхлабскомъ (главнымъ образомъ, въ г. Врхлаби и Бранной Долени) чешскій элементъ значительно ослабѣлъ (на 2,3%), тогда какъ въ Илемницкомъ и Рокетницкомъ округахъ онъ въ незначительной мѣрѣ усилился (на 0,1%).

Крайніе восточные предѣлы чешско-нѣмецкой язычной границы въ сѣверной Чехіи совпадаютъ въ Трутновскомъ уѣздѣ съ границей судебныхъ округовъ Трутновскаго и Упицкаго (Eipel). Сильная нѣмецкая волна, проникающая вдоль верхняго теченія Лабы, самой „предательской“ изъ славянскихъ рѣкъ, отъ Кралове Двора къ Градцу Кралове (у коего образовался уже незначительный смѣшанный островокъ), сдерживается нѣсколько двумя далеко выдвинувшимися на сѣверъ чешскими полуостровами Упицкимъ и Полицкимъ (нѣм. Politz). Первый изъ этихъ полуострововъ крайнимъ своимъ пунктомъ, дер. Малые Сватонѣвице (Kl. Schwadowitz), отстоитъ отъ прусской границы всего на 5 километровъ; второй на сѣверѣ уже весьма близко подходитъ къ ней, а восточнымъ краемъ (у Махова, Machau) вплотную прикасается къ ней. Если обоимъ этимъ полуостровамъ удастся раздвинуть свои сѣверные берега вплоть до прусской границы, тогда нѣмецкій полуостровъ Теплицкій (Weckelsdorf) обратится въ островъ, отрѣзанный отъ нѣмецкаго вліянія, и этимъ значительно облегчится усиленіе чешской стихіи на этой сѣверной окраинѣ. Такимъ образомъ, желѣзная цѣпь нѣмецкаго uzavřeného území, окру-

жающая на сѣверѣ чешскую язычную область, была бы прорвана еще въ одномъ мѣстѣ. Въ этомъ направленіи сдѣлано уже нѣсколько удачныхъ шаговъ: такъ дер. Радчи насчитывала въ 1880 г. 20 чеховъ, а въ 1890 г. уже 52 человѣка; въ Старыхъ Седловицахъ изъ 16 человѣкъ въ 1880 г. стало къ 1890 г. 30 человѣкъ; хотя въ другихъ мѣстахъ отношеніе обѣихъ народностей измѣнилось въ пользу нѣмцевъ, такъ что въ сущности можно считать отношенія обѣихъ народностей здѣсь не измѣнившимися. Въ направленіи отъ Врхлаби на югъ язычная граница существенно измѣнилась въ пользу чешскаго элемента въ округѣ Новой Паки. По мнѣнію Лянгганса, здѣсь чехизація причинила наибольшій ущербъ нѣмецкой язычной области въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Отмѣченное нами выше сильное теченіе нѣмецкой стихіи на югъ отъ Кралове Двора, ясно видное на картѣ, создало сильный нѣмецкій полуостровъ Трутновскій (Trautenau), только въ самой южной части своей имѣющій смѣшанный характеръ. Чешскій элементъ находится здѣсь въ неблагопріятныхъ условіяхъ борьбы: въ теченіе десятилѣтія нѣмецкая стихія усилилась здѣсь на 1% (въ 1880 г. — 13,3%, въ 1890 г.—14,3%).

Вообще, въ такъ называемой „закрытой" нѣмецкой области чешскій элементъ примѣшивается въ меньшемъ количествѣ (1,1%), нежели нѣмецкій въ области чешскаго языка (1,7%); такъ что, если чешское меньшинство на рубежѣ язычной области чешской и нѣмецкой и становится нѣсколько сильнѣе, то зато маленькіе чешскіе островки въ чисто нѣмецкой области понемногу исчезаютъ. Но эти потери вознаграждаются общимъ значительнымъ усиленіемъ чешскаго элемента на язычной чешско-нѣмецкой границѣ въ сѣверо-западной и сѣверо-восточной Чехіи на 44,9%; такъ какъ нѣмецкій элементъ въ то же время возросъ въ той же чертѣ на 25,3%, то перевѣсъ чешскаго элемента надъ нѣмецкимъ выражается все-таки въ солидной цифрѣ 19,6%.

Таковы факты, констатированные на нѣмецкой картѣ Лянгганса.

Къ сожалѣнію, далеко не такъ успѣшна борьба чешской стихіи съ нѣмецкою на восточной границѣ (съ Моравіей). Восточная граница Чехіи проходитъ въ нѣкоторой части черезъ нѣмецкій островъ (Landskron, Zwittau-Svitava, Mähr. Trübau-Moravská Trebova), только незначительной полосой чешскаго населенія отдѣленный отъ другого нѣмецкаго острова окрестностей Иглавы (Iglau). На эту границу должно быть обращено самое серьезное вниманіе чеховъ: это мостъ,

соединяющій ихъ черезъ Моравію съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Важность этого моста рано была оцѣнена чешскими патріотами. Отмѣчая опасность, угрожающую чехамъ со стороны германской стихіи, одинъ изъ чешскихъ писателей (Hlasatel Český, 1806, III, 342), указываетъ, какъ на весьма невыгодное условіе въ положеніи чеховъ, и на то, что „чешская земля *только* при посредствѣ Моравіи входитъ въ соприкосновеніе съ прочимъ славянствомъ". Значеніе Моравіи для собственной Чехіи было опредѣлено и извѣстнымъ вождемъ старо-чешской партіи Ф. Л. Ригромъ, который въ рѣчи, сказанной имъ при открытіи чешскаго театра въ Брнѣ (въ ноябрѣ 1884 года), заявилъ, что чехи должны ратовать за Моравію еще болѣе, чѣмъ за собственную Чехію, потому что Моравія соединяетъ чеховъ съ тѣмъ славянскимъ міромъ, отъ котораго они никогда не пожелали бы быть оторванными, ибо тогда Чехія стала бы островомъ. Но боевыхъ позицій у чеховъ такъ много, что трудно ожидать одинаковой силы сопротивленія на всѣхъ пунктахъ.

Мы замѣтили выше, что значительное большинство прежнихъ и новѣйшихъ работъ по изученію чешско-нѣмецкой язычной границы принадлежитъ нѣмецкимъ ученымъ. Послѣдній трудъ Лянгганса еще разъ доказываетъ, какъ живо слѣдятъ нѣмцы за малѣйшими успѣхами своими на этомъ западномъ славянско-нѣмецкомъ рубежѣ [1]).

Чешская литература, къ сожалѣнію, до сихъ поръ такимъ трудомъ не обладаетъ, а между тѣмъ средства для составленія карты всего чешсконѣмецкаго порубежья могутъ доставить такія чешскія общества, какъ энергичная Центральная Школьная Матица (Ústřední Matice Školská), сообщившая уже немало драгоцѣннаго матеріала въ своемъ „Вѣстникѣ"; далѣе, собираніе достовѣрныхъ и безпристрастныхъ статистическихъ данныхъ составляетъ прямую обязанность Народныхъ Союзовъ Пошумавскаго и Сѣверо-Чешскаго (Národní Jednota Pošumavská, N. J. Severočeská), провинціальныхъ ихъ отдѣленій и многочисленныхъ обществъ и научно-образовательныхъ кружковъ. Со временемъ, на основаніи собранныхъ этимъ путемъ матеріаловъ, явится возможность

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ той же коллекціи вышли еще слѣдующія карты распространенія нѣмецкаго элемента въ славянскихъ земляхъ: 1) Deutsche Kolonisation im Osten: I. Donau-Länder (Deutsche Kolonien in Ungarn, Siebenbürgen, Zips, Krain, Bielitz-Biala, Zilli etc.); II. Auf slawischem Boden (Deutsche Ostseeprovinzen, Polen, Wolynien, Bessarabien, Südrussland, Kaukasus, Wolga-Kolonien, Dobrudscha etc.). 2) Verbreitung der Deutschen in den Ländern der Ungarischen Krone.

представить все порубежье чешской и нѣмецкой язычныхъ областей въ самомъ полномъ и еще болѣе точномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Лянггансъ.

Вл. Францевъ.

Gaetano de Sanctis. ΑΤΘΙΣ. Storia della Repubblica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene. Roma. 1898. VII+364 стр. [1]).

Къ числу важнѣйшихъ и самыхъ энергичныхъ дѣятелей на поприщѣ греческой филологіи несомнѣнно принадлежитъ и итальянскій ученый Юлій Белохъ. Помимо всеобщаго интереса, который представляютъ его научные труды, Белохъ имѣетъ еще чрезвычайно важное значеніе для Италіи, ибо совмѣстно съ профессурой древней исторіи въ Римскомъ университетѣ онъ занимаетъ также должность преподавателя того же предмета въ археологическомъ институтѣ „Schola italiana d'archeologia pel perfezionamento negli studi archeologici". Многочисленныя сочиненія его учениковъ и отдѣльныя статьи, напечатанныя ими въ Studi di storia antica, pubblicati da G. Beloch и въ разныхъ другихъ итальянскихъ научныхъ журналахъ,

---

[1]) Довольно странно, что книга г. Санктиса не вызвала никакихъ подробныхъ рецензій. Появились, правда, въ прошломъ году три статейки по поводу этой книги, однако ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа научной рецензіей. Отзывы анонимнаго автора въ Literar. Centralbl., 1899, № 8 и *Hauvette*, Revue crit., 1899, № 49 по своей краткости и безсодержательности никакой цѣны не имѣютъ. Анонимъ довольствуется простымъ перечисленіемъ заголовковъ десяти главъ, на которыя распредѣлено сочиненіе г. Санктиса, и голословнымъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ параграфовъ. У Оветта, напротивъ, ничего кромѣ напыщенныхъ фразъ найти нельзя. Оветтъ самъ сознается, что книга г. Санктиса нисколько не marque un progrès sensible sur les plus récents écrits du même genre, а только mettra le public savant d'Italie au courant des derniers résultats de la science (т. е. по мнѣнію Оветта). Отмѣтить можно развѣ только отзывъ Th. Reinach'а въ Revue des études grecques, XI (1898) стр. 435 сл., да и то только примѣчанія его, въ которыхъ онъ коротко указываетъ на нѣкоторыя частности, съ которыми онъ согласиться не можетъ. Самый же текстъ не отличается существенно отъ Оветтовскаго. Рейнакъ даже полагаетъ, что книга эта une oeuvre qui, même après les gros livres de Wilamowitz et de Busolt, mérite d'être non seulement consultée, mais lue, онъ находитъ, что встрѣчающіяся у него hypothèses n'appartiennent pas toutes à l'auteur, mais qu'il a toutes *repensées* et en partie améliorées (объ этихъ мнимыхъ améliorations у насъ ниже будетъ рѣчь) ou complétées. Въ самомъ текстѣ онъ сожалѣетъ только о томъ, что у автора нѣтъ des notions économiques plus approfondies.

ясно показываютъ, какое большое вліяніе на нихъ имѣетъ Белохъ. Это впрочемъ показываютъ и сочиненія самого Белоха, ибо хорошо извѣстно, какое сильное впечатлѣніе они производятъ на читателя, и поэтому не трудно себѣ представить, каково должно быть то обаяніе, которое онъ производитъ на своихъ слушателей, когда вводитъ ихъ въ изученіе древне-греческаго міра.

Однако, къ сожалѣнію, и у этой школы есть больная сторона. Здѣсь, конечно, не мѣсто подробнѣе останавливаться на особенностяхъ школы Белоха, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мелкихъ статьяхъ, напримѣръ, у Крузіуса, Бауера, Гершензона и другихъ, въ особенности же въ рецензіи Гольма на „Греческую исторію" Белоха встрѣчается уже цѣлый рядъ весьма мѣткихъ замѣчаній по этому поводу [1]). Тѣмъ не менѣе и здѣсь необходимо обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя своеобразности Белоха. Такъ, напримѣръ, въ теоретическомъ отношеніи его воззрѣнія въ большинствѣ случаевъ совершенно вѣрны, однако на практикѣ онъ имъ неоднократно измѣняетъ; характерна далѣе для Белоха и его школы крайняя рѣзкость и несдержанность приговоровъ надъ трудами другихъ ученыхъ, при чемъ приговоры эти обыкновенно произносятся безъ достаточныхъ доказательствъ; не менѣе характерно далѣе странное обыкновеніе находить и неоднократно повторять, что мнѣнія противниковъ „разумѣется, конечно" („natürlich") превратны.

Гольмъ, впрочемъ, забылъ еще обратить вниманіе на постоянное употребленіе выраженія „die Neueren", даже тамъ, гдѣ только нѣкоторые новѣйшіе ученые совершили неосторожность судить о данномъ вопросѣ иначе, нежели Белохъ. Что читателю можетъ быть любопытно или важно узнать, кто именно въ данномъ случаѣ эти загадочные „новѣйшіе ученые", объ этомъ Белохъ нисколько не заботится, а между тѣмъ не безразлично же, раздѣляютъ ли данное мнѣніе корифеи науки, или авторы посредственныхъ диссертацій.

Gaetano de Sanctis, авторъ вышеупомянутаго сочиненія, которое мы здѣсь намѣрены охарактеризовать, ученикъ Белоха, и сочиненіе его, кромѣ многихъ другихъ недостатковъ и погрѣшностей, перепол-

---

[1]) См. *O. Crusius*, Philologus, томъ 55 (1896), стр. 5—19; *A. Bauer*, die Forschungen zur griechischen Geschichte 1888—1898, München 1899; Ю. Белохъ, Исторія Греціи, пер. *М. Гершензона*, Москва I 1897, II 1899 (этотъ переводъ мы ниже будемъ обозначать сокращеніемъ „Герш."), см. предисловіе Гершензона томъ I стр. III; *A. Holm*, Berliner philologische Wochenschrift, 1894, стр. 371 сл. и 400 сл.

нено тѣми же недостатками, которыми страдаютъ сочиненія Белоха. Въ томъ-то именно и бѣда, что ученики заражаются только слабыми сторонами и недостатками Белоха. Еслибъ эти недостатки съ другой стороны выкупались такимъ же усвоеніемъ всѣхъ хорошихъ сторонъ этого геніальнаго ученаго, то на эти недостатки можно было бы смотрѣть сквозь пальцы: но, къ сожалѣнію, такое усвоеніе не замѣтно въ сочиненіяхъ его учениковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ самой характеристикѣ труда г. Санктиса, не лишнимъ считаю обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое значительно затрудняетъ оцѣнку этой книги. Въ этомъ сочиненіи *нѣтъ предисловія*, и такъ какъ и въ самой книгѣ о назначеніи ея нигдѣ не говорится, то критикъ во многихъ отношеніяхъ бродитъ въ потьмахъ. Такъ, напримѣръ, совершенно неясно, для кого именно авторъ написалъ это сочиненіе, т. е. научное ли это сочиненіе, или только научно-популярное. Ни заглавіе, ни сама книга не даютъ никакихъ разъясненій относительно этого важнаго пункта, отъ котораго именно и зависитъ справедливая оцѣнка даннаго труда. Сочиненіе г. Санктиса снабжено двумя заглавіями, изъ которыхъ второе, очевидно, нужно считать объясненіемъ непонятнаго для большой публики греческаго заглавія. Однако эти заглавія не совсѣмъ соотвѣтствуютъ другъ другу. Аттидами, какъ извѣстно, назывались аѳинскіе анналы: сообщались въ этихъ анналахъ, разумѣется, и разные миѳы и древнія преданія, упоминались всѣ болѣе или менѣе важные факты изъ аѳинской исторіи, литературы, исторіи государственныхъ учрежденій и т. д., но не смотря на то аттиды по своему характеру не могутъ быть причислены къ исторіографіи, а только къ анналистикѣ. Сопоставленіе заглавій Ἀτθίς и Storia, стало быть, не совсѣмъ точное. Но, помимо того, г. Санктисъ далѣе продолжаетъ: „Storia d. repbbl. A. dalle origini alle riforme di Clistene", онъ, значитъ, съуживаетъ значеніе слова Ἀτθίς, что совершенно непозволительно, такъ какъ аттиды никогда этого значенія не имѣли. Однако, быть можетъ, Санктисъ этого и не хотѣлъ сказать, т. е. онъ, быть можетъ, намѣревается еще написать продолженіе этого сочиненія, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ отмѣтить на оберткѣ настоящаго тома, что это первый томъ.

Судя по заглавію, авторъ, стало быть, хотѣлъ изложить аѳинскую исторію до Клисѳеновской реформы. Означенная эпоха въ послѣдніе годы неоднократно служила предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій и превосходно излагалась такими выдающимися учеными, какъ, напри-

мѣръ, Э. Мейеръ, Бузольтъ, Гольмъ, Белохъ и др. Эти авторы существенно отличаются другъ отъ друга и до того исчерпали этотъ періодъ, что авторъ новаго сочиненія обязательно долженъ былъ въ предисловіи объяснить, что именно побудило его еще разъ изложить этотъ періодъ, другими словами, почему и для кого онъ написалъ свое сочиненіе. Такъ какъ авторъ этого не сдѣлалъ, то мы сами должны постараться опредѣлить raison d'être сочиненія. Какъ мы увидимъ, появленіе этой книги ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ то, что въ ней вѣрно, не ново, а заимствовано у предшественниковъ, да и притомъ у нихъ изложено гораздо лучше, а у Бузольта кромѣ того еще несравненно подробнѣе; немногое же новое не выдерживаетъ критики. Что касается публики, для которой авторъ пишетъ, то ее довольно трудно опредѣлить. Общій характеръ этого сочиненія, правда, научно-популярный, и читая эту книгу невольно приходятъ на умъ слова Шеманна: „Dies Buch gehört zu einer Reihe von Handbüchern, deren Zweck ist, ein lebendiges Verständniss des classischen Alterthums in weitere Kreise zu bringen, und ist also vorzugsweise für solche wissenschaftlich gebildete Leser bestimmt, die, ohne selbst ein specielles Studium auf die Erforschung des Alterthums gerichtet zu haben, doch das Bedürfniss fühlen, sich mit dem Geist und Wesen desselben bekannter zu machen" [1]). Однако и эти слова могутъ быть отнесены къ этой книгѣ только cum grano salis, такъ какъ помимо многихъ частей, характеръ которыхъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этимъ словамъ Шеманна, въ этомъ сочиненіи цѣлый рядъ статей до того спеціальныхъ, что онѣ не только могли, но напротивъ должны были быть напечатаны въ одномъ изъ чисто филологическихъ журналовъ, а не въ такомъ научно-популярномъ сочиненіи [2]). Такія главы совершенно несообразны съ общимъ характеромъ сочиненія и при томъ большинству читателей остаются непонятными.

Общій *планъ распредѣленія матеріала*, который положенъ авторомъ въ основу изложенія, вполнѣ соотвѣтствуетъ Бузольтовскому. У Бузольта [3]) во второмъ томѣ въ четвертой главѣ, озаглавленной „Der attische Staat bis zu den Perserkriegen", на 449 страницахъ из-

[1]) Ср. *G. F. Schoemann*, Griechische Alterthümer, I, предисловіе къ первому изданію, перепечатанное и въ четвертомъ изданіи, сдѣланномъ Липсіусомъ, Berlin 1897.

[2]) Ср. напримѣръ, стр. 73 сл. Le liste dei re, стр. 284 сл. La guerra di Sigeo и т. д.

[3]) См. *G. Busolt*, Griechische Geschichte, томъ II² 1895, стр. 1—449.

слѣдуются всѣ эти вопросы точь въ точь въ томъ же порядкѣ, какъ и у г. Санктиса, но у Бузольта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, все изложено гораздо подробнѣе, основательнѣе и лучше. Это соотвѣтствіе избавляетъ насъ, впрочемъ, отъ обстоятельной характеристики этой диспозиціи, такъ какъ сочиненіе Бузольта читателямъ хорошо извѣстно. Достаточно, поэтому, будетъ назвать заголовки главъ, на которыя распредѣлено сочиненіе г. Санктиса. I. Образованіе Аѳинскаго государства. II. Филы, фратріи и роды. III. Списки царей и сказанія о царяхъ. IV. Уничтоженіе царской власти и архонтство. V. Драконтъ и уголовное право. VI. Солонъ и его экономическо-соціальныя реформы. VII. Первое письменное государственное устройство. VIII. Конецъ анархіи. IX. Начала аѳинскаго могущества. X. Клисѳенъ и демократическія реформы. Подробное содержаніе каждой отдѣльной главы, по примѣру Бузольта и Белоха, сообщено въ „Оглавленіи" (стр. V—VII). Въ концѣ сочиненія помѣщенъ подробный „Указатель" (стр. 353—364).

Такова общая схема работы. Обращаясь къ содержанію ея, мы прежде всего должны остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ и погрѣшностяхъ болѣе общаго характера.

Особенности трудовъ Белоха мы указали: всѣ онѣ встрѣчаются и въ сочиненіи г. Санктиса. Чтобы не быть голословными, приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ. „Спеціальная монографія М. Френкеля, Die att. Geschworenengerichte въ отношеніи той части, въ которой говорится о происхожденіи присяжнаго суда (стр. 58 сл.), никакой цѣны не имѣетъ (*non a alcun valore*)".—На стр. 271 прим. 2 авторъ цитуетъ статьи Келера и Бауера, а затѣмъ продолжаетъ: „сквернѣйшая (*peggiore*) попытка Помтова чрезвычайно многорѣчивая (*verbosissimo*)", а въ самомъ текстѣ говоритъ: „Было бы совершенно напрасно приводить эти коньектуры, ибо, еслибъ дать широкій просторъ произволу, то всякій могъ бы придумать коньектуру варіирующую остальныя". Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ здѣсь о знаменитомъ Келерѣ! Никакихъ доказательствъ онъ не приводитъ, а просто называетъ гипотезу Келера скверной и произвольной, и находитъ, что совершенно inutile riferire ee. Неужели мнѣнія такого осторожнаго и остроумнаго ученаго не заслуживаютъ быть приведенными и внимательно разсмотрѣнными въ научномъ сочиненіи? На стр. 323 прим. 1: „Начала муниципальной жизни совершенно упускаются изъ виду въ новѣйшихъ (*moderne*) изслѣдованіяхъ. Ни словечка нельзя найти въ сочиненіи Haussoullier La vie municipale etc.

Обыкновенно новѣйшіе ученые предпочитаютъ“ etc. Но развѣ Санктисъ самъ постарался изслѣдовать то, чего онъ здѣсь требуетъ? Онъ ссылается, правда, на стр. 24 сл. и 63, но то, что тамъ говорится, изложено несравненно лучше и подробнѣе и съ приведеніемъ всей литературы этого вопроса у Бузольта (II² стр. 76 сл.). Новаго и самостоятельнаго я здѣсь ничего не могъ найти у г. Санктиса.—О Виламовицѣ онъ также отзывается дурно. Напр. стр. 322, прим. 2: „коньектуры Виламовица мнѣ кажутся довольно неудачными“; тамъ же, прим. 1: „Виламовицъ, который можетъ быть черезчуръ много знаетъ о древнѣйшей исторіи Оропа“. Отчего авторъ не отзывается такъ о Белохѣ? Напримѣръ, на стр. 326 Санктисъ одобряетъ мнѣніе Aristot. Ἀθ. πολ. 13,5 о провѣркѣ (διαψηφισμός) списковъ аѳинскихъ гражданъ, произведенной Клисѳеномъ, и отвергаетъ свидѣтельство Aristot. Pol. III 1275 b о принятіи въ число гражданъ множества иностранцевъ и метэковъ, считая это довольно сомнительнымъ и полагая, что это только злая выдумка аристократовъ. Белохъ [1]), наоборотъ, одобряетъ Aristot. Pol. и отвергаетъ Ἀθ. πολ., находя время для такого мѣропріятія слишкомъ неудобнымъ („recht schlecht gewählt“). Санктисъ вполнѣ убѣжденъ, что правъ (e del tutto sicuro); Белохъ, стало быть, былъ введенъ въ обманъ этой злой выдумкой, однако, не смотря на то, Санктисъ ни словечка не проронилъ объ этомъ.—На стр. 11 прим. 2 достается Рейхелю: „онъ просто повторяетъ, при чемъ не обходится безъ преувеличеній“ (это часто встрѣчается у самого Санктиса) и даже „Рейхель не знаетъ никакой мѣры“. Стр. 64 прим. 3: „Koerte надѣлалъ просто неимовѣрную путаницу“. Стр. 70 прим. 2: „Holland совершенно превратно понялъ это вполнѣ ясное мѣсто“. Стр. 165 прим. 2: „Я разумѣется и не думаю остановиться на интерпретаціи Шталя“. Стр. 195 прим. 2 онъ находитъ, что диссертація Wilbrandt'а отличается большою смутностью. Стр. 281 прим. 4 говоря о сочиненіи G. Willis Botsford'а, онъ находитъ, что идея, которую себѣ составилъ авторъ объ аѳинскихъ партіяхъ во времена Клисѳена и его предшественниковъ, совершенно превратная (completamente errata), а заключеніе, что Клисѳенъ былъ главою партіи аристократовъ, онъ даже находитъ *нелѣпымъ* (*assurda*). Такихъ рѣзкихъ приговоровъ довольно много въ трудѣ г. Санктиса, но перечислять ихъ было бы излишне.

---

[1]) *Beloch*, ibid. стр. 334 и прим. 2 (Герш. 265 и прим. 3).

Діаметрально противоположно этой суровой критикѣ весьма благосклонное отношеніе ко всему итальянскому: даже самыя незначительныя статьи удостаиваются преувеличенной похвалы, какъ напримѣръ на стр. 317 прим. 3: „превосходная монографія di G. Patroni". Обыкновенно авторъ чрезвычайно превозноситъ Белоха, напримѣръ, называетъ экономическія изслѣдованія Белоха „неопровержимыми" (стр. 231, прим. 2). Сколько такихъ irrefragabili considerazioni были произнесены другими выдающимися учеными, однако ни одинъ изъ нихъ не удостоился такой похвалы! Считаю, впрочемъ, своимъ долгомъ отмѣтить, что мною замѣчены только два исключенія, а именно: „A. v. Gutschmid весьма остроумно возстановилъ этотъ списокъ" (стр. 78 прим.). Однако здѣсь похвала эта легко объясняется тѣмъ, что авторъ основываетъ свою реконструкцію именно на этой reintegrazione Гутшмида, у котораго, какъ онъ самъ сознается, онъ заимствовалъ многія коньектуры. Далѣе сочиненію O. Müller'a „Aischylos' Eumeniden" онъ приписываетъ фундаментальную важность. Вотъ и все, ибо „лучшая интерпретація" (67), „лучшій комментарій" (170), „вѣрныя замѣчанія" (101) и, наконецъ, „вѣрная интерпретація" (147) не могутъ быть, собственно говоря, названы похвалами.

Что касается *ошибокъ* или *опечатокъ*, то нами замѣчены слѣдующія: стр. 163 строка 2 снизу слѣдуетъ читать τοῖς δὲ Δράκοντος θεσμοῖς (вм. νόμοις). Стр. 202 строка 1 сверху онъ приписываетъ Цидиму совершенно ложное мнѣніе (объ этомъ еще рѣчь впереди). Стр. 337 прим. 1 читай: Hermann Gr. Alt. I 2[6] p. *478* (вм. 678). Стр. 63 прим. 5 читай: IV p. 278 n. *10* (вм. 3). Ibid. прим. 4 читай: Sitzb. d. mün. Akad. 1889 *II* (вм. I). Стр. 151 прим. 2 читай: Aristot. 'Αθ. πολ. *3* (вм. 59). Наконецъ еще 3 невѣрныхъ цитаты изъ Гомера: стр. 120 прим. читай: μ 439 (вм. M), стр. 127 прим. 1 читай: *I* 648 (вм. ι) и тамъ же прим. 2 читай: ι 270 (вм. I).

Методъ цитированія, котораго держится нашъ авторъ, чрезвычайно странный. Онъ преимущественно цитуетъ древнихъ авторовъ, новѣйшая же литература (за нѣкоторыми лишь исключеніями) имъ приводится только тамъ, гдѣ онъ съ нею полемизируетъ, при чемъ нельзя не отмѣтить, что доводы и возраженія его постоянно заимствуются изъ чужихъ, часто не упомянутыхъ сочиненій. Поэтому читателю все кажется, что доводы принадлежатъ автору—и въ этомъ заблужденіи его поддерживаютъ неоднократно встрѣчающіяся выраженія „мнѣ кажется",—между тѣмъ какъ число собственныхъ дово-

довъ автора можно высчитать по пальцамъ. Иногда, правда, и онъ цитуетъ литературу тамъ, гдѣ не вступаетъ въ полемику; однако выборъ его въ такихъ случаяхъ нельзя не назвать травіальнымъ. Методъ притворнаго пренебреженія новѣйшей литературой и рѣдкихъ цитатъ, конечно, заимствованъ авторомъ у Виламовица, Белоха и др. Однако si duo faciunt idem, non est idem. У названныхъ авторовъ каждая цитата дѣйствительно вполнѣ мотивирована, у г. Санктиса же, какъ мы уже упомянули, весьма часто никакихъ серьезныхъ мотивовъ найти нельзя. Къ чему, напримѣръ, на стр. 126 прим. 4 авторъ, говоря о метэкахъ, цитуетъ статьи Шенкля, Тумзера, Виламовица и Клерка, которыя повторяются во всѣхъ руководствахъ и хорошо извѣстны даже любому студенту? Такая же цитата находится, напримѣръ, на стр. 117 прим. 2, гдѣ авторъ, говоря о колакретахъ, цитуетъ статью Ланге. Такія элементарныя цитаты никакъ не совмѣщаются съ вышеизложеннымъ общимъ характеромъ его цитатъ. Въ большинствѣ случаевъ у него встрѣчаются такого рода выраженія: „это мнѣніе одобряется многими безъ малѣйшаго разбора“ (151), или „нѣкоторые новѣйшіе ученые полагаютъ“ (181), или „удивительно, что эта теорія все еще находитъ защитниковъ“ (231), или „не слѣдуетъ смѣшивать эти двѣ традиціи, какъ это обыкновенно дѣлается“ (308), или „обыкновенно полагаютъ, что“ и т. д.. Тутъ для читателя важно узнать, кто именно эти molti, moderni, difensori etc., однако здѣсь авторъ никакихъ именъ не называетъ. Послѣ такого выраженія обыкновенно слѣдуетъ опроверженіе оспариваемаго мнѣнія, опять безъ малѣйшей цитаты. Однако, чтобы не быть голословными, мы совершенно на угадъ открыли книгу въ 4-хъ мѣстахъ и приведемъ такія мѣста, нисколько, конечно, не утверждая, что это какъ разъ наилучшіе примѣры. Ср. стр. 322 прим. 2 съ Бузольтомъ II² стр. 418 прим. и приведенной тамъ же литературой; стр. 299 текстъ къ прим. 4 съ Бузольтомъ l. c. 328 прим. 1; стр. 254 сл. съ Белохомъ и Э. Мейеромъ; стр. 247 съ Бузольтомъ l. c. 282 прим. 5 и 286 прим. 1. Не лишнимъ считаемъ также замѣтить, что читателей можетъ иногда ввести въ заблужденіе и выборъ цитатъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 17 онъ говоритъ о „новѣйшей гипотезѣ, что іоняне пришли черезъ море изъ азіатской Іоніи“ и въ прим. цитуетъ: „ср. объ этомъ Curtius Hermes XXV (1890)“; изъ этого примѣчанія читатель не можетъ не заключить, что эта ipotesi moderna существуетъ только съ 1890 года, между тѣмъ какъ эта гипотеза Курціусомъ [1]) была впер-

[1]) Ср. *E. Curtius*, Die Ionier vor der ionischen Wanderung, Berlin 1855.

вые изложена въ 1855 г. Въ заключеніе укажемъ еще на три курьезныя цитаты. На стр. 317 авторъ, говоря объ Армодіѣ и Аристогитонѣ, вдругъ превращается въ словоохотливаго повѣствователя и разсказываетъ въ прим. 3, что статуи этихъ убійцъ сначала были изваяны Антеноромъ, а затѣмъ были замѣнены другими, сдѣланными Критіемъ и Незіотомъ, что одна репродукція, какъ извѣстно, находится въ Неаполитанскомъ музеѣ, что всѣ цитаты, относящіяся къ этимъ статуямъ и другимъ почестямъ можно найти у Бузольта и Pauly-Wissowa, и затѣмъ продолжаетъ: „ср. относительно статуй тираноубійцъ превосходную статью G. Patroni въ Atti d. R. Acc. di Napoli XIX (1895) not. 2". Къ чему все это!—На стр. 257 авторъ, который обыкновенно такъ скупъ на цитаты, говоря о притворномъ сумашествіи Солона, цитуетъ только Piccolomini La simulata pazzia di Solone e l'elegia Σαλαμίς въ журналѣ Museo ital. II (1888)!—Наконецъ, отмѣтимъ еще третій курьезъ. На стр. 140 прим. 2 онъ пишетъ: „это мнѣніе повидимому встрѣчается уже у Hüllmann'a Staatsrecht des Alterthums (1820)... Однако, мнѣ невозможно воспользоваться этой книгой". Эта удивительная добросовѣстность въ отношеніи къ такому старому писателю, какъ Hüllmann, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ, что авторъ, во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, нисколько не заботится о suum cuique, а во-вторыхъ, такая цитата заставляетъ читателя думать, что авторъ воспользовался рѣшительно всею литературою, и удивляться этой необыкновенной эрудиціи; однако и этотъ второй моментъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма сомнительный.

Обратимся теперь къ вопросу, *дѣйствительно ли авторъ воспользовался всею литературою предмета.* Если вѣрить Рейнаку, то въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ, ибо онъ пишетъ l. c.: „L'auteur connaît presque tout ce qui concerne son sujet (c'est à peine si quelques dissertations spéciales, comme l'étude de Hill dans la Numismatic Chronicle de 1897 sur la réforme monétaire de Solon et celle de Cichorius dans les Mélanges Lipsius sur le sens du nom ζευγῖται, lui ont échappé)". Мы удивляемся, какъ это Рейнаку удалось удостовѣриться въ этомъ, ибо авторъ, какъ мы только что видѣли, чрезвычайно рѣдко и очень мало цитуетъ литературы, такъ что опредѣленное заключеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведено. Отказываясь поэтому отъ опредѣленнаго отвѣта, мы укажемъ только на нѣкоторые недосмотры, которые впрочемъ бросились намъ въ глаза совершенно случайно; нисколько не сомнѣваемся, что при внимательномъ пересмотрѣ сочиненія число этихъ недосмотровъ

можно было бы значительно увеличить. Начнемъ съ упомянутыхъ Рейнакомъ зевгитовъ. Авторъ не только не воспользовался Цихоріусомъ, но ему также совершенно неизвѣстно, что у насъ въ Россіи Штернъ подробно изслѣдовалъ данный вопросъ, и что у Шеффера и Бузескула [1]) обстоятельно трактуются многіе вопросы, служащіе предметомъ изслѣдованій г. Санктиса. Авторъ незнаніемъ русскаго языка извиниться не можетъ, ибо 1) книги эти, конечно, въ Италіи ему были недоступны, однако онъ легко могъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ по приведеннымъ нами рецензіямъ; да и при томъ эти важныя сочиненія гораздо скорѣе заслуживали вышеупомянутаго замѣчанія: „однако, мнѣ невозможно воспользоваться этой книгой", нежели устарѣлый Hüllmann, а 2) на стр. 272 прим. 4 мы читаемъ: „это мнѣніе было высказано Гершензономъ; я передалъ это мнѣніе противъ своего обыкновенія болѣе подробно потому, что статья эта напечатана въ Московскомъ Филологическомъ Обозрѣніи и, по всей вѣроятности, не многимъ доступна". Изъ этого мѣста совершенно ясно слѣдуетъ, что авторъ въ состояніи читать статьи, появившіяся на русскомъ языкѣ.—Далѣе, напримѣръ, автору осталась неизвѣстной монографія Арнима [2]), цѣликомъ посвященная Клисѳену.—На стр. 241 прим. 2 онъ, говоря о жребіи, называетъ только Fustel de Coulanges'a и Heisterbergk'a, нисколько не подозрѣвая, что существуетъ хорошая монографія англичанина I. W. Headlam, Election by lot at Athens, Cambridge 1891.—На стр. 31 прим. 1 распространяясь о „fonte Enneacruno", онъ цитуетъ, правда, нѣсколько новѣйшихъ статей, но обходитъ молчаніемъ статьи и возраженія Dörpfeld'a и Belger'a въ Berl. philol. Woch. [3]).—На стр. 23 сл. онъ сообщаетъ ложное мнѣніе о кеосскихъ οἶκοι и ссылается при этомъ на Halbherr'a (Athen. Mitth. IX 1884), ни словомъ не упоминая о томъ, что это мнѣніе въ 1892 г. нами было опровергнуто [4]).

---

[1]) См. Ѳ. *Штернъ*, Солонъ и дѣленіе аттическаго гражданскаго населенія на имущественные классы (Χαριστήρια. Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша, Москва 1896, стр. 59—99. Ср. нашу рец. въ Berl. phil. Woch. 1897 № 52, стр. 1612 сл.); *В. Шефферъ*, Аѳинское гражданство и народное собраніе, I Москва 1891 (ср. нашу рец. ibid. 1894 № 32—33 стр. 1017 сл. и рец. Леціуса, Woch. f. klass. Philol. 1894 № 45 и 46); *В. Бузескулъ*, Аѳинская политія Аристотеля, Харьковъ, 1895 (ср. рец. Шеффера, Berl. phil. Woch. 1896 стр. 967 сл.).

[2]) *I. Arnim*, ad civitatis atticae historiam symbola, Rostock 1895—1896.

[3]) *Belger*, Berl. Philol. Woch. 1895 стр. 829 сл. и 859 сл. *Dörpfeld*, ibid. 1896, стр. 123 сл. *Belger*, ibid. 1896, стр. 157 сл., 188 сл., 508 сл., 540 сл.

[4]) Ср. *A. Pridik*, De Cei insulae rebus, 1892, стр. 59 сл. Объ этомъ вопросѣ ниже придется говорить подробнѣе.

Этимъ мы закончили разсмотрѣніе нѣкоторыхъ особенностей и погрѣшностей болѣе общаго характера. Переходя теперь къ *детальному разбору сочиненія* г. Санктиса, мы обращаемъ вниманіе читателей 1) на то, что при обширности матеріала мы, конечно, должны были ограничиться нѣкоторыми выбранными нами мѣстами, а 2) на то, что для бóльшаго удобства пользующихся сочиненіемъ г. Санктиса, мѣста эти приведены нами по порядку страницъ.

Начнемъ со стр. 16 сл., гдѣ авторомъ высказывается цѣлый рядъ ошибочныхъ мнѣній. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Іоняне въ Малой Азіи всегда считали себя колонистами, пришедшими изъ Аттики", что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не станемъ, однако, подробно опровергать этого мнѣнія, такъ какъ весь этотъ вопросъ о мнимой аѳинской колонизаціи Іоніи обстоятельно изслѣдованъ Шефферомъ и нами [1]). Укажемъ поэтому только на нѣсколько соображеній. Древнѣйшіе писатели объ этомъ ничего не сообщаютъ, если же Геродотъ такъ часто повторяетъ стереотипную фразу Ἴωνες ἀπο Ἀϑηνέων [2]), то такимъ же повтореніемъ самъ обнаруживаетъ, что это мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не могло считаться общераспространеннымъ. Наконецъ, Гомеру объ этомъ ничего не извѣстно. Авторъ, правда, имѣетъ довольно смутныя представленія о Гомерѣ, ибо на стр. 33 онъ говоритъ: „Соединеніе Аттики (т. е. соединеніе отдѣльныхъ аттическихъ общинъ въ одно аѳинское государство) относится ко временамъ весьма отдаленнымъ. Гомеръ никогда не говоритъ ни о мараѳонцахъ, ни объ афиднейцахъ, а только объ аѳинянахъ. Это ясно показываетъ, какую важную роль играли Аѳины уже въ то время, когда были составлены тѣ пѣсни Иліады, въ которыхъ говорится объ Аѳинахъ и аѳинянахъ. Въ Телемахіи Суній называется Аѳинскимъ мысомъ, изъ чего ясно слѣдуетъ, что крайній югъ Аттики былъ уже присоединенъ къ аѳинскому государству". Sapienti sat. Здѣсь не мѣсто распространяться о гомеровскомъ вопросѣ, объ аттическихъ интерполяціяхъ и о весьма позднемъ происхожденіи этихъ интерполяцій. Аѳинскія же интерполяціи, конечно, никакой доказательной силы не имѣютъ. Эта „opinione commune (?) dell' antichità classica", значитъ, больше ничего, какъ аттическая традиція весьма поздняго происхожденія. „Въ началѣ VI вѣка, говоритъ совершенно вѣрно Шефферъ (стр. 240), Іонія находилась на высшей степени процвѣ-

---

[1]) См. *Шефферъ* l. c., стр. 235 сл.; *А. Придикъ* l. c., стр. 14 сл. и 177.

[2]) См. *Придикъ* l. c. и Herod. I 147, VIII 46, 48 etc.

танія... Столѣтіе спустя обстоятельства вполнѣ измѣнились... естественно было, что тѣснимые и удручаемые врагами іонійцы обращали свои взоры и надежды къ могущественной единоплеменницѣ и что по обще-эллинскому обычаю свои права на желаемую помощь и защиту они старались обосновать на легендарныхъ связяхъ старины. И аѳиняне... не только приняли для своего города титулъ метрополіи всей Іоніи, но и оправдали его на дѣлѣ". Такъ все объясняется совершенно просто и естественно. Санктисъ, правда, ссылается на Солона: „Солонъ называетъ Аттику древнѣйшей страной Іоніи" [1]), однако, изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, такъ какъ 1) Солонъ аѳинянинъ и стихи, стало быть, также написаны in maiorem Atheniensium gloriam, а 2) Тепфферъ совершенно вѣрно обратилъ вниманіе на 9 frg. Mimnerm'a, гдѣ колофонецъ Мимнермъ сообщаетъ, что предки его явились въ Іонію изъ Пилоса [2]). Между тѣмъ какъ Геродотъ (I 147) колофонійцевъ также причисляетъ къ Ἴωνες ἀπ' Ἀθηνέων, Мимнерму, современнику Солона, объ этомъ ничего не извѣстно: „значитъ, говоритъ Шefферъ, за столѣтіе до персидскихъ войнъ въ Іоніи еще не подозрѣвали своего аттическаго происхожденія".

Далѣе на стр. 23 сл. мы читаемъ: „Точно также какъ апатуріи были праздникъ, въ который собирались отцы, такъ и синойкіи первоначально были праздникомъ, на который собирались такъ называемые οἶκοι, при чемъ я подъ этимъ словомъ разумѣю семейства и цѣлыя группы семействъ; въ этомъ смыслѣ слово это сохранилось на островѣ Кеосѣ, а нѣкоторые слѣды этого значенія сохранились и въ Аттикѣ въ такъ называемомъ οἶκος Δεκελειῶν, упомянутомъ въ надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ". Въ этомъ предложеніи также много ошибокъ. Такъ, напримѣръ, авторъ ссылается на кеосскую надпись, нисколько не подозрѣвая, что мнѣніе Halbherr'a нами (l. c. стр. 59 — 65, 67) было опровергнуто и при этомъ доказано, что οἶκος ни въ какомъ случаѣ не можетъ означать семейство или родъ, ибо помимо разныхъ другихъ упомянутыхъ нами причинъ этому противорѣчитъ уже единственное мѣсто [3]), гдѣ упоминается о кеос-

---

[1]) Ср. Aristot. Ἀθ. πολ. 5, 2: πρεσβυτάτην ἐσορῶν γαῖαν Ἰαονίας.

[2]) Ср. также. *Busolt*, Gr. Geschichte, I[2] Gotha 1893, стр. 310.

[3]) См. *Придикъ*, l. c. n. 16, v. 11 sq. прим. 2: εἶναι δὲ αὐτὸν πολίτην τῆς πόλεως τῆς Καρθαιέων καὶ τοὺς ἐκγόνους αὐτοῦ μετέχοντας πάντων ὧν καὶ οἱ ἄλλοι πολῖται καὶ φυλῆς ἧς ἂν βούλωνται καὶ οἴκο[υ]... (и да будетъ онъ гражданиномъ города Кареен, а вмѣстѣ съ нимъ и его потомки, и пусть они пользуются всѣми правами, какъ

скихъ „οἶκοι". Вновь принятые граждане зачислялись въ филы, демы и фратріи, но ни въ какомъ случаѣ не въ роды или семейства: само собою разумѣется, что государство такого права даровать не могло. Авторъ далѣе ссылается на οἶκος Δεκελειῶν, о которомъ онъ подробнѣе высказывается на стр. 69 сл. „Въ числѣ тіазовъ фратріи Демотіонидовъ занималъ первенствующее мѣсто такъ называемый οἶκος Δεκελειῶν. Подъ этимъ выраженіемъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть группу семей, соединенныхъ узами мнимой общности происхожденія. Однако, то обстоятельство, что эта группа называется οἶκος, а не γένος, указываетъ на то, что здѣсь не говорится объ эвпатридахъ, другими словами, этотъ" οἶκος Δεκελειῶν не есть древній дворянскій родъ, а только плебейскій родъ. И тутъ авторомъ все перемѣшано [1]). Что не только роды эвпатридовъ (γένη) каждый въ отдѣльности составляли союзы родичей, но и мѣщанскія семейства образовали религіозные союзы (θίασοι), и что члены первыхъ назывались „γεννῆται", а послѣднихъ „θιασῶται или ὀργεῶνες", хорошо извѣстно, но чтобы οἶκος означало то же самое, что и θιασῶται и ὀργεῶνες, чтобы всѣ эти 3 выраженія, стало быть, были тожественны, совершенно невѣроятно. Оба доказательства, на которыхъ основывается мнѣніе автора о синойкіяхъ, значитъ, неосновательны. Однако, мнѣніе это уже само по себѣ невозможное. Авторъ (l. c. стр. 23) старается опровергнуть свидѣтельство Thuc. II 15 („доказательство, на которомъ основывалось мнѣніе Ѳукидида относительно образованія Аѳинскаго государства, было ничто иное, какъ праздникъ синойкій, который праздновался ежегодно въ честь богини Аѳины"), указывая на то, что по его мнѣнію апатуріи праздникъ родичей, а синойкіи праздникъ мѣщанъ, что въ этомъ именно и состоитъ разница между этими двумя праздниками и что во всемъ остальномъ они тожественны. Однако, это совершенно невѣрно. Ѳукидидъ, правда, о древнихъ Аѳинахъ и въ частности о синойкизмѣ точныхъ свѣдѣній получить не могъ, но онъ, говоря „τεκμήριον δὲ κτλ.", нисколько не отрицаетъ, что все, что онъ сообщаетъ, больше ничего, какъ его собственныя заключенія, выведенныя имъ изъ праздника „Συνοίκια" и мѣстоположенія святилищъ. Однако, здѣсь нужно строго различать два момента: Ѳукидидъ могъ ошибиться въ заключеніяхъ, выведен-

---

и остальные граждане, и выберутъ по собственному желанію филу и οἶκος). О значеніи слова οἶκος см. l. c. стр. 59 сл.

[1]) Объ этомъ декретѣ Демотіонидовъ намъ придется еще подробнѣе говорить ниже при разборѣ стр. 67 сл.

ныхъ имъ изъ мѣстоположенія святилищъ, но изъ этого обстоятельства вѣдь еще ничуть не слѣдуетъ, что заключенія, выведенныя изъ синойкій, также невѣрны. Өукидидъ говоритъ: „καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι". Тутъ, очевидно, каждое слово говоритъ противъ Санктиса. У Өукидида мы читаемъ Ἀθηναῖοι, значитъ, всѣ аѳиняне, а не только одни мѣщане; τῇ θεῷ значитъ Аѳинѣ, а не богамъ-покровителямъ фратрій или важнѣйшему изъ нихъ „Ζεὺς Φράτριος"; ἑορτὴν δημοτελῆ значитъ на казенный счетъ, а не на счетъ отдѣльныхъ θίασοι; наконецъ, еще ἔτι καὶ νῦν (!) значитъ еще во времена самого Өукидида. Кому же, спрашивается, лучше судить объ этомъ, Санктису въ XIX столѣтіи или Өукидиду, который самъ участвовалъ въ праздкованіи этихъ Συνοίκια. Характеръ этого праздника непремѣнно долженъ былъ быть такой, что подобное заключеніе было возможно. Еслибъ синойкіи были простой мѣщанскій семейный праздникъ, то это не могло не быть извѣстнымъ Өукидиду: онъ обязательно упомянулъ бы объ этомъ и не сообщилъ бы столько деталей, которыя нисколько не согласуются съ тѣмъ, что намъ извѣстно о тіазахъ. Въ добавокъ въ Schol. ad Aristoph. Eir. v. 1019 сообщается, что: „φασὶ γὰρ τῇ τῶν συνοικεσίων ἑορτῇ θυσίαν τελεῖσθαι Εἰρήνῃ, т.-е. „сообщаютъ, что въ праздникъ синойкій совершается жертва богинѣ Иренѣ", Ирена же, конечно, ничего общаго съ этими тіазами не имѣетъ. Итакъ относительно этого толкованія г. Санктиса нельзя не употребить его собственныхъ словъ: „онъ совершенно превратно понялъ это вполнѣ ясное мѣсто".

Довольно странное, но очень характерное для г. Санктиса мѣсто находится на стр. 63. Онъ пишетъ: „надпись, содержащая постановленія фратріи Демотіонидовъ, ясно показываетъ, что фратрія не дѣлилась на геннетовъ и оргеоновъ, а на тіазы. Однако это только мнимая разница, такъ какъ тіазоты и оргеоны совершенно тожественны. Обыкновенно желающіе доказать противное ссылаются на законъ, приписываемый Солону: ἐὰν δὲ δῆμος ἢ φράτορες ἢ ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται ἢ σύσσιτοι ἢ ὁμόταφοι ἢ θιασῶται ἢ ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι ἢ εἰς ἐμπορίαν ὅτι ἂν τούτων (τινὲς) διαθῶνται πρὸς ἀλλήλους κύριον εἶναι ἐὰν μὴ ἀπαγορεύῃ δημόσια γράμματα [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что начало этого текста, точнѣе то мѣсто, гдѣ говорится объ оргеонахъ,

---

[1]) Въ прим. онъ цитуетъ: „Dig. 47, 22, 4. Cfr. *Wilamowitz* Phil. Untersuchungen IV p. 278 n. *10*" (такъ надо писать вм. n. 3, какъ ошибочно напечатано у г. Санктиса).

совершенно очевидно испорчено. Были предложены многіе способы возстановленія этого мѣста. Я полагаю, что здѣсь слѣдуетъ примѣнить простую перестановку словъ: ἐὰν δὲ δῆμος ἢ φράτορες ἢ σύνσιτοι ἢ ὁμόταφοι ἢ θιασῶται ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι ἢ εἰς ἐμπορίαν. Такимъ образомъ этотъ Солоновскій законъ подтверждаетъ, повидимому, тожественность тіазотовъ и оргеоновъ". Такъ какъ это мѣсто отлично характеризуетъ автора, то намъ придется подвергнуть его внимательному обсужденію. Авторъ пишетъ: „Si suole addurre", кто— конечно, опять не говорится, и это звучитъ такъ, какъ будто бы всѣ это говорили. Мы просмотрѣли важнѣйшія сочиненія, и чтожъ оказалось? Busolt, Gilbert, R. Schöll, Lipsius, Töpffer и др. всѣ того мнѣнія, что между тіазотами и оргеонами никакой нѣтъ разницы. Иначе объ этомъ судитъ Thumser y Hermann'a Gr. Staatsalt.[6] стр. 320 сл., однако онъ ничуть не ссылается на дигесты. Авторъ цитуетъ Виламовица. однако тотъ l. c. цитуетъ дигесты по совершенно другому поводу и ни слова не говоритъ объ этомъ тожествѣ. Это „si suole", стало быть, ни на чемъ не основано. Затѣмъ слѣдуетъ цитата изъ дигестъ съ упомянутымъ примѣчаніемъ. На этой цитатѣ нельзя не остановиться, такъ какъ она въ такомъ видѣ, въ какомъ она приводится авторомъ, не встрѣчается ни въ дигестахъ, ни у Виламовица, ибо форму ἀπαγορεύῃ противъ чтенія всѣхъ рукописей (codd. ἀπαγορεύσῃ) онъ заимствовалъ у Виламовица, равно какъ и добавленіе τινὲς, которое Виламовицъ впрочемъ поставилъ послѣ διαθῶνται; въ началѣ цитаты Виламовицъ напротивъ читаетъ: φρατέρες ἢ ὀργεῶνες ἢ γεννεταί. Изъ этой смѣси читатель, слѣдовательно, не въ состояніи угадать, что говорится въ дигестахъ и что у Виламовица. Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на то, что мѣсто, гдѣ говорится объ оргеонахъ, испорчено: о томъ, что ναῦται также всѣми считается испорченнымъ, что вообще этотъ законъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился, не можетъ быть приписанъ Солону [1]), объ этомъ онъ ни слова не говоритъ, мало того, онъ просто пишетъ: la legge soloniana. Авторъ могъ не вѣрить Шеллу и Виламовицу, но въ такомъ случаѣ онъ былъ обязанъ сообщить читателямъ, въ силу какихъ доводовъ онъ отвергаетъ это, очевидно, вѣрное мнѣніе. Затѣмъ опять слѣдуетъ пустая фраза: si son tentati vari modo di sanarlo. Для кого, спраши-

---

[1]) Ср. *Wilamowitz*, l. c., *R. Schill*, Sitzber. d. Münchener Akad., 1889 г. II стр. 15, прим. 1.

вается, предназначены эти слова? Спеціалистамъ это безъ того уже извѣстно, поэтому (если ему не хотѣлось назвать коньектуръ другихъ ученыхъ) онъ могъ совершенно пропустить эту фразу и сейчасъ же привести свое собственное мнѣніе; что же касается всѣхъ остальныхъ читателей, то такая пустая фраза имъ ровно ничего не поможетъ, для нихъ было бы гораздо интереснѣе узнать, какъ объ этомъ спорномъ мѣстѣ судятъ выдающіеся ученые. Авторъ однако совершенно другого мнѣнія,—онъ полагаетъ, что ларчикъ просто открывается: стоитъ только воспользоваться „простой перестановкой словъ (una semplice trasposizione)“. Не говоря уже о томъ, что перестановка словъ почти что никогда не можетъ быть названа „semplice“, посмотримъ, насколько же она въ дѣйствительности semplice? Онъ пропускаетъ ἢ ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται и вставляетъ ихъ ниже послѣ θιασῶται. Развѣ это semplice? Какъ объяснить возникновеніе этой путаницы? И наконецъ: неужели отъ этой странной перестановки получается хорошій смыслъ? Онъ создаетъ новое выраженіе „θιασῶται ἱερῶν ὀργίων“ и полагаетъ, что оно равняется слову „ὀργεῶνες“; онъ уничтожаетъ естественную тѣсную связь между оргеонами и фратерами; онъ совсѣмъ не упоминаетъ о геннетахъ, которыхъ онъ самъ вѣдь также противополагаетъ оргеонамъ; онъ вводитъ совершенно новую категорію: „ἢ ναῦτοι ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι ἢ εἰς ἐμπορίαν“! Эта послѣдняя коньектура уже просто забавна. Кто это такіе „ναῦται ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι“? Морскіе разбойники, пираты?! Почему они ставятся впереди, а затѣмъ только слѣдуютъ ναῦται εἰς ἐμπορίαν? Какое это странное различеніе: ναῦται—пираты и ναῦται—купцы? Авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибъ одобрилъ старую коньектуру: ἢ ὀργεῶνες ἢ γεννῆται (вм. ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται), тогда сопоставленіе: φράτορες, ὀργεῶνες, γεννῆται κτλ. было бы совершенно вѣрное. Но самое лучшее еще впереди. Авторъ такъ убѣжденъ въ правильности этой перестановки, что продолжаетъ: a questo modo la legge soloniana (?) sembra confermare l'identità dei tiasoti e degli orgeoni. Чтобы имѣть доказательство, онъ самъ создалъ таковое, а затѣмъ ссылается на это доказательство! Однако, это нисколько ему не помогаетъ, ибо наука такихъ доказательствъ не признаетъ.

Неудовлетворительно, поверхностно и полно ошибокъ также изложеніе постановленій фратріи Демотіонидовъ на стр. 67 сл. Такъ какъ намъ скоро въ другомъ мѣстѣ придется подробнѣе говорить о всѣхъ этихъ вопросахъ, то здѣсь мы ограничимся нѣкоторыми деталями. Не лишнимъ, впрочемъ, считаемъ указать на то, что авторъ всецѣло

зависитъ отъ Липсіуса [1]); въ одномъ только случаѣ онъ старается и отъ себя прибавить новое мнѣніе, однако объ этой коньектурѣ рѣчь еще впереди.

Начнемъ съ κούρειον и μεῖον, относительно которыхъ онъ пишетъ: „Questa presentazione (sc. dei figli maschi legittime) accompagnata dall' offerta di un sacrifizio detto κούρειον accade il terzo giorno della festa delle Apaturie, che perciò vien chiamato κουρεῶτις; ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata (при этомъ онъ ссылается на слова: τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον ἄγῃ); ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione nella lista del demo.... Le figlie poi vengono presentate alla fratria offrendo un sacrifizio detto μεῖον". Авторъ, стало быть, того мнѣнія, что κούρειον относится къ мальчикамъ, а μεῖον къ дѣвочкамъ, и что представленіе мальчиковъ могло производиться въ любое время, но во всякомъ случаѣ до внесенія ихъ въ списки демотовъ. Въ этихъ положеніяхъ нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта.

Авторъ, во-первыхъ, съ увѣренностью утверждаетъ, что μεῖον относится къ дѣвочкамъ, какъ будто-бы это не подлежало никакому сомнѣнію. Онъ ссылается на постановленія Демотіонидовъ, полагаясь при этомъ совершенно на Липсіуса. Что μεῖον и κούρειον ни въ какомъ случаѣ не тожественны, это послѣ открытія надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо B v. 2 sq. говорится ἄγειν τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια и A v. 53 также вѣрно дополнено ἄγειν τὰ[μεῖα καὶ τὰ κούρει]α, и наконецъ, въ началѣ надписи они также строго различаются: ἱερώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ μείου... ἀπὸ τοῦ κουρείου... О тожественности, значитъ, и рѣчи быть не можетъ. Но на какомъ основаніи Липсіусъ изъ этого выводитъ слѣдующее заключеніе (стр. 165): „Zugleich aber folgt, dass das κούρειον bei der Einführung von Knaben, das μεῖον *also* (? sic!) bei der Einführung von Mädchen dargebracht wurde"? Намъ этотъ выводъ непонятенъ; развѣ онъ единственно возможный, и неужели

---

[1]) См. *Lipsius*, Leipziger Studien, XVI томъ, 1894 г., стр. 159 сл., ср. также у г. Санктиса прим. 2-е на стр. 67, гдѣ онъ пишетъ: „La interpretazione migliore è data dal Lipsius. Ho creduto di dovermi allontanare completamente da Wilamowitz Aristoteles und Athen II. 259 segg." Даже и это примѣчаніе заимствовано у Липсіуса, который на стр. 161 говоритъ: „die späteren Behandlungen gehen vielfach in die Irre, nicht am wenigsten die jüngste Erklärung von Wilamowitz-Möllendorff (Aristoteles und Athen II S. 259 ff.), die aus unrichtigen Praemissen weittragende Folgerungen ableitet".

онъ не нуждается въ доказательствахъ? По нашему мнѣнію этотъ выводъ превратенъ, и такая интерпретація совершенно невозможна, ибо: 1) уже само по себѣ было бы странно, что вездѣ говорится τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια, что, стало быть, вездѣ сначала упоминались дѣвочки, а затѣмъ только мальчики, что совершенно несовмѣстимо съ воззрѣніями древнихъ [1]); 2) въ нашей надписи нигдѣ ни слова не говорится о дѣвочкахъ, а совершенно естественно только о мальчикахъ, ср. A v. 18 sq. ὃς δ'ἂν δόξῃ μὴ ὢν φρατὴρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειψάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ; A v. 22 τὸν ἀποδικασθέντα; B v. 51 sq. μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον; говорится, значитъ, только о мальчикахъ, слѣдовательно и μεῖα и κούρεια непремѣнно должны относиться исключительно къ мальчикамъ, какъ вѣрно было уже замѣчено, напримѣръ, Тумзеромъ; 3) позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на одинъ важный моментъ: еслибъ μεῖον относилось къ дѣвочкамъ, а κούρειον къ мальчикамъ, какъ же тогда объяснить, что въ надписи A v. 26 sq. говорится τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ, и B v. 60 ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον ἄγῃ τὸ ὄνομα κτλ., значитъ, тамъ, гдѣ говорится о діадиказіи, дѣвочки совсѣмъ не упоминаются? Нѣтъ, эта интерпретація совершенно невѣрная, изъ постановленій фратріи Демотіонидовъ, напротивъ, совершенно ясно слѣдуетъ, что μεῖον ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ дѣвочкамъ.

Если же какъ κούρειον, такъ и μεῖον относятся къ мальчикамъ, и

---

[1]) При этомъ случаѣ позволяемъ себѣ замѣтить, что бо́льшая часть настоящей рецензіи (между прочимъ все, что относится къ Демотіонидамъ) была нами написана начерно уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1899 года и въ декабрѣ же эти соображенія о Демотіонидахъ были сообщены нами дорогому коллегѣ А. В. Никитскому, такъ какъ послѣдній въ своей статьѣ о дельфійскихъ Лавіадахъ не только изслѣдуетъ аналогичныя постановленія, но и прямо ссылается на нашу надпись. Между тѣмъ въ текущемъ году появились двѣ книги, въ которыхъ также говорится о Демотіонидахъ, а именно: 1) *G. Dittenberger*, Sylloge inscr. Graec. II² Lipsiae 1900. n. 439, стр. 37—45. Изъ комментарія Диттенбергера мы, впрочемъ, кромѣ одного (да и то, повидимому, не совсѣмъ новаго) пункта новаго ничего не узнали; объ указанномъ пунктѣ рѣчь еще впереди. 2) Въ „Mittheilungen von B. G. Teubner" 1900, въ № 1, изданномъ одновременно съ Диттенбергеромъ въ февралѣ с. г., мы прочли на стр. 10 извѣстіе о томъ, что въ Fleck. Jahrb. Suppl. XXV, тетр. 3, стр. 661—866 появилась статья Dr.'a *O. Müller* „Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger-und Eherechts". Мы очень обрадовались, что Миллеръ, говоря на стр. 757 сл. также о нашей надписи, во многихъ отношеніяхъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и мы. Однако мы не сочли нужнымъ передѣлывать или сокращать свою статью.

при томъ они ничуть не тожественны, какъ явствуетъ изъ нашей надписи, то спрашивается, въ чемъ же состояла разница между ними? Келеръ, Зауппе, Р. Шелль, Тумзеръ, Бузольтъ, Тепфферъ, Виламовицъ и др. понимаютъ эту разницу такъ, какъ она отлично формулирована у Зауппе (de phratriis atticis, II, Göttingen 1890, стр. 10): „satis comprobatum esse censeo pueros pariter atque puellas minoribus hostiis oblatis receptos esse, deinde vero pueros, cum pubescerent, denuo ad phraterum sacra venisse et cum comis suis hostias maiores Jovi obtulisse, puellas, cum fere matrimonio iuncto in aliam phratriam vel in aliam certe manum transirent, phratriae paternae non iam curae fuisse“. Это мнѣніе, которое подтверждается Поллуксомъ (VIII 107) [1]: φράτορες· εἰς τούτους τοὺς τε κόρους καὶ τὰς κόρας εἰσῆγον καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν, было Липсіусомъ сначала одобрено, а затѣмъ энергично отвергнуто [2]. Такъ какъ здѣсь не мѣсто для подробнаго опроверженія Липсіуса, то мы вкратцѣ приведемъ то, что намъ кажется вѣрнымъ.

Мы только что видѣли, что 1) μεῖον и κούρειον не тожественны, и 2) что и то и другое относится къ мальчикамъ. Если же это такъ, то изъ этого 3) неминуемо слѣдуетъ, что обѣ жертвы ни въ какомъ случаѣ не приносились въ продолженіе одного и того же года. Уже само названіе μεῖον (менѣе важная жертва), далѣе разница между жертвенными сборами въ пользу жрецовъ (ἱερεώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ μείου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἀργυρίου ΙΙΙ· ἀπὸ τοῦ κουρείου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἐλατῆρα χοινικιαῖον, οἴνου ἡμίχουν, ἀργυρίου ⊢.), далѣе то обстоятельство, что μεῖον всегда ставится впереди (τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια), затѣмъ двукратное отдѣльное упоминаніе жертвы κούρειον, и наконецъ и то обстоятельство, что третій день Апатурій называется κουρεῶτις—всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что μεῖον менѣе важная жертва. Поэтому 4) совершенно ясно, что μεῖον называлась та жертва, которая приносилась въ ближайшія послѣ рожденія Апатуріи; при этомъ само собою разумѣется, да и при томъ подтверждается вышеупомянутой цитатой изъ Поллукса, что μεῖον приноси-

[1]) „Фраторы. Этимъ представлялись мальчики и дѣвочки, а при достиженіи возмужалости въ день называемый κουρεῶτις при представленіи мальчиковъ приносилась жертва, называемая κούρειον, а при представленіи дѣвицъ приносилась жертва, называемая γαμηλία“.

[2]) См. *Lipsius* у Meier-Schömann, der attische Process, Berlin, 1887, стр. 542, прим. 165, и въ Leipziger Studien, XVI 1894, стр. 163 сл.

лось безразлично при первомъ представленіи какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Далѣе, такъ какъ μεῖον приносилось въ первомъ году, а двѣ аналогичныя жертвы въ продолженіе одного и того же года совершенно немыслимы, то 5) точно также совершенно ясно, что жертва κούρειον приносилась въ болѣе позднемъ году.

До сихъ поръ все ясно, да и не трудно доказать. На этомъ мы, собственно говоря, могли бы и остановиться, такъ какъ почти что математически доказали, что въ положеніяхъ Санктиса, заимствованныхъ у Липсіуса, нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта. Однако было бы неловко ограничиться одной деструктивной критикой. Поэтому мы теперь вкратцѣ постараемся изложить свои личныя воззрѣнія.

Что μεῖον приносилось въ первомъ году, а κούρειον въ болѣе позднемъ, какъ мы видѣли, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Теперь только начинаются трудности, ибо спрашивается: когда же именно приносилась жертва κούρειον? Нельзя ли точнѣе опредѣлить этотъ болѣе поздній годъ? Поллуксъ l. c. говоритъ: καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων... ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν. На основаніи этой цитаты вышеупомянутые ученые утверждаютъ, что κούρειον приносилось при представленіи возмужалыхъ юношей (cum pubescerent). Противники этого мнѣнія ссылаются на то, что Поллуксъ во второй части этой цитаты (ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν), очевидно, ошибся, такъ какъ γαμηλία приносилась не отцомъ, а мужемъ новобрачной, и ничего общаго съ введеніемъ дѣтей не имѣла. Однако такое заключеніе въ методическомъ отношеніи не допустимо, такъ какъ изъ неточности второй части этой цитаты еще нисколько не слѣдуетъ, что и первая часть непремѣнно превратна. Эту вторую часть при томъ не особенно трудно объяснить, ибо намъ кажется, что это, повидимому, простая вставка либо самого Поллукса, либо одного изъ читателей, прибавленная, такъ сказать, въ скобкахъ. Что же касается цѣли, которую имѣлъ въ виду интерполяторъ, то и ее не трудно опредѣлить: въ первой части цитаты упоминаются мальчики и дѣвочки, во второй только юноши. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ этой недомолвки, интерполяторъ отъ себя прибавилъ, что κούρειον у дѣвицъ замѣщалось гамеліей, т.-е. новобрачная при вступленіи въ бракъ выбывала изъ отцовской фратріи и приписывалась къ фратріи своего мужа, который при этомъ случаѣ приносилъ жертву и давалъ пирушку. Цитата изъ Поллукса, слѣдовательно, ничуть не можетъ считаться подозрительной. Однако,

такъ какъ и первая часть этой цитаты (εἰς ἡλικίαν προελθόντων) оспаривается многими учеными, то постараемся теперь при помощи другихъ доводовъ доказать вѣрность и точность упомянутыхъ словъ Поллукса.

Этимологія слова κούρειον (κούρειον несомнѣнно нужно производить отъ κείρειν, κουρά = стричь, стрижка) подтверждаетъ наше вышеупомянутое заключеніе, что жертва эта приносилась въ болѣе позднемъ году, но нисколько не способствуетъ болѣе точному опредѣленію этого года.

Несравненно больше способствуютъ намъ къ достиженію желаемой цѣли слѣдующія соображенія. Если о годѣ рожденія, какъ мы только что видѣли, и рѣчи быть не можетъ, то можно было бы подумать о годѣ совершеннолѣтія, ибо двукратное представленіе было бы вполнѣ немыслимо, еслибъ второе слѣдовало вскорѣ послѣ перваго и не было пріурочено къ извѣстному возрасту. Такой произволъ, о которомъ здѣсь думаетъ Санктисъ (ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata; ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione nella lista del demo), и опроверженія не стоитъ. Чтожъ касается до упомянутаго „извѣстнаго возраста", то Никитскій въ своей статьѣ о дельфійскихъ Лавіадахъ [1]), говоря о даратахъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „очевидно, здѣсь имѣется въ виду такой моментъ, наступленіе котораго можно напередъ разсчитать, пріурочить къ извѣстному году, — это... вѣроятно моментъ или совершеннолѣтія, или извѣстнаго возраста индивидуума, когда послѣдній долженъ былъ представиться собравшимся на праздникъ Лавіадамъ съ цѣлью допущенія къ участію въ общемъ культѣ и общественныхъ дѣлахъ". Однако о совершеннолѣтіи — въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ — тутъ думать нельзя. Въ Аѳинахъ, какъ говоритъ Аристотель (Ἀθ. πολ., гл. 42) [2]), ἐγγράφονται εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες· ὅταν δ' ἐγγράφωνται, διαψηφίζονται περὶ αὐτῶν ὀμόσαντες οἱ δημόται, πρῶτον μὲν εἰ δοκοῦσι γεγονέναι τὴν ἡλικίαν

---

[1]) См. *А. В. Никитскій*, Дельфійскіе Лавіады, II, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, т. 319, октябрь, отд. класс. филол., стр. 16.

[2]) „Въ общинные списки демовъ мальчики вносятся по достиженіи 18-лѣтняго возраста. При этомъ демоты, послѣ присяги, рѣшаютъ посредствомъ голосованія во-первыхъ, достигли ли они возраста, предписаннаго закономъ; въ случаѣ же отрицательнаго рѣшенія мальчики снова признаются несовершеннолѣтними... Послѣ этого совѣтъ провѣряетъ внесенныхъ въ списки, и если кто либо окажется моложе, 18-ти лѣтъ, штрафуетъ демотовъ, внесшихъ его въ списки".

τὴν ἐκ τοῦ νόμου, κἂν μὴ δόξωσι, ἀπέρχονται πάλιν εἰς παῖδας... μετὰ δὲ ταῦτα δοκιμάζει τοὺς ἐγγραφέντας ἡ βουλή, κἄν τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζημιοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Было бы уже само по себѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, еслибъ параллельно съ этой ἐγγραφὴ εἰς τοὺς δημότας (т.-е. εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον) и слѣдующей затѣмъ δοκιμασία, совершеннолѣтніе въ томъ же самомъ году совершенно аналогичнымъ образомъ вводились во фратріи (εἰσαγωγὴ εἰς τοὺς φράτορας), подвергались такъ называемой διαδικασία и затѣмъ вносились въ φρατερικὸν γραμματεῖον. Это, значитъ, уже само по себѣ было бы весьма невѣроятно. Постановленія же Демотіонидовъ ясно показываютъ, что это не только невѣроятно, но даже невозможно, ибо A v. 26 sq. предписывается: τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ τῇ κουρεώτιδι 'Απατουριών, т.-е. διαδικασία эта должна состояться только по истеченіи года послѣ жертвы κούρειον, при чемъ ὅπως ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι было приказано (B v. 59 sq.) ἀπογράφεσθαι... τὸ ὄνομα πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ τῆς μητρὸς πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου πρὸς τὸν φρατρίαρχον, τὸν δὲ φρατρίαρχον ἀπογραψαμένων ἀναγράψαντα ἐκτιθέναι ὅπου ἂν Δεκελειεῖς προσφοιτῶσι κτλ. Если къ этому развѣ еще прибавить, что въ этой надписи вездѣ говорится περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων, то послѣ всѣхъ этихъ доводовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что о совершеннолѣтіи здѣсь думать нельзя.

Какой же, послѣ этого, еще остается опредѣленный моментъ „извѣстнаго возраста"? Между рожденіемъ и совершеннолѣтіемъ есть одинъ только моментъ, наступленіе котораго точно опредѣлено, а именно наступленіе такъ называемой ἥβη. Изъ I. Bekker, Anecdota Graeca, I, p. 255, 15 s. v. ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι· τὸ γεν έσθαι ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα, ἵνα ἥβη ᾖ τὸ ἑκκαίδεκα ἐτῶν γενέσθαι. τὸ δὲ οὖν ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι ἐστι τὸ γενέσθαι ἐτῶν ἄλλων δυοῖν μετὰ τὴν ἥβην, и другихъ мѣстъ уже A. Boeckh, De ephebia Attica dissertatio prima, стр. 139 [1]) совершенно вѣрно догадался о томъ, какъ слѣдуетъ понимать слова Поллукса. εἰς ἡλικίαν προελθόντων: „qua professione primum esse pubertatem sive ἥβην declaratam tonsasque comas probabile est". Это мнѣніе было одобрено многими учеными [2]), другіе напротивъ согла-

[1]) См. Prooemium semestris aestivi a. 1819=Kleine Schriften, IV, стр. 137 сл.

[2]) Ср. напримѣръ, *Schoemann*, Isaei orationes, Gryphiswaldiae 1831, стр. 393 (or. VIII de Cironis hereditate, § 31); *Hermann-Thumser*, Griech. Staatsalterthümer, II, стр. 457 сл.; *Hermann-Thalheim*, Griech. Rechtsalterthümer, 1895[4], стр. 12 сл.; *Van den Es*, de iure familiarum apud Athenienses, стр. 118—121;

шались съ Шеферомъ, который на основаніи своихъ исчисленій наступленія совершеннолѣтія оратора Демосѳена утверждалъ, что совершеннолѣтними въ Аѳинахъ назывались мальчики по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, что поэтому ἥβη начиналась цѣлымъ годомъ раньше, т. е. съ пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ о совершеннолѣтнихъ говорилось, что они ἐπὶ διετὲς ἥβησαν [1]). Однако толкованіе Шефера опровергается Аристотелемъ (Ἀθ. πολ. 42), гдѣ, какъ мы уже видѣли, совершенно ясно говорится: ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες, и еще яснѣе: κἂν τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκ' ἐτῶν εἶναι, ζημιοῦ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Послѣ этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мальчики, достигшіе такъ называемой ἥβη, достигали шестнадцатилѣтняго возраста [2]).

Если ἥβη означаетъ шестнадцатилѣтній возрастъ, если далѣе у Поллукса словами εἰς ἡλικίαν προελθόντων обозначается ἥβη [3]), если, наконецъ, какъ говоритъ Поллуксъ, εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, то совершенно ясно, что второе представленіе, связанное съ жертвой κούρειον, совершалось по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста. Sapienti sat. Однако Липсіусъ и его спутникъ Санктисъ не того мнѣнія. На стр. 163 сл. l. c. Липсіусъ щеголяетъ двумя доводами, которые по его мнѣнію рѣшаютъ весь этотъ вопросъ въ его пользу. Онъ сначала указываетъ на постановленія Демотіонидовъ, гдѣ B 58 сл. говорится: ὅπως δ' ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον ἄγῃ τὸ

L. Beauchet, Histoire du droit privé de la république Athénienne, II, Paris 1897, стр. 107—115, и др.

[1]) См. *A. Schaefer*, Der Eintritt der Mündigkeit nach attischem Recht; статья эта напечатана въ „Demosthenes und seine Zeit", III, 2, стр. 19 сл.— см. также, напримѣръ, *Busolt*, Gr. Staatsalterthümer², стр. 213 и *Gilbert*, Griech. Staatsalt. I², стр. 218.

[2]) Кстати можно здѣсь прибавить, что и въ такъ называемомъ гортинскомъ правѣ совершенно аналогичнымъ образомъ различается возмужалый (ἡβίων) отъ совершеннолѣтняго (δρομεύς), и по всей вѣроятности (хотя этого точно доказать нельзя) и здѣсь фигурируютъ тѣ же года, шестнадцатый и восемнадцатый. И въ Дельфахъ мы встрѣчаемъ ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι, см. Aeschin., or. III in Ctesiph. § 122.

[3]) Ἡλικία можетъ, конечно, имѣть и простое значеніе „возрастъ"; но обыкновенно, т. е. въ большинствѣ случаевъ, оно означаетъ зрѣлый возрастъ, возмужалость, а въ упомянутой цитатѣ изъ Поллукса о простомъ значеніи „возрастъ" и думать нельзя. слова εἰς ἡλικίαν προελθόντων могутъ только означать опредѣленный возрастъ, а это именно и есть ἥβη.

ὄνομα κτλ. Шелль [1]) уже совершенно вѣрно указалъ на то, что прежнее толкованіе: τῷ πρώτῳ ἔτει = τῷ προτέρῳ ἔτει вполнѣ невозможно, такъ какъ это „vulgär und in sicheren Beispielen erst aus nachchristlicher Zeit zu belegen“. Вслѣдствіе этого толкованіе „за годъ до жертвы κούρειον“ сдѣлалось немыслимымъ, и оставалась, повидимому, единственная возможность — толковать τῷ πρώτῳ ἔτει = „въ первомъ году отъ роду“, стало быть, одновременно съ μεῖον. Что это мнѣніе Липсіуса совершенно невѣрно и невозможно — явствуетъ изъ вышеизложеннаго. Вѣрное толкованіе этого мѣста было предложено Бюрманномъ и Диттенбергеромъ [2]), изъ которыхъ послѣдній пишетъ: „Quare malo πρῶτον ἔτος non *priorem* annum intellegere sed *proximum*, collato τρίτῳ ἔτει μετὰ τὰ Μηδικά similibusque locutionibus. Sic sane ante ἤ desideratur adverbium comparativum. Sed ea breviloquentia neutiquam aliena est a Graecorum usu, ut etiam Latini sic nudum *quam* pro *postea quam* usurpant. Neque vero πρότερον ἤ, sed ὕστερον ἤ intellegendum est cum Buermanno, siquidem v. 27 dictum est, annuo demum post κούρειον oblatum spatio probationem et receptionem fieri. Quid igitur attinebat, integro biennio ante eam nomina publice proscribere? Similiter ἡ πρώτη ἐκκλησία dicitur de ea quae proxima habebitur, et τῷ πρώτῳ ἐνιαυτῷ 'anno proximo' est Leg. Gortyn. IV, 4“. Вотъ толкованіе, въ которомъ мы нуждались; оно, при томъ, ясно показываетъ, какъ сильно ошибаются Липсіусъ и Санктисъ. Чтожъ касается до второго довода, то Липсіусъ на стр. 164 ссылается на оратора Исея (Isaeus, or. VI de Philoctemonis hereditate, § 22), но это мѣсто ровно ничего не доказываетъ; однако это мы постараемся доказать въ другомъ сочиненіи.

---

[1]) См. *R. Schoell*, l. c., стр. 10, прим. 2.

[2]) Мы въ декабрѣ 1899 г. нисколько не сомнѣвались, что πρώτῳ ἔτει должно было имѣть совершенно другое значеніе и не могло отличаться отъ A 26 сл. τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ—оба выраженія слишкомъ аналогичны и слишкомъ похожи другъ на друга—но доказать этого мы тогда еще не могли. Въ февралѣ 1900 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ Диттенбергеровой Sylloge, гдѣ Диттенбергеръ на стр. 45 прим. 48 совершенно вѣрно объяснилъ это спорное мѣсто. Однако мнѣніе это, повидимому, уже до Диттенбергера въ 1889 году было высказано Бюрманномъ (по крайней мѣрѣ Диттенбергеръ ссылается на Buermann'a въ Berliner philologische Wochenschrift 1889); однако этотъ журналъ у насъ въ Юрьевѣ, къ сожалѣнію, имѣется только съ 1890 года, такъ что мы не могли опредѣлить, все ли заимствовалъ Диттенбергеръ у Бюрманна, или онъ сообщаетъ въ своей Sylloge собственныя доказательства.

Теперь намъ остается еще прибавить нѣсколько косвенныхъ доказательствъ для подтвержденія нашихъ положеній. Извѣстно, что условіемъ пользованія правами гражданства между прочимъ являлось и участіе въ культахъ и религіозныхъ обрядахъ данной фратріи и въ совершеніи опредѣленныхъ жертвъ. Далѣе также извѣстно, что не только аѳиняне, но и всѣ остальные греки имѣли обыкновеніе связывать каждый болѣе важный моментъ въ жизни даннаго гражданина съ религіознымъ празднествомъ. Поэтому уже a priori разумѣлось бы само собою, что возмужалость и тѣсно связанное съ нею собственное, самостоятельное участіе въ жертвахъ и празднествахъ фратріи и пользованіе вытекающими изъ этого участія правами, т. е. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни каждаго аѳинянина, непремѣнно соединялись съ религіознымъ празднествомъ. Такія религіозныя празднества въ Греціи, какъ извѣстно, обыкновенно состояли изъ двухъ частей, а именно изъ предшествующей жертвы и изъ слѣдующей затѣмъ веселой пирушки.

Что, во-первыхъ, касается жертвы, то изъ всего вышеизложеннаго ясно слѣдуетъ, что это именно и было такъ называемое κούρειον. Апатуріи были праздникъ чисто семейный [1]). Мы видѣли уже, что новорожденныхъ представляли фраторамъ и вносили въ соотвѣтствующіе списки, при чемъ приносилась жертва μεῖον. Мы узнаемъ, далѣе, изъ Платона [2]), что въ этотъ день аѳиняне брали съ собой своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей — въ указанномъ Платономъ случаѣ мальчику, напримѣръ, было десять лѣтъ отъ роду — и заставляли ихъ между прочимъ рецитировать отрывки изъ читанныхъ въ школѣ поэтовъ, дабы фраторы могли убѣдиться въ успѣхахъ, оказанныхъ ими въ продолженіе истекшаго года. Несовершеннолѣтніе мальчики такимъ образомъ ежегодно присутствовали на этомъ семейномъ праздникѣ, но самостоятельнаго участія въ жертвахъ и празднествахъ какъ этого, такъ и остальныхъ религіозныхъ празднествъ они, конечно, имѣть не могли. Все это совершенно измѣняется въ моментъ возмужалости: въ ближайшія Апатуріи юноша вторично представляется фраторамъ, приносится жертва κούρειον, онъ вписывается въ соотвѣтствующіе списки и съ этихъ поръ дѣлается самостоятельнымъ фраторомъ, т. е. пользуется всѣми правами и исполняетъ всѣ религіозныя обязанности остальныхъ фраторовъ. Эти обычаи, на что Шелль

---

[1]) См. подробности, напримѣръ, у *Aug. Mommsen'a*, Feste der Stadt Athen im Alterthum, Leipzig, 1898, стр. 323—349.

[2]) Ср. Platon. Timaeus, p. 21 B: ἐγὼ δὲ μάλιστα δεκέτης· ἡ δὲ Κουρεῶτις ἡμῖν

совершенно вѣрно указываетъ [1]), совершенно аналогичны лютеранской конфирмаціи: посредствомъ конфирмаціи лютеране приблизительно около того же (т. е. какъ и въ Аѳинахъ) шестнадцатаго года отъ роду дѣлаются полноправными членами лютеранской церкви и только съ этихъ поръ могутъ причащаться Святыхъ Таинъ. Точно также и въ Аѳинахъ религіозная сторона этого акта была несомнѣнно первоначальная, и лишь только впослѣдствіи къ этому присоединилась и гражданская сторона [2]).

Относительно же упомянутой веселой пирушки мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія [3]): Photius οἰνι[α]στήρια· σπονδὴ τῷ Ἡρακλεῖ ἐπιτελουμένη ὑπὸ τῶν ἐφήβων πρὶν ἀποκείρασθαι. Athen. XI, 494 f. οἰνιστήρια· οἱ μέλλοντες ἀποκείρειν τὸν σκόλλυν ἔφηβοι, φησὶ Πάμφιλος, εἰσφέρουσι τῷ Ηρακλεῖ μέγα ποτήριον πληρώσαντες οἴνου, ὃ καλοῦσιν οἰνιστήριαν καὶ σπείσαντες τοῖς συνελθοῦσι διδόασι πίνειν. Hesych. οἰνιστήρια· Ἀθήνησιν οἱ μέλλοντες ἐφηβεύειν, πρὶν ἀποκείρασθαι τὸν μαλλόν, εἰσέφερον Ἡρακλεῖ μέτρον οἴνου καὶ σπείσαντες τοῖς συνελθοῦσιν ἐπεδίδουν πίνειν· ἡ δὲ σπονδὴ ἐκαλεῖτο οἰνιστήρια. Pollux III, 52 ἡ δὲ ὑπὲρ τῶν εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παίδων οἴνου ἐπίδοσις οἰνιστήρια ἐκαλεῖτο. VI, 22 ἡ δὲ οἰνίστρια οἴνου δόσις ὑπὲρ τῶν παίδων ἐν τοῖς φράτερσιν. Всѣ эти цитаты ясно показываютъ, что тутъ говорится именно о нашемъ праздникѣ. Фотій, Аѳеней и Гесихій называютъ этихъ мальчиковъ ἔφηβοι, οἱ μέλλοντες ἐφηβεύειν, а Поллуксъ „εἰσαγομένων παίδων“ или „παίδων“. Да-

---

οὖσα ἐτύγχανεν Ἀπατουρίων. τὸ δὴ τῆς ἑορτῆς σύνηθες ἑκάστοτε καὶ τότε ξυνέβη τοῖς παισίν· ἆθλα γὰρ ἡμῖν οἱ πατέρες ἔθεσαν ῥαψῳδίας· πολλῶν μὲν οὖν δὴ καὶ πολλὰ ἐλέχθη ποιητῶν ποιήματα, ἅτε δὲ νέα κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον ὄντα τὰ Σόλωνος πολλοὶ τῶν παίδων ᾔσαμεν.

[1]) Ср. *R. Schoell*, l. c., стр. 7: „Mit diesem Akt, den man unserer Confirmation vergleichen kann“.

[2]) См. *А. В. Никитскій*, l. c., стр. 15: Обычай приношенія даратъ и пр., какъ и μεῖα и κούρεια въ Аѳинахъ, существовалъ, конечно, гораздо раньше, чѣмъ съ этими, первоначально исключительно религіозными, актами связано было веденіе списковъ фратеровъ, и термины остались прежними, хотя впослѣдствіи часто главное значеніе имѣла не религіозная, а гражданская сторона дѣла. И у насъ постоянно говорится: „крестины, окрестить, повѣнчаться, бракъ“ и т. д., хотя нерѣдко заинтересованныя лица думаютъ не столько о религіозной, сколько о гражданской сторонѣ дѣла, т. е. заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы сдѣланы были надлежащія записи, и въ „метрикахъ“ слѣдятъ скорѣе за датой рожденія, чѣмъ крещенія.

[3]) См. Comicorum Atticorum fragmenta ed. *Th. Kock*, vol. I, Lipsiae 1880, стр. 293 frg. 135 (Eupolis).

лѣе говорится объ ἀποχείρασθαι, ἀποχείρειν, а κούρειον, какъ мы видѣли, также происходитъ отъ κείρειν. Затѣмъ говорится о μέτρον οἴνου, οἴνου ἐπίδοσις или δόσις и т. д., да и при томъ оно называется οἰνιστήρια или οἰνίστρια, въ постановленіяхъ же Демотіонидовъ въ самомъ началѣ ясно приказывается: Ἱερεώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ κουρείου κωλῆν, πλευρὸν, οὖς, ἐλατῆρα χοινικιαῖον, οἴνου ἡμίχουν, ἀργυρίου Ͱ. Наконецъ у Поллукса также ясно говорится εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παίδων οἴνου ἐπίδοσις κτλ. или ἐν τοῖς φράτερσιν.

Итакъ Липсіусъ и Санктисъ сильно ошибаются. Санктисъ даже не удовольствовался этимъ, а попробовалъ развить далѣе мысль Липсіуса. Онъ пишетъ на стр. 68: „Жертва, которая приносилась фратерамъ по случаю свадьбы, имѣла спеціальное названіе γαμηλία. Однако, такъ какъ въ постановленіяхъ Демотіонидовъ при установленіи компетентности жрецовъ относительно жертвоприношеній фратеровъ говорится не о γαμηλία, а лишь только о μεῖον и κούρειον, то совершенно ясно, что μεῖον, очевидно, означало любое жертвоприношеніе, приносимое фратріи за любую женщину, будь это дочь или новобрачная. Это поразительное разсужденіе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ небрежно и поверхностно Санктисъ изучалъ постановленія Демотіонидовъ. Вся надпись совершенно очевидно трактуетъ исключительно περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων (A 18 сл., B 10 сл.: Νικόδημος εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα ἃ κεῖται περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων καὶ τῆς διαδικασίας, 22 сл., 47, 50 сл.: ὅρκος μαρτύρων ἐπὶ τῇ εἰσαγωγῇ τῶν παίδων· μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον ἐγ γαμετῆς, 56 сл.: Μενέξενος εἶπεν· δεδόχθαι τοῖς φράτερσι περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων τὰ μὲν κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα, ὅπως δ' ἂν εἰσῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι κτλ.) γαμηλία тутъ, значитъ, ни къ селу, ни къ городу. Санктисъ, очевидно, полагаетъ, что наша надпись отрывокъ изъ подробнаго устава фратріи Демотіонидовъ, и поэтому приписываетъ здѣсь фраторамъ всѣ тѣ полномочія, которыя онъ нашелъ въ любомъ руководствѣ греческихъ древностей.

Мы могли бы указать еще много ошибокъ въ изложеніи постановленій Демотіонидовъ, но думаемъ, что достаточно и приведенныхъ. Мимоходомъ только еще замѣтимъ, что Санктисъ вслѣдъ за многими учеными повторяетъ положеніе, что исключенные на основаніи діадикасіи Демотіонидовъ могли апеллировать къ тѣмъ же Демотіонидамъ! Авторъ нисколько не удивляется этому странному обстоятельству, противорѣчащему здравому разсудку, и не

пытается его объяснить, а довольствуется словами: „судомъ второй инстанціи были тѣ же самые Демотіониды, но производство во второй инстанціи происходило менѣе сокращеннымъ и представляющимъ бóльшія гарантіи“, какъ будто это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ онъ себѣ представляетъ всю эту процедуру: Демотіониды исключаютъ фратора на основаніи предпринятой ими діадикасіи, и этотъ исключенный ими фраторъ апеллируетъ къ той же самой инстанціи, т. е. къ тѣмъ же самымъ Демотіонидамъ, которые его только что исключили, да и при томъ исключили не произвольно, а на основаніи упомянутой діадикасіи. Да и наконецъ, чтожъ по мнѣнію Санктиса дѣлаютъ Демотіониды послѣ того, какъ исключенный подалъ апелляцію? — Они еще разъ разбираютъ это дѣло, но тщательнѣе перваго раза! Неужели Санктисъ полагаетъ, что по закону сначала допускалась поверхностная діадикасія? Авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибъ присоединился къ мнѣнію Виламовица, который совершенно вѣрно объяснилъ это трудное мѣсто.

Не менѣе ошибокъ, неточностей, недоразумѣній мы находимъ въ изложеніи постановленій дельфійской фратріи Лавіадовъ (стр.70—72). Однако мы полагаемъ, что послѣ краткой замѣтки Рейнака [1]) и подробнаго комментарія А. В. Никитскаго [2]) нѣтъ никакой надобности въ подробномъ разборѣ этого экскурса, не имѣющаго прямого отношенія къ сюжету разбираемой нами книги.

Отъ этихъ двухъ главъ существенно отличается III глава, къ которой мы теперь переходимъ. III-ю главу нельзя не назвать спеціальнымъ этюдомъ, нисколько не соотвѣтствующимъ общему характеру всего сочиненія. Это спеціальное изслѣдованіе посвящено спискамъ аѳинскихъ царей. Мы, конечно, не имѣемъ возможности входить въ подробную оцѣнку частностей этого изслѣдованія, а должны здѣсь довольствоваться краткимъ обзоромъ его результатовъ. Авторъ старается возстановить оба списка Африкана на основаніи важныхъ изслѣдованій Унгера и Гутшмида, которыхъ онъ

---

[1]) Ср. *Th. Reinach*, Revue des études grecques, XI, 1898. стр. 436, прим. 1: „Erreurs nombreuses sur l'inscription des Labyades; les ἀπέλλαια ne s'offrent pas aux mêmes occasions que les δαράται; c'est l'offrande de majorité“.

[2]) См. *А. В. Никитскій*, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, томъ 319 (октябрь), въ особенности стр. 14—17, гдѣ онъ между прочимъ подробно и убѣдительно доказываетъ, что жертва ἀπέλλαια (или ἀπελλαῖα) должна относиться именно къ году совершеннолѣтія.

цитуетъ на стр. 78 прим. 1; однако онъ, противъ своего обыкновенія, не примыкаетъ къ нимъ рабски, а старается самостоятельно подвинуть впередъ этотъ вопросъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто перепечатывать помѣщенную на стр. 79 таблицу, однако не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе интересующихся на то, что Санктисъ лишнія восемнадцать лѣтъ, возникающія вслѣдствіе того, что одинъ списокъ начинается съ 1589 года, а второй съ 1607 года, оба же списка доходятъ до 682 года, распредѣляетъ во второмъ спискѣ съ такимъ расчетомъ, что Пандіонъ вмѣсто 25 получаетъ 40, Оксинтъ вмѣсто 11 получаетъ 12, а Мегаклъ вмѣсто 28 получаетъ 30, итого 18 лѣтъ. „Вотъ, слѣдовательно, списки аѳинскихъ царей, сообщенные Секстомъ Юліемъ Африканомъ. Однако не стоило бы и труда, употребленнаго на попытку возстановить ихъ, еслибъ мы не знали, что болѣе объемистый списокъ Африкана соотвѣтствовалъ списку Филохора". Затѣмъ онъ изслѣдуетъ списки такъ называемаго Marmor Parium, Евсевія и Кастора и наконецъ сопоставляетъ свои результаты на стр. 90 сл. „Во всѣхъ этихъ спискахъ были тѣ же имена, въ одинаковомъ порядкѣ и относительно многихъ царей даже съ одинаковыми цифрами... Всѣ эти четыре серіи происходятъ изъ одного общаго для всѣхъ источника, въ которомъ находились имена царей съ соотвѣтствующими датами; списокъ этотъ, очевидно, существовалъ уже во второй половинѣ IV вѣка. Онъ, можетъ быть, даже нѣсколько древнѣе, но этого мы доказать не можемъ... Было бы опасно опредѣлить, который изъ этихъ списковъ, списокъ такъ называемаго Marmor Parium или списокъ Филохора, ближе подходитъ къ общему источнику, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой были возстановлены вполнѣ гипотетически. Однако кажется, что Филохоръ безъ всякаго сомнѣнія тамъ и сямъ переработалъ древнѣйшій списокъ... Къ кому въ концѣ концовъ долженъ быть отнесенъ этотъ первоначальный списокъ—опредѣлить нельзя. Мы, впрочемъ, въ состояніи съ увѣренностью утверждать только то, что серія Эрехѳеидовъ у Гелланика вполнѣ соотвѣтствовала списку Филохора... Что полемика Филохора противъ тѣхъ писателей, которые приводили имена царей, царствовавшихъ до Кекропса, въ самомъ дѣлѣ относится къ Гелланику, это доказывается..." Вотъ результаты изслѣдованія списковъ аѳинскихъ царей. Затѣмъ на стр. 94—116 авторъ подробно [1]) разбираетъ „ска-

[1]) Обращаемъ вниманіе читателя на то, что выраженіе „подробно" нами употребляется только въ сравненіи съ остальными частями разбираемой нами книги.

занія о царяхъ", съ тою, однако, разницею, что здѣсь не цитуется новѣйшая литература, а исключительно древніе источники, какъ будто авторъ здѣсь вращается на вполнѣ дѣвственной почвѣ. Только встрѣчающіяся кое-гдѣ колкости (достается въ особенности Тепфферу и Виламовицу) даютъ читателю возможность предположить, что и другіе до него изслѣдовали эти вопросы. Но кто именно, и что авторъ заимствовалъ у нихъ—читатель изъ этого сочиненія узнать не можетъ, до того все субъективно и аподиктично; а между тѣмъ все сочиненіе ясно показываетъ, что новаго и самостоятельнаго у г. Санктиса почти что нѣтъ. Мы нисколько не отрицаемъ и достоинствъ этой главы (глава эта одна изъ лучшихъ всего сочиненія г. Санктиса), но мы находимъ, что 1) она нисколько не соотвѣтствуетъ общему характеру этой книги, 2) что такое подробное аподиктическое изложеніе безъ цитованія литературы и критической оцѣнки мнѣній другихъ ученыхъ не можетъ быть одобрено и 3) вообще—мы весьма скептически относимся ко всѣмъ такого рода изслѣдованіямъ въ области древнѣйшихъ миѳическихъ, генеалогическихъ и хронологическихъ таблицъ. Они обыкновенно весьма объемисты, отличаются эрудиціей, и какой въ концѣ концовъ получается результатъ? — безпристрастный читатель не можетъ не сознаться, что ученый авторъ oleum et operam perdidit, ибо результаты, которыми могла бы воспользоваться исторія, равняются нулю. Какую пользу, напримѣръ, имѣетъ исторія Аттики отъ вышеупомянутыхъ изслѣдованій? Мы не можемъ не согласиться съ результатами Виламовица и Э. Мейера, что исторически засвидѣтельствованными въ крайнемъ случаѣ могутъ считаться только одна дата (683/2 учрежденіе должности годовыхъ архонтовъ) и нѣсколько именъ. Неужели послѣ этого стоитъ oleum et operam perdere на такіе вопросы, изъ которыхъ ничего путнаго выйти не можетъ? Исторія имѣетъ болѣе серьезныя задачи. Кстати замѣтимъ, что въ этой главѣ встрѣчается курьезное, но весьма характерное мѣсто. На стр. 78 прим. 1 авторъ пишетъ: „Изъ разныхъ реконструкцій списка Африкана болѣе всего походитъ на мою (*si avvicina di più alla mia*) реконструкція Унгера!" Unger напечаталъ свою статью въ 1886 г., Санктисъ въ 1898 г., при томъ статья Унгера навела г. Санктиса на почти что аналогичныя мысли, на какомъ же основаніи онъ пишетъ, что мнѣніе Унгера si avvicina alla mia? Ему слѣдовало бы сказать какъ разъ противное.

Не мало ошибокъ и недоразумѣній и въ IV главѣ. Такъ, напримѣръ, на стр. 124 онъ, несмотря на свидѣтельство Аристотеля, полагаетъ,

что должность полемарха возникла послѣ должности архонта (эпонима): „Имя это указываетъ на то, что должность полемарха возникла послѣ должности архонта, ибо магистратъ этотъ не могъ называться просто ἀρχός или ἄρχων, вслѣдствіе чего и рѣшили присоединить къ этому титулу еще болѣе точное опредѣленіе".—На стр. 135 сл. онъ говоритъ о надписи C. J. A. I 61 (Ditt. Sylloge n. 45[1] = n. 52[2]; Michel n. 78) и повторяетъ тамъ ложное мнѣніе, будто словами πρῶτος ἄξων обозначаются солоновскіе ἄξονες. Онъ ссылается на Диттенбергера и Бузольта; но Диттенбергеръ во второмъ изданіи самъ отказался отъ этого мнѣнія, а Бузольтъ [1]) совершенно вѣрно указываетъ на то, что число πρῶτος ἄξων драконовое. См. также: Recueil des inscriptions juridiques grecques, II 1 Paris 1898, стр. 9 и L. Ziehen, Rhein. Museum, N. F. 54 (1899) стр. 330 прим.

На стр. 151 сл. онъ сообщаетъ о ѳесмоѳетахъ между прочимъ слѣдующее: „по словамъ Аристотеля ѳесмоѳеты были учреждены для того, чтобы записать законы и хранить ихъ для суда надъ преступниками (ὅπως ἀναγράψαντες τὰ θέσμια φυλάττωσι πρὸς τὴν τῶν ἀμφισβητ[ού]ντων κρίσιν)". Мы видѣли выше, что цитата эта невѣрная, ибо слова эти находятся не въ 59 главѣ, а въ 3 главѣ. Такая невѣрная цитата, можетъ быть, еще простительна—непростительно же то, что онъ сообщаетъ по поводу этого аристотелевскаго мѣста. Онъ пишетъ: „Это мнѣніе одобряется многими безъ всякой оговорки. Однако съ этимъ ни въ какомъ случаѣ согласиться нельзя. Дракontъ и Солонъ компилировали въ продолженіе одного только года цѣлый сводъ законовъ; можно ли послѣ этого допустить, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ выбирались по тому же поводу по шести ѳесмоѳетовъ? Къ тому же ѳесмоѳеты, по словамъ Аристотеля, были учреждены до Драконта; мнѣ, однако, кажется совершенно невозможнымъ, чтобы аѳиняне имѣли писанные законы до Драконта. Эти законы, во всякомъ случаѣ, исчезли бы, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда въ нашемъ преданіи. Слѣдовательно, совершенно очевидно, что Аристотель, говоря о законахъ, писанныхъ ѳесмоѳетами, вывелъ таковое заключеніе единственно изъ ихъ названія; названіе же ихъ не трудно объяснить и другимъ образомъ. Ѳесмоѳетомъ можетъ называться каждый судья, такъ какъ онъ опирается на основаніяхъ права и примѣняетъ ихъ къ спеціальному случаю!"

---

[1]) См. *G. Busolt*, Griech. Gesch., II[2], стр. 189, прим. 1.

Кто эти molti, кто не раздѣляетъ съ ними этого мнѣнія, что авторъ заимствовалъ у нихъ — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Авторъ довольствуется простымъ выраженіемъ „molti“ и аподиктическимъ сужденіемъ, что мнѣніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не ammissibile. Противъ своего обыкновенія онъ этотъ разъ приводитъ нѣсколько доказательствъ. Онъ начинаетъ съ того, что Драконтъ и Солонъ употребили на это не болѣе одного года — уже въ этихъ словахъ ошибка; авторъ говоритъ „compilato“, что это значитъ? Изъ этого вѣдь слѣдуетъ, что до Драконта уже существовали писанные законы и Драконтъ компилировалъ ихъ. Г. Санктисъ же въ слѣдующихъ строкахъ отрицаетъ существованіе такихъ законовъ до Драконта. Чтожъ послѣ этого означаетъ „compilato“, и чѣмъ собственно занимались ѳесмоѳеты? На первый вопросъ мы у г. Санктиса отвѣта не находимъ; чтожъ касается второго вопроса, то авторъ полагаетъ, что Аристотель сильно ошибся, и самъ поэтому предлагаетъ новую дефиницію слова „θεσμοθέτης“. Во всемъ этомъ изложеніи вѣрные и невѣрные моменты до того перепутаны, что мы безъ краткаго комментарія обойтись не можемъ. Во-первыхъ, онъ совершенно невѣрно толкуетъ слово τὰ θέσμια; у Гильберта (Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des griech. Gerichtsverfahrens und des griech. Rechts, въ Fleck. Jahrb. Suppl. XXIII, стр. 475 сл.), котораго онъ цитуетъ на стр. 170 по совершенно другому поводу, онъ могъ заимствовать вѣрное толкованіе этого слова, см. теперь также L. Ziehen, Rhein. Mus. 54 (1899) стр. 337 сл. Θέσμια очевидно „Rechtsentscheidungen der richterlichen Instanzen, die von den Thesmotheten schriftlich aufgezeichnet wurden und als παραδείγματα die späteren Richter in ihren Entscheidungen beeinflussten“; „die θέσμια sind also die Satzungen des Gewohnheitsrechts, die entweder sie selbst in eigener richterlicher Thätigkeit oder unter ihrer Mitwirkung die Areopagiten bei ihren Urtheilssprüchen befolgten, diese zeichneten sie auf und bewahrten sie auf, um daran für spätere Gerichtsverhandlungen einen Rückhalt zu haben, ohne dass jedoch diesen Aufzeichnungen bindende Kraft beiwohnte“. „Die drakontische Gesetzgebung ist dagegen eine *zusammenhängende* Aufzeichnung der θεσμοί des Gewohnheitsrechts und zwar mit *bindender*, *gesetzlicher* Kraft“ [1]).

---

[1]) Приведенныя нами выписки находятся у *Ziehen*'а l. c. на стр. 338 и 340.

Вотъ вкратцѣ мнѣнія Гильберта и Ziehen'a, съ которыми мы вполнѣ соглашаемся. Установить разницу между Драконтомъ и его предшественниками-ѳесмоѳетами не представляетъ никакихъ затрудненій, и такъ понималъ эту разницу и Аристотель l. c. Выраженіе „compilato", стало быть, здѣсь вполнѣ умѣстно, но только не въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребилъ авторъ: оно указываетъ на то, что до Драконта существовали писанные законы, не имѣвшіе, впрочемъ, обязательной силы. Что наши воззрѣнія вѣрны—доказывается также болѣе позднеи дѣятельностью ѳесмоѳетовъ, о которой Эсхинъ [1]) сообщаетъ слѣдующее: „διαῤῥήδην προστέτακται τοῖς θεσμοθέταις καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν διορθοῦν ἐν τῷ δήμῳ τοὺς νόμους κτλ." Этотъ ежегодный пересмотръ дѣйствующихъ законовъ относился, стало быть, къ кругу ихъ обязанностей. Далѣе законы Драконта и Солона назывались также θεσμοί (а не νόμοι), и оба исправляли должность чрезвычайнаго, полномочнаго ѳесмоѳета [2]). Аристотель, значитъ, нисколько не вывелъ ошибочнаго заключенія изъ названія „θεσμοθέτης", какъ это полагаетъ г. Санктисъ. Напротивъ—дефиниція автора черезчуръ узкая: не подлежитъ, правда, ни малѣйшему сомнѣнію, что ѳесмоѳеты въ древнѣйшія времена также имѣли юрисдикцію (это, впрочемъ, уже было установлено до г. Санктиса другими учеными), но слово θεσμοθέτης ничуть не имѣетъ исключительно того узкаго значенія, которое ему приписываетъ г. Санктисъ въ концѣ выписаннаго нами мѣста. То, что авторъ на стр. 154 сообщаетъ о времени возникновенія должности ѳесмоѳетовъ, послѣ вышеизложенныхъ соображеній не требуетъ никакого опроверженія; и если онъ говоритъ, что должность ѳесмоѳетовъ была учреждена единовременно или немного позднѣе должности архонта-эпонима и предшествовала учрежденію должности полемарха, то мы уже выше видѣли, что архонтъ-эпонимъ моложе полемарха, стало быть, и эта датировка совершенно неудачная. Однако авторъ не довольствуется тѣмъ, что отвергаетъ толкованіе и датировку Аристотеля, а прибавляетъ отъ себя еще слѣдующія слова: „Этимъ я нисколько не хочу сказать, что съ самаго начала было уже всего шесть ѳесмоѳетовъ; число ихъ увеличилось съ увеличеніемъ числа и важности исковъ по гражданскому судопроизводству". Очевидно, что это предположеніе невѣрное.—Но такъ какъ авторъ преклоняется только передъ Белохомъ и Э. Мейеромъ,

---

[1]) См. Aeschines, in Ctesiphontem, 38 сл.
[2]) Ср. *G. Busolt*, Griech. Geschichte, II, стр. 173, прим. 2.

то укажемъ на послѣдняго [1]), который пишетъ слѣдующее: „Für Rechtsprechung und Verwaltung treten ihm (sc. dem König) Jahrbeamte zur Seite. So in Athen die sechs „Rechtsetzer" (θεσμοθέται), in Sparta fünf „Aufseher" (ἔφοροι), in den kretischen Staaten zehn „Ordner" (κόσμοι) und ähnlich wohl in den meisten anderen Staaten". Неужели г. Санктисъ полагаетъ, что, напримѣръ, и эфоры не образовали съ самаго начала коллегіи изъ 5 лицъ, а что первоначально существовалъ, напримѣръ, одинъ только эфоръ?

Анонимному критику въ Literar. Centralblatt въ этой главѣ въ особенности понравилась статья объ ареопагѣ (стр. 134—150). Надо признаться, что это въ самомъ дѣлѣ интересная статья, написанная ловко и ясно; авторъ хорошо сопоставилъ всѣ обязанности ареопага, встрѣчаются далѣе нѣкоторыя весьма мѣткія обратныя заключенія и т. д. — однако, кому приходилось пользоваться сочиненіемъ Виламовица „Aristoteles und Athen", тотъ знаетъ, что восьмая глава II тома, озаглавленная „Der Areopag vor Ephialtes", вполнѣ соотвѣтствуетъ этой статьѣ, не исключая и упомянутыхъ заключеній. Авторъ „конечно" не цитуетъ Виламовица.

Пятая глава, озаглавленная „Драконтъ и уголовное право", посвящена изложенію вопросовъ о Драконтовой политіи и о законодательствѣ Драконта. Авторъ „конечно" присоединяется къ мнѣнію Белоха и Мейера, которые, впрочемъ, въ этомъ случаѣ совершенно справедливо отвергаютъ такъ называемую Драконтову конституцію. Особенныхъ погрѣшностей въ этой главѣ мы не замѣтили, но зато и нѣтъ ни одной новой, самостоятельной мысли.

Въ VI главѣ (Солонъ и его экономическо-соціальныя реформы) мы отмѣтили слѣдующія погрѣшности. На стр. 135 сл. авторъ полагаетъ, что у Аристотеля II 2 ἐκαλοῦντο πελάται καὶ ἑκτήμοροι пелаты и гектеморы не тожественны, и видитъ въ гектеморахъ людей, которые уплачивали владѣльцу одну шестую часть жатвы, а въ свою пользу оставляли пять шестыхъ, что по нашему мнѣнію невѣрно, см. кромѣ Бузольта (Griech. Gesch. II² 109 прим. 2, гдѣ цитуется литература этого вопроса) также неупомянутыя Бузольтомъ сочиненія В. Шеффера (Аѳинское гражданство I 298), В. Бузескула (Аѳинск. пол. Арист. стр. 303—308) и P. Guiraud (La propriété foncière en Grèce, Paris, 1893 стр. 421 сл.).

Прекурьезное и при томъ въ методическомъ отношеніи совершенно

[1]) Ср. *Ed. Meyer*, Gesch. des Alterthums, II, стр. 348.

невѣрное мѣсто находится на стр. 222 [1]). Авторъ говоритъ о X гл. Аристотелевой 'Αθην. πολ., гдѣ Аристотель сообщаетъ о Солонѣ слѣдующее: ἐπ' ἐκείνου γὰρ ἐγένετο καὶ τὰ μέτρα μείζω τῶν Φειδωνείων. Вмѣсто того, чтобы цитовать важнѣйшую литературу и подробно критиковать отдѣльныя мнѣнія (напримѣръ, важное сочиненіе C. F. Lehmann'a въ журналѣ Hermes XXVII (1892) стр. 535 сл.), авторъ считаетъ это совершенно напраснымъ; онъ пишетъ: „può sorgere il dubbio se le misure fidoniane abbiano preso nome dal re Fidone ovvero dall' essere misure piccole, da avari"! [2]) Трудно представить себѣ, чтобы ученый былъ въ состояніи не шутя произнести такое наивное мнѣніе (Φειδώνεια μέτρα отъ φείδομαι скупиться!). Однако авторъ старается доказать его, ссылаясь на Theophrast. Char. 30, 11, гдѣ въ числѣ другихъ чертъ, характеризующихъ человѣка постыдно корыстолюбиваго (αἰσχροκερδής), приводится также слѣдующая: φειδωνίῳ (non φειδομένῳ) μέτρῳ πύνδακα ἐγκεκρουσμένῳ μετρεῖν αὐτὸς τοῖς ἔνδον. Трудно придумать болѣе неудачную цитату, ибо 1) это мѣсто само по себѣ ровно ничего не доказываетъ, а 2) оно чрезвычайно спорное, такъ что авторъ или совсѣмъ не долженъ былъ пользоваться имъ, или по крайней мѣрѣ долженъ былъ сначала изложить свое мнѣніе. Лучшая рукопись V (Vaticanus, прежде она называлась Vatic. Palatinus) читаетъ φειδομένῳ, и это чтеніе было одобрено не только Foss'омъ и Petersen'омъ, которые уже устарѣли, но и новѣйшимъ издателемъ R. Holland'омъ, который совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Φειδωνίῳ in der Vulg. ist aus übel angebrachter Gelehrsamkeit entstanden. Es muss sich um ein knappes Mass handeln. Dass die bei Aristot.... und Strabo.... erwähnten Φειδώνια μέτρα, solche gewesen seien, ist unbezeugt" [3]). Авторъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ объяснить, на какомъ основаніи онъ отвергаетъ чтеніе лучшей рукописи и предпочитаетъ чтеніе вульгаты.

Въ VII главѣ (стр. 224—253) авторъ на стр. 225 повторяетъ старыя мнѣнія о ἱππεῖς ζευγῖται и θῆτες, нисколько не подозрѣвая, что C. Cl-

---

[1]) На этотъ курьезъ въ нѣсколькихъ словахъ указалъ уже Рейнакъ l. c.

[2]) „Можетъ показаться сомнительнымъ, названы ли фидоновскія мѣры по царю Фидону, или потому только, что это были мѣры малыя, т. е. людей скупыхъ".

[3]) См. Theophrasts Charactere, herausg., erklärt und übersetzt von der philologischen Gesellschaft zu Leipzig, Leipzig 1897; упомянутый характеръ (αἰσχροκέρδεια) изданъ *R. Holland*'омъ, стр. 259 сл.; ср. стр. 260 и 264 сл.

chorius [1]) и независимо отъ него Э. Штернъ [2]) доказали полную неосновательность прежнихъ воззрѣній. Авторъ могъ, конечно, не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ привести эти статьи и критически оцѣнить это мнѣніе; статью Штерна онъ могъ знать по нашему реферату. Мнѣніе Цихоріуса и Штерна, впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Къ сожалѣнію, обѣ статьи трудно доступны, поэтому мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить это мнѣніе. Въ трехъ классахъ слѣдуетъ видѣть три военно-политическихъ сословія. На первомъ мѣстѣ—потомственное дворянство всадниковъ рыцарей (ἱππεῖς), затѣмъ „граждане-рядовые", т. е. зевгиты, и наконецъ ѳеты, не несущіе бремени военной службы, но зато устраненные отъ всякой политической роли. Съ теченіемъ времени изъ сословія ἱππεῖς самые богатые и знатные члены выдѣлились въ особый классъ пентакосіомедимновъ; послѣдніе, стало быть, только подраздѣленіе ἱππεῖς и первоначально, вѣроятно, назывались ἱππεῖς πενταχοσιομέδιμνοι.

Гиперкритическое сужденіе находится на стр. 254 сл. Авторъ говоритъ объ участіи аѳинянъ и Солона въ священной войнѣ. Между тѣмъ теперь общепринято, что извѣстіе объ участіи Солона позднѣйшая выдумка. Авторъ этимъ не довольствуется, но отрицаетъ и участіе самихъ аѳинянъ и утверждаетъ, что аѳиняне въ то время еще не были членами дельфійской амфиктіоніи, а лишь только послѣ священной войны присоединились къ дельфійской амфиктіоніи—мнѣніе, съ которымъ мы согласиться не можемъ.

Вѣрное рѣшеніе труднаго и спорнаго вопроса мы находимъ на стр. 259 [3]). Авторъ толкуетъ Арист. XIII § 2 μετὰ δὲ ταῦτα διὰ τῶν αὐτῶν χρόνων Δαμασίας αἱρεθεὶς ἄρχων ἔτη δύο καὶ δύο μῆνας ἦρξεν, ἕως ἐξηλάθη βίᾳ τῆς ἀρχῆς. Εἶτ' ἔδοξεν αὐτοῖς διὰ τὸ στασιάζειν ἄρχοντας ἑλέσθαι δέκα, πέντε μὲν εὐπατριδῶν, τρεῖς δὲ ἀ[γρ]οίκων, δύο δὲ δημιουργῶν, καὶ οὗτοι τὸν μετὰ Δαμασίαν ἦρξαν ἐνιαυτόν. ᾧ καὶ δῆλον ὅτι μεγίστην εἶχεν δύναμιν ὁ ἄρχων. Φαίνονται γὰρ ἀεὶ στασιάζοντες περὶ ταύτης τῆς ἀρχῆς. Г. Санктисъ и

---

[1]) См. *C. Cichorius*, Griechische Studien, Hermann Lipsius zum 60. Geburtstag dargebracht, Leipzig 1894, „Zu den Namen der attischen Steuerklassen" стр. 135 сл.

[2]) См. *Э. фонъ-Штернъ*, Солонъ и дѣленіе аттическихъ гражданъ, въ Χαριστήρια, сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша, Москва 1896, стр. 61—100. Ср. нашъ рефератъ въ Berl. philol. Wochenschrift XVII (1897) стр. 1612 сл.

[3]) Тотъ же самый результатъ мы читаемъ и у Э. Мейера (Forschungen zur alten Geschichte, II Halle, 1899, стр. 538 сл.).

Мейеръ совершенно справедливо одобряютъ чтеніе лондонскаго папируса πέντε μὲν εὐπατριδῶν [1]). Послѣ Дамасія, стало быть, были избраны не девять, а десять архонтовъ, и они были выбраны всего только на десять мѣсяцевъ. Дамасій вѣдь ἦρξεν ἔτη δύο καὶ δύο μῆνας, слѣдовательно отъ третьяго года осталось какъ разъ еще десять мѣсяцевъ, и на этотъ именно срокъ и были назначены эти десять архонтовъ (καὶ οὗτοι τὸν μετὰ Δαμασίαν ἦρξαν ἐνιαυτόν). Что здѣсь не говорится о всѣхъ девяти архонтахъ, а только о комиссіи, состоящей изъ десяти членовъ и замѣняющей архонта-эпонима, явствуетъ изъ послѣдняго предложенія, въ которомъ Аристотель вкратцѣ резюмируетъ все предъидущее: ὧ καὶ δῆλον ὅτι μεγίστην εἶχεν δύναμιν ὁ ἄρχων. φαίνονται γὰρ ἀεὶ στασιάζοντες περὶ ταύτης τῆς ἀρχῆς. Такая комиссія изъ десяти членовъ казалась необходимой, чтобы не дать другому человѣку возможности, по примѣру Дамасія, попытаться сдѣлаться тиранномъ. Однако эта πολυκοιρανίη на дѣлѣ не оправдалась, ибо въ слѣдующемъ году по прежнему избираются девять архонтовъ.

На стр. 266 сл. авторъ смѣло рѣшаетъ, что Писистратъ находился въ изгнаніи всего только одинъ разъ, ибо авторы, Белохъ и Мейеръ, въ этомъ согласны; однако, не смотря на это, онъ и въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, сильно ошибается, см. литературу у Бузольта, Griech. Gesch. II² стр. 317—320 и кромѣ того еще сочиненіе В. Бузескула, Аѳинская политія Аристотеля, стр. 362.

Каково вліяніе Белоха, явствуетъ изъ изложенія вопроса о Килоновой смутѣ. Въ своей „Исторіи Греціи" Белохъ вмѣстѣ съ другими учеными одобрилъ такъ называемую „conventionelle Chronologie". т. е. то, что сообщается объ этомъ у Геродота, Аристотеля и въ другихъ источникахъ [2]). Два года спустя въ журналѣ Rhein. Mus. 50 (1895) стр. 252, прим. 1 онъ отказался отъ этой традиціонной хронологіи и помѣстилъ Килонову смуту между Солономъ и Писистратомъ. Санктисъ „конечно" до того плѣненъ этой новой гипотезой своего учителя, что вполнѣ одобряетъ ее и только прибавляетъ отъ себя нѣкоторую модификацію: „болѣе правдоподобна та хронологія, которая относитъ эту смуту ко времени изгнанія тиранна". Мы со мнѣніями Белоха и Санктиса согласиться не можемъ. Белохъ самъ, правда, остороженъ и извиняется слѣдующими словами: „Ein strenger Beweis ist ja bei dem Zustande unserer Ueberlie-

---

[1]) Въ Берлинскомъ папирусѣ мы читаемъ: τέτταρ]ας μὲν εὐπατριδῶν.

[2]) См. *I. Beloch*, Griech. Geschichte, Strassburg 1893, I, стр. 322 (Герш. 256).

ferung nicht zu führen, aber ebenso wenig lässt sich beweisen, dass das Ereigniss in das VII Jahrhundert gehört". Мы, однако, со своей стороны полагаемъ, что покуда противное не доказано, мы должны вѣрить традиціи.

На основаніи упомянутой гипотезы Белохъ и Санктисъ [1]) приписываютъ Писистрату учрежденіе навкрарій: „ибо Писистратъ по всей вѣроятности виновникъ раздѣленія Аттики на навкраріи". Помимо того, что эта гипотеза не можетъ быть одобрена, это заключеніе въ методическомъ отношеніи совершенно невѣрное, ибо изъ того обстоятельства, что Килонова смута, по ихъ мнѣнію, была не раньше временъ Писистрата, и что Геродотъ разсказываетъ: οἱ πρυτάνιες τῶν ναυκράρων οἵπερ ἔνεμον τότε τὰς Ἀθήνας, еще нисколько не слѣдуетъ, что навкраріи учреждены Писистратомъ. На стр. 297 — 302 онъ еще разъ подробнѣе говоритъ о навкраріяхъ, но и тамъ ему не удается обосновать своей гипотезы. Что она невѣрна, явствуетъ изъ невѣрной датировки Килоновой смуты и ясныхъ свидѣтельствъ Геродота и Аристотеля. Однако г. Санктисъ не признаетъ этихъ доводовъ. Поэтому мы воспользуемся здѣсь другими, а именно его собственнымъ методическимъ правиломъ. На стр. 275 онъ утверждаетъ, что Килонова смута не могла состояться до временъ Писистрата, ибо мы имѣемъ „una tradizione abbastanza larga e senza dubbio sostanzialmente veridica. All' incontro sulla persona di Dracontе e l'occasione della sua legislatione la tradizione tace interamente etc. Una tradizione un poco diffusa e degna di fede comincia solo con la tirannide di Pisistrato". Такъ какъ время учрежденія навкрарій съ точностью неизвѣстно, такъ какъ свидѣтельства о навкраріяхъ вообще были чрезвычайно недостаточны, такъ что Геродотъ даже былъ въ состояніи приписать имъ весьма преувеличенное значеніе. то Санктисъ, еслибъ былъ послѣдователенъ, долженъ былъ бы вывести заключеніе, что изъ этого неминуемо слѣдуетъ, что онѣ учреждены во всякомъ случаѣ до Писистрата, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы имѣли бы una tradizione un poco diffusa e degna di fede. Авторъ пользуется своими теоріями только смотря по обстоятельствамъ, и если обстоятельства неблагопріятны, то онъ безъ всякихъ церемоній забываетъ свою теорію.

Авторъ совершенно плѣненъ Белохомъ также на стр. 284—288. гдѣ онъ подробно разбираетъ вопросъ о „Сигейской войнѣ". Это

---

[1]) См. *Beloch* l. c. I стр. 325, прим. 1 (Герм. 253, прим. 2); *Sanctis* стр. 278.

впечатлѣніе произвела на него статья Белоха „Alkaeos und der Krieg um Sigeion" въ журналѣ Rhein. Mus. 50 (1895) стр. 255 сл. Означенная статья Белоха дѣйствительно написана такъ, что читатели не могутъ не плѣняться краснорѣчіемъ Белоха: онъ сжато даетъ читателю цѣлый рядъ положеній, изъ которыхъ на первый взглядъ каждое въ состояніи сразить противниковъ, и все это приправляется цѣлой антологіей филологическихъ правилъ. Всѣ эти правила, которыхъ Белохъ ничуть не соблюдаетъ, такъ какъ онъ весьма часто даетъ просторъ своей фантазіи, произвели на г. Санктиса такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ все перенялъ у Белоха. Кто, впрочемъ, въ этомъ случаѣ соглашается съ Белохомъ, тому мы совѣтуемъ чтеніе самого Белоха, такъ какъ парафразъ г. Санктиса несравненно слабѣе оригинала. Ни Белоху, ни г. Санктису, впрочемъ, не удалось переубѣдить насъ. Какъ мало основательны доводы Белоха, явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра: на стр. 265 онъ доказываетъ, что Алкей и Анакреонтъ современники. Какими же онъ пользуется доказательствами? „Aristophanes, говоритъ онъ, hat das sehr lebhaft empfunden", да гдѣ же? „Ἆισον δή μοι σκόλιόν τι λαβὼν Ἀλκαίου κἀνακρέοντος"[1]). (Δαιταλῆς frg. 223, Kock) „und in den Thesmophoriazusen stellt er Ibykos, Anakreon und Alkaeos neben einander (161 ff.)

Ἴβυκος ἐκεῖνος κἀνακρέων ὁ Τήιος
κἀλκαῖος, οἵπερ ἁρμονίαν ἐχύμισαν
ἐμιτροφόρουν τε καὶ διεκλῶν τ' Ἰωνικῶς".

Развѣ это доказательства? И не смотря на то Белохъ на этомъ фундаментѣ основываетъ свою гипотезу, ибо онъ пишетъ: „die litterarische Stellung des Alkaeos und der Sappho aber scheint mir gerade eins der entscheidendsten Argumente für meine Chronologie zu sein"! Есть впрочемъ разница между Белохомъ и г. Санктисомъ. Белохъ обыкновенно ограничиваетъ свои выводы, какъ мы это только что видѣли; здѣсь онъ говоритъ на стр. 267 сл.: „Die *Möglichkeit* (курсивъ Белоха) bleibt natürlich, dass die Athener schon einmal vor Pisistratus Sigeion erobert haben". Г. Санктисъ, напротивъ, такъ убѣжденъ въ непогрѣшимости Белоха, что этихъ ограниченій у него найти нельзя. Чтожъ касается оговорки Белоха, то спрашивается, какъ же ее согласовать съ предъидущими аподиктическими положеніями? Ср. впрочемъ Кру-

---

[1]) „Выбери какую-нибудь застольную пѣсню Алкея или Анакреонта и спой мнѣ ее".

зіуса въ журналѣ Philologus 55 (1896) стр. 5—19, который, конечно, не могъ разувѣрить предубѣжденнаго г. Санктиса.

Какія получаются результаты отъ чрезмѣрнаго скептицизма, явствуетъ изъ стр. 153 сл., 305 и 331. Авторъ оспариваетъ извѣстіе, сообщенное Аристотелемъ [1]), что судьи по демамъ (δικασταὶ κατὰ δήμους) были установлены Писистратомъ. Противъ такого прямого свидѣтельства онъ долженъ былъ располагать весьма вѣскими доказательствами; посмотримъ же, каковы его доказательства (стр. 305): 1) „prima perchè i distretti in cui Pisistrato aveva diviso l'Attica chiamandosi non demi, ma naucrarie, i suoi dicasti avrebbero dovuto piuttosto dirsi κατὰ ναυκραρίας". Какое же это доказательство? Онъ говоритъ, что до Клисѳена не было демовъ. Да развѣ онъ не знаетъ, что Клисѳенъ не придумалъ названія δῆμοι, а что до него уже существовали округи, города, мѣстечки, называвшіяся демами? Неужели автору неизвѣстно, что число 30 судей по демамъ никакъ не согласуется съ числомъ 48 навкрарій? Тутъ подразумѣваются не клисѳеновскіе демы, а деревни, мѣстечки и т. п.; судьи эти были установлены для бóльшаго удобства сельскихъ жителей, они по мѣрѣ необходимости объѣзжали всѣ демы и разрѣшали неважныя дѣла. Это доказательство, стало быть, вполнѣ неудачное. 2) „poi perchè non si capirebbe per qual ragione questi dicasti sarebbero stati aboliti da Clistene" [2]). Мы тутъ никакой трудности не видимъ. По изгнаніи Писистратидовъ были упразднены многія учрежденія Писистрата, какъ это обыкновенно случается при государственныхъ переворотахъ; здѣсь насъ интересуетъ только одно это учрежденіе, и нельзя же отрицать (на это указываетъ и Аристотель), что въ этомъ популярномъ учрежденіи дѣйствовали и эгоистическіе мотивы. 3) „finalmente perchè li ragioni che spiegano la istituzione di δικασταὶ κατὰ δήμους nella età di Pericle non sussistono per l'età di Pisistrato, quando i tesmoteti non avevano avuto il carico d'istruire tutti i processi di stato tolti al Areopago" [3]). И это доказательство неосновательное, ибо, вопервыхъ, авторъ врядъ ли настолько знакомъ съ темной età di Pisi-

---

[1]) См. Aristot. Ἀθ. πολ., 16,5 и 26,3.

[2]) „Далѣе потому, что въ противномъ случаѣ было бы непонятно, почему эти судьи были упразднены Клисѳеномъ".

[3]) „Наконецъ потому, что причины, объясняющія учрежденія этихъ δικασταὶ κατὰ δήμους во времена Перикла, не существовали во времена Писистрата, когда въ кругъ вѣдомства ѳесмоѳетовъ не входило разбирательство всѣхъ тяжебъ по дѣламъ государственнымъ, отнятыхъ у ареопага".

strato, чтобы безъ всякихъ оговорокъ утверждать non sussistono, во-вторыхъ, упомянутыя ragioni nella età di Pericle также довольно субъективныя, и наконецъ, нельзя же изъ обязанностей судей по демамъ послѣ 453 года выводить заключеніе относительно ихъ обязанностей во времена Писистрата. А такъ какъ всѣ эти доказательства, какъ мы видѣли, никакого значенія не имѣютъ, то г. Санктисъ не имѣлъ права оспаривать свидѣтельства Аристотеля.

На стр. 328 примѣчаніе 1 онъ пишетъ: „Θукидидъ II 20 совершенно очевидно преувеличиваетъ число гоплитовъ, поставленныхъ ахарнянами во время Пелопоннесской войны, говоря, что ихъ было 3000. Однако исправленіе этой цифры было бы произвольнымъ, такъ какъ по словамъ Θукидида ахарняне составляли μέγα μέρος τῆς πόλεως“. Въ самомъ текстѣ онъ на основаніи надписи C. J. A. II 868 (= Michel n. 646) говоритъ, что il maggiore (т. е. демъ), Acarne, il solo che fornisse 22 buleuti. И здѣсь онъ рабски присоединяется къ мнѣнію Белоха. Ни слова о томъ, что Виламовицъ постарался объяснить это мѣсто (Aristot. und Athen II 210): словами τρισχίλιοι ὁπλῖται обозначаются δυνάμει ὁπλῖται, ὅπλα παρεχόμενοι, т. е. (какъ хорошо парафразируетъ Э. Мейеръ) „nicht die wirklich gestellten Hopliten, sondern alle Acharner vom Hoplitencensus, einschliesslich der Alten und derer die ihr Vermögen berechtigte als Ritter zu dienen“. „Die Zahl beruht also, говоритъ Виламовицъ, auf einer Schätzung, nicht auf einer Zählung. So hoch taxirte sie die öffentliche Meinung damals; Thukydides hat es miterlebt“. Это объясненіе, „конечно“, отвергъ г. Санктисъ и одобрилъ результаты Белоха. Какъ мѣтка, напротивъ, краткая замѣтка Э. Мейера (Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 164, примѣчаніе 4): „Mit vollem Recht legt Beloch auf die Zahl der Buleuten, welche die einzelnen Demen stellen, ein grosses Gewicht. Aber einen absoluten Maassstab giebt sie nicht, da die Wahlkreiseintheilung seit Kleisthenes unveränderlich war und folglich, genau wie bei uns, Orte, die unverhältnissmässig gewachsen waren, schwächer vertreten waren, als die andern. Wenn also Acharnai im Jahre 360/59 22 Buleuten stellt, so folgt daraus allerdings, dass es an der Bevölkerungszahl mehr als ein Drittel der Phyle ausmachte. Aber ob es nicht bei richtiger Proportionswahl noch viel stärker hätte vertreten sein müssen, als nach dem Verhältniss 22 : 50 und ob zur Leontis damals nicht weit mehr Bürger gehörten als ein Zehntel aller Athener, lässt

sich daraus nicht entnehmen". Эта замѣтка Мейера не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Однако уже пора подвести общій итогъ. Представленныя нами замѣчанія на книгу г. Санктиса даютъ, кажется, достаточно основаній высказать о ней слѣдующее заключеніе:

Работа эта едва ли можетъ быть признана новымъ вкладомъ въ историческую литературу. Что въ ней важно, не ново, а заимствовано у предшественниковъ, да и при томъ у нихъ все изложено гораздо лучше и подробнѣе; немногое же новое не выдерживаетъ критики. Научнаго значенія книга не имѣетъ. А если видѣть въ этой книгѣ научно-популярное сочиненіе, то и въ такомъ случаѣ мы полагаемъ, что она читающей публикѣ пользы никакой принести не можетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, итальянской, какъ это полагаетъ Оветтъ [1]).

А. Придикъ.

Гёксли-Розенталь, Основы физіологіи, съ 118-ю рисунками. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями *В. Н. Львова*, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Стр. XX + 515. Цѣна 2 руб.

Сочиненіе Гёксли, отчасти дополненное Розенталемъ, принадлежитъ къ лучшимъ популярнымъ сочиненіямъ по физіологіи. Въ учебномъ отношеніи впрочемъ трудно сказать, для какого класса учащихся это сочиненіе могло бы служить руководствомъ: для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оно слишкомъ поверхностно, а для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оно слишкомъ обширно. Къ тому еще, оно въ довольно значительной степени отличается тяжеловатостью изложенія и не свободно отъ излишняго многословія.

---

[1]) Рецензія наша находилась уже въ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, когда мы получили вторую книжку „Rivista di Filologia" Aprile 1900, въ которой на стр. 320 сл. помѣщена рецензія V. Costanzi, которая, впрочемъ, столь же коротка и безсодержательна, какъ и остальныя, упомянутыя нами. Costanzi, правда, указываетъ на болѣе подробную рецензію, напечатанную имъ въ Rivista di Storia Antica e Scienze affini, vol. IV, p. 189 сл., но этого журнала, къ сожалѣнію, въ Юрьевѣ нѣтъ.

Не имѣя передъ собою англійскаго оригинала, къ сожалѣнію, трудно сказать, насколько тяжеловатость изложенія принадлежитъ оригиналу или переводу.

Для упрощенія изложенія авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ обобщеніямъ, которыя однако едва ли всегда достигаютъ цѣли. Такъ, напримѣръ, авторъ подводитъ подъ одинъ общій принципъ строеніе кожи, легкихъ и почекъ. „Какъ ни различны", говоритъ онъ, „кажутся между собой эти органы, но они устроены по одному и тому же принципу. Каждый изъ нихъ состоитъ въ сущности изъ очень тонкаго слоя ткани, похожаго на тонкую фильтровальную бумагу, одна сторона которой лежитъ свободно или примыкаетъ къ полости, находящейся въ связи съ наружной поверхностью тѣла, тогда какъ другая сторона находится въ соприкосновеніи съ кровью, которая должна быть очищена. Такимъ образомъ, выдѣляемые продукты выходятъ изъ крови черезъ тонкій слой фильтровальной ткани на ея свободную поверхность, откуда они выходятъ наружу" (стр. 17). Надо думать, что учащемуся, усвоившему себѣ другимъ путемъ основныя черты строенія выдѣлительнаго аппарата кожи и почекъ, должно будетъ стоить не мало труда выяснить себѣ это искусственное обобщеніе, не говоря уже о томъ, что оно приводитъ выдѣленія организма къ простому процессу фильтраціи, что̀ положительно невѣрно.

Разсматриваемое сочиненіе не совсѣмъ свободно и отъ частаго недостатка популярныхъ изложеній физіологіи, состоящаго въ томъ, что, для облегченія пониманія извѣстнаго явленія, описаніе его упрощается до того, что оно становится даже невѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, объясняя механизмъ аккомодаціи глаза, авторъ говоритъ: „Если пламя свѣчи держать близко и нѣсколько сбоку къ глазу какого-нибудь лица, и съ надлежащаго пункта смотрѣть въ этотъ глазъ, то видно три зеркальныхъ изображенія пламени, два прямыхъ и одно обратное. Одно изъ прямыхъ изображеній отбрасывается передней поверхностью роговой оболочки, дѣйствующей подобно выпуклому зеркалу; второе происходитъ отъ дѣйствующей точно такимъ же образомъ передней поверхности хрусталика, тогда какъ обратное изображеніе отражается отъ задней поверхности хрусталика, которая выпукла назадъ и, слѣдовательно, вогнута впередъ, почему она и дѣйствуетъ, какъ вогнутое зеркало". Затѣмъ авторъ описываетъ, что при зрѣніи вблизъ „прямое изображеніе, отброшенное наружной поверхностью роговой оболочки, и обратное изображеніе отъ задней стороны хрусталика остаются безъ измѣненія", между тѣмъ какъ „второе

прямое изображеніе, отраженное отъ передней поверхности хрусталика, измѣняетъ какъ свою величину, такъ и положеніе" (стр. 288, 289). Положимъ, что какой-нибудь любознательный читатель захочетъ продѣлать этотъ простой опытъ, согласно данному авторомъ описанію; такая попытка должна будетъ привести его въ отчаяніе, потому что онъ никоимъ образомъ не получитъ описанныхъ здѣсь результатовъ наблюденія, такъ какъ въ дѣйствительности не только для наблюденія какихъ-либо измѣненій въ величинѣ изображеній, но и для простого наблюденія изображеній отъ передней и задней поверхностей хрусталика требуются болѣе сложныя приспособленія. Нельзя не остановиться и на невѣрномъ утвержденіи автора, будто при аккомодаціи вблизъ величина изображенія отъ задней поверхности хрусталика не измѣняется; въ дѣйствительности она при этомъ уменьшается. Нельзя не обратить при этомъ вниманія и на то, что приводимый въ текстѣ рисунокъ 78, представляющій по Гельмгольцу разрѣзъ хрусталика при зрѣніи вдаль и вблизъ, противорѣчитъ изложенію въ текстѣ, такъ какъ на этомъ рисункѣ видно, что при аккомодаціи вблизъ задняя поверхность хрусталика становится болѣе выпуклою, слѣдовательно, изображеніе отъ нея должно при этомъ уменьшаться.

Помимо указанныхъ недостатковъ, разсматриваемое сочиненіе должно быть признано во многихъ отношеніяхъ весьма удовлетворительнымъ. Точно также долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ и русскій переводъ. Встрѣчаются нѣкоторые частные промахи въ изложеніи, но они едва ли могутъ существенно мѣшать пониманію. Постараюсь привести здѣсь хоть нѣсколько образчиковъ такихъ промаховъ.

На стр. 31, упомянувъ о сѣти млечныхъ или лимфатическихъ сосудовъ въ стѣнкахъ тонкой кишки, авторъ замѣчаетъ: „стволы, изливающіеся въ помянутую сѣть, лежатъ въ брыжжейкѣ"; въ дѣйствительности же жидкость изъ каналовъ этой сѣти изливается въ означенные стволы, а не обратно („стволы" сами по себѣ впрочемъ вообще не изливаются, а можетъ изливаться лишь содержащаяся въ нихъ жидкость). На стр. 56 находимъ курьезное утвержденіе, будто вѣтви аорты разносятъ кровь „по всѣмъ частямъ тѣла за исключеніемъ легкихъ"; въ дѣйствительности же и легкія получаютъ для своего питанія кровь изъ аорты, въ видѣ art. bronchiales. На стр. 299 авторъ говоритъ: „Люди говорятъ: „я чувствовалъ", „я слышалъ", „я видѣлъ" ту или другую вещь, когда въ девяносто девяти случаяхъ

изъ ста они подразумѣваютъ подъ этимъ только то, что, по ихъ мнѣнію, извѣстныя дошедшія до нихъ сознанія ощущенія осязанія, слуха или зрѣнія вызваны тѣми или другими вещами". Если авторъ разумѣетъ тутъ вообще субъективность нашихъ ощущеній, то непонятно, почему онъ ограничилъ эту субъективность лишь 99-ю случаями изъ 100; если же авторъ имѣетъ тутъ въ виду, такъ называемые, обманы ощущеній, то непонятно, почему онъ распространилъ обманчивость ощущеній на цѣлыхъ 99 случаевъ изъ 100. На стр. 302 авторъ опредѣляетъ зрительную ось какъ „линію, соединяющую предметъ" (внѣшній) „съ сѣтчатой оболочкой и проходящую черезъ центръ глаза"; но отъ внѣшняго предмета можно провести черезъ центръ глаза безконечное число линій къ сѣтчатой оболочкѣ, слѣдовательно, данное опредѣленіе страдаетъ совершенною неопредѣленностью. На стр. 304—305 нѣсколько разъ говорится о „пространствѣ" сѣтчатой оболочкѣ, занятомъ изображеніемъ отъ какого-либо предмета, между тѣмъ какъ слѣдуетъ говорить о части поверхности сѣтчатой оболочки. Этихъ образчиковъ, я полагаю, довольно.

Н. Бакстъ.

Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, von F. Vogt und O. Jiritschik. Вып. I—IV. 1895—1897.

Этотъ новый журналъ, посвященный фольклору Силезіи, привлекъ довольно значительное число сотрудниковъ, на нѣкоторыхъ трудахъ которыхъ мы и остановимся въ настоящемъ разборѣ, по преимуществу имѣющихъ отношеніе къ славяновѣдѣнію. Во II выпускѣ этого журнала обращаетъ на себя вниманіе статья *П. Диттриха* „О пасхальныхъ обычаяхъ въ Силезіи". Здѣсь мы находимъ интересное описаніе обычая отыскивать Іуду Искаріотскаго. Дѣло происходитъ такъ. Въ Великую среду деревенская молодежь вооружается старыми метлами; обмакнувъ ихъ въ смолу и зажегши, она бросается въ поле разыскивать Іуду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Силезіи въ то же время отбывается и слѣдующая забава. За нѣсколько недѣль до Пасхи происходитъ собираніе стовсюду старыхъ метелъ. Въ самый день Великой среды парни разъѣзжаютъ въ деревнѣ отъ дома до дому и собираютъ солому, дерево и другіе матеріалы. Наполнивъ возъ этимъ горючимъ матеріаломъ, они съ тріумфомъ выѣзжаютъ въ поле и тамъ на избранномъ мѣстѣ устанавливаютъ боль-

шую копну (стогъ) изъ собраннаго горючаго матеріала. Вечеромъ собираются къ этому стогу всѣ съ возможно большимъ числомъ метелъ и палокъ, обмазанныхъ смолою. Старшій изъ присутствующихъ при этомъ зажигаетъ этотъ стогъ; когда огонь усилится, всякій приближается къ нему по очереди и зажигаетъ свою метлу, и затѣмъ съ зажженными метлами и палками гуськомъ идутъ полемъ, при чемъ подбрасываютъ вверхъ пылающія метлы и палки; потомъ такимъ же образомъ возвращаются къ прежнему пункту—горящему стогу, при которомъ нѣсколько человѣкъ оставалось для поддержанія пламени. Возвратившаяся изъ торжественнаго шествія по полямъ молодежь бросается на горящій стогъ со своими метлами и палками и перепрыгиваетъ черезъ пламя. Зажегши послѣднюю метлу, всѣ гурьбой идутъ за деревню, тушатъ огни и преспокойно расходятся. Этотъ обрядъ носитъ названіе „Sauerbrennen"; онъ извѣстенъ чехамъ подъ названіемъ „сожиганія Іуды" и „погребенія Вакха"—въ Прагѣ [1]). Въ немъ безспорно видны черты купальскихъ костровъ, черезъ которые суевѣрные люди перепрыгиваютъ для полученія здоровья. Но для полнаго уясненія этого обряда необходимо обратиться за сравнительною справкою къ другимъ славянскимъ племенамъ, что не сдѣлано г. Диттрихомъ, а равно и къ свидѣтельству исторіи. Объ этомъ обрядѣ у силезцевъ имѣется свидѣтельство отъ 1706 г. У лужичанъ и чеховъ существуетъ обычай проводовъ смерти на крестопоклонной недѣлѣ (у лужичанъ), или въ слѣдующее воскресеніе (у чеховъ)—„Iudica"; чучело смерти (по-чешски „Smrtonošk-i", „Smrtholk-i") бросали въ воду [2]) и разрывали его на части. Въ XIV вѣкѣ у чеховъ, какъ видно изъ соборнаго постановленія 1366 г., подтвержденнаго на пражскомъ соборѣ 1384 г., въ средѣ духовенства и простого народа существовалъ обычай ношенія *куклы*, изображавшей смерть, съ пѣснями и пирами [3]); потопленная въ водѣ смерть, т. е. очищенная

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ Чехіи подъ именемъ потопленія дикаря; на Саксонской границѣ — обрядъ стараго жида, въ окрестностяхъ Шенфельда—изгнаніе турка за городъ и др.

[2]) Изъ XVI вѣка свидѣтельство Гваннни.

[3]) Въ извѣстной связи къ этому обряду находится и статья проф. Vogta „Смерть въ дѣтскихъ пѣсняхъ силезскихъ и выкрикиваніе hunnè". Народъ гунны отожествленъ съ образомъ смерти; ихъ народъ старался въ своихъ обрядахъ сдѣлать безвредными, какъ и смерть (II). Точно также и замѣтка д-ра Варнача „О смерти на колѣ" (ibid.). У пермяковъ существуетъ обычай въ Крещенье скакать по улицамъ на лошадяхъ, который называется „Чудзя вашетлыны", т. е. топтать, гнать чудовъ, вредныхъ существъ (*Н. Смирновъ*, Пермяки, стр. 282).

живой водой, становилась безвредною. Въ Орловской губ. существуетъ обычай гоненія дѣвицами смерти въ полночь по полю. Съ такою же цѣлью (ради полученія здоровья) въ Великій четвергъ даютъ дѣтямъ ѣсть булки съ медомъ или сиропомъ.

Къ великому празднику Пасхи каждый старается явиться чистымъ и здоровымъ. Въ Великую пятницу, до восхода солнца крестьяне молчаливо направляются къ рѣчкѣ или пруду и моются, а нѣкоторые скачутъ въ воду. Дѣлаютъ это для очищенія и укрѣпленія. Возвращаясь домой, они набираютъ воды для родственниковъ, не имѣвшихъ возможности исполнить этотъ обрядъ омовенія въ рѣчкѣ. Съ этого дня хозяйки начинаютъ печь пасхальные пироги.

Въ Великую субботу въ костёлѣ происходитъ освященіе березовыхъ полѣнъ, изъ которыхъ народъ впослѣдствіи дѣлаетъ крестики и въ первый день Пасхи рано утромъ втыкаетъ въ поле, произнося при этомъ молитву; крестики втыкаются въ землю предъ началомъ молитвы, въ серединѣ молитвы и въ концѣ молитвы. Обыкновенно рядомъ втыкаютъ три крестика и между ними пальмовую вѣточку, освященную въ недѣлю Вайй. Эти пальмовыя вѣточки проглатываются послѣ освященія, какъ предохранительное средство отъ болѣзней горла. Тѣми же крестиками и пальмовыми вѣточками украшаютъ образа, зеркала и др. Въ тотъ же день народъ глядитъ на солнце и усматриваетъ скачущаго на немъ ягненка. Авторъ не представилъ объясненія излагаемыхъ имъ здѣсь пасхальныхъ обрядовъ, но нельзя не выразить благодарности и за самое сообщеніе фактовъ.

Самымъ веселымъ и торжественнымъ для молодежи днемъ оказывается понедѣльникъ Свѣтлой недѣли, носящій названіе „Schmackostern". Это праздникъ спеціально молодежи; парни заранѣе приготовляютъ особыя плети (или бичи), которыми бьютъ дѣвушекъ, а за неимѣніемъ таковыхъ—хозяекъ, и затѣмъ обливаютъ ихъ водою, что̀ называется „Smigust". Во вторникъ Свѣтлой недѣли дѣвушки обливаютъ мужчинъ. И этотъ обрядъ біенія плетью и обливанія водою имѣетъ свое спеціальное назначеніе—доставить получающимъ удары здоровье, крѣпость, какъ матеріалъ, изъ котораго приготовлена плеть, и чистоту, какъ вода, возливаемая на субъекта. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи этотъ обрядъ біенія „вербными" вѣтвями происходитъ въ Вербное Воскресеніе и имѣетъ то же назначеніе, какъ видно изъ произносимыхъ при этомъ словъ: „верба бьетъ, не я бью; будь здоровъ, какъ вода, рости какъ верба".

Dr. Drechsler печатаетъ обширную работу „Очерки этнографіи

силезской"; въ первой части этой работы имѣемъ „Обычаи и развлеченія молодежи" съ выдержками изъ простонародныхъ пѣсенъ (съ соблюденіемъ народнаго выговора).

Дальше затѣмъ обращаютъ вниманіе: I. Статья Людвика Боаса „О старыхъ народныхъ пѣсняхъ": 1) солдатскихъ, 2) балладахъ и романсахъ, 3) пѣсняхъ ясельныхъ и 4) такъ называемыхъ Schänscherlieder. II. Статья д-ра Кюхнау (Kühnau) „Циклъ силезскихъ сказокъ и преданій": 1) о ночномъ стрѣлкѣ, 2) объ огненномъ человѣкѣ, 3) о проклятыхъ существахъ, завлекающихъ людей, 4) о духахъ, вскакивающихъ на плечи, 5) о демонахъ, 6) о чаровницѣ, 7) о смерти и др.

Интересны затѣмъ въ томъ же II выпускѣ два народныхъ преданія о появленіи грибовъ и сморщковъ. Однажды, говоритъ силезское народное (апокрифическаго характера) преданіе, Іисусъ Христосъ и его ученики не имѣли чего ѣсть. Тогда Петръ укралъ кусокъ хлѣба для утоленія своего голода. Но Іисусъ Христосъ зналъ объ этомъ,—и какъ только Петръ вложилъ хлѣбъ въ свои уста, учитель обратился къ нему съ словомъ. Петръ долженъ былъ выплюнуть хлѣбъ, дабы имѣть возможность отвѣтить своему учителю. Это повторилось много разъ, пока Петръ не выплевалъ всего куска хлѣба. Тамъ, гдѣ упадалъ выплюнутый хлѣбъ, появлялся грибъ. О происхожденіи „сморщковъ"—грибовъ низшаго сорта, существуетъ слѣдующее народное преданіе. Однажды дьяволъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. По дорогѣ повстрѣчалъ онъ старую бабу, схватилъ ее, разрубилъ на мелкіе кусочки и разбросалъ по лѣсу. И вотъ тамъ, гдѣ упалъ такой кусочекъ растерзанной дьяволомъ старой бабы, выросъ сморщокъ. Оттого-то и до-нынѣ старую бабу называютъ „сморщкомъ", т. е. потому, что ея лицо изборождено морщинами.

Интересна также статья Оскара Шольца „О деревенскихъ народахъ въ Силезіи въ началѣ текущаго столѣтія",—статья II. Дрекслера „Церковныя пѣсни съ устъ народа въ Кетрѣ": 1 и 2) пѣсня о младенцѣ Іисусѣ, 3) о Богородицѣ и 4) страданіе Маріи [1]).

Въ III выпускѣ помѣщена первая часть работы проф. Неринга

---

[1]) Отмѣтимъ и статьи, не имѣющія отношенія къ славяновѣдѣнію: 1) проф. С. Френкеля „О вліяніи Востока на нѣмецкій языкъ" и 2) проф. Аппеля „О новѣйшей поэзіи въ нарѣчіи южно-французскомъ и объ отношеніи ея къ этнографіи"; авторъ этой послѣдней статьи сближаетъ эту южно-французскую поэзію съ древнею провансальскою.

„Суевѣрія, обычаи, преданія и сказки въ Верхней Силезіи“. Главный матеріалъ проф. Нерингъ почерпнулъ изъ находящагося въ Бреславльской библіотекѣ рукописнаго сборника, который перешелъ сюда отъ народнаго учителя Іосифа Лёмпы изъ Любша, около Люблинца, умершаго въ 1863 г. Этотъ рукописный сборникъ (три первыя части) составленъ имъ въ 1846 г., а четвертая—въ 1859—1860 г. Раньше этимъ сборникомъ пользовался К. Вейнгольдъ. Сборникъ этотъ составленъ не по вполнѣ правильному плану, но съ точнымъ обозначеніемъ мѣстности, къ какой принадлежалъ сказитель или сказительница пѣсни, и имѣетъ безспорно важное значеніе для изученія народной словесности. Въ этомъ собраніи памятниковъ народной словесности славянскаго населенія Силезіи мы встрѣчаемъ и „русалокъ“, которыя, по мнѣнію проф. Неринга, занесены сюда изъ Россіи черезъ Польшу. Но это мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ, такъ какъ слово „русалка“ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ народа „Русь“, а находится въ связи съ растеніемъ dies rosaliae (въ началѣ лѣта) [1]. Также сомнительно толкованіе проф. Нерингомъ происхожденія слова „забобонъ“—суевѣріе, отъ имени богомиловъ — „бобуны“, которое стоитъ въ связи съ названіемъ горы въ Македоніи между Прилѣпомъ и Велесомъ—Бабуны; по мнѣнію проф. Неринга слово „забобонъ“ занесено въ Силезію черезъ Малороссію и Польшу, но, кажется, это необходимо обставить несомнѣнными доказательствами. Отъ „забобона“ различается въ Верхней Силезіи „przywiarek“, что соотвѣтствуетъ собственно польскому przesąd, рус. предразсудокъ.

Въ концѣ первой части этой работы проф. Нерингъ касается вопроса о происхожденіи сказки и склоняется на сторону Бенфея, по которому основа сказки индійская: во всѣхъ современныхъ сказкахъ мы встрѣчаемъ мотивы индійскіе, которые передѣланы и украшены фантазіей европейскихъ народовъ.

Кюхнау помѣстилъ въ этомъ выпускѣ продолженіе силезскихъ сказокъ: 1) о великомъ плачѣ при смерти человѣка, 2) о возвращеніи изъ гроба женщины-матери, умершей отъ родовъ, каждую ночь для ухода за своимъ ребенкомъ, 3) о смерти, 4) о дьяволѣ и 5) о заклинаніи.

Дальше отмѣтимъ: „Праздничные дни въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ

---

[1]) Какъ русалки возникли изъ „dies rosaliae“, такъ южно-славянскія вилы изъ „dies violae“ (въ началѣ весны). См. А. Н. Веселовскаго „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, IX, стр. 177 и др.

силезскаго народа", гдѣ находимъ обряды въ рождественскіе святки, въ день св. Іоанна. Тотъ же авторъ, Кюхнау, помѣстилъ описаніе деревенской свадьбы въ Woitz, около Нисы (Neis), изъ времени около 1850 г.

Упомянутый въ предыдущемъ томѣ авторъ Отто Варначъ въ статьѣ „О силезскихъ легендахъ" помѣстилъ двѣ легенды: 1) перлы изъ „рожанца" св. Яцка и 2) о пражскомъ архіепископѣ Эрнестѣ. Въ статьѣ д-ра Стэше (Stäsche) „Преданія изъ округа Олесницкаго" находимъ слѣдующія интересныя преданія: 1) дьяволъ, какъ козелъ, 2) объ огненномъ змѣѣ (смолѣ) и 3) затопленномъ кладѣ. Въ статьѣ *F. V.* „О морѣ" (чумѣ) сообщены народныя преданія о морѣ, обряды народные, имѣющіе отношеніе къ этому существу, образъ котораго получилъ опредѣленную форму въ воображеніи народа. Точно также тотъ же авторъ говоритъ „О народной пѣснѣ съ Корконошъ" и приводитъ отрывокъ пѣсни „о водяномъ" [1]). Д-ръ Дрехслеръ въ дополненіе къ статьѣ Л. Воаса помѣстилъ одну пѣсню изъ такъ называемыхъ „Schänscherlieder", „Nie chcę jej" (Не хочется).

Чисто филологическихъ статей мало. М. Гейнцель помѣстилъ статью „О народномъ говорѣ въ Силезіи" и О. Шольцъ „Объ измѣненіяхъ народнаго говора въ Силезіи".

Наконецъ отмѣтимъ еще статью П. Диттриха „О деревенской силезской хатѣ" [2]).

Въ IV выпускѣ профессоръ Нерингъ помѣстилъ продолженіе своей работы „О суевѣріяхъ, преданіяхъ и сказкахъ въ Верхней Силезіи". Авторъ воспользовался новыми матеріалами, доставленными ксендзомъ Григоріемъ изъ Плужницы — это: „Древнія названія мѣстностей въ Силезіи" (составлены въ 1896 г. г. Дамротомъ) и Матеріалы по силезской этнографіи, собранные извѣстнымъ польскимъ этнографомъ Оскаромъ Кольбергомъ, находящіеся нынѣ въ Краковской академіи наукъ. Профессоръ Нерингъ, сравнивши матеріалы, собранные О. Кольбергомъ съ матеріалами Лёмпы, пришелъ къ заключенію, что первые

[1]) Для сравненія можно пользоваться матеріалами о водяномъ у пермяковъ, собранными И. Н. Смирновымъ въ книгѣ „Пермяки" (1891, Изв. Казан. Общ. Археол., т. IX, вып. 2), въ сборникѣ „Lud Ukrain.", I, 327; *Valavec*, 7—12; Аѳанасьевъ „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", II; его же „Народныя сказки", VII, 12 и Худяковъ, III, 161. Водяные имѣютъ много золота и серебра; они своей пляской волнуютъ рѣки и море.

[2]) Отмѣтимъ и рефератъ д-ра Vogt'a „Остатки старины въ обычаяхъ, преданіяхъ и пѣсняхъ силезскаго народа".

уступаютъ послѣднимъ по богатству и важности матеріала, хотя значеніе первыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Оскаръ Шольцъ помѣстилъ въ этомъ выпускѣ „Описаніе прядильнаго вечера въ Herzogswaldau". Это нѣчто въ родѣ малорусскихъ вечерницъ. Въ статьѣ этой мы находимъ народныя пѣсни и разговоры, относящіеся къ подобнаго рода собраніямъ. Отмѣтить слѣдуетъ, что при этомъ сохраненъ народный выговоръ.

Какъ въ органѣ, посвященномъ силезской этнографіи, находимъ мы здѣсь и програмы для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Къ числу такихъ программъ относится „Къ вопросу о силезской этнографіи изъ долины Любавы Вильгельма Пачовскаго"; дѣлится она на слѣдующія отдѣленія: 1) о названіяхъ и народномъ говорѣ, 2) поэзія, 3) вѣрованія и преданія, 4) обряды и обычаи, 5) предсказанія, чародѣйства, народная медицина и 6) архитектура и одежда.

Затѣмъ отмѣтимъ и статейку др-а Ольбриха „О посвященіи оружія". Это довольно интересная работа.

Богатство напечатаннаго въ этомъ органѣ матеріала служитъ самою лучшею рекомендаціей его. Можно надѣяться, что и послѣдующіе выпуски будутъ составлены столь же обстоятельно и разносторонне [1]). Желательно нѣсколько большее примѣненіе сравнительнаго метода; матеріалъ для сравненія легко можно черпать у *Rolland'a* „Faune populaire" и Liebrecht'a „Zur Volkskunde" и др.

В. Качановскій.

---

[1]) Въ томъ же IV томѣ интересна статья, не имѣющая непосредственнаго отношенія къ славяновѣдѣнію, „Итальянская народная пѣсня" др-а Ричарда Вендринера. Авторъ обращаетъ вниманіе на разницу итальянской пѣсни относительно формы, матеріала, строенія стиха, содержанія, что условлено характеромъ мѣстности, гдѣ появилась та или другая пѣсня: въ сицилійской пѣснѣ, по его мнѣнію, преобладаетъ фантазія, а въ венеціанской — чувство. Авторъ довольно обстоятельно говоритъ о различныхъ родахъ и формахъ итальянской народной пѣсни: rispetto, stornello, canzuna, stramoutt, fiori, canzuni di carnilivari, orationi, storii и ballad'ы. Итальянская пѣсня извѣстна и внѣ границъ Италіи, напримѣръ пѣсни изъ оперы „Cavalleria rusticana" Масканьи зашли въ Германію; „Пѣсня Лоли" этой оперы представляетъ соединеніе двухъ народныхъ „fiori". Авторъ говоритъ о собраніяхъ итальянскихъ пѣсенъ въ Германіи; собранія Гердера, Гете и Вильгельма Миллера онъ призналъ неудовлетворительными; научными собраніями онъ признаетъ Копиша „Сборникъ итальянскихъ пѣсенъ" и сборникъ Вольфа „Egeria". Отмѣчаетъ авторъ и корифея итальянской этнографіи Іосифа Питрэ въ Палермо и его журналъ „Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane" и его со-редактора Александра D'Ancona.

Národopisný Sborník Českoslovanský. Vydáva Národopisná společnost Českoslovanská a Narodopisné Muzeum Českoslovanské. Redaktor prof. dr. *František Pastrnek*. Hlavni spolupracovnik doc. dr. *Em. Kovař*. V Praze svaz. I (1897), svaz. II и III (1898), sv. IV—V (1899), VI (1900).

Český lid. sborník. red. dr. Č. Zíbrt. 1895—98, v. Praze.

Извѣстный составитель необходимой для всякаго слависта справочной книги „Bibliographische Übersicht über die Slavische Philologie 1876—1891" (Berlin 1892 г.), при главномъ сотрудничествѣ Ем. Коваржа, принялъ редактированіе новаго чешскаго періодическаго изданія, заглавіе котораго выписано. Чехи не отстаютъ отъ другихъ народовъ въ изученіи своей народности; съ 1896 г. они основали особое Этнографическое общество; съ 1897 г. у нихъ издается „Věstnik Narodopisného Muzea Českoslovanského a nàrodopisné společnosti českoslovanské".

Настоящему разбору подлежатъ пять выпусковъ „Narodopisn-аго Sbornik-а". Первый выпускъ имѣетъ общее значеніе по отношенію къ самому Этнографическому обществу; въ немъ мы находимъ „Žádost Rady Národopis. Muz. Česk. k poslancům sněmu královstvi Českého za zemskou subvenci pro Narodopisn. Muz. Česk.", на ряду съ замѣткою „Uherské Národopisné Muzeum u pešt'ském parlamentě". Статей спеціальнаго характера въ немъ не находимъ.

Второй томъ этого Сборника даетъ нѣсколько интересныхъ статей. I. Поливка въ статьѣ „О сравнительномъ изученіи народныхъ преданій" (O srovnávacím studiu tradic lidových), разсматриваетъ существующіе три метода въ изученіи народныхъ преданій: миѳологическій, антропологическій и заимствованія. Безспорно, эти три метода не исключаютъ одинъ другого, но скорѣе дополняютъ другъ друга. Изслѣдователь долженъ имѣть филологическое образованіе, на что указано Густавомъ Мейеромъ въ сочиненіи „Essays und Studien": „Ich glaube, derjenige wird der beste Märchenforscher sein, der auf der tüchtigen Grundlage philologischer Bildung steht. Die kritische Sichtung, die methodologische Vergleichung, das formelle wie sachliche Verständniss eines so weitläufigen und häufig so fragwürdigen Materials kann der philologischen Vorbildung nicht entbehren" [1]).

Въ новѣйшее время теорія Бенфея имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ *Ланга*, автора „Myth, ritual and religion" (1887) [2]), J. Bé-

---

[1]) I, стр. 169.

[2]) Французскій переводъ „Mythes, cultes et religion" par Léon Marillier. Paris. 1896.

dier-a, автора „Les Fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen age. Deuxième édition revue et corrigée. Paris 1895" [1]), и въ лицѣ Карла Крона, доказавшаго связь греческихъ сказокъ съ индійскими [2]).

Изъ русскихъ ученыхъ Драгомановъ въ статьѣ на болгарскомъ языкѣ „Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история" [3]) точно также доказалъ, что эти три метода должны дополнять другъ друга и, подобно западно-европейскимъ ученымъ школы заимствованій, какъ Кöлеръ и Коскенъ, настаиваетъ на томъ, что при изученіи слѣдуетъ обращать вниманіе не на одну только основу сказанія, но и на его подробности: на развитіе темы, на бытовыя черты, на особенности географическія и историческія, на тенденцію и т. п.; всѣ эти подробности уяснятъ переходъ преданія отъ одного народа къ другому, и даже въ извѣстный періодъ, съ наслоеніями изъ другихъ періодовъ позднѣйшихъ. По мнѣнію проф. Поливки, покойный Драгомановъ обратилъ тщательное вниманіе на эти факты при изслѣдованіи космогоническихъ преданій у славянъ дуалистическаго характера и въ статьѣ „Забѣлѣжки върху славянскитѣ и этически легенды II. Дуалистическото миротворение" [4]) пришелъ къ болѣе основательнымъ выводамъ, нежели академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ изслѣдованіяхъ. Г. Поливка соглашается съ мнѣніемъ Драгоманова, что религіозныя и космогоническія представленія проникли въ Россію не черезъ посредство обитателей Балканскаго полуострова, не черезъ ихъ апокрифическую литературу, а прямо изъ Средней Азіи, такъ какъ вліяніе иранско-халдейское на русскій народъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія.

Изъ другихъ статей этого выпуска отмѣтимъ: „Bůh Perun" A. Kraus-a. Перунъ извѣстенъ чехамъ въ формѣ „Parom"; въ чешской пѣснѣ о Перунѣ читаемъ:

„Za oných časov,
Za starých bohov,
Za boha Paroma,

---

[1]) Первое изданіе было въ 1893 г.

[2]) См. его „Bär (Wolf) und Fuchs" (1889, стр. 16). Eine nordische Tiermärchen-Kette (нѣмецкій переводъ съ финскаго сдѣланъ О. Гакманомъ въ „Journal de la Société. Finno-Ougrienne VI. Helsingissä 1889). Тому же К. Крону принадлежитъ „Mann und Fuchs. Drei vergleichende Märchenstudien", Helsingfors 1891.

[3]) Въ органѣ министерства народнаго просвѣщенія (болгарскаго) „Сборникъ за народни умотворения" V—VI, стр. 6.

[4]) Ibid. т. V, VIII и X.

Nesmela žiadná,
V dome samotná
Byt', postelkyna.
Kmínské kmotričky
Prišly do chyžky
Z horoucim železom,
A ním v posteli
Hladily, trely
Matku i s dět'atom" (Пѣсня записана въ 1834 г.)

Въ другой словенской пѣснѣ о богѣ Перунѣ излагается слѣдующее:

„Nedaleko od Trenčína
Pri Uhrovci je dolina,
Ked' ces ňu ludé kračajú
Dubkom jim vlasy vstávajú:
mezi dvoma potokama
Stojí strašná skala sama,
ma ludskú tvár i postavu,
ruky, nohy, oči, hlavu.
Popri něj kamen na zemi
jako djet'a zavalený.
Za starých časov ciganka,
kterej jméno bolo Ratka,
niesla tam diet'a na ruce,
nemala plienky, onuce
. . . .
„Ha, bodaj t'a, ty potvora,
jasná strela Paromova!"
V tom shodí batoh zo seba
S pecnom jačmeného chleba,
Z chleba kusy odlomila
a fagana očistila.
Buoh Parom za oblakami
uvidi to nahněvaný:
Tresk! zahrmí jej do čela
Hned, s dečkom zkameněla,
Ze božieho daru chleba
tak užila, jak netreba.
Diet'a nevinno pre hriech ten
čaká tu až na súdný den,
robí niekedy ai (sic) divy,
chrání priesadku od zimy.
Ale Ratka u tej rieky
bude skalou až na veky".

Пѣсня эта уясняетъ народное повѣрье о каменныхъ бабахъ и ромовыхъ стрѣлахъ [1]).

Статья Ант. Шолты „Dva selské kancionály z XVIII stol. psané ismáky" представляетъ интересныя свѣдѣнія о двухъ канціоналахъ: динъ писанъ Юріемъ Крейзлемъ въ 1742 г., а другой — Юріемъ ольнымъ. Составитель перваго канціонала пользовался болѣе древнимъ канціоналомъ, конца XV вѣка; въ этомъ канціоналѣ Крейзля мѣются пѣсни гуситскія и чешскихъ братьевъ, которыя, очевидно, ыли распѣваемы чешскими крестьянами въ XVIII вѣкѣ. Въ статьѣ гой отпечатаны иниціалы изъ этого канціонала.

Второй канціоналъ — Юрія Вольнаго хранится теперь въ Пардуицкомъ музеѣ, объ этой пѣснѣ „Pane Bože dej svobodu" писалъ . Калоусекъ въ „Archiv. Pam." XIII [2]). Юрій Вольный вмѣстѣ съ воимъ братомъ сочиняли свои пѣсни въ концѣ XVII и началѣ VIII вѣковъ; языкъ и стихъ не отличаются чистотою и гладкостью. ютъ образчикъ стихотворства Юрія Вольнаго:

„Jednoho času měsíce máje
všel jsem do háje,
dle auřadu stavu svého,
jak se sluší na polesnýho,
povínnost' svou znaje.—
J vejdu na kraj do toho lesa
Slyšim ano plesá,
Zvučně, hlasitě hovoří
a svými pysky švitoří
ptactvo, veselé jsa.
Řeka spanilá pod lesem v louce,
ušlechtile jdouce,
kvítičko krásné, spanilé,
červené, žluté a bílé
k oblibení jsouce
J vzhlédnu stranou, tak jako maní
vidím z nenadání,
kterak spanilý jelínek
S laní jako úvinek (толстая дубовая вѣтка)

---

[1]) Ср. Меднянскаго „о повѣріяхъ въ Тренчинѣ" (Zpiev I. 409), на котораго сылается Гормайеръ въ „Taschenbuch auf das Jahr 1829": „Eben dieser Säugling oll bis jezt eine gewisse Wunderkraft besitzen, weil er schuldlos dort den jüngten Tag erwarten muss. Jährlich machen sich die Bewohner des Dorfes um den 'elsen am Josephitag ein umzäuntes Gärtchen und bauen darin Krautsamen, der Fels chützt sonach die zarten Pflänzlein vor dem Erfrieren".

[2]) См. еще въ „Slovnik-Naučny" Ригера.

má ctné milování.
Št'astně pár k paru v povětří
uctivě se šetří,
holoubek na doubku houká,
žežulka na jedli kuka etc.

Эта пѣсня предназначена для унывающаго вдовца, съ цѣлью разогнать его отчаяніе указаніями на все живущее въ природѣ.

Въ 3-мъ выпускѣ обращаетъ вниманіе статья Махала „О нѣкоторыхъ книжкахъ для народнаго чтенія"; въ четвертомъ — пятомъ выпускѣ интересна по своимъ выводамъ статья Ладислава Гашковца о населеніи Чехіи „Příspěvek k antropologii..." и Пейскера „О задругѣ" у южныхъ славянъ.

Въ шестомъ выпускѣ интересна статья г. Поливки „O zlatém ptačku a dvou chudých chlapcích".

Этотъ періодическій сборникъ имѣетъ и библіографическій отдѣлъ, главнымъ образомъ, по фольклору; если онъ и не вполнѣ полный, то все же довольно цѣнный.

Предпринятое д-ромъ Зибртомъ и Л. Нидерле изданіе „*Česky Lid*" аккуратно выходитъ по 6-ти выпусковъ въ годъ, и каждый выпускъ представляетъ болѣе или менѣе интересное содержаніе. Не задаваясь цѣлью дать подробный отчетъ о каждомъ выпускѣ, я постараюсь отмѣтить самое выдающееся.

Въ 3-мъ выпускѣ за 1896 г. обращаетъ на себя вниманіе статья *О. Гостинскаго* о чешскихъ народныхъ пѣсняхъ на темы о калинѣ, жницѣ или пастушкѣ и сироткѣ и статья В. Газука и В. Ржепа о южно-чешскихъ сказаніяхъ о страшилищахъ. Точно также г. *Смола* далъ прекрасное описаніе игръ школьниковъ въ праздникъ св. Григорія; дѣти гурьбой отправляются въ путешествіе и при этомъ распѣваютъ соотвѣтствующія пѣсни. Продолженіе въ 5-мъ выпускѣ [1]). О такихъ пѣсняхъ „грегоріаннахъ" помѣстилъ статью г. Карловичъ въ львовскомъ журналѣ „Lud" 1896 г., стр. 198—201.

Для изученія чешско-моравскаго орнамента и одежды важны статьи г. *Клеваньи* и *В. Гавелковой*.

Въ 4-мъ выпускѣ интересная статья *Т. Иланскаго* „Podruzi a životníci", въ области народныхъ юридическихъ обычаевъ. „Подругомъ" называется крестьянинъ безземельный, живущій въ домѣ хозяина и пользующійся извѣстною частью дохода за свои труды.

---

[1]) Такъ же и Зибртъ о „грегоріаннахъ" въ 1-мъ выпускѣ за 1896 г.

„Животникомъ“ называется тоже безземельный крестьянинъ, получающій полное содержаніе для себя и своей жены, но необязанный работать; это большею частью младшій братъ хозяина имущества.

Г. *Соукупъ* и *Зибртъ* даютъ новыя свѣдѣнія о собраніи старо-чешскихъ „погадокъ“. *Тительбахъ* въ „Rozněcovaní živého ohně“ описываетъ добываніе „живого“ огня у южныхъ славянъ—болгаръ, сербовъ, герцеговинцевъ и македонцевъ. Авторъ этой статьи довольно старательно собралъ матеріалъ на данную тему, при чемъ воспользовался новѣйшею работою по этому вопросу г. Леопольда Шредера „Erzeugung von Feuer durch Reibung von drei Holzstücken“ [1]).

Въ 5-мъ выпускѣ I. Якубецъ помѣстилъ чешскую историческую пѣсню о докторѣ Фаустѣ (стр. 426), по старо-чешскому изданію; I. Коларъ помѣстилъ обстоятельную статью „O Rybecoulovi“ (=нѣмецкому Rübezahl). Въ 6-мъ выпускѣ г. Зибртъ дѣлаетъ дополненіе къ данному вопросу. Въ этомъ же (6-мъ) выпускѣ продолжается изданіе словацкихъ пѣсенъ, собранныхъ чешской писательницей Боженой Нѣмцовой.

Въ 1-мъ выпускѣ за 1896—1897 г. самая интересная статья *В. Тилле*: „Изъ сравнительной народной литературы“ (продолженіе слѣдуетъ дальше), гдѣ указаны неточности двухъ популярныхъ произведеній чешскихъ поэтовъ: комедія *Махачка* „Ženichove“ и легенды *Зейера* „Samko Pták“.—*В. Новачекъ* изъ рукописи 1668 г. издалъ „о побратимствѣ воровъ“: при совершеніи побратимства отрѣзывали по кусочку пальца, кровь сливали въ стаканъ и затѣмъ ее пили [2]). *I. Краль* издалъ по рукописи конца XVIII вѣка комедію о св. Варварѣ [3]). По чешско-моравской діалектологіи г. *Малёваный* помѣстилъ статью „О говорѣ Цисажовскаго округа въ Моравіи“.

Во 2-мъ выпускѣ г. Зибртъ помѣстилъ „Силезскія сказанія о Премыслѣ“; г. *Грушка* приводитъ сказаніе Ходовъ о яйцѣ (ср. 4-й вып.). *Ф. Лего* помѣстилъ статью о народныхъ костюмахъ и орнаментѣ въ мѣстности „Blata“.

Въ 3-мъ и 4-мъ выпускахъ г. Махалъ напечаталъ о словацкой пѣснѣ „Паромъ и Ратка“; въ Паромѣ видитъ онъ славянскаго бога Перуна; богъ Паромъ обратилъ цыганку Ратку и ея дитя въ ка-

---

[1]) См. Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft, Wien 1895. B. XV, стр. 67.

[2]) Отмѣтимъ сочиненіе на ту же тему „Die nümtliche Verwandtschaft bei den Südslaven“ von. Stan. Ciszewski. 1897.

[3]) Окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ.

мень за то, что она воспользовалась хлѣбомъ вмѣсто пеленокъ (см. выше въ статьѣ Крауса).

Въ 4-мъ вып. „Описаніе сербо-лужицкой этнографической выставки въ Дрезденѣ“ сдѣлано извѣстнымъ изслѣдователемъ лужицкихъ сербовъ Адольфомъ Чернымъ; здѣсь много иллюстрацій. Карасекъ даетъ сравнительное объясненіе чешской коляды; при этомъ онъ обратилъ вниманіе на польскую работу „O kolędach“ (1894) Ст. Тарновскаго и др.

Въ 6-мъ вып. Зибртъ даетъ историческое объясненіе нѣкоторыхъ обычаевъ, обрядовъ и праздниковъ; дано объясненіе празднованія св. Вита въ Емницѣ въ Моравіи и приступлено къ объясненію „умовенія ногъ“ въ Великій Четвергъ въ пражскомъ замкѣ: король Фердинандъ I умывалъ впервые ноги нищимъ въ 1528 г.

Въ 1-мъ вып. за 1897 — 1898 П. Сырку въ статьѣ „Ohlas narod. rytir eposu v Čechach“ высказалъ догадку, что преданіе о спящихъ рыцаряхъ (богатыряхъ) св. Вячеслава въ Бланикѣ есть отголосокъ исчезнувшаго въ Чехіи рыцарскаго эпоса. Это по поводу изданныхъ г. Гошекомъ въ 4-мъ вып. за 1895 — 1896 г. чешскихъ преданій о спящихъ богатыряхъ въ Бланикѣ [1]). Вопросъ остается пока открытымъ. *А. Патера* издалъ изъ старо-чешскихъ рукописей XV—XVII вѣковъ этнографическіе матеріалы. *З. Винтеръ* описываетъ по актамъ нѣкоторые обычаи XVI вѣка у чеховъ. Приведено въ этомъ выпускѣ свидѣтельство XVII—XVIII вѣка о гаданіяхъ наканунѣ св. Андрея въ замѣткѣ о монографіи *Фрейдэля* „St. Andreas als Heiratsstifter“ (1897 г.).

Во 2-мъ вып. І. Шимакъ началъ печатать свою работу „О лемузахъ и хорватахъ“; народъ лемузы упомянутъ въ актѣ 973 г.—Соукупъ помѣстилъ чрезвычайно интересную статью объ изображеніи св. Троицы съ тремя лицами на одной головѣ въ сельскихъ хатахъ въ Чехіи.

Въ 3-мъ вып. въ „Moravšti Hrvati“ А. Malec даетъ описаніе хорватовъ моравскихъ, поселенныхъ въ XVI вѣкѣ въ трехъ селахъ въ южной Моравіи и окруженныхъ нѣмцами; они до сего времени сохранили свой языкъ, обычаи и одежду (продолженіе въ 5-мъ и 6-мъ выпускахъ),

Въ 4-мъ и 5-мъ выпускахъ помѣщено начало статьи *А. Крауса*

---

[1]) Можно указать слѣдующую польскую литературу по данному вопросу: *А. Стопки* „Rycerze śpiący w Tatrach“ (1898). *Верчи* о „Śpiących rycerzach“ (III, Wisła, стр. 845—859). Польское свидѣтельство о томъ же приведено въ XI т. „Вислы“, стр. 641—645.

о чешской пѣснѣ о Фаустѣ (см. выше). В. Тилле продолжаетъ свою статью о Rübezahl'ѣ (въ 6-мъ тоже). *Махалъ* началъ изслѣдованіе чешскихъ сказокъ „О красавицѣ-дѣвицѣ и безобразномъ звѣрѣ" (České pohádky o panně krásně)... Въ 5-мъ же выпускѣ 1898 г. слѣдуетъ отмѣтить статью Ф. Отрубы „Libuše v podání lidovem z okol: Lysé" и статью А. Шолты „Novĕly o hadech"... Въ 6-мъ выпускѣ Л. Голубый издалъ „Narodne piesne slovenské".

Разнообразіе матеріала этого изданія дѣлаетъ его незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи фольклора вообще и славянскаго въ частности. Можно только пожалѣть, что мало отводится мѣста изученію славянскихъ говоровъ.

В. Качановскій.

Книжныя новости.

Światowit. Rocznik poświęcony archeologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej wydawany staraniem *Erasma Majewskiego*. Tom I. 1899. Warszawa, 8°. VI + 210.

Г. Эразмъ Маевскій, извѣстный варшавскій натуралистъ, фольклористъ и археологъ, выступившій нынѣ съ новымъ ежегодникомъ польской археологіи, уже и раньше посвящалъ свои досуги изученію мѣстныхъ древностей. Такъ, онъ въ 1895 г. издалъ *Описаніе* каменныхъ орудій, собранныхъ близъ дер. Оссовки въ Стопницкомъ уѣздѣ, Кѣлецкой губ. Изданіе это, имѣющее также и французское заглавіе Instruments de silex préhistoriques, написано по польски и по французски и иллюстрировано 92 фотографическими снимками, наглядно изображающими богатство данной мѣстности каменными орудіями.

Въ 1897 г. Маевскій издалъ болѣе популярную книгу, сборникъ своихъ мелкихъ трудовъ и замѣтокъ къ польской доисторической археологіи и этнографіи „Drobne prace i notatki zdziedziny archeologii przedhist. i etnografii", 128 стр. in 8°. Въ этой книгѣ онъ вновь останавливается на археологическомъ богатствѣ Стопницкаго уѣзда, даетъ отзывы объ извѣстныхъ трудахъ *Нидерле* „О происхожденіи славянъ", проф. *Антоновича* „Археологическая карта Кіевской губерніи", объ орхонскихъ надписяхъ и объ изслѣдованіяхъ *В. В. Радлова* и *Томсена*, о новыхъ трудахъ *Р. Вирхова* и т. д., а въ особенности занимается двумя историко-культурными вопросами—культомъ медвѣдя (стр. 18) и исторіей вишни (стр. 7). Въ средней Европѣ вишни извѣстны были уже въ эпоху каменнаго вѣка. Пили вишневый морсъ; корою и деревомъ вишневымъ пользовались какъ средствомъ, охраняющимъ отъ чаръ нечистаго духа, вѣдьмъ и кикиморъ (сравни R. Piper. Volksbotanik. Gumbinnen. 1897, стр. 155). Далекое распространеніе корня вишн—въ названіяхъ польскихъ мѣстностей Маевскій объясняетъ происхожденіемъ самой вишни. не изъ чужбины, отъ нѣмцевъ, а напротивъ отъ лито-славянъ: вишня, по его мнѣнію, происхо-

дить отъ глагола *висѣть* (но, къ сожалѣнію, нѣтъ литовскаго соотвѣтствія). Во всякомъ случаѣ нѣм. Weichsel, стар.-нѣм. vihsila въ связи съ итальянскимъ visciola, а турецкое višnè, румынское višine, также мадьярское višnye, албанское višje, старо-прусское visnaytos, греч. βισηνόν одного происхожденія съ польскими и другими славянскими названіями вишни. Родина дикорастущей вишни находится близъ Чернаго моря. И такъ уже сборникъ „Drobne prace" читался съ интересомъ. Замѣтно развѣ увлеченіе излюбленнымъ предметомъ и желаніе пріохотить къ археологическимъ развѣдкамъ мѣстныхъ любителей родной старины.

Нынѣ вышедшій ежегодникъ „Святовидъ" составленъ не единоличными трудами одного *Маевскаго*, но при участіи гг. *Чарновскаго*, *Вандалина*, *Шукевича* (описаніе каменныхъ кургановъ въ Лидскомъ уѣздѣ и литовскихъ бронзъ З. Глогера), *Лонацинскаго*, *В. Сѣрошевскаго* (въ статьѣ „Сибирскій ножъ" описывается ножъ, употребляющійся у якутовъ, тунгузовъ, остяковъ, самоѣдовъ и вообще туранскихъ племенъ на Енисеѣ и распространеніе того же типа въ находкахъ Европейской Россіи) и *С. Ястржембовскаго* по библіографіи археологіи). Самъ г. Маевскій описываетъ новыя находки каменныхъ орудій въ Стопницкомъ и Кѣлецкомъ уѣздахъ, роговыхъ и каменныхъ топориковъ въ дер. Борове въ Ломжинской губерніи, въ землѣ курновъ и въ видѣ „обзоровъ" отмѣчаетъ археологическія открытія въ Пруссіи за 1895 и 1896 гг. Въ отдѣлѣ критико-библіографическомъ помѣщены отзывы о сочиненіяхъ Гёрнеса, Пекосиньскаго, Богуславскаго, Пенки, Нидерле и Карловича.

Такимъ образомъ сборникъ „Святовидъ" отличается не только оригинальностью собираемыхъ наблюденій, но и разнообразіемъ свѣдѣній, включенныхъ въ это изданіе для руководства любителей-археологовъ при первой обработкѣ сдѣланныхъ ими разысканій. Конечно, со всѣми выводами г. Маевскаго въ такой спорной области, какъ доисторическая археологія и палеоэтнологія, нельзя согласиться; необходимо требовать въ будущемъ большей полноты въ сообщеніяхъ библіографическаго и справочнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, на стр. 157 разсказана исторія Виленскаго музея древностей, по свѣдѣніямъ д-ра *Банземера* и совсѣмъ не упомянуто о томъ, что сдѣлано было для описанія этого музея послѣднимъ Виленскимъ археологическимъ съѣздомъ. Достойны также вниманія изданія, каково, напримѣръ: „Виленскій музей древностей. Объяснительный текстъ къ фотографическимъ снимкамъ (XXI таблицы), замѣняющій собою также путеводитель по музею. Составилъ *Ѳ. В. Покровскій*. Вильна. 1892". Во время съѣзда изданъ былъ каталогъ выставки, въ которомъ отмѣчены новыя коллекціи, поступившія въ музей отъ Императорской археологической комиссіи.

Кромѣ того г. Маевскимъ не отмѣчены статьи по археологіи Польши и Литвы, обнародованныя въ *Запискахъ* С.-Петербургскаго археологическаго общества: 1) Минская губернія. Раскопки *В. З. Завитневича* въ 1892 г. (т. X, стр. 326); 2) *А. Спицына*. Находка древнихъ вещей въ Сувалкской губерніи въ 1888 г. (ib., 358—360); 3) Его же. Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка (т. VIII, 103—114); 4) Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи: губернія Витебская (IX, 256—268);

5) Изданія Археологической Комиссіи: Древности сѣверо-западнаго края 1890 г. и т. д. По вопросу о доисторической топографіи и методахъ изслѣдованія названій мѣстностей не обращено вообще вниманія на трудъ *А. Биленштейна* Grenzen d. lettischen Volksstamms. С.-Пб. 1892 и „Bemerkungen", Bezzenberger'а къ этому соч. 1895 года въ Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg Nouv. Série. IV. Относительно химическаго состава доисторической бронзы (Святовидъ, 87 сл.) не безполезны сообщенія г. Спицына объ анализѣ бронзовыхъ предметовъ Россіи, произведенномъ для Императорской археологической комиссіи г. *Сабанѣевымъ* (Записки Арх. Общ., X, 362). Для сравненія польскихъ находокъ съ прусскими слѣдуетъ пользоваться новымъ каталогомъ музея общества „Prussia" въ Кенигсбергѣ ч. I, 1893; ч. II, 1897. Роговые гарпуны или остроги (см. ч. I, стр. 20) найдены были также въ Маріампольскомъ уѣздѣ, Сувалкской губерніи. Наконецъ, отсутствуетъ подробное указаніе на предметы, найденные въ предѣлахъ Царства Польскаго и Литвы, которые переданы были въ заграничные музеи въ Краковъ, Львовъ и Познань (см. Отчеты Львовскаго музея Оссолинскихъ и др.). Но помимо всего этого г. Маевскому слѣдуетъ приписать почипъ въ дѣлѣ обновленія и оживленія доисторическихъ изслѣдованій въ Польшѣ послѣ многолѣтняго застоя. Онъ же немало потрудился надъ фолькоромъ, издавая между прочимъ такіе спеціальные этюды: „Wąż, ужъ въ языкѣ и преданіяхъ польскаго народа" (Варшава 1893); „Bocian". т. е. Аистъ (1891); Доисторическое значеніе и происхожденіе хмѣля (1893); Ludowe nazwania kartofla (1893). Самое названіе сборника для г. Маевскаго не имѣетъ миѳологическаго значенія, для него „Святовидъ" символъ зоркаго отношенія и вниманія ко всему тому, что на бѣломъ свѣтѣ относится къ прошлому славянъ и доисторической жизни Польши въ особенности. Въ средѣ польскаго интеллигентнаго общества, которое имѣло гр. Тышкевичей, Киркора, Коперницкаго, Довгирда, Завиши, Пржездецкаго, Пржиборовскаго, Готфр. Оссовскаго и мн. др., потрудившихся для выясненія правѣка Польши, новый призывъ къ археологическимъ трудамъ и изслѣдованіямъ врядъ ли пройдетъ даромъ, и вниманіе къ трудамъ другихъ славянскихъ народовъ послужитъ средствомъ научнаго сближенія.

Новыя доисторическія изслѣдованія Польши бросаютъ новый свѣтъ на происхожденіе славянъ и европейскихъ народовъ, и оттого труды въ этой области безъ сомнѣнія со временемъ вознаградятся новыми результатами общеархеологическаго характера.

Рязанская ученая архивная комиссія. Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи *В. Н. Сторожева*. Т. I, вып. 2-й. Рязань. 1900. Стр. IV+419—755.—О первомъ выпускѣ настоящаго изданія было говорено уже два года тому назадъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Лежащій же передъ нами выпускъ, являясь прямымъ продолженіемъ предыдущаго, содержитъ въ себѣ: *сотныя грамоты* (пять: 1535, 1567, 1593 и 1597 гг.) и *писцовыя выписи* (три: 1553, 1572 и 1573 гг.,—всѣ „выписи па земельныя владѣлія Богословскаго монастыря въ Окологородномъ и Понискомъ станахъ")—въ первомъ отдѣлѣ, и *писцовую книгу Окологородняго стана письма и мѣры Кирилла Семеновича Воронцова-Вельяминова*

„съ товарищи“, 1628—1629 гг. (занимаетъ большую часть книжки), *отрывки изъ межевыхъ книгъ* того же Окологороднаго стана и *книги стольника Ивана Андреевича Хилкова вотчины с. Дашкова*... 1628 г. — во второмъ отдѣлѣ. Выписки изъ межевыхъ книгъ редакторомъ приведены съ тою цѣлію, чтобы „дать полное представленіе о рукописномъ оригиналѣ, изъ котораго взята напечатанная выше писцовая книга“. Хотя мѣстами подъ актами имѣются указанія о мѣстѣ ихъ первоначальнаго напечатанія, но указатели по прежнему отсутствуютъ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Т. II. С.-Пб. 1900. Стр. X+607.—Мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“ и указывали, какое важное значеніе должно имѣть это изданіе. Въ настоящемъ, второмъ томѣ помѣщены критическія статьи и замѣтки В. Г. Бѣлинскаго, помѣщенныя имъ въ *Молвѣ* и *Телескопѣ* за 1834, 1835 и 1836 годы. Наиболѣе производительнымъ въ литературномъ отношеніи для великаго критика былъ 1835 годъ, когда онъ сообщилъ въ названные два журнала до 130 рецензій и отзывовъ, среди которыхъ наиболѣе крупными являются статьи объ „Абадоннѣ“ Н. Полеваго, объ „Учебной книгѣ всеобщей исторіи“ проф. Кайданова, о „Рахили“—переводномъ произведеніи Татьяны Пассекъ, о „Стихотвореніяхъ“ Котнева, „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“ (наиболѣе крупныя), о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Влад. Бенедиктова и Кольцова, и др. Въ 1836 г. большую статью В. Г. Бѣлинскій написалъ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. Въ 1834 г. онъ напечаталъ еще кромѣ рецензій нѣсколько переводовъ: „Беата“, „Отчего въ Римѣ не было трагедіи“, соч. Низара и Сильвестръ де-Саси, „Основы грамматики для дѣтей“. Почти все изъ помѣщеннаго С. А. Венгеровымъ въ этомъ томѣ является или впервые и не указывалось въ предыдущихъ „полныхъ“ изданіяхъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, или въ значительно дополненномъ видѣ противъ прежнихъ изданій. Въ концѣ тома около 100 страницъ занимаютъ примѣчанія редактора, которыя по своей обстоятельности и полнотѣ вмѣстѣ ко всѣмъ 12-ти томамъ представятъ богатѣйшее собраніе матеріаловъ и свѣдѣній біографическаго и библіографическаго характера по исторіи русской литературы второй четверти XIX столѣтія. Къ этому тому приложенъ акварельный портретъ Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ, сдѣланный впервые въ красахъ. Въ 1881 г. онъ былъ уже воспроизведенъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (№ 10), но безъ красокъ.

Бутру, Э. О случайности законовъ природы. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *П. П. Соколова*. Москва. 1900. 8°. Цѣна 75 коп. Стр. IV + 239. [„Въ защиту идеаловъ разума“. Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей. VI].

Проф. Бутру въ своей книгѣ, заглавіе которой мы выписали, старается показать, что законы природы не абсолютны, что ихъ основа заключается

въ причинахъ, господствующихъ надъ ними, и что поэтому разсудочная точка зрѣнія не можетъ быть окончательной въ познаніи вещей.

„Во вселенной“, говоритъ г. Бутру, „можно различить нѣсколько міровъ, которые, какъ ярусы, возвышаются другъ надъ другомъ. Надъ міромъ чистой необходимости, чистаго количества безъ качества, который тождественъ съ небытіемъ, находится міръ причинъ, міръ понятій, міръ математическій, міръ физическій, міръ живой и, наконецъ, мыслящій міръ“. На первый взглядъ представляется, что каждый изъ этихъ міровъ роковымъ образомъ зависитъ отъ низшаго міра, получая отъ него свое существованіе и свои законы. Однако, если подвергнуть сравнительному изслѣдованію понятія основныхъ формъ бытія, то мы увидимъ, что невозможно соединить высшія формы съ низшими необходимою связью. Такимъ образомъ каждый данный въ опытѣ міръ явленій обладаетъ по отношенію къ низшимъ мірамъ извѣстною степенью независимости.

Выраженіе—законы управляютъ вещами—неточно; естественные законы не полагаются ранѣе вещей, а сами предполагаютъ ихъ; они выражаютъ только тѣ отношенія, которыя вытекаютъ изъ осуществившейся ранѣе природы вещей.

Существа даннаго міра не находятся въ безусловной зависимости отъ собственной природы. Мыслимо, что даже въ своей основѣ они не остаются вѣчно сходными сами съ собой и что порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ другъ за другомъ ихъ обнаруженія, допускаетъ болѣе или менѣе значительную долю случайности. Быть можетъ эта именно неопредѣленность и позволяетъ высшимъ формамъ прививаться къ низшимъ, ставя послѣднія въ условія, потребныя для развитія новаго роста.

Не только каждый міръ содержитъ въ себѣ нѣчто большее въ сравненіи съ низшими мірами, но и въ нѣдрахъ каждаго міра количество бытія не бываетъ безусловно опредѣленнымъ. Здѣсь возможны какъ совершенствованіе, такъ и упадокъ.

Гдѣ бы положительныя науки ни закончили свою работу, бытіе никогда не познается ими въ своей основѣ. Ими познаются только его природа и его постоянные законы, но остается узнать его творческій источникъ.

Единство, множественность и іерархія или единство во множественности—таковы низшія ступени бытія, его абстрактныя формы, не доступныя чувственному воспріятію. Непрерывность, разносторонность и іерархическая организація—таковы конкретныя и чувственныя формы бытія, возвышающіяся надъ его абстрактными формами. Каждая форма бытія есть подготовительная ступень для высшей формы.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе интересной книги талантливаго профессора. Редакція библіотеки, носящей заглавіе „Въ защиту идеаловъ разума“, сдѣлала хорошій выборъ, остановившись на книгѣ Бутру. Это едва ли не лучшій томъ изъ всѣхъ, вошедшихъ до настоящаго времени въ составъ означенной коллекціи. Чтеніе книги, требующее нѣкотораго напряженія мысли, можетъ быть смѣло рекомендовано всѣмъ интересующимся философіей.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". (Для самообразованія).—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. ***Г. Дюкудрэ.*** **Переводъ съ французскаго** ***А. А. Позенъ,*** **подъ редакціей** ***Д. А. Коропчевскаго.*** **Со многими рисунками въ текстѣ.—Т. I. М. 1898. Стр. VI + 354. Цѣна 1 р.— Т. II. М. 1899. Стр. II + 518 + II + XIII. Цѣна 1 р. 50 коп.**

По всей манерѣ изложенія и по общему типу, книга Дюкудрэ представляетъ учебникъ всеобщей исторіи, но составлена она по программѣ значительно болѣе обширной, чѣмъ обыкновенные учебники. Авторъ удѣляетъ много мѣста религіямъ, литературѣ, изобразительнымъ искусствамъ, музыкѣ, философіи, развитію естественныхъ и математическихъ наукъ, промышленности, торговлѣ, нравамъ, домашнему обиходу и т. п. На этихъ отдѣлахъ исторіи сосредоточено главное вниманіе автора, въ нихъ видитъ главную оригинальность и достоинство книги и переводчикъ. Дѣйствительно, трудно отыскать другую книгу, которая бы такъ разносторонне и вмѣстѣ такъ сжато излагала всѣ стороны всемірной цивилизаціи. Не пропущено почти ни одного крупнаго имени, выдвинувшагося на любомъ поприщѣ дѣятельности, а приложенный въ концѣ II-го тома алфавитный указатель дѣлаетъ книгу удобной для небольшихъ справокъ. Надо, однако, замѣтить, что стремленіе къ краткости заставляетъ автора иногда впадать въ крайность и давать свѣдѣнія либо мало вразумительныя, либо прямо недостаточныя. Такъ, про Кондильяка сказано только слѣдующее: „онъ, вернувшись въ (читай—къ) теоріямъ Локка и преувеличивая ихъ, предполагалъ, что все (?) происходитъ въ насъ отъ ощущеній"; про Мабли: „онъ издалъ Замѣтки объ исторіи Франціи, весьма основательныя для этой эпохи, когда ихъ не могли еще вполнѣ понять" (II, 270 и 271); при имени Гогарта совсѣмъ не упомянуто про его каррикатуры, на которыхъ основана неувядаемая слава англійскаго художника; въ изложеніи литературной дѣятельности В. Гюго забыты его романы и т. п. Нѣкоторыя свѣдѣнія поражаютъ уже не краткостью, а недостаточнымъ пониманіемъ предмета. Одинъ изъ крупнѣйшихъ англійскихъ поэтовъ XIX вѣка, Шелли „слишкомъ увлекался метафизикой: его поэзія неясна и неопредѣленна" (II, 410). Строки, посвященныя Канту и идеалистамъ, полны ошибокъ. Философія Канта, правда, „представляетъ неизмѣримую глубину", но она „весьма отвлеченна и туманна". Критика чистаго разума впадаетъ въ крайности и почти въ скептицизмъ, что, къ счастію, исправляетъ Критика практическаго разума. Фихте и другіе преемники Канта распространяли „его теорія, составляющія предметъ вѣчныхъ споровъ между учеными, съ отпечаткомъ той туманности, къ которой такъ склонны нѣмцы" (II, 282). Вообще, Дюкудрэ врагъ „отвлеченности", которая для него совпадаетъ съ „туманностью". Въ этомъ грѣхѣ отчасти заподазриваетъ онъ и греческую философію; для него гораздо ближе и симпатичнѣе трезвая, практическая складка римскихъ мыслителей (I, 241).

По временамъ автора удаляетъ отъ истины горячій патріотизмъ и нелюбовь къ германской расѣ. Такъ, говоря о Корнелѣ, онъ не рѣшается отдать пальму первенства Шекспиру (II, 224), сурово говоритъ о Лютерѣ и отводитъ гораздо больше мѣста Кальвину, упрекаетъ Лессинга въ „неспра-

ведливомъ отношеніи“ къ французскому театру (въ Гамбургской Драматургіи!), считаетъ Руссо вдохновителемъ Гердера, что допустимо лишь съ весьма крупными оговорками (II, 280), и приписываетъ французскому вліянію великое движеніе нѣмецкой литературы въ эпоху Гете, что ужъ совсѣмъ недопустимо (II, 281). Извѣстная книга г-жи де-Сталь о Германіи обвинена въ льстивости (II, 395), а стремленіе автора подчеркнуть заслуги французовъ въ развитіи музыки приводитъ его къ тому, что онъ ставитъ Глюка (не совсѣмъ правильно отнесеннаго къ французской школѣ) на одну доску съ Моцартомъ (II, 283—285), а Мейерберу отводитъ болѣе мѣста, чѣмъ Бетховену (II, 422—423).

Дюкудрэ не принадлежитъ къ безпристрастнымъ историкамъ, стремящимся только объяснить судьбы человѣчества; онъ судитъ и морализируетъ. По его мнѣнію, „никогда еще исторія не сознавала лучше своего значенія и призванія“, какъ при Тацитѣ, у котораго „каждая строка, это—кара за преступленіе или награда за добродѣтель“ (I, 315). И Дукудрэ все время пользуется историческими фактами для проповѣди своихъ идеаловъ. Это идеалы просвѣщеннаго и гуманнаго французскаго буржуа. Онъ искренно вѣруетъ въ боговдохновенность христіанской религіи и потому строго осуждаетъ античную миѳологію (I, 325); онъ—приверженецъ гражданскаго равенства, но въ то же время высоко цѣнитъ твердую власть; онъ врагъ всякихъ смутъ и хвалитъ римскихъ плебеевъ за спокойную выдержку и неторопливость въ борьбѣ съ патриціями за равноправность; онъ выясняетъ значеніе крѣпкой семьи и устойчивыхъ нравственныхъ правилъ и сурово отзывается о романахъ Жоржъ Сандъ; онъ борется противъ соціальныхъ движеній, грозящихъ собственности; онъ съ любовью слѣдитъ за успѣхами промышленности и техническихъ изобрѣтеній, вносящихъ въ жизнь комфортъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на вредъ войнъ и современнаго милитаризма. Типично для Дукудрэ его восхищеніе передъ образомъ жизни современнаго человѣка, богатаго и просвѣщеннаго (II, 516—517).

Собственно историческая часть разбираемой книги не представляетъ ничего выдающагося. Авторъ ограничивается почти всегда фактами, обычными въ учебныхъ руководствахъ. Лучше другихъ изложена исторія Рима и Франціи.—По временамъ Дюкудрэ придерживается мнѣній, уже отвергнутыхъ наукою. Такъ, онъ съ негодованіемъ упрекаетъ ученыхъ, сомнѣвающихся въ существованіи Гомера, считаетъ Троянскую войну историческимъ фактомъ, принимаетъ на вѣру всѣ преданія о Ликургѣ, миѳы о Кроносѣ и его дѣтяхъ толкуетъ какъ воспоминанія о геологическихъ переворотахъ, царскій періодъ римской исторіи излагаетъ прямо по Ливію, гуманическое движеніе понимаетъ только какъ возрожденіе классическихъ изученій и т. п. Страницы, посвященныя Петру Великому (II, 295—296), мало удовлетворительны по общему смыслу и заключаютъ нѣсколько фактическихъ неточностей, которыя переводчикъ могъ бы оговорить.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, хотя фраза иногда строится тяжело, какъ видно и изъ нѣкоторыхъ цитированныхъ уже мѣстъ. Напрасно только переводчикъ поддается французской манерѣ называть греческихъ боговъ римскими именами. Вѣдь Зевсъ, Посейдонъ, Кроносъ и др. у насъ не

менѣе употребительны, чѣмъ Юпитеръ, Нептунъ, Сатурнъ. Странно также видѣть въ Спартѣ римскій сенатъ вмѣсто туземной герузіи. Въ транскрипціи именъ тоже есть ненужныя искаженія: Плистонаксъ, вм. Плистоанактъ, Лавріумъ, вм. Лавріонъ, Боруссы, вм. Пруссы.

Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900. Стр. III+394.

Историческая критика дружнымъ хоромъ привѣтствовала въ свое время появленіе въ свѣтъ первыхъ двухъ частей высоко-научнаго и цѣннѣйшаго „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, составленнаго неутомимымъ ученымъ труженикомъ, Н. Н. Оглоблинымъ. Нынѣ передъ нами третья часть этого „Обозрѣнія“. Въ ней авторомъ разсмотрѣны тѣ документы, которые говорятъ о сношеніяхъ сибирскаго управленія и населенія съ московскимъ управленіемъ—съ Сибирскимъ приказомъ и обратно. Всѣ эти документы онъ подраздѣлилъ на три группы: 1) *Отписки* воеводскаго, таможеннаго и церковнаго управленій въ Сибирскій приказъ и отвѣтныя *грамоты* послѣдняго въ Сибирь. Здѣсь больше всего отписокъ и грамотъ воеводскаго управленія—до 20.000, всего же ихъ до 30.000. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ качествѣ приложеній, имѣются: „распросныя рѣчи“, „именныя росписи“, чертежи городовъ, церквей, и проч. Отписки и грамоты воеводскаго управленія тѣмъ болѣе интересны, что они относятся къ тому времени (90-е годы XVI вѣка и начальные XVII вѣка), когда „закрѣплялись первые шаги русскаго государства и общества по приведенію Сибири „подъ руку великаго государя“. Отписки таможеннаго управленія всѣ почти принадлежатъ таможеннымъ и заставнымъ головамъ, и въ большинствѣ ихъ говорится о сборѣ разнаго рода таможенныхъ пошлинъ деньгами и натурою. Много интереснаго также представляютъ и отписки и грамоты сибирскихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Въ общемъ всѣ эти документы, несмотря на нѣкоторые пробѣлы, „даютъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ, почти изъ года въ годъ, жизнь Сибири за огромный періодъ времени—съ послѣднихъ годовъ XVI вѣка и до начала XVII вѣка включительно“, гораздо правдивѣе и жизненнѣе, чѣмъ всѣ повѣствованія сибирскихъ лѣтописцевъ.

Вторую группу документовъ составляютъ „*дѣла*“ разнообразнаго содержанія, распредѣленныя, однако, по отдѣламъ: 1) административныя дѣла (гл. XXI), 2) дѣла о ссыльныхъ людяхъ (гл. XXII), 3) хозяйственныя дѣла (гл. XXIII), 4) челобитныя дѣла (гл. XXIV) и 5) дѣла о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей (гл. XXV). „Дѣла“ перваго отдѣла представляютъ богатый матеріалъ для исторіи сибирскихъ служилыхъ людей, положеніе и условія службы которыхъ во многомъ были отличны отъ службы Московской Руси; они касаются, главнымъ образомъ, перемѣнъ въ составѣ сибирской администраціи, высшей и низшей, по воеводскому, таможенному и церковному управленіямъ Сибири.

„Дѣла“ о ссыльныхъ людяхъ, заключающіяся большею частью въ отдѣльныхъ „столпахъ“, куда входятъ челобитныя дѣла, служилыхъ людей, назна-

ченныхъ проводниками ссыльныхъ, наказныя памяти, записи и проч., относятся почти исключительно къ XVII вѣку и сообщаютъ интереснѣйшій матеріалъ для исторіи этого первоначальнаго подневольнаго заселенія Сибири. Изъ дальнѣйшихъ отдѣловъ наиболѣе цѣнными являются *„челобитныя дѣла"*, которыя (въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ) представляютъ живѣйшій матеріалъ для бытовой исторіи Сибири вообще и для изученія народнаго міросозерцанія въ XVII вѣкѣ, въ частности. Среди челобитныхъ всѣхъ слоевъ населенія наиболѣе сохранилось челобитныхъ служилыхъ людей. „Исключительнаго вниманія", говоритъ г. Оглоблинъ, „заслуживаютъ нерѣдкія „мірскія челобитныя дѣла", представляющія общія челобитныя о разныхъ нуждахъ и интересахъ служилаго или жилецкаго „міра", или того и другаго вмѣстѣ—всего города", иногда „всего города и уѣзда" (стр. 88). Поэтому-то авторъ „Обозрѣнія" наиболѣе подробно и останавливается на „челобитныхъ дѣлахъ".

Наконецъ, третью группу документовъ составляютъ *документы разныхъ комиссій*, отправляемыхъ Сибирскимъ приказомъ въ Сибирь для ознакомленія съ жизнью Сибири на мѣстѣ. Сюда отнесены авторомъ: а) дѣла сыщиковъ, совершавшихъ „частые" сыски и „большіе"; въ числѣ послѣднихъ впервые обнародываются два сыска: одинъ „грандіозный" сыскъ временъ Петра Великаго, возникшій по его иниціативѣ—сыскъ думнаго дьяка Данилы Леонтьева Полянскаго и дьяка Данилы Берестова, 1702 г., объѣхавшихъ почти всю Сибирь и собравшихъ громадный матеріалъ о положеніи Сибири, и другой—„большой сыскъ" жильца Θедора Охлопкова, розыскивавшаго въ 174—176 гг., по иниціативѣ Приказа тайныхъ дѣлъ, о „неправдахъ и плутостяхъ" сибирскихъ служилыхъ и другихъ людей; б) „дѣла" купчинъ, представляющія очень цѣнные матеріалы для исторіи торговли отчасти сибирской, но главнымъ образомъ московской (сибирскими товарами) и именно съ зарубежными рынками Англіи, Швеціи, Польши, Крыма, Персіи и Китая; в) „дѣла Даурскаго полка"—о снаряженіи и посылкѣ военныхъ экпедицій въ Даурію и г) „дѣла" разныхъ комиссій.

И эта часть „Обозрѣнія", говоритъ авторъ, составлена по той же системѣ, по какой составлены и первыя его двѣ части. Въ концѣ книги приложены указатели именъ личныхъ и географическихъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ 1900 г.:

— *Кузнецовъ, Ст.* Русская Исторія въ планахъ (35 плановъ). Отъ начала Руси до начала Москвы. Пособіе для веденія сочиненій, для повторенія курса и для подготовки къ экзамену на домашняго учителя по исторіи. Рига 1900. II+61 стр. Цѣна 30 коп.

— *Петражицкій, Л. I.* Очерки философіи права. Выпускъ первый. Основы психологической теоріи права. Обзоръ и критика современныхъ воззрѣній на существо права. С.-Пб. 1900. 138 стр. Цѣна 85 коп.

— *Гротъ, Я. К.* Труды. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Біографіи, характеристики и критико-библіографическія замѣтки.

С.-Пб. 1900. VIII+510+329 стр. Цѣна 3 р. Изданы подъ редакціей *К. Я. Грота.*

— Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 5-го ноября 1900 года. Казань 1900. 265+22 стр.

— Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Пособіе для учителей и учительницъ еврейскихъ школъ и дѣятелей по народному образованію. С.-Пб. 1900. XVI+681 стр. Цѣна 1 р. 75 коп. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

— *Харлампович*ъ, *К.* Отзывъ о книгѣ: А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ братствъ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра 1900. Изъ „Православнаго Собесѣдника" октябрь 1900 г. Отъ 457—472 стр.

— Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей *В. К. Трутовскаго.* Томъ семнадцатый. Съ 1-ой таблицей и 7-ю рисунками въ текстѣ. Москва 1900. 379 стр.

— *Чернышев*ъ, *В. И.* Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ гор. Мещовска. С.-Пб. 1900. 35 стр. Отдѣльный оттискъ изъ LVIII тома Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

— Отчетъ Александровской публичной библіотеки въ гор. Самарѣ и Самарскаго публичнаго музея за 1899 г. Самара 1900. 26 стр.

— *Карѣев*ъ, *Н.* Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. С.-Пб. 1900. VIII+236.

— (*Тарновскій*, *А.*). Изъ жизни Благовѣщенской учительской семинаріи. Село Благовѣщенскій Заводъ, Уфимской губерніи. Книжка первая. Уфа 1900. Изданіе почетнаго попечителя семинаріи *А. Чижева.*

— *Фуртье* и *Мольтени.* Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (Les projections scientifiques). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстрацій опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *Воскресенскій.* Москва 1900. 136 стр. Цѣна 1 руб.

— Справочный словарь орѳографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Составленъ подъ редакціею *А. Н. Чудинова.* Выпускъ I, II, III, IV, V, VI. С.-Пб. 1900—1901 г. 2207 стр. Цѣна 6 р.

— *Фальборк*ъ, *Г.* и *Чарнолускій*, *В.* Настольная книга по народному образованію. Въ трехъ томахъ. Томъ III. С.-Пб. 1901. Отъ 716—1538 стр. Изданіе неофиціальное. Изданіе товарищества „Знаніе". № 14.

— *Малинин*ъ, *А. А.* Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ. Лампрехтъ и его оппоненты. Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Москва 1900. II+47 стр.

— Указатель статей, напечатанныхъ въ Филологическихъ Запискахъ за 13-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ 1900. 33+4 стр. Цѣна 25 коп.

— Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Vydávají

Král. Česká společnost náuk, 1. A III. Třida české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slowesnost a umění, matice česká. V Praze 1898. 726 стр.

— Novočeská bibliothéka vydávaná nákladem Musea království českého. Číslo XVIII. Wáclawa Wladiwoje Tomka *Dějepis Prahy*. Díl. XI. V Praze 1897. 461 стр. cena 5 zl. 10 kr. r. m.—Číslo XXXII. *Zikmunda Wintra* o životě na vysokých školách pražských knihy dvoje. Postěno honořářem z jubilejního fondu Královské české společnosti náuk. V Praze 1899. XIII+614 стр. Cena 5 zl. 60 kr.

— *Winter, Zikmund.* Život církevní v čechách. Kulturně-historický obraz z XV a XVI století. Svazek druhý. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Отъ 549—1026 стр.

— *Winter, Zikmund.* Děje vysokých škol pražských od secessí cizích národů po dobu bitvy bělohorské (1409—1622). Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1897. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.

— *Hanuš, J.*, professor Českoslovanské obchodní Akademie. Život a spisy Václava Bolemíra Nebeského. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. IV+175 стр.

— *Ардашевъ, Павелъ.* Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Пб. 1900. 658 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Гротъ, К. Я.* Объ изученіи славянства. Судьба славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ. С.-Пб. 1901. 64 стр. Цѣна 60 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 2. 1900. Сентябрь. С.-Пб. 1900. XV+ 268 стр.

— *Берне, Людвигъ.* Полное собраніе сочиненій. Переводъ подъ редакціей *А. Трачевскаго* и *М. Филиппова.* Съ портретомъ и біографіей. Въ трехъ томахъ. Томъ I. 590 стр. Томъ II и III. 964 стр. С.-Пб. 1900. Цѣна за три тома 5 руб. Изданіе *П. П. Сойкина.*

— Памятная книжка Виленскаго учебнаго округа на 1900—1901 учебный годъ. Вильна 1900. VII+212 стр. Изданіе управленія Виленскаго учебнаго округа.

— *Манасеинъ, М.* Къ вопросу о врачебной этикѣ и литературно-медицинской въ частности. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— *Прендель*, проф. Очеркъ современнаго состоянія керамическаго производства въ Западной Европѣ. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четырнадцатая. Выпускъ II. Изданъ подъ редакціей *Н. П. Дашкевича.* Кіевъ 1900. Отъ 42—61 стр., отъ 73—123 стр., отъ 29—90 стр.+23 стр.

— *Бобынинъ, В. В.* Русская физико-математическая библіографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Томъ третій. Выпускъ третій (послѣдній). Москва 1900. IV+248 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Bachmetjew, P.* prof. Überkaltungs-Erscheinungen bei schwimmenden Nitrotoluol-Kügelchen. (Aus dem physikalischen Institut der Hochschule zu Sofia). Mit 5 Figuren. (Vorgelegt der Akademie am 19 Januar 1900). С.-Пб. 1900. 63 стр. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 7).

— *Рыкачевъ, М.* Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1899 г., представленный Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1900. 115 стр. Цѣна 2 р.=5 Mk. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 8).

— *Декартъ.* Метафизическія размышленія. Переводъ *В. М. Невѣжиной* подъ редакціей и со статьей проф. *А. И. Введенскаго.* „Декартъ и раціонализмъ". С.-Пб. 1901. LIII+63 стр. Цѣна 1 руб. (Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ 1-й).

— Урожай 1900 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ восемнадцатый. С.-Пб. 1900. XXIX+116 стр. (Статистика Россійской Имперіи LI).

— *Грибовскій, В. М.* Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. Историко-юридическое изслѣдованіе. (Періодъ: 28-го іюня 1762 г.—7-го ноября 1775 г.). С.-Пб. 1901. IV+345 стр. Цѣна 2 руб.

— *Грибовскій, В. М.* Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. (Приложеніе къ книгѣ „Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй"). С.-Пб. 1901. VI+259 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Мижуевъ, П. Г.* Образованіе во Франціи низшее, среднее и высшее. С.-Пб. 1901. 202 стр. Цѣна 1 р.

— *Полевой, П. Н.* Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Выпускъ одиннадцатый. Съ 69 рисунками и снимками въ текстѣ и 3 цинкографическими приложеніями. Т. III. С.-Пб. 1900. Отъ 321—480 стр. Изданіе *А. Ф. Маркса.* (Иллюстрированная библіотека „Нивы" 1900 г.).

— *Аристофанъ.* Осы. Комедія. Стихотворный переводъ *П. П. Корнилова.* Съ примѣчаніями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Ѳ. Г. Мищенка.* Казань 1900. X+95 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 г., октябрь).

— *Прокошевъ, П.* Церковное судопроизводство въ періодъ вселенскихъ соборовъ (accusatio) и вліяніе на него римско-византійскаго процессуальнаго

Král. Česká společnost nánk, 1. A III. Třída české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slowesnost a umění, matice česká. V Praze 1898. 726 стр.

— Novočeska bibliothéka vydávaná nákladem Musea království českého. Číslo XVIII. Wácslawa Wladiwoje Tomka *Dějepis Prahy*. Díl. XI. V Praze 1897. 461 стр. cena 5 zl. 10 kr. r. m.—Číslo XXXII. *Zikmunda Wintra* o životě na vysokých školách pražských knihy dvoje. Postěno honorářem z jubilejního fondu Královské české společnosti náuk. V Praze 1899. XIII+614 стр. Cena 5 zl. 60 kr.

— *Winter*, *Zikmund*. Život církevní v čechách. Kulturně-historický obraz z XV a XVI století. Svazek druhý. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Отъ 549—1026 стр.

— *Winter*, *Zikmund*. Děje vysokých škol pražských od secessí cizích národů po dobu bitvy bělohorské (1409—1622). Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1897. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.

— *Hanuš*, *J.*, professor Československé obchodní Akademie. Život a spisy Václava Bolenúra Nebeského. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. IV+175 стр.

— *Ардашевъ*, *Павелъ*. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Пб. 1900. 658 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Гротъ*, *К. Я.* Объ изученіи славянства. Судьба славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ. С.-Пб. 1901. 64 стр. Цѣна 60 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 2. 1900. Сентябрь. С.-Пб. 1900. XV+ 268 стр.

— *Берне*, *Людвигъ*. Полное собраніе сочиненій. Переводъ подъ редакціей *А. Трачевскаго* и *М. Филиппова*. Съ портретомъ и біографіей. Въ трехъ томахъ. Томъ I. 590 стр. Томъ II и III. 964 стр. С.-Пб. 1900. Цѣна за три тома 5 руб. Изданіе *П. П. Сойкина*.

— Памятная книжка Виленскаго учебнаго округа на 1900—1901 учебный годъ. Вильна 1900. VII+212 стр. Изданіе управленія Виленскаго учебнаго округа.

— *Манасеинъ*, *М.* Къ вопросу о врачебной этикѣ и литературно-медицинской въ частности. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— *Прендель*, проф. Очеркъ современнаго состоянія керамическаго производства въ Западной Европѣ. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четырнадцатая. Выпускъ II. Изданъ подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ 1900. Отъ 42—61 стр., отъ 73—123 стр., отъ 29—90 стр.+23 стр.

— *Бобынинъ, В. В.* Русская физико-математическая библіографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Томъ третій. Выпускъ третій (послѣдній). Москва 1900. IV+248 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Bachmetjew, P.* prof. Überkaltungs-Erscheinungen bei schwimmenden Nitrotoluol-Kügelchen. (Aus dem physikalischen Institut der Hochschule zu Sofia). Mit 5 Figuren. (Vorgelegt der Akademie am 19 Januar 1900). С.-Пб. 1900. 63 стр. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 7).

— *Рыкачевъ, М.* Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1899 г., представленный Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1900. 115 стр. Цѣна 2 р.=5 Mk. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 8).

— *Декартъ.* Метафизическія размышленія. Переводъ *В. М. Невѣжиной* подъ редакціей и со статьей проф. *А. И. Введенскаго.* „Декартъ и раціонализмъ". С.-Пб. 1901. LIII+63 стр. Цѣна 1 руб. (Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ 1-й).

— Урожай 1900 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ восемнадцатый. С.-Пб. 1900. XXIX+116 стр. (Статистика Россійской Имперіи LI).

— *Грибовскій, В. М.* Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. Историко-юридическое изслѣдованіе. (Періодъ: 28-го іюня 1762 г.—7-го ноября 1775 г.). С.-Пб. 1901. IV+345 стр. Цѣна 2 руб.

— *Грибовскій, В. М.* Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. (Приложеніе къ книгѣ „Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй"). С.-Пб. 1901. VI+259 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Мижуевъ, П. Г.* Образованіе во Франціи низшее, среднее и высшее. С.-Пб. 1901. 202 стр. Цѣна 1 р.

— *Полевой, П. Н.* Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Выпускъ одиннадцатый. Съ 69 рисунками и снимками въ текстѣ и 3 цинкографическими приложеніями. Т. III. С.-Пб. 1900. Отъ 321—480 стр. Изданіе *А. Ф. Маркса.* (Иллюстрированная библіотека „Нивы" 1900 г.).

— *Аристофанъ.* Осы. Комедія. Стихотворный переводъ *П. П. Корнилова.* Съ примѣчаніями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Ѳ. Г. Мищенка.* Казань 1900. X+95 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 г., октябрь).

— *Прокошевъ, П.* Церковное судопроизводство въ періодъ вселенскихъ соборовъ (accusatio) и вліяніе на него римско-византійскаго процессуальнаго

права. Казань 1900. 214 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 годъ, ноябрь).

— Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ западно-русскій край“. Составленъ студентомъ *Чеславомъ Багенскимъ* подъ редакціей проф. *Е. Ѳ. Будде*. Казань 1900. XVII+66 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 г., декабрь).

— Библіотека великихъ писателей. Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей *С. А. Венгерова*. Выпускъ I и II. С.-Пб. 1901. Изданіе Акціонернаго Общества Брокгаузъ.

— Движеніе населенія въ Европейской Россіи за 1897 г. Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. XVI+211 стр. (Статистика Россійской Имперіи L).

— Время начала главнѣйшихъ полевыхъ работъ въ 1899 г. по сообщеніямъ губернаторовъ. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. VI+35 стр. (Временникъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, № 46, 1900 г.).

— Вѣсъ четверти зерна отдѣльныхъ хлѣбовъ въ 1888—1899 гг. по показаніямъ, полученнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ при собираніи данныхъ объ урожаѣ. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. V+522 стр. (Временникъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, № 47, 1900 г.).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

1. *К. Ельницкий.* Общая педагогика. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика, и для занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. 7-ое изданіе (Д. Д. Полубояринова). С.-Пб. 1897. Цѣна 75 коп. Стр. 156.

2. *К. Ельницкий.* Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. 3-е изданіе (Д. Д. Полубояринова). С.-Пб. 1899 г. Цѣна 60 коп. Стр. 96.

Въ „Общей педагогикѣ" и „Основахъ начальнаго школьнаго воспитанія и обученія" изложеніе ученій психологическихъ и логическихъ не вполнѣ удовлетворительно. Приведемъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ. Въ общей педагогикѣ стр. 47 говорится: „Логически правильное дѣленіе понятій не допускаетъ... б) принятіе не существеннаго признака за основаніе дѣленія. Такъ, напримѣръ, неправильное дѣленіе людей на стригущихъ свои волосы и не стригущихъ ихъ". Въ этомъ примѣрѣ дѣленія ничего неправильнаго нѣтъ, и парикмахеръ несомнѣнно такъ дѣлитъ людей, подобно тому, какъ желѣзнодорожное управленіе дѣлитъ ихъ на курящихъ и некурящихъ. Существенность извѣстнаго признака опредѣляется цѣлью, ради коей дѣленіе предпринято, а не представляетъ собой чего-либо неизмѣннаго. На стр. 88 говорится: „Изъ *сопоставленія* сужденій, находящихся въ связи между собою, мы выводимъ заключеніе". Дѣло вѣдь не въ сопоставленіи сужденій, а въ томъ, что два сужденія имѣютъ одно общее понятіе, дающее возможность судить объ отношеніи другихъ двухъ понятій въ сужденіи.

На стр. 89 говорится: „Посылка, содержащая въ себѣ *частное*

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

сужденіе, называется меньшей". Меньшая посылка вовсе не должна содержать въ себѣ частное сужденіе; къ тому же примѣръ, приведенный г. Ельницкимъ, показываетъ, что онъ самъ не придерживается опредѣленія частнаго сужденія, даннаго имъ на стр. 87. Береза есть растеніе—по мнѣнію г. Ельницкаго, изложенному на стр. 89, есть частное сужденіе; по опредѣленію частнаго сужденія, данному на стр. 87, выходитъ, что это есть сужденіе общее, и это, конечно, вѣрно.

На той же 87-ой страницѣ все содержаніе сужденій сведено къ пяти категоріямъ: сужденія, выражающія бытіе, совмѣстное существованіе явленій, причинность, послѣдовательность и сходство. Подъ какую изъ перечисленныхъ категорій подведетъ г. Ельницкій, напримѣръ, сужденіе: „Я хочу читать книгу".

Тѣ же неточности встрѣчаются и въ „Основахъ начальнаго школьнаго воспитанія и обученія" съ прибавкою нѣкоторыхъ новыхъ. Возьмемъ для примѣра ученіе объ ассоціаціяхъ.

На стр. 33 читаемъ: „Ассоціаціей по смежности связываются представленія, воспринятыя въ *одномъ мѣстѣ* или въ одно время". А развѣ ассоціаціи по причинности или сходству не касаются представленій, воспринятыхъ „въ одномъ мѣстѣ"? Самый терминъ „ассоціація" опредѣленъ дурно: „связь всплывающихъ въ сознаніи представленій или понятій называется ассоціаціею ихъ". Во-первыхъ, не всякая связь понятій называется ассоціаціей, ибо и въ мышленіи всплываютъ представленія, а, во-вторыхъ, вѣдь ассоціаціи и опредѣляютъ появленіе представленій въ сознаніи, между тѣмъ какъ въ опредѣленіи г. Ельницкаго этого не видно.

На стр. 34 читаемъ: „Явленія, слѣдующія одно за другимъ, могутъ находиться между собой въ причинной связи. Мы уразумѣваемъ эту связь и такимъ образомъ получается причинная ассоціація представленій". Уразумѣть причинную связь явленій значитъ понять, что два явленія связаны между собою такимъ образомъ, что одно вызываетъ другое; никакой причинной ассоціаціи въ процессѣ уразумѣнія нѣтъ. Нужно бы ученикамъ уяснить различіе между мышленіемъ и ассоціацiей. Вообще изложеніе г. Ельницкаго отличается неточностью, и на это автору слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Напримѣръ, въ той же книгѣ на стр. 23 мы читаемъ: „Послѣ воспріятія ощущеній отъ предмета въ душѣ остается слѣдъ" и т. д. Развѣ г. Ельницкій думаетъ, что мы воспринимаемъ ощущеніе предмета,

а не самый предметъ? Нѣкоторыя мысли г. Ельницкаго выражены такъ, что ихъ нельзя понять, напримѣръ на стр. 25:

„Предметы міра реальнаго, имѣя кромѣ общихъ, существенныхъ, особенные индивидуальные признаки, соотвѣтствуютъ только нашимъ представленіямъ о нихъ; понятіямъ же они соотвѣтствуютъ только своими общими существенными признаками“. Что это значитъ? Какъ предметы могутъ соотвѣтствовать понятіямъ и представленіямъ.

На стр. 38 о сужденіи: „Самая простая форма мышленія есть сужденіе“. Что значитъ: „самая простая“? Если есть еще и другая форма мышленія, то слѣдовало ее назвать.

Димитрій Кайгородовъ. Изъ Царства Пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. С.-Пб. Изд. 3-е А. С. Суворина. 1899. Цѣна 6 руб. Стр. XVI+373.

Съ обычнымъ мастерствомъ авторъ описываетъ жизнь нѣкоторыхъ представителей нашей орнитологической жизни, главнымъ образомъ изъ отряда воробьиныхъ. Авторъ пишетъ не столько по книгамъ, сколько по своимъ многолѣтнимъ наблюденіямъ, отчего его описанія и носятъ такой жизненный характеръ. Если прибавить къ этому почти художественную форму изложенія, то значеніе и поучительность названной книжки станутъ ясны сами собой. Прекрасныя хромолитографіи заимствованы изъ сочиненія Карла Руссо и большинство политипажей изъ Брема.

Намъ показались совершенно излишними для цѣлей изданія копіи съ картинъ нашихъ художниковъ изъ изданій г. Булгакова, въ родѣ „мотива морскаго берега“, „высохшее русло“, „привалъ охотниковъ въ лѣсу бѣлаго бука“ и т. п. Появленіе ихъ въ книгѣ съ опредѣленной физіономіей только мѣшаетъ общему впечатлѣнію. Можетъ быть, прибавленіе этихъ иллюстрацій, благодаря любезности г. Булгакова, и не удорожаетъ и безъ того слишкомъ дорогую книгу, но все же онѣ не имѣютъ ровно никакого отношенія къ тексту и потому излишни. Авторъ заботливо снабдилъ многіе очерки стихотворными эпиграфами, но такъ какъ подобрать для каждой птички надлежащій эпиграфъ изъ нашихъ поэтовъ (да не только изъ нашихъ, а даже изъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ) довольно затруднительно, то эпиграфы по большей части не имѣютъ отношенія къ тексту или имѣютъ слишкомъ отдаленное. Впрочемъ, все это недостатки второстепенные, и книжка смѣло можетъ быть рекомендована въ учительскія библіо-

теки всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, а равно и для раздачи въ награду.

Можно выразить желаніе, чтобы цѣна, хоть для слѣдующаго изданія, была понижена.

К. Д. Краевичъ. Сокращенный учебникъ физики. Обработанъ согласно существующимъ программамъ *А. Л. Гершуномъ* и *В. В. Скобельцынымъ.* Первое изданіе. Два выпуска. Спб. 1900. VIII+VII + 481 стр. Цѣна 2 рубля.

Появленіе въ свѣтъ этого прекраснаго учебника физики есть событіе огромной важности для нашей средней школы, событіе, котораго не можетъ не привѣтствовать съ величайшею радостью и съ чувствомъ искренняго, глубокаго удовлетворенія всякій, кому дороги интересы нашей школы. Наша педагогическая литература вообще не очень богата хорошими учебниками по какому бы то ни было предмету, а потому появленіе дѣйствительно превосходнаго учебника, хотя бы по одному изъ этихъ предметовъ, заставляетъ надѣяться, что скоро настанетъ время, когда въ рукахъ нашихъ учениковъ и ученицъ будутъ находиться исключительно только подобные же образцовые учебники, написанные людьми, изучившими свой предметъ, глубоко и всесторонне обдумавшими каждый вопросъ и методъ его изложенія. Достаточно сказать, что въ разсматриваемомъ учебникѣ нѣтъ научныхъ ошибокъ, что въ немъ исключено все то, что́, не имѣя никакого значенія, по рутинѣ сохранялось въ нашихъ учебникахъ физики, и что въ немъ измѣнены и передѣланы соотвѣтственно современному положенію науки многія статьи, традиціонное изложеніе которыхъ давно представлялось страннымъ анахронизмомъ. Ясность изложенія, новизна нѣкоторыхъ пріемовъ этого изложенія и точность опредѣленій мѣстами можно назвать изумительными.

Редакторы учебника, В. В. Скобельцынъ и А. Л. Гершунъ, воспользовались всѣми указаніями, выработанными комиссіей, которая была образована при ученомъ комитетѣ и работала подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго; результаты работъ этой комиссіи были напечатаны въ „Правит. Вѣстникѣ" 20-го марта 1899 г. (№ 63). Редакторы новаго учебника старались выполнить всѣ тѣ требованія, которымъ, по мнѣнію той же комиссіи, долженъ удовлетворять нормальный учебникъ физики.

Чтобы открыть мелкіе недостатки новаго учебника, пришлось

прочесть его съ величайшимъ вниманіемъ. Мы приводимъ полный перечень открытыхъ нами недочетовъ, увѣренные, что нашъ трудъ не пропадетъ даромъ, и что гг. редакторы воспользуются нашими указаніями. Необходимо замѣтить, что большинство этихъ недочетовъ встрѣчается въ первыхъ главахъ учебника.

На стр. 10 говорится о сцѣпленіи; это мѣсто слѣдовало бы нѣсколько упростить и выбросить послѣднюю фразу, начиная со словъ: „Растягивая каучукъ, мы удаляемъ и т. д.". Это мѣсто не по силамъ ученикамъ, только-что приступающимъ къ прохожденію гимназическаго курса физики.

На стр. 14 формулированъ законъ растяженія проволоки; здѣсь было бы полезно повторить, что рѣчь идетъ о длинѣ и о плоскости поперечнаго сѣченія проволоки.

На той же страницѣ редакторы не вполнѣ строго разсуждають, говоря, что мы предполагаемъ, что земля и падающее тѣло какъ бы связаны между собою невидимою растянутою пружиною. Это не есть предположеніе, но скорѣе представляетъ описаніе явленія.

На стр. 17 и 18 указаны въ скобкахъ сокращенныя обозначенія различныхъ мѣръ длины, безъ указанія на это въ самомъ текстѣ, такъ что читающій можетъ и не понять, что обозначаетъ буква μ, поставленная въ скобкахъ.

Названія различныхъ системъ единицъ на страницахъ 18, 19 и 20 выбраны неудачно. Та система, о которой говорится на стр. 18, не „называется" десятичною, но есть десятичная, и понятно, что десятичныхъ системъ можетъ существовать безконечное множество. Подстрочное замѣчаніе на стр. 19 должно быть выброшено, ибо никакой разницы нѣтъ между двумя системами единицъ, изъ которыхъ въ одной за основную принятъ метръ, а въ другой—сантиметръ. Не слѣдуетъ вовсе отличать другъ отъ друга системы десятичную и метрическую (см. § 11).

На стр. 27 сперва говорится о пути, пройденномъ тѣломъ, а нѣсколько дальше о пройденномъ пространствѣ.

Данныя на стр. 30 указанія на способъ графическаго изображенія скоростей слѣдовало бы помѣстить нѣсколько раньше.

На стр. 32 говорится о силахъ, дѣйствующихъ „при толчкѣ, при ударѣ". Какая разница между „толчкомъ" и „ударомъ"?

Опредѣленіе понятія о массѣ, данное на стр. 34, выше всякой похвалы; но окончательную формулировку все-таки слѣдуетъ постараться выразить еще яснѣе.

Опредѣленіе плотности и удѣльнаго вѣса, данное на стр. 36, представляется намъ излишне сложнымъ.

На стр. 48 говорится о силахъ параллельныхъ, но противоположныхъ, вмѣсто противоположно направленныхъ.

На стр. 73 слѣдуетъ непремѣнно исключить рисунокъ 54 и относящіяся къ нему слова, такъ какъ при переходѣ жидкости въ положеніе равновѣсія частицы, лежащія па ея поверхности, вовсе не движутся въ томъ направленіи, которое указано стрѣлкою на рисункѣ 54.

На стр. 75 упомянуто давленіе жидкости на боковыя стѣнки сосуда, между тѣмъ, какъ это явленіе разсмотрѣно нѣсколько дальше, а именно въ § 57 на стр. 76.

На стр. 77 слова: „Мы получимъ распредѣленіе давленія по всей стѣнкѣ", хотя и разъясненныя въ нѣкоторой степени послѣдующими словами, все-таки должны будутъ затруднить учащихся.

На стр. 87 жидкость, плавающая внутри другой жидкости, названа „невѣсомою", что можетъ привести къ недоразумѣнію.

На стр. 89 слова: „вода будетъ расплываться по обѣимъ сторонамъ пластинки" не вполнѣ ясны.

Стр. 92. Какъ примѣръ диффузіи жидкости, авторы разсматриваютъ диффузію молока и воды; лучше было бы взять воду и окрашенный спиртъ, такъ какъ молоко не есть опредѣленная однородная жидкость.

На стр. 93 встрѣчается странный промахъ; редакторы озаглавили новую статью „О воздухѣ и газахъ", какъ будто воздухъ не есть газъ.

Въ этой же статьѣ встрѣчается чувствительный пробѣлъ: редакторы вовсе не дали яснаго опредѣленія того, что называется упругостью газа, и не выяснили, что эта упругость численно должна равняться внѣшнему давленію. На стр. 93 говорится объ упругости, какъ о нѣкоторомъ явленіи, а на стр. 95 та же упругость является уже опредѣленною физическою величиною.

На стр. 106 дана такая формулировка закона Маріотта: „При одной и той же температурѣ объемъ данной массы газа измѣняется обратно пропорціонально его упругости". Лучше было бы сказать, что упругость мѣняется обратно пропорціонально объему, такъ какъ измѣненіе объема въ данномъ случаѣ играетъ роль причины, а измѣненіе упругости является уже какъ слѣдствіе измѣненія объема.

На стр. 135 слѣдуетъ вычеркнуть слова: „Но мы не знаемъ въ точности истинной причины тепловыхъ явленій", такъ какъ учащіеся не сумѣютъ правильно оцѣнить значеніе и вѣсъ слова „въ точности".

На стр. 140 слѣдуетъ измѣнить фразу: „Такое распространеніе теплоты мы называемъ распространеніемъ теплоты чрезъ лучеиспусканіе“, такъ какъ чрезъ лучеиспусканіе распространяется не теплота, но совершенно другая форма энергіи.

На стр. 171 не хорошо редактирована фраза: „при которой упругость ея насыщающихъ пространство паровъ равняется давленію атмосферы“.

Нельзя не пожалѣть, что редакторы пишутъ „магнитизмъ“ вмѣсто „магнетизмъ“.

На стр. 187 слѣдовало бы указать, что рисунокъ 153 относится къ горизонтальной плоскости, такъ какъ рядомъ расположенные рисунки 153 и 154 путаютъ читателя.

На стр. 187 встрѣчается настоящій промахъ. Здѣсь говорится о стрѣлкѣ наклоненія и гг. редакторы пишутъ: „Острый уголъ, образуемый длиною стрѣлки съ горизонтальною линіею, называется магнитнымъ наклоненіемъ“. Очевидно, должно быть съ „горизонтальною плоскостью“, такъ какъ горизонтальныхъ линій существуетъ безконечное множество.

Слова: „горизонтальная составляющая земного магнетизма“ на той же страницѣ, также неудачны.

На стр. 197 слѣдуетъ упростить безконечную фразу, которая начинается словами: „Предполагая зарядъ шара“ и т. д.

На стр. 200 дано замѣчательное по своей ясности описаніе электрической индукціи въ случаѣ, когда индуктированные заряды со всѣхъ сторонъ окружены проводниками. Однако это изложеніе еще болѣе выиграло бы, если бы гг. редакторы помѣстили въ этомъ мѣстѣ маленькій чертежъ.

На стр. 214 указаны различныя дѣйствія электрическаго разряда. Было бы лучше дать это указаніе послѣ разсмотрѣнія дѣйствій электрическаго тока.

На стр. 216 гг. редакторы называютъ полюсы элемента „анодомъ“ и „катодомъ“, что вообще не принято. На той же страницѣ описанъ электроскопъ съ коллекторомъ; здѣсь слѣдовало бы помѣстить рисунокъ.

На стр. 218 говорится, что электровозбудительная сила „постепенно и насколько возможно пополняя заряды“ и т. д.: слова „насколько возможно“ непонятны.

На стр. 219 говорится о способѣ сравненія электровозбудительныхъ силъ элементовъ одинаковаго состава и различной формы. Изложеніе неясно, такъ какъ не сказано, что̀ слѣдуетъ дѣлать съ дру-

гимъ электродомъ элемента, когда одинъ изъ нихъ соединенъ съ электроскопомъ.

На стр. 221 слишкомъ рано упомянуто о томъ, что водородъ не отдѣляется на мѣди; читатель вообще не пойметъ, какимъ образомъ водородъ, выдѣляющійся при растворенiи цинка, можетъ попасть на мѣдь.

Въ § 168 безусловно долженъ быть выброшенъ послѣдній абзацъ, начинающійся словами „показать на простомъ опытѣ" и т. д. Все, что здѣсь говорится, излишне и по характеру не соотвѣтствуетъ гимназическому учебнику.

На стр. 235 приведены четыре результата изслѣдованія распредѣленія степени электризаціи вдоль проволоки, по которой течетъ электрическій токъ; изъ нихъ третье и четвертое должны быть соединены въ одинъ.

То, что сказано на стр. 236 о вычисленіи силы тока, неточно; здѣсь упущено важное указаніе на то, что разсматриваемый участокъ цѣпи долженъ быть однороденъ. Подстрочное замѣчаніе на той же страницѣ, въ которомъ указано, какая формула чаще употребляется въ электротехникѣ, должно быть выброшено.

На стр. 276 разсмотрѣнъ случай индукціи въ кольцѣ, которое двигается вдоль магнита. Было бы лучше, если бы въ этомъ мѣстѣ не дѣлать ссылки на § 189, такъ какъ сказанное въ этомъ параграфѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ здѣсь разбираемому случаю.

На стр. 281 говорится о свѣтящейся точкѣ безъ всякаго разъясненія этого термина.

На стр. 307 читаемъ: „sin b получитъ невозможное значеніе, т.-е. будетъ болѣе единицы"; было бы лучше сказать: „sin b будетъ болѣе единицы, т.-е. получитъ невозможное значеніе".

Подстрочное замѣчаніе на стр. 323 должно быть перенесено на стр. 327, гдѣ говорится о фраунгоферовыхъ линіяхъ.

На стр. 349 упомянуты „нервныя частицы сѣтчатой оболочки". На той же стр. совершенно напрасно упомянуто одно изъ давно оставленныхъ объясненій факта, что мы видимъ предметы прямыми, хотя на сѣтчатой оболочкѣ получается ихъ изображеніе обратное.

На стр. 372 гг. редакторы утверждаютъ, будто весьма кратковременный, но чистый звукъ производитъ впечатлѣніе шума, что сомнительно.

На стр. 435 не вполнѣ удачно введено понятіе о потенціальной энергіи; вѣдь силы могутъ исходить не только отъ другихъ окру-

жающихъ тѣлъ, какъ это видно напр. въ случаѣ потенціальной энергіи упруго-измѣненнаго тѣла.

На стр. 439 малыя колоріи почему-то названы обыкновенными.

На стр. 448 сказано: „при какихъ бы то ни было превращеніяхъ, происходящихъ въ какой бы то ни было совокупности тѣлъ, сумма энергій, заключенныхъ въ этой системѣ, сохраняется постоянною". Здѣсь упущено важное указаніе на основное условіе, а именно чтобы вся система въ ея совокупности не теряла энергіи и не получала таковой отъ окружающихъ тѣлъ.

Въ корректурномъ отношеніи разсматриваемая книга не можетъ быть названа вполнѣ безукоризненной. На стр. 13 буква l должна стоять налѣво отъ знака равенства.

На стр. 66, 144 и другихъ буква O и цифра нуль обозначаютъ одно и то же, а именно цифру нуль, при чемъ большая буква O даже встрѣчается въ двухъ различныхъ формахъ.

На стр. 74, 75 и другихъ вмѣсто буквы b напечатано много разъ перевернутая буква q.

На стр. 158 заглавіе напечатано, не отступая отъ предыдущей строки.

На стр. 234 единица силы тока „амперъ" напечатана съ прописной буквы.

На стр. 407 въ формулѣ для времени качанія маятника букву l нельзя отличить отъ единицы.

На стр. 410 въ формулѣ третьей пропущенъ множитель l въ числителѣ.

Во многихъ мѣстахъ множители отдѣлены другъ отъ друга точками, которыя должны быть выпущены.

Указанные нами недочеты, почти безъ исключенія, ничтожны и не умаляютъ выдающихся достоинствъ разсматриваемаго учебника. Одно изъ его преимуществъ заключается и въ томъ, что вся книга раздѣлена на два выпуска, вслѣдствіе чего ученикамъ не приходится нести въ школу и обратно той половины книги, которая имъ въ данный моментъ не нужна. Книга напечатана убористымъ, крупнымъ шрифтомъ.

Мы намѣревались указать на особенно выдающіяся мѣста въ книгѣ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ пришлось бы указать по крайней мѣрѣ на двѣ трети всего содержанія этого учебника. Когда редакторы воспользуются нашими указаніями, еще поработаютъ надъ своимъ трудомъ, мѣстами упростятъ слогъ, то у насъ будетъ

образцовый учебникъ физики, которымъ мы будемъ въ правѣ гордиться. Мы не знаемъ подобнаго учебника въ иностранной литературѣ и не удивимся, если онъ будетъ переведенъ на иностранные языки.

Руководство ко Всеобщей Исторіи. Составилъ *Д. Иловайскій*. Древній міръ. (Курсъ старшаго возраста). Изданіе двадцать четвертое. Москва 1899. Стр. 288. Цѣна 75 коп.

Двадцать четыре изданія, которыя выдержалъ до сихъ поръ „Древній міръ" г. Иловайскаго, вполнѣ ясно указываютъ, какую видную роль играетъ этотъ учебникъ въ нашемъ историческомъ образованіи. Это обстоятельство налагаетъ на автора долгъ отнестись особенно тщательно къ задачѣ, а на рецензента—обязанность предъявить къ новому изданію столь распространеннаго руководства наиболѣе строгія требованія. За болѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ, прошедшія со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія книги, наука древности успѣла сдѣлать громадные шаги впередъ. Не говоря уже объ открытіяхъ въ области древне-восточныхъ культуръ, и классическій греко-римскій міръ сталъ гораздо лучше извѣстенъ, благодаря открытіямъ и работамъ въ области археологіи, эпиграфики и литературы. Наконецъ и сама историческая наука выработала новые пріемы, методы, обогатилась новыми точками зрѣнія. При такихъ условіяхъ и самый хорошій учебникъ, сослужившій почтенную службу въ дѣлѣ воспитанія, долженъ по возможности стараться не отставать отъ движенія науки, если желаетъ оставаться по прежнему полезнымъ и пригоднымъ. Между тѣмъ авторъ начинаетъ свое новое изданіе слѣдующими словами: „Въ послѣднихъ изданіяхъ своихъ историческихъ руководствъ, авторъ, во-первыхъ, оттѣняетъ курсивомъ наиболѣе существенныя мѣста, долженствующія быть закрѣпленными въ памяти учащихся. Во-вторыхъ, въ концѣ каждой книги онъ присоединяетъ образцы вопросовъ, которые предлагаетъ на усмотрѣніе учащихся при повтореніи предмета. Кромѣ того, онъ подвергаетъ свои руководства нѣкоторымъ сокращеніямъ". И только. Къ сожалѣнію, и въ текстѣ учебника мы почти не замѣтили, чтобы успѣхи науки отразились на его содержаніи. Кое-какія дополненія въ политической исторіи Египта, да странное примѣчаніе на стр. 73—вотъ все, что мы нашли новаго въ книгѣ. Мимо нея прошли незамѣченными и эпоха Телль-Эль-Амарны, и Ванское царство (что особенно непростительно въ учебникѣ, составленномъ для русскаго юношества крупнымъ авторитетомъ по русской исторіи), и Микенская культура, и глубоко интересныя археологи-

ческія находки въ древне-греческомъ мірѣ: въ Дельфахъ, на Делосѣ, въ Аѳинахъ, Навкратидѣ, на нашемъ югѣ. Въ учебникѣ, предназначенномъ для „старшаго возраста", сообщенія такого рода, хотя бы и „отмѣченныя особымъ шрифтомъ или необязательныя по программѣ", были бы гораздо болѣе умѣстны, чѣмъ разнаго рода анекдоты, отъ которыхъ онъ все еще не свободенъ и которые далеко не всегда даже приводятся, какъ анекдоты. (Напримѣръ, пріуроченіе трехъ великихъ трагиковъ къ Саламинской битвѣ, сплетни о Клеопатрѣ послѣ Актія и т. п.). Отсталость книги замѣтна и въ изложеніи исторіи аѳинскаго государственнаго устройства, выясненію которой въ послѣднее время въ такой значительной мѣрѣ содѣйствовали многочисленныя изслѣдованія, вызванныя открытіемъ Аѳинской Политіи Аристотеля. Въ учебникѣ г. Иловайскаго по прежнему говорится объ отмѣнѣ царской власти, о „законодательствѣ" Драконта, о сиссахтіи. Путаница, которая у него замѣчается въ послѣднемъ пунктѣ, объясняется также тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него прошли незамѣченными плодотворные результаты разработки экономической стороны греческой исторіи, благодаря которымъ и на политическую исторію древняго міра пролито не мало свѣта. Странная полемика съ Аристотелемъ въ примѣчаніи на стр. 73 оказалась бы ненужной, если бы авторъ не смѣшалъ экономической мѣры Солона съ политической и не принялъ за сиссахтію введенія халкидской валюты вмѣсто эгинской, а при еще болѣе близкомъ знакомствѣ съ экономической исторіей древности, онъ не заставилъ бы своихъ читателей быть въ недоумѣніи, почему именно въ VII вѣкѣ появились въ Аѳинахъ „должники" и нужда въ законахъ, почему послѣ Солона опять поднялась борьба партій, почему учрежденія Солона въ IV вѣкѣ „не одушевлялись патріотическимъ духомъ", почему „Аѳинская республика", достигшая благодаря „демократическимъ учрежденіямъ блестящаго, разносторонняго развитія своихъ силъ", уже во второй половинѣ того же V вѣка подверглась осмѣянію со стороны Аристофана, а во время сицилійскаго похода оказалась съ демосомъ „неспособнымъ къ управленію въ трудное время". Одной ссылки на рабство недостаточно—оно въ Аѳинахъ не играло особенной роли. Дѣло все въ томъ, что въ IV вѣкѣ внутренняя борьба партій изъ политической сдѣлалась экономической.—Все это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе недостатка связности, прагматизма, которое вообще получается отъ книги. Въ римской исторіи дѣло доходитъ до отдѣленія культурной исторіи отъ политической, при чемъ первая вынесена даже за

имперію. Неудобства, которыя происходятъ отсюда для пониманія учащимися, напримѣръ, исторіи перехода республики въ имперію, понятны сами собою. Но еще болѣе существеннымъ недостаткомъ является отсутствіе всемірно-исторической точки зрѣнія. И этотъ недостатокъ отчасти находится въ связи съ отсталостью книги. Тридцать лѣтъ тому назадъ было возможно излагать исторію древняго міра въ видѣ сборника исторій замкнутыхъ и разобщенныхъ цивилизацій и заканчивать Египетъ 525 г., Грецію — 146 г., а римскую имперію — 476 г., но писать въ 1899 году: „древніе народы далеко не находились въ такомъ сближеніи между собою, въ какомъ находятся народы новые... поэтому вмѣсто хронологическаго, удобнѣе принимать дѣленіе этнографическое...“ едва ли имѣетъ какое-либо основаніе. Если и прежде попытки универсальной ассирійской монархіи причиняли этому „этнографическому дѣленію“ не мало неудобствъ, то въ настоящее время открытіе памятниковъ Телль-Эль-Амарны и Микенской культуры сдѣлали его совершенно ненаучнымъ. Но помимо ненаучности, оно неудобно и въ практическомъ отношеніи: учащійся не можетъ составить себѣ картины хода исторіи, не знаетъ, какое государство было въ то или другое время во главѣ культурнаго міра, и совершенно теряетъ изъ вида государства послѣ ихъ паденія. При такомъ распредѣленіи матеріала, конечно, не могло найтись мѣста и для Ванскаго періода исторіи, когда на рубежѣ IX и VIII вѣковъ царство, владѣвшее нашимъ Закавказьемъ, играло первенствующую роль въ судьбахъ культурнаго міра. Такимъ образомъ прошедшій полный курсъ русской гимназіи даже не будетъ подозрѣвать, что въ предѣлахъ его отечества находятся остатки древне-восточной цивилизаціи и открываются клинообразныя надписи. А между тѣмъ книга вышла въ Москвѣ, гдѣ работаетъ и печатаетъ свои труды одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей исторіи Ванскаго царства.

Что касается соотвѣтствія „учебнымъ планамъ“, то авторъ старался сдѣлать свой учебникъ удобнымъ для употребленія и въ IV и въ VIII классахъ гимназій, включивъ въ него дополнительныя статьи программы VIII класса и предназначивъ для послѣдняго отдѣлъ древняго Востока и „Черты римскаго быта и образованности“. На нашъ взглядъ подобное сочетаніе едва ли удобно; оно дѣлаетъ книгу не вполнѣ подходящей ни для одного изъ классовъ; во всякомъ случаѣ для VIII класса учебникъ г. Иловайскаго едва ли годится: ему много вредитъ анекдотичность, блѣдность и сухость бытовыхъ и историко-литературныхъ главъ, въ особенности же указанная выше неудовле-

творительность въ изложеніи исторіи аѳинской демократіи. Замѣтимъ также, что авторъ не отвелъ должнаго мѣста греческимъ колоніямъ юга Россіи, преимущественное знакомство съ которыми, какъ необходимое въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуется программой IV класса гимназій. Въ учебникѣ мы находимъ только простой перечень колоній (стр. 86). 26-й образецъ „устныхъ вопросовъ и письменныхъ задачъ" (стр. 287): „Какіе народы, мѣстности и поселенія связываютъ исторію Древнюю съ Русской исторіей" и ссылка на статью „Эллино-Скиѳскій міръ на берегахъ Понта" въ книгѣ „Очерки и разсказы по Всеобщей исторіи" г. Иловайскаго, конечно, не могутъ служить замѣной пробѣла, хотя все-таки, сами по себѣ, представляютъ пріятное явленіе.

Не безупречна книга и въ частностяхъ. Укажемъ на самые существенные промахи.

Во введеніи (стр. 3) дается неправильная этнографическая схема семитовъ, къ которымъ причисляются египтяне, а въ ассиро-вавилонянахъ указывается примѣсь какихъ-то „кушитовъ" и арійцевъ. Вавилоняне, дѣйствительно, были народомъ смѣшаннымъ (съ сумерійцами и, впослѣдствіи, касситами), ассиріяне же были чистые семиты. Египтяне принадлежали къ хамитской расѣ кавказскаго племени.

На стр. 7-й повторяется недоразумѣніе о существованіи у египтянъ вѣрованія въ переселеніе душъ. Здѣсь же, ниже, говорится, что обелиски ставились „въ память царей и другихъ знатныхъ лицъ". Эти памятники воздвигались въ честь божествъ свѣта.

На стр. 9-й повторяется давно оставленное мнѣніе о кастахъ въ Египтѣ. Еще хуже то обстоятельство, что Ра смѣшивается съ Осирисомъ.

На стр. 10-й религія Сераписа напрасно названа „исполненной грубаго идолопоклонства и суевѣрія".

Стр. 13-я. Текстъ о войнѣ съ хеттами опять считается „поэмой, сочиненной нѣкимъ Пентауромъ". Египетская поэзія даетъ образцы, гораздо болѣе заслуживающіе знакомства съ ними, чѣмъ этотъ офиціальный риторическій текстъ.

Стр. 15-я. Послѣдній царь 26-й династіи опять названъ Псамменитомъ.

Стр. 18-я. Авторъ напрасно говоритъ, что намъ извѣстны „только имена нѣкоторыхъ царей Тира". Исторія Финикіи намъ, къ счастью, извѣстна гораздо лучше. Непонятно, почему здѣсь же помѣщено упоминаніе о хеттахъ.

Стр. 19-я. Процвѣтаніе финикійскихъ городовъ не кончается завоеваніемъ Александра Великаго. Оно продолжалось и даже развивалось и во время эллинизма и даже въ римскую эпоху.

Прочитавшій стр. 22-ю останется съ убѣжденіемъ, что о Вавилонѣ и Ассиріи до Тиглатъ-Палассара мы дѣйствительно ничего не знаемъ, кромѣ разсказовъ о Нинѣ и Семирамидѣ. Для него останется совершенно неизвѣстнымъ, что у насъ въ распоряженіи множество самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, восходящихъ въ IV тысячелѣтіе до Р. Хр. Вообще вавилонская культура представлена въ учебникѣ далеко не соотвѣтственно ея міровому значенію.

На стр. 23-й находимъ: „Халдеи было племя, пришедшее съ сѣвера изъ горъ Арменіи и покорившее Вавилонскую низменность". Эта ужасная фраза обязана происхожденіемъ незнакомству съ исторіей Вана и давно оставленному смѣшенію халдеевъ съ ванскими халдами.

Стр. 59-я. Амфиктіоны собирались не попеременно въ Дельфахъ и Ѳермопилахъ; каждая община посылала не одного депутата, а двухъ; къ тому же Амфиктіонъ никогда не былъ царемъ аѳинскимъ.

На стр. 62-й спартанское устройство все еще называется „законами Ликурга".

На стр. 69-й говорится, будто „обѣднѣвшіе спартіаты поступали въ число періэковъ" (читай ипоміоновъ). На слѣдующей страницѣ илотами названы „*сельскіе* жители", при чемъ названіе ихъ производится отъ „*города* Илоса".—Спартанскіе царскіе роды названы Проклидами и Агидами (стр. 65).

Стр. 67-я. Спартанскіе „мальчики отдавались въ гимназію, т. е. въ общественную школу". На слѣдующей страницѣ повторяется недоразумѣніе, что „учрежденія Спарты носятъ на себѣ общій дорійскій характеръ". Сходство критскихъ учрежденій происходитъ не отъ доризма; въ дорійской Азіи этого сходства не видно.

Стр. 75-я. Въ Аѳинахъ „сельское населеніе и домашнюю прислугу составлялъ многочисленный классъ рабовъ".—Невѣрно показано какъ число аѳинскихъ гражданъ, такъ и сумма аѳинскихъ доходовъ (стр. 105).—Невѣрно показано количество комедій Аристофана (стр. 111).

На стр. 100-й рѣшается категорически спорный пунктъ о допущеніи по предложенію Аристида четвертаго класса аѳинскихъ гражданъ къ архонтству, не говоря уже о томъ, что учащійся оставленъ въ недоумѣніи на счетъ представителя „аристократической" партіи

Аристида (стр. 93), благодаря которому „устройство Аѳинъ пріобрѣло еще болѣе демократическій характеръ".

Стр. 112-я. Процессія Великихъ Панаѳиней была представлена не на фронтонѣ, а на фризѣ Парѳенона.

На стр. 141-й читаемъ: „Филиппъ явился съ войскомъ въ Фокидѣ; но, вмѣсто того, чтобы продолжать священную войну, вдругъ захватилъ пограничную крѣпость Элатею"... Онъ окончилъ священную войну разрушеніемъ Анфиссы.

На стр. 143-й вмѣсто анекдота о Букефалѣ было бы гораздо умѣстнѣе сказать что-нибудь о походахъ Александра за Истръ, интересныхъ для насъ и имѣвшихъ характеръ также географическихъ экспедицій.

Стр. 151-я. Спартанская олигархія едва ли датируетъ съ закона Эпитадэя.

На стр. 160-й читаемъ объ этрускахъ: „къ какому великому племени они принадлежали и откуда пришли въ точности неизвѣстно"; а чрезъ строку: „на прежней родинѣ своей, въ Реціи..." Здѣсь и противорѣчіе, и едва ли вѣрная гипотеза.

На стр. 168-й тиціямъ и люцерамъ опять приписывается сабинское и этруское происхожденіе.

На стр. 178-й не исправлена невѣрная дата галльскаго погрома. То же слѣдуетъ сказать о датѣ допущенія плебеевъ къ жреческимъ должностямъ (стр. 181) и конца Югуртинской войны (стр. 205).

На стр. 187-й не сказано, почему „римляне называли карѳагенянъ пунами".

Стр. 196-я. Греція въ качествѣ провинціи Ахайи появляется только съ 27 года до Р. Хр.; раньше она входила въ составъ македонской провинціи, а Спарта и Аѳины сохраняли прежнее устройство.

Стр. 206-я. Не говорится о завоеваніяхъ Миѳридата на сѣверномъ берегу Чермнаго моря, а на стр. 207-й—о войнѣ Суллы въ Греціи, разгромѣ Аѳинъ и паденіи благосостоянія Азіи и Греціи.

Стр. 209-я. Серторій „удалился" въ Испанію не „во время диктаторства Суллы", а еще въ 83 году.

Стр. 233-я примѣч. Не объяснено происхожденіе культа императоровъ, а также не выяснена причина охлажденія у римлянъ интереса къ общественнымъ дѣламъ.

Стр. 241-я. Діоклетіанъ сложилъ съ себя правленіе не „будучи утомленъ властью".

Стр. 246-я. Діоцезы сдѣлались административными единицами не при Константинѣ, а еще при Діоклетіанѣ.

Стр. 250-я. Ромулъ Августулъ вовсе не былъ „послѣднимъ“ римскимъ императоромъ.

Стр. 252-я. Неясно и невѣрно мѣсто о „неполноправныхъ“ гражданахъ.

Стр. 257-я. Въ народные трибуны патриціи „избирались“ только въ томъ случаѣ, если переходили въ плебейство.

Нельзя также не посѣтовать на автора за нѣкоторыя упущенія. Въ числѣ колоній греческихъ не упомянуты такіе важные въ культурномъ отношеніи пункты, какъ Навкратидъ и, особенно, Кипръ, съ его шрифтомъ и діалектомъ, указывающимъ на глубокую древность колонизаціи, съ его своеобразнымъ искусствомъ и участіемъ въ древневосточной исторіи.—Обойдена молчаніемъ такая личность, какъ Фидонъ аргивскій. Елевсинскія мистеріи заслуживали бы болѣе почетнаго мѣста, чѣмъ въ примѣчаніи, да и то между прочимъ (стр. 108), равно какъ и исторія Сиракузъ—перваго по важности греческаго города запада. И о пареянахъ, соперникахъ римскаго могущества, слѣдовало бы сказать нѣсколько больше, чѣмъ то, что они „были отличные наѣздники и стрѣляли изъ лука“.—Ничего не сказано ни о Селевкидской, ни о Діоклетіановой эрахъ, по которымъ датировалъ долго весь христіанскій востокъ. Въ римской исторіи ничего не говорится ни о греческомъ вліяніи до завоеваній на Востокѣ, ни о мирныхъ и союзныхъ отношеніяхъ къ Кареагену до Пуническихъ войнъ; не подчеркнуты такіе моменты, какъ конецъ латинскаго союза, паденіе національности италиковъ послѣ сулловыхъ надѣловъ, начало превращенія принципата въ чиновничью монархію при Тиверіи вслѣдствіе окончательнаго учрежденія должности префекта города. Объ этой послѣдней ничего не сказано и въ послѣдней главѣ учебника. Не выясненъ также и постепенный переходъ законодательства и суда отъ комицій къ сенату и къ императору. Наконецъ, нѣтъ культурно-историческаго обзора римскаго міра и равноправныхъ ему восточныхъ державъ—это, помимо своего глубокаго интереса, послужило бы прекраснымъ переходомъ къ средневѣковой исторіи.

Ненаучно и безусловно вредно въ педагогическомъ отношеніи обращеніе автора съ собственными именами. Отвѣтственность за то шатаніе, которое замѣчается въ нашемъ обществѣ относительно транскрипціи греческихъ именъ въ значительной мѣрѣ падаетъ на распространенность учебниковъ г. Иловайскаго. Авторъ совершенно спо-

койно пишетъ: Пизистратъ, Изократъ, Критіасъ, Кинеасъ (при Павзаніи, Никіи), Партенонъ, Эрехтейонъ (при Клисѳенъ); еще хуже „Элизіумъ", „Туріумъ", „Птоломей"; совсѣмъ нехорошо „*Діана* Ефесская" и „*Юпитеръ* Аммонъ".

Резюмируя все сказанное, мы видимъ, что большинство недостатковъ учебника г. Иловайскаго происходитъ отъ его отсталости и дѣлаетъ его мало пригоднымъ для „старшаго возраста". Но это не исключаетъ тѣхъ достоинствъ, какими онъ обладалъ и въ своихъ первыхъ изданіяхъ. Благодаря ясности и даже красотѣ слога, картинности изложенія фактовъ, присутствія извѣстной доли критическаго отношенія къ анекдотамъ, онъ можетъ возбудить въ учащихся интересъ и серьезное отношеніе къ дѣлу. Поэтому весьма желательно, чтобы авторъ постарался поднять его до уровня современнаго состоянія науки. Тогда эта книга, по которой училось цѣлое поколѣніе русскаго общества, снова займетъ соотвѣтствующее ей почетное мѣсто въ дѣлѣ историческаго просвѣщенія.

Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ. Составилъ *Д. Иловайскій*. Изданіе 29-е. Москва 1899. Стр. 486. Цѣна 1 руб.

Историческіе учебники г. Иловайскаго, на которыхъ воспитались цѣлыя поколѣнія нашей учащейся молодежи, представляютъ ту особенность, что, вылившись однажды въ опредѣленную форму, они сохраняютъ ее неизмѣнною во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, которыя отличаются одно отъ другого исключительно опущеніемъ тѣхъ или другихъ подробностей, не измѣняя нисколько существенныхъ особенностей своего построенія и изложенія. Это замѣчаніе касается въ одинаковой степени всѣхъ учебниковъ г. Иловайскаго по всеобщей исторіи, которые, какъ извѣстно, изданы имъ въ трехъ видахъ: одни должны представлять собою „курсъ старшаго возраста", другіе— „средній курсъ", третьи—„курсъ младшаго возраста". Не касаясь въ настоящей замѣткѣ послѣднихъ, мы должны сказать о первыхъ двухъ, что они различаются между собою не столько по существу, сколько по внѣшности: тотъ учебникъ, которому присвоено названіе „средняго курса", содержитъ въ себѣ тотъ же историческій матеріалъ, какой изложенъ въ учебникѣ, предназначенномъ для старшаго возраста, съ тою разницею, что послѣдній изданъ въ трехъ отдѣльныхъ книжкахъ (древняя, средняя и новая исторія), а въ первомъ всѣ три части всеобщей исторіи соединены въ одинъ томъ. Правда, въ среднемъ курсѣ нѣкоторые факты опущены, другіе изложены съ меньшими

подробностями; но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, и онъ въ общемъ, по характеру изложенія и по построенію, представляетъ большое сходство съ учебникомъ, предназначеннымъ для старшаго возраста, при чемъ это сходство во многихъ мѣстахъ доходитъ почти до полнаго тожества текста. При такихъ условіяхъ мы вправѣ признать тотъ и другой учебникъ г. Иловайскаго за двѣ разновидности одного и того же руководства, изъ которыхъ одна представляетъ болѣе подробное, а другая менѣе подробное изложеніе одного и того же историческаго матеріала; что же касается названія второй изъ этихъ разновидностей—„средній курсъ", то оно присвоено ей, вѣроятно, потому, что по своему содержанію эта книга составляетъ нѣчто среднее между „сокращеннымъ руководствомъ" того же автора, предназначеннымъ для младшаго возраста, и его учебникомъ для старшаго возраста. Какое же, спрашивается, практическое примѣненіе можетъ имѣть этотъ учебникъ „средняго курса"? Для какихъ школъ онъ можетъ быть пригоденъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, тѣмъ болѣе, что самъ составитель его не даетъ относительно этого никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ пригодность его для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится систематическій курсъ всеобщей исторіи, болѣе, чѣмъ сомнительна. Этому препятствуетъ главнымъ образомъ неполнота заключающагося въ немъ историческаго матеріала, загроможденнаго при томъ мелкими подробностями нерѣдко анекдотическаго свойства, и, кромѣ того, не всегда надлежащая доброкачественность его въ научномъ отношеніи. При отсутствіи наличности послѣдняго недостатка можно было бы признать пригодность этого учебника для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится не систематическій, а элементарный курсъ всеобщей исторіи (къ такимъ учебнымъ заведеніямъ относятся, напримѣръ, реальныя училища, въ которыхъ преподаваніе исторіи ведется по учебному плану, утвержденному г. министромъ народнаго просвѣщенія 26-го іюля 1895 г., и женскія гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ дѣйствуетъ учебный планъ 1874 года); но для этого необходимъ тщательный анализъ заключающагося въ немъ историческаго матеріала и очищеніе его отъ тѣхъ погрѣшностей въ отношеніи научности изложенія, какія въ немъ встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ.

Въ подтвержденіе указанныхъ выше недостатковъ учебника г. Иловайскаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. 1) Въ изложеніи развитія аѳинскаго государственнаго строя, его постепенной демократизаціи,

авторъ ограничивается только разсказомъ о дѣятельности Солона (стр. 54—55), не упоминая о томъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ послѣдующее время: имя Клисѳена совершенно отсутствуетъ на страницахъ книги г. Иловайскаго, а вся дѣятельность Перикла сведена исключительно къ украшенію города (стр. 64); да и изложеніе дѣятельности Солона страдаетъ крупными недочетами: не выяснено надлежащимъ образомъ раздѣленіе гражданъ на классы, не упомянуто о народномъ судѣ, а объ ареопагѣ говорится только, какъ о верховномъ судилищѣ для важнѣйшихъ преступленій.

2) Помѣщая непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ Пелопонесской войны разсказъ о возвышеніи Ѳивъ (стр. 71) и не упоминая о той войнѣ Спарты съ Персіею, которая окончилась Анталкидовымъ миромъ, авторъ даетъ невѣрное освѣщеніе факту Ѳиванскаго движенія и не указываетъ той перемѣны, которая произошла въ положеніи малоазіатскихъ грековъ.

3) Объясняя реформу Сервія Туллія только тѣмъ, что „плебеи были недовольны своимъ положеніемъ и роптали“ (стр. 91), и не указывая военнаго значенія этой реформы, авторъ даетъ ей неправильное освѣщеніе, допуская неточности и въ самомъ изложеніи реформы (напримѣръ, онъ упоминаетъ о „шестомъ классѣ“ гражданъ).

4) Говоря объ учрежденіи трибуната въ Римѣ (стр. 94), авторъ упоминаетъ только о позднѣйшемъ правѣ трибуновъ присутствовать въ сенатѣ, не говоря ничего о ихъ первоначальной роли (jus auxilii), а также о ихъ правѣ созывать плебейскія собранія по трибамъ (comitia tributa). Въ связи съ этимъ существеннымъ недочетомъ находится и слѣдующій курьезъ на стр. 97: „Лициній и Секстій предложили *сенату* законы“...

5) Въ изложеніи дѣятельности Гая Юлія Цезаря авторъ не упоминаетъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ его, съ помощью которыхъ онъ началъ превращеніе республиканскаго режима въ монархическій, ограничиваясь по этому вопросу только краткимъ заявленіемъ, что „Цезарю хотѣлось уничтожить самое имя республики и надѣть на себя царскую корону“ (стр. 122). Также удовлетворительно изложено и то мѣсто учебника, въ которомъ авторъ говоритъ о характерѣ власти Октавіана: онъ „управлялъ государствомъ неограниченно; но онъ не отмѣнилъ ни сената, ни консуловъ и другихъ сановниковъ; жилъ безъ особой пышности и не принималъ царскаго титула, а присвоилъ себѣ преимущественно званіе императора“ (стр. 125).

6) Въ разсказѣ о Діоклетіанѣ не выяснены взаимныя отношенія Августовъ и Цезарей (этихъ именъ въ учебникѣ нѣтъ), а отреченіе Діоклетіана объясняется тѣмъ, что онъ былъ „утомленъ властью“ (стр. 138). Тутъ же невѣрно названъ тотъ городъ въ Малой Азіи, который этотъ императоръ избралъ своею резиденціею („Никодимія“).

7) Въ описаніи быта древнихъ германцевъ находимъ странное объясненіе происхожденія у нихъ королевской власти: „Предводители или герцоги во время частыхъ войнъ обогащались добычею, окружали себя дружиною изъ храбрѣйшихъ людей, а съ помощью этой дружины пріобрѣтали власть въ отечествѣ и завоевывали чужія земли. Такимъ образомъ произошли германскіе короли или конунги“ (стр. 147).

8) Изложеніе вопроса о происхожденіи феодализма, почти тожественное какъ въ учебникахъ для старшаго возраста, такъ и въ среднемъ курсѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе неудачныхъ. Не говоря уже о томъ, что, помѣстивъ изложеніе этого вопроса въ главѣ, предшествующей разсказу о „временахъ Каролинговъ“, авторъ допустилъ крупное нарушеніе исторической послѣдовательности; заговоривъ о происхожденіи феодализма слишкомъ рано, онъ не выясняетъ сущности феодальнаго порядка, смѣшиваетъ понятія феода и лена, связывая эти слова союзомъ „или“, не упоминаетъ объ иммунитетахъ и даетъ совершенно невѣрное объясненіе перехода свободныхъ собственниковъ, которыхъ онъ называетъ „баронами“, въ положеніе вассаловъ (стр. 162—163).

9) Въ 3-мъ отдѣлѣ учебника, посвященномъ новой исторіи, авторъ ничего не говоритъ о гуманизмѣ, какъ о томъ великомъ культурномъ движеніи, которымъ характеризуется наступленіе новаго времени въ жизни европейскихъ народовъ, если не считать небольшого параграфа, въ которомъ идетъ рѣчь о „возрожденіи наукъ и искусствъ“ (стр. 314—315), да сдѣланнаго по другому, впрочемъ, поводу замѣчанія, что „люди, изучавшіе классическую литературу (т. е. греческую и римскую), получили названіе гуманистовъ“ (стр. 318). Но возрожденіе классической древности было только частичнымъ проявленіемъ гуманизма, сущность котораго заключалась въ секуляризаціи человѣческой мысли и дѣятельности, и для котораго это возрожденіе послужило только орудіемъ.

10) Отдѣлъ о реформаціи, представляющій почти дословное повтореніе того, что говорится объ этомъ въ учебникѣ старшаго возраста, также принадлежитъ къ числу крайне неудовлетворительныхъ по изложенію отдѣловъ учебника. Во 1-хъ, сообщая факты изъ жизни

Лютера (стр. 320 и сл.), авторъ не только не выясняетъ процесса религіознаго развитія Лютера и ни слова не говоритъ о томъ внутреннемъ переломѣ, который произошелъ съ Лютеромъ во время пребыванія его въ монастырѣ, но даже не упоминаетъ о томъ догматѣ относительно оправданія посредствомъ вѣры, который составляетъ сущность протестантизма. Во 2-хъ, совершенно отсутствуетъ разсказъ о Цвингли и его реформѣ, которой въ учебникѣ старшаго возраста все-таки отведено 10 строкъ; а то, что говорится о Кальвинѣ (стр. 328), слишкомъ кратко и поверхностно для того, чтобы считаться достаточнымъ даже для школьнаго курса исторіи.

11) Эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма также не посчастливилось въ изложеніи г. Иловайскаго: онъ упоминаетъ о ней какъ-то мимоходомъ въ главѣ, посвященной исторіи Германіи въ XVIII вѣкѣ, и, не выясняя существенныхъ особенностей этой эпохи, ограничивается упоминаніемъ о томъ (и то въ примѣчаніи на стр. 421), что „Фридрихъ II и Іосифъ II (а также и наша Екатерина II) по характеру своего управленія являются представителями такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма (самодержавія)“.

Мы не будемъ говорить о крайне поверхностномъ изложеніи событій французской революціи конца прошлаго столѣтія, такъ какъ самъ авторъ, назвавъ соотвѣтственный отдѣлъ своего учебника „обзоромъ событій“ (гл. XXXIV—стр. 436), отнялъ у рецензента право предъявленія къ этому отдѣлу его книги серьезныхъ требованій. Въ книгѣ г. Иловайскаго вообще встрѣчается множество мелкихъ неточностей, устраненіе которыхъ необходимо въ интересахъ приданія книгѣ большей научности. Такъ, на стр. 47 онъ говоритъ, что „побѣдители (на олимпійскихъ играхъ) награждались лавровымъ вѣнкомъ“; на стр. 148 о происхожденіи гунновъ сказано, что они относятся „вѣроятнѣе всего къ славянскому“ племени, а дальше (на стр. 151) названы „славяно-гуннами“, а на стр. 153 отожествлены съ дунайскими болгарами; на стр. 177 въ числѣ государствъ, на которыя распался арабскій халифатъ, названъ особый халифатъ Газневидскій; на стр. 199 содержаніе Вормскаго конкордата изложено слѣдующимъ образомъ: „по этому конкордату императоръ отказался отъ симоніи и инвеституры, но отчасти удержалъ за собою право давать духовнымъ земли на ленныхъ условіяхъ (т. е. считать ихъ своими вассалами)“; на стр. 273 турецкій султанъ, завоевавшій Константинополь, названъ Магометомъ I; на стр. 326 неточно изложены условія Аугсбургскаго мира; на стр. 343 названіе гугенотовъ произво-

дится отъ имени „баснословнаго короля Гугона, который любилъ странствовать по ночамъ"; на стр. 346 возстаніе Парижа противъ короля Генриха III стоитъ внѣ всякой связи съ тѣмъ, что говорится объ этомъ королѣ раньше, и является чѣмъ-то неожиданнымъ; на стр. 356—одною изъ причинъ вражды англійской королевы Елисаветы къ Маріи Стюартъ указано то, что „Елисавета, имѣвшая притязаніе на красивую наружность, ненавидѣла Марію, какъ свою счастливую соперницу въ этомъ отношеніи"; на стр. 468 битва при Седанѣ (въ 1870 г.) отнесена къ 6-му августа.

На ряду съ разнаго рода недочетами въ научномъ отношеніи въ учебникѣ г. Иловайскаго помѣщено множество мелочныхъ подробностей, достоинство которыхъ какъ со стороны ихъ научнаго значенія, такъ и съ точки зрѣнія чисто педагогической, болѣе, чѣмъ сомнительно: допустимыя (и то съ выборомъ) въ книгѣ, предназначаемой для дѣтей младшаго возраста, которая, въ силу особыхъ психологическихъ соображеній, должна отличаться возможно большею конкретностью изложенія, онѣ не нужны въ книгѣ, которая предназначается для старшаго возраста, отнимая у нея необходимую серьезность тона и сообщая изложенію нежелательную легковѣсность и анекдотичность. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей прямо даже неумѣстны въ книгѣ, которая дается въ руки дѣтямъ, вызывая въ нихъ естественное желаніе добраться до смысла того, что по необходимости недосказано авторомъ (напримѣръ, разсказъ объ оскорбленіи, нанесенномъ Лукреціи сыномъ Тарквинія Гордаго—стр. 92), или наводя ихъ на нежелательныя въ ихъ возрастѣ мысли (напримѣръ, разсказъ о происхожденіи Кира — стр. 27, о происхожденіи Ромула—стр. 89, о похищеніи сабинянокъ—стр. 90, о смерти Виргиніи—стр. 95, объ отношеніяхъ Антонія и Клеопатры — стр. 124, или описаніе Магометова рая—стр. 173, объ отношеніяхъ Людовика XIV къ придворнымъ дамамъ—„королевскимъ любимицамъ" — стр. 387); а другія, не имѣя отношенія къ тѣмъ событіямъ, къ которымъ онѣ пріурочены, носятъ характеръ случайныхъ придатковъ къ тексту книги, или, сообщая факты, интересные сами по себѣ, не имѣютъ существеннаго значенія и являются излишнимъ балластомъ, освобожденіе отъ котораго послужило бы только къ выгодѣ книги (напримѣръ, разсказъ о Камбизѣ—стр. 29, о Ликургѣ—стр. 49, о Поликратѣ — стр. 56, объ основаніи Рима—стр. 89, о Корнеліи, матери Гракховъ—стр. 109, о Помпеѣ—стр. 115, о Цезарѣ—стр. 121, о смерти Аттилы—стр. 152, о Кунимундѣ — стр. 156, о суассонской кружкѣ — стр. 159, о внѣшности

Карла Великаго — стр. 182, о женщинахъ города Вейнсберга—стр. 200, о свиданіи Фридриха Барбаруссы съ Генрихомъ Львомъ — стр. 201, о смерти Фридриха Барбаруссы — стр. 202, о Бернардѣ Клервальскомъ—стр. 212, о поведеніи Ричарда Львиное Сердце въ Палестинѣ—стр. 215, о Бертранѣ дю-Гекленѣ—стр. 231, о Маргаритѣ Анжуйской—стр. 236, о Максимиліанѣ I—стр. 250, о Тамерланѣ—стр. 271, объ отреченіи Карла V—стр. 327 и т. д).

Это обиліе мелочныхъ подробностей, заслоняющихъ собою обязательный для усвоенія историческій матеріалъ, изложенный въ учебникахъ г. Иловайскаго, безразлично какъ въ тѣхъ, которые предназначены для старшаго возраста, такъ и въ учебникахъ для младшаго возраста, даетъ основаніе полагать, что г. Иловайскій, задавшись цѣлью обогатить нашу педагогическую литературу, крайне скудную по части учебниковъ исторіи въ то время (болѣе 35-ти лѣтъ тому назадъ), когда появилось впервые его руководство, не потрудился даже сдѣлать качественный анализъ учебно-историческаго матеріала, ограничивъ свою работу по составленію учебниковъ исключительно количественнымъ опредѣленіемъ этого матеріала, благодаря чему и получились три вида учебниковъ, различающихся между собою только количествомъ сообщаемыхъ фактовъ и большею или меньшею подробностью ихъ изложенія, но безусловно сходныхъ между собою относительно расположенія въ нихъ историческаго матеріала и изложенія. Такой пріемъ г. Иловайскаго уже давно обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ справедливое осужденіе въ критическихъ обзорахъ его учебниковъ (см., напримѣръ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 г.); но г. Иловайскій, вѣря въ свою счастливую звѣзду, въ виду отсутствія въ то время серьезной конкуренціи на этомъ поприщѣ, оставался глухъ къ голосу критики и продолжалъ невозбранно выпускать все новыя и новыя изданія своихъ учебниковъ, не дѣлая въ нихъ никакихъ улучшеній или измѣненій въ смыслѣ приданія имъ бóльшаго соотвѣтствія съ научными и педагогическими требованіями. Единственное измѣненіе, сдѣланное имъ въ послѣднихъ изданіяхъ, состоитъ въ томъ, что курсивомъ отмѣчены, по выраженію г. Иловайскаго, „наиболѣе существенныя мѣста, долженствующія быть закрѣпленными въ памяти учащихся", да еще въ концѣ текста напечатаны „образцы вопросовъ", которые авторъ предлагаетъ на усмотрѣніе учащихъ при повтореніи предмета. Не говоря уже о томъ, что большая часть этихъ вопросовъ не представляетъ никакой цѣнности въ дидактическомъ отношеніи, требуя простого пересказа

того, что ученикамъ извѣстно изъ текста учебника, а нѣкоторые прямо поражаютъ странностью и неясностью своей редакціи (напримѣръ, вопросъ 18 въ учебникѣ средняго курса: „раздѣленіе церквей, борьба духовной и свѣтской власти, въ связи съ развитіемъ феодализма“ — стр. 481),—мы должны замѣтить относительно курсивнаго шрифта въ книгѣ г. Иловайскаго, что иногда имъ отмѣчены такія мѣста, которыя вовсе не имѣютъ того значенія, какое придаетъ имъ авторъ [напримѣръ, на стр. 148: „Ихъ (гунновъ) безобразіе, происходившее отъ обычая уродовать головы и лица дѣтей, поразило ужасомъ европейскіе народы“; на стр. 309: „изъ французскихъ рыцарей наибольшую славу въ Италіи пріобрѣлъ Баярдъ“; на стр. 330: „грубость нравовъ и господство суевѣрій особенно выразились многочисленными процессами о вѣдьмахъ“; на стр. 393: „вообще время регентства (во Франціи) считается эпохою чрезвычайнаго упадка семейныхъ нравовъ“; на стр. 411: „подобное государственное устройство (Соединенныхъ Штатовъ въ Сѣверной Америкѣ) могло утвердиться только благодаря отсутствію могущественныхъ сосѣдей на Американскомъ материкѣ“; на стр. 472: „Новые греки, впрочемъ, происходятъ не столько отъ древнихъ грековъ, сколько отъ славянъ, наводнившихъ Балканскій полуостровъ во время великаго переселенія народовъ“, и мн. др.].

Что касается содержанія средняго курса всеобщей исторіи, то, какъ было замѣчено выше, оно одинаково съ тѣмъ, какое находится въ учебникахъ г. Иловайскаго, предназначенныхъ для старшаго возраста, за исключеніемъ того, что въ среднемъ курсѣ опущена заключительная глава учебника древней исторіи („Черты римскаго государственнаго быта и римской образованности“) и первый параграфъ учебника средней исторіи („Кельты“), въ замѣнъ котораго въ немъ сдѣлано небольшое примѣчаніе на стр. 119; но за то въ среднемъ курсѣ находимъ параграфы о китайцахъ (стр. 19—20) и объ отцахъ церкви (стр. 142—144), которыхъ нѣтъ въ учебникѣ старшаго возраста. Но, конечно, наличность этихъ параграфовъ не въ состояніи восполнить тѣ недостатки книги, которые являются результатомъ недостаточно серьезнаго отношенія автора къ выбору учебно-историческаго матеріала съ одной стороны и излишняго усердія его къ украшенію текста книги мелочными, не идущими къ дѣлу, подробностями съ другой стороны.

М. Андреяновъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я уже упоминалъ о безчисленномъ множествѣ конгрессовъ, состоявшихся въ Парижѣ во время каникулъ; признаюсь, я не присутствовалъ на нихъ; но теперь начинаютъ появляться ихъ отчеты, которые вскорѣ составятъ значительное число томовъ. Наибольшій интересъ для вашихъ читателей представляетъ конгрессъ по высшему образованію. Особенно живо обсуждался на немъ вопросъ объ общедоступномъ университетѣ (university extension). Ораторы различныхъ странъ излагали попытки, предпринятыя профессорами гимназій и университетовъ, съ цѣлью дать возможность низшимъ классамъ воспользоваться благодѣяніями умственной культуры. Былъ поставленъ вопросъ, въ какихъ словахъ выразить самую идею этой общедоступности. Нѣкоторыми была предложена слѣдующая редакція:

Общедоступный университетъ есть попытка распространить научный духъ во всѣхъ классахъ общества.

Другая предложенная редакція такова:

Распространеніе университетскаго образованія имѣетъ цѣлью развитіе во всѣхъ людяхъ высшей человѣческой культуры.

Конгрессъ принялъ слѣдующее опредѣленіе:

Отличительной чертой общедоступнаго университета, въ тѣсномъ значеніи этого слова, является стремленіе заставить всѣ слои общества проникнуться сущностью научнаго духа.

Это, конечно, прекрасное опредѣленіе; но увы! научный духъ еще очень далекъ отъ того, чтобы проникнуть во всѣ классы общества;

намъ пришлось недавно убѣдиться въ этомъ, въ народномъ университетѣ квартала С. Антонія. Католическій аббатъ взошелъ на каѳедру, чтобы прочесть лекцію изъ исторіи религіи; онъ былъ встрѣченъ свистками и ругательствами со стороны мастеровыхъ. Власть тьмы! какъ говоритъ Толстой. Конгрессъ пришелъ къ рѣшенію, что для того, чтобы заставить слушателей цѣнить науки, надо будетъ взимать съ нихъ небольшую плату. Когда они заплатятъ за курсъ, хотя бы нѣсколько сантимовъ, они можетъ быть захотятъ дослушать его до конца.

Покончивъ съ тѣми, кто не имѣетъ средствъ учиться, конгрессъ занялся тѣми, кто дѣйствительно занимается наукой, студентами. Говорили о томъ, что сдѣлано для нихъ въ различныхъ странахъ Европы и Новаго свѣта. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Швеціи, Голландіи для нихъ выстроены настоящіе дворцы, дома съ садами, площадями для игръ и т. д. Не такъ обстоитъ дѣло во Франціи. Правда, студенты образовали клубы, пользующіеся поддержкой академическихъ авторитетовъ; но въ общемъ они пользуются незначительнымъ комфортомъ и обладаютъ малыми средствами. Какъ разъ въ настоящее время нѣсколько профессоровъ заняты тѣмъ, чтобы устроить кооперативный ресторанъ; студенты, взявшіе акціи (по 25 франковъ), найдутъ въ этомъ ресторанѣ, которымъ они будутъ сами завѣдывать, лучшую пищу, чѣмъ та, которую они имѣютъ за table d'hôte латинскаго квартала.

За послѣдніе годы былъ поднятъ вопросъ о трудностяхъ французской орѳографіи и о возможныхъ въ ней упрощеніяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французской академіи была представлена петиція съ просьбой взять на себя иниціативу нѣкоторыхъ реформъ. Академія согласилась на нѣкоторыя наименѣе важныя. Былъ основанъ журналъ, взявшій на себя защиту упрощенія, подъ заглавіемъ „le Réformiste", подъ редакціей г. Жана Бареса; онъ появляется разъ въ годъ и стоитъ 2 франка во Франціи и 4 франка заграницей. Предлагаемыя имъ реформы носятъ весьма радикальный характеръ и не имѣютъ шансовъ быть принятыми въ настоящее время.

Недавно министръ народнаго просвѣщенія собралъ коммиссію изъ филологовъ и педагоговъ для рѣшенія вопроса не о томъ, какія реформы могутъ быть сдѣланы во французской орѳографіи (это дѣло академіи), а о томъ, какого рода терпимость можетъ быть введена въ примѣненіи этой орѳографіи. Часто случается, особенно на начальныхъ экзаменахъ, что юноши не могутъ справиться съ этими трудностями,

которыя въ большинствѣ случаевъ суть изобрѣтенія старинныхъ грамматиковъ и не имѣютъ въ дѣйствительности большой важности. Циркуляромъ отъ 31-го іюля, напечатаннымъ въ правительственномъ органѣ 1-го августа, министръ установилъ списокъ этихъ допущеній; я приведу только два или три примѣра: нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ hymne, oeuvre, gens имѣютъ два рода, смотря по принимаемому ими значенію; ученики часто ошибались въ употребленіи этихъ двухъ родовъ. Министръ рѣшилъ, что они могутъ ихъ употреблять безразлично въ женскомъ или мужскомъ родѣ. Онъ позволилъ уничтожить тире въ такихъ словахъ, какъ chef-d'oeuvre; вообще употребленіе тире въ составныхъ словахъ предоставляется на произволъ, даже въ числахъ (dix-sept). Онъ также позволяетъ пользоваться по произволу единственнымъ или множественнымъ числомъ въ такихъ фразахъ: Ni la douceur ni la force n'y peuvent rien, или n'y peut rien. Participe passé съ вспомогательнымъ глаголомъ avoir можетъ не измѣняться во всѣхъ случаяхъ, тогда какъ до настоящаго времени онъ согласовался съ прямымъ дополненіемъ; такъ теперь можно будетъ писать: les livres que j'ai lu, или que j'ai lus. Эта терпимость чрезвычайно шокируетъ пуристовъ; но она окажетъ большія услуги иностранцамъ, которымъ такъ трудно усвоить нѣкоторыя правила нашей грамматики, трудно объяснимыя, когда французскій языкъ изучается ранѣе знакомства съ латынью.

Я не останавливаюсь на всѣхъ подробностяхъ министерскаго циркуляра. Лица, обучающія французскому языку въ Россіи, хорошо сдѣлаютъ, если ознакомятся съ нимъ. Онъ заканчивается весьма важной съ педагогической точки зрѣнія рекомендаціей. „Желательно, чтобы на экзаменахъ не считались за серьезныя такія ошибки, которыя ничего не говорятъ противъ развитія и дѣйствительнаго знанія кандидатовъ, а указываютъ только на незнаніе ими нѣкоторыхъ грамматическихъ тонкостей и мелочей".

Циркуляръ вызвалъ нѣкоторое волненіе въ мірѣ консерваторовъ. Конечно, проповѣдуемая имъ терпимость нанесетъ роковой ударъ традиціонной ороографіи, и не только ороографіи, но и стихосложенію. При новой системѣ классическая французская версификація оказывается почти совсѣмъ разрушенной. Французская академія, стражъ традицій, взволновалась при мысли объ этихъ опасностяхъ; она собралась въ спеціальныя собранія и приготовила трудъ, въ которомъ обсуждаются рѣшенія циркуляра. Въ настоящую минуту этотъ трудъ еще не опубликованъ.

Каникулярные (іюль—августъ) курсы, устраиваемые Обществомъ

1*

распространенія французскаго языка (Association pour la propagation de lal angue française) или Французскимъ союзомъ (Alliance française), привлекли въ этомъ году, какъ и слѣдовало ожидать, меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Отчасти потому, что ученики были отвлечены отъ курсовъ всемірной выставкой, отчасти потому, что благодаря выставкѣ жизнь въ Парижѣ очень вздорожала, и боязнь, чтобы расходы не превысили ихъ средствъ, удержала нѣкоторыхъ кандидатовъ. Общая цифра учениковъ равнялась 297, изъ которыхъ 99 было нѣмцевъ и только 41 русскихъ. Во всякомъ случаѣ пальма первенства досталась русскимъ; изъ четырехъ медалей, присужденныхъ совѣтомъ, три были присуждены русскимъ, а одна американкѣ.

Если число учениковъ курсовъ въ Парижѣ было въ этомъ году, благодаря выставкѣ, меньше обыкновеннаго, зато въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ Общество тоже организовало курсы, число учениковъ возрасло въ этомъ году. На курсахъ въ Канѣ было 74 ученика, почти все англичане и скандинавцы. Теперь курсы будутъ тамъ читаться каждый годъ съ октября по августъ.

Въ Нанси на курсахъ было 110 учениковъ; эти курсы длятся весь годъ; на нихъ преобладаютъ, конечно, нѣмцы; изъ 110 кандидатовъ почти половина получила дипломы. Наконецъ Гренобльскій университетъ тоже устроилъ курсы для иностранцевъ, продолжающіеся цѣлый годъ: на годовыхъ курсахъ было 60 учениковъ, на каникулярныхъ 200. Такимъ образомъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, это прекрасное нововведеніе вполнѣ удалось. Теперь иностранцы, желающіе изучить нашъ языкъ и нашу литературу, имѣютъ, за сравнительно небольшую плату, прекрасные курсы, читаемые первоклассными профессорами. Свѣдѣнія объ этихъ курсахъ можно получить, обратившись къ президенту или къ главному секретарю Французскаго союза, 45, rue de Grenelle. Paris.

„Французскій союзъ" получилъ на выставкѣ grand prix, что имъ было вполнѣ заслужено. Онъ организовалъ, въ нѣдрахъ самой выставки періодическія собранія, на которыхъ присутствовали многочисленные друзья Франціи, и которыя оставили во всѣхъ присутствующихъ наилучшія воспоминанія. Онъ заботится объ устройствѣ французскихъ курсовъ для многочисленныхъ инородцевъ нашихъ колоній.

Обширная всеобщая исторія, печатаемая гг. Лависъ и Рамбо, приближается къ концу. Двѣнадцатый и послѣдній томъ находится въ

настоящее время въ печати. Онъ заключаетъ въ себѣ современную исторію отъ 1830 до 1900.

Г. Лависъ, проявляющій въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ неутомимую дѣятельность, печатаетъ въ типографіи Гашетъ Исторію Франціи, которая тоже составлена при сотрудничествѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Двѣ послѣднихъ обширныхъ Исторіи Франціи: Мишле и Анри Мартена были закончены четверть вѣка тому назадъ. Съ тѣхъ поръ было сдѣлано много открытій въ области исторіи. Г. Лависъ задался цѣлью резюмировать ихъ. Его исторія составитъ 8 томовъ in 8° по 800 приблизительно страницъ (12 фр. за томъ). Первые выпуски перваго тома уже появились. Въ него войдутъ географическое введеніе, написанное г. Видалемъ Лаблашъ, профессоромъ географіи въ Парижскомъ университетѣ; историческое введеніе, написанное г. Лависомъ, нѣсколько главъ о независимой Галліи и римской Галліи, г. Блоха, профессора Ecole Normale. Я еще буду имѣть случай вернуться къ этому труду, который расчитанъ на нѣсколько лѣтъ.

Появился 28-й выпускъ Словаря греческихъ и римскихъ древностей (Dictionnaire des antiquités grecques et romaines), издаваемаго фирмой Гашетъ. Онъ начинается съ Lab и кончается Leg; въ него вошли статьи: Labyrinthe (E. Pottier), Lacedaemoniorum respublica (Fustel de Coulange, посмертный трудъ знаменитаго историка просмотрѣнный и дополненный), Lamia (E. Hild), Lampas (Toutoin), Lanx (Pottier), Lares (Hild), Lateres (Babelon), Latrocinium (Humbert), Lector, Recitator (Gaston Boissier), Legatum (Cuq). Г. Сальо, издатель этого прекраснаго изданія, сказалъ мнѣ на дняхъ: „мнѣ 72 года, и я не разсчитываю прожить столько, чтобы довести до конца это изданіе. Не смотря на всѣ мои усилія, я не могу дать больше двухъ выпусковъ въ годъ". Г. Сальо взялъ себѣ въ соиздатели г. Эдуарда Потье, консерватора въ Луврскомъ музеѣ, члена Académie des Inscriptions, одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ археологовъ. Будущее этого предпріятія обезпечено.

Dictionnaire générale de la langue française de m. m. Hatzfeld, Darmstetter et Antoine Thomas, представляющій менѣе затрудненій, чѣмъ словарь классическихъ древностей, только что законченъ. Онъ состоитъ изъ двухъ томовъ in 8°, въ тысяча, приблизительно. страницъ каждый. Я вамъ уже сообщалъ, когда появился первый томъ, чѣмъ этотъ важный трудъ отличается отъ словаря Литтре. Оба первые редактора этого словаря, Гатсфельдъ и Арсеній Дарместетеръ, умерли раньше окончанія изданія; пережилъ его одинъ только г. Антуанъ Тома. По-

слѣдній выпускъ онъ снабдилъ ученымъ трактатомъ объ образованіи французскаго языка; этотъ трактатъ написанъ частью имъ, частью г. А. Дармстетеромъ. Это вполнѣ законченный трудъ и было бы желательно, чтобы онъ былъ напечатанъ отдѣльно отъ словаря. Появленіе этого важнаго труда было встрѣчено живымъ одобреніемъ. Онъ займетъ мѣсто во всѣхъ большихъ библіотекахъ рядомъ со словаремъ Литтре. Жюри всемірной выставки присудило ему grand prix, а Académie des inscriptions et belles lettres присудила ему премію Жана Рейнака въ 10.000 франковъ; единственный оставшійся въ живыхъ редакторъ его, г. А. Тома, былъ назначенъ почетнымъ профессоромъ французской литературы среднихъ вѣковъ на мѣсто скончавшагося Г. де-Жюльвиля, о которомъ вспоминаютъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Большая энциклопедія дала свой XXVII томъ. Въ немъ находится конецъ буквы P, буква Q и начало буквы R. А именно въ него вошли статьи: Pologne (Louis Leger), Pyrenées (Onézyme Reclus), Régions polaires (Levasseur), Provençal (Jeanroy et Marieton). Въ научномъ отдѣлѣ заслуживаетъ вниманія статья poudre знаменитаго химика Бертело.

Я упоминалъ уже съ похвалой, которую оно заслуживаетъ, о прекрасномъ изданіи Мольера (въ одиннадцати томахъ), выпущенномъ гг. Депуа и Поль Менаромъ въ Собраніи великихъ французскихъ писателей (фирма Гашетъ). Это изданіе только что пополнено двумя толстыми томами Lexique de la langue de Molière. Этотъ лексиконъ, въ 1.000 приблизительно страницъ in 8°, снабженъ грамматическимъ введеніемъ въ 200 страницъ приблизительно. Желательно, чтобы онъ былъ отдѣльно пущенъ въ продажу, такъ какъ онъ представляетъ необходимое дополненіе ко всѣмъ изданіямъ Мольера. Это очень цѣнный вкладъ въ изученіе французскаго языка XVII вѣка. Эти цѣнные труды дѣлаютъ честь фирмѣ, предпринявшей ихъ изданіе и продолжающей это дѣло съ похвальной настойчивостью. Монументальное изданіе Мольера, начатое въ 1873 году, длилось 27 лѣтъ и было редактировано послѣдовательно четырьмя учеными: Е. Депуа, П. Менаръ, А. и П. Дефейль (фирма Гашетъ).

Г. Морисъ Альберъ, интересную книгу котораго о греческихъ докторахъ въ Римѣ, я уже указывалъ, занимается также и литературой. Онъ только что напечаталъ любопытную книгу объ одномъ интересномъ вопросѣ французской литературы, Les théatres de la foire (in 12° фирма Гашетъ). Такъ назывались въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Парижѣ представленія маріонетокъ, акробатовъ, дрессированныхъ

животныхъ, водевили, комическія оперы, даваемыя въ Парижѣ на С.-Жерменской и С.-Лоранской ярмаркахъ. Эти театры, устраиваемые на время ярмарокъ, пережили ихъ и превратились въ настоящія драматическія сцены. Но имъ пришлось выдержать борьбу съ французской комедіей, претендовавшей на монополію на разговорныя пьесы, и съ королевской и музыкальной академіей, которая считала за собой монополію на пьесы съ пѣніемъ. Чтобы обойти эти затрудненія, ярмарочные театры прибѣгали ко всякаго рода ухищреніямъ: они замѣняли актеровъ маріонетками, или когда среди пантомимы надо было пѣть куплеты, они выставляли для публики громадныя афиши, на которыхъ были написаны слова куплетовъ, и публика ихъ пѣла. Въ концѣ концовъ ярмарочные театры одержали верхъ надъ своими противниками; они дали начало театрамъ, процвѣтающимъ и по сіе время въ Парижѣ: l'Opéra comique, l'Ambigu, la Gaîté. Знаменитые писатели, какъ напримѣръ Лесажъ (авторъ Жиль-Блаза) и Пиронъ, не считали ниже своего достоинства писать для нихъ. Въ общемъ ихъ исторія является любопытной главой въ исторіи литературы; она написана г. Морисомъ Альберомъ съ большимъ знаніемъ и юморомъ.

Послѣдніе годы обращали на себя вниманіе въ газетѣ Temps статьи о людяхъ и событіяхъ революціи. Эти статьи были подписаны Г. Ленотръ. Г. Ленотръ чиновникъ, посвящающій свое свободное время историческимъ изслѣдованіямъ изъ временъ революціи. Онъ написалъ уже нѣсколько томовъ. Въ книгѣ подъ заглавіемъ: Paris révolutionnaire, vieilles maisons, vieux papiers онъ собралъ свои статьи, напечатанныя въ Temps (librairie académique). Любители и историки будутъ ему за это благодарны. Г. Ленотръ прекрасно изслѣдуетъ неизданные документы, умѣетъ рыться въ старыхъ домахъ, рельефно выставлять мелкія стороны исторіи. Къ тому же онъ очень талантливый разсказчикъ. Въ его книгѣ находятся этюды изъ жизни Камилла Демулена, Робеспьера. Андре Шенье, Наполеона, m-me Дюбари, Тальена, Латюда, Сенъ-Жюста, не говоря о другихъ неизвѣстныхъ личностяхъ, жизнь которыхъ представляетъ интересныя загадки, остроумно разрѣшаемыя г. Ленотръ. Это одна изъ интереснѣйшихъ книгъ, изъ появившихся за послѣднее время; нѣкоторыя страницы читаются какъ романъ.

Я уже имѣлъ случай говорить о неутомимой дѣятельности г. Брюнетьера, члена Французской академіи. профессора Ecole normale, редактора Revue des deux mondes, публициста, читающаго также публичныя лекціи. Подъ заглавіемъ Discours académiques онъ соединилъ въ одну

книгу около пятнадцати рѣчей, изъ нихъ не всѣ были произнесены во французской академіи, но почти всѣ были произнесены при академическихъ условіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, произнесенныя передъ молодой аудиторіей, имѣютъ чисто нравственное и педагогическое содержаніе; большая часть представляютъ критико-литературныя статьи. Г. Брюнетьеръ обладаетъ темпераментомъ оратора, и этотъ темпераментъ проявляется и въ его дидактическихъ произведеніяхъ. Изъ литературныхъ статей укажу на его рѣчь при вступленіи во Французскую академію (Eloge de John Lemoine), рѣчь на освященіе статуи Іоахима Дюбелэ, рѣчь въ честь Августина Тьерри, въ честь Шатобріана, похвальная рѣчь памяти Виктора Шербюлье. Изъ этой книги, безъ сомнѣнія, многое можно почерпнуть. Академическія рѣчи представляютъ нѣсколько вышедшій изъ моды жанръ, но если кто можетъ придать имъ нѣкоторую жизнь, то это, конечно, г. Брюнетьеръ съ его горячимъ темпераментомъ. Si qua Pergama dextra... (1 v. librairie académique Perrin).

Г. Рене Думикъ еще не членъ Французской академіи, но онъ имъ когда-нибудь навѣрное будетъ. Онъ подобно г. Брюнетьеру профессоръ и конференсье; онъ сдѣлался постояннымъ критикомъ въ Revue des deux mondes. Какъ и г. Брюнетьеръ, онъ придерживается славныхъ традицій нашей классической литературы. Онъ только что издалъ (librairie académique) четвертый томъ своихъ Etudes sur la littérature française. Въ немъ находятся критико-литературныя статьи о современныхъ романистахъ, этюды о Вольтерѣ, Наполеонѣ, Бальзакѣ, Мишеле, Сарсе, о символистахъ; а также этюды этическіе и педагогическіе. Два послѣднихъ этюда этого тома озаглавлены: l'éducation dans l'université (во французскомъ значеніи слова université—заведеніе, гдѣ обучаютъ) и le bilan d'une génération. Г. Думикъ не скрываетъ, что въ университетѣ (все въ томъ же французскомъ значеніи слова) трудно имѣть серьезное вліяніе на воспитаніе ребенка. Чтобы крѣпко дѣйствовать на волю ребенка и чтобы дисциплинировать его, требуется совокупность точно установленныхъ понятій; требуется теорія. Увы. чрезвычайная раздробленность французскаго общества не позволяетъ университету имѣть одну систему. Дѣти, посѣщающія лицей, принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ средамъ. Ихъ семьи не сходятся ни въ религіозныхъ, ни въ нравственныхъ, ни въ соціальныхъ, ни въ какихъ либо вопросахъ. То, что семьи всевозможныхъ происхожденій и всевозможныхъ мнѣній ищутъ образованія въ лицеѣ, служитъ къ чести этого послѣдняго; но это

же создаетъ ему обязательства быть нейтральнымъ. Рекомендую прочесть эту статью тѣмъ, кого интересуетъ нынѣшній кризисъ во французской педагогикѣ, а также статью le bilan d'une génération, написанную по поводу переизданія психологическихъ этюдовъ Поля Бурже. Г. Думикъ доказываетъ, что скептическому, дилеттантскому и космополитическому поколѣнію, главнымъ представителемъ котораго былъ Ренанъ, наслѣдуетъ болѣе энергичное и мужественное поколѣніе, но онъ спрашиваетъ себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: „Вопросъ въ томъ, способны ли мы еще на серьезное дѣло. Время шутниковъ прошло, и нужны всѣ люди съ твердой волей, чтобы поколебать всемірную апатію, чтобы пробудить желаніе сдѣлать усиліе, чтобы распространить духъ преданности и жертвы“.

Я нѣкогда сообщалъ вамъ о Société d'études italiennes, основанномъ восемь лѣтъ тому назадъ; оно очень процвѣтаетъ благодаря рвенію и таланту своего основателя, г. Дежоба, профессора Сорбонны. Это общество организуетъ бесѣды, издаетъ журналъ и всячески старается распространить во Франціи изученіе южныхъ языковъ, а именно итальянскаго. Это общество добилось уже нѣкоторыхъ результатовъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были введены курсы итальянскаго языка; были выдаваемы стипендіи на путешествія въ Италію. Наконецъ фирма Гарнье выпустила серію школьныхъ изданій итальянскихъ классиковъ подъ заглавіемъ: Коллекція Дежоба. Первые три появившіеся тома содержатъ: Данте, г. Буви, профессора бордосскаго университета, Боккачіо, Анри Гавета изъ гренобльскаго университета, Аріостъ, г. Бонафро изъ экскаго университета. Каждый томъ снабженъ біографическимъ введеніемъ и библіографіей. Текстъ снабженъ комментаріями, объясняющими наиболѣе трудныя мѣста. Эти небольшія книжки очень пригодны для университетскихъ уроковъ. Онѣ продаются въ переплетѣ по весьма доступной цѣнѣ.

Г. Вейль, знаменитый эллинистъ, занятъ на склонѣ лѣтъ собираніемъ своихъ статей, появлявшихся въ періодическихъ изданіяхъ. Онъ уже напечаталъ одинъ томъ этюдовъ объ античной драмѣ. Въ настоящее время онъ печатаетъ (фирма Гашетъ) книгу, содержащую этюды о греческихъ древностяхъ. Эти статьи появлялись въ спеціальныхъ журналахъ: Journal des savants, Revue des études grecques. Эллинистамъ пріятно будетъ имѣть ихъ въ одной книгѣ, удобнаго формата in 12°. Онѣ были написаны по поводу французскихъ и нѣмецкихъ изданій. Укажу особенно на статьи: о вѣрованіи грековъ въ безсмертіе души, объ аѳинскомъ воспитаніи въ V и IV вѣкѣ до

Р. Х., о Діонѣ Хризостомѣ, объ элегіяхъ Тиртея, о недавно открытыхъ сценахъ Менандра. Г. Вейль глубокій и добросовѣстный ученый, но не стремится быть блестящимъ писателемъ. У него всегда есть чему поучиться; въ его книгѣ видны слѣды прекраснаго образованія, получаемаго въ École Normale.

Г. Буше-Леклеркъ, въ настоящее время коллега г. Вейля по академіи надписей, занимающій въ Сорбоннѣ каѳедру классическихъ древностей, пользуется извѣстностью какъ латинистъ и какъ эллинистъ. Я уже указывалъ вамъ на его прекрасное руководство римскихъ учрежденій и замѣчательную исторію астрономіи. Въ настоящее время онъ выпустилъ книгу, такого же вида какъ книга г. Вейля, подъ заглавіемъ Leçons d'histoire grecque, въ которой собралъ нѣсколько своихъ вступительныхъ лекцій, читанныхъ въ Сорбоннѣ.. Въ этихъ лекціяхъ излагаются программы и общія идеи ученаго профессора на самыя разнообразныя темы: объ общихъ основахъ древнихъ религій, о религіи грековъ въ ея отношеніи къ государственнымъ учрежденіямъ, объ аграрныхъ законахъ въ древности, объ идеѣ правосудія въ аѳинской демократіи, о педагогическихъ учрежденіяхъ въ Греціи, объ исторіи Лагидовъ въ Египтѣ. Г. Буше-Леклеркъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ къ людямъ, наиболѣе размышлявшимъ о древнемъ мірѣ. Къ тому же онъ обладаетъ настоящимъ талантомъ писателя. Онъ охотно ищетъ въ древнемъ мірѣ поученія, примѣнимаго къ настоящему времени. Онъ старается возбудить въ читателѣ размышленіе. Короче сказать, онъ соединяетъ въ себѣ писателя, мыслителя и ученаго.

Я рѣдко сообщаю вамъ о книгахъ по философіи, въ которой считаю себя мало компетентнымъ. Однако считаю себя обязаннымъ указать на одну изъ нихъ, соприкасающуюся съ литературой. Le rire, essai sur la signification du comique par Henri Bergson, professeur au Collège de France (1 v. Bibliothèque de philosophie contemporaine, libr. Alcan). Авторъ пользуется репутаціей одного изъ лучшихъ современныхъ психологовъ. Въ этой небольшой книгѣ онъ постарался сгруппировать наибольшее число фактовъ и вывести изъ нихъ законы. Онъ послѣдовательно изучаетъ комическое вообще, комическое въ формѣ и комическое въ движеніи, комическое въ положеніи и комическое въ словахъ, комическое въ характерѣ. Онъ приводитъ много примѣровъ; большая часть изъ нихъ заимствована изъ современнаго театра, и на нихъ дѣлаются только краткія ссылки, которыя, пожалуй, не всегда будутъ понятны читателю—иностранцу. Вообще книга г. Берг-

сона нѣсколько кратка и суха. Авторъ дополнилъ ее библіографіей. Его книга не избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ прежнимъ трудамъ по этому вопросу, какъ-то Les causes du rire, Dumont (Paris 1862), Etudes sur le comique, Courdavaux (Paris 1875), не считая изслѣдованій англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ. Г. Бергсонъ замѣстилъ недавно г. Левека въ Collège de France, по каѳедрѣ исторіи древней философіи.

Л. Л—ръ.

ΝΕΑ ΤΕΜΑΧΗ ΤΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΑΝΑΓΝΩΣΤΟΥ ΤΟΥ ΕΝΤΟΛΕΩΣ.

Περὶ τοῦ γνωστοῦ συγγραφέως ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Θεοδώρου τοῦ Ἀναγνώστου σῴζονται ὀλίγισται εἰδήσεις. Ὁ Σουΐδας ἐν τῷ ἰδίῳ λεξικῷ σημειοῦται περὶ τοῦ Θεοδώρου ταῦτα· „Θεόδωρος ἀπὸ ἀναγνωστῶν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως ἔγραψεν ἱστορίαν ἐκκλησιαστικὴν ἀπὸ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου ἕως τῆς βασιλείας Ἰουστινιανοῦ". Οὕτως ὁ Θεόδωρος παρίσταται ὡς συγγραφεὺς ἱστορίας ἀπὸ τοῦ 4-ου μέχρι τῆς τρίτης δεκάδος τοῦ 6-ου αἰῶνος· ἀλλ' αἱ περὶ τούτου εἰδήσεις τοῦ Σουΐδα προέρχονται ἐκ γνώσεως ἀντιγράφου τινός, ἐν ᾧ περιείχοντο συνηνωμένα δύο διάφοροι συγγραφαὶ τοῦ Θεοδώρου, ὧν πρώτη εἶναι ἡ συναποτελεσθεῖσα εἰς τέσσαρα πιθανῶς βιβλία ἐξ ἀποσπασμάτων τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἱστοριῶν, οἷον Θεοδωρήτου, Σωκράτους καὶ Σωζομενοῦ. Τῆς τοιαύτης συγγραφῆς τὸ προοίμιον ἔχει οὕτως· „Ἔκ τινος ψήφου ἐπιξενοῦσθαί μοι λαχόντι κατὰ τὸ ἡμέτερον Παφλαγόνων ἔθνος, ἐν μητροπόλει τοὔνομα Γάγγρᾳ, ἐν αὐτῇ τε ἀπολαύσαντι τῆς σῆς ἱερᾶς ὁμοῦ καὶ τιμίας μου κεφαλῆς, ἠναγκαζόμην παρ' αὐτῆς ἐξ αὐτῆς τὰς ὑποθέσεις ληψόμενος συναγαγεῖν τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἱστοριῶν τοὺς ἐκθέντας καὶ μίαν τινὰ ἐξ αὐτῶν ἁρμόσασθαι σύνταξιν. ἐπειδὴ δὲ πατρικῇ κελεύσει ἀντιλέγειν οὐχ ὅσιον, εἰ καὶ φράσεως τῆς πρεπούσης ἐλειπόμην, ἀλλ' ἐπὶ τὸ τοιοῦτον ἔργον ἀμελητὶ ἦλθον ὑμετέραις εὐχαῖς τεθαῤῥηκώς. Εὐσεβίου τοῦ θαυμασιωτάτου τὴν ἐπίκλην Παμφίλου κεκμηκότος περὶ τὴν συλλογὴν τῶν ἀνέκαθεν τὰς τοιαύτας ἐκκλησιαστικὰς ὑποθέσεις λογίων ἀνδρῶν συγγεγραφότων, οὐ μόνον λέγω τῶν παρὰ χριστιανοῖς φιλοσοφησάντων ἀλλὰ καὶ παρ' Ἑβραίοις, καὶ τήνδε τὴν ἱστορικὴν σύνταξιν ποιησαμένου ἄχρι τοῦ εἰκοστοῦ ἔτους τῆς φιλοχρίστου καὶ ὡς ἀληθῶς ὑπὸ θεοῦ χειροτονηθείσης βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ πανευφήμου καὶ μακαριωτάτου· ὧδε καταλύσαντος, ἐπὶ τὸ τοιοῦτον τῆς ὑποθέσεως σχῆμα μετὰ πολλῆς τῆς ἀκριβείας, ὥς γε

τῶν ἐκτεθέντων ἡ γραφὴ μαρτυρήσει, τὴν σπουδὴν πεποιήκεσαν θεοφιλεῖς ὁμοῦ καὶ λογιώτατοι ἄνδρες, λέγω δὴ Θεοδώρητος ὁ τῆς ὁσίας μνήμης γενόμενος ἐπίσκοπος Κύρου, Σωζομενὸς καὶ Σωκράτης, τῶν ἐπιλοίπων χρόνων ποιούμενοί τε πραγματείαν, οὐκ ἄμφω τὸν τοιοῦτον ὅμιλον θέμενοι, ἀλλ' ἰδίᾳ ἕκαστος φιλοσοφήσας καὶ τοὺς λόγους ἀναγράψας. Ἐπεὶ οὖν τινὰ μὲν τῶν κατὰ καιροὺς πραχθέντων ὑπὸ τῆς ἀκολουθίας ὠθούμενοι ἑκάτεροι ἀπεδείχθησαν φράσαντες, τινὰ δὲ ἰδιαζόντως, εὔλογον φήθην τὰ κοινῶς αὐτοῖς συμφωνούμενα διὰ τοῦ σαφέστερον καὶ ἀφραδέστερον διηγουμένου τῇ παρούσῃ βίβλῳ κατατάξαι, ἐν τῇ παρόψει παρασημαινόμενος ὡς ἄμφω συμπεφωνήκασι· τὰ δὲ ἑκάστῳ πάλιν ἰδίως ἐκτεθέντα παραδηλώσω· ἄρξομαι δὲ τῆς ὑποθέσεως ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ μακαριωτάτου Σωζομενοῦ" [1]).

Τὴν τοιαύτην συγγραφὴν τοῦ Θεοδώρου ἀγνοοῦμεν, διότι οὐδὲν τῶν ἀντιγράφων αὐτῆς ἐξεδόθη μέχρι σήμερον· ἓν δὲ τούτων, ἀρχούντως, ὡς φαίνεται, παλαιόν, ὑπάρχει ἐν τῇ Μαρκιανῇ βιβλιοθήκῃ (ἀριθ. 344) [2])· ἓν ἕτερον ἀντίγραφον εὑρίσκεται ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πανεπιστημίου τῆς ἐν Σικελίᾳ πόλεως Μεσσήνης [3])· τρίτον ἀντίγραφον κεῖται ἐν τῷ 142-ῳ Βαροκκιχῷ χειρογράφῳ [4]). Ἐκ τῶν ἀντιγράφων τούτων μανθάνομεν, ὅτι ἡ ἐκ τεμαχίων συναπηρτισμένη συναγωγὴ τοῦ Θεοδώρου, διῃρημένη οὖσα εἰς δύο βιβλία, ἄρχεται ἀπὸ τοῦ 20-οῦ ἔτους τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου καὶ λήγει εἰς τὸν χρόνον τῆς ὑπατείας Ταύρου καὶ Φλωρεντίου, τουτέστιν εἰς τὸ 361-ον ἔτος [5]).

Δευτέρα δὲ καὶ κυρία τοῦ Θεοδώρου συγγραφὴ εἶναι ἡ γνωστὴ τοῖς παλαιοῖς ἐκκλησιαστικὴ αὐτοῦ ἱστορία, ἧς γινώσκονται μόνον ἀποσπάσματα, οἷον τὰ λεγόμενα „ἀπὸ φωνῆς Νικηφόρου Καλλίστου τοῦ Ξανθοπούλου", ἅτινα εἶναι διῃρημένα εἰς δύο βιβλία [6]). ἀλλὰ τὰ ἀποσπάσματα ταῦτα πηγάζουσιν οὐχὶ ἐξ ἀμέσου γνώσεως τοῦ ἔργου τοῦ Θεοδώρου ἐν τῷ 14-ῳ αἰῶνι, ἀλλ' ἔκ τινος ἐκλογαρίου ἢ συναγωγῆς ἀποσπασμάτων διαφόρων ἱστοριῶν, ἧς ἔκαμνον χρῆσιν οἱ ἀπὸ Θεοφάνους χρονογράφοι. Ἕτερα τῆς ἐκκλησιαστικῆς τοῦ Θεοδώρου ἱστορίας ἀποσπάσματα γινώσκονται ἔκ τινος τοῦ E. Miller ἀθωνικοῦ χειρογράφου [7]), ὡσαύτως ἐκ τῶν πρακτικῶν τῆς 7-ης οἰκουμενικῆς συνόδου, ἐκ τοῦ 3-ου περὶ τῶν εἰκόνων λόγου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ καὶ

---

[1]) L. Allatius παρὰ τῷ Migne, τ. 86, σ. 159.

[2]) Graeca D. Marci bibliotheca codicum manuscriptorum per titulos digesta, Venetiis 1740, σ. 157.

[3]) G. Fraccaroli ἐν τοῖς Studi ital. di filolog. classica, τ. 5, σ. 336.

[4]) C. de Boor ἐν τῇ Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1884, τ. 6, σ. 485—494.

[5]) C. Frick, Chronica minora, Lipsiae 1893, σ. 365,127. 391,9.

[6]) Migne τ. 86, σ. 165—216.

[7]) E. Miller, Mélanges de philologie et d' épigraphie. Paris 1876, σ. 45—67.

ἐξ ἑτέρων βιβλίων [1]). Πολλὰ τοῦ Θεοδώρου τεμάχη ἀνεγνωρίσθησαν ἐν ταῖς παρισιακαῖς „ἐκλογαῖς ἀπὸ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας“, ἃς ἔχει ἐκδώσῃ ὁ Cramer [2]), καὶ ἐν τῇ χρονογραφίᾳ τοῦ Θεοφάνους ὑπὸ τοῦ Sarrazin [3]). Χρῆσιν τοῦ ἔργου τοῦ Θεοδώρου ἐν τῇ συριακῇ λογοτεχνίᾳ γινώσκομεν ἐκ τῆς χρονογραφίας Μιχαὴλ τοῦ Σύρου [4]), ἥτις ἐκ παλαιοῦ μετεφράσθη ἀρμενιστὶ καὶ ἐντεῦθεν γαλλιστὶ ὑπὸ τοῦ μακαρίτου Victor Langlois [5]).

Τέλος μέχρι τοῦδε ἐγνώσθησαν οὐκ ὀλίγα τεμάχη τῆς κυρίας τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς, καὶ διὰ τοῦτο ἤθελεν εἶσθαι ἐπιθυμητόν, ἄν τις ἀπεφάσιζε νὰ περισυλλέξῃ πάντα ταῦτα, ἔπειτα τάξῃ χρονολογικῶς καὶ ἐκδώσῃ εἰς ἓν μετὰ μελέτης περὶ διαιρέσεως τῆς συγγραφῆς, εἰς ἣν ἀνήκουσι· διότι φαίνεται, ὅτι ὑπάρχουσιν ἀφορμαὶ πρὸς διατύπωσιν γνώμης περὶ διπλῆς ἐν τοῖς ἀπολεσθεῖσιν ἐκείνης ἀντιγράφοις διαιρέσεως· φαίνεται δηλαδὴ μία παράδοσις, καθ' ἣν ἔθος ὑπῆρχε τὸ κύριον ἔργον τοῦ Θεοδώρου ἔν τισι κώδιξι νὰ θεωρῆται ἄμεσος τῆς προτέρας αὐτοῦ συναγωγῆς ἀκολουθία καὶ οὕτως ἡ διαίρεσις αὐτοῦ εἰς βιβλία νὰ φέρῃ τὸν ἀριθμητικὸν ἐκείνης εἱρμόν· καὶ πάλιν ἑτέρα παράδοσις, καθ' ἣν αὐτὸ τὸ κύριον ἔργον τοῦ Θεοδώρου εὑρίσκετο μεμονωμένον ἐν ἑτέροις κώδιξιν ὑπὸ ἰδίαν εἰς βιβλία ἢ τόμους διαίρεσιν.

Πρὸς τὸ ἐπιθυμητὸν ἔργον τῆς συνενώσεως ἁπάντων τῶν ἄχρι τοῦδε γνωστῶν ἀποσπασμάτων τῆς ἐκκλησιαστικῆς τοῦ Θεοδώρου ἱστορίας συμβάλλει, καθὰ νομίζω, μεγάλως ἓν εὕρημα τοῦ 1895-ου ἔτους, περὶ οὗ μέχρι τοῦδε διὰ πολλὰς αἰτίας, οἷον ἀρρωστιῶν καὶ γραφικῶν ἐπειγουσῶν ἐργασιῶν, ἄκων εἶχον ἀναγκασθῇ τελείαν νὰ τηρήσω σιωπήν. Τὸ εὕρημα τοῦτο συνίσταται ἐκ σημαντικῶν τέως ἀγνώστων εἰδήσεων περὶ τοῦ ἀτόμου τοῦ Θεοδώρου καὶ τῆς κυρίας αὐτοῦ ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας, καὶ ἐξ ὑπερεβδομήκοντα τεμαχίων τῆς αὐτῆς ἱστορίας, ὧν οὐκ ὀλίγα πρότερον ἠγνοοῦντο. Ὁ λόγος ἐνταῦθα περὶ τοῦ 250-οῦ κώδικος τῆς ἐν τῷ Ἄθῳ μεγάλης τοῦ Βατοπεδίου λαύρας. Ὁ κῶδιξ οὗτος ἀριθμεῖ 302 μεμβράνινα φύλλα μεγάλου σχήματος καὶ ὡς φαίνεται ἐγράφη ἐν τῷ 13-ῳ αἰῶνι. Τὸ κείμενον αὐτοῦ λίαν ἀραιῶς γεγραμμένον εἶναι καθ' ὅλας τὰς σελίδας μονόστηλον ἐκ 18 γραμμῶν. Τὴν ἀρχὴν

---

[1]) Migne τ. 86, σ. 216—228. Th. Preger, Anonymi Byzantini παραστάσεις σύντομοι χρονικαί, München 1898, σ. 12, 19, 32, 33.

[2]) *I. A. Cramer*, Anecdota graeca e cod. mss. bibl. reg. Parisiensis, τ. 2, σ. 87—114.

[3]) *I. V. Sarrasin*, De Theodoro Lectore Theophanis fonte praecipuo: Comment. philol. Ienenses 1881, τ. 1, σ. 153—238.

[4]) Chronique de Michel le Syrien— — —, éditée pour la première fois et traduite en français par J. B. Chabot, Paris 1899, τ. 1, σ. 2.

[5]) Chronique de Michel le Grand— — —, traduite pour la 1-ère fois sur la version arménienne du prêtre Ischôk par V. Langlois, Venise 1868, σ. 19.

αὐτοῦ κοσμεῖ ἓν ἐπίτιτλον πιοειδὲς κόσμημα χρώματος ἐρυθροῦ, καὶ πρῶτον μεταξὺ τῶν φύλλων 1α—62β κεῖται τὸ τέως ἄγνωστον ἐν τῷ συνόλῳ αὐτοῦ σπουδαῖον ὑπόμνημα „Ἰωβίου μοναχοῦ περὶ ὑποθέσεων ἀναγκαίων", οὗ ἡ ἀρχή· „Ἐπειδὴ λόγος ὁ υἱός, ὁ δὲ ἄνθρωπος λόγῳ καὶ εἰκόνι θεοῦ τιμηθεὶς" κτλ. Σημειωτέον δὲ ὅτι τὸ ὑπόμνημα τοῦτο διαιρεῖται ἐν τῷ κώδικι εἰς 45 κεφάλαια, καὶ ὡς φαίνεται εἶναι αὐτὸ ἐκεῖνο ὅπερ ἐπεγράφετο πρότερον Οἰκονομικὴ πραγματεία, κατὰ τὸν Φώτιον [1]· μέχρι δὲ σήμερον ἐγινώσκοντο τῆς συγγραφῆς ταύτης μόνον τεμάχη τινά [2]). Δεύτερον κείμενον ἐν τῷ Βατοπεδινῷ κώδικι (φύλλ. 62β — 64) εἶναι τὸ συνιστάμενον ἐκ δέκα καὶ ἓξ ἀποσπασμάτων τοῦ ἁγίου Εὐλογίου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας· τρίτον δὲ κείμενον (φύλλ. 65α — 90β) εἶναι τὸ γνωστὸν „Ὑπόμνημα διαλαμβάνων (sic) μερικῶς τοὺς ἀγῶνας καὶ ἆθλα καὶ ἀποδημίας καὶ τελείωσιν τῶν ἁγίων καὶ κορυφαίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου"· οὗ ἡ ἀρχή· „Καὶ τῶν τεχνῶν οὐ μόνον τοὺς ἐξ ἀρχῆς πατέρας ἀποδεχόμεθα" (Bibliotheca hagiographica, σ. 107). Τὸ τέταρτον κείμενον ἀποτελεῖται ἐκ πέντε ἀνωνύμων ἀποσπασμάτων ἀσκητικῶν (φύλλ. 90β — 91), ἅτινα ἐγὼ παρέβλεψα νὰ σημειώσω λεπτομερῶς ἐν τῷ τετραδίῳ μου· μετὰ δὲ ταῦτα τὰ ἀποσπάσματα ἕκτον ὑπάρχει κείμενον (φύλλ. 91α—218β) τὸ ἐπιγεγραμμένον· „Συναγωγὴ ἱστοριῶν διαφόρων ἀπὸ τῆς κατὰ σάρκα γεννήσεως τοῦ Κυρίου καὶ ἑξῆς, τὴν ἀρχὴν ἔχουσα ἀπὸ τοῦ πρώτου λόγου τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου"· ἄρχεται δὲ οὕτω· „Τῷ μβ' ἔτει τῆς βασιλείας Αὐγούστου Καίσαρος" κτλ. Ἕβδομον κείμενον (φύλλ. 218α—221β) εἶναι τὸ „τοῦ ἁγίου Μαξίμου περὶ τῶν δύο φύσεων τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ὅτι Ἄρειος μὲν καὶ Νεστόριος τόν τε τῆς θεολογίας καὶ τῆς οἰκονομίας λόγον, Σαβέλλιος δὲ καὶ Εὐτυχὴς ἀπεναντίας τούτων συγχέουσιν· κεφάλαια δέκα", ὧν ἡ ἀρχή· „α'. Ὁ Ἄρειος τὰς τρεῖς ὑποστάσεις ὁμολογεῖ" κτλ. Ὄγδοον κείμενον (φύλλ. 221β—223α)· „Ἰωάννου Δαμασκηνοῦ ὅροι οὐσίας: καὶ τῶν δέκα κατηγοριῶν". Ἔνατον κείμενον (φύλλ. 223α — 298α)· „Θεοδώρου τοῦ Ἀβουχαρᾶ περὶ αἱρέσεων"· οὗ ἡ ἀρχή· „Οὐσία, φύσις, ὑπόστασις, πρόσωπον. Ἰστέον οὖν, ὅτι οὐσία καὶ φύσις" κτλ. Ἐν τῷ κειμένῳ τούτῳ περιέχονται χρήσεις ἐκ συγγραφῶν Ἀθανασίου Ἀλεξανδρείας, Γρηγορίου Νύσσης, Ἀμβροσίου Μεδιολάνων, Αὐγουστίνου, Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας καὶ ἑτέρων. Δέκατον καὶ ἔσχατον ἐν τῷ Βατοπεδινῷ κώδικι κείμενον (φύλλ. 298α—302β) εἶναι τὸ ἀρκούντως μέγα ἀπόσπασμα „τοῦ ἁγίου Κυρίλλου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐκ

[1]) Photii bibliotheca, cod. 222, σ. 180 Bekker.
[2]) Migne τ. 86, σ. 3313—3320.

·τοῦ εἰς τὸ κατὰ Ἰωάννην εὐαγγέλιον βιβλίου β'"· οὗ ἡ ἀρχή· „Κατ' εἰκόνα καὶ καθ' ὁμοίωσιν τοῦ ἐπὶ πάντων ὄντος θεοῦ πεποιεῖσθαι τὸν ἄνθρωπον" κτλ.

Ἐκ τῶν κειμένων τούτων εἵλκυσεν ἰδίᾳ τὴν προσοχήν μου τὸ ἕκτον, ἤτοι ἡ Συναγωγὴ διαφόρων ἱστοριῶν, ἧς ἡ ἐπιγραφὴ καὶ ἡ ἀρχὴ εἶναι ὁμοία τῇ ἐπ' ὀνόματι τοῦ Ξανθοπούλου φερομένῃ ἐν τῷ 142-ῳ Βαροκχικῷ κώδικι συναγωγῇ. Ἡ Βατοπεδινὴ συναγωγὴ δὲν εἶναι διῃρημένη εἰς βιβλία, ἀλλ' ἀποτελεῖται ἁπλῶς ἐκ τεμαχίων ἀνίσων ἐκτάσεων τεταγμένων εἰς τάξιν χρονολογικήν· ἕκαστον δὲ τούτων διακρίνεται ἀπὸ τοῦ ἑπομένου αὐτῷ καλῶς, τοῦ καλλιγράφου θέντος εἰς τὸ τέλος ἑκάστου τεμαχίου δύο τελείας στιγμὰς (:) καὶ μετ' αὐτὰς ἱκανὸν ἀραίωμα. Τὰ ὀνόματα τῶν συγγραφέων, οἷς ἀνήκουσι τὰ τεμάχη, εἶναι σημειωμένα διὰ τῆς χειρὸς τοῦ καλλιγράφου ἐν ταῖς ᾤαις τοῦ κώδικος, καὶ ταῦτα οὐχὶ ἀπέναντι ἑνὸς ἑκάστου τῶν τεμαχίων, ἀλλ' ἢ ἀπέναντι τοῦ πρώτου τῆς σειρᾶς, ἥτις δεικνύεται ἀνήκουσα τῷ δεῖνι ἢ δεῖνι συγγραφεῖ, ἢ ἀπέναντι τεμαχίου, ἐν ᾧ ῥητὴ μνεία γίνεται τινὸς τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἱστοριογράφων. Πρῶτα τεμάχη εἶναι τὰ εἰλημμένα ἐκ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας τοῦ Εὐσεβίου· δεύτερα τὰ τοῦ Θεοδωρήτου, τρίτα τὰ τοῦ Σωζομενοῦ, τέτταρτα τὰ τοῦ Σωκράτους, πέμπτα δὲ καὶ τελευταῖα τὰ Θεοδώρου τοῦ Ἀναγνώστου. Τεμάχη Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου οὐδαμοῦ τῆς Βατοπεδινῆς συνάγωγῆς ἀναφέρονται ὀνομαστί. Λυποῦμαι σφόδρα, ὅτι δι' ἀπορίαν χρόνου δὲν ἠδυνήθην νὰ διεξέλθω ἅπασαν τὴν Βατοπεδινὴν συναγωγήν· ὅπερ ἀναμφιβόλως θὰ ἐπέτρεπεν εἰς ἐμὲ τώρα νὰ δώσω τοῖς περιέργοις τῶν ἀναγνωστῶν μου καὶ ἀκριβεῖς καὶ σαφεῖς εἰδήσεις περὶ τῶν τεμαχίων, ἅτινα εὑρίσκονται πολὺ πρὸ τοῦ ὀνόματος τοῦ Θεοδώρου. Ἐγὼ περιωρίσθην ἁπλῶς εἰς τὸ νάντιγράψω μετ' ἐπιμελείας ἱκανῆς τὰ ἔσχατα φύλλα τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς (φύλλ. 197—218), διότι ταῦτα καὶ μόνα ἐφαίνοντό μοι τὰ σπουδαιότερα. Τὰ τεμάχη, ἅτινα φέρονται ἐπ' ὀνόματι τοῦ Θεοδώρου, εὑρίσκονται μεταξὺ τῶν φύλλων 210α—218.

Ἐν τῇ ᾤᾳ λοιπὸν τοῦ φύλλου 210α διὰ τῆς χειρὸς τοῦ καλλιγράφου εἶναι γεγραμμένον ἓν σημείωμα, ὅπερ ἀναφέρεται πρὸς τὸ ἀπέναντι αὐτοῦ τεμάχιον, διότι ἐκεῖ γίνεται μνεία ῥητὴ τοῦ Θεοδώρου. Τὸ σημείωμα κατὰ λέξιν ἔχει οὕτω· „Θεόδωρος ὁ τοῦ Ἐντολέως ἐπονομαζόμενος, ἀναγνώστης τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Μεγάλης Ἐκκλησίας, συνεγράψατο ἱστορίαν ἐκκλησιαστικὴν ἀπὸ τῶν χρόνων βασιλέως Θεοδοσίου τοῦ Νέου καὶ πατριάρχου τοῦ ἐν ἁγίοις Πρόκλου μέχρι τῆς βασιλείας Ἀναστασίου αἱρετικοῦ τοῦ Δικόρου καὶ τῆς ἱεραρχίας Τιμοθέου τοῦ συναιρεσιώτου αὐτῷ· ἀφ' ἧς ἱστορίας καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐκλογῶν αἱ πλείους εἰσί". Τὸ σημείωμα τοῦτο εἶναι βεβαίως ἐκτάκτου σπουδαιότητος, διότι πρῶτον ἐξ αὐτοῦ πληροφορούμεθα, ὅτι ὁ Θεόδωρος εἶχε πατέρα ὀνομαζόμενον Ἐντολέα· ἐξ οὗ ἑπόμενον εἶναι, ὅτι ἀντὶ τοῦ Θεόδωρος Ἀναγνώστης ἢ Theodorus Lector ἁρμόζει τοῦ λοιποῦ

νὰ γράφωμεν Θεόδωρος ὁ Ἐντολέως, ἢ Theodorus Entolei. Δεύτερον μανθάνομεν, ὅτι ἡ κυρία ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τοῦ Θεοδώρου ἀρχομένη ἀπὸ τῆς βασιλείας Θεοδοσίου τοῦ Νέου, καὶ ἰδίᾳ ἀπὸ τοῦ 434-ου ἔτους, καθ' ὃ ἀνεδείχθη πατριάρχης ὁ Πρόκλος, ἔληγεν εἰς τὴν βασιλείαν Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου καὶ τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχίαν Τιμοθέου τοῦ πρώτου, τουτέστιν εἰς τὸ 518-ον ἔτος, καθ' ὃ καὶ ὁ Τιμόθεος καὶ ὁ Ἀναστάσιος ἀπέθανον· ὡς δὲ εἰκὸς θὰ ἀνεφέρετο πρὸς τῷ τέλει τῆς ἱστορίας ἡ τοῦ Ἰουστίνου τοῦ πρώτου εἰς αὐτοκράτορα ἀναγόρευσις. Ἡ δευτέρα αὕτη πληροφορία τοῦ ἡμετέρου καλλιγράφου, ἢ ἀκριβέστερον εἰπεῖν τοῦ συντάκτου τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς, εἶναι λίαν ἀξιόπιστος· διότι καὶ Μιχαὴλ ὁ Σύρος βεβαιοῖ ἡμᾶς, ὅτι ὁ Θεόδωρος εἶχε συγγράψῃ τὰ ἀπὸ Θεοδοσίου (νοεῖ δ' ἀναμφιβόλως τὸν Νέον) μέχρι τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ παλαιοῦ· ἔνθα τὸ κείμενον τοῦ Μιχαὴλ ἁρμόζει νὰ διορθωθῇ εἰς Ἰουστίνου. Τὸ σφάλμα εἶναι προφανὲς ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἀκολουθοῦντος ὀνόματος παλαιοῦ, ὅπερ ἁρμόζει κάλλιστα Ἰουστίνῳ τῷ πρώτῳ. Ὅμοιον σφάλμα ὑπάρχει καὶ ἐν τῷ περὶ τοῦ Θεοδώρου ἄρθρῳ τοῦ Σουίδα, διότι καὶ ἐκεῖ τὸ Ἰουστίνου μετεβλήθη ἐκ παραναγνώσεως εἰς Ἰουστινιανοῦ. Δευτέρα μαρτυρία, εἰ καὶ οὐχὶ ἄμεσος, περὶ τῆς ἀξιοπιστίας τοῦ ἐν τῷ βατοπεδινῷ κώδικι σημειώματος, εἶναι ἡ ποριζομένη ἐκ τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων, διότι τὸ πρῶτον αὐτῶν ἀναφέρεται εἰς τὴν βασιλείαν Θεοδοσίου τοῦ Νέου. Ὅτι δὲ τοῦ Θεοδώρου ἡ ἱστορία ἦτο διῃρημένη εἰς δύο βιβλία, καθὰ δηλαδὴ φαίνεται ἐκ τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων, τοῦτο πολλαχόθεν διαψεύδεται. Πρῶτον αὐτὰ ταῦτα τὰ ξανθοπούλεια ἐκ χρονολογικῆς ἐπόψεως εἶναι ἀτάκτως διατεταγμένα ἐν πολλοῖς τόποις· δεύτερον δύο αὐτῶν (ί καὶ ια' τοῦ 1-ου βιβλίου) εἶναι φανερῶς εἰλημμένα ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδωρήτου, ἀναφέρονται δὲ εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ Κωνσταντίου (λ. χ. ἀπόσπασμα ια')· ἕτερα πάλιν ἀποσπάσματα προέρχονται ἐκ τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου (οἷον ιε' καὶ λα' τοῦ 1-ου βιβλίου καὶ λη', λθ', μ', μα', μγ', μδ', με', μϛ', μζ', μη', μθ', ν', να', νβ', νδ', νϛ', νη' καὶ νθ' τοῦ 2-ου βιβλίου). Ἐντεῦθεν ἕπεται νὰ παρατηρηθῇ, ὅτι τὰ ξανθοπούλεια ἀποσπάσματα προφανῶς πηγάζουσιν οὐχὶ ἐκ τοῦ κειμένου τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου, ἀλλ' ἔκ τινος ἐκλογαρίου, ὅπερ θὰ ἦτο διῃρημένον εἰς δύο βιβλία· αὐτὸ τὸ ιε' ξανθοπούλειον ἀπόσπασμα (ἐν τῷ 1-ῳ βιβλίῳ), ἐν ᾧ σημειοῦται τὸ „φησὶ δὲ ὁ ἱστορῶν", δηλοῖ ἀρκούντως τὴν προέλευσιν αὐτοῦ· ὡσαύτως τὸ ἐν τῷ ιδ' ἀποσπάσματι „ὅπερ ἱστορεῖ καὶ Θεοδώριτος" (γράφε Θεόδωρος, κατὰ τὸν κώδικα τοῦ Miller)· ἀλλὰ καὶ τὰ ἐν τῷ 2-ῳ βιβλίῳ ξανθοπούλεια ἀποσπάσματα ξ'—ξα', ἐν οἷς ἀνακεφαλαιοῦνται αἱ ἀπὸ Κωνσταντίνου μέχρι Λέοντος τοῦ 2-ου βασιλεῖαι, δηλοῦσιν ἀφ' ἑαυτῶν ἀρκούντως, ὅτι πηγάζουσιν ἔκ τινος συναγωγῆς ἱστοριῶν. Ἡ παρὰ τῷ Ξανθοπούλῳ λοιπὸν εἰς δύο βιβλία διαίρεσις τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου εἶναι

παντελῶς ἀναξιόπιστος· ὅτι δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, δυνάμεθα νὰ βεβαιώσωμεν καὶ ἐκ τοῦ ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς 7-ης οἰκουμενικῆς συνόδου τεμαχίου, ὅπερ, ὡς λέγεται ἐκεῖ, ἐλήφθη ἐκ τοῦ 5-ου βιβλίου τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου· ἀναφέρεται δὲ τοῦτο εἰς τὴν περίοδον τῆς βασιλείας Θεοδοσίου τοῦ Νέου, εἰς τὸ 449-ον ἔτος· ἀλλ' ἐπειδὴ ἤδη βεβαίως γινώσκομεν, ὅτι τοῦ Θεοδώρου ἡ ἱστορία ἤρχετο ἀπ' αὐτῆς ταύτης τῆς βασιλείας καὶ ἑπομένως ἀδύνατον ἦτον ἡ βασιλεία αὕτη νὰ συναπετέλει πέντε βιβλία, πάντως ἀνάγκη νὰ ὑποτεθῇ, ὅτι τῆς συνόδου τὸ ἀντίγραφον κατὰ διαίρεσιν εἰς βιβλία θὰ ἦτον ὅμοιον τῷ παρὰ τῷ Σουΐδᾳ ὑποτιθεμένῳ, τουτέστιν ὅτι ἐν αὐτῷ περιείχετο καὶ ἡ πρώτη καὶ ἡ δευτέρα τοῦ Θεοδώρου συγγραφὴ κατὰ τρόπον συνηνωμένον, οὕτως ὥστε νὰ θεωρῆται μία καὶ μόνη· ἂν λοιπὸν τοῦτο οὕτως εἶχε, τότε ἡ συνηνωμένη αὕτη σύνταξις θὰ ἦτο διῃρημένη εἰς ὀκτὼ τοὐλάχιστον βιβλία· διότι ἐκ τῆς βασιλείας τοῦ Θεοδοσίου, ἥτις ἀπετέλει τὸ πέμπτον βιβλίον ἐν τῷ ἀντιγράφῳ τῆς συνόδου, ἀνάγκη νὰ ὑποτεθῇ ὅτι ἡ πρώτη ἐξ ἀποσπασμάτων συγγραφὴ ἢ συναγωγὴ τοῦ Θεοδώρου θὰ ἦτο διῃρημένη εἰς τέσσαρα βιβλία, ὧν ἄχρι τοῦδε γινώσκονται ἐν τοῖς κώδιξι μόνα τὰ δύο πρῶτα. Ὅτι τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων ἡ παράδοσις περὶ διαιρέσεως εἰς δύο βιβλία τῆς κυρίας ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου εἶναι ψευδής, δυνάμεθα νὰ βεβαιώσωμεν καὶ ἐξ ἑνὸς αὐτῆς ἐκτενεστάτου παρ' Ἰωάννῃ τῷ Δαμασκηνῷ ἀποσπάσματος, ὅπερ, ὡς λέγει οὗτος, εἶναι μέρος τοῦ „τετάρτου τόμου“ τῆς κυρίας τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς. Τοῦτο δὲ τὸ τεμάχιον ἀναφέρεται εἰς τὴν βασιλείαν Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου καὶ ἑπομένως εἰς τὸ τελευταῖον βιβλίον τοῦ Θεοδώρου. Ὅπως ἡ εἴδησις τῆς συνόδου κατ' ἐμὲ κριτὴν ἀναφέρεται προφανῶς εἰς παράδοσιν κωδίκων, ἐν οἷς δύο διάφορα πονήματα τοῦ Θεοδώρου συνηνοῦντο εἰς ἕν, οὕτω καὶ τοῦ Δαμασκηνοῦ ἡ εἴδησις εἶναι κατ' ἐμὲ σαφὴς μαρτυρία ἑτέρας ἑτέρων κωδίκων παραδόσεως, ὅτι ἡ κυρία τοῦ Θεοδώρου ἱστορία μονὴ ἐν τούτοις ὑπάρχουσα τοῖς κώδιξιν ἦτο διῃρημένη εἰς τέσσαρας καὶ μόνους τόμους· καὶ τοῦτο ἐγὼ πιστεύω, διότι εἶναι καὶ λογικόν. Ἀναμφιβόλως ὁ Θεόδωρος ἠδύνατο νὰ οἰκονομήσῃ τὴν ὕλην τῆς ἰδίας ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας εἰς τόσα καὶ μόνα βιβλία· τὸ πρῶτον δηλαδὴ βιβλίον, ἐπειδὴ ἤρχετο ἀπὸ τοῦ 434-ου ἔτους, ἤτοι ἀπὸ τοῦ τρίτου μέρους τῆς ὅλης τοῦ Θεοδοσίου βασιλείας, ἀναγκαίως ὤφειλε νὰ οἰκονομηθῇ διὰ τοῦ τρίτου τῆς αὐτῆς βασιλείας καὶ διὰ τῆς ὅλης τοῦ Μαρκιανοῦ βασιλείας· τὸ δεύτερον βιβλίον ἠδύνατο νὰ ἀποτελεσθῇ ἐκ τῆς ἐπὶ δέκα καὶ ἑπτὰ ἔτη παραταθείσης βασιλείας Λέοντος τοῦ 1-ου καὶ ἐκ τῆς ἀσημάντου δεκαμήνου περίπου βασιλείας Λέοντος τοῦ 2-ου· τὸ τρίτον πάλιν βιβλίον θ' ἀπετελεῖτο ἐκ τῆς ὅλης βασιλείας τοῦ Ζήνωνος, τὸ δὲ τέταρτον καὶ τελευταῖον ἐκ τῆς ὅλης βασιλείας τοῦ Ἀναστασίου μέχρι τοῦ θανάτου αὐτοῦ καὶ τῆς κατ' ἀνάγκην μνείας τοῦ διαδεξαμένου ἐκεῖνον Ἰουστίνου τοῦ πρώτου.

Τὸ δεύτερον σημείωμα τοῦ Βατοπεδινοῦ καλλιγράφου ὑπάρχει ἐν τῇ ᾤᾳ τῆς ἐσχάτης σελίδος (φ. 218β), ἀπέναντι ἀκριβῶς τοῦ τελευταίου ἀποσπάσματος τῆς Συναγωγῆς ἱστοριῶν διαφόρων· ἔχει δὲ οὕτω· „Τὰ πλείω καὶ ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν τῆς τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς ὁ ἐκλογογράφος παρῆκεν· οὐκ ἴσμεν διότι". Τὸ τελευταῖον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς ἀπόσπασμα ἀναφέρεται πρὸς τὸ ἄτομον τοῦ πατριάρχου Μακεδονίου τοῦ 2-ου· ὤφειλον ἄρα νὰ ὑπάρχωσι μετὰ τοῦτο ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ ἕτερά τινα ἀποσπάσματα οὐκ ὀλίγα περί τε τοῦ Μακεδονίου τούτου καὶ περὶ τοῦ μετ' αὐτὸν Τιμοθέου πατριάρχου καὶ περὶ τοῦ τέλους τῆς βασιλείας Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου, ἵνα οὕτως ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ παριστᾶται συνοπτικῶς ἅπασα τοῦ Θεοδώρου ἡ ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία· ἀλλ' ὁ συντάκτης αὐτῆς ἀφῆκεν ἐκεῖνα κατὰ μέρος, τὸ δὲ αἴτιον εἶναι ἄγνωστον καὶ τῷ καλλιγράφῳ καὶ παντὶ ἑτέρῳ. Ἔνια ὅμως τῶν ἐνταῦθα μὴ εὑρισκομένων ἀποσπασμάτων ὑπάρχουσιν ἐν τῇ παρισινῇ συναγωγῇ (Cramer, Anecd. Paris. 2, σ. 105—109), ἐν τῇ ξανθοπουλείῳ συναγωγῇ, ἐν τῇ 5-ῃ πράξει τῆς 7-ης οἰκουμενικῆς συνόδου, ἐν τοῖς Mélanges de philologie τοῦ Miller καὶ ἐν τῇ χρονογραφίᾳ τοῦ Θεοφάνους.

Μετὰ τὴν παράθεσιν ἐνταῦθα τῶν πρὸς τὸ ἄτομον τοῦ Θεοδώρου ἀναφερομένων σημειωμάτων ἁρμόζει βεβαίως νὰ παρατηρηθῇ, ὅτι ἐπειδὴ τοῦ Θεοδώρου ἡ συγγραφὴ ἤρχετο ἀπὸ τῆς πατριαρχίας τοῦ Πρόκλου, ἑπόμενον εἶναι ὅτι τὰ ἴχνη αὐτῆς ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ δέον νὰ εὑρεθῶσιν ἀπὸ τοῦ πρώτου αὐτῆς περὶ τοῦ Πρόκλου τεμαχίου καὶ οὕτω πάντα τὰ κατόπιν αὐτοῦ τεμάχια μέχρι τέλους αὐτῆς τῆς συναγωγῆς νὰ θεωρηθῶσι πηγάζοντα ἐκ τῆς συγγραφῆς τοῦ Θεοδώρου, ἤτοι ἀπὸ τοῦ φύλλ. 198β—218β· τοῦθ' ὅπερ ἤθελεν εἶσθαι ὀρθόν, ἀφοῦ μεταξὺ τῶν εἰρημένων φύλλων οὐδεὶς ἕτερος ὀνομάζεται συγγραφεύς, ἢ μόνος ὁ Θεόδωρος· καὶ ὅμως φαίνεται ὅτι τοῦτο δὲν δύναται νὰ εἶναι ἀπολύτως ὀρθόν, διότι ἐν τῷ πρώτῳ σημειώματι ὁ καλλιγράφος, ἢ μᾶλλον ὁ ἐκλογογράφος, λέγει ταῦτα· „ἀφ' ἧς ἱστορίας καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐκλογῶν αἱ πλείους εἰσίν". Ὑπάρχουσιν ἄρα ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ καί τινα τεμάχη μὴ πηγάζοντα ἀμέσως ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου, ἀλλ' ἐξ ἄλλης ἄλλου τινὸς συγγραφέως καὶ πιθανῶς Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου [1])· τίνα δὲ εἶναι τὰ ὀλίγα ταῦτα τεμάχια, ἐγὼ παντάπασιν ἀδυνατῶ νὰ διακρίνω.

Τέλος πάντα τὰ ἐνταῦθα συσσωρευμένα ἐπ' ὀνόματι τοῦ Θεοδώρου τε-

---

[1]) Ἐκ τοῦ κώδ. τοῦ Miller ἐμάθομεν, ὅτι πολλὰ ἐπ' ὀνόματι Θεοδώρου τοῦ ἀναγνώστου τεμάχη τοῦ 2-ου βιβλίου (λη', λθ', μ', μα', μγ', μδ', με', μς', μζ', μη', μθ', ν', να', νβ', νδ', νς', νη' καὶ νθ') πηγάζουσιν ἐκ τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου.

μάχη εἶναι 78 καὶ περιέχονται καθ' εἱρμὸν, ὡς καὶ ἐνταῦθα, μεταξὺ τῶν φύλλων 198β—219β· ἐκ τούτων δ' ἐλλείπουσι ταῖς προεκδεδομέναις συναγωγαῖς οὐκ ὀλίγα, οἷον 1, 2, 5, 6, 7, 11, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 26, 27, 28, 30, 33, 40, 42, 44, 51, 55, 66, 75. Ἄγνωστα ἀποσπάσματα δύνανται νὰ θεωρηθῶσι καὶ ἕτερα οὐκ ὀλίγα, ὅσα δηλονότι ἐγνώρισεν ὁ Θεοφάνης ἔκ τινος ἐκλογαρίου καὶ τούτων ἠλλοίωσε τὸ λεκτικὸν, ἢ ὀλίγας μόνον αὐτῶν λέξεις κατεχώρισεν ἐν τῇ ἰδίᾳ χρονογραφίᾳ. Οὕτω δυνατὸν θὰ εἶναι ἐν ἄλλῃ τινὶ μελλούσῃ τῆς χρονογραφίας τοῦ Θεοφάνους ἐκδόσει νὰ δηλωθῇ ἡ προέλευσις εἴκοσι καὶ πλέον χωρίων αὐτῆς. Ἀποσπάσματα λοιπὸν τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου τέως ἄγνωστα, ἀλλ' ὧν ὁ Θεοφάνης εἶχε γνωρίσῃ τὸ κείμενον, δύνανται νὰ θεωρηθῶσιν ἐνταῦθα τὰ ἑπόμενα. 8, 9, 12, 13, 17, 22, 31, 39, 40, 42, 43, 44, 63, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76. Οὕτω τεσσαράκοντα καὶ ἓξ τεμάχια τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς ἐν σχέσει πρὸς τὴν συγγραφὴν τοῦ Θεοδώρου εἶναι καθόλου εἰπεῖν ἄγνωστα καὶ ἐκ τῆς ξανθοπουλείου καὶ ἐκ τῆς παρισινῆς καὶ ἐκ τῆς τοῦ Miller συναγωγῆς· τοῦτ' αὐτὸ δύναται νὰ λεχθῇ καὶ περὶ τῶν ἀποσπασμάτων 3, 4, 10, 25, 38, 49, 50, 58, 64, 65 καὶ 70, ἅτινα, ἂν καὶ περιέχονται ἐν τῇ παρισινῇ τοῦ Cramer συναγωγῇ, οὐχ ἧττον ἠγνοοῦντο πρότερον ὡς μέρη τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου. Διὰ τοῦτο ἐγὼ ἀφῆκα ταῦτα ἐνταῦθα ὡς εὑρίσκονται ἐν αὐτῇ τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ· ἑπόμενον δὲ ἦτο νἀφεθῶσιν ἐνταῦθα καὶ τὰ ἄλλα γνωστὰ ἤδη ἀποσπάσματα (23, 24, 29, 32, 34, 35, 36, 37, 41, 45, 46, 47, 48, 52, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 77, 78), ἵνα οὕτως ἔχωσιν ὑπ' ὄψει προχείρους οἱ ἡμέτεροι ἀναγνῶσται πάσας τὰς ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ γενομένας ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου μικρὰς ἢ μεγάλας ἐκλογάς· ἄλλως δὲ ἅπαντα σχεδὸν τὰ τοιαῦτα προεγνωσμένα ἀποσπάσματα περιέχουσιν ἐν ἑαυτοῖς ἱκανὰς διαφόρους ἀναγνώσεις, αἵτινες θέλουσι χρησιμοποιηθῇ, ὁπόταν συλλεγῶσιν ἰδίᾳ τὰ τοῦ Θεοδώρου ἀποσπάσματα καὶ συμπαραβληθῶσι κριτικῶς πρὸς τὰ ἀντίγραφα αὐτῶν.

Κείμενον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς.

1. Μαξιμιανὸς δύο μόνους ἐνιαυτοὺς ἐπεσκόπησε, βασιλεὺς δὲ προφθάσας τὰς ταραχὰς, ἔτι τοῦ σώματος κειμένου Μαξιμιανοῦ, Πρόκλον ὑπὸ τῶν ἐπισκόπων ἐνθρονισθῆναι προσέταξεν.

2. Οὐαλεντινιανὸς ὁ Κωνσταντίου καὶ Γάλλας υἱός, ὃν κατέστησε Θεοδόσιος βασιλέα ἐν Ῥώμῃ, ἐλθὼν εἰς Κωνσταντινούπολιν ἔγημεν Εὐδοξίαν τὴν θυγατέρα Θεοδοσίου καὶ Εὐδοκίας, καὶ λαβὼν αὐτὴν πάλιν ἀπῆλθεν ἐν Ῥώμῃ.

3. Πρόκλος ὁ ἐπίσκοπος ἀνὴρ ἦν ἀγαθὸς καὶ ἐνάρετος, καὶ πείσας τὸν

βασιλέα Θεοδόσιον τὸ σῶμα Ἰωάννου ἀπὸ Κομάνων μετήγαγεν εἰς Κωνσταντινούπολιν σὺν εὐφημίᾳ πολλῇ, καὶ δημοσίαν τούτῳ [1]) πομπὴν ποιησάμενος εἰς τοὺς Ἀποστόλους ἀπέθετο· ὅπερ τοὺς διὰ Ἰωάννην χωριζομένους τῇ Ἐκκλησίᾳ ἥνωσε μετὰ τριακονταπέντε ἔτη.

4. Θεοδόσιος τὴν γαμετὴν αὐτοῦ Εὐδοκίαν εἰς Ἱεροσόλυμα ἔπεμψεν εὐχαριστηρίους τῷ θεῷ ὕμνους προσάξουσαν, ἥτις πάμπολλα ταῖς ἐκκλησίαις ἀπιοῦσα καὶ ἐπανερχομένη ἐδωρήσατο.

5. Φίρμου τοῦ ἐπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας τελευτήσαντος, αἰτούντων Καισαρέων λαβεῖν ὑπὸ τοῦ Πρόκλου ἐπίσκοπον Θαλάσσιον ὀνόματι, ἕνα τῶν ἐν ἀξιώμασιν· ὃν ἐλθόντα προσκυνῆσαι τὸν Πρόκλον αὐθεντίᾳ χρησάμενος ἐχειροτόνησε Καισαρείας ἐπίσκοπον.

6. Οἱ κατὰ τόπον Ἰουδαῖοι, μάλιστα οἱ ἐν Καισαρείᾳ Παλαιστίνης, ανασοβέντες πολλοὺς κατὰ χριστιανῶν φόνους εἰργάσαντο· ὅπερ γνόντες [2]) οἱ βασιλεῖς τοῖς τῶν ἐθνῶν ἄρχουσιν ἐκδικῆσαι τὰ τολμηθέντα παρεκελεύσαντο· τῶν δὲ ἀρχόντων πιπρασκόντων τὴν ἐπεξέλευσιν, Πουλχερία τὸν ἀδελφὸν αὐθεντήσασα τοὺς ἄρχοντας διεδέξατο καὶ τὸ ἥμισυ τῶν οὐσιῶν αὐτῶν τῷ δημοσίῳ προσεχύρωσε.

7. Πρόκλου τὴν Κωνσταντινούπολιν ἐπισκοποῦντος, Κύριλλος τὴν Ἀλεξανδρέων ἐπετρόπευε, Ῥώμης δὲ μετὰ Κελεστῖνον Ξύστος προΐστατο καὶ Ἱεροσολύμων Ἰουβενάλιος.

8. Μοναχοί τινες [3]), καταλαβόντες Κωνσταντινούπολιν, παρηνώχλουν τοῖς βασιλεῦσι κατὰ Θεοδώρου τοῦ γενομένου ἐπισκόπου Μοψουεστίας [4]), πάλαι τελευτήσαντος, ὡς αἱρετικὸν διαβάλλοντες· οἱ δὲ Πρόκλῳ ἐπέτρεψαν τοῖς τῆς Ἀνατολῆς ἐπισκόποις σημᾶναι ποιήσασθαι τῶν λεγομένων ζήτησιν καί, εἴπερ ἀληθῆ ὦσι, τοῦτον ἀναθεματίσαι [5]) καὶ μετὰ θάνατον.

9. Ἰωάννης ὁ Ἀντιοχείας τὰ Πρόκλου δεξάμενος γράμματα, σὺν τῇ κατ' αὐτὸν [6]) συνόδῳ ἀντιγράψας, ὀρθοδοξίαν Θεοδώρῳ τότε προσεμαρτύρησεν· ἀντέγραψε δὲ βασιλεῖ καὶ Πρόκλῳ· αἵτινες ἐπιστολαὶ καὶ ἐνετάγησαν.

10. Ἐπὶ τοσοῦτον ἐμίσει Πουλχερία τὸν Νεστόριον, ὡς τοὺς φιλοῦντας ἐκεῖνον διαθρυλεῖν, ὅτι πορνείαν πρὸς τὸν ἀδελφὸν αὐτῆς Θεοδόσιον τὸν βασιλέα διέβαλε Πουλχερίας Νεστόριος καὶ διὰ τοῦτο οὕτως ὑπ' αὐτῆς ἐμισεῖτο· ἐλοιδόρει γὰρ αὐτὴν εἰς τὸν τότε μάγιστρον, Παυλῖνον λεγόμενον.

11. Ἰωάννου τοῦ ἐπισκόπου Ἀντιοχείας τελευτήσαντος, χειροτονεῖται

---

[1]) κῶδ. τοῦτο.

[2]) γνῶντες.

[3]) τινὲς.

[4]) μομψουεστίας.

[5]) ἀναθεματῆσαι.

[6]) αὐτὸν] αὐτῶι.

Δόμνος, ὃς καὶ ἔγραψε βασιλεῖ ὀρθοδοξίαν μαρτυρῶν Θεοδώρῳ τῷ Μοψουεστίας·[1]) καὶ βασιλεὺς δὲ ἀντέγραψε τῇ Ἀνατολικῇ συνόδῳ μὴ προσδέξασθαι τοὺς κατὰ Θεοδώρου κινοῦντας.

12. Κύριλλος ἐπίσκοπος ἐτελεύτησε, * διδασκαλικὸς μὲν μὴ ὑπάρχων τὸ σύνολον, ἄγριος δέ τις καὶ βαρὺς τοῖς συγγενεῦσι Κυρίλλου γενόμενος, ὡς καὶ τὴν οἰκίαν αὐτῶν, καίπερ οὖσαν ὕψει πολλῷ, περιστέγῳ οἴκων καθιερῶσαι. Κύριλλον δέ φασι[2]) τριάκοντα ἔτη ἐπισκοπῆσαι.

13. Πρόκλου τελευτήσαντος ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως χειροτονεῖται Φλαβιανός, πρεσβύτερος ὢν καὶ σκευοφύλαξ τῆς Ἐκκλησίας, ἀνὴρ ἱερώτατος καὶ ἐνάρετος.

14. Εὐτυχὴς ὁ αἱρετικὸς ἀρχιμανδρίτης ἦν τῆς μονῆς Ἰὼβ, τῆς ἐν τῷ Ἑβδόμῳ, τὰ Ἀπολιναρίου φρονῶν· ᾧ γενναίως ἀντέστη ὁ τοῦ Δορυλαίου[3]) Εὐσέβιος, ὥστε καὶ λιβέλλους προσδοῦναι κατ' αὐτοῦ τῷ ἐπισκόπῳ Φλαβιανῷ καὶ τῇ ἐνδημούσῃ συνόδῳ· οἳ[4]) καὶ μετὰ πλεῖστα κινηθέντα, ἅπερ ἐν τοῖς πεπραγμένοις ἐμφέρονται, καθεῖλον[5]) δικαίως τὸν Εὐτυχῆ.

15. Λέων ὁ Ῥώμης ἐπίσκοπος, ἀναγνοὺς[6]) τὰ πραχθέντα ἐπ' Εὐτυχεῖ, συνῄνεσε τῇ αὐτοῦ καθαιρέσει, γράψας πρὸς Φλαβιανὸν ἐπιστολὴν ὀρθοδοξίας μεστήν, ἧς ἡ ἀρχή· „Ἀναγνόντες[7]) τὰ γράμματα τῆς σῆς ἀγάπης, ἅπερ οὕτω[8]) βραδύτατα γεγενῆσθαι θαυμάζομεν".

16. Χρυσάφιος καὶ οἱ περὶ Νῶμον[9]) τὸν ὕπατον ἐχθύμως τῷ Εὐτυχεῖ προσκείμενοι πείθουσι Θεοδόσιον κελεῦσαι σύνοδον γενέσθαι κατὰ τὴν Ἔφεσον καὶ κριθῆναι Φλαβιανὸν μετὰ Εὐτυχοῦς τοῦ καθῃρημένου δικαίως, δικάσαι δὲ Διόσκορον παρεῖναι καὶ Βαρζουμᾶν ἄλλον Εὐτυχέα τυγχάνοντα· ἐνέταξε δὲ ὁ ἱστορῶν τὰς Θεοδοσίου κελεύσεις πρός τε Διόσκορον καὶ τὴν σύνοδον.

17. Σύνοδος ἐν Ἐφέσῳ ἠθροίσθη, ἐν ᾗ τῶν μὲν Ἀνατολικῶν ἐπισκόπων συνῆλθεν οὐδείς, Διόσκορος δὲ καὶ οἱ σὺν αὐτῷ τὰ κατὰ τῆς ὀρθοδοξίας καττύσαντες καθαίρουσι Φλαβιανὸν καὶ Εὐσέβιον τὸν Δορυλαίου·[10]) ἀποδιδόασι δὲ τῷ Εὐτυχεῖ τήν τε ἀξίαν τοῦ πρεσβυτέρου καὶ τὴν τοῦ μοναστηρίου

---

1) μομψουεστίας.
2) φασί.
3) δορυλλαίου.
4) οἳ] ἴσως ἧ, διότι κατόπιν ἐν τῷ κώδικι γέγραπται τὸ καθεῖλε.
5) καθεῖλε.
6) ἀναγνοῦς.
7) ἀναγνῶντες.
8) οὕτωι.
9) περινόμον.
10) δορυλλαίου.

διοίκησιν, καθεῖλον δὲ Θεοδώρητον καὶ Ἴβαν καὶ Ἀνδρέαν καὶ ἑτέρους τῶν Ἀνατολικῶν, πάντας ἀπόντας, καὶ Δόμνον τὸν Ἀντιοχείας.

18. Οἱ τῆς συνόδου τῆς περὶ τὸν Διόσκορον οὐ φαίνονται παντελῶς ἐν πάσῃ τῇ κινήσει μνήμην τῶν ἑκατὸν πεντήκοντα ἁγίων πατέρων τῶν συνελθόντων ἐν Κωνσταντινουπόλει ποιησάμενοι· ἐμίσουν γὰρ αὐτήν, ὡς ἐκβαλοῦσαν Ἀπολινάριον καὶ τὸν θρόνον τιμήσασαν Κωνσταντινουπόλεως.

19. [Δ]όμνου τοῦ Ἀντιοχείας ἐκβληθέντος ὑπὸ τῶν (περὶ) Διόσκορον ἀντεισήχθη Μάξιμος.

20. Θεοδόσιον ἔπεισεν Χρυσάφιος ἀντιγράψαι Οὐαλεντινιανῷ καὶ ταῖς βασιλίσιν, ὡς δικαίως Φλαβιανὸς καθῃρέθη· ἐντέτακται δὲ καὶ αὕτη ἡ ἐπιστολή.

21. Φλαβιανοῦ καθαιρεθέντος καὶ φονευθέντος ἐν τῇ Ἐφέσῳ, σπουδὴν ἔθετο ὁ Διόσκορος Ἀνατόλιον τὸν ἴδιον ἀποκρισιάριον προβληθῆναι ἐπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως, νομίζων ἐκ τούτου κρατύνειν τὰ ἴδια δόγματα· θεὸν δὲ ἔσχε καὶ ἐν τούτῳ τὰ ἐναντία οἰκονομοῦντα.

22. Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ὁ ἱστορῶν καθάπτεται, ὡς πειθομένου ὡς ἔτυχε καὶ εὐμεταγώγου ὄντος, καὶ ὅτι τοῖς ὑποβάλλουσιν αὐτῷ χάρτας ἀπαραναγνώστως ὑπέγραφεν· ὅπερ γνοῦσα Πουλχερία ἡ ἀδελφὴ αὐτοῦ σοφῶς ὑπῆλθεν αὐτόν, δωρεὰν ὑποβαλοῦσα [1]) Θεοδοσίῳ ἐκχωροῦσαν πρὸς δουλείαν Εὐδοκίαν τὴν γαμετὴν αὐτοῦ· ἣν καὶ ὑπέγραψεν καὶ δεινῶς ὑπὸ τῆς Πουλχερίας ὠνειδίσθη.

23. Θεοδόσιος ἐξῆλθεν εἰς κυνήγιον εἰς Δεῦκον [2]) ποταμόν· *σπαραχθείς, ὡς λέγει, τῇ ἐπιούσῃ νυκτὶ ἐτελεύτησε καὶ ἐτάφη ἐν τῇ θήκῃ Ἀρκαδίου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ· λέγει δὲ οὗτος, ὡς Εὐδοκία ἡ βασιλὶς ἀπελθοῦσα εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα οὐκέτι ὑπέστρεψε, Μαρίνα δὲ παρθενεύουσα ἐν τοῖς βασιλείοις πρὸ τοῦ ἀδελφοῦ ἐτελεύτησε, Χρυσάφιον δὲ καὶ Τζουμμᾶν ἀνεῖλε Πουλχερία.

24. Μαρκιανὸς Ἰλλύριος τὸ γένος, τριβοῦνος ὤν, προβεβηκὼς ἐν ἡλικίᾳ, ἐν πολέμοις γενόμενος ἄριστος, ἀνηγορεύθη βασιλεὺς ἐν τῷ Ἑβδόμῳ ὑπὸ παντὸς τοῦ στρατοῦ· ὃς εὐθὺς ἐκέλευσεν ἄρχοντα ἐπὶ δόσει [3]) χρημάτων μὴ γίνεσθαι.

25. Μαρκιανοῦ εἰσελθόντος ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, κλῆρος ἅπας καὶ μοναχοὶ καὶ λαϊκοί, πλήθη ὄντες πολλά, ἐπεβόησαν εὐφημοῦντες βασιλέα καὶ Πουλχερίαν, αἰτοῦντες ζητηθῆναι τὰ ὑπὸ Διοσκόρου καὶ Εὐτυχοῦς κατὰ Φλαβιανοῦ τολμηθέντα.

---

[1]) ὑποβαλοῦσαν.
[2]) λεύκον.
[3]) δώσει.

26. Ὁ βασιλεὺς Μαρκιανὸς τὸν δείλαιον Εὐτυχῆ εἰς Δολίχην ἐξώρισεν.

27. [Τ]ὸ λείψανον Φλαβιανοῦ ἐξ αἰτήσεως [1]) τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ βασιλικοῖς δαπανήμασιν ἐκομίσθη καὶ εἰς τοὺς Ἀποστόλους ἐτάφη· προφθάσας δὲ Ἀνατόλιος τὸ ὄνομα αὐτοῦ ταῖς ἱεραῖς δέλτοις ἐνέγραψε.

28. Ὅσοι ἐπίσκοποι διὰ τὴν πρὸς Φλαβιανὸν φιλίαν εἰς ἐξορίαν ἐπέμφθησαν, ἀνεκλήθησαν τῆς συνόδου τὴν κρίσιν ἐκδεχόμενοι.

29. Τῶν ἁπανταχοῦ ἐπισκόπων συναθροισθέντων ἐν τῇ Νικαίᾳ, Μαρκιανὸς διατρίβων ἐν Θρᾴκῃ ἔγραψε τῇ συνόδῳ ἀπολογούμενος καὶ τὴν σύνοδον ἐν Χαλκηδόνι μεταγαγεῖν ἐσπούδασε, θέλων δι' ἑαυτοῦ παρεῖναι ἐν τῇ συνόδῳ κατὰ μίμησιν Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέως· ὃ καὶ γέγονεν· ἐν ᾗ πολλὰ καὶ ἀναγκαῖα [2]) διετυπώθησαν δόγματά τε καὶ πράγματα, ὧν ἡ γνῶσις καὶ ἡ ὠφέλεια πολυμερὴς [3]) οὖσα διὰ τῆς τῶν πεπραγμένων δηλοῦται ἀναγνώσεως, καὶ τῶν κζ' κανόνων ἡ ἔκθεσις· ἅπερ ἅπαντα πράξαντες οἱ ἐπίσκοποι καὶ πάσῃ τιμῇ τιμηθέντες ἐν εἰρήνῃ ἕκαστος τὴν ἰδίαν πόλιν κατέλαβεν.

30. Λεοντίῳ τῷ ἐπισκόπῳ Ῥώμης πάντα τὰ δόξαντα ἐδήλωσαν ὅ τε βασιλεὺς καὶ Ἀνατόλιος καὶ ἡ σύνοδος.

31. Διοσκόρου καθαιρεθέντος καὶ ἐξορισθέντος εἰς Γάγγρας, χειροτονεῖται Προτέριος Ἀλεξανδρείας ἐπίσκοπος, δι' ὃν μεγίστην στάσιν οἱ τὰ Εὐτυχοῦς καὶ Διοσκόρου φρονοῦντες ἐποίησαν καὶ τὴν σιτοπομπείαν ἠπείλησαν κωλύειν· ὅπερ γνοὺς ὁ Μαρκιανὸς οὐκ εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἀλλ' εἰς τὰ περὶ Πηλούσιον τὸν σῖτον ἐξ Αἰγύπτου [4]) προσέταξε φέρεσθαι διὰ τοῦ Νείλου καὶ οὕτως εἰς τὴν βασιλίδα πλοΐζεσθαι· οὗ γενομένου οἱ ἀπειλοῦντες Ἀλεξανδρεῖς λιμῷ φθείρειν Κωνσταντινούπολιν λιμώξαντες δεηθῆναι Προτέριον ὑπὲρ αὐτῶν βασιλέα ᾔτησαν, καὶ οὕτως εἰς τάξιν ἡ στάσις μετῆλθε.

32. Πουλχερία ἡ εὐσεβὴς ἐτελεύτησε, πολλὰ ποιήσασα κατορθώματα καὶ πάντα τὰ ἑαυτῆς πτωχοῖς καταλείψασα· ἅπερ Μαρκιανὸς πρὸς οἷς *οὐκ ἀνέτρεψεν, ἀλλὰ καὶ ταις χρείαις ἁπάσαις προθύμως ὑπηρέτησεν· ἔκτισε δὲ καὶ εὐκτηρίους (οἴκους) Πουλχερία πολλούς, ὧν ἐστιν ὁ Λαυρεντίου τοῦ μάρτυρος.

33. Πολλὴ ἦν ἡ Μαρκιανοῦ περὶ τὸ θεῖον εὐσέβεια καὶ τὰς ἐκκλησίας τιμή· τοὺς δὲ ἐπισκόπους οὐ συνεχώρει τῇ βασιλίδι πόλει σχολάζειν, ὡς ἔτυχεν· διάταξιν δὲ γράψας πολλὴν τὰς ἐκκλησίας τιμὴν καὶ τοὺς κληρικοὺς εὐλάβειαν ἔχειν παρεκέλευσεν.

34. Ἐν ταῖς λιταῖς ταῖς γενομέναις ἐν τῷ κάμπῳ πεζὸς Μαρκιανὸς

---

[1]) ἐξαιτήσεως.

[2]) ἀναγκαία.

[3]) πολυμερὶς.

[4]) ἐξαιγύπτου.

ἐξερχόμενος πολλὰς τοῖς δεομένοις δωρεὰς παρεῖχεν. Ἀνατόλιον δὲ τὸν ἐπίσκοπον προετρέπετο κατὰ τὸ ἔθος τῶν ἐπισκόπων τῆς πόλεως ἀπὸ τοῦ Ταύρου φορείῳ [1]) φερόμενον λιτανεύειν ἕως τοῦ κάμπου· ὁ δὲ Μαρκιανὸν πεζεύοντα ὁρῶν, καὶ αὐτὸς πεζεύων ἐλιτάνευε.

35. Τιμόθεός τις ἐπικαλούμενος Αἴλουρος [2]), πάθει φιλαρχίας κρατούμενος, ἔχων συντρέχοντας αὐτῷ τοὺς τοῖς [3]) Εὐτυχοῦς καὶ Διοσκόρου χαίροντας, τὸν Μαρκιανοῦ αἰσθόμενος θάνατον, πρὸς πόλεμον κατὰ τοῦ ἐπισκόπου Προτερίου κινεῖται καὶ τοῦτον ἐν τῇ κολυμβήθρᾳ [4]) τῆς ἐκκλησίας σφαγῆναι παρεσκεύασε καὶ τὸν νεκρὸν συρῆναι καὶ τῷ πυρὶ παραδοθῆναι.

36. Τιμόθεος ὁ Αἴλουρος πρὶν ἢ [5]) ἀναιρεθῆναι Προτέριον μαγγανείᾳ τινὶ χρησάμενος, νυκτὸς ἐν τοῖς τῶν μοναχῶν κελλίοις περιερχόμενος, ἐξ ὀνόματος ἐκάλει ἕκαστον μοναχόν· ἐκείνου δὲ ὑπακούοντος ἔλεγεν, ὅτι εἷς μὲν εἴη τῶν λειτουργικῶν πνευμάτων, ἀπεστάλη [6]) δὲ πᾶσιν εἰπεῖν, ἵνα Προτερίου μὲν τῆς κοινωνίας ἀφέξωνται [7]), Τιμόθεον δὲ τὸν Αἴλουρον ἐπίσκοπον χειροτονήσωνται, ἑαυτὸν δηλονότι.

37. Ὑπὸ καθῃρημένων [8]) ἐπισκόπων χειροτονεῖται Αἴλουρος, ἐπιζῶντος [9]) τοῦ Προτερίου, καὶ εὐθὺς θορύβων καὶ ταραχῶν τὴν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσεν.

38. Γνοὺς Λέων ὁ βασιλεὺς τὸν Προτερίου ἄνομον θάνατον καὶ Τιμοθέου τὴν ἄθεσμον παραγωγὴν δεινῶς ἠγανάκτησε, καὶ Ἀνατολίῳ μὲν τῷ ἐπισκόπῳ Κωνσταντινουπόλεως ἐπέστειλε συναγαγεῖν τοὺς ἐνδημοῦντας ἐπισκόπους τῇ βασιλίδι καὶ ταῖς δεήσεσιν ἐντυχεῖν ταῖς ἐξ ἑκατέρου [10]) μέρους ἀναπεμφθείσαις καὶ τί δέοι γενέσθαι σκοπῆσαι περί τε τῆς Τιμοθέου προβολῆς, περί τε τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου.

39. Λέων ὁ βασιλεύς, ὁ μετὰ θάνατον Μαρκιανοῦ, χρηστῶς καὶ ἀσφαλῶς βουλευσάμενος τὰς ἐγκυκλίους ἐπιστολὰς πρὸς τοὺς κατὰ τόπον ἐπισκόπους ἔγραψε· τοῦτο δὲ καὶ Ἀνατόλιον ἐπίσκοπον πρᾶξαι [11]) παρεσκεύασεν· ἐν τοσούτῳ δὲ πέμψας εἰς Ἀλεξάνδρειαν Νικόλαον τὸν αὐγουστάλιον τῆς οὐσίας ἀφείλετο, Καισάρειον δὲ τὸν δοῦκα καὶ ἐγλωσσοτόμησε καὶ τοὺς δύο ἐξώρισεν,

---

1) φαρείω.
2) αἴλουρος· οὕτω καὶ ἑξῆς.
3) τῆς· πρβλ. Cramer II, 102.
4) κολυμβίθρα.
5) πρινή.
6) ἀπεστάλει.
7) ἀφέξεται.
8) Ὑποκαθηρ.
9) ἐπιζῶντος.
10) ἐξεκατέρου.
11) πράξαι.

ὡς τῷ φόνῳ Προτερίου συμπράξαντας. Τιμοθέῳ δὲ οὐκ ἐπεξῆλθε [1]), διὰ τὸ τὴν κρίσιν τὴν ἐπ' ἐκείνῳ τοῖς ἱερεῦσιν ἁρμόζειν.

40. Οἱ κατὰ τόπον ἐπίσκοποι θείῳ (ζήλῳ) κινούμενοι ἀντέγραψαν Λέοντι τῷ βασιλεῖ, ὡς ἡ μὲν σύνοδος ἡ ἐν Χαλκηδόνι τὴν ἀληθῆ πίστιν ἐκύρωσε, Τιμοθέου δὲ Αἰλούρου ὡς φονέως, ὡς αἱρετικοῦ, ὡς ἐξορίστου καταψηφιζόμενοι· ἔστι δὲ τῶν ἀντιγραφέντων γνῶναι τὴν δύναμιν τῶν ταῖς ἐπιστολαῖς ἐντυγχανόντων, ὧν ἔταξεν ὁ Θεόδωρος.

41. ['Α]νατολίου τελευτήσαντος Γεννάδιος προχειρίζεται, πρεσβύτερος τῆς Ἐκκλησίας, Ἀκακίου τοῦ ὀρφανοτρόφου συμψήφου καὶ αὐτοῦ γεγενημένου· προεβάλετο δὲ Γεννάδιος Μαρκιανὸν οἰκονόμον, τῆς τῶν Καθαρῶν ὄντα θρησκείας καὶ εἰς τὴν Ἐκκλησίαν μετελθόντα· ὃς ἅμα τῷ [2]) γενέσθαι οἰκονόμος τὰ προσφερόμενα ἑκάστῃ ἐκκλησίᾳ τοὺς τοῦ τόπου κληρικοὺς κομίζεσθαι διετύπωσεν, ἕως τούτου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας πάντα κομιζομένης.

42. Γεννάδιος τὰ ἀντίγραφα τῶν ἐγκυκλίων δεξάμενος, Ἀνατολίου τελευτήσαντος, δι' ὄχλου γέγονε τῷ βασιλεῖ ἐκδικῆσαι τὰ τολμηθέντα, Ἄσπαρ δὲ ὡς αἱρετικὸς τἀναντία ἐσπούδαζε.

43. Λέων ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσε τὸν Αἴλουρον ἐκβληθῆναι καὶ ἀντεισαχθῆναι ὀρθόδοξον καὶ τῆς Ἐκκλησίας ὑπέρμαχον· προβάλλεται δὲ ἐπίσκοπος ἄλλος Τιμόθεος ὀρθόδοξος, ὃν ἐκάλουν Σαλοφακίαλον, ἀνὴρ ἀσκητικὸς καὶ ὑπὸ πάντων ἀγαπώμενος [3]).

44. Ὁ Αἴλουρος ἐξωρίσθη [4]) εἰς Γάγγραν· ἐκεῖ δὲ ἀπελθὼν ἐποίει παραβαπτίσματα καὶ παρασυνάγματα [5]), ἅπερ ἀναγαγόντος [6]) τοῦ Γαγγρῶν ἐπισκόπου βασιλεῖ καὶ Γενναδίῳ, μετετέθη εἰς Χερσῶνα. Οὗτος ὁ Αἴλουρος ἴδιον τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως τὸ ἁμαρτάνειν ἀπεφήνατο ἐν τῷ κατὰ τοῦ τόμου Λέοντος πονηθέντι αὐτῷ συγγράμματι [καὶ] ἐν κεφαλαίῳ τρίτῳ.

45. Πολλὰ ἦσαν τὰ Γενναδίου κατορθώματα καὶ οὐδένα ἐχειροτόνει ποτὲ ἐπὶ χρήμασιν, οὐδὲ τὸ Ψαλτήριον μὴ γινώσκοντα. Ἐπὶ Γενναδίου ἡ χεὶρ τοῦ ζωγράφου ἐξηράνθη, τοῦ ἐν τάξει Διὸς τὸν Σωτῆρα γράψαι τολμήσαντος· ὃν δι' εὐχῆς ἰάσατο ὁ Γεννάδιος· φησὶ δὲ ὁ ἱστορῶν, ὅτι τὸ ἄλλο σχῆμα τοῦ Σωτῆρος, τὸ οὐλὸν καὶ ὀλότριχον, ὑπάρχει τὸ ἀληθέστερον.

46. Ἐλευθερίῳ τῷ μάρτυρι δι' ἕνα κληρικὸν τοῦ ναοῦ αὐτοῦ ἐδήλωσεν ὁ Γεννάδιος, ὅτι „ὁ στρατιώτης σου ἀτακτεῖ· ἢ διόρθωσαι τοῦτον, ἢ ἔκκοψον“. ὁ δὲ εὐθὺς ἐτελεύτησεν.

---

[1]) ἐπέξῆλθε.
[2]) τῷ] τὸ.
[3]) ἀγαπόμενος.
[4]) ἐξορίσθη.
[5]) παρὰ συνάγματα.
[6]) ἀναγαγόντες.

47. Ἐπὶ Γενναδίου Στούδιος ἔκτισε τὸν ναὸν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου καὶ μοναχοὺς ἐκ τῶν Ἀκοιμήτων ἐνεκατέστησε.

48. Δανιὴλ ὁ θαυμάσιος [1]) ἐκ τῆς Συμεῶνος μάνδρας ἐλθὼν τῷ στύλῳ [2]) ἐπέβη τῷ ἐν τῷ Ἀνάπλῳ.

49. Πλεῖστοι καὶ ἐν τῷδε τῷ χρόνῳ τὸ μοναχικὸν μετῆλθον κατόρθωμα, μεθ' ὧν ἦν καὶ Ματρῶνα ἡ διαβόητος, ἥτις [3]) οἶκον καὶ ἄνδρα λιποῦσα ἐν ὑποκρίσει εὐνούχου μετὰ ἀνδρῶν ἐμόνασε· καὶ Βασσιανὸς ὁ θαυμάσιος μοναχὸς ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ διέλαμψεν.

50. Ἰωάννης ὁ ὑπατικός, ὁ ἐπίκλην τῶν Βιγκομάλου, παρακαλέσας Βασσιανόν, ὡς μοναχὸς παρ' αὐτῷ ἐτέτακτο, καὶ ἐν μὲν τῷ παλατίῳ ἀδιαλείπτως προήρχετο καὶ ὡς εἷς τῶν συγκλητικῶν ἐχρημάτιζεν· ἀναχωρῶν δὲ μέχρι μὲν τῆς θύρας τῆς μονῆς Βασσιανοῦ ὡς ὕπατος ὠψικεύετο, ἅμα δὲ ἔνδον ἐγίνετο, μοναχικὴν [4]) σισύραν περιβαλλόμενος μαγειρείου καὶ σταύλου [5]) καὶ τῶν τοιούτων τὴν διακονίαν μετήρχετο.

51. Βασιλείου τοῦ Ἀντιοχέως ὀλίγους μῆνας ἐπισκοπήσαντος, διαδέχεται τοῦτον Μαρτύριος.

52. Πέτρος τῆς λώβης τοῦ Ἀπολιναρίου τινὰς μισθωσάμενος, μυρίους θορύβους κατὰ τῆς πίστεως καὶ Μαρτυρίου τοῦ ἐπισκόπου εἰργάσατο, ἀναθέματι δῆθεν βάλλων τοὺς μὴ λέγοντας ὅτι θεὸς ἐσταυρώθη· ἐν οἷς καὶ τὸν λαὸν εἰς διαίρεσιν ἤγαγε καὶ ἐν τῷ τρισαγίῳ προσέθηκε Πέτρος τὸ „Ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς".

53. Μαρτύριος πρὸς βασιλέα ἐλθὼν σὺν πολλῇ τιμῇ ἀπελύθη σπουδῇ Γενναδίου· ἐλθὼν δὲ εἰς Ἀντιόχειαν καὶ βλέπων Ἀντιοχεῖς ταραχαῖς καὶ στάσεσι χαίροντας καὶ Ζήνωνα τούτοις συμπράττοντα, ἀπετάξατο τῆς ἐπισκοπῆς, ἐπ' ἐκκλησίας εἰπών· „Κλήρῳ ἀνυποτάκτῳ καὶ λαῷ ἀπειθεῖ καὶ ἐκκλησίᾳ ἐρρυπωμένῃ ἀποτάττομαι, φυλάττων ἐμαυτῷ [6]) τὸ τῆς ἱερωσύνης ἀξίωμα".

54. Μαρτυρίου ἀναχωρήσαντος, τυραννικῶς ὁ Κναφεὺς τῷ θρόνῳ ἐπεπήδησεν, καὶ χειροτονεῖ εὐθὺς ἐπίσκοπον Ἀπαμείας Ἰωάννην τινὰ ἀπὸ καθαιρέσεως· γνοὺς [7]) δὲ ταῦτα Γεννάδιος διδάσκει πάντα τὸν βασιλέα· ὁ δὲ κελεύει ἐξορισθῆναι· ὅπερ μαθών, φυγῇ [8]) χρησάμενος, τὴν ἐξορίαν διέφυγε· ψήφῳ δὲ κοινῇ Ἰουλιανός τις [9]) εἰς ἐπίσκοπον προχειρίζεται.

---

[1]) θαυάσιος.
[2]) στήλωι.
[3]) ἧτις.
[4]) μοναχὴν.
[5]) μαγειρίου καὶ στάβλου.
[6]) ἐμάυτῶι.
[7]) γνοῦς.
[8]) φυγὴ.
[9]) τὶς.

55. Γενναδίῳ τινὲς νεστοριασμὸν ἐπεφήμησαν· αὐτὸς δέ, κελεύσαντος Λέοντος, τῆς ὑπερενδόξου θεοτόκου τὸ πανάγιον ὄνομα τοῖς διπτύχοις ἐνέγραψεν.

56. Γεννάδιος κατελθὼν εἰς τὸ θυσιαστήριον εὔξασθαι εἶδέ τι φάσμα δαιμόνιον· ᾧ ἐπιτιμήσας ἤκουσε κράζοντος, ὡς αὐτοῦ μὲν ζῶντος ἐνδίδωσιν, ὕστερον δὲ κρατήσει πάντως τῆς Ἐκκλησίας· ὅπερ δείσας Γεννάδιος, πολλὰ τὸν θεὸν ἱκετεύσας, μετὰ μικρὸν ἐτελεύτησε.

57. Ἡ κόνις τούτῳ τῷ χρόνῳ κατῆλθε μηνὶ νοεμβρίῳ, πυρακτούντων νεφῶν φανέντων ἐν οὐρανῷ πρότερον, ὡς πάντας πιστεῦσαι, ὅτι πῦρ ἦν τὸ μέλλον καταφέρεσθαι.

58. Λέων ὁ μικρός, ὁ Ζήνωνος υἱός, ἀνηγορεύθη βασιλεύς, τοῦ μεγάλου Λέοντος ἀῤῥωστήσαντος καὶ τελευτήσαντος μετὰ βραχύ. Ὁ οὖν μικρὸς Λέων τὸν ἴδιον πατέρα Ζήνωνα ἀνηγόρευσε. Δέκα μόνους μῆνας αὐτὸς βασιλεύσας ἐτελεύτησε.

59. Βασιλίσκος ὁ Βηρίνης τῆς γαμετῆς τοῦ μεγάλου Λέοντος ἀδελφὸς βουλεύεται κατὰ Ζήνωνος, συνεργούσης Βηρίνης καί τινων τῆς συγκλήτου· ὅπερ γνοὺς [1]) ὁ Ζήνων, λαβὼν τὴν Ἀριάδνην καὶ χρήματα, ὅσα ἠδυνήθη [2]), εἰς Ἰσαυρίαν ἔφυγεν. Βασιλίσκος δὲ ἐν τῷ κάμπῳ ἀνηγορεύθη, καὶ ποιήσας καίσαρα Μάρκην [3]) τὸν ἴδιον υἱὸν καὶ αὐγούσταν Ζηνωνίδα τὴν γαμετὴν αὐτοῦ, εὐθέως τῆς κατὰ τῆς πίστεως διαστροφῆς ἀπήρξατο, Ζηνωνίδος μάλιστα παρορμώσης κατὰ τῆς [4]) ὀρθοδοξίας Βασιλίσκον.

60. Ἀνεκαλέσατο διὰ τύπου [5]) Βασιλίσκος τὸν Αἴλουρον, καὶ ὁ Γναφεὺς δὲ ἐξῆλθεν ἐκ τῆς μονῆς τῶν Ἀκοιμήτων· ἐκεῖ γὰρ ἐκρύπτετο· καὶ πάντες δὲ ὅσοι ἦσαν ἐχθροὶ τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου· παῤῥησίᾳ κατ' αὐτῆς ἐκινοῦντο.

61. Συναγαγὼν ὄχλον ἄτακτον Ἀλεξανδρέων ὁ Αἴλουρος, σὺν τοῖς ἐκ τοῦ οἴκου τῶν Βασιλίσκου λιτανεύων εἰς τὴν ἐκκλησίαν ἤρχετο, αὐτὸς ἐπ ὄνου ὀχούμενος· ἐλθὼν δὲ ἐπὶ τὴν λεγομένην Ὀκτάγωνον [6]) κατηνέχθη πτώματι μεγάλῳ, καὶ κλασθέντος τοῦ ποδὸς αὐτοῦ μετὰ αἰσχύνης ὑπέστρεψεν.

62. Βασιλίσκος μετὰ τύπων ἐκβαλλόντων τὴν ἐν Χαλκηδόνι σύνοδον ἀπέλυσε τὸν Αἴλουρον εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ τὸν Κναφέα εἰς Ἀντιόχειαν.

63. Ὁ κλῆρος καὶ ὁ λαὸς καὶ τὸ μοναχικὸν Κωνσταντινουπόλεως ὑπερε-

---

1) γνοῦς.
2) ἠδυνήθη.
3) Μάρκην] οὕτως ἐν τῷ κώδικι.
4) τῆς] τήν.
5) διατύπου.
6) ὀκτάγωνον.

μάχουν [1]) τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου· ὅπερ φοβηθεὶς ὁ Ἀκάκιος συνήρχετο τῷ ἐκείνων ζήλῳ, πρώην [2]) τἀναντία ποιεῖν φημιζόμενος· διὸ καὶ ἐπ' ἄμβωνος κατὰ Βασιλίσκου καὶ Ζήνωνος προσεφώνει.

64. Τιμόθεος ὁ Σαλοφακίαλος γνοὺς [3]) τὴν ἐπὶ Ἀλεξάνδρειαν τοῦ Αἰλούρου ἔφοδον ὑπεχώρησεν ἐν τοῖς μοναστηρίοις τοῦ Κάνωπος, ὧν ἐγεγόνει καὶ τῆς ἀσκήσεως· πολλὰ δὲ κακὰ εἰργάσατο Αἴλουρος, τῷ δὲ Σαλοφακιάλῳ [4]) οὐκ ἠδυνήθη, διὰ τὸ πάντας ἀγαπᾶν αὐτόν· τὴν δὲ σύνοδον εὐθέως ἀνεθεμάτισεν· εἰσερχομένῳ δὲ αὐτῷ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐπεφώνουν τὸ αἰσχρὸν ἐκεῖνο [5]) οἱ σπουδασταὶ αὐτοῦ· „Ἐψώμισας τοὺς ἐχθρούς σου ὀπάσας"· ὃ δὲ ἀντεφώνει· „Ναί, ἀληθῶς ἐψώμισα".

65. Ἰουλιανὸς ὁ μετὰ Μαρτύριον Ἀντιοχείας ἐπίσκοπος ὑπὸ λύπης τῶν κινουμένων ἀπέθανεν· ὁ δὲ Κναφεὺς καταλαβὼν τὸν θρόνον εἰς ἀναθεματισμοὺς καὶ ταραχὰς ἐσχόλασεν, ἐν οἷς καὶ φόνοι [6]) καὶ ἁρπαγαὶ διὰ τὴν προσθήκην δῆθεν τοῦ τρισαγίου γεγόνασι.

66. Λέοντος τοῦ Ῥώμης ἐπισκόπου τελειωθέντος Ἱλάριος [7]) προχειρίζεται καὶ μετὰ τοῦτον Σιμπλίκιος.

67. Ὁ Αἴλουρος ἐν τῷδε τῷ χρόνῳ ἀπέθανε. Πέτρος δὲ ὁ Μογγὸς ἀντεισάγεται, ἀνὴρ κακοῦργος καὶ τῆς ἀληθείας πολέμιος καὶ καθῃρημένος ἤδη [8]) πρότερον· χειροτονεῖται δὲ οὗτος ἐπίσκοπος ὑπὸ ἑνὸς ἐπισκόπου, καὶ αὐτοῦ καθῃρημένου· ὅπερ γνόντες [9]) οἱ μοναχοὶ ἐπῆλθον αὐτῷ, ὁ δὲ Μογγὸς προφθάσας ἀπέδρασε· καὶ κρατήσαντες ἐκεῖνοι τὸν Σαλοφακίαλον ἄγουσιν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ ἀποκαθιστῶσι τῷ θρόνῳ [10]). οὗ τελευτήσαντος, προχειρίζεται Ἀλεξανδρείας ἐπίσκοπος Ἰωάννης ὁ Ταβεννησιώτης, ἀνὴρ καὶ οὗτος ὅσιος καὶ τῶν δογμάτων τῆς ἀληθείας ὑπέρμαχος, πρεσβύτερος καὶ οἰκονόμος τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐκκλησίας ὑπάρχων.

68. Οἱ Πέτρου τοῦ Μογγοῦ σπουδασταὶ χρήμασι πείθουσι καὶ ἑτέροις φενακισμοῖς [11]) βασιλέα κελεῦσαι, ὥστε Ἰωάννην τὸν Ταβεννησιώτην ἐξελαθῆναι, ὡς παρὰ τὴν αὐτοῦ γνώμην προχειρισθέντα, Πέτρον δὲ τὸν Μογγὸν

---

[1]) ὑπερέμ.
[2]) τῷ] τὸ || πρόην.
[3]) σαλοφακίαος γνοῦς.
[4]) σαλοφακάλω.
[5]) ἐκεῖνοι.
[6]) φόνος.
[7]) ἱλάριος.
[8]) ἤδη.
[9]) γνῶντες.
[10]) τὸν θρόνον; cp. Theoph. p. 125,25 de Boor.
[11]) φἐνακισμοῖς.

ἐκ τοῦ ἐν Εὐχαΐτοις προσφυγίου μεταπέμψασθαι καὶ στεῖλαι κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν. Ζήνων δὲ ταῦτα προσέταξε ποιήσας καὶ τὸ Ἑνωτικὸν τὸ λεγόμενον καὶ τοῦτο πανταχοῦ καταπέμψας· ὅπερ καὶ ἐντέτακται.

69. Ἰωάννης τὴν Πέτρου παρουσίαν αἰσθόμενος ὑπεξῆλθε τῆς πόλεως, πάντων ὁμοῦ ἐπισκόπων καὶ κλήρου καὶ μοναχῶν καὶ λαοῦ δεήσεις αὐτῷ σὺν δάκρυσι προσαγαγόντων καὶ πάντας παθεῖν ἑτοίμως ἔχειν λεγόντων ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ μένοντος σωτηρίας· ὁ δὲ τὰ μέλλοντα τολμᾶσθαι ὑπὸ τῶν Πέτρου προεννοήσας, ἐάσας ἀνεχώρησε.

70. Πέτρος ὁ Μουγγὸς καταλαβὼν [1]) Ἀλεξάνδρειαν εὐθέως τὴν σύνοδον ἀνεθεμάτισε καὶ διωγμὸν βαρύτατον κατὰ τῶν ὀρθοδόξων ἐποίησε, καὶ ἐκ τῶν διπτύχων περιελὼν τὸ ὄνομα Προτερίου καὶ Τιμοθέου τοῦ Σαλοφακιάλου τὰ τῶν καθῃρημένων ἐνέγραψε [2]), Διοσκόρου καὶ τοῦ Αἰλούρου. Τιμοθέου δὲ τὸ λείψανον ὀρύξας ἐκ τοῦ τάφου τῶν ἱερέων εἰς ἰδιωτικὸν τάφον ἀπέθετο.

71. Οἱ τῆς βασιλίδος καὶ τῆς ἔσω δεήσεις ἔπεμψαν Φήλικι [3]) καὶ τῷ μετὰ Σιμπλίκιον ἐπισκόπῳ Ῥώμης, διδάσκοντες τὰ γενόμενα καὶ ὅτι Ἀκάκιός ἐστιν ὁ ταῦτα μάλιστα δρῶν. Ἐν τοσούτῳ δὲ καὶ Ἰωάννης ὁ Ταβεννησιώτης τὴν Ῥώμην κατέλαβεν καὶ πάντα ἀπήγγειλε. Φῆλιξ [4]) δὲ συνέδριον ποιήσας ἐν τῷ ἀποστολικῷ τοῦ κορυφαίου ναῷ, δύο ἐπισκόπους καὶ ἔκδικον ἔπεμψεν εἰς Κωνσταντινούπολιν, γράψας Ἀλεξανδρεῦσι καὶ τοῖς ἔσω (τῶν) ὀρθῶν δογμάτων ἀντέχεσθαι· βασιλεῖ δὲ καὶ Ἀκακίῳ ἔγραψεν ἐκβαλεῖν τὸν Μουγγὸν ὡς αἱρετικόν· ἔγραψε δὲ καὶ τὰ ἐν Ἀφρικῇ γενόμενα φοβερὰ παρὰ τῶν Ἀρειανῶν κατὰ τῶν ὀρθοδόξων ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ διορθώσασθαι· ἐντεταγμέναι δέ εἰσι καὶ ἡ πρὸς Ζήνωνα καὶ ἡ πρὸς Ἀκάκιον ἐπιστολαί.

72. Προμαθόντες ὁ βασιλεὺς καὶ Ἀκάκιος τῶν ἀπὸ Ῥώμης σταλέντων τὴν ἄφιξιν, ἐν Ἀβύδῳ τούτους κρατηθῆναι παρασκευάσαντες, ὅσους εἶχον χάρτας ἀφείλοντο καὶ οὕτως εἰς Κωνσταντινούπολιν ἤγαγον.

73. Οἱ πεμφθέντες ἀπὸ τῆς Ῥώμης, Ζήνωνος μὲν αὐτοῖς μεθ' ὑποκρίσεως ἀπειλήσαντος, Ἀκακίου δὲ χρήμασι πείσαντος, παρὰ τὰ ἐνταλθέντα αὐτοῖς ἐκοινώνησαν Ἀκακίῳ, καίπερ τῶν τῆς πίστεως ζηλωτῶν τρεῖς διαμαρτυρίας [5]) δεδωκότων αὐτοῖς· ὧν τὴν μίαν ἀγκίστρῳ περιθέντες καὶ σχοίνῳ ἑνὸς αὐτῶν δημοσίᾳ ἐξήρτησαν, τὴν δὲ δευτέραν βίβλῳ ἐνέβαλον, τὴν δὲ τρίτην κοφίνῳ λαχάνων ἐνέθηκαν.

74. Φῆλιξ γνοὺς [6]) τὰ ὑπὸ τῶν σταλέντων γενόμενα καθαιρέσει τούτους

---

[1]) κατὰ λαβών.
[2]) ἀνέγραψε.
[3]) φίλικι.
[4]) φίλιξ.
[5]) διὰ μαρτυρίας.
[6]) φίληξ γνοῦς.

ὑπέβαλεν, ἔπεμψε δὲ καὶ Ἀκακίῳ καθαίρεσιν δι' ἐκδίκου τῆς Ῥώμης· ὁ δὲ διαδρὰς [1]) τοὺς ἐν Ἀβύδῳ λοχῶντας, εἰς τὴν μονὴν τῶν Δίου ἐλθὼν, τοῖς πρώτοις τῶν μοναχῶν καὶ τοῖς πλείοσι [2]) τῶν ζηλωτῶν λαθραίως συνέτυχε. Βουλὴ δὲ μᾶλλον ἐκράτησεν, ὥστε διά τινων μοναχῶν εἰσερχομένων εἰς τὸ ἱερατεῖον Κυριακῆς δοθῆναι τὴν καθαίρεσιν Ἀκακίῳ· οὗ γενομένου τινὲς τῶν περὶ Ἀκάκιον τοὺς μὲν τῶν μοναχῶν ἀνεῖλον, τινὰς δὲ καὶ πληγὰς ἐπιθέντες ἀπέκλεισαν. Ἀκακίῳ δὲ φροντὶς περὶ τῆς καθαιρέσεως οὐκ ἐγένετο, ἀλλὰ καὶ εἰσελθὼν ἐλειτούργησε καὶ τὸ ὄνομα Φήλικος [3]) ἐκ τῶν διπτύχων ἀπήλειψε [4]) καὶ τὰ συνήθη πάντα ἐτέλεσε.

75. Ἀκάκιος ιη' ἔτη τῆς ἐπισκοπῆς προεδρεύσας ἐτελεύτησε καὶ προχειρίζεται Φραυίτας [5]) πρεσβύτερος τοῦ ναοῦ τοῦ ἐν Συκαῖς Θέκλης τῆς πρωτομάρτυρος, καὶ τρεῖς ἥμισυ μῆνας ἐπιζήσας ἐτελεύτησε καὶ προχειρίζεται [6]) Εὐφήμιός τις πρεσβύτερος, ζηλωτὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, ὃς ἐξαυτῆς [7]) τὸ ὄνομα τοῦ Μουγγοῦ ἀπήλειψεν τῶν ἱερῶν διπτύχων.

76. Πέτρος ὁ Κναφεὺς ἀπέθανεν καὶ προχειρίζεται Παλλάδιός τις πρεσβύτερος.

77. Οἱ Μανιχαῖοι πολλὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει παῤῥησίαν ἔσχον· οὓς ἀνέχων Εὐφήμιος κακῶς ἔφερεν· ὃς ἐπιβουλευθεὶς, ἰδιωτικῷ σχήματι φυγὼν, διεσώθη· προχειρίζεται δὲ Μακεδόνιος, πρεσβύτερος ὑπάρχων τῆς Ἐκκλησίας καὶ σκευοφύλαξ, ὃς τὸ ἐνωτικὸν Ζήνωνος καθυπέγραψεν· ὁ δὲ Εὐφήμιος (sic) εἰς Εὐχάϊτα περιορισθῆναι ὁ βασιλεὺς προσέταξεν.

78. Μακεδόνιος ἀσκητικὸς ἦν καὶ ἱερὸς, ὡς ὑπὸ Γενναδίου τραφείς· οὗ καὶ ἀδελφιδοῦς, ὡς λόγος, ὑπῆρχεν.

Σημειώσεις εἰς τὰ Βατοπεδινὰ τεμάχη.

1 — 5. Ἐπειδὴ ὁ Θεόδωρος ἤρξατο τῆς ἱστορίας ἀπὸ τοῦ πατριάρχου Πρόκλου, ἑπόμενον ὅτι σκοπὸν εἶχε τοῦ νὰ συνεχίσῃ τὴν ἱστορίαν τοῦ Σωκράτους, ὅστις ἀκριβῶς ἐπέρανε ταύτην εἰς τὴν πατριαρχίαν τοῦ Πρόκλου. Εντεῦθεν δύναταί τις νὰ ὑποθέσῃ, ὅτι ὁ Θεόδωρος ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς ἰδίας στορίας θὰ εἶχε συνοψίσῃ τὰ περὶ τοῦ Πρόκλου εἰρημένα τῷ Σωκράτει καὶ συμπληρώσῃ ταῦτα βοηθείᾳ ἄλλων τινῶν ἀγνώστων ἡμῖν πηγῶν. Τὰ Βατοπεδινὰ τεμάχη 1, 2, 3, 4 καὶ 5 φαίνονται νὰ ἔχωσι τοιαύτην γένεσιν, διότι

[1]) διὰ δρᾶς.
[2]) πλείωσι.
[3]) φίληκος.
[4]) ἀπείλειψε.
[5]) προχειρίετε φανίτας.
[6]) προχειρίζετε.
[7]) ἐξ αὐτῆς.

ἡ ἐν αὐτοῖς τοῦ Σωκράτους ἐπίδρασις εἶναι ἀρκούντως ἁπτή. Οὕτω τὸ 1-ον Βατοπεδ. ἀπόσπασμα συνοψίζει τὰ περὶ τῆς εἰς πατριάρχην ἐκλογῆς τοῦ Πρόκλου εἰρημένα τῷ Σωκράτει VII, μ' 1—4. Ὡσαύτως τὸ 2-ον εἶναι συντεταγμένον ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, μδ'. Ὁ Θεοφάνης (92,16—19 de Boor) ἐγίνωσκε, τὸ τεμάχιον τοῦτο τοῦ Θεοδώρου ἐξ ἄλλου τινὸς ἐκλογαρίου κατὰ σύνταξιν διάφορον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς, οὕτω· „Τούτῳ τῷ ἔτει ἦλθεν Οὐαλεντινιανὸς ἀπὸ Ῥώμης, ὁ Γάλλας Πλακιδίας καὶ Κωνσταντίου υἱός, ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ ἔγημε γυναῖκα τὴν θυγατέρα Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως Εὐδοξίαν, τὴν ἐξ Εὐδοκίας γεννηθεῖσαν αὐτῷ, καὶ ἐπανῆλθεν ἐν Ῥώμῃ". Καὶ τὸ 3-ον Βατοπεδινὸν ἀπόσπασμα εἶναι συντεταγμένον ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, με',1 — 4· εὑρίσκεται δὲ καὶ παρὰ τῷ Cramer II, 100, 26—30, μετά τινων διαφορῶν· οἷον ἐλλείπει τῷ παρισιακῷ ἀντιγράφῳ τὸ ὄνομα Θεοδόσιον· καὶ πάλιν ἀντὶ τοῦ τούτου, ὅπερ ἐγὼ διώρθωσα εἰς τούτῳ, ἀναγινώσκεται ἐκεῖ τὸ τοῦτο· ὡσαύτως τὸ τέλος ἔχει ὧδε· ἔτη λε'. Πρὸς τὸ αὐτὸ ἀπόσπασμα πρβλ. Θεοφάνους 92—93. Τὸ 4-ον Βατοπεδινὸν ἀπόσπασμα, ὅπερ ὑπάρχει καὶ παρὰ τῷ Cramer II, 100,31—33 (πρβλ. Θεοφ. 92,25—29) εἶναι συντεταγμένον ὡσαύτως ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, μζ'. Τοῦτ' αὐτὸ σημειωτέον καὶ περὶ τοῦ 5-ου ἀποσπάσματος, πρὸς ὃ πρβλ. Σωκρ. VII, μη' 1 — 5.

6. Τὸ περὶ τῶν Ἰουδαίων τοῦτο ἀπόσπασμα, ὅπερ ἐν μόνῃ εὑρίσκεται τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ, διηγεῖται πράγματα, ἅτινα θὰ συνέβησαν ἴσως περὶ τὸ ἔτος 438—439· τοῦτο δ' εἰκάζω ἐκ τοῦ ὅτι ἔτει 439-φ ἀπελύθη αὐτοκρατορικὸν πρόσταγμα σφοδρὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων οὗτινος ἓν λείψανον εὑρίσκεται ἐν τῷ Cod. Iustinian. I, IX, 18.

8. Πρβλ. Θεοφάνους 96,3 — 7.

9. Πρβλ. Θεοφ. 96,7 — 9.

10. Cramer 100—101.

12. Μετὰ τὸ ἐτελεύτησε πάντως ἐξερρύη τι· νομίζω δ' ὅτι βοηθείᾳ τοῦ Θεοφάνους (97,29—33) ὀφείλομεν νὰ γράψωμεν οὕτω· „Κύριλλος ἐπίσκοπος ἐτελεύτησεν, (ὃν διεδέξατο Διόσκουρος), διδασκαλικὸς" κτλ.

13. Πρβλ. Θεοφ. 97,27—29.

14. Τὰ τοῦ Εὐτυχοῦς ὁ Θεοφάνης (99,28—100,2) γινώσκει ἐξ ἄλλης πηγῆς. Πρβλ. Εὐαγρ. I,9. Λεοντίου Βυζαντίου σχόλια παρὰ τῷ Migne, Patrol. grac. 86, σ. 1224 — 1225. Ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει μονὴ τοῦ Ἰὰβ δὲν ἀναφέρεται ἀλλαχοῦ.

17. Πρβλ. Θεοφ. 101,11—18, ὅστις ἔλαβεν ἐκ τούτου τοῦ ἀποσπάσματος ὀλίγας τινὰς λέξεις.

22. Πρβλ. Θεοφ. 101,13—17. Γεωργίου μοναχοῦ χρονικὸν 105,10—16 Muralt. Γεωργ. Κεδρ. 600,^{15}— 601,^{1} Bonn.

23. Παρὰ τῷ Cram. 101,5—8, μέχρι τῆς λέξεως ὑπέστρεψε. Ἐν τοῖς Ξανθοπουλείοις ἀποσπάσμασι I, α', ἔνθα καὶ προσθήκη περὶ μιᾶς εἰκόνος τῆς Θεοτόκου γραφείσης ὑπὸ τοῦ ἀποστόλου Λουκᾶ. Τὰ κείμενα ταῦτα διαφέρουσιν ὀλίγον πρὸς ἄλληλα· ἐκ δὲ τῶν διαφορῶν ἀξιόλογος φαίνεται οὖσα ἐν τῷ Βατοπεδινῷ κώδικι ἡ τοῦ σπαραχθείς, ὅπερ ἐν τοῖς ἄλλοις κειμένοις ἔχει οὕτω· περιχθεὶς ἢ παραχθείς· ἀλλ' ὡς τοῦτο ἔχει εἶναι δυσνόητον, διότι τὸ νὰ παραχθῇ τις εἰς ποταμὸν ἁπλῶς δὲν δύναται νὰ προχαλέσῃ θάνατον, ἂν μή τι ἐκεῖσε τοῦτον προξενήσῃ. Κατ' ἐμὲ λοιπὸν τὸ τοῦ Βατοπεδινοῦ κώδικος σπαραχθεὶς εἶναι σημαντικὸν εἰς ἀνεύρεσιν τοῦ αἰτίου τοῦ θανάτου. Ὁ Ζωναρᾶς (τόμ. 3, σ. 244 Dind.) λέγει ταῦτα περὶ τοῦ θανάτου Θεοδοσίου τοῦ Νέου· „τὴν δ' αἰτίαν τῆς αὐτοῦ τελευτῆς οἱ μὲν νόσον γεγονέναι φασίν, οἱ δ' ἐν θήρᾳ οἱ ἐλαύνοντι συμπεσεῖν τὸν ἵππον ἱστόρησαν καὶ πληγέντων αὐτῷ καιρίων μερῶν μετ' ὀλίγον θανεῖν". Ἂν τις τώρα λάβῃ ὑπ' ὄψει τὴν δευτέραν παράδοσιν καὶ τὸ σπαραχθείς, νομίζω ὅτι δὲν θὰ εἴπῃ τι παράλογον, ἂν ζητήσῃ νὰ συμπληρώσῃ τὸ ἀπόσπασμα τοῦτο τοῦ Θεοδώρου οὕτω· „Θεοδόσιος ἐξῆλθεν εἰς κυνήγιον εἰς Λεῦκον ποταμόν, (τῷ δὲ ἵππῳ συμπεσὼν καὶ) σπαραχθείς" κτλ.

24. Ξανθοπ. I, β', ἔνθα τὸ χρημάτων δὲν ὑπάρχει.

25. Cramer 101,9—12.

29. Πρβλ. Ξανθοπ. I, δ'. Cram. 101,13—23.

31. Πρβλ. Θεοφ. 106,30—107,3.

32. Πρβλ. Θεοφ. 106,25—29. Ξανθοπ. I, ε'.

34. Cram. 101,24—29. Πρβλ. Ξανθοπ. I, ς'. Θεοφ. 109.27—30.

35. Cram. 102,13—18. Πρβλ. Ξανθοπ. I, η'.

36. Πρβλ. Cram. 102,19—25. Ξανθοπ. I, η'. Θεοφ. 109,31—110,4.

37. Πρβλ. Cram. 102,25—27. Ξανθοπ. I, θ'. Θεοφ. 110,24—27.

38. Cram. 102,28 κέ. Πρβλ. Θεοφ. 111,15—16.

39. Πρβλ. Θεοφ. 111,16—19, ἔνθα λέξεις τινὲς μόνον τοῦ Θεοδώρου περιέχονται· πρὸ δὲ τοῦ πέμψας ἴσως ὑπῆρχε τὸ ὄνομα Στήλαν, ὃν ἀναφέρει ὁ Εὐάγριος, σ. 59 Lond.

40. Πρβλ. Θεοφ. 111,29 — 112,3, ἔνθα ὀλίγαι μόνον λέξεις ὑπάρχουσι τοῦ Θεοδώρου.

41. Ξανθοπ. I, ιγ'. Πρβλ. τοῦ αὐτοῦ Ἐκκλησ. ἱστορ. XV, § 2 (Migne τ. 147, σ. 65 c.).

42. Πρβλ. Θεοφ. 112,3—5.

43. Πρβλ. Θεοφ. 112,8—11.

44. Πρβλ. Θεοφ. 112,5—8.

45. Cram. 103,18—23. Πρβλ. Ξανθοπ. I, ιε'. Θεοφ. 112,29—32.

46. Ξανθοπ. I, ις'. Cram. 103,24—26.

47. Ξανθοπ. I, ιζ'. Cram. 103,27-28. Θεοφ. 113,3—4.

48. Ξανθοπ. I, ιη'. Cram. 103,31—32. Θεοφ. 114,11—12.

49. Cram. 103,33—104,4.

50. Cram. 104,5—11. Πρβλ. Θεοφ. 114,12—18.

52. Πρβλ. Ξανθοπ. I, κ', ἔνθα τὸ Βατοπεδινὸν εὑρίσκεται μετὰ δύο ἕτερα συνηνωμένα τεμάχη.

53. Ξανθοπ. I, κα'. Πρβλ. Θεοφ. 113,28—34.

54. Ξανθοπ. I, κβ'. Πρβλ. Θεοφ. 113,34—114,4.

56. Ξανθοπ. I, κς'. Cram. 104,28—32. Πρβλ. Θεοφ. 112,33—114,2.

57. Cram. 105,2—4. Πρβλ. Ξανθοπ. I, κδ'. Θεοφ. 109,29—30.

58. Πρβλ. Cram. 105,5—9. Ξανθοπ. I, κζ'. Θεοφ. 120,1—7.

59. Ξανθοπ. I, κη', κθ'. Πρβλ. Θεοφ. 120,26—30, 121,1—5.

60. Ξανθοπ. I, λ'. Πρβλ. Θεοφ. 121,5—8.

61. Ξανθοπ. I, λ', ἔνθα τὸ αἰσχόνης τοῦ Βατοπεδινοῦ κώδικος εἶναι μεταβεβλημένον ἀνοήτως εἰς εἰρήνης. Ὁ Θεοφάνης (121,8—11) βεβαιοῖ ἐν τούτῳ τὸν Βατοπ. κώδικα.

62. Ξανθοπ. I, λα', ἔνθα τὸ τύπων ἐκβαλλόντων ὑπάρχει οὕτω. τύπου ἐκβαλών. Ὁ Θεοφάνης (121,12—14) βεβαιοῖ τὴν αὐθεντίαν τοῦ τύπων.

63. Πρβλ. Θεοφ. 122,22-24.

64. Πρβλ. Cram. 105,10—14, ἔνθα δὲν ὑπάρχουσι τὰ ἐν τῷ Βατοπεδινῷ κώδικι „Τιμόθεος ὁ Σαλοφακίολος γνοὺς τὴν ἐπὶ Ἀλεξάνδρειαν τοῦ Αἰλούρου ἔφοδον ὑπεχώρησεν ἐν τοῖς μοναστηρίοις τοῦ Κάνωπος, ὧν ἐγεγόνει καὶ τῆς ἀσκήσεως“. Ταῦτα ὅμως ὅρα παρὰ τῷ Θεοφάνει 121,14—17, προσθέντι (αὐτόθι 17—21) καὶ τὰ ἐχόμενα τῷ ἡμετέρῳ τεμαχίῳ.

65. Cram. 105,15—18. Πρβλ. Θεοφ. 121,22—25.

67. Πρβλ. Θεοφ. 125,19—25. 128,27—30. Παρὰ τῷ Cramer 105,19—22, εὑρίσκεται μόνον τὸ περὶ Ἰωάννου τοῦ Ταβεννησιώτου μέρος τοῦ Βατοπεδινοῦ τεμαχίου.

68. Πρβλ. Θεοφ. 130,9—14.

69. Πρβλ. Θεοφ. 130,18—21.

70. Cram. 105,23—28.

71. Πρβλ. Θεοφ. 131,21—29.

72. Πρβλ. Θεοφ. 131,31—132,2.

73. Πρβλ. Θεοφ. 132,20—26.

74. Πρβλ. Θεοφ. 132,26—33. Νικηφ. ἐκκλησ. ἱστορ. XVI,17, ἔνθα μνημονεύεται Βασίλειος ὁ Κίλιξ ἀντὶ τοῦ Θεοδώρου.

75. Ὅτι ὁ Φραυΐτας ἦτο πρεσβύτερος τοῦ ἐν Συκαῖς ναοῦ τῆς ἁγίας Θέκλης, ἐγινώσκομεν πρότερον ἐκ τοῦ χρονογραφικοῦ συντόμου τοῦ Νικη-

φόρου (ἐκδ. de Boor, σ. 116). Ἐλάχιστον μέρος τοῦ Βατοπεδινοῦ ἀποσπάσματος ἐξ ἄλλης τινὸς αὐτοῦ συντάξεως ἐχρησιμοποίησεν ὁ Θεοφάνης 133,14—17.

76. Πρβλ. Θεοφ. 135,21—22.

77. Πρβλ. Ξανθοπ. II, ζ', ια', ιβ', ιγ'.

78. Ξανθοπ. II, ιδ'. Πρβλ. Θεοφ. 140,26—27.

Α. ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ.

Ἐν Πετρουπόλει, 30 Ὀκτωβρίου 1900.

О МИНѢ ВЪ 70 ДРАХМЪ.

Въ статьѣ о „дельфійскихъ Лавіадахъ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, ноябрь, стр. 56—72) мнѣ пришлось, хотя и между прочимъ, довольно подробно говорить относительно уясненной недавно на основаніи дельфійскихъ документовъ IV вѣка комбинированной евбейско- (или аттическо-) эгинской системы денежнаго счета.

Талантъ = 60 минъ.
Мина = 35 статировъ или 70 драхмъ.
Статиръ = 2 драхмы.
Драхма = 6 оволовъ.

Статиръ, драхма и оволъ здѣсь эгинскіе, а талантъ и мина — евбейскіе: 70 эгинскихъ драхмъ составляютъ круглымъ счетомъ (вмѣсто болѣе точнаго числа 73) одну евбейскую или аттическую мину (разницы между послѣдними я здѣсь не касаюсь). Мною уже были отмѣчены замѣтки или статьи по поводу этой системы *Bourguet* (ВСН. XX 210), *B. Keil*'я (Hermes XXXII 403 сл.) и *S. Reinach*'а (ВСН. XX 251 сл. и 385 сл.). Ренакъ между прочимъ обнаружилъ счетъ по этой системѣ въ Дельфахъ во второй половинѣ II вѣка, именно въ манумиссіи IX жреческой эпохи *Curtius* Anecd. 29 = *Collitz* II 2287, и усмотрѣлъ слѣды этого счета въ Эпидаврѣ въ IV вѣкѣ. Я съ своей стороны, подобравъ матеріалы изъ дельфійскихъ манумиссій относительно выкупной цѣны рабовъ, пришелъ къ выводу о *послѣдовательномъ примѣненіи* этой системы счета въ II и I вѣкахъ до Р. Х. въ Дельфахъ. Въ настоящей замѣткѣ позволяю себѣ снова вернуться къ этой системѣ, главнымъ образомъ, чтобы указать на желательность общаго пересмотра всѣхъ нашихъ извѣстій о денежномъ счетѣ въ

разныхъ мѣстностяхъ Греціи и въ разные періоды. Въ самомъ дѣлѣ, весьма возможно, что, слѣдуя традиціонно установившимся взглядамъ, изслѣдователи иногда производили вычисленія, разсчеты и выводы съ точки зрѣнія нормальной эгинской мины (въ 100 эгинскихъ драхмъ), когда въ источникѣ на дѣлѣ разумѣется мина въ 70 драхмъ, т. е., въ сущности, аттическая. Ошибка получается не малая: 100 вмѣсто 70. Особенно при современномъ интересѣ къ изученію экономической стороны древности возможность такой ошибки обязываетъ всегда ставить вопросъ, съ какимъ счетомъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ документѣ. Отвѣтъ на это далеко не всегда можно найти въ самомъ документѣ. Искать его приходится въ другихъ одновременныхъ или близкихъ по времени документахъ той же мѣстности, а при отсутствіи такого матеріала, пожалуй, не безполезно иногда поискать его по сосѣдству. Нерѣдко вопросу суждено до поры до времени оставаться открытымъ. Желательнѣе всего, чтобы полное сведеніе и точное и всестороннее изученіе данныхъ о денежномъ счетѣ было сдѣлано въ видѣ отдѣльной работы, которая впослѣдствіи могла бы служить справочной книжкой для работающихъ въ спеціальной области и на новооткрываемомъ матеріалѣ. Такая метрологическая работа желательна со стороны лица, компетентнаго и въ эпиграфикѣ, и въ нумизматикѣ. Выводъ, основанный только на изученіи мѣстныхъ монетъ, можетъ оказаться одностороннимъ и невѣрнымъ: существованіе въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время эгинской монеты, какъ мы теперь видимъ, еще не говоритъ о счетѣ по эгинской минѣ. Трудно было бы напередъ указать соотвѣтствующіе критеріи для каждаго отдѣльнаго случая. Они чаще подсказываются наличностью самого матеріала. Напр., въ упомянутой выше манумиссіи цѣну въ 2 мины, 17 статировъ и 1 драхму необходимо принять $2^1/_2$ мины, такъ какъ тамъ же указанъ извѣстнаго рода штрафъ, а штрафъ этотъ обычно въ 6 разъ больше цѣны [1]).

Намекъ на мину въ 70 драхмъ иногда дается въ извѣстной, такъ сказать, неокругленности суммы, если разсматривать эту сумму съ точки зрѣнія 100-драхмовой мины, и округленности при счетѣ по 70-драхмовой, — въ этомъ отношеніи количество 2 м. 17 ст. 1 др. могло бы остановить на себѣ вниманіе и само по себѣ, помимо того, что оно при умноженіи на 6 даетъ 15. Если аналогичная неокруглен-

---

[1]) Какимъ образомъ получается эта шестикратность, когда ожидается увеличеніе въ $1^1/_2$ раза, которое иные неправильно принимаютъ за увеличеніе въ $2^1/_2$ раза, объ этомъ придется сказать отдѣльно.

ность въ отношеніи къ 100 попадается для даннаго мѣста и времени неоднократно и объясняется лишь тѣми или другими долями изъ 70 или 35, то выводъ представляется надежнымъ. Въ изобилующихъ числовыми данными документахъ со счетомъ на (таланты,) мины и драхмы или статиры количества драхмъ или статировъ, если они всегда ниже 70, resp. 35, *могутъ* говорить за 70-драхмовую мину, если же они бываютъ и выше 70, resp. 35, то говорятъ за 100-драхмовую. Несомнѣнное преобладаніе (при счетѣ только драхмами) крупныхъ количествъ драхмъ, кратныхъ съ 70 или 35, надъ кратными съ 100 или 50 говоритъ о 70-драхмовой минѣ, но изъ того, что всѣ крупныя количества драхмъ дѣлятся на 100 или 50, нельзя еще отрицать 70-драхмовую и признавать 100-драхмовую для даннаго документа: количества въ родѣ 10.000, 1.000, 1.500, 500, 150, какъ круглыя, естественны при любомъ счетѣ. Несомнѣнно, что систематическій пересмотръ денежнаго счетоводства представитъ еще много детальныхъ признаковъ, которыми можно будетъ руководствоваться при сужденіи о каждомъ отдѣльномъ документѣ. Мнѣ на основаніи W.-F. 480=Collitz II 1683, какъ я говорилъ въ упомянутой въ началѣ статьѣ, кажется, что сумма, напримѣръ, выраженная въ видѣ $14^1/_2$ минъ и 56 драхмъ, не объяснима ни при 70-, ни при 100-драхмовой минѣ. Въ настоящей замѣткѣ я не намѣренъ заниматься дальнѣйшимъ конструированіемъ или подыскиваніемъ такихъ признаковъ. Напомню только вообще, что указанныя документально количества, конечно, пригодны для соображеній о примѣняемой въ документѣ системѣ особенно тогда, когда въ нихъ выражены болѣе или менѣе постоянныя или округленныя суммы, а не случайныя или зависящія отъ стоимости, напримѣръ, купленной сегодня вещи или исполненной по заказу работы. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, размѣры вознагражденія властямъ или слугамъ, разные μισθοί, или ассигнованія суммъ на предстоящій расходъ или расходы (въ родѣ „увѣнчать χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ δραχμῶν столько то“ и т. п.) гораздо для насъ важнѣе, чѣмъ цифры пожертвованій или уплаты, такъ сказать, по счетамъ и т. п. Само собою разумѣется, что при пересмотрѣ всего матеріала *всегда необходимо „немножко ариѳметики“*.

Не задаваясь лично цѣлью систематическаго пересмотра, я приведу нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ о счетѣ по 70-драхмовой минѣ, отчасти въ связи съ работами надъ дельфійскимъ матеріаломъ, отчасти какъ результатъ болѣе или менѣе случайныхъ marginalia.

Говоря о Лавіадахъ, я съ непонятной послѣдовательностью повторяю

одинъ недосмотръ. Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, январь, стр. 60, я дважды отмѣчаю, что τεθμὸς πὲρ τῶν ἐντοφηΐω воспрещаетъ класть въ могилу съ покойникомъ вещей на сумму больше *тридцати* драхмъ. А въ надписи (С 20—21) стоитъ μὴ πλέον πέντε καὶ τριάκοντα δραχμᾶν. Позднѣе, говоря о денежномъ счетѣ въ Дельфахъ (ноябрь, стр. 61), я указываю изъ декретовъ и законовъ Лавіадовъ количества въ 5, 10, 20, *30* и 50 драхмъ: и здѣсь 30 попало ошибочно вмѣсто 35. Ошибка эта существенна: появленіе здѣсь суммы въ 35 драхмъ *можетъ* говорить о 70-драхмовой минѣ, такъ какъ здѣсь довольно естественно ожидать довольно круглое количество, т. е. въ данномъ случаѣ ἡμιμναῖον, какъ на это указалъ *Баунакъ* (у *Collitz'а* II стр. 728). Соотвѣтственно этому въ той статьѣ нужно измѣнить нѣкоторыя частности разсужденій, а именно возникновеніе 70-драхмовой мины *можно* относить ко времени болѣе раннему,—къ концу V вѣка или началу IV-го. Эти измѣненія по существу нисколько не затрогиваютъ моей гипотезы о счетѣ въ W.-F. 480=*Collitz* II 1683, т. е. въ той надписи, которою въ статьѣ о Лавіадахъ былъ вызванъ метрологическій экскурсъ [1]).

Счетъ по 70-др. минѣ я теперь нахожу еще въ дельфійской манумиссіи W.-F. 126=*Collitz* II 1791, 170/69 г. до Р. Хр. Дельфіецъ

---

[1]) Эта гипотеза касалась упомянутой выше суммы $14^1/_2$ минъ и 56 драхмъ. Изъ нея слѣдуетъ, что въ первой половинѣ V-го вѣка въ дельфійской минѣ было болѣе 112 драхмъ. Я ставилъ вопросъ: не было ли тогда въ Дельфахъ системы, комбинировавшей мелкія единицы *эвбейскія* (оволъ, драхма, статиръ) съ крупными *эгинскими* (мина, талантъ), т. е. системы прямо противоположной 70-драхмовой минѣ? Тогда могла получиться мина приблизительно въ 137 драхмъ, при чемъ на практикѣ цифра могла быть такъ или иначе округлена. Въ настоящее время у меня возникло сомнѣніе въ необходимости такой гипотезы, но вовсе не въ зависимости отъ исправленія указанной выше ошибки (35 вм. 30). Издатели Recueil des inscriptions juridiques grecques, II série (1898), стр. 139, по поводу коркирской надписи *Collitz* III A 3206=CIGS. III 694 (строка 53—55: μὴ πλείονος τόκου δανείζοντες ἢ δύο δραχμᾶν τὸν μῆνα ἕκαστον τὰν μνᾶν μηδ' ἐλάσσονος) полагаютъ, что прежніе толкователи надписи допускали здѣсь нумизматическую ошибку, считая мину за 100 драхмъ и такимъ образомъ опредѣляя τόκος въ 24%. Сами они напоминаютъ здѣсь о *коринфской* минѣ, распадавшейся на 50 статировъ=*150 драхмъ*. При такой драхмѣ получается лишь 16%. *Биллетеръ* (Gesch. des Zinsfusses im griech.-röm. Altert., 1898), удивлявшійся столь высокому проценту, какъ 24%, для времени не позже II вѣка (см. стр. 62 — 65), съ радостью принимаетъ въ Nachträge (стр. 381) толкованіе издателей Recueil'я. Спрашивается: не допустима ли такая коринфская 150-драхмовая мина и для толкованія „$14^1/_2$ минъ и 56 драхмъ" въ W.-F. 480? Пока я ограничиваюсь лишь вопросомъ.

Аминта отпустилъ своего раба Главкія за 5 минъ, поставивъ кромѣ того такое условіе: κατενεγκάτω δὲ Γλαυκίας τὸν ἔρανον, τὸν συνᾶξαν Ἄθαμβος καὶ Εὐαγόρας, τὸ ἥμισσον φέρων κατὰ τετράμηνον, στατῆρας πέντε καὶ δέκ' ὀβολούς, ἐπὶ τὸ Ἀμύντα ὄνομα, ἄχρι κα λήξῃ ὁ ἔρανος. И первые издатели, и Баунакъ ставятъ запятую послѣ κατὰ τετράμηνον; я предпочелъ бы, если уже ставить, поставить ее предъ κατὰ τετράμηνον. Сумма 5 стат. и 10 оволовъ (=1 др. 4 ов.), очевидно, составляетъ половину третного взноса со стороны Аминты. Цѣлый третной взносъ= 11 ст. 1 др. 2 ов. Годичный взносъ, оказывается, 35 статировъ, т. е., очевидно, Аминта долженъ былъ вносить по минѣ въ годъ (ср. напримѣръ, W.-F. 244=1909: κατενενκάτω δὲ Κῶμος Φιλοκράτει ἀργυρίου μνᾶς δεκατρεῖς ἐν ἐτέοις δεκατρίοις, φέρων τοῦ ἐνιαυτοῦ μνᾶν ἐν τὸν ἔρανον τὸν Ἀρχελάου). Этотъ новый случай вмѣстѣ съ указанными прежде (у Ренака и у меня) заставляетъ считать всѣ мины дельфійскихъ манумиссій за 70-драхмовыя, если въ текстѣ документа не присоединено иного опредѣленнаго обозначенія.

Въ извѣстной большой надписи о мистиріяхъ изъ *Андапіи Dittenberger* Syll.[2] 653 = Michel 694, въ отдѣлѣ „Εἱματισμοῦ" говорится: αἱ δὲ γυναῖκες — — αἱ μὲν ἰδιώτιες ἐχόντω χιτῶνα λίνεον καὶ εἱμάτιον μὴ πλείονος ἄξια δραχμᾶν ἑκατόν, αἱ δὲ παῖδες — — — μὴ πλείονος ἄξια μνᾶς, αἱ δὲ δοῦλαι — — — μὴ πλείονος ἄξια δραχμᾶν πεντήκοντα· αἱ δὲ ἱεραί, αἱ μὲν γυναῖκες — — — μὴ πλείονος ἄξια δύο μνᾶν, αἱ δὲ [παῖδε]ς — — — μὴ πλείονος ἄξια δραχμᾶν ἑκατόν. По видимому, здѣсь имѣются двѣ градаціи понижающагося порядка, именно: a) 100 драхмъ—1 мина—50 драхмъ, b) 2 мины—100 драхмъ. *Заyппе* еще въ 1860 г. (Die Mysterieninschr. von Andania, теперь въ Ausgew. Schriften, въ примѣчаніи къ данному мѣсту) въ виду такого порядка, при которомъ мина оказывается по срединѣ между 100 и 50 драхмами, сказалъ: „Fast sollte man meinen, dass eine Mine weniger, als 100 Drachmen gehabt habe". *Мейстеръ*, переиздавая надпись у Коллица (III B 4689, стр. 135), приводя слова Заyппе, прибавляетъ, что „мы, какъ кажется, имѣемъ здѣсь комбинацію аттическаго и эгинскаго монетнаго счета и что, при правильности этого предположенія, оказывается, что эта система существовала въ Пелопоннисѣ и въ I вѣкѣ до Р. Хр." (надпись — начала этого вѣка). Предположеніе это и для меня довольно вѣроятно. Я при этомъ обращаю вниманіе еще на τίμαμα μὴ ἔλασσον ταλάντου (стр. 46) и τὸ διδόμενον αὐτῶι διάφορον ὑπὸ τῆς πόλεος δραχμὰς ἑξακισχιλίας: если говорится то о „талантѣ", то о „5.000 драхмъ", то *можно* думать,

что въ талантѣ было не 6.000 драхмъ (при 70-драхмовой минѣ въ талантѣ 4.200 драхмъ). Прочія числовыя данныя надписи безотносительны: 20 драхмъ (стр. 77, 102, 106, 111, 162), 300 (38), 500 (82), 1.000 (6, 9, 52), 2.000 (62). Параллельнаго матеріала для Анданіи, кажется, нѣтъ.

Тотъ же счетъ я нахожу, кажется, и въ *Орхоменѣ аркадскомъ*. Въ Athen. Mitth. VI, Beilage къ стр. 304, *Мильхгёферъ* издалъ maiusculis камень съ не вполнѣ сохранившимися двумя орхоменскими манумиссіями, которыя онъ считаетъ моложе начала II вѣка. Первую манумиссію въ транскрипціи и съ болѣе или менѣе вѣроятными дополненіями даетъ *George Foucart* (De libertorum conditione ap. Atheniens., 1896, стр. 26), вторая, по видимому, до сихъ поръ остается безъ транскрипціи. Здѣсь не мѣсто возстановлять оба текста, а достаточно привести только параллельныя мѣста изъ нихъ. Въ первомъ читаемъ (стр. 2) τᾶς ἀπελευθερώσιος ἀργυρίου ἡμιμναῖον κατὰ τὸν νόμον; во второмъ (стр. 16): [τᾶς ἀπελευθε]ρώσιος τὸ ἐκ τοῦ νόμου στατῆρας ὀκτὼ ἐννέ[α ὀβολούς]. Мое дополненіе ὀβολούς (о формѣ имени не говорю) несомнѣнно, такъ какъ, очевидно, здѣсь рѣчь была не о драхмахъ. Очевидно, въ 8 ст. 9 овол., иначе говоря, въ 17½ драхмахъ мы имѣемъ ¼ мины ($17\frac{1}{2} \times 4 = 70$), разумѣется, 70-драхмовой. Этой четверти мины въ первомъ текстѣ соотвѣтствуетъ ἡμιμναῖον.

Въ найденной въ *Ѳивахъ* надписи CIGS. I 2426 = *Michel* 588, содержащей отчетъ не то ѳивскаго (*Dittenberger* въ CIGS., *Preuss* Quaest. Boeot.), не то віотійскаго (*Wilamowitz* Hermes VIII 413 сл.) иппарха и относящейся, по Диттенбергеру, скорѣе всего ко 2-ой половинѣ II вѣка, въ „приходѣ" прежде всего стоитъ: „λῆμμα τὸ παρὰ τῆς πόλεως· Βοιωτίου ΧΧΗ". По 70-др. минѣ это составляетъ 30 минъ = ½ таланта. Въ „расходѣ" (ἄλωμα) прежде всего указаны выдачи семи лицамъ (по Виламовицу, илархамъ віотійскаго союза) съ помѣтой „ἀργυρίου συμμαχικοῦ" предъ каждой цифрой выдачи. Цифры эти слѣдующія: 280, 210, 140, 175, 280, 280 и 245 драхмъ. Уже Виламовицъ обратилъ вниманіе на градацію въ жалованьѣ этихъ офицеровъ: 8 : 7 : 6 : 5 : 4. При дѣленіи чиселъ драхмъ на 70 получимъ: 4, 3, 2, 2½, 4, 4, 3½. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что эти выдачи въ драхмахъ имѣютъ прямое отношеніе къ интересующей насъ минѣ, такъ какъ точно равняются тому или другому количеству цѣлыхъ минъ или полуминъ. На ряду съ приведенными количествами, представляющими, очевидно, опредѣленное вознагражденіе или жалованье, прочія не могутъ говорить ни за, ни противъ данной мины,

какъ до извѣстной степени случайныя. Именно, въ приходѣ есть еще суммы отъ продажи лошадей, за одну 85, за другую 86 драхмъ χαλκοῦ, за третью 110 драхмъ συμμαχικοῦ, и въ расходѣ за στήλη 7 драхмъ 3 овола (по CIGS. указано четыре овола, въ Hermes три: тутъ или ошибка въ копіи, или одна изъ ошибокъ на камнѣ,—прочія исправлены уже въ Hermes), за ἀρτάμησις τοῦ βοός 5 драхмъ и Καφισοδώρωι ἀργυρίου συμμαχικοῦ δραχμῶν ἑκατὸν δέκα τιμὴν χαλκοῦ 137 драхмъ 3 овола [1]). Кстати сказать, изъ данныхъ счетовъ выходитъ, что „Βοιωτίου" (если подразумѣвать ἀργυρίου) не отличается отъ „συμμαχικοῦ".

Приведу еще нѣсколько сомнительныхъ случаевъ, на которыхъ я останавливался, не рѣшаясь сказать ни да, ни нѣтъ.

Въ надписи изъ *Гиѳія* (въ Лаконикѣ) въ *честь* Немерія (Нумерія) и Марка Клоацієвъ (*Dittenberger* Syll. [2] 330 = *Collitz* III B 4568), относящейся ко времени около (послѣ) 86 года до Р. Х., между прочимъ говорится, что эти „благодѣтели" ссудили городу 4200 драхмъ τόκου τετραδραχμιαίου. Число 4200 само по себѣ достаточно округленное, такъ что, пожалуй, тутъ и нѣтъ никакого отношенія къ извѣстному числу минъ. Но результатъ отъ дѣленія на 70 соблазнителенъ: 4200 : 70 = 60, т.-е. при 70 драхмовой минѣ оказывается, что городъ получилъ отъ Клоацієвъ круглую сумму—1 талантъ. При этомъ можно было бы принять во вниманіе, что деньги-то понадобились гиѳеатамъ ἐν τῶι ἐπὶ Τιμοκράτεος ἐνιαυτῶι, ὅτε Ἀντώνιος παρεγένετο, какъ полагаетъ Биллетеръ (Gesch. d. Zinsfusses 93), um an den brandschatzenden Römer—den spätern Consul!—die Contribution zu bezahlen круглая сумма тутъ была бы подходящей. Въ надписи упоминается еще о двухъ прежнихъ долгахъ города Клоаціємъ и указанъ размѣръ второго изъ нихъ, именно 3965 драхмъ. По 70-др. минѣ это = 56 минъ 45 драхмъ. Отсюда нельзя ничего извлечь въ *пользу* той мины, но и ничего *противъ* нея: рѣчь о старомъ долгѣ, и сумма, невыразимая въ цѣлыхъ минахъ, могла получиться или вслѣдствіе уплаты части долга, или вслѣдствіе причисленія къ нему неуплаченныхъ въ срокъ процентовъ. Я не рѣшаюсь однако тутъ признать 70-драхмовой мины въ виду того страшнаго процента, который получился бы при этомъ признаніи. Уже при 100-драхмовой минѣ τόκος τετραδραχμιαῖος равняется нашимъ 48 %! Уже

---

[1]) Какъ видно изъ итоговъ расхода, χαλκοῦ относится и къ выдачамъ за στήλη и за ἀρτάμησις. Изъ уравненія 110 = 137¹/₂ видно, что отношеніе „серебра" къ „мѣди" тутъ = 100 : 125 = 4 : 5. „Серебромъ" за στήλη пришлось бы уплатить 6 драхмъ, за ἀρτάμησις 4 драхмы.

упоминаніе о такомъ процентѣ въ почетномъ декретѣ о „благодѣтеляхъ“ представляется мнѣ достаточно страннымъ, хотя изслѣдователи, ища очевидно выхода, и говорятъ намъ здѣсь объ этихъ 48 %, какъ объ „einem stehenden Satze für *solche Wuchergeschäfte*“ (*Billeter* Gesch. d. Zinsf. 93) или о „einem, wie es scheint, üblichen Prozentsatze“ (*Szanto* Wiener Stud. VIII 33). А при 70-драхмовой минѣ гиееатамъ пришлось бы платить по 4 драхмы въ мѣсяцъ, по 48 въ годъ не на 100, а на 70 драхмъ, что составило бы 68 4/7 %! Это было бы уже прямо невѣроятно, а понимать τόκον τετραδραχμιαῖον иначе, какъ „по четыре драхмы въ мѣсяцъ на мину“, едва ли возможно. Кромѣ того, можетъ быть, за обычную мину говоритъ и слѣдующій разсчетъ Биллетера. Въ надписи по поводу долга, сдѣланнаго при Тимократѣ, говорится, что Клоаціи по просьбѣ народа при Никаретидѣ εὐθυτοκίαν δίδραχμον τόκον συνεχώρησαν καὶ ἐχαρίσαντο τᾶι πόλει ἀπὸ τοῦ ὀφειλομένου χρήματος ὑπὲρ ..λίας καὶ πενταχοσίας δραχμάς, т.-е. спустя нѣкоторое время они уменьшили процентъ вдвое и согласились брать простые проценты, а не проценты на проценты и (такимъ образомъ) подарили городу „болѣе 1.500 драхмъ“ долга. Этотъ подарокъ, вѣроятно, состоялъ въ разсчетѣ процентовъ и за истекшее время не изъ 48, а изъ 24 %, и притомъ простыхъ: если отъ начала долга при Тимократѣ до уступки при Никаретидѣ прошло 1½ года, то 24% (простыхъ) за это время составили бы 1.512 драхмъ = ὑπὲρ χιλίας καὶ πενταχοσίας. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ соображеніе, основанное только на одной цифрѣ 4.200 : 70 = 60, оказывается скорѣе всего обманчивымъ, и остается допустить, что занято было 42 мины, а не 60=1 талантъ.

Фукаръ, по поводу анданійской надписи повторяющій (у Le Bas, Expl. II стр. 170 къ № 326 a) догадку Зауппе, разбирая небольшой обломокъ *тегейской* надписи (Ibid. стр. 206, № 341 e), въ которой суммы выражены числовыми знаками, замѣчаетъ, что при наиболѣе естественномъ толкованіи знаковъ оказывается, что 100 драхмъ и 1 мина обозначены различно (В и М). Отсюда, по его мнѣнію, слѣдуетъ, что мина этой надписи не равняется 100 драхмамъ, и по этому поводу онъ вспоминаетъ объ Анданіи. Обломокъ однако очень незначителенъ, и значеніе нѣкоторыхъ другихъ знаковъ неопредѣлимо съ точностью, да и за абсолютную точность своей копіи Фукаръ не ручается. Въ виду этого трудно рѣшить, съ какимъ счетомъ мы здѣсь встрѣчаемся.

Въ плохо сохранявшейся надписи изъ *Левадіи* CIGS. I 3.055 (IV вѣка) попадаются мины въ количествѣ трехъ, статиры—по 30, 10 и 5, драхмы—по 115, 70 и 10,—*по 70 три раза*. Едва ли однако отсюда можно заключать о 70-драхмовой минѣ. Въ заключеніе еще разъ отмѣчу большую или меньшую случайность моихъ замѣтокъ. Онѣ имѣютъ цѣлью лишь показать, что разбираемая мина была распространена гораздо шире, чѣмъ можно было бы предполагать сначала.

А. Никитскій.

Сентябрь 1900.
Юрьевъ.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ [1]).

Милостивые Государи!

Въ продолженіе многихъ вѣковъ классическая филологія усматривала почти исключительную цѣль своихъ занятій во всестороннемъ изученіи языка и литературы такъ называемыхъ классическихъ народовъ, древнихъ грековъ и римлянъ. Но въ началѣ нашего столѣтія эта цѣль была чрезвычайно расширена знаменитымъ филологомъ Вольфомъ, формулировавшимъ свою науку какъ науку объ общей культурѣ классической древности, представляющей собою одно органически-развитое и многозначущее паціональное цѣлое. Тщетно выдающійся Лейпцигскій профессоръ Готфридъ Германъ пытался возвратить классическую филологію къ прежнему узкому направленію и ограничить ея занятія вышеуказаннымъ тѣснымъ кругомъ. Въ полемикѣ, возникшей между нимъ и геніальнымъ ученикомъ Вольфа Августомъ Бёкомъ, послѣдній одержалъ верхъ, и въ скоромъ времени послѣ смерти обоихъ великихъ соперниковъ вездѣ была признана основная идея защищенной Бёкомъ системы классической филологіи, что цѣль и задача этой науки должна состоять въ изученіи, уразумѣніи и, такъ сказать, умственномъ возсозданіи жизни классическихъ народовъ во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, при чемъ занятія языкомъ и литературою этихъ народовъ, конечно, должны и впредь считаться основными дисциплинами филологіи.

Такое расширеніе задачъ нашей науки было вызвано не только общимъ развитіемъ отдѣльныхъ наукъ, особенно философскихъ и историческихъ, которое ознаменовало наступленіе XIX столѣтія, состоя, главнымъ образомъ, въ уразумѣніи тѣсной органической связи

[1]) Изъ вступительной лекціи, прочитанной 15-го сентября 1898 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

между всѣми историческими проявленіями человѣческаго духа, но и небывалымъ приростомъ новыхъ матеріаловъ, открытыхъ особенно въ текущемъ столѣтіи и освѣтившихъ совсѣмъ новыя стороны античной жизни.

Невозможно перечислить здѣсь всѣ памятники, относящіеся къ различнымъ явленіямъ классической культуры, которые лишь недавно стали намъ извѣстными. Уже одни литературныя произведенія, занимающія среди этихъ новонайденныхъ памятниковъ древности, если не по количеству, то по внутреннему значенію чуть ли не первое мѣсто, представляютъ изъ себя драгоцѣннѣйшее обогащеніе нашихъ познаній. Чтобы упомянуть лишь о немногихъ, но крупнѣйшихъ изъ этихъ даровъ, принесенныхъ намъ счастіемъ случайныхъ и неслучайныхъ находокъ, я назову здѣсь прежде всего такія литературныя произведенія, которыя, хотя во фрагментарномъ состояніи, удалось открыть въ нашемъ столѣтіи на такъ называемыхъ палимпсестахъ, какъ, напр., письма Фронтона, имѣющія весьма большое значеніе для характеристики всей эпохи Антониновъ, далѣе современныя имъ Institutiones знаменитаго юриста Гая, являющіяся однимъ изъ лучшихъ руководствъ по римскому праву, почти столь-же важныя для знакомства съ римскимъ государственнымъ устройствомъ книги Цицерона De re publica и антикварно-историческое сочиненіе Гранія Лициніана. За этими и другими палимпсестами слѣдуетъ, съ одной стороны, нѣсколько простыхъ, лишь недавно открытыхъ рукописей среднихъ вѣковъ, которыя познакомили насъ съ извѣстными раньше произведеніями древней литературы, какъ, напр., codex Athous и codex Vaticanus съ оригинальными баснями Бабрія, codex Einsiedlensis съ двумя любопытными стихотвореніями временъ Нерона, codex Neapolitanus со многими произведеніями поэта Драконтія и codex Virceburgensis съ 11 трактатами оригинальнаго христіанскаго еретика Присциліана, а съ другой стороны, богатѣйшая и до сихъ поръ только отчасти изданная коллекція древнихъ папирусовъ, найденныхъ главнымъ образомъ въ новѣйшее время и представляющихъ въ числѣ письменныхъ памятниковъ самаго разнообразнаго содержанія немало художественныхъ произведеній особенно греческой литературы. Такъ, напримѣръ, мы лишь недавно стали знакомиться съ многочисленными трактатами разныхъ представителей эпикурейской философіи, особенно Филодима, сохранившимися въ той части геркуланскихъ папирусовъ, найденныхъ еще въ прошломъ столѣтіи, которую до сихъ поръ удалось разобрать и прочесть; строгая же научная разработка этихъ

трактатовъ остается еще и теперь одной изъ важнѣйшихъ задачъ классической филологіи будущаго. Еще большее значеніе, чѣмъ геркуланскіе папирусы, имѣетъ цѣлый рядъ другихъ папирусовъ, которые были открыты въ новѣйшее время особенно въ гробницахъ и въ другихъ мѣстахъ Египта и теперь находятся въ Лондонской, Оксфордской, Парижской, Берлинской, Вѣнской, С.-Петербургской и другихъ библіотекахъ. Сюда относятся главнымъ образомъ фрагменты шести рѣчей остроумнѣйшаго изъ аттическихъ ораторовъ Иперида, далѣе— неоцѣнимая книга Аристотеля объ аѳинскомъ государствѣ, которая массою содержащихся въ ней новыхъ свѣдѣній значительно измѣнила наши представленія о древнѣйшей исторіи и конституціи Аттики, затѣмъ, какъ новинка того-же 1891 г., который одарилъ насъ только-что названнымъ сочиненіемъ, прелестныя бытовыя сценки миміямбографа Иро(н)да, представляющія собою единственный въ своемъ родѣ образецъ реалистической александрійской поэзіи, и, наконецъ, изданныя впервые лишь въ концѣ 1897 года ἐπινίκια и другія стихотворенія знаменитаго современника и соперника Пиндара, Вакхилида, и чрезвычайно любопытный фрагментъ лирико-драматической сценки эротическаго содержанія, написанной неизвѣстнымъ авторомъ александрійскихъ временъ. Къ этимъ важнѣйшимъ литературнымъ находкамъ новѣйшаго времени присоединяется еще множество другихъ находокъ, представляющихъ хотя менѣе значительные, но все еще весьма важные фрагменты изъ разныхъ, отчасти уже извѣстныхъ намъ произведеній, особенно греческой литературы, какъ Гомера, Алкмана, Сапфо, Еврипида, Ѳукидида, Платона, Димосѳена и Аристоксена, далѣе древнѣйшаго греческаго прозаика и философа-богослова Ферекида Сирскаго, а также знаменитаго представителя новой аттической комедіи Менандра и многихъ другихъ. Съ полной увѣренностью можно теперь надѣяться, что и будущее время станетъ приносить намъ еще немало драгоцѣнныхъ даровъ древней литературы, столь успѣшно отыскиваемыхъ нынѣ особенно въ Египтѣ благодаря трудамъ англійскихъ ученыхъ и другихъ просвѣщенныхъ любителей древности. Одно изданіе тѣхъ приблизительно трехъ сотъ литературныхъ папирусовъ, которые, вмѣстѣ съ тысячами другихъ чрезвычайно важныхъ папирусовъ, въ 1897 году были найдены въ Оксиринхѣ, займетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ.

Въ еще большей степени, чѣмъ чисто-литературными произведеніями, классическая филологія обогащалась въ послѣднее время и постоянно продолжаетъ обогащаться эпиграфическими памятниками,

находимыми во всѣхъ областяхъ древняго міра особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ начали производить методическія раскопки. Однимъ изъ величайшихъ результатовъ этихъ стараній является систематическое собираніе греческихъ и латинскихъ надписей, которое въ нашемъ столѣтіи было предпринято въ особенности берлинскою академіею наукъ въ нѣсколькихъ весьма крупныхъ и многотомныхъ изданіяхъ, не доведенныхъ еще до конца. Только благодаря этимъ систематическимъ изданіямъ, содержащимъ весь эпиграфическій матеріалъ въ критической обработкѣ и въ строгомъ порядкѣ, мы получили возможность приступить къ дѣйствительно методическому изслѣдованію тѣхъ чрезвычайно обильныхъ и почти неисчерпаемыхъ историческихъ данныхъ, которыя заключаются въ этомъ матеріалѣ, и важность которыхъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они весьма часто бросаютъ совершенно новый, яркій и полный жизненности свѣтъ на такія стороны государственнаго и частнаго быта древнихъ грековъ и римлянъ, которыя остались мало затронутыми въ литературныхъ произведеніяхъ этихъ народовъ. Лучшими доказательствами того громаднаго значенія, какое имѣютъ эти эпиграфическія данныя, могутъ служить, напримѣръ, такъ называемое Monumentum Ancyranum и Гортинскіе законы. Первая надпись, прозванная, по справедливости, царицею надписей, содержитъ чрезвычайно обстоятельный и точный отчетъ императора Августа о своемъ правленіи, вторая представляетъ такой сравнительно полный кодексъ древнѣйшаго греческаго частнаго права, имѣвшаго силу на островѣ Критѣ, какого мы не въ состояніи реконструировать изъ литературныхъ источниковъ даже для Аттики. Точно также лишь благодаря надписямъ, содержащимъ подробные отчеты отдѣльныхъ магистратовъ аѳинскаго казначейства и контрольной палаты, мы можемъ до мельчайшихъ подробностей изучать исторію аттическихъ финансовъ въ періодъ наивысшаго процвѣтанія аѳинскаго государства, а найденныя недавно въ Испаніи законоположенія провинціальныхъ городовъ Салпенсы и Малаки, а также колоніи Юліи Генетивы позволяютъ намъ дѣлать чрезвычайно важныя заключенія и относительно городоваго положенія столицы Рима. Совсѣмъ особенное значеніе имѣютъ далѣе такія надписи, какъ квитанціи помпеянскаго банкира Цецилія Юкунда, открытыя на вощаныхъ табличкахъ въ 1875 г., и сохранившійся въ многочисленныхъ латинскихъ и греческихъ фрагментахъ эдиктъ императора Діоклетіана, который касается цѣнъ самыхъ различныхъ товаровъ, а также найденная лишь въ 1897 году,

такъ называемая lex Manciana, которая вмѣстѣ съ декретомъ Коммода, изданнымъ Моммзеномъ еще въ 1880 году, чрезвычайно обогащаетъ наши свѣдѣнія объ управленіи императорскими удѣлами. Затѣмъ нельзя будетъ не упомянуть здѣсь еще о такихъ крупныхъ и важныхъ надписяхъ, какъ acta fratrum Arvalium и commentarii ludorum saecularium quintorum et septimorum, или Пальмирскія вощаныя дощечки, содержащія 14 басенъ Бабрія, или тѣ многочисленныя надписи, которыя недавно неожиданнымъ образомъ ознакомили насъ ближе съ Элевсинскимъ культомъ, а также съ Додонскими оракулами и съ Эпидаврскими цѣлебными формулами и посвященіями. Если мы, наконецъ, укажемъ еще на то, что число всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ греческихъ и латинскихъ надписей простирается далеко за сто тысячъ, и что многія надписи чрезвычайно важны для насъ не только по своему содержанію, но и по своей формѣ, такъ какъ служатъ самыми достовѣрными памятниками различныхъ ступеней развитія языка и кромѣ того знакомятъ насъ еще съ простонародными формами и діалектами его, мало или совсѣмъ неизвѣстными намъ по другимъ источникамъ, — то станетъ очевиднымъ, что пользующаяся этимъ громаднымъ эпиграфическимъ матеріаломъ современная классическая филологія должна весьма расширять и углублять свои задачи и цѣли.

Къ тому же самому привело нашу науку и обогащеніе ея художественными, промысловыми и ремесленными памятниками, обильному нахожденію которыхъ, особенно въ послѣднія десятилѣтія, содѣйствовали, главнымъ образомъ, систематическія изысканія и раскопки, производившіяся и производящіяся чуть ли не во всѣхъ центрахъ древней культуры и приведшія, между прочимъ. также къ тому, что наши представленія о жизни древнихъ получали все болѣе и болѣе характеръ непосредственнаго созерцанія. Кто не слыхалъ о блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ, напримѣръ, неутомимымъ Шлиманомъ при раскопкахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ городовъ Греціи, Трои, Микенъ, Тиринѳа и Орхомена? Кто не знаетъ, какимъ множествомъ находокъ самыхъ прекрасныхъ и интересныхъ произведеній древняго искусства и промышленности, а также другихъ, чрезвычайно важныхъ открытій, касающихся всевозможныхъ сторонъ древней культуры, и, между прочимъ, напримѣръ, устройства древне-греческихъ театровъ, были увѣнчаны сперва раскопки германскаго правительства въ Олимпіи и въ Пергамѣ, а затѣмъ раскопки французской археологической школы на островѣ Делосѣ и въ Дельфахъ, а

также другія раскопки, производившіяся въ разныя времена нашего столѣтія и разными лицами на югѣ Россіи, на островѣ Кипрѣ, въ Эфесѣ, въ Эпидаврѣ, въ Самоѳракіи, въ Пріинѣ, въ Элевсинѣ, въ самихъ Аѳинахъ, далѣе въ Помпеяхъ, этомъ по истинѣ воскресшемъ древнемъ городѣ, на римскомъ форумѣ и въ другихъ пунктахъ столицы Италіи, въ этрусскихъ некрополяхъ, въ Terremare сѣверной Италіи, а также въ Тунисѣ, въ Карѳагенѣ, на limes, т. е. пограничной линіи римскихъ владѣній въ Германіи и во многихъ другихъ мѣстахъ древняго міра? Понятно, что въ виду безчисленныхъ предметовъ, найденныхъ при всѣхъ этихъ раскопкахъ и относящихся ко всѣмъ эпохамъ античной жизни, а въ особенности къ древнѣйшимъ началамъ греческой и италійской культуры, должно было возникнуть великое множество новыхъ научныхъ вопросовъ, всестороннее обсужденіе и рѣшеніе которыхъ еще долгое время будетъ занимать представителей классической филологіи вообще и той дисциплины ея въ частности, которая по общепринятому теперь, но черезчуръ обширному и потому неправильному термину называется археологіею. Но сколько спеціальныхъ изслѣдованій ни потребуется еще для этой цѣли и какъ ни загадочнымъ или спорнымъ представляется еще культурно-историческое происхожденіе и значеніе типовъ многихъ произведеній преимущественно древнѣйшаго художественно-ремесленнаго промысла, отличающихся особенно своими декоративными мотивами и пріурочиваемыхъ теперь въ большинствѣ случаевъ къ такъ называемой микенской эпохѣ, несомнѣнно то, что благодаря новѣйшимъ изысканіямъ исторія древней культуры и искусства представляется уже теперь въ сравнительно ясной и полной картинѣ постепеннаго и органически-послѣдовательнаго, непрерывнаго развитія, и что въ этой картинѣ, между прочимъ, все рельефнѣе и точнѣе обрисовывается тѣсная связь, соединяющая начала греческой культуры съ болѣе древнею культурою Египта и Востока, т. е. Ассиріи, Вавилоніи и другихъ странъ.

Если такимъ образомъ, съ одной стороны, благодаря находкамъ художественно-промысловыхъ предметовъ древнѣйшей Греціи и Италіи нашъ научный взоръ проникаетъ теперь въ глубину такихъ временъ, которыя еще не знали письменности, и если, согласно съ этимъ, все болѣе и болѣе оправдываются слова итальянскаго поэта „parlan le tombe, ove la storia è muta“, то съ другой стороны сдѣланное въ началѣ нашего столѣтія знаменитымъ Францомъ Боппомъ открытіе тѣсной родственной связи между греческимъ, латинскимъ и

другими языками такъ называемаго арійскаго или индоевропейскаго племени не только привело къ основанію и разработкѣ совершенно новыхъ, самостоятельныхъ наукъ, какъ сравнительное языковѣдѣніе, сравнительная миѳологія и тому подобныя дисциплины, но и сильно содѣйствовало дальнѣйшему развитію самой классической филологіи. Доставляя нашей наукѣ новые источники знанія, это великое открытіе стало освѣщать какъ древнѣйшее, первоначальное состояніе греческаго и латинскаго языковъ, признанныхъ отростками одного общаго, великаго корня, такъ и обозначавшіяся отчасти въ этихъ языкахъ начала другихъ культурныхъ явленій, которыя относятся къ той весьма отдаленной эпохѣ, когда все племя арійцевъ жило еще вмѣстѣ на своей родинѣ, а также къ тѣмъ болѣе позднимъ, но все еще доисторическимъ временамъ, когда отъ этого общаго племени уже начали отдѣляться различные народы, какъ позднѣйшіе греки и италійцы.

Но не только по отношенію къ древнѣйшимъ періодамъ жизни этихъ народовъ увеличилось въ послѣднее время количество какъ непосредственнаго матеріала, такъ и болѣе или менѣе посредственныхъ и постороннихъ источниковъ, которые могутъ содѣйствовать рѣшенію многочисленныхъ задачъ и вопросовъ классической филологіи. Особенно плодотворными для нашей науки оказались въ новѣйшее время ея соприкосновенія съ естественными знаніями, главнымъ образомъ съ географіею и съ климатологіею тѣхъ странъ, которыя служили мѣстами развитія древне-греческой и римской культуры, а также окрѣпшее лишь недавно научное сознаніе, что множество представленій, обычаевъ и учрежденій античныхъ народовъ въ большей или меньшей степени сохранилось или оставило слѣды у ихъ потомковъ и преемниковъ, нынѣшнихъ обитателей особенно Греціи и Италіи. Если такимъ образомъ, съ одной стороны, точныя свѣдѣнія о современномъ климатѣ и о флорѣ, фаунѣ и вообще природѣ античныхъ странъ могутъ объяснять намъ весьма многія подробности, напримѣръ, миѳологіи и религіозно-бытовыхъ обрядовъ, а также хронологіи древнихъ, то съ другой стороны изученіе культуры нынѣшнихъ эллиновъ и итальянцевъ и отчасти другихъ романскихъ народовъ, а въ особенности изученіе ихъ языка оказываетъ величайшія услуги различнымъ дисциплинамъ классической филологіи и способствуетъ въ особенности какъ нашему знакомству съ самими формами простонароднаго языка и многочисленныхъ діалектовъ древнихъ грековъ и италійцевъ, такъ и болѣе полному пониманію отдѣльныхъ

мѣстъ литературныхъ произведеній древнихъ, содержащихъ такія слова и выраженія, особенно названія растеній и животныхъ, которыя сохранились лишь въ нынѣшнихъ вульгарныхъ нарѣчіяхъ упомянутыхъ народовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что классическая филологія, благодаря чрезвычайной разносторонности ея объекта, вступаетъ въ тѣсное соприкосновеніе также съ такими науками, какъ романская и византійско-новогреческая филологіи, возникшія, подобно другимъ филологіямъ, по образцу классической и получившія отъ этой послѣдней свой научный методъ. Вообще не можетъ подлежать сомнѣнію, что чѣмъ больше будутъ развиваться всѣ отдѣльныя науки или дисциплины наукъ, тѣмъ тѣснѣе станетъ ихъ взаимная связь, и тѣмъ болѣе онѣ будутъ оплодотворять другъ друга. Будущее покажетъ, сколько отдѣловъ классической филологіи можетъ получить совершенно новую обработку, если наша наука въ еще большей степени, чѣмъ теперь, станетъ прибѣгать къ чрезвычайно плодотворному сравнительному методу, а также обращаться къ содѣйствію другихъ наукъ, какъ, напримѣръ, медицина, астрономія, юриспруденція, статистика, политическая экономія и т. д. Но и теперь уже мы видимъ многіе плоды такой совмѣстной работы,—я упомяну здѣсь только о трудахъ Моммзена и Poehlmann'а,—и лишь вполнѣ незнакомые съ классическою филологіею люди могутъ отрицать, что эта наука въ послѣднія десятилѣтія достигла такихъ выдающихся успѣховъ, какіе едва выпали на ея долю въ теченіе всѣхъ предыдущихъ столѣтій, и что она отличается въ наше время столь удивительною и почти юношескою свѣжестью и силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и широтою взглядовъ, что дальнѣйшее и еще болѣе блестящее развитіе ея въ будущемъ представляется вполнѣ обезпеченнымъ и несомнѣннымъ.

Правда, весьма вѣроятно, что почва античнаго міра, одарившая насъ до сихъ поръ и продолжающая одарять насъ безчисленнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ древней культуры, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время совершенно истощится и тогда перестанетъ снабжать нашу науку новымъ матеріаломъ, являющимся однимъ изъ важнѣйшихъ условій для успѣшнаго развитія всякаго рода эмпирическихъ знаній. Но глубоко ошибаются тѣ, которые въ виду такой перспективы спѣшатъ предсказать классической филологіи болѣе или менѣе скорую гибель. Вѣдь развитіе какой-нибудь науки зависитъ не только отъ прироста ея матеріала, но въ неграв-

ненно большей степени отъ умѣнія занимающихся ею ученыхъ всегда новымъ и оригинальнымъ образомъ комбинировать старые и извѣстные уже факты и этимъ путемъ найти такія точки зрѣнія, съ которыхъ данные факты представляются въ совершенно новомъ и болѣе яркомъ свѣтѣ. Насколько это замѣчаніе справедливо, лучше всего видно изъ того, что многіе изъ наиболѣе крупныхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ изученіи древне-классической культуры, сдѣланы были въ такія времена, когда не прибавилось какого-нибудь дѣйствительно новаго матеріала. Я укажу здѣсь на знаменитыя изслѣдованія Бентли о письмахъ Фаларида, Ѳемистокла и др., на Prolegomena ad Homerum Вольфа и на римскую исторію Нибура,—три классическихъ сочиненія, которыя, основываясь на старыхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе, благодаря геніальности комбинацій и методовъ ихъ авторовъ, привели къ столь неожиданнымъ и блестящимъ результатамъ, что они легли въ основаніе всей новѣйшей критической науки и до сихъ поръ еще не перестали благотворно дѣйствовать на нее. Конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторыя стороны античной жизни вслѣдствіе недостаточности матеріала, помощью котораго мы могли бы изучить ихъ, навсегда останутся для насъ болѣе или менѣе неразрѣшимою загадкою, или, по крайней мѣрѣ, неяснымъ „сновидѣніемъ тѣни“, σκιᾶς ὄναρ, какъ выразился древній поэтъ; но такова судьба не одной только классической филологіи, и не намъ только, ея представителямъ, приходится сознаться въ ограниченности и относительности всякаго человѣческаго знанія. Мирясь съ этимъ положеніемъ и довольствуясь возможнымъ, мы все-таки имѣемъ право гордо восклицать, что наша наука такъ же, какъ и другія науки, безконечна и неисчерпаема, и что и въ ней, пока культура будетъ существовать на землѣ, люди не перестанутъ, даже при неизмѣнности ея матеріала, возбуждать и рѣшать постоянно новые вопросы, стараясь такимъ образомъ все ближе подходить къ истинѣ.

А какъ много еще осталось сдѣлать въ нашей наукѣ, и какъ недавно только она вышла на вполнѣ опредѣленную и надлежащую дорогу! Даже по отношенію къ давнымъ давно извѣстной и наиболѣе важной части объектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источниковъ ея, лишь въ первую четверть текущаго столѣтія начали систематически приниматься за ту работу, которая должна считаться основаніемъ и опорою классической филологіи вообще: я разумѣю критическую провѣрку всѣхъ дошедшихъ до насъ въ рукописяхъ памятниковъ какъ

греческой, такъ и римской литературы и неразрывно связанную съ этою критикою всестороннюю экзегетику ихъ. Еще въ началѣ этого столѣтія издатели сочиненій древнихъ писателей въ большинствѣ случаевъ довольствовались простымъ перепечатываніемъ ихъ текстовъ въ томъ видѣ, который они имѣли въ послѣднемъ изъ предыдущихъ изданій, при чемъ къ старымъ опечаткамъ этихъ изданій нерѣдко прибавлялось еще немалое количество новыхъ опечатокъ. А такъ какъ въ основаніе древнѣйшихъ изъ этихъ печатныхъ изданій часто легли весьма позднія и испорченныя рукописи, и число интерполяцій, внесенныхъ въ послѣднія ранними гуманистами, еще возростало въ первыхъ изданіяхъ вслѣдствіе того, что издатели, влекомые однимъ желаніемъ представить читателю удобочитаемый текстъ, болѣе или менѣе произвольно исправляли встрѣчающіяся въ немъ дѣйствительныя или мнимыя ошибки, то легко представить себѣ, до какого искаженія настоящаго оригинала должны были доходить иногда указанныя изданія. Знаменитые филологи Эмануилъ Беккеръ и Карлъ Лахманъ первые положили конецъ такому ненаучному обращенію съ драгоцѣнными памятниками греческой и римской литературъ и доказали цѣлымъ рядомъ блестящихъ образцовъ изданій, что обязанность современнаго издателя древнихъ сочиненій должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы по возможности подробно и точно ознакомиться со всѣми рукописями, въ которыхъ дошли до насъ эти сочиненія, и, изучивъ ихъ взаимное отношеніе помощью точнѣйшаго сличенія ихъ чтеній, распредѣлить ихъ по достоинству и такимъ образомъ получить прочное основаніе для возможно болѣе достовѣрнаго возстановленія текста въ томъ видѣ, въ которомъ его представлялъ codex archetypus, т.-е. потерянный первоисточникъ всѣхъ сохранившихся рукописей. Но этимъ не оканчивается еще работа современнаго филолога-издателя. Дальнѣйшая и главнѣйшая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе трудная задача его заключается въ конъектуральной критикѣ, т.-е. въ томъ, чтобы не только помощью внѣшнихъ данныхъ, а именно сохранившихся изъ древности схолій, комментаріевъ и отдѣльныхъ цитатъ, но также путемъ другихъ всевозможныхъ доказательствъ и внутреннихъ доводовъ узнать и исправить тѣ случайныя или неслучайныя искаженія текста, которымъ изучаемое сочиненіе въ большинствѣ случаевъ, какъ это видно изъ найденныхъ недавно древнѣйшихъ папирусовъ, подвергалось уже со времени его выхода изъ рукъ самого автора вплоть до того времени, когда возникъ codex archetypus или первоисточникъ дошедшихъ до насъ рукописей.

Для удачнаго примѣненія этой конъектуральной критики, цѣлью которой служитъ возможно достовѣрное возстановленіе даннаго сочиненія въ его первоначальномъ, подлинномъ видѣ, издатель долженъ не только знать общіе и индивидуальные законы языка и слога, въ особенности поэтической и вообще художественной техники автора, но и настолько вникать въ порядокъ мыслей послѣдняго и быть настолько знакомымъ со всѣми подробностями затрагиваемыхъ въ нихъ реальныхъ данныхъ, чтобы ему удалось какъ бы усвоить себѣ или воспроизвести въ себѣ тѣ силы творчества, которыя руководили самимъ авторомъ при составленіи его сочиненія. Конечно, это послѣднее не удастся каждому филологу, и лишь немногіе выдающіеся ученые обладаютъ такимъ искусствомъ дивинаціи, благодаря которому они становятся вполнѣ сходственными по уму единомысленниками автора изучаемаго сочиненія, а предлагаемыя ими конъектуры пріобрѣтаютъ значеніе неопровержимыхъ фактовъ, подтверждаемыхъ иногда новыми источниками традиціи, какъ это, напримѣръ, еще недавно случилось съ исправленіями разныхъ мѣстъ басенъ Бабрія, поэтики Аристотеля и многихъ другихъ сочиненій греческой и римской литературъ. Но и при несовершенствѣ дивинаторскихъ способностей отдѣльныхъ ученыхъ современная методика конъектуральной критики, основывающаяся главнымъ образомъ на рефлексіи, поддерживаемой статистическими наблюденіями, является чрезвычайно могущественнымъ орудіемъ для нахожденія истины, и результаты, достигнутые при этомъ совокупными усиліями филологовъ, особенно послѣдняго времени, въ общей сложности такъ велики и разносторонни, что было бы несправедливо упрекать нашу науку за встрѣчающуюся иногда у нея микрологію, а также за то, что среди многихъ, въ особенности юныхъ представителей ея, еще недавно свирѣпствовала какая-то необузданная страсть къ произвольнымъ и часто ничѣмъ не оправдываемымъ атетезамъ и конъектурамъ, которыя въ лучшемъ случаѣ служили доказательствомъ только остроумія ихъ авторовъ, показывая, что могло бы быть написано въ изучаемомъ древнемъ сочиненіи, но чего на самомъ дѣлѣ тамъ не было написано. Новѣйшая методика критики, признающая, конечно, старое правило, что ratio praestat mille codicibus, но нѣсколько ограничивающая его изреченіемъ, что ἄριστος κριτὴς ὁ ταχέως μὲν συνείς, βραδέως δὲ κρίνων, научила насъ прежде всего быть осторожными какъ при діагнозѣ испорченныхъ мѣстъ, такъ еще болѣе при ихъ исправленіи, и не безъ основанія, поэтому, лучшія изъ кри-

тическихъ изданій новѣйшаго времени, среди которыхъ мы на первомъ мѣстѣ должны назвать такія крупныя предпріятія, какъ образцово издаваемыя вѣнскою и берлинскою академіями наукъ собранія латинскихъ и греческихъ христіанскихъ писателей, а также комментаріи къ сочиненіямъ Аристотеля, отличаются вообще сравнительно консервативнымъ характеромъ и разумнымъ уваженіемъ къ традиціи. Только еще болѣе подробное и всестороннее изученіе древнихъ произведеній, особенно со стороны ихъ лексическихъ, синтаксическихъ и стилистическихъ особенностей, можетъ дальше подвигать насъ впередъ по пути достовѣрнаго возстановленія ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Неоцѣнимымъ пособіемъ при этой задачѣ будетъ служить подготовляемый съ 1894 года берлинскою, лейпцигскою, мюнхенскою, геттингенскою и вѣнскою академіями наукъ новый thesaurus linguae latinae, для котораго до сихъ поръ уже успѣли занести на особыя карточки всѣ отдѣльныя слова, встрѣчающіяся какъ въ прозаическихъ, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ римской литературы. Когда черезъ 20 лѣтъ, какъ надѣются, весь громадный матеріалъ, заключающійся въ милліонахъ этихъ карточекъ и требующій особаго зданія для своего помѣщенія, будетъ систематически разработанъ, а сводъ важнѣйшихъ данныхъ его будетъ изданъ въ приблизительно 12 большихъ томахъ, и когда послѣ этого будетъ исполненъ также обдумываемый уже теперь планъ о составленіи такимъ же образомъ полнаго и вполнѣ научнаго thesaurus linguae graecae, тогда для классической филологіи настанетъ новая блестящая эра, и неисчислимы будутъ результаты того благотворнаго вліянія, которое критически возстановленные и изданные памятники древней литературы будутъ имѣть на развитіе всѣхъ отдѣльныхъ дисциплинъ нашей науки.

Не слѣдуетъ забывать, что всякая критика литературныхъ произведеній служитъ цѣлью не для самой себя, а для того, чтобы облегчать и углублять уразумѣніе этихъ произведеній и такимъ образомъ содѣйствовать пополненію нашихъ свѣдѣній объ общей культурѣ древности. Всѣ успѣхи, достигнутые въ наше время не только дипломатическою, но и конъектуральною и такъ называемою высшею критикою, раздѣляются также неразрывно связанною съ этой дисциплиной экзегетикою, особенно такъ называемою грамматическою интерпретаціею. Высшіе же виды интерпретаціи, какъ историческій, такъ и техническій, получили при этомъ наиболѣе сильное развитіе вслѣд-

ствіе того, что нашъ культурный прогрессъ обогатилъ насъ новыми мѣрилами для оцѣнки литературныхъ произведеній и всякаго рода другихъ проявленій культуры прошлаго, а въ особенности научилъ насъ со всей строгостью примѣнять къ этимъ проявленіямъ принципъ исторической зависимости и постепенной эволюціи, какъ онъ проводится нынѣ, главнымъ образомъ, въ естественныхъ наукахъ, получившихъ въ нашемъ столѣтіи великое значеніе руководительницъ всеобщаго умственнаго прогресса человѣчества.

Область классической филологіи, какъ я ее обрисовалъ согласно исторіи новѣйшаго развитія этой науки, оказывается настолько обширною въ наше время, что почти ни одинъ ученый уже не въ состояніи обнять ее всю, и каждый изъ насъ принужденъ спеціализироваться, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ, дарованій и наклонностей разрабатывать какіе-нибудь частные вопросы изъ той или другой дисциплины ея и этимъ путемъ содѣйствовать общему развитію науки, немыслимому безъ такой спеціализаціи. Но и при такихъ условіяхъ современной научной работы классическій филологъ никогда не долженъ терять изъ виду той внутренней органической связи, которою разрабатываемый имъ частный вопросъ соединенъ съ цѣлымъ объектомъ науки. Только тогда онъ избѣгнетъ мертвящей односторонности и сухости, которая грозитъ ему еще больше, чѣмъ спеціалистамъ другихъ наукъ; только тогда онъ сохранитъ въ своей душѣ не только интересъ ко всѣмъ вообще проявленіямъ древней культуры и ихъ отношеніямъ къ современной, но и живую воспріимчивость, любовь и энтузіазмъ къ тѣмъ великимъ твореніямъ красоты, истины и благородства, которыя древность столь щедро оставила человѣчеству въ вѣчное наслѣдіе. Вѣдь классическая культура не есть словно мертвое тѣло, которое филологъ могъ бы такъ же хладнокровно и безучастно изслѣдовать, какъ анатомъ изслѣдуетъ разрѣзанный имъ трупъ; но она органически живетъ еще въ нашей современной культурѣ, почти цѣликомъ выросшей изъ нея, и какъ бы походитъ на самый древній, самый внутренній и самый крѣпкій изъ слоевъ многовѣковаго ствола раскидистаго дуба, представлявшій изъ себя нѣкогда, въ молодости своей, все это дерево въ видѣ единой, прекрасной лѣторасли. Ясно поэтому, что устранить классическую филологію изъ круга предметовъ современнаго знанія значило бы лишить себя какъ бы сердцевины общечеловѣческой культуры и вмѣстѣ съ этимъ уничтожить всякое истинно-историческое образованіе, которое одно только и можетъ привести

человѣка къ сознанію цѣли и задачъ существованія его и наполнить его душу плодотворнымъ вдохновеніемъ, этимъ лучшимъ даромъ исторіи, и всякими возвышенными стремленіями. Конечно, въ наше время классическая филологія не принадлежитъ больше къ числу наукъ, изученіе которыхъ приноситъ непосредственную пользу для реальной жизни и культуры; но только бездушные матеріалисты, привыкшіе мѣрить полезное на мелкій аршинъ торгаша и не признающіе эстетическаго, духовно-нравственнаго и вообще идеальнаго образованія, какое и нынѣ еще можно лучше всего получать посредствомъ изученія чрезвычайно богатой, разносторонней и высоко-гуманной культуры древнихъ грековъ и римлянъ, способны и теперь еще продолжать тѣ принципіальныя нападки, которымъ наша наука подвергалась какъ въ эпоху Людовика XIV и ея прославителя Perrault, такъ и въ послѣднія десятилѣтія нашего вѣка, чрезмѣрно гордящіяся необыкновеннымъ развитіемъ внѣшней культуры, основанной, главнымъ образомъ, на удивительныхъ успѣхахъ естественныхъ и техническихъ знаній. Рѣзкость этихъ нападокъ, достигшихъ своей апогеи въ недавно вышедшей книгѣ Нерлиха Das Dogma vom klassischen Alterthum, лишь отчасти можетъ быть извиняема тѣмъ обстоятельствомъ, что наиболѣе важные изъ предметовъ, входящихъ въ обширную область классической филологіи, нерѣдко дискредитировались и еще нынѣ дискредитируются при своемъ примѣненіи къ учебной программѣ среднихъ школъ, служащихъ преддверіями университета. Конечно, я не могу и не хочу здѣсь ближе касаться болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ причинъ только-что указаннаго печальнаго обстоятельства. Но такъ какъ очевидно, что между университетомъ и гимназіею существуетъ весьма тѣсная связь, и что оба эти учебныя заведенія имѣютъ самое непосредственное вліяніе другъ на друга, то я не могу не указать здѣсь на то, что не только учителямъ, преподающимъ въ гимназіяхъ латинскій и греческій языки, но и университетскимъ представителямъ классической филологіи, какъ профессорамъ, такъ и ихъ слушателямъ, будущимъ учителямъ и ученымъ, надлежитъ прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы живой потокъ этой науки, разливавшій свои благодатныя воды въ продолженіе столь многихъ столѣтій, не превращался въ стоячее, мертвое болото, не терялся въ пустынѣ и не изсякалъ безплодно, но неустанно продолжалъ и впредь свое животворящее теченіе и становился все болѣе широкимъ, глубокимъ и мощнымъ потокомъ, слива-

ющимся постепенно съ потоками другихъ наукъ и въ концѣ концовъ образующимъ съ ними одну общую, великую рѣку, стремящуюся къ тому всеобъемлющему и единому морю истины, которое, подобно путеводной звѣздѣ, сверкающей лучезарнымъ блескомъ, манитъ ее изъ чудесной дали.

Ѳ. Базинеръ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Наша учебная литература.

(См. 3-ю стр. обложки).

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXIII.

1901.

ФЕВРАЛЬ.

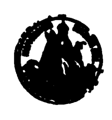

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.

1901.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

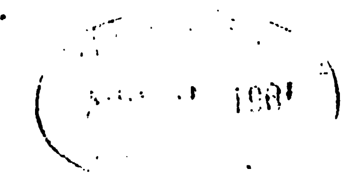
ЧАСТЬ CCCXXXIII.

1901.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

(1-го января 1901 года, № 1). *Производятся*, за отличіе: изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники*: членъ совѣта министра Валерій *Мамантовъ*; изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: членъ совѣта министра, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества графъ Александръ *Мусинъ-Пушкинъ*, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Тихомировъ*; директоръ и исправляющій должность профессора Рижскаго политехническаго института Өедоръ *Гренбергъ*; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ Дмитрій *фонъ-Бенкендорфъ*; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Николай *Гусаковскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, заслуженный Өедоръ *Зеленогорскій*, С.-Петербургскаго, Валентинъ *Жуковскій*, Московскаго, Дмитрій *Анучинъ*, Казанскаго, Михаилъ *Усовъ* и Сергѣй *Левашовъ*, Св. Владиміра, Алексѣй *Коротневъ*, Харьковскаго, Николай *Сумцовъ* и Новороссійскаго, Василій *Петріевъ*, Александръ *Кононовичъ* и Александръ *Федоровъ*, бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, Константинъ *Гротъ*; профессоры Технологическаго института Императора Николая I, въ С.-Петербургѣ, Аполлонъ *Курбатовъ* и Леонидъ *Богаевскій*; ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Григорій

Гумилевскій; помощникъ ректора Императорскаго Московскаго университета, ординарный профессоръ Евгеній *Нефедьевъ*; инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Рафаилъ *Державинъ* и Юрьевскаго, Нилъ *Тихомировъ* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Николай *Циркуновъ*; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: Введенской, Александръ *Якубовъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества, Евгеній *Груздевъ*, Сергіево-посадской, Андрей *Истоминъ*, Воронежской, Михаилъ *Григоровскій* и Кіево-Печерской, Вячеславъ *Петръ*; директоръ С.-Петербургской прогимназіи Іосифъ *Фарникъ*; директоры реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Карлъ *Фохтъ*, Кронштадтскаго, Леонидъ *Поморскій*, Сызранскаго, Иванъ *Ивановъ*, Елабужскаго, Владиміръ *Павловскій*, Моршанскаго, Михаилъ *Клеммъ*, Митавскаго, Фридрихъ *Кульбергъ*, Рижскаго Императора Петра I, Ѳедоръ *Покатиловъ* и Бакинскаго, Иванъ *Денферъ*; бывшій директоръ Новгородскаго реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, Павелъ *Двукраевъ*; директоры учительскихъ семинарій: Гатчинской, Василій *Соллертинскій* и Прибалтійской, Ѳедоръ *Страховичъ*; директоры народныхъ училищъ губерній: Тверской, Николай *Добровольскій*, Ставропольскій, Павелъ *Франтовъ* и Кутаисской, Степанъ *Соколовъ*; бывшій директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, нынѣ въ отставкѣ, Михаилъ *Котляровъ* и почетные попечители гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Ѳедоръ *Езерскій* и Тульской, Всеволодъ *Пущинъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ Николай *Зининъ*; изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, почетный попечитель Бердянской гимназіи Владиславъ *Гаевскій*; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами Николай *Дебольскій*, со старшинствомъ съ 20-го октября 1900 года.

Награждаются орденами: *св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго*, причисленный къ министерству, тайный совѣтникъ Вячеславъ *Кохманскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Александръ *Веселовскій*.

Св. Анны 1-й степени: вице-президентъ и ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Петръ *Никитинъ*; дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоръ и заслуженный

ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Өедоръ *Фортинскій*; директоръ технологическаго института Императора Николая I, Харлампій *Головинъ*; директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ гор. Нѣжинѣ, Фридрихъ *Гельбке* и причисленный къ министерству, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, Александръ *Радонежскій*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ Карлъ *Залеманъ*; директоръ Восточнаго института въ гор. Владивостокѣ Алексѣй *Позднѣевъ*; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ Петръ *Гильтебрандтъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, заслуженный, Александръ *Ге* и Аполлонъ *Смирновъ* и св. Владиміра, Николай *Бобрецкій*; заслуженный профессоръ технологическаго института Императора Николая I, Николай *Щукинъ*; директоры гимназій: Немировской, Тихонъ *Тихомировъ*, Бѣльской, Григорій *Сольскій*, Одесской Ришельевской, Карлъ *Бѣлицкій* и Тобольской, Петръ *Пановъ*; директоры реальныхъ училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ, Георгій *Ковальцигъ*, Тюменскаго Александровскаго, Иванъ *Словцовъ*, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Константинъ *Поповъ* и Кутаисскаго, Алексѣй *Мамонтовъ*; директоръ Полоцкой учительской семинаріи Евграфъ *Смирновъ* и директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи Василій *Латышевъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа Сергѣй *Раевскій*; профессоры Императорскихъ университетовъ: заслуженные, ординарные: С.-Петербургскаго, Александръ *Цагарелли*, Московскаго, Николай *Умовъ* и Казанскаго, Николай *Сорокинъ* и Флавіанъ *Флавицкій*, ординарные: С.-Петербургскаго, Сергѣй *Глазенапъ*, Казанскаго, Иннокентій *Канонниковъ* и Варшавскаго, Михаилъ *Шалфеевъ*; заслуженный профессоръ технологическаго института Императора Николая I Павелъ *Котурницкій*; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Иванъ *Ждановъ*; директоръ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Николай *Раевъ*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Петръ *Петровъ* и директоры: гимназій: Новгородской, Антонъ *Колоколовъ*, Кіевской первой, Иванъ *Посадскій-Духовской*, Лубенской, Александръ *Крутковъ*,

Одесской третьей, Петръ *Феерчакъ* и Ананьевской, Иванъ *Гасиль*, Пятигорской прогимназіи, Борисъ *Коленко*, С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, Николай *Билибинъ*, учительскихъ семинарій: Карачевской, Иванъ *Токаревскій* и Кутаисской, Митрофанъ *Мохиръ* и народныхъ училищъ Симбирской губерніи, Иванъ *Ишерскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Анатолій *Флеровъ*; начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Василій *Чеботаревъ*; ординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Тихомировъ* и Новороссійскаго, Георгій *Перятяткевичъ* и Александръ *Загоровскій* и историко-филологическаго института князя Безбородко, въ г. Нѣжинѣ, Антонъ *Добіашъ* и Сергѣй *Ждановъ*; директоры: Бакинской Маріинской женской гимназіи, Флорентинъ *Карповичъ*, Поливановской учительской семинаріи, Владиміръ *Богословскій* и народныхъ училищъ Орловской губерніи, Николай *Червлянскій* и почетный попечитель промышленныхъ училищъ, имени надворнаго совѣтника Ѳ. В. Чижова, Алексѣй *Польновъ*; статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Павелъ *Прозоровъ*; правитель дѣлъ ученаго комитета министерства Сергѣй *Манштейнъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Василій *Латкинъ*, Московскаго, Павелъ *Виноградовъ* и Нилъ *Филатовъ*, Харьковскаго, Владиміръ *Рейнгардъ* и Александръ *Ляпуновъ* и Юрьевскаго, Александръ *Филипповъ*; профессоры институтовъ: Харьковскаго технологическаго Императора Александра III, Алексѣй *Гречаниновъ* и сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Петръ *Будринъ*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Михаилъ *Черепашинскій*; ординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института Вольдемаръ *Гутманъ*; директоры гимназій: Орловской, Осипъ *Петрученко*, Сумской Александровской, Владиміръ *Коноровъ*, Златопольской, Николай *Чернушевичъ* и Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской, Константинъ *Шульгинъ*; почетный попечитель Рязанской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Сергѣй *фонъ-Дервизъ*; директоры реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, Иванъ *Сыромятниковъ*, Казанскаго, Михаилъ *Лысцовъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Дмитрій *Львовъ* и Рижскаго городского, Генрихъ *Гельманъ*; директоръ Казанскаго учительскаго института Андрей *Анастасіевъ*; директоры учи-

тельскихъ семинарій, Юрьевской, Михаилъ *Сѣрковъ* и Закавказской. Александръ *Словинскій*; Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, Павелъ *Корсунскій* и народныхъ училищъ Самарской губерніи, Михаилъ *Грифцовъ*; адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Александръ *Погорѣлко*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Николай *Моревъ*; правитель канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Викторъ *Андреевъ*; инспекторы гимназій: Тульской, Иванъ *Млинаричъ*, Симбирской, Александръ *Кулагинъ*, Бѣлоцерковской, Александръ *Пучковскій*, Черниговской, Владиміръ *Круковскій* и Пермской, Сергѣй *Дроздовъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой, Иванъ *Грюнбергъ* и десятой, Іосифъ *Сѣдлатый*, Ярославской, Александръ *Красовскій*, Пензенской второй, Осипъ *Эргардъ*, Таганрогской, Семенъ *Кравченко*, Кіевской третьей, Яковъ *Иващенко*, Холмской, Владиміръ *Костылевъ* и Кишиневской второй, Степанъ *Борышкевичъ* и реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, Владиміръ *Шольцъ*, Костромскаго, Иванъ *Смирновъ*, Роменскаго, Владиміръ *Тимофѣевъ* и Пинскаго, Иванъ *Будзилловичъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Владимірской, Николай *Казанскій*, Рязанской, Аркадій *Соколовъ* и Курской, Сергѣй *Данковскій*, Рижскаго учебнаго округа, Адольфъ *Лущъ* и Донской области, Өедоръ *Тихонравовъ*; секретарь совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Михаилъ *Меліоранскій*; заслуженные преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: седьмой, Иванъ *Матвѣевъ* и десятой, Гурій *Конъ*, Бѣльской, Александръ *Любвинъ*, Немировской, Алексѣй *Роменскій*, Одесской третьей, Михаилъ *Панченко* и Уфимской, Михаилъ *Васильевъ*; учителя гимназій, С.-Петербургскихъ: восьмой, Александръ *Регицъ* и Введенской, Арноштъ *Влашимскій*, Олонецкой, Иванъ *Ламанскій*, Московскихъ: первой, Иванъ *Неговоровъ* и третьей, Александръ *Разумовскій* и Вячеславъ *Смирновъ*, Орловской, Михаилъ *Полидоровъ*, Смоленской, Семенъ *Писаревъ*, Харьковской третьей, Антонъ *Шейхль*, Воронежской, Яковъ *Рябоконевъ*, Тамбовской, Иванъ *Александровъ*, Варшавской третьей, Петръ *Хойко*, Петроковской. Осипъ *Фабіани*, Кѣлецкой, Өома *Орловскій*, Одесской пятой, Никифоръ *Засадкевичъ*, Екатеринославской, Карлъ *Скарре*, Маріупольской Александровской. Карлъ *Голейшевскій*, Ковенской, Иванъ *Коссовъ*, Томской, Николай *Бриллiантовъ* и Екатеринбургской, Яковъ *Владиміровъ* и Иванъ *Поповъ*; учителя женскихъ гимназій: Таганцевой въ С.-Петербургѣ,

Петръ *Обломковъ*, Кронштадтской Александринской, Артуръ *Домбровскій* и Өедоръ *Надеждинъ*, Кіевской, Владиміръ *Щербина*, Омской, Иванъ *Шумиловскій* и Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Өеодоровны, Константинъ *Бреневъ* и Иванъ *Пасютевичъ*; учитель Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища Өедоръ *Кутневичъ*; заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ Томскаго Алексѣевскаго, Иванъ *Богомоловъ* и Уральскаго, Дмитрій *Есиревъ*; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, Михаилъ *Доброписцевъ*, Псковскаго Сергіевскаго, Иванъ *Соколовскій*, Курскаго, Александръ *Дамберъ*, Виленскаго, Александръ *Вруцевичъ* и Уральскаго, Александръ *Звягинъ*; врачъ Муромскаго реальнаго училища, Александръ *Доброхотовъ*; учителя училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ главнаго нѣмецкаго св. Петра, Вильгельмъ *Вилліамсъ* и св. Анны, Өедоръ *Клау* и при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, Эдуардъ *Нерлингъ* и учителя: Комисаровскаго техническаго училища, Николай *Струевъ*, Бѣлгородскаго учительскаго института, Борисъ *Цацкинъ* и Волчанской учительской семинаріи, Илья *Косогоровъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи Анатолій *Вильевъ*; почетный попечитель Иркутской гимназіи Владиміръ *Сукачевъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Иванъ *Дмитревскій*; бывшій инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи Павелъ *Поповъ*; библіотекарь II отдѣленія библіотеки Императорской Академіи наукъ Александръ *Энманъ*; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Максимъ *Геппенеръ*; бухгалтеръ канцеляріи правленія Императорской Академіи наукъ Сергѣй *Воробьевъ* и учитель реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ Іона *Вертоградскій*; надворные совѣтники: секретарь главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Иванъ *Нарциссовъ* и столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Владиміръ *Демантъ* и Московскаго Евгеній *Ивановъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи Эрастъ *Тураy* и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Николай *Засѣцкій*; статскіе совѣтники: директоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Дмитрій *Зерновъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Левъ *Лопатинъ*, Иванъ *Огневъ*, Михаилъ *Духовской*, Константинъ

Павлиновъ и Сергѣй *Соболевскій*; Казанскаго: Александръ *Архангельскій*, Василій *Богородицкій* и Дмитрій *Гольдгаммеръ*, Харьковскаго, Яковъ *Анфимовъ*, Людвигъ *Струве* и Михаилъ *Халанскій*; св. Владиміра: Сергѣй *Навашинъ*, Варшавскаго: Владиміръ *Бѣляевъ*, Владиміръ *Никольскій*, Николай *Насоновъ* и Василій *Анисимовъ*; Юрьевскаго, Борисъ *Срезневскій* и Новороссійскаго, Ромулъ *Прендель* и Иванъ *Луньякъ*; профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Алексѣй *Предтеченскій*; директоры: гимназій: Ярославской, Николай *Высотскій*, Тамбовской, Леонидъ *Успенскій*; Одесской четвертой, Петръ *Борзаковскій* и Бакинской Императора Александра III, Автономъ *Побѣдоносцевъ*, реальныхъ училищъ: Гатчинскаго Императора Александра III, Александръ *фонъ-Гефтманъ*, Вологодскаго Александровскаго, Николай *Артемьевъ*, Курскаго, Никандръ *Головинъ* и Оренбургскаго, Іосифъ *Каменскій*; Стародубской прогимназіи, Григорій *Мезерницкій*, коллегіи Павла Галагана Андроникъ *Дудка-Степовичъ*. учительскихъ семинарій: Александровской рязанской, Евгеній *Воскресенскій*, Новочеркасской, Антонъ *Макаревичъ* и Валкской, Петръ *Польшинскій*, механико-и химико-техническихъ училищъ С.-Петербургскаго низшаго, Алексѣй *Юрьевъ* и Саратовскаго средняго, Николай *Пановъ* и народныхъ училищъ губерній: Олонецкой, Григорій *Поповъ*, Ярославской, Порфирій *Мочульскій* и Тифлисской, Николай *Дмитріевъ*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Петръ *Дьяконовъ*, Андріанъ *Крюковъ* и сверхштатный, Эрнестъ *Лейстъ*, Варшавскаго, Иванъ *Бевадъ* и Юрьевскаго, Александръ *Никитскій*; инспекторы гимназій: Златопольской, Лука *Воеводскій*; Одесской, Ришельевской, Николай *Щербинскій*, Оренбургской, Альфредъ *Яненцъ* и Кутаисской, Евстафій *Войцеховскій*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Московской седьмой, Сергѣй *Радецкій*, Нижегородской, Николай *Холодковскій*, Вятской, Николай *Короваевъ*, Харьковской третьей, Степанъ *Феневъ*, Варшавской второй, Александръ *Бржезинскій*, Прагской, Яковъ *Бобрукъ*, Елисаветградской, Діонисій *Шипинскій*, Ялтинской Александровской, Дмитрій *Богдановъ*, Владикавказской, Иванъ *Кодратовичъ* и Елисаветпольской, Ипполитъ *Шамшуринъ* и реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, Иванъ *Ясинскій*, Сызранскаго, Александръ *Александровъ*, Одесскаго, Иванъ *Искра*, Комратскаго, Герасимъ *Елисифовъ*, Симферопольскаго Императора Николая II, Петръ *Александровскій*, Херсонскаго, Николай *Зеленскій*, Тюменскаго Александровскаго, Але-

ксѣй *Силецкій* и Майкопскаго, Василій *Истамановъ*, инспекторы: прогимназій: Варшавской первой, Алексѣй *Косминскій*, Грубешовской, Владиміръ *Аѳанасьевъ* и Бобруйской, Сергѣй *Преображенскій* и училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ св. Анны, въ С.-Петербургѣ, Викторъ *Геннингъ* и св. Петра и Павла, въ гор. Москвѣ, Германъ *Паккъ*; исполняющій обязанности инспектора общеобразовательныхъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища Адамъ *Кунцевичъ;* инспекторъ Симферопольской татарской учительской школы Митрофанъ *Дубровный*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Псковской, Арсеній *Чихачевъ*, Калужской, Петръ *Богдановъ*, Ярославской, Ѳедоръ *Насиловъ*, Саратовской, Владиславъ *Ислентьевъ*, Симбирской, Николай *Охотинъ*, Кіевской, Петръ *Войцеховскій*, Полтавской, Кипріанъ *Воблый*, Волынской, Александръ *Евсевскій*, Плоцкой, Николай *Бѣляевъ*, Херсонской, Михаилъ *Боголюбовъ* и Ѳедоръ *Шеневскій*, Пермской, Иванъ *Пактовскій* и Рижскаго учебнаго округа: Ермолай *Гравитъ*, Петръ *Адамовъ* и Иванъ *Шаталовъ*; почетные члены попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Николай *Перепелкинъ* и Ѳедоръ *Плевако*; доцентъ Варшавскаго ветеринарнаго института Игнатій *Гаевскій*; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища Николай *Ронжинъ*; членъ археографической комиссіи министерства Сергѣй *Платоновъ*; учителя Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, Иванъ *Страховъ* и Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, Илья *Барановъ;* заслуженные преподаватели гимназій: С.-Петербургской восьмой, Даніилъ *Ильцевичъ* и Сѣдлецкой, Александръ *Завитневичъ*; учителя: гимназій: С.Петербургскихъ, третьей, Михаилъ *Черниковъ*, Ларинской, Николай *Щетининъ*, пятой, Николай *Дюковъ* и Иванъ *Клебергъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества, Сергѣй *Кирсановъ*, Гуревича въ С.-Петербургѣ, Станиславъ *Пташицкій*, Императорской Николаевской Царскосельской, Павелъ *Таккеля*, Александровской Гельсингфорской, Павелъ *Леонтьевъ*, Московской первой, Ѳедоръ *Коробкинъ*, Рыбинской, Адамъ *Сѣмашко*, Благовѣщенской, Георгій *Войницкій*, Тверской, Павелъ *Янчакъ* и Александръ *Прасоловъ*, Ярославской, Павелъ *Морозовъ*, Симбирской, Александръ *Поповъ*, Саратовской первой, Василій *Косолаповъ*, Бѣлгородской, Іосифъ *Паллонъ*, Елатомской, Францъ *Бельке*, Ростовской-на-Дону, Андрей *Чиненовъ*, Кіевской первой, Иванъ *Чирьевъ* и второй, Петръ *Деревянкинъ*, Немировской, Фридрихъ *Жонтъ*, Глуховской, Иванъ *Высоцкій*, Уманской, Дмитрій *Кошлаковъ*, Варшавскихъ первой, Иванъ *Цвѣт-*

ковъ и четвертой, Игнатій *Бадовскій*, Прагской, Өаддей *Здзѣховскій*, Маріампольской, Станиславъ *Савицкій*, Либавской Николаевской, Альфредъ *Шенъ*, Одесскихъ Ришельевской, Александръ *Брандтъ* и Алексѣй *Самко* и второй, Василій *Добротворскій*, Елисаветградской, Михаилъ *Керіаковъ*, Керченской Александровской, Владиміръ *Штепенко*, Кишиневскихъ, первой, Иванъ *Бабченко* и второй, Рафаилъ *Пловецкій*, Николаевской Александровской, Иванъ *Кейзларъ*, Херсонской, Иванъ *Тибитанцль*, Ковенской, Иванъ *Королевскій*, Гомельской, Александръ *Еллинскій*, Оренбурской, Николай *Бутовскій*, Екатеринбургской, Петръ *Лѣшникъ*, Эриванской, Григорій *Боголюбскій*, Екатеринодарской, Павелъ *Оссовскій* и Владикавказской, Александръ *Дементьевъ* и женскихъ гимназій: Переяславской, Василій *Гриневичъ*, Варшавской четвертой, Иванъ *Недешевъ*, Плоцкой, Василій *Прозоровскій*, учрежденной А. И. Бракенгеймеръ, въ гор. Одессѣ, Сергѣй *Бракенгеймеръ*, Елисаветградской Яковъ *Польскій*, и почетныхъ граждан Поповыхъ въ гор. Омскѣ Василій *Шавринъ*; заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ: Выборгскаго, Иванъ *Симоновъ*, Вологодскаго Александровскаго, Василій *Богословскій*, Ливенскаго, *Езерскій*, Смоленскаго, Александровскаго, Василій *Степановъ* и Новочеркасскаго, Николай *Дикаревъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ перваго, Андрей *Преображенскій* и втораго Евгеній *Шрекникъ*, Кронштадтскаго, Василій *Голынскій*, Псковскаго Сергіевскаго, Яковъ *Краснопѣвцовъ*, Московскаго, Михаилъ *Струженскій*, Казанскаго, Өедоръ *Пактовскій*, Астраханскаго, Павелъ *Муратовскій*, Елабужскаго, Петръ *Михайловъ*, Сумскаго, Яковъ *Эгенбергъ*, Роменскаго, Андрей *Кальбусъ*, Рижскаго Императора Петра I, Александръ *Мусиновичъ*, Екатеринославскаго, Антонъ *Руссо*, Кишиневскаго, Иванъ *Аллендорфъ*, Николаевскаго Александровскаго, Василій *Куделинъ*, Могилевскаго, Бернардъ *Кленце*, Пермскаго, Трофимъ *Меркурьевъ*, и Кубанскаго Александровскаго, Владиміръ *Миловидовъ*, прогимназій Егорьевской, Иванъ *Зубовскій* и Рославльской, Василій *Ласкинъ*, училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, Викторъ *Рустъ* и учительскихъ институтовъ: Өеодосійскаго, Николай *Петрушевскій*, Виленскаго, христіанскаго, Василій *Гиляровскій* и С.-Петербургскаго, Аполлонъ *Мялицынъ*; наставники учительскихъ семинарій: Псковской, Александръ *Семеновъ*, Киржачской, Василій *Домовъ*, Поливановской, Афанасій *Соколовъ*, Казанской, Николай *Максимовъ*, Валкской, Петръ *Самбикинъ*, Несвижской, Левъ *Лычковскій*, Закавказской, Павелъ *Вересовъ* и въ м. Хони, Ку-

таисской губерніи, Иванъ *Петровъ*; врачъ Поневѣжскаго реальнаго училища, Ѳаддей *Мойтисъ*; учитель Симферопольской татарской учительской школы Василій *Андреевъ*; почетный смотритель Ярославскаго городского училища, Яковъ *Колмогоровъ*; врачъ городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Михаилъ *Ситкинъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской шестой гимназіи Владиміръ *Пожарскій* и причисленный къ министерству Василій *Мацкевичъ*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ *Амалицкій;* инспекторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Органовъ*; почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Александръ *Рубановскій*; хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Семенъ *Долговъ*; завѣдывающіе отдѣленіями при Николаевской главной физической обсерваторіи по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня, Брониславъ *Керсновскій* и станцій III разряда, Эмилій *Бергъ*; учитель-инспекторъ Солодовниковскаго городского училища Александръ *Дриневичъ;* врачъ Митавской гимназіи Карлъ *Гильдебрандъ*; учителя реальныхъ училищъ Калишскаго, Ипполитъ *Пинко* и Виленскаго, Николай *Пономаревъ* и почетный смотритель Александровскаго городского училища баронъ Владиміръ *Шеппингъ*; надворные совѣтники: директоръ Плоцкой гимназіи Иванъ *Игнатенко*; почетный попечитель Елисаветградской гимназіи Александръ *Пашутинъ*; директоръ Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища Алексѣй *Хвастуновъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Евгеній *Михайловъ*; младшій помощникъ библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Владиміръ *Майковъ*; учитель рижской Александровской гимназіи Артуръ *Клеверъ;* учитель-инспекторъ Торопецкаго городского училища Владиміръ *Апалинъ*; врачъ Виленскаго христіанскаго учительскаго института Лейзеръ *Стембо*; учитель приготовительнаго класса Тифлисской второй гимназіи Ипполитъ *Татіевъ* и учитель-завѣдывающій Александровскимъ евангелическимъ городскимъ училищемъ Августъ *Шаде*; исправляющій должность директора Костромскихъ промышленныхъ училищъ, имени надворнаго совѣтника Ѳ. В. Чижова, коллежскій ассессоръ Александръ *Поповъ*; неимѣющіе чина, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Николай *Ланге* и Варшавскаго, Борисъ *Станкевичъ*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: исправляющій должность гродненскаго директора народныхъ училищъ Николай *Ѳивейскій*; старшій ассистентъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, почетный профессоръ Іосифъ *Земацкій*; правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Николай *Славинъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Миклашевскій*; помощникъ директора Варшавскаго ветеринарнаго института Павелъ *Захаровъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Вятской, Ѳедоръ *Штырлинъ* и Михаилъ *Ронинскій*, Харьковской, Вячеславъ *Александровъ* и Пермской, Матвѣй *Лебединскій*; учителя гимназій: С.-Петербургской седьмой, Александръ *Шашковскій*, Псковской, Дмитрій *Овсовъ*, Смоленской, Ѳома *Поризко*, Костромской, Иванъ *Ѳедотовъ*, Астраханской, Петръ *Алексѣевъ*, Саратовской второй, Гурій *Хронусовъ*, Царицынской Александровской, Ѳедоръ *Яковлевъ*, Читинской, Николай *Сарычевъ*, Петръ *Габовичъ* и Карлъ-Юрій *Эфферть*, Корочанской Александровской, Тимоѳей *Проскурниковъ*, Ахтырской, Александръ *Александровичъ*, Острожской, Петръ *Цыганковъ-Куриленковъ*, Прилукской, Филиппъ *Колента* и Иванъ *Александровъ*, Новгородсѣверской, Михаилъ *Добротворскій*, Черкасской, Ѳедоръ *Дворянскій*, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ гор. Нѣжинѣ, Вальтеръ *Фохтъ*, Варшавской шестой, Карлъ *Неру*, Люблинской, Антонъ *Курбасъ*, Кѣлецкой, Александръ *Веребрюсовъ*, Гродненской, Гавріилъ *Харламповичъ*, Слуцкой, Иванъ *Глѣбовъ*, Витебской, Оскаръ *Фрейбергъ*, Могилевской, Адамъ *Хрусцевичъ*, Рижской городской, Александръ *Нейманъ* и Либавской Николаевской, Константинъ *Келдышъ*; воспитатель пансіона Псковской гимназіи Николай *Калининъ*; учителя женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской, Евгеній *Роговскій*, Выборгской, Владиміръ *Большегагаринскій*, Казанской Маріинской, Яковъ *Хохряковъ*, Вятской Маріинской, Василій *Николаевъ*, Кременчугской, Степанъ *Черногоръ* и Одесской второй, Константинъ *Пятницкій*; врачъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Павелъ *Добрадинъ*; учителя: реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, Владиміръ *Гольмъ*, Тульскаго, Ричардъ *Вихертъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Николай *Сафоновъ*, Иваново-Вознесенскаго, Сергѣй *Котровцевъ*, Харьковскаго, Францъ *Озле*, Тамбовскаго, Николай *Скрябинъ*, Моршанскаго, Казиміръ *Дунинъ*, Пензенскаго, Николай *Тарховъ* и Густавъ *Гильдебрандъ*, Урюпинскаго, Антонъ *Щербовъ*, Кіевскаго св. Екатерины, Титъ *Христіани*, Ровен-

скаго, Василій *Осташковъ*, Пинскаго, Сергѣй *Зубакинъ*, Поневѣжскаго, Антонъ *Струковскій* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Николай *Ясковскій*, прогимназій: Карачевской, Германъ *Якобъ*, Пинчовской, Викторъ *Яворскій*, и Измаильской, Юліанъ *Мильковичъ*; главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Александръ *Гинкенъ*. Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, Борисъ *Громачевскій* и техническихъ училищъ Касимовскаго средняго, Василій *Николаевъ* и Комисаровскаго, Василій *Малышевъ* и наставники учительскихъ семинарій: Вольской, Ѳедоръ *Фармаковскій* и Благовѣщенской, Александръ *Кирпищиковъ*; коллежскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ Николай *Аѳанасьевъ;* старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Алексѣй *Бялыницкій-Бируля*; ученый хранитель ботаническаго музея той же академіи Дмитрій *Литвиновъ*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Вернадскій*, Харьковскаго, Яковъ *Денисовъ* и Новороссійскаго, исправляющій должность, Евгеній *Щепкинъ*; исполняющіе обязанности инспектора Либавской Николаевской гимназіи, Константинъ *Смирягинъ* и Брянскаго средняго техническаго училища, Василій *Михайловъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Владимірской, Иванъ *Любимовъ*, Костромской, Евгеній *Микифоровъ*, Ярославской, Николай *Веригинъ*, Казанской, Григорій *Бораковскій*, Самарской, Николай *Орловъ*, Харьковской, Александръ *Ордынскій* и Воронежской, Сергѣй *Любимовъ*; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Александръ *Ивановъ*; хранитель Дашковскаго этнографическаго музея Московского публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Николай *Янчукъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Михаилъ *Гарднеръ*; ассистентъ при акушерской клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Георгій *Соловьевъ;* преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища Дмитрій *Зубаревъ* и Василій *Румянцевъ;* завѣдывающій учебными мастерскими Комисаровскаго техническаго училища Сергѣй *Лапшинъ*; постоянный ординаторъ Императорской Екатерининской больницы въ гор. Москвѣ Константинъ *Нагель;* учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Михаилъ *Сессоровъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой, Николай *Шубинъ*, Введенской, Сергѣй *Смирновъ*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Викторъ *Мардановъ* и К. Мая, Александръ *Липовскій*; Императорской Николаевской Царскосельской, Николай

Покотило, Благовѣщенской, Григорій *Алексѣевъ*, Вологодской, Константинъ *Проскуряковъ*, Олонецкой, Алексѣй *Красногородцевъ*, Московскихъ четвертой, Николай *Алексѣевъ* и Августъ *Грюнталь* и седьмой, Евгеній *Браунъ*, Сергіевской въ Сергіевскомъ посадѣ, Тимоѳей *Кудрявцевъ* и Артуръ *Грунау*, Рязанской, Александръ *Лебедевъ*, Владимірской, Василій *Пузицкій*, Казанской второй, Дмитрій *Чирихинъ* и Василій *Ложкинъ*, Харьковскихъ второй, Василій *Лезинъ* и третьей, Арсеній *Кадлубовскій*, Бѣлгородской, Николай *Алферовъ*, Воронежской, Леонидъ *Горбунковъ*, Пензенской первой, Григорій *Любарскій*, Кіевскихъ первой, Константинъ *Щербина* и второй, Владиміръ *Сушицкій*, Александръ *Діаконенко* и Сергѣй *Лихотинскій*, Лубенской, Варсонофій *Ивановъ*, Бѣлоцерковской, Александръ *Владиміровъ*, Уманской, Николай *Гуринъ* и Павелъ *Тимошокъ*, Варшавской пятой, Вячеславъ *Гладкевичъ*, Сувалкской, Александръ *Извѣковъ*, Рижскихъ Александровской, Карлъ *Мюленбахъ* и Алексѣй *Шустовъ* и Императора Николая I, Георгій *Манжосъ*, Митавской, Степанъ *Мечниковскій*, Ревельской Александровской, Иванъ *Яблонскій*, Одесскихъ второй, Іосифъ *Турцевичъ* и четвертой, Константинъ *Тюльпановъ*, Екатеринославской, Ѳедоръ *Локоть*, Виленской второй, Максимиліанъ *Коссаковскій*, Пермской, Василій *Максимовъ*, Уфимской, Константинъ *Соколовскій*, Тифлисской третьей, Артемій *Шамшиновъ*, Владикавказской, Иванъ *Леонтьевъ*, Елисаветпольской, Порфирій *Поляковъ*, Ставропольской Семенъ *Морозовскій*, Новороссійской, Никита *Мельниковъ* и Иркутской, Василій *Петровъ*; женскихъ гимназій: Выборгской, Константинъ *Рыбинскій*, Бессъ въ гор. Москвѣ, Петръ *Ивановъ*, Сѣдлецкой, Николай *Козачковскій* и Тифлисской второй Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, Александръ *Никольскій* и реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, Владиміръ *Груздевъ*, Череповецкаго, Августъ *Мюллеръ*, Вологодскаго Александровскаго, Лука *Зборомірскій*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ, Мартинъ *Бергъ*, Смоленскаго, Густавъ *Кнесъ*, Казанскаго, Василій *Ажаевъ*, Вольскаго, Петръ *Гокъ*, Харьковскаго, Григорій *Кузнецовъ*, Тамбовскаго, Иванъ *Шираевскій*, Кременчугскаго, Петръ *Когутъ*, Сосновицкаго, Адріанъ *Калихевичъ*, Рижскаго городского, Фридрихъ *Вестбергъ*, Либавскаго, Михаилъ *Донченко*, Елисаветградскаго, Василій *Архиповъ*, Бѣлостокскаго, Владиміръ *Глѣбовскій*, Екатеринбургскаго, Конрадъ *Оттъ* и Александръ *Пипель-де-Гранпанъ*, Пермскаго, Григорій *Орловъ*, Кубанскаго Александровскаго, Николай *Олимпіади* и Бакинскаго, Александръ *Лавровъ*; врачи реальныхъ училищъ: Вологодскаго Алек-

сандровскаго, Николай *Сухорскій* и Рижскаго Императора Петра I. Николай *Рудаковъ*; учителя прогимназій: Московской, Василій *Флеровъ*, Харьковской, Павелъ *Дютруиль*, Бобровской, Николай *Колесниковъ*, Стародубской, Владиміръ *Морозовъ*, Аккерманской, Владиміръ *Тузенко*, Евпаторійской, Виталій *Соколовскій* и Мозырской, Михаилъ *Созоновъ*; преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, Тихонъ *Юринскій*; наставники учительскихъ семинарій: Новобугской, Семенъ *Черный*, Омской, Иванъ *Гурскій*, и Туркестанской, Өедоръ *Егоровъ*; учитель-инспекторъ Устькаменогорскаго городского училища, Александръ *Михайловъ*; врачъ Пошехонскаго городского училища Маріанъ *Тельтовтъ* и учитель казанской татарской учительской школы Николай *Коржавинъ*; надворные совѣтники: библіотекарь библіотеки Императорскаго университета св. Владиміра Веніаминъ *Кордтъ*; адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Сергѣй *Ланговой*; исправляющій должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Мышкинъ*; инспекторы народныхъ училищъ Томской губерніи, Владиміръ *Добровольскій* и Рижскаго учебнаго округа, Николай *Павлиновъ*; младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ Георгій *Якобсонъ*; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ *Тропинъ*; прозекторъ при каѳедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго Московскаго университета Фридрихъ-Карлъ *Рейнъ*; физикъ отдѣленія станціи II разряда при Николаевской главной физической обсерваторіи Петръ *Ваннари*; лаборантъ Костромскаго промышленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, Максимъ *Шешуковъ*; экзекуторъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Гавриловъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ, третьей Георгій *Гинкенъ*, одиннадцатой, Лаврентій *Броссе* и Императорскаго человѣколюбиваго общества, Николай *Береніусъ*, Гельсингфорской Александровской, Михаилъ *Макарьевскій*, Кіевскихъ, первой, Аѳанасій *Назаренко*, четвертой, Евгеній *Кивлицкій* и Кіево-печерской, Альбертъ *Русси*, Полтавской, Антоній *Ильенко*, Слуцкой, Владиміръ *Сѣдовъ*, Тифлисской первой, Өедоръ *Авиловъ*, Митавской, Василій *Хваленскій* и Екатеринодарской, Сергѣй *Ларіоновъ*; женскихъ гимназій: Нарвской, Василій *Крохинъ* и Варшавской четвертой, Викторъ *Бялковскій*. реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Михаилъ *Быстровъ*, Одесскаго, Вильгельмъ *Блумбергъ*, Ловичскаго, Өедоръ *Шестаковъ* и Владикавказскаго, Василій *Полюховъ*, С.-Петербургской прогимназіи, Альфонсъ *Моаньяръ* и С.-Петербургскаго учительскаго института,

Павелъ *Погорѣловъ*; наставникъ Валкской учительской семинаріи, Василій *Лафинъ*; инспекторъ Одесскаго городского ремесленнаго училища Александръ *Плотницкій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго, Өедоръ *Тетерниковъ*, Архангельскаго, Викторъ *Камкинъ*, Осташковскаго, Александръ *Лебедевъ*, Костромскаго, Николай *Вознесенскій*, Балашовскаго, Сергѣй *Праховъ*, Царицынскаго, Василій *Өедоровъ*, Астраханскаго второго, Николай *Скориковъ*, Чебоксарскаго, Михаилъ *Доброправовъ*, Котельническаго, Степанъ *Никольскій*, Малмыжскаго, Иванъ *Шувагинъ*, Буинскаго, Евгеній *Сиземскій*, Бердянскаго, Іустинъ *Дьяченко*, Каркаралинскаго, Өедоръ *Брутанъ*, Чардынскаго, Илья *Поповъ*, Петровскаго, Матвѣй *Коптеловъ*, Темрюковскаго, Шамше *Ломинадзе* и Озургетскаго, Александръ *Мусницкій*; штатные смотрители: городскихъ училищъ: Ковельскаго, Яковъ *Кирьяновъ* и Могилевскаго, Константинъ *Годзіевскій* и уѣздныхъ училищъ Дисненскаго, Флоръ *Барановскій* и Быховскаго, Александръ *Новицкій*; врачъ Одесскаго городского училища, Никандръ *Воскресенскій*; адъюнктъ отдѣленія станціи III разряда при Николаевской главной физической обсерваторіи Александръ *Гарнакъ*; учитель Варшавскаго ремесленнаго училища, имени М. Конарскаго, Игнатій *Дембницкій*; учителя Тифлисской третьей гимназіи, Иванъ *Аруціанцъ* и Пензенской женской прогимназіи, Иванъ *Прокофьевъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Вологодской, Фирсъ *Ростиславинъ*, Московской второй, Илья *Любимовъ*, Коломенской, Александръ *Виноградовъ* и Омской, Петръ *Поляковъ* и реальныхъ училищъ: Череповецкаго, Григорій *Цвѣтаевъ*, Кіевскаго, Василій *Леонтьевъ*, св. Павла въ гор. Одессѣ, Вильгельмъ *Майеръ* и Екатеринбургскаго, Николай *Соколовскій*, завѣдывающіе городскими училищами Кролевецкимъ, Александръ *Новицкій* и Нижнеудинскимъ, Өеоктистъ *Исмаевъ*; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Сергіевскаго, Александръ *Бейтель* и Иванъ *Чернявскій*, Костромскаго, Александръ *Угличаниновъ*, Романово-Борисоглѣбскаго, Александръ *Кузнецовъ*, Алатырскаго, Александръ *Крутяковъ*, Зугдидскаго, Іосифъ *Степановъ*, Кубинскаго, Семенъ *Гамрекеловъ* и Ставропольскаго, Іосифъ *Лагазидзе* и учитель Саратовской первой гимназіи Демьянъ *Усовъ*; коллежскіе ассессоры: почетный попечитель Енисейской прогимназіи, Александръ *Кытмановъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, Владиміръ *Гулевичъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Карсской области Василій *Дѣвицкій*; дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія, Александръ *Яковлевъ* и Дмитрій *Георгіевскій*;

помощники инспектора студентовъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Иванъ *Раевскій* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Владиміръ *Смирновъ*; физикъ отдѣленія станціи III разряда при Николаевской Главной физической обсерваторіи, Николай *Комовъ*; помощникъ библіотекаря Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Антонъ *Калишевскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Валеріанъ *Забузскій*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета, Иванъ *Злобинъ*; учителя гимназій Варшавской второй, Ѳедоръ *Архангельскій* и Благовѣщенской, Ромуальдъ *Стемповскій*; наставникъ Несвижской учительской семинаріи Сергѣй *Вигилевъ*; учитель Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Сергѣй *Лыткинъ*; почетный смотритель Верросскаго городского училища Николай *фонъ-Ротъ;* штатные смотрители городскихъ училищъ Черкасскаго, Николай *Янъ* и Сквирскаго, Левъ *Курындинъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Охтенскаго Императора Петра Великаго, Дмитрій *Загребинъ*, Нижегородскаго, Николай *Батуевъ*, Перновскаго, Ѳедоръ *Циклинскій*, Валуйскаго, Александръ *Захаровъ* и Лепельскаго, Александръ *Василенко*; младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ Василій *Кузнецовъ*; письмоводитель Юрьевскаго ветеринарнаго института Александръ *Урбановичъ*; штатные смотрители училищъ Павловскаго уѣзднаго, Николай *Новосильцевъ* и Новочеркасскаго окружнаго, Константинъ *Ермоловъ* и учителя: Александрійскаго городского училища, Степанъ *Сычевъ*, образцовой школы при Кубанской учительской семинаріи, Павелъ *Мельниковъ* и гимназій: Полтавской. Василій *Мандро-Апродовъ*, Глуховской, Алексѣй *Громыко*, Елисаветградской, Сила *Добровольскій* и Кишиневской первой, Григорій *Комарницкій* и реальныхъ училищъ С.-Петербургскаго третьяго, Павелъ *Преображенскій* и Винницкаго, Александръ *Борщевскій*; титулярные совѣтники: старшій помощникъ библіотекаря Императорской публичной библіотеки Владиміръ *Саитовъ*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Викторъ *Листъ*; секретарь совѣта Императорскаго Томскаго университета Николай *Кузнецовъ*; учителя: гимназій: Варшавской второй, Алексѣй *Прокоповичъ* и Люблинской женской, Яковъ *Билинскій*, Варшавскаго реальнаго училища, Митрофанъ *Имшенецкій* и Варшавской женской прогимназіи, Дмитрій *Янковскій*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Болеславъ *Машарскій*;

учитель Закавказской учительской семинаріи Викторъ *Полевскій* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Львовъ*; коллежскіе секретари: инспекторъ Горійскаго городского училища Николай *Погорѣловъ* и младшій помощникъ библіотекаря II отдѣленія библіотеки Императорской Академіи наукъ Оскаръ *фонъ-Галлеръ*; почетный попечитель Кіевской второй гимназіи, губернскій секретарь Михаилъ *Шестаковъ*; неимѣющіе чина: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Михаилъ *Покровскій*, Варшавскаго, Зиновій *Гутниковъ*, Томскаго, исправляющій должность Михаилъ *Рейснеръ* и Юрьевскаго, сверхштатный Платонъ *Граве*; исправляющій должность лектора Императорскаго Варшавскаго университета Францъ *Лянчи*; учитель гимназіи доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, Василій *Экгорстъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Всеволодъ *Ульянинъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, Иванъ *Созоновичъ* и Юрьевскаго, исправляющіе должность Михаилъ *Красноженъ* и Владиміръ *Мальмбергъ*; профессоры Рижскаго политехническаго института Генрихъ *Мальхеръ*, Карлъ *Ловисъ* и Максимиліанъ *Глазенапъ*; директоры: гимназій Ченстоховской, Кириллъ *Май* и Томской, Иванъ *Муретовъ*, Череповецкаго реальнаго училища, князь Борисъ *Тенишевъ* и Костромскаго промышленнаго училища, имени надворнаго совѣтника Ѳ. В. Чижова, Николай *Чуриловъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Ковалевскій*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Томскаго, Михаилъ *Поповъ*, Юрьевскаго, исправляющій должность Александръ *Невзоровъ* и сверхштатные Московскаго, Николай *Корсаковъ* и Юрьевскаго, Вернеръ *Цеге-фонъ-Мантейфель*, экстраординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Георгій *Форстенъ* и Сергѣй *Буличъ*; библіотекарь Императорскаго Томскаго университета Степанъ *Кузнецовъ*; инспекторъ Лубенской гимназіи Сергѣй *Чемолосовъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Нарвской, Михаилъ *Криницкій*, Саратовской второй, Антонъ *Шумейко* и Уманской, Митрофанъ *Тарановичъ*; инспекторы прогимназій: Азовской, Иванъ *Боголюбовъ*, Луганской, Екатеринипско-Александровской, Петръ *Пановъ*, Брестской, Михаилъ *Окиншевичъ* и Маргеланской, Павелъ *Смольниковъ*; исполняющіе обязанности инспектора реальныхъ училищъ: Гуревича, въ С.-Петербургѣ, Дмитрій *Цинзерлингъ*, Зарайскаго, Ни-

колай *Соколовъ*, Сарапульскаго Алексѣевскаго, Владиміръ *Залежскій*, Сумскаго, Михаилъ *Коноровъ* и Ташкентскаго, Николай *Знаменскій*; инспекторъ Рижскаго городского женскаго училища Θедоръ *Андерсъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: С.-Петербургской, Василій *Грапинскій*, Московской, Николай *Похорскій*, Рязанской, Владиміръ *Стратилатовъ*, Орловской, Антонъ *Украинцевъ*, Тверской, Иванъ *Бойчевскій*, Полтавской, Евгеній *Соболевъ*, Кѣлецкой, Іосифъ *Говорко*, Таврической, Алексѣй *Мѣшковъ* и Томской, Николай *Ларіоновъ*, Туркестанскаго края, Константинъ *Аристовъ* и Акмолинской области, Александръ *Злобинъ*; преподаватель технологическаго института Императора Николая I, Александръ *Соколовъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Петръ *Преображенскій*; заслуженный преподаватель Елецкой гимназіи Иванъ *Яхонтовъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Григорій *Цвѣтаевъ* и десятой, Николай *Марковинъ*, Кронштадтской, Александръ *Окшевскій*, Московскихъ: первой, Виталій *Эйнгорнъ*, четвертой, Александръ *Скейе* и пятой, Михаилъ *Пановъ*, Калужской, Иванъ *Сосницкій*, Елецкой, Константинъ *Вознесенскій*, Костромской, Александръ *Покровскій*, Нижегородской, Θедоръ *Ржига*, Рыбинской, Павелъ *Лаговскій*, Смоленской, Богданъ *Гернъ*, Тульской, Василій *Орловъ*, Шуйской, Александръ *Сахаровъ*, Казанскихъ: Императорской первой, Николай *Горталовъ* и Константинъ *Воронцовъ* и третьей, Александръ *Баронъ*, Вятской, Григорій *Пинегинъ*, Самарской, Николай *Каминскій*, Острогожской, Степанъ *Антоновъ*, Тамбовской, Александръ *Гантнеръ*, Пензенской второй, Василій *Лебедевъ*, Новочеркасской, Павелъ *Бѣдинъ*, Кіевскихъ: первой, Павелъ *Бодянскій*, второй, Алексѣй *Тиховъ* и третьей, Григорій *Ляхницкій*, Прилукской, Иванъ *Сенаторскій*, Уманской, Корнилій *Смоличъ*, Петроковской, Александръ *Людвикевичъ*, Люблинской, Брониславъ *Евстахевичъ*, Холмской, Аθанасій *Карповичъ*, Сувалкской, Владиміръ *Коцъ*, Виленской первой, Михаилъ *Серебряковъ* и Францъ *Вельманъ*, Ковенской, Петръ *Лисенко*, Гродненской, Аθанасій *Лопатенковъ*, Рижской Императора Николая I, Михаилъ *Торгашевъ*, Одесскихъ, второй, Петръ *Коляю* и четвертой, Германъ фонъ-*Гаазе*, Бердянской, Анемподистъ *Кирилловъ*, Симферопольской, Павелъ *Железовскій*, Херсонской, Николай *Волянскій*, Ялтинской Александровской, Иванъ *Загорданъ*, Омской, Эрнестъ фонъ-*Штернъ*, Тобольской, Константинъ *Васильевъ*, Пермской, Константинъ *Борняковъ*, Кутаисской, Левъ *Семеновъ* и Александръ *Сапожниковъ*, Ташкентской, Николай *Кореньковъ* и Иркутской, Петръ

Чигринецъ; учителя женскихъ гимназій: Псковской Маріинской, Палладій *Каракулинъ*, Вольской Маріинской, Константинъ *Перуанскій*, Черниговской, Николай *Позняковъ*, Одесской Маріинской, Павелъ *Ивановъ*, Екатеринославской, Іосифъ *Алдыревъ* и Ставропольской, Василій *Журавлевъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, Евгеній *Леве*, Новгородскаго, Матвѣй *Дѣдовъ*, Вологодскаго Александровскаго, Григорій *Городцовъ*, Тульскаго, Николай *Муратовъ*, Муромскаго, Василій *Карташевъ*, частнаго Мазинга въ гор. Москвѣ, Сергѣй *Барановъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Митрофанъ *Мышкинъ* и Ѳедоръ *Штраль*, Новочеркасскаго, Василій *Буханцевъ*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, Евстафій *Гусаковскій*, Кіевскаго, Георгій *Ивановъ* и Николай *Васильевъ-Яковлевъ*, Кременчугскаго, Іосифъ *Свенцицкій*, Новозыбковскаго, Германъ *Экке*, Сосновицкаго, Александръ *Паренаго*, Минскаго, Павелъ *Заицъ* и Георгій *Осмоловскій*, Рижскаго городского, Константинъ *Нилендеръ*, св. Павла въ гор. Одессѣ, Петръ *Злотчанскій*, Екатеринославскаго, Михаилъ *Базилевичъ*, Мелитопольскаго, Петръ *Ивановъ*, Николаевскаго Александровскаго, Сергѣй *Аѳанасьевъ*. Екатеринбургскаго, Михаилъ *Соловьевъ* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Хрисанфъ *Яновскій*, прогимназій: Орловской, Алексѣй *Прозоровскій*, Серпуховской Александровской, Петръ *Смирновъ*, Рязанской, Андрей *Пугачевъ*, Луцкой, Иванъ *Комиссаржевскій*, Замостской, Александръ *Епифановъ*, Пултусской, Иванъ *Голубевъ*, Измаильской, Владиміръ *Боровскій*, Евпаторійской, Илья *Пузановъ* и Херсонской, Михаилъ *Крыжановскій*, главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Адольфъ *Глевеке* и Комисаровскаго техническаго училища, Дмитрій *Богоявленскій*; наставники: Екатерининскаго учительскаго института, въ гор. Тамбовѣ, Аполлонъ *Пустовойтовъ* и учительскихъ семинарій Новоторжской, Владиміръ *Панковъ* и Курской, Петръ *Поповъ*; штатные учителя Бѣльской учительской семинаріи Николай *Протопоповъ* и Михаилъ *Михаленко*; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства Иванъ *Александровъ* и врачъ Вытегорскаго городского училища Генрихъ *Литъ*; коллежскіе совѣтники: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Петръ *Извольскій*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Павелъ *Лейкфельдъ* и Леонидъ *Орловъ* и Варшавскаго, Александръ *Щербакъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Маннъ*;

экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Робертъ *Випперъ*; инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Иванъ *Суровцовъ*; инспекторъ Курскаго дворянскаго пансіона-пріюта Имени Императора Александра III Несторъ *Борщовъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій Рижской городской, Гугонъ *Данненбергъ* и Перновской, Владиміръ *Лунинъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Александръ *Введенскій*, Харьковской, Владиміръ *Тулиновъ*, Курской, Николай *Ильинскій* и Воронежской, Николай *Холинъ* и Рижскаго учебнаго округа, Николай *Бѣльдюгинъ*; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Сергѣй *Костинскій*; младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ Александръ *Никольскій*; ассистентъ при психіатрической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Сербскій*; инспекторъ Майкопскаго низшаго техническаго училища Николай *Аккермановъ*; помощникъ директора Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Раймундъ *Розенталь*; помощники инспектора студентовъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Николай *Калиновскій*, Харьковскаго, Иванъ *Ершовъ* и Сергѣй *Чернышевъ* и Новороссійскаго, Ѳедоръ *Лагодовскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургской третьей, Вячеславъ *Желватыхъ*, Маріупольской, Митрофанъ *Кустовскій*, Варшавской четвертой, Степанъ *Троцевичъ*, Виленской первой, Иванъ *Орловскій*, Рижской Императора Николая I, Иванъ *Михалевичъ* и Тифлисскихъ первой, Михаилъ *Карпинскій* и третьей, Зиновій *Никитскій*, женскихъ гимназій С.-Петербургской Покровской, Александръ *Ешевскій* и Петроковской, Иванъ *Рождественскій*, Митавскаго реальнаго училища Владиміръ *Соколовъ*, прогимназій Лебедянской, Петръ *Соловьевъ* и Пултусской, Николай *Зиновьевъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, Рейнгольдъ *Танцшеръ*; наставникъ Пензенской учительской семинаріи Ефремъ *Зайцевъ*; учитель Оренбургской киргизской учительской школы Платонъ *Юркевичъ* и надзиратель средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ Павелъ *Нечаевъ*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Василій *Александренко*; правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Капитонъ *Добрицкій*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Владимірской, Иванъ *Дроздовъ*, Воронежской, Александръ *Кортамышевъ* и Уфимской, Станиславъ *Дворжецкій* и Рижскаго учебнаго округа, Николай *Орловъ*; завѣдывающій

отдѣленіемъ наблюденій и повѣрки инструментовъ при Николаевской главной физической обсерваторіи Іосифъ *Шукевичъ*; преподаватель технологическаго института Императора Николая I Дмитрій *Ивановскій;* столоначальникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Викторъ *Горскій*; членъ археографической коммиссіи министерства Василій *Дружининъ;* дѣлопроизводитель VIII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Владиміръ *Шешуковъ*; учитель Варшавской шестой гимназіи, Константинъ *Тимашевъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ, Свято-Троицкаго Владиміръ *Вороновъ*, Воздвиженскаго, Михаилъ *Скородумовъ* и Вознесенскаго, Александръ *Ксентицкій*, Островскаго, Гавріилъ *Русецкій*, Устюгскаго, Θедоръ *Надеждинъ*, Рижскаго Петропавловскаго, Петръ *Дадзитъ*, Венденскаго, Иванъ *Овчинниковъ*, Одесскаго, Николай *Отто* и Александрійскаго, Александръ *Евстафьевъ*; врачъ С.-Петербургскаго Казанскаго городского училища Петръ *Фроловъ;* почетный смотритель Бѣлецкаго уѣзднаго училища Иванъ *Бузни;* инспекторъ Ташкентскаго ремесленнаго училища Евгеній *Александровичъ*; штатные смотрители и учителя городскихъ училищъ Чигиринскаго, Алексѣй *Павловъ* и Каневскаго, Иванъ *Смирновъ;* приватъ-доцентъ и хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго Томскаго университета Порфирій *Крыловъ;* помощники классныхъ наставниковъ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Григорій *Проценко* и Рижской Александровской гимназіи, Онисимъ *Болотовъ* и сверхштатный учитель городского училища при Московскомъ учительскомъ институтѣ Алексѣй *Успенскій*; коллежскіе ассесоры: библіотекарь I отдѣленія библіотеки Императорской Академіи наукъ Эдуардъ *Вольтеръ*; старшій помощникъ библіотекаря I отдѣленія той же библіотеки Всеволодъ *Срезневскій*; архитекторъ Варшавскаго учебнаго округа Владиміръ *Покровскій*; секретарь правленія Императорскаго С.-Петербургскаго университета Сергѣй *Ференцъ-Сороцкій*; лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Эмилій *Кейзеръ*; учителя гимназій: Кіевской второй, Николай *Коджебашъ*, Лодзинской, Ясонъ *Билинскій* и Аккерманской женской, Левъ *Сливинскій*; почетные смотрители городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, Прохоръ *Матвѣевъ* и казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы, Егоръ *Миндеръ*; экономъ С.-Петербургской третьей гимназіи Константинъ *Незлобинскій* и учителя гимназій Кіево-Печерской, Романъ *Семенцовъ* и Казанской Маріинской женской, Александръ *Кобызевъ*; титулярные совѣтники: ординарный

профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Владиміръ *Левитскій* и директоръ Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Александръ *Сиволобовъ*; неимѣющіе чина: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Левъ *Кассо* и Новороссійскаго, Василій *Истринъ*; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Θедоръ *Селивановъ* и учитель Варшавской третьей гимназіи Александръ *Тиме*.

Св. Станислава 3-й степени: статскіе совѣтники, учителя: гимназій: Новгородсѣверской, Николай *Карповъ*, Виленской второй, Октавіанъ *Клясс*ъ, Витебской, Михаилъ *Сахаровъ* и Ростовской-на-Дону, Екатерининской женской, Дитрихъ *Шеферъ*, Воронежскаго реальнаго училища, Карлъ *Буланже* и Лебедянской прогимназіи, Николай *Андріевскій*; коллежскіе совѣтники: астрономъ-наблюдатель Императорскаго Юрьевскаго университета Константинъ *Покровскій*, инспекторъ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Александръ *Пудовкинъ*; завѣдывающій модельною мастерскою Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Вессель;* помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета Петръ *Заболотновъ;* учителя: гимназій: Калужской, Петръ *Θедоровъ*, Рязанской, Викторъ *Кантаржи*, Новочеркасской, Дмитрій *Муравьевъ*, Глуховской, Александръ *Малинка*, Минской, Петръ *Сутрисъ*, Рижской городской, Викторъ *Феттерлейнъ*, Оренбургской, Θеофилъ *Вилинскій* и Бакинской, Григорій *Лосковъ*; женскихъ гимназій: Вологодской Маріинской, Василій *Масленниковъ* и Казанской Ксеніинской, Тимофей *Почуевъ*, реальныхъ училищъ: Воронежскаго, Александръ *Масаловъ*, Варшавскаго, исправляющій должность Михаилъ *Ровинскій* и Шушинскаго, Арамъ *Калантаровъ* и Херсонской прогимназіи, Лаврентій *Янковскій*; врачъ Бирской женской прогимназіи Николай *Клобуковъ*; учитель Холмскаго Маріинскаго училища Сергѣй *Соколовъ;* наставникъ Полоцкой учительской семинаріи Николай *Лосковичъ* и врачи: Порѣчской учительской семинаріи, Константинъ *Магницкій* и С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, Левъ *Криличевскій*; надворные совѣтники: исправляющій должность адъюнктъ-профессора Рижскаго политехническаго института Генрихъ *Трей;* почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ Анатолій *Янчуковскій;* консультантъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Василій *Окуневъ;* доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института Николай *Кромеръ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Харь-

ковскаго учебнаго округа Николай *Гаркушенко;* младшій помощникъ библіотекаря Императорской публичной библіотеки Дмитрій *Никольскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ первой, Александръ *Сутугинъ* и второй, Павелъ *Тихомировъ*, К. Мая, Эрнестъ *Штернбергъ* и Борисъ *Некрасовъ*, Псковской, Рудольфъ *Гутманъ*, Новгородской, Константинъ *Тюлеліевъ*, Московской шестой, Дмитрій *Егоровъ*, Александровской смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, Дмитрій *Яновскій* и Иванъ *Ловцовъ*, Харьковской второй, Андрей *Маляренко*, Курской, Павелъ *Шандыбинъ*, Новочеркасской, Григорій *Маляровъ*, Кіевской второй, Сергѣй *Слѣсаревскій*, Житомирской первой, Александръ *Циркунъ* и Яковъ *Корбелецкій*, Ченстоховской, Николай *Пажитновъ*, Сѣдлецкой, Владиміръ *Коровицкій*, Одесской третьей, Дмитрій *Терновскій*, Екатеринославской, Петръ *Погорѣловскій*, Витебской, Михаилъ *Емельяновъ*, Минской, Александръ *Чернявскій*, Бакинской, Николай *Авонскій* и Михаилъ *Ершовъ* и Ставропольской, Николай *Котылевскій* и женскихъ гимназій: состоящей при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ гор. Москвѣ, Евгеній-Андрей-Эдуардъ *Миллеръ*, Калайдовичъ въ гор. Москвѣ, Александръ *Снѣтковъ* и Тираспольской, Иванъ *Ивановъ;* воспитатель пансіона Орловской гимназіи Ѳедоръ *Крюковъ;* учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго третьяго, Карлъ *Гешель*, Кронштадтскаго, Евгеній *Фингеръ*, Выборгскаго, Иванъ *Васильевъ*, при реформатской церкви въ гор. Москвѣ, Николай *Бажановъ* и Мечиславъ *Піотровичъ*, Орловскаго Александровскаго, Александръ *Лаврентьевъ*, Урюпинскаго, Товіэль *Нейманъ*, Ровенскаго, Яковъ *Альдингеръ*, Виленскаго, Григорій *Поливода*, Двинскаго, Александръ *Шантыръ*, Тифлисскаго, Владиміръ *Васильевъ* и Владикавказскаго, Павелъ *Леонтьевъ*; учитель Стародубской прогимназіи Григорій *Волковъ*; врачъ С.-Петербургскаго учительскаго института Николай *Энгельне*, наставникъ Молодечненской учительской семинаріи Александръ *Кедровъ*; учитель Полоцкой учительской семинаріи Василій *Сивицкій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Опочецкаго, Иванъ *Скоковъ*, Тотемскаго, Василій *Богословскій*, Инсарскаго, Петръ *Симаковъ*, Маріупольскаго, Гавріилъ *Мишковъ*, Оренбургскаго, Михаилъ *Лещенковъ* и Стерлитамакскаго, Василій *Діановъ;* штатные смотрители училищъ: Чаусскаго уѣзднаго, Иванъ *Гнѣдовскій*, Ольгопольскаго городского, Сергѣй *Каретниковъ* и Кременецкаго городского, Александръ *Палій*; врачи училищъ: городскихъ: Либавскаго, Ешаясъ *Гольдбергъ* и Виндавскаго, Исаакъ *Фейтельбергъ* и Новочеркасскаго атаманскаго техническаго, Алексѣй

Воиновъ; архитекторъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа Фортунатъ *Гутъ*; учитель Московской второй гимназіи Василій *Лукутинъ*; штатный смотритель Хотинскаго уѣзднаго училища Викторъ *Михайличенко;* врачъ Кустанайскаго городского училища Викторъ *Туфановъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Астраханской, Сергѣй *Никольскій*, Черкасской, Яковъ *Коломацкій* и Одесской третьей, Орестъ *Францевичъ* и реальныхъ училищъ: Вятскаго Александровскаго, Николай *Рѣшетовъ* и Изюмскаго Михаилъ *Бунинъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Порѣчскаго, Дмитрій *Грачевъ* и Смоленскаго, Ефимъ *Падалицынъ;* учителя городскихъ училищъ: Псковскаго, Валентинъ *Софроновъ*, Рязанскаго, Петръ *Глинкинъ*, Горбатовскаго, Александръ *Хитровскій*, Чухломскаго, Михаилъ *Лебедевъ*, Тульскаго, Петръ *Львовъ*, Ярославскаго. Владиміръ *Штерновъ*, Серпуховскаго, Павелъ *Моригеровскій*, Клинскаго, Кузьма *Проворовъ*, Льговскаго, Василій *Воронковъ*, Нижнедѣвицкаго, Петръ *Муравлевъ*, Одесскихъ Ефруси, Иванъ *Осиповъ* и исправляющій должность, Константинъ *Пашкевичъ*, Осинскаго, Михаилъ *Сафоновъ*, Маргеланскаго, Даніилъ *Горкольцевъ*, Эриванскаго, Иванъ *Раздорскій* и Ахалкалакскаго, *Джелалъ-Теръ-Крикоровъ*; смотритель Квирильскаго нормальнаго училища Омаинъ *Іосселіани;* учитель Воронежской прогимназіи Александръ *Яковлевъ* и приватъ-доценты Императорскаго Казанскаго университета: Николай *Ѳирсовъ*, Михаилъ *Рузскій* и Эдуардъ *Мейеръ;* коллежскіе ассессоры: бухгалтеръ управленія дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія Николай *Хорошавинъ;* помощники прозектора Императорскаго Московскаго университета: Николай *Лысенковъ* и Владиміръ *Рудневъ*; физикъ при Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Коростелевъ*; библіотекарь зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ Рихардъ *Шмидтъ*; помощники библіотекаря Императорской публичной библіотеки младшій, Николай *Чечулинъ* и Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Робертъ *фонъ-Антоніусъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Томскаго: Иванъ *Левашевъ* и Константинъ *Дмитріевскій* и Московскаго, Михаилъ *Голенкинъ;* сверхштатные ассистенты при терапевтическомъ отдѣленіи Императорскаго Московскаго университета, находящемся при Императорской Екатерининской больницѣ: Александръ *Егоровъ* и Владиміръ *Поляковъ*; управляющій аптекою Императорской Екатерининской больницы въ гор. Москвѣ Сергѣй *Исаевъ*; учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Левонъ *Сарки-*

сяницъ; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой, Иванъ *Смирновъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества, Василій *Болотновъ*, Владимірской, Иванъ *Крыловъ*, Рязанской, Алексѣй *Булатовъ*, Острогожской, Матвѣй *Макаровъ*, Кіево-Печерской, Анатолій *Семеновъ*, Ревельской Александровской, Эмилій *Деляви*, Варшавской второй, Вильгельмъ *Деіо*, Маріампольской, Владиміръ *Миленскій*, Виленской второй, Владиміръ *Конторъ*, Слуцкой, Владиміръ *Берсеневъ*, Владивостокской, при восточномъ институтѣ, Дмитрій *Дюковъ*, Тифлисской первой, Константинъ *Забѣжкинъ* и Владикавказской, Всеволодъ *Кишкинъ* и женскихъ гимназій: Елецкой, Павелъ *Недачинъ*, Новоторжской, Арсеній *Первухинъ*, Елисаветинской, Иванъ *Силомонъ*, Харьковскихъ: Маріинской, Платонъ *Шатохинъ* и Вознесенской, Василій *Ястремскій*, Болградской, Дмитрій *Ямболовъ*, Рижской Ломоносовской, Евгеній *Клеверъ* и Иркутской, Николай *Орловъ*; врачъ С.-Петербургской первой гимназіи Борисъ *Георгіевскій*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: третьяго, Александръ *Кельбергъ* и Гуревича, Владиміръ *Криксинъ*, Усть-Медвѣдицкаго, Петръ *Блиновъ*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ гор. Кіевѣ, Георгій *Антоновъ*, Ревельскаго, Эдуардъ *фонъ-Валь*, Пермскаго, Карлъ *Дзинтерсъ* и Бакинскаго, Николай *Закаменный*, прогимназій: Харьковской, Александръ *Венигъ*, Варшавской второй, Николай *Бецъ* и Семипалатинской, Иванъ *Окинчицъ*, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, Александръ *Дитманъ* и Бирской инородческой учительской школы, Михаилъ *Гарницкій*; инспекторъ Златоустовскаго ремесленнаго училища Владиміръ *Ледневъ*; штатный смотритель Васильковскаго городского училища Евгеній *Якубовскій*; приватъ-доцентъ и врачъ Императорскаго Томскаго университета Илья *Дочевскій*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Кіевскаго, Алексѣй *Горковенко* и Виленскаго, Іосифъ *Михайловъ*; лаборантъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Александръ *Ситниковъ*, экономъ пансіона Московской второй гимназіи, Николай *Хлѣбниковъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ Тамбовскаго, Андрей *Никольскій* и Наровчатскаго, Николай *Надеждинскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Тульской, Григорій *Змѣевъ* и Кутаисской, Константинъ *Тепцовъ* и реальныхъ училищъ: Московскаго, Иванъ *Смирновъ*, Воронежскаго, Михаилъ *Вележевъ* и Винницкаго, Николай *Териховъ*; завѣдывающіе городскими училищами Пирятинскимъ, Михаилъ *Карпенко* и Лохвицкимъ, Николай *Дмитревскій*; учителя городскихъ

училищъ: Ямбургскаго, Николай *Виноградовъ*, Нижегородскаго, Петръ *Шихаревъ*, Ливенскаго, Дмитрій *Вознесенскій*, Бѣжецкаго, Илья *Виноградовъ*, Самарскаго, Константинъ *Солдатовъ*, Славянскаго, Георгій *Тубольцевъ*, Екатеринославскаго перваго, Михаилъ *Краснослободскій*. Борисовскаго, Иванъ *Михалковичъ*, Соликамскаго, Степанъ *Богомоловъ*, Екатеринодарскаго, Степанъ *Сахновъ* и Ашотъ *Вартапетовъ* и Орловскаго, Иванъ *Сходцевъ;* учителя: Виленской первой гимназіи, Семенъ *Ковалюкъ* и реальныхъ училищъ: Полтавскаго, Григорій *Криворотченко* и Двинскаго, Дмитрій *Михайловъ*, Самарской женской гимназіи, Алексѣй *Морозовъ* и Тюменскаго уѣзднаго училища, Иванъ *Карпаполовъ* и домашній учитель Павелъ *Пальтель*; титулярные совѣтники: исправляющій должность профессора Восточнаго института Николай *Таберіо*; инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи Елпидифоръ *Соколовъ*; сверхштатный ассистентъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Николай *Кабановъ;* сверхштатные лаборанты Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Усовъ* и Константинъ *Ильксвичъ*; сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго Московскаго университета Александръ *Дешинъ*; учителя гимназій: Харьковской первой, Александръ *Клюшниковъ*. Варшавской пятой, Иванъ *Окоемовъ* и Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской, Іоакимъ *Тикиджи-Хамбуровъ*; почетный смотритель Бакинскаго Михайловскаго училища Арсеній *Сапаровъ*; адъюнктъ отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня при Николаевской главной физической обсерваторіи Викторъ *Недзвѣдзскій*; лаборантъ лабораторіи Императорской Академіи наукъ Дмитрій *Нелюбовъ*; лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Дмитрій *Педашенко;* хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михаилъ *Римскій-Корсаковъ*; экономъ и экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Викторъ *Тулиновъ*; экономъ и смотритель зданій Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Александръ *Егоровъ;* учителя женскихъ гимназій: Тульской первой, Александръ *Манинъ* и Одесской Маріинской, Иванъ *Горшковъ*; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Николай *Розенбергъ;* сверхштатный помощникъ Николаевской главной физической обсерваторіи Измаилъ *Семеновъ;* помощники классныхъ наставниковъ Немировской гимназіи, Григорій *Добржанскій* и Владикавказскаго реальнаго учи-

лища, Иванъ *Фуфаевъ*; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи Павелъ *Успенскій;* письмоводители гимназій Рижской городской, Карлъ *Верфельдъ* и Оренбургской, Терентій *Солодниковъ*; завѣдывающій Рѣчицкимъ городскимъ училищемъ Антонъ *Астаповичъ;* учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Вознесенскаго, Михаилъ *Петровъ*, Новоладожскаго, Илья *Шеляпинъ*, Шлиссельбургскаго, Василій *Альповъ*, Симферопольскаго Петръ *Запорожецъ*, Рогачевскаго, Иванъ *Юшто* и Асхабадскаго, Николай *Ивановъ*; учитель-смотритель Красноводскаго желѣзнодорожнаго начальнаго училища Иванъ *Лавровскій* и учитель Ростовской-на-Дону гимназіи Павелъ *Покровскій*; коллежскіе секретари: ассистентъ по органической и земледѣльческой химіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Безпалый*; членъ соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Митрофанъ *Цыплаковъ;* библіотекарь института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Кригитафовичъ*; инспекторъ Чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, Василій *Алексѣевъ*; учителя: Сосновицкаго реальнаго училища, Ѳедоръ *Шакъ*, Асхабадской прогимназіи, Митрофанъ *Поповъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Александръ *Родинъ*; исправляющій должность надзирателя техническихъ классовъ горнозаводскаго отдѣленія Пермскаго реальнаго училища Николай *Сухихъ;* учитель Казанскаго промышленнаго училища Никифоръ *Козловскій;* учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Варшавскаго перваго, Порфирій *Пономаренко* и Закатальскаго, Ѳедоръ *Кулаковъ;* младшій помощникъ библіотекаря II отдѣленія библіотеки Императорской Академіи наукъ Готлибъ *Гансенъ*; смотритель зданій и экзекуторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Чаговецъ*; письмоводитель и бухгалтеръ Московской четвертой гимназіи, Петръ *Осетровъ*; учитель Бакинской гимназіи, Аѳанасій *Дѣдуловъ*; учителя городскихъ училищъ: Валуйскаго, Хрисанфъ *Братусь*, Хабаровскаго, Василій *Мезеневъ* и Лодзинскаго Александровскаго, Василій *Данилевскій*; учитель начальнаго училища при Эриванской учительской семинаріи Николай *Суворовъ*; учителя Кіевской третьей гимназіи, Семенъ *Войтовичъ* и Ташкентскаго реальнаго училища, Павелъ *Степановъ* и учитель, завѣдывающій Курскимъ Александровскимъ училищемъ, Иванъ *Чеботаревъ;* губернскіе секретари: учителя: женскихъ гимназій Тамбовской, Иванъ *Ковыляевъ* и Елисаветградской, Терентій *Зубковъ* и Ка-

лишскаго реальнаго училища, баронъ Александръ *фонъ-деръ-Ропть*; штатный смотритель городскаго училища на станціи Кіевъ 1-й Захарій *Коломацкій;* секретарь правленія Императорскаго Юрьевскаго университета Гербертъ *Шульцъ*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ Казанскаго, Алексѣй *Антоновъ* и Кіевскаго, Алексѣй *Шульжевичъ*; лаборантъ химической лабораторіи Императорской Академіи наукъ Георгій *Вульфъ*; письмоводитель и бухгалтеръ Иркутскаго промышленнаго училища Константинъ *Черняковъ*; канцелярскій служитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Михаилъ *Гноевой*; письмоводитель Омской гимназіи Гордѣй *Сартаковъ;* учитель Виленскаго реальнаго училища Андрей *Метько;* учитель Чигиринскаго городского училища Игнатій *Иваница*; смотритель Ларинскаго приходскаго училища, Θедоръ *Кринскій*; механикъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Генрихъ *Фрейбергъ*; учитель Харьковскаго уѣзднаго училища Митрофанъ *Дашкевичъ*; учителя, завѣдывающіе приходскими училищами, Нарвскимъ, Михаилъ *Кольчевскій* и Николаевско-Новороссійскимъ, Михаилъ *Кондратовъ;* учителя приходскихъ училищъ: Нарвскаго, Михаилъ *Стрѣльцовъ*, Калужскаго, Сергѣй *Рождественскій*, Астраханскаго пятаго, Василій *Малафеевъ*, Казанскаго четвертаго, Михаилъ *Оловянишниковъ*, Харьковскихъ перваго, Владиміръ *Поповъ* и шестаго, Евгеній *Давыдовъ*, Сумскаго, Димитрій *Лазаревъ*, Землянскаго, Иванъ *Романовскій*, Богучарскаго, Сергѣй *Паринов*ъ, Тамбовскаго третьяго, Александръ *Несмѣловъ*, Нижне-Ломовскаго, Антонъ *Смагинъ*, Маріинскаго, Павелъ *Прокофьевъ*, Гундоровскаго, Евгеній *Поповъ*, Новочеркасскихъ, втораго, Алексѣй *Альбаковъ*, третьяго, Димитрій *Неволинъ* и четвертаго, Алексѣй *Наугольновъ*, Грушевскаго, Исидоръ *Автономовъ*, Клѣтскаго, Петръ *Захаровъ*, Перекопскаго, Григорій *Головачевъ*, Сергіевскаго, Алексѣй *Поповъ*, Урюпинскаго, Константинъ *Черниковъ*, Курскаго втораго женскаго, Павелъ *Ерохинъ*, Кіевскаго, Павелъ *Комисаренко*, Иванъ *Жукъ* и Василій *Тищенко* и Полтавскаго, Василій *Ткаль*; учителя городскихъ училищъ: Ковельскаго, Александръ *Шиперовичъ* и Овручыскаго, Андрей *Слугодскій;* старшіе учителя приходскихъ училищъ: Новгородскаго, Яковъ *Личко*, Свипишскаго, Климентій *Боярчукъ*, Щучинскаго, Виленской губерніи, Степанъ *Косикъ* и Ракишскаго, Ковенской губерніи, Александръ *Архангельскій* и учителя училищъ: Оренбургскихъ городскихъ приходскихъ: третьяго Гавріилъ *Князевъ* и четвертаго, Владиміръ *Сокуровъ* и приходскихъ: Кунгурскаго втораго, Михаилъ *Тарасовъ*, при Туркестанской учитель-

ской семинаріи, Василій *Колесинскій*, Бѣльскаго, Михаилъ *Сизыхъ* и Ново-Александровскаго, Петръ *Силантьевъ*; коллежскіе регистраторы: почетный смотритель Вятскаго городского училища Леонтій *Кекинъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Кіевской второй гимназіи Василій *Процкинъ*; письмоводители гимназій: Варшавской, Николай *Александровъ*, Тобольской, Иванъ *Бульба* и Тифлисской третьей, Алексѣй *Гарковенко*; учитель, завѣдывающій Карачевскимъ приходскимъ училищемъ, Петръ *Серебряковъ* и учитель Семикаракорскаго приходскаго училища Иванъ *Поповъ*; неимѣющіе чина: исправляющіе должность: экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра Іосифъ *Покровскій*, адъюнктъ-профессора Рижскаго политехническаго института Густавъ *Кирштейнъ* и профессора Восточнаго института въ гор. Владивостокѣ инспекторъ, Григорій *Подставинъ* и Евгеній *Спальвинъ*; инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ Кондратій *Счесновичъ;* старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ, Сергѣй *Савиновъ*; хранитель Кабинета музея изящныхъ искусствъ Императорскаго Московскаго университета, Николай *Трескинъ*; помощникъ библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета Дмитрій *Миллеръ;* учителя гимназій: С.-Петербургскихъ второй, Владиміръ *Завадскій-Краснопольскій*, пятой, Адріанъ *Лесилье*, шестой, Кириллъ *Малина*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, Сергѣй *Дьевъ*, и доктора Видемана въ С.-Петербургѣ, Робертъ *Леперъ*, Архангельской, Альфонсъ *Климъ*, Владивостокской, при Восточномъ институтѣ, Петръ *Бардуновъ* и Василій *Пулезо*, Харьковской первой, Иванъ *Порошинъ*, Старобѣльской Александровской, Евгеній *Жижневскій*, Кіево-Печерской, Георгій *Пфейфферъ*, Ченстоховской, Михаилъ *Коровкевичъ-Базилевичъ*, Калишской, Сергѣй *Волковъ* и Елисаветпольской, князь Михаилъ *Тактаковъ*; учителя женскихъ гимназій: Новгородской Николаевской, Ричардъ *Лаѳутко*, Тамбовской, Петръ *Смирновъ* и Петроковской, Василій *Воскресенскій*, Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, Алексѣй *Аммосовъ*, реальныхъ училищъ: Мазинга, въ гор. Москвѣ, Михаилъ *Нечаевъ*, Тверскаго, Михаилъ *Мухинъ*, Изюмскаго, Всеволодъ *Бекеневъ*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, Александръ *Линицкій*, Юрьевскаго, Трофимъ *Шаталовъ*, Оренбургскаго, Юлій *Тіефъ*, Бакинскаго, Теодоръ *Кренкель* и Казанскаго, Петръ *Колесниковъ*, прогимназій Петергофской Императора Александра II, Михаилъ *Дурандинъ* и Михаилъ *Измайловъ* и Ржевской, Александръ *Соловьевъ* и

Иванъ *Смирновъ* и училищъ: при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ. Аркадій *Лященко* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ гор. Москвѣ, Константинъ *Михайловъ*; инспекторы ремесленныхъ училищъ: Павловскаго, Нижегородской губерніи, Николай *Тюремновъ*. Томскаго, Алексѣй *Скороходовъ* и Батумскаго, Иванъ *Колодѣевъ*; завѣдывающій мастерскими Костромскаго средняго механико-техническаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, Александръ *Фроловъ;* учитель Московскаго учительскаго института Владиміръ *Богдановъ;* наставникъ Карачевской учительской семинаріи Сергѣй *Горобой;* учитель-инспекторъ Минской школы ремесленныхъ учениковъ, Владиміръ *Гирскій*; штатный смотритель и учитель Балтскаго городского училища, Василій *Голубовскій;* учитель Бирской инородческой учительской школы Константинъ *Лебедевъ*; смотритель Саратовскаго Александровскаго ремесленнаго училища Николай *Курнышинъ;* помощникъ преподавателя ручнаго труда Московскаго учительскаго института Николай *Ежовъ*; руководитель слесарныхъ работъ Ташкентскаго ремесленнаго училища Тимоѳей *Шестопаловъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій Ананьевской, Василій *Дуржицкій* и Бакинской, Нариманъ *Наримановъ;* учитель Андреевской учительской семинаріи, Меркурій *Муравьевъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, Николай *Колотинскій*.

Удостоиваются награжденія: *подарками съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества* директоръ и заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ *Ланге*; учитель Калужскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Иванъ *Дербеневъ*.

Обыкновеннымъ подаркомъ, сотрудникъ археографической коммиссіи министерства, надворный совѣтникъ Павелъ *Ежовъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: инспектору для наблюденія за промышленными училищами, инженеру-технологу, коллежскому секретарю Леониду *Москалеву* — на заводахъ морскаго вѣдомства, съ 11-го іюня 1889 года по 11-е іюня 1895 г.; помощнику дѣлопроизводителя Рижскаго политехническаго института, губернскому секретарю Ивану *Бѣляеву*—въ томъ же институтѣ, съ 1-го октября 1896 по 20-е ноября 1897 года; неимѣющимъ чина: исправляющему должность секретаря по студентскимъ дѣламъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василію *Моисееву* — въ канцеляріи того же университета, съ

1-го января 1895 года по 1-е января 1898 г.; учителю Николаевской первой Маріинской женской гимназіи Роберту *Дибольду* — въ той же гимназіи, съ 9-го апрѣля 1894 г. по 9-е апрѣля 1897 г.; журналисту и архиваріусу канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Дмитрію *Шевцову*—въ той же канцеляріи, съ 4-го марта 1891 г. по 4-е марта 1894 г.; помощнику классныхъ наставниковъ Ревельской гимназіи Императора Николая I, Ильѣ *Корніенко* — въ той же гимназіи, съ 24-го марта 1896 г. по 24-е марта 1899 г., учителю приготовительнаго класса Казанской учительской семинаріи Макару *Евсевьеву*—въ той же семинаріи, съ 17-го декабря 1894 г. по 17-е декабря 1897 г.; учителю, завѣдывающему Митавскимъ II городскимъ мужскимъ начальнымъ училищемъ Ивану *Попелю* — въ Вольмарскомъ православномъ приходскомъ училищѣ, съ 12-го января 1881 г. по 12-е января 1884 г. и канцелярскому чиновнику канцеляріи попечителя Варшавскаго учебнаго округа Степану *Дворницкому* — въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ 10-го февраля 1894 г. по 10-е февраля 1897 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(28-го ноября 1900 года, № 80). *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители VI класса департамента: *Ковалевскій* и *Моревъ*, оба—съ 1-го мая 1900 г.; по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны, младшій ассистентъ института, докторъ медицины *Іогансенъ*—съ 30-го мая 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны, сверхштатный ассистентъ института, лѣкарь *Штиглицъ*—съ 26-го мая 1900 г.; по археографической комиссіи, членъ комиссіи *Дружининъ*—съ 24-го апрѣля 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Аккерманской прогимназіи *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Никольскій*—съ 14-го января 1893 г.; по Одесскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ:

Херсонской прогимназіи, *Гамалѣевъ*—съ 1-го марта 1900 г. и Камратскаго реальнаго училища, *Старжицкій*—съ 10-го іюня 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Одесскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Люткевичъ*—съ 1-го декабря 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Херсонской гимназіи *Скульскій*—съ 8-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Чернышевъ*—съ 21-го апрѣля 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника*: по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны: сверхштатные ассистенты института: *Яновскій*—съ 25-го апрѣля 1895 г., *Дмитріевъ*—съ 1-го января 1896 г., *фонъ-Валь*—съ 20-го мая 1896 г. и *Миндлинъ*—съ 1-го января 1896 г., всѣ четверо—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ: регистраторъ библіотеки музеевъ *Борзовъ*—съ 1-го августа 1900 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Павлоградской гимназіи, *Крайнюковъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Мезеневъ*—съ 3-го іюля 1896 г.

(2-го декабря 1900 года, № 81). *Назначается*, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ зоологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Степановъ*—директоромъ Харьковской второй гимназіи, съ оставленіемъ его въ званіи заслуженнаго профессора.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Бѣльской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гвоздевъ* и директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи, статскій совѣтникъ *Яблочковъ*, изъ нихъ послѣдній за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: завѣдующій учебными мастерскими Коммиссаровскаго техническаго училища *Лапшинъ*—съ 10-го іюня 1900 г.; учителя гимназій: Орловской, *Орловъ*—съ 19-го декабря 1899 г., Рязанской, *Лебедевъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и 1-й Тульской женской, *Граменицкій*—съ 26-го октября 1899 г., реальнаго училища при евангелическо-лютеранской

церкви св. Михаила въ Москвѣ, *Вертоградскій*—съ 26-го декабря 1899 г.; по Одесскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи: *Діомидовъ* — съ 14-го августа 1900 г. и *Юцковскій*—съ 17-го декабря 1899 г.; учителя гимназій: Керченской, *Доладугинъ*—съ 11-го іюня 1900 г., Одесской 4-й, *Григорьевъ*—съ 17-го іюня 1900 г., реальныхъ училищъ: Кишиневскаго, *Степанковскій*—съ 1-го августа 1900 г., Камратскаго, *Хмѣлевскій*—съ 1-го августа 1900 г. и *Донатъ*—съ 15-го августа 1900 г., Одесскаго, св. Павла, *Гамовъ*—съ 1-го августа 1900 г., Херсонскаго: *Вильпертъ* и *Конахевичъ*, оба—съ 1-го августа 1900 г., Аккерманской прогимназіи, *Тузенко*—съ 1-го августа 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя гимназій: состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Голышкинъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Кіевской 2-й, *Коджебашъ*—съ 15-го августа 1900 г., Лубенской, *Ивановъ*—съ 1-го апрѣля 1900 г. и Ровенскаго реальнаго училища, *Ляскоронскій*—съ 8-го марта 1900 г.; по Виленскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Виленской губерніи *Нестеровичъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; учителя: Гомельской гимназіи: *Александровъ*—съ 22-го августа 1900 г. и *Ѳедоровъ*—съ 1-го августа 1900 г., реальныхъ училищъ: Минскаго, *Пиперъ*—съ 7-го мая 1900 г., Могилевскаго, *Вельсъ*—съ 19-го апрѣля 1900 г. и Виленскаго, *Пономаревъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Фоссъ*—съ 5-го декабря 1899 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи *Дроздовъ*—съ 19-го ноября 1898 г.; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища *Гриневецкій*—съ 19-го іюня 1900 г.; помощникъ испектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Фелицынъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя: Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Булатовъ*—съ 18-го ноября 1899 г., частнаго реальнаго училища Мазинга въ Москвѣ, *Романовъ*—съ 1-го іюля 1900 г., женскихъ гимназій: Брянской, *Яковицкій*—съ 21-го сентября 1899 г. и частной, Калайдовичъ, въ Москвѣ, *Сиѣтковъ*—съ 20-го августа 1900 г.; наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Лебедевъ*—съ 9-го декабря 1899 г.; по Одесскому учебному округу: исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ Бессарабской губерніи *Сухоруковъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя гимназій: Ананьевской, *Финаковъ*—съ 1-го августа 1900 г., Керченской, *Успенскій*—съ 14-го ав-

густа 1900 г., Симферопольской, *Гусевъ*—съ 15-го февраля 1900 г., Ялтинской: *Монкевичъ*—съ 1-го августа 1900 г. и *Орловъ*—съ 18-го ноября 1899 г., Екатеринославской женской, *Муратовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Елисаветградскаго, *Никольскій*—съ 15-го августа 1900 г., Одесскаго 1-го, *Колле*—съ 15-го мая 1900 г. и Новобугской учительской семинаріи, *Ветуховъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана *Клячинъ*—съ 1-го января 1900 г.; учителя реальныхъ училищъ: Ровенскаго, *Долгушинъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Новозыбковскаго, *Лефебръ*—съ 4-го марта 1900 г.; врачъ Винницкаго реальнаго училища *Оводовъ*—съ 7-го марта 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Ковенской гимназіи *Карташевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; наставникъ Поневѣжской учительской семинаріи *Бадгъй* — съ 5-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому учебному округу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея *Юшкевичъ* — съ 16-го мая 1895 г.; учителя: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Кусиковъ*—съ 18-го іюля 1899 г. и *Саркисянцъ* (сверхштатный)—съ 1-го сентября 1899 г., гимназій: Владимірской, *Крыловъ*—съ 30-го сентября 1899 г., Московской 6-й (сверхштатный) *Васильевъ* — съ 1-го августа 1899 г., Рязанской, *Булатовъ* — съ 4-го мая 1899 г., женскихъ: Елецкой, *Недачинъ*—съ 11-го февраля 1899 г., Новоторжской, *Первухинъ*—съ 1-го сентября 1899 г., частной, Перепелкиной, въ Москвѣ, *Басистовъ* — съ 18-го іюля 1899 г. и частной, Ржевской, въ Москвѣ, *Брюхатовъ*—съ 7-го октября 1899 г., Рославльской шестиклассной прогимназіи, *Тетеркинъ*—съ 16-го августа 1899 г., реальныхъ училищъ: Московскаго, *Лавриновичъ* — съ 1-го августа 1898 г., частнаго, Воскресенскаго, *Воронецъ* — съ 11-го сентября 1899 г., Брянскаго средняго семиклассного техническаго училища, *Страховъ*—съ 8-го октября 1898 г., городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Ярославскаго: *Критскій*—съ 1-го мая 1900 г. и *Лазаревъ*—съ 11-го ноября 1899 г., Рыбинскаго, *Екимовъ*—съ 25-го мая 1900 г., Пошехонскаго трехклассная, *Лебедевъ* — съ 1-го октября 1899 г., Данковскаго двухклассная, *Егоровъ* — съ 24-го ноября 1899 г., Бѣжецкаго, *Виноградовъ*— съ 1-го іюля 1900 г. и Корчевскаго, *Пейчъ* — съ 6-го октября 1899 г.; сверхштатный наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Гришинъ* — съ 15-го августа 1899 г.; почетный смотритель казенныхъ начальныхъ училищъ гор.

Москвы *Миндеръ* — съ 21-го марта 1900 г.; учитель завѣдывающій Волоколамскимъ городскимъ училищемъ *Бѣляевъ* — съ 26-го октября 1899 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Екатеринославской, *Смѣльницкій*—съ 1-го іюля 1899 г., Маріупольской, *Мартыновичъ*—съ 23-го ноября 1899 г., женскихъ: Болградской, *Ямболовъ*—съ 5-го іюня 1894 г., Елисаветградской, *Дишъ*—съ 21-го августа 1899 г.; учитель-инспекторъ Орѣховскаго городского трехкласснаго училища *Кандауровъ*—съ 1-го іюля 1899 г. и учитель Одесскаго городского шестиклассного училища *Караченцовъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Забузскій*—съ 17-го февраля 1900 г.; учителя гимназій: Житомирской 2-й, *Колтоновскій*—съ 1-го ноября 1899 г., Лубенской, *Вольфельдтъ*—съ 22-го февраля 1899 г., Острожской, *Феллеръ*—съ 20-го сентября 1899 г., Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины, *Антоновъ*—съ 15-го сентября 1894 г. и Городнянскаго городского двухклассного училища *Стеценко*—съ 28-го февраля 1900 г.; штатные смотрители двухклассныхъ городскихъ училищъ: Владиміръ-Волынскаго, *Былъдинъ* и Литинскаго, *Комарчукъ*, оба — съ 1-го сентября 1899 г.; завѣдывающій Клинцовскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ, *Яснопольскій*—съ 8-го августа 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Виленской 2-ой гимназіи, *Конторъ* (онъ же Контеръ) — съ 16-го сентября 1899 г., Пинскаго реальнаго училища, *Наревичъ*—съ 13-го октября 1899 г.; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Трокскаго, *Тясто*—съ 1-го февраля 1900 г., Игуменскаго, *Данилевичъ*—съ 4-го августа 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Минскаго реальнаго училища *Гуринъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища, *Оссовецкій* — со 2-го января 1897 г.; врачи Ржевской женской гимназіи, *Бересневъ* — съ 13-го сентября 1896 г. и Кологривскаго уѣзднаго училища (бывшій), *Кишинскій*—съ 10-го марта 1896 г.; учитель-инспекторъ Болховскаго городского училища *Крицынъ* —съ 1-го августа 1894 г.; учителя: женскихъ гимназій: частной, Перепелкиной, *Манковъ* — съ 25-го сентября 1898 г. и Новоторжской, *Курятниковъ* — съ 1-го февраля 1899 г., Тульскаго ремесленнаго училища *Галкинъ*—съ 8-го декабря 1897 г., городскихъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго шестикласснаго, *Щанинъ*—съ 31-го октября 1894 г., Веневскаго трехкласснаго, *Спицынъ*—съ 1-го января 1900 г., 3-го Московскаго, *Зеленинъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Болхов-

скаго двухклассного, *Марковъ*—съ 1-го февраля 1897 г., и 1-го Смоленскаго, *Назаровъ* — съ 16-го апрѣля 1897 г., руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища *Шатровъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Тульскаго реальнаго училища *Краснопѣвцевъ*—съ 11-го іюля 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: Симферопольской гимназіи, *Ястребковъ* — со 2-го сентября 1899 г., городскихъ училищъ: Симферопольскаго пятикласснаго, *Запорожецъ* — съ 1-го сентября 1900 г., трехклассныхъ: Новомосковскаго, *Ганскій*—съ 1-го августа 1898 г., и Очаковскаго, *Гайчукъ*— съ 1-го августа 1899 г., учитель-инспекторъ Никопольскаго трехкласснаго городского училища *Іоришъ*—съ 24-го марта 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Острожской гимназіи *Батуевъ*—съ 16-го марта 1900 г. и Бердичевскаго двухкласснаго городского училища *Костылевъ*—съ 25-го августа 1900 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Витебской гимназіи *Корчагинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; штатный врачъ Бѣлостокскаго начальнаго еврейскаго училища *Гурвичъ*—съ 12-го января 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пинскаго реальнаго училища *Поповъ* — съ 1-го августа 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Московскому учебному округу: члены соревнователи попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища: *Цыплаковъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Грейнеръ*—съ 15-го марта 1898 г.; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Вайнбергъ*—съ 8-го октября 1896 г., помощники классныхъ наставниковъ: Калужской гимназіи, *Покровскій*—съ 7-го декабря 1898 г. и Орловской прогимназіи, *Азбукинъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; учителя: городскихъ училищъ: Тульскаго, *Раевскій*—съ 17-го августа 1898 г. и *Дмитріевъ* (сверхштатный)—съ 1-го апрѣля 1898 г., трехклассныхъ: Переславскаго, *Горстинъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Варнавинскаго, *Марковъ*—съ 1-го іюля 1897 г., Спасскаго, *Нѣмцовъ*—съ 21-го апрѣля 1898 г., Ржевскаго, *Рудилевскій*—съ 14-го января 1897 г., Осташковскаго, *Сусловъ* — съ 1-го іюля 1898 г. и Калязинскаго, *Пановъ*— съ 1-го іюля 1897 г. и Солигаличскаго уѣзднаго училища, *Раевскій*— съ 11-го сентября 1899 г., надзиратель Тульскаго ремесленнаго училища *Пастуховъ*—съ 7-го февраля 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: гимназій: Мелитопольской женской, *Строевъ* — съ 1-го августа 1899 г. и приготовительнаго класса Херсонской, *Мякенко*—съ 30-го іюня 1900 г., городскихъ училищъ: Херсонскаго пятикласснаго, *Павленко* — съ 14-го сентября 1898 г., трехклассныхъ:

Новогеоргіевскаго, *Ротмировъ*—съ 15-го октября 1898 г., Верхнеднѣпровскаго, *Калинъ* — съ 10-го февраля 1896 г. и Севастопольскаго, *Хмѣльницкій* — съ 31-го августа 1898 г.; по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Виленской 2-й гимназіи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Чикидовскій*—съ 16-го октября 1898 г., реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Хорьковъ*—съ 1-го декабря 1898 г. и Двинскаго, *Дуниевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; учителя: Мирскаго городского училища, *Притуленко*—съ 1-го августа 1895 г. и приготовительнаго класса Витебской гимназіи, *Шохоль*—съ 11-го сентября 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель Касимовскаго двухкласснаго городского училища *Салазкинъ*—съ 23-го декабря 1899 г.; учителя Орловскаго городского училища (сверхштатный) *Ѳивейскій* — съ 1-го января 1896 г., учитель завѣдывающій Писцовскимъ двухкласснымъ училищемъ министерства *Гребенщиковъ*—съ 21-го сентября 1896 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: Минскаго, *Францкевичъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Могилевскаго, *Мазюкъ*—съ 11-го октября 1896 г., приготовительнаго класса Виленскаго реальнаго училища, *Метько*—съ 21-го августа 1898 г., письмоводитель Виленскаго учительскаго института *Каталымовъ*—съ 1-го марта 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: исправляющій должность помощника смотрителя Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ *Урановъ*—съ 1-го іюня 1900 г., учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 1-го Владимірскаго, *Тихоміровъ*—съ 1-го ноября 1898 г., Вязниковскаго, *Скипетровъ* — съ 30-го сентября 1897 г. и Лухскаго, *Потѣхинъ*—съ 1-го января 1899 г., Карачевскаго, *Серебряковъ*—съ 22-го февраля 1900 г. и Болховскаго, *Краснопольскій* — съ 17-го сентября 1899 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Богородскаго, *Никитинъ*—съ 29-го сентября 1898 г., Каширскаго, *Королевъ*—съ 17-го іюня 1898 г. и Любимскаго, *Грудцынъ* — съ 27-го октября 1897 г.; по Одесскому учебному округу, столоначальникъ канцеляріи попечителя *Злочанскій*—съ 25-го іюня 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Роменскаго реальнаго училища *Алчевскій*—съ 16-го іюня 1900 г., учитель чистописанія, черченія и рисованія Каневскаго городского двухкласснаго училища *Сергѣевъ*—съ 18-го сентября 1894 г. и помощникъ учителя Кролевецкаго двухкласснаго городского училища *Силичъ* — съ 12-го декабря 1895 г.; по Виленскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Черниковскаго, *Прцохо*—съ

22-го января 1898 г. и Бѣлицкаго, *Котовъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Московскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Скопинскаго 2-го *Новгородскій* — съ 1-го сентября 1899 г. и Ряжскаго, *Преображенскій* — съ 1-го сентября 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Черкасской гимназіи *Маркевичъ* и завѣдывающій Житомірскимъ 3-мъ одноклассньмъ приходскимъ городскимъ училищемъ *Муловъ-Войтовецкій*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: учителя: гимназій Рыбинской *де-Сево*—съ 3-го іюня 1896 г. и 1-й Тульской, женской, *Манинъ*—съ 10-го іюня 1894 г., Ливенскаго реальнаго училища, *Толоконниковъ*—съ 4-го марта 1896 г.; учитель-инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ при фабрикѣ товарищества прохоровской мануфактуры въ Москвѣ *Терентьевъ*—съ 15-го марта 1895 г.; врачъ 1-го Смоленскаго городского училища *Певзнеръ* — съ 8-го марта 1896 г., по степени доктора медицины; завѣдывающій мастерскими Рыбинскаго механико-техническаго училища *Бунинъ* — съ 1-го октября 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя Бердянской гимназіи: *Мухинъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и *Дидуненко* — съ 14-го февраля 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя Кіево-Печерской гимназіи, *Богдановъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Луцкой прогимназіи, *Ковальскій*—съ 1-го августа 1896 г., Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины: *Кучинскій*—съ 1-го апрѣля 1896 г. и *Ней*—съ 16-го февраля 1896 г.; по Виленскому учебному округу: преподаватели: Ковенской гимназіи, *Шмидтъ*—съ 26-го января 1896 г., реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Барашковъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и Минскаго, коллежскій секретарь *Спасскій*—съ 10-го августа 1896 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Богоявленскій*—съ 27-го іюля 1895 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: помощникъ преподавателя ручнаго труда Московскаго учительскаго института *Ежовъ*—съ 1-го августа 1895 г.; по Одесскому учебному округу, врачъ Ананьевскаго одноклассннаго еврейскаго начальнаго училища *Лихтерманъ*—съ 24-го апрѣля 1896 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* по Московскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Владимірской гимназіи *Ширскій*—съ 18-го февраля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Ржевскаго, *Бахаревъ*—съ 15-го августа 1895 г., Трубчевскаго, *Егоровъ*—съ 11-го ноября 1895 г., Иваново-Вознесенскаго шестиклассннаго. *Волонцевичъ*—съ 15-го октября 1894 г., трех-

классныхъ: Меленковскаго, *Залипаевъ*—съ 1-го января 1895 г., Муромскаго, *Наумовъ* — съ 1-го октября 1894 г., Костромскаго, *Толстовъ*—съ 7-го ноября 1895 г., двухклассныхъ: Бѣлевскаго, *Третьяковъ*—съ 1-го іюля 1895 г. и Покровскаго, *Головинъ*—съ 24-го іюня 1894 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Екатеринославскаго 2-го трехкласснаго, *Титаренко*—съ 1-го августа 1895 г. и Армяно-Базарскаго двухкласснаго, *Дмитріевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Борисовскаго городского училища *Чабатаревичъ*—съ 1-го августа 1896 г.; *губернскаго секретаря*: по Кіевскому учебному округу, учитель Каменецкаго городского двухкласснаго училища *Дьяченко*—съ 1-го марта 1896 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Слонимскаго уѣзднаго училища *Лаппа* — съ 11-го сентября 1895 г.; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу: архитекторъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Бетелевъ*—съ 10-го февраля 1899 г., на основаніи ст. 115 уст. служб. прав. (св. зак., т. III изд. 1896 г.); помощники учителя городскихъ училищъ: Чухломскаго трехкласснаго, *Корольковъ*—съ 27-го мая 1896 г., Касимовскаго двухкласснаго, *Морозовъ* — съ 11-го февраля 1894 г. и Спасскаго, *Фатюшинъ* — съ 24-го октября 1895 г.; домашніе учителя: *Фоксъ*—съ 10-го февраля 1900 г., *Нестеровъ*—съ 1-го января 1899 г. и *Рубцовъ*—съ 21-го мая 1897 г.; по Одесскому учебному округу, домашній учитель *Замарія*—съ 9-го сентября 1900 года.

Переименовывается въ *коллежскіе секретари*, по Виленскому учебному округу, преподаватель Поневѣжскаго реальнаго училища, отставной лейтенантъ флота *Гермоніусъ*.

(11-го декабря 1900 года, № 82). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Кундзинъ* и помощникъ прозектора и приватъ-доцентъ того же института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Пучковскій*—профессорами означеннаго института: первый—ординарнымъ, по зоотоміи и зоофизіологіи съ гистологіею, а второй — экстраординарнымъ, по оперативной хирургіи; директоры реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровъ* и Казанскаго, статскій совѣтникъ *Лысцовъ*: первый директоромъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, а второй — инспекторомъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета; инспекторъ народныхъ училищъ Терской области, статскій совѣтникъ *Чичинадзе* — директоромъ

народныхъ училищъ Эриванской губерніи; лаборантъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-технологъ, коллежскій ассессоръ *Боборыковъ*—адъюнктъ-профессоромъ того же института по прикладной механикѣ и теоріи машинъ, съ 1-го октября.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ Турьинскаго горнаго училища горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ баронъ *Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ*—отъ означенной должности, съ 1-го сентября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Мальцевъ* — съ 3-го января 1900 г.; инспекторъ-воспитатель татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи *Смирновъ* — съ 1-го октября 1897 г. и адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Зейботъ* — съ 1-го февраля 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Егоровъ*—съ 3-го мая 1900 г. и архитекторъ при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства, академикъ архитектуры *Марфельдъ* — со 2-го ноября 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* управляющій дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія *Мутьевъ* — съ 27-го августа 1900 г., профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: ученый инженеръ-технологъ *Шкателовъ* — съ 27-го октября 1895 г. и кандидатъ сельскаго хозяйства *Калугинъ* — съ 27-го февраля 1897 г., дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Ильинскій*—съ 17-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: причисленные къ министерству: *Богдановъ*—съ 18-го января 1898 г., *Кунцевичъ* — съ 1-го іюля 1898 г., *Покровскій*—съ 10-го марта 1899 г., *Фейерэйзенъ* — съ 15-го марта 1899 г. и *Совѣтовъ* — съ 20-го мая 1900 г., дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: *Мулюкинъ* — съ 1-го іюля 1900 г. и *Бѣляевъ* — съ 9-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія *Таскинъ* — со 2-го марта 1900 года.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника:* ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харь-

ковскаго: коллежскіе совѣтники: докторъ философіи *Лейкфельдъ* — съ 24-го іюня 1899 г., докторъ ботаники *Ротертъ* — съ 29-го ноября 1899 г., (сверхштатный) докторъ исторіи всеобщей литературы *Лазаревичъ-Шепелевичъ*—съ 1-го января 1900 г. и докторъ политической экономіи, титулярный совѣтникъ *Левитскій*—съ 20-го марта 1900 г., св. Владиміра, докторъ государственнаго права князь *Трубецкой*—съ 9-го іюля 1897 г. и докторъ политической экономіи и статистики *Цитовичъ* — съ 21-го іюля 1899 г. и С.-Петербургскаго, докторъ славянской филологіи *Лавровъ* — съ 14-го февраля 1900 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Зеленевъ*—съ 15-го сентября 1897 г., докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Гулевичъ* — съ 9-го іюля 1899 г., Юрьевскаго, магистръ римскаго права *Кривцовъ* — съ 13-го мая 1899 г. и св. Владиміра: докторъ ботаники *Пуріевичъ*—съ 8-го января 1900 г., докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Лауденбахъ*—съ 1-го іюня 1899 г.; *надворнаго совѣтника*, бывшій доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, *Пироговъ*—съ 18-го января 1879 г.; *коллежскаго ассессора*, преподаватель Владивостокской мужской гимназіи *Бардуновъ* — съ 27-го іюня 1896 г.; *коллежскаго секретаря*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. докторъ чистой математики *Зининъ*—съ 18-го октября 1876 г., причисленные къ министерству: *Зебергъ*—съ 10-го мая 1899 г., *Беръ*—съ 25-го іюня 1899 г., баронъ *фонъ-Нольде*—съ 17-го февраля 1900 г. и *Воллосовичъ* — съ 26-го августа 1900 г., изъ нихъ: Зининъ, Зебергъ и Воллосовичъ, по степени кандидата, а Беръ и баронъ фонъ-Нольде—по дипломамъ 1-й степени Императорскихъ университетовъ, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Заплатинъ* — съ 1-го мая 1900 г. и счетный чиновникъ учрежденнаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія управленія дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Черновскій*—съ 5-го сентября 1900 г., оба—по степени кандидата богословія, помощникъ дѣлопроизводителя особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами *Козловъ*—съ 1-го сентября 1900 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *губернскаго секретаря*, причисленный къ министерству *Страховъ* — съ 15-го іюля 1900 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

(16-го декабря 1900 года, № 83), *Опредѣляется* на службу, изъ

отставныхъ, отставной капитанъ гвардіи *Шереметевъ*—съ утвержденіемъ его почетнымъ попечителемъ Ливенскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Опредѣляется на службу инженеръ-технологъ *Аловъ*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи по сельско-хозяйственнымъ машинамъ и орудіямъ, съ 1-го ноября.

Назначаются: директоръ Ташкентской мужской гимназіи, магистръ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Остроумовъ*—директоромъ Туркестанской учительской семинаріи; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Молинъ* — ординарнымъ профессоромъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по математикѣ, съ 1-го сентября; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, докторъ русской словесности, статскій совѣтникъ *Мочульскій* и Варшавскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Костеничъ*: первый—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ русскаго языка и литературы, а второй—профессоромъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, по офтальмологіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Харьковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Гусаковскій* — директоромъ Урюпинскаго реальнаго училища; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Яцинскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ теоретической хирургіи, съ 1-го ноября; доцентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Окуневъ* — консультантомъ того же института, по ушнымъ болѣзнямъ, съ 24-го сентября; приватъ-доцентъ и препараторъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ физики, надворный совѣтникъ *Сегель*—адъюнктъ-профессоромъ Рижскаго политехническаго института, по физикѣ, съ 1-го сентября.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милютинъ*, надворные совѣтники *Пашутинъ* и *Метслевъ* и титулярный совѣтникъ *Струковъ*—почетными попечителями: первый — вновь, Череповецкаго реальнаго училища, второй—вновь, Елисаветградской гимназіи, третій—вновь, Азовской прогимназіи и послѣдній — Старобѣль-

ской Александровской гимназіи, всѣ четверо, согласно избранію, на три года, изъ нихъ Метелевъ съ 30-го января 1899 г.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Остроумовъ* и Юрьевскаго, статскій совѣтникъ *Кнезеръ*, изъ нихъ послѣдній съ 25-го октября.

Умершій исключается изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Подрезъ*, съ 9-го ноября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Казанскому учебному округу: учителя гимназій Симбирской, *Княгинъ* — съ 13-го іюля 1900 г. и Царицынской женской, *Костровъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Уфимской губерніи *Юркевичъ* — съ 19-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Постоевъ*—съ 28-го августа 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Казанскому учебному округу: учитель Казанскаго промышленнаго училища *Порфирьевъ*—со 2-го ноября 1898 г. и помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Заблоцкій*—съ 20-го марта 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Екатеринбургской гимназіи *Эбергардтъ*—съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Уральскаго, *Михайловъ*— съ 21-го марта 1900 г., Оренбургскаго: *Шостаченко*—съ 1-го августа 1900 г. и *Гутьяръ* — съ 1-го октября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Кутаисской, *Лебедевъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Тифлисскихъ: 1-й, *Авиловъ* — съ 24-го августа 1900 г., 2-й, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, *Андреевъ*—съ 20-го іюля 1900 г., Пятигорской шестиклассной прогимназіи, *Вьюнниковъ*—съ 1-го іюля 1900 г., реальныхъ училищъ: Ейскаго *Болотовъ* и *Михайловъ* (сверхштатный), оба—съ 1-го августа 1900 г. и Тифлисскаго (сверхштатный), *Стаховскій*—съ 18-го ноября 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учителя: Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кауфманъ*—съ 1-го іюля 1899 г. и Омской гимназіи, *Брюйеръ* — съ 1-го января 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по Казанскому учебному округу: учитель Вятской женской гимназіи *Щаповъ* — 15-го сентября 1899 г.; руководитель практиче-

скихъ работъ Казанскаго промышленнаго училища *Рихтеръ*—съ 15-го іюня 1899 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Малиновскій*—съ 20-го сентября 1899 г.; учитель Малмыжскаго трехкласснаго городского училища *Игнатьевъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу: инспекторъ Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Кларкъ*—съ 22-го августа 1899 г.; преподаватели: Оренбургской женской гимназіи: *Розановъ*— съ 1-го августа 1899 г. и *Борисовъ* — съ 16-го сентября 1899 г., Екатеринбургскаго реальнаго училища, *Шульцъ* — съ 5-го октября 1899 г., Уфимской женской гимназіи, *Неметцъ*—съ 10-го января 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: 1-й Тифлисской, *Забѣжкинъ*—и 3-й Тифлисской. *Залдкинъ*, оба—съ 1-го сентября 1899 г., Владикавказской, *Кишкинъ*—съ 24-го марта 1899 г., Бакинской Императора Александра III, *Варшамовъ*—съ 13-го сентября 1899 г., Екатеринодарской городской, *Гловацкій* — съ 11-го мая 1899 г., Ейскаго реальнаго училища, *Томекъ*—съ 16-го іюня 1898 г., Бакинской Маріинской женской гимназіи: *Сторожевъ* — съ 1-го сентября 1899 г. и *Истоминъ* — съ 7-го сентября 1899 г.; помощникъ воспитателя пансіона Эриванской гимназіи *Бибоевъ*—съ 1 іюля 1900 г.; учитель Екатеринодарскаго Александровскаго городского шестикласснаго училища *Сахновъ* — съ 1-го августа 1900 г; учитель-смотритель Тифлисскаго Николаевскаго начальнаго двухкласснаго училища *Катанянцъ* — съ 15-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: приватъ-доцентъ по каѳедрѣ діагностики и врачъ Императорскаго Томскаго университета *Дочевскій* — съ 1-го іюня 1899 г.; учитель Омской гимназіи *Баршевъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; учитель-инспекторъ Бійскаго Пушкинскаго трехкласснаго городского училища *Никитинъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Казанскому учебному округу: сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Логиновъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; почетный смотритель Казанскаго четырехкласснаго городского училища *Марковъ*—съ 10-го мая 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Казанскаго четырехкласснаго, *Звѣревъ* — съ 8-го іюля 1899 г., Хвалынскаго трехкласснаго, *Ермаковъ* — съ 18-го сентября 1896 г., Малмыжскаго трехкласснаго, *Бибишевъ*—съ 29-го октября 1897 г., Вятскаго четырехкласснаго (сверхштатный), *Панкратьевъ* — съ 1-го іюля 1899 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Симбирской гимназіи *Михайловъ*—съ 12-го мая 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: врачъ Благовѣщенской

учительской семинаріи *Скляровъ* — со 2-го декабря 1898 г.; исправляющій должность надзирателя техническихъ классовъ Пермскаго реальнаго училища *Сухихъ* — съ 29-го октября 1899 г.; учитель Кунгурскаго городского училища *Паршаковъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Эриванской гимназіи *Семеновъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Успенскій* — со 2-го апрѣля 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Эриванской учительской семинаріи *Мухинъ*—съ 15-го января 1900 г.; учитель-инспекторъ Хонскаго городского трехкласснаго училища *Прокофьевъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Ахалцыхскаго четырехкласснаго, *Бурчуладзе* — съ 1-го іюля 1895 г., Пятигорскаго трехкласснаго, *Буслаевъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; почетный смотритель Бакинскаго Михайловскаго трехкласснаго городского училища *Сапаровъ*—съ 20-го мая 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: врачъ Омской гимназіи *Островскій* — съ 1-го августа 1898 г.; ассистентъ при каѳедрѣ фармакологіи Императорскаго Томскаго университета *Архангельскій* — съ 20-го октября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Шадринъ*—съ 9-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики *Зининъ*—съ 1-го іюля 1880 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Козмодемьянскаго, *Соколовъ*—со 2-го сентября 1895 г., Аткарскаго, *Лукьяновъ* — съ 24-го ноября 1897 г. и Кузнецкаго, *Шатовъ* — съ 4-го марта 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовской 2-й гимназіи *Емельяновъ*—съ 1-го августа 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: завѣдывающій Кустанайскимъ двухкласснымъ, *Комаровъ*— съ 1-го сентября 1896 г., Орскаго (сверхштатный) *Копыринъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Нижнетагильскаго, *Катаевъ* — съ 1-го августа 1897 г., Кушвинскаго, *Щербаковъ* — съ 18-го іюля 1900 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Бирскаго: *Кондратьевъ* — съ 23-го сентября 1897 г. и *Куняевъ*—съ 20-го іюля 1899 г., Уфимскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Червяковъ*—съ 21-го октября 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Бакинской Императора Александра III гимназіи *Дѣдуловъ*—съ 15-го октября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Кутаисской, *Церетели*— съ 1-го сентября 1898 г., Тифлисской 1-й, *Цитланадзе*—съ 1-го сен-

тября 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ и помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Кадіевъ*— съ 1-го сентября 1898 г.; помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Шмидтъ*—съ 15-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ейскаго реальнаго училища *Бардакъ* — съ 29-го августа 1897 г.; учитель Бакинской Маріинской женской гимназіи *Емельяновъ* — съ 27-го апрѣля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: шестиклассныхъ: Баталпашинскаго, *Журавлевъ*— съ 14-го сентября 1898 г., Тифлисскаго 2-го: *Береславцевъ*—съ 25-го апрѣля 1898 г. и (сверхштатный) *Барсуковъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Суворовъ*—съ 14-го іюня 1897 г., Сигнахскаго трехкласснаго (сверхштатный) *Миріановъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; почетный смотритель Тифлисскаго 1-го трехкласснаго городского училища *Цовьянянцъ*—съ 18-го мая 1898 г.; смотрители нормальныхъ сельскихъ училищъ: Алты-Агачскаго двухкласснаго, *Куракинъ* — съ 23-го ноября 1897 г. и Хунзахскаго одноклассплаго (исправляющій должность) *Велизаде*—съ 1-го января 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Оренбургскому учебному округу, бывшій учитель Нижнетагильскаго реальнаго училища, нынѣ учитель Кунгурскаго городского училища *Дьяконовъ* — съ 1-го сентября 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя 2-го Тифлисскаго шестикласснаго городского училища: *Кирпичъ* — съ 1-го іюля 1893 г., (сверхштатные) *Тетеревятниковъ*—съ 20-го октября 1897 г. и *Митрофановъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Зиневичъ*— съ 5-го марта 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Томскаго ремесленнаго училища *Любимовъ*—съ 5-го октября 1893 г.; помощникъ учителя Барнаульскаго двухкласснаго городского училища *Симанинъ*—съ 1-го августа 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Баевъ* — съ 1-го декабря 1897 г.; учитель Кузнецкаго уѣзднаго училища *Крейтеръ* — съ 20-го марта 1898 г.; учитель Тюменскаго уѣзднаго училища *Сеньковъ*—съ 28-го марта 1898г., изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Казанскому учебному округу, учитель Петровскаго городского приходскаго училища *Кутинъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; по Оренбургскому учебному округу, бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Алапаевскаго городского училища *Шигаевъ* — съ 16-го

сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу, бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ сверхштатный учитель 1-го Тифлисскаго городского трехкласснаго училища *Храмеловъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель чистописанія, черченія и рисованія Тюменскаго уѣзднаго училища *Шелудковъ* — съ 13-го октября 1897 г.; бухгалтеръ Томской гимназіи *Болеславовъ* — съ 27-го іюля 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Казанскому учебному округу: почетный смотритель Черноярскаго двухкласснаго городского училища *Коринескій*—съ 8-го мая 1899 г. и помощникъ письмоводителя Казанскаго промышленнаго училища *Никольскій*—съ 25-го мая 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Маріинскимъ, *Каракай* — съ 1-го августа 1899 г., Кавказскимъ, *Бутенковъ* — съ 23-го іюля 1892 г., Тихорѣцкимъ общества Владикавказской желѣзной дороги, *Морошкинъ*—съ 8-го августа 1898 г., Суворовскимъ Александровскимъ, *Княжевъ*—съ 30-го сентября 1894 г., Тихорѣцкимъ, *Филатовъ*—съ 1-го августа 1899 г.; смотрители двухклассныхъ сельскихъ училищъ: Маранскаго, *Топуридзе*—съ 1-го августа 1899 г., Тамаконскаго нормальнаго общественнаго, *Бахтадзе* — съ 1-го августа 1899 г., Джварцхмскаго, *Зазаровъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; завѣдывающій Екатеринодарскимъ 3-мъ городскимъ начальнымъ училищемъ *Шаховъ*—съ 21-го декабря 1886 г.; смотритель Бакинскаго желѣзнодорожнаго двухкласснаго училища *Семеновъ*—съ 1-го сентября 1892 г.; смотритель Бегли-Ахмедскаго однокласснаго сельскаго училища *Кривуновъ*—съ 27-го сентября 1900 г.; учитель второштатнаго училища при Владикавказскомъ Константиновскомъ приходскомъ училищѣ *Мослаковъ* — съ 1-го октября 1897 г.; завѣдывающіе двухклассными станичными училищами: Ардонскимъ, *Березкинъ* — съ 1-го октября 1898 г., Новопавловскимъ, *Нахимовъ*—съ 7-го ноября 1896 г.; завѣдывающіе одноклассными сельскими училищами: Упорненскимъ, *Корчиковъ*—съ 17-го сентября 1898 г.; Каневскимъ, *Чуйковъ*—съ 1-го сентября 1895 г., Новодеревянковскимъ, *Жатаровъ* — съ 29-го сентября 1898 г., завѣдывающій Новодонецкимъ станичнымъ начальнымъ училищемъ *Вихровъ*—съ 1-го октября 1899 г.; завѣдывающій Великокняжескимъ колонійскимъ начальнымъ училищемъ *Классенъ* — съ 11-го ноября 1893 г.; учителя: двухклассныхъ начальныхъ сельскихъ училищъ: Суворовскаго Александровскаго, *Ильинъ* и *Барышниковъ*, оба—съ 1-го августа 1899 г., Полтавскаго, *Чигринъ*—съ 1-го августа 1898 г., Старомышастовскаго, *Дѣдухъ* — съ 1-го августа

1899 г., Кущевскаго, *Манило* — съ 1-го августа 1899 г., Тифлисскаго сельскаго одноклассная, *Ступинъ*—съ 25-го августа 1898 г.; учителя: двухклассныхъ станичныхъ начальныхъ училищъ: Усть-Лабинскаго Александровскаго, *Александровъ* — съ 10-го октября 1897 г., Павлодольскаго, *Яхно* — съ 1-го ноября 1897 г., Великокняжескаго колонійскаго, *Фризенъ*—съ 11-го ноября 1893 г., сельско-хозяйственнаго училища при селеніи Цинамзгваріанъ-Кари, *Бенаевъ*—съ 20-го іюня 1898 г.; письмоводитель дирекціи народныхъ училищъ Кутаисской губерніи *Кугитовъ* — съ 10-го іюля 1900 г.; исправляющій должность письмоводителя Ставропольской гимназіи *Грибановъ*—со 2-го ноября 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Гарскаго Спасскаго приходскаго училища *Старосельцевъ* — съ 1-го августа 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи *Лозановъ* — съ 1-го іюня 1895 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Томской губерніи, *Добровольскій* и Тобольской губерніи, *Нечай*, оба — съ 1-го января 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по Казанскому учебному округу: учителя: Симбирской гимназіи, *Коробовъ*—съ 24-го августа 1895 г., Вятскаго реальнаго училища: *Феликсовъ* — съ 1-го іюля 1896 г. и *Исполатовъ* — съ 1-го августа 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища, инженеръ-механикъ *Зворыкинъ* — съ 1-го іюля 1896 г.. Оренбургскаго реальнаго училища *Тіефъ* — съ 1-го августа 1896 г., техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, агрономъ 1 разряда *Прикъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Бирской инородческой учительской школы, *Лебедевъ*—съ 29-го сентября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисскихъ: 2-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, *Казинцевъ* — съ 20-го августа 1896 г., 3-й *Корницкій* и *Покровскій*, оба—съ 13-го іюня 1896 г. и Эриванской, *Хринко*—съ 20-го января 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Томской гимназіи, *Мирамъ* — съ 15-го августа 1893 г. и Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Виноходовъ*—съ 26-го мая 1896 г., Семипалатинской мужской прогимназіи: *Давыдовъ* — съ 1-го іюля 1896 г., *Тимофѣевъ*—съ 9-го іюля 1896 г. и *Дехтеревъ*—съ 1-го августа 1896 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Казанскому учебному округу: врачи: Орловской женской гимназіи, *Ишутиновъ*—

съ 8-го декабря 1895 г. и Балашовскаго четырехклассиаго городского училища, *Рождественскій*—съ 28-го мая 1895 г., оба по степени лѣкаря; по Оренбургскому учебному округу, учитель Оренбургскаго ремесленнаго училища *Рошинъ*—съ 9-го августа 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: врачи городскихъ трехклассныхъ училищъ: Майкопскаго Александровскаго, *Соловьевъ*—съ 4-го мая 1895 г. и Ананскаго, *Куликъ*—съ 8-го января 1896 г., оба по степени лѣкаря; учитель Батумскаго ремесленнаго училища *Вильгельмсонъ*—съ 24-го іюля 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, врачъ Томскаго уѣзднаго училища *Ломовицкій*—съ 1-го сентября 1894 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Козмодемьянскаго трехклассиаго, *Корниловъ*—съ 1-го августа 1896 г., Чебоксарскаго трехклассиаго, *Першевъ*—съ 14-го марта 1895 г., и Курмышскаго двухклассиаго (сверхштатный), *Самаринъ*—съ 25-го апрѣля 1896 г., по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Орскаго: *Кучеренко*—съ 15-го сентября 1893 г. и *Абраменко*—съ 1-го сентября 1896 г., Нижнетагильскаго (сверхштатный), *Хлѣбниковъ* — съ 16-го ноября 1895 г., Оханскаго, *Соколовъ*—съ 15-го февраля 1896 г., Екатеринбургскаго 1-го, *Елисѣевъ*—съ 1-го сентября 1896 г., архитекторъ учебнаго округа *Чаплицъ*—съ 10-го іюля 1899 г., по званію гражданскаго инженера; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Наримановъ* — съ 7-го мая 1896 г.; помощникъ воспитателя пансіона и помощникъ классныхъ наставниковъ Ставропольской гимназіи *Терновскій* — съ 21-го января 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Кутаисской учительской семинаріи, коллежскій регистраторъ *Тибукашвили*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Зугдидскаго городского шестиклассиаго училища *Хоштарія* — съ 1-го декабря 1894 г.; смотритель Холодно-Слободскаго сельскаго двухклассиаго нормальнаго училища *Ялунинъ*—съ 7-го мая 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Бійскаго Пушкинскаго трехклассиаго городского училища *Кутузовъ* — съ 20-го іюля 1896 г.; *губернскаго секретаря*: по Казанскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ, Ядринскаго, *Мансуровъ* — съ 28-го іюля 1895 г. и Цивильскаго, *Якушевъ*—съ 14-го февраля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу; учитель-надзиратель Грозненской горской школы *Эльдархановъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; бывшій учитель Боржомскаго нормальнаго училища, нынѣ помощникъ учителя Горійскаго

городского училища *Бабалянцъ* — съ 1-го января 1890 г.; учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Бетафуро*—съ 15-го января 1894 г.; *коллежскаго регистратора*: по Казанскому учебному округу, домашній учитель *Ничипуренко* — съ 1-го января 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: бывшіе помощники учителя городскихъ училищъ, нынѣ учителя: общеобразовательныхъ классовъ Майкопскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Александра III *Лобановскій* — съ 1-го іюля 1895 г., Кутаисскаго городского шестикласснаго училища, *Суховъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; бывшіе помощники учителя городского училища, нынѣ: смотритель Баралетскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Микеладзе* — съ 1-го сентября 1891 г. и учитель того же училища *Гургеновъ* — съ 12-го октября 1895 г.; помощникъ учителя Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Микаберидзе*—съ 31-го августа 1891 г.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (16-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Адріана Федоровича Шанина при низшей ремесленной школѣ въ г. Коломнѣ имени братьевъ Шаниныхъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На %, съ капитала въ *4.000* руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Адріаномъ Федоровичемъ Шанинымъ, учреждаются двѣ стипендіи при Коломенской низшей ремесленной школѣ имени братьевъ Шаниныхъ.

§ 2. Капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ низшей въ Коломнѣ ремесленной школы братьевъ Шаниныхъ, составляя неотъемлемую собственность этой школы и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія школы въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго, для употребленія процентовъ съ него на стипендію по усмотрѣнію педагогическаго совѣта сего заведенія.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала въ *4.000* руб., за удер-

жаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., назначаются для выдачи на содержаніе двухъ беднейшихъ учениковъ ремесленной школы имени братьевъ Шаниныхъ.

§ 5. Стипендія можетъ быть назначаема только беднейшимъ ученикамъ изъ мещанскаго и купеческаго сословій г. Коломны или темъ, родители коихъ прожили и живутъ въ городе Коломне не менее 15-ти летъ.

§ 6. Выборъ одного изъ стипендіатовъ производится пожизненно жертвователемъ Адріаномъ Федоровичемъ Шанинымъ, а другого — педагогическимъ советомъ школы.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія его въ школе, если заслуживаетъ того своимъ поведеніемъ и успехами.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу или для увеличенія размеровъ стипендіи или для образованія новыхъ стипендій — по усмотренію педагогическаго совета ремесленной школы.

12. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго врача Тверского земства Михаила Ильича Петрункевича при Тверской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повеленія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвещенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повеленій 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени бывшаго врача Тверского земства Михаила Ильича Петрункевича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двести* рублей, собраннаго по подписке разными лицами по случаю отъезда Петрункевича изъ города Твери.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ местномъ губернскомъ казначействе въ числе спеціальныхъ средствъ женской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту Тверской Маріинской женской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки употребляются на покупку для стипендіатки книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

13. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *6.000* руб., завѣщаннаго тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Федоровичемъ Малининымъ, учреждается одна стипендія при Московскомъ университетѣ имени завѣщателя.

§ 2. Стипендія эта назначается студенту медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія.

§ 3. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ правленія Московскаго университета на основаніи существующихъ правилъ о назначеніи стипендій.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіата или по какимъ-либо другимъ причинамъ, обращаются въ капиталъ для увеличенія размѣра стипендіи.

14. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени Ивана и Александры Медвѣдниковыхъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала въ *50.000* рублей, завѣщаннаго вдовою коммерціи совѣтника Александрою Ксенофонтов-

ною Медвѣдниковою, учреждаются при Московскомъ университетѣ семь стипендій имени Ивана и Александры Медвѣдниковыхъ.

§ 2. Учреждаемыя семь стипендій распредѣляются по факультетамъ: на медицинскомъ—2 стипендіи—одна въ *300* руб. и одна въ *200* руб., на юридическомъ 2 стипендіи — одна въ *300* руб. и одна въ *200* р., на филологическомъ одна стипендія въ *300* руб., на физико-математическомъ по математическому отдѣленію одна стипендія въ *300* руб. и естественному отдѣленію одна въ *300* руб.

§ 3. Первое назначеніе стипендіатовъ предоставляется душеприкащику по завѣщанію Медвѣдниковой коллежскому совѣтнику Николаю Алексѣевичу Цвѣткову, дальнѣйшее же замѣщеніе стипендіатовъ зависитъ отъ правленія Московскаго университета.

§ 4. Стипендіи назначаются на основаніи существующихъ правилъ о назначеніи стипендій студентамъ университета.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендій или по какимъ-либо другимъ причинамъ, обращаются на увеличеніе размѣровъ двухсотрублевыхъ стипендій до *300* руб., а послѣ того распредѣляются равномѣрно на увеличеніе размѣра всѣхъ стипендій.

15. (22-го декабря 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, завѣщанный вдовою полковника Анною Михаиловною Вейеръ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *3.000* рублей, завѣщаннаго вдовою полковника Анною Михаиловною Вейеръ, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе имени А. М. Вейеръ на взносъ платы за слушаніе лекцій.

§ 2. Пособіе это назначается для бѣднѣйшихъ студентовъ Московскаго университета безъ различія факультетовъ, на основаніи общихъ правилъ назначенія пособій студентамъ университета.

§ 3. Назначенное студенту пособіе не должно быть выдаваемо на руки студенту, а перечисляется по полугодно правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдуемыхъ за слуша-

ніе лекцій денегъ. остатокъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала для пособія студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

16. (22-го декабря 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наталіею Александровною Шумахеръ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го августа 1897 г., утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *1.300* рублей, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наталіею Александровною Шумахеръ, учреждается при Московскомъ университетѣ, въ память покойнаго ея мужа сенатора Александра Даниловича Шумахера, единовременное пособіе на взносъ платы за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 2. Пособіе это назначается одному изъ наиболѣе нуждающихся студентовъ юридическаго факультета.

§ 3. Назначенное студенту пособіе не должно быть выдаваемо студенту на руки, а перечисляется по полугодно правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдуемыхъ за слушаніе лекцій денегъ, остатокъ отъ процентныхъ денегъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала для пособія студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

17. (23-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника, княгини Екатерины Николаевны Сонцовой-Засѣкиной при Орловской Николаевской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Орловской Николаевской женской гимназіи учреждается стипендія имени вдовы дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтника, княгини Екатерины Николаевны Сонцовой-Засѣкиной, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу шестьсотъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріею Борисовною Барановой, рожденною княгинею Сонцовою-Засѣкиною.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ четырехпроцентной государственной ренты, хранится въ Орловскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Орловской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Попечительному совѣту гимназіи предоставляется право обмѣнить 4% ренту на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, если онъ найдетъ это нужнымъ въ цѣляхъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, христіанскаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатки предоставляется Маріи Борисовнѣ Барановой, а по смерти ея, попечительному совѣту Орловской Николаевской женской гимназіи.

§ 6. Попечительному совѣту, по соглашенію съ учредительницею стипендіи, предоставляется право прекратить выдачу стипендіаткѣ стипендіи въ случаяхъ дурного ея поведенія, неудовлетворительныхъ успѣховъ безъ уважительныхъ причинъ, значительно измѣнившагося къ лучшему матеріальнаго положенія родителей стипендіатки и т. п.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для выдачи стипендіаткѣ по окончаніи ею гимназическаго курса.

18. (30-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени священника Стерлитамакскаго Богородицкаго собора о. Матвѣя Ивановича Кречетова при Стерлитамакскомъ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Стерлитамакскомъ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ учреждается стипендія имени священника Стерлитамакскаго Богородицкаго собора о. Матвѣя Ивановича Кречетова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти пятьдесятъ* руб., пожертвованнаго лично о. М. Кречетовымъ и мѣстнымъ обществомъ, въ память 25-ти лѣтней службы его въ санѣ іерея.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты въ *200* руб. и билетѣ государственнаго казначейства (серіи) въ *50* руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Стерлитамакскаго городского училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ училищѣ избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Стерлитамакскаго городского училища, коему принадлежитъ право лишать стипендіата стипендіи въ случаѣ его неудовлетворительныхъ успѣховъ или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки употребляются на снабженіе стипендіата одеждою и книгами или же прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „*Жозефъ Бертранъ*, членъ Института и Французской Академіи, бывшій профессоръ Политехнической школы и Французской Коллегіи. Алгебра. Первая часть, пересмотрѣнная *Жозефомъ Бертраномъ* и *Генрихомъ Гарсе*, бывшимъ профессоромъ математическихъ наукъ въ лицеѣ Генриха IV. Переводъ съ нѣкоторыми дополненіями съ послѣдняго (16-го) французскаго изданія *М. В. Пирожкова*, преподавателя С.-Пб. 10-й гимназіи. С.-Пб. 1899. Стр. X+581+2. Цѣна 3 руб." — 2) „Дополнительныя статьи по алгебрѣ (курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій). Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Составилъ *М. В. Пирожковъ*, преподаватель С.-Пб. 10-й гимназіи. С.-Пб. 1900. Стр. XI+126+1. Цѣна 75 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*С. В. Ешевскій*. Сочиненія по русской исторіи. Съ портретомъ автора и біографіей его, составленной *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ*. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1900. Стр. LXXXI+403. Цѣна 2 руб." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Grundzüge der Deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Dritte Auflage. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и ороографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія составилъ *К. Л. Микевицъ*. Третье изданіе. С.-Пб. Изданіе И. И. Глазунова. 1901. Стр. XII+176+41. Цѣна 1 р. 25 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ же заведеній, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги примѣчанія къ основному тексту ея были напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Voltaire*. Histoire de

Charles XII, roi de Suède. «Исторія Карла XII» ***Вольтера***, въ сокращеніи. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Объяснилъ *В. С. Игнатовичъ.* Изданіе второе. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1900. Стр. 57+1. Въ отдѣльномъ словарѣ стр. 53+1. Цѣна со словаремъ 50 коп., въ папкѣ 60 коп."—рекомендовать для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, мужскихъ и женскихъ, и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Курсъ V класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Знойко.* Преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1900. Стр. II+268. Цѣна 1 р."—допустить къ употребленію въ V классѣ мужскихъ и женскихъ гимназій въ качествѣ учебнаго руководства, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, буде таковое понадобится, книга была тщательно переработана и исправлена.

— Книжку: „Художественное введеніе къ IV книгѣ обвинительной рѣчи М. Т. Цицерона противъ Верреса (о памятникахъ искусства). Греческая скульптура. Составилъ *С. О. Цыбульскій,* преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. С.-Пб. 1900. Стр. 65. Цѣна не обозначена."—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя, а также, по возможности въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Брошюру: „Копированіе посредствомъ свѣта картъ, плановъ, чертежей, рѣзныхъ украшеній, засушенныхъ растеній, перьевъ птицъ, крыльевъ насѣкомыхъ и т. п. съ научной и художественной цѣлью. Составилъ *Г. И. Куликовскій.* Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, дополненное. М. 1900. Стр. 32 и III табл. Цѣна 60 коп." — допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ брошюры цѣна ея была, по возможности, понижена.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *И. Синь.* Часть I. Курсъ младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. 5-е изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ». М. 1900. Стр. XXV + 468. Цѣна 1 р. 20 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Kurze Deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax nebst orthographischem Anhang von *E. Mittelsteiner*, Direktor der Kommerzschule G. Faig in Odessa. Vierte Auflage. Краткая нѣмецкая грамматика. Этимологія, синтаксисъ и орѳографія. Составилъ *Э. Миттельштейнеръ*. Директоръ Коммерческаго училища Г. Файга въ Одессѣ. Четвертое изданіе. М. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. 1900. Стр. X+175. Цѣна 80 коп. въ папкѣ." — 2) „Der neue Deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von *E. Mittelsteiner*. Direktor der Kommerzschule G. Faig in Odessa. Erster Kursus. Für die I und II Klasse der Realschulen. Neunte Auflage. 33-stes—43-stes Tausend. Moskau. Verlag der Buchhandlung K. I. Tichomirow. 1900. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Составилъ *Э. Миттельштейнеръ*. Директоръ Коммерческаго училища Г. Файга въ Одессѣ. Первый курсъ для I и II классовъ реальныхъ училищъ. Девятое изданіе. М. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. 1900. Стр. VIII + 215. Цѣна 90 коп. въ папкѣ." — допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ, первую для учебныхъ заведеній министерства съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, а вторую для всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*C. Iulii Caesaris* commentarii de bello Gallico съ объясненіями для перевода на русскій языкъ, составленными *Андреемъ Адольфомъ*. Въ двухъ частяхъ. Изданіе третье. М. Изданіе К. И. Тихомирова. 1900. Часть I. Латинскій текстъ. Стр. XIII + 168. — Часть II. Введеніе, объясненія, геогр. указатель и карта Галліи. Стр. XXVIII+198. Цѣна за обѣ части 1 р. 40 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ, 4-мъ, изданіи она была отпечатана болѣе исправно въ корректурномъ отношеніи, и чтобы слишкомъ мелкій шрифтъ нѣкоторыхъ частей ея («указаній для перевода» и «указателя») былъ замѣненъ болѣе крупнымъ.

— Книгу: „*Делавиль*. Элементарная грекоримская миѳологія. Перевелъ *П. Первовъ*, преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 105 + 1. Цѣна 60 коп. въ папкѣ." — допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѳ. Карскій*, Ордин. профессоръ Императорскаго Варш.

университета. Девятое изданіе. Варшава. 1901. Стр. IV+100. Цѣна 60 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ *Я. Г. Гуревичъ*. Изданіе четвертое, исправленное. Томъ I. С.-Пб. 1895. Стр. VIII + V + 728. Цѣна 2 р. 50 коп. — Томъ II. С.-Пб. 1900. Стр. IV+630. Цѣна 2 р."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: „Начальный курсъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ новымъ программамъ для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. Составилъ *К. Я. Бѣлицкій*, директоръ Одесской Ришельевской гимназіи. Шестое исправленное изданіе. Изданіе Е. П. Распопова въ Одессѣ. Одесса. 1900. Стр. IV+270. Цѣна 80 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Объясненіе краткаго катихизиса Д-ра Мартина Лютера въ вопросахъ и отвѣтахъ Д-ра *I. Крюгера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе книжнаго магазина В. Митке. Варшава. 1899. Стр. 174 + 1. Цѣна 75 коп." — одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, при преподаваніи Закона Божія лютеранскаго исповѣданія ученикамъ, не владѣющимъ въ достаточной степени нѣмецкимъ языкомъ.

— Книгу: „Книга упражненій въ греческой этимологіи. Составили *Э. Курцъ* и *В. Феттерлейнъ*. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1900. Стр. IV + 164. Цѣна 1 р." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для тѣхъ гимназій и прогимназій, въ которыхъ греческая грамматика проходится по учебнику Курца и Фризендорфа.

— Книгу: „Упражненія по греческой этимологіи. Составилъ Dr. *Эрнстъ Кохъ*, инспекторъ Петро-Павловскаго училища въ Москвѣ. Часть первая. Курсъ третьяго класса. Предисловіемъ къ этой книгѣ служитъ статья „Первый годъ преподаванія греческаго языка", вышедшая при циркулярахъ Моск. уч. окр. за 1890 г. Изданіе второе,

исправленное. М. Книжный магазинъ И. Дейбнера. 1900. Стр. 125. Цѣна 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюры: 1) „*А. Николаевъ.* Въ царствѣ льда. Чтеніе къ 12-ти картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе мастерской дешевыхъ картинъ для волшебнаго фонаря В. И. Александрова въ Вологдѣ. Вологда. 1900. Стр. 42+1. Цѣна 15 коп."—2) „Страна восходящаго солнца. (Японія). Составила *В. Колокольникова.* Собственность книжнаго склада А. Я. Панафидина. М. 1898. Стр. 95. Цѣна 15 коп."—допустить для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, вторую же сверхъ того и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Лукьяновскій.* Сказаніе о томъ, какъ построена церковь Св. Великомученика Трифона въ Москвѣ. Былина про царя Ивана Грознаго, да про князя Трифона Патрикѣева. Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: „Собраніе сочиненій *Георга Эберса.* Томъ III. Слово. Романъ. Переводъ *Э. К. Ватсона.* С.-Пб. 1896. Изданіе Г. Ф. Пантелеева. Стр. 207. — Томъ VII. Невѣста Нила. Романъ. Переводъ *А. Н. Линдегренъ.* С.-Пб. 1897. Стр. 464.—Томъ IX. Іисусъ Павинъ. Разсказъ изъ библейскихъ временъ. Переводъ *Д. Л. Михаловскаго.* С.-Пб. 1898. Стр. 251. Цѣны не обозначены."—допустить къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ.

— Книги: 1) „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. *Т. Павлючукъ.* Вильна. 1899. Стр. 173+1. Цѣна 30 коп."—2) „То же. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Вильна. 1900. Стр. 181+1. Цѣна 30 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Кіевское Общество Грамотности. Изданіе С. В. Кульженко": 1) „№ 6. *Станюковичъ*. „Человѣкъ за бортомъ!" Кіевъ. 1899. Стр. 31. Цѣна 5 коп."—2) „№ 9. *Марко Вовчокъ*. Данило Гурчъ. Максимъ Гримачъ. Кіевъ. 1899. Стр. 12+11. Цѣна 3 коп."—3) „№ 13. *Марко Вовчокъ*. I. Выкупъ. II. Свекровь. III. Отецъ Андрей. Кіевъ. 1899. Стр. 30. Цѣна 5 коп."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры: 1) „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. I. Содержаніе: Гр. *Л. Н. Толстой*.—Три смерти. *Г. П. Данилевскій*.— Царь Алексѣй съ соколомъ. С.-Пб. Изданіе Н. С. Аскарханова. 1899. Стр. 31. Цѣна 10 коп." — 2) „То же. II. Содержаніе: Гр. *А. К. Толстой*. Илья Муромецъ. *Г. П. Данилевскій*. Екатерина на Днѣпрѣ. С.-Пб. 1899. Стр. 29. Цѣна 10 коп."—3) „То же. III. Содержаніе: *К. Р.* Севастіанъ-мученикъ. *Г. П. Данилевскій*. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. *А. С. Пушкинъ* и *А. Н. Апухтинъ*. Стихотворенія. С.-Пб. 1899. Стр. 54. Цѣна 10 коп." — 4) „То же. IV. Содержаніе: *Г. П. Данилевскій*. Стрѣлочникъ.—Евпатій Коловратъ. Разсказъ изъ временъ татарщины. *А. В. Кольцовъ*. Передъ образомъ Спасителя. *К. Р.* Молитва о любви и Христосъ съ тобой. С.-Пб. 1899. Стр. 24. Цѣна 10 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „По О. Тьерри и Диккенсу. Завоеватель и его наслѣдники. (Изъ исторіи Англіи). „Книжка за книжкой", кн. 96-ая. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. С.Пб. 1899. Стр. 48. Цѣна 12 коп."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*А. Киселевъ*. Краткая ариѳметика для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изданіе 4-е, книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдн. брат. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. 167. Цѣна 50 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюрки: 1) „Народный календарь на 1901 годъ. Съ полезными совѣтами для деревенскаго хозяйства. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп." — 2) „Русскій сельскій календарь на 1901 годъ. Годъ VIII. Поле, огородъ, садъ, скотъ, пчелы и т. д. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. М. 1900. Стр. 80. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Сельскій староста. (Его права, обязанности и от-

вѣтственность). (Извлечено изъ Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; Устава о предупреждені и пресѣченія преступленій и Уложенія о наказаніяхъ). Составилъ *Домовъ*. Изданіе автора. Воронежъ. 1900. Стр. 23. Цѣна 15 коп."— допустить въ учительскія библіотеки назшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Правописаніе до грамматики. Сборникъ упражненій для народныхъ и подготовительныхъ школъ. Составилъ *Д. И. Тихомировъ*. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1899. Стр. VIII+84. Цѣна 10 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Брошюру: „Дѣдушка Пахомъ. Приложеніе къ азбукѣ прот. Никольскаго, какъ учебникъ сознательнаго чтенія. Изданіе 6-е. Изданіе книжн. магаз. В. Думнова, подъ фирмою наслѣд. бр. Салаевыхъ. М. 1888. Стр. 35. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

Списокъ статьямъ и отрывкамъ изъ нѣкоторыхъ хрестоматій и сборниковъ, допущеннымъ, согласно опредѣленіямъ особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ [1]).

Изъ книги: „*Филоновъ, А.* Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Въ четырехъ частяхъ".

Часть 1-я:

1. Рустемъ и Зорабъ. *Жуковскаго*. (9 страницъ).
2. Изъ соч. *Мильтона*, „Потерянный рай": Блаженная жизнь Адама и Евы въ раю. (9 стр.).
3. Изъ соч. *Гоголя*, „Мертвыя Души": Коробочка (12 стр.).— Русь.—Тройка. (2 стр.).
4. Изъ соч. *Сервантеса*, „Донъ-Кихотъ": Донъ-Кихотъ и стадо овецъ. (11 стр.).
5. Изъ соч. *Вальтеръ-Скотта*, „Айвенго": Турниръ. (26 стр.).

[1]) Дополненіе къ списку, помѣщенному въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (см. „Прав. расп.", стр. 23 и слѣд.).

6. Изъ соч. *А. С. Пушкина*, „Капитанская дочка“:—Крѣпость.—Приступъ.—Императрица Екатерина II. (4 стр.).

7. Изъ соч. *Гоголя*. „Тарасъ Бульба“: Пріѣздъ сыновей Бульбы и отправленіе въ Сѣчь.—Степи и Запорожская Сѣчь. (12 стр.).

8. Изъ соч. *С. Т. Аксакова*, „Семейная хроника“: Добрый день Степана Михайловича. (9 стр.).

9. Изъ соч. *Гончарова*, „Обломовъ“: Дѣтство Обломова. (8 стр.).

10. Изъ соч. *Кохановской*, „Послѣ обѣда въ гостяхъ“: Похороны Чернаго. (18 стр.).

11. Изъ „Записокъ Охотника“ *И. С. Тургенева*: Бѣжинъ Лугъ. (14 стр.).

12. Плотничья Артель. *Писемскаго*. (20 стр.).

13. Изъ соч. *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“: Проводы. (6 стр.).

14. Изъ соч. *Ѳ. М. Достоевскаго*, „Записки изъ Мертваго Дома“. Представленіе. (14 стр.).

15. Свѣтлый праздникъ. Даля. (4 стр.).

16. Изъ соч. Гр. *Л. Н. Толстого*, „Война и Миръ“: Бородино. (8 стр.).

17. Изъ соч. *Стахѣева*, „Духа не угашайте“: Бабушка. (10 стр.).

Часть 2-я:

18. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. *Жуковскаго*. 10 стр. (съ присовокупленіемъ мнѣнія Плетнева о семъ стихотвореніи).

Часть 3-я:

19. Король Лиръ. *Шекспира*. (39 стр.).

20. Изъ соч. *А. С. Пушкина*, „Борисъ Годуновъ“: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“, „Царскія палаты“ (монологъ Годунова „Достигъ я высшей власти“), „Царскія палаты“ (Годуновъ и дѣти его), „Царская дума“ (царь, Басмановъ и патріархъ). (14 стр.).

21. Недоросль. *Фонъ-Визина*. (21 стр.).

22. Горе отъ ума. *Грибоѣдова*. (31 стр.).

23. Изъ соч. *Гоголя*, „Ревизоръ“: 1-е дѣйствіе, явленіе 1-е,—5-е дѣйствіе, явленіе 1-е. (12 стр.).

24. Свои люди—сочтемся. *А. Н. Островскаго*. (16 стр.).

Часть 4-я.

25. Памятныя записки княгини *Н. Б. Долгоруковой*. (14 стр.).

26. Императрица Екатерина Великая. По „Запискамъ“ ея секретаря *Грибовскаго*. (8 стр.).

27. Изъ соч. *А. Ершова*, „Севастопольскія воспоминанія“: Май 1855 г. въ Севастополѣ, — Бастіонная жизнь,—Послѣдніе дни Севастополя. (15 стр.).

28. Изъ соч. *А. Норова*, „Путешествіе по Св. Землѣ“: Іерусалимъ, — Великая Суббота, — Заутреня и обѣдня Свѣтлаго Христова Воскресенія. (9 стр.).

29. Изъ соч. *А. Елисѣева*, „Сахара“: Пальмовый лѣсъ въ Сахарѣ,—Ночное пиршество въ Сахарѣ,—Песчаная буря въ Сахарѣ. (12 стр.).

30. Изъ путешествій *И. А. Гончарова* по разнымъ странамъ: Плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ,—Русскіе въ Японіи. (4 стр.).

31. Изъ путешествій *Д. В. Григоровича*: Балъ въ Ниборгѣ,—Пиръ Балтазара на кораблѣ,—Похороны на кораблѣ,—Соборъ въ Севильѣ. (16 стр.).

32. Соборъ св. Петра въ Римѣ. *В. Яковлева*. (12 стр.).

33. Изъ путешествій по Сѣверу Россіи *С. Максимова*: Поѣздка въ Соловецкій монастырь,—Моя поѣздка къ океану,—Сѣверное сіяніе. (22 стр.).

34. Изъ соч. *К. П. Побѣдоносцева*, „Путешествіе Наслѣдника Цесаревича по Россіи въ 1863 году“: Поѣздка въ село Иваново,—Рыбинскъ. (13 стр.).

35. Изъ соч. *К. К. Случевскаго*, „По Сѣверу Россіи“: Соборъ въ Сольвычегодскѣ,—Выставка въ Онегѣ. (8 стр.).

36. Изъ соч. *Е. Л. Маркова*, „Побережья Кавказа“: Черезъ Сурамскій туннель. (6 стр.).

37. Изъ соч. *К. Носилова*, „Новая Земля“: Новый храмъ и скитъ. (5 стр.).

38. Лѣсъ. *С. Т. Аксакова*. (9 стр.).

39. Людовикъ IX (Благочестивый). *Т. Н. Грановскаго*. (14 стр.).

40. Религія восточныхъ славянъ. *С. М. Соловьева*. (11 стр.).

41. Володимеръ Мономахъ. *М. П. Погодина*. (9 стр.).

42. Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. (8 стр.).

43. Добрые люди древней Руси. *В. Ключевскаго*. (7 стр.).

44. Походы Петра Великаго въ Бѣлое море. *Н. Г. Устрялова*. (8 стр.).

45. Суворовъ. *Д. А. Милютина*,—по „Запискамъ“ Л. Н. Энгельгардта, его современника. (9 стр.).

46. Изъ соч. *М. Богдановича*, „Императоръ Александръ I“: Прі-

ѣздъ Императора въ Москву 11-го іюля 1812 г.,—Канунъ Бородинской битвы. (5 стр.).

47. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 года. *В. А. Жуковскаго*. (6 стр.).

48. Изъ судебныхъ рѣчей *А. Ѳ. Кони*: Умыселъ и намѣреніе (3 стр.),—Напутственное слово предсѣдателя суда и обязанности присяжныхъ (6 стр.).

Изъ книги: „*А. С. Пушкинъ*. Сочиненія, избранныя. Изд. для школъ, подъ редакціей К. Козьмина. 3 тома. М. 1884. Цѣна 1-го тома 60 коп., 2-го—1 руб. и 3-го—2 руб.".

1. Галубъ.
2. Кавказскій Плѣнникъ.
3. Мѣдный Всадникъ.
4. Арапъ Петра Великаго.
5. Разсказы: „Метель", „Барышня-крестьянка".
6. Записки Джона Теннера (бытовыя картины индійцевъ).
7. Путешествія въ Арзерумъ.
8. Анекдоты. 1) Князь Яковъ Долгорукій. — 2) Кречетниковъ. — 3) Потемкинъ.—4) Разсказы Загряжской: Ветошкинъ.—Князь Потемкинъ.—5) Денисъ Давыдовъ.—6) Генералъ Раевскій.—7) Крыловъ.—8) Князь Потемкинъ (XII, XIII и XIV). — 9) Графъ Румянцевъ.—10) Графъ Самойловъ.—11) Государыня Екатерина II-я.—12) Н. Н. Раевскій.—13) Генералъ Болдыревъ.
9. Сказки: 1) Женихъ.—2) Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.—3) У лукоморья дубъ зеленый. — 4) Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. — 5) Сказка о царѣ Салтанѣ.—6) Сказка о мертвой царевнѣ.
10. Капитанская Дочка.

Изъ книги: „*Поливановъ, Левъ*. Русская хрестоматія. Ч. III (въ двухъ книгахъ) для V, VI, VII и VIII классовъ средне-учебныхъ заведеній".

Часть I-я:

1. Пирамиды. *А. Норова*. (6 стр.).
2. Московскій Успенскій Соборъ. Митроп. *Филарета*. (2 стр.).
3. Кремль. *А. Муравьева*. (3 стр.).
4. Сенъ-Готардъ. *В. Жуковскаго*. (2 стр.).
5. Гранада. *В. Боткина*. (2 стр.).
6. Самумъ. *Е. Кавалевскаго*. (3 стр.).

7. Пожаръ Зимняго Дворца. *В. Жуковскаго.* (4 стр.).

8. Лѣсъ и степь. *И. Тургенева.* (6 стр.).

9. Полѣсье. *И. Тургенева.* (5 стр.).

10. Состояніе Россіи отъ нашествія татаръ до Іоанна III-го. *Н. М. Карамзина.* (8 стр.).

11. Изъ біографическаго очерка „М. В. Ломоносовъ". *Ламанскаго.* (5 стр.).

Часть II-я:

12. Изъ Одиссеи Гомера. *В. Жуковскаго.* (9 стр.).

13. Изъ соч. *Н. Гоголя* „Мертвыя Души": Чичиковъ. (7 стр.).

14. Изъ соч. *Н. Гоголя* „Мертвыя Души": Плюшкинъ. (12 стр.).

15. Свѣтлана. *В. Жуковскаго.* (4 стр.).

16. Ивиковы журавли. *В. Жуковскаго.* (6 стр.).

17. Ода, выбранная изъ Іова. *М. Ломоносова.* (2 стр.).

Изъ книги: „*Галаховъ. А.* Русская хрестоматія. Въ 2-хъ томахъ".

Томъ I-й:

1. Патріархъ Ермогенъ и Прокопій Ляпуновъ. *Н. М. Карамзина.* (5 стр.).

2. Петръ Первый въ Сардамѣ. *Н. Г. Устрялова.* (3 стр.).

3. Паденіе и кончина Меншикова. *Н. А. Полевого.* (11 стр.).

4. Сперанскій въ Великопольѣ. Барона *М. А. Корфа.*

5. Петръ Первый въ Амстердамѣ. *Н. Г. Устрялова.* (2 стр.).

6. Крыловъ. *П. А. Плетнева.* (6 стр.).

7. Обученіе царскихъ дѣтей въ древней Руси. *И. Е. Забѣлина.* (6 стр.).

8. Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ. *С. Т. Аксакова.*

9. Аристидъ. *Плутарха.*

10. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? *В. А. Жуковскаго.* (4 стр.).

Томъ II-й:

11. Потерянный рай. *Мильтона.* (4 стр.).

12. Плюшкинъ. *Н. В. Гоголя.* (11 стр.).

13. Максимъ Максимычъ. *М. Ю. Лермонтова.* (6 стр.).

14. Тарантасъ. *Гр. Соллогуба.* (5 стр.).

15. Рудинъ. *И. С. Тургенева.* Три отрывка: 1) Разсказъ Лежнева о Покорскомъ.—2) Рудинъ.—3) Эпилогъ. (7 стр.).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу: „Курсъ сопротивленія матеріаловъ (ученіе о прочности сооруженій) *Р. Лауэнштейна*. Элементарное учебное руководство для школъ и самообученія и пособіе для практическаго пользованія, съ особымъ приложеніемъ, содержащимъ таблицы степеней, корней и окружностей и площадей круга. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія (1899 г.) Н. Гутовскаго и Н. Иванова, подъ редакціей преподавателя Николаевской инженерной академіи А. Саткевича. Изданіе книгопродавца И. И. Базлова. С.-Пб. 1901 г. Цѣна 1 руб. 50 к."— допустить въ качествѣ учебника для среднихъ техническихъ училищъ вообще и строительныхъ отдѣленій сихъ училищъ въ особенности.

— Книгу, составленную *А. Грушке*, подъ заглавіемъ: „Устройство въ домахъ электрическихъ звонковъ, телефоновъ, телеграфовъ, электрическаго освѣщенія и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. Съ 235 политипажами въ текстѣ. Изданіе К. А. Казначеева. Москва. 1898 г. Цѣна 1 руб. 35 коп." — одобрить для ученическихъ библіотекъ техническихъ учебныхъ заведеній.

— „Руководство для составленія выкроекъ бѣлья по упрощенному способу, составленное *М. Каблуковой*" — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для обученія рукодѣлію въ начальныхъ училищахъ.

Отдѣленіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, разсмотрѣвъ изданный преподавателемъ С.-Петербургскаго учительскаго института *К. Ю. Цирулемъ* учебникъ подъ заглавіемъ: „Начальный курсъ ручного труда", С.-Петербургъ 1900 г., мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, признало возможнымъ рекомендовать означенный учебникъ въ качествѣ руководства для начальныхъ и городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ и

какъ учебное пособіе для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ школъ. въ которыхъ вводится или введенъ уже ручной трудъ.

Отдѣленіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, разсмотрѣвъ составленные г. *Шарковымъ* календари земледѣльца на 1901 г. 1) для теплыхъ (южныхъ), 2) для среднихъ и 3) для холодныхъ (сѣверныхъ) губерній, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. министромъ, опредѣлило допустить означенныя изданія для пріобрѣтенія въ библіотеки народныхъ училищъ и безплатныя народныя читальни.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 10-го сентября 1900 года открыто параллельное отдѣленіе женскаго приготовительнаго класса Васильковскаго городского двухклассного училища Кіевской губерніи, при 49 учащихся, 2) 21-го октября — двухклассное начальное народное училище въ м. Бѣлиловкѣ, Бердичевскаго уѣзда, той же губерніи, при 120 учащихся, 3) 30-го ноября Словечанское одноклассное народное училище, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, преобразовано въ двухклассный составъ. при 57 учащихся, и 4) 3-го декабря открыто двухклассное начальное народное училище въ м. Самгородкѣ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

— 18-го сентября 1900 года состоялось открытіе Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

— 1-го октября 1900 года открыты въ Тургайскомъ уѣздѣ Аганасовская (Казыбаевская) и Исмурзинская аульныя школы, первая при 18 учащихся (17 мальчиковъ и 1 дѣвочка), а вторая при 15 учащихся (14 мальчиковъ и 1 дѣвочка).

— 24-го октября 1900 года открыта въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области, Урдабаевская аульная школа, при 12 учащихся, и 25-го числа того же мѣсяца — въ Тургайскомъ уѣздѣ Исмуратовская таковая же школа, при 16 учащихся.

— 24-го ноября 1900 года Народичское одноклассное училище

Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, преобразовано въ двухклассное сельское народное училище при 87 учащихся.

— 4-го декабря 1900 года состоялось открытіе женской гимназіи въ гор. Ровно, Волынской губерніи.

— 4-го декабря 1900 года открыто 4-е Кіевское городское приходское Пушкинское училище, при 30-ти учащихся.

— 11-го декабря 1900 года открыто въ колоніи Голлендры-Александровкѣ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи, одноклассное начальное народное училище, при 25 учащихся.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями [1]).

Новогородскія писцовыя книги конца XV вѣка представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для изученія боярскаго и крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ подробно описано и то и другое, указано, сколько въ каждой деревнѣ высѣвалось хлѣба, сколько косилось сѣна, что крестьяне платили владѣльцу за предоставленную въ ихъ пользованіе землю—деньгами, хлѣбомъ, мясомъ и пр. Встрѣчаются указанія и на количество прислуги свободной и несвободной. Въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени такія свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Уже въ новогородскихъ книгахъ 1539 года помѣщичій доходъ показанъ только въ итогахъ для цѣлыхъ имѣній, а не по отдѣльнымъ деревнямъ. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка помѣщичій доходъ вовсе не показывается, и даже пашня господская не отдѣляется отъ крестьянской. Есть описи, въ которыхъ не только дворы и ихъ населеніе не указано, но и деревни приведены только общимъ числомъ [2]).

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за октябрь 1900 г.

[2]) И старыя новогородскія книги не вездѣ одинаково написаны. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ доходъ не указанъ, напримѣръ, въ I т. на ст. 93, 147, 150, 208, 451 доходъ не указанъ въ монастырскихъ деревняхъ, на ст. 612, 652, 684, 756, 781—у владыки, 152—у своеземцевъ. Причины такого различія намъ неясны; это, можетъ быть, описки. Въ примѣръ чрезвычайной краткости московскихъ описей можно указать на списокъ платежной книги Медынскаго уѣзда, I 832. Но московскія описи писались съ разными цѣлями, а потому очень различны по своему содержанію. Въ описяхъ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень встрѣ-

Новогородскіе порядки не были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Для переселенія въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей оказалось нужнымъ выяснить доходность новогородскихъ деревень. Этимъ и объясняется, можетъ быть, указанная особенность старой новогородской описи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что новогородскія писцовыя книги описываютъ старое новогородское хозяйство, хотя въ моментъ описи въ новогородскихъ деревняхъ жили новые хозяева, москвичи. Что мы имѣемъ дѣло съ новогородскимъ хозяйствомъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Рядомъ съ деревнями новыхъ помѣщиковъ описываются деревни старыхъ своеземцевъ. Эти описи ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются, потому, конечно, что новые помѣщики хозяйничаютъ по старому, какъ хозяйничали своеземцы. Старый доходъ, который постоянно указывается въ описяхъ, есть доходъ сведенныхъ въ Москву своеземцевъ; новый—доходъ новыхъ владѣльцевъ, но онъ тотъ же, что и старый, и отличается отъ него лишь нѣкоторыми прибавками и то не всегда. Во множествѣ случаевъ новые владѣльцы живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили старые, пашутъ ту же землю и получаютъ тотъ же доходъ. Нѣкоторыя новости хозяйства московскихъ людей всегда легко различить; онѣ будутъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

Остановимся прежде всего на размѣрѣ владѣній новогородскихъ своеземцевъ. Минимумъ ихъ опредѣляется легко: это одна деревня въ одинъ дворъ и въ двѣ коробьи посѣва ржи, что составитъ, при вѣсѣ коробьи въ 7 пудовъ [1]), отъ одной до двухъ десятинъ въ полѣ [2]).

чаемъ даже указаніе на доходъ, но очень краткое, въ итогахъ только. Писцовыя книги Рязанскаго края, изданныя подъ редакціей В. Н. Сторожева, также очень кратки, доходы не указываются, помѣщичья земля не отдѣлена отъ крестьянской; есть описи, въ которыхъ дворы и люди не указаны.

[1]) Въ опредѣленіи вѣса новогородской коробьи мы слѣдуемъ покойному проф. Никитскому: „Къ вопросу о мѣрахъ древней Руси“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 апрѣль. Къ другимъ заключеніямъ пришелъ по этому вопросу проф. Ключевскій, „Русскій рубль“, Чтенія 1889 I. Онъ различаетъ новогородскую и московскую четверть. Новогородская четверть XVII вѣка, по его мнѣнію, вѣсила 12 московскихъ пудовъ (14 нынѣшнихъ); старая же новогородская четверть была на половину меньше, она вѣсила, слѣдовательно, 6 пудовъ, а коробья—12. Никитскій подвергаетъ заключенія московскаго профессора тщательному разбору. Мы находимъ его возраженія достаточно убѣдительными. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ свидѣтельства памятниковъ о древнихъ мѣрахъ были совершенно разъяснены.

[2]) Полагаемъ, что въ періодъ составленія новогородскихъ писцовыхъ книгъ

Максимальный же размѣръ владѣній не представляется никакой возможности опредѣлить. Богатые люди владѣли землями не только въ разныхъ погостахъ, но и въ разныхъ пятинахъ, а мы не имѣемъ описи и половины всѣхъ погостовъ и пятинъ. Ограничимся указаніемъ размѣровъ владѣній 2—3 богатыхъ владѣльцевъ, случайно попавшихъ намъ на глаза [1]).

Квашнинъ Алексѣй владѣлъ сельцомъ и 43 деревнями въ одномъ погостѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; это была волость его имени. Ржи, господской и крестьянской, высѣвалось на его земляхъ 178 коробей, что составитъ на нашу мѣру отъ 103 до 155 десятинъ въ одномъ полѣ.

Купецъ Шалимовъ Степанъ владѣлъ въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Валдайскомъ и Крестецкомъ, селомъ и 48 деревнями съ посѣвомъ до 280 коробей, что составитъ отъ 163 до 245 десятинъ въ полѣ.

Овиновъ Захаръ владѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ, 49 деревнями съ посѣвомъ 288 коробей, что составитъ немного больше.

Есиповъ Василій въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ, владѣлъ двумя селами и 59 деревнями съ такимъ же посѣвомъ 289 коробей.

Ив. Вас. Захарьичъ-Ляцкъ въ трехъ погостахъ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, владѣлъ двумя сельцами и 97 деревнями съ посѣвомъ 452 коробей, что составитъ около 300 десятинъ въ полѣ.

въ Новгородѣ примѣнялась уже трехпольная система хозяйства, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Вотъ наши основанія. Въ грамотѣ великаго князя Василія Ивановича отъ 1512 года на Бѣлоозеро говорится уже о трехъ поляхъ; а Бѣлоозеро еще въ XIII вѣкѣ было окружено новогородскими владѣніями. А. Э. I № 156. Въ самой старой писцовой книгѣ XVI вѣка, напечатанной Калачовымъ, I 1—8, три поля въ монастырскихъ волостяхъ Ярославскаго уѣзда общераспространенное явленіе. Итакъ, трехпольная система въ 1-й половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ Бѣлоозера и Ярославля—дѣло обыкновенное. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ выраженія „три поля“ мы не встрѣтили. Но въ новогородскихъ пятинахъ воздѣлываются озимые и яровые хлѣба. Мѣрою запашки служитъ указаніе на посѣвъ ржи. Въ описаніи каждой деревни говорится, сколько высѣвается ржи и сколько собирается сѣна. Этихъ двухъ данныхъ совершенно достаточно для опредѣленія платежной способности деревни. За указаніемъ посѣва ржи и числа копенъ сѣна всегда слѣдуетъ опредѣленіе количества обежъ. О количествѣ посѣва яроваго хлѣба нигдѣ не говорится. Думаемъ потому, что оно опредѣлялось посѣвомъ ржи и было извѣстно. Это два поля; при двухъ поляхъ, по всей вѣроятности, было и третье, паровое, съ начала XVI вѣка вездѣ упоминаемое.

[1]) Новогородскія писцовыя книги до сихъ поръ не имѣютъ указателей. Они представляютъ, такимъ образомъ, очень недостаточно подготовленный для ученыхъ работъ матеріалъ.

Наконецъ самымъ богатымъ изъ встрѣтившихся намъ владѣльцевъ является Иванъ Овиновъ, сынъ вышеприведеннаго Захара. Владѣнія его находились въ двухъ пятинахъ, въ уѣздахъ Новогородскомъ, Вышневолоцкомъ, Крестецкомъ и Петербургскомъ, и состояли изъ села и 132 деревень съ высѣвомъ въ Петербургскомъ уѣздѣ—до 2.600 пудовъ, а въ остальныхъ—до 3.500, что составитъ для Петербургскаго уѣзда отъ 216 до 288 десятинъ въ полѣ, а въ остальныхъ отъ 291 до 388, а вмѣстѣ отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ обработанной земли [1]).

Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новогородскихъ бояръ, ибо они могли имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла.

Хозяйство во всѣхъ новогородскихъ имѣніяхъ велось по одному общему шаблону. Громадное большинство земель сдавалось въ наемъ крестьянамъ, а рядомъ съ этимъ владѣльцы имѣли и собственное хозяйство. Начнемъ съ послѣдняго.

Каждый владѣлецъ имѣлъ въ одной изъ деревень свой домъ, для жилья, а очень многіе изъ нихъ, если не всѣ, вели и свое особое сельское хозяйство въ этой деревнѣ. Это особое хозяйство было не велико. Въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается хозяйствомъ одной деревни, въ которой жилъ самъ хозяинъ и земля которой пахалась на него. На земляхъ извѣстнаго уже намъ своеземца Ивана Куз. Орефина, во всѣхъ деревняхъ, пахалось подъ рожь отъ 50 до 65 дес. Онъ самъ жилъ въ сельцѣ Иванковѣ, гдѣ имѣлъ свой дворъ; кромѣ этого двора въ сельцѣ было еще три двора; въ нихъ жили его люди, которые на него и пахали. Рожью засѣвали они отъ 6 до 8 десятинъ, всего, слѣдовательно, господской запашки въ трехъ поляхъ было отъ 18 до 24 десятинъ. Сѣна косилось на господина 30 копенъ. Вотъ типическій образецъ всѣхъ новогородскихъ господскихъ хозяйствъ. Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа однодеревенскаго или двороваго хозяйства. Въ каждой мѣстности у богатыхъ людей по

[1]) I 78, 100, 321, 333, 577, 604, 814; II 10, 15, 198, 211, 263, 273, 276, 279, 413, 452; III 375, 423, 445, 489, 622, 658, 877; *Временникъ*, XI 364, 394, 399.

одной деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ. Но встрѣчаются и такіе—среди мелкихъ своеземцевъ владѣльцы, которые не считаютъ нужнымъ оставлять за собой цѣлую деревню, а довольствуются ея частью. Въ Сеглинскомъ погостѣ Деревской пятины жили своеземцы братья Ѳомины, Иванъ и Якушъ. Въ ихъ общемъ владѣніи состояло 7 деревень съ посѣвомъ отъ 18 до 23 десятинъ въ полѣ. Младшій братъ, Якушъ, велъ хозяйство въ цѣлой деревнѣ съ посѣвомъ отъ 5 до 7 десятинъ въ полѣ; а старшій довольствовался половиною деревни того же размѣра, другую же половину сдавалъ крестьянину, съ котораго получалъ доходъ. I 479.

Намъ встрѣтилась только одна деревня, въ которой жилъ старый владѣлецъ, но своей запашки не имѣлъ. Это Петруша Кипровъ. Онъ жилъ въ сельцѣ Дворищѣ, которое было населено не его людьми, а крестьянами, съ которыхъ онъ получалъ доходъ. I 285. Собственнаго хозяйства, значитъ, у него здѣсь не было. Но, конечно, могло быть въ другомъ мѣстѣ. Въ виду того, что плата зерномъ и другими сельскими продуктами за аренду земли была чрезвычайно распространена, слѣдуетъ, однако, допустить, что могли быть такіе владѣльцы, которые, хотя и жили въ деревнѣ, но своего сельскаго хозяйства не вели: они все необходимое могли получать отъ крестьянъ.

Московскіе помѣщики въѣхали въ новогородскія деревни и размѣстились въ домахъ прежнихъ владѣльцевъ. Писцы дошедшихъ до насъ книгъ описываютъ хозяйство этихъ новыхъ помѣщиковъ и только упоминаютъ о старыхъ и ихъ прежнемъ доходѣ. Но это старое хозяйство въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, не успѣло еще очень измѣниться. По размѣрамъ господскаго хозяйства и по его отношенію къ крестьянскому, — оно еще старое, новогородское.

Мы имѣли случай привести владѣнія купца Степана Шалимова. Великій князь взялъ на себя его волость въ Бологовскомъ погостѣ. Вотъ описаніе села, въ которомъ жилъ самъ Степанъ: „Село Медвѣдево: дворъ староста Ѳ. Васковъ, за тѣмъ 5 дворовъ крестьянъ, сѣютъ ржи 20 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 8 обежъ. Стараго дохода не было: пахалъ ихъ Степанъ съ братомъ своими людьми на себя“.

Съ селомъ Медвѣдевымъ произошла громадная перемѣна. Прежде тутъ было господское хозяйство. Въ селѣ жили самъ Степанъ, его братъ и ихъ люди. Государь свелъ Степана съ братомъ, и они захватили съ собой своихъ людей. Село опустѣло. Великій князь не отдалъ его никому въ помѣстье, а оставилъ за собой, т. е. предоста-

вилъ въ пользованіе крестьянъ изъ платежа оброка. На готовыя мѣста немедленно нашлись жильцы: въ домѣ боярскомъ, по всей вѣроятности, помѣстился староста, въ людскихъ дворахъ крестьяне. А размѣръ хозяйства въ селѣ Медвѣдевѣ остался тотъ же: крестьяне пашутъ тѣ же 8 обежъ, которыя прежде пахалъ для себя Степанъ Шалимовъ съ братомъ.

То же надо сказать о селахъ и деревняхъ, перешедшихъ къ помѣщикамъ.

Деревни Артемія Яковлевича Плотцова перешли къ кн. Семену Дмитріевичу Пріимкову. Въ описи читаемъ: „Село Ильинское, а въ немъ дворъ кн. Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его — 6 дворовъ, на князя сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 3 обжы. Стараго дохода не было, жилъ въ немъ Артемій Плотцовъ". Изъ далѣе приведеннаго въ описи итога узнаемъ, что Артемій Плотцовъ пахалъ на себѣ тѣ же три обжи. Размѣръ собственнаго хозяйства и здѣсь не измѣнился. I 358.

Иногда бываютъ и перемѣны, но это особенно въ описи оговаривается. Волость извѣстнаго уже намъ А. В. Квашнина отдана кн. Бор. Сем. Горбатову. Онъ водворился въ сельцѣ, гдѣ жилъ Квашнинъ, и въ его домѣ, а людей своихъ помѣстилъ въ дворахъ, гдѣ жили люди Квашнина. Но онъ не ограничился его запашкой, а припустилъ къ селу еще двѣ деревни. Тутъ произошло расширеніе хозяйства, слитіе трехъ деревень въ одну. Появленіе новыхъ людей, слѣдовательно, приводило, иногда, къ нѣкоторому увеличенію господской запашки. Это расширеніе выражалось двояко: во 1-хъ, присоединеніемъ къ господскому селу или деревнѣ одной или двухъ смежныхъ деревень, что носило наименованіе припуска; во 2-хъ, помѣщеніемъ своихъ людей на крестьянскихъ участкахъ въ деревняхъ, которыя до того сдавались крестьянамъ [1]). Но это рѣдкіе случаи. Да и въ этихъ случаяхъ едва-ли можно видѣть московскую новость. Новогородскіе бояре, по всей вѣроятности, дѣлали то же. Если оказывалось нужно, они увеличивали свою запашку присоединеніемъ сосѣднихъ деревень; а если крестьянскія деревни пустѣли, они пахали ихъ наѣздомъ или сажали тамъ своихъ людей для пашни на себя. Итакъ, новые помѣщики ведутъ хозяйство по типу новогородскихъ своеземцевъ, къ которымъ и возвращаемся.

---

[1]) I 118, 252, 546, 575; II 25, 31, 57, 211, 248, 558; III 99. Здѣсь и случаи господской пашни наѣздомъ въ опустѣвшихъ деревняхъ.

Мы сказали, что собственное хозяйство своеземцевъ, бояръ и боярищекъ, вращается, за ничтожными исключеніями, въ предѣлахъ деревни. Они оставляютъ за собой одну, двѣ, много три деревни въ разныхъ мѣстахъ. У Степана Шалимова, при 163 — 245 десятинахъ запашки въ полѣ, за нимъ оставалось только одно село съ запашкой на него отъ 11 до 17 десятинъ въ полѣ. Василій Есиповъ оставилъ за собой два села и въ каждомъ изъ нихъ имѣлъ по двору, но собственное его хозяйство въ обоихъ селахъ не шло далѣе 15—22 десятинъ въ полѣ. У И. В. Захарьича-Ляцка, при общей запашкѣ, простиравшейся до 300 десятинъ въ полѣ, собственная запашка только вдвое превышала запашку Орефина. Наконецъ, у Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ, собственное хозяйство ограничивалось однимъ селомъ, гдѣ на него пахали отъ 7 до 10 десятинъ.

Нельзя, однако, сказать, что защищаемое нами положеніе, что большинство землевладѣльцевъ, если не всѣ, имѣли свое пахатное хозяйство, такъ и бросается въ глаза при чтеніи писцовыхъ книгъ. Тамъ можно встрѣтить множество волостей, при описаніи которыхъ вовсе не упоминается о собственномъ хозяйствѣ владѣльца. Это объясняется разсыпанностью владѣній отдѣльныхъ лицъ. Имѣнія Есипова описываются на 131, 321, 333 и 814 столбцахъ I т.; его же собственное хозяйство упоминается только въ двухъ мѣстахъ, на 321 и 814 ст.; имѣнія Плотцова Артемія—на 339 и 358, а его собственное хозяйство только на 358; имѣнія Доможирова Михаила описываются въ четырехъ мѣстахъ (550, 551, 606, 704), а собственное его хозяйство было только въ одномъ мѣстѣ (606). То же надо сказать и о другихъ владѣльцахъ; а такъ какъ у насъ есть не всѣ описи, то собственнаго хозяйства мы можемъ у многихъ изъ владѣльцевъ и вовсе не отыскать. Но если и можно допустить, что нѣкоторые владѣльцы не имѣли своего пашеннаго хозяйства,—они всѣ имѣли деревенскіе дворы, въ которыхъ и жили. Эти дворы были центромъ управленія и мѣстомъ, гдѣ хранилось зерно и другіе сельскіе продукты, доставляемые крестьянами за аренду земель. На это указываетъ и терминъ „сведеные“ бояре и бояришки. Откуда они сведены? Они сведены съ своихъ имѣній, гдѣ жили. Но это, конечно, не значитъ, что они жили тамъ безвыѣздно. Мы уже знаемъ, что нѣкоторые имѣли свои дворы не въ одномъ, а въ двухъ-трехъ мѣстахъ; другіе имѣли городскіе дворы въ Новгородѣ: на Варяжской улицѣ, Иваровой, Нутной, Разважжи, Кузмодемьянской и проч., и въ другихъ го-

родахъ и раздѣляли свое мѣстопребываніе между городомъ и деревней.

Новые владѣльцы, понаѣхавшіе изъ Москвы, повели хозяйство по новогородскому образцу. У каждаго изъ нихъ былъ свой дворъ въ деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ [1]). Въ большинствѣ случаевъ это были старые боярскіе дворы, но нѣкоторымъ пришлось обзавестись своими новыми. Это потому, что число новыхъ владѣльцевъ не совпадало съ числомъ старыхъ, и между новыми владѣльцами надо было произвести новое распредѣленіе земель, можетъ быть, болѣе уравнительное. Эти вновь заведенные дворы всегда легко узнать. При ихъ описаніи не упоминается о томъ, что прежде тамъ жилъ старый владѣлецъ, и что дохода съ деревни ему не шло, а на оборотъ, указывается доходъ, который онъ получалъ; деревня, слѣдовательно, прежде была отдаваема крестьянамъ въ наемъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами велось собственное хозяйство старинныхъ бояръ и бояришекъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть совершенно ясныя указанія на то, что старое хозяйство велось руками холоповъ. Въ описяхъ нерѣдко говорится, что въ деревнѣ, гдѣ теперь живетъ помѣщикъ, прежде жилъ такой-то „со своими людьми". „Свои люди" это холопы. О купцѣ Шалимовѣ написано: „стараго дохода не было: пахалъ 8 обежъ своими людьми на себя". Старый доходъ идетъ съ крестьянъ, въ этомъ же селѣ крестьянъ не было, земля обработывалась на господина его людьми. То же сказано о деревнѣ Кузьмы Космынина, отданной Ивашкѣ Кудрину: „жилъ въ ней Кузенка со своими людьми". Также жилъ въ своей деревнѣ со своими людьми Өедоръ Селезневъ, Дмитрій Плотцовъ и другіе (I 241, 799, 867). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и болѣе краткія выраженія писцовъ: „стараго дохода не было, былъ изъ старины дворъ боярскій", или: „стараго дохода не было, жилъ самъ такой-то". Эти выраженія имѣютъ тотъ же смыслъ: земля въ наймы не отдавалась, крестьянъ въ деревнѣ не было, тамъ жилъ владѣлецъ со своими людьми, хотя, можетъ быть, своей запашки и не имѣлъ.

Спрашивается, работали ли крестьяне на господскихъ запашкахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, потому что писцамъ не было

---

[1]) Но и между помѣщиками мы встрѣтили одного, который имѣлъ въ сельцѣ Болоболовѣ свой дворъ, но своего сельскаго хозяйства не велъ. I 346. Это тоже рѣдкій случай. Трудно понять, какъ нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что „особеннаго хозяйства не было у помѣщиковъ". См. объ этомъ П. А. Соколовскаго, Очеркъ исторіи сельск. общины, 83.

повода говорить объ этомъ. Но при описаніи хозяйства новыхъ помѣщиковъ, чѣмъ они, собственно, и заняты, имъ приходится указывать и на крестьянскія работы. Изъ описанія этого новаго хозяйства видно, что помѣщики обработываютъ свои запашки тоже холопами, какъ дѣлали новогородцы [1]), но что встрѣчается и крестьянская барщина, хотя довольно рѣдко и въ небольшихъ размѣрахъ. Напримѣръ: „Селцо Гарусово, а въ немъ дворъ Андреевъ (помѣщикъ), а въ немъ живетъ самъ; а христьянъ 3 двора, сѣютъ ржи на Андрея съ сыномъ 8 кор.; сѣютъ ржи на себя 3 кор.; стараго дохода гривна..., а новаго дохода 5 денегъ..." [2]). Здѣсь есть барщина на помѣщика. Но была ли барщина на сведенаго бояриня? Надо думать, что нѣтъ. Онъ самъ въ этомъ сельцѣ не жилъ и получалъ съ него доходъ. Оно сдавалось, значитъ, крестьянамъ. Новый владѣлецъ поселился самъ и завелъ свое хозяйство, къ которому привлекъ 3 двора крестьянъ, такъ какъ своихъ людей у него не было. Но за это ему пришлось уменьшить денежный оброкъ съ гривны до 5 денегъ.

Итакъ, у новыхъ помѣщиковъ встрѣчается барщина. Къ ней обыкновенно привлекаются крестьяне той деревни или сельца, гдѣ живетъ владѣлецъ. Встрѣтили мы одинъ случай привлеченія къ барщинѣ и цѣлой волости. Вотъ этотъ случай. „Селцо Великой Дворъ на озерѣ на Коломнѣ. Дворъ самъ Ивашко Трубицынъ (помѣщикъ) съ братіею, дворъ ихъ же человѣкъ Никонецъ, сѣютъ ржи 13 коробей..., а пашутъ на нихъ то село волостью; а дохода съ него не было: изъ старины былъ дворъ боярской" I 78. Въ этомъ селѣ земля никогда не отдавалась въ аренду, тамъ всегда жилъ бояринъ, а потому дохода съ нея не было. Если была господская запашка, то она производилась холопскимъ трудомъ. А, можетъ быть, и прежній владѣлецъ привлекалъ цѣлую волость къ обработкѣ своей запашки? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно. Это вещь возможная.

Но вотъ случай, въ которомъ барщина при сведеныхъ боярахъ выступаетъ совершенно ясно. „Въ деревнѣ въ Налцехъ, въ вопчей, на дву жеребьяхъ, на Гридинскомъ да на Матвѣевскомъ, Ивановыхъ дѣтей Налесскихъ (сведеные бояре): дворъ самъ Петрушка (помѣщикъ), а хрестьянъ—2 двора, сѣютъ ржи на Петрушку 9 коробей, на себя 8 коробей; стараго дохода не было, а жили сами Гридко да Матвѣйко; а дохода *нынѣ* съ хрестьянъ гривна денегъ..." I 523.

---

[1]) I стол. 27, 56, 88, 107, 118, 131, 191, 252, 263, 265, 285 и пр.
[2]) I 18, еще такія же свидѣтельства: 52, 138; IV 113, 120.

Доходъ на крестьянъ положенъ *нынѣ* только; эти крестьяне, значитъ, и прежде тутъ жили, но дохода не давали. Надо думать, что они несли одну барщину за арендуемую ими землю, а новый владѣлецъ обложилъ ихъ еще и доходомъ. Другой такой случай встрѣчаемъ въ „Ѳеклинской деревнѣ, Ивановской жены Маркова“; тамъ тоже, по всей вѣроятности, была барщина, такъ какъ при прежней владѣлицѣ въ ея деревнѣ жили крестьяне, а дохода ей не давали [1]).

Итакъ, можно думать, что барщина на помѣщиковъ не есть новость. Была барщина и у новогородцевъ, но очень не большая. Большой и не могло быть въ виду незначительности господской запашки.

Новые люди, такимъ образомъ, чрезвычайно легко вошли въ новогородскіе порядки. Но можно ли утверждать, что эти порядки были для нихъ совершенно новые, что въ московскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка сельское хозяйство строилось совсѣмъ по другому образцу? Московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка мы не имѣемъ. Книги же XVI вѣка чрезвычайно скудны хозяйственными свѣдѣніями. Но кой гдѣ и въ нихъ можно найти указанія, совершенно переносящія насъ въ новогородскій бытъ. Въ описи волости Захожья (въ Тверскомъ уѣздѣ) читаемъ: „За Андреемъ да за Иваномъ да за Михайломъ за Васильевыми дѣтми Ломакова село Лукьяновское, а въ немъ дворъ боярской пустъ, а людей Ломаковыхъ 5 дворовъ, пашни въ полѣ 52 чети... Къ тому же селу деревни: деревня Бортниково, во дворѣ самъ Андрей, во дворѣ люди его, пашни... Деревня Осинникъ, во дворѣ самъ Иванъ Ломаковъ, во дворѣ его люди, пашни“...

[1]) I 507—509. Въ III т. на стр. 81 встрѣчаемъ одно сомнительное свидѣтельство: „Деревня Горки вонче (вел. князю) съ Вежытцкимъ монастыремъ, на великаго князя половинѣ: дворъ, въ болшомъ Давыдовскомъ, Митя Ильинъ (крестьянинъ)...; а стараго дохода не шло: пахали на Давыда; а новаго доходу давали оброкомъ“... Здѣсь дѣло идетъ объ общей деревнѣ Давыда Нерадова съ монастыремъ, отобранной на великаго князя. Стараго дохода не было, пахали на Давыда. Но кто пахалъ? Судя по описи, крестьянинъ Митя Ильинъ и др. Митя Ильинъ живетъ въ большомъ дворѣ прежняго помѣщика. Это новый жилецъ. Прежде тамъ, конечно, жилъ самъ Давыдъ съ своими людьми, и на него пахали эти его люди, а потому и дохода не было. Писецъ очень сократилъ свою опись, а вслѣдствіе этого и вышла неясность. Но въ итогѣ онъ поправился. Тамъ сказано: „А съ 4 обежъ доходъ не шолъ, пахали на стараго боярина да и его люди“. Проф. И. Д. Бѣляевъ, издавшій вторую половину описи Вотской пятины, говоритъ: „почти во всей книгѣ нѣтъ образцовъ, чтобы крестьяне воздѣлывали землю на владѣльца“. *Временникъ*, XI 79. Свидѣтельствъ, дѣйствительно, немного, но воздѣлываніе надо допустить.

За тѣмъ идетъ 14 деревень, въ которыхъ живутъ крестьяне, а не люди, а за ними: „деревня Станищо, во дворѣ самъ Михайло, во дворѣ люди его, пашни"... Въ концѣ еще четыре деревни съ крестьянами. Это совершенно то же, что и въ Новгородѣ: господское хозяйство ограничивается отдѣльными деревнями. У каждаго владѣльца по деревнѣ, населенной его людьми (у Михайлы—двѣ), эти люди и пашутъ на своихъ господъ съ прибавкой, можетъ быть, крестьянскаго труда. Въ остальныхъ деревняхъ крестьяне. Доходъ съ нихъ не указанъ. Но весьма вѣроятно, что они пашутъ и на себя и даютъ Ломаковымъ доходъ, какъ и въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и помогаютъ ихъ людямъ въ работѣ. I 41—42. Новогородскіе порядки не составляли новости для московскихъ людей. Весьма вѣроятно, что это были общіе порядки для всей русской земли и удержались и послѣ паденія Новагорода.

Итакъ, древнѣйшее собственное сельское хозяйство богатыхъ людей, о которомъ мы только имѣемъ точныя свѣдѣнія, было незначительно и велось, главнымъ образомъ, невольнымъ трудомъ.

Переходимъ къ обзору хозяйства путемъ сдачи земель въ наймы. Здѣсь надо различать два случая: 1) сдачу крестьянамъ пашенныхъ участковъ и 2) сдачу отдѣльныхъ мѣстъ только подъ дворы безъ пашенныхъ земель.

Сдача въ наймы крестьянамъ деревень (или ихъ частей) составляла главный способъ эксплуатаціи новогородскихъ поземельныхъ владѣній. Для собственной обработки владѣльцы удерживали одну, много двѣ, три деревни, все остальное сдавалось крестьянамъ. Эта сдача происходила непосредственно отъ землевладѣльца въ руки крестьянъ-работниковъ. Не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе какихъ либо крупныхъ съемщиковъ, которые играли бы роль посредниковъ между собственниками и крестьянами. Каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца столько земли, сколько ему было нужно, и заключалъ съ нимъ порядную. До насъ не дошло ни одной порядной времени древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгъ. Но порядныя XVI вѣка пишутся и на цѣлую деревню, и на ея части. Полагаемъ, то же было и ранѣе. Поэтому деревня не представляла непремѣнно одно цѣлое крестьянское хозяйство. Но, конечно, были деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, несмотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники или и посторонніе лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли

крестьяне-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если и не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ, въ два, три двора, а такихъ большинство.

Но и крестьяне родственники далеко не всегда вели общее хозяйство. Интересный примѣръ отдѣльнаго хозяйства однодеревенцевъ крестьянъ родственниковъ даетъ опись Вотской пятины. Въ погостѣ Климецкомъ-Тесовскомъ описана деревня Веряжкино. Она принадлежала двумъ фамиліямъ, Кречетниковымъ и Веряжскимъ. Кречетниковы были представлены тремя семьями: родными братьями Гаврилкой да Минкой Кузмиными, да Матюхомъ Ивановымъ, вѣроятно, двоюроднымъ ихъ братомъ, тоже Кречетниковымъ. Фамилія Веряжскихъ была представлена шестью семьями: Андрейкой Ивашкинымъ, Алексѣйкой Прокоповымъ, Тимохой, Ѳедкой и Минеей Матюшкиными да Дмитрохомъ Перфуровымъ, все Веряжскіе. Это рѣдкій случай, гдѣ кромѣ личныхъ именъ и отечества писецъ привелъ и фамилію. Всѣ трое Кречетниковыхъ, конечно, родственники; тоже и Веряжскіе, среди нихъ есть три родныхъ брата — Матюшкины, всѣ остальные, по всей вѣроятности, двоюродные. Деревня—Веряжкино носитъ фамильное наименованіе Веряжскихъ. Ее устроилъ, надо думать, предокъ теперешнихъ владѣльцевъ, можетъ быть, ихъ дѣдъ, по его имени она и названа. Кречетниковъ, дѣдъ настоящихъ владѣльцевъ, по всей вѣроятности, былъ его товарищъ. Девять поименованныхъ владѣльцевъ—сидятъ на своей землѣ, они своеземцы, но они сами пашутъ, а потому они тѣ же крестьяне. Вотъ почему порядокъ ихъ владѣнія можетъ бросить свѣтъ и вообще на крестьянское деревенское владѣніе.

Какъ же владѣли эти родственники, сидя въ одной и той же деревнѣ? Каждый изъ нихъ имѣлъ свой дворъ, и потому въ деревнѣ было 9 дворовъ. Это большая деревня. Каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ, кромѣ Ѳедки да Минки: у нихъ особые дворы, но оба положены вмѣстѣ въ одну обжу. Они, по всей вѣроятности, ведутъ общее хозяйство; всѣ другіе разное и различное по величинѣ: Матюкъ и Дмитрохъ сидятъ на одной обжѣ каждый, Андрейко и Алексѣйко па полуторѣ каждый, Тимоха, Гаврилка и Минка на двухъ каждый, III 78. Ясно, что и родственники, живя въ одной деревнѣ, могутъ вести разное хозяйство; тѣмъ скорѣе посторонніе люди. И

такъ, старая деревня не представляетъ непремѣнно общаго хозяйства, хотя таковое и можно допустить и, можетъ быть, во многихъ даже случаяхъ.

Эта новогородская старина живетъ и въ XVII вѣкѣ. На крайнемъ сѣверѣ конфискованныя у новгородцевъ земли не были розданы въ помѣстья, а остались за крестьянами. Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовыхъ книгъ по Кевродьскому уѣзду видно, что крестьяне владѣютъ своими участками „по дѣловымъ актамъ“ съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особыя „дѣловыя“ записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство [1]).

Для пополненія картины древняго землевладѣнія прибавимъ еще одну подробность. Минка Кречетниковъ, обработывавшій своими руками наслѣдственный участокъ въ двѣ обжи въ деревнѣ Веряжкино, имѣлъ въ томъ же погостѣ деревню Гривско въ одинъ дворъ съ посѣвомъ въ четыре коробьи, которую и отдавалъ въ аренду крестьянину Тарасову. Ш 77. У Тимохи Веряжскаго, кромѣ наслѣдственной доли въ деревнѣ Веряжкино, была еще доля въ деревнѣ Куболѣ, которую онъ тоже сдавалъ въ аренду. Крестьяне, какъ и бояре, сдаютъ свои земли въ наймы; крестьянское землевладѣніе отличается отъ боярскаго только размѣрами. Крестьяне, какъ и бояре, могутъ имѣть поземельную собственность; какъ и бояре, они завѣщаютъ ее, дѣлятъ, продаютъ и т. д. Это ихъ личная собственность.

Не смотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное

---

[1]) Беремъ эти свѣдѣнія изъ статьи г. Иванова „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“, помѣщенной въ Трудахъ Археолог. ком. Имп. моск. арх. общества. Т. I вып. III 414. Почтенный авторъ изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній дѣлаетъ такой выводъ: „Субъектомъ, основаніемъ владѣнія котораго служили старина, писцовыя книги и крѣпости, былъ дворъ, подъ которымъ понимался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семей и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“. Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ хорошо согласовался съ приводимыми авторомъ данными. Если братья могутъ дѣлиться и продавать свои участки постороннимъ лицамъ, то при чемъ же тутъ „рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“? Несмотря на совершенную неожиданность выводовъ, авторъ имѣетъ уже послѣдователей. См. объ этомъ „Обзоръ исторіи рус. права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 556.

и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ показывается всегда для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непремѣнно имѣла общую запашку.

Показаніе посѣва ржи и дохода особо для каждаго двора чрезвычайно осложнило бы дѣло писца. По всей вѣроятности, крестьяне каждой деревни говорили ему уже въ готовыхъ итогахъ число дворовъ и людей, свой посѣвъ, доходъ помѣщика и число обежъ, онъ это и записывалъ. Для его цѣли бо́льшія подробности и не были нужны. Надо было указать доходъ стараго владѣльца, а это достаточно опредѣлялось итогомъ дохода съ деревни. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ и этого не писали. Вышеприведенный случай деревни Веряжкино, гдѣ обжи показаны не для всей деревни, а для каждаго двора, едва ли не единственный. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили другихъ подобныхъ. Но посѣвъ ржи и для этой деревни показанъ въ общихъ итогахъ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ, а потому и положены въ разное число обежъ. Только въ общихъ деревняхъ, т. е. деревняхъ, принадлежавшихъ разнымъ собственникамъ, крестьянское хозяйство описывается по отдѣльнымъ дворамъ, а не въ итогахъ для цѣлой деревни. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ, хотя бы жили и въ одной деревнѣ, никогда не ведутъ общаго хозяйства.

Иногда, но очень рѣдко, посѣвъ и доходъ указывается не для одной, а для двухъ и даже трехъ деревень. Думаемъ, что и это есть дѣло удобства писца, а не свидѣтельство объ общемъ хозяйствѣ двухъ или трехъ деревень. Когда нѣсколько деревень составляютъ одно хозяйство, тогда писцы говорятъ: такая-то деревня припущена въ поле къ такой-то. Такое соединеніе деревень встрѣчается, какъ мы видѣли, въ господскомъ хозяйствѣ, но могло быть и въ крестьянскомъ. Въ хозяйствѣ крестьянъ мы дѣйствительно замѣтили одинъ такой случай. I 509. Онъ произошелъ съ согласія помѣщика и является увеличеніемъ количества арендуемой крестьянами земли.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ новгородскія писцовыя книги не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли.

Съ этою оговоркою переходимъ къ описанію отношеній съемщи-

ковъ пахатныхъ участковъ къ землевладѣльцамъ. Оно будетъ сдѣлано не по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, а по цѣлымъ деревнямъ, которыя, однако, во многихъ случаяхъ представляютъ не разныя, а одно хозяйство [1]).

По количеству снимаемой земли деревни представляютъ очень разныя величины даже въ одной и той же мѣстности и у одного и того же владѣльца. Рядомъ стоятъ деревни, высѣвающія 14 и 77 пудовъ ржи, 21 и 119; есть деревни съ посѣвомъ до 280 пудовъ. Даже деревни, имѣющія одно и то же число дворовъ, обрабатываютъ разное количество земли. Деревня съ однимъ дворомъ высѣваетъ то 7 пудовъ, то 14, 27, 56 и даже 84. Землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ. И такая разница встрѣчается въ одной и той же волости, т. е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца [2]). Въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами эти различія совершенно понятны.

Какъ различна мѣра снимаемыхъ крестьянами участковъ, такъ различна и наемная за нихъ плата. Эта плата носитъ наименованіе „дохода". Книги различаютъ старый доходъ и новый. Старый доходъ— есть доходъ прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и бояришекъ. Что старый доходъ есть доходъ сведеныхъ бояръ, это слѣдуетъ изъ приведеннаго выше выраженія: „а стараго дохода не было, пахали на Степана"; а иногда такъ прямо и говорится: „а стараго дохода шло Ивану Петрову три барана" и т. д., а этотъ Иванъ Петровъ и есть сведеный бояришекъ, Чашниковъ [3]). Новый доходъ— есть доходъ въ моментъ описи.

---

[1]) Архимандритъ Сергій (Тихомировъ) въ чрезвычайно детальномъ изслѣдованіи Новогородскаго уѣзда въ предѣлахъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. дѣлаетъ подсчетъ дворовъ, приходящихся на одну деревню. Изъ 1073 селеній, оказавшихся въ этой части пятины, болѣе 280 селеній имѣли только по 1 двору, болѣе 300—по 2, болѣе 150—по 3. Итакъ, болѣе 630 деревень изъ 1073 состояли изъ 1, 2, много 3-хъ дворовъ. Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; во многихъ случаяхъ они ведутъ общее хозяйство; а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изслѣдованіе арх. Сергія напечатано въ Чтеніяхъ за 1899 г.

[2]) Такія разнообразныя данныя читатель легко можетъ найти въ новг. писц. книгахъ. Лишь для примѣра крайностей указываемъ: I 63 волость Щилова монастыря; III 39 волость, что была за владыкою, 113 волость Настасьи Григорьевой, 157 волость Якова Коробова, 329 волость Александра Самсонова.

[3]) III 23. Въ I т. на ст. 322 старымъ доходомъ, кажется, названъ доходъ,

Надо различать два вида господскаго дохода: обыкновенный и чрезвычайный. Сперва о первомъ.

Начнемъ съ обозначенія тѣхъ предметовъ, которыми взимался доходъ обыкновенный. Онъ взимался: 1) деньгами, 2) хлѣбомъ и 3) разными другими предметами крестьянскаго хозяйства, которымъ усвояется наименованіе „мелкаго дохода“.

Денежный доходъ опредѣлялся въ новогородской валютѣ. Писцовыя книги знаютъ—денгу. Это серебряная монета вѣсомъ въ 18 долей. Четырнадцать такихъ денегъ составляютъ гривну; 210—рубль. Кромѣ денегъ, гривенъ и рублей, новогородскимъ писцовымъ книгамъ извѣстны еще: полъ денги и четверецы [1]).

Въ доходъ хлѣбомъ шла часть урожая всѣхъ воздѣлываемыхъ въ мѣстности сортовъ хлѣба. Писцовыя книги говорятъ о доходѣ рожью, овсомъ, пшеницею, ячменемъ, горохомъ, коноплей. Мѣра этого дохода опредѣлялась различно. Во 1-хъ, нѣкоторымъ количествомъ зерна, опредѣляемымъ въ существовавшихъ тогда мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ. Въ Новгородѣ въ это время были въ ходу слѣдующія мѣры: коробья (полъ кади или окова), которую можно считать въ 7 пудовъ вѣса для ржи, полъ коробьи (четверть кади) и четвертка коробьи или четка (осмина кади). Такой хлѣбъ носитъ наименованіе „посопнаго“ хлѣба, а способъ его уплаты—„поспомъ“: „а хлѣба поспомъ 5 коробей ржи“.

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ такія цѣны зерна: коробья ржи—10 денегъ, овса — 5, ячменя — 7, пшеницы и хмѣлю—1 гривна, III 84, 346. Эти цѣны указаны на случай замѣны деньгами дохода „поспомъ“, а потому ихъ можно считать нормальными. Коробья гороху и коробья конопли (вмѣстѣ) цѣнились въ 2 гривны 4 деньги. I 11.

Другой способъ дохода хлѣбомъ состоялъ въ предоставленіи землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта часть опредѣлялась различно, самую малую мѣру составляла пятина ($^1/_5$), затѣмъ шла: $^1/_4$ $^1/_3$ и, наконецъ, $^1/_2$. половье. При этомъ, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерномъ, а снопами, которые отсчитывались на полѣ, до своза во дворъ. Въ крестьянскихъ порядныхъ XVII вѣка встрѣчаемъ

установленный помѣщикомъ, но не настоящимъ, а его предшественникомъ, переведеннымъ на другое мѣсто.

[1]) Писцы дѣлаютъ иногда ошибки въ итогахъ, какъ деревень, дворовъ и обежъ, такъ и денегъ, а потому у нихъ не всегда приходится на рубль 210 денегъ.

особое условіе: „во всякомъ хлѣбѣ довати пятый снопъ, а къ выдѣлу и къ замолоту мнѣ его, помѣщика, звать, а до выдѣлу ни какова хлѣба не свозить" [1]). Это превосходная иллюстрація новогородскихъ порядковъ конца XV вѣка.

Мелкій доходъ слагался изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; сюда входило и ткачество, и рыболовство, и охота, и другіе промыслы. Среди предметовъ мелкаго дохода встрѣчаемъ: печеный хлѣбъ—ковригами, масло—ковшами, медъ, сыръ, мясо—говяжье—окороками и лопатками, бараны—цѣликомъ и частями, части свинины, куры—цѣликомъ и половинами, яйца—десятками, отъ одного до 12, пиво—бочками, овчины—цѣлыя и половины, пряжа, полотно, топоры, косы, сошники, сковороды, дрова и лучина — возами, сѣно, ленъ пятками, а пятокъ составлялся изъ пяти горстей, хмель — коробьями, солодъ, рыба, тетерева и зайцы. Нѣкоторые изъ предметовъ мелкаго дохода встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Тетеревовъ и зайцевъ мы видѣли только одинъ разъ, II 199. Доходъ топорами, косами, сошниками и другими издѣліями изъ желѣза взимался только тамъ, гдѣ была добыча желѣзной руды, и съ крестьянъ, занимавшихся ея разработкой и выдѣлкой. Въ писцовыхъ книгахъ они называются кузнецами. Разработкой желѣзной руды тогда занимались въ погостахъ Вотской пятины: по верховьямъ Невы, по рѣкѣ Назьѣ, впадающей съ Юга въ Ладожское озеро, по Финскому заливу, въ предѣлахъ Ямбургскаго уѣзда, и по рѣкѣ Талдогѣ, впадающей въ рѣку Суму. Пряжа и полотно принадлежатъ также къ очень рѣдкимъ предметамъ дохода. Чаще всего встрѣчаются: сыръ, масло, бараны, овчины, куры, яйца, ленъ.

Для предметовъ мелкаго дохода мы нашли въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ такія цѣны: баранъ — 4 деньги, пятокъ льну — 5 денегъ, копна сѣна стоитъ $1^1/_2$ деньги, бочка пива — 1 гривна, калачь—1 деньга, хлѣбъ—$^1/_2$ деньги, лопатка баранья—$^1/_2$ деньги, 100 яицъ—3 деньги, полоть мяса 7 денегъ [2]).

---

[1]) Дьяконовъ, Акты I № 15, 29, 32; 1629—1644. Въ послѣднемъ документѣ крестьянинъ обязывается церковный пятинный хлѣбъ обмолотить прежде своего. Можетъ быть, и въ старину молотьба лежала на крестьянахъ. Это весьма вѣроятно.

[2]) I 11, II 736, III 167, 306, 346. Въ нов. II 736 встрѣчаемъ нѣкоторыя различія: баранъ оцѣненъ въ 7 денегъ, возъ сѣна тоже въ 7 денегъ. Это, вѣроятно, описка. Сыръ по Онѣжской грам. 1536 года стоилъ—1 деньгу.

Переходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣлялась наемная плата и какъ она была велика для отдѣльныхъ деревень. Плата отдѣльныхъ деревень имѣетъ крайне индивидуалистическій характеръ. Она бываетъ различна при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Число дворовъ въ деревнѣ на размѣръ платы, кажется, не имѣло никакого вліянія. Но можно замѣтить связь между размѣромъ платы и размѣромъ деревенскаго хозяйства, которое было тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ было больше количество высѣваемаго хлѣба. Плата, обыкновенно, возрастаетъ съ возрастаніемъ количества высѣваемаго хлѣба. Это очень понятно. Но и здѣсь встрѣчаются уклоненія, которыя мы объяснимъ ниже. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Мы выше перечислили виды крестьянскихъ повинностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются то всѣ виды, то только нѣкоторые изъ нихъ. Есть деревни, которыя платятъ и деньги, и посопный хлѣбъ, и часть урожая, и мелкій доходъ. Въ другихъ—отпадаетъ то часть урожая, то посопный хлѣбъ, то деньги, то мелкій доходъ. Есть деревни, которыя платятъ только долю урожая и мелкій доходъ. Иногда весь доходъ господина ограничивается одной долей урожая, это встрѣчается при половьи; но и это не общее правило, ибо и половники, иногда, платятъ и деньги и мелкій доходъ, а иногда и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ. Наконецъ, нѣкоторыя деревни обложены только деньгами [1]).

Размѣръ платы при одномъ и томъ же числѣ обежъ, дворовъ и количествѣ высѣваемыхъ коробей ржи—нерѣдко былъ неодинаковъ, и не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ одной и той же мѣстности и даже въ одной и той же волости, т. е. у того же владѣльца. Для примѣра возьмемъ деревни въ 1 обжу, въ 1 дворъ и въ 3 коробьи посѣва и ограничимся тремя погостами Вышневолоцкаго уѣзда.

У Никиты Бабкина крестьянинъ съ такой деревни платилъ 4 деньги, четку ржи и четку овса; переведя все на деньги, получимъ—8 денегъ. Никифоръ Хмелевъ за то же получалъ: 7 денегъ, изъ хлѣба пятину, четку ржи, четку овса, солодъ, $^1/_2$ барана, лопатку баранью, курицу, сыръ, $^1/_2$ овчины, $3^1/_2$ горсти льну. Денегъ будетъ 17 да кромѣ того $^1/_5$ урожая, курица и $^1/_2$ овчины, для перевода которыхъ

---

[1]) Доказательства можно найти чуть не на каждомъ столбцѣ писцовыхъ книгъ. Приведемъ только болѣе рѣдкіе случаи. Доля урожая и посп съ другими видами I 62, II 74, 357. Одни деньги—I 18, II 68, Ш 318, 829. Половники только половье—I 508, II 34, 37, III 83, 156, 166; половники—деньги и мелкій доходъ Ш, 10; они же посопный хлѣбъ и мелкій доходъ III 188, 213.

на деньги данныхъ не имѣемъ. Разница болѣе чѣмъ вдвое. Извѣстный намъ Овиновъ, сынъ, получалъ еще больше. За деревню тѣхъ же размѣровъ ему платили: 7 денегъ, коробью ржи и овса и полчетки пшеницы, что составитъ 24 деньги; со вдовы Ѳедорки онъ получалъ то же, но при меньшемъ посѣвѣ (въ $2^1/_2$ коробьи). А Зинововъ получалъ еще больше. При тѣхъ же деньгахъ и поспѣ онъ бралъ еще сыръ да три горсти льну, что составитъ 27 денегъ съ $^1/_2$. Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры [1]).

Не одинакова плата и у одного и того же владѣльца; разница достигаетъ здѣсь, иногда, также весьма значительныхъ размѣровъ. Въ Настасьинской волости, жены Ивана Григорьева, двѣ деревни платили только деньги и поровну, по 2 гривны съ $^1/_2$, а между тѣмъ одна имѣла посѣвъ въ 4 коробьи при одномъ дворѣ и была положена въ одну обжу, а другая высѣвала 8 коробей при 3-хъ дворахъ и была положена въ двѣ обжи. Хозяйства очень различны, государственныя повинности—тоже, а наемная плата одинакова. Рядомъ съ этими деревнями была деревня съ 15 коробьями посѣва при 4 дворахъ и 5 обжахъ; она платила: 2 грив., хлѣба поспомъ 6 кор. ржи, $^1/_2$ кор. пшеницы, 3 четки ячменя, 2 барана, на деньги всего 9 грив. 8 ден. Между двумя крайними платежами и среднимъ нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія: деревня въ 8 коробей посѣва обложена несоразмѣрно легко. Въ другихъ случаяхъ разница бываетъ ничтожная: при всѣхъ равныхъ одна деревня даетъ курицу, другая половину и т. д. [2]).

---

[1]) Т. I 11—12, 58, 80, 90.

[2]) Т. I 72; III 113.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ деревенскихъ платежей, расположивъ ихъ по мѣрѣ возрастанія количества высѣваемыхъ коробей ржи. Волость Степ. Шалимова въ Бологовскомъ пог. Деревской пятины I 100.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
2	1	1	4 деньги съ $^1/_4$, изъ хлѣба пятина, сыръ, баранья лопатка, $^1/_2$ овчины, $3^1/_2$ горсти льну.
4	1	2	$8^1/_2$ денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 сыра, 2 б. л., 1 овч., 1 пятокъ льну.
5	2	2	9 денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 с., 2 б. л., 2 ов., 1 п. л.
—	—	—	то же, но 1 овчина.
5	3	2	$8^1/_2$ денегъ, то же, но 2 овчины.
$5^1/_2$	3	2	9 ден., изъ хл. пятина, 2 с., 2 б. л., $1^1/_2$ овч., 1 п. л.
—	2	—	то же, но 1 овч.

Откуда всѣ эти различія? Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать, на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженному мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились легко съ

$6^1/_2$	2	3	$12^3/_4$ ден., изъ хл. пят., 4 с., 4 лоп. бар., 2 овч., $1^1/_2$ п. л.
$6^1/_2$	3	3	13 ден. и то же.
7	—	—	то же.
—	—	—	то же, но $1^1/_2$ овч.
—	4	—	то же.
9	3	4	1 грив. 4 ден., хлѣбъ, ср. и бар. л.
—	—	—	то же, но 2 овч. и 2 пят. льну.
10	—	—	то же.
—	5	—	то же.
$10^1/_2$	3	—	то же.
—	—	—	$13^1/_2$ ден., хлѣба посномъ 3 коробей ржи, 3 кор. овса, $2^1/_2$ кор. пшеницы, $2^1/_2$ кор. ячменя, 4 овч., 10 сыр., 3 п. съ гор. льна.
11	4	4	то же.

Волость Щилова монастыря въ Посонскомъ пог. Деревской пят. I 63.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
3	1	1	3 денги, $^1/_2$ кор. ржи и $^1/_2$ кор. овса.
—	2	—	то же.
5	1	2	5 ден., 3 четки ржи и $^3/_4$ овса.
—	2	—	5 ден., $^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	3	—	6 ден. 3 четки ржи и овса.
—	2	—	3 ден., $^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	—	—	7 ден., 3 четки ржи, 1 кор. овса.
6	3	3	7 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	—	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	—	—	6 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	4	—	7 ден., то же.
—	1	—	то же.
8	4	—	то же.
9	—	5	10 ден., $1^1/_2$ кор. ржи и овса.
13	—	6	то же.
15	7	7	1 гривн., $2^1/_2$ кор. ржи и овса.
—	8	—	7 ден., $1^1/_2$ кор. ржи и овса.
17	9	—	1 грив., 2 кор. ржи и овса.

указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупные случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садились, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „стараго дохода не было: сѣли ново". Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они стараго дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ 2½ коробьи, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ, II 34. Весьма вѣроятно, что и сведеные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали.

Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно.

Рядомъ со свѣтскими своеземцами, о хозяйствѣ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, владѣютъ землями духовныя учрежденія: владыка, монастыри, церкви. Хозяйство ихъ представляетъ нѣкоторыя незначительныя особенности.

Несмотря на богатство владыки и нѣкоторыхъ монастырей и на то, что къ описанію ихъ владѣній, находившихся въ разныхъ погостахъ и разныхъ пятинахъ, писцамъ приходилось обращаться по многу

Деревни Гр. Секерина въ Ручьевскомъ пог. Деревской пят. II 356.

Коробьи.	Дворы.	Обжи.	ДОХОДЪ.
1½	1	1	изъ хлѣба четверть, четка ячменя, четка овса, ½ барана, 1 сыръ, 2 гор. льна, 10 яицъ.
2	—	—	то же.
2½	—	—	то же, но 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
3	—	—	то же, но ½ бар., 1 сыр., 2 гор. л., 10 яицъ.
—	2	—	то же, но 20 яицъ.
4	2	2	изъ хлѣба четверть, ½ короб. ячменя, ½ кор. овса, 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
4½	—	—	то же.
5	—	—	то же.
9	6	4	изъ хлѣба четверть, 1 кор. ржи, 1 кор. овса, 2 бар., 4 сыр., 8 гор. л., 40 яицъ.

разъ, мы не встрѣтили ни одного указанія на существованіе собственнаго сельскаго хозяйства у духовныхъ учрежденій, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ церквей, владѣнія которыхъ не выходили за предѣлы одной деревни. У монастырей были по деревнямъ свои дворы, въ которыхъ жили ихъ ключники, но они не вели пашеннаго хозяйства за счетъ монастыря. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не занимались пашней, другіе пахали, но на себя, а не на монастырь. Такіе дворы встрѣчаются въ деревняхъ Хутынскаго монастыря, Коневскаго, Валаамскаго, Николая Чудотворца и друг.; ихъ дворы— всѣ безъ пашни; пашенные же всѣ у крестьянъ. Въ деревняхъ владыки встрѣчаются также дворы его посельскихъ, но собственной запашки мы не видали и у него [1]).

Только самыя бѣдныя церкви имѣли собственное сельское хозяйство. Мы разумѣемъ деревенскія церкви на погостахъ и въ монастырскихъ и владычныхъ волостяхъ. Къ этимъ церквамъ приписывалось небольшое количество земли, гдѣ клиръ и хозяйничалъ. Но хозяйство это не походило на господское. Попъ, дьяконъ, пономарь, сторожъ, просвирня—сѣяли и пахали собственными руками [2]). Но не мало было и такихъ церквей, клиръ которыхъ не имѣлъ надобности пахать.

У владыки и монастырей было, однако, значительное скотоводство. Писцовыя книги упоминаютъ о ихъ конюшенныхъ дворахъ, о дворахъ ихъ коровниковъ и объ особыхъ пожняхъ, которыя косятъ для нихъ крестьяне барщиной [3]).

Изъ молчанія писцовыхъ книгъ о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій слѣдуетъ ли заключать, что такого хозяйства у нихъ и вовсе не было? Это—едва ли.

Памятники XIV вѣка говорятъ уже о собственномъ хозяйствѣ монастырей и даже о крестьянской барщинѣ на ихъ земляхъ. Изъ грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, что у монастыря было свое пахатное хозяйство и что монастырскіе крестьяне не только воздѣлывали „игуменовъ жеребій земли", но строили монастырскія хоромы, ставили стѣну вокругъ монастыря, оплетали его сады, забивали ѣзъ, ходили съ неводами и пр. А. Э. I № 11, 1391 годъ.

Если мы не находимъ въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ свѣ-

[1]) *Временникъ* XI 193, 251; XII 64, 69; Новог. п. кн. I 17, 708; III 28, 65.
[2]) Нов. пис. кн. I 321, 346, 612; III 82, 471; *Временникъ* XII 179.
[3]) III 8, 28, 453, 454.

дѣній о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій, то, можетъ быть, только потому, что до насъ дошли не всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, если такое хозяйство и было, оно не могло быть велико, какъ и хозяйство частныхъ лицъ. Оно также должно было имѣть одно-деревенскій типъ и, по всей вѣроятности, ограничивалось одной—двумя деревнями, ближайшими къ учрежденію.

Именно такой характеръ имѣетъ собственное хозяйство духовныхъ учрежденій по московскимъ писцовымъ книгамъ начала XVI вѣка. Въ древнѣйшей изъ напечатанныхъ описей земель Троице-Сергіева монастыря (1545 г.), въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ монастырской волости Черемхѣ и Закоторскомъ станѣ монастырю принадлежало 49 деревень и починковъ да 3 займища живущихъ—(пустошей не считаемъ)—съ запашкой въ 989 четвертей земли. Собственное же хозяйство монастыря велось только въ одномъ селѣ Коприно, на Волгѣ, и всего на 20 четяхъ.

Чудовъ монастырь по описи 1573 г., въ Васильцовѣ станѣ Московскаго уѣзда, въ трехъ мѣстахъ имѣлъ 4 сельца и 10 деревень, крестьянской пашни съ перелогомъ тамъ было 2.221 четверть, свое же хозяйство монастырь имѣлъ только въ двухъ селахъ, въ одномъ пахалъ 118 четей, въ другомъ 25, а всего 143 чети на 2.221 четь крестьянской запашки.

Могло быть такое же однодеревенское хозяйство и у духовныхъ учрежденій Новгорода.

При слабомъ развитіи собственнаго сельскаго хозяйства, духовныя учрежденія извлекали доходъ изъ своихъ земель сдачею ихъ въ наймы. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали тому же порядку, какой наблюдался у частныхъ лицъ. Писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія мѣры обложенія крестьянъ свѣтскими лицами и духовными учрежденіями и степени зажиточности тѣхъ и другихъ крестьянъ. Онъ давно напечатанъ и ждетъ разработки.

По особенностямъ жизни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, многіе предметы мелкаго дохода, которые мы перечислили, совсѣмъ не были нужны для лицъ духовнаго званія, а потому ихъ мелкій доходъ долженъ отличаться отъ дохода свѣтскихъ лицъ. Такъ, кажется, было и въ дѣйствительности. Мы встрѣтили массу деревень духовныхъ учрежденій, которыя вовсе не платили мелкаго дохода; другія платили, но далеко не всѣ его виды были въ употребленіи. Нерѣдко въ доходъ поступали: ленъ, сыръ, сѣно; чаще и по значительному числу—яйца; встрѣчаются бараньи лопатки и пиво.

Доходъ съ владычныхъ земель шелъ владыкѣ, съ монастырскихъ— монастырю, а съ церковныхъ не церкви, а попу. Такова была точка зрѣнія и плательщиковъ и писцовъ и такъ и писалось въ книгахъ. Особенно великъ былъ доходъ архангельскихъ поповъ на Городищѣ. Въ Деревской пятинѣ въ двухъ погостахъ имъ принадлежало двѣ волости одного и того же имени Смерда; въ этихъ волостяхъ числилось 288 деревень. Въ доходъ архангельскимъ попамъ шло: 2 р. 5 гр. и 4 деньги, 256 коробей ржи, 94 коробьи овса, 250 хлѣбовъ, 250 бараньихъ лопатокъ и 30 пятковъ льну. Эта городищенская церковь представляетъ, однако, исключеніе. Владѣнія другихъ церквей далеко не достигали такихъ размѣровъ. Иванъ Васильевичъ взялъ обѣ волости на себя и отмѣнилъ доходъ архангельскихъ поповъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ дохода, встрѣчаются еще нѣкоторые, которые мы, по рѣдкости ихъ, называемъ чрезвычайными. Они немногочисленны. Сюда относятся: поклонъ и даръ.

Подъ „поклономъ" надо разумѣть приношеніе, дѣлаемое съ особымъ почтеніемъ, съ поклономъ. Въ какихъ случаяхъ оно дѣлается, это не всегда ясно. Но вотъ случай, допускающій удовлетворительное объясненіе. Въ писцовой книгѣ Вотской пятины читаемъ: „А стараго доходу шло: двѣ денги, поклону за сыръ полъ денги, пятокъ льну" и т. д. Сыръ стоитъ деньгу, здѣсь же онъ замѣненъ—половиной деньги, за это, по всей вѣроятности, и дѣлается поклонъ.

„Даромъ" называлась нѣкоторая приплата къ обыкновенному доходу. Перечисливъ старый доходъ, писецъ продолжалъ: „дару: четка гороху, четка конопель, 6 копенъ сѣна", I 9. Въ какомъ случаѣ прибавлялся этотъ даръ, неясно. Но несомнѣнно, что онъ еще болѣе увеличивалъ разнообразіе повинностей, на которое мы указывали. Однѣ деревни давали даръ, другія нѣтъ. Даръ брали и монастыри: „а опричь того (обыкновеннаго дохода) давали игумену со всее волости дару полтину новогородскую, а слугамъ шло дару двѣ гривны новогородскія" [1]).

---

[1]) I 11, 40; II 805; III 213.

Въ концѣ второй половины писцовой книги Деревской пятины находимъ нѣсколько волостей, описаніе которыхъ представляетъ особенности. Въ нихъ не указано прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, а деревни раздѣлены тамъ на десятки. Такимъ особымъ способомъ описаны волости Морева и Велела и погостъ Холмскій. Эти волости и погостъ составляли вотчину литовскаго выходца, кн. Ѳед. Ив. Бѣльскаго. Онъ прибѣжалъ въ Москву въ 1482 году (Воскр.) и тогда же, по словамъ лѣтописца, получилъ въ вотчину городъ Дѣманъ да

Описавъ пашенное хозяйство и свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, мы можемъ теперь спросить, какъ владѣли крестьяне предоставляемой въ ихъ пользованіе землей, было у нихъ общинное землевладѣніе, или нѣтъ? Общинное землевладѣніе, сомнительными благами котораго наши крестьяне пользуются еще и теперь, предполагаетъ наличность общины, члены которой имѣютъ равное право на пользованіе общинной землей. Въ описываемое нами время, какъ мы видѣли, крестьянской общины не существовало. Были только отдѣльные крестьяне, которые, по особому договору, и занимали господскія земли. Это внѣ всякаго сомнѣнія. А если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ пользованіи землями.

Но крестьяне не непремѣнно въ одиночку снимали господскія земли, они могли соединяться для этого въ товарищества, человѣка по 2, по 3, а можетъ быть, и болѣе. Такіе товарищи могли вести общее хозяйство. Общее хозяйство могло возникать и другимъ путемъ. Крестьянинъ могъ одинъ снять деревню. Такихъ деревень множество. Но по смерти его, у него могло остаться 2—3 и болѣе сыновей. Сыновья могли продолжать жить въ старой деревнѣ, раздѣлиться и вести каждый особое хозяйство, а могли вести и общее.

Мореву и со многими волостьми. Городъ Дѣманъ въ писцовыхъ книгахъ не описанъ, а потому и нельзя сказать, въ чемъ выразилось здѣсь господство литовскаго князя; но волости описаны и слѣдъ его пребыванія виденъ. Въ моментъ описанія данныя князю Ѳ. И. Бѣльскому деревни ему уже не принадлежали, онѣ были отобраны на вел. князя; часть ихъ онъ удержалъ за собой, а другую роздалъ въ помѣстья. О старомъ доходѣ говорится, что онъ шелъ кн. Ѳ. Бѣльскому. Въ волости Велелѣ на погостѣ остался еще его дворъ, въ который и въѣхалъ новый помѣщикъ. Дальнѣйшій слѣдъ хозяйства кн. Бѣльскаго сохранился въ указанномъ дѣленіи деревень на десятки. Какое они имѣли при немъ значеніе, этого не видно, но въ моментъ описи они уже распались. Одни деревни Погостскаго и Жабенскаго десятка князь удержалъ за собой, а другія роздалъ въ помѣстья (703, 721 и 737); деревни другихъ десятковъ розданы разнымъ лицамъ въ помѣстья. Сохранилось только наименованіе деревень по десяткамъ. Деревень съ хозяйствомъ кн. Бѣльскаго не видно; всѣ деревни были въ арендѣ у крестьянъ, которые платили ему обыкновенный доходъ. Въ одномъ только итогѣ упоминается неизвѣстный намъ видъ дохода „коневщина“ (735). Раздѣленіе деревень на десятки, по всей вѣроятности, и было причиной, почему при ихъ описаніи не упоминаются старые новогородскіе владѣльцы. Данныя кн. Бѣльскому волости, конечно, принадлежали разнымъ и очень многимъ владѣльцамъ. Приводя деревни въ десятки, онъ нарушилъ ихъ старое распредѣленіе по владѣльцамъ, а потому десятки и замѣнили прежнихъ владѣльцевъ въ дошедшей до насъ описи. Это единственный примѣръ описи, гдѣ не упомянуты имена старыхъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ и бояришекъ.

Итакъ, однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ — не непремѣнно равное. Умеръ отецъ, у сыновей равное право наслѣдства, если отецъ не распорядился иначе; онъ могъ, вѣдь, оставить дѣтямъ и не поровну. Но если дѣти получили и поровну, во второмъ поколѣніи непремѣнно возникнетъ неравенство, ибо нельзя разсчитывать на то, что у каждаго сына будетъ одинакое число наслѣдниковъ. Но если бы это и случилось, это будетъ равенство случайное, въ общинѣ же оно необходимое. То же надо сказать и о доляхъ товарищей. Въ началѣ онѣ могли быть равныя, но не непремѣнно; при дѣтяхъ же равенство это легко нарушалось. Общинное владѣніе обязательно, общее — дѣло свободы. Итакъ, въ старыхъ деревняхъ могло быть частное и общее хозяйство, но никогда не общинное. Этотъ выводъ предполагается всѣми описанными порядками.

Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно такъ же, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріятели, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно, примѣры чему мы уже видѣли. Въ старое время жили либо въ любви, либо въ ненависти, какъ мы дѣлаемъ это и теперь. Любовь во всѣ времена порождаетъ и поддерживаетъ согласную жизнь вмѣстѣ и общее владѣніе; ненависть всегда ведетъ къ раздѣленію. Общинное владѣніе одною цѣпью сковываетъ и любовь и ненависть.

Мы уже знаемъ, что сельское хозяйство, которое вели новогородскіе бояре, не составляло новости для новыхъ людей, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ. Источники ничего не говорятъ о томъ, какъ пользовались москвичи у себя, на низу, тѣми землями, которыя оставались у нихъ за собственной обработкой; но судя по тому, какъ и въ этомъ отношеніи они легко вошли въ новогородскіе порядки, надо думать, что и эта статья новогородскаго хозяйства

не была для нихъ новостью. Весьма многіе изъ нихъ удержали новогородскіе порядки безъ всякихъ измѣненій и получали тотъ же доходъ, какой шелъ ихъ предшественникамъ. Писцы очень часто, перечисливъ старый доходъ, говорятъ: „А новый доходъ по тому жъ". Нѣкоторые увеличили размѣръ стараго дохода. Это увеличеніе дѣлалось въ мѣрѣ чрезвычайно различной. Иногда оно достигало очень большихъ размѣровъ. Приведемъ два примѣра. Старая собственница, Настасья, жена Ивана Григорьева, брала съ деревни въ 4 двора и въ 15 коробей посѣва—10 гривенъ, а съ другой деревни въ 3 двора и въ 20 коробей посѣва—9 гривенъ съ полу деньгой; новый помѣщикъ, Григ. Вас. Картамазовъ, сталъ получать съ первой деревни—17 грив. и 8 ден., а со второй — 19 грив. и $2^1/_2$ деньги, III 113. Громадное увеличеніе, достигающее 100 %; несмотря на это, крестьяне остались на своихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что 3 и 4 двора, составлявшіе эти деревни, были населены родственниками и людьми зажиточными, которые вели общее хозяйство. Чтобы не ломать хорошо обставленнаго хозяйства, они и согласились на прибавку. Свободой перехода пользовались далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться людямъ, стоящимъ далеко отъ крестьянскаго дѣла. И теперь есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ переходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и не замѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ — далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Для точнаго отвѣта на вопросъ о передвиженіи крестьянъ вообще и по случаю перемѣщенія владѣльцевъ, новогородскія писцовыя книги даютъ богатый матеріалъ, который тоже ждетъ еще разработки.

Для полноты картины замѣтимъ, что 2—3 помѣщика ввели новые виды чрезвычайныхъ доходовъ. Васюкъ Григ. Чеховъ ввелъ какой-то новый сборъ за повозъ. Объ немъ писецъ говоритъ: „А Васка взялъ впервые лѣта 7004 съ 20 обежъ за повозъ, съ обжи по 4 денги". I 55. Ивашка Широносовъ и Ивашка Корсаковъ брали съ своихъ крестьянъ доходъ за какое-то „постоаніе", II 312, 313. Вотъ и всѣ новости московскихъ людей. Трудно думать, что новогородское хозяйство не было ихъ собственнымъ хозяйствомъ.

Но великій князь Иванъ Васильевичъ не все раздавалъ помѣщикамъ, значительную часть конфискованныхъ имѣній онъ оставилъ за

собой. Въ хозяйствѣ этихъ деревень произошли большія перемѣны, имѣвшія важныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ, оставленныхъ за великимъ княземъ, новый доходъ опредѣляется не по деревнямъ, а для всей волости сведенаго боярина. Этотъ новый доходъ называется „оброкомъ" и почти всегда переводится на деньги. Великій князь получаетъ только деньги; къ нему не идетъ ни поспъ, ни доля урожая, ни мелкій доходъ. Изъ этого порядка встрѣчаются исключенія, но очень рѣдко. Крестьяне платятъ „оброкомъ", отсюда и волости стали называться оброчными. Къ этому оброку иногда причитаются обежныя деньги, иногда нѣтъ. При сличеніи оброка со старымъ доходомъ, цифры иногда почти сходятся, иногда оброкъ меньше стараго дохода, иногда больше [1]). Но не величина оброка важна въ данномъ случаѣ, а иной способъ его исчисленія: оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. Этимъ создается у насъ впервые крестьянская волостная община. Какъ бы ни былъ оброкъ по суммѣ близокъ къ старому доходу, онъ всегда другой или потому, что въ имѣніи измѣнилось число дворовъ, или потому, что къ оброку прибавлена обежная плата, которая прежде вовсе не входила въ доходъ. Угодья старыхъ владѣльцевъ записываются теперь за ихъ крестьянами и облагаются особымъ оброкомъ тоже огульно, на всю волость. Во всѣхъ этихъ новостяхъ надо разобраться. Прибавки надо какъ-нибудь распредѣлить по дворамъ, угодья тоже, пустые дворы тоже. Это все новые вопросы, которые должны быть теперь разрѣшены всѣми крестьянами волости сообща. Прежде не было такихъ общекрестьянскихъ вопросовъ. Теперь они появляются. Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину. Она появляется здѣсь впервые въ самомъ концѣ XV вѣка.

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько старыхъ доходовъ, переведенныхъ въ оброкъ. Имѣніе въ 8 деревень приносило стараго дохода 13 гривенъ, оброкъ $14^1/_2$ грив. и со включеніемъ обежной дани. Имѣніе въ 8 деревни, считая доли въ общихъ деревняхъ, старый доходъ 8 грив., оброкъ и съ обежной данью—$6^1/_2$ грив. Имѣніе въ 2 деревни, старый доходъ 3 грив. 2 д., оброкъ и съ обежной данью $2^1/_2$ грив. Имѣніе въ 37 деревень, старый доходъ—$9^1/_2$ руб., 1 грив. и 2 д., оброкъ 5 руб. 2 грив. 1 д., но безъ обежной дани. Имѣніе въ 181 деревню, старый доходъ $10^1/_2$ руб., 11 грив., $10^1/_2$ денегъ, оброкъ 18 руб., $2^1/_2$ грив., $1^1/_2$ д., безъ обежной дани. Имѣніе въ 50 деревень, старый доходъ 4 руб. $2^1/_2$ грив., оброкъ—$9^1/_2$ руб. и 6 д. со включеніемъ обежной дани, такъ платили по первой описи, а по настоящей назначено 11 руб. съ причисленіемъ сюда и платы за рыбную ловлю. Имѣніе въ 74 деревни, старый доходъ — 12 руб. $4^1/_2$ грив.; оброкъ — $11^1/_2$ руб. $1^1/_2$ грив. и 5 д. безъ обежной дани. I. 40, 130, 157, 177, 216, 394.

Что же это за общины, какъ онѣ велики? Каждое конфискованное имѣніе или, какъ тогда говорили, каждая волость и волостка составили особую общину. Были большія общины въ 50, 70, 100 и болѣе деревень, и маленькія въ 2—3 деревни. Иногда нѣсколько боярскихъ волостей соединялись въ одну волость великаго князя. На первыхъ порахъ онѣ, конечно, еще не завели того общиннаго хозяйства, которое составляетъ такую гордость нашихъ общинниковъ; это хозяйство явилось послѣдствіемъ нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ рѣчь будетъ на своемъ мѣстѣ. Но въ моментъ составленія вторыхъ описей, которыя находятся у насъ въ рукахъ, уже появились и земли и воды, которыми пришлось распоряжаться крестьянскимъ общинникамъ, и появилась необходимость распредѣлять между собою платежи съ этихъ земель и водъ [1]).

[1]) Вотъ примѣръ новаго порядка крестьянскихъ платежей. Въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Никольскомъ-Будковскомъ, нѣсколько боярщинъ соединено вмѣстѣ въ одну волость. По описаніи отдѣльныхъ деревень съ обозначеніемъ стараго дохода, читаемъ: „И всего оброку положено на ту волость денгами и за хлѣбъ и за намѣстничь кормъ 19 рублевъ съ полтиною и 4 гривны и полъ четверти денги, то и съ поземщикомъ, опричь обежныя дани“. А далѣе: „А пустошей и селищъ и луговъ въ той волости разныхъ же бояръ: (слѣдуетъ перечисленіе), а даны тое же волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ“. Наконецъ: „А великаго князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывати межъ собѣ по пашнѣ“. III 278—291.

Здѣсь мы наблюдаемъ случай: 1) созданія великимъ княземъ новой волости изъ разныхъ боярщинъ, 2) надѣленіе крестьянъ этой волости землями и угодьями прежнихъ бояръ, 3) обложеніе этихъ крестьянъ, которые прежде ничего не имѣли общаго,—оброкомъ въ общей суммѣ, который они должны сами раскладывать между собой по количеству воздѣлываемой каждымъ земли.—О равенствѣ воздѣлываемыхъ участковъ пока еще нѣтъ рѣчи. Но и это современемъ придетъ.—До введенія этихъ новыхъ порядковъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ. Единственное общее дѣло, какое создавали себѣ волости въ старое время, состояло въ наймѣ пустыхъ деревень. Но и это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Мы замѣтили два случая и то въ монастырскихъ и церковныхъ волостяхъ. I 176, 210. Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обежной дани. Обежная дань клалась на цѣлую деревню, а въ деревнѣ могли быть дворы, которые вели особое хозяйство, могли быть поземщики, которые хотя пашни не имѣли, но пользовались выгономъ, землей подъ огороды и дворы, а потому могли быть тоже привлекаемы къ платежу. Раскладка обежной дани составляла общее дѣло всей деревни. За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Необходимо отличать вопросы общаго управленія и землевладѣнія. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь

Кромѣ оброчныхъ великаго князя крестьянъ, въ новогородскихъ пятинахъ появились въ то же время дворцовые крестьяне. Они называются такъ потому, что приписаны ко дворцу великаго князя и состояли въ особомъ управленіи. Ихъ вѣдалъ дворецкій, которому и сообщались переписныя книги этихъ крестьянъ. Вотъ почему дворцовыя земли и не описывались вмѣстѣ съ оброчными. съ отданными въ помѣстья и съ своеземцевыми землями.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, приписанныхъ ко дворцу, существенно отличались отъ оброчныхъ. Это тѣ, которые работали на великаго князя, пахали на него особую пашню. До конфискаціи — барщина явленіе довольно рѣдкое. Съ конфискаціей барщина распространяется. Но она не освобождала крестьянъ и отъ оброка; они продолжали платить за хлѣбъ, т.-е. за прежній доходъ. У дворцовыхъ барщинныхъ крестьянъ возникло, такимъ образомъ, еще свое особое общее для всей крестьянской общины дѣло: распредѣленіе общихъ работъ. Но пашню пахали нѣкоторые только дворцовые крестьяне, другіе оставались на одномъ оброкѣ. А потому и дворцовые крестьяне называются „оброчными". Какъ оброчныя, такъ и приписанныя ко дворцу населенныя крестьянами земли раздаются въ помѣстья [1]).

Таковы нововведенія для крестьянъ, оставленныхъ великимъ княземъ за собой. Эти нововведенія были новостью для новогородскихъ крестьянъ, но не для крестьянъ великаго князя. Къ конфискованнымъ имѣніямъ эти нововведенія, конечно, давно уже примѣнялись въ Москвѣ. Они не были выдуманы для Новгорода. Управленіе княжескими деревнями тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ въ господскихъ имѣніяхъ, было очень неудобно: оно отличалось крайней сложностью

общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо цѣловальниковъ и т. д. Но все это возможно и безъ поземельной общины.

[1]) Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописной книги дворцовыхъ волостей, содержаніе которой мы привели въ первой статьѣ.

4. А пашутъ тѣ крестьяне (дворцовые) на великаго князя 24 десятины. А оброку на нихъ за обежную дань и за хлѣбъ 3½ руб. новогородскихъ.

36 об. Царя и великаго князя села и деревни дворцовыя, которыя царя и великаго князя пашню пашутъ и которыя не пашутъ.

45 об. Въ Корыстынской волости села и деревни великаго князя дворцовыя оброчныя.

251. Книги дворцовыхъ волостей Шелонской пятины письма Матв. Ив. Валуева, лѣта 7007, которыя приписаны ко дворцу ново.

248. Обжи, приписанныя ко дворцу, пожалованы въ 7048 г. Якову и Андрею Квашнинымъ къ ихъ старому помѣстью.

и очень затрудняло контроль. Правительству легче было имѣть дѣло съ общинами, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами, и оно, конечно, замѣняло старый порядокъ новымъ, какъ только въ рукахъ его стали сосредоточиваться значительныя владѣнія. Поэтому первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку.

Новгородскія дворцовыя села и деревни были очень удалены отъ Москвы. Это удаленіе должно было отразиться и на сборахъ съ нихъ; сборы эти были здѣсь очень упрощены. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, ближе расположенныхъ къ Москвѣ, они гораздо болѣе приближались къ обыкновенному господскому доходу. Вотъ для примѣра доходъ съ дворцоваго имѣнія Тверского уѣзда: „А оброку крестьянамъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовый приказъ, 6 руб. и 7 алт. съ денгою, да носопнаго хлѣба 55 четьи ржи, 23 четьи овса; да мелкаго доходу платить во дворецъ: съ выти по барану, по полтю мяса свинаго, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куровъ, по 40 яицъ, по сожени дровъ, по копнѣ сѣна“ и т. д. II 293. Знакомая намъ картина. Московскій государь получаетъ со своихъ крестьянъ совершенно такой же доходъ, какой получали и новогородскіе своеземцы. Тутъ и деньги и носпъ и мелкій доходъ, только исчисляется онъ иначе, онъ идетъ не съ деревень, а съ вытей. Но о вытяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь же насъ интересуетъ только то, что и въ Москвѣ княжеское хозяйство конца XVI вѣка имѣетъ всѣ свойства новогородскаго боярскаго XV-го. Могло ли быть построено на иныхъ началахъ хозяйство московскихъ вотчинниковъ, тверскихъ и иныхъ удѣловъ? Это очень сомнительно. Домосковская старина вездѣ одна и та же. Она далеко заходитъ и въ московское время.

Крестьянскія деревни могли пустѣть и въ силу права свободы крестьянскаго перехода и по другимъ причинамъ. Спрашивается, что дѣлали владѣльцы съ такими временно опустѣвшими деревнями? Пользованіе такими пустыми деревнями было очень различно. Иногда владѣльцы пахали ихъ на себя — наѣздомъ, т.-е. не заселяя ихъ, а посылая на эти земли въ рабочее время своихъ людей. Такія извѣстія имѣемъ о помѣщикахъ, но то же, по всей вѣроятности, дѣлали и новогородскіе бояре [1]). Случалось, что владѣльцы отдавали такія де-

---

[1]) I 546—547, II 385, 797, 866.

ревни желающимъ крестьянамъ, которые тоже пахали ихъ наѣздомъ [1]).

[1]) I 546 и сл., II 488, 738.

Въ описи Деревской пятины находимъ такое извѣстіе: „Деревня Трофимово, дворъ Родивоникъ Прокошевъ, пашетъ половину той деревни...; а другую половину той деревни пашетъ Якимко Лахновъ наѣздомъ" I 536. Якимко Лахновъ снимаетъ въ этой же волости цѣлую деревню Ѳедосьино, гдѣ у него дворъ, въ которомъ онъ живетъ, и 3 коробьи посѣва ржи. Но ему этого мало, и онъ снимаетъ еще полъ сосѣдней деревни. Новое доказательство того, что даже въ небольшихъ деревняхъ крестьяне ведутъ не общее, а разное хозяйство. И этого Лахнову мало. При описаніи слѣдующей деревни читаемъ: „Селище Жатово а пашутъ его тѣ же крестьяне на розъемъ"... Тѣ же крестьяне, Прокшевъ и Лахновъ, пашутъ деревню на разъемъ. Это значитъ, деревня пуста и воздѣлывается жителями сосѣднихъ деревень „на разъемъ", т. е. кто себѣ что взялъ. Это тоже пашня наѣздомъ, ибо Лахновъ живетъ въ дер. Ѳедосьино, а Прокошевъ въ Трофимовѣ, гдѣ у нихъ свои дворы. Лахновъ и Прокошевъ и въ дер. Трофимово и въ селищѣ Жатово ведутъ разное хозяйство, а не общее, и каждый изъ нихъ платитъ особо за наемъ земли, а между тѣмъ эта плата показана для обоихъ въ общемъ итогѣ. Ясное указаніе на то, что писцы складываютъ вмѣстѣ разныя хозяйства.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси высказываетъ такое мнѣніе о пашнѣ наѣздомъ. „Пахать землю наѣздомъ значило эксплуатировать ее не разсчетливо, хищнически, безъ правильнаго сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣзжей пашнѣ: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, не подлежащей обложенію налогами... Кромѣ того, нерѣдки и прямыя указанія источниковъ на пахоту наѣздомъ, какъ явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія. Ограничимся однимъ примѣромъ: по акту 1501 г. одинъ монастырь владѣлъ въ Переяславскомъ уѣздѣ 13 деревнями; эти деревни „запустѣли небреженіемъ прежнихъ игуменовъ, потому что прежніе игумены тѣ монастырскія земли пораздовали въ оброкъ приказнымъ людямъ, сокольникамъ и конюхамъ; и тѣ приказные люди тѣ деревни пахали наѣздомъ и отъ того тѣ ихъ села и деревни позапустѣли". 64.

Все это разсужденіе, хотя оно пошло уже въ научный оборотъ и приводится въ назиданіе читателя почтенными критиками г. Рожкова, есть плодъ недоразумѣнія, проистекающаго отъ неправильнаго пониманія источниковъ. „Пашня наѣздомъ" вовсе не обозначала нѣкотораго регрессивнаго способа обработки земли. Крестьянинъ Лахновъ, конечно, совершенно такъ же обработывалъ землю въ дер. Трофимово и Жатово, какъ и въ дер. Ѳедосьино. Разница въ томъ, что дер. Ѳедосьино онъ нанималъ цѣликомъ и тамъ жилъ, а въ двухъ другихъ деревняхъ онъ бралъ только участки земли и тамъ никто не жилъ, онѣ были пустыя, а потому и могли быть разобраны по частямъ и воздѣлываемы наѣздомъ. Деревни запустѣли не потому, что тамъ было регрессивное хозяйство, а потому что крестьяне ушли. Регрессивное же хозяйство могло быть и не въ пустыхъ деревняхъ, а при наличности крестьянъ, если они плохо воздѣлывали землю. Къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, писцы причисляютъ не плохо воздѣланную, а не населенную:

Духовныя учрежденія также отдавали пустыя деревни крестьянамъ [1]).

Это все, надо полагать, новогородская старина. Новость, можетъ быть, представляетъ слѣдующій случай. Кн. Юр. Конст. Оболенскій между разными волостками получилъ и волостку Кузьмы Перебатаго; въ одной изъ деревень этой волостки прежде жилъ самъ Кузьма. Она не понадобилась князю Оболенскому для житья, и онъ велѣлъ пахать ее на себя „згономъ крестьянъ" I 356. Половину другой деревни пахалъ на себя наѣздомъ крестьянинъ той же волостки. Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ мы встрѣтили „сгонъ" крестьянъ. Не надо ли подъ сгономъ понимать крестьянскую „помочь" и теперь хорошо извѣстную?

Второй способъ извлеченія дохода землевладѣльцами заключался въ сдачѣ небольшихъ участковъ земли подъ дворы лицамъ, не занимавшимся хлѣбопашествомъ. Такими съемщиками были люди очень разныхъ профессій и очень различнаго соціальнаго положенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь торговыхъ людей и разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ: рыболововъ, епанечниковъ, кузнецовъ, кровопуска, солеваровъ, сапожниковъ, а рядомъ съ ними и людей, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія, напримѣръ, казаковъ [2]). Такъ какъ эти люди занимались своими промыслами и ремеслами, а не хлѣбопашествомъ, то въ писцовыхъ книгахъ они, обыкновенно, обозначаются подъ именемъ „непашенныхъ людей", при чемъ не всегда,

---

она могла быть и хорошо воздѣлываема, да теперь брошена и не населена. „Приказные люди пахали монастырскія деревни наѣздомъ и отъ того они запустѣли". Совершенно вѣрно, но только это значитъ не то, что думаетъ авторъ. Приказные люди взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переѣхали въ нихъ жить, такъ какъ они имѣли уже опредѣленное мѣсто жительства; они наѣзжали только для обработки земли. Вотъ что значитъ деревни „позапустѣли". Этого бы не случилось, если бы они поселили тамъ крестьянъ, хотя бы эти крестьяне работали и хуже приказныхъ людей, пахавшихъ наѣздомъ.—Почтенный авторъ очень далекъ отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей спеціальностью.

[1]) Архангельскіе попы, которымъ принадлежали двѣ волости Смерда, въ одной изъ нихъ сдавали пустую деревню крестьянину сосѣдней деревни, Исаку Ескину; тутъ же обозначенъ и доходъ, который они получили съ него; а въ другой волости сдавали 8 пустыхъ деревень—всей волости. I 504, 176. Воскресенскій монастырь сдавалъ въ небольшой волости въ 7 деревень — одну пустую деревню тоже всей волости. I 210. Важитскій-Никольскій монастырь сдавалъ свою пустошь не всей волости, а двумъ деревнямъ III 56.

[2]) I 457, 816; II 686, 751; IV 125, 536; *Временникъ* XI 33—42, 130, 341.

однако, говорится, чѣмъ же собственно они занимаются; даже чаще не говорится. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они непашенные люди. Занятіе же какимъ либо ремесломъ или промысломъ не составляло существеннаго ихъ признака. Тѣми же промыслами и ремеслами занимаются и пашенные крестьяне. Среди нихъ мы даже замѣтили бо́льшее разнообразіе ремеслъ; между крестьянами мы встрѣтили: кузнецовъ. бочечниковъ, швецовъ, ведерниковъ, гончаровъ, овчинниковъ, деготниковъ. лучниковъ, сѣдельниковъ, ямщиковъ и домниковъ (отъ домница—печь). Полагаемъ, что это различіе случайное. Писцамъ не было надобности обозначать, чѣмъ именно занимается пашенный или непашенный человѣкъ. Непашенный человѣкъ болѣе чѣмъ пашенный нуждался въ какомъ-нибудь промыслѣ. ибо онъ долженъ былъ и прокормить себя и заплатить за наемъ земли. а между тѣмъ писцы весьма рѣдко обозначаютъ этотъ промыселъ.

Включая въ себя съ одной стороны торговцевъ, рыболововъ, соледобытчиковъ и подобныхъ имъ, а съ другой — казаковъ. не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и существовавшихъ, можетъ быть, сельскими работами на сосѣднихъ господскихъ и крестьянскихъ земляхъ, безпашенные люди представляли очень пестрый классъ; между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные. Въ писцовой книгѣ Шелонской пятины читаемъ: „Да за Митею же (помѣщикъ, Татищевъ) живутъ худые люди безъ пашни, на поземѣ: дворъ Якушъ Степановъ, сапожникъ, дворъ Ивашка Миниxъ, казакъ, дворъ Лукерка проскурница“. Въ обществѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ лаптяхъ или на босу ногу, сапожникъ, конечно, не могъ очень разбогатѣть.

Но худые или нѣтъ были безпашенные люди, они всѣ платили владѣльцу за наемъ земли; эта плата носила наименованіе позема, дворы ихъ — назывались поземными, а сами они поземщиками (Ш 279, 290). Плата, обыкновенно, опредѣлялась деньгами и съ каждаго двора особо, но приводилась въ итогахъ для всѣхъ дворовъ. Худые поземщики помѣщика Татищева платили ему за 3 двора 7 денегъ. А были и хуже ихъ: Ѳеклѣ Марковой поземщики платили по 1 деньгѣ съ двора (1508). Помѣщику Ст. Порховскому четырнадцать дворовъ платили позему 4 гривны 6 денегъ, съ двора по $4^1/_2$ деньги; это уже значительная плата. Надо думать, что у этихъ поземщиковъ былъ же какой-нибудь промыселъ, а писцы вовсе не нашли нужнымъ сказать, чѣмъ они занимались, III 424. Фил. Логиновъ, торговый человѣкъ, сѣлъ на церковной землѣ безъ пашни; за свой дворъ онъ платилъ

попу позему двѣ гривенки темьяну; да еще съ рядовичами, что на рѣкѣ на Ижорѣ, давалъ въ ихъ оброкъ двѣ деньги. Врем. XI 341. У Ѳеодоры, жены Вас. Глазоемцева, въ одной деревнѣ, кромѣ крестьянъ, было 4 безпашенныхъ двора, въ которыхъ жили кузнецы. Они платили за дворы 5 грив. 10 денегъ, съ двора по 1 грив. 6 денегъ. Крестьяне той же деревни, съ посѣвомъ въ 5 коробей на дворъ, платили съ двора только на 9—10 денегъ больше этихъ безпашенныхъ людей (III 503). Кузнецы, жившіе въ деревнѣ г-жи Глазоемцевой, были очень зажиточные люди, богаче многихъ крестьянъ.— Поземщики занимались иногда и пашней. Въ Деревской пятинѣ, на погостѣ у св. Егорія, на землѣ, конфискованной великимъ княземъ у Ивана Маркова, было 8 дворовъ поземщиковъ, за эти дворы они платили великому князю поземъ. Но кромѣ того, они пахали сосѣднее селище на разъемъ, т.-е. сколько кому было нужно. I 412.

Для полноты картины замѣтимъ, что поземщики въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахатная земля, а они люди не пашенные. Но это не значитъ, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ — рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежную дань“ [1]).

Изъ того, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежныя деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распредѣляли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли ого-

---

[1]) *Временникъ* XI 33, 42; XII 74.

На стр. 341 *Временникъ* XI читаемъ: „Великаго князя рядокъ у Клетей, на рѣцѣ на Ижорѣ, отъ Невы 7 верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ (идетъ перечисленіе 8 дворовъ), а оброку давали по старому писму 12 грив. А новаго оброку положено на нихъ за обежную дань и за намѣстничь кормъ полтина“.

На 181 стр. *Временника* XII непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи.

Въ Шелонской пятинѣ въ погостѣ Опоцкомъ на конфискованной великимъ княземъ у Ростокина монастыря землѣ сидѣло 12 дворовъ не пахотныхъ людей. Они промышляли торгомъ и извозомъ. Еще до конфискація за дворы они платили въ монастырь поземъ, а за промыслъ давали великому князю 2 гривны. IV 162.

роды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ. Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались однодеревенцами къ участію въ платежѣ обежной дани? Такъ какъ безпашенные рыболовы съ своихъ промысловъ платили даже особый оброкъ вмѣсто обежной дани, то мы не видимъ причины, почему бы пашенное населеніе деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ отъ участія въ уплатѣ обежной дани. Между непашенными были и очень бѣдные; если эти „худые люди“ и не привлекались къ платежу обежной дани, что возможно, это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе.

Московскіе писцы половины XVI вѣка, переписывая тѣ же новогородскія земли, начинаютъ наряду съ „непашенными людьми“ и „поземщиками“ употреблять новое слово „бобыли“. Что бобылями они называютъ тѣхъ же непашенныхъ людей, это видно изъ того, что ихъ бобыли, какъ и поземщики, даютъ господамъ „поземъ“ (IV 288, 293). Но такъ какъ въ этихъ позднѣйшихъ книгахъ доходъ по деревнямъ не указывается, а только въ итогахъ, то и о бобыляхъ въ большинствѣ случаевъ говорится коротко: а бобылей дворовъ столько то, безъ пашни. Итакъ, бобыль это новое московское наименованіе для тѣхъ же безпашенныхъ людей, которые нанимаютъ землю подъ дворы. Среди этихъ бобылей мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ кузнецовъ, рыболововъ и пр. (IV 416, 478, 509).

Эти позднѣйшія книги даютъ возможность нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія о непашенныхъ людяхъ. Между ними и теперь есть люди достаточные. Опоцкому монастырю бобыли платятъ по 1 грив. съ двора. Эти монастырскіе бобыли люди не пашенные, но они берутъ у монастыря землю изъ оброку и пашутъ ее наѣздомъ [1]). Это значитъ, что они живутъ не на нанятой землѣ, а въ монастырской деревнѣ; а на взятую въ оброкъ землю только наѣзжаютъ для сельскихъ работъ. То же дѣлаютъ и крестьяне, принанимая землю въ чужихъ деревняхъ; по занятіямъ бобыли, иногда, тѣ же крестьяне. Чѣмъ занимаются монастырскіе бобыли въ деревнѣ, гдѣ живутъ, этого, къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ.

Изъ только что приведеннаго свидѣтельства видно, что бобыли

---

[1]) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ, Прилож. стр. 116.

занимаются пашней; а съ другой стороны, конечно, и крестьяне могутъ нанимать дворовыя мѣста, оставаясь крестьянами [1]).

Въ писцовыхъ книгахъ московскихъ уѣздовъ XVI вѣка встрѣчаемъ оба термина, и непашенныхъ людей и бобылей. Подъ этими названіями появляются тѣ же ремесленные и промышленные люди, что и въ Новгородѣ: швецы, сапожники, кузнецы, пастухи, калачники, земскіе дьячки и даже кабатчики, а между ними и бѣдныя вдовы.

Въ описяхъ дворцовыхъ крестьянъ XVI вѣка встрѣчаемъ указанія и на обложеніе непашенныхъ людей повинностями. Напримѣръ: „С. Борки... дворъ непашенный, а живетъ въ немъ сапожникъ, а оброку съ него въ годъ гривна, пошлинъ денга“ II 313. При описаніи села Лотошина Микулинскаго уѣзда находимъ и любопытное разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей: „и писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятся, а прежде сего были въ оброкѣ жъ, а платили оброку на годъ по 46 алтынъ по 4 денги, а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовой Приказъ, за ямскія и за приметныя денги, и за мелкій доходъ, и за иныя за всякія подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по 5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинъ дворецкаго и дьячихъ 4 алт. съ полуденгой, съ рубля по 10 ден.; а съ волостными имъ людми, съ пашенными крестьяны, съ селчаны и съ деревенщики, не тянути... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по животомъ и по промысломъ и по дворомъ“. II 335. На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя деньги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ, то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обежною данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По Сотной

---

[1]) Любопытное указаніе на такое соединеніе крестьянства и бобыльства въ одномъ лицѣ находимъ въ напечатанной В. Н. Сторожевымъ Сотной грамотѣ дворцоваго села Вологодскаго уѣзда 1592 года. Тамъ описаны сперва пашенные крестьянскіе дворы; въ числѣ владѣльцевъ одного такого двора показанъ Олешка Терентьевъ. А затѣмъ идетъ описаніе дворовъ, мѣстъ дворовыхъ и огородовъ, но безъ пашни. Одно такое мѣсто дворовое и одно мѣсто огородное показаны за тѣмъ же Олешкой Терентьевымъ. Онъ въ одно и то же время и крестьянинъ и бобыль. Волог. Губ. Вѣд. за 1898 г. № 23. Въ этой Сотной рѣчь идетъ о непашенныхъ дворахъ, съ нихъ берутъ поземъ, терминъ бобыль не употребляется, все это—какъ въ Новог. писц. книгахъ конца XV вѣка. Я никогда не видалъ Волог. Губ. Вѣд. и, конечно, ничего бы этого не зналъ, если бы почтенный В. Н. Сторожевъ любезно не сообщилъ мнѣ оттиска напечатанной имъ грамоты.

1627 года крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашнѣ и по угодью", а бобылямъ „по промысломъ и по животомъ". Неволинъ, Прилож. 131.

Но почему писцы XVI вѣка стали замѣнять старые термины, непашенные люди и поземщики, совершенно опредѣленные и ясные, новымъ—бобыли, и что значитъ бобыль? Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это — одинокій, бѣдный человѣкъ. Примѣненіе такого термина для обозначенія непашенныхъ людей вообще — свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неточности писцовъ XVI вѣка. Непашенные люди не были же непремѣнно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ. Какъ же пришли писцы къ такому не совсѣмъ правильному обобщенію? Писцы были московскіе люди, а потому возникаетъ вопросъ, не имѣло ли какого особаго значенія въ Москвѣ слово бобыль? На этотъ вопросъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ документы, напечатанные г. Дьяконовымъ въ I выпускѣ Актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Эти документы составлены въ XVII вѣкѣ, но порядокъ, о которомъ они свидѣтельствуютъ, не новый, а старый; они говорятъ намеками объ отношеніяхъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ и, конечно, давно установившихся. Мы имѣемъ въ виду порядныя въ бобыли. Это удивительнѣйшіе документы.

Въ Москвѣ человѣкъ могъ сдѣлаться по договору бобылемъ, въ бобыли тамъ поступаютъ, и для этого даютъ на себя „бобыльскую оброчную запись", по которой обязываются „жить въ оброчныхъ бобыляхъ", вести себя тихо, смирно, корчмы не держать и т. д., бобыльской оброкъ платить и государевы всякія подати, по раскладу, тоже платить, и „всякое сдѣлье бобыльское съ бобыли дѣлать вмѣстѣ" № 35, 1644 годъ.

Ясно, московскій бобыль совсѣмъ не то, что новгородскій поземщикъ. Тотъ нанимаетъ подъ дворъ землю, на которой и живетъ, вотъ и все; онъ съемщикъ участка земли подъ дворовое строеніе. Московскій бобыль обязывается всякое сдѣлье дѣлать и оброкъ еще платить. Это не наемъ участка земли, а поступленіе въ услуженіе да еще съ обязанностью платить оброкъ. До сихъ поръ все ясно. Но тутъ же начинается и неясность. За что бобыль обязывается и служить и платить? Объ этомъ ни слова ни въ одной порядной! Сколько онъ долженъ платить оброку? — тоже не говорится. Какое онъ долженъ дѣлать сдѣлье? Въ приведенной порядной и объ этомъ

ничего не сказано. „Съ бобыли дѣлать вмѣстѣ“, вотъ какое сдѣлье. Намъ это непонятно; а тогда это было всѣмъ понятно и потому, конечно, что дѣло шло объ отношеніяхъ давно сложившихся, которыя и надобности не было опредѣлять ближе.

Удивительныя отношенія: всѣ обязанности на сторонѣ бобыля, а на сторонѣ господина только права. Положеніе хуже кабальнаго. Тотъ получаетъ деньги, а за % съ нихъ обязывается только служить; бобыль ничего не получаетъ, за то обязывается и служить и оброкъ платить и безсрочно; но господинъ не обязывается его держать, стало быть можетъ прогнать, когда захочетъ.

Другія порядныя прибавляютъ къ указаннымъ новыя черты. Изъ № 37 узнаемъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ. Это много разъясняетъ. Бобылю, значитъ, даютъ пристанище, его кормятъ, одѣваютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще далѣе отходитъ отъ новогородскаго поземщика. Жить во дворѣ господина, значитъ жить на чужихъ хлѣбахъ; новогородскіе же поземщики, хотя живутъ на чужой землѣ, но своимъ хозяйствомъ. Для помѣщенія московскихъ бобылей у господъ при ихъ дворахъ были особые бобыльскіе дворы, въ которыхъ бобыли и жили (№ 23). Отсюда, вмѣсто того, чтобы сказать „бью челомъ въ бобыли“, можно было сказать: „бью челомъ во дворъ“. Такъ и говоритъ Ѳедька Ивановъ, сынъ крестьянскій, что онъ „билъ челомъ во дворъ ко князю Ивану Елецкому“, а изъ послѣдующаго видно, что онъ порядился къ нему въ бобыли. № 51. Изъ того же № узнаемъ, что бобыли дѣлаютъ „пашенное и всякое господское дѣло“. Итакъ, московскій бобыль слуга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ и пашетъ, и коситъ, и лошадей стережетъ, и во дворѣ служитъ и т. д., онъ дѣлаетъ всякое господское дѣло, а дѣлу этому конца нѣтъ. Какъ же онъ еще оброкъ платитъ? Откуда взять денегъ на оброкъ, если все время отдано господину, а самъ бобыль ничего не имѣетъ: живетъ въ господскомъ дворѣ и ѣстъ господскій хлѣбъ? Въ № 51 находимъ выраженіе, которымъ можно воспользоваться для отвѣта и на этотъ—практически чрезвычайно трудный вопросъ.

№ 51 очень сложенъ по содержанію. Ѳедька Ивановъ, поступившій уже въ бобыли къ князю Ив. Елецкому, бьетъ ему челомъ во крестьяне, на крестьянскій участокъ, и по этому поводу говоритъ: „А пока мѣста я, Ѳетка, за нимъ, за князь Иваномъ, живу въ бобыляхъ... и пойду отъ него, князя Ивана, изъ двора, и мнѣ, Ѳеткѣ, давать

на всякъ годъ зъ бобылства по полтинѣ денегъ оброку за пашенно и за всякое ево дѣло". Это все объясняетъ.

Оброкъ является здѣсь только въ видѣ неустойки на тотъ случай, когда бобыль уйдетъ со двора господина и перестанетъ на него работать. Теперь понятно. Итакъ, условіе объ оброкѣ, который бобыль обязывается платить, въ дѣйствительности есть только предоставленіе господину права, въ случаѣ ухода бобыля, требовать съ него ежегодной платы! Это неустойка, но въ формѣ чрезвычайно невыгодной для бобыля. Она даетъ господину право сдѣлать изъ бобыля все, что угодно: онъ можетъ заставить его работать, а можетъ и на оброкъ посадить, а можетъ требовать и того и другого.

Надо думать, что на такихъ условіяхъ въ бобыли поступали очень бѣдные люди.

Но въ бобыли порядаются и мастеровые. Въ 1649 году къ Бог. Ив. Самарину порядился въ бобыли Ив. Ивановъ, портной мастеръ. Его порядная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приняты нѣкоторыя мѣры къ огражденію правъ бобыля. Онъ обязывается „за оброкъ" шить четыре недѣли въ году, съ Покрова Богородицы, на Самарина и его сына. Оброкъ здѣсь замѣненъ работой и совершенно опредѣленной не только по роду и времени, но даже и по лицамъ, въ пользу которыхъ работа совершается: онъ шьетъ только на Самариныхъ, отца и сына. Затѣмъ бобыль выговариваетъ себѣ свободу промышлять, гдѣ желаетъ „рукодѣліемъ портнаго мастерства". № 45. И здѣсь не сказано, за что онъ будетъ четыре недѣли работать на Самарина. Но ясно, что и онъ работаетъ вмѣсто оброка, т. е.—если не будетъ работать, то долженъ будетъ платить оброкъ. Оброкъ—опять неустойка.

Порядная другого портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плотника, написана безъ всякихъ оговорокъ какихъ-либо его правъ: онъ обязывается и оброкъ платить и всякое сдѣлье съ бобылями дѣлать. № 36.

Вотъ что такое московскіе бобыли. Это слуги, находящіеся въ худшемъ положеніи, чѣмъ кабальные люди. Но есть и черта сходства между ними. Кабальные, въ силу указовъ конца XVI вѣка, остаются въ зависимости только по смерть господина. Тоже и бобыли. Они даютъ „бобыльскую оброчную запись" извѣстному лицу и, конечно, со смертью его освобождаются отъ принятыхъ обязательствъ. Тутъ нѣтъ займа, а потому нѣтъ и основанія оставаться въ зависимости отъ наслѣдниковъ.

Надо теперь выяснить, что же заставляетъ московскихъ бобылей

ставить себя въ такія тяжелыя условія? Причины этому разныя, по различію людей, поступающихъ въ бобыли. Въ бобыли поступаютъ бѣдные люди, которымъ пить, ѣсть нечего;—и не бѣдные, напримѣръ, ремесленники, которые могутъ себя прокормить. Бѣдные люди, по безвыходности своего положенія, поступаютъ на полную волю господина. Но они сами выбираютъ господина; они знаютъ, къ кому поступаютъ; они, стало быть, имѣютъ увѣренность, что за избраннымъ господиномъ имъ будетъ все же лучше, чѣмъ на свободѣ. Вотъ почему они и отдаются на всю его волю.

Въ другомъ положеніи ремесленные и мастеровые люди. За что они продаютъ свою свободу? Какъ люди ремесленные, а не пашенные крестьяне, они принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ какому-нибудь рядку, посаду, городу и должны нести всѣ повинности наряду съ посадскими, денежныя и натуральныя; эти послѣднія повинности, состоявшія въ службахъ по кабацкимъ таможеннымъ дѣламъ и пр., были очень обременительны. Поступая на службу частнаго господина, бобыли не освобождаются отъ платы государевыхъ податей и, какъ мы видѣли, въ своихъ записяхъ берутъ на себя обязанность платить ихъ по раскладкѣ, но они уходятъ отъ службъ. Вотъ за что. надо думать, портной Иванъ Ивановъ принимаетъ на себя обязанность работать на гг. Самариныхъ четыре недѣли въ году. Остальное время у него все свободно; его не пошлютъ ни въ рогаточные сторожа, ни въ кабацкіе цѣловальники, ни въ таможни, ни въ проводники съ подводами и т. д. потому, что онъ живетъ въ бобыляхъ въ господскомъ дворѣ.

Мы имѣемъ еще одинъ удивительнѣйшій документъ. „Три посадскихъ человѣка города Ярославля поручились въ томъ, что бобыль стряпчаго Лар. Андр. Адищева, Ѳома Матвѣевъ, будетъ, за ихъ порукою, жить въ Ярославлѣ, никуда не съѣдетъ, ни за кого не заложится, а господину своему (Адищеву) будетъ платить по шести рублей оброку въ годъ“ № 65. Онъ будетъ платить за то, что будетъ жить въ Ярославлѣ! Чистѣйшій обходъ закона и ничего больше. Бобыль Ѳома Матвѣевъ будетъ жить въ Ярославлѣ, дѣлать все, что ему угодно, но какое онъ будетъ тянуть тягло и по какой раскладкѣ будетъ платить государевы подати, это не будетъ зависѣть отъ ярославцевъ, потому что онъ бобыль Адищева. Вотъ за что онъ будетъ платить стряпчему Адищеву шесть рублей ежегодно. Надо полагать, въ этомъ бобыльствѣ скрывается запрещенный институтъ закладничества.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ барщины, которая

въ XVII вѣкѣ должна была сдѣлать большіе успѣхи, было положено начало къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ бобылями: бобыль пашетъ на господина и крестьянинъ дѣлаетъ то же. Послѣдствіемъ этого явились порядныя въ бобыли и въ крестьяне безразлично. Въ 1645 году архіепископскій стряпчій „положилъ передъ владыкой порядную запись и поставилъ за записью жонку, вдову съ дѣтьми, и сказалъ: та вдова съ дѣтьми порядилась жить въ Троицкой вотчинѣ въ бобыляхъ или во крестьянехъ, гдѣ ей великій господинъ преосвященный псковскій и изборскій укажетъ“ № 34, 1645. А вотъ еще документъ. Старинный крестьянинъ рядится на старую свою деревню въ бобыли и обязывается пашню пахать, пожни косить, подати государевы платить и т. д., все, какъ крестьянинъ. А въ концѣ говоритъ: „и впредь я въ бобыльствѣ и во крестьянствѣ крѣпокъ“ № 18, 1630. Въ силу развитія господской власти уже въ половинѣ XVII вѣка теряется различіе между крестьяниномъ и бобылемъ: господинъ можетъ сдѣлать изъ бобыля крестьянина, а изъ крестьянина бобыля. А такъ какъ непашенные люди подати платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переписи выгодно показывать крестьянъ бобылями. Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 года предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню „кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“. Неволинъ, Приложеніе 375.

Московское бобыльство оказывается явленіемъ весьма сложнымъ. Почему же новогородскіе писцы XVI вѣка стали такъ называть поземщиковъ? Надо думать, что въ жизни между тѣми и другими были черты сходства. Юридически это два совершенно разныхъ состоянія: поземщики нанимаютъ небольшіе клочки земли, московскіе бобыли суть слуги, они обязываются ко всякимъ услугамъ и къ платежу оброка. Бѣдные новогородскіе поземщики, жившіе въ господскихъ деревняхъ, по всей вѣроятности, нанимались въ работы сельскія и всякія другія къ владѣльцамъ земли. Эти работы дѣлались по особому договору, а не въ силу того, что поземщики снимали небольшіе участки земли, но тѣмъ не менѣе они работали на господина. Вотъ фактъ, сближающій поземщиковъ съ московскими бобылями. Въ виду такого чисто внѣшняго сходства, московскіе писцы и примѣняли къ непашеннымъ людямъ терминъ бобылей.

Наконецъ, укажемъ и на то, что въ XVII вѣкѣ слово бобыль

употреблялось и въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ бѣдняка, которому ѣсть нечего. О такомъ бобылѣ говорятъ дозорныя книги Деревской пятины 1620 г., онъ „кормился въ мірѣ“ [1]).

Выяснивъ положеніе бобылей въ XVII вѣкѣ, остановимся ближе на двухъ-трехъ записяхъ писцовыхъ книгъ XVI-го. Изъ нихъ можно видѣть, что бобыли XVII вѣка существовали въ Новгородѣ и въ Москвѣ уже въ XVI. Въ описаніи сельца Гористова, гдѣ жили сами помѣщики, братья Шишкины, читаемъ: „А бобылей: дворъ человѣкъ ихъ, дьякъ Семенка, дворъ Ивашко поваръ, безъ пашни“. Что это за бобыли? Это несомнѣнно прислуга Шишкиныхъ, ихъ дьякъ и поваръ; но они не рабы, а свободные люди, бобыли; полагать надо, они поступили въ бобыли, дали на себя оброчную бобыльскую запись. У помѣщика Пустошкина также въ деревнѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, были 2 двора „людей его: дворъ человѣкъ его Васюкъ, дворъ Власка бобыль“. Люди—это холопы, человѣкъ Васюкъ—холопъ; Власка же отмѣченъ эпитетомъ бобыль, онъ, слѣдовательно, не холопъ, а служитъ по бобыльской записи; но такъ какъ онъ „слуга“, то писцы и его отнесли къ разряду „людей“ помѣщика.

Въ описи села великаго князя Семена Бекбулатовича Тверского, гдѣ онъ самъ жилъ, читаемъ: „за ручьемъ пять дворовъ: сокольника, мельника, тонкопрядицы, конюха, разсыльщика, а живутъ въ крестьянскихъ дворѣхъ, а пашня тѣхъ дворовъ была припущена въ великаго князя пашню“. Это тоже безпашенные люди; они бобылями не названы, но они тоже слуги великаго князя, хотя и не были его холопами.

---

[1]) У Неволина, 369.

Непашенные дворы бобылей упоминаются еще и въ описяхъ XVII вѣка. И. Н. Миклашевскій дѣлаетъ извлеченіе изъ описи Успенскаго монастыря (1652), въ которой упоминаются „58 дворовъ непашенныхъ бобылей“ и въ ихъ числѣ дворы: иконника, чеботарей, гончаровъ, кожевниковъ, бондарей, овчинника и даже масника, 135. Трудно сказать, кто это, непашенные люди въ смыслѣ поземщиковъ, или московскіе бобыли-слуги. Скорѣе послѣднее. Но въ описяхъ даже конца XVII вѣка можно встрѣтить бобылей совершенно въ смыслѣ новогородскихъ поземщиковъ конца XV. Въ переписной книгѣ Толвуйскаго погоста 1671 года читаемъ: „Деревня Николщина, а въ ней живутъ бобыли непашенные (2 двора), пашни нѣтъ, кормятся работою“. Явленія новогородскаго быта конца XV вѣка безъ всякихъ измѣненій доживаютъ до конца XVII. Московскіе писцы называютъ ихъ только своимъ словомъ, это бобыли, а въ старину писали непашенные люди. А. до Ю. Б. № 139, стр. 242. Приведенное свѣдѣніе беремъ изъ описи земель Никольскаго Вяжицкаго монастыря, которыя въ 1671 г. были конфискованы на великаго государя. Конфискація новогородскихъ земель продолжается и въ концѣ XVII вѣка.

На какомъ же основаніи они служатъ? Можно думать, тоже по бобыльской записи [1]). Въ описи Шелонской пятины конца XVI вѣка (1581) находимъ свидѣтельство о томъ, что на монастырской землѣ было дворцовъ безпашенныхъ 24 двора, что они даютъ оброку съ дворца по гривнѣ. а дѣлаютъ въ монастырь пять дней въ году. Здѣсь и оброкъ и дѣло, какъ въ XVII вѣкѣ, но дѣло очень небольшое. Эти бобыли гораздо ближе къ поземщикамъ XV вѣка, чѣмъ къ московскимъ бобылямъ XVII. Неволинъ, Приложеніе 116.

Для пополненія этой небольшой картины стариннаго сельскаго хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько ближе на его дѣятеляхъ. Мы уже знаемъ, что собственное хозяйство новогородцевъ и, въ значительной мѣрѣ, новыхъ владѣльцевъ—велось, главнымъ образомъ, руками холоповъ. Что̀ такое холопы и каково ихъ положеніе, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь насъ интересуетъ вопросъ о числѣ холоповъ и ихъ деревенской дѣятельности. Новогородскіе сведеные бояре и бояришки увели съ собою въ Москву своихъ людей, а потому писцовыя книги не сохранили свѣдѣній ни о числѣ ихъ, ни о дѣятельности. Описывая старое, они говорятъ коротко: „жилъ такой-то съ своими людьми", или „на такого-то пахали его люди", да, при перечисленіи стараго дохода, приводятъ доходъ ключниковъ, вотъ и все. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ они о людяхъ новыхъ владѣльцевъ. Мы ими и воспользуемся; существенныхъ различій тутъ быть не можетъ.

Наша древность отличается чрезвычайно незначительнымъ развитіемъ рабства. Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на это явленіе. Московскіе князья, умирая, обыкновенно, отпускаютъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ. Фактъ невозможный, если бы богатство князей обусловливалось рабскимъ трудомъ. Не отличается большимъ развитіемъ и рабство у частныхъ владѣльцевъ. Весьма нерѣдко весь холопскій составъ хозяйства новогородскихъ помѣщиковъ ограничивается однимъ—двумя дворами. Если считать на дворъ по 4 человѣка, получимъ на хозяйство отъ 4 до 8 холоповъ, считая стариковъ и дѣтей. Иногда число людскихъ дворовъ возрастаетъ до 5, 6, 8. У князя Семена Пріимкова было 6 дворовъ, у князя Ивана Пужбальскаго—8, у князя Дмитрія Пріимкова тоже 6, но это въ двухъ мѣстахъ, да у сыновей его, Баламута да Воина, по одному

[1]) Новогородскія писцовыя книги, IV 316, 407; ср. еще 257, 408, 430; Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, II 360.

двору. Такъ не великъ составъ холоповъ даже у лицъ княжескихъ фамилій.

Право имѣть холопа принадлежало всякому свободному, и мы встрѣчаемъ холоповъ не только у помѣщиковъ, но у посадскихъ и даже у крестьянъ. Въ Шелонской пятинѣ у помѣщиковъ Самариныхъ Квашниныхъ, Григорія и Степана Ивановичей, была деревня Песцово, въ два двора, въ одномъ дворѣ жилъ крестьянинъ Ивашко Якимовъ, а въ другомъ *его человѣкъ*, Митка. Но если у самихъ помѣщиковъ людей было немного, то у крестьянъ это случай чрезвычайно рѣдкій. Онъ встрѣчается, однако, и на Московской территоріи въ XVI вѣкѣ. Въ черной волости Тверскаго уѣзда была деревня Якимцово въ 4 двора, въ одномъ жилъ крестьянинъ Бориско, а въ другомъ „*Борисковы люди*“.

Это небольшое число слугъ было призвано къ самой разнообразной дѣятельности. Они служили въ домѣ господина, вели его переписку, управляли его деревнями, они же пахали, сѣяли, косили. У помѣщика Сома Линева въ числѣ слугъ были: дьякъ, поваръ, садовникъ. Къ сожалѣнію, такія отмѣтки писцовъ очень рѣдки. Можетъ быть, они скупы на нихъ потому, что въ описываемое время не было спеціализаціи должностей. Дьякъ, поваръ, садовникъ не только дѣлали свое дѣло, писали, разводили сады, стряпали, но въ рабочую пору пахали и косили. О перечисленныхъ трехъ именно сказано: „сѣютъ ржи на Сома 14 коробей“. Въ числѣ холоповъ были, конечно, и люди годные только для сельскихъ работъ; они отмѣчаются словомъ „страдникъ“, но и это не часто [1]).

Самое высокое положеніе среди слугъ занимали ключники, они же посельскіе, а иногда называются и тивунами. Ключники и тивуны извѣстны уже Русской Правдѣ. По общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходовъ съ крестьянъ, храненія сельскихъ продуктовъ и другихъ хозяйственныхъ дѣйствій. Живутъ они въ особыхъ дворахъ, нерѣдко пашенныхъ, и занимаются сельскимъ хозяйствомъ, но на себя, а не на господина. Они не облагаются никакимъ сборомъ въ пользу господина, а за свой трудъ по управленію получаютъ съ крестьянскихъ дворовъ особый доходъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли только одного управляющаго, ключника

[1]) I 27, 56, 88, 107, 118, 131, 194, 252, 263, 285, 353, 358, 470, 546, 574; II 19, 30, 43, 198; III 725; IV 437; Времен. XII 13. Дьяконовъ, Акты II № 70, 1642. Холопы называются страдниками и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ. Калачовъ II 126.

или посельскаго, другіе и ключника и посельскаго. Ключникъ, надо думать, стоялъ въ этихъ случаяхъ выше, у него—ключи; посельскій, можетъ быть, былъ нуженъ для разъѣздовъ по деревнямъ—и сбора повинностей на мѣстахъ. Доходъ этихъ управителей былъ очень различенъ. У новогородца Григ. Секерина ключникъ получалъ съ двора съ большимъ посѣвомъ 2 бараньихъ лопатки и 2 овчины, съ меньшимъ по одной; у купцовъ Шалимовыхъ ключникъ и посельскій получали съ большихъ посѣвовъ — по 1 и 3/4 коробьи ржи и овса, по 4 сыра, по 2 бараньихъ лопатки, по 4 горсти льну.—Въ описяхъ встрѣчается немало деревень, въ которыхъ этотъ доходъ вовсе не показанъ. Вѣроятно, тамъ не было ни ключниковъ, ни посельскихъ; а, можетъ быть, крестьяне исключали въ своихъ рядныхъ этотъ расходъ. Иногда прямо пишется „поселья нѣтъ".

Ключники и посельскіе, гдѣ они были, не непремѣнно назначались въ каждую волость, ихъ назначали и одного на нѣсколько волостей. Въ такихъ случаяхъ для нихъ устраивались особые дворы для пріѣзда [1].

Малое развитіе рабства дѣлало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у насъ въ древности преобладающей. За небольшимъ исключеніемъ 2—3 деревень, всѣ земли сдавались въ наемъ крестьянамъ. Наряду съ свободными людьми, которые вели полное крестьянское хозяйство, были и такіе, которые довольствовались наймомъ небольшихъ участковъ земли подъ дворы и огороды и кормили себя торговлей, ремеслами и промыслами. Живя въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ, гдѣ жили и землевладѣльцы, они своимъ трудомъ и услугами пополняли недостаточно развитой рабскій трудъ. Это поземщики и бобыли. Поземщики работали въ качествѣ наймитовъ. Наймиты извѣстны уже Русской Правдѣ. Она называетъ ихъ закупами.

Крестьяне, которые снимали чужія земли, также нуждались иногда въ помощникахъ. Они тоже могли обращаться къ рабскому труду, но это очень рѣдкіе случаи. Гораздо чаще находимъ указанія на обращеніе ихъ къ труду свободныхъ людей, которые сами не были въ состояніи вести своего самостоятельнаго хозяйства. Эти свободные люди, работавшіе въ чужомъ хозяйствѣ, встрѣчаются въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ подъ именемъ захребетниковъ.

---

[1]) I 26, 641, 708, 484, 851; III 28; Времен. XI 132.

Терминъ „захребетника“ чрезвычайно выразителенъ. Онъ указываетъ на человѣка не самостоятельнаго, а живущаго за чужимъ хребтомъ. Но что такое этотъ чужой хребетъ? Это символъ человѣка, который живетъ своимъ хребтомъ, т. е. гнетъ спину на работѣ, живетъ трудами рукъ своихъ. Это крестьянинъ или поземщикъ, но не своеземецъ, который живетъ доходомъ съ земли, не прикладывая къ ней рукъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчали захребетниковъ только у крестьянъ да поземщиковъ, а не у помѣщиковъ. Смотря по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ. Но не всегда крестьянинъ, нуждавшійся въ подспорномъ трудѣ, былъ въ состояніи имѣть своего отдѣльнаго захребетника. Не рѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника. Въ такихъ общихъ захребетникахъ надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. Эти общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ [1]).

Захребетники, конечно, жили у крестьянъ по порядным; они тоже наймиты. Но ни одна изъ такихъ порядныхъ не дошла до насъ, а потому условія ихъ найма остаются неизвѣстными.

Кромѣ захребетниковъ встрѣчаемъ еще подворниковъ. Это что-то очень пестрое. Они были и у крестьянъ, и у своеземцевъ, и у помѣщиковъ.

Подворники крестьянъ, надо думать, то же, что захребетники, только иначе названы. Они живутъ и въ однихъ дворахъ съ крестьянами и въ особыхъ, и состоятъ при одномъ хозяинѣ и при многихъ. Въ монастырской волосткѣ была деревня Захаровъ Дворъ. Въ этой деревнѣ было два двора, Васки Якушова да Ѳедки Захарова, и у нихъ пять подворниковъ, которые жили съ ними въ однихъ дворахъ. Ѳедоръ Захаровъ, конечно, устроитель деревни, которая по его имени и названа; Василій Якушовъ—его товарищъ. Они ведутъ общее хозяйство и довольно большое, у нихъ 98 пудовъ посѣва ржи, это составитъ для Деревской пятины отъ 8 до 12 десятинъ въ полѣ. Ихъ подворники, конечно, у нихъ работаютъ по найму, это тѣ же захребетники.

---

[1]) I 2, 10, 18, 42, 52, 53, 56, 64; II 707, 725, 728, 771; IV 162. Обыкновенно, писцы, назвавъ дворъ крестьянскій или нѣсколько дворовъ, продолжаютъ такъ: „а захребетникъ его“ или „а захребетникъ ихъ“. Но иногда захребетникъ называется безъ обозначенія чей онъ. Это, конечно, недописка. Захребетникъ всегда у кого-либо за хребтомъ.

Съ такимъ же характеромъ являются подворники и у нѣкоторыхъ своеземцевъ, напримѣръ, въ деревнѣ Исаково живутъ своеземцы Аверкіевы, 4 брата, въ одномъ дворѣ, а другой дворъ занимаетъ ихъ подворникъ, Палка, сѣютъ они ржи 11 коробей. Ихъ подворникъ, конечно, сѣетъ на нихъ. Но есть своеземцы, у которыхъ подворники пашутъ на себя и даютъ своеземцамъ доходъ, какъ и крестьяне. Есть монастырскіе дворы, въ которыхъ живутъ подворники и сѣютъ на себя; другіе подворники живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ и своеземцевыхъ и платятъ имъ поземъ [1]).

Связать всѣ эти факты въ одно цѣлое довольно трудно. Но коечто ясно. У крестьянъ подворникъ только другое названіе для захребетника. Почему захребетнику можно дать это другое названіе? Захребетникъ, хотя бы онъ жилъ и въ особомъ дворѣ, работаетъ на своихъ хозяевъ не только въ полѣ, но и въ ихъ дворѣ, работаетъ у нихъ по двору, отсюда онъ подворникъ.

Подворники своеземцевъ и помѣщиковъ, которые сѣютъ, пашутъ и даютъ доходъ и поземъ, могутъ быть поряжаемы и къ работамъ по двору, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ и поземщиковъ въ собственномъ смыслѣ слова; по этому признаку они и могутъ называться подворниками [2]).

Рядныя подворниковъ до насъ тоже не дошли.

---

[1]) I 13, 37, 215, 345, 681, 808, 810 и сл.; II 600.

[2]) Отъ подворниковъ надо различать дворниковъ. Эти послѣдніе встрѣчаются въ старыхъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи городовъ, но не селъ и деревень. Для уясненія ихъ роли характерно описаніе города Орѣшка. Тамъ есть дворы своеземцевъ на посадѣ, въ которыхъ живутъ сами своеземцы. Въ этихъ дворахъ дворниковъ нѣтъ. А есть тамъ же 19 дворовъ своеземцевыхъ же, но своеземцы въ нихъ не живутъ, они, по всей вѣроятности, живутъ въ деревняхъ; въ этихъ дворахъ живутъ дворники. Итакъ, эти дворники XV вѣка совсѣмъ не то, что петербургскіе XIX-го. Они не для работъ по двору, а живутъ во дворѣ и охраняютъ этотъ дворъ въ отсутствіе хозяина. Кто они? Они могутъ быть и холопы и свободные. При маломъ развитіи рабства, они въ большинствѣ случаевъ свободные люди. А житье свободныхъ промышленныхъ людей въ чужихъ городскихъ дворахъ можетъ подрывать промыслы тѣхъ кто живетъ въ своемъ домѣ. Они могутъ выдавать себя за зависимыхъ людей, за рабовъ, и не отбывать городского тягла. Вотъ почему объ этихъ дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится: „а дворники съ горожаны тянутъ". Времен. XI 113. Новог. пис. кн. I ст. 153 упоминаетъ дворника въ волости великаго князя въ старомъ боярскомъ дворѣ. Это мѣсто не ясно. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются дворники въ монастырскихъ дворахъ въ деревняхъ. Калачовъ II 328. Это то же, что Орѣховскіе дворники.

Можно сомнѣваться, чтобы въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ были обозначены всѣ захребетники и подворники, которые были въ дѣйствительности. Точному обозначенію количества населенія деревни писцами, кажется, не придавалось значенія. Въ опись деревни входитъ описаніе дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ, количества посѣва, обежъ, дохода владѣльца, а не населенія деревни, которое коротко представляется наименованіемъ однихъ домохозяевъ. При такомъ характерѣ описи, не было особой надобности вводить въ нее захребетниковъ и подворниковъ, особенно тѣхъ, которые жили въ однихъ дворахъ съ хозяевами. Въ дѣйствительности и захребетниковъ и подворниковъ, надо думать, было больше, чѣмъ въ книгахъ указано.

Обращеніе крестьянъ къ вольнонаемному труду можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ. Изъ одной псковской порядной въ бобыли, составленной въ 1628 году, узнаемъ, что „мужикъ", порядившійся въ бобыли, жилъ передъ тѣмъ нѣкоторое время у крестьянина. Какъ же онъ у него жилъ? Конечно, какъ захребетникъ или подворникъ [1]).

Теперь хорошо было бы выяснить доходность новогородскихъ имѣній и тягость или относительную легкость крестьянскихъ платежей. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи этого сдѣлать. Мы указывали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV-го вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ не достаточно убѣдительными [2]).

Крестьянскія повинности были чрезвычайно неравномѣрны. Даже у одного и того же владѣльца и въ одной и той же мѣстности одни крестьяне платили много, другіе, при томъ же количествѣ земли, мало: однимъ было тяжело, другимъ легко. Эта разрозненность крестьянскихъ интересовъ, можетъ быть, и была причиной, что до насъ не

[1]) Дьяконовъ, Акты I № 7.

[2]) См. объ этомъ статью проф. Ключевскаго, Русскій рубль XVI — XVIII вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему. Чтенія за 1884 г. кн. 1.

дошло отъ того времени никакихъ жалобъ на тягость крестьянскихъ повинностей. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я не могу припомнить никакихъ данныхъ въ этомъ смыслѣ.

Недовольство же землевладѣльцевъ своимъ положеніемъ оставило свой слѣдъ въ лѣтописныхъ запискахъ конца XV вѣка, т. е. какъ разъ того времени, когда составлялись новогородскія писцовыя книги. Но оно было высказано не новогородцами, а ихъ ближайшими сосѣдями, псковичами.

Въ 1485 году въ Псковѣ произошло острое столкновеніе между крестьянами (смердами) и землевладѣльцами. Изъ разсказа лѣтописца объ этомъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, можно, однако, вывести, что причиной столкновенія было желаніе землевладѣльцевъ установить урочныя работы, т. е. барщину. Надо думать, что имѣлось въ виду опредѣлить эти работы общимъ постановленіемъ и дать крестьянамъ „урокъ", т. е. законное опредѣленіе. Противъ этого возстали крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, биты, одинъ, а можетъ быть и болѣе, казнены, многіе заключены въ тюрьму. Въ это столкновеніе, по вызову псковичей, долженъ былъ вмѣшаться самъ князь великій, Иванъ Васильевичъ. Онъ выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ. Посламъ отъ бояръ онъ высказалъ свое неудовольствіе, велѣлъ имъ схваченныхъ смердовъ отпустить и „жить по старинѣ". Жить по старинѣ—т. е. безъ урочныхъ работъ, а такъ, какъ жили въ Новгородѣ и вездѣ.

Что введеніе урочныхъ работъ, т. е. барщины, было поводомъ къ столкновенію, это мы выводимъ изъ слѣдующаго невѣроятнаго разсказа лѣтописца. Послѣ того, какъ великій князь „отдалъ псковичамъ вины ихъ о смердахъ, нелюбье отложилъ и велѣлъ жить по старинѣ", вотъ какой случай, по разсказу лѣтописи, произошелъ во Псковѣ.

„И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкоему попу у Норовскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати; а о той грамотѣ смердьи всей земли смятенье бысть, что они, потаивши грамоти, не потягнуша на своя работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому, и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у попа изъ рукъ и скры". Вслѣдствіе этого поповскаго открытія законченное было столкновеніе бояръ со смердами снова разгорѣлось.

Что псковичи не знали, „како отъ начала бысть“, т. е., каковы были старинныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, это, конечно, дѣло невозможное. Весь этотъ разсказъ—есть сочиненіе сторонника боярской партіи, желавшей установить барщину. Но съ какою цѣлью надо было сочинить такой невѣроятный разсказъ? Это очень ясно. Великій князь, выслушавъ крестьянъ и увидавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество, велѣлъ жить по старинѣ. Сторонники урочныхъ работъ захотѣли доказать, что барщина есть старина. Отсюда — открытіе „нѣкоего попа“, имѣющее цѣлью доказать, что урочныя работы существуютъ „изъ вѣковъ вѣчныхъ по грамотѣ“. Только эта грамота въ руки не далась, смердъ ее изорвалъ. Объ открытіи „нѣкоего попа“ все-таки было доведено до свѣдѣнія великаго князя. Но онъ остался при прежнемъ мнѣніи. „И князь великій, ярымъ окомъ воззрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на тоже наступаете“? [1]). Тѣмъ и кончилось это столкновеніе. Время для всеобщей барщины еще не наступило.

Съ установленіемъ обязательной службы для своеземцевъ и вотчинниковъ и съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ этой службы, особенно сильно должны были почувствоваться землевладѣльцами неудобства описанныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Свои люди оказались нужными не только для пашни, работъ и услугъ по дому, но и для сопровожденія въ походахъ; а ихъ и для одного хозяйства было не много. Далѣе, фермерская система пользованія землями была менѣе выгодна, чѣмъ барщинная, но перейти на барщину, при свободномъ крестьянствѣ, не зависѣло отъ воли землевладѣльца. У кого было много земель, тотъ могъ легко справиться съ своими служебными обязанностями; но людямъ мало-земельнымъ приходилось очень тяжело. Такое положеніе дѣлъ должно было вызывать жалобы на недостатокъ рукъ, на неудобства свободнаго перехода крестьянъ и стремленіе къ его ограниченію и совершенной отмѣнѣ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ большимъ деревнямъ съ барщиннымъ хозяйствомъ могъ быть желателенъ и для крупныхъ собственниковъ, но особенно стремиться къ нему должны были мелкіе владѣльцы.

---

[1]) Псков. II 1485. Мы имѣли уже случай коснуться этого столкновенія въ I т. Древностей, но съ другими цѣлями; сдѣланную тамъ мимоходомъ на стр. 167 характеристику этого столкновенія надо исправить согласно сказанному теперь въ текстѣ.

Этотъ мотивъ прикрѣпленія крестьянъ ясно слышится въ указахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ ограниченіяхъ крестьянской свободы. Въ указѣ царя Василія Шуйскаго читаемъ: „Царь Федоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ“ [1]). „Старѣйшіе бояре“ были, значитъ, про-

[1]) Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого указа „по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени“. X пр. 349. Но это сомнѣніе не мѣшало ему вмѣстѣ съ Татищевымъ признавать отмѣну правительствомъ Юрьева дня и именно въ царствованіе Θедора Ивановича. Погодинъ, приписывая отмѣну Юрьева дня обстоятельствамъ, а не Борису, допускаетъ возможность указа, но вступленіе къ нему считаетъ подложнымъ. *Рус. Бесѣда*, 1858, № 129. Вотъ это вступленіе:

„Лѣта 7115 (1607) марта въ 9 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинялися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Θеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, кромолы и тяжи. Царь Борисъ Θеодоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои, и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются“. Судебникъ по рукописи Татищева, стр. 240.

Таковъ докладъ Помѣстнаго приказа, а далѣе слѣдуетъ царскій приговоръ, но не въ духѣ доклада: запрещеніе Юрьева дня, причина столькихъ бѣдствій, не только не отмѣняется, но для сыска крестьянъ назначается болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, какой былъ прежде, а именно—15 лѣтъ.

Противникомъ Карамзина и Погодина выступилъ Костомаровъ и превосходно разъяснилъ неосновательность сомнѣній и полную недоказанность мнѣнія о подлогѣ вступленія. Въ этой же статьѣ авторъ приводитъ рядъ совершенно вѣрныхъ соображеній о томъ, что указъ 1597 года о пятилѣтней давности сыска бѣглыхъ крестьянъ непремѣнно предполагаетъ отмѣну Юрьева дня. Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, 1859, кн. II. Мы вполнѣ присоединяемся къ его мнѣнію и очень сожалѣемъ, что эта превосходная статья имѣла такъ мало вліянія на послѣдующую литературу. Незамѣтно даже, чтобы сторонники противоположнаго мнѣнія, въ такомъ обиліи появившіеся въ концѣ XIX вѣка, были хорошо съ нею знакомы.—Языкъ указа 1607 г., дѣйствительно, можетъ быть подновленъ и испорченъ. Но противорѣчіе доклада указу ничего не говоритъ противъ подлинности какой-либо части памятника. Докладъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ и есть мнѣніе его членовъ. Указъ же выражаетъ волю государя, который могъ руководствоваться совершенно иными соображеніями. Не повторяя такъ хорошо сказаннаго Костомаровымъ, прибавимъ только одно соображеніе.

тивъ запрещенія свободы выхода; могли быть противъ этой мѣры и всѣ находившіеся въ ихъ положеніи, т. е., всѣ сильные люди. Въ чью же пользу были закрѣплены крестьяне? Въ пользу мелкихъ служилыхъ людей, которые составляли ядро войска. Собственный голосъ этихъ мелкихъ служилыхъ людей ясно слышится въ указѣ 1642 года. Въ ихъ челобитьи отъ 1641 года написано: „Бѣгаютъ изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовые и въ черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины, и въ патріарши, и въ митрополичьи, и въ архіепискупли, и въ епискупли, и въ Троицкіе и въ иныхъ разныхъ монастырей, и за бояръ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ московскихъ, и всякихъ чиновъ

Если Погодинъ утверждаетъ, что вступленіе есть актъ подложный, то, надо думать, оно написано не членами Помѣстнаго приказа, а какими-либо другими лицами. Совершая этотъ подлогъ, составители вступленія, конечно, не шутили, писали не для забавы, а для достиженія какой-либо выгодной для нихъ цѣли. Съ какой же цѣлью они совершили этотъ подлогъ? Что есть во вступленіи такого, что могло бы имѣть практическое значеніе и вести къ достиженію какого-либо интереса для учинителей подлога? Составители доклада весьма настаиваютъ на ябедахъ, насиліяхъ, враждѣ, тяжбахъ, убійствахъ и разореніяхъ, причиняемыхъ „переходомъ крестьянъ", т. е., существующими правилами о переходѣ. Эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что они не были сторонниками послѣднихъ правилъ, имъ не нравилась отмѣна Юрьева дня, и только. Что отмѣна Юрьева дня могла быть причиной волненій и безпорядковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но какая можетъ быть преступная цѣль въ утвержденіи всѣмъ извѣстнаго факта? И придумать нельзя. Далѣе, они утверждаютъ, что волненіе, вызванное отмѣной Юрьева дня, вынудило Бориса дать переходъ, но не всѣмъ. Это частичное возстановленіе перехода повело, по ихъ мнѣнію, еще къ большимъ замѣшательствамъ, и судьи не знали, какъ рѣшать возникающія изъ указовъ Бориса тяжбы. Что Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 году переходъ крестьянъ, это подтверждается его указами; что эти указы произвели на практикѣ замѣшательство, это весьма вѣроятно, такъ какъ въ новыхъ указахъ Бориса дѣйствительно не легко было разобраться. Здѣсь опять нѣтъ никакого преступнаго умысла, который объяснилъ бы необходимость подлога. Остается ссылка на Бориса, утверждающая, что онъ провелъ отмѣну Юрьева дня, не обращая вниманія на мнѣніе старѣйшихъ бояръ. И въ этомъ невозможно видѣть побужденія къ подлогу. Убѣдилъ Борисъ царя Ѳеодора отмѣнить Юрьевъ день или нѣтъ, это совершенно безразлично для составителей подложнаго вступленія. Ссылкой на этотъ фактъ не достигаются рѣшительно никакія цѣли — ни добродѣтельныя, ни преступныя. И такъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что вступленіе есть актъ подлога, для такого дѣйствія обстоятельства дѣла не представляютъ ни малѣйшей почвы. Остается думать, что оно написано членами Помѣстнаго приказа и содержитъ въ себѣ совершенно достовѣрные факты. Всѣ приведенные въ немъ факты дѣйствительно вѣрны, и члены Помѣстнаго приказа, сочувствующіе свободѣ перехода, дѣйствительно могли ихъ привести, чтобы побудить царя къ соотвѣтствующей мѣрѣ. Но это имъ не удалось.

за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на льготы. И тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри ихъ бѣглымъ людемъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты. И тѣжъ ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы и надѣясь на тѣхъ *сильныхъ* людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и домы ихъ поджигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ. Да на тѣхъ же ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, имали на нихъ судныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и займѣхъ, и иные помѣстными и вотчинными землями и всякими угодьи, и людьми, и крестьяны завладѣли насилствомъ". А. И. Ш, № 99, п. XXXIII. Это чистѣйшая хозяйственная война сильныхъ людей со слабыми. Сильные люди, имѣя и денегъ много и земель, побѣждаютъ слабыхъ и переманиваютъ отъ нихъ крестьянъ. Такая война могла происходить и до отмѣны Юрьева дня. Очень понятно, теперь, почему „старѣйшіе бояре" были противъ предложенія Бориса царю Ѳеодору.

Послѣдствіемъ этого челобитья была очень важная мѣра. Всѣ ссудныя записи и всякія крѣпости въ ссудахъ и займахъ, выданныя перешедшими крестьянами, объявлены ничтожными и взысканію не подлежащими: „не принимай чужихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды". Маленькіе люди просили большаго, они просили о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Это ходатайство ихъ не было удовлетворено. Указъ 1642 г. назначаетъ 10-лѣтнюю давность для иска бѣглыхъ крестьянъ.

Сочинять же это вступленіе лицамъ постороннимъ и послѣ совершившагося уже факта не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго побужденія.

Распоряженіе слѣдующаго за докладомъ указа о 15 лѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ ничего не представляетъ собой невѣроятнаго и тоже прекрасно разъяснено Костомаровымъ. Мы прибавимъ только, что установленная указомъ давность не представляется исключительной. Въ указѣ 1642 года встрѣчаемъ ту же 15-лѣтнюю давность для сыска вывозныхъ крестьянъ. А. И. Ш, стр. 111.

Еще менѣе вѣроятно предположеніе проф. Бѣляева. Онъ думаетъ, что подделка совершена въ XVIII вѣкѣ. Крестьяне на Руси, 103. Кому и какой могъ быть интересъ сочинять въ XVIII вѣкѣ указъ объ ограниченіи крестьянскаго выхода для XVII вѣка? Считая весь указъ подложнымъ, проф. Бѣляевъ въ доказательство своего мнѣнія, между прочимъ, указываетъ на то, что указъ будто бы смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами. Такого смѣшенія въ указѣ нѣтъ.

К. П. Побѣдоносцевъ не отрицаетъ подлинности указа 1607 г., но полагаетъ, что онъ оставался безъ исполненія и потерялъ силу. Ист. из. и ст. 13. Это возможно.

Неудобства отъ свободы крестьянскаго выхода испытывались не одними только мелкими служилыми людьми, но и государевыми богомольцами. Жаловались и они. Правительству нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы, онѣ затрогивали весьма существенные для него интересы. И вотъ съ XV уже вѣка начинается рядъ распоряженій, которыми право выхода крестьянъ въ пользу нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограничивается, а иногда даже и вовсе отмѣняется. Самый древній извѣстный намъ случай отмѣны свободы крестьянскаго выхода сдѣланъ въ пользу Троице-Сергіева монастыря. Великій князь Василій Ивановичъ дозволилъ этому монастырю не выпускать наличныхъ (въ моментъ указа) крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда. А. И. I № 59, 1455.

Судебники установляютъ одинъ срокъ крестьянскаго выхода; это существенное ограниченіе крестьянской свободы; но выходъ и послѣ этого, по общему правилу, остается правомъ крестьянъ. Только въ концѣ XVI вѣка отмѣняется Юрьевъ день, но и это не было еще окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ, оставались еще урочные годы. Этотъ послѣдній обломокъ крестьянской свободы былъ отмѣненъ только въ половинѣ XVII вѣка. Обо всемъ этомъ мы имѣли случай говорить раньше и подробнѣе. Не повторяя сказаннаго, мы воспользуемся теперь только данными такихъ памятниковъ, на которые намъ не пришлось раньше указывать.

Общій срокъ крестьянскаго выхода впервые установленъ судебникомъ 1497 года, но правительство примѣняло его къ рѣшенію частныхъ случаевъ и раньше. Въ 1466/78 году игуменъ Троице-Сергіева монастыря, Спиридоній, жаловался великому князю на то, что монастырскіе крестьяне вышли „сей зимы о Сборѣ". Великій князь приказалъ посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осенняго.

Въ Судебникахъ данъ общій законъ о порядкѣ крестьянскаго выхода. Что этотъ общій законъ дѣйствуетъ повсемѣстно, за исключеніемъ лишь тѣхъ селъ и деревень, для которыхъ дѣйствіе его отмѣнено спеціальными правительственными распоряженіями, это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ.

Въ 1555 году крестьяне черныхъ становъ Ржевы Пустой били челомъ государю и сказывали, что дѣти боярскіе Ржевскіе и иныхъ присудовъ „вывозатъ за себя во христьяне" крестьянъ изъ черныхъ деревень „не по сроку, а по вся дни, безпошлинно".

Наша старина знаетъ „выходъ" и „вывозъ" крестьянъ. Юридически тутъ нѣтъ никакого различія; фактически же большое. Выходъ—дѣло трудное, и мы видѣли, что новогородскіе крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ, несмотря на значительное увеличеніе ихъ повинностей. Чтобы выйти, надо пріискать новое мѣсто, надо явиться съ предложеніемъ своего труда, при неизвѣстности, какъ это будетъ принято. Время же, для пріисканія новой деревни или части ея, дается небольшое, всего двѣ недѣли. Вывозъ совершается по иниціативѣ желающаго помѣстить у себя крестьянина. Мѣсто готово, крестьянинъ нуженъ господину, онъ самъ предлагаетъ ему переѣздъ, самъ за нимъ пріѣзжаетъ, помогаетъ ему. Это гораздо удобнѣе для крестьянина. Случалось даже, что землевладѣльцы вступали въ бой изъ-за крестьянъ: новый является вывозить, старый не пускаетъ, дѣло доходитъ до драки. Приведенный документъ даетъ прекрасную картину такихъ столкновеній. „А какъ деи изо Ржевскихъ изъ нашихъ деревень, продолжаютъ крестьяне свое челобитье, пріѣдутъ къ нимъ (къ дѣтямъ боярскимъ) отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ отказывати въ наши черныя деревни, которыя христьяне похотятъ идти жити въ тѣ наши черныя деревни, и тѣ деи дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ деи изъ за себя не выпущаютъ, да поимавъ деи ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое деи на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти. И отказать деи имъ хрестьянина изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно".

Судебники опредѣляютъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, уплату пожилаго и за повозъ, и пошлинъ государевыхъ: „покамѣста была рожь въ земли, платить со ржи". Вотъ и все, никакихъ другихъ условій для выхода не требуется. При этихъ условіяхъ можетъ уйти всякій крестьянинъ. Такова и практика. Крестьяне черныхъ деревень жалуются на то, что крестьянъ вывозятъ не въ срокъ и безпошлинно, и только. Вывозить въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, значитъ, можно. Подъ пошлинами они, по всей вѣроятности, разумѣютъ всякіе платежи и пожилое, если приходилось его платить.

На приведенное челобитье послѣдовало такое распоряженіе. Велѣно было дать „подьячего или кого пригожь, и велѣли ему съ выборными головами изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ за (свое) земцевъ крестьянъ въ наши черныя деревни отказывать по сроку, а выходъ бы тѣмъ крестьянамъ платить по указу". Крестьянскій выходъ по-

ставленъ здѣсь подъ охрану особаго чиновника и безъ всякихъ ограниченій, кромѣ указанныхъ въ Судебникѣ. Это въ 1555 году.

Въ 1558 г. удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ судную грамоту крестьянамъ Замосковской волости въ Вохнѣ. Это актъ законодательства удѣльнаго князя. Въ этой грамотѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, статья Судебника о крестьянскомъ выходѣ. Удѣльный князь опускаетъ прибавку второго Судебника о сборѣ за повозъ. Эта статья, значитъ, имѣетъ силу не только въ предѣлахъ великаго княженія, но и въ удѣлахъ; въ удѣлѣ Владиміра Андреевича съ уменьшеніемъ поборовъ съ выходящихъ крестьянъ.

Въ 1561 игуменъ Соловецкаго монастыря съ братіею далъ грамоту крестьянамъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Въ этой грамотѣ написано: „А по грѣхомъ, кому не поживется, и похочетъ пойти изъ волости вонъ, и на томъ имати похоромное сполна а его выпущать по сроку“.

Московскія писцовыя книги XVI вѣка сохранили драгоцѣнныя указанія на выходъ крестьянъ согласно Судебнику изъ дворцовыхъ волостей Тверскаго уѣзда. Эта книга написана между 1579 и 1581 годомъ. При описи нѣкоторыхъ деревень писцы обозначаютъ вышедшихъ крестьянъ, но различно. Объ однихъ говорится „выбѣжалъ“, о другихъ „вывезли“, о третьихъ „вышелъ“. О тѣхъ, которые вышли, встрѣчаются такія опредѣленія: „Титко да Митко вышли по сроку, пошлины امалъ Юрья Кармановъ у ржи, да Михалко Васильевъ вышелъ за Никиту за Романовича въ Турчино по отказу, пошлины платилъ Юрью Карманову“. Это выходъ по Судебнику, тутъ и срокъ, и отказъ, и пошлина у ржи. Выбѣжавшіе, это ушедшіе безъ соблюденія правилъ Судебника. Что касается вывезенныхъ, то и они, въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ были вывезены безъ соблюденія правилъ, ибо ничего не говорится ни о срокѣ, ни объ уплатѣ пошлинъ. Правила Судебника дѣйствуютъ 25 лѣтъ спустя по его изданіи и наканунѣ отмѣны Юрьева дня [1]).

Итакъ, статья Судебниковъ о крестьянскомъ выходѣ не мертвая буква; это дѣйствующее право во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ не дано особыхъ, спеціальныхъ указовъ. Правительство не останови-

[1]) Доп. къ А. И. I № 56, 1555. А. Э. I № 83, 1466; № 257, 1558; № 258, 1561; Калачовъ, II 291, 300. Издатель относитъ эту книгу къ концу XVI вѣка; это совершенно вѣрно; первая страница даетъ возможность опредѣлить и болѣе точно время ея написанія: послѣ 1579 и до 1581 гг.

лось на первомъ опредѣленіи порядка крестьянскаго выхода, появившемся въ Судебникѣ 1497 года. При изданіи второго Судебника оно нашло нужнымъ нѣсколько измѣнить эти правила. Измѣненіе произошло въ пользу господъ. Размѣръ пожилаго былъ увеличенъ и установленъ новый сборъ съ выходящихъ крестьянъ за повозъ. И на этомъ правительство не остановилось. Прибавочный сборъ за повозъ оно нашло, надо думать, излишнимъ. Въ грамотѣ великаго князя крестьянамъ Переяславскаго уѣзда отъ 1556 статья Судебника повторяется, но съ опущеніемъ прибавки о повозѣ. Итакъ, общее правило свободы крестьянскаго перехода не исчезло и во второй половинѣ XVI вѣка. Правительство неоднократно повторяетъ правило перваго Судебника, дополняя и измѣняя его. Правило это, какъ мы видѣли, осуществляется на практикѣ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ совершилось въ силу распоряженія двухъ памятниковъ, послѣдовавшихъ почти единовременно: писцоваго наказа 1646 года и Уложенія. Въ ст. 3 гл. XI Уложенія находимъ распоряженіе о томъ, что бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, по суду и сыску, должно отдавать съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ—тѣмъ господамъ, отъ кого они бѣжали. „Но владѣнія за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы до сего Уложенія не указывать", т. е., не взыскивать денегъ за все то время, которое бѣглые жили за другими господами, и причиняли тѣмъ убытокъ своимъ настоящимъ господамъ. Почему? „Потому, отвѣчаетъ та же статья, что о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы".

Такова точка зрѣнія редакторовъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полнаго прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются.

Мысль о крестьянской свободѣ жива еще въ половинѣ XVII вѣка и даже въ семидесятыхъ его годахъ. Отмѣна крестьянскаго выхода повела къ новому порядку поступленія въ крестьянство. Свободные крестьяне въ старину рядились во крестьянство. Едва нѣтъ выхода, порядная не имѣетъ смысла. Поэтому Уложеніе установляетъ записку въ крестьяне. Желающій жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ

обращается въ установленныя для этого учрежденія. Его распрашиваютъ, кто онъ? Если окажется, что его можно отдать во крестьяне, его *записываютъ* за извѣстнымъ господиномъ и *отдаютъ* ему въ крестьянство. XI 20.

Несмотря на этотъ новый порядокъ, крестьяне и въ XVII вѣкѣ продолжаютъ рядиться во крестьянство. Они не только рядятся, но рядятся на срокъ, на 10 лѣтъ, и это въ 1665 году; другіе рядятся до смерти господина. Эти крестьяне ровно ничего не знаютъ о крѣпости по писцовымъ книгамъ. Но о воспрещеніи выхода они знаютъ, а потому и вносятъ въ свои порядныя новое условіе. Въ старыхъ порядныхъ срокъ не обозначался, жили, пока нравилось. Выходъ по старымъ порядным отмѣненъ, и вотъ новая практика вноситъ поправку, порядная пишется на срокъ, а по истеченіи срока, конечно, крестьянинъ свободенъ; такъ думаетъ крестьянинъ, порядившійся на срокъ.

Есть и такія порядныя, въ которыхъ сами господа признаютъ за крестьянами право уйти, „если имъ не поживется", или если они съ ними будутъ дурно обращаться. Одни владѣльцы предоставляютъ такое право ухода крестьянину на условіи посадить на свое мѣсто другого, другіе и безъ такого условія.

Крестьяне знаютъ объ отмѣнѣ выхода, но они думаютъ, что это временная мѣра и вѣрятъ въ то, что послѣдуетъ вновь разрѣшеніе выхода. Поэтому они пишутъ порядныя, въ которыхъ обязываются сидѣть на землѣ господина „до государевыхъ выходныхъ лѣтъ" не далѣе! Будетъ, значитъ, такое время, когда послѣдуетъ разрѣшеніе выхода. Государь запретилъ выходъ, но онъ можетъ и разрѣшить его.

Не одни крестьяне помнятъ волю крестьянскую и выговариваютъ ее въ своихъ порядныхъ; есть и господа, которые стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. У Семена и Бориса Семеновичей Нелединскихъ жилъ изстари въ крестьянахъ Рычко, Тимофеевъ сынъ, Бураковъ. Въ 1676 году ему не пожилось у нихъ („прижилось", т. е., наскучило, надоѣло), и онъ пошелъ отъ нихъ вонъ. Нелединскіе даютъ ему грамоту, въ которой предоставляютъ идти, куда хочетъ, на всѣ четыре стороны, и обязываются дать ему скосить посѣянную имъ рожь, и скрѣпляютъ свое обязательство неустойкой въ 30 рублей.

Заключимъ этотъ экскурсъ въ XVII вѣкъ изложеніемъ содержанія любопытнѣйшаго документа отъ 22-го апрѣля 1670 года. За Воскресенскимъ монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, Московскаго уѣзда, живетъ въ крестьянахъ въ теченіи 16 лѣтъ Ивашко Якимовъ,

съ женой и дѣтьми. 22-го апрѣля 1670 года онъ взялъ у монастыря ссуды 10 рублей и обязался „жить съ женой и дѣтьми за монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, той ссуды не снесть и ни за кого не заложиться. А буде онъ, Иванъ, жить не учнетъ или за кого заложится и ссуду снесетъ, тогда воленъ монастырь ту ссуду на немъ взять, а крестьянство и впредь крестьянствомъ". Что это такое? это не ссуда, а продажа себя съ женою и дѣтьми *старымъ* крестьяниномъ въ вѣчные крестьяне монастырю. Старый крестьянинъ, жившій за монастыремъ 16 лѣтъ, непроченъ монастырю; чтобы укрѣпить его, надо взять съ него особую запись. Мы не имѣемъ порядной, на основаніи которой Иванъ Якимовъ сѣлъ въ 1654 году на монастырскую землю. По всей вѣроятности, тамъ была какъ-нибудь ограждена его свобода; и вотъ послѣдствія этого остатка старины, не гармонирующаго съ новымъ порядкомъ вещей. Крестьянинъ, подъ видомъ ссуды, продается въ крестьяне. Очень многіе прямо съ этого начинаютъ. Берутъ ссуду и отдаются вѣчно въ крестьяне. Ссуда получаетъ здѣсь совершенно новое значеніе, неизвѣстное старинѣ [1]).

Возвратимся на прежнее.

Изъ документовъ XVI вѣка мы знаемъ, что крестьяне, садясь на владѣльческія земли, брали у землевладѣльцевъ подмогу. Старыя новогородскія писцовыя книги тоже упоминаютъ „подможныя деньги", хотя рѣдко. Деньги эти были даны новогородцами. При конфискаціи земель, эти крестьянскіе займы, по всей вѣроятности, были великимъ княземъ уплочены сведенымъ боярамъ и бояришкамъ. Говоримъ это на томъ основаніи, что великій князь даритъ новымъ помѣщикамъ эти перешедшіе къ нему крестьянскіе долги, опредѣляя и %, какой они должны получать съ должниковъ. Этотъ % не великъ, въ одномъ случаѣ онъ 5 съ небольшимъ, въ другомъ—6. Въ XVI вѣкѣ подмога была безпроцентнымъ долгомъ и погашалась не уплатой занятой суммы, а исполненіемъ принятыхъ на себя крестьяниномъ обязательствъ; заемъ же денегъ былъ долгъ процентный, погашавшійся уплатой занятой суммы. Было ли такое различіе въ Новгородѣ, это не ясно. Задолженность новогородскихъ крестьянъ, въ виду рѣд-

---

[1]) Любопытные документы, на которыхъ основано предшествующее изложеніе, напечатаны г. Дьяконовымъ въ его Актахъ, I № 24, 26, 31, 42, 48, 50, 59, 60, 69 и друг.; II 37. Тутъ же и ссуды въ новомъ смыслѣ: № 49, 56, 58, 62, 63, 64, 68 и др.

кости случаевъ, въ которыхъ упоминается подмога,—была ничтожная [1]).

Въ заключеніе представимъ обзоръ литературы затронутыхъ нами вопросовъ. Это дастъ намъ возможность пополнить сказанное съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, а иногда войти въ объясненіе и совершенно новыхъ явленій, которыхъ, по ходу нашего изслѣдованія, намъ не пришлось коснуться.

В. Сергѣевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) II, 86; III. 601, 803.

Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ того же времени встрѣчается слово жилецъ. Этимъ словомъ обозначаются всѣ живущіе и гдѣ бы то ни было. Помѣщики—суть жильцы, крестьяне, посадскіе тоже. Въ Москвѣ живетъ нѣмецъ, онъ тоже жилецъ. Не то ли же самое означаетъ болѣе древній терминъ: житьи люди?

ИДЕЙНАЯ ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ XI ВѢКА.

Признаки „Царства Божьяго" по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и папы Григорія Двоеслова.

I.

При воспроизведеніи исторической жизни далекаго прошлаго изслѣдователь причинъ событій и преемства явленій не можетъ ограничиться установленіемъ и раскрытіемъ вліянія существовавшихъ въ изучаемое имъ время экономическихъ отношеній на общественный строй, правовыя нормы и религіознонравственныя представленія, составляющія, въ своей совокупности, такъ называемую „надстройку надъ опредѣляющимъ ихъ реальнымъ базисомъ, или экономической структурой общества".

Такое одностороннее воззрѣніе представляетъ лишь нѣкоторыя видимыя удобства, упрощая сложность исторической жизни сведеніемъ ея разнообразія къ „опредѣленнымъ, необходимымъ, независящимъ отъ воли людей отношеніямъ, соотвѣтствующимъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ, производительныхъ силъ". Но облегченіе работы покупается слишкомъ дорогою цѣною, въ виду сознательнаго суженія поля изучаемыхъ явленій, заранѣе принятаго установленія ихъ причинной связи и полнаго устраненія личнаго начала.

Ясно, что подобный пріемъ, не давая прочныхъ, дѣйствительно общихъ и широкихъ выводовъ, затрудняя правильное пониманіе исторической дѣйствительности и насильственно втискивая ее въ тѣсныя и узкія рамки кабинетной теоріи, непригоденъ для научнаго изслѣдованія.

Болѣе спокойное и пристальное изученіе памятниковъ минувшаго, чуждое предвзятыхъ построеній и свободное отъ цѣпей заранѣе все

объяснившей доктрины, показываетъ, съ несомнѣнной очевидностью, что историческій процессъ является плодомъ взаимодѣйствія и даже борьбы различныхъ началъ, вліяніе которыхъ сказывается не всегда одинаково. — Рядомъ съ экономикой надо поставить идеи времени. Даже будучи обусловлены даннымъ экономическимъ строемъ, онѣ, потомъ, пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе и въ свою очередь то порождаютъ крупныя перемѣны въ области матеріальныхъ отношеній, то ведутъ къ мертвящему застою.

Наблюденіе надъ исторической жизнью различныхъ эпохъ и народовъ, разъ оно не производится чрезъ очки яраго теоретика, устанавливаетъ, что міровоззрѣніе угасшихъ поколѣній порою толкало человѣчество впередъ, ставя передъ нимъ идеалы, перероcшіе экономическую обстановку, вызывая въ людяхъ жгучую потребность въ улучшеніи и измѣненіи существующихъ порядковъ, осужденныхъ общественною совѣстью на гибель въ силу своего несоотвѣтствія съ идеальными запросами современниковъ, съ ихъ понятіями о должномъ и справедливомъ.

Но углубленіе въ прошлое открываетъ и иную форму воздѣйствія міра идей, отмѣчая, что міросозерцаніе, отлившись въ прочныя и устойчивыя нормы, можетъ явиться началомъ косности, задерживающимъ ходъ историческаго развитія и въ экономической области на достигнутой ступени, превращающимъ жизнь въ царство установленныхъ на вѣки обычаевъ, опредѣленныхъ навыковъ, закоренѣлыхъ предразсудковъ, крайне затрудняющихъ всякія измѣненія и враждебныхъ даже новшествамъ, вносящимъ матеріальныя улучшенія.

Наконецъ, религіозно-нравственныя представленія, опредѣляющія въ своей совокупности міровоззрѣніе даннаго времени, далеко не всегда выростаютъ на базисѣ существующихъ экономическихъ отношеній, такъ какъ исторія свидѣтельствуетъ, что весьма часто кругъ религіозныхъ вѣрованій, идеаловъ и упованій, вмѣстѣ съ извѣстными нравственными нормами, возникшій подъ вліяніемъ опредѣленныхъ обстоятельствъ и въ извѣстной средѣ, воспринимается другимъ народомъ уже въ выработанной и сложившейся формѣ, несмотря на отличія условій мѣста, времени и ступени развитія, какъ соціальнаго, такъ и матеріальнаго.

Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжно должна возникнуть борьба между высшими формами, проводимыми путемъ заимствованія, и низшими, созданными рядомъ мѣстныхъ силъ до принятія новаго религіознаго ученія. Эта борьба обыкновенно тянется очень

долго и въ свою очередь обусловливаетъ дальнѣйшее теченіе и даже направленіе историческаго развитія.

Стало быть, для уясненія причинъ и хода извѣстныхъ крупныхъ событій необходимо отыскать ихъ корни въ далекомъ прошломъ, установить постепенную подготовку потрясшихъ міръ перемѣнъ, такъ какъ „революціи" и „внезапные перевороты" кажутся таковыми только при поверхностномъ съ ними знакомствѣ: въ тиши вѣковъ накопляется длинная и состоящая изъ множества звеньевъ цѣпь видоизмѣненій, приводящихъ къ мнимому перелому.

Въ силу этихъ соображеній, для правильнаго пониманія церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, намѣтить ихъ идейную и экономическую подготовку.

Принятіе христіанства молодыми германскими племенами, еще чуждыми развитой гражданственности, обусловило ихъ дальнѣйшую судьбу и вызвало цѣлую вереницу явленій, имѣющихъ всемірно-историческое значеніе. Дикіе, грубые и воинственные варвары вмѣстѣ съ началами новой религіи восприняли преклоненіе передъ идеалами, возникшими въ культурной средѣ мыслящей древности, и стали стремиться къ ихъ осуществленію путемъ пересадки въ совершенно иную почву.—Подражаніе, являющееся мощнымъ двигателемъ въ исторіи человѣчества, съ особой силой выступаетъ основой уклада жизни младенческихъ народовъ—варваровъ. Прежде германцы подражали предкамъ, свято хранили ихъ завѣты и цѣпко держались за ихъ обычаи. Самостоятельность поведенія была немыслима въ царствѣ привычныхъ нормъ и оставалась непробужденною. Теперь они стали подражать новымъ, поразившимъ ихъ вниманіе порядкамъ, перенимая языкъ, одежду, нравы и обычаи римлянъ, усваивая ихъ внѣшность, сохраняя обликъ ихъ учрежденій. — Усвоеніе новаго вѣроученія произошло также внѣшнимъ образомъ. Великія истины христіанства были приспособлены къ варварскому пониманію частью безсознательнымъ народнымъ творчествомъ, частью расчетливой политикой проповѣдниковъ. Отвлеченныя понятія подверглись грубому овеществленію, такъ какъ варварское мышленіе принимало образъ за дѣйствительность и отожествляло символы съ идеями. Въ сознаніи варваровъ „земное и небесное" перемѣшивались, небо какъ бы спускалось на землю, а въ заоблачную высь переносились обыденныя, житейскія отношенія.

Итакъ, не изощренные наблюденіями надъ историческими превратностями, не умудренные опытомъ предшествующихъ поколѣній, германцы взяли на свои плечи непосильное бремя и затратили свои силы на воспроизведеніе доступныхъ ихъ пониманію внѣшнихъ признаковъ идеала, созданнаго ихъ образцами. Само собою понятно, что съ особою силою вниманіе варваровъ было приковано къ чертамъ, присущимъ какъ римскимъ упованіямъ, такъ и христіанскимъ завѣтамъ.

Уже „пророкъ язычества", Вергилій, выразилъ общее мнѣніе римлянъ, утверждая, что ихъ власть безпредѣльна и безконечна, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Идея „вѣчнаго города" воодушевляла всѣхъ, и даже христіане, по таинственнымъ обѣтованіямъ и видѣніямъ, вѣрили, что гибель послѣдней міровой державы произойдетъ лишь въ исходѣ временъ и сроковъ, когда обновится весь міръ.

Поэты, историки и мыслители древности вмѣняли въ особую заслугу Риму объединеніе всѣхъ народовъ въ общемъ, единомъ отечествѣ, охватившемъ „вселенную". Человѣчество, подчиненное одной власти, образовало единое цѣлое. Національная исключительность смѣнилась всемірнымъ гражданствомъ. „Братскія узы" объединили былыхъ враговъ: побѣжденные были приняты Римомъ въ его нѣдра и получили общее имя съ побѣдителями. Имперія положила конецъ усобицамъ и водворила прочный „римскій миръ", прославленный современными писателями и стяжавшій, по непреложному свидѣтельству надписей, общее сочувствіе населенія. Это умиротвореніе враждующихъ и жестокихъ народовъ признавалось задачей, возложенной промысломъ на римскую державу. Сами императоры вдохновлялись мыслью объ одинаковыхъ для всѣхъ законахъ и равномъ для всѣхъ „правѣ". Такимъ образомъ, Римская имперія выдвинула и отчасти осуществила идеалъ „общечеловѣческаго союза", подчиненнаго одному властелину и представлявшагося *единымъ цѣлымъ*, части котораго были плотно скованы *правдою закона*, воспринявшаго общечеловѣческія начала, и скрѣплены водвореннымъ ею, всѣмъ желаннымъ *миромъ*.

Политическое и культурное объединеніе древняго міра, совершенное Римомъ, нанесло смертельный ударъ національнымъ религіямъ и создало потребность и въ религіозномъ единствѣ. Эта потребность была вполнѣ удовлетворена христіанствомъ. Основанной Спасителемъ церкви присущи признаки, сближающіе ее съ римской имперіей: по обѣтованію Искупителя, церковь Его должна существовать до скончанія вѣка, при чемъ „врата ада" не могутъ одолѣть ее. Въ ея лонѣ

всѣ люди являются „братьями", „сынами общаго Небеснаго Отца", а потому національныя особенности теряютъ значеніе тамъ, гдѣ „нѣтъ ни іудея, ни еллина". Всѣмъ послѣдователямъ новаго вѣроученія присвоено общее имя — „христіане", совокупность которыхъ составляла „*единое тѣло*" церкви, они должны были составить „единое стадо" при „единомъ пастырѣ". При рожденіи Богочеловѣка ангелы возвѣщали „на землѣ миръ", а въ прощальной бесѣдѣ самъ Спаситель завѣщалъ миръ своимъ ученикамъ. Апостолы, въ свою очередь, неоднократно наставляли обращенныхъ „искать миръ" и „имѣть его, по возможности, со всѣми людьми". Миролюбіе, въ силу этого, сдѣлалось одной изъ яркихъ отличительныхъ чертъ послѣдователей новаго ученія, слывшихъ за „сыновъ мира". Далѣе, выполненіе одинаковыхъ для раба и свободнаго заповѣдей вмѣнялось въ обязанность христіанамъ. Общимъ для всѣхъ ихъ идеаломъ было „царство Божье", такъ какъ божественный Искупитель увѣщалъ „*прежде всего* искать царство Божье и правду его". Этотъ идеалъ не представлялся чѣмъ-то исключительно отвлеченнымъ, духовнымъ или загробнымъ: проповѣдью о приближеніи ожидаемаго царства Божьяго начинается Евангеліе; самая священная для христіанъ молитва возноситъ къ Отцу небесному просьбу о наступленіи „царства Его"; обѣтованія Спасителя гласятъ: „есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божье, приходящее въ силѣ"; „и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царства по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ".

Взаимныя отношенія языческаго мірового государства и возвѣщеннаго Евангеліемъ Божьяго царства раскрываетъ блаженный Августинъ [1]), духовный вождь средневѣковья, его излюбленный руководитель и вдохновитель.

Въ этомъ великомъ отцѣ церкви государственный геній Рима соединялся съ мистическимъ воодушевленіемъ семитовъ, огромный

---

¹) Пособіями послужили: *Bindemann*. Der heilige Augustinus B. I. Berlin 1844. B. II Leipzig 1855; B. III Greifswald 1869. *Reuter*. Augustinische Studien. Gotha 1887. Проф. *Герье*. Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ. В. Е. № 1. 1891 г. *Кн. Евг. Трубецкой*. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. Москва 1892. *Bernheim*. Politische Begriffe des Mittelalters im Lichte der Anschauungen Augustins (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. N. F. B. I 1896—1897). *Родниковъ*. Ученіе блаженнаго Августина о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Казань 1898. Sancti Aurelii Augustini, De civitate Dei Libri XXII iterum recognovit *Dombart*. Vol I—II 1877—1892. Lipsiae. Migne. Cursus patrologiae. Series latina. T. 32—47.

философскій умъ уживался съ пламенной вѣрою, пророческое прозрѣніе шло рука объ руку съ холоднымъ, логическимъ построеніемъ, вольный порывъ свободной мысли не исключалъ склонности къ принужденію даже въ области вѣры. Блаженный Августинъ былъ мистикъ-идеалистъ, обладавшій яснымъ практическимъ смысломъ вмѣстѣ съ блестящимъ литературнымъ талантомъ и богатыми разносторонними свѣдѣніями. Онъ былъ превосходно подготовленъ и имѣлъ всѣ данныя для того, чтобъ осмыслить ходъ предшествующей жизни человѣчества и дать философское освѣщеніе пережитымъ превратностямъ, указывая въ то же время идеалъ для настоящаго и будущаго.

Отрицательно относясь къ языческой древности, блаженный Августинъ, въ противоположность основанному насиліемъ земному и конечному государству, яркими красками рисуетъ вѣчное царство Божье. Оно не только нѣчто умозрительное или парящее въ заоблачной выси: оно существуетъ искони и наполняетъ собою всю исторію человѣчества отъ сотворенія міра и до послѣднихъ временъ, когда возстановится нарушенный грѣхомъ гармоничный строй вселенной; оно обнимаетъ, какъ высшее единство, все творенье, видимое и невидимое, отводитъ каждому свое мѣсто, водворяя „истинный миръ, т. е. спокойствіе порядка“ [1]) и осуществляя тѣмъ самымъ всеобщій законъ природы — торжество вѣчной правды [2]), состоящей въ подчиненіи Богу. Своеобразное толкованіе откровенія Апостола Іоанна даетъ Августину основаніе [3]) усматривать въ церкви „царство Христово и царство небесное“ [4]). Онъ прямо называетъ [5]) „церковь Христову градомъ Божьимъ“. „Странствующій на землѣ градъ Божій переплетается и перемѣшивается съ земнымъ царствомъ“ [6]) и въ этомъ его коренное отличіе отъ жизни будущаго вѣка.

Такимъ образомъ, церковь является посредствующимъ звеномъ между временнымъ и вѣчнымъ, преходящимъ и неизмѣннымъ.

Въ противоположность церкви свѣтское государство создано людьми, а потому оно, конечно, и стремится къ временнымъ благамъ путемъ водво-

---

[1]) De civitate Dei Lib. XIX cap. 13. Vol. II, p. 377.

[2]) De civitate Dei Lib. XIX cap. 21 и 27. Vol II, p. 389 ss.

[3]) De civitate Dei Lib. XX c. 7—9. Vol. II, p. 418 ss.

[4]) De civitate Dei Lib. XX c. 9. Vol. II, p. 429.

[5]) De civitate Dei Lib. XVI c. 2. Vol. II, p. 124. Lib. XX c. 11. Vol. II, p. 434. „ecclesia Christi, quae civitas Dei est“.

[6]) De civitate Dei Lib. I cap. 35. Vol. I, p. 51. Lib. XX c. 9. Vol. II, p. 427 ss.

ренія „земнаго мира“ [1]), „мира смертныхъ“, или „упорядоченнаго согласія“ [2]), узы коего связываютъ человѣческій родъ въ „единодушное единство“ [3]). Государство, чтобъ не быть большой разбойничьей шайкой, должно жить по правдѣ (justitia) [4]). Но какъ истинный миръ, такъ и „истинная правда“ присущи исключительно общественному союзу, основанному и управляемому Христомъ, т. е. „Граду Божьему“—церкви [5]). Отсюда ясно, что государство не можетъ удовлетворить единственному имѣющему смыслъ стремленію, исключительной цѣли человѣческаго существованія—„достиженію безконечнаго царства“ [6]) и подготовленію къ жизни будущаго вѣка.

Сами владыки земные, какъ христіане, должны покорствовать и служить церкви во исполненіе пророчества: „и поклонятся ей всѣ цари земные: всѣ народы послужатъ ей“ [7]). Вполнѣ послѣдовательно блаженный Августинъ училъ [8]), что свѣтскіе сановники обязаны выполнять приказанія епископа, ибо всякая власть въ пользѣ церкви находитъ оправданіе своего существованія. Цари должны служить Господу въ страхѣ [9]), ибо на нихъ лежатъ двойныя обязанности: „каждый изъ нихъ служитъ Богу“ [10]), какъ человѣкъ, живя по вѣрѣ, и какъ царь, „устанавливая ненарушимость законовъ, предписывающихъ справедливое и воспрещающихъ противное“. На царяхъ лежитъ забота о недопущеніи безнаказаннаго возстанія противъ церкви [11]) и наблюденіе за исполненіемъ божественныхъ предписаній путемъ обуздыванія непокорныхъ волѣ Бога [12]), такъ какъ Онъ установилъ

[1]) De civitate Dei Lib. XIX c. 17. Vol. II, p. 384.

[2]) De civitate Dei Lib. XIX c. 13. Vol. II, 377.

[3]) De civitate Dei Lib. XIV c. I. Vol. II, p. 3. „unitas concors“.

[4]) De civitate Dei Lib. IV c. 4. Vol. I, p. 150.

[5]) De civitate Dei Lib. II c. 21. Vol. I, p. 83. „vera justitia“.

[6]) De civitate Dei Lib. XIX c. 10, p. 370; c. 20 p. 389. Lib. XXII c. 30. Vol. II, p. 635.

[7]) Contra litteras Petiliani Lib. II § 210 p. 330. Migne, T. 43. Epist. № 173 § 10 p. 757 Ep. № 105. c. III § 6 p. 398. Migne, T. 33. De civitate Dei Lib. V c. 24. Vol. I, p. 237.

[8]) Epist. № 133 § 3 Migne, T. 33 cp. 510. cp. Epist. № 134 § 3 Migne, T. 33 p. 511. № 185 c IV § 18 p. 801.

[9]) Epist. № 93 c. V § 18 p. 330. Migne, T. 33.

[10]) Epist. № 185 § 19 c. V p. 801. Migne, T. 33. Cp. Contra Cresconium Donatistam Lib. III c. 51 § 56. Migne, T. 43 p. 527.

[11]) Contra Gaudentium Lib. I c. 34 § 44. Migne, T. 43 p. 733.

[12]) Contra Gaudentium Lib. I c. 35 § 45. Migne, T. 43 p. 734.

царскую власть для пораженія еретиковъ [1]), а потому повелѣнія царей должны содѣйствовать проповѣди религіи и обузданію святотатцевъ [2]). Отсюда слѣдуетъ, что не всякое требованіе властей подлежитъ выполненію, ибо оказавшій неповиновеніе изданному противъ истины закону получаетъ отъ Господа вѣнецъ и одобреніе, такъ какъ не дѣлаетъ того, что воспретилъ Богъ. Наоборотъ, христіанинъ, неповинующійся истинному повелѣнію, внушенному самой Истиной, подлежитъ карѣ Бога и людей [3]): цари земные подвластны царю Небесному, управляющему всѣмъ [4]), и являются простыми исполнителями Его воли, когда предписываютъ благое [5]). Всякая власть происходитъ отъ Бога и римская имперія находится въ Его распоряженіи [6]). Однимъ изъ условій благополучія императоровъ является превращеніе ими своей власти въ орудіе для распространенія, возможно большаго, почитанія Бога [7]). Требованіе религіи указываетъ, что на императорахъ лежитъ забота не только о земномъ, но и о наказаніи прегрѣшающихъ въ дѣлахъ божественныхъ [8]). Христіанскіе императоры имѣютъ право карать еретиковъ и отступниковъ [9]), а потому поступаютъ правильно, принуждая ихъ къ единству [10]).

Обращеніе къ императорской власти за помощью въ дѣлѣ религіознаго характера вполнѣ законно и дозволительно [11]): императоры и Христосъ повелѣваютъ любить миръ и поддерживать единство, такъ какъ чрезъ нихъ приказываетъ Христосъ, когда они требуютъ благое [12]).

Стало быть, блаженный Августинъ отводитъ свѣтской власти служебное положеніе въ церкви: собственныя слова и выраженія епископа Иппонскаго не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что только власть исполнительная является удѣломъ даже могуще-

---

[1]) Contra litteras Petiliani Lib. II c. 34 § 217. Migne, T. 43 p. 332.

[2]) Epist. № 105 c. II § 7 p. 398—399. Migne, T. 33.

[3]) Epist. № 105 c. II § 7. Migne, T. 33 p. 398.

[4]) Enarratio in psalmum LV § 2. Migne, T. 36 p. 647.

[5]) Epist. № 105 c. III § 11 p. 400. Migne, T. 33.

[6]) De civitate Dei Lib. V c. 21. Vol. I, p. 232.

[7]) De civitate Dei Lib. V c. 24. Vol. I, p. 237. Si suam potestatem . . . famulam faciunt.

[8]) Contra Gaudentium Lib. II c. 12 § 13. Migne, T. 42 p. 749.

[9]) Contra epistolam Parmeniani Lib. I c. 10 § 16. Migne, T. 43 p. 45.

[10]) Sermo 46 c. 17 § 41 p. 295. Migne, T. 38 cp. Epist. № 93 c. V § 17. Migne, T. 33 p. 330.

[11]) Contra epistolam Parmeniani Lib. I c. 9 § 15. Migne, T. 43 p. 44.

[12]) Epist. № 105 c. III § 11. Migne, T. 33 p. 400.

ственнѣйшихъ изъ земныхъ владыкъ. Своими мѣропріятіями они должны содѣйствовать водворенію идеальнаго строя, существенными признаками котораго служатъ миръ, единство и правда, хранимыя *вселенской* церковью Христовой [1]).

Однако и въ глазахъ бл. Августина Римъ остается „главою народовъ" [2]). Римскій епископъ, по его мнѣнію [3]), сидитъ на „престолѣ единства", и, „даже будучи дурнымъ", принужденъ говорить доброе, такъ какъ говоритъ не свое, а Божье, „ибо Богъ вложилъ ученіе истины въ каѳедру единства". „Въ римской церкви всегда уважается первенство апостольской каѳедры" [4]), ибо она была занята Петромъ [5]), коему бл. Августинъ отводитъ особое положеніе между апостолами: онъ является первымъ и главнымъ [6]) апостоломъ, пользуется первенствомъ [7]) и главенствомъ [8]), олицетворяетъ собою церковь [9]) и служитъ представителемъ ея единства [10]), въ знакъ чего ему одному вручены ключи царства небеснаго [11]) и на немъ одномъ Спаситель образовалъ церковь [12]). Непрерывное преемство ряда православныхъ епископовъ [13]) связываетъ современнаго Августину папу Анастасія съ Петромъ. Правда, бл. Августинъ далекъ отъ представленія о папѣ какъ самодержавномъ владыкѣ въ церкви и намѣстникѣ Бога на

[1]) См. въ особенности De unitate ecclesiae liber unus epistola ad Catholicos contra Donatistas c. 6 ss. Migne, T. 43 p. 899 ss.

[2]) Sermo 24 § 6. Migne, T. 38 p. 166. Sermo 381. Migne, T. 39 p. 1684.

[3]) Epistola № 105 c. V § 16. Migne, T. 33 p. 403.

[4]) Epist. № 43 c. III § 7. Migne, T. 33 p. 163.

[5]) Contra litteras Petiliani Lib. II c. 51 § 118. Migne, T. 43 p. 300.

[6]) Sermo 76 c. 1 § 1. c. III § 4. Migne, T. 38 p. 479 и 481 Sermo 147 c. 1 § 1. Migne, T. 38 p. 797. Sermo 296 c. 1 § 1. Migne, T. 38 p. 1353. Sermo 298 c. 1 § 1 p. 1365. Sermo 299 c. 1 § 1—2 p. 1367—8. Migne T. 38.

[7]) Primatus: Enarratio in Psalmum 108 § 1 p. 1432. Migne, T. 37. De baptismo contra Donatistas Lib. II c. 1 § 2 p. 127. Migne, T. 43.

[8]) Principatus; Sermo 76 c. 2 § 3 p. 480. Migne, T. 38. De baptismo contra Donatistas Lib. II c. 1 § 2 p. 127. Migne, T. 43.

[9]) Retractationum Lib. I c. 21 § 1. Migne, T. 32 p. 618. Sermo IV c. 18 § 19. Migne, T. 38 p. 43. Sermo 75 c. 9 § 10 p. 478. Sermo 76 c. 2 § 3 p. 480. Sermo 149 c. VI § 7 p. 802. De agone christiano Lib. I c. 30 § 32 p. 308. Migne, T. 40.

[10]) Sermo 46 c. 13 § 30 p. 287. Sermo 295 c. IV § 4 p. 1350. Migne, T. 38. Sermo 76 c. 1 § 1 p. 479.

[11]) Tractatus 118 § 4 p. 1949. Migne, T. 35. Sermo 295 c. 2 § 2 p. 1349. Migne, T. 38.

[12]) Sermo 137 c. III § 3 p. 755. Migne, T. 38.

[13]) Epistol. № 53 c. 1 § 2 p. 196. Migne, T. 33.

землѣ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ „града Божьяго" выдѣлялъ римскаго епископа изъ среды его собратій [1]).

Въ данномъ случаѣ нѣтъ и рѣчи объ опредѣленіи степени самостоятельности епископа Иппонскаго, установленіи его предшественниковъ, или разслѣдованіи вопроса, кому и чѣмъ именно онъ былъ обязанъ. Конечно, воззрѣнія бл. Августина сложились подъ вліяніемъ опредѣленныхъ историческихъ условій, извѣстной среды и склонностей, а потому и приближаются къ взглядамъ другихъ церковныхъ писателей, но не происхожденіе его идей, а *ихъ вліяніе* имѣетъ ближайшее отношеніе къ подготовкѣ церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка.

Для послѣдующаго построенія необходимо показать, что сама свѣтская власть признавала свое служебное положеніе какъ должное, а римскіе епископы уже на первыхъ порахъ притязали на особое вліяніе въ церкви. Въ подтвержденіе этого достаточно остановиться на основныхъ мысляхъ извѣстнаго эдикта Валентиніана III и руководящихъ принципахъ перваго изъ великихъ папъ—Льва.

Валентиніанъ III, ничтожный развратникъ, убійца храбраго Аэція, игрушка придворныхъ интригъ, испытывалъ суевѣрный страхъ передъ римскимъ епископомъ и обнародовалъ эдиктъ [2]), наглядно показывающій, какихъ крупныхъ успѣховъ достигла уже въ половинѣ V вѣка идея міровой власти папы. Частный поводъ, столкновеніе Льва I съ Гиларіемъ Арльскимъ, открылъ общее положеніе, занятое „преемниками св. Петра". Отъ имени обоихъ императоровъ, Θеодосія и Валентиніана, въ эдиктѣ провозглашается „первенство апостольскаго престола, скрѣпленное заслугами св. Петра, достоинствомъ Рима и соборными постановленіями, дабы никто не отважился на что-либо недозволенное, вопреки авторитету римской каθедры". Необходимымъ условіемъ сохраненія повсюду мира церковнаго императоры объявляютъ признаніе вселенной своего правителя—папы. Судъ надъ епископами и ихъ посвященія имѣютъ силу только послѣ одобренія папы. Его приговоръ не нуждается въ императорскомъ одобреніи, тогда какъ противодѣйствіе его предписаніямъ воспрещается, какъ оскорбляющее вѣру и уваженіе къ императорской власти. Для епископовъ всѣхъ провинцій должно служить закономъ все, что только скрѣпилъ или скрѣ-

---

[1]) Подробности см. у *Reuter*, Augustinische Studien. Gotha 1887. Studie V p. 231 s. *Langen*, Geschichte der römischen Kirche bis zum Pontificate Leos I. Bonn 1881 p. 860 s. *Князь Трубецкой*. Міросозерцаніе бл. Августина, стр. 249 сл.

[2]) Migne, T. 54 p. 636—640.

питъ авторитетъ апостольскаго престола. Правители провинцій, которымъ грозитъ крупная кара за допущеніе нарушеній эдикта, обязаны принудить непокорныхъ явиться на судъ папы.

Такимъ образомъ, органы центральнаго правительства, по его указу, превращаются въ проводниковъ папскаго преобладанія. Епископъ вѣчнаго города осуществляетъ свои велѣнія при содѣйствіи свѣтскихъ сановниковъ, обреченныхъ закономъ на роль блюстителей его интересовъ.

Въ данномъ случаѣ подобное положеніе занимаетъ самъ императоръ. Правда, за ничтожнымъ Валентиніаномъ виднѣется могучій образъ Льва, властная воля котораго подчинила слабаго владыку. И самая возможность обнародованія такого указа на имя могущественнаго Аэція ясно показываетъ, что въ общемъ сознаніи пустила глубокіе корни идея всесвѣтной власти римскихъ епископовъ.

Разсмотрѣнный эдиктъ стоитъ въ ближайшей связи съ воззрѣніями виновника его появленія—папы Льва.

Этотъ великій борецъ за сохраненіе чистоты вѣры, давая отпоръ еретикамъ и отстаивая преимущества римской каѳедры, опирался на авторитетъ св. Петра, князя апостоловъ [1]) и всей церкви [2]), главы всѣхъ епископовъ [3]), избраннаго [4]) изъ цѣлаго міра въ вожди „призванія всѣхъ племенъ, всѣхъ апостоловъ и всѣхъ отцовъ церкви". Являясь незыблемымъ основаніемъ церкви, ея краеугольнымъ камнемъ, ап. Петръ передалъ свою крѣпость своимъ наслѣдникамъ [5]) непрестанно сидитъ на своемъ престолѣ, такъ что, по выраженію Льва [6]), „если что-либо въ наше время правильно совершается нами и правильно рѣшается, то это слѣдуетъ приписать руководительству и трудамъ Петра, крѣпость вѣры коего вѣчна" [7]). Онъ былъ предназначенъ Богомъ для Рима, столицы имперіи [8]), приготовленно божественнымъ Провидѣніемъ, дабы Его неизреченная благодать разлилась по всему міру" [9]). Благодаря Петру и Павлу „Римъ сдѣлался

[1]) Sermo III c. 2, p. 145. Migne, T. 54. Cp. Sermo IV c. 2 p. 150 и Serm 82 c. 3 p. 424.

[2]) Sermo IV c. 4 p. 152. Cp. Sermo 73 c. 2, p. 395.

[3]) Sermo III c. 3, p. 146.

[4]) Sermo IV c. 2, p. 149—150.

[5]) Sermo V c. 4 p. 155.

[6]) Sermo IV c. 4 p. 152, cp. Sermo III c. 3 p. 146.

[7]) Sermo III c. 2 p. 145—6.

[8]) Sermo 82 c. 3 p. 424.

[9]) Sermo 82 c. 2 p. 423.

святымъ племенемъ [1]), избраннымъ народомъ, святительскимъ и царскимъ городомъ, главой міра по священному престолу блаженнаго Петра: божественная религія расширила кругъ римской державы больше, чѣмъ земное владычество, ибо меньше подданныхъ подчинили ей трудныя войны, чѣмъ христіанскій миръ". Обращеніе въ христіанство владыки міра [2])—Рима было необходимо для того, чтобъ „свѣтъ истины, открывшейся на спасеніе всѣхъ племенъ, былъ сильнѣе разлитъ самой главой по всему тѣлу міра" [3]). „Вѣдь людей какого племени не было въ то время въ этомъ городѣ? или какіе народы не знали когда-либо то, чему научился Римъ?"

Стало быть, по мнѣнію Льва, весь міръ представляетъ собой *единое тѣло,* главой котораго является Римъ, хранитель и проводникъ единства въ области вѣры. Но истинные христіане должны, по слову апостольскому, „сохранять *единство* духа въ союзѣ *мира*" [4]).

Съ особой полнотой папа Левъ открываетъ свои воззрѣнія на миръ въ проповѣдяхъ, связанныхъ съ праздникомъ Рождества. Онъ наставляетъ здѣсь [5]), что благочестивое почитаніе заключается единственно въ принесеніи Богу того, что онъ самъ даровалъ людямъ. Въ сокровищницѣ же божественной щедрости нельзя найти ничего болѣе подходящаго для празднованія Рождества, чѣмъ миръ, возвѣщенный впервые при рожденіи Господа ангелами. Вѣдь миръ рождаетъ сыновъ божьихъ, является кормильцемъ любви и родителемъ единства, покоемъ блаженныхъ и жилищемъ вѣчности. Къ этому благу побуждаетъ насъ Апостолъ говоря: „оправдавшись вѣрою, будемъ имѣть миръ съ Богомъ". Это изреченіе, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ почти всѣ заповѣди, ибо гдѣ будетъ истина мира, тамъ не можетъ отсутствовать какая-либо добродѣтель: „вѣдь имѣть миръ съ Богомъ значитъ хотѣть то, что онъ приказываетъ и не желать того, что онъ воспрещаетъ" [6]). По опредѣленію [7]) Льва „истинный миръ для христіанина—не отдѣляться отъ воли божьей и находить утѣху только въ томъ, что любитъ Богъ". Не слѣдуетъ смѣшивать завѣщанный Спасителемъ миръ съ миромъ мірскимъ, ибо „миръ

[1]) Sermo 82 c. 1 p. 423.
[2]) Sermo 82 c. 4 p. 424.
[3]) Sermo 82 c. 3 p. 424.
[4]) Sermo 96 c. 9 p. 465.
[5]) Sermo 26 c. 3 p. 214.
[6]) Sermo 26 c. 4 p. 215.
[7]) Sermo 29 c. 1 p. 227.

духовныхъ и православныхъ, сойдя свыше и направляя въ горнія, не желаетъ, чтобы мы имѣли какое-либо общеніе съ любящими міръ, и побуждаетъ насъ оказывать имъ всяческое противодѣйствіе, равно какъ заставляетъ подниматься отъ пагубныхъ утѣхъ къ истиннымъ радостямъ, куда насъ ведетъ духъ мира, разъ мы хотимъ и чувствуемъ одно и то же, будучи согласны въ вѣрѣ, надеждѣ и любви [1]). „Любовь къ міру несовмѣстима съ любовью къ Богу, и не достигаетъ сообщества сыновъ божьихъ тотъ, кто не отдѣляется отъ плотскаго поколѣнія. Наоборотъ, кто съ Богомъ въ помыслахъ озабоченъ сохраненіемъ единства духа въ узахъ мира, тотъ никогда не отпадаетъ отъ вѣчнаго закона, набожно глаголя: „Да будетъ воля Твоя“ [2]).

Левъ подчеркиваетъ [3]) награду, ожидающую „миротворцевъ, единодушныхъ и свято согласныхъ“: ихъ ожидаетъ не только „упокоеніе въ спокойнѣйшемъ мирѣ Бога, но Его помощь въ борьбѣ съ постоянными дьявольскими кознями, ибо для имѣющихъ миръ съ Богомъ не страшны никакія состязанія; имъ не могутъ повредить никакія столкновенія, такъ какъ самъ Господь заканчиваетъ всякую войну за тѣхъ, кто отвергаетъ отвергнутое имъ и желаетъ угоднаго Ему“.

Въ этихъ воззрѣніяхъ папы Льва явственно слышны отголоски развитыхъ блаженнымъ Августиномъ положеній. Единство и миръ остаются признаками истинныхъ сыновъ божьихъ и главной задачей ихъ дѣятельности. Остается и противоположеніе между мірскими сообществами и единеніемъ вѣрныхъ, между миромъ Бога и міра. Истинный миръ получаетъ вполнѣ одинакое опредѣленіе какъ покорность волѣ Небеснаго Отца.

Но какъ узнать эту волю, какъ научиться соблюдать ее, чтобъ невольнымъ отступленіемъ не лишить себя божественной помощи и преодолѣть непрерывныя ухищренія древняго врага?

Общія указанія Евангелія недостаточно точно опредѣляютъ поведеніе во всѣхъ превратностяхъ сложной житейской суеты. Измѣненіе историческихъ условій, превращеніе христіанства изъ религіи преслѣдуемыхъ въ господствующее вѣроисповѣданіе внесли рядъ новыхъ потребностей и запросовъ, подлежавшихъ удовлетворенію. Но и тутъ надлежало дѣйствовать въ видахъ соблюденія мира и единства. Стало быть, необходимо подчиниться нормамъ и опредѣленіямъ,

---

[1]) Sermo 26 c. 5 p. 216.
[2]) Sermo 96 c. 9 p. 465.
[3]) Sermo 26 c. 4 p. 215, cp. Sermo 96 c. 9 p. 465—466.

выработаннымъ христіанскимъ міромъ во всей его совокупности и цѣльности. Голосъ всей церкви долженъ былъ получить обязательную силу, какъ необходимое условіе сохраненія единства и мира, какъ залогъ водворенія правды.

Этотъ обширный сводъ, опредѣлявшій должное и запретное, являлся насущной необходимостью, руководствомъ въ повседневныхъ отношеніяхъ. Въ церковной жизни рано появляются „Правила" разнаго рода, стремящіяся упорядочить не только строй христіанскихъ общинъ, но и поведеніе ихъ членовъ, провести черту, отдѣляющую грѣхъ и беззаконіе отъ дозволеннаго и обязательнаго. Мало-по-малу слагался и вырабатывался своеобразный кодексъ особыхъ церковныхъ законовъ-каноновъ.

Папа Левъ стоитъ на стражѣ ихъ, считаетъ ихъ голосомъ правды, ибо спокойствіе вселенскаго мира можетъ быть охраняемо только подъ условіемъ полнѣйшаго къ нему уваженія, сказывающагося въ соблюденіи каноновъ [1]). Въ посланіи къ императору Маркіану Левъ прямо говоритъ, что каноны изданы для водворенія мира въ церкви вселенской [2]). Особое значеніе онъ придаетъ [3]) „пребывающимъ въ силѣ до скончанія вѣка" канонамъ Никейскаго собора, находя, что по всѣмъ церквамъ вселенной настанетъ спокойный миръ и прочное согласіе, если его постановленія будутъ соблюдаться въ полной неприкосновенности [4]). Каноны св. отцовъ, по убѣжденію Льва, составлены Духомъ Божьимъ и освящены уваженіемъ къ нимъ всего міра [5]).

Такимъ же божественнымъ установленіемъ является приматъ римской церкви [6]). Первенство Петра, „князя всей церкви" [7]), перешло къ его преемникамъ и замѣстителямъ—римскимъ епископамъ [8]); даже въ недостойныхъ наслѣдникахъ сказывается его достоинство [9]), а

---

[1]) Epist., № 119, p. 1045, c. 4.

[2]) Epist., № 136, c. 2, p. 1099.

[3]) Epist., № 106, c. 2, p. 1003, c. 4, p. 1005; № 107, p. 1009; № 114, c. 2, p. 1029—1031; № 119, c. 3, p. 1043; № 135, c. 3, p. 1098: „Nicaenorum canonum universalis ecclesiae pacem servantia decreta".

[4]) Epist., № 105, c. 2, p. 999.

[5]) Epist., № 14, c. 2, p. 672.

[6]) Sermo, 14, c. 4, p. 507. Ср. выше стр. 364 слѣд.

[7]) Sermo, IV, c. 4, p. 152.

[8]) Sermo, III, c. 4, p. 147. Ср. Sermo, II, c. 2, p. 143—144 и Sermo, V, c. 4, p. 155.

[9]) Sermo, III, c. 4, p. 147.

потому его престолъ всегда чистъ отъ ерессей [1]) и исповѣдуетъ вѣру, врученную апостоломъ [2]). Сохраненіе велѣній апостольскаго духа дѣлаетъ вполнѣ заслуженнымъ первенство римской каѳедры [3]), которая „чрезъ апостола Петра имѣетъ главенство надъ всѣми церквами цѣлаго міра“ [4]); блаженнѣйшему епископу Рима древность вручила первенство священства надъ всѣми“ [5]). „Первому престолу принадлежитъ судъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ“ [6]), и къ единой каѳедрѣ Петра стекается забота о вселенской церкви, дабы ничто не отпадало отъ главы [7]).

Сравнительно съ блаженнымъ Августиномъ папа Левъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи ученія о папскомъ приматѣ и уже подчиняетъ церковь вселенскую законодателю міра—римскому первосвятителю. При такомъ высокомъ понятіи о власти римскаго епископа и кругѣ его обязанностей папа Левъ, естественно, отводитъ имперіи въ сущности служебное положеніе. Такъ, онъ полагаетъ, что императоры должны унимать нарушителей церковнаго и государственнаго мира [8]), ибо „божественное Провидѣніе приготовило помощь императоровъ для сохраненія каѳолической истины“ [9]), защиты вѣры отъ еретическихъ ухищреній [10]), устраненія соблазновъ и попеченія о мирѣ божьихъ церквей [11]). Поставленный Богомъ во главѣ всего міра императоръ долженъ помогать своей матери-церкви [12]), такъ какъ власть вручена ему не столько для управленія міромъ, сколько для защиты церкви [13]).

Слѣдовательно, и по данному вопросу замѣчается сходство основныхъ воззрѣній Льва Великаго и блаженнаго Августина.

Необходимо, однако, отмѣтить и отличіе: намѣстникъ св. Петра не проводитъ такой рѣзкой черты между духовной и свѣтской властью, ка-

---

[1]) Sermo, III, c. 3, p. 147, Sermo, 96, c. 3, p. 463.
[2]) Ep., № 52, c. 1, p. 847.
[3]) Ep., № 68, c. 1, p. 889.
[4]) Ep. № 65, c. 2, p. 881.
[5]) Ep., № 55, p. 859.
[6]) Ep., № 120, c. 1, p. 1047, cp. № 55, p. 859.
[7]) Ep., № 14, c. 11, p. 676.
[8]) Ep., № 118, c. 1 и 2, p. 1040.
[9]) Ep., № 111, c. 1, p. 1020.
[10]) Ep., № 112, c. 1, p. 1023. cp. № 101, c. 1, p. 975.
[11]) Ep., № 165, c. 10, p. 1171.
[12]) Ep., № 164, c. 1, p. 1149.
[13]) Ep., № 156, c. 3, p. 1130.

кою ихъ разграничиваетъ епископъ Иппонскій. Въ вѣчномъ городѣ сильнѣе сказываются преданія о единой власти, охватывающей всѣ стороны человѣческаго бытія, и продолжаютъ жить отголоски прежняго смѣшенія области религіи съ государственнымъ строемъ, глава котораго былъ и верховнымъ жрецомъ и священною особою, имѣлъ свой храмъ и свой культъ. Существовавшія цѣлые вѣка воззрѣнія не могутъ умереть по мановенію державной руки, сохраняютъ свое обаяніе надъ умами и только приспособляются къ новымъ порядкамъ и измѣненіямъ.

Такъ и послѣ принятія христіанства императоры не утратили своего значенія въ религіозной жизни, и сами пастыри церковные признавали за ними рѣшающій голосъ въ распряхъ и смутахъ, терзавшихъ христіанскій міръ: бывшій „верховный жрецъ" превратился въ „епископа отъ внѣшнихъ", или „поставленнаго Богомъ общаго для всѣхъ епископа". Въ мощной императорской власти усматривали необходимое условіе для поддержанія единства, сохраненія мира и соблюденія правды.

Императоры такъ и понимали свою задачу, и неоднократно ихъ рвеніе и усердіе, заходя слишкомъ далеко, вносили смуту, расколъ, принужденіе и насиліе въ церковную жизнь. На мѣсто духовнаго единства, божескаго мира и завѣтовъ вѣчной правды въ нее властно вторгались внѣшнее, достигнутое угрозами и муками, единство, продиктованная державной волею правда и вынужденный страхомъ призракъ мира. Внѣшность вытѣсняла духовную сущность, и ради сохраненія оболочки гибло внутреннее глубокое содержаніе, религія духа превращалась въ соблюденіе формы, одобренной правительствомъ. Эта перемѣна происходила въ силу увеличенія вліянія варварства, увлекавшагося доступной его пониманію внѣшностью и неспособнаго проникнуть въ таинственную глубину новаго ученія.

Не притворство, не угодливость заставляли даже передовыхъ людей склонять чело передъ „произволомъ", но убѣжденіе въ законности вторженія императоровъ въ область вѣры. Оно было дѣломъ естественнымъ, привычнымъ и для представителя культуры древняго міра, обожествлявшаго своихъ правителей, и для варваровъ, короли и старѣйшины которыхъ были одновременно и жрецами, и для іудеевъ, находившихъ въ своихъ священныхъ книгахъ указаніе на царей-священниковъ.

Нисколько, поэтому, неудивительно, что отцы соборовъ халке-

донскаго и константинопольскаго привѣтствовали императоровъ какъ царей и святителей, когда даже законъ [1]) не признавалъ большого отличія между святительствомъ и императорствомъ. Неудивительно, когда и папа Левъ Великій пишетъ [2]), что государи его времени не только обладаютъ царской властью, но и святительскимъ ученіемъ, что Богъ даруетъ имъ кромѣ царскаго вѣнца и святительскую пальму, что епископамъ потребно заклинать не только царскій, но и святительскій умъ императора, что въ Маркіанѣ на благо всего міра живетъ и царская мощь и святительское рвеніе.

Конечно, всѣ эти изреченія не доказываютъ, что папа Левъ признавалъ императора главою церкви. „Святительство", „апостольство" кесарей слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ права учить, наставлять, толковать и раскрывать истины вѣроученія, а въ смыслѣ обязанности поддерживать установленное церковью воззрѣніе. Какъ каждый христіанинъ, такъ и императоръ, стоя на высотѣ своей задачи, обнаруживалъ и качества и свойства, присущія святителямъ въ силу особой благодати. Таковъ именно общій смыслъ и приведенныхъ выраженій Льва Великаго, какъ показываетъ вся его дѣятельность и рѣшительное отрицаніе имъ вліянія политическихъ соображеній на организацію церкви [3]).

Несмотря на отдѣльные проблески, идея отдѣленія области церкви и государства не проникала еще глубоко въ общее сознаніе, хотя преемникамъ Льва удалось точно разграничить и опредѣлить взаимныя отношенія властей въ направленіи, намѣчаемомъ уже Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ, равно какъ и другими отцами: императоры въ дѣлѣ спасенія нуждались въ святителяхъ, отвѣтственныхъ и за души владыкъ земныхъ, а потому послѣднимъ надлежало признать святительскія полномочія высшими. Принципъ двоевластія вполнѣ опредѣленно проводится папой Геласіемъ въ посланіи [4]) къ императору Анастасію, гласящемъ, что управленіе міромъ земнымъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ „священномъ авторитетѣ епископовъ и царской власти".

---

[1]) Corpus juris civilis pars III. Novellae № 7 c. 2 p. 50. a Osenbrüggen recognita. Lipsiae 1887.

[2]) Epist. № 116 c. 1 p. 1036. Cp. Epist. № 111 c. 3 p. 1023. № 115 c. 1 p. 1031—1033. № 117 c. 2 p. 1038. № 134 c. 1 p. 1094. № 142 c. 1 p. 1111. № 154 p. 1124. № 155 c. 2 p. 1126. № 156 c. 6 p. 1131.

[3]) Epist. № 104 c. 3 p. 995.

[4]) Migne, T. 56 p. 634. Capitulum 49 c. 2.

Но поскольку государство обнаруживало стремленіе взять въ опеку чисто религіозныя дѣла, постольку церковь простирала область своихъ попеченій и на государственныя отношенія.

Помимо установленнаго уже сходства стремленій и конечныхъ цѣлей, отличавшихся едва уловимыми для громаднаго большинства современниковъ особенностями, необходимо подчеркнуть сходство строя церкви, какъ организаціи, съ римскими учрежденіями, что, конечно, еще болѣе затрудняло правильное разграниченіе и приводило почти къ полному сліянію церкви и государства.

Не говоря уже о вліяніи языческихъ коллегій, съ ихъ общими собраніями. совѣтомъ старѣйшинъ (πρεσβύτεροι), избранными магистратами (ἐπίσκοποι, διάκονοι), взносами и общими пирами, вліяніи, которое склонны ограничивать новѣйшіе изслѣдователи [1]), необходимо отвести первенствующее мѣсто въ дѣлѣ выработки церковнаго организма воздѣйствію устройства римскихъ городскихъ общинъ на церковный строй.

Городъ былъ основной ячейкой римской организаціи и сдѣлался центромъ церковнаго управленія: лаодикейскій соборъ 360 г. постановилъ [2]), что впредь нельзя ставить епископовъ ни въ мѣстечкахъ, ни въ деревняхъ; поставленные же въ нихъ до соборнаго рѣшенія не должны ничего предпринимать безъ согласія епископа соотвѣтствующаго города. По дѣяніямъ же халкедонскаго собора [3]) необходимо учредить новую епископію, разъ мѣстечко дѣлалось городомъ.

Подобно тому какъ нѣсколько городскихъ округовъ составляли одну изъ областей, на которыя раздѣлялась римская имперія, съ высшимъ магистратомъ во главѣ, живущимъ въ главномъ городѣ провинціи (μητρόπολις), совокупность нѣсколькихъ епископій образовывала епархію митрополита, который, какъ и его римскій образецъ, утверждаетъ избраніе подчиненныхъ ему сановниковъ и созываетъ ихъ на областные или помѣстные соборы, соотвѣтствующіе провинціальнымъ собраніямъ [4]). Антіохійскій соборъ 341 г. окончательно установилъ,

---

[1]) *Sohm*, Kirchenrecht p. 10f. *Löning*, Die Gemeindeverfassung des Urchristentums p. 12 f.

[2]) Migne, T. 56 p. 720—721. Capitulum 60 c. 57. Ср. Gratiani Decretum Pars I distinctio 80 c. 5 p. 380.—Canones Nicaeni concilii Tit. 33 p. 403—404. Migne, T. 56.

[3]) Canones synodi chalcedonensis. Migne, T. 56 c. 17 p. 545.

[4]) Ср. Canones Nicaeni concilii c. 7 p. 391 c. 9 p. 391—2.

что главный городъ провинціи долженъ быть и церковно-административнымъ центромъ [1]).

Какъ изъ среды управителей провинціями выдвинулись викаріи или экзархи, которымъ были подчинены по нѣскольку областныхъ подраздѣленій, такъ епископы столицъ діоцезъ превратились въ патріарховъ или экзарховъ [2]).

Такимъ же путемъ пошло возвышеніе въ церковномъ отношеніи второй столицы имперіи, Константинополя, подъ власть епископовъ котораго были отданы области, входившія въ составъ восточной половины имперіи, тогда какъ Римъ сдѣлался главою западныхъ провинцій. При чемъ принадлежность къ тому или иному административному подраздѣленію опредѣляла подчиненіе извѣстному церковному центру; такъ, между прочимъ, возникло обоснованіе подчиненія Θессалоникъ римскому епископу.

Даже болѣе отдаленное средневѣковье улавливало эту связь былой административной системы съ церковной и выражало свое мнѣніе въ своеобразномъ видѣ: лжеисидоровскій сборникъ приписываетъ, устами папъ Климента [3]), Анаклета [4]) и Аникиты [5]), организацію іерархическаго строя апостоламъ и ихъ ученикамъ, руководившимся языческими образцами. На такой же точкѣ зрѣнія стоятъ и другіе общераспространенные сборники и [6]) средневѣковые теоретики [7]).

Въ эпоху упадка императорскаго авторитета на западѣ еще рѣзче выступаетъ значеніе епископовъ, какъ сановниковъ, стремившихся сохранить единство имперіи и ея право, равно какъ водворить попранный миръ. Смѣшеніе церковныхъ обязанностей и государственныхъ функцій становится типичнымъ для епископовъ, заступающихъ бывшихъ магистратовъ и являющихся первою и главною опорою центральнаго правительства. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается огромная и сложная сила: они являются естественнымъ соединительнымъ звеномъ между областями и императоромъ, такъ какъ ихъ избраніе—дѣло мѣстныхъ жителей, а ихъ дѣятельность направлена къ сохра-

---

[1]) Migne, T. 56. Concilium Antiochenum c. 9 p. 708.

[2]) Migne, T. 56 p. 393. Canones Nicaeni concilii c. 10. Harduini II p. 606.

[3]) Epistola Clementis ad Iacobum fratrem Domini c. 28 и 29. Hinschius p. 89.

[4]) c. 26 Hinschius p. 79—80. Epistola Anacleti secunda.

[5]) Decreta Aniciti c. 3. Hinschius p. 121.

[6]) Ср. напр. Decretum Gratiani Pars I dist. 80 c. 1—3 p. 383—385.

[7]) Walafridus Strabo, De exordiis et incrementis rerum ecclesiasticarum c. 32 p. 515—516.

ненію связей съ центромъ; какъ носители идеи мѣстнаго самоуправленія, они пускаютъ глубокіе корни въ провинціальную почву; какъ первые сановники имперіи, они имѣютъ вліятельный и вѣскій голосъ при дворѣ. Въ сущности епископы сдѣлались хозяевами городовъ, а слѣдовательно и имперіи: они руководили избраніемъ городскихъ магистратовъ и надзирали за всей ихъ дѣятельностью, имѣя право обжаловать всѣ ихъ должностныя распоряженія; городскіе финансы подлежали контролю епископовъ, которымъ чиновники представляли ежегодные отчеты; цѣлыя отрасли городского хозяйства находились въ ихъ вѣдѣніи, они наблюдали за общественными постройками, зданіями и тюрьмами; помощь бѣднымъ, опека надъ сиротами, охрана правъ отсутствующихъ, защита отъ злоупотребленій и взяточничества чиновниковъ, хотя бы занимавшихъ самыя высокія должности, надзоръ за правосудіемъ и право печалованья дѣлали епископовъ средоточіемъ городской жизни; кромѣ суда надъ монахами и духовенствомъ они вершили рядъ чисто гражданскихъ дѣлъ (таковы тяжбы по раздѣлу, наслѣдованію, разводу) и выступали, по приглашенію сторонъ, третейскими судьями, при чемъ ихъ рѣшеніе было обязательнымъ. Авторитетъ епископовъ распространялся на всю провинцію, и они разбирали жалобы на провинціальныхъ судей. Если припомнить, что въ эти смутныя времена епископы выступали посредниками между варварскими вождями и населеніемъ, ѣздили послами съ дипломатическими порученіями, выкупали плѣнныхъ и нерѣдко становились вождями мѣстныхъ ополченій, дававшихъ отпоръ варварамъ и защищавшихъ послѣдніе оплоты императорской власти, то придется признать епископатъ самой жизненной силой въ имперіи, въ особенности принявъ во вниманіе ихъ заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія и сохраненія культурнаго наслѣдія древности.

Такимъ образомъ, и религіозное уваженіе, и административное положеніе, и образованность выдвигали духовенство какъ первыхъ борцовъ за имперію.

Сами императоры отлично понимали значеніе епископовъ и старались всяческими льготами, щедрыми дареніями и расширеніемъ правъ и обязанностей пріобрѣсти въ нихъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ. Примѣромъ можетъ служить политика Юстиніана, вся дѣятельность котораго была направлена къ возрожденію былого величія имперіи. Онъ страстно желалъ возстановить ея единство и велъ борьбу съ варварами, не только какъ врагами имперіи, но и еретиками. Религіозный миръ долженъ водвориться во всѣхъ обширныхъ владѣніяхъ повели-

теля Ромеевъ. Единый законъ долженъ былъ дать правду всѣмъ его вѣрноподданнымъ. Въ епископахъ Италіи и Африки онъ находитъ союзниковъ и помощниковъ и въ своемъ законодательствѣ съ большой обстоятельностью стремится упорядочить положеніе епископовъ и опредѣлить кругъ ихъ правъ и обязанностей [1]). Вполнѣ естественно стремленіе императора воспользоваться ихъ услугами для упорядоченія отношеній въ присоединенной Италіи [2]), равно какъ удержать въ своихъ рукахъ власть надъ самымъ вліятельнымъ сословіемъ имперіи [3]).

Но даже ярый борецъ за гибнувшую государственность призналъ, что каноны имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ законы, и объявилъ, что воспрещенное канонами запрещается закономъ [4]), Юстиніанъ же предписалъ [5]), чтобы св. церковные каноны, установленные или изложенные соборами никейскимъ, константинопольскимъ, эфесскимъ и халкедонскимъ, имѣли силу законовъ и соблюдались подобно имъ. Стало быть, смѣшеніе церковнаго и свѣтскаго законодательства было закрѣплено актомъ государственной власти, проникнутой древними римскими традиціями [6]).

Тотъ же законодательный памятникъ торжественно отводитъ [7]) „папѣ древняго Рима первое мѣсто среди всѣхъ святителей". Юстиніанъ, поддерживая единство, подчиняетъ всѣхъ епископовъ востока „архіепископу древняго города Рима и патріарху", ибо онъ „является главою всѣхъ святыхъ церквей" [8]), „единство коихъ сохранится, по его мнѣнію [9]), когда всѣ бл. епископы будутъ наставлены папой въ его ничѣмъ незапятнанномъ ученіи". Императоръ беретъ на себя постоянную заботу о ростѣ „чести и авторитета римской каѳедры" [10]). Это первенство папы при указанномъ значеніи епископовъ неизбѣжно должно было привести къ подчиненію римскому святителю всѣхъ областей, гдѣ императорскій авторитетъ являлся призрачнымъ и неспособнымъ

---

[1]) Corpus juris civilis. Pars II. Lib. I. Tit. III и IV, p. 25 ss. a d. Aemilio Hermanno recognita. Codex. Lipsiae 1887. Novellae № 131, p. 593 ss. № 123, p. 539 ss. № 83, p. 381.

[2]) См. Pragmatica Sanctio 554 г. Monumenta Germaniae leges. T. V.

[3]) Ср. Novella, VI, p. 34 ss. Novella, № 137, p. 624 s.

[4]) Codex Lib. I, tit. 3, c. 45, p. 42—43.

[5]) Novella, 131, c. 1, p. 593.

[6]) Novella, 131, c. 2, p. 593.

[7]) Novella, 131, c. 2, p. 593.

[8]) Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 13.

[9]) Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 14.

[10]) Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 13.

удержать духовенство въ зависимости. Разъ естественный ходъ событій выдвигалъ на мѣсто имперскихъ сановниковъ епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, то переходъ властнаго положенія императоровъ запада къ главѣ церковнаго управленія западныхъ областей былъ лишь вопросомъ времени; признаніе же папы главою духовенства вселенной неизбѣжно должно было вызвать рядъ притязаній на вселенское господство.

Папа выступаетъ какъ бы наслѣдникомъ цезарей и усваиваетъ ихъ придворную обстановку, конечно, приспособляя ее къ происшедшей перемѣнѣ: подобно императорамъ онъ образуетъ вокругъ себя palatium съ primicerius и secundicerius notariorum во главѣ; notarii sanctae romanae ecclesiae, какъ и ихъ товарищи при императорскомъ дворѣ, составляютъ schola [1]); самъ папа выпускаетъ decreta и rescripta [2]), грозя карой за ихъ несоблюденіе и скрѣпляя [3]) ихъ собственноручной подписью [4]); въ папской канцеляріи снимаются копіи съ исходящихъ бумагъ и хранятся въ архивахъ; у подножія апостольскаго престола, въ подражаніе придворному образцу, появляются judices sacri palatii [5]). Помѣстья, принадлежащія императору, носятъ названіе „patrimonium“, служащее прообразомъ для обозначенія поземельной собственности римской каѳедры (patrimonium sancti Petri) [6]). Папскіе чиновники покрываются пурпуромъ императорскихъ сановниковъ и пользуются преимуществами римскихъ сенаторовъ [7]). Впослѣдствіи кардиналы именуются „senatores sanctae sedis“, „patres romanae ecclesiae“ [8]); какъ сенаторы считались „pars corporis imperatoris“, такъ кардиналы составляли „pars corporis papae“ и имъ присвоялся титулъ „legati a latere [9])“. Папскимъ легатамъ принадлежитъ

---

1) *Bresslau*, Handbuch der Urkundenlehre. B. I, p. 151, 159, 165.

2) *Hinschius*, Kirchenrecht. B. III, p. 685.

3) *Sickel*, Die Vorträge der Päpste. Deutsche Zeitschrift für Gesch.-wiss. B. XI, p. 326, n. 3.

4) *Bresslau*, B. I, p. 739.

5) *Keller*, Untersuchungen über die judices sacri palatii Lateranensis. Zeitschrift für Kirchenrecht. B. IX, p. 4 f., см. N. A. B. 25, p. 860—861.

6) *Ducange*, T. VI, p. 218 v. „patrimonium“.

7) *Hinschius*, p. 253.

8) Petri Damiani Sermo 66, p. 880. Ср. *А. Вязигинъ*, Петръ Даміани, стр. 27. *Saegmüller*. Die Thätigkeit und Stellung der Cardinale bis Papst Bonifaz VIII. Freiburg 1896, p. 160—162; 225 ss.

9) *Hinschius*, I, p. 507.

„imperium“, и средневѣковые канонисты ихъ сопоставляютъ съ римскими проконсулами [1]).

Римскія воспоминанія сказываются въ названіи папы—„консуломъ Божьимъ“ [2]) или апостола Петра „консуломъ небесной куріи“. Какъ императоръ, даже по воззрѣніямъ христіанскихъ писателей, былъ подсуденъ только Богу, такъ папа не подлежитъ никакому земному суду. Императорскіе указы имѣютъ значеніе законовъ—папскія декреталіи приравниваются очень рано къ канонамъ по своему авторитету. Императоръ обладаетъ всей полнотой власти — такую же власть приписываютъ канонисты и папѣ; имперскіе сановники получаютъ власть отъ императора и подлежатъ его суду, папы притязаютъ на утвержденіе епископовъ и верховный судъ надъ всѣми церковниками, равно какъ на раздачу и отнятіе всякихъ сановъ и владѣній. Императоръ былъ „господиномъ міра“, написты объявляютъ вселенную „достояніемъ и наслѣдіемъ апостольскаго престола“. По ихъ глубочайшему убѣжденію папа и есть единственно истинный императоръ, а потому и пользуется исключительнымъ правомъ на ношеніе императорскихъ инсигній. Церковь отожествляется съ римской имперіей [4]), и церковники живутъ и судятся по началамъ римскаго права, которое сами папы насаждаютъ у варваровъ.

Такимъ образомъ въ сознаніи средневѣковья папа заступаетъ мѣсто императора, церковь служитъ продолженіемъ римской имперіи, и пресловутая легенда закрѣпляетъ въ общемъ довольно точное наблюденіе, пріурочивая къ папѣ властныя полномочія императоровъ. Какъ извѣстно, по „даренію Константина“ папа Сильвестръ получаетъ отъ могущественнаго государя—императорскій санъ, регаліи, латеранскій дворецъ, Римъ и западныя области, равно какъ папскіе придворные чиновники превращаются въ императорскихъ.

Это смѣшеніе выростало, правда, медленно и постепенно, обнаружилось въ полномъ блескѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ, но его необходимо имѣть въ виду при уясненіи хода возвышенія римской каѳедры и установленія связей съ идейнымъ наслѣдіемъ древности.

Необходимо также считаться съ общимъ положеніемъ дѣлъ, создавшимъ настоятельную потребность въ сохраненіи за Римомъ его дер-

---

[1]) *Scherer*, I, p. 525, n. 26.

[2]) Liber pontificalis I p. 314.

[3]) Leonis papae Sermo XIV c. 3 p. 507 Migne, T. 54.

[4]) *Ficker*, Urkunden zur Reichs und Rechtsgeschichte Italiens. Innsbruck 1874. № 259, p. 305.

жавнаго положенія: волны германскаго варварства разлились мощнымъ потокомъ по римскому міру; лишь кое-гдѣ на западѣ уцѣлѣли и чуть теплились очаги прежней культуры, сосредоточенные по преимуществу въ епископскихъ городахъ. Очевидно, что только тѣсная связь съ общимъ вождемъ, только объединеніе могло спасти ихъ отъ поглощенія надвигающимся варварствомъ, грозившимъ засосать всѣхъ разрозненныхъ и обособленныхъ. Если евреевъ въ эпоху разсѣянія поддерживала святыня Іерусалима, если взоры мусульманъ обращаются къ священной Меккѣ, то для западныхъ христіанъ, желавшихъ сохранить чистоту вѣры, Римъ былъ нравственной опорой, духовнымъ средоточіемъ, оплотомъ и хранителемъ былого величія, залогомъ возрожденія и новаго блеска. Силы для борьбы черпались изъ общенія съ нимъ; его обаяніе коренилось въ преклоненіи передъ его святынями, передъ его уходящимъ въ туманную даль вѣковъ непрестаннымъ существованіемъ: „вѣчный городъ" знаменовалъ собою вѣчное, неподдающееся историческимъ бурямъ государство.

Все средневѣковье вѣровало въ вѣчность существованія римской имперіи, въ ея необходимость для торжества христіанскихъ началъ; варвары принимаютъ на себя заботу объ ея поддержаніи, о сохраненіи и даже расширеніи ея предѣловъ; на востокѣ и на западѣ названіе „римляне" присваивается византійцами и германцами, что служитъ яркимъ выраженіемъ мысли о безсмертіи имперіи. Ея задачи и цѣли остаются неизмѣнными и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію благодаря просвѣтительной и воспитательной дѣятельности церкви, въ которой сосредоточиваются живыя основы государственнаго бытія и сохраняется самый обликъ былого строя.

Завѣты бл. Августина продолжаютъ властно царить надъ умами и служить руководящими убѣжденіями для наиболѣе выдающихся дѣятелей. Мало того. Властители думъ средневѣковья приспособляютъ ихъ къ пониманію рядовыхъ людей, проводятъ въ самыя нѣдра народной жизни, дѣлаютъ устоемъ міровоззрѣнія, опредѣляющимъ цѣль и смыслъ земного существованія.

Наибольшія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ папѣ Григорію Великому, съ котораго ведетъ свое начало возобновленіе собиранія вселенской епархіи Рима, прерванное усиленіемъ въ Италіи власти восточныхъ императоровъ. Этотъ великій папа вступаетъ въ тѣсный союзъ съ монашествомъ, которое даетъ Риму новые оплоты и преданное воинство. Монастыри являются опорными пунктами очагами и разсадниками идеи папскаго преобладанія, ибо въ немъ

видятъ залогъ своей полной самостоятельности и условіе, необходимое для торжества духовнаго начала, которому служатъ сами. Монахи завоевываютъ для Рима страны невѣрныхъ или еретиковъ своей проповѣдническое дѣятельностью, разнося во всѣ концы міра римскій обрядъ, римскіе каноническіе сборники и преклоненіе передъ духовнымъ авторитетомъ намѣстниковъ св. Петра.

При угасаніи образованія на западѣ, все возрастающей рѣдкости книгъ, уменьшеніи числа школъ и гибели многихъ изъ былыхъ просвѣтительныхъ центровъ, при утратѣ множества драгоцѣнныхъ памятниковъ и недоступности для пониманія грубѣющихъ поколѣній произведеній золотого вѣка христіанской литературы дѣлается насущной потребностью введеніе въ повседневный обиходъ важнѣйшихъ изъ круга завѣщанныхъ отцами идеаловъ. Эта задача была блестяще выполнена тѣмъ же Григоріемъ Великимъ.

Подобно своему образцу, блаженному Августину, Григорій съ особой любовью и обстоятельностью останавливается на мирѣ, какъ главномъ признакѣ истинно христіанскаго строя. Съ наибольшей полнотой онъ раскрываетъ свои воззрѣнія по данному вопросу въ настольной книгѣ средневѣкового духовенства, „Пастырскомъ правилѣ", дающемъ совѣты и назиданія по многоразличнымъ поводамъ. Здѣсь, между прочимъ, папа наставляетъ, какъ „слѣдуетъ увѣщевать сварливыхъ и миролюбивыхъ" [1]). Основываясь на подборѣ мѣстъ св. Писанія, онъ показываетъ, что миръ является завѣтомъ Божьимъ и необходимымъ условіемъ спасенія. Раздоры мѣшаютъ принести жертву Богу, а потому ведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, „ибо благо не можетъ наступить раньше окончательнаго искорененія зла". Глухимъ къ божественнымъ предписаніямъ, по его совѣту, слѣдуетъ указывать, что неразумная природа открываетъ, какой вредъ причиняютъ себѣ разумныя существа своими раздорами; „вѣдь птицы собираются въ стаи для перелета и безсловесныя животныя пасутся стадами" [2]).

Однако папа совершенно далекъ отъ проповѣди мира со всѣми во что бы то ни стало: онъ отличаетъ земной миръ отъ горняго (superna). Нельзя, потакая нечестивцамъ ради мира людскаго, отдѣляться отъ Бога, установившаго свой миръ. „Миръ преходящій—только нѣкій слѣдъ мира вѣчнаго. Что же можетъ быть нелѣпѣе любви къ слѣду, оставленному

---

[1]) Regula pastoralis. Pars III c. 22 ss. p. 89 s. Migne, T. 77.

[2]) Regula pastoralis. Pars III c. 22 p. 90. Cp. Homiliarum in Ezechielem Lib. I. Homil. 8 p. 858.

на прахѣ, при отсутствіи любви къ оставившему этотъ слѣдъ? Не должно бояться нарушить преходящій временный миръ словомъ порицанія, когда примѣры изъ Ветхаго завѣта свидѣтельствуютъ, что даже употребленіе насилія противъ злыхъ угодно Богу. Вотъ почему сама Истина глаголетъ: „не миръ пришелъ Я принести, но мечъ". Враговъ Божьихъ надо возненавидѣть совершенною ненавистью, т. е. подавлять нравы злыхъ и исправлять ихъ жизнь. Правда, апостолъ предписываетъ имѣть миръ со всѣми, но онъ же дѣлаетъ оговорку „насколько это возможно съ нашей стороны" [1]). Нарушая внѣшній миръ въ сердцахъ злыхъ своими порицаніями, мы сохраняемъ, поскольку зависитъ отъ насъ, съ ними миръ внутренній. Для образумленія сѣющихъ раздоры надлежитъ показать имъ, что они слѣдуютъ дьяволу и являются врагами Божьими.

Если миротворцы—сыны Божьи, то нарушители мира, несомнѣнно, сыны сатаны [2]). Соединяющіеся въ мирѣ со злыми отдаютъ свои силы неправдѣ. Много вреда, если нѣтъ единства между добрыми, но еще вреднѣе, когда оно есть между злыми. Радѣющіе о мирѣ сперва должны внушить злымъ любовь къ внутреннему миру, чтобъ потомъ принесъ имъ пользу миръ внѣшній: отъ любви къ ближнему восходятъ къ миру Создателя. Въ своихъ посланіяхъ Григорій также неоднократно возвращается къ миру и раскрываетъ его значеніе для общецерковной жизни.

По его мнѣнію, внутри церкви должны царить любовь и единое исповѣданіе вѣры для поддержанія единства [3]). Пастыри должны прилагать особыя старанія для сохраненія мира и единства [4]) въ церкви, пребывать въ миролюбіи и никоимъ образомъ не подавать повода къ раздору: „единственнымъ средствомъ для соблюденія заповѣди мира, пишетъ Григорій константинопольскому патріарху [5]), является смиреніе, требующее устраненія соблазнительныхъ и гордыхъ титуловъ, дабы вы не оказались отдѣленными отъ мирнаго общенія съ нами. Да будетъ у насъ единъ духъ, единъ умъ, едина пріязнь, единая связь согласія во Христѣ, восхотѣвшемъ, дабы мы были его членами".

Во всей своей дѣятельности Григорій и стоялъ на стражѣ мира,

---

[1]) Regula pastoralis. Pars III c. 23 p. 92.
[2]) Ibid. P. 93.
[3]) Epist. Lib. VII № 4 p. 856.
[4]) Epist. Lib. VII № 5 p. 859.
[5]) Epist. Lib. XIII № 40 p. 1289—1290. Cp. Lib. IX № 106 p. 1028.

пытаясь устранить поводы къ раздору и затушить вспыхнувшія страсти [1]). Но онъ видѣлъ ясно, что „живя во плоти“ невозможно добиться истиннаго мира [2]). Только Христосъ обладалъ совершеннымъ миромъ [3]), а потому миръ нашъ—въ Искупителѣ [4]), въ покорности и повиновеніи Богу [5]). Стало быть, миръ съ Богомъ ведетъ къ непрестанной борьбѣ съ древнимъ врагомъ [6]). Итакъ, Григорій Великій, подобно блаженному Августину, отдѣляетъ [7]) миръ „земной“, „временный“, „преходящій“, „ложный“, „человѣческій“ отъ „полнаго“, „вѣчнаго“, „истиннаго“, „совершеннаго“, „Божьяго“ и опредѣляетъ послѣдній какъ повиновеніе Богу.

Спутникомъ мира у Григорія, какъ и у блаженнаго Августина, является единство: „церковь укрѣпляетъ себя миромъ и связываетъ себя единствомъ, чтобъ быть страшнѣе для враговъ“ [8]). Единство служитъ предметомъ особыхъ заботъ и попеченій папы [9]), ибо Христосъ претерпѣлъ смерть ради укрѣпленія единства между членами церкви“ [10]).

Въ свою очередь единство почіетъ на „корнѣ благочестія“ [11])—правдѣ [12]), и по ея требованіямъ [13]) папа старается вершить всѣ дѣла и улаживать всякія затрудненія.

---

[1]) Подробности о взглядахъ Григорія на миръ и его примирительной дѣятельности см.: Epist. Lib. III № 39 p. 636; Lib. V № 36 p. 761; Lib. VI № 48 и 44 p. 815; Lib. IX № 104 p. 1027; Lib. X № 42 p. 1100—1101; Lib. V № 43 p. 772; Lib. X № 58 p. 1112; Lib. XI № 46 p. 1166; Lib. XII № 28 p. 1238; Lib. XIII № 4 p. 1257; № 17 p. 1272; Lib. XIV № 1 p. 1303. № 12 p. 1316. Migne, T. 77.

[2]) Super Cantica Canticorum expositio cap. 8 p. 545. Migne, T. 79.

[3]) In Septem Psalm. poenit. expositio psal. 7 p. 654. Migne, T. 79.

[4]) In primum regum expositiones Lib. II c. 1 p. 89. Migne, T. 79.

[5]) Moralium Lib. IX c. 5 p. 861. Migne, T. 75.

[6]) Moralium Lib. VI c. 33 p. 757. In primum regum expositiones. Lib. IV c. 4 p. 238. Migne, T. 79.

[7]) Ср. Moralium Lib. VI c. 34 p. 758. Homiliarum in Ezechielem Lib. I Hom. 10 p. 896; Lib. II Hom. 38 p. 1241; Homiliarum in Euangelia Lib. II. Hom. 24 p. 1185.

[8]) Super cantica canticorum expositio c. 6 p. 527. Migne, T. 79. Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 9 c. 14 p. 1059.

[9]) Epist. Lib. VII № 31 p. 889; Lib. IX № 58 p. 992. Moralium Lib. XVI c. 55 p. 1153. Migne, T. 75.

[10]) Super cantica canticorum expositio c. 4 p. 512.

[11]) Moralium Lib. 19 c. 23 p. 123.

[12]) Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 10 p. 1069.

[13]) Epist. Lib. II № 53. p. 598.

Такимъ образомъ, сочетаніе мира, единства и правды лежитъ въ основѣ идеаловъ Григорія Великаго и опредѣляетъ задачи его дѣятельности: по его убѣжденію надъ ихъ водвореніемъ должна работать церковь, которую онъ, подобно блаженному Августину, считаетъ „царствіемъ небеснымъ" [1]), градомъ Господнимъ [2]); въ его глазахъ земная церковь и есть обѣтованное царствіе Божіе; „видя его возвышеннымъ въ мірѣ семъ, мы уповаемъ на царствіе, которое, какъ вѣримъ, получимъ на небеси, ибо Истина обѣщала несвѣдущимъ ученикамъ, что царство Бога узрится на землѣ, дабы они вѣрнѣе представляли его себѣ на небѣ" [3]). „Земное царство Божье" — святая церковь нарочито ввѣрена Богомъ апостолу Петру [4]), верховному патріарху [5]) и князю апостоловъ [6]). Григорій отожествляетъ [7]) съ св. Петромъ римскую каѳедру, „главу вѣры" [8]); самъ апостолъ возсѣдаетъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ [9]). „Приматъ римской церкви" для папы представляется установленнымъ искони, не нуждающимся въ доказательствахъ. Кругъ его попеченій распространяется на всѣ церкви [10]); ему подчинены всѣ епископы [11]), не исключая и константинопольскаго патріарха [12]); его исповѣданіе служитъ критеріемъ въ дѣлахъ вѣры [13]); къ нему, какъ высшему судьѣ, согласно канонамъ должны восходить аппелляціонныя жалобы [14]).

Считая всѣ преимущества „апостольскаго престола" скрѣпленными установленіями св. отцовъ и соборовъ, Григорій ревниво отстаиваетъ соблюденіе каноническихъ предписаній въ ихъ пол-

---

[1]) Moralium Lib. 32 c. 15 p. 651. Lib. 33, c. 18 p. 695. Homiliarum in Euangelia Lib. I. Hom. 12 p. 1119; Hom. 19 p. 1154. Lib. II. Hom. 38 p. 1282. Migne, T. 76.

[2]) Moralium Lib. 25 c. 8 p. 333. Cp. Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 1 p. 988. Migne, T. 76.

[3]) Homiliarum Lib. II. Hom. 32 p. 1236–1237.

[4]) Homiliarum Lib. II. Hom. 24 p. 1185—1186. Ep. Lib. V № 18 p. 740.

[5]) In primum regum expositiones Lib. V c. 3 p. 466.

[6]) Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 6 p. 1002. Epist. Lib. IV № 44 p. 718, Lib. V № 18 p. 740, Lib. VII № 40 p. 898—9. Lib. XI № 45 p. 1160.

[7]) Ep. Lib. VI № 54 p. 838 № 55 p. 839.

[8]) Ep. № 37. Lib. 13 p. 1287.

[9]) Ep. Lib. VII № 40 p. 899.

[10]) Ep. Lib. III № 57 p. 654.

[11]) Ep. Lib. IX № 59 p. 996.

[12]) Ep. Lib. IX № 12 p. 957.

[13]) Ep. Lib. VI № 66 p. 850, № 15 p. 807—808.

[14]) Ep. Lib. VI № 24 p. 814.

номъ объемѣ, какъ залогъ неприкосновенности положенія членовъ церкви [1]). Охранять каноны должны не только епископы, но и свѣтскіе владѣтели [2]): Григорій увѣщаетъ [3]) Брунгильду, чтобъ она „исправила все совершенное вопреки канонамъ и не допускала какого бы то ни было нарушенія церковныхъ установленій". Императоръ, „стражъ церковнаго мира" [4]), долженъ почитать каноны и не вмѣшиваться въ дѣла святителей [5]), отдавая виновныхъ епископовъ, сообразно каноническимъ предписаніямъ, на судъ папѣ [6]), коему принадлежитъ надзоръ за соблюденіемъ канововъ и отческихъ постановленій [7]).

Григорій вообще придерживается августиновскихъ воззрѣній на отношенія властей [8]): по его мнѣнію [9]), „императорамъ вручена свыше власть надъ всѣми людьми, для оказанія содѣйствія добрымъ стремленіямъ, расширенія пути къ небесамъ и служенія земного царства небесному". Въ силу этого служебнаго положенія государства, папа обращается [10]) за помощью къ свѣтскимъ чиновникамъ, для наказанія виновныхъ въ языческихъ суевѣріяхъ и почитаніи идоловъ, такъ какъ „никто не можетъ правильно управлять земными дѣлами, если не научится заниматься божественнымъ и разсматривать миръ государства въ зависимости отъ мира церкви вселенской" [11]). Согласіе съ каноническими требованіями является для Григорія мѣриломъ отношенія къ императорскимъ распоряженіямъ: если они каноничны, надлежитъ имъ слѣдовать; въ противномъ случаѣ, лишь не впадая въ грѣхъ, ихъ можно переносить [12]). На этомъ основаніи папа старается [13]) отговорить императора Маврикія отъ проведенія въ жизнь „закона, стоящаго въ противорѣчіи съ всемогущимъ Богомъ". Григорій опасается, что эта мѣра императора навлечетъ бѣды на христіан-

---

[1]) Ep. Lib. 13 № 37 p. 1287. Cp. Lib. V № 44 p. 772.
[2]) Lib. III № 53 p. 649.
[3]) Lib. 13 № 6 p. 1261.
[4]) Lib. VII № 6 p. 859.
[5]) Lib. VI № 25 p. 816.
[6]) Lib. IX № 59 p. 996.
[7]) Cp. Lib. IV № 7 p. 674.
[8]) Moralium. Lib. 31, c. V—VI, p. 576; c. 7 p. 577.
[9]) Ep. Lib. III. № 65, p. 663.
[10]) Lib. VIII, № 18, p. 921; Lib. III, № 62, p. 659.
[11]) Ep. Lib. V, № 20, p. 744.
[12]) Lib. XI, № 47, p. 1167.
[13]) Lib. III. № 65, p. 662—665; cp. № 66, p. 665—666.

скій міръ, такъ какъ гнѣвъ божественнаго мщенія губитъ тѣхъ, кого божьи завѣты не возвращаютъ на стезю справедливости [1]); наоборотъ, исправленіе совершеннаго противъ Бога приноситъ царствамъ во всемъ пользу [2]), а борьба съ врагами Бога даетъ счастье земное и небесныя радости [3]).

Такимъ образомъ, заповѣди Божіи перестаютъ быть обязательными исключительно по чисто нравственнымъ побужденіямъ; ихъ соблюденіе оказывается дѣломъ выгоднымъ, способствующимъ земному благополучію и загробному блаженству. Житейскія утѣхи и радости являются наиболѣе привлекательной наградой для людей, неспособныхъ найти удовлетвореніе въ сознаніи исполненнаго долга. Очевидно, что, выдвигая, какъ побужденіе къ выполненію каноническихъ предписаній, доступное уже на землѣ счастье, папа приспособляется къ уровню развитія и пониманію своихъ современниковъ. Григорій, будучи опытнымъ и гибкимъ дипломатомъ, тонкимъ и дальнозоркимъ политикомъ, глубокимъ и разностороннимъ знатокомъ запросовъ человѣческаго сердца, совершенно сознательно идетъ на встрѣчу стихійному приспособленію, дѣлаетъ уступки вѣрованіямъ и обычаямъ язычниковъ [4]), чтобы уловить ихъ души въ сѣти преемниковъ галилейскаго рыбаря. Онъ прозрѣваетъ будущее и ради грядущихъ поколѣній изъявляетъ готовность на послабленія, которыя никогда не были бы сдѣланы ревнителями не внѣшности, но духа Христова ученія. Подвижникъ по своей личной жизни, отрекшійся отъ соблазновъ грѣшнаго міра и постоянно вздыхающій по прелестямъ тихаго созерцанія въ обители, Григорій, по обязанности вселенскаго пастыря, прибѣгаетъ къ средствамъ, которыя считаетъ наиболѣе пригодными для спасенія ввѣренной ему свыше паствы. Не самостоятельное разрѣшеніе отвлеченныхъ богословскихъ вопросовъ занимаетъ его умъ, но устроеніе земного царствія Божьяго—церкви, обнимающаго и добрыхъ и злыхъ, совершенныхъ и не совершенныхъ. Онъ прилагаетъ старанія для расширенія предѣловъ распространенія „истиннаго вѣроученія", содѣйствуя обращенію въ православіе еретиковъ вестготовъ и лангобардовъ, искорененію злоупотребленій, закравшихся въ жизнь франкской церкви, и крещенію язычниковъ англосаксовъ.

---

[1]) Lib. IX, № 11, p. 955.
[2]) Lib. XI, № 60, p. 1180.
[3]) Lib. XI, № 59, p. 1179.
[4]) Epist., Lib. XI, № 76, p. 1215, ss.

Ошибки византійскаго правительства и непомѣрное вмѣшательство императоровъ во внутреннюю жизнь церкви дѣлаютъ папу оплотомъ свободы церкви, главою западныхъ областей, которыя привыкаютъ видѣть въ Византіи источникъ церковныхъ смутъ, не находятъ въ ней защиты и жестоко страдаютъ отъ злоупотребленій ея чиновниковъ. Взявъ въ свои руки оборону Рима отъ лангобардовъ, Григорій, рядомъ разумныхъ мѣропріятій, превращаетъ его въ „свой городъ". Давая отпоръ внѣшнимъ врагамъ и изобличая передъ императоромъ своекорыстныя продѣлки его сановниковъ, Григорій сдѣлалъ „апостольскій престолъ" блюстителемъ интересовъ всей Италіи, въ ущербъ обаянію „царственнаго града Константинополя". Образцовымъ веденіемъ обширнаго и сложнаго хозяйства римской церкви, онъ заложилъ прочныя основы могущества папства, такъ какъ своимъ примѣромъ показалъ, что предоставленіе вещественныхъ и осязательныхъ благъ дѣлаетъ слабыхъ дѣтей земли вѣрными сынами церкви. Вотъ почему его преемникамъ пришлось пожинать его посѣвы и заботиться о пріобрѣтеніи новыхъ нивъ, продолжая дѣло обращенія языческаго міра.

Несмотря на всю свою сдержанность, даже Григорій не избѣжалъ столкновенія съ византійскимъ правительствомъ, которое съ теченіемъ времени все сильнѣе вторгалось во внутренную жизнь церкви и гоненіемъ на иконы окончательно подорвало свой авторитетъ на западѣ.

Въ эпоху иконоборства Римъ служилъ однимъ изъ главныхъ очаговъ православія и по своей отдаленности отъ Константинополя давалъ убѣжище борцамъ противъ императорскаго произвола. Цѣлыя волны бѣглецовъ устремились къ берегамъ Италіи, въ поискахъ мѣста, гдѣ они могли бы свободно исповѣдывать свои религіозныя убѣжденія. Узы зависимости отъ Византіи слабѣли подъ напоромъ всеобщаго негодованія противъ еретиковъ императоровъ, уничтожавшихъ единство церкви своими новшествами, нарушавшихъ ея миръ своими указами и попиравшихъ правду своими непомѣрными требованіями. Въ глазахъ народовъ запада императоръ [1]) утрачивалъ главную свою отличительную черту, превращаясь изъ „государя свободныхъ въ господина рабовъ". Его произволъ и насилія встрѣчаютъ дружный отпоръ, тогда какъ на защиту папы поднимается не разъ мѣстное населеніе: ополченіе Равеннской области, Пентаполиса и прилежащихъ мѣстъ не пустило папу Сергія въ Константинополь, вопреки

[1]) Gregorii Magni, Epistolar., Lib. X, № 11, p. 1107. Lib. XIII, № 31, p. 1282.

строгому императорскому наказу и усиліямъ экзарха [1]). Опираясь на боевую силу итальянскихъ ополченій, папа Константинъ рѣшается на смѣлый шагъ, служащій яснымъ предзнаменованіемъ близкаго и окончательнаго разрыва: вопреки существовавшему обычаю [2]), онъ не помѣстилъ въ церкви изображенія еретика императора Филиппика, воспретилъ поминать его имя во время богослуженія и не допустилъ до отправленія должностныхъ обязанностей назначеннаго въ Римъ византійскаго сановника [3]).

Еще отважнѣе и рѣшительнѣе поступилъ его преемникъ Григорій II, „отказавшійся повиноваться указамъ императора Льва и вооружившійся противъ него, какъ противъ врага“ [4]), задержавъ въ то же время доходы императорской казны [5]). Весь полуостровъ стоялъ за папу, отрицавшаго право вмѣшательства императора въ дѣла вѣры „вопреки древнимъ церковнымъ догматамъ, установленнымъ св. отцами“. Повсюду обнаружилось стремленіе отстоять свои вольности и привилегіи папы [6]). Даже новые сыны римской церкви лангобарды, раздѣляли всеобщее настроеніе, „горя желаніемъ сразиться за собратовъ по вѣрѣ и будучи готовы на славную смерть изъ-за папы“. Правда, своекорыстные расчеты побудили лангобардскаго короля вскорѣ протянуть руку помощи экзарху, чтобъ совмѣстными силами овладѣть Римомъ. Но и на этотъ разъ обаяніе папы и страхъ передъ св. Петромъ спасли вѣчный городъ, и противоестественный союзъ распался [7]).

Григорій II не остановился передъ защитой иконъ на западѣ и выступилъ съ обличеніями противъ императора въ письмахъ, ему посланныхъ. Здѣсь папа говоритъ [8]), что можетъ, въ силу переданной ему апостоломъ Петромъ власти, покарать императора за нарушеніе отческаго ученія: догматы церковные—не дѣло императоровъ, но святителей; какъ святители не вмѣшиваются въ государственныя дѣла, такъ императорамъ надлежитъ уклоняться отъ церковныхъ и вѣдать свое. Григорій совершенно открыто показываетъ Льву, что не

---

[1]) Liber pontificalis, T. I, p. 373.
[2]) Appendix ad S. Gregorii epistolas, № 12, p. 1350. Migne, T. 77.
[3]) Liber pontificalis, T. I, p. 392.
[4]) Ibid., p. 404.
[5]) Theophanes. T. I, p. 621.
[6]) Liber pontificalis, p. 404—5.
[7]) Liber pontificalis p. 407—8.
[8]) Migne, T. 89, p. 511.

боится его угрозъ, такъ какъ чувствуетъ за собой поддержку государей запада, *усматривающихъ въ апостолѣ Петрѣ земного Бога.* Миръ между ними и императоромъ поддерживаетъ только папа, на котораго обращены взоры всего западнаго міра.

По свидѣтельству источника [1]), итальянскія области готовились уже въ это время избрать своего императора, и только Григорій, въ надеждѣ на обращеніе Льва, сдержалъ ихъ рвеніе. Дѣйствительно, не встрѣтивъ поддержки апостольскаго престола, попытка Тиверія Петазія „захватить царство римской имперіи“ закончилась полнѣйшей неудачей [2]).

Само собою понятно, что соблюденіе вѣрности еретику и гонителю „истинной вѣры, унаслѣдованной отъ отцовъ“, представляло невѣроятныя трудности, такъ какъ онъ не выполнялъ обязанностей, оправдывавшихъ самое существованіе императорской власти. Вмѣсто преслѣдователя, нарушавшаго миръ церковный и расторгавшаго единство церкви, папы должны были желать государя, который сдѣлался бы ея дѣйствительнымъ защитникомъ, преданнымъ и покорнымъ сыномъ св. Петра, превратившагося, какъ извѣстно, для народа запада въ земного Бога. Это превращеніе является въ высокой степени знаменательнымъ, какъ непреложный признакъ всеростущаго овеществленія древне-христіанскихъ представленій и вѣрный показатель направленія грядущихъ событій: разъ св. Петръ былъ признанъ земнымъ Богомъ, то водвореніе земного царствія Божьяго дѣлалось равносильнымъ укрѣпленію власти „князя апостоловъ“ во всемъ христіанскомъ мірѣ, власти не только духовной, но и политической. Папа, какъ намѣстникъ земного Бога, какъ живое его воплощеніе, въ общемъ сознаніи долженъ былъ самъ рано или поздно сдѣлаться земнымъ Богомъ.

Такимъ образомъ къ началу VIII вѣка явственно обнаружилось, что византійскій императоръ не въ состояніи удержать надъ своею державою западный міръ, ощущавшій, однако, жгучую потребность въ общемъ вождѣ для успѣшной борьбы съ непрекращающимися еретическими измышленіями свѣтской власти. Такимъ вождемъ западъ признаетъ намѣстника св. Петра, который въ свою очередь нуждается, по древнимъ образцамъ, въ исполнителѣ своихъ предначертаній, достаточно могущественномъ, но обязанномъ всѣмъ апостольскому престолу.

Отдѣленіе запада отъ востока, возникновеніе новой имперіи, по-

---

[1]) Liber pontificalis, p. 404—405, 407.

[2]) Liber pontificalis, p. 408—409.

явленіе на западѣ государя, воодушевленнаго идеей насажденія на землѣ царства Божьяго и новые успѣхи папства, какъ носителя власти императоровъ, составляютъ дальнѣйшую ступень въ исторіи идейнаго подготовленія преобразованій XI вѣка, тѣмъ не менѣе уже разсмотрѣнный періодъ позволяетъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній: анализъ твореній бл. Августина, Льва Великаго и Григорія Двоеслова, устанавливаетъ, съ неоспоримою точностью, что водвореніе на землѣ отожествляемаго съ церковью „Божьяго царства", существенными признаками коего являются единство, миръ и правда, постепенно все болѣе и болѣе связывается съ подчиненіемъ всего христіанскаго міра скрѣпленной мѣриломъ должнаго, канонами административной, судебной и законодательной власти римскаго первосвятителя, какъ наслѣдника и представителя св. Петра. Однако, не честолюбіе и властолюбіе отдѣльныхъ лицъ поднимаютъ папство на вершину почета и власти: папы силою вещей обречены замѣстить собою императоровъ въ западныхъ областяхъ, которыя, въ свою очередь, ищутъ и находятъ себѣ опору въ римскихъ епископахъ. Это совпаденіе центростремительныхъ силъ съ господствующими вѣрованіями и направленіемъ сознательной дѣятельности „апостольскихъ преемниковъ" придаетъ ей непреодолимую мощь. Папы выдвигаются какъ хранители истины и устроители жизни; они, по общему убѣжденію, раздѣляемому и свѣтскими владѣтелями, даже императорами, являются блюстителями чистоты вѣры, служащей залогомъ небеснаго блаженства и земного благополучія. На нихъ лежитъ обязанность привести все въ соотвѣтствіе съ завѣтами божественной воли — канонами, спасти отъ заблужденій, обличить ересь, пресѣчь беззаконіе, разрѣшить недоумѣнія, очистить отъ неправды, помочь изнемогающимъ отъ бремени трудовъ и заботъ.

Отсюда вытекаетъ, что церковно-общественныя преобразованія въ изучаемое время могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда ими руководитъ папство.

А. Вязигинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВѢКА.

I.

Мало кто занимался у насъ исторіей нашего *литературнаго* языка *позднѣйшаго* времени, а между тѣмъ въ языкѣ нашихъ писателей конца XVIII и начала XIX столѣтія заключается особенно много интереснаго матеріала для исторіи нашего общества, для характеристики нашихъ общественныхъ отношеній и роста нашей культуры. Извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка наше русское дворянство было почти исключительнымъ представителемъ нашей литературы. Ломоносовъ по своей дѣятельности относится къ предшествовавшей эпохѣ и во всякомъ случаѣ представлялъ за это время единственный примѣръ литератора-крестьянина. Отсюда можно было бы сдѣлать заключеніе, что нашъ литературный языкъ обязанъ теперешнимъ своимъ состояніемъ литературной дѣятельности того же дворянства; можно было бы подумать, что дворянскій элементъ нашего литературнаго языка въ наше время есть элементъ преобладающій въ фонетикѣ и лексиконѣ нашего языка [1]). На дѣлѣ оказывается совсѣмъ иное. Изученіе исторіи нашего литературнаго языка за разсматриваемый періодъ времени обнаружило передъ нами то обстоятельство, что самымъ главнымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ нашего литературнаго языка сперва подъ перомъ Ломоносова, а затѣмъ подъ перомъ Пушкина, былъ элементъ народной русской рѣчи.

[1]) Наше дворянство начала истекшаго столѣтія произносило *особеннымъ образомъ* не только заимствованныя въ русскій языкъ иностранныя, французскія слова, но, по условіямъ своего образованія, и въ нѣкоторыхъ *чисто-русскихъ* словахъ отличалось особенностями своего произношенія.

Этотъ элементъ развился еще болѣе въ послѣднее время и довелъ нашъ литературный языкъ до современнаго состоянія, при которомъ и наша литература вошла въ кругъ европейскихъ культурныхъ литературъ. Дворянскій же элементъ заглохъ, какъ нежизнеспособный, и само дворянство заговорило и стало писать языкомъ современной намъ литературы.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія дворянство образовывало собою родъ литературной касты, въ которую нельзя было проникнуть писателю не дворянскаго сословія. Дворянство отличалось отъ прочаго общества не только своими понятіями, но и своимъ языкомъ; весь составъ его языка: и произношеніе, и словарь, и ударенія отличались настолько отъ разговорнаго языка прочей части русскаго общества, что сліянія этихъ двухъ языковъ въ будущемъ нельзя было и предвидѣть, а побѣда послѣдняго надъ первымъ казалась даже немыслимой. Пушкинъ въ 1834 году писалъ такъ: „Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне... постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія“ [1])...

Это Пушкинъ писалъ уже въ то время, когда онъ собственно заканчивалъ свое литературное и культурное дѣло; эпоха послѣ 30-хъ годовъ нашего столѣтія уже стоитъ за предѣлами нашей настоящей задачи. Посмотримъ же, что представлялъ изъ себя русскій литературный языкъ до этого времени.

Нашему разсмотрѣнію подлежитъ русскій литературный языкъ въ ту эпоху, которую мы назовемъ эпохой *денаціонализаціи* языка, и въ первые годы слѣдовавшей за этимъ эпохи *самостоятельнаго національнаго* развитія.

Если мы будемъ имѣть въ виду, что языкъ представляетъ двѣ стороны: тоническую и лексическую, по которымъ можно судить о факторахъ, участвовавшихъ въ развитіи нашего литературнаго языка, то мы, при анализѣ этого языка, увидимъ въ немъ и сословный элементъ, и діалектическій элементъ народный, и иностранный заимствованный. *Иностранный заимствованный* элементъ мы узнаемъ въ лексикологіи, *діалектическій—народный* узнаемъ отчасти въ лексико-

[1]) Соч. *Пушкина*. Изд. литер. фонда. С.-Пб. 1887, V т. стр. 227. Примѣч.

логіи, отчасти въ удареніи словъ, а отчасти въ произношеніи звуковъ, переданномъ намъ при посредствѣ правописанія. Наконецъ, *сословный элементъ* обнаружится передъ нами въ удареніяхъ словъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ, въ риѳмахъ и въ правописаніи автора.

Разсматриваемая нами эпоха русскаго литературнаго языка предлагаетъ нашему вниманію особенно цѣнный матеріалъ, потому что въ то время не было однообразнаго правописанія, а потому и произношеніе каждаго писателя до извѣстной степени можетъ быть обнаружено изъ данныхъ его письма [1]).

Языкъ писателя дѣлается, помимо воли и сознанія самого автора, безпристрастнымъ и объективнымъ свидѣтелемъ развитія нашей духовной жизни; языкъ не можетъ насъ обмануть такъ, какъ можетъ обмануть довѣрчиваго историка субъективный и пристрастный мемуаристъ, излагающій свой разсказъ о какомъ-либо событіи или лицѣ и, естественно, вносящій въ свой разсказъ свои собственныя чувства, волновавшія его, какъ современника описываемой имъ эпохи. И чѣмъ шире была общественная дѣятельность мемуариста-историка, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ событію или лицу, тѣмъ больше симпатій и антипатій наполняло его душу, тѣмъ болѣе пристрастными становятся его сужденія, помимо его желанія. Поэтому какъ ни цѣнно иногда бываетъ свидѣтельство современника, но оно лишь тогда можетъ быть надежнымъ источникомъ свѣдѣній потомства о прошломъ времени, когда оно провѣрено другими свидѣтельствами, и когда выдѣленъ и узнанъ въ немъ *личный* элементъ. Не такой свидѣтель прошлаго—

---

[1]) Если бы у насъ привилась привычка издавать сочиненія нашихъ старыхъ авторовъ *ученымъ образомъ* во всѣхъ отношеніяхъ, то мы имѣли бы изданія съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія по рукописямъ каждаго автора, и тогда значительно облегчилась бы наша задача—обрисовка общей картины русскаго литературнаго языка стараго времени. Но изданій такихъ нѣтъ, да и сами рукописи авторовъ далеко не сохранены, а потому приходится пользоваться печатными неточными изданіями. У насъ, вѣдь, долгое время не понимали того, что рукопись автора есть его духовный портретъ, а потому она можетъ пригодиться наукѣ и послѣ типографскаго тисненія произведеній автора. До сихъ поръ только сочиненія Ломоносова составляютъ пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи, благодаря изданію Императорской Академіи Наукъ, въ частности благодаря редакціи академика М. И. Сухомлинова. *Второе изданіе* I тома сочиненій Пушкина Императорской Академіи Наукъ (С.-Пб. 1900) не внесло рѣшительно ничего по отношенію къ правописанію самого Пушкина сравнительно съ *первымъ* изданіемъ (1899 г.): то-же несоотвѣтствіе между правописаніемъ Пушкинскихъ автографовъ и печатнымъ изданіемъ Академіи.

языкъ автора! Правда, различныя душевныя эмоціи отражаются до извѣстной степени на *складѣ* рѣчи, на тонической сторонѣ ея, но это бываетъ особенно замѣтно тогда, когда мы слышимъ *живое слово* автора, когда мы *непосредственно* воспринимаемъ своимъ слухомъ его рѣчь. *Написанное* произведеніе автора уже гораздо меньше способно отразить въ своемъ языкѣ душевное состояніе писателя. Зато написанное произведеніе отражаетъ въ своемъ языкѣ въ полной мѣрѣ степень духовнаго развитія автора, служитъ надежнымъ показателемъ и мѣриломъ культурнаго состоянія того общества, съ которымъ авторъ говоритъ при посредствѣ своихъ произведеній, наконецъ, языкъ написаннаго произведенія служитъ невольнымъ свидѣтелемъ и обличителемъ воспитанія и образованія, полученнаго авторомъ, условій его жизни и среды, въ которой онъ вращался. Слѣдовательно, языкъ писателя является источникомъ нашихъ свѣдѣній и по біографіи писателя. Правда, языкъ писателя при своемъ изслѣдованіи часто даетъ намъ не прямые отвѣты на интересующіе насъ вопросы о внутренней жизни автора и о его общественныхъ связяхъ; правда, что въ языкѣ писателя мы часто найдемъ отвѣты вовсе не на то, что̀ намъ хотѣлось бы знать немедленно, и что́ намъ, правдиво ли, или неправдиво, скажетъ мемуаристъ-современникъ, но зато тѣ данныя, которыя добыты нами изъ изученія языка, будутъ незыблемы, хотя и не многочисленны, будутъ надежны, хотя и мелочны въ глазахъ нетерпѣливаго историка. Правда, что для провѣрки мнѣнія *одного* историка (нашего) общества потребуется изученіе языка *нѣсколькихъ* писателей, современныхъ ему и предшествовавшихъ, а потому трудъ лингвиста, какъ трудъ кропотливый и продолжительный,— и не привлекателенъ для большинства, но успѣхи его вѣрны и прочны. Особенно цѣнны для исторіи нашего языка и общества тѣ писатели, которые писали свои произведенія въ эпоху еще не установившагося *однообразнаго* правописанія: тогда передъ нами въ языкѣ выступаетъ рельефно *вся* личность писателя, которая уже не только въ лексиконѣ своей рѣчи, но и въ *произношеніи* словъ, помимо воли писателя, обнаруживается передъ нами, какъ личность *живая*, связанная живыми связями съ обществомъ своего времени и повѣствующая намъ, помимо своей воли, свою біографію.

Такой эпохой неустановившагося правописанія была, именно, эпоха конца XVIII и начала XIX вѣка, когда писали свои произведенія предшественники Пушкина, его старшіе современники, и когда писалъ онъ самъ. Неустановившееся правописаніе является всегда

разнообразнымъ у различныхъ писателей, а потому опять-таки необходимо и невольно выдаетъ собой произношеніе автора, которому приходилось пользоваться правописаніемъ, не общимъ и обязательнымъ для всѣхъ, а постепенно устанавливавшимся въ эту эпоху самими писателями. Отсюда видно, насколько важно изданіе рукописей авторовъ этой эпохи съ дипломатической точностью. Къ сожалѣнію, наши печатныя изданія послѣдняго времени, съ которыми и знакома наша читающая публика, совершенно стерли и стушевали индивидуальныя особенности рѣчи нашихъ старыхъ писателей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти особенности писателя представлялись узкому взгляду издателей неважными или не имѣющими даже никакой цѣны. Въ самое послѣднее время лишь стали появляться „приложенія" къ сочиненіямъ нашихъ прежнихъ писателей въ видѣ снимковъ съ рукописей, автографовъ и проч. Но и сейчасъ мы не можемъ похвалиться полнымъ пониманіемъ важности изданія нашихъ прежнихъ писателей съ сохраненіемъ въ ихъ сочиненіяхъ ихъ же собственнаго правописанія. Поэтому мы лишены многихъ существенныхъ матеріаловъ для уясненія личности и біографіи нашихъ писателей, и на нашу долю пока, за недоступностью рукописей автора или за потерею этихъ подлинныхъ рукописей, остаются лишь тѣ снимки, которые снисходительно удѣлены намъ со стороны издателей сочиненій нашихъ авторовъ. Но есть область, въ которой и неподготовленность издателей къ своему дѣлу безсильна нанести вредъ: это — стихотворныя произведенія авторовъ, гдѣ особенности языка и произношенія сохранены ритмическимъ размѣромъ стиха и риѳмами, несмотря ни на какое правописаніе. Поэтому стихотворенія нашихъ писателей разсматриваемой эпохи даютъ намъ болѣе матеріала по нашему вопросу, чѣмъ прозаическія произведенія.

Въ другомъ своемъ этюдѣ [1]) мы старались уяснить себѣ вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ сложилась рѣчь Ломоносова къ тому времени, когда онъ явился у насъ главнымъ представителемъ литературнаго русскаго языка и серьезнѣйшимъ пропагаторомъ новыхъ идеаловъ въ русской литературѣ. Мы нашли, что у Ломоносова на фонѣ его родного архангельскаго холмогорскаго говора къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія пышно расцвѣла московская народная рѣчь, отслоившая мѣстами, съ одной стороны, элементы салоннаго языка

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, № 3 и 1899 № 5, „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка".

московской интеллигенціи того времени, съ другой,—элементы языка тѣхъ его друзей, которые дали ему первоначальное образованіе, именно,—лицъ духовнаго сословія съ ихъ церковно-книжнымъ произношеніемъ.

Всѣ эти элементы литературной рѣчи Ломоносова оказалось возможнымъ установить по его правописанію, по складу рѣчи и словарному матеріалу. Всѣ эти элементы проникли собой произведенія пера знаменитаго Ломоносова и отразились и въ его „Грамматикѣ", и въ его „Стихотвореніяхъ", и другихъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, эти элементы когда-то составляли нашъ литературный языкъ.

II.

За время отъ смерти Ломоносова до выступленія на литературное поприще Пушкина судьба русскаго литературнаго языка была самой неустойчивой, и составъ языка самымъ неопредѣленнымъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ со смерти геніальнаго Ломоносова, разсѣявшаго смѣлой рукой сѣмена народной рѣчи на нивѣ русскаго литературнаго труда; не успѣлъ еще самъ собой потускнѣть отпечатокъ личной дѣятельности Ломоносова, наложенный этимъ русскимъ гигантомъ, этимъ „первымъ русскимъ университетомъ", на всѣ произведенія духа и мысли, какъ послѣдовалъ цѣлый рядъ историческихъ событій, изъ которыхъ послѣднимъ въ разсматриваемый нами періодъ и самымъ крупнымъ была отечественная война 1812 года, отразившаяся въ значительной степени и на состояніи нашей духовной жизни. Подъ вліяніемъ личнаго знакомства съ западомъ измѣнились въ русскомъ обществѣ, прежде всего въ военномъ сословіи, взгляды на русскую жизнь, литературные вкусы и требованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется на литературномъ поприщѣ новая сила въ лицѣ Пушкина. Въ вихрѣ международныхъ политическихъ сношеній закружилась русская интеллигенція того времени. Литературные кружки нашей дворянской молодежи, вдохновленные гуманными и либеральными идеями молодого императора, намѣчаютъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ и вопросовъ для русской литературы и распадаются на защитниковъ стараго классицизма въ литературѣ и поборниковъ новаго романтическаго направленія.

Сѣмена, брошенныя Ломоносовымъ, чуть-чуть было не были сметены наплывомъ новыхъ стремленій вдохнуть въ русскую литературу общечеловѣческія, культурныя идеи.

Но *однихъ стремленій* оказалось еще недостаточно *для осуществленія* такой цѣли...

Признанію за литературой какого-нибудь народа ея общечеловѣческаго всемірнаго значенія предшествуетъ ея народность, т. е. отраженіе въ ней ея самостоятельности. Заимствованная литература никогда не сообщитъ никакому народу той равноправности его въ духовномъ отношеніи, которою пользуется народъ, имѣющій литературу свою собственную съ общечеловѣческими идеями. Такая литература всегда національна. Эпоха начала истекшаго столѣтія была эпохой смѣны литературныхъ вкусовъ, требованій и идеаловъ, а потому и литература этого времени не имѣла ни единства идей, ни выработанной формы въ языкѣ. Литературный языкъ этой эпохи даетъ возможность намъ слѣдить за тѣми настроеніями и убѣжденіями нашихъ дѣятелей литературы, среди которыхъ колебалась судьба русскаго литературнаго языка, служа то однимъ, то другимъ цѣлямъ подъ перомъ представителей разныхъ литературныхъ направленій. За это время русскій литературный языкъ облекается въ разнообразныя формы, и такое неустановившееся его состояніе дѣлается причиной того, что мы теперь можемъ указать, кто изъ нашихъ писателей этой переходной эпохи русскаго литературнаго языка внесъ въ языкъ его составные элементы, и подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрѣлъ писатель на задачи русскаго литературнаго языка, а также какими обстоятельствами обусловлена была точка зрѣнія на языкъ и литературу у даннаго писателя. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ считаетъ языкъ Ломоносова уже несвойственнымъ нынѣшнему вѣку, а стиль его *дикимъ* и *варварскимъ*. Явились особые печатные органы, напримѣръ, „Московскій Меркурій", „Сѣверный Вѣстникъ", „Цвѣтникъ", „С.-Петербургскій Вѣстникъ" и др., въ которыхъ обсуждался передъ публикой вопросъ о литературномъ русскомъ языкѣ послѣдователями Карамзина, среди которыхъ явились и радикалы, и умѣренные: Макаровъ, Каченовскій, Дашковъ, потомъ Нарѣжный и др. Съ другой стороны явились и противники Карамзина, въ лицѣ прежде всего Шишкова, устроившаго общество подъ названіемъ: „Бесѣда любителей русскаго слова", гдѣ обсуждались и критиковались крайнія мнѣнія Карамзина, и гдѣ члены этого общества—шишковисты—впадали сами въ противоположныя крайности. Наконецъ, въ противовѣсъ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова" возникло въ 1815 году литературное общество „Арзамасъ". Члены этого общества, и въ то же время литераторы, были очень многочисленны: всѣ они, съ Жуковскимъ во главѣ, были послѣ-

дователями Карамзина и исповѣдывали излюбленную Карамзинымъ идею—*сблизить языкъ русской литературы съ разговорнымъ языкомъ тогдашняго образованнаго общества*. Въ зависимости отъ того, къ какому направленію принадлежалъ авторъ, языкъ литературныхъ произведеній представлялъ въ то время совершенно различные облики: однако на характеръ языка вліяли не только теоретическія убѣжденія авторовъ, но и ихъ общественное положеніе, ихъ образованіе и воспитаніе, ихъ сословныя особенности: напримѣръ, хотя Дашковъ, П. Макаровъ, Каменевъ, В. Пушкинъ. Беницкій, Измайловы, Подшиваловъ, Каченовскій, В. Панаевъ, Воейковъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій—ученики и послѣдователи литературной школы Карамзина, однако языкъ ихъ произведеній у каждаго имѣетъ не только свои особенности *стиля*, но и лексикона, или *словарнаго матеріала*. Если бы мы располагали въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ русскаго языкознанія, достаточнымъ количествомъ подлинныхъ рукописей каждаго изъ нашихъ писателей этой эпохи переходнаго состоянія, или формированія нашего языка литературы, если бы мы имѣли *хоть изданія* всѣхъ этихъ и другихъ авторовъ разсматриваемой эпохи съ сохраненіемъ ихъ подлиннаго *правописанія*, то мы могли бы указать и составъ нашего литературнаго общества того времени, могли бы до извѣстной степени уяснить себѣ вопросъ: насколько въ образованіи нашего литературнаго языка участвовали *не только сознательные труды* представителей тогдашней интеллигенціи, но и проникавшіе *безсознательно, безъ вѣдома самихъ авторовъ*, въ нашъ литературный языкъ *сословные* и *провинціальные, діалектическіе элементы*. Словомъ, мы могли бы уяснить себѣ вопросъ о судьбахъ нашего литературнаго языка переходной эпохи, конца XVIII и начала XIX столѣтія, опредѣливъ тѣ теченія, которыми вносились въ нашъ языкъ разнородные элементы... Для насъ, изслѣдователей судьбы нашего литературнаго языка, наибольшее значеніе имѣетъ послѣ Ломоносова—Пушкинъ, такъ какъ всѣ промежуточные писатели, имена которыхъ мы отчасти перечислили выше, собственно говоря, остановили великое дѣло Ломоносова, и потому ихъ труды не дали и въ потомствѣ *живучихъ* результатовъ: языкъ Карамзина просуществовалъ только до появленія на сцену Пушкина, а основная идея Карамзинской реформы не привилась къ жизни потому, что она сама въ себѣ не заключала жизнеспособнаго начала. Эту идею Карамзина мы могли бы условно назвать *аристократизаціей* русскаго литературнаго языка, а отсюда понятно, почему эта идея разбилась въ пухъ и прахъ объ

мощную скалу Пушкинскаго генія, *демократическаго* во всѣхъ своихъ культурныхъ проявленіяхъ, несмотря на аристократическое происхожденіе поэта. Въ виду всего сказаннаго историкъ языка останавливается съ особымъ вниманіемъ на дѣятельности Пушкина. Его геній, при первомъ появленіи критическаго отношенія къ литературѣ, указалъ ему, что „Державинъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка", „вотъ почему онъ и ниже Ломоносова" (письмо къ Дельвигу 1825 г. Соч. Пушкина. Изд. литер. фонда. Спб. 1887, VII т., стр. 133). Между тѣмъ какъ о Ломоносовѣ Пушкинъ въ томъ же 1827 году говоритъ: „онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго" (письмо къ Бестужеву, ibid., VII, стр. 116).

Геніальная личность по самой сущности своей натуры всегда оригинальна и неподражаема во всѣхъ проявленіяхъ культурной дѣятельности своей. Таковъ, конечно, былъ и Пушкинъ: онъ помимо своей воли и сознанія наложилъ на всѣ произведенія мысли и слова, подобно Ломоносову, отпечатокъ своего генія, съ тою только разницею, что Ломоносову пришлось дѣйствовать въ неблагопріятное время общественнаго застоя, когда почва не была еще подготовлена, а Пушкину досталось на долю то время, когда жизнь общественная среди русской интеллигенціи кипѣла ключемъ, и умы литературной молодежи были подготовлены къ оцѣнкѣ его дѣятельности европейскимъ образованіемъ, а общественное настроеніе поджидало только авторитетнаго призыва къ переустройству устарѣвшихъ формъ жизни. Сѣмена, брошенныя Ломоносовымъ, подхватилъ Пушкинъ. Какія же это были сѣмена? Это—сѣмена, которыя могутъ быть названы условно *націонализаціей* нашего литературнаго языка путемъ развитія его на началахъ *демократическихъ* [1]). Оставляя въ сторонѣ „высокій штиль" Ломоносова, какъ его уступку обстоятельствамъ и времени, мы будемъ имѣть въ *Ломоносовѣ родоначальника той реформы русскаго литературнаго языка*, которая соотвѣтствовала жизненнымъ потребностямъ многомилліоннаго народа, способнаго въ будущемъ имѣть свою литературу съ общечеловѣческими идеалами, литературу въ истинномъ значеніи этого слова.

Жизнеспособность Ломоносовскихъ принциповъ была вѣрно угадана однимъ лишь Пушкинымъ, и вотъ почему вліяніе Пушкина на

---

[1]) Употребляемъ подобные иностранные термины, какъ наиболѣе подходящіе къ выраженію нашихъ мыслей.

нашъ литературный языкъ оказалось значительно сильнѣе, чѣмъ можно было предполагать, судя по его первоначальному воспитанію и образованію. Правда, и въ языкѣ Пушкина безпристрастный судъ потомства находитъ элементы нынѣ уже устарѣлые, отжившіе, и историкъ языка обязанъ указать намъ всѣ эти элементы, но общіе его принципы остались и до сихъ поръ и останутся навсегда незыблемыми и глубоко вѣрными, такъ какъ эти принципы все болѣе и болѣе оправдываются и развиваются, не измѣняясь съ теченіемъ времени въ своихъ коренныхъ основахъ.

Если мы вникнемъ въ ходъ развитія русскаго литературнаго языка *послѣ Пушкина*, то замѣтимъ и опредѣлимъ дальнѣйшую судьбу нашего языка по языку нашихъ позднѣйшихъ писателей. При этомъ необходимо отмѣтить, что только одинъ Гоголь не сумѣлъ своей литературной дѣятельностью сообщить языку Пушкина дальнѣйшее движеніе по намѣченному пути, такъ какъ переполнилъ свой языкъ такими неправильностями, которыя не оправдываются ни живымъ русскимъ народнымъ языкомъ, ни предшествовавшими примѣрами языка книжнаго. Вспомнимъ и по этому поводу критику Пушкина, который сказалъ такъ: „Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже, и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“ (Критич. Зам., 1830—1831. Соч. Пушкина, V, 135). Писалъ Пушкинъ, безспорно, мастерски, но не во все время своей жизни одинаково: его русскій языкъ постепенно измѣнялся [1]), при чемъ языкъ прозы дѣйствительно стоитъ въ сочиненіяхъ Пушкина ниже языка стихотвореній. Это сужденіе, однако, мы можемъ высказать лишь *теперь*, когда самъ Пушкинъ довелъ литературный языкъ до той степени совершенства, при которой намъ уже непріятны не только стихи его предшественниковъ, но даже и его собственныя стихотворенія, написанныя въ ранней молодости.

---

[1]) Для полной оцѣнки дѣятельности Пушкина по отношенію къ нашему литературному языку намъ нужны были бы изданія *рукописей* автора, такъ какъ онѣ, помимо желанія самого Пушкина, обнаружили бы передъ нами вполнѣ тѣ соки, которыми питался литературный русскій языкъ подъ перомъ и въ произношеніи Пушкина, но и послѣднее академическое изданіе сочиненій Пушкина оставляетъ лингвиста неудовлетвореннымъ, такъ какъ тѣми снимками, которые приложены къ академическому изданію, обнаруживается еще сильнѣе и рѣзче то обстоятельство, сколько важнаго матеріала для исторіи русскаго литературнаго языка заключается въ правописаніи самого Пушкина, и сколько скрыто отъ насъ въ области состава нашего литературнаго языка, благодаря тому, что изданія нашихъ авторовъ преслѣдуютъ одностороннія цѣли. См. примѣчаніе выше о *второмъ* изданіи I-го тома сочиненій Пушкина Академіею Наукъ въ 1900 году.

Раньше же и эти стихотворенія Пушкина казались современной публикѣ образцомъ новаго и усовершенствованнаго въ своей формѣ литературнаго языка. Само собой разумѣется, что современники ранней молодости Пушкина видѣли и замѣчали поворотъ къ лучшему въ нашемъ языкѣ, и это было особенно замѣтно людямъ, начитаннымъ въ нашей литературѣ. Пока Пушкинъ далъ первые образцы новаго языка, нашъ языкъ успѣлъ закончить цѣлые періоды своего развитія.

III.

До появленія первыхъ признаковъ Пушкинскаго языка въ его стихотвореніяхъ около 20 года истекшаго вѣка передъ нами протекаетъ цѣлый рядъ вѣковъ постепеннаго развитія нашего литературнаго языка на разныхъ началахъ: мы различаемъ въ зависимости отъ сложныхъ условій русской жизни *четыре эпохи* въ исторіи нашего литературнаго языка: 1) *эпоху церковно-книжнаго характера языка нашихъ писателей*, 2) *эпоху постепенной націонализаціи этого языка* на почвѣ сближенія его съ языкомъ чисто русскаго народнаго быта, сближенія, составлявшаго временно результатъ смѣлыхъ попытокъ и стремленій отдѣльныхъ писателей, затѣмъ—3) *эпоху временной денаціонализаціи*, такъ сказать, *нашего литературнаго языка* на почвѣ сближенія его съ языками болѣе культурныхъ народовъ, поочередно оказывавшихъ воздѣйствіе на ходъ нашей исторіи и, наконецъ, 4) *эпоху самостоятельности нашего языка*, направившагося новымъ путемъ развитія собственныхъ силъ, которыя оказались въ языкѣ русскаго народа въ свѣжемъ и почти нетронутомъ видѣ. Такія свѣжія силы народнаго русскаго языка оказались въ наличности потому, что русскій народъ стоялъ, въ силу исторически сложившихся условій, вдалекѣ отъ успѣховъ культуры нашей интеллигентной среды, нашего образованнаго общества. Исторія нашего правописанія носитъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ этихъ эпохъ и служитъ намъ показателемъ зависимости словесной и письменной формы нашего слова отъ состоянія науки и образованности. Пушкинъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту переходную эпоху, которая можетъ назваться эпохой формированія литературнаго русскаго языка на новыхъ началахъ народности, когда стали мало-по-малу рушиться старыя основы нашего языка: его церковно-книжныя и чужеземныя основы. Слѣдовательно, только что начиналась *четвертая* изъ отмѣченныхъ нами выше эпохъ. Пушкинъ, съ одной стороны, принадлежитъ эпохѣ старой, когда настоящій рус-

скій языкъ былъ въ пренебреженіи, а французскій считался языкомъ образованнаго общества; съ другой—эпохѣ новой, на глазахъ которой уже намѣчены были попытки Ломоносова, Державина и отчасти Жуковскаго сообщить русскому литературному языку новое направленіе въ смыслѣ самостоятельнаго развитія изъ источниковъ живого народнаго русскаго слова. Воспитаніе и домашняя обстановка жизни Пушкина намъ извѣстны: это барская среда съ тѣми самыми воззрѣніями на русскій народъ и его языкъ, которыя отмѣчены нашими крупнѣйшими беллетристами въ ихъ литературныхъ типахъ *Кирсанова* [1]), *Гринева*, *Евгенія Онѣгина*, *князей Курагиныхъ* [2]) и проч. Воспитаніе этихъ и другихъ подобныхъ представителей нашего образованнаго общества было ввѣрено французамъ; языкъ ихъ дѣтства былъ французскій.

Въ обществѣ былъ принятъ также языкъ французскій, который передалъ очень много словъ русскому языку; слова эти должны были выражать собой понятія, проникшія въ русское общество въ значительномъ количествѣ послѣ французской войны и проявившіяся прежде всего въ разговорѣ среди тѣхъ круговъ общества, которые увлеклись французскимъ бытомъ, французской модой и обстановкой. Все это, вмѣстѣ взятое, отразилось по отношенію къ русскому языку на лексикологіи русской образованной рѣчи; затѣмъ захватило собой и область русскаго синтаксиса; далѣе переходило и на звуковую часть языка, въ которомъ выработалось мало-по-малу произношеніе заимствованныхъ словъ на иностранный ладъ, наконецъ, повлекло за собой и особую артикуляцію нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ даже въ словахъ, принадлежащихъ русскому языку, у тѣхъ людей, которые составляли въ то время высшее литературно-образованное общество, и которые привыкали уже съ дѣтства къ звукамъ чужой рѣчи и помимо своей воли, безсознательно, впослѣдствіи обнаруживали и въ произношеніи русскихъ звуковъ слѣды французскаго воспитанія. Въ это время (20-е годы истекшаго столѣтія) мы ясно можемъ различить *два особыхъ языка*, бывшихъ въ употребленіи русскаго грамотнаго общества: одинъ языкъ можетъ быть условно названъ языкомъ семинаристовъ, другой—языкомъ высшаго общества. *Тоническая* сторона языка, то-есть, постановка удареній, испытывала

---

[1]) См. „Отцы и дѣти".

[2]) „Война и миръ". Изд. 10, т. V, стр. 6, 33—34. Про князя Василія гр. Л. Н. Толстой говоритъ такъ: „Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды"...

на себѣ *также* извѣстное воздѣйствіе французскаго произношенія въ тѣхъ словахъ, которыя вошли въ употребленіе русскаго общества изъ французскаго языка. Въ результатѣ получилось своеобразное удареніе на такихъ словахъ, именно, то удареніе, которое, соотвѣтствуя французскому на данномъ словѣ, впослѣдствіи, при демократизаціи языка нашей литературы, исчезло, замѣнялось другимъ, и нынѣ служитъ лишь, если гдѣ-либо и слышится, историческимъ указателемъ состоянія русскаго языка извѣстной эпохи. Собственно былъ и *третій языкъ*—языкъ простого народа, языкъ „подлой черни", который тогда можно было назвать *„языкомъ будущаго"*, и который энергично преслѣдовался до поры до времени въ разговорахъ, рѣчахъ и употребленіи высшаго интеллигентнаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтія. Такова въ общемъ набродкѣ картина историческаго движенія нашего литературнаго языка; факты этой исторіи можно прослѣдить на произведеніяхъ нашей литературы; и въ литературныхъ типахъ Фонъ-Визина, Пушкина, Тургенева, Грибоѣдова, Помяловскаго, Островскаго и друг. можно указать представителей всѣхъ перечисленныхъ видовъ нашего языка, а равно можно привести и свидѣтельства самихъ авторовъ о языкѣ своихъ героевъ (у Пушкина, у Тургенева) [1]. Пушкинъ, какъ извѣстно, принадлежалъ, именно, къ высшему обществу, и на немъ отразилось и его „проклятое воспитаніе", какъ онъ самъ его называетъ, и всѣ его послѣдствія; онъ самъ раньше русскаго языка знаетъ французскій, пишетъ въ раннемъ дѣтствѣ стихотворенія на французскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на русскомъ, а впослѣдствіи пересыпаетъ свою рѣчь въ обществѣ французскими фразами и словами (см. Записки А. О. Смирновой), ведетъ переписку съ друзьями и своей женой нерѣдко на французскомъ языкѣ (см. VII томъ соч. Пушкина) и въ то же время скорбитъ душой и жалуется на то, что нашъ языкъ „бѣденъ риемами", что нашъ языкъ „пестрѣетъ иностранными словами", что „метафизическій русскій языкъ еще въ дикомъ состояніи", что, наконецъ, наша изящная литература задержана была въ своемъ развитіи тѣмъ, что „мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ", употреб-

---

[1]) Срв. данныя, приведенныя изъ Пушкина, въ другомъ моемъ трудѣ, посвященномъ грамматикѣ языка Пушкина, въ главѣ объ удареніи въ именахъ существительныхъ. Этотъ трудъ имѣетъ скоро появиться въ печати.

Срв. также „Отцы и дѣти" — о языкѣ Кирсанова. Или о языкѣ письма Татьяны и русскихъ дамъ вообще, о языкѣ русскихъ журналовъ и проч. — у Пушкина.

ляя вообще французскій языкъ и пренебрегая русскимъ (V т., стр. 19. 1824 года). Пушкинъ винитъ въ этомъ самихъ писателей (ibid.) неменьше, чѣмъ прочихъ, и такъ мѣтко характеризуетъ состояніе нашего языка и отношеніе къ нему общества:

„Сокровища родного слова, —
Замѣтятъ важные умы, —
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ-жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . .
Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ — брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскій Геликонъ!“ (Альбомъ Онѣгина). III, 416, 417.

Это Пушкинъ писалъ, вѣроятно, въ 1827 — 1828 годахъ, такъ какъ этотъ Альбомъ Онѣгина составляетъ дополненіе къ VII главѣ романа, написанной въ это время. А въ 1824 году Пушкинъ писалъ: „*У насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ*“... (V, 19). [Срв. „Литературныя мечтанья“ Бѣлинскаго 1834 года]. Очерченное выше состояніе нашей литературы и языка ея свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ жилъ и писалъ *въ періодъ формированія нашего національнаго литературнаго языка*. Опредѣливъ *эпоху* дѣятельности Пушкина съ его же словъ, мы поймемъ, какое важное значеніе имѣла дѣятельность геніальной личности Пушкина въ исторіи нашего ли-

тературнаго языка, мы поймемъ также его свидѣтельство о томъ, что ему приходилось „создавать цѣлые обороты" въ языкѣ (V, 19), приходилось искать соотвѣтствующихъ мысли *чисто-русскихъ выраженій въ Академическомъ словарѣ* (III, 245), приходилось по необходимости употреблять иностранныя слова и идти противъ своего желанія вслѣдъ за обычаемъ, модою, уступая необходимости. Насколько эта уступка времени и обстоятельствамъ была тяжела для самого Пушкина, имѣвшаго совершенно иныя представленія и иные идеалы по отношенію къ русской литературѣ и языку, видно изъ вышеприведеннаго его отзыва о „Россійскомъ Геликонѣ", а также изъ его мнѣній о представителяхъ русской литературы сравнительно съ западно-европейской (см. V т. Сочиненій) [1]). Отсюда ясно, что Пушкинъ, съ одной стороны, примыкалъ въ своей дѣятельности по языку къ своимъ предшественникамъ, у которыхъ мы можемъ найти значительное количество словъ и оборотовъ, а равно и случаевъ произношенія, нынѣ уже не употребительныхъ въ литературномъ языкѣ, но еще извѣстныхъ Пушкину и постоянно встрѣчающихся въ его произведеніяхъ [2]). Съ другой стороны, Пушкинъ является передъ нами, какъ Крыловъ, новаторомъ въ литературномъ языкѣ, черпая для него формы, слова и обороты изъ языка народнаго и въ этомъ смыслѣ идя объ руку съ Крыловымъ. При посредствѣ Пушкина проникла въ русскій литературный языкъ и въ разговорный языкъ образованнаго общества масса словъ и оборотовъ, которые, благодаря быстро развивавшемуся чутью языка у Пушкина, вошли во всеобщее употребленіе, не производя собою страннаго впечатлѣнія и вполнѣ привившись къ нашему языку. Однако общая судьба вносимыхъ въ языкъ словъ такова, что они продолжаютъ жить своей *особой* жизнью въ устахъ различныхъ читателей. Кругъ читателей Пушкинскихъ произведеній былъ особенно широкъ и великъ, а потому Пушкинъ, создавъ для себя читателей, тѣмъ самымъ пустилъ въ оборотъ и весь запасъ языка своихъ произведеній. Среди читателей были люди, принадлежавшіе по языку къ обществу самого писателя, но были и люди, которыхъ мы по языку отличили и назвали условно „семинаристами". Запасъ языка Пушкинскихъ произведеній проходилъ сквозь сферу

---

[1]) Эти мнѣнія собраны нами въ брошюрѣ: „Литературныя мнѣнія Пушкина". Воронежъ 1896.

[2]) Напримѣръ, въ области ударенія: музы́ка, пе́рсты и под.—у Державина и особенно у Жуковскаго; въ области словообразованія: вихорь, вѣтръ и проч. у нихъ же и у Ломоносова. Это же и у Пушкина.

различныхъ слоевъ общества и передавался въ произношеніи различныхъ индивидуумовъ. Ясное дѣло, что при такомъ положеніи дѣла получались разнообразные оттѣнки въ произношеніи, и этихъ оттѣнковъ было тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе было извѣстно произношеніе словъ, принадлежащихъ автору и его кругу, его обществу. Такимъ образомъ получалось болѣе или менѣе однообразное употребленіе и произношеніе иностранныхъ словъ, внесенныхъ въ нашъ языкъ, въ одномъ кругу читателей, объединенныхъ и общими началами воспитанія и образованія, общими основами міровоззрѣнія; въ другомъ кругу читателей неминуемо получалось на тѣхъ же основаніяхъ другое произношеніе и употребленіе такихъ словъ, и это произношеніе здѣсь, именно, въ кругахъ общества, не составлявшаго нашей аристократіи, къ которой принадлежалъ и Пушкинъ, то-есть, въ кругахъ демократическихъ, создавалось на основаніи аналогіи съ тѣмъ запасомъ чисто-русскихъ словъ и звуковъ, который имѣлся въ распоряженіи этого послѣдняго круга людей. Такъ возникали варіанты произношеній иностранныхъ словъ: напримѣръ, *принсипъ* и *прынципъ* и под. [1]), смотря по тому, какому обществу они принадлежали; а затѣмъ общій характеръ произношенія высшаго круга съ его особымъ акцентомъ и словаремъ отражался и на чисто-русскихъ словахъ, при чемъ это ясно выразилось прежде всего на нѣкоторыхъ звукахъ, особенно на звукѣ *е*, который порусски всегда *смягчалъ* предшествующую согласную, а пофранцузски вовсе не отличался этимъ свойствомъ; отсюда явились варьянты: *рандэву́* и *рандеву́* въ разныхъ обществахъ; *Goethe*—въ высшемъ обществѣ, но *Гёте* (какъ „*гнёте*"—по гласнымъ звукамъ) въ слояхъ съ семинарскимъ образованіемъ, *Вольтэ́ръ* и *Вольте́ръ*, даже *Во́льтеръ*; *дэта́ль* и *дета́ль*, даже *де́таль*; *дэмокра́тія* (и *дэмокра́ція* ср. ниже), съ одной стороны, и *демокра́тія*,—съ другой,—и много другихъ. Даже названія согласныхъ буквъ нашего алфавита въ произношеніи представителей разнаго воспитанія

---

[1]) „*Принси́пъ*" произносилъ Пав. Петр. Кирсановъ, дворянинъ стараго покроя и такого же воспитанія, какъ Пушкинъ, а „прынципъ" произносилъ его племянникъ, студентъ Аркадій. Вотъ что читаемъ у Тургенева:—„Отцы и Дѣти", Т. II. Изд. Маркса. 1898 г. Стр. 24—„Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ что безъ принси́повъ... (Пав. Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ, Аркадій, напротивъ, произносилъ „пры́нципъ", налегая на первый слогъ) безъ принсиповъ, принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа"... и проч.

и общества звучали различно, и это традиціонно сохраняется еще и понынѣ: люди, въ семьѣ которыхъ были нерусскіе элементы въ качествѣ воспитателей и учителей, большинство нашихъ дворянъ, произносятъ: *бэ, вэ, дэ* и проч., а семинаристы и простонародье — *бе, ве, де* и проч. [1]). По свидѣтельству Третьяковскаго и Сумарокова особое произношеніе ударяемаго *е*, какъ ё, передъ твердымъ согласнымъ, служило въ ихъ время признакомъ простой рѣчи [2]), и можно навѣрное утверждать, что въ произношеніи высшаго круга такой звукъ ё избѣгался и былъ мало извѣстенъ, потому что онъ принадлежалъ просторѣчію. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ звуку ё, надо считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что наши дворяне получали *русское образованіе*, то-есть, учились *русской* грамотѣ и *русскимъ* предметамъ, у тѣхъ же семинаристовъ, которыхъ приглашали къ себѣ въ качествѣ учителей (см. „Недоросль" Фонъ-Визина); а эти послѣдніе учились по *церковнымъ* книгамъ и усвоили церковное произношеніе, въ которомъ нѣтъ звука ё. Такимъ образомъ, языкъ высшаго общества складывался изъ элементовъ иностраннаго, французскаго языка, и элементовъ церковнаго языка; а языкъ будущаго господствующаго въ образованіи класса—демократовъ слагался изъ тѣхъ же церковныхъ элементовъ и элементовъ простонароднаго языка. Эти послѣдніе элементы пронизали собой глубоко весь языкъ демократіи и впослѣдствіи вытѣснили даже церковный элементъ, сохранившійся только у духовенства, и то не въ домашнемъ обиходѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, характеръ демократическаго образованія возобладалъ и проникъ всюду нынѣ, даже въ слояхъ высшаго общества, замѣнивъ собой прежній аристократическій пошибъ рѣчи и вытѣснивъ собой его особенности. Въ этомъ сказался судъ исторіи надъ нашимъ языкомъ, и такъ обнаружилось рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи нашего литературнаго языка. Понятно, что послѣ всего сказаннаго языкъ Пушкина во всѣхъ его деталяхъ и со всѣми его особенностями пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, а изображеніе этого языка въ ученой монографіи съ возможной полнотой составляетъ собой матеріалъ для будущей *общей исторіи* нашего литературнаго языка, которая явится передъ глазами науки и общества въ цѣломъ видѣ лишь послѣ того, какъ будетъ разработанъ языкъ каждаго изъ на-

---

[1]) См. мою статью „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка". *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1898 года. № 3 и 1899 г. № 5.

[2]) См. ibidem. 1898. № 3. Стр. 165, 168, 159.

шихъ крупныхъ писателей, и рѣшенъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣлъ каждый изъ нихъ для нашего языка. Мы видимъ теперь, что Пушкинъ является передъ нами не особнякомъ, а въ связи съ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ, въ связи съ обстоятельствами своего времени и съ условіями нашей образованности и нашего быта. Тѣмъ интереснѣе для насъ рѣшить вопросъ, насколько личность Пушкина была самостоятельной, и какое мѣсто принадлежитъ ему въ исторіи нашего литературнаго языка. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что на Пушкина, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ вліяній, оказало еще вліяніе и изученіе имъ русскаго народнаго языка въ *его сѣверно-великорусскихъ* говорахъ. Это тѣ „сѣверные звуки", о которыхъ онъ самъ говоритъ.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для сужденія о произношеніи Пушкина должны служить прежде всего *стихотворенія* Пушкина, гдѣ изобличителемъ произношенія является *риѳма* и *ритмъ*, т. е. созвучіе въ концѣ словъ и удареніе надъ словами. Слѣдовательно, прежде всего мы должны пользоваться *стихотворными* произведеніями Пушкина, какъ произведеніями, ставящими наши заключенія внѣ зависимости отъ правописанія автора; затѣмъ,—*иностранными словами*, которыя составляютъ лексиконъ автора и входятъ въ его языкъ съ ихъ особенными удареніями (согласно вышесказанному, согласно условіямъ времени) и съ ихъ особенностями въ употребленіи, а иногда и въ звукахъ. Эти слова берутся нами для возстановленія языка Пушкина *и изъ его прозы*. Наконецъ, въ періодъ неустановленнаго правописанія для насъ могутъ имѣть значеніе и тѣ особенности правописанія Пушкина, которыя или сохранились въ его автографахъ, или (въ случаѣ, если автографовъ не сохранилось, или ихъ нѣтъ подъ руками у лингвистовъ) *послѣдовательно* проведены въ печатныхъ изданіяхъ, не принадлежа въ то же время самимъ издателямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ эти особенности должны быть приписаны въ опредѣленныхъ научнымъ изслѣдованіемъ словахъ и фразахъ самому автору.

Остановимся прежде всего на риѳмахъ Пушкина. Въ отношеніи произношенія матеріаломъ сравнительно богатымъ являются *раннія* стихотворенія Пушкина. Извѣстно, что такъ называемыя „Лицейскія" произведенія Пушкина по языку существенно отличаются отъ произведеній болѣе зрѣлаго возраста, въ которыхъ поэтъ является передъ нами уже во всеоружіи свѣдѣній, дополнившихъ пробѣлы его „проклятаго", какъ онъ самъ называетъ, воспитанія. Изъ изуче-

нія языка Пушкина, сравнивая послѣдній съ языкомъ народнымъ и языкомъ современнаго ему общества, поскольку послѣдній возстановляется изъ литературныхъ произведеній и свидѣтельствъ самихъ литераторовъ и историковъ нашего общества, мы выводимъ то весьма важное заключеніе для исторіи нашего языка, что *Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы: онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усваивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался.* Вотъ его самый главный источникъ, и потому Пушкинъ, какъ свидѣтель языка своего времени, достоинъ самаго полнаго довѣрія со стороны науки, и его произведенія представляются намъ *первоисточникомъ* несомнѣнной важности для изученія и построенія исторіи нашего литературнаго языка. Этой особенностью Пушкинъ выгодно для себя выдѣляется надъ уровнемъ многихъ своихъ старшихъ современниковъ и предшественниковъ, чутье которыхъ мирилось съ искусственными формами языка. Эта наша точка зрѣнія на Пушкина и его значеніе въ исторіи языка установлена нами при научномъ изученіи языка его произведеній, а потому и его произведенія имѣютъ значеніе правдивой лѣтописи нашего языка сравнительно съ произведеніями его многихъ современниковъ (между прочимъ Державина). Всѣ эти обстоятельства вскрыты наукой, не терпящей увлеченій и пристрастія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и риѳма Пушкина въ разное время свидѣтельствуетъ о наличномъ произношеніи автора или его общества въ данную эпоху, которой она принадлежитъ; равнымъ образомъ, его лексиконъ, его ударенія и обороты измѣняются по мѣрѣ его собственной эмансипаціи отъ языка тогдашней интеллигенціи,—и по мѣрѣ его воздѣйствія на этотъ послѣдній языкъ мѣняется и форма нашей литературной рѣчи. Такъ, напримѣръ, въ своихъ „Лицейскихъ стихотвореніяхъ" Пушкинъ очень недалеко отошелъ отъ языка и произношенія прочихъ своихъ современниковъ-поэтовъ и вообще лицъ своего круга. Въ первую пору дѣятельности Пушкина, мы, напримѣръ, не встрѣчаемъ у него формъ и словъ въ родѣ: *хозяямъ* (1833 г., III, 520), *топъ* и *молвъ* (1825—1826 гг., Михайловское Псковской губерніи III, 329). Въ это время и лексикологія, и произношеніе Пушкина должны были отличаться и дѣйствительно отличались отъ языка Пушкина послѣдующаго времени; устойчивость произношенія замѣчается лишь въ иностранныхъ словахъ. Такимъ образомъ, если въ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ упо-

требляетъ слово *полéтъ* (съ произношеніемъ *е*, а не *ё*) въ риѳмѣ со словомъ *лѣтъ* (I, 17), въ риѳмѣ со словомъ *бѣдъ* (I, 104), то это значитъ, что такое произношеніе было извѣстно въ его время въ его кругу, и это наше заключеніе провѣряется и подтверждается и другими научными данными (см. нашу статью цитир. выше въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, № 3, 1899, № 5). Намъ извѣстно также и произношеніе *полётъ* у Пушкина, но, если бы первое произношеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному, то Пушкинъ не потерпѣлъ бы его, какъ искусственное, хотя бы и выдуманное имъ самимъ, потому что Пушкинъ былъ эстетикомъ и имѣлъ „разборчивое ухо", а главное—былъ правдивымъ художникомъ-реалистомъ. Равнымъ образомъ мы находимъ у него твор. п. *полéтомъ* (съ такимъ же *е*) въ риѳмѣ со *свѣтомъ* (I, 47). Съ такимъ же *е* Пушкинъ знаетъ слово *ревъ* (I, 362 риѳма *левъ*) гораздо чаще, чѣмъ съ *ё*, (Ш, 143—*присмирѣвъ*. Срв. II, 71 та же самая риѳма и тотъ же оборотъ въ стихотвореніи „Обвалъ" I, 86—твор. п. *рéвомъ—напѣвомъ*). Съ такимъ же *е*: *алтарéмъ* (I, 103—*шлемъ*); *ярéмъ* (I, 71). Это же *е* мы имѣемъ и въ глаголахъ (см. цитир. выше нашу статью) въ окончаніи 3-ьяго лица ед. числа—*éтъ* (не—*ётъ*); напримѣръ, *ліéтъ* (р. *одѣтъ* I, 111, 1816 г.), хотя Пушкину извѣстно и произношеніе *льётъ* (р. *пьётъ* I, 112). [См. нашу статью въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., № 3, стр 163—165]. То же *е* звучитъ и въ прич. прош. вр. стр. залога въ полной или краткой формѣ: *прельщéнный* [р. *Елéны* I, 3, 1812 г., въ академическомъ изданіи орѳографія въ этомъ мѣстѣ съ однимъ *н: прельщéный*. Намъ неизвѣстно, на чемъ основано это правописаніе. (См. ниже)]; *возжéнный* (р. *Елéны* I, 3, 4). Въ академическомъ изданіи опять *возжéный* [1]). То же самое *е* звучитъ у Пушкина въ раннюю

[1]) Для избѣжанія недоразумѣнія, въ которое могла бы быть вовлечена читающая публика правописаніемъ академическаго изданія, подающаго поводъ къ предположенію со стороны читателя о томъ, не измѣнялъ ли самъ Пушкинъ окончанія словъ для цѣлей *орѳографическаго совпаденія* въ окончаніяхъ, риѳмующихся у него въ стихахъ словъ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что, во-первыхъ, сама орѳографія академическаго (даже и *втораго*—1900 г.) изданія I тома онъ единственный пока и вышелъ) въ этомъ случаѣ настолько непослѣдовательна и невыдержана, что приписать ее самому Пушкину и его разумнымъ цѣлямъ или его намѣренію въ орѳографіи сдѣлать созвучіе *нагляднымъ* рѣшительно невозможно, такъ какъ само академическое изданіе своей орѳографіей говоритъ противъ этого. (См. напримѣръ, автографъ Пушкина, приложенный къ 82 страницѣ I тома во 2-мъ изданіи — слово: *стройной* им. п.). А, во-вторыхъ, что

пору и въ суффиксахъ именъ прилагательныхъ, напримѣръ, *весе́лой* (р. *Филоме́лой* I, 1, 1812 г.), *весе́лый* (р. *бѣлой* I, 35, 1814 г.), *весе́лый* (р. *престарѣлы* I, 41, 1814 г.), *весе́лый* (р. *смѣлый* I, 45). *весе́лыхъ* (р. *послѣдѣлыхъ* I, 120, 1816 г.), *тяже́лый* (р. *оробѣлый* I, 258, 1821 г.). Этими и подобными риѳмами Пушкинъ не искажалъ языка и не навязывалъ ему чего-либо неизвѣстнаго или дикаго, искусственнаго, но выражалъ бывшее въ дѣйствительности въ то время въ интеллигентномъ кругу произношеніе. Однако, въ этомъ самомъ состояніи языка нашей интеллигенціи и кроятся причины недовольства Пушкина и тѣ мотивы, которые заставили его чуткую и даровитую натуру искать новыхъ путей для развитія литературнаго русскаго языка и обратиться къ совершенно инымъ источникамъ изученія русскаго языка. Намъ понятны всѣ жалобы и безпощадная критика Пушкина по отношенію къ нашему языку тогдашней литературы и къ ея уровню. Намъ понятны его стремленія и жажда ломки устоевъ старой литературной школы и традиціи [1].

Пушкинъ (какъ показываетъ изученіе его языка, а не его орѳографіи, которой мы въ точности не знаемъ, благодаря неточнымъ изданіямъ и благодаря сравнительно небольшому количеству *подлинныхъ автографовъ*, сохранившихся до насъ отъ самого Пушкина) *никогда не прибѣгалъ къ поддержкѣ звуковой риѳмы, звуковою совпаденія въ произношеніи риѳмующихся у него словъ, путемъ орѳографическаго отожествленія этихъ словъ въ ихъ начертаніяхъ. Это весьма важно для изученія языка самого Пушкина въ его собственномъ произношеніи, слѣдовательно, важно и для исторіи самого русскаго литературнаго языка.* На этомъ основаніи мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы орѳографія Академическаго изданія I тома принадлежала Пушкину (да она и не совпадаетъ съ орѳографіей подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ изданію), чтобы Пушкинъ писалъ *только для риѳмы-ой* вмѣсто-*ый*, одно *н* вмѣсто двухъ *н*, чтобы онъ написалъ *„въ дива́ну“* (р. *заста́ну*. Къ сестрѣ 1814 г.) вм. *„въ дива́нну“* (изд. Ефремова и Литер. Фонда) и проч. Впрочемъ, слово *„диванну“* уже исправлено во 2-мъ изданіи. Стр. 12. Изъ этого изданія мы видимъ, что Пушкинъ какъ будто писалъ окончаніе прил. муж. р. *-ой*, а не *-ый*, только въ риѳмѣ съ формами прилаг. женскаго рода на *-ой* и съ формами нарѣчій. Но это заключеніе было бы неточно въ виду правописанія Пушкинскаго автографа, приложеннаго къ 82 стр. 2-го изданія I тома. Свѣдѣнія объ автографахъ, послужившихъ матеріаломъ для изданія „Лицейскихъ стихотвореній“ Пушкина, мы почерпаемъ изъ указаній самого редактора I тома сочиненій Пушкина—академика Л. Н. Майкова—въ примѣчаніяхъ къ этому тому, а также изъ сравненія подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ I тому, съ печатнымъ воспроизведеніемъ ихъ по орѳографіи академическаго изданія.

[1]) Критическое отношеніе къ русскому языку тогдашней интеллигенціи и литературы обнаружилось особенно сильно въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ:

но тѣмъ не менѣе въ *молодомъ Пушкинѣ мы должны признать „ученика“ тогдашнихъ корифеевъ литературы, и въ томъ числѣ и Державина, и Жуковскаго, и В. Л. Пушкина. Вотъ тѣ связи, которыми онъ былъ соединенъ со старымъ временемъ.* Но „языкъ изрядной кампаніи“, по выраженію Тредьяковскаго, уже вскорѣ перестал удовлетворять художественный вкусъ Пушкина, который, обратившись къ изученію нашего народа и старой литературы, къ 1830-му году вноситъ коренную реформу въ нашъ старый литературный языкъ, и эта реформа была, какъ всякая геніальная реформа, проведена не только не насильственно, а даже совершенно незамѣтно, такъ какъ покоилась на основахъ, указанныхъ самой жизнью и естественнымъ ходомъ обстоятельствъ. Изученіе языка Пушкинскихъ произведеній приводитъ насъ къ заключенію, что Пушкинъ такъ же, какъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ, шелъ нѣкоторымъ образомъ противъ обычнаго теченія, которому сильно поддавались: Тредьяковскій, Сумароковъ, Державинъ, даже Жуковскій и Новиковъ, не выключая отсюда и Ломоносова, сдѣлавшаго уступку обычному теченію въ своемъ „высокомъ штилѣ“. Оппозиція Пушкина заключалась въ томъ, что онъ въ скоромъ времени послѣ выхода своего на литературное поприще сталъ приближаться въ своемъ языкѣ къ народному русскому языку. (Про Крылова можно это сказать лишь съ оговоркою относительно языка его журналовъ и другихъ сочиненій, кромѣ басенъ) [1]). Пушкинъ, усмотрѣвъ въ данныхъ языка русскаго народа тѣ основанія для себя, которыя помогли ему установить точку зрѣнія на языкъ тогдашней русской литературы, становится новаторомъ нашего литературнаго языка и безпощадно относится къ языку предшествовавшей и современной ему литературы. (См. его разборы языка Ломоносова, Державина и друг. въ V т., 221, 225, 226—1834 г. Въ письмѣ къ Дельвигу отъ 8-го іюня 1825 г.; о Державинѣ и его языкѣ.

Т. V, стр. 127—128, 136; 19—20, 28—о языкѣ простого народа и объ искаженіи русскаго языка интеллигенціей, говорящей пофранцузски. Объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ нашихъ образованныхъ кругахъ общества по свидѣтельству г. Лемонте. Т. V, 27—29—о вліяніи этой моды на языкъ нашихъ писателей. Слѣдствіе этого — бѣдность языка нашей прозы. Срв. III, 416—417; III, 245. Также письмо къ Вяземскому—VII, 136 (№ 121).

[1]) Только что появившаяся въ Изв. 2-го Отд. Академіи Наукъ (т. V, кн. 1) статья *Ѳ. А. Витберга*: „Первыя басни И. А. Крылова“ — прочно устанавливаетъ баснописную дѣятельность Крылова съ 1788 года. Изъ первыхъ его басенъ видно и по языку, что Крыловъ въ народной рѣчи—у себя дома.

VII т., стр. 133. № 117 и друг.). Сумѣвъ воспользоваться коренными народными свойствами нашего языка, какъ геніальный человѣкъ и художникъ, Пушкинъ *практически*, подъ перомъ своимъ, сообщилъ всему русскому литературному языку новое направленіе на началахъ народности языка.—Вслѣдствіе этого мы находимъ у Пушкина уже другую струю, проникающую въ его языкъ въ зрѣломъ возрастѣ. *Это струя народности* и въ произношеніи, и въ лексиконѣ, и въ синтаксисѣ. Познакомившись съ живымъ говоромъ обѣихъ столицъ и прислушавшись къ нему, Пушкинъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ и слѣды *общерусскаго произношенія*, принадлежащаго *не тѣмъ кругамъ общества*, въ которыхъ вращалось наше образованное дворянство. (Срв. его замѣчанія о языкѣ московскихъ просвиренъ и о московскомъ выговорѣ—V, 136. Критическія замѣтки—1830—1831 года). Эта же струя проникла въ языкъ Пушкина и другимъ путемъ: Пушкинъ жилъ и изучалъ народный языкъ въ Псковской губерніи, *въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія*. Въ результатѣ мы видимъ на его языкѣ и *слѣды сѣверно-великорусскаго произношенія*. (Срв. его замѣчанія о „сѣверныхъ звукахъ“). Онъ говоритъ:

„Конечно, сѣверные звуки
Ласкаютъ мой *привычный слухъ*;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены:...“ (III, 416, 417. Курсивъ принадлежитъ мнѣ).

Въ этомъ порядкѣ мы остановимся теперь на слѣдующихъ пунктахъ: а) *слѣды московскаго* (*общерусскаго*) *произношенія* у Пушкина, б) *слѣды сѣв.-великорусскаго произношенія* и в) *иностранныя слова въ русскомъ произношеніи Пушкина*. Къ первымъ относятся такія риѳмы, какъ: *рогъ—мохъ* (I, 91. Въ этомъ случаѣ г=*х* при произношеніи слова *рогъ* составляетъ признакъ московскаго выговора). Далѣе,—такія написанія, которыя обнаруживаютъ собой произношеніе въ словахъ, орѳографія и этимологія которыхъ не установлена; напримѣръ, *чехлы* (I, 98). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Пушкину, вообще слабому знатоку *научной* этимологіи языка и его теоріи [1]),

---

[1]) См. филологическія разсужденія Пушкина въ письмѣ къ женѣ отъ 21-го сентября 1835 г. Онъ здѣсь пишетъ: „бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, или бель-сёрп? Прощай“. VII. № 428. Или въ письмѣ къ И. И. Лажечникову отъ 3-го ноября того же года Пушкинъ задаетъ филологическій вопросъ на счетъ слова „*хоботъ*“. VII. № 436. Также см. V, стр. 136—о словѣ

не было извѣстно въ точности и правописаніе, и этимологія слова *чахолъ*, а потому его правописаніе *чехлй* обличаетъ собой и его произношеніе звука *е* узкаго послѣ *ч* въ этомъ словѣ; *разсвѣнетъ*—IV. 50, *те=тебѣ*, *тя=тебя*—IV. 50. 62. 80. 81, *кивотъ*—IV, 57. 25. 102, *вотчина* — IV. 95. 103, *востріё*—III. 483, *вострá* — III. 298. IV. 266 и друг. [1]).

Къ *діалектическимъ* признакамъ произношенія надо отнести сѣверно-русскія произношенія: *днéвный* (I. 149. 222) при *дневнóй* (I. 132 и др.), *дáльный* — (I. 12. 35. 98. 105. 129. III. 383. II. 119. 247. III. 565 и др.) при *дáльній* (I. 12. 53. 59. 69. 101. 176. IV. 10 и др.), *счáстливый* (I. 34. 97 и др.) при *счастлúвый* (I. 73. 104 и др.), *пуншевóй* (I. 76. 80. 148), *грошевóй* (I. 80. 161 и др.), „*на почтовыхъ*" (I. 76. III. 360) при „*на почтóвыхъ*" (III. 372), *пуховóй* (I. 107) при *пухóвый*, „*недáвной*" (род. п. ед. ч. ж. р. I. 130) при *дáвній* (I. 136), *лáвровый* (I. 165. 235) при *лаврóвый* (I. 319), *пурпурóвый* (I. 259), быть можетъ, и *надéжный* (съ *е*, не *ё* въ риѳмѣ съ *нéжный* — I. 43. 103. 142. 145. ср. *безнадéжной* въ риѳмѣ съ *нéжный*—I. 351. 1825 года. Во всякомъ случаѣ это *е*, не *ё*, въ словѣ *надéжный* и производныхъ, равно какъ и различные варьянты ударенiй въ вышеприведенныхъ словахъ относятся либо къ словамъ столичной интеллигенціи, либо къ діалектическимъ, такъ какъ это произношеніе извѣстно понынѣ и въ народныхъ сѣв.-велик. говорахъ) и друг.

Во многихъ случаяхъ бываетъ трудно пріурочить къ какой-либо одной мѣстности великорусскаго нарѣчія извѣстныя произношенія въ виду ихъ распространенности въ разныхъ мѣстахъ. Къ такимъ случаямъ надо отнести тѣ случаи правописанія и ударенія у Пушкина, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его собственномъ произношеніи, совпадая въ то же время съ произношеніемъ и московскимъ, и вообще сѣверно-великорусскимъ. Напримѣръ, у Пушкина есть формы им. п. мн. ч.: *лѣта* (I. 197) вин. *лѣта* (I. 211. 242. 312. 281. III. 288), но и: *лѣтá* (им. мн. I. 179), зв. мн. тоже *лѣтá* (I. 130). Послѣднюю форму съ удареніемъ на окончаніи Сумароковъ, какъ знатокъ современнаго ему московскаго говора интеллигенціи,

---

тельма, юбка, свадьба, двѣнадцать. На стр. 135 о спряженіи глагола „*рѣшаю*" и „*рѣшу*" и т. п. въ другихъ мѣстахъ.

[1]) Конечно, произношенія: *те*, *тя=тебѣ*, *тебя* и проч. не принадлежатъ Пушкину, но заимствованы имъ у народа и внесены въ рѣчь простолюдиновъ гдѣ этого требуетъ содержаніе произведенія.

считаетъ у Ломоносова *провинціальнымъ произношеніемъ* (соч. Сумарокова. Ч. X. М. 1787 г. 2-е изд., стр. 7). Слѣдовательно, эта форма у Пушкина можетъ быть принята также за сѣверно-великорусскій провинціализмъ, который, однако, послѣ Пушкина освященъ общимъ употребленіемъ [1]). Равнымъ образомъ обнаруживаютъ собой произношеніе нашей столичной интеллигенціи, а также и произношеніе самого Пушкина и формы: *ры́льцо* (III. 325. вин. ед.), *сраже́ньи* I. 46. (вин. мн.), *жа́лы* (II. 65. им. мн.), *черни́лы*—I. 8. (вин. мн.), *сто́йлы* II. 27 (им. мн.), *кры́лы*—I. 82 (вин. мн.), *чёлы*—I. 104. 109 (вин. мн.), *вёслы* (II. 15. вин. мн.) *лы́ки*—II. 44 (вин. мн.), *копы́ты*—II. 49 (им. мн.), *лѣ́ты*—I. 45. 272. 309 (вин. мн. Срв. выше вин. мн. отъ этого слова: *лѣ́та*,—книжная форма), *желѣ́зы*—I. 219 (вин. мн.); [формы—*знамёна*—I. 257 и под., встрѣчающіяся у Пушкина съ окончаніемъ *а* безъ ударенія въ им. вин. мн. ч. именъ средняго рода не противорѣчатъ нисколько сказанному выше о произношеніи Пушкина, такъ какъ такое написаніе, какъ *знамёна* и проч. въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина еще не ручается за точность передачи въ этомъ случаѣ издателями, именно, ороографіи самого Пушкина: мы уже видѣли, что изданія сочиненій Пушкина не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія ихъ ороографіи, нисколько не заботясь о сохраненіи правописанія самого Пушкина. А, кромѣ того, правописаніе *знамёна* и под. во всякомъ случаѣ есть правописаніе *этимологическое*, а не *фонетическое*, такъ какъ всѣ мы произносимъ: *знамёны*, *вёслы* и под.. хотя и пишемъ: *знамёна*, *вёсла* и под. Фонетическимъ правописаніемъ, соотвѣтствующимъ произношенію Пушкина, было бы, именно, правописаніе: *знамёны*, какъ мы и видѣли выше въ словахъ: *вёслы*, *сто́йлы* и проч., гдѣ мы поэтому и усматриваемъ, съ одной стороны, правописаніе *самого* Пушкина, съ другой,—его собственное произношеніе. По всей вѣроятности, эти случаи необычнаго правописанія попали въ печатное изданіе тамъ, гдѣ издатели усматривали необходимость сохраненія такого правописанія для ороографическаго отожествленія окончаній въ риѳмующихся словахъ у Пушкина. Слѣдовательно, кому бы даже ни принадлежало такое необычное правописаніе именъ средняго рода, оно свидѣтельствуетъ о живомъ произношеніи. существующемъ и донынѣ].

---

[1]) См. нашу брошюру „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка". *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., № 8. Стр. 157—158 и примѣч.

Равнымъ образомъ нужно по всѣмъ соображеніямъ, основаннымъ на фактахъ діалектологіи, допустить, что Пушкинъ усвоилъ живое произношеніе *бре́мя* не только для имен. падежа ед. числа, но и для родительнаго ед. числа; такое произношеніе нужно допустить въ языкѣ интеллигенціи того времени (см. I. 24. Стих. „Къ Натальѣ" 1814 г.:

„Какъ любви *не знал бремя*
Я живалъ да попѣвалъ".

Здѣсь, согласно синтаксису Пушкина, форма *бремя* можетъ быть и формою вин. ед. и формою род. ед. числа).

Пушкинъ употреблялъ и въ разговорѣ форму *бремя* въ род. падежѣ подобно тому, какъ мы, вмѣстѣ съ народомъ, и до сихъ поръ говоримъ „*нѣтъ время*" вмѣсто „*нѣтъ времени*". (Срв. обще-московское произношеніе интеллигенціи; „*мѣстовъ нѣтъ*" вмѣсто „*мѣстъ нѣтъ*", какъ у простого народа). Но, если трудно приписать Пушкину форму *бре́мя* въ род. пад. ед. числа для того періода жизни, когда написано стихотвореніе: „Къ Натальѣ", т. е. для 1814 года, если и придется поэтому скорѣе объяснить эту форму *бремя* формою *вин. пад.* ед. ч. при глаголѣ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ *не* (этотъ оборотъ очень употребителенъ у Пушкина и впослѣдствіи), то, съ другой стороны, формы: „*на тѣмѣ*" вмѣсто „*на тѣмени*", а равно „*вбилъ*" вмѣсто „*вылъ*", хотя Пушкинъ и отказывается отъ нихъ, какъ отъ неправильныхъ (см. V, стр. 135), несомнѣнно принадлежали въ 1830 году самому Пушкину, а усвоилъ онъ ихъ у того же народа, при чемъ „*на темѣ*" могло быть извѣстно и въ говорѣ не одного простого народа. То же можно сказать о формахъ: *временъ*—II. 107. III. 303, *стременъ* III. 168 (см. соч. Пушкина V. 127) и *гуменъ* (II. 115 и въ VII томѣ также), которыя принадлежатъ живому языку и могли принадлежать и самому Пушкину, какъ и форма *сѣменъ*, донынѣ оставшаяся у насъ въ употребленіи. Все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ намъ на то, что Пушкинъ основывался часто на живомъ произношеніи, современномъ ему, не находя нужнымъ справляться съ искусственною въ то время грамматикой и съ грамматическими вымышленными ученіями. Такое живое произношеніе, нерѣдко собой видоизмѣняя старыя грамматическія формы, полагаетъ собой основаніе для новыхъ законовъ языка подъ перомъ геніальнаго творца слова и обусловливаетъ собой то жизненное движеніе языка, которое служитъ признакомъ *жизни* языка, и которымъ, въ свою

очередь, обусловливается существованіе законовъ, дѣйствующихъ въ языкѣ въ *данную эпоху*.

Конечно, съ этой точки зрѣнія понятно, что всѣ приведенныя выше произношенія со звукомъ *е* вмѣсто ё подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ, напримѣръ, *полéтъ*, *лiéтъ*, составляютъ собой уже признакъ не общаго произношенія народа, а книжнаго литературнаго произношенія извѣстнаго только класса людей, того класса, языкъ котораго вмѣстѣ съ формами жизни отживалъ уже послѣдніе свои дни, уступая мѣсто *демократическому движенію*, охватившему всѣ устои жизни, и оставаясь принадлежностью меньшинства, или принадлежностью только извѣстнаго сословія, объединеннаго однимъ родомъ занятій, напримѣръ, духовенства. Если Пушкинъ поэтому пишетъ род. мн. ч. *селъ* (II. 278), риѳмуя эту форму съ формою *стрѣлъ* въ 1821 году, или, если онъ риѳмуетъ произношеніе *племéнъ* (I. 254) съ произношеніемъ *плѣнъ* въ томъ же 1821 году, то это съ его стороны—уступка времени и обычаю извѣстнаго общества, обычаю, противъ котораго возстала его реформаторская натура художника въ послѣдствіи времени. (Срв. *племéнъ*—II. 131. 296, хотя и не въ концѣ стиха).

Обще-великорусское произношеніе обнаружилось у Пушкина еще въ томъ, что онъ произносилъ *твердо* шипящіе *ж*, *ш*, но *мягко* — *ч* и *щ*. Это видно опять изъ того правописанія, которое какъ бы случайно закралось въ изданіе сочиненій Пушкина Литературнымъ фондомъ въ 1887 году. Чѣмъ иначе объяснить *почти безъ отклоненій проведенное въ этомъ изданіи* правописаніе: *шóпотъ*, *жóнка*, *чóртъ* (читай *ч'óртъ*), *чóлнъ* (см. I. 333. II. 81, 46, 139. III. 52, 235. IV. 324. VII. 325. II. 148. IV. 320. III. 246. II. 148. IV. 320, 321, 333, 390. VII. 183, 325, 406. I. 136. III. 567, 558. срв. *чёлнъ*—II. 15. *чóлны* [III. 564] *чёлны*—I. 233. IV. 329.—*жóнка*) [1]. (Въ виду такого количества случаевъ фонетическаго правописанія этихъ словъ мы вправѣ случай написанія: *жёнка*—III. 446,—толковать, какъ не соотвѣтствующій произношенію Пушкина и попавшій по недосмотру издателей [а, можетъ быть, и самого Пушкина] въ печать). Форма *„по шепту"* (IV. 134) также указываетъ на произношеніе: она извѣстна и понынѣ въ южно-великорусскомъ народномъ произ-

[1]) Срв. изображеніе Пушкинымъ на письмѣ *не русскаю* произношенія звука *ш* въ словѣ *„пошёлъ"*=*пошóлъ*. Такъ, будто бы, говоритъ французъ Маржеретъ. См. III. 58 (Борисъ Годуновъ).

ношенія вм. *по шо́поту*. Равнымъ образомъ формы: *причетъ* (IV. 134), *причетомъ* (IV. 136) извѣстны Пушкину изъ живого произношенія, которое онъ усвоилъ въ свое время, вмѣсто нынѣшнихъ *причтъ*. *причтомъ* и прочее, при которыхъ Пушкинскія формы уже кажутся неупотребительными и устарѣвшими. Форма *молдава́нъ* вм. *молдава́нинъ* у Пушкина тоже была собственностью его лексикона и подслушана имъ въ живомъ употребленіи. Пушкину стали, конечно, извѣстны оба эти произношенія, какъ видно изъ склоненія этихъ словъ у него. Наконецъ, сравнивая по удареніямъ выраженія: *три сосн*ы́ (II. 182) и *двѣ со́сны* (III. 355) у Пушкина, мы усматриваемъ, что Пушкину было извѣстно не только произношеніе *сосна́*, но и *со́сна*, принадлежащее сѣверно-великорусскому говору по преимуществу. Это мы выводимъ изъ того, что въ обоихъ случаяхъ (при числит. *двѣ* и *три*), какъ и въ массѣ другихъ, Пушкинъ сочетаетъ *два*, *оба*, *три*, *четыре* только съ формами современнаго род. пад. ед. ч.

Мы обратили вниманіе на *діалектическіе* (въ обширномъ смыслѣ) элементы и на *аристократическіе* элементы въ языкѣ и произношеніи Пушкина, постарались указать въ этомъ своемъ этюдѣ на то, чѣмъ Пушкинъ былъ связанъ по языку съ своимъ временемъ и съ своимъ обществомъ, и чѣмъ онъ *опередилъ* въ языкѣ всякое время и всякое общество. Теперь обратимъ вниманіе еще на *иностранныя слова*, проникшія въ русскій литературный языкъ черезъ уста и произведенія Пушкина, и на дальнѣйшую судьбу этихъ словъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Вообще, какъ увидимъ сейчасъ, можно сказать, что иностранныя слова въ произношеніи Пушкина и въ его употребленіи уже нынѣ отжили свой вѣкъ и замѣнились или другимъ произношеніемъ, или другими словами. Это мы видимъ на словахъ: 1) *музы́ка* (III. 143, 185, 189, 45, 246, 202), которое у Пушкина, какъ и его предшественниковъ, всегда съ такимъ удареніемъ на французскій ладъ. Это было удареніе—единственно извѣстное въ то время въ живомъ говорѣ нашей полуфранцузской интеллигенціи. (Срв. соч. *Державина*. Изд. Академіи наукъ. Подъ ред. Я. К. Грота. Т. I, стр. 103, строфа 2, стр. 736, строфа 15. Томъ II, стр. 348, строфа 4, стр. 97, стихъ 60, стр. 642, строфа 44. *У Ломоносова* — Изд. Ак. Наукъ. Подъ ред. М. И. Сухомлинова. Томъ I, стр. 12. „Я слышу чистыхъ сестръ музы́ку“... и друг. *У Жуковскаго*: Изд. 9-е подъ ред. Ефремова. Т. I, стр. 147. Громобой: „Музы́ка роговая“... и друг.). У Пушкина только *одинъ разъ* въ стихотвореніи встрѣчается *му́зыка*, именно, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о „сѣверныхъ звукахъ“

(III 417). Къ этому времени (къ 1830 году) Пушкину стало извѣстно и такое произношеніе этого слова. Нынѣ мы уже совсѣмъ не имѣемъ стараго произношенія интеллигенціи: *музы́ка.* 2) На словѣ *балъ*, которое у Пушкина *никогда* не имѣетъ нынѣшней формы предл. пад. ед. числа: *на балу́* (какъ: *на полу́*), а всегда: *на балѣ*, и никогда не измѣняетъ мѣста своего ударенія, какъ это мы видимъ въ нынѣшнемъ употребленіи: *балы́*, *бало́въ*, *бала́мъ*, *бала́ми*, *о бала́хъ*. У Пушкина вмѣсто этого всегда: *ба́лы*, *ба́ловъ*, *ба́ламъ*, *ба́лами*, *ба́лахъ* (см. III. 246, 560, 181. I. 24 и др.). Такъ послѣдовательно проведено это склоненіе („*на балѣ*" и въ прозѣ *вездѣ* у Пушкина: напримѣръ, IV. 39, 43. И это—*среди чисто-русскихъ, даже народно-русскихъ словъ и формъ*: напримѣръ, „*сосѣдовъ*"—род. пад. множ. числа—IV. 41. „*промаху* не дамъ"—IV. 42, *жеребій*—IV. 44, „*знать*" въ смыслѣ „должно быть". „вѣроятно" — IV. 43 и проч.) только потому, что Пушкинъ, согласно употребленію его круга, не измѣнялъ французскаго типа этого слова ни въ какомъ отношеніи на русскій ладъ (срв. у П. П. Кирсанова: *принси́пъ* — выше, у Тургенева). 3) На словѣ *дуэль*, которое у Пушкина *муж. рода* согласно французскому *le duel*: „У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэ́ля"... пишетъ Пушкинъ—VII. стр. 404, срв. II. 82. Нынѣ слово *дуэль* женск. рода: *дуэли*, *дуэлью* и пр. 4) На словѣ *ни́шъ*: „темный ни́шъ" (I. 132 и др.); франц. хотя и *la niche*, но форма звуковая оставлена Пушкинымъ нетронутою; нынѣ женск. рода: *ниша* по женск. склоненію. 5) На словѣ: *ле́нтъ* (I. 365) вм. нынѣшняго—*лента*—женск. рода. 6) На словѣ *карафинъ* (V. 3) вм. нынѣшняго *графинъ*. Срв. франц. *la carafe*, *le carafon* и под. 7) На словѣ: *піитъ*, употребительномъ у Пушкина очень часто при словѣ *поэтъ*. Форма *піитъ* и *піита* наслѣдіе ложноклассическаго періода и его общественныхъ симпатій (см. II. 189 и I. 5. I. 159 и I. 87 и др.). 8) На словѣ: *ро́ля* (вин. *ро́лю*—II. 238) вм. нынѣшняго *роль*—женск. рода. Это, конечно, у Пушкина согласно съ обычаемъ тогдашняго произношенія на франц. маперъ; во французскомъ языкѣ мы имѣемъ *la rôle*—театральная роль, въ отличіе отъ *le rôle*—свертокъ, свитокъ бумаги. 9) Особенно на словѣ: *аристокрація* (V. 11, 237, срв. V. 250) согласно француз. произношенію *l'aristocratie*. На стр. 250, V уже *аристократіи*. 10) На словахъ: *эполе́тъ*, сохранившемъ звуковую форму франц. слова *épaulette* (см. I. 74, род. п. мн. чис.); *боа*, въ муж. родѣ вм. нынѣшняго средняго, согласно французскому *le boa* (см. III. 394); *комода*: (билетъ), „который оста-

вилъ я въ секретной твоей *комодѣ*"—VII. 298, срв. франц. *la commode*. „Онъ пакоститъ *твои мебели*". VII. 346. На произношеніи: *прожектъ* (VII. 296) вм. нынѣшняго *проѣктъ*. Срв. франц. *le projet*. Наконецъ, кромѣ перечисленныхъ иностранныхъ словъ, то же самое мы видимъ на произношеніи слова *симвόлъ* съ такимъ удареніемъ (I. 182, 290), какъ во французскомъ языкѣ: *le symbole*. Нынѣшнее *сúмволъ*.

Всѣми этими словами съ ихъ указанными измѣненіями, произношеніемъ и употребленіемъ Пушкинъ связанъ со своимъ, нынѣ уже отжившимъ временемъ, и со своимъ, нынѣ уже измѣнившимся, обществомъ.

Такимъ образомъ, къ 30-мъ годамъ текущаго столѣтія въ составъ русскаго литературнаго языка введены Пушкинымъ слѣдующіе элементы: 1) московскій діалектическій элементъ въ самомъ значительномъ количествѣ. 2) Сѣверно-великорусскій діалектическій элементъ. 3) Иностранный французскій элементъ — въ незначительномъ количествѣ и 4) нѣсколько незначительныхъ остатковъ стараго сословнаго произношенія.

Евг. Будде.

ПОСОЛЬСТВО П. МЕНЕЗІЯ КЪ ПАПСКОМУ ДВОРУ.

(1672—1673).

Въ январѣ 1667 г. Россія и Польша заключали Андрусовское перемиріе на $13^1/_2$ лѣтъ. Обѣ стороны остались одинаково имъ недовольны и втайнѣ ласкали себя надеждою при первомъ же удобномъ случаѣ измѣнить параграфы договора въ свою исключительную пользу; въ данную минуту однако трактатъ создалъ общіе интересы и необходимость дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ сообща. Пункты 18 и 19 предусматривали возможность имѣть общихъ враговъ въ лицѣ Крымскаго хана и турецкаго султана. Событія не замедлили оправдать предусмотрительность дипломатовъ. Правобережная Украйна, покинутая Москвой, не хотѣла возвращаться подъ старое и слишкомъ знакомое иго поляковъ. Возставшіе казаки, съ Дорошенкой во главѣ, поддались султану. Польшѣ пришлось такимъ образомъ вести войну, и при томъ войну безславную и тяжелую. Полуторастотысячное войско турецкое, подъ предводительствомъ самого султана Магомета IV, наводнило польскія области; 27-го августа 1672 г. палъ Каменецъ, и (торжественный) путь падишаха по улицамъ твердыни польской былъ устланъ святыми иконами. Подъ Львовомъ побѣдитель диктовалъ миръ, „наипостыднѣйшій изъ всѣхъ, какіе когда-либо заключала Польша" [1]). Украйна и Подолія отошли къ побѣдителямъ.

Внушительность турецкихъ побѣдъ никоимъ образомъ не позволяла Москвѣ оставаться безучастной ихъ зрительницей. Не столько забота о несчастной сосѣдкѣ-соперницѣ, не столько желаніе выполнить договоръ, сколько сознаніе собственной опасности, вынудило и насъ обна-

---

[1]) *Szujski*, Dzieje Polski, IV, 36.

жить свой мечъ. Къ тому же въ торжествѣ турокъ царь Алексѣй видѣлъ опасность не одной Польшѣ или Россіи, но и всему христіанству, видѣлъ угрозу полумѣсяца кресту. А съ тѣхъ поръ какъ царствующій домъ Рюриковичей породнился съ Византійскими императорами, съ тѣхъ поръ какъ двуглавый орелъ осѣнилъ Московскую державу, русскіе государи не переставали считать себя единственными законными наслѣдниками павшей монархіи и охранителями православія. Москва давно усвоила себѣ фикцію третьяго Рима.

Рѣшено было звать всю Европу въ крестовый походъ на мусульманъ. Воззваніе разсылалось одинаково и католикамъ, и протестантамъ. Въ октябрѣ 1672 г. снаряжены были посольства къ цесарю, къ папѣ, во Францію, Испанію и Венецію; въ Швецію, Данію, Голландію, Англію, Саксонію и Бранденбургъ. Разумѣется, Москва поступала вполнѣ логично. Кому же, какъ не ей, хранительницѣ истинныхъ завѣтовъ Христа, стать во главѣ движенія? Но логика не всегда совпадаетъ съ реальными фактами. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ политическихъ условій она сильно отзывалась наивностью и невѣжествомъ. Европа не знала и не хотѣла знать притязаній московскихъ государей на передовую роль въ христіанскомъ мірѣ. Къ тому же въ ту пору вопросами религіозными она интересовалась едва ли не менѣе всего: на первомъ планѣ стояли заботы болѣе житейскія, заботы практической государственной пользы. Европа не ополчилась на турокъ. Московскіе послы встрѣтили холодный пріемъ и получили уклончивый отвѣтъ. Одни отзывались войною, другіе внутренними затрудненіями, третьимъ помѣхой стояло дальнее разстояніе; отдѣлывались и общими фразами. Практическіе англичане, отговариваясь давнишними торговыми сношеніями съ султаномъ, старались повернуть дѣло уже совсѣмъ на иную почву, на возвращеніе „древнихъ правъ и вольностей", отнятыхъ у нихъ русскимъ царемъ въ эпоху революціи [1]). Такимъ образомъ Россія, впервые самостоятельно выступившая въ вопросѣ, имѣющемъ полное право на наименованіе общеевропейскаго, потерпѣла полное фіаско.

Но неудавшійся планъ этотъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія историка, какъ первая попытка пѣть въ европейскомъ концертѣ по собственной партитурѣ, — болѣе того: дирижировать оркестромъ. Обращеніе къ Европѣ имѣетъ право на вниманіе и по другой причинѣ. Въ числѣ приглашенныхъ дворовъ намѣченъ былъ также и

---

¹) Пам. Дип. Сношеній. IV, 897, 911, 915—917, 919—925.

дворъ папскій. Послѣ многихъ лѣтъ отчужденія Москва и Римъ снова находятъ положительныя точки соприкосновенія. Посольствомъ Менезія въ исторіи двухъ дворовъ открывается новый періодъ.

I.

XVII-й вѣкъ въ русской исторіи—эпоха постояннаго и настойчиваго сближенія съ Западной Европой. Въ предыдущемъ столѣтіи Россія шла на встрѣчу этого сближенія пока еще ощупью и безсознательно; строго консервативная, благоговѣйная къ традиціямъ старины и завѣту предковъ, она и при первыхъ Романовыхъ крайне осторожно освоивается съ новымъ положеніемъ, — но основной характеръ его обрисованъ уже достаточно ярко и опредѣленно, и не далеко то время, когда движеніе изъ слабой струи превратится въ мощный потокъ и захватитъ все русское общество.

Но въ исторіи этой „европеизаціи" Россіи на пространствѣ XVII столѣтія есть одна черта, идущая въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ. Я говорю объ отношеніи къ католической церкви. Диссонансомъ именно въ эту пору звучатъ свидѣтельства иностранныхъ писателей о глубокой враждѣ къ латинянамъ [1]). Не было худшаго пожеланія, какъ сказать въ сердцахъ: „да будь ты римлянинъ" [2]). Прежде переходъ католика въ православіе совершался безъ перекрещиванія [3]). а патріархъ Филаретъ сдѣлалъ его обязательнымъ [4]). Подобно Филарету, и Никонъ „велѣлъ перекрещивать всѣхъ православныхъ бѣлоруссовъ, крещеныхъ чрезъ обливаніе [5]). Правда, ненависть къ латинству не была новостью; ее легко услѣдить и въ вѣка болѣе

---

[1]) *Олеарій*, 369, 374; *Майербергъ*, 103; *Rinhuber*, Relation, 14; *Таннеръ* 104.

[2]) *Pritius-Wahrmund*, Moscowitischer od. Reussischer Kirchen-Staat (Leipz. 1698), Seit. 18: Auch wenn die Reussen zornig seyn, und einem unter sich Böses wüntschen wollen, sagen sie: „je dass du möchtest ein Romaner werden"! Also gar seynd sie verhasset auff die Römisch-Catholischen: sie begehren auch keine Vereinigung mit ihnen nicht einmahl anzuhören, geschweige denn einzugehen".

[3]) Въ древней греческой церкви употреблялись при переходѣ изъ католичества въ православіе безразлично оба обряда: перекрещиваніе и мѵропомазаніе; но соборъ 1484 г. установилъ обязательнымъ послѣднее. (*Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, ч. 2, стр. 699).

[4]) Правда, одинаково и для протестантовъ и уніатовъ. (*Знаменскій*, Руков. къ русск. церк. ист. изд. 5-е, 241).

[5]) Ibid.

ранніе. Но теперь она значительно выросла и окрѣпла. Подогрѣли ее и окончательно сформировали печальныя событія смутной поры и не менѣе печальныя послѣдствія церковной уніи въ сосѣднемъ государствѣ.

Страшная катастрофа, разразившаяся надъ русской землей въ началѣ XVII ст., была еще у всѣхъ въ живой памяти. Пронесшаяся буря едва было не смела и русской національности, и русской вѣры. Во времена Лжедимитрія I и королевича Владислава вопросъ шелъ, разумѣется, не столько о Смоленскѣ, не столько о территоріальныхъ урѣзкахъ, сколько о томъ, оставаться ли русскимъ людямъ русскими, православными или ополячиться и олатыниться, примѣръ чему уже данъ былъ среди единовѣрныхъ собратьевъ въ Литвѣ. Еще такъ недавно на престолѣ благочестивыхъ царей русскихъ сидѣлъ ставленникъ поляковъ и іезуитовъ, тайный католикъ, сторонникъ безбожной уніи и явный слуга римскаго папы; еще такъ недавно Московскій Кремль, національная святыня и гордость русскаго народа, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и черныя сутаны іезуитовъ, и цвѣтныя чамарки польскихъ жолнеровъ. Давно ли миновала пора, когда Русь вынуждена была присягать уже явному католику, дозволять построеніе костеловъ, а взамѣнъ видѣть оскверненіе собственныхъ храмовъ? Сожженіе столицы, раззореніе государства, униженіе націи, подчиненіе иновѣрцамъ и иноземцамъ—въ такомъ видѣ суммировались въ представленіи русскаго человѣка эти краткіе, но тягостные годы народнаго бѣдствія. Западъ въ лицѣ поляковъ и католичества ополчился на святую Русь. Какую же оборону выставила она? Подъемъ національнаго духа и вѣру православную. Эти двѣ силы спасли ее, эти же двѣ силы и въ теченіе всего послѣдующаго періода, о которомъ идетъ рѣчь, остались базисомъ общественной жизни и государственныхъ мѣропріятій. Чувство ужаса передъ грозившей опасностью и ненависть къ его виновникамъ не заглохли даже и тогда, какъ самая опасность давно миновала. Казацкія войны, борьба за Малороссію только усиливали сложившееся представленіе, и чувство національное съ чувствомъ религіознымъ слились въ одномъ общемъ порывѣ [1]).

Прозелитизмъ римской церкви вмѣсто достиженія своей цѣли

---

[1]) Не даромъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ польской 1654 года, какъ основной мотивъ, всюду слышится одна нота: защита православія. *Соловьевъ*, X, 311—319.

только усиливалъ и безъ того глубокую пропасть. Одна мысль — не говорю: допустить распространеніе или торжество католичества, но замутить православную вѣру обрядами латинскими, приводила въ трепетъ благочестивую русскую душу. Къ чему тогда послужило это страшное напряженіе силъ цѣлаго народа? Къ чему эти годины неизгладимыхъ нравственныхъ тревогъ и сомнѣній?... И вотъ, чтобы въ корнѣ пресѣчь зло, рѣшили запереться отъ него на всѣ замки и ключи. Не насилуя религіозныхъ убѣжденій католиковъ, жившихъ въ Россіи, запрещали однако категорически строеніе костеловъ и пріѣздъ духовнымъ лицамъ римскаго исповѣданія. Московское правительство неуклонно держалось этого правила въ теченіи многихъ лѣтъ.

Попытка французскаго короля Людовика XIII, хлопотавшаго въ 1629 г. вмѣстѣ съ торговыми привилегіями для своихъ подданныхъ и о правахъ богослуженія, пріѣздѣ священниковъ, встрѣтила серьезную оппозицію [1]). Не менѣе категорическій отказъ данъ былъ и полякамъ, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, при заключеніи Поляновскаго мира, они хлопотали о постройкѣ костеловъ въ своихъ помѣстьяхъ (тѣмъ, кто пойдетъ на службу московскому государю), въ Москвѣ и другихъ городахъ [2]). Одновременно съ этимъ, подъ страхомъ смертной казни, обязали Голштинскую торговую компанію „костеловъ своей

---

[1]) Не рѣшаюсь утверждать полной неудачи этихъ хлопотъ. Правда, наши официальные источники свидѣтельствуютъ о категорическомъ отказѣ русскаго правительства. Царь и патріархъ постановили „отказать накрѣпко“, и на вторичныя настоянія посла было заявлено: „о томъ прямо отказываемъ тебѣ“ (*Цвѣтаевъ*, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, 303—305). Но во французскихъ архивахъ сохранилась (въ одномъ французскомъ переводѣ или также и въ оригиналѣ?) грамота царя Михаила Ѳедоровича королю Людовику XIII, 12-го ноября 1629 г., гласящая между прочимъ слѣдующее: nous accordons aussi à tous les marchands françois, vos sujets, de vivre en liberté de conscience dans notre empire et faire profession de foi romaine et de tenir près d'eux des prêtres ou religieux pour les administrer; mais nous ne saurions permettre que publiquement dans notre empire l'exercice de la religion romaine se fasse, de peur de scandale. (Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, I, 30). Заподозривать подлинность грамотъ нѣтъ никакихъ основаній. Выдержки изъ русскихъ официальныхъ бумагъ, приведенныя г. Цвѣтаевымъ, хотя и говорятъ о твердомъ намѣреніи царя отклонить просьбу, но изъ нихъ еще не видно, устоялъ ли онъ въ своемъ рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ, дозволеніе, если его и дали, практическаго значенія не имѣло. Вѣроятно, отголосокъ этихъ переговоровъ слышится въ замѣткѣ Олеарія (стр. 374) о неудачѣ французовъ въ полученіи разрѣшенія на постройку католической *церкви*.

[2]) *Соловьевъ*, IX, 218.

вѣры въ данныхъ имъ мѣстахъ и купленныхъ не строить, Божію службу совершать въ домахъ, папежской вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей съ собою въ Россійское государство не привозить и тайно у себя не держать" [1]). Женитьба русскаго на католичкѣ точно также была немыслима въ ту пору [2]). Сохранились извѣстія, что единичные случаи появленія католическихъ патеровъ въ предѣлахъ Россіи безпощадно наказывались ссылкою въ Сибирь [3]).

Мало того. Мы не хотѣли терпѣть на русской почвѣ вообще католиковъ, не только духовныхъ, но и мірянъ. Мы только что видѣли, какъ Голштинской компаніи ставилось обязательство не только духовныхъ, но и „никакихъ латинской вѣры людей съ собою не привозить" [4]); вербуя за границей солдатъ для иноземныхъ полковъ, правительство категорически запрещало нанимать французовъ „и иныхъ папежскія вѣры" [5]), и когда въ числѣ набранныхъ оказалось нѣсколько католиковъ, ихъ не медля отослали обратно изъ предѣловъ Россіи [6]).

Разумѣется, желать было легче, чѣмъ исполнить. Мыслимо ли было огородить себя китайской стѣною въ ту пору, когда соприкосновеніе съ Западною Европой усиливалось съ каждымъ днемъ и потребность общенія съ нею стучалась въ наши двери столь назойливо, что далеко не всегда оказывалось удобнымъ и даже возможнымъ разбирать, кто идетъ въ эти двери, протестантъ — въ русской землѣ его еще терпѣли — или католикъ. Какъ ни хотѣлось, напримѣръ, въ 1635 г. загородить дорогу польскимъ купцамъ изъ опасенія, что станутъ де „привозить съ собою учителей римской вѣры" и обращать въ нее православныхъ, но соображенія коммерческія перевѣсили это желаніе [7]). Не успѣли отчураться отъ французовъ и папежанъ, а черезъ два года послѣдовало разрѣшеніе мастеровъ иноземцевъ нанимать не только въ государствахъ протестантскихъ, но и во Франціи, и въ Венеціи, брать всѣхъ, „кто наймоваться похочетъ" [8]). Войны царя Алексѣя

---

[1]) *Соловьевъ*, IX, 245.
[2]) *Соловьевъ*, IX, 217.
[3]) *Rinhuber*, Relation, 15. Хотя инымъ и удавалось прожить въ Москвѣ цѣлые годы. *Theiner*, Monuments historiques de Russie, p. 60, письмо 4-го іюля 1668 г.
[4]) Сравн. *Олеарій*, 374.
[5]) Соб. Гос. Грам. Дог. III, 317, 821.
[6]) *Цвѣтаевъ*, Изъ исторіи иностр. исповѣд., 305.
[7]) *Соловьевъ*, IX, 222.
[8]) С. Г. Г. Д. III, 837.

Михаиловича съ западнымъ сосѣдомъ подарили насъ не малымъ числомъ плѣнныхъ католиковъ; если часть ихъ и обращалась въ православіе, то другіе оставались вѣрны религіи отцовъ своихъ и, селясь среди русскихъ, безпрепятственно держались прежняго вѣроисповѣданія [1]). Дипломатическія сношенія съ иностранными дворами неизбѣжно обусловливали хотя бы временное пребываніе католиковъ, и не только міряиъ, но и патеровъ: послѣдніе пріѣзжали въ свитѣ посольства и даже отправляли религіозныя требы [2]). Продолжало увеличиваться и число иноземцевъ военныхъ. При царѣ Алексѣѣ убѣдились, что система тридцатыхъ годовъ болѣе не пригодна: среди офицеровъ и солдатъ русскому государю служатъ теперь не одни протестанты (Гордонъ и др.). На ряду съ военными видимъ и католиковъ-торговцевъ (Гваскони и др.). Правда, число послѣдователей римской церкви по прежнему ничтожно [3]), но важно не количество, а самый фактъ— лучшій признакъ того, что старый принципъ начинаетъ колебаться въ своемъ основаніи.

Андрусовскій миръ поставилъ вопросъ о католикахъ еще настойчивѣе. Новые подданные лѣво-бережной Украйны не всѣ были православные. Выговаривая съ польской стороны обязательство, въ возвращаемыхъ областяхъ, „оставить вольное употребленіе вѣры греческой", приходилось и самимъ допустить „употребленіе вѣры святой католической, безъ всякаго въ отправленіи богомолія въ домахъ своихъ затрудненія" [4]). Такимъ образомъ, хотя въ договорѣ устранена была даже самая постановка вопроса о постройкѣ костеловъ или допущеніи ксендзовъ, а все же русское правительство было вынуждено принципіально провозгласить законность чествованія имени Божьяго въ предѣлахъ русской земли не по одному обряду православному, но и католическому. И это было болѣе чѣмъ простое заявленіе о дозволеніи вѣрить: „отправлять *богомоліе* въ домахъ" значило болѣе чѣмъ „молиться" въ ежедневномъ употребленіи этого слова. И мы сейчасъ увидимъ, какъ логическая неизбѣжность привела къ допущенію въ русскіе предѣлы и самыхъ ксендзовъ. А заносъ кіевской образованности въ Москву 2-й половины XVII вѣка? Пусть многіе не взлюбили ее за латинскія формы и латинскій духъ, за то многіе именно формы-то эти, духъ этотъ и усвоили.

[1]) *Цвѣтаевъ*, Изъ исторіи иностр. исповѣд., 307.
[2]) *Майербергъ*, 104; *Таннеръ*, 84—85.
[3]) *Таннеръ*, 69.
[4]) Пол. Соб. Зак. I, стр. 659, № 398, пунктъ 3.

А между тѣмъ Смутная пора постепенно уходила въ даль прошлаго; десятилѣтіе смѣнялось десятилѣтіемъ, на сцену мало по малу выступали новые люди, складывалась новая обстановка, крѣпли новыя представленія. Поколѣнья, выросшаго подъ впечатлѣніями годинъ Лихолѣтья, болѣе не было. На смѣну шло другое, знавшее эту пору лишь по живымъ свидѣтельствамъ, устнымъ да литературнымъ разсказамъ. Принципіальное отношеніе, правда, не измѣнилось. Сложившіяся формулы, выработанные постулаты всецѣло передались и дѣтямъ — консерватизмъ русскаго общества допускалъ лишь очень медленную эволюцію идей — но у сыновей не было того захватывающаго чувства, того инстинктивнаго трепета, какой мы еще видимъ въ отцахъ. Краски успѣли поблекнуть, ѣдкое чувство—притупиться [1]). Идея принималась такою же, мысль о единеніи съ папистомъ по латинской формулѣ казалась не менѣе грѣховной; но все болѣе и болѣе появлялось людей, для которыхъ она становилась достояніемъ разума, безъ примѣси той горечи и безсознательной ненависти, ужаса, какъ раньше. Врага осмѣлились разсматривать на болѣе близкомъ разстояніи. Вотъ почему въ 30-хъ годахъ еще можно было не только говорить, что у Россіи съ римскимъ престоломъ ссылокъ не бывало, ссылаться не о чемъ, Римъ-де далеко... возможно было утверждать, что даже и впредь ссылкамъ быть не для чего [2]); а 40 лѣтъ спустя мы сами пойдемъ на встрѣчу этимъ ссылкамъ. Понадобились союзники, и мы поняли, что вопросъ религіозный можно и должно отдѣлять отъ вопроса политическаго. Приглашая въ 1672 г. европейскихъ государей идти на турокъ, царь Алексѣй Михаиловичъ задумалъ пригласить вмѣстѣ съ ними и папу.

Посмотримъ теперь, какъ держалъ себя за все это время Римъ. Неуспѣхъ насажденія католичества въ Москвѣ при Самозванцѣ мало смутилъ его. Что значитъ одна неудача, когда впереди цѣлые вѣка? „Толцыте и отверзется вамъ". Глубокоубѣжденный проповѣдникъ единства христіанской церкви подъ главенствомъ римскаго первосвященника, всецѣло проникнутый сознаніемъ справедливости и святости этой задачи, могъ ли онъ не вѣрить, что настанетъ нѣкогда день, когда всѣ народы увѣруютъ въ его истину? Слишкомъ опытный, чтобъ надѣяться въ одинъ пріемъ разсѣять то, что онъ называлъ за-

---

[1]) Перекрещиваніе латинянъ было отмѣнено соборомъ 1667 г. *Знаменскій* Руководство къ русской церковной исторіи, 241.

[2]) *Соловьевъ*, IX, 286.

блужденіемъ, Римъ умѣлъ терпѣливо ждать: торопиться не къ чему... Но за то тѣмъ неуклоннѣе расчищалъ онъ себѣ почву и осторожно внѣдрялъ первые корни, выхаживалъ первые побѣги. Пусть розовыя надежды, связанныя съ воцареніемъ Лжедимитрія, были обмануты; пусть римская курія въ теченіи многихъ лѣтъ не подаетъ признака жизни; но она не забыла того дня, когда разбитый на полѣ сраженія счастливымъ соперникомъ Грозный царь протянулъ руку за помощью къ намѣстнику Христа. Отъ вліянія Рима никому не уйти, и всѣ, рано или поздно сознàютъ, что въ немъ одномъ благо и спасеніе.

Такъ въ сущности понималъ католическій Римъ свои отношенія къ православной Россіи. И, что бы мы ни думали о католичествѣ, какъ о религіозномъ ученіи, какъ о доктринѣ, нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ этому увѣренному самосознанію, къ этой непреложной вѣрѣ въ конечное торжество своей идеи и готовности настойчиво идти по намѣченному пути, на встрѣчу всѣмъ препонамъ и противодѣйствіямъ. Осуществимость самой идеи можно оспаривать, можно даже не желать ея осуществленія, но безполезно отрицать ея жизненность и міровое значеніе. Какъ всякая идея, считающая себя вѣчной, она не знаетъ ни времени, ни пространства. Проходятъ столѣтія, мѣняются условія, міросозерцаніе,—а она остается все тою же, какъ и прежде. Въ глазахъ многихъ съ годами она стала архаичной, не только по формѣ, но и по содержанію; сама же она неизмѣнно вѣритъ въ свои юношескія силы и неувядаемость. Все чаще и чаще раздаются наносимые ей удары, но они не смущаютъ ее. При Григоріи VII, Иннокентіи III, Климентѣ X, Львѣ XIII она остается все тою же. Внѣшнія условія скажутся на интенсивности, бóльшей или меньшей яркости ея проявленія, но и только. Носитель ея можетъ случайно оказаться малодостойнымъ, безсильнымъ одолѣть внѣшнія препятствія; эти препятствія, наконецъ, могутъ въ извѣстную эпоху сложиться неблагопріятно,—но она и носителю не позволитъ сойти съ традиціоннаго пути, ибо она сильна сама по себѣ и въ самой себѣ черпаетъ источники силы. Римъ XVII вѣка мало имѣлъ общаго съ Римомъ XI или XIII. Непотизмъ, подтачивавшій силы папскаго двора, зависимость отъ Франціи, отсутствіе выдающихся личностей,—все это была малоблагопріятная почва для пропаганды церковной уніи и борьбы съ невѣрными во имя единой всемірной церкви... И все-таки Урбанъ VIII, Климентъ X, Иннокентій XI, XII и др. идутъ по стопамъ Евгенія IV и Пія II. Дѣло не въ томъ, *какъ* проводили они идею, а въ томъ, что *проводили*, въ томъ, что *не могли* отказаться отъ

нея, не могли забыть, сдать въ архивъ. Въ ней источникъ жизни самого папства, и отречься отъ нея, значило бы добровольно наложить на себя руки.

Вотъ почему Римъ ни въ чемъ не измѣнилъ своей программѣ; онъ лишь терпѣливо ждалъ, когда пробьетъ его часъ. А ждать приходилось долго. Непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ Москвой послѣ Смутнаго времени не существовало; расчитывать на содѣйствіе короля Владислава безполезно: съ нимъ самимъ приходилось вести борьбу и удерживать отъ уступокъ въ пользу православныхъ подданныхъ [1]). Правда, при заключеніи Поляновскаго договора Польша пыталась выговорить разрѣшеніе на постройку въ Москвѣ костеловъ, но это былъ единичный и безрезультатный случай. Слишкомъ свѣжи еще были недавнія воспоминанія [2]).

Но вотъ въ 1662 году пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Газскій, Паисій Лигаридъ, оказавшій такое вліяніе на судьбу патріарха Никона. Воспитанникъ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ онъ пробылъ цѣлыхъ 23 года [3]), несомнѣнный, хотя бы и временный католикъ, Паисій втерся въ довѣріе русскаго царя, несмотря на то, что рядъ авторитетныхъ лицъ, патріарховъ, называлъ его папежникомъ и обличалъ въ расположеніи къ латинству [4]). Дѣйствительно, православнымъ митрополитъ Газскій былъ плохимъ, но и католикомъ— не болѣе надежнымъ. Вопросы вѣры стояли у него совершенно на заднемъ планѣ, отодвинутые побужденіями личнаго характера. Покинувъ Римъ, Паисій не прерывалъ съ нимъ сношеній [5]) и, кто знаетъ, не ласкалъ ли его надеждою на возможность осуществить завѣтную мысль [6])? Если да, то, конечно, первый же онъ самъ не вѣрилъ

---

[1]) Сравн. мой Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и заграницу. Юрьевъ, 1895, стр. 107—109.

[2]) Въ 1664 г. цесарь хлопоталъ о пропускѣ черезъ Россію въ Китай іезуитовъ (Пам. Дипл. Снош. IV, 1347), но, кажется, тоже безъ успѣха.

[3]) *Theiner*, Monumenta historica Poloniae, III, 572.

[4]) *Субботинъ*, Дѣло патр. Никона, 69, 77, 156.

[5]) Въ Московскомъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ хранятся его письма къ кардиналу Барберини. Митр. *Евгеній*, Словарь духовныхъ лицъ, II, 148.

[6]) Сравн. докладъ Пропаганды Фидэ 1680—1681 гг.: „Anzi considerando, che non potevano governarsi qui i suoi vescovi senza qualche suprema autorità, haveva persato (царь) d'unirsi con Roma, che in questo disegno lo tratteneva e nodriva grandemente Paisio o Pantaleone Ligariddio, arbitro di quel principe in materia di religione, quale era stato alunno del collegio Greco in Roma e poi fattosi consagrare arcivescovo di Gaza dal patriarca scismatico s'era reso molto

этимъ обнадеживаніямъ: митрополитъ Газскій слишкомъ близко стоялъ къ явленіямъ современной русской церкви, чтобы заблуждаться такъ грубо. Въ сущности, онъ морочилъ и тѣхъ, и другихъ. Но Римъ, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ объ уніи русской церкви, всегда охотно вѣрилъ въ то, чему хотѣлъ вѣрить.

Въ концѣ 1667 года, для подтвержденія Андрусовскаго перемирія, въ Москву пріѣхали королевскіе послы. Русское правительство воспользовалось ихъ пребываніемъ и затронуло щекотливый вопросъ объ избраніи, по смерти Іоанна Казиміра, польскимъ королемъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Послы отвѣчали уклончиво, ссылаясь на отсутствіе полномочій обсуждать это дѣло. Такъ повѣствуетъ русскій офиціальный источникъ [1]). Но въ частной бесѣдѣ, за кубкомъ вина, Ордынъ-Нащокинъ снова повелъ рѣчь объ избраніи, развертывая заманчивую картину борьбы общими силами противъ турокъ. Начальника посольскаго приказа поддержалъ самъ царь [2]). Разговоръ неизбѣжно коснулся и религіи будущаго короля. Кто его затронулъ, неизвѣстно, да и довольно безразлично: обѣ стороны одинаково хорошо понимали, что совсѣмъ обойти его нельзя. Царь предложилъ обсудить дѣло съ патріархами Антіохійскимъ (Макаріемъ) и Александрійскимъ (Паисіемъ), жившими въ ту пору въ Москвѣ, для суда надъ Никономъ [3]). Уклончивость царя дать собственное рѣшеніе понятна: вопросъ уже самъ по себѣ былъ щекотливъ, а, какъ религіозный, подлежалъ вѣдѣнію не его одного. Въ данную же минуту авторитетъ церковный олицетворялся въ названныхъ двухъ патріархахъ. Послы не замедлили воспользоваться предложеніемъ государя и при свиданіи проводили ту мысль, что возстановленіе мира между двумя государствами даетъ надежду на возстановленіе мира и межъ церквами. Митрополитъ Газскій, отъ имени патріарховъ, отвѣчалъ искренними пожеланіями видѣть унію осуществленною. Этимъ и былъ

---

sospetto alla Congregazione, sebene in tutte l'occasioni haveva parlato con veneratione e con rispetto della chiesa Romana, esortando i suoi greci ad unirsi con essa". Мой „Отчетъ о двухъ командировкахъ", стр. 224. Наименованіе Лигарида Паисіемъ или Панталеономъ подтверждаетъ показаніе Аллація (Allatii de consensu eccl., p. 996, срав. *Филаретъ*, Исторія русской церкви, пер. 4-й, стр. 61), „что онъ учился въ Римѣ, подъ именемъ Пантелеймона".

[1]) *Соловьевъ*, XI, 224—225.

[2]) *Theiner*, Monuments, 52.

[3]) *Theiner*, Monuments historiques de Russie, 52; Vetera monumenta Poloniae, III, 572.

исчерпанъ весь разговоръ о религіи (In materia religionis nihil amplius accidit) [1]).

Между тѣмъ въ Польшѣ распространился слухъ о готовности царя принять католичество, чему, можетъ быть, не мало содѣйствовали разсказы пословъ о глубокой набожности Алексѣя Михаиловича, о томъ, какъ онъ, заключая договоръ, со слезами на глазахъ и большимъ умиленіемъ цѣловалъ Евангеліе; какъ понравилось ему, когда посолъ въ своей рѣчи вставилъ нѣсколько словъ изъ Апокалипсиса и т. п. Въ то же время одинъ доминиканскій патеръ, по имени Ширецкій, 13 лѣтъ пробывшій въ плѣну московскомъ и завязавшій тамъ сношенія съ Паисіемъ Лигаридомъ, вернувшись въ Польшу, въ рѣчахъ и докладныхъ запискахъ (et verbo et scripto) убѣждалъ всѣхъ въ склонности патріарховъ содѣйствовать соединенію церквей, въ доказательство выставляя на видъ отмѣну ими перекрещиванія латинянъ, исправленіе текста славянской библіи согласно Вульгатѣ и запрещеніе обычныхъ отлученій отъ церкви [2]). Очевидно, здѣсь имѣлось въ виду недавнее распоряженіе не требовать отъ католиковъ, переходящихъ въ православіе, вторичнаго крещенія и исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое Никономъ и лишь одобренное на соборѣ 1667 г.

Донесенія пословъ и агитація Ширецкаго произвели въ Польшѣ впечатлѣніе; епископу Холмскому, коронному вице-канцлеру, было поручено составить отъ имени короля письма (28 марта 1868 г.) къ царю и обоимъ патріархамъ [3]). Разногласіе,—говоритъ въ нихъ Іоаннъ Казиміръ,—между западнымъ и восточнымъ духовенствомъ относительно церковныхъ несходствъ, далеко не такъ велико, чтобъ помѣшать единенію, особенно если существуетъ искреннее желаніе и готовность выяснить споръ съ помощью ученыхъ богослововъ. Нѣкоторыя затрудненія, если ихъ разъяснить какъ слѣдуетъ, легко устранимы, съ Божьей помощью. Чтобъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, король предлагалъ царю съѣхаться уполномоченнымъ польскаго духовенства въ Москвѣ, въ іюнѣ того же года [4]). Одновременно пишетъ король и Паисію Лигариду, выражая ему полное свое довѣріе и надежду найти въ немъ содѣйствіе осуществленію великой цѣли [5]). Варшавскій нунцій—на этотъ разъ путемъ тайной

[1]) *Theiner*, Vetera Monumenta Poloniae, III, 572.
[2]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae, III, 572.
[3]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae, III, 572.
[4]) *Theiner*, Monuments, 52—54.
[5]) Ibidem, 53.

переписки—тоже возбуждаетъ рвеніе митрополита Газскаго: упомянутый Ширецкій шлетъ ему письмо отъ себя [1]). Но король не дождался отвѣта. Царь и оба патріарха хранили молчаніе, хотя случай отвѣтить представлялся не разъ. Лѣтомъ 1668 г. прибыли въ Варшаву русскіе послы, и вице-канцлеръ пригласилъ ихъ къ себѣ, убѣжденный тѣмъ же Ширецкимъ, что они поведутъ съ нимъ рѣчь на желанную тему; но тѣ въ двухчасовой бесѣдѣ не проронили о ней ни звука. Такимъ образомъ исчезала всякая надежда [2]). Письмо Паисія Лигарида, въ сентябрѣ 1668 г., окончательно разбило ихъ. Онъ писалъ, что одинъ патріархъ уѣхалъ, другой собирается вслѣдъ за нимъ, а кромѣ нихъ никто въ Москвѣ уніи не сочувствуетъ; самъ же онъ, по оговору Нектарія, патріарха Іерусалимскаго, въ сильномъ подозрѣніи, какъ папистъ и состоящій на жалованьѣ у римскаго двора [3]). Между тѣмъ вѣнскія газеты поспѣшили распустить слухъ, будто царь обѣщалъ цесарю воспитать своего сына въ правилахъ католической вѣры, если тотъ гарантируетъ ему польское наслѣдство. Конечно, люди, ближе Іоанна Казиміра знакомые съ положеніемъ вещей, считали положительно абсурдными такія вѣсти [4]), но какъ было газетамъ не печатать ихъ, когда лица болѣе авторитетныя легко имъ довѣрялись?

Едва ли не слѣдуетъ признать, что вся только что разсказанная затѣя или никогда не разыгралась бы, или приняла иныя формы, еслибъ не закулисная интрига митрополита Газскаго. Рука его просвѣчиваетъ довольно ясно. Откуда могли поляки возымѣть увѣренность въ склонности царя и православнаго духовенства идти на встрѣчу желаніямъ Рима? Ни прежніе, ни позднѣйшіе поступки Алексѣя Михаиловича не даютъ намъ права допустить отступленія отъ основныхъ взглядовъ именно въ данную минуту. Если для греческихъ іерарховъ унія и не казалась столь страшною, все же не видать, чтобы именно они сдѣлали первый шагъ. Наоборотъ, польскій документъ [5]) выразительно говоритъ, что патріархи лишь высказали пожеланія и при томъ въ такой общей формѣ, отъ которой никогда не отрекся бы и самъ царь. Правда, документъ итальянскій [6]) при-

[1]) *Theiner*, Monuments, 60.
[2]) *Theiner*, Vetera monumenta, III, 572.
[3]) *Theiner*, Monuments historiques, 61—62. Ср. Vetera monumenta, III, 572.
[4]) *Rinhuber*, Relation, 15—16.
[5]) *Theiner*, Vetera Monumenta Poloniae, III, 572.
[6]) *Theiner*, Monuments, 52.

даетъ иной оттѣнокъ ихъ отвѣту, но онъ дальше отъ первоисточника и къ тому же на немъ лежитъ несомнѣнно субъективная окраска. Лигариду выгодно было поддерживать надежды католиковъ. Что другое могъ онъ старательно скрывать отъ московскаго правительства, ведя съ Польшею тайную переписку? Состоя переводчикомъ на аудіенціи, данной патріархами польскимъ уполномоченнымъ, онъ имѣлъ полную возможность усилить смыслъ словъ и поселить въ полякахъ надежды, бо̀льшія, чѣмъ слѣдовало. Увѣренность Ширецкаго порождена опять таки никѣмъ инымъ, какъ Паисіемъ.

Хотя всѣ переговоры 1667—1668 гг. о церковной уніи велись исключительно отъ имени Польши, но, разумѣется, близкое участіе въ нихъ принималъ и варшавскій нунцій. Можно à priori сказать, что письма Іоанна Казиміра составлялись не безъ его участія. Мы уже видѣли, какъ онъ непосредственно руководилъ Ширецкимъ. Свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ нунцій получалъ черезъ польскія руки; но изъ головы итальянскаго дипломата они выходили въ иномъ видѣ: менѣе точными и съ болѣе радужной окраской [1]). Въ его изложеніи самъ царь поднимаетъ вопросъ о религіи; патріархи настойчиво убѣждаютъ пословъ дѣйствовать въ пользу единенія, находя, что если нѣкогда унія была фактомъ совершившимся, то нетрудно де возстановить ее и теперь. *Принципъ* единенія никогда не отвергался на Востокѣ, но *условія* его понимались отлично отъ Рима. Послѣдній часто забывалъ это и готовность идти навстрѣчу осуществленія принципа принималъ за готовность принять и римскую формулу. Именно въ данномъ случаѣ нунцій, кажется, не замѣчалъ этого противорѣчія и, надо думать, не безъ удивленія узналъ [2]), что царь призвалъ восточныхъ патріарховъ судить Никона ни за что иное, какъ за сочувствіе къ латинству!.. Повторяю, въ Римѣ охотно вѣрили тому, во что хотѣлось вѣрить. Что тамъ зорко слѣдили за Россіею и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не понимали почвы, на которой расчитывали дѣйствовать, можно судить по одной депешѣ нунція, сообщавшей слухъ изъ Вильны, будто бы царица Марья Ильинична передъ смертью усиленно убѣждала царя отступить отъ „схизмы“ и войти въ единеніе съ римскою церковью [3]).

Трудно сказать, долго ли продолжалъ бы Римъ питаться одними

[1]) *Theiner*, Monuments, 52.
[2]) Ibidem.
[3]) *Theiner*, Monuments, 65.

слухами, но вскорѣ область предположеній неожиданно смѣнилась реальнымъ фактомъ. Въ 1673 г. въ папскую столицу прибылъ русскій посолъ, Павелъ Менезій.

II.

Матеріалы молчатъ о причинахъ, побудившихъ московское правительство звать на войну съ турками, вмѣстѣ съ другими государствами, также и папу. Графъ Толстой полагалъ, что римскій первосвященникъ вовсе даже не имѣлся въ виду, что его „забыли", а напомнилъ о немъ бояринъ Матвѣевъ, да и то лишь въ послѣднюю минуту [1]). Допустимо, однако, и другое объясненіе. Вотъ, что сказано въ томъ офиціальномъ докладѣ государю, на который опирается графъ Толстой:

Велѣно послать грамоты къ окрестнымъ христіанскимъ государямъ, съ объявленіемъ о наступленіи турскаго султана войною на Польшу, къ цесарю, къ испанскому, французскому, англійскому, датскому, шведскому, къ курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому, къ Голандскимъ Статамъ, а въ Римъ къ папѣ посылать ли грамоту, о томъ великій государь, что укажетъ? Ссылки съ папою были въ 1580 г. Въ грамотѣ своей папа Григорій XIII писалъ тогда: „возлюбленному сыну, достойной чести великому мужу поздравленіе и апостольское благословеніе"; а въ грамотѣ Великаго Государя ему писано: „Григорью XIII, папѣ, навыщему пастырю и учителю Римскіе церкви". Послѣ того съ папою ссылокъ никакихъ не бывало. Если же теперь послать папѣ грамоту и просить помощи противъ турокъ, то папа обрадуется той присылкѣ и будетъ звать окрестныхъ государей, „а не послушать его окрестнымъ государемъ будетъ не мочно". По сей докладной выпискѣ 4-го октября бояринъ Матвѣевъ докладывалъ государю въ то время, какъ у Великаго Государя было съ боярами сидѣнье, и Великій Государь указалъ послать съ гонцами грамоты къ окрестнымъ государямъ и къ папѣ въ Римъ [2]).

Выраженія доклада позволяютъ думать, что вопросъ о папѣ затронутъ былъ впервые не 4-го октября, а раньше. О ту пору только не оказалось историческихъ справокъ подъ рукою, — необходимаго

---

[1]) *Толстой*, Римскій католицизмъ, I, 104.
[2]) Памят. Дипл. Снош., IV, 852.

условія всякихъ рѣшеній Московскаго правительства на почвѣ дипломатической, — эти справки и велѣно было навести. Но главное было извѣстно еще до 4-го октября; не помнили только титуловъ. Они, и только они, и вписаны въ докладъ. Если бы докладомъ вопросъ ставился впервые, то къ чему такое предпочтеніе именно титуловъ и пренебреженіе къ другимъ, не менѣе важнымъ деталямъ, каковы, напримѣръ, формулы папскаго отвѣта, размѣры чествованія русскихъ пословъ въ Римѣ, соблюденіе папскимъ дворомъ извѣстныхъ формъ этикета и т. п.? Нѣтъ, все это обсуждено было уже раньше, вопросъ о посылкѣ, можетъ быть и встрѣтившій возраженія, особенно по памяти недавнихъ событій 1668 года, въ принципѣ рѣшенъ былъ положительно тогда же, и докладъ 4-го октября не первый, какъ думаетъ гр. Толстой, а послѣдній моментъ въ развитіи даннаго вопроса. Вотъ почему вѣрнѣе признать, что папу не „забыли“, а лишь не сразу освоились съ мыслію вступить съ нимъ въ корректныя отношенія, потому что убѣдиться во вредѣ для самого дѣла игнорировать лицо, всегда для западной Европы въ борьбѣ съ исламомъ игравшее роль центральнаго, — для насъ было еще и ново, и непріятно. Графъ Толстой, считая посольство Менезія „случайнымъ“, тѣмъ самымъ отказывался признать серьезность побужденій Московскаго правительства. Но рѣшиться на такой шагъ безъ отчетливаго сознанія его пользы для дѣла Россія не могла. Если она рѣшилась протянуть руку тѣмъ, кто еще такъ недавно славословилъ Бога за побѣды поляковъ надъ московскими войсками, поддерживалъ враговъ Россіи и съ ними дѣлилъ военную добычу, захваченную въ русскихъ городахъ [1]); кто продолжалъ въ сосѣдней Литвѣ искоренять православіе и настойчиво поддерживать соотвѣтственныя мѣры при польскомъ дворѣ,—то, конечно, сдѣлала это Россія не „случайно“ и не потому, что такъ хотѣлось боярину Матвѣеву, а въ расчетѣ на то, что „не послушать папы окрестнымъ государямъ будетъ не мочно“. Правильно ли она разочла, это уже иной вопросъ.

Но если Московскіе политики дѣйствительно признали за папою вліятельную роль въ международной жизни Европы, то едва ли ясно понимали они истинныя причины, создавшія ему такое положеніе. Историческій ростъ папскаго авторитета мало говорилъ представленію русскихъ дипломатовъ. „Логика“ московская могла считаться съ фактомъ, но не могла допустить его законности.

¹) *Theiner*, Vetera Monumenta Poloniae, III, 553, 490, 555.

Папа претендовалъ на званіе намѣстника Христова, на право возводить и низводить съ троновъ королей и императоровъ, быть верховнымъ распорядителемъ судебъ христіанскаго міра, со всѣми логически вытекающими отсюда послѣдствіями. Но отступника отъ церкви, неправовѣрующаго мыслимо ли было признать истиннымъ представителемъ христіанства? На первый взглядъ спорный пунктъ устранялся тѣмъ, что посольство преслѣдовало цѣли исключительно политическія. Но какъ удержаться на этой почвѣ, когда римскій первосвященникъ не отдѣлялъ политическихъ правъ своихъ отъ духовныхъ и, можно сказать, прямо выходилъ изъ послѣднихъ? Малѣйшая же попытка перенести вопросъ на почву религіозную должна была неизбѣжно обострить дѣло еще сильнѣе, потому что, если Матвѣеву или царю Алексѣю, какъ и всякому доброму христіанину, и улыбалась мысль о единеніи церквей, то съ тою же исключительностью и гордой неуступчивостью, какъ и представителю католическаго міра.

Да и на почвѣ исключительно политической имъ трудно было столковаться. Въ то время какъ мы собирались ополчать окрестныхъ государей на турокъ, папа разсылалъ по всей Европѣ грамоты съ тѣми же предложеніями и во имя тѣхъ же мотивовъ [1]). На одномъ поприщѣ столкнулись два Рима: такъ называемый первый и такъ называемый третій. Всѣ преимущества, конечно, были на сторонѣ перваго. Хотя въ глазахъ Европы XVII вѣка идея Священной Римской имперіи въ значительной степени износилась, но за нее были традиціи и симпатіи большей части католиковъ; за насъ — порабощенный, разрозненный міръ югославянскій. Въ пользу тѣхъ была реальная давность; у насъ — одна теорія наслѣдственныхъ правъ; тамъ идея вошла глубоко въ кровь и сознаніе общества; идея же третьяго Рима, насчитывавшая всего какихъ-нибудь полтораста — двѣсти лѣтъ давности, въ сознаніи русскихъ людей слѣдовала закону самой медленной эволюціи, какъ впрочемъ и любая идея у насъ на Руси. Обѣ стороны одинаково вѣрили, каждая, въ свое призваніе, и когда первый шагъ къ сближенію сдѣлала Россія, то этого было вполнѣ достаточно, чтобъ тамъ въ подобномъ поступкѣ увидали просыпающееся сознаніе Москвы въ превосходствѣ Рима, готовность признать его первенство надъ собою.

Легко поэтому видѣть, что предстоящіе переговоры заранѣе бу-

[1]) *Theiner*, Monuments, passim. Сравн. Пам. Дипл. Снош. IV, 887.

дутъ обречены на неуспѣхъ. Прежде чѣмъ начать вести рѣчь по существу, слѣдовало подойти другъ къ другу, а это-то и оказалось, какъ сейчасъ увидимъ, самой трудной задачею.

Во главѣ посольства, въ званіи простого гонца, былъ поставленъ маіоръ Павелъ Менезій, баронъ фонъ-Питфодельсъ, шотландецъ родомъ, уже 13 лѣтъ [1]) состоявшій на русской службѣ и дослужившійся до чина маіора. Бросается въ глаза назначеніе католика, бывшаго воспитанника іезуитовъ [2]), къ главѣ римской церкви. Развѣ такъ необходимо было дьяка Украинцова посылать именно въ Данію, Швецію и Голландію, а Виніуса въ Англію, Францію и Испанію? Если Менезій кстати и у мѣста́ былъ при дворѣ бранденбургскомъ, саксонскомъ, даже цезаря и венеціанскомъ, то не слѣдовало ли опасаться, что его вѣроисповѣданіе именно въ Римѣ можетъ оказаться неудобнымъ съ точки зрѣнія русскихъ православныхъ интересовъ? Но наши послы XVII вѣка дѣйствовали въ точныхъ и тѣсныхъ предѣлахъ посольскаго наказа; личной инициативѣ не могло быть мѣста. Съ другой стороны, именно какъ католикъ, не русскій по происхожденію, Менезій имѣлъ больше шансовъ сблизиться съ государственными лицами въ Римѣ, пользу чего московское правительство не могло не сознавать. Къ тому же Менезій является человѣкомъ вполнѣ образованнымъ: онъ владѣлъ языками французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и латинскимъ; на послѣднемъ, по отзыву людей компетентныхъ, говорилъ съ особенной ловкостью и изяществомъ. По свидѣтельству нѣмца Прауна, Менезій говорилъ и по итальянски; но болѣе чуткое ухо римлянъ оказалось на этотъ счетъ строже въ своихъ опредѣленіяхъ [3]).

---

[1]) *Theiner*, 74.

[2]) „Можно думать—говоритъ Брикнеръ—что онъ (Менезій) совершенно такъ же, какъ и другъ его Патрикъ Гордонъ, воспитывался въ одной іезуитской школѣ“ (Русское посольство въ Италіи въ 1672 — 1673 гг. *Нов* 1886, т. VII, № 2, стр. 234). Это предположеніе категорически подтверждается римскими архивами. Іезуитъ Вота, находясь въ Венеціи въ проѣздъ Менезія, съ его словъ собралъ біографическія о немъ данныя и доложилъ ихъ въ особой запискѣ венеціанскому нунцію. Тамъ читаемъ между прочимъ: „ottimo cattolico, educato gia ne collegii de padri giesuiti di Fiandra e costante nella vera religione“ (Ватиканскій архивъ. Archivio dei cerimonieri. Vol. 507, p. 696—697). Докладъ конгрегаціи Пропаганды 1680—1681 г. выражается еще опредѣленнѣе: huomo dotto e bonissimo cattolico scozzese, nudrito nelli collegij di quella nazione in Douaў (*Библіотека Корсино*) № 283. См. мой Отчетъ о двухъ командировкахъ, стр. 224.

[3]) Der Gesandte ...hat wol studirt und gereisst: ist leutselig und läst gerne

Изъ кого состояла свита Менезія? Дать точный отвѣтъ на вопросъ не легко, тѣмъ болѣе, что составъ спутниковъ нашего дипломата подвергался нѣкоторымъ колебаніямъ. Главными помощниками были подъячій посольскаго приказа, Михайло Тарасовъ [1]) и „секретарь" Лаврентій Рингуберъ, выбранный, надо думать, по личной инициативѣ Менезія [2]). Онъ взятъ былъ „для перевода" [3]). Кромѣ Рингубера съ Менезіемъ ѣхали еще толмачъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ; Филиппъ Бюхлеръ въ роли „гофмейстера" или „майордома" и нѣсколько человѣкъ дворянъ, не считая прислуги: лакеевъ („пажей") и стрѣльцовъ. Еще въ Москвѣ приговорилъ Менезій на службу нѣсколькихъ иноземцевъ, но въ самомъ началѣ дороги они отъ него ушли; и въ Псковѣ пришлось взять на замѣну ихъ двухъ стрѣльцовъ [4]). На аудіенціи у цесаря упомянуты, кромѣ Менезія и Тарасова, четыре человѣка дворянъ [5]); въ Венецію посолъ пріѣхалъ самъ—15: шесть человѣкъ обѣдали съ нимъ вмѣстѣ; за отдѣльнымъ столомъ — остальные восемь [6]). Въ Венеціи же посолъ принялъ на

---

mit sich reden und umbgeben; redet französisch, welsch, lateinisch, auch etwas, aber nicht gern teutsch neben der sclavonischen Sprach (*Rinhuber*, 58—59). Ha diverse lingue, ma non l'italiana, intende però e parla latino per quel che sento anche con eleganza (*Theiner*, Monuments historiques de Russie, 73). Colla... grazia et eleganza parla latinamente, sebbene possiede e prattica anco non meno perfettamente le lingue francese, inglese, alemanna e moscovitica o sia rutena, quando occorre. (Ibid. 74).

[1]) „Да съ нимъ же, Павломъ, посланъ подъячій Михайло Тарасовъ". Пам. Дипл. Снош. IV, 769.

[2]) Hoc ipso die (17-mo octobris anni 1672) P. Menesius me sibi volebat socium itineris, mea opera usurus. Igitur a d. Artemone Sergeiovitio dimissionem impetravi, alio interim meum supplente locum (*Rinhuber*, 30). Также и Памятники Дипл. Сношеній (IV, 857) косвенно свидѣтельствуютъ, что Рингуберъ выбранъ motu proprio Менезія: „Посланы Миніюсъ да А. Виніюсъ, а съ ними по подъячему, да по толмачу; да подъячей Е. Украинцовъ, а съ нимъ толмачъ". „Секретаремъ" Рингубера называетъ самъ Менезій (ibid. IV, 947).

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, I, 24. *Бѣлокуровъ*, Списки дипломатич. лицъ, въ Сборникѣ М. Арх. Ин. Дѣлъ V, 262.

[4]) Степана Максимова и Якова Аѳанасьева. Пам. Дипл. Снош. IV, 878—879, 946.

[5]) Ibid. IV, 999.

[6]) Di corte o famiglia propria haveva or quattordici or quindici persone. Alla sua tavola oltre alla sua persona teneva sei delli suoi, cioè due segretarii, uno dell'ambasciata Moscovita di nazione, per nome Michele (Тарасовъ), l'altro domestico suddito dell'elettore di Brandeburgo, giovane d'aspetto e maniere nobili un maggiordomo d'apparenza nobile, non so se inglese o tedesco (Ф. Бюхлеръ), un

службу еще 5 человѣкъ, чѣмъ вѣроятно и объясняется, что, по другимъ свѣдѣніямъ, обѣденный столъ его состоялъ изъ бóльшаго числа лицъ [1]). Церемоніймейстерскій журналъ насчитываетъ 17 человѣкъ, явившихся съ Менезіемъ на аудіенцію къ дожу [2]). По римскимъ источникамъ, наоборотъ, свита Менезія насчитывала гораздо меньшее число лицъ, быть можетъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ умерли на дорогѣ, а одинъ скончался въ самомъ Римѣ [3]).

Сводя вышеприведенныя данныя, можно видѣть, что составъ посольства Менезія сложился обычнымъ путемъ: изъ подъячаго-канцеляриста, толмача, переводчика, нѣсколькихъ человѣкъ дворянъ и прислуги. Въ общемъ свита была малочисленнѣе, чѣмъ у посланниковъ, потому что Менезій ѣхалъ въ званіи простого посланнаго-гонца [4]).

medico moscovita, di nazione e d'origine tedesco et un altro giovine pure assai civile... Alla seconda tavola due paggi, due staffieri moscoviti et altri di servizio, tutti della famiglia propria del signor ablegato al numero di otto (*Theiner*, Monuments historiques de Russie, 73—74).

[1]) Haveva conse quindici persone di servitio, e qui ne ha prese altre cinque, dodeci delle quali mangiano alla prima tavola. (*Theiner*, Monuments historiques, 73). Во всякомъ случаѣ цифра „перваго стола" не совпадаетъ въ обоихъ извѣстіяхъ.

[2]) Менезій fu introdotto con tutto il suo seguito, ch'era di 17 persone, la maggior parte vestite come esso all'uso francese, nell' eccellentissimo Collegio (*Венеціанскій Государственный Архивъ*. Cerimoniali, vol. III, pag. 171—172). Матеріалы Дрезденскаго архива перечисляютъ составъ свиты Менезія такимъ образомъ: Рингуберъ, „секретарь" Тарасковичъ (подъячій Тарасовъ), „гофмейстеръ" Ф. Бюхлеръ, „еще другое лицо, имя котораго нельзя разобрать, три пажа и три стрѣльца". (*Брикнеръ*, Русское посольство. *Новь*, стр. 234).

[3]) Secum duxerat sex cameratas, seu contubernales, ex quibus aliqui in itinere mortui... Praeteritis diebus mortuus est unus ex contubernalibus allegati vulgo camerata (*Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei Cerimonieri. vol. 507; Ambasciatori del czar di Moscovia, p. 690—693).

[4]) Это соображеніе уясняетъ намъ, почему составъ посольства былъ „весьма незначителенъ, въ сравненіи съ многочисленною свитою другихъ дипломатовъ, отправленныхъ около этого времени въ западную Европу". (*Брикнеръ*, *Новь*, 234). Брикнеръ вообще готовъ былъ признавать особенности въ организаціи посольства Менезія: „обыкновенно, при отправленіи московскихъ посольствъ назначались два посланника, къ которымъ еще присоединялся дьякъ. Такой сложный составъ дипломатической миссіи, какъ кажется, имѣлъ цѣлью взаимный контроль лицъ, стоявшихъ во главѣ посольства. При отправленіи посольства въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Венецію и Римъ, одинъ Менезесъ былъ посланникомъ. При немъ даже не было, какъ это обыкновенно водилось, дьяка изъ русскихъ". (Ibidem). Едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Къ Менезію, простому *гонцу*, не примѣнимы условія, соблюдавшіяся при отправленіи посланниковъ, тѣмъ болѣе пословъ. Но и къ посланникамъ никогда не присоединялся *дьякъ*: онъ самъ изо-

бражалъ изъ себя младшаго посланника (второго—при двухчленномъ и третьяго—при трехчленномъ посольствѣ). Къ посольству прикомандировывались не дьяки, а *подьячіе*, „для писма", то есть, завѣдыванія канцеляріей, и обыкновенно двое при посланникахъ, одинъ—при простомъ посланникѣ. Вотъ почему при Менезія не было „дьяка изъ русскихъ", но за то былъ подъячій Тарасовъ. Что „посланнымъ" былъ Менезій одинъ, безъ товарища,—это правда. Но, во-первыхъ, и Виніусъ, и Украинцовъ, одновременно съ Менезіемъ отправленные къ европейскимъ державамъ, представляли особу государя тоже въ единственномъ числѣ, не говоря уже про то, что иногда и посланники посылались въ одиночку, а не попарно; а во-вторыхъ, гонцовъ никогда и не отправляли по двое. Слѣдующія выдержки изъ Памятниковъ Дипломат. Сношеній, надѣюсь, лучше всего подкрѣпятъ нашу мысль. Изъ нихъ мы видимъ, что во вторую половину XVII столѣтія были посылаемы:

1) 1654 г. Къ цесарю посланниками двор. Баклановскій и дьякъ Михайловъ; съ ними 2 дворянина, 2 переводчика, 2 подьячихъ (III, 93, 98).

2) 1656 г. Къ цесарю гонцомъ подьячій Богдановъ; для перевода и толмачества 1 иноземецъ (III, 534).

3) 1656 г. Въ Венецію посланниками стольникъ Чемодановъ и дьякъ А. Постниковъ; 2 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подьячихъ, 1 цѣловальникъ (X, 932, 937, 938).

4) 1658 г. Къ Венгерскому королю посланниками стольникъ Лихаревъ и дьякъ Песковъ; 3 двор., 1 толмачъ (III, 873—878).

5) 1659 г. Во Флоренцію посланниками двор. Лихачевъ и дьякъ Ѳоминъ; 2 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подьяч. (X, 509).

6) 1662 г. Во Флоренцію и Венецію послами двор. Желябужскій и дьякъ Давыдовъ; 4 двор., 1 перев., 2 подьяч. (X, 671, 682, 692).

7) 1663 г. Къ цесарю посланниками стольникъ Коробьинъ и дьякъ Микулинъ (IV, 453).

8) 1665 г. Къ цесарію, Датскому королю и Брандербургскому курфирсту посланникомъ („гонцомъ": Бѣлокуровъ, Списки дипломат. лицъ, *Сборн. Мос. Гл. Арх. Ин. Дѣлъ* V, 261) иноземецъ П. Марселисъ; съ нимъ 6 челов. людей (IV, 537, 545, 546, 613. Сравн. *Бантышъ-Каменскій*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россія, I, 23).

9) 1667 г. Къ цесарю посланниками двор. Желябужскій и дьякъ Кузминъ; 6 двор., 1 пер., 1 толмачъ, 2 подьячихъ (IV, 561).

10) 1668 г. Въ Венецію гонцомъ [бумаги Посольскаго приказа обходятъ молчаніемъ его званіе, что уже одно говоритъ противъ посланническаго характера; посланникомъ онъ названъ лишь однажды, да и то въ прошеніи одного изъ членовъ свиты. IV, 684. Ceremoniali Венеціанскаго архива (III, л. 163) называютъ его inviato, то есть, гонцомъ. То же и у *Бѣлокурова*, Списки диплом. лицъ, *Сборникъ М. Гл. Ар. Ин. Дѣлъ* (V, 262)], торговый иноземецъ Келдерманъ (Келлерманъ); 3 иноземца, 2 подьячихъ (IV, 681, 685, 694).

11) 1672 г. Во Францію, Испанію и Англію гонцомъ переводчикъ Виніусъ; 1 толмачъ, 1 перевод. (IV, 806, 810).

12) 1672 г. Въ Швецію, Данію и Голландію гонцомъ подьячій Украинцовъ; 1 толмачъ (IV, 834, 835).

20-го октября 1672 г. Менезій простился съ Москвою [1]). Онъ подвигался впередъ очень медленно, останавливаясь въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Венеціи для исполненія однородныхъ порученій, съ какими отправили его и въ Римъ. Лишь 10-го іюня 1673 года пріѣхалъ онъ въ городъ Лагунъ и остался тамъ еще на полторы недѣли [2]).

Римскіе дипломаты слѣдили за нимъ отъ самой Вѣны. Менезій посѣтилъ здѣсь папскаго нунція съ просьбою предупредить римскія власти о его пріѣздѣ; сверхъ того и самъ писалъ кардиналамъ [3]). На нунція Менезій произвелъ впечатлѣніе человѣка вполнѣ порядочнаго и развитаго. Онъ держалъ себя сдержанно, и тому лишь стороной удалось освѣдомиться о содержаніи царской грамоты къ папѣ. Съ удивленіемъ услыхалъ нунцій о претензіяхъ московскаго дипломата быть содержимымъ въ предѣлахъ Папской области на средства мѣстнаго римскаго правительства, и хорошо понялъ, что отклонять ихъ было бы неудобно, особенно въ виду разныхъ прецедентовъ. Нунцій извѣщалъ государственнаго секретаря, что и цесарь, и Венеція уже распорядились назначить особыхъ комиссаровъ, возложивъ на нихъ заботу о содержаніи и проѣздѣ русскаго посольства; да и французскій король тоже содержалъ посла московскаго на свой счетъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ нунцій, поневолѣ приходится считаться съ этимъ неудобнымъ восточнымъ обычаемъ [4]). Ватиканскій дворъ не колеблясь принялъ эту точку зрѣнія, тѣмъ болѣе что

---

13) 1676 г. Къ окрестнымъ государямъ гонцами подьячіе, къ каждому по одному (V, 413).

14) 1679 г. Къ цесарю великими и полномочными послами бояринъ Бутурлинъ, окольничій Чаадаевъ и думный дьякъ Голосовъ (V, 949).

15) 1687 г. Въ Венецію посланникомъ дьякъ Волковъ; 1 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подьяч. (X, 1222, 1387).

16) 1687 г. Во Францію и Испанію посланниками стольникъ кн. Я. Ѳ. Долгорукій и дьякъ Доминнъ (X, 1219).

17) 1687 г. Въ Голландію и въ Англію посланникомъ дьякъ В. Постниковъ (X, 1219).

Другіе факты, совершенно однородные, сгруппированы въ трудахъ *Н. Бантыша-Каменскаго*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Часть I и *С. Бѣлокурова*, Списки дипломатич. лицъ русскихъ за-границей въ *Сборникѣ Мос. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ*, выпускъ V.

[1]) Пам. Дипл. Сн. IV, 945.

[2]) Ibid. IV, 1012, 1022.

[3]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1006.

[4]) *Theiner*, 70—71.

по существу она и не представляла для него чего-либо новаго, и когда другой нунцій, при дворѣ Тосканскаго герцога, освѣдомлялся, слѣдуетъ ли ему, на случай возможнаго проѣзда Менезія черезъ Флоренцію, повидаться съ русскимъ гонцомъ или, наоборотъ, отклонить его визитъ, нунція оповѣстили, что свиданіе считается вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ въ Римѣ Менезія не только примутъ, но и будутъ содержать на счетъ папскаго правительства [1]).

Нунцій венеціанскій—епископъ Варезе [2]), даетъ о Менезіи отзывъ и болѣе подробный, и составленный въ выраженіяхъ еще болѣе сочувственныхъ. Это человѣкъ съ благородными и вѣжливыми манерами, пріятной наружности, вполнѣ приличный, съ даромъ слова и прекраснымъ образованіемъ. Въ Венеціи Менезій исповѣдывался, пріобщался Св. Таинъ, свободно заявлялъ преданность свою католической религіи и чувства глубокаго уваженія къ главѣ римской церкви [3]).

На предстоящемъ пути онъ особенно интересовался чудотворною иконою Лоретской Божіей Матери. Все это впрочемъ, повидимому, отнюдь не мѣшало Менезію помнить, что въ данную минуту онъ прежде всего представитель русскаго государя. Онъ энергично добивался передъ сенатомъ, чтобы въ отвѣтной грамотѣ царю, кромѣ титула Serenissimo, приданъ былъ и титулъ Potentissimo, чего и добился [4]); при каждомъ случаѣ превозносилъ благочестіе, разумъ, по-

---

[1]) Il signor Cardinale non può haver difficoltà alcuna nel ricever alla sua visita l'ablegato moscovita, poichè questo è inviato a Roma e sarà com'è costume di pratticarsi con li rappresentanti de principi stranieri, anzi riceverà cortesie dalli signori cardinali legati e governatori dello stato ecclesiastico (отвѣтное сообщеніе римскаго двора, 30-го іюня 1673 г.). *Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei cerimonieri, Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia pag. 698.

[2]) Анонимное приложеніе къ его депешѣ 1-го іюля 1673 г., напечатанное *Тейнеромъ*, 73—74 („Dalla Pontebba a Venezia sino alla partenza per Ferrara"), если не прямо составлено іезуитомъ Вотою, то по крайней мѣрѣ на основаніи полученныхъ отъ него данныхъ: въ запискѣ послѣдняго (см. выше, примѣч. на стр. 435) встрѣчаются выраженія, дословно сходныя съ печатнымъ текстомъ. Характеръ свѣдѣній о Менезіи и тамъ и тутъ одинаковый.

[3]) Вотъ какъ говоритъ объ этомъ іезуитъ Вота: È persona di molta discretezza e soavità, di nobile presenza, tratto amabile, et oltre alle lingue inglese, tedesca e moscovita, o sia rutena, parla elegantemente latino e francese, si dimostra molto pio cattolico, frequentando i santissimi sagramenti, professa gran zelo al suo signore, ma non minore alla religione cattolica. *Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei Cerimonieri. Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia, pag. 697.

[4]) Такъ сообщаетъ нунцій Варезе. Однако ни въ Статейномъ спискѣ, ни въ Cerimoniali Венеціанскаго архива не видно, чтобъ возникали несогласія; если основываться на этихъ двухъ показаніяхъ, то все шло мирно и гладко.

литику, милость, военные таланты и христіанское рвеніе царя Алексѣя Михайловича,—и показалъ себя вполнѣ опытнымъ дипломатомъ, при визитѣ венеціанскому нунцію, оттѣняя особенное желаніе своего повелителя укрѣпить дружбу и добрыя сношенія съ римскимъ первосвященникомъ, преимущественно передъ всѣми остальными католическими государями [1]).

Эти благопріятные отзывы получатъ особое освѣщеніе, если сопоставить ихъ съ впечатлѣніемъ, какое произвели на итальянцевъ предшественники Менезія. За послѣднія 15 лѣтъ Италію посѣтили, какъ представители русскаго царя, Чемодановъ съ Постниковымъ (1657), Лихачевъ (1659), Желябужскій (1662) и Келлерманъ (Кельдерманъ, 1668). За исключеніемъ развѣ послѣдняго, почти всѣ они, особенно два первыхъ, заслужили съ разныхъ сторонъ самые непривлекательные отзывы. Это были люди съ отталкивающими манерами, грязные, нечистоплотные, грубые въ обращеніи, зачастую пьяные, короче говоря, изъ той категоріи людей, которыхъ не пускаютъ въ порядочное общество. Необразованные, безъ знанія иностранныхъ языковъ, жадные и мелочные, не стыдившіеся открыто дѣлать и говорить то, что въ З. Европѣ давно уже стало областью тайны, они казались культурнымъ итальянцамъ половины XVII вѣка настоящими представителями варварской Азіи [2]) и, конечно, въ смыслѣ ознакомленія Европы съ Россіей оказывали послѣдней весьма плохую услугу [3]).

Тотъ фактъ, что отправленный въ Италію, послѣ Желябужскаго, торговый иноземецъ Келлерманъ говорилъ по нѣмецки, зналъ латинскій языкъ, „отличался любезностью и умѣньемъ держать себя",—вообще произвелъ на итальянцевъ выгодное впечатлѣніе [4]), позволяетъ

---

[1]) *Theiner*, Monuments historiques de Russie, 73—74.

[2]) Чванясь своимъ положеніемъ, они не отдавали визитовъ иностраннымъ посламъ. Впрочемъ и Менезій, упомянувъ въ отчетѣ о визитѣ своемъ къ вѣнскому нунцію (Пам. Дип. Снош., IV, 1006), умолчалъ о свиданіяхъ съ нунціемъ венеціанскимъ.

[3]) Сравн. Бумаги Флорентинскаго централ. архива, изд. гр. *М. Бутурлинымъ*. М. 1871. — Spicilegio Vaticano di documenti inediti e vari Vol. I. Roma 1890.— *A. Brückner*, Eine russische Gesandtschaftsreise nach Italien (1656—1657) въ Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrh. Leipzig 1887. *А. Брикнеръ*, Русскіе дипломаты — туристы въ Италіи въ XVII ст. гл. III. *Русск. Вѣстникъ* 1877, № 4. *Его же*, Русское посольство въ Италіи. *Нов.* 1886, т. VII, № 2.

[4]) *Брикнеръ*, *Нов*, 240, по матеріаламъ Венеціанскаго архива. „Replica parlar todesco, et haver periti del latino". Такъ отзывается о Келлерманѣ церемо-

думать, что, выбирая именно его, московское правительство, наученное горькимъ опытомъ, позаботилось устранить при новой посылкѣ невыгодные для себя элементы. Если это такъ, то и выборъ Менезія въ 1672 г. получаетъ новое разъясненіе [1]).

20-го іюня 1673 г. простился Менезій съ Венеціею. Въ тотъ же день [2]) онъ подъѣхалъ къ границамъ Папской области и послалъ въ городъ Феррару оповѣстить папскаго легата, кардинала Киджи, о своемъ пріѣздѣ. Тотъ не умедлилъ выслать на встрѣчу своего секретаря и карету. Съ этой минуты московскій посолъ становился почетнымъ гостемъ римскаго папы. Киджи предложилъ гостямъ расположиться въ своемъ дворцѣ. и Менезій съ видимымъ удовольствіемъ описываетъ обстановку своего помѣщенія: червчатые бархатные обои, выложенные золочеными кружевами, такія же портьеры на дверяхъ, тафтяныя брусничнаго цвѣта занавѣси на окнахъ и червчатое убранство постели. Но, кажется, Киджи тяготился незванными гостями и, надо думать, въ виду неопредѣленныхъ гостинъ ихъ въ Феррарѣ, въ ожиданіи распоряженій изъ Рима, на другой же день по пріѣздѣ перевелъ ихъ на жительство въ монастырь. Хотя Менезій въ немъ, какъ и вообще все время пребыванія въ римскихъ предѣлахъ, содержался на счетъ папской казны, но едва ли остался доволенъ та-

ніальный дневникъ венеціанскаго двора. *Венеціанскій Государственный Архивъ*. Cerimoniali, vol. III, p. 163—166.

[1]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній далеко не всегда даютъ полные и обстоятельные списки лицъ, входившихъ въ составъ того или другаго посольства; но если воспользоваться наличнымъ матеріаломъ, то придется признать, что въ посольствѣ Менезія не послѣднюю роль игралъ элементъ иностранный. То же замѣчаніе приложимо и къ посольству Келлермана: въ числѣ спутниковъ послѣдняго упоминаются: англійскій дворянинъ Якобсъ, сынъ доктора Ягана Розембергъ и торговый иноземецъ Иванъ Марсовъ (V, 694). Матеріалы Венеціанскаго архива свидѣтельствуютъ, что свита Келлермана, за исключеніемъ двухъ подъячихъ посольскаго приказа, состояла изъ нѣмцевъ, одѣтыхъ во французское модное платье (*Венеціанскій Государственный Архивъ*. Cerimoniali, vol. III: Haveva tutta la famiglia de tedeschi vestiti all'uso corrente francese, eccetto due vestiti al moscovito, che dissero essere della cancelleria del gran duca. Egli medesimo vestito pure alla foresta e con perucca). Этому иностранному элементу, конечно, въ значительной степени обязаны оба посольства выгоднымъ впечатлѣніемъ за границей.

[2]) Въ Памят. Дипл. Сношеній сказано, что Менезій прибылъ въ Феррару 21-го; но это опечатка: Статейный Списокъ не говоритъ о ночлегѣ на дорогѣ; свиданіе съ кардиналомъ Киджи было назначено на слѣдующій день пріѣзда, а состоялось оно 21-го іюня: IV, 1023—1024.

кимъ перемѣщеніемъ. Впрочемъ вскорѣ ему стало не до того. Онъ захворалъ и, повидимому, довольно опасно. Еще раньше, въ Германіи, онъ было схватилъ лихорадку, задержавшую его у итальянской границы на нѣсколько дней [1]); но теперь дѣло сложилось гораздо серьезнѣе. Менезій готовился уже къ смерти и, озабочиваясь чѣмъ похоронить себя и заплатить доктору — его лѣчилъ медикъ кардинала Киджи — продалъ (такъ разсказываетъ онъ самъ) за 120 червонныхъ золотую цѣпь, подарокъ Венецейскаго дожа [2]). Распоряженія изъ Рима давно уже были получены, но лишь 17-го іюля Менезій почувствовалъ себя лучше и 23-го могъ выѣхать изъ Феррары [3]).

Путь русскаго посланника лежалъ на Равенну, вдоль побережья Адріатическаго моря черезъ Римини, Пезаро, Синигалью, Анкону, Лорето и отсюда, пересѣкая полуостровъ, на Мачерату, Толентино, Фолиньо, Сполето, Терни, Нарни и Отриколи. Статейный списокъ Менезія, подобно большинству другихъ, сухой и монотонный отчетъ о станціяхъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ лицахъ, однообразный до утомленія перечень пріемовъ, обѣдовъ, колясокъ и каретъ, высылаемыхъ на встрѣчу, и т. п. Менезій тщательно выписываетъ, какъ его встрѣчали при въѣздѣ и за сколько именно верстъ, въ какой именно комнатѣ принимали, куда садили, кто и какъ далеко провожалъ за городъ; мы узнаемъ имена графовъ, маркграфовъ и губернаторовъ-прелатовъ.... Отмѣтить все это было, конечно, необходимо, чтобъ судить, въ какихъ размѣрахъ чествовался представитель Московскаго государства, и не было ли въ чемъ порухи царскому

---

[1]) Si condusse a'confini Veneti alla Pontebba, ove si trattenne otto giorni incirca si per risanarsi dalla febbre che lo sorprese per strada, che per aspettare gli ordine della serenissima repubblica colle risposte alla sua. (Lettera scritta a monsig. nunsio dal padre Vota giesuita. *Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei cerimonieri. Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia, p. 696).

[2]) Пам. Дипл. Сношеній IV, 1023 — 1026. Цѣпь, конечно, пошла ниже ея дѣйствительной стоимости; вотъ почему, думается, Менезій, желая избѣгнуть щекотливаго разногласія въ оцѣнкѣ, сознательно убавилъ ея цѣнность въ томъ мѣстѣ своего отчета, гдѣ говоритъ о пожалованіи ею (IV, 1022). По римскимъ источникамъ цѣпь стоила 400 (или даже 600) дукатовъ (*Theiner*, 73,74). Cerimoniali Венеціанскаго архива (III, л. 172), свидѣтель наиболѣе компетентный, оцѣниваютъ ее въ 300 дукатовъ buona valuta. Во всякомъ случаѣ Менезій продешевилъ не особенно: стоимость червонца (приблизительно въ рубль) въ то время въ два раза превышала стоимость венеціанскаго дуката, ходившаго въ полтинникъ или около того (*Веневитиновъ*, Русскіе въ Голландіи, стр. 168—169).

[3]) П. Д. Сн. IV, 1027.

имени и достоинству. — но хоть бы разъ авторъ обмолвился чѣмъ-нибудь постороннимъ! Современный читатель съ такой благодарностью отдохнулъ бы на чемъ-либо болѣе живомъ среди этой однообразной вереницы фактовъ! Лишь разъ, въ концѣ отчета, Менезій попытался резюмировать свои впечатлѣнія, да и тѣ шли не дальше помѣщеній, отводимыхъ посольству, да особенностей итальянской кухни [1]). Вотъ почему не ждите отъ него описанія страны. Онъ даже не обмолвился названіемъ Адріатическаго моря, вдоль котораго ѣхалъ не одинъ день, названіемъ Аппенинскихъ горъ, которыя пересѣкалъ. Нечего и говорить, что читатель его Статейнаго списка и не догадается о томъ, что въ Равеннѣ русскіе путешественники были въ двухъ шагахъ отъ дивныхъ созданій византійской архитектуры; что въ Пезаро и Синигальи находились вблизи того очага, что̀ согрѣлъ и воспиталъ величайшаго живописца въ мірѣ; что изъ Фолиньо было рукой подать до того мѣста, гдѣ нашелъ вѣчное упокоеніе Францискъ Ассизскій, послѣ Христа едва ли не самое яркое воплощеніе любви и прощенія въ сей юдоли ненависти и грѣха. Чѣмъ ближе къ вѣчному городу, тѣмъ чаще и чаще встрѣчались нашимъ путникамъ мѣста, богатыя воспоминаньями о прошломъ; но имъ не нашлось мѣста на страницахъ офиціальнаго документа. Лишь дважды измѣнилъ себѣ Статейный списокъ: отмѣткою о землетрясеніи, недавно постигшемъ городъ Римини [2]), да разсказомъ о чудотворной иконѣ Лоретской Божіей Матери [3]). Правда, благочестивая легенда напрашивалась сама собою, такъ была она наивна и мила въ своемъ религіозномъ простодушіи. Но точно раскаявшись въ содѣянномъ проступкѣ, Статейный списокъ послѣ этого снова заговариваетъ обычнымъ канцелярскимъ языкомъ и снова ведетъ рѣчь о каретахъ и обѣденныхъ столахъ.

За 60 верстъ отъ Рима начинались мареммы; губительная лихорадка свирѣпствовала въ окрестностяхъ, приходилось принимать предосторожности. Поэтому изъ Нарни выѣхали еще до свѣта и послѣ короткаго перегона въ 15 верстъ дневали въ Отриколи; послѣ обѣда и короткаго сна, часа за два передъ вечеромъ, двинулись дальше и ѣхали уже цѣлую ночь. Послѣднія 35 верстъ до папской столицы дорога пролегала по мѣстности почти безлюдной: никто не рѣшался здѣсь селиться. Нашимъ путникамъ данъ былъ серьезный совѣтъ не

---

[1]) IV, 1061.
[2]) IV, 1028.
[3]) IV, 1031.

спать ночью, чтобы еще больше не рисковать здоровьемъ; да и по пріѣздѣ въ Римъ имъ пришлось первое время остерегаться: не выходить на вѣтеръ и не отворять оконъ [1]).

Во второй половинѣ XVII вѣка ритуалъ папскаго двора былъ одинъ изъ самыхъ утонченныхъ и щепетильныхъ. Представителя иностранной державы обыкновенно встрѣчали за городомъ: на последнюю станцію всѣ кардиналы, посланники и князья римскіе высылали съ привѣтствіемъ каждый свою карету въ 6 лошадей съ двумя жентильомами. Посолъ садился въ экипажъ старшаго министра-кардинала и въ ней въѣзжалъ въ городъ. Въ случаѣ если посолъ былъ отъ государя, только-что вступившаго на престолъ и желавшаго выразить папѣ свой привѣтъ и почтеніе, то на встрѣчу высылался цѣлый эскортъ всадниковъ, такъ называемая почетная „кавалькада“ [2]). Разумѣется, все это были общія черты пріема, варьировавшіяся въ зависимости отъ особы государя, дипломатическаго ранга посла и личнаго желанія оттѣнить степень почета новоприбывшему.

По отношенію Менезія церемоніальная часть [3]) была исполнена

---

[1]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1027—1035.

[2]) Quand l'ambassadeur d'un roi ou empereur, d'un prince souverain, ou d'une republique libre vient à Rome, tous les cardinaux, ambassadeurs et princes lui envoient chacun un carosse à six chevaux, et deux gentilshommes pour le complimenter à une poste hors de Rome, et après cette entrevue chacun s'en retourne dans la ville sans ordre, où l'ambassadeur entre aussi dans le carosse du cardinal premier ministre, suivi de ses propres carrosses, et d'une partie de sa famille à cheval, et de ses valets de pied.

Mais lorsque c'est un ambassadeur d'obédience, c'est-à-dire quand un monarque est nouvellement parvenu à la couronne, et qu'il envoie la première fois un ambassadeur à Rome, pour montrer sa devotion envers le pape, et l'estime qu'il fait du Saint-Siège, comme on le nomme ordinairement; alors cet ambassadeur d'obédience est introduit dans Rome, par un cavalcade que le pape rend plus ou moins pompeuse, selon l'honneur qu'il veut faire au ministre qu'il reçoit, ou au souverain de la part duquel il vient faire son ambassade. Tableau de la cour de Rome, par le S-r. I. A. à la Haye. M. DCCVII, pag. 435.

[3]) Данныя о пріемѣ Менезія при римскомъ дворѣ въ значительной степени собраны въ сборникѣ Ватиканскаго архива (Archivio dei cerimonieri. Vol. 507), носящемъ общій заголовокъ: Ambasciatori del czar di Moscovia и содержащемъ нѣсколько отдѣльныхъ и самостоятельныхъ документовъ. Главнѣйшіе изъ нихъ два: „Inviato del duca di Moscovia: 1673“ и „Brevis relatio de modo quo exceptus fuit 1673 allegatus magni ducis Moschorum ex diariis Petri Fanetis Fanti ceremoniarum magistri“. Въ послѣдующемъ изложеніи, ради сокращенія, мы будемъ ссылаться на эти документы, обозначая ихъ просто: *Inviato del duca di Moscovia* и *Brevis relatio.*

слѣдующимъ образомъ. Въ Отриколи, за 45 верстъ отъ Рима, посла ожидалъ папскій соттофорьеро съ нѣсколькими экипажами [1]); за 20 верстъ—іезуитъ графъ Вильямъ Десли и кареты кардинала Барберини съ двумя жентильомами [2]); въ Кастельнуово—новые экипажи [3]) и, наконецъ, въ пяти верстахъ отъ города [4]) жентильомъ („конюшей") государственнаго секретаря Альтіери, кавалеръ графъ Феретти съ особой каретой. Въ этой-то послѣдней Менезій и въѣхалъ, чрезъ Фламинскія ворота, въ папскую столицу утромъ 8/18 августа 1673 г. [5]). У подъѣзда русскаго посла принялъ папскій каммергеръ [6]), провелъ его на верхъ и привѣтствовалъ отъ имени своего государя [7]).

Прямыхъ указаній, почему встрѣча состоялась именно въ такой формѣ, у насъ не имѣется. Быть можетъ, извѣстную роль играла ночная пора, нездоровое время года, несомнѣнно, и невысокое званіе Менезія, прибывшаго въ Римъ не посломъ, не посланникомъ (ambasciatore), а простымъ посланнымъ, гонцомъ (inviato). Вспомнимъ, наконецъ, что пріѣзду Менезія предшествовало 60-лѣтнее отчужденіе московскаго двора и полное игнорированіе послѣднимъ событій, бывшихъ въ глазахъ римскаго престола, наоборотъ, одной изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи его отношеній къ православной Россіи. Вотъ почему римскимъ властямъ не было никакого основанія торопиться любезностями по адресу постоянно враждебнаго государя. Можно даже сказать, что 90 лѣтъ передъ этимъ встрѣчѣ Шевригина и Молвянинова оно придало больше пышности и торжественности, чѣмъ въ этотъ разъ. Шевригинъ, такой же простой гонецъ, какъ и Менезій, былъ встрѣченъ кавалькадою въ 200 человѣкъ; въ честь Молвянинова палили изъ пушекъ. Но за то въ ту пору еще не пробѣжало черной кошки межъ Москвою и Римомъ, и послѣдній съ посольствами 1581 и 1582 гг. связывалъ гораздо больше увѣренныхъ надеждъ, чѣмъ нынче [8]).

---

[1]) Inviato del duca di Moscovia.

[2]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1035.

[3]) Inviato del duca di Moscovia.

[4]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1035; due miglia lontano fuori della porta (Inviato del duca di Moscovia); per duo aut tria milliaria (Brevis relatio).

[5]) Inviato del duca di Moscovia; Brevis relatio; Пам. Дипл. Снош. IV, 1035. Документъ, напечатанный *Тейнеромъ*, Monuments historiques, 74, ошибочно показываетъ 17-е августа.

[6]) „Cameriere segreto di spada e cappa e forriere maggiore di Nostro signore".

[7]) Inviato del duca di Moscovia; Brevis relatio.

[8]) Шевригина встрѣтилъ въ 5 верстахъ отъ Рима кардиналъ Медичи въ со-

Русское посольство помѣстили въ домѣ графа Видмана-Вителлески, близъ театинской церкви С. Сильвестра на Квириналѣ, въ улицѣ, что поднимаясь на Маньянаполи, вела въ ту пору къ папскому дворцу. Домъ лежалъ насупротивъ садовъ Альдобрандини, и понынѣ еще гордо возвышающихся за мощной стѣною надъ новосозданной Via Nazionale [1]). Холмъ носилъ въ ту пору еще и другое названіе. Лошадинаго, Монтекавалло. Такъ между прочимъ называетъ его и Менезій. Группа коней, красующихся на площадкѣ передъ папскимъ (нынѣ королевскимъ) дворцомъ и давшая холму это названіе, уже и тогда украшала это мѣсто.

За устройствомъ квартиры слѣдилъ папскій майордомъ, Бернардино Рочча, архіепископъ Дамасскій [2]), братъ вышепомянутаго Помпео [3]).

Цѣлый штатъ былъ къ услугамъ Менезія: форшнейдеръ, камеръюнкеръ кардинала Альтіери, лица завѣдывавшія буфетной, винной и кухонной частью; одного изъ своихъ жентильомовъ тотъ же Альтіери спеціально прикомандировалъ къ Менезію состоять неотлучно и сопро-

---

провожденіи 150 человѣкъ и трехъ экипажей; двумя верстами ближе къ городу— кавалеръ съ 200 человѣкъ эскорта (Пам. Дипл. Снош. X, 18). Моловянинову, ѣхавшему посланникомъ съ младшимъ товарищемъ подьячимъ Васильевымъ, тоже за 5 верстъ отъ города былъ высланъ дворецкій „папина сына“ (Джіакомо Бонкомпаньи) съ 15 человѣками и восемью экипажами; у самаго города встрѣчалъ „маргграфъ“ съ 60 всадниками (Пам. Дипл. Снош. I, 881). Хотя на встрѣчу и не выѣзжали ни члены папской фамиліи, ни кардиналы, зато множество бароновъ, нобилей и придворныхъ чиновъ, а въ самомъ городѣ были выставлены почетныя войска cui (послу) nec familia papae, nec cardinalium obviam ivit, sed tantum multi barones et nobiles civis romani et curiales. In platea S. Petri, dum ille transiret, milites helvetii de custodia Sanctissimi Domini Nostri stabant simul in linea recta, et ibi aliquot bombardae exoneratae honoris gratia.... in arce S. Angeli fuerunt pariter exoneratae multae bombardae. *Тургеневъ*, Hist. Russiae Monumenta, I, 390. О пальбѣ изъ пушекъ сообщаетъ современный венеціанскій посолъ въ Римѣ: Et furono anco tirrati all'arrivo suo essendo ambassator estraordinario et esterno diversitiri d'artigliaria et di altre coete. (*Pierling*, Bathory et Possevino, 219).

[1]) In domo dominorum de Vitelleschis, seu comitis Vidman, prope ecclesiam S. Sylvestri in monte Quirinali (Brevis relatio). Nella casa del sig. conte Vidman sopra la salita di monte Magnanapoli a mano Sinistra incontro al giardino de'signori Aldobrandini (Inviato del duca di Moscovia).

[2]) Maggiordomo di Sua Beatitudine, praefectus Palatii apostolici.

[3]) Сохранился счетъ стекольщика, вставлявшаго къ пріѣзду Менезія новыя стекла, фонари, обкававшаго свинцомъ двери и т. п. Онъ напечатанъ въ моемъ „Отчетѣ о двухъ командировкахъ“, стр. 120.

вождать при выѣздѣ [1]), назначивъ въ распоряженіе посла двѣ кареты, при чемъ парадная обита была бархатомъ и съ черными кистями. Четыре папскихъ лакея постоянно дежурили въ передней, въ ожиданіи приказаній; другіе четыре, кардинальскихъ, кажется, были выѣздными [2]).

Въ ту пору на папскомъ престолѣ сидѣлъ 84-лѣтній старикъ, Климентъ X, изъ фамиліи Альтіери. Непотизмъ, ставшій въ теченіи XVII столѣтія обычнымъ явленіемъ папскаго двора, оставался непоколебленнымъ и при этомъ папѣ. Человѣкъ безъ воли и характера, Климентъ находился совершенно въ рукахъ своего племянника, кардинала Паулуччи-Альтіери, занимавшаго первую должность государственнаго секретаря (министра иностранныхъ дѣлъ). Въ сущности папа стоялъ на заднемъ планѣ, и кардиналъ, по выраженію одного изъ современниковъ [3]), поставленный на второе въ государствѣ мѣсто, занималъ на самомъ дѣлѣ первое [4]). Съ этимъ-то Альтіери и пришлось Менезію прежде всего имѣть дѣло.

Квириналу было извѣстно, что Менезій пріѣхалъ съ грамотою русскаго царя и будетъ требовать аудіенціи. Слѣдовало поэтому договориться о формальной сторонѣ послѣдней, что вообще въ ту пору считалось очень важнымъ и почти всегда порождало кучу споровъ и непріятностей; въ данномъ же случаѣ невыясненность была тѣмъ большая, что оба двора, и римскій, и московскій, почти не знали другъ друга и не имѣли очень долго никакихъ межъ собою ссылокъ.

По приглашенію Альтіери, Менезій черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ [5]) сдѣлалъ ему неофиціальный визитъ. И статейный списокъ

---

[1]) Не берусь опредѣлить, кто именно изъ нихъ были тѣ „аббатъ Кабанъ да дворянинъ римскій Санцимонъ", о коихъ говоритъ Менезій, какъ о лицахъ, назначенныхъ состоять при немъ. Третье лицо, „езувита графъ Вилимъ Лесли", быть можетъ, приходился братомъ ректору шотландской коллегіи въ Римѣ: тому и другому нѣсколько лѣтъ спустя Менезій посылаетъ поклоны (et reverendum collegii Scottorum rectorem, patrem Leslew, et dominum Wilhelmum Leslew meo nomine quam humillime salutato. *Pierling*, Un médecin diplomate. Paris 1893, pag. 142). Менезій упоминаетъ еще „шесть человѣкъ стольниковъ, да папежскихъ дворовыхъ людей 40 человѣкъ, попеременно по 10 человѣкъ, двухъ поваровъ, да двухъ приспѣшниковъ. (Пам. Дипл. Снош. 1035—1036).

[2]) Лакеями я называю „приспѣшниковъ" Статейнаго списка (IV, 1036) и parafrenieri документовъ Archivio dei Cerimonieri.

[3]) Венеціанскаго посла при римскомъ дворѣ.

[4]) *M. Brosch*, Geschichte des Kirchenstaates, I, 437.

[5]) Источники разногласятъ въ опредѣленіи дня: 23-го августа—по запискѣ церемоніймейстера, что напечатана Тейнеромъ, Monuments historiques, 74; 24-го

и журналъ папскаго церемоніймейстера, по обыкновенію, крайне скупы на все, что выходило изъ сферы внѣшняго этикета. Оба они охотнѣе останавливаютъ наше вниманіе не на содержаніи бесѣды двухъ дипломатовъ, а на томъ, какъ титуловалъ хозяинъ своего гостя и на какое разстояніе вышелъ встрѣчать его,—при чемъ по русскимъ источникамъ честь была оказана въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это признаетъ туземный [1]. Альтіери хотѣлъ знать, на какихъ условіяхъ желаетъ посолъ быть принятымъ въ аудіенціи? Менезій заявилъ, что онъ руководится полученнымъ наказомъ и, вернувшись съ визита, въ тотъ же вечеръ письменно сообщилъ свои требованія кардиналу [2].

Наказъ предписывалъ Менезію соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) На пріемѣ и на отпускѣ у папы другимъ посламъ не быть. 2) Кланяется посолъ, по обычаю, рядовымъ поклономъ. 3) Во время привѣтственной рѣчи папа „противъ имени В. Г-ря“ встаетъ; о здоровьи спрашиваетъ тоже поднявшись, а не сидя. 4) Царская грамота вручается непосредственно въ папскія руки. 5) На отпускѣ грамоту свою папа собственноручно передаетъ послу, и при томъ поднявшись съ трона, а не сидя. 6) Передъ отпускомъ римская канцелярія выдаетъ копію съ папской грамоты для провѣрки, не умаленъ ли въ ней царскій титулъ. Посольскій приказъ не забылъ снабдить Менезія указаніями, какъ дѣйствовать въ случаѣ несогласія или возраженій римскаго правительства. Если бы папа не поднялся съ трона, слѣдовало тутъ же, на аудіенціи, настаивать на выполненіи данныхъ предписаній, мотивируя ихъ тѣмъ, что русскій государь всегда встаетъ на пріемѣ иностранныхъ пословъ. „И буде папа заупрямится и противъ В. Г-ря имени не встанетъ и про Е. Ц. В—ва здоровье не спроситъ или спроситъ сидя, и Павлу стоявъ о томъ накрѣпко, В. Г-ря грамоту папѣ подати въ камкѣ“. Такимъ образомъ въ Москвѣ предвидѣли возможность „упрямства“. Что же оставалось дѣлать въ такомъ

августа—по записи Brevis relatio; 15-го августа стар. ст.—по Статейному списку (IV, 1036).

[1]) Privatim ivit (Menesiâ) ad cardinalem Alterium cui dictus eminentissimus dedit titulum illustrissimi — такъ показываетъ Brevis relatio; ....Se contulit (Menesiâ) ad visitandum.... Alterium, qui obviam ei ivit usque extra postam camerae, quae est ante cameram, in qua ei audientiam dedit, postquam una simul locuti sunt, eam associavit usque ad medietatem suae aulae — такъ читаемъ у *Theiner*, Monuments historiques, 74; „А кардиналъ посланнаго встрѣтилъ вышедъ изъ палаты въ другой палатѣ.... а провожалъ кардиналъ посланнаго до того жъ мѣста, въ которомъ мѣстѣ встрѣтилъ“, говорятъ Памятники Дипл. Сношеній IV, 1036.

[2]) П. Дипл. Сн. IV, 1036.

случаѣ? Громко высказать принципіальный взглядъ свой на дѣло, но грамоту все же отдать, ибо привозить ее обратно было бы еще большей *порухою* царскому имени. Предвидѣли въ Москвѣ и другое обстоятельство: по какому праву настаиваютъ нынче на вставаньѣ папы, когда на прежнихъ пріемахъ русскихъ пословъ онъ сидѣлъ, и тѣ ничего не возражали? Отвѣтъ былъ заранѣе готовъ: „то они чинили не гораздъ, государскіе чести не остерегали, и за то на нихъ“ возложенъ былъ гнѣвъ царскій [1]).

Въ наказѣ Менезію находится еще одинъ любопытный пунктъ— о цѣлованіи папской ноги. Раньше, при посылкахъ Шевригина и Молвянинова, этотъ вопросъ былъ совершенно обойденъ папскимъ приказомъ; въ ту пору едва ли онъ и могъ возникнуть въ виду почти полнаго отсутствія сношеній съ Римскимъ дворомъ. Шевригинъ въ докладѣ своемъ [2]) благоразумно обходитъ молчаніемъ этотъ моментъ аудіенціи: Ивану Грозному сообщеніе его не пришлось бы по вкусу. Вѣдь Шевригину пришлось не только цѣловать папскую туфлю, но и рѣчь свою произносить на колѣняхъ [3]). На пріемѣ и отпускѣ Молвянинова папа сидѣлъ, посолъ же долженъ былъ „поклониться близко ноги“, и хотя онъ завѣряетъ насъ, что „въ ногу не цѣловалъ“ [4]), но вѣдь едва ли и можно было наблюсти когда-нибудь непосредственное прикосновеніе губъ къ туфлѣ. Важно было именно это „поклоненіе“ до уровня туфли, а разъ это было такъ, римскій дипломатъ считалъ себя въ полномъ правѣ утверждать, что цѣлованіе имѣло мѣсто. *Принципъ* онъ умѣлъ отличить отъ *факта*, конечно, не хуже московскаго собрата. Итальянскіе же источники прямо говорятъ, что Молвяниновъ, хотя и послѣ сильнаго сопротивленія, но согнулъ колѣна и поцѣловалъ папскую ногу [5]). Съ тѣхъ поръ прошло около вѣка, и Московское правительство имѣло время ближе ознакомиться съ требованіями римскаго церемоніала. Его научили тому и событія Смутной поры, и болѣе частыя сношенія съ Западной Европой вообще. Надо ли говорить, что въ глазахъ русскаго государя обрядъ этотъ казался унизительнымъ? Протестовать противъ него слѣдовало тѣмъ энергичнѣе, что вѣдь папа былъ не только государь, но и глава като-

---

[1]) Пам. Д. Снош. IV, 788—793.

[2]) Правда, статейный списокъ его черезчуръ кратокъ, точно это экстрактъ недошедшаго до насъ подробнаго отчета. Сравн. Пам. Дипл. Снош. X, 1—38.

[3]) *Pierling*, Papes et tsars, 160.

[4]) Пам. Дипл. Снош. I, 883—885.

[5]) Monumenta, изд. *Тургеневымъ*, I, 390; *Pierling*, Papes et tsars, 346.

лической церкви; царю приходилось оберегать не только честь государеву, но и достоинство православной вѣры. Прерогативы же духовнаго владыки, какими пользовался папа у католическихъ государей, въ нашихъ глазахъ сводились къ нулю. Вотъ почему Менезію было строго наказано цѣловать папу въ одну руку и стоять на томъ „крѣпко" [1]). Какое значеніе придавали у насъ этой церемоніи, видно изъ того, что Менезій, едва успѣвъ выѣхать изъ Москвы, счелъ необходимымъ запросить болѣе точныхъ инструкцій. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, шло о цѣлованіи ноги подьячимъ. 21-го октября посольскій приказъ въ догонку отправилъ Менезію „память"; съ повтореніемъ прежняго распоряженія и добавленіемъ новаго: „а подьячему папу въ ногу отнюдь не цѣловать" [2]).

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ не заключалось ровно ничего особеннаго. Если выдѣлить вопросъ о туфлѣ, какъ имѣвшій мѣсто спеціально въ примѣненіи къ Риму, то все остальное—и шесть пунктовъ условій, и протестъ противъ ихъ нарушенія, и отвѣты на случай возраженій—все это въ наказахъ XVII столѣтія встрѣчается каждый разъ, къ какому бы европейскому двору ни отправлялся русскій посолъ. Московское правительство, крайне щепетильное ко всякому поползновенію „умалить" его достоинство, упорно и консервативно отстаивало свои требованія. Удивляться этому нечего. Нѣкоторые находятъ смѣшными такія претензіи, но, прежде всего, они не были исключительною принадлежностью московскаго двора. Вся Европа XVII столѣтія зорко слѣдила за соблюденіемъ придворнаго церемоніала, и любое правительство, въ исполненіи этикета, было очень чутко къ малѣйшему ослабленію тѣхъ размѣровъ почета, на какіе оно считало себя въ правѣ расчитывать. Извѣстный minimum соблюденныхъ формъ являлся, по понятіямъ того времени, показателемъ уваженія къ государю и признанія за нимъ искомаго мѣста въ ряду другихъ государей. Дѣло въ томъ, что въ XVII столѣтіи по „мѣстамъ" еще не успѣли разсѣсться. Европейскія государства въ истинномъ значеніи этого слова возникаютъ немногимъ развѣ раньше XVI столѣтія. Дотолѣ это одни конгломераты провинцій и областей, безъ сознаннаго государственнаго, а тѣмъ болѣе національнаго единства; не удивительно, что на первыхъ порахъ вопросы внѣшняго распорядка еще сохраняютъ большое жизненное значеніе.

---

[1]) Пам. Дипл. Снош. IV, 792.
[2]) Ibid. IV, 870—871.

Съ тѣхъ поръ Европа выросла на два столѣтія и сочла возможнымъ сдать въ архивъ всѣ эти счеты объ этикетѣ, и мы, въ концѣ XIX вѣка, не считаемъ затруднительнымъ того, что прежде приводило въ тупикъ самые изощренные умы,—но развѣ чувствительность наша чрезъ это ослабла? Она получила лишь иное выраженіе. Двѣсти лѣтъ назадъ государство, а съ нимъ и его честь олицетворялись исключительно въ лицѣ государя. L'État c'est moi, сказалъ Людовисъ XIV, и его фраза далеко не была выраженіемъ однихъ его личныхъ стремленій, а правдивымъ отраженіемъ идей всего вѣка. Двѣсти лѣтъ спустя подлѣ государя выступаетъ нація, государственное общество. Благо общественное, а съ нимъ и честь національная отодвинули на задній планъ мѣстничество. въ тѣсномъ смыслѣ, государственное, правительственное. Вопросъ о томъ, какъ далеко отъ передней встрѣчать посла, подавать ли ему правую или лѣвую руку. сидѣть ли накрывшись или безъ шляпы—вопросы эти давнымъ давно разрѣшены, и даже тѣ, кому въ ряду другихъ достались не первыя мѣста, ни мало на это не претендуютъ, сознавая, что для поддержки достоинства существуютъ иныя, болѣе достойныя насъ формы; даже прибѣгли, для упрощенія дѣла, къ алфавитной системѣ... Но пусть въ мирное время, гонясь за контрабандистомъ, таможенный солдатъ перейдетъ черезъ границу сосѣдняго государства и расправится съ нимъ тамъ по своему; пусть министръ вмѣшается, хотя бы на словахъ, въ публичной рѣчи, во внутреннія дѣла чужой страны; пусть иноземная пресса отнесется неуважительно къ главѣ того или другого государства—и вся нація почувствуетъ себя оскорбленной. Двѣсти лѣтъ назадъ могли иначе понимать субстратъ оскорбленія. чувствительность была достояніемъ лишь правящихъ классовъ, но сознаніе этими немногими своего достоинства и горячее желаніе поддержать его было не менѣе сильно. Для XIX столѣтія формы, въ какія отливалась эта забота, кажутся иногда смѣшными, но это потому, что мы ихъ уже пережили, что теперь *не можетъ* быть болѣе спора о нихъ. А рѣшись кто-либо снова не дать нашему государю „величества", отказать ему въ тѣхъ титулахъ, которые онъ носитъ. какъ символъ историческаго роста государства — развѣ мы стали бы смѣяться? Повторяю, если архаичны пріемы людей того времени, то самое чувство ихъ остается безупречнымъ. Охотно дѣлаю исключеніе для мелкихъ сѣверо-итальянскихъ герцогствъ и мирiады микроскопическихъ княжествъ, какими кишѣла тогдашняя Германія. Правительства этихъ областей олицетворяли одни фамильные интересы и ни-

какихъ народныхъ. Ихъ претензіи были выродившимся аристократизмомъ; но въ иномъ положеніи стояла Москва, цесарь, какъ глава Германской имперіи, султанъ, папа, короли Англіи, Франціи, Испаніи, Швеціи. У нихъ было и свое прошлое, и свое будущее. Ихъ претензіи выросли на почвѣ историческаго роста государствъ и были выраженіемъ сознанія своего государственнаго Я. Не даромъ же XVII вѣкъ такъ богатъ литературой по вопросу о правахъ и преимуществахъ европейскихъ дворовъ въ сношеніяхъ международныхъ.

Легко предвидѣть, что пункты, предъявленные Менезіемъ, встрѣтятъ категорическій отпоръ. Могъ-ли подниматься римскій первосвященникъ передъ посломъ еретическаго и полуварварскаго князька, почти лишеннаго значенія въ международной жизни Европы, когда онъ сидѣлъ даже передъ послами императора, короля Франціи? Точно также и утруждать себя самоличною передачею грамоты значило бы оказывать несоразмѣрное вниманіе. Квиринальскому двору желаніе московскаго посла могло показаться одною заносчивостью, даже оскорбленіемъ. Государственный секретарь сухо и категорически отвѣчалъ: на пріемной аудіенціи именованіе и титла начнетъ папа слышать и о здоровьи спрашивать сидя; грамоту велитъ принять своему церемоній-мейстеру; такъ же будетъ поступлено и на отпускѣ. А требовать, чтобы св. отецъ поднялся, прежде подачи своей грамоты далъ просмотрѣть ея списокъ и титлы царскіе написать „сполна противо Е. Ц. В—ва грамоты"—„о томъ святѣйшему отцу папѣ указъ давать недостоитъ" [1]).

Въ то же время, отказывая въ требованіяхъ московскаго посла, римскій дворъ предъявлялъ свои: Менезія предупреждали, что въ оба пріема его „наклонятъ и велятъ ногу цѣловать" [2]). Но и Менезій стоялъ во всеоружіи отпора.

— Мой государь,—говорилъ онъ,—не католикъ. Прежде, до раздѣленія церквей, греки никогда не цѣловали папской ноги. Въ 1438 г. на Феррарскомъ соборѣ папа Евгеній IV, встрѣчая константинопольскаго патріарха и остальное высшее духовенство Восточной церкви, цѣловался съ ними „по мнишеску"; митрополиты и епископы цѣловали его въ руку; въ руку же цѣловали и остальные греки, и только католики, пріѣхавшіе съ патріархомъ, цѣловали въ ногу. На пріемѣ разныхъ пословъ всѣ государи, христіанскіе или басурманскіе без-

---

[1]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1037—1038.

[2]) Ibidem.

различно, начиная съ самого цесаря, именованія и титла слушають стоя, здоровье спрашивають тоже стоя и снявъ шляпу, грамоту принимають самолично и руку дають цѣловать стоя жъ.

Менезію на все это отвѣчали: наши требованія исполняются обыкновенно всѣми посланниками; ваше же упорство приведетъ лишь къ тому, что аудіенція не состоится. Угроза однако не подѣйствовала: пусть лучше отпустятъ меня, не показавъ папы, если хотятъ непремѣнно принудить къ цѣлованію ноги, отвѣчалъ русскій гонецъ.

Тогда Альтіери пошелъ на компромиссъ. Онъ соглашался, чтобъ папа собственноручно принялъ царскую грамоту и изъ собственныхъ же рукъ вручилъ отвѣтную; но подъ непремѣннымъ условіемъ цѣлованія ноги. Менезій продолжалъ упорствовать, твердо оставаясь на почвѣ даннаго ему наказа. Государственный секретарь пошелъ еще дальше: пусть посолъ „припадчи" поцѣлуетъ хотя бы папину ризу—но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вопросъ о вставаніи былъ рѣшенъ безусловно въ смыслѣ римскихъ традицій.

Нельзя не пожалѣть, что статейный списокъ въ изложеніи какъ разъ именно этихъ заключительныхъ переговоровъ, послѣднихъ передъ аудіенціей, какъ бы избѣгаетъ договаривать. Хотя онъ и сообщаетъ, что посланникъ отказался и отъ этой формы цѣлованія, но молчитъ, на чемъ собственно договорились обѣ стороны [1]). Въ виду того, что на другой день аудіенція состоялась, въ отказахъ Менезія позволительно видѣть одну простую формальность—онъ, очевидно, зналъ, что ожидаетъ его завтра. И въ данномъ случаѣ онъ не отступилъ отъ практики московской дипломатіи. Не разъ посламъ приходилось *фактически* поступаться предъявленными формулами, но за то всегда послѣ громогласнаго заявленія своей *теоріи*.

Е. Шмурло.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Пам. Дипл. Снош. IV, 1038—1041.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 [1]).

I.

Чествованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.

Послѣдніе годы XIX-го столѣтія въ исторіи русской литературы, несомнѣнно, должны быть отнесены къ эпохамъ переходнымъ. Это—смутное время исканій новыхъ путей въ искусствѣ, печальная пора, не отмѣченная пока ни однимъ еще именемъ, подъ знамя котораго могла бы собраться современная и будущая русская литература. Старое, повидимому, отжило,—новаго свѣтлаго пока не видно. Истекшій

[1]) Цѣль нашей работы—дать, по возможности, полный обзоръ всего того, что было напечатано о Пушкинѣ въ юбилейномъ 1899 и 1900 годахъ. Въ предѣлы нашего обозрѣнія не вошли лишь газетныя статьи (за небольшими исключеніями),—вся же остальная литература, поскольку она была намъ доступна, будетъ исчерпана въ нѣсколькихъ главахъ: 1) „Чествованіе 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина", 2) „Матеріалы въ юбилейной литературѣ", 3) „Біографіи и біографическіе очерки", 4) „Характеристики Пушкина", 5) „Историко-литературная оцѣнка Пушкина въ 1899—1900 гг.", 6) „Изъ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній", 7) „Изданія пушкинскихъ сочиненій и библіографія юбилейной литературы". При составленіи этого очерка пользовались мы, главнымъ образомъ, богатой коллекціей пушкинскихъ юбилейныхъ изданій (1899—1900 гг.) Императорской Публичной Библіотеки („Пушкинскій шкафъ", 18 зала, № 164), за что приносимъ глубочайшую благодарность г. завѣдующему русскимъ отдѣленіемъ Императорской Публичной Библіотеки В. И. Ламбину; пользовались также коллекціями Л. Н. Майкова, А. Н. Пыпина, В. И. Саитова, Ѳ. А. Витберга и Пушкинскаго Спб. Музея. Кромѣ того, при подборѣ матеріала руководствовались мы библіографическими статьями гг.—*W.*: „Итоги пушкинской юбилейной литературы" („*Русская Мысль*", 1900, №№ 8—10), *А. М. Лободы:* „Очеркъ Пуш-

вѣкъ оставилъ насъ на развалинахъ того величественнаго храма, созиданіе котораго началъ Пушкинъ, а докончили его великіе ученики, занявшіе почетныя мѣста въ пантеонѣ міровой поэзіи. Въ этомъ храмѣ въ теченіе прошлаго вѣка литературные боги молились „*всечеловѣку*", озаренному свѣтомъ гуманности и красоты,—теперь, на зарѣ новаго столѣтія мы слышимъ гимны „*сверхчеловѣку*", слышимъ холодную проповѣдь эгоизма и самообожанія, требованія въ искусствѣ полной индивидуализаціи. Оттого современные литераторы всѣ стоятъ какъ-то особнякомъ, нѣтъ сильныхъ вождей, нѣтъ ясныхъ направленій,—каждый бредетъ въ свою сторону, у каждаго свое смутное profession de foi [1]), которое не спасаетъ талантовъ и талантиковъ отъ поразительно быстраго мельчанія и выдыханія. Отъ Льва Толстаго до декадентовъ—большое разстояніе,—однако на всемъ этомъ протяженіи мы не увидимъ ни одной опредѣленной группы, съ здоровыми задатками и яснымъ будущимъ.

И при такомъ угнетенномъ настроеніи русской литературы, пришлось намъ праздновать столѣтній юбилей Пушкина. Понятно поэтому, онъ долженъ былъ получить своеобразную окраску, сравнительно съ той, какой отмѣченъ былъ пушкинскій праздникъ 1880-го года. Тогда было время кипучей литературной жизни. Передъ нами—рядъ великихъ вождей, рядъ литературныхъ группъ съ опредѣленными знаменами. И праздникъ 1880 года оказался „*литераторскимъ*", такъ какъ главную роль играли на немъ писатели [2]). Великаго учителя поминали его уже сѣдые ученики, правда, далеко разошедшіеся въ разныя стороны, но дружно собравшіеся на праздникъ къ подножью его памятника.

кинской литературы", *Д. Щеголева*: „Критико-библіографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899 г." („Пушкинскій сборникъ Московскаго университета"), *Е. Еленина*: „Юбилейная литература о Пушкинѣ" („*Историческій Вѣстникъ*", 1899, №№ 7 — 8), *А. П.*: „Пушкинская литература" („*Вѣстникъ Европы*", 1899, № 7), *Н. Кульмана*: „Указатель пушкинской юбилейной литературы" („Пушкинскій сборникъ" петербургскихъ беллетристовъ). Въ „*Р. Фил. Вѣстн.*" (№ 1 — 4) напечатана часть работы *Н. Державина*: „А. С. Пушкинъ и юбилейная литература" (библіографическая справка).

[1]) Наиболѣе сплочена группа „декадентовъ", да и то, едва-ли, между ними есть согласіе относительно пониманія искусства, его цѣлей, задачъ, содержанія и пріемовъ.

[2]) „Много прекрасныхъ рѣчей было произнесено въ тѣ торжественные дни... Но *научная* рѣчь, сжато и сильно подводившая итоги всему, что до тѣхъ поръ было сдѣлано по изученію Пушкина, была одна—профессора московскаго университета Тихонравова" (*А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинъ и московскій университетъ", „*Русскія Вѣдомости*", 1899, № 145).

Юбилей 1899 года представилъ совсѣмъ другую картину. Начать съ того, что идейныя теченія „вожаковъ" русской общественной мысли значительно усложнились: г. Минскій, при помощи Вл. Соловьева („Идея сверхчеловѣка"), насчиталъ такихъ теченій *шесть* (вмѣсто прежнихъ *трехъ*): экономическій матеріализмъ, отвлеченный морализмъ, демонизмъ сверхчеловѣка и три старыхъ—радикальное народничество, просвѣщенный либерализмъ и всѣмъ имъ враждебный консерватизмъ [1]). Естественный выводъ изъ такого положенія, что единодушія въ настроеніяхъ и интересахъ нашего „передового" общества стало меньше, а потому и отношеніе къ національному празднику будетъ болѣе пестрымъ, менѣе опредѣленнымъ, слѣдовательно, менѣе горячимъ. И, дѣйствительно, на праздникѣ 1899 года почти нѣтъ ни литераторовъ, ни публицистовъ,—за то на первое мѣсто выступаютъ *историки*: академики, профессора, учителя. Въ разныхъ углахъ Россіи говорятъ они о Пушкинѣ, толкуютъ его произведенія, величаютъ его заслуги! Не говоритъ ли это обстоятельство о томъ, что Пушкинъ потерялъ органическую связь съ теперешнимъ поколѣніемъ литераторовъ, что теперь онъ принадлежитъ *вѣкамъ*, а не *эпохѣ*, что онъ— достояніе *исторіи*, а потому и говорить о немъ, судить его — дѣло исторіи... Вотъ почему мы съ полнымъ правомъ назовемъ праздникъ 1899 года „*академическимъ*" [2]).

Великій поэтъ, не погасая въ памяти народной, отдаляется отъ насъ на то разстояніе, съ котораго всѣ смотрятъ теперь на Шекспира, Гете и другихъ міровыхъ геніевъ. На такой высотѣ, на такомъ разстояніи величавый образъ теряетъ случайныя, мелкія черты, свои и наносныя,—на немъ выдѣляется рельефнѣе все типичное, характерное. Но прежде, чѣмъ приблизиться къ болѣе вѣрному историческому пониманію его, мы должны еще очень многое объяснить себѣ, провѣрить все, что было сказано раньше, пополнить наши знанія рядомъ подготовительныхъ академическихъ работъ.

---

[1]) *Н. Минскій*, „Завѣты Пушкина", „*Міръ Искусствъ*", 1899, № 13—14, стр. 21.

[2]) Г. *А. П.* называетъ праздникъ 1880 года „литературнымъ", говоря же о нашемъ торжествѣ 1899 года, соглашается съ однимъ ораторомъ, назвавшимъ его праздникомъ „педагогическимъ". („*Вѣстникъ Европы*", 1899, № 7, 416, *А. П.*, „Пушкинская литература"). Едва-ли это точно. Педагоги съ своими рѣчами, часто умными и содержательными, теплыми и искренними, сыграли въ 1899 г. роль огромнаго, довольно хорошо спѣвшагося хора,—солистами же, давшими характеръ празднику, выступили не они, а изслѣдователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ души нашъ *„академическій“* юбилей 1899 года,—онъ далъ намъ рядъ доказательствъ того, что начинается серьезное изученіе Пушкина „ради Пушкина“. На нашемъ праздникѣ начался пересмотръ установившихся мнѣній, „общихъ мѣстъ“, провѣрка авторитетовъ... Ниже мы услышимъ не разъ сомнѣнія въ правильности точекъ зрѣнія Достоевскаго, Бѣлинскаго, тѣхъ краеугольныхъ камней, на которыхъ до сихъ поръ зиждется пониманіе нашего великаго поэта. Недавній авторитетъ, „рыцарь минуты“, Писаревъ не далъ ни одного представителя на нашемъ праздникѣ.

Особенность геніальнаго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ его съ новой стороны. Вотъ почему произведеніе генія — это историческое явленіе, вѣчно живое, подлежащее суду исторіи независимо отъ личности его творца. Разнымъ судомъ приходится иногда судить человѣка и его дѣло, такъ какъ часто даже великій историческій дѣятель слишкомъ узко, односторонне смотритъ на свою работу, творитъ ее порою почти безсознательно,—пройдутъ вѣка и дадутъ оцѣнку, которой, можетъ быть, и не ожидалъ самъ писатель...

Ты Моцартъ - богъ! *и самъ того не знаешь*!

—сказалъ пушкинскій Сальери Моцарту, и намъ кажется, что многіе геніальные люди, *сами того не зная*, надѣленные какою-то таинственною „божественною“ силой, выхватывали такія страницы изъ исторіи человѣческой жизни, которыя впослѣдствіи наполняли благоговѣйнымъ ужасомъ сердца критиковъ, умѣвшихъ „музыку разъять, какъ трупъ“, „повѣрить алгеброй гармонію“... Геній всегда принадлежитъ своей эпохѣ и націи, но его безсмертныя творенія принадлежатъ всему міру и вѣкамъ... Иногда независимо отъ себя, онъ въ своихъ твореніяхъ рѣшаетъ тѣ высокія проблемы человѣческаго бытія, которыя общи всѣмъ народамъ и эпохамъ. Скромна была задача Сервантеса, когда онъ творилъ Донъ-Кихота, однако онъ, „самъ того не зная“, нарисовалъ міровой и вѣковой типъ. Нѣкоторые современные нѣмецкіе критики отрицаютъ въ „Фаустѣ“ всякую „надуманность“, всякое желаніе высказать устами героя философскія идеи,—это только драматизированная легенда, которая въ рукахъ генія сдѣлалась вѣчнымъ и міровымъ созданіемъ. Иногда случайность создавала великія тво-

ренія, только никогда эти великія „случайныя творенія" не выходили изъ рукъ ничтожныхъ писателей.

Вотъ почему дѣятельность геніальнаго писателя можетъ обсуждаться вѣками,—забудется его жизнь, померкнетъ его образъ (напримѣръ, греческіе трагики, даже для многихъ—Шекспиръ, Сервантесъ...), его твореніе оторвется отъ него и сдѣлается достояніемъ міровой цивилизаціи, высоко возвысившись надъ живой, измѣнчивой волной той текущей литературы, которая отвѣчаетъ запросамъ минуты...

„Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но *продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества.* Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и, какъ бы ни вѣрно, поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего..." [1]).

Эти слова Бѣлинскаго замѣчательно вѣрно характеризуютъ всеобъемлющую, широкую и глубокую дѣятельность всякаго геніальнаго писателя, Пушкина въ частности, — они прекрасно оправдываются теперь, когда намъ, на столѣтнемъ праздникѣ поэта, приходится переворачивать вороха тѣхъ сужденій, что высказаны были до 1899 г. и послѣ него. Много сказано и вѣрнаго, но много осталось еще сказать, такъ какъ Пушкинъ—„вѣчно живущее, движущееся явленіе", „продолжающее развиваться въ сознаніи общества"...

Правда, для кое-кого Пушкинъ ясенъ вполнѣ и теперь, но рядомъ съ этими самоувѣренными рѣчами, отъ нѣкоторыхъ болѣе чуткихъ критиковъ мы слышимъ, что для нихъ Пушкинъ еще непонятенъ.

Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ,—все это вполнѣ опредѣленныя физіономіи, съ именемъ же Пушкина у большинства связывается „представленіе чего-то большого, но довольно смутнаго и неопредѣленнаго" [2]). „О Пушкинѣ писано и переписано, и замѣчательно, что вы въ этихъ по истинѣ безчисленныхъ статьяхъ почти не найдете двухъ одинаковыхъ мнѣній, и разнообразіе ихъ прямо одуряющее; чувствуешь, что какъ будто очутился среди несыгравшагося оркестра со всевозможнѣйшими инструментами и артистами, начиная отъ первоклассныхъ и кончая совсѣмъ „малыми и нисколько не безсмертными".

---

[1]) *Бѣлинскій*, Соч., VI, 58.

[2]) *П. Ф. Гриневичъ*, „А. С. Пушкинъ", „*Сборн. Русск. Бог.*", 1899 г., 2 стр. („Пушкинъ въ сознаніи русской литературы").

Это съ любой точки зрѣнія характерно, такъ какъ указываетъ и на трудность задачи, и на сложность натуры Пушкина, и на разнообразіе мыслей и настроеній, въ его книгахъ иногда поразительное. Онъ возбуждалъ къ себѣ любовь, доходившую до преклоненія, онъ возбуждалъ и презрѣніе, и ненависть; полубогъ, пророкъ, провозвѣстникъ—для однихъ, онъ оказывался пустымъ, хотя и ловкимъ стихоплетомъ для другихъ; вызывая къ себѣ огромное вниманіе со стороны почти всѣхъ выдающихся людей пережитыхъ нами эпохъ, онъ накопилъ на своей характеристикѣ слѣды самыхъ различныхъ историческихъ настроеній, порою глубокихъ, порою случайныхъ, и все же знаемъ мы его очень мало, а знаютъ его полностью, во всѣхъ изгибахъ его блестящей и прихотливой натуры лишь всевѣдующіе составители учебниковъ и свадебные генералы нашей литературы" [1]). „Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патріоты называютъ его своимъ, ссылаясь на „Клеветникамъ Россіи" и „Бородино", западники же приводятъ его слова: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!"... Либералы благоговѣютъ предъ „Одою свободѣ". „Кинжаломъ", „Сѣятелемъ"; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утилитаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: „чувства добрыя я лирой пробуждалъ", между тѣмъ, какъ исповѣдующіе „искусство для искусства" декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!" [2]).

„Долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина!" [3]).

„Пройдетъ еще не одинъ десятокъ, а, можетъ быть, и не одна сотня лѣтъ прежде, чѣмъ поймутъ Пушкина во всей его бездонной глубинѣ и во всѣхъ изгибахъ его генія" [4]).

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ*, „А. С. Пушкинъ въ потомствѣ" („Памяти А. С. Пушкина", юбил. сборникъ, изд. журн. „Жизнь", 46).

[2]) *С. А. Андреевскій*, Рѣчь на польскомъ обѣдѣ 23 мая въ честь Пушкина („Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина", 50).

[3]) Тамъ же.

[4]) *Н. И. Черняевъ*, „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года" („Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ", Харьковъ, 1900, стр. 629).

Мы привели эти мнѣнія, какъ цѣнное доказательство той добросовѣстности и серьезности, къ которымъ пришла русская критика нашихъ дней. „Пушкина мы еще не знаемъ, не понимаемъ". Печальный выводъ! И къ нему пришли мы послѣ вѣковаго знакомства съ Пушкинымъ... послѣ юбилея 1880 года, на которомъ никто не говорилъ, что *не знаетъ* Пушкина... Значитъ, теперь мы приступаемъ къ изученію нашего великаго писателя съ требованіями болѣе серьезными. Самое признаніе нашего невѣдѣнія есть первый шагъ къ серьезному изученію безъ предвзятыхъ сужденій, безъ избитыхъ общихъ мѣстъ.

Впрочемъ, работы очень много впереди. Вѣдь мы не выяснили себѣ еще вліянія на русскую литературу XVIII вѣка, того вѣка, который своимъ изящнымъ космополитизмомъ, холодной ясностью раціонализма, своими политическими, философскими и эстетическими настроеніями такъ вліялъ на русское общество и этимъ самымъ создалъ ту атмосферу, которой дышалъ Пушкинъ-ребенокъ, отрокъ, юноша. Мы далеко еще не подвели итоговъ настроеніямъ русскаго общества 20—30-хъ годовъ, мы не изучили еще предшественниковъ Пушкина (напримѣръ, Жуковскаго), современниковъ (напримѣръ, Баратынскаго, Дельвига, Языкова, Бестужева-Марлинскаго и мн. др.)... Друзья и недруги поэта остаются еще въ тѣни, не освѣщенные свѣтомъ исторіи. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ пониманію Пушкина, нужны намъ не общіе очерки біографіи поэта, о которыхъ печалится близорукая критика, а необходимъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Необходимо прежде всего *детальное* изученіе пушкинскаго вопроса [1]).

Вотъ почему, замѣтивъ въ юбилейной литературѣ 1899 года ясную

---

[1]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, открывая въ 1898 году въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ курсъ лекцій о Пушкинѣ, курсъ, который *никогда до 1898 года* въ Московскомъ университетѣ не читался, счелъ своимъ долгомъ объяснить трудность, почти невозможность научныхъ лекцій по новой русской литературѣ, совершенно неразработанной: „нѣмецкій профессоръ можетъ читать спеціальный курсъ, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера во время его творчества потому, что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; извѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самые тексты нашихъ классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, а равно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали" *А. И. Кирпичниковъ*, „Объ изученіи пушк. періода русской литературы" („Пушк. Сборн., статьи студ. Имп. М. У-та", 1900, М. стр. 3—4).

тенденцію идти именно этой дорогой, мы назвали нашъ праздникъ „академическимъ" и нисколько не горевали, что изъ рукъ литераторовъ и публицистовъ Пушкинъ перешелъ въ руки ученыхъ критиковъ и изслѣдователей.

Что далъ намъ 1880 годъ въ смыслѣ обогащенія насъ знаніями о Пушкинѣ?—тощій „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину",—теперь передъ нами начало академическаго изданія поэта, рядъ монографій по разнымъ мелкимъ и крупнымъ вопросамъ, рядъ ученыхъ сборниковъ, рядъ юбилейныхъ №№ журналовъ...

Не входя пока въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ работъ, перечислимъ наиболѣе крупныя и интересныя изданія пушкинской литературы 1899 года. Прежде всего, конечно, останавливаетъ наше вниманіе первый томъ академическаго изданія, уже вышедшій вторымъ изданіемъ. Имя покойнаго Л. Н. Майкова—редактора этого изданія говоритъ само за себя. Покойному же академику обязаны мы очень цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ и очерковъ о Пушкинѣ (Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". С.-Пб. 1899 годъ). Затѣмъ длинной вереницей идутъ сборники университетскіе: „Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра" (Кіевъ, 1899). „Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета" (С.-Пб. 1900). „Пушкинскій Сборникъ, статьи студентовъ Императорскаго Московскаго университета, подъ редакціею профессора А. И. Кирпичникова" (Москва, 1900 г.). „Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина", (1799—1899 гг.). (Харьковъ, 1900). „Пушкинскій Сборникъ, изданный Императорскимъ Юрьевскимъ университетомъ" (Юрьевъ, 1899). „Пушкинскіе дни въ Одессѣ 26—27 мая 1899 года. Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета". (Одесса, 1900) [1]. „26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго института князя Безбородка и состоящаго при немъ историко-филологическаго общества" (Нѣжинъ, 1899). „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899 года".

---

[1]) Рѣчи профессоровъ Варшавскаго университета составили юбилейный № *„Русскаго Филологическаго Вѣстника"* (1899, № 3—4).

(Томскъ, 1900 г.). Кромѣ университетскихъ сборниковъ останавливаютъ наше вниманіе: „Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ“, изданіе Кіевскаго педагогическаго Общества, „Памяти Пушкина. Торжественное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ 23-го мая 1899 г.“, сборники журналовъ: „Русское Богатство“, (1899 г.), „Жизнь“ („Памяти А. С. Пушкина“, юбилейный сборникъ С.-Пб. 1899 г.), „Кавказъ“, („Кавказская поминка“), „Закаспійское Обозрѣніе“ и юбилейные №№—„Русскаго Филологическаго Вѣстника“, „Русской Старины“, „Историческаго Вѣстника“, „Русскаго Вѣстника“, „Міра Искусствъ“, „Образованія“, „Русской Школы“, „Журнала для всѣхъ“, „Міра Божьяго“, „Филологическихъ записокъ“ (статьи, впрочемъ, тянутся весь годъ), „Вѣстника Воспитанія“, „Кіевской Старины“, „Педагогическаго Сборника“, „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“, „Странника“, „Православнаго Собесѣдника“ и др. Изъ отдѣльныхъ монографій, представляющихъ собраніе изслѣдованій и вышедшихъ отдѣльно, останавливаетъ на себѣ вниманіе по размѣрамъ работа Н. И. Черняева: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“ (Харьковъ, 1900). Откладывая обозрѣніе всего написаннаго объ Пушкинѣ и его произведеніяхъ въ 1899—1900 годахъ, равно какъ и оцѣнку вновь найденныхъ матеріаловъ и новыхъ изданій—на дальнѣйшія главы, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ того общественнаго настроенія, которое вызвано было юбилеемъ 1899 года. И въ этомъ случаѣ можемъ мы смѣло сравнивать 1899 годъ съ 1880-мъ, и опять получимъ выводы, хотя и совершенно различные, но для нашего праздника отнюдь не печальные.

Мы говорили уже выше, что въ наши дни, въ виду пестроты настроеній гг. „вожаковъ“ общественной мысли, нельзя было ожидать всенароднаго энтузіазма [1]). Насъ даже пугали, что не будетъ на праздникѣ никакого одушевленія [2]), другіе утверждали, что никто

---

[1]) „... я сомнѣваюсь, чтобы наши дни могли быть сколько-нибудь соотвѣтствующей обстановкой для поэзіи Пушкина. Наши дни—все еще «дни скорби и печали», дни напряженныхъ поисковъ счастья и истины, дни ожесточенной борьбы человѣка съ человѣкомъ, и можетъ ли найти полные отзвуки своему господствующему настроенію Пушкинъ—этотъ *поэтъ свѣтлой жизни*, какъ превосходно назвалъ его Вл. С. Соловьевъ?“, *Е. А. Соловьевъ*, „Пушкинъ въ потомствѣ“, („*Жизнь*“, юбилейный сборникъ, стр. 48).

[2]) „Никакого радостнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ; этому мѣшаетъ все пережитое имъ въ послѣдніе мѣсяцы и пережи-

не услышитъ ни одного искренняго слова, такъ какъ не будетъ тамъ ни одного честнаго человѣка. Все будетъ—одна шумиха, фальшь, ложь... „Читая въ газетахъ, что на улицѣ русской литературы готовится въ память Пушкина небывалый по многолюдству и блеску праздникъ, въ которомъ должна принять участіе вся интеллигенція Россіи, я невольно себя спрашиваю: кто же собственно изъ ея представителей, какое изъ ея шести колѣнъ [1]) по своимъ убѣжденіямъ, симпатіямъ и вкусамъ встрѣтитъ пушкинскій юбилей не съ равнодушіемъ, какъ случайное календарное празднество, а съ радостью и гордостью, какъ единственный по значительности праздникъ красоты и духовной свободы? Не наши ли радикалы, выросшіе на критикѣ Писарева и на увѣренности, что Пушкинъ—маленькій и миленькій версификаторъ? Не экономическіе ли матеріалисты, убѣжденные въ томъ, что вся-то поэзія не болѣе, какъ пустяшная пристройка, что-то въ родѣ веселаго балкончика, на солидномъ зданіи экономическихъ отношеній? Не просвѣщенные ли либералы, считающіе Пушкина дурнымъ гражданиномъ, въ которомъ большой талантъ парализовался мелкимъ характеромъ? Не консерваторы ли, видящіе въ пушкинскомъ праздникѣ, главнымъ образомъ, противовѣсъ (??) юбилею Мицкевича и чуть ли не одно изъ орудій славянскаго единенія (!)? Наконецъ, не моралисты-ли, не могущіе простить Пушкину ни его грѣховной жизни, ни еще болѣе грѣховной смерти? Кто же, о Господи? Остаются еще символисты" [2]). И символисты, по мнѣнію автора цитуемой замѣтки, одни оцѣнятъ Пушкина. Но перечисляя „вожаковъ" русской мысли, этихъ часто крикливыхъ и бездарныхъ самозванцевъ—трибуновъ, г. Минскій забылъ все остальное многотысячное русское трудовое общество, добродушно глядящее на то, какъ передъ нимъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, судорожно потрясаютъ своими „знаменами" одинокіе „вожаки". Это общество, можетъ быть, инертное болѣе, чѣмъ это должно, живетъ своими традиціями, а въ ихъ ряду свѣтится

ваемое до сихъ поръ. Немыслимо душевное спокойствіе, пока изъ неурожайныхъ губерній приходятъ вѣсти о постоянно усиливающемся народномъ бѣдствіи, пока подлежитъ спору существованіе самого земства и земской школы и мирового суда и т. д. Единодушія нѣтъ ни въ обществѣ, ни въ печати—нѣтъ даже по отношенію къ чествованію памяти Пушкина" (статья писана до юбилея). (*„Вѣстникъ Европы"*, 1899, № 6).

[1]) См. выше о „шести" теченіяхъ общественной мысли въ современномъ русскомъ обществѣ.

[2]) *Н. Минскій*, „Завѣты Пушкина", *„Міръ Искусствъ"*, 1899, № 13—14. Того же мнѣнія г. Д. Мережковскій въ статьѣ: „Праздникъ Пушкина" (Тамъ-же).

не погасая великое имя Пушкина! Вѣдь это имя пережило и Булгарина, и Писарева, и епископа Никанора! „Зачѣмъ этотъ праздникъ, всѣ эти жалкія торжества, эти спектакли, гулянья, чтенія и пѣнія, флаги, фейерверки, колокола, пушки,—и что еще тамъ будетъ?—гадливо восклицаетъ г. Ѳ. Сологубъ [1])... „Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманныя поминки, вызванныя не свободнымъ и неудержимымъ подъемомъ общенароднаго духа, а простою календарною справкою литературныхъ гробохранителей" [2]). Не такъ высокомѣрно отнеслось къ пушкинскому юбилею русское общество,—оно не вняло „вожакамъ шести знаменъ" и отпраздновало свой праздникъ, какъ умѣло, не только безъ шумихи, но даже, не по заграничному, скромно, безъ всероссійскихъ обѣдовъ и съѣздовъ, тепло, сердечно, а, главное, серьезно и „широко"... „Трудно указать на обширномъ пространствѣ отъ Тихаго океана до Балтійскаго моря и отъ Ледовитаго до границъ Афганистана такой географическій пунктъ, гдѣ бы можно было заподозрить наличность общественной жизни и гдѣ не откликнулись бы на пушкинскій юбилей" [3]). „Центръ и окраины, столицы и провинція слились въ одномъ стремленіи—достойно отпраздновать великаго всеобъемлющаго дѣятеля, у котораго для всѣхъ нашлось что-то близкое, родное, способное будить и волновать лучшія чувства, и провинція не отстала отъ столицъ, а, пожалуй, и превзошла ихъ кое-въ чемъ" [4]). „Чествовалъ память поэта цвѣтъ нашей ученой и литературной интеллигенціи, чествовала ее обыкновенная средняя публика, чествовали учащіе и учащіеся всѣхъ слоевъ; даже простой народной массы коснулись эти чествованія" [5])...

Къ майскимъ торжествамъ готовиться начало русское общество очень старательно и, что особенно удивительно, заблаговременно [6]):

---

[1]) *Ѳ. Сологубъ*, „Къ всероссійскому торжеству", („*Міръ Искусствъ*", 1899, № 13—14, 39).

[2]) Тамъ же, 40.

[3]) *Пѣшехоновъ*, „Неудавшійся праздникъ", „*Сборникъ Русскаго Богатства*", 1899, 385.

[4]) *А. М. Лобода*, „Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы", (Кіевъ, 1900, стр. 3).

[5]) Тамъ-же, 4.

[6]) Въ теченіе всего пушкинскаго учебнаго года (1898—1899) въ нѣкоторыхъ университетахъ читались спеціальные курсы и велись практическія работы по Пушкину; въ среднеучебныхъ заведеніяхъ особенно выдвигали впередъ пушкинскіе вопросы. Напр., въ Закавказской учительской семинаріи чествованіе памяти великаго поэта шло весь учебный годъ, выражаясь, съ одной стороны, въ приго-

въ думахъ столичныхъ и провинціальныхъ образованы были спеціальныя комиссіи, въ учебныхъ заведеніяхъ хлопотали педагоги и учащіеся, разныя ученыя учрежденія, литературныя и художественныя общества готовились къ 26-му мая, устраивали литературныя утра, вечера, сочиняли рѣчи, статьи, печатали сборники [1])...

Настали пушкинскіе дни, и почти всѣ учрежденія отъ Императорской Академіи Наукъ до маленькой школки, затерянной въ глуши русской деревни, по своему, отпраздновали юбилей великаго человѣка.

Шумный праздникъ 1880 г. собрался въ Москвѣ у подножія памятника—тамъ „вожаки" говорили рѣчи, обсуждали значеніе Пушкина,—вся же остальная Россія вяло отозвалась на торжество—теперь русское общество, не только *помимо* своихъ „вожаковъ", но даже какъ будто противъ ихъ воли (марксисты, декаденты, Толстой) пошло на свой праздникъ. „Тогда (въ 1880 г.) великаго писателя оцѣнивали и славословили почти исключительно литераторы и ученые, — гласъ общества не выдѣлялся въ этомъ пѣніи могучихъ солистовъ. Общество, въ смыслѣ такъ называемой большой публики, безмолвствовало. Въ настоящее время чествованіе памяти Пушкина носитъ широкій общественный характеръ: не литераторы, и не педагоги только вѣнчаютъ его лаврами; *не по офиціальному почину пришло общество съ всероссійскимъ покаяніемъ къ памятнику дивнаго генія своей родины"* [2])...— говоритъ одинъ цѣнитель нашего праздника. Приблизительно то же читаемъ въ статьѣ другого цѣнителя пушкинскихъ дней: праздникъ 1880 г. былъ праздникомъ избранныхъ людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ и даже міровыхъ" [3])—теперь—„настоящій годъ несравни-

---

товленіяхъ къ общественному празднованію памяти Пушкина, а съ другой—въ изученіи его твореній. Въ результатѣ, учениками разработано 21 сочиненіе на спеціальныя темы. (*Кумскій*, „Памяти Пушкина", празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1899, стр. 38).

[1]) О приготовленіяхъ къ празднествамъ, конечно, особенно много говорилось въ газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ. Встрѣчалось кое-что объ этомъ и въ журналахъ: „*Русская Мысль*" (1899, № 4), „*Наблюдатель*" (1899, № 3); „*Научное Обозрѣніе*" (1899, № 1), „*Книжки Недѣли*" (1899, № 2, 3); „*Народное Образованіе*" (1899, № 2); „*Русская Школа*" (1899, № 1, 2, 3, 4), „*Странникъ*" (1899, № 5); „*С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ*" (1899, № 6) и др.

[2]) *К. Р. Евграфовъ*. „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина", Пенза, 1899 г.

[3]) *А. Словинскій*, „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія" (Кумскій, „Памяти Пушкина", Сб. Кавк. Окр., 62).

мый: теперь совершается какой-то удивительный походъ всего думающаго и читающаго, походъ всего общества, походъ *по собственной инициативѣ*" [1]). Для насъ важны эти оцѣнки, сдѣланныя *провинціалами*—онѣ важнѣе для насъ, чѣмъ вопли литераторовъ изъ „литературнаго переулка" [2]), такъ какъ и г. Евграфову, и г. Словинскому, несомнѣнно, виднѣе то живое теплое общество, которое въ 1899 г. и отозвалось, главнымъ образомъ, на праздникъ. „Только на почвѣ историческаго роста народныхъ идеаловъ, при широкомъ и прочномъ усвоеніи высокихъ помысловъ могло возникнуть переживаемое нами преклоненіе Пушкину" [3]) — это говоритъ намъ провинція. И когда мы ниже будемъ имѣть случай сравнивать то, что сдѣлала столица съ тѣмъ, что сдѣлала провинція, мы принуждены будемъ согласиться съ А. М. Лободой, подчеркнувшимъ бóльшее значеніе провинціи въ дѣлѣ празднованія Пушкина. Дѣйствительно, въ противоположность 1880 году, нынче „центра" праздника нѣтъ — *полная децентрализація*: праздникъ раздался вширь и вглубь, раскинулся по всей Россіи, коснулся всѣхъ ея слоевъ...

Правда, праздникъ 1880 года былъ украшенъ именами людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ, даже міровыхъ" [4]), аристократовъ мысли и чувства [5]),—нашъ праздникъ болѣе демократиченъ, оттого, можетъ быть, онъ и блѣднѣе. За то исполнилось пророчество поэта: слухъ о немъ, дѣйствительно, прошелъ по всей Руси великой, его „назвалъ всякъ сущій въ ней языкъ". О немъ говорили не единицы, а сотни, тысячи, десятки тысячъ, — о немъ думали, его поминали сотни тысячъ, милліоны...

Конечно, этой популярности поэта особенно помогъ 1887 годъ, когда сочиненія Пушкина появились въ дешевыхъ изданіяхъ. „Съ этого дня Пушкинъ сталъ народнымъ русскимъ поэтомъ не по названію, и не по духу и направленію своихъ произведеній, а въ буквальномъ значеніи этого слова, по степени своей популярности; по приблизительному, но кажется довольно вѣрному расчету: въ

---

[1]) Тамъ-же, 65.

[2]) Какъ именуетъ г. *Минскій* интимный кружокъ декадентовъ („Міръ Искусствъ", 1899, № 13, стр. 28).

[3]) *А. Словинскій*, op. cit., 65.

[4]) Тамъ-же, 62.

[5]) Впрочемъ, современная критика отнюдь не восторгается рѣчами 1880 г. См., напримѣръ, статью г. *Гриневича*, („Сб. Русскаго Богатства", 1899 г. 30—4 стр.), г. *Ив. Иванов*ъ, „Дни покаянія" („Міръ Божій", 1899, № 5).

этомъ году и въ два слѣдующіе сочиненія его полностью и частями разошлись въ количествѣ $1^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ, это, если считать по десяти читателей на каждую книжку, даетъ 15 милліоновъ человѣкъ, т. е. больше, чѣмъ всю грамотную Россію" [1]). Праздникъ 1899 года подвелъ итоги этому знакомству Россіи съ ея поэтомъ.—и итоги получились, на нашъ взглядъ, внушительные. Если принять во вниманіе вообще нашу нелюбовь къ уличнымъ манифестаціямъ, чѣмъ сильна Западная Европа, если мы припомнимъ, что Россія „мало богата" „благодарностью къ общественнымъ заслугамъ своихъ соотечественниковъ" [2]), что даже самый отзывчивый элементъ всякаго общества—молодежь, „за рѣдкими исключеніями, не знаетъ и не любитъ своихъ родныхъ поэтовъ" [3]), если прибавимъ ко всему этому предвзятое и холодное отношеніе къ празднику нѣкоторыхъ публицистовъ, прибавимъ, что вниманіе общества было занято голодомъ, студенческими безпорядками,—время было экзаменаціонное, конецъ учебнаго года,—если все это взвѣсимъ и сообразимъ,—то увидимъ, что нашъ праздникъ не могъ вызвать грандіознаго единодушія и всепотрясающаго энтузіазма. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,--это праздникъ удавшійся.

Можетъ ли нынѣшній юбилей быть названъ праздникомъ „всенароднымъ"? Конечно, нѣтъ! Но онъ сильно коснулся народа, онъ, несомнѣнно, пробудилъ живой интересъ къ Пушкину въ средѣ простонародья. Доказательства на лицо. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ", газетѣ для крестьянъ, по иниціативѣ редактора, открытъ былъ отдѣлъ „писемъ крестьянъ о Пушкинѣ", — оказалось, въ результатѣ, до *1000* писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи!... Между корреспондентами были и противники, но за то (ихъ больше) и страстные поклонники поэта [4]); на страницахъ „Сельскаго Вѣстника" возникла даже полемика между молодымъ и старымъ поколѣніемъ читателей Пушкина. Гг. Ив. Щегловъ [5]), В. Острогорскій [6]), Е. Опо-

---

[1]) *А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинскій Сборникъ", 5. Также см. статью г. *Гриневича*, (Сб. „Русскаго Богатства", 35 стр.).

[2]) *К. Р. Евграфовъ*, „Общ. знач. честв. А. С. Пушкина", 7.

[3]) *W.*, „Итоги пушкинской литературы", („*Русская Мысль*", 1900, № 8, 44).

[4]) *Ив. Щегловъ*, въ статьѣ: „По слѣдамъ пушкинскаго торжества", („Литературное приложеніе къ Торгово-Промышленной газетѣ" 1900 г., №№ 19—21) даетъ рядъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

[5]) Тамъ же.

[6]) Альбомъ „Пушкинскій Уголокъ".

чининъ [1]), А. И. Фаресовъ [2]), побывавшіе въ селѣ Михайловскомъ и окрестностяхъ, привезли оттуда цѣлый рядъ курьезныхъ мнѣній народа о Пушкинѣ и, наряду съ ними, рядъ поучительныхъ фактовъ: въ народѣ есть любители Пушкина, которые перечитывали по 40 разъ „Бориса Годунова“ [3]), которые вытверживали „цѣльнаго Пушкина на память“ [4])...

Конечно, праздникъ 1899 года долженъ еще сильнѣе упрочить популярность поэта въ средѣ народа: торжество не прошло безслѣдно, хотя бы потому, что оставило за собой рядъ школъ имени поэта, библіотекъ, читаленъ, столовыхъ, стипендій. „Мы далеки отъ мысли, что юбилей оставилъ послѣ себя одинъ „угаръ и чадъ“, несбывшіяся ожиданія и неоправданныя надежды. Какъ впечатлѣніе, онъ не могъ пройти безслѣдно и кое чему научилъ. Нѣкоторые его результаты настолько реальны, что съ ними нельзя не считаться: на лицо громадное количество просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ и памятью великаго поэта“ [5]). „За послѣдніе мѣсяцы, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, газеты изо дня въ день сообщали объ учрежденіи въ память столѣтія рожденія Пушкина, „народныхъ домовъ“, общественныхъ читаленъ, школъ разныхъ типовъ, литературныхъ и научныхъ обществъ,

---

[1]) „На родной землѣ“, („Поѣздка въ Михайловское“).

[2]) „А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, („Въ святыхъ горахъ“, „Псковъ“, „Пушкинъ въ народѣ“, „Народъ о пушкинскихъ празднествахъ“).

[3]) *Ив. Щеглов*ъ, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества“, отд. оттискъ, 66 стр.

[4]) Тамъ же 67. *В. Острогорскій*, „Пушкинскій Уголокъ“, 87. Интересенъ „приговоръ мѣстныхъ крестьянъ“, открывшихъ на свои средства богадѣльню и читальню имени Пушкина (102 — 116). По вопросу о степени распространенности Пушкина въ народѣ любопытна работа: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи“, („Труды Яр. Г. Стат. комитета“, вып. X). Для полноты библіографіи назовемъ еще работу г. Фаресова, о которой будемъ ниже говорить подробнѣе, и безцвѣтную статью В. Окороковой: „Пушкинскій праздникъ въ деревнѣ“, („*Вѣстникъ Воспитанія*“, 1899, № 5). Изъ всѣхъ этихъ работъ, конечно, самая цѣнная: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи“, — передъ нами серьезная ученая работа надъ матеріаломъ, собраннымъ народными учителями и учительницами. Городскіе литераторы, конечно, не могли составить себѣ вполнѣ вѣрнаго понятія объ отношеніи народа къ Пушкину, такъ какъ пріѣзжали на 1/4 часа, забрасывали мужиковъ и бабъ вопросами, „интервьюировали“, ждали, повидимому, отъ нихъ длинныхъ академическихъ рѣчей и уѣзжали недовольные немногословной характеристикой поэта: „Пушкинъ добру училъ“ (В. Окорокова).

[5]) *W.* „Итоги пушкинской юбилейной литературы“ („Р. М.“ 1900, № 8, 45). См. перечень нѣкоторыхъ учрежденій у Фаресова: „Пушкинскія празднества и ихъ итоги“ („А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, 17—18).

народныхъ театровъ, и пр. и пр. Сотни просвѣтительныхъ учрежденій останутся памятниками Пушкинскихъ дней 1899 года" [1]). „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію, при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго" [2]).

Менѣе такихъ осязательныхъ слѣдовъ осталось въ интеллигентномъ обществѣ, но и тамъ сдѣлано кое-что. Мы знаемъ объ учрежденіи *пяти* обществъ имени Пушкина (въ С.-Петербургѣ,—при Александровскомъ лицеѣ—„Пушкинское лицейское общество";—2) „Пушкинское драматическое общество";—3) въ С.-Петербургѣ же преподаватели и преподавательницы русскаго языка и словесности учредили „Пушкинскую бесѣду"; въ Москвѣ при „Обществѣ любителей русской словесности" учреждена постоянная „Пушкинская комиссія", главная задача которой тѣсно связана съ изученіемъ Пушкина. Въ Казани, при университетѣ—открыто „Общество любителей россійской словесности въ память А. С. Пушкина" [3]); учрежденъ при Александровскомъ лицеѣ „Пушкинскій музей" [4]), по разнымъ городамъ были устроены Пушкинскія выставки [5]), которыя открыли много портретовъ современниковъ Пушкина, портретовъ, раньше неизвѣстныхъ, помогли разыскать нѣсколько рукописей и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ поэту.

Обратимся ли мы теперь къ выясненію „международнаго" значенія праздника 1899 года, мы увидимъ, что въ этомъ отношеніи торжество 1880 года совершенно тускнѣетъ передъ нимъ.

---

[1]) Цитата г. *Фаресова*, op. cit. 28.

[2]) *А. П.*, Пушкинская литература, „*Вѣстникъ Европы*" 1899, № 7.

[3]) Уставъ „Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина". Казань, 1899; *А. С. Архангельскій*, „О задачахъ научной дѣятельности Пушкинскаго общества въ Казани". (Казань, 1899).

[4]) *Аснашъ* и *Яхонтовъ*, „Описаніе Пушкинскаго музея Императорскаго Александровскаго лицея" (подъ редакціей И. А. Шляпкина Спб. 1899).

[5]) Въ С.-Петербургѣ въ Академіи Наукъ („Каталогъ" и „Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Пб.", подъ редакціей *Л. Н. Майкова* и *Б. Л. Модзалевскаго*. 1899); въ Москвѣ выставка была устроена въ залахъ Истор. музея „Обществомъ любителей россійской словесности" (имѣется также „каталогъ" и „альбомъ" такого же типа, что и петербургскій). Затѣмъ въ Публичной библіотекѣ имѣются каталоги выставокъ „Одесской", „Астраханской", „Московской" (при 5-й гимназіи), „Ярославской". Еще были выставки въ Варшавѣ, Кіевѣ, Юрьевѣ и Ригѣ.

Въ семью европейскихъ культурныхъ государствъ ввела Россію только ея литература. Россію уважать и любить стали на западѣ только послѣ знакомства съ Тургеневымъ, Толстымъ, Достоевскимъ. Понятно поэтому, что чествованіе родоначальника нашей литературы должно было принять характеръ праздника русской цивилизаціи. Правда, западъ знаетъ великихъ учениковъ Пушкина лучше, чѣмъ его самого, но, несомнѣнно, близко то время, когда величіе поэта будетъ понято и оцѣнено по достоинству и тамъ.

Не говорятъ ли намъ объ этомъ тѣ привѣтствія, что получены были „Обществомъ любителей россійской словесности" отъ Эм. Зола, Вогюэ, Фр. Коппэ, М. Прево и другихъ, болѣе или менѣе, извѣстныхъ почитателей русской литературы, — не говорятъ ли намъ объ этомъ безчисленные привѣты, полученные Академіей Наукъ изъ славянскихъ земель и изъ западной Европы, отъ русскихъ поляковъ и финляндцевъ. Остановимся, хотя бы, на телеграммѣ, присланной къ намъ изъ Германіи „Нѣмецкимъ Гетевскимъ Обществомъ", „Нѣмецкимъ фондомъ имени Шиллера" и „Нѣмецкимъ Шекспировскимъ Обществомъ",— „Творенія всякаго истиннаго поэта своими корнями глубоко проникаютъ въ почву его родины, вѣтвями своими густо обвиваютъ мощный стволъ его народа, цвѣтами своими надѣляютъ весь культурный міръ. Такъ произрастаютъ и творенія Пушкина изъ почвы возлюбленной имъ Россіи, но становятся общимъ достояніемъ, достигаютъ безсмертія благодаря тѣсному родству его генія съ прорывающею національныя преграды идеею человѣчества. Поэтому исполнились тѣ слова, которыя у его гроба сказалъ учитель его и другъ Жуковскій: „Пушкинъ не одной Россіи принадлежитъ, онъ принадлежитъ всей Европѣ". Справедливость этихъ словъ подтверждается участіемъ, которое принимаютъ образованные люди всѣхъ національностей въ празднованіи 100-лѣтней годовщины Пушкина" [1]). Теплый привѣтъ

---

[1]) „Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія". Спб. 1900. 102. Для показанія популярности Пушкина за границей любопытна статья *И. А. Тверскаго*: „Пушкинское празднество въ Калифорніи" (въ клубѣ Friday Morning club)—„В. Евр." 1899, № 9. Не входя въ подробную оцѣнку того, что говорилось на западѣ о Пушкинѣ по случаю юбилея, укажемъ на тѣ статьи, которыя встрѣтились намъ случайно или въ указателяхъ. Больше всего статей оказалось на нѣмецкомъ языкѣ: „Universum", R. v. Gottschall, 15 J, Sp. 2395—98, „Vossische Zeitung", № 23, 24. „Nationalzeitung", E. Zabel, № 341, „Das litterarische Echo", Olga Wohlbrük, № 17; „Bühne und Welt", „Puschkin als Dramatiker", A v. Reinholdt, 721 — 7. „Neue Freie Presse", „No v. 26. V., „Zeit" N. Golant", № 244=L 100, „Illustrierte Zei-

получила Академія и отъ Гельсингфорскаго университета, отъ этого, по выраженію телеграммы, „сердца Финскаго народа". „Финляндія сливается съ Россіей въ общей молитвѣ и благоговѣйномъ преклоненіи предъ памятью поэта, чей стихъ, какъ Божій духъ, носится надъ русскимъ народомъ, пробуждая чувства добрыя" [1]),—читаемъ мы въ этой телеграммѣ. Но особенно горячо и согласно отпраздновали нашего поэта славяне. Въ этомъ чествованіи дружно сошлись всѣ племена, — и чехи, и поляки, и сербы, и болгары. Особенно, конечно, знаменательно участіе поляковъ. Они устроили праздники въ честь Пушкина и въ Петербургѣ, и въ Краковѣ. На первый были приглашены многіе русскіе литераторы, ученые и общественные дѣятели—и здѣсь представители двухъ племенъ обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ, соединясь въ дружную семью во имя Пушкина и Мицкевича. Въ этомъ торжествѣ приняли заочно участіе многіе лучшіе представители польской интеллигенціи, приславъ изъ западнаго края и изъ-за границы болѣе 50 телеграммъ. Въ этихъ телеграммахъ говорится о великихъ завѣтахъ Пушкина, полныхъ

tung", „Zum 100—Geburtstage P-'s, J. Norden, № 2918", „Magazin für Litteratur", G. Adam, № 21, 22, „Beilage zur Allgemeinen Zeitung", Th. Pezold, № 118, 119; „Deusche Rundschau", E. Zabel, 428—45, „Nation", C. E. Franzos, 16 J. № 36, 37. „Baltische Monatsschrift", Puschkin u. d. Estländer", A. S. Myschlajewsky, „Der Türmer", „P-'s Lebensdrama" A. v. Reinholdt, Juni 201 — 10. Изъ французскихъ журналовъ отозвались на Пушкинскій праздникъ: „La Nouvelle Revue", помѣстивъ двѣ статьи: 1) Prilejaieff „Alex. Puschkin", (1899, t. 118, 202), 2) Le prince V. Bariatinski: „Poésies de P.", ibid. t. 119; „Revue des lettres françaises et étrangères", A. Tschébycheff, „Bulletin russe: I. Bélinski et Puschkin" (T. I, № 4, Oct.-Déc., 1899); изъ швейцарскихъ—„Bibliothèque Universelle et Revue Suisse"—L. Leger: „Pouchkine et la poésie russe", (1900, sept. № 57), „Le Matin", 1899, 9, 11 Juni. Изъ американскихъ—„Review of Reviews" „Centenary of a Russian Genius", 19: 613—4 May. „Independent", Pushkin Lyrics; poem. I. 29. 51: 1746, „Literature", (New York. Edition), „Russian Byron", I. 7. 4: 609—10, изъ англійскихъ: „The Anglo-Russian Literary society", (May, June and July, 1899), „Temple Bar", № 461, May, 1899. Изъ славянскихъ журналовъ особенно чешскій „Slowansky Přechled" интересовался Пушкинымъ—мы встрѣчаемъ тамъ рядъ сообщеній о приготовленіяхъ къ празднику пушкинскому въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ и о самомъ праздникѣ (1899, Ročnik. I, 159, 200, 237, 238, 354, 374, 376, 430, 485, 490), тамъ же въ 1900 г. помѣщенъ обзоръ Пушкинской литературы: J. Javorskij: „Puskinovo jubileum v ruski literatuře" (№ 5). Vrzal, A. S. Puszkin, jeho život a literarni czinnost (v. Brnė). „Przegląd powszechny", (t. LXII, LXIII, №№ 186, 186), „Przegląd polski", (t. 133, № 397) „Бѣлгарски Прегледъ" (1900 г. проф. П. А. Лавровъ „Пушкинъ и славяните").

[1]) Тамъ-же, 76.

добра, справедливости и красоты, высказывается вѣра въ лучшее будущее обоихъ народовъ, говорится о союзѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи, всеобщемъ мирѣ и гармоніи, о братствѣ народовъ, объ общечеловѣческихъ идеалахъ любви и справедливости, общечеловѣческой и международной справедливости... Мы услышимъ здѣсь теплое, сердечное признаніе, что Пушкинъ — человѣкъ благородной души, высокихъ чувствъ и честныхъ мыслей, что это геній, полный благородныхъ стремленій, что поэзія его будитъ чувства справедливости, что его праздникъ — праздникъ „общеславянскій", что русскіе—„великій народъ!" [1]) На разные лады повторялось это и польскими ораторами на пушкинскомъ обѣдѣ 23-го мая. Остановимся, для примѣра, на прекрасной рѣчи Людоміра Дымши: „Согласіе въ этомъ почитаніи верховнаго жреца поэзіи русскаго народа,—говоритъ онъ, это единомысліе въ чествованіи удивительнаго славянскаго генія, составляетъ утѣшительный доводъ того, что въ концѣ XIX вѣка въ средѣ *благомыслящихъ людей окрѣпли этическія силы, которыя сумѣютъ заставить ихъ, во имя высшихъ началъ, свергнуть съ себя пошлую ненависть, пятнавшую ихъ жизненныя задачи и вознестись на высоты добра и истины* [2]). Ибо тамъ, гдѣ живы стремленія къ наслажденію видомъ божества и красоты, нѣтъ мѣста для мірскихъ расчетовъ и обидъ. Въ области науки и искусствъ должны исчезнуть различія національныя и религіозныя, должна смолкнуть племенная вражда [3])"!

Намъ дороги всѣ эти слова, такъ какъ они чудно совпали со свѣтлымъ праздникомъ Пушкина, поэта, полнаго свѣтлаго оптимизма, любви всепрощающей и всепримиряющей! Они дороги намъ и потому, что мы услышали ихъ изъ устъ, которыя не привыкли хвалить Россію и русское. Поэтъ побѣдилъ,—его молитва:

...О, Боже! возврати
„Твой миръ въ его озлобленную душу!"

—услышана... И впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда. Развѣ это не одинъ изъ лучшихъ моментовъ пушкинскихъ дней 1899 года?

Еще съ большей свободой выразили свои сердечныя чувства про-

---

[1]) Содержаніе телеграммъ. (См. брошюру: „Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина". С.-Пб., 1899).

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) „Русско-польскія отношенія", 59.

чіе славяне. Въ Пушкинѣ всѣ они чествовали „короля поэтовъ русскихъ, князя міровыхъ поэтовъ" [1]), который вдохнулъ въ родную литературу „народную душу" и послужилъ „живымъ источникомъ" не только „русскимъ пѣвцамъ", но и „пѣвцамъ чешскимъ и славянскимъ вообще" [2])...

Заключая этимъ нашу общую характеристику чествованія Пушкина въ 1899 году, мы еще разъ повторяемъ, что оно совершенно не походило по своему содержанію, настроенію и значенію на праздникъ 1880 г., — и мы говорили уже, что всѣ эти отличія, однако, только возвышаютъ значеніе нынѣшняго юбилея. Онъ важенъ тѣмъ, что, несомнѣнно, поведетъ къ изученію Пушкина ради него *самою* и притомъ болѣе вѣрнымъ путемъ. Онъ интересенъ, какъ показатель степени самосознанія русскаго общества, которое не на помочахъ, а *самостоятельно* пошло привѣтствовать своего генія. Онъ любопытенъ, какъ показатель популярности нашей литературы на западѣ. Онъ важенъ, какъ знаменье одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ русской культуры въ славянскомъ мірѣ!

Обращаясь теперь къ работамъ, посвященнымъ оцѣнкѣ пушкинскаго юбилея 1899 года, мы остановимся прежде всего на статьяхъ общаго характера, относя фактическія описанія на второе мѣсто. Конечно, намъ всего интереснѣе обстоятельно ознакомиться съ отзывами отрицательнаго характера, такъ какъ они были тѣмъ диссонансомъ, который рѣзалъ глазъ, рѣзко выдѣляясь на свѣтломъ фонѣ общаго сочувствія къ празднику. Довольно одного взгляда на эти оцѣнки, чтобы понять, что ихъ отрицательный характеръ зависитъ отъ того, что „оцѣнщики" не сумѣли отказаться отъ своихъ партійныхъ точекъ зрѣнія и въ ложномъ освѣщеніи представили въ своихъ скорбныхъ статьяхъ праздникъ 1899 года. Всѣ они *старались* найти темныя пятна, конечно, ихъ нашли и заявили, что ничего кромѣ пятенъ не видятъ! [3]).

Прежде всего обратимся къ „Міру Искусствъ", къ статьѣ г. Д.

---

[1]) Изъ телеграммы Чешской академіи. (См. „Честв. памяти А. С. Пушкина Имп. ак. наукъ", стр. 87).

[2]) О вліяніи Пушкина на слав. литературу въ телеграммѣ „Юго-славянской акад. наукъ" (въ Загребѣ). (Тамъ же 90).

[3]) Такимъ пессимистическимъ характеромъ особенно отличаются отношенія къ празднику сотрудниковъ „Міра Искусствъ", г. Пѣшехонова [изъ „Русскаго Богатства"] и г. Фаресова.

Мережковскаго, безспорно, писателя и критика талантливаго и умнаго [1]). Статьи г. Н. Минскаго, „Завѣты Пушкина“, и г. Ѳ. Сологуба, „Къ всероссійскому торжеству“, которыхъ мы имѣли уже случай цитовать выше, не представляютъ особаго интереса сравнительно съ статьей г. Мережковскаго, такъ какъ отношеніе у нихъ у всѣхъ къ празднику одинаково, только г. Мережковскій избѣгъ угловатостей г. Сологуба и обстоятельнѣе г. Минскаго развилъ тѣ же взгляды. Всѣхъ этихъ „символистовъ“, углубленныхъ въ безмятежное самонаслажденіе, обезпокоилъ тотъ шумъ, который подняла изъ-за Пушкина „презрѣнная земля“. Услышали этотъ шумъ олимпійцы и вознегодовали и метнули въ „ничтожныхъ“ пучокъ молній (три статьи въ № 13 „Міра Искусствъ“) въ полномъ убѣжденіи, что заступаются за оскорбленнаго Пушкина. Однако, всѣ эти непрошенные защитники забываютъ, что великій пѣвецъ земли, постигшій духомъ весь драматизмъ земной юдоли, всѣ ея радости и всѣ печали, возлюбившій глубоко „нищихъ духомъ“, бросилъ свое—

...Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?—

—бросилъ въ тяжелую минуту глубокой тоски, что эти слова вовсе не его девизъ... Г. Мережковскаго охватываетъ гадливое чувство, когда онъ читаетъ списки пожертвованій на памятникъ Пушкину: „Иванъ Ивановичъ Ивановъ — 3 р., наборщикъ Артемій — 5 к., гр. NN—25 р., Коля, Вася, Муся, Вѣра—15 к.“ [2]), все это, по его мнѣнію, „безконечные, сѣрые, малые“... Поэтому на нихъ недолго останавливается г. Мережковскій и нападаетъ на г. Суворина, — его онъ обвиняетъ, не болѣе не менѣе, какъ въ томъ, что по его винѣ все русское общество рѣшилось праздновать Пушкина. „Одно мановеніе Суворина—и дремавшія академіи пробуждаются, и какое-то министерство заказываетъ 40.000 гипсовыхъ Пушкинскихъ бюстовъ и кто-то изобрѣтаетъ игру „Смерть Пушкина“,—лото или карты, и безчисленныя жалкія руки тянутся со святыми лептами, и готовятся пушкинскія велосипедныя гонки, и пушкинскій шоколадъ [3])“... Сколько правды въ такомъ извращеніи общей картины праздника,

[1]) По крайней мѣрѣ, его давно написанная статья о Пушкинѣ, перепечатанная въ „Философскихъ теченіяхъ русской поэзіи“ — несомнѣнно, одна изъ лучшихъ оцѣнокъ великаго поэта.

[2]) „*Міръ Искусствъ*“, 1899, № 13—14, стр. 11.

[3]) Тамъ же, 12—13.

предоставляемъ судить читателю. Далѣе г. Мережковскій указываетъ на лицемѣріе русской интеллигенціи. „Вчера г. Спасовичъ доказывалъ, что свидѣтельства современниковъ о мудрости Пушкина—ни на чемъ не основанная легенда, что у него—поверхностный, заурядный умъ, неспособный дать его поэзіи значеніе всемірное. Всѣ выслушали это мнѣніе и промолчали. Впрочемъ Спасовичъ развѣнчивалъ Пушкина съ осторожностью, съ казуистическою ловкостью,—не столько словами, сколько намеками. Но уже съ открытымъ лицомъ, съ рыцарскимъ прямодушіемъ выступилъ Вл. Соловьевъ. Ссылаясь на святоотеческую книгу Лимонарій св. Софронія, патріарха іерусалимскаго, объявилъ онъ, что пуля Геккерена была направлена не случаемъ, а Провидѣніемъ [1])"... „Съ безопасной высоты святоотеческаго Лимонарія на страницахъ либеральнаго „Вѣстника Европы", Вл. Соловьевъ со спокойною совѣстью произнесъ надъ памятью поэта-язычника христіанскую анаѳему... Приблизительно въ это же время высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ малыхъ сихъ, изъ тѣхъ, имя коимъ легіонъ, голосъ, исходившій изъ самой глубины, изъ сердца русской черни: Пушкинъ великій поэтъ, но личность совершенно ничтожная [2])"... „Левъ Толстой согласился съ саратовскимъ мѣщаниномъ, что простому человѣку можно съ ума сойти отъ безсмысленности почестей, воздаваемыхъ Пушкину, вся заслуга котораго заключается лишь въ томъ, что онъ писалъ неприличные стихи о любви [3])"... „Да, все это было вчера!—восклицаетъ г. Мережковскій.—А сегодня—„царскія почести" Пушкину, колокольный звонъ, русскіе(?!) флаги, пушечная пальба [4])"... Да, г. Мережковскій правъ—здѣсь противорѣчіе большое! Но бѣда въ томъ, что въ своемъ олимпійскомъ величіи онъ проглядѣлъ „безконечныхъ, сѣрыхъ, малыхъ", которые подняли пушкинскій шумъ. Не гг. Спасовичъ, Вл. Соловьевъ, Толстой вывѣшивали флаги, звонили въ колокола, не они „ликовали"—они или безмолвствовали или исполняли почетныя „обязанности"—не они устраивали праздникъ, а Иваны Ивановичи Ивановы говорили свои нехитрыя теплыя рѣчи, наборщики Артеміи покупали за свои трудовые гроши дешевыя изданія Пушкина; Коли, Васи, Муси, Вѣры въ школахъ и гимназіяхъ жадно ловили чудныя Пушкинскія рѣчи, и волновались ихъ дѣтскія сердца и на всю жизнь уносили они воспоминанія о необычномъ, рѣд-

---

[1]) Тамъ же, 13—14.
[2]) Тамъ же, 14.
[3]) Тамъ же, 16.
[4]) Тамъ же, 16.

комъ праздникѣ! Правъ г. Мережковскій въ томъ, что упрекнулъ нашихъ „вожаковъ" въ несправедливомъ отношеніи къ Пушкину,—на это указывали выше и мы,—но самъ-то онъ въ 1899 году что̀ далъ для Пушкина? Что дали гг. Минскій и Соллогубъ, заявившіе, что кромѣ нихъ, символистовъ, никто не имѣетъ права праздновать Пушкина! Какъ же они отпраздновали его?! Нѣтъ! Они даже не поняли великаго поэта, когда рѣшились сказать, что Пушкинъ отвратилъ бы теперь отъ насъ свое лицо и проклялъ бы насъ, какъ нѣкогда скорбный пророкъ: „праздники ваши ненавидитъ душа моя—ненавидитъ душа моя, даже до смерти!" [1]).

Обратимся теперь къ г. Пѣшехонову. Его мнѣніе тоже, что праздникъ не удался. Это онъ подтверждаетъ личными наблюденіями и мнѣніями нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Затѣмъ онъ спрашиваетъ себя, почему это вышло. По его мнѣнію, во всемъ причиной „грязь" русской общественной жизни. Признавая ширину „волны" Пушкинскихъ торжествъ, онъ отрицаетъ ея „высоту". Она „не приподняла общественнаго настроенія, но и не влила бодрости въ угнетенную общественную среду, она не смыла даже той грязи, которой такъ много въ общественной жизни, а только размочила(!!) ее [2])". На статью свою авторъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на „разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ" [3]), нанесеннымъ его гражданскимъ чувствамъ... Авторъ полагаетъ, что окажетъ большое одолженіе русской литературѣ, если сдѣлаетъ добросовѣстный подсчетъ всѣмъ скандаламъ и пошлостямъ, которые, къ несчастью, имѣли мѣсто у подножія пушкинскаго памятника: „Не будемъ только сторониться грязныхъ ручьевъ, а, напротивъ, прослѣдимъ ихъ до источниковъ" [4]),

---

[1]) Тамъ же, 20.

[2]) *„Сборникъ Русскаго Богатства"*, 1899 г., „Неудавшійся праздникъ", 385.

[3]) Тамъ же, 387. Не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ „Маяка", когда его упрекнули въ желаніи „донести" на Пушкина: „если „Маякъ" при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и сорныя ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется"! (*„Русская Старина"*, 1899, № 5, 281). Приводимъ указаніе г. *Пѣшехонова*, откуда онъ почерпнулъ свой назидательный матеріалъ: „Недѣля", 6-го іюня, „Одесскія Новости", 5-го іюня, „Курьеръ", 1-го, 13-го іюня, „Сынъ Отечества", 12-го апрѣля, 30-го мая, 1-го, 6-го, 13-го, 15-го, 17-го, 18-го, 26-го іюня, „Самарская Газета", 1-го апрѣля, „Русская Мысль", апрѣль, „С.-Петербургскія Вѣдомости", 3-го, 5-го, 9-го, 16-го, 19-го іюня, „Новости", 26-го мая, „Россія", 1-го іюня, „Сѣверный Край", 15-го, 24-го мая, 29-го марта, „Новое Время", 8-го апрѣля, 12-го, 28-го мая,

предлагаетъ г. авторъ. И вотъ онъ увлекается обличеніемъ симферопольскаго головы, волынскихъ дворянъ, одесскаго пристава, инженеровъ, нѣкоторой части духовенства и многихъ другихъ неудачныхъ толкователей пушкинскаго праздника... Подъ покровомъ какого-то quasi-благороднаго негодованія, г. Пѣшехоновъ попытался въ честь Пушкина устроить скандалъ на основаніи тѣхъ слуховъ, сплетенъ, которыя всѣ еще нуждаются въ провѣркѣ.

Обратимся, въ заключеніе, къ работѣ г. Фаресова [1]). Передъ нами тоже наблюдатель, недовольный юбилеемъ, но только скорбящій не въ силу отвлеченныхъ эстетическихъ или гражданскихъ чувствъ, а просто, какъ человѣкъ, обиженный людьми и судьбою. Онъ ѣхалъ въ с. Михайловское съ самыми широкими (sic) планами: хотѣлъ— 1) „обсудить совмѣстно съ комитетомъ объ упроченіи пушкинскаго вліянія на массы, хотя бы, сборомъ денегъ тамъ (?) посреди (!) присутствовавшей публики до 5—7 тысячъ человѣкъ" [2]),—2) „представиться мѣстной интеллигенціи, въ лицѣ ея педагогическаго и медицинскаго персонала, мѣстныхъ землевладѣльцевъ и даже (!!) представителямъ администраціи, съ тѣмъ, чтобы, собравшись вечеромъ (??) вмѣстѣ, подѣлиться горькими мыслями о томъ, что Пушкинъ совершенно не проникъ въ народъ, и подумать о мѣрахъ къ его популярности среди мѣстнаго населенія" [3]). И вдругъ—полное разочарованіе! Мечтамъ его не суждено было осуществиться. Понятно, что картина праздника обрисовалась передъ г. Фаресовымъ въ черныхъ краскахъ. „Сельскіе учителя и священники едва ли сами знакомы съ Пушкинымъ,—подозрительно замѣчаетъ г. Фаресовъ, — и, разумѣется, не могутъ быть проводниками свѣдѣній о немъ въ народѣ" [4]). Для доказательства же невѣжества крестьянъ, авторъ приводитъ рядъ анекдотовъ, въ которыхъ чувствуется только зерно правды. Гг. В. Острогорскій, Опочи-

---

24-го іюля, „Русскія Вѣдомости", 28-го, 29-го мая, 19-го, 15-го іюня, „Нижегородскій Листокъ", 22-го и 28-го мая, „Московскія Вѣдомости", 2-го, 17-го апрѣля, „Свѣтъ", 9-го апрѣля, „Русскій Трудъ", № 23, „Смоленскій Вѣстникъ", 6-го іюня, „Московскій Листокъ".

[1]) *А. И. Фаресовъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти" (Спб., 1899). Собраніе журнальныхъ статей.

[2]) Тамъ же, 37—8.

[3]) Тамъ же, 46—7.

[4]) *А. И. Фаресовъ*, op. cit., 37. Отсылаемъ г. Фаресова къ статьѣ, очень для него назидательной: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи" („Тр. Яр. Губ. Ст. Комитета", вып. 10, 1899 г.).

нинъ, Ив. Щегловъ [1]), побывавшіе въ Михайловскомъ, двое первые до праздника, а третій — послѣ, тоже разговаривали съ тамошнимъ народомъ о Пушкинѣ, и, если вывезли оттуда нѣсколько курьезовъ, то все-таки пришли къ отрадному убѣжденію, что Пушкина многіе изъ народа знаютъ и цѣнятъ [2]).

Обзоръ этихъ статей, наводящихъ грусть, закончимъ тѣми отрадными строками, которыя посвящены пушкинскому празднику въ „Вѣстникѣ Европы". Г. А. П., сравнивая наши дни съ днями 1880 г. и находя между ними большую разницу, отнюдь однако не становится исключительно на сторону 1880 года:—„другія времена, говоритъ онъ, другіе люди, другое настроеніе" [3]). Онъ, не въ примѣръ цитованнымъ выше авторамъ, отмѣчаетъ „несомнѣнно искреннее увлеченіе" въ обществѣ, хотя не отрицаетъ и „грубыхъ диссонансовъ въ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ [4]). „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію,—читаемъ мы далѣе,— при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго. Они были, прежде всего, столь широко распространеннымъ литературнымъ празднествомъ, *какого наша общественная жизнь никогда не видала со времени существованія рус-*

[1]) Альбомъ „Пушкинскій уголокъ", сост. *В. Острогорскій* и *В. К. Максимовъ*. *И. Щегловъ*, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества". *Е. Опочининъ*, „На родной землѣ (1. Очерки и разсказы, 2. Поѣздка въ Михайловское)".

[2]) Такъ какъ туристы всѣми силами хотятъ изъ мѣстныхъ мужичковъ извлечь что-нибудь для Пушкина и, судя по ихъ словамъ, обильно даютъ при этомъ „на чай", то, смѣемъ думать, скоро въ тѣхъ мѣстахъ разовьется новый промыселъ—„разсказывать про Пушкина".

[3]) Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу г. W.: „Тогда (въ 1880 г.). впервые литература опредѣленно и рѣзко предъявила свои права на широкое, общественное значеніе,—періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго былъ уже вполнѣ законченнымъ и опредѣлившимся въ своихъ результатахъ, періодъ Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Гончарова и Л. Толстого былъ еще im Werden. Теперь значеніе литературы—слишкомъ прочное пріобрѣтеніе жизни и общепризнанный фактъ, чтобы попытки настаивать на немъ не показались наивными и смѣшными; вполнѣ умѣстное въ 1880 году восклицаніе Островскаго: „теперь и на нашей улицѣ праздникъ!" — показалось бы теперь нѣсколько страннымъ. Теперь мы лучше знаемъ Пушкина, чѣмъ въ 1880 году, не менѣе, если не болѣе, его любимъ, но никакъ не могли бы повторить чувства и воскресить настроенія 1880 г.,—для насъ Пушкинъ — Пушкинъ, со всѣмъ его необъятнымъ значеніемъ для нашей литературы, а тогда онъ былъ символомъ, олицетвореніемъ этой самой литературы и не столько чествовали его самого, сколько въ немъ и по его поводу—литературу" (Р. М., 1900, № 8, 45).

[4]) *А. П.*, „Пушкинская литература", „*Вѣстн. Евр.*", 1899, № 7, 410.

ской литературы; онѣ совершались буквально „по всей Руси великой“ и если въ литературныхъ и общественныхъ центрахъ бывало неладное и отталкивающее, то въ провинціи могла преобладать только настоящая добрая воля и желаніе принять свою долю участія въ торжествѣ, которое искренне считали національнымъ“ [1]).

Хроникеръ „Вѣстника Европы“, до юбилея пугавшій читателя предстоящей неудачей праздника и даже устрашившій нѣкоторыхъ до того, что они на праздникъ 1899 года пошли, затвердивъ нѣсколько цитатъ изъ его статьи [2]) и заранѣе настроивъ себя на минорный тонъ, — даже этотъ хроникеръ привѣтствовалъ юбилей въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ цѣлымъ рядомъ теплыхъ словъ: „пушкинскіе дни нынѣшняго года принесли съ собою не мало свѣтлаго и отраднаго“ [3])—говоритъ онъ, указывая далѣе на всенародный и всероссійскій характеръ праздника, на его ширину, на „множество новыхъ общественныхъ предпріятій на пользу народнаго просвѣщенія, соединенныхъ съ именемъ Пушкина“ [4]).

Мы останавливаемся на этомъ авторитетномъ мнѣніи „Вѣстника Европы“ и проходимъ мимо длиннаго ряда восторженныхъ характеристикъ праздника, которыми начинались или кончались многія юбилейныя рѣчи, проходимъ мимо тѣхъ теплыхъ словъ, которыми его встрѣтила почти вся наша ежедневная и еженедѣльная пресса; не будемъ пересказывать уже цитованныя нами выше статьи г. Евграфова: „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина“ (Пенза, 1899), г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія“, (Кумскій „Памяти Пушкина“, 62), г. Черняева: „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“, равно какъ и теплой рѣчи г. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею Пушкина“ („Памяти Пушкина“ Сб. Кіевск. окр., 187), такъ какъ съ содержаніемъ всѣхъ трехъ рѣчей вполнѣ согласны.

Что касается до фактическихъ описаній праздника, то, конечно, искать ихъ приходится по газетамъ столичнымъ и провинціальнымъ.

---

[1]) Тамъ же. То же говоритъ проф. Н. П. Дашкевичъ („Памяти Пушкина“, Сб. У-та св. Влад., 85—6) и г. Ив. Ивановъ („Пушкинъ“, „Библ. Дѣтск. Чтенія“) и др.

[2]) Напр., *Н. К.*, „Чествованіе Пушкина“ („Образованіе“, 1899, № 7—8).

[3]) „*Вѣстн. Европы*“, 1899, № 7, 458, „Изъ общ. хроники“.

[4]) Тамъ же, 458.

Въ журналахъ мелкія случайныя свѣдѣнія по этому вопросу проскальзываютъ иногда въ отдѣлѣ „Хроники" [1]). Изъ болѣе крупныхъ журнальныхъ статей останавливаетъ на себѣ нѣкоторое вниманіе работа г. Фаресова, вошедшая потомъ въ отдѣльное изданіе его статей о Пушкинѣ и его чествованіи. Передъ нами бѣглый очеркъ торжествъ въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ; затѣмъ мы встрѣчаемъ длинный перечень школъ, столовыхъ, читаленъ, стипендій „имени Пушкина". Конечно, перечень этотъ далеко неполный,—и самъ авторъ заключаетъ его словами: „трудно перечислить всѣ практическіе итоги пушкинскихъ празднествъ и отрадныхъ явленій въ общественной жизни, которыя были связаны съ именемъ юбиляра" [2]).

Обратимся теперь къ частнымъ описаніямъ майскихъ дней по разнымъ учрежденіямъ. Прежде всего передъ нами „Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіею Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія", май 1899 г. (Спб. 1900. 110 стр.). Распадается книга на 4 главы: въ первой говорится объ образованіи при Императорской Академіи Наукъ комиссіи по устройству праздника, приводится ея составъ и историческій очеркъ ея работъ; вторая глава посвящена описанію торжественнаго публичнаго собранія Императорской Академіи Наукъ 26-го мая 1899 г.: (a) Чтеніе телеграммы Его Императорскаго Величества Государя Императора, b) Чтеніе Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, c) Рѣчь Августѣйшаго Президента Академіи, d) Рѣчь академика А. Н. Веселовскаго: „Пушкинъ — національный поэтъ", e) Рѣчь сенатора А. Ѳ. Кони: „Общественные взгляды А. С. Пушкина", f) Чтеніе телеграммы князя Николая Черногорскаго, g) Исполненіе юбилейной кантаты (слова К. Р.). Въ третьей главѣ напечатаны привѣтствія ученыхъ учрежденій, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ изъ Россіи и изъ-за границы, полученныя—a) Императорской Академіею Наукъ и b) редакціею газеты *Kraj* и пересланныя ею въ Академію. Въ послѣдней, четвертой главѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько данныхъ касательно исторіи юбилейной выставки въ зданіи Императорской Академіи, списокъ лицъ и учрежденій, принявшихъ въ ней участіе.

Мы привели подробное содержаніе цитованной книги, такъ какъ

---

[1]) Въ „Педагог. Еженедѣльникѣ" (Ревель) въ 1899 г. печатались отчеты о празднествахъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ.

[2]) *Фаресовъ*, op. cit., 28.

она въ продажу не поступала, а потому недоступна большинству публики.

Академическое празднество было серьезнымъ, содержательнымъ и на всѣхъ присутствовавшихъ произвело глубокое впечатлѣніе. Прекрасныя рѣчи, прочувствованныя телеграммы изъ разныхъ концовъ міра [1]), великолѣпное музыкальное исполненіе кантаты, общій строго-торжественный видъ и эстрады, украшенной гг. академиками, зрительнаго зала, полнаго публики, — и, наконецъ, цѣлый лѣсъ зелени, высокой пирамидой подымающійся къ бѣлоснѣжному бюсту поэта, на челѣ котораго все время игралъ свѣтлый лучъ майскаго солнца,—все это, вмѣстѣ взятое, производило сильное впечатлѣніе.

Не менѣе торжественно отпраздновали юбилей въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, отчета о своемъ чествованіи ни Московскій университетъ, ни Общество не напечатали, а потому описаніе торжествъ приходится искать въ газетныхъ отзывахъ, а такіе отзывы, конечно, оказались далеко несогласными [2]). 26-го мая въ Москвѣ чествованіе началось у памятника Пушкина, затѣмъ всѣ присутствовавшіе отправились на митрополичью службу въ церковь Богоявленья въ Елохово, гдѣ родился великій поэтъ. Въ 3 часа чествованіе Пушкина началось въ Московскомъ университетѣ рѣчью ректора, проф. Зернова. Послѣ говорили проф. Стороженко, Кирпичниковъ, Муромцевъ и Ключевскій [3]). На слѣдующій день, 27-го мая, „Общество любителей русской словесности“ устроило свое торжество въ залѣ дворянскаго собранія. Рѣчи произнесены были княземъ Д. Н. Цертелевымъ („Взгляды Пушкина на поэзію“), г. Шенрокомъ („О духовной связи Пушкина съ Гоголемъ“) и г. Якушкинымъ („Общественные взгляды Пушкина“). Отпраздновало поэта и „Общество любителей естествознанія“ рѣчами проф. В. Миллера („Пушкинъ — поэтъ-этнографъ“) и проф. Анучина („Объ африканскомъ элементѣ въ природѣ Пушкина“). Свѣдѣнія о московскихъ торжествахъ взяли мы изъ книги г. Фаресова.

Празднованіе пушкинское вполнѣ удалось и университету св. Владиміра. Въ сборникѣ этого университета, представляющемъ большой вкладъ въ русскую науку, приведенъ и очеркъ чествованія

[1]) Особенно постарались въ этомъ отношеніи братья-славяне. Разные глухіе углы Чехіи, Польши, Сербіи, Галиціи, Черногоріи отозвались на нашъ праздникъ.

[2]) Особенно обстоятельно описаны празднества московскія въ „Русской Мысли“ (1899 г., № 6, А. П.). „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1899, май, іюнь).

[3]) Рѣчи проф. Кирпичникова и Ключевскаго напечатаны въ „Русск. Вѣд.“. 1899, № 144.

Пушкина. На панихидѣ проф. П. Я. Свѣтловымъ произнесено было слово: „О свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ поэзіи Пушкина". Затѣмъ слѣдовала рѣчь проф. А. В. Романовича-Славатинскаго, вообще характеризующая праздникъ. Проф. Дашкевичъ произнесъ рѣчь: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени" и приватъ-доцентъ А. М. Лобода: „Отзвуки пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ". Кромѣ академическихъ рѣчей исполнялись и музыкальные нумера. Была устроена и выставка.

Торжественно было отпраздновано торжество и въ Юрьевскомъ университетѣ, насколько объ этомъ можно судить по „Пушкинскому сборнику" Юрьевскаго университета. Описанія чествованія въ сборникѣ нѣтъ, но помѣщены содержательныя рѣчи гг. профессоровъ: А. С. Царевскаго („Слово, произнесенное въ университетской церкви на заупокойной литургіи"), Е. В. Пѣтухова („Два года изъ жизни А. С. Пушкина"), Е. Ф. Шмурло („Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія"), Б. И. Срезневскаго („Пушкинъ въ музыкѣ"), В. Ф. Чижа („Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья"), лекторовъ: А. М. Германа („Пушкинъ въ эстской литературѣ"), Я. И. Лаутенбаха („Пушкинъ въ латышской литературѣ").

Подробное описаніе майскихъ торжествъ въ Нѣжинѣ находимъ въ сборникѣ историко-филологическаго института князя Безбородко („26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина", Нѣжинъ, 1899). Въ Нѣжинѣ праздновали 26-го мая вмѣстѣ всѣ мѣстныя учебныя заведенія (историко-филологическій институтъ, классическая гимназія и женская гимназія имени П. И. Кушакевичъ) и историко-филологическое общество. „Слово" произнесено было священникомъ А. Лобачевскимъ („Пушкинъ, какъ христіанинъ"). Рѣчи были произнесены проф. М. Н. Бережковымъ („А. С. Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни"), И. А. Скребницкимъ („А. С. Пушкинъ и русская исторія") и М. Н. Сперанскимъ („Друзья и враги А. С. Пушкина въ литературѣ").

Очень горячо и единодушно отпраздновала столѣтнюю годовщину „столица юга"—Одесса: въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сборникѣ Новороссійскаго университета („1799 — 1899. Пушкинскіе дни въ Одессѣ. 26—27 мая 1899 года" Одесса, 1900 года) подробно (32 стр.) описано все, что происходило въ Одессѣ 26—27 мая. Оказывается, вся Одесса приняла самое горячее участіе въ чествованіи: всѣ одесскія общества, учрежденія, редакціи (съ университетомъ болѣе 25)

дружно сошлись въ единодушномъ желаніи почтить память поэта, какъ можно теплѣе и шире. Академическая часть на этомъ праздникѣ представлена была рѣчами проф. В. М. Войтковскаго („Рѣчь въ университетской церкви предъ панихидою"). В. М. Истрина („Пушкинъ и русская литература"), А. Е. Назимова („Общественные идеалы Пушкина"), И. А. Линниченка („Жизненная драма Пушкина"), П. А. Лаврова („Пушкинъ и славяне"), А. И. Маркевича („Пушкинъ и Новороссійскій край").

Харьковскій университетъ чествовалъ юбилей только въ своихъ стѣнахъ, а потому такого широкаго впечатлѣнія отъ харьковскихъ праздниковъ, какъ отъ одесскихъ, не осталось. Въ „Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ въ память А. С. Пушкина" (Харьковъ, 1900) въ видѣ предисловія приведена краткая исторія майскихъ дней въ стѣнахъ университета и рѣчь, произнесенная проф. Е. К. Рѣдинымъ, въ Святыхъ Горахъ, куда онъ ѣздилъ депутатомъ отъ университета. Рѣчи въ университетѣ были слѣдующія: проф. М. Е. Халанскій произнесъ рѣчь: „О вліяніи Вас. Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина", проф. Н. Ѳ. Сумцовъ— „О вліяніи Пушкина на Лермонтова".

Имѣемъ мы еще сборникъ Томскаго университета: „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899". (Томскъ, 1900). О праздникѣ самомъ въ сборникѣ нѣтъ никакихъ указаній,—приведены лишь рѣчи проф. Малиновскаго („Русская общественная жизнь въ поэтическомъ изображеніи А. С. Пушкина") и проф. Сапожникова („Природа въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина").

Дружно чествовали Пушкина и среднеучебныя заведенія и низшія. Передъ нами два обстоятельныхъ труда: 1) „Памяти Пушкина"— „Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго округа", (подъ редакціей директора Кіевской 1-ой гимназіи Н. В. Посадскаго—3 т., Кіевъ, 1900 г.) и 2) Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина. Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа" (Тифлисъ, 1899 г.). Въ обѣихъ этихъ цитованныхъ работахъ полно представлена картина майскихъ торжествъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Кіевскаго и Тифлисскаго округовъ: изложенъ порядокъ празднествъ, приведены программы литературныхъ чтеній и музыкальныхъ нумеровъ, приведены рѣчи гг. преподавателей.

Въ 1-ой части Кіевскаго сборника изложена программа чествованія въ Кіевскомъ университетѣ, въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ 43 женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ округа, въ Глуховскомъ институтѣ, Корыстышевской учительской семинаріи и 52 городскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ 2-й и 3-й частяхъ (2-я часть—550 стр. „рѣчи преподавателей Нѣжинскаго института и гимназій"; 3-я—136 стр.—„Рѣчи преподавателей учит. института и училищъ) приведены слова и рѣчи гг. преподавателей (числомъ 61) и 5 стихотвореній въ честь Пушкина. Не останавливаясь на перечисленныхъ выше рѣчахъ гг. профессоровъ и преподавателей историко-филологическаго института князя Безбородко, мы обратимся къ рѣчамъ преподавателей другихъ учебныхъ заведеній. Почти всѣ онѣ отличаются выдающимся изяществомъ стиля, теплотою и искренностью. Оригинальнаго сказано въ нихъ немного, но во многихъ рѣчахъ уже извѣстное скомбинировано очень удачно, отчего большинство очерковъ блещетъ свѣжестью и читается легко. Гг. законоучители говорили на темы: о христіанской кончинѣ Пушкина и нехристіанской его жизни (I. I. Троицкій. А. К. Зеленецкій, Н. С. Стеллецкій) или о христіанскихъ чертахъ его жизни (М. Н. Румянцевъ), о необходимости молитвъ за него (А. I. Миловидовъ). Большинство гг. преподавателей дало общую характеристику литературной дѣятельности поэта (В. С. Александровичъ, А. С. Кашпуревъ, Ѳ. Н. Ивановъ, А. И. Ходиковъ, И. Н. Александровъ, А. Н. Малинка, А. М. Лобода, Е. В. Городецкой, Г. И. Хитровскій, Ѳ. П. Кутневичъ), характеристику его личности (П. Г. Богдановичъ, А. I. Степовичъ, А. П. Максимовъ, Ш. Читадзе), отмѣтили народность Пушкина (Н. А. Петровъ, Б. Я. Яковлевъ, Г. М. Затворницкій, М. Азбукинъ), указали мѣсто Пушкина въ исторіи русской литературы (П. Г. Богдановичъ, И. П. Андреевскій, Ѳ. М. Дворянскій, С. П. Весинъ, Н. Ѳ. Грембовскій, К. Ѳ. Якубовичъ, И. Д. Скологорскій, П. Л. Когутъ, С. А. Денисьевскій, А. П. Котоминъ), нѣкоторые дали біографическіе очерки (Ф. А. Веровскій, М. И. Благоразумовъ, В. П. Лясковонскій, С. В. Билимовичъ). Особнякомъ стоятъ—очень интересная рѣчь г. Г. П. Александровскаго: „Поэтъ-Эхо", посвященная выясненію истиннаго характера поэзіи Пушкина путемъ разбора стихотвореній: „Эхо" и „Чернь", — рѣчь г. Л. А. Ельчукова: „Русскія женщины въ произведеніяхъ Пушкина", В. П. Ляскоронскаго: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина" и Н. С. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею А. С. Пушкина". Въ

3-мъ томѣ сборника Кіевскаго округа помѣщены рѣчи преподавателей Глуховскаго учительскаго института, Корыстышевской учительской семинаріи и разныхъ городскихъ училищъ. По содержанію своему распадаются и онѣ на три группы — въ однѣхъ говорится, главнымъ образомъ, о значеніи Пушкина (М. А. Тростниковъ, А. С. Евсевскій, В. Ѳ. Левитскій, П. К. Стариченко, Л. Д. Гржегоржевскій, Т. Е. Балашъ, Н. С. Бобровниковъ), въ другихъ— о народности поэта (А. Г. Балдовскій, М. Я. Овсѣенко, А. Х. Зленко, Г. А. Иванецъ), наконецъ, въ двухъ — разсказана жизнь поэта (В. К. Шнейдеръ, Л. В. Головко) и въ одной говорится вообще о значеніи писателя (А. П. Миронычевъ).

Сборникъ Кавказскаго округа представленъ въ количественномъ отношеніи беднѣе. Мы встрѣчаемъ здѣсь описаніе майскихъ праздниковъ въ 15 тифлисскихъ и 78 провинціальныхъ гимназіяхъ, училищахъ и школахъ. Приведены программы литературно-музыкальной части торжествъ, изложенъ ихъ порядокъ и, наконецъ, приложены рѣчи гг. законоучителей и преподавателей: свящ. Іоаннъ Восторговъ: „Три слова съ церковной каѳедры къ учащимся по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина" (1. „Рѣчь при поминовеніи А. С. Пушкина", 2. „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г.", 3. „Рѣчь на молебствіи, сказанная выпускнымъ воспитаницамъ Тифлисской 1-ой великой княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи 12-го іюня 1899"), г. Дорофеевъ: „Образовательное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина", А. Словинскій: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія", А. Сибирцевъ: „Памяти генія", г. Боголюбскій: „Поэзія А. С. Пушкина, преимущественно съ нравственно-художественной точки зрѣнія", законоучитель А. Нефедьевъ: „Кончина А. С. Пушкина", Д. Мучкапскій: „Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина", свящ. Соколовъ: „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина", г. С. Мельниковъ-Разведенковъ: „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ", Ю. Роменскій: „Юбилейное слово въ честь А. С. Пушкина", законоучитель П. Бѣловидовъ: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина", г. Яновичъ: „Значеніе произведеній А. С. Пушкина въ литературномъ и воспитательномъ отношеніяхъ", Евгр. Горгаслидзе: „А. С. Пушкинъ и его заслуги".

Изъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа особенно широко, судя по отчету, поставлены были торжества въ Закавказской учи-

тельской семинаріи. Оказывается, къ праздникамъ майскимъ готовились цѣлый годъ,—и ученики въ теченіе года разработали 21 тему изъ Пушкина или касательно его [1]).

Другіе учебные округа пока не издали своихъ отчетовъ, а потому мы имѣемъ лишь приблизительное представленіе о томъ, что дѣлалось въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ округовъ. Въ Императорскую Публичную библіотеку случайно попали нѣкоторые отчеты,—ими мы и воспользуемся.

Изъ петербургскихъ намъ извѣстны:

„Въ память Пушкина торжественные дни въ С.-Петербургской 1-ой гимназіи“. (Рѣчи гг. М. Л. Будагова и А. А. Гласова). „На память о праздновании 100-лѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ (рѣчи г.г. Сперанскаго и Кельберга). „Годовой отчетъ С.-Петербургскихъ гимназіи и реальнаго училища д-ра Видемана за 1899—1900 годъ. (Извлеченіе изъ рѣчи П. А. Висковатова: „О Пушкинѣ“). „Пушкинскій вечеръ въ женской профессіональной школѣ фонъ-Дервизъ“ (И. В. Дмитріевъ, „Значеніе Пушкина для русскаго народа“).

Изъ московскихъ: „Календарь Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на 1900—1901 учебный годъ, часть II“, „Памяти А. С. Пушкина“, *Перепечатки*—1839 г.—Отзывъ иностранца о Пушкинѣ“; 1856 г.—„Пушкинъ“; 1880 г.—„На открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ“, *М. Н. Каткова*; *Рѣчи* 1899 г.: свящ. *І. И. Соловьевъ*, „Церковное слово предъ панихидою“; *С. Любомудровъ*, „О Борисѣ Годуновѣ“; *Н. Гольвенвейцеръ*, „Петръ Великій въ произведеніяхъ Пушкина“; *В. Глазковъ*, „Памяти А. С. Пушкина“. „Годичный актъ и отчетъ Московскаго училища ордена св. Екатерины за 1898—99 годъ“ (В. В. Каллашъ: „Поэтическая оцѣнка Пушкина его современниками“, Алферовъ, „Пушкинъ, какъ человѣкъ и поэтъ“).

Изъ кіевскихъ отчетовъ (вошедшихъ, впрочемъ, въ „Сборникъ Кіевскаго учебнаго округа“) извѣстны намъ—„Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана (съ 1-го октября 1898—1-го октября 1899). Кіевъ, 1899. (Рѣчи гг. Степовича и Александровскаго). „26-го мая въ Кіевской

[1]) При отчетѣ приложены и темы, и планы, по которымъ онѣ развертывались. Изъ темъ назовемъ, хотя бы, слѣдующія: „Путешествія А. С. Пушкина“ (картографическая путей Пушкина), „Вліяніе р. литер. и Пушкина на лит. адербейджанскихъ татаръ“, „А. С. Пушкинъ въ памятникахъ искусства“, „Вліяніе музыки и пѣсенъ на А. С. Пушкина и его вліяніе на русскую музыку“, „Пушкинъ въ армянской лит.“, „Вліяніе Пушкина на грузинскую лит.“, „Пушкинъ въ народной школѣ“ (*Кумскій*, „Памяти Пушкина“, 38—45).

1-й мужской и Кіевской женской гимназіи Дучинской" (рѣчи гг. Н. А. Петрова и П. Г. Богдановича). „Отчетъ о состояніи Кіево-Печерской гимназіи" (Кіевъ. 1900). „Торжественный актъ Кіевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ" 28-го мая 1899 года.

Кромѣ того, имѣли мы въ рукахъ—„Празднованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина въ Закавказской учительской семинаріи и Анастасіевской женской гимназіи" (рѣчь г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія"). „Слово и рѣчи въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина въ Екатеринославской духовной семинаріи" (рѣчи гг. Сахарова: „Слово при поминовеніи А. С. Пушкина", Полуцыганова: „Рѣчь въ день 100-лѣтней годовщины", Соколова: „Значеніе А. С. Пушкина для Россіи", Малковскаго: „А. С. Пушкинъ и его значеніе"), „Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина въ Вологодской гимназіи" (рѣчи: свящ. Н. А. Коноплевъ: „Слово". И. Е. Устиновъ: „Рѣчь о значеніи поэзіи Пушкина", Н. Воейковъ: „Рѣчь, Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина", С. Петровъ, „Рѣчь", Солтанъ, „Пушкину", Стихотвореніе); „Отчетъ Рижскаго Реальнаго училища Императора Петра" за 1899 годъ.

Кромѣ, болѣе или менѣе, подробныхъ отчетовъ имѣемъ мы нѣсколько программъ чествованій Пушкина: „Программа литературно-музыкальгона утра въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ", „Пажескаго корпуса" въ С.-Петербургѣ, „Программа чествованія памяти А. С. Пушкина въ Одесской 4-й гимназіи", „А. С. Пушкинъ. Программа акта въ залѣ „Улья". Рига. „Пушкинскій праздникъ въ залахъ и саду Таврическаго дворца", „Въ залѣ городской думы 26-го мая 1899 года". Наконецъ, имѣемъ мы нѣсколько описаній „пушкинскихъ дней" по разнымъ городамъ: „Пушкинскіе дни въ Пензѣ" (подъ ред. г. Королькова. Рѣчи: В. Н. Ладыженскаго--рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи „Общества любителей русской словесности" 27-го мая 1899 г.), „Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимирѣ (рѣчи: г. Маклакова: „Вступительная рѣчь", Н. С. Крылова: „Поэзія А. С. Пушкина", Пузицкаго: „Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина", 2 стихотворенія г. Петрова), „Пушкинскіе дни въ городѣ Архангельскѣ", „Пушкинскіе дни въ городѣ Оренбургѣ" [1].

В. В. Сиповскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Труды Оренб. Архивн. комисс." вып. VI. О празднествахъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ много говорилось въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ.

Три новыя книги о Дальнемъ Востокѣ.

Въ концѣ 1899 и въ 1900 г. появились три книги о нашей далекой окраинѣ, которая за послѣднее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только русскихъ, но и другихъ изслѣдователей, благодаря политическимъ и торговымъ интересамъ на прибрежьи Тихаго океана. Книги эти: 1) Е. Т. Смирновъ: *Пріамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1889 г. въ гор. Хабаровскѣ* (Хабаровскъ 1899 г.); 2) П. Ѳ. Унтербергеръ: *Приморская Область 1856—1898 г.* (С.-Петербургъ 1900 г.) и 3) Н. В. Слюнинъ: *Охотско-Камчатскій край. Естественно-историческое описаніе* (т. I и II. С.-Петербургъ 1900 г.).

Хотя названныя книги написаны по разнымъ поводамъ, выясняемымъ авторами въ предисловіяхъ, однако всѣ онѣ значительно дополняютъ и исправляютъ другъ друга. Высказывая мнѣніе, какъ авторами ихъ выполнены поставленныя себѣ задачи, постараемся познакомить читателя въ сжатыхъ чертахъ съ содержаніемъ каждаго сочиненія.

Книга г. Смирнова состоитъ изъ двѣнадцати главъ, кромѣ предисловія, заключенія и многихъ весьма цѣнныхъ приложеній. Она, по словамъ автора, представляетъ первую попытку сдѣлать систематическую сводку современныхъ свѣдѣній о нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Примѣняясь къ программѣ Амурско-Приморской сельско-хозяйственной выставки, авторъ считалъ необходимымъ расширить книгу до размѣровъ историко-статистическаго сочиненія, въ основу котораго положены свѣдѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ печатныхъ источниковъ, архивные матеріалы и данныя выставки.

Признаемъ, что расширеніе первоначальной сравнительно скромной программы весьма желательно, но у автора имѣлось въ распоряженіи всего *два съ половиною мѣсяца*,—время слишкомъ короткое для такого колоссальнаго труда: этимъ, безъ сомнѣнія, и объяснятся недостатки труда г. Смирнова. Правда, у г. Смирнова было два помощника — г. Дульскій и пишущій эти строки. Но съ самаго начала эти сотрудники чувствовали ложную дорогу, на которую сталъ составитель: имъ не была даже выяснена общая идея книги. Оба сотрудника при томъ знали, что за составленіе книги взялся человѣкъ, только что прибывшій въ Пріамурскій край изъ Ташкента, недостаточно знающій край, не вполнѣ ознакомившійся съ литературою,

существовавшею до времени составленія книги по разнымъ вопросамъ мѣстной жизни. И книга г. Смирнова производитъ впечатлѣніе чего-то крайне искусственнаго, неяснаго. Въ І-й главѣ, озаглавленной „Историческій очеркъ занятій Пріамурскаго края", въ общихъ чертахъ разсказана исторія края, первое появленіе въ немъ русскихъ дружинъ, присоединеніе края русскими при Муравьевѣ-Амурскомъ и заселеніе его. Все это уже давно и основательнѣе разсказано было многими предшественниками г. Смирнова, напримѣръ, подполковникомъ генеральнаго штаба Рагозою въ Военномъ сборникѣ за 1891 г. № 10. Во II гл. — „Географическое описаніе Пріамурскаго края"—сообщаются свѣдѣнія объ Амурской рѣчной области въ гидрографическомъ, орографическомъ и климатическомъ отношеніяхъ, о флорѣ и фаунѣ и о населеніи.

Чего-нибудь новаго и здѣсь не найдетъ читатель. Г. Смирновъ сразу же обнаруживаетъ недостаточное знаніе дѣйствительности: русскіе жители Приморской области, вопреки его заявленію на стр. 42, дали и очень характерное прозвище японцу; они окрестили его „макакою", подмѣтивъ его страсть все перенимать и небольшой ростъ. Третья глава—„Амурско-Приморская выставка"—сообщаетъ свѣдѣнія о помѣщеніи выставки, организаціи ея устройства, открытіи и закрытіи, количествѣ экспонентовъ, экспонатовъ и выданныхъ наградъ—свѣдѣнія, которыя можно найти въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ", за время самой выставки, и составленныя, по приглашенію г. редактора Сильницкаго, разными лицами. Слѣдующая IV-я глава — „Сельское хозяйство" въ первой части, составленной агрономомъ Дульскимъ, даетъ много интереснаго матеріала, но уже напечатаннаго раньше въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ" тѣмъ же г. Дульскимъ. Такъ какъ г. Дульскій не окончилъ своей статьи, описавъ сельское хозяйство лишь Амурской области, то г. Смирновъ довелъ ее до конца, говоря о Приморской области на основаніи статей „Пріамурскихъ Вѣдомостей". Статья г. Дульскаго очень интересная по цифровымъ даннымъ, доказывая съ очевидностью, что при нѣкоторомъ усиліи жителей въ борьбѣ съ дѣвственною почвою Амурской области возможны различныя стороны сельскаго хозяйства — земледѣліе, животно — и птицеводство. Глава V трактуетъ о „Заводско-фабричной и кустарной промышленности",—о причинахъ слабаго развитія заводско-фабричной промышленности, о значительномъ развитіи послѣдней въ ближайшія 5 — 6 лѣтъ и объ экспонатахъ промышленнаго отдѣла. Несамостоятельность видна и въ VI главѣ, посвященной „Рыболовству

и морскимъ промысламъ". Единственно оригинальнымъ въ этой главѣ является отрицательное отношеніе г. Смирнова къ воднымъ богатствамъ Пріамурскаго края; но его скептицизмъ не имѣетъ никакого основанія, гадателенъ и разрушается основательными изслѣдованіями лицъ, стоявшихъ ближе къ дѣйствительности, напримѣръ, для Охотско-Камчатскаго края, г. Слюнина. Очень поверхностно составлена глава VII о лѣсѣ, который плохо эксплоатируется и въ сильной степени уничтожается палами. Подобный же характеръ носитъ и слѣдующая VIII глава, посвященная „Звѣроловству и охотѣ". Довольно сказать, что въ этой главѣ г. Смирновъ не далъ подробнаго описанія ловушекъ, многочисленныя модели которыхъ имѣлись на выставкѣ. Въ IX главѣ рѣчь идетъ о „Горной промышленности". Послѣ краткаго орогеологическаго очерка, перечисляются горныя богатства края, при чемъ сравнительно много удѣляется вниманія золотопромышленности. Эта глава разработана довольно бѣдно. Совершенно неудовлетворительною является X глава — „Колонизація Пріамурскаго края", потому что авторъ не имѣлъ возможности ознакомиться детально съ этимъ важнымъ для края вопросомъ. На выставкѣ этотъ отдѣлъ представленъ былъ очень плохо, а г. Смирновъ не позаботился поправить недочеты современною статистикою. Глава XI — „Народное образованіе" представляетъ сокращеніе статьи пишущаго эти строки, напечатанной въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ", дополненной свѣдѣніями на основаніи позднѣе прибывшихъ экспонатовъ. Въ XII главѣ рѣчь идетъ о „Водныхъ путяхъ амурскаго бассейна". Здѣсь кратко разсказывается о возникновеніи амурскаго рѣчного флота, о навигаціонныхъ качествахъ Амура и его притоковъ, о составѣ и условіяхъ существованія рѣчнаго флота и объ организаціи управленія водныхъ путей. Больной вопросъ края, воочію всплывшій прошедшимъ лѣтомъ во время передвиженія нашихъ войскъ въ Маньчжурію, не вызвалъ со стороны г. Смирнова никакихъ вѣскихъ замѣчаній, кромѣ фразы: „выставка судоходнаго отдѣла убѣдительно указала съ одной стороны на то, какъ много сдѣлано по улучшенію судоходныхъ условій рѣкъ амурскаго бассейна за послѣднее время, а съ другой — какъ мало дѣлалось за время прежнее" (438 стр.).

Какъ замѣтилъ, быть можетъ, внимательный читатель, г. Смирновъ въ своей книгѣ упоминаетъ исключительно объ Амурской и Приморской областяхъ, хотя свою книгу озаглавилъ „Пріамурскій край". Говорить о краѣ по двумъ областямъ и то не полнымъ (ибо

о Камчаткѣ и Сахалинѣ почти умалчивается въ книгѣ г. Смирнова), конечно, не приходится; но г. Смирновъ не устрашился сдѣлать „Заключеніе". Вотъ оно въ самыхъ сжатыхъ словахъ: на Дальній Востокъ нельзя смотрѣть какъ на обыкновенную окраинную провинцію, дающую государству нѣсколько лишнихъ милліоновъ дохода, представляющую свободныя мѣста для разселенія на нихъ избытка населенія внутри метрополіи. „Значеніе Дальняго Востока несравненно шире: это передовой постъ государства съ активною ролью по преимуществу".

По словамъ г. Смирнова, это совсѣмъ особенная окраинная провинція: въ физическомъ отношеніи она полна контрастовъ и неожиданностей. Особеннымъ образомъ строится здѣсь экономическая и народная жизнь. Здѣсь не создается только земледѣльческая деревенская Русь; нѣтъ того и населенія: это конгломератъ выходцевъ изъ самыхъ разнородныхъ частей Россіи, съ примѣсью корейцевъ и китайцевъ. И за 50 почти лѣтъ этимъ конгломератнымъ населеніемъ сдѣлано много: земледѣліе, эта основа крестьянскаго благосостоянія, развивается годъ отъ года; промышленность добывающая, не ограничиваясь разработкою таежныхъ золотыхъ розсыпей, начинаетъ захватывать все большій раіонъ естественныхъ богатствъ. Впрочемъ, развитіе горно-заводской промышленности на мѣсто „золотой лихорадки" есть дѣло будущаго, теперь лишь предполагаемое. Къ той же области предположеній относится правильная эксплоатація „темныхъ" лѣсовъ, упадокъ пушного промысла и развитіе рыбнаго и морскихъ промысловъ. Г. Смирновъ до того увлекается предположеніями о свѣтломъ будущемъ края, что не замѣчаетъ противорѣчія ихъ тому, что онъ говорилъ въ отдѣльныхъ главахъ: если рыбы въ Амурѣ и морскихъ водахъ мало, то откуда же разовьется рыбный промыселъ? Но будемъ продолжать выводы г. Смирнова. Обрабатывающая промышленность прочно обосновалась въ краѣ, а торговля требуетъ вмѣшательства твердой руки правительства для отвращенія вредной конкуренціи китайцевъ. Совсѣмъ плохо стоитъ въ краѣ судоходство: амурскому рѣчному флоту грозитъ разореніемъ конкуренція Маньчжурской желѣзной дороги, а морской для своего развитія требуетъ возбужденія въ народныхъ силахъ стремленія къ морю. Во всякомъ случаѣ, будущность Дальняго Востока и послѣ книги г. Смирнова остается туманною и неопредѣленною. По словамъ автора разбираемой книги, эта туманность и неопредѣленность начнутъ разсѣиваться тогда, когда первый сквозной поѣздъ, давъ прощальный

свистокъ въ сердцѣ Руси, въ Москвѣ, выпуститъ пары въ Никольскѣ-Уссурійскомъ.

Иное впечатлѣніе производитъ книга П. Ѳ. Унтербергера, пробывшаго на службѣ въ Восточной Сибири 33 года, изъ которыхъ 9 лѣтъ онъ занималъ постъ военнаго губернатора Приморской области. Всѣ главнѣйшія событія въ жизни области прошли не только на глазахъ Павла Ѳедоровича, но и при непосредственномъ участіи его. Вотъ почему его книга и имѣетъ множество положительныхъ достоинствъ, дѣлающихъ ее цѣнною не только для лицъ, коимъ придется такъ или иначе принимать участіе въ разрѣшеніи и направленіи разныхъ вопросовъ административнаго и экономическаго характера, но и для безкорыстныхъ изслѣдователей края, равно для всякаго образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное понятіе о жизни Приморья. Такое знакомство съ жизнью края тѣмъ необходимѣе, что она, по словамъ автора, „не вылилась еще въ опредѣленныя формы", и почти по всѣмъ отраслямъ управленія идетъ еще и теперь постоянная организаціонная работа.

Первымъ достоинствомъ книги г. Унтербергера слѣдуетъ признать ясность и простоту изложенія. Многія административныя мѣропріятія получили подъ перомъ его прекрасное историческое освѣщеніе: сразу видно, что писалъ хозяинъ и знатокъ дѣла! Вторымъ достоинствомъ является объективность и трезвость взглядовъ на многія стороны жизни края. Правильная оцѣнка трудовъ тѣхъ піонеровъ, коимъ выпало на долю принести много жертвъ для насажденія и развитія русской культуры на Дальнемъ Востокѣ—третье достоинство. Какъ бывшему руководителю, г. Унтербергеру хорошо извѣстны и эти жертвы, и эти подвиги незамѣтныхъ героевъ-піонеровъ. Строки книги, посвященныя имъ, дышатъ глубокою сердечностью и уваженіемъ. Наконецъ, четвертое достоинство—осторожность. Онъ, напримѣръ, въ заключеніи книги не рѣшается сдѣлать какіе-либо опредѣленные выводы изъ прошедшаго и предположенія на будущее.

Такъ какъ книга г. Унтербергера охватываетъ жизнь Приморской области по 1898 годъ, то изъ нея не получишь представленія о современномъ состояніи области, потому что жизнь юнаго края растетъ быстро, за два года развитіе края ушло далеко впередъ, и многіе изъ намѣченныхъ авторомъ вопросовъ получили разрѣшеніе. Кромѣ того, не всѣ части Приморской области нашли достаточное освѣщеніе въ названной книгѣ,—все это, впрочемъ, яснѣе станетъ при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ ея.

Изъ 15 главъ книги 14 посвящены описанію края и исторической сводкѣ различныхъ мѣропріятій по части административнаго устройства, колонизаціи, развитія торговли и т. п., а 15-я занята воспоминаніемъ о посѣщеніи Приморской области Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Въ I главѣ, сказавъ объ образованіи Приморской области, авторъ останавливается на сѣверныхъ округахъ ея: Охотскомъ, Гижигинскомъ, Петропавловскомъ, Командорскихъ островахъ, Анадырскомъ и Удскомъ. На 46 страницахъ, конечно, нельзя сообщить основательныхъ и общихъ свѣдѣній объ этихъ округахъ, занимающихъ большую половину территоріи всей области. Хотя авторъ, въ бытность свою мѣстнымъ губернаторомъ, лично посѣтилъ округи и ознакомился съ бытомъ ихъ населенія, однако эта глава является наиболѣе слабою въ его книгѣ, и ее прекрасно дополняетъ огромный трудъ г. Слюнина.

Слѣдующая глава посвящена описанію, также довольно краткому, сѣверно-уссурійскаго края и главнымъ образомъ уссурійскому казачеству. Совершенно справедливо онъ признаетъ Хабаровскій округъ, въ частности окрестности Хабаровска, мало пригодными для колонизаціи. Объ уссурійскомъ казачествѣ онъ, самъ бывшій войсковымъ атаманомъ, отзывается очень тепло и симпатично. При этомъ, касаясь вопроса о переселеніи казаковъ изъ другихъ войскъ, онъ справедливо высказывается противъ переселенія на казенный счетъ казаковъ изъ оренбургскаго и донского войска, а рекомендуетъ привлекать нѣкоторыми льготами въ казачество крестьянъ-переселенцевъ. Въ этой главѣ много устарѣвшихъ свѣдѣній. Хабаровскій музей и Николаевская при немъ библіотека уже имѣютъ свои помѣщенія; въ Хабаровскѣ теперь имѣются реальное училище, кадетскій корпусъ и еще одна начальная школа общества оказанія помощи и покровительства переселенцамъ. Начальныя школы уссурійскаго казачества съ 1897 г. обставлены очень хорошо, сравнительно съ таковыми же министерскими и церковно-приходскими.

Въ III, IV и V главахъ рѣчь идетъ о южно-уссурійскомъ округѣ, какъ наиболѣе населенной и важной части Приморской области. Знакомя съ переселенческимъ дѣломъ въ области, отъ начала до 1898 г., авторъ возстаетъ противъ даровой помощи переселенцамъ, справедливо утверждая, что „всякія даровыя подачки деморализуютъ народъ". Выборъ самихъ переселенцевъ онъ считаетъ полезнымъ предоставить лицамъ, командируемымъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ.

Касаясь въ главѣ VI инородческаго населенія области, авторъ отрицательно относится къ корейцамъ, ежегодно въ значительномъ количествѣ прибывающимъ въ область. Но онъ самъ признаетъ за ними немалую заслугу, оказанную въ первые годы заселенія края русскими. Другіе же изслѣдователи края свидѣтельствуютъ о трудолюбіи ихъ и аккуратности; русскія школы у нихъ обставлены лучше, чѣмъ во многихъ русскихъ селахъ; вездѣ въ корейскихъ деревняхъ имѣются храмы; волостныя и сельскія управленія всегда въ порядкѣ; хлѣбозапасные магазины всегда имѣютъ въ наличности зерно, а въ каждой волости имѣется денежный запасный капиталъ (см. Риттихъ „Крестьянское и переселенческое дѣло въ южно-уссурійскомъ краѣ". Спб. 1899 г.). Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (VII и VIII), сказавъ о топографическихъ условіяхъ уссурійскаго края, климатѣ и т. п., онъ останавливается на условіяхъ сельскаго хозяйства въ области. Вполнѣ справедливо упрекая интендантство за пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, онъ не говоритъ ни слова о вредѣ въ данномъ случаѣ посредниковъ, дѣятельность которыхъ привела, между прочимъ, къ сокращенію во многихъ мѣстностяхъ области посѣвовъ требуемой интендантствомъ ярицы и увеличенію посѣвовъ овса, находящаго себѣ хорошій сбытъ на сторонѣ. Совершенно невѣрно утвержденіе автора, что хозяева-половинщики не особенно распространены: въ Суйфунской волости, наоборотъ, не найдете ни одного крестьянина, который воздѣлывалъ бы землю своими трудами. Это ненормальное въ жизни мѣстнаго крестьянства явленіе обратило на себя вниманіе начальства, и нынѣ прошелъ уже законъ о 15-десятинномъ надѣлѣ каждаго переселенца вмѣсто 100-десятиннаго, какъ это было до 1901 г. Не пускаясь въ подробности, укажемъ неполноту свѣдѣній о „Южно-Уссурійскомъ обществѣ любителей садоводства и огородничества", непригодность рекомендуемыхъ къ развитію въ краѣ пчеловодства мѣръ.

При описаніи (въ главѣ IX) немногочисленныхъ въ краѣ промысловъ, каковы: извозъ съ почтовою гоньбою, заготовка дровъ для пароходовъ, рыболовство, охота и нѣкоторые другіе, подробнѣе говорится о золотопромышленности, при чемъ рекомендуются очень основательныя мѣропріятія противъ тайной продажи золота за границу. Но въ той же главѣ всего нѣсколько строкъ удѣлено фабрично-заводской промышленности, которая заслуживала бы большаго вниманія.

Весьма удачною является X глава, гдѣ сжато изложенъ очеркъ развитія торговли въ краѣ. Разсмотрѣвъ вопросъ о закрытіи порто-франко и условіяхъ таможеннаго надзора, авторъ говоритъ о развитіи

китайской торговли въ селахъ и городахъ области. Особенно вредною признается торговля китайцевъ въ селахъ, гдѣ главными предметами торговли является ханшинъ и опіумъ. Указавъ, какой убытокъ приноситъ продажа ханшина акцизному сбору ежегодно и какой вредъ здоровью населенія, г. Унтербергеръ тѣмъ не менѣе не считаетъ необходимымъ обязательное запрещеніе ввоза и продажи ханшина и опіума для китайцевъ и корейцевъ. Онъ требуетъ только урегулированія употребленія ханшина и опіума извѣстными правилами и надзоромъ. Пишущій эти строки, не зная записки г. Унтербергера, поданной генералъ-губернатору въ концѣ 80-хъ годовъ, послѣ изученія культуры и потребленія опіума въ южно-уссурійскомъ краѣ лѣтомъ 1899 г., пришелъ къ такому же точно заключенію.

Нѣсколько теплыхъ словъ удѣлено авторомъ въ послѣдующихъ главахъ (XI, XII, XIII и XIV) благотворной дѣятельности военнаго и морского вѣдомствъ, въ частности военныхъ инженеровъ, дѣятельности миссіонеровъ и народному образованію. Послѣднее распространяется среди населенія медленно, не упорядочено вслѣдствіе отсутствія спеціальнаго надзора, страдаетъ отъ недостатка подготовленныхъ учителей. О необходимости открытія въ краѣ ремесленныхъ училищъ, для распространенія среди населенія профессіональныхъ знаній, г. Унтербергеръ ничего не говоритъ. Ничего онъ не говоритъ и о спеціальной лѣчебницѣ для душевно больныхъ, коснувшись вопроса охраны народнаго здоровья. Тутъ чувствуется досадный пробѣлъ.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе книги г. Унтербергера. Она снабжена приложеніями: таблицами съ различными статистическими матеріалами и двумя картами, изъ которыхъ особенно цѣнною является карта Южно-Уссурійской округи и Уссурійской казачьей округи.

Книга П. Ѳ. Унтербергера по своимъ достоинствамъ представляетъ отрадное явленіе въ литературѣ Приморья, являясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ единственною. Что бѣгло намѣтилъ въ I-й главѣ своей книги г. Унтербергеръ, то весьма обстоятельно описалъ въ своемъ капитальномъ сочиненіи г. Слюнинъ. Вышедшіе въ прошломъ году два тома еще не составляютъ конца предпринятаго авторомъ естественно-историческаго описанія „Охотско-Камчатскаго края". Онъ обѣщаетъ въ „Предисловіи" издать третій томъ „Дневникъ путешествія". Участникъ охотско-камчатской экспедиціи инженера К. И. Богдановича, г. Слюнинъ съ 1896 по 1898 годъ собралъ обильный матеріалъ о малоизслѣдованномъ краѣ и, при содѣйствіи многихъ

лицъ, обработалъ его въ книгѣ, роскошно изданной министерствомъ финансовъ. Книгу г. Слюнина, съ 32 фотографіями и 54 цинкографіями я могу сравнить только съ роскошнымъ изданіемъ сочиненія г. Сѣрошевскаго о якутахъ.

Первый томъ состоитъ изъ 12 главъ, въ которыхъ находимъ полную общую картину физической природы края, равно экономической, бытовой и умственно-религіозной жизни тамошнихъ инородцевъ.

Въ I главѣ находимъ первый историческій очеркъ охотско-камчатскаго края. По преобладанію тѣхъ или иныхъ тенденцій, авторъ дѣлитъ исторію края на три періода: *ясачный*, начавшійся съ перваго проникновенія въ край русскихъ и кончившійся въ то время, когда научный и торговый интересъ выдвинулъ цѣлый рядъ экспедицій; *экспедиціонный*, начатый Берингомъ и завершившійся геройскою обороною Петропавловскаго порта отъ нападенія англо-французской эскадры; наконецъ, третій періодъ съ 1855 по 1895 годъ *упадка* и *забвенія*. Въ виду слабой разработки исторіи края авторъ во 2-й томъ выдѣлилъ нѣкоторыя частности, значительно дополняющія общій очеркъ 1-го тома.

Вторая и третья главы заняты географическимъ очеркомъ Охотскаго побережья и Камчатки. Хотя авторъ внесъ много ясности въ описаніе горъ, рѣкъ и озеръ, однако эти главы свидѣтельствуютъ, какъ еще много остается сдѣлать изслѣдователямъ, чтобы получилось точное и полное географическое описаніе указанныхъ частей Приморской области. Говоря въ IV главѣ о климатѣ, авторъ называетъ тотъ ничтожный метеорологическій матеріалъ, которымъ мы располагаемъ болѣе чѣмъ за 200-лѣтнее обладаніе Охотско-Камчатскимъ краемъ. На основаніи этого матеріала и своихъ наблюденій г. Слюнинъ утверждаетъ, что въ Охотско-Камчатскомъ раіонѣ мы находимъ сложный и своеобразный комплексъ климатическихъ условій, которыя съ одной стороны рѣзко отличаются отъ материковаго климата вообще и Восточной Сибири въ частности, а съ другой представляютъ много уклоненій отъ того, что принято называть чисто морскимъ климатомъ. И здѣсь г. Слюнинъ даетъ впервые общую картину климата Охотско-Камчатскаго края, какой не дѣлалось ни въ одномъ сочиненіи. Описанію флоры посвящена V, а описанію фауны VI глава. Въ силу мѣстныхъ физико-географическихъ причинъ, растительность побережья Охотскаго моря, восточныхъ склоновъ Станового хребта и полуострова Камчатки представляетъ такія особенности, которыя побуждаютъ ботаниковъ выдѣлять два округа: Приохотскій и Камчатскій. Здѣсь

преобладаютъ лиственныя породы, моховыя и лишайныя тундры. Подробное описаніе лѣсовъ и породъ деревъ, ихъ составляющихъ, наполняетъ эту главу. Такъ же обстоятельно описана и фауна края, при чемъ обнаруживается малое знакомство наше съ представителями ея. Въ приложеніяхъ (II ч.) находятся дополненія къ этой главѣ, которая не исчерпала всего матеріала, добытаго г. Слюнинымъ, коллекціи котораго остаются пока не обработанными.

Двѣ слѣдующія главы (VII и VIII) заняты описаніемъ населенія Охотско-Камчатскаго края. Въ одной изъ нихъ авторъ даетъ полную картину современнаго распространенія инородцевъ на Охотско-Камчатскомъ побережьи, а затѣмъ знакомитъ съ общимъ физическимъ типомъ, характеромъ, жизнью и умственными способностями тунгусовъ, коряковъ, камчадаловъ, якутовъ и русскихъ. Въ другой главѣ дается очень интересное и подробное описаніе населенныхъ пунктовъ— Чумикана, Аяна, Охотска, Гижиги, Петропавловска, поселковъ и острожковъ. Эта глава помимо новости матеріала представляетъ интересъ приложенными снимками этихъ отдаленныхъ поселеній.

Глава IX занята описаніемъ административно-общественнаго строя и путей сообщенія. Здѣсь читатели найдутъ много новаго и поучительнаго. Авторъ показываетъ ненужность казаковъ, дорого стоящихъ правительству, нераспорядительность администраціи по высылкѣ сѣмянъ и неводного прядева, несправедливо неравномѣрное распредѣленіе ясака между инородцами, разорительность для населенія подводной и почтовой повинности. Весьма печальна картина положенія духовенства и народнаго образованія въ этомъ отдаленномъ краю. Послѣднее, по словамъ автора, въ Петропавловской округѣ стоитъ теперь хуже, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, а въ прежніе годы мѣстное духовенство по собственному желанію и частію по указанію архіереевъ прилагало гораздо болѣе старанія и заботливости въ дѣлѣ обученія камчадальскаго юношества. Санитарная часть и врачебная помощь въ краѣ находится еще въ болѣе печальномъ положеніи, — и только изолированность и большой просторъ до нѣкоторой степени спасаютъ населеніе отъ вымиранія. Цифрами авторъ доказываетъ, что инородцы вымираютъ не вслѣдствіе особенностей здѣшняго климата и образа жизни, а отъ эпидемій и заразныхъ болѣзней, съ которыми некому и нечѣмъ бороться.

Главы X и XI содержатъ описаніе занятій жителей. Обѣ эти главы представляютъ огромный интересъ, знакомя читателя съ промыслами жителей малоизвѣстнаго края. Первое мѣсто справедливо

отведено рыбнымъ промысламъ, потому что они обезпечиваютъ существованіе жителей; затѣмъ слѣдуютъ—охота, добыча жемчуга, собаководство, оленеводство и кустарный промыселъ. Мы лично пожалѣли объ отсутствіи въ книгѣ г. Слюнина, щедраго на рисунки, фотографій рыбъ камчатскихъ, чавычи, харіуса и др. Ему можно было бы позаимствовать рисунки хотя бы изъ книги о Камчаткѣ г. Маргаритова, появившейся въ 1898 году. Послѣдняя XII глава посвящена торговлѣ. Она, какъ была съ самаго начала, такою остается и теперь, т. е. носитъ характеръ частныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Эти сдѣлки представляются выгодными для купцовъ, но убыточными для инородца, который принужденъ брать въ долгъ и тѣмъ закабаливать себя. Но особенное зло приноситъ жителямъ торговля спиртомъ, которая поставлена въ исключительныя условія, не приносящія пользы никому, кромѣ немногихъ частныхъ лицъ. Въ заключеніи авторъ, на основаніи многолѣтняго наблюденія (1892—93 и 1896—98 гг.), высказываетъ свой взглядъ на нужды Охотско-Камчатскаго края. По мнѣнію г. Слюнина окраина не такъ обездолена, какъ это казалось до сихъ поръ: 1) найдены здѣсь горной экспедиціей розсыпи золота, залежи сѣры, угля, графита и т. п.; 2) рѣки богаты рыбою, и заливы, въ особенности, сельдью; 3) нѣкоторыя банки обильны трескою; 4) киты даютъ большіе барыши предпріимчивымъ иностранцамъ; 5) масса мелкой рыбы, выбрасываемой во время прибоя на берегъ, можетъ послужить для приготовленія удобрительнаго тука, въ которомъ такъ нуждается Японія; 6) лѣсъ можетъ экспортироваться въ Китай. Къ книгѣ приложена исправленная и дополненная авторомъ карта Охотско-Камчатскаго края.

Самъ авторъ сознается, что его книга не можетъ считаться вполнѣ совершеннымъ трудомъ, потому что онъ не воспользовался всѣми матеріалами, бывшими въ его распоряженіи. Но и сдѣланное имъ такъ солидно, мнѣнія его по главнымъ вопросамъ жизни края такъ основательны, что нѣсколько мелкихъ недочетовъ не лишаютъ книгу г. Слюнина первенствующаго мѣста въ довольно многочисленной, но мелкой литературѣ, посвященной Охотско-Камчатскому краю. Приложенный ко II тому списокъ этой литературы называетъ все существенно важное, исключая вышеназванной книги г. Маргаритова, написанной по поводу 200-лѣтняго юбилея по живымъ впечатлѣніямъ почти пятимѣсячнаго путешествія.

По прочтеніи всѣхъ названныхъ трехъ книгъ о Дальнемъ Востокѣ, у насъ явилось одно желаніе: Амурская Область нашла себѣ описа-

телей въ лицѣ гг. Груммъ-Гржимайла и Семенова, Охотско-Камчатскій край — г. Слюнина, остается очередь за Приморской областью. Когда же она дождется своего описателя, который обогатитъ мѣстную литературу такою же прекрасною книгою, какова книга г. Слюнина?

Сергѣй Брайловскій.

Ѳ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: Готы на Вислѣ. Спб. 1899. XX+392.

I.

Въ доисторическихъ судьбахъ славянъ вообще и русскихъ въ частности величайшей важности событіемъ является передвиженіе готовъ изъ области нижней Вислы на сѣверное побережье Чернаго моря и низовья Дуная. Если въ I вѣкѣ нашей эры славяне, подъ именемъ венетовъ, извѣстны были древнему міру только какъ одна изъ крупныхъ народностей далекаго и невѣдомаго сѣвера, то послѣ окончанія готской исторіи на черноморскомъ побережьи и переселенія ихъ въ предѣлы имперіи, славяне предстали предъ лицомъ культурнаго міра, какъ огромный народъ, напиравшій на имперію по всей линіи ея сѣверныхъ границъ, т. е. по теченію рѣки Дуная. Съ исторіей готовъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи непосредственно связано передвиженіе славянъ на югъ и выступленіе послѣднихъ на арену исторіи. Готы должны были оставить свой слѣдъ на славянствѣ и прежде всего на той его части, которая, много вѣковъ спустя, стала называться Русью. Споръ о томъ, откуда пошла Русская земля, вступилъ въ новую фазу, когда явились попытки вывести изъ готскаго языка самое слово „Русь". Такой этимологіи держался академикъ Куникъ, къ ней склонялся академикъ Васильевскій, филологически обосновать ее пытался въ 1890 году на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ профессоръ Будиловичъ. Въ частныхъ бесѣдахъ Куникъ нерѣдко высказывалъ свое глубокое убѣжденіе, что въ скоромъ времени всѣ русскіе историки сойдутся въ названіи древнѣйшаго періода русской исторіи „готскимъ". Не беремся судить о томъ, въ какой степени основательны надежды покойнаго Куника и оправдаетъ ли ихъ будущее; но полагаемъ, что каждый интересующійся русской исторіей отнесется съ благодарностью къ попыткѣ освѣтить этотъ

вопросъ съ той стороны, откуда можетъ прежде всего быть брошенъ свѣтъ на него, а именно: лингвистики. Эту задачу взялъ на себя г. Браунъ. Еще восемь лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ небольшой этюдъ, посвященный критическому разбору отстаиваемой профессоромъ Будиловичемъ этимологіи слова „Русь", и этотъ этюдъ воспроизведенъ имъ теперь въ видѣ вступительной главы въ его „Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній" (стр. 1—23).

Будиловичъ полагалъ, что имя Русь, какъ славянское слово, можетъ быть выведено изъ постулируемой древне-германской формы hrōdh—(hrōdheis), какъ раньше его утверждалъ это Куникъ. Подступая къ этому вопросу путемъ подробнаго этимологическаго анализа, г. Браунъ признаетъ возможнымъ допустить, что „готы дѣйствительно носили нѣкогда прозвище Hrōdhigutos, или въ сокращенной формѣ Hrōdheis" (стр. 14); но онъ утверждаетъ на основаніи звуковаго анализа славянскихъ словъ, заимствованныхъ отъ готовъ, что форма hrodha не могла дать въ славянскомъ слова „Русь". Онъ допускаетъ въ то же время, что византійское Ῥῶς могло быть точной передачей готскаго hrodh, а равно и то, что слово „Русь" могло перейти изъ готскаго въ славянскіе языки черезъ посредство финскихъ (стр. 17).— Отсюда г. Браунъ дѣлаетъ такой выводъ: „предположеніе о готскомъ происхожденіи Руси, какъ народа и государства, теряетъ всякую почву". Самъ онъ рѣшительный сторонникъ норманской теоріи и полагаетъ, что эта послѣдняя давно перестала быть гипотезой и „стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими" (стр. 2).— Мы лично нимало не считаемъ себя компетентными судить въ этихъ вопросахъ, ни тѣмъ болѣе провѣрять аргументацію ученаго германиста въ его лингвистическомъ разбирательствѣ касательно слова „Русь". Если бы онъ остался въ дальнѣйшемъ содержаніи своей книги на этой почвѣ и вращался бы въ сферѣ сродныхъ вопросовъ, то мы не считали бы себя въ правѣ выступать съ какимъ-либо отзывомъ о его книгѣ. Но въ дальнѣйшемъ содержаніи своей работы г. Браунъ перешелъ на другую почву, занялся иными вопросами, гдѣ мы уже можемъ стоять на одной съ нимъ почвѣ, и свой лингвистическій методъ, который онъ превознесъ на заключительныхъ страницахъ своего „вступленія", какъ единственно вѣрный и надежный путь, онъ самъ низвелъ на степень служебнаго орудія, которое въ иныхъ случаяхъ можетъ оказать помощь въ оправданіе гипотезъ и домысловъ, полученныхъ на почвѣ толкованія свидѣтельствъ древнихъ историковъ и географовъ. Позволяемъ себѣ думать, что такимъ обра-

зомъ почтенный авторъ пришелъ на пути своего изложенія въ первомъ томѣ своей работы въ противорѣчіе съ самимъ собой, которое никоимъ образомъ не послужило ему въ пользу.

Въ своемъ предисловіи авторъ поясняетъ, что по первоначальному плану своей работы, какъ онъ началъ ее печатать въ 1895 году, онъ предполагалъ обозрѣть древнѣйшія судьбы готовъ въ одной небольшой главѣ компилятивнаго характера. Но отпечатавъ нѣсколько листовъ своей работы, онъ углубился въ изученіе источниковъ по географіи и этнографіи древней Скиѳіи, и въ результатѣ этого явилось то, что вводная глава выросла въ цѣлую книгу, и, появившись въ печати, благодаря этому измѣненію первоначальнаго плана, лишь въ концѣ 1899 года, получила особое частное заглавіе: „Готы на Вислѣ". Такая судьба книги г. Брауна отразилась довольно неблагопріятно на характерѣ изложенія и прежде всего на общей экономіи распредѣленія какъ самаго матеріала, такъ и личнаго интереса автора къ отдѣльнымъ сторонамъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, въ которые онъ смѣло и увѣренно вошелъ. Такъ какъ г. Браунъ представилъ самостоятельное изслѣдованіе по первоисточникамъ, то трудъ его заслуживаетъ полнаго уваженія и требуетъ внимательнаго и подробнаго изученія. Но нельзя не признать, что эту задачу авторъ сдѣлалъ весьма не легкой для своего читателя.

Общій ходъ изложенія г. Брауна таковъ.—Вслѣдъ за краткимъ обозрѣніемъ данныхъ о готахъ у Тацита, Птолемея и Іордана (стр. 25—31) авторъ переходитъ къ отчету о западныхъ сосѣдахъ готовъ и затѣмъ—юго-западныхъ, предложивъ подробный этнографическій обзоръ страны къ сѣверу отъ средняго теченья Дуная по рѣкамъ Одеру и Вислѣ. Данныя Птолемея вызвали его между прочимъ на цѣлый рядъ соображеній о направленіи торговыхъ путей, по которымъ римляне сносились съ балтійскимъ побережьемъ (стр. 31—68). Къ этой первой группѣ вопросовъ, разработанныхъ подробно, но безъ излишнихъ деталей, примыкаетъ вторая, привлекшая вниманіе автора въ большей мѣрѣ и потребовавшая отъ него огромнаго труда, а именно: этнографія Птолемеевой „Европейской Сарматіи", т. е. территорія теперешней Европейской Россіи (стр. 69—256). По живой связи этническихъ вопросовъ Сарматіи съ областью древней Дакіи и низовій Дуная, авторъ удѣляетъ такое же вниманіе географіи и этнографіи этихъ областей. Среди изслѣдованія о Птолемеевой Сарматіи [illegible]ъ себѣ мѣсто „вопросъ о прародинѣ славяно-балтійцевъ" [illegible]7).

Покончивъ съ Сарматіей, авторъ обращается опять къ готамъ. Онъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о томъ: „откуда явились готы на низовья Вислы" (стр. 256—331) и въ заключеніе удѣляетъ нѣсколько страницъ вопросамъ: „Венеды на балтійскомъ побережьи" (стр. 331—336) и „вліяніе славяно-балтійскихъ языковъ на вандильскіе" (стр. 336—341). Книга заканчивается объяснительной запиской къ двумъ картамъ, которыя авторъ приложилъ къ своему труду (стр. 343—359). Такъ какъ въ теченіе печатанія своей работы авторъ углубилъ свое знаніе о Птолемеѣ и кое въ какихъ вопросахъ отступилъ отъ тѣхъ положеній, которыя нашли себѣ мѣсто въ первой главѣ его изложенія, то онъ самъ рекомендуетъ читателю ознакомиться сначала съ этой послѣдней частью работы и поправить кое въ чемъ его предшествующее изложеніе.

Представленный нами общій обзоръ содержанія книги г. Брауна даетъ указаніе на обиліе обработаннаго въ ней матеріала; но изъ него видно также, какъ неблагопріятно отразилось на его изложеніи измѣненіе цѣли и задачи, какія онъ себѣ ставилъ первоначально. Его книга обратилась въ цѣлый рядъ спеціальныхъ экскурсовъ, которые не являются предъ читателемъ въ самостоятельной и законченной формѣ обработанныхъ въ деталяхъ изслѣдованій, а какъ-то вытекаютъ одинъ изъ другаго, затемняя ту идею, которая положена въ самую основу его труда, и устраняя изъ поля зрѣнія читателя цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, принимаясь за свое изслѣдованіе. Даже и то спеціальное заглавіе, которое далъ г. Браунъ своему первому тому, не вполнѣ подходитъ къ нему, такъ какъ выясненію древнѣйшихъ судебъ готовъ удѣлено въ его изложеніи гораздо меньше мѣста, чѣмъ разнымъ спеціальнымъ вопросамъ по этнографіи Сарматіи. Работа г. Брауна много бы выиграла въ смыслѣ цѣльности, если бы онъ выдѣлилъ изъ нея все то, что является лишь общей почвой для трактовки вопроса о готахъ. Такъ какъ изложеніе автора постоянно уходитъ въ детали, и онъ самъ не сводитъ результатовъ своего изслѣдованія и даже не выдѣляетъ главнаго изъ множества частныхъ вопросовъ, по которымъ онъ высказывается, то представить полный отчетъ о его книгѣ во всемъ ея объемѣ — дѣло очень трудное. Мы попытаемся выдѣлить нѣкоторые вопросы болѣе общаго характера, по которымъ онъ пришелъ къ новымъ выводамъ и болѣе или менѣе подробно обосновалъ ихъ. Такъ какъ его трудъ посвященъ готамъ, то полагаемъ, что прежде всего слѣдуетъ остановиться

на томъ, въ какомъ видѣ представляетъ онъ древнѣйшую судьбу этого племени.

II.

Отъ древней исторической литературы сохранилось до насъ твореніе Іордана, которое въ цѣломъ представляетъ собою извлеченіе и переработку исторіи готовъ, написанной современникомъ Теодориха Великаго, римскимъ сенаторомъ Кассіодоріемъ. По вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ Іорданъ сохранилъ намъ великолѣпную народную легенду въ краткой версіи, но ясную и простую. По этой легендѣ готы явились на материкъ въ область нижней Вислы изъ Скандинавіи при царѣ Беригѣ [1]), а при пятомъ преемникѣ этого царя, Филимерѣ, они передвинулись на югъ изъ этой области въ побережья Чернаго моря. Легенда о переселеніи изъ Скандинавіи дана въ великолѣпной чисто эпической окраскѣ, и какъ историки среднихъ вѣковъ, такъ и германисты не сомнѣвались доселѣ въ томъ, что въ основѣ ея сохранено намъ зерно исторической истины. Довѣріе историковъ къ этому свидѣтельству легенды дало опредѣленный курсъ направленію ученой разработки археологическихъ данныхъ, находимыхъ на территоріи Швеціи и нижней Германіи. Не касаясь историковъ, г. Браунъ, вознамѣрившись поколебать довѣріе къ свидѣтельству легенды, обращаетъ свою критику на одинъ недавній трудъ „германиста-этнолога“ Косинны, въ которомъ собраны были археологическія обобщенія въ доказательство скандинавскаго происхожденія восточныхъ германцевъ [2]). Обнаруживая скорѣе лишь недовѣріе къ

---

[1]) Iord. Getica, cap. XVII, 94. Meminisse debes me in initio de Scandzae insulae gremio Gothos dixisse egressos cum Berich rege suo, tribus tantum navibus vectos ad ripam Oceani citerioris, id est Gothiscandza (95). Quarum trium una navis ut adsolet, tardior nancta nomen genti fertur dedisse; nam lingua eorum pigra gepanta dicitur (96). Hi ergo Gepidae tacti invidia, dum Spesis provincia commanerent in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoios. — IV, 25. Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi: qui ut primum e navibus exientes terras attigerunt, illico nomen loci dederunt. Nam odieque illuc, ut fertur, Gothiscandza vocatur. (26). Unde mox promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis applicavere victoriis.

[2]) Положенія, формулированныя Косинной, нашли полное признаніе и отчасти дополнены новыми соображеніями въ статьѣ Hedinger'a: Urheimat der Germanen. Neue Jahrbücher, 1899, стр. 562 и сл.

археологическимъ доводамъ, чѣмъ ихъ опровергая, и отрицая значеніе совпаденія именъ племенъ и мѣстностей на материкѣ и въ Скандинавіи, онъ переводитъ вопросъ на почву разбора данныхъ языка; разсматриваетъ затѣмъ подробно „мотивъ скандинавской прародины у другихъ материковыхъ германцевъ“ (стр. 308—324) и наконецъ, предлагаетъ „провѣрку“ сложившейся въ его воображеніи картины древнѣйшихъ судебъ готовъ свидѣтельствами историческими (стр. 327—331). Возстановленная a priori и „провѣренная“ матеріаломъ историческихъ свидѣтельствъ древнѣйшая исторія готовъ въ книгѣ г. Брауна такова.

Готы искони сидѣли на материкѣ и, составляя одну группу съ сосѣдними восточно-германскими племенами, а именно: вандалами, лангобардами, ругами, и гепидами, занимали мѣстности на сѣверъ отъ нынѣшней Богеміи. Ко времени пребыванія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ относится ихъ столкновеніе съ вандалами, о которомъ поминаетъ Іорданъ. Въ пору императора Августа маркоманскій властитель Марободъ покорилъ ихъ своей власти вмѣстѣ съ другими народами къ сѣверу и сѣверо-западу отъ своей земли. Завоевательная политика Маробода была причиной того, что готы двинулись изъ страны, которую тогда занимали, на сѣверо-востокъ. Противъ Маробода поднялся готъ Катуальда, который изгналъ его изъ его царства и принудилъ искать убѣжища въ предѣлахъ римской имперіи въ 19 г. нашей эры. Хотя Марободъ, врагъ готской свободы, былъ устраненъ, и держава его разрушена, однако готы двинулись на сѣверо-востокъ отъ своей родины и, прокладывая себѣ путь черезъ область лугійскихъ племенъ, заняли лѣвый берегъ Вислы въ нижнемъ ея теченіи. Въ половинѣ I вѣка Плиній знаетъ ихъ въ странѣ янтаря; тамъ же сидятъ они въ пору Тацита. Но такъ какъ Птолемей помѣщаетъ готовъ на правомъ берегу Вислы, то отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что „готы явились на правомъ берегу Вислы и достигли моря не раньше второй половины I вѣка“ (стр. 331). Поморское населеніе носило въ ту пору имя венедовъ-вендовъ. Этотъ этническій терминъ обнималъ тогда какъ славянскія, такъ и „айстскія“, т. е. литовско-латышскія народности, „всѣхъ вообще негерманскихъ сосѣдей за Вислой“. То обстоятельство, что Тацитъ ясно отличаетъ айстовъ отъ венедовъ, говоря словами г. Брауна, „не рѣшаетъ вопроса“ (стр. 332). Имя венедовъ сохранилось съ одной стороны въ нашихъ „вятичахъ“, а съ другой въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ именъ на „айстскомъ“ побережьи Балтики: рѣка Вента, города Вин-

дава, Венденъ и др. Пребывая въ средѣ „айстскихъ“ племенъ, готы испытали ихъ воздѣйствіе въ самомъ важномъ своемъ народномъ достояніи, т. е. языкѣ. По языку готы принадлежатъ къ особой восточной группѣ германскихъ нарѣчій, такъ называемые „вандильскіе языки“; кромѣ готовъ сюда относятся: бургунды, вандалы, лугіи, руги. По утвержденію автора, „выдѣленіе вандильскихъ нарѣчій въ особенную группу совпадаетъ съ передвиженіемъ готовъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу“ (стр. 338). Особенности вокализма вандильской группы идутъ ослабѣвая съ востока на западъ. Но такъ какъ по существу они сходятся съ особенностями „айстскаго“ вокализма (т. е. народовъ литовско-латышскихъ), то авторъ и заканчиваетъ свое изслѣдованіе вопросомъ: „не здѣсь ли лежитъ исходный пунктъ движенія, превратившаго прагерманское $\overline{ǝe}$ въ готское ē, прагерманское ō въ готское ō, близкое къ ū?“ (стр. 341).

Итакъ, по г. Брауну, готы были туземцы на материкѣ Европы, они не имѣютъ никакого отношенія къ Скандинавіи, къ морю подвинулись они лишь въ половинѣ I вѣка нашей эры. Народная легенда о заморскомъ происхожденіи готовъ и переселеніи на материкъ съ сѣвера—не заслуживаетъ никакого вниманія и не заключаетъ въ себѣ никакого зерна исторической достовѣрности. Древнѣйшая исторія племени была совсѣмъ иная, и мы можемъ ее прослѣдить по столѣтіямъ. Таковы положенія г. Брауна.

Да проститъ намъ почтенный и много потрудившійся надъ доказательствомъ этихъ положеній авторъ, но по нашему мнѣнію, онъ, сохраняя серьезный тонъ изслѣдователя, посмѣялся, и очень жестоко, какъ надъ историческимъ матеріаломъ, такъ и надъ его критикой, а еще горшее издѣвательство совершилъ надъ тѣмъ, что ему особенно дорого, т. е. лингвистикой, обративъ ее въ своихъ умѣлыхъ рукахъ въ послушное орудіе, при помощи котораго можно доказывать любой парадоксъ. Вся эта quasi — ясная картина древнѣйшихъ судебъ готовъ является результатомъ произвольныхъ допущеній и смѣлой комбинаціи однихъ историческихъ свидѣтельствъ въ забвеніи другихъ, сопровождаясь полнымъ игнорированіемъ не только данныхъ археологіи, но также и географіи.

Представить полное опроверженіе гипотезъ и домысловъ г. Брауна значило бы написать столько же, сколько онъ самъ; но это было бы напраснымъ трудомъ, такъ какъ слабость его теоріи достаточно будетъ видна изъ указаній на нѣкоторыя болѣе слабыя звенья его ар-

гументаціи, или недочеты въ привлеченномъ имъ къ изслѣдованію матеріалѣ.

Исходнымъ пунктомъ его аргументаціи является, повидимому, положеніе о дѣленіи германскихъ языковъ на три вѣтви, при чемъ вандильская группа выдѣлена какъ самостоятельная, на ряду съ скандинавской и западно-германской (стр. 275). Но это вопросъ спорный; авторъ самъ отмѣчаетъ его трудность и называетъ нѣсколько именъ авторитетныхъ германистовъ, которые сближали восточно-германскую группу языковъ съ скандинавской, противополагая ей западно-германскіе языки.

Допустимъ, что г. Браунъ правъ въ этомъ вопросѣ; но онъ самъ не только умалилъ, а даже вовсе устранилъ значеніе этого аргумента тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ своего изложенія пришелъ къ выводу такого рода: „начало выдѣленія вандильскихъ нарѣчій въ обособленную группу совпадаетъ по времени съ передвиженіемъ готовъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу" (стр. 338), а этотъ фактъ онъ самъ относитъ къ концу I вѣка по Р. Хр. Мы не касаемся вопроса о томъ, на какую степень вѣроятности могутъ претендовать подобнаго рода точныя, хронологически опредѣленныя, датировки столь крупныхъ явленій въ жизни языка, какъ дѣленіе на группы. Какъ лингвистъ, г. Браунъ компетентенъ судить объ этомъ лучше насъ. Но для насъ важно отмѣтить одно: на сколько бы группъ ни дѣлить германскіе языки, вопросъ этотъ, являющійся исходнымъ пунктомъ аргументаціи автора и устанавливаемой имъ исторіи готовъ, ничего однако не даетъ по существу, потому что самое выдѣленіе изъ общей массы германскихъ языковъ вандильскихъ нарѣчій случилось, по его мнѣнію на памяти исторіи, когда готы перешли на правый берегъ Вислы. Такимъ образомъ, оказывается совершенно все равно: пришли ли они изъ Скандинавіи на материкъ, или выселились на нижнюю Вислу изъ сѣверныхъ предгорій богемскихъ горъ,—до появленія у береговъ Балтики они были въ единствѣ языка со всѣми остальными германскими племенами, могли, стало быть, находиться и въ Скандинавіи. Его исходный пунктъ оказывается мнимымъ и самъ авторъ сдѣлалъ его такимъ.

Почему же г. Браунъ далъ однако готамъ совсѣмъ не ту родину, на какую они претендовали въ своихъ національныхъ преданіяхъ? Повидимому, на эту мысль навело его свидѣтельство Страбона. Этотъ географъ, VII 1, помянулъ о готахъ, если только правы тѣ, кто

вмѣсто засвидѣтельствованнаго въ его текстѣ Βούτωνες хотятъ читать Γούτωνες. Это свидѣтельство о готахъ авторъ считаетъ древнѣйшимъ и первымъ по времени. Но достаточно заглянуть въ текстъ Страбона, чтобы видѣть, что у Страбона нѣтъ точныхъ топографическихъ указаній относительно далекаго сѣвера. Онъ лишь называетъ нѣсколько именъ народовъ, которыхъ подчинилъ себѣ царь Марободъ. Не говоритъ онъ и того, жили ли эти народы въ непосредственной близости отъ маркоманновъ, или же занимали далекія отъ нихъ мѣстности [1]).

Изъ болѣе отчетливыхъ и ясныхъ сообщеній Тацита (ann. II 45) мы знаемъ, что Марободъ подчинилъ себѣ семноновъ и лангобардовъ. Такъ какъ послѣдніе занимали низовья Эльбы и Марободъ покорилъ ихъ своей власти, то почему же считать невѣроятнымъ, что тотъ же воитель могъ подчинить себѣ и область нижней Вислы, гдѣ сидѣли готы? А если передвигать готовъ въ истоки Вислы, то почему же не дѣлать подобнаго и съ лангобардами и не подвинуть ихъ также на югъ поближе къ маркоманнамъ? Никакой помощи не можетъ оказать также и эпизодъ съ Катуальдой. То былъ воитель, начальникъ бродячей дружины, которая покинула родину и искала добычи. Подробный разсказъ Тацита (ann. II 62), единственный нашъ источникъ объ этомъ событіи, въ такомъ именно свѣтѣ представляетъ дѣло. Послѣ изгнанія Маробода, Катуальда столкнулся съ гермундурами и искалъ спасенія въ предѣлахъ имперіи. Тиберій интернировалъ его далеко на югѣ, въ городѣ Forum Iulium въ Нарбонской Галліи, а дружина его, не получившая права перехода черезъ Дунай, составила ядро царства квада Ваннія. Если Катуальда не пытался воротиться на свою родину, а дружина его отдалась въ распоряженіе императора и была поселена послѣднимъ по близости отъ предѣловъ имперіи, то отсюда естественно заключить, что родина готовъ была

---

[1]) Str. VI, 1, 3. Ἐνταῦθα δ'ἐστί και ὁ Ἑρκύνιος δρυμὸς καὶ τὰ τῶν Σοήβων ἔθνη, τὰ μὲν οἰκοῦντα ἐντὸς τοῦ δρυμοῦ, καθάπερ τὰ τῶν Κοαδούων· ἐν οἷς ἐστι καὶ τὸ Βουίαιμον, τὸ τοῦ Μαροβόδου βασίλειον... ἐπανελθὼν δὲ ἐδυνάστευσε καὶ κατεκτήσατο πρὸς οἷς εἶπον Λουίους τε μέγα ἔθνος, καὶ Ζούμους καὶ Βούτωνας καὶ Μουγίλωνας καὶ Σιβινοὺς καὶ τῶν Σοήβων αὐτῶν μέγα ἔθνος, Σέμνωνας... Κοινὸν δ' ἐστὸν ἅπασι τοῖς ταύτῃ τὸ περὶ τὸς μεταναστάσεις εὐμαρὲς διὰ τὴν λεπτότητα τοῦ βίου καὶ διὰ τὸ μὴ γεωργεῖν μηδὲ θησαυρίζειν, ἀλλ' ἐν καλυβίοις οἰκεῖν, ἐφήμερον ἔχουσι παρασκευήν. Τροφὴ δ' ἀπὸ τῶν θρεμμάτων ἡ πλείστη, καθάπερ τοῖς Νομάσιν. Ibid. 2, 4. Τὰ δὲ πέραν του Ἄλβιος τὰ πρὸς τῷ Ὠκεανῷ παντάπασιν ἄγνωστα ἡμῖν ἐστίν. Οὔτε γὰρ τῶν προτέρων οὐδένα ἴσμεν τὸν παράπλουν τοῦτον πεποιημένον πρὸς τὰ ἑωθινὰ μέρη τὰ μέχρι τοῦ στόματος τῆς Κασπίας θαλάττης, οὐθ' οἱ Ῥωμαῖοι πω προῆλθον εἰς τὰ περαιτέρω τοῦ Ἄλβιος.

далеко отъ земли маркомановъ и Катуальда не имѣлъ возможности туда вернуться.

Итакъ, лишеннымъ основанія является предположеніе, будто готы спасались отъ Маробода на далекій сѣверо-востокъ. Достовѣрно засвидѣтельствовано только то, что готская дружина, достаточно сильная для того, чтобы сокрушить тронъ Маробода, вторглась въ область маркомановъ, воевала потомъ съ западными сосѣдями маркомановъ и, наконецъ, подалась на югъ, ставъ подъ защиту римской власти.

Совершенно произвольнымъ является, далѣе, утвержденіе г. Брауна, будто Страбонъ для насъ первый свидѣтель о готахъ. Онъ почему-то совершенно устранилъ изъ разсмотрѣнія весьма интересное и важное свидѣтельство Плинія, который приводитъ имя знаменитаго массилійскаго путешественника Пиѳеаса, IV вѣка до Р. Хр., какъ перваго свидѣтеля о пребываніи готовъ на низовьяхъ Вислы.—Pytheas Gutonibus Germaniae gente adcoli aestuarium Metonomon nomine ab Oceano spatio stadiorum sex milium, ab hoc dici navigatione abesse insulam Abalum illo per ver fluctibus advehi et esse concreti maris purgamentum, incolas pro ligno ad ignem uti at proximis Teutonis vendere. Huic et Timaeus credidit, sed insulam Basiliam vocavit, Hist. Nat. XXXVII 35.—Итакъ, по прямому смыслу этого свидѣтельства, имя готовъ, какъ племени обитающаго въ странѣ янтаря, извѣстно было греческимъ ученымъ IV вѣка до Р. Хр.

Правда, Мюлленгофъ путемъ разныхъ ухищреній старался устранить имя готовъ изъ этого текста Плинія, но врядъ ли онъ многихъ убѣдилъ своими разсужденіями. Если же г. Браунъ ему вполнѣ повѣрилъ, то это никоимъ образомъ не освобождало его отъ обязанности помянуть это интересное и важное свидѣтельство и отмѣтить, что онъ его устраняетъ, потому что въ немъ усомнился Мюлленгофъ [1]).

[1]) Мюлленгофъ, D. A., стр. 479 — предлагаетъ читать Teutonibus вм. Gutonibus; *Detlefsen* въ статьѣ: Zur Kenntniss der Alten von der Nordsee (Hermes. 1897, стр. 190—201), основываясь на чтеніи одной рукописи (Cod. Bambergensis),—guionibus и узнавалъ въ немъ имя Inguaeones. *Kothe,* — Die Bernsteininseln bei Timaios (Jahrbücher f. d. Phil., 1890, стр. 184—186)—видитъ въ словахъ: Germanorum gente — вставку Плинія въ подлинное свидѣтельство и въ готахъ этого текста Плинія признаетъ населеніе южной Швеціи, т. е. гаутовъ Птолемея. — Мы лично не мало не хотимъ настаивать на томъ, что Пиѳеасъ дѣйствительно зналъ готовъ на устьяхъ Вислы; но полагаемъ, что обходить и замолчать такое ясное свидѣтельство никоимъ образомъ было нельзя въ спеціальной работѣ о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ, тѣмъ болѣе что г. Браунъ такъ подробно трак-

Этого онъ не сдѣлалъ, а только утверждаетъ первенство Страбона съ его Βούτωνες, въ которыхъ, конечно, можно признать Γούτωνες.

Какъ бы ни отнестись къ свидѣтельству Плинія, первенство Страбона въ упоминаніи имени готовъ оказывается весьма сомнительнымъ, и во всякомъ случаѣ оно ни мало не подтверждаетъ апріорнаго предположенія, будто готы около времени Р. Х. обитали въ мѣстностяхъ далекихъ отъ низовьевъ Вислы. При императорѣ Неронѣ была отправлена экспедиція въ страну янтаря (Plin. 37, 45), существовалъ издавна установившійся торговый путь, по которому шла торговля янтаремъ; а потому отъ широкаго кругозора римской политики того времени не могли бы, конечно, укрыться крупные этническіе перевороты, каковымъ должно было явиться переселеніе большого народа въ страну, находившуюся въ торговыхъ сношеніяхъ съ имперіей. Если Птолемей является для насъ первымъ авторомъ, который съ полной опредѣленностью помѣстилъ готовъ на правомъ берегу Вислы, то это никоимъ образомъ не даетъ намъ хронологіи ихъ переселенія, какъ думаетъ г. Браунъ. Нельзя, конечно, извлечь хронологической даты и изъ Іордана, который отводитъ такой краткій промежутокъ между переселеніемъ готовъ на низовья Вислы и передвиженіемъ ихъ на югъ. Но вѣдь Іорданъ, или его источникъ Кассіодорій, дали намъ не выписку изъ хроники, а свидѣтельство въ эпической оболочкѣ, гдѣ личность героя является лишь символомъ и олицетвореніемъ цѣлыхъ эпохъ. Пребываніе готовъ въ странѣ янтаря мы должны считать вѣками, и то обстоятельство, что Плиній (4, 100) знаетъ рѣку Прегель подъ именемъ Guttalus, давно уже нашло себѣ справедливое толкованіе.

Приступая къ „провѣркѣ" своего „апріорнаго вывода" историческимъ и лингвистическимъ матеріаломъ (стр. 327), г. Браунъ отмѣчаетъ „скудость" того и другого. Если „скудость" лингвистическаго матеріала позволила ему однако перевернуть на изнанку исторію готовъ, то историческій матеріалъ далеко не настолько скуденъ, какъ думаетъ г. Браунъ. Скуднымъ сдѣлалъ его самъ, такъ какъ онъ его обузилъ и въ немъ не разобрался. Его попытку поколебать такой прочный устой исторіи готовъ, какъ ихъ связь съ Скандинавіей, мы считаемъ просто недоразумѣніемъ. Отрицая эту связь, г. Браунъ признаетъ, однако, одинъ фактъ, который ее непреложно доказываетъ. Ра-

---

туетъ столько вопросовъ, которые не имѣютъ никакого значенія для выясненія исторіи готовъ.

зумѣемъ—островъ Готландъ съ его исконнымъ *готскимъ*, какъ признаетъ это и самъ г. Браунъ, населеніемъ. Вопросу о „гутскомъ" языкѣ авторъ посвятилъ обстоятельный ученый экскурсъ (стр. 282—305) и, какъ свой окончательный выводъ, онъ ставитъ положеніе: „И такъ, изъ скандинавскихъ языковъ одно только нарѣчіе Готланда носитъ явные признаки ближайшаго родства съ вандильской семьей" (стр. 305). Но достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть всю невозможность этого факта, если вся вандильская группа племенъ была искони континентальной и готы лишь около времени Р. Х. подвинулись къ Балтійскому морю. Готы, какъ утверждаетъ г. Браунъ, жили на берегахъ Балтики отъ половины I вѣка нашей эры и до второй половины II. Какимъ же образомъ этотъ *континентальный* народъ могъ вдругъ проявить такую колонизаціонную дѣятельность, чтобы заселить далекій сѣверный островъ, лежащій недалеко отъ береговъ совершенно чуждой ему Скандинавіи? [1]). Откуда у этого народа, при полномъ его незнакомствѣ съ моремъ въ теченіи столѣтій, могъ явиться даже самый вкусъ къ морскимъ предпріятіямъ? Или готы съ Готланда не имѣютъ ничего общаго съ готами материка, или же они доказываютъ самымъ фактомъ родства своего съ готами связь послѣднихъ съ Скандинавіей. Своей исторіей на берегахъ Чернаго моря готы засвидѣтельствовали, что море имъ не чужая стихія, и это понятно только при условіи, что Скандинавія ихъ родина и что они нѣсколько столѣтій были обитателями приморскихъ странъ, а не горныхъ долинъ и равнинъ въ сосѣдствѣ съ Богеміей.

Пострадала географія отъ г. Брауна, но уже вмѣстѣ съ лингвистикой, въ другомъ весьма существенномъ его положеніи. Нѣсколько разъ въ своемъ изложеніи г. Браунъ останавливается на выясненіи основныхъ чертъ вокализма вандильской группы нарѣчій (стр. 290 и сл., 336 и сл.). Наиболѣе характерной чертой его онъ считаетъ — „стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализаціи *a*, *i*, *u*" или съуженіе гласныхъ. При всей скудости данныхъ, которыми располагаетъ наука для сужденья о языкѣ бургундовъ и вандаловъ, авторъ считаетъ возможнымъ однако установить слѣдующій выводъ: „На западной окраинѣ вандальскаго міра характерныя черты готскаго вокализма блѣднѣютъ, и бургундскій языкъ со своимъ $\bar{a} < \overline{ee}$ представляетъ

[1]) На стр. 271 г. Браунъ рѣшительно заявляетъ: „готы и ихъ ближайшіе родичи никогда не были мореходами". Какъ же однако они оказались населеніемъ Готланда?

собою уже ступень переходную къ западногерманскому типу" (стр. 338). Появленіе этихъ чертъ вокализма въ готскомъ языкѣ, гдѣ онѣ сильнѣе всего выражены, признаетъ г. Браунъ фактомъ поздняго времени, „т. е. не раньше перваго вѣка по Р. Х." (ibid.). А такъ какъ, по его утвержденію, вокализмъ „айстскихъ" племенъ отличается особенностями, которыя совпадаютъ „съ особенностями вандильскихъ нарѣчій и спеціально готскаго языка", то отсюда дѣлается предположеніе, что у айстовъ и слѣдуетъ искать „исходный пунктъ движенія, превратившаго прагерм. $\overline{ee}$ въ готск. ē, прагерм. ō въ готск. ō, близкое къ ū" (стр. 340). Заключеніе это сдѣлано въ видѣ вопроса; но чтобы подготовить читателя къ этому выводу, авторъ указываетъ на факты вліянія языка побѣжденныхъ туземцевъ на языкъ побѣдителей и между прочимъ сравниваетъ готовъ съ остзейскими нѣмцами (?), усвоившими кое-что изъ вокализма туземцевъ. Итакъ, авторъ думаетъ, что онъ знаетъ время, когда именно совершился у готовъ извѣстный процессъ въ вокализмѣ ихъ языка, который и выдѣлилъ ихъ въ особую группу германскихъ нарѣчій, и что возможно указать источникъ этого важнаго процесса!

Позволимъ себѣ спросить г. Брауна: какимъ образомъ готы, которые только къ концу I вѣка нашей эры вступили въ среду „айстскихъ" племенъ, немедленно могли „заразить" свой вокализмъ оригинальными чертами чужого вокализма? Какимъ образомъ въ ту эпоху отсутствія иного общенія съ своими родичами, кромѣ битвъ (напомнимъ кровавую вражду готовъ съ вандалами) и военныхъ столкновеній — могли готы заразить тѣми же, воспринятыми отъ побѣжденныхъ племенъ, особенностями вокализмъ своихъ родичей, бургундовъ и вандаловъ? Развѣ такіе факты, какъ глубокія измѣненія вокализма, совершаются на подобіе морового повѣтрія? Гдѣ основанія допускать какое-либо общеніе готовъ съ ихъ родичами, послѣ того какъ они подвинулись такъ далеко на востокъ и вступили въ чуждую имъ по языку и племени среду „айстовъ"? Развѣ готы не сохранились какъ германское племя, а сразу перемѣшались съ „айстами", что они могли заразить свой вокализмъ?... Все это такъ невозможно, что стоитъ только опредѣленно поставить положенія, къ которымъ приходитъ г. Браунъ, чтобы прійти въ полное недоумѣніе, какъ можетъ лингвистъ такъ злоупотреблять своими методами, обращая ихъ въ орудіе для доказательства завѣдомыхъ и очевидныхъ парадоксовъ. Нѣтъ, не такова древнѣйшая исторія готовъ, какъ ее выдумалъ г. Браунъ. Просвѣтъ въ нее намъ сохранилъ Іорданъ въ великолѣп-

ной легендѣ, хранящей отголоски народнаго эпоса, а отношенія Теодориха Великаго къ Скандинавіи (Iord. Get. III, 24) оживили память о давнемъ, считавшемъ тогда много столѣтій, прошломъ, успѣвшемъ облечься въ уборъ легендъ и эпоса [1]).

III.

Если въ возсозданіи древнѣйшихъ судебъ готовъ г. Браунъ является весьма смѣлымъ и рѣшительнымъ критикомъ въ отношеніи такого матеріала, какъ народное сказаніе, то въ другихъ случаяхъ онъ, наоборотъ, оказываетъ довѣріе даннымъ, которыя никоимъ образомъ его не заслуживаютъ. Разумѣемъ его отношеніе къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ славянъ. Къ славянамъ авторъ подходитъ, вращаясь въ этническихъ опредѣленіяхъ народностей, имена которыхъ сообщилъ Геродотъ. Ссылаясь на Шафарика, г. Браунъ признаетъ славянъ въ неврахъ Геродота (стр. 80 и сл.) [2]). По Геродоту, невры народъ оборотней: каждый невръ обращается разъ въ году въ волка на нѣсколько дней. Геродотъ знаетъ объ этомъ народѣ еще слѣдующее сказаніе: за одно поколѣніе до похода Дарія на скиѳовъ невры покинули свою страну и перебрались въ землю будиновъ. Къ выселенію ихъ побудило появленіе множества змѣй, народившихся въ ихъ странѣ, а также вторгшихся изъ „верхнихъ пустынь". Эти сообщенія Геродота признаетъ авторъ настолько цѣннымъ матеріаломъ, что считаетъ возможнымъ „опредѣлить время и причины этого передвиженія и установить, такимъ образомъ, terminus a quo исторіи славянскаго міра"

---

[1]) Въ вопросѣ о томъ, возможно ли, или нѣтъ признать за историческій фактъ связь готовъ съ Скандинавіей, нельзя упускать изъ вида той аналогіи, которую представляетъ исторія геруловъ. Вытѣсненное изъ Скандинавіи (Iord. Get. III, 23), это племя имѣло свою исторію на берегахъ Мэотиды (ib. XVIII), затѣмъ на Дунаѣ въ сосѣдствѣ съ лангобардами (Proc. bel. got. II 14). Храня живую память о своей далекой родинѣ, герулы предприняли оттуда переселеніе на далекій сѣверъ и осуществили его (ibid. 15). Фактъ этотъ относится къ 512 году. Оставшаяся въ придунайскихъ земляхъ часть племени посылала посольство въ Скандинавію просить себѣ царя, который и прибылъ оттуда (ib.).

[2]) Въ новѣйшемъ цѣльномъ трудѣ по этнографіи германцевъ—*Bremer*, Ethnographie der germanischen Stämme (Paul's Grundriss d. germ. Phil. III, 4 Lief., Abschnitt XV)—невры уже оказались кельтами (стр. 781), какъ изъ кельтскаго же языка объясняются имена Danaster и Danaper (ib.). Такимъ образомъ Бремеръ идетъ дальше г. Брауна. Если послѣдній оттѣсняетъ ихъ отъ Карпатъ, то первый изгоняетъ ихъ даже изъ Полѣсья. И причина все та же — миражи лингвистики.

(стр. 242). „Мы не имѣемъ права,—говоритъ онъ,—не довѣрять этому преданію, представляющемуся намъ въ столь опредѣленной, хотя и нѣсколько (развѣ только „нѣсколько?") легендарной формѣ. Очистивъ его отъ фантастическихъ прикрасъ, мы получимъ крупный историческій фактъ, подтверждаемый побочными соображеніями". Оказывается, однако, что сдѣлать это не такъ легко. Будиновъ авторъ помѣстилъ на Дону, признавъ въ нихъ финнскую народность. Отъ прикарпатскихъ странъ и Полѣсья, куда онъ, вмѣстѣ съ другими, помѣщаетъ невровъ, до Дона слишкомъ далеко: „800 слишкомъ верстъ". И вотъ онъ рѣшается раздвоить будиновъ и подвинуть часть этого народа на среднее теченіе Днѣпра. Къ этимъ-то днѣпровскимъ будинамъ переселились невры изъ Полѣсья. Подъ змѣями слѣдуетъ разумѣть какихъ-нибудь „сѣверныхъ варваровъ". Это были, очевидно, германцы и въ частности бастарны. А такъ какъ хронологія Дарія намъ извѣстна, то значитъ уже во второй половинѣ VI вѣка до Р. Хр. славяне были вытѣснены изъ области Карпатъ. Да и самое имя Карпаты выдаетъ для г. Брауна въ своемъ звуковомъ составѣ германскій характеръ слова и, что еще важнѣе, оно восходитъ къ эпохѣ до 400 года до Р. Хр. (стр. 105). Съ такой удивительной точностью умѣетъ г. Браунъ хронологически опредѣлять звуковыя явленія въ доисторическій и столь далекій отъ письменности періодъ жизни языковъ! Итакъ, оказывается, что и лингвистика подтвердила справедливость показанія Геродота, хотя онъ не зналъ, конечно, никакихъ бастарновъ, выступившихъ на свѣтъ исторіи только во II вѣкѣ до Р. Хр., какъ не зналъ онъ и никакихъ Карпатъ ни по имени, ни безъ имени, да и вообще представлялъ себѣ весьма туманно мѣстонахожденіе земли оборотней, о которыхъ ему сообщали ольвійскіе греки.

Вся эта аргументація г. Брауна столь удивительна, что врядъ-ли заслуживаетъ какого-либо опроверженія, и мы не усматриваемъ и не можемъ усмотрѣть никакого terminus a quo для исторіи славянскаго міра [1]).

---

[1]) Проф. Соболевскій въ своей краткой замѣткѣ о книгѣ г. Брауна въ „Вѣстникѣ" Л. Нидерле (svazek 4, стр. 22—28) привелъ нѣсколько возраженій къ существу его теоріи. Позволимъ себѣ замѣтить, что мы вѣримъ въ возможность опредѣленія термина a quo исторіи славянъ — конечно не по годамъ и даже не столѣтіямъ, какъ дѣлаетъ г. Браунъ. — Къ осторожнымъ утвержденіямъ лингвистики можетъ прійти на помощь археологія. Почтенный изслѣдователь Нидерле стоитъ, конечно, на вѣрномъ пути въ своихъ исканіяхъ колыбели славянъ. Поправить его ошибки могутъ лингвисты. См. замѣчанія того же проф. Соболевскаго въ томъ же нумерѣ Вѣстника (стр. 19).

Для выясненія метода автора укажемъ еще на нѣкоторыя звенья его аргументаціи. Раздвоеніемъ будиновъ онъ хочетъ облегчить историческое толкованіе похода Дарія по Скиѳіи, какъ онъ изложенъ у Геродота. „До Борисѳена Дарій могъ дойти въ указанный Геродотомъ промежутокъ времени; позднѣйшее же скиѳское преданіе, замѣнивъ будиновъ западныхъ на Днѣпрѣ восточными за Дономъ, растянуло походъ персовъ до Волги" (стр. 245). Позволимъ себѣ замѣтить, что Геродотъ называетъ только рѣку Ὄαρος. Откуда же у г. Брауна увѣренность въ томъ, что рѣка эта и есть Волга? Если такъ думалъ Мюлленгофъ, на котораго вскользь ссылается здѣсь г. Браунъ, то этого еще мало. Конечно, тридцать или двадцать лѣтъ тому назадъ можно было еще водить Дарія широко по простору южно-русскихъ степей, дѣлалъ это еще и почтенный изслѣдователь судебъ нашего юга, Брунъ; но въ настоящее время, повидимому, никто, касавшійся этого вопроса, не забываетъ, что уже Страбонъ далъ намъ критику сообщеній Геродота въ своей поправкѣ на счетъ мѣстности похода Дарія. Знаетъ объ этомъ и г. Браунъ и даже самъ приводитъ показаніе Страбона; но на бѣду во всемъ этомъ процессѣ „очистки" легендарнаго сообщенія Геродота о неврахъ играютъ главную роль помянутыя авторомъ „побочныя соображенія". Онъ вѣритъ, что ему открыта точная дата слова Карпаты и его исторія, купно съ судьбою бастарновъ до ихъ появленія за Дунаемъ и въ его устьяхъ.

Умозрѣнія и гипотезы въ области лингвистики, разъ они претендуютъ на точную хронологію въ столь отдаленныя времена, сами себя подрываютъ и опровергаютъ. Непонятно и то, почему для перваго перебоя въ германскихъ языкахъ нужна такая давняя дата, тогда какъ для возникновенія особенностей вандильскаго вокализма вовсе не понадобилось времени, а достаточно было одному изъ вандильскихъ племенъ, готамъ, только перейти за Вислу и прійти въ соприкосновеніе съ „айстами", чтобы ихъ вокализмъ заразился съуженіемъ гласныхъ, и эта зараза моментально распространилась на всѣ вандильскія племена до бургундовъ и до острова Готланда включительно? Непонятно и то, какъ это Геродотъ, своимъ неопредѣленнымъ указаніемъ на землю невровъ къ сѣверу отъ скиѳовъ, могъ дать поводъ заговорить объ области Карпатъ, которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Догадки Шафарика объ исконномъ пребываніи славянъ въ области Карпатъ смѣшалъ г. Браунъ съ прямыми свидѣтельствами Геродота о народахъ невѣдомыхъ, прибавилъ свои домыслы о судьбѣ бастарновъ и получилъ свой „terminus a quo славянскаго міра", который и оста-

нется его личной собственностью. Позволяемъ мы себѣ сомнѣваться и въ томъ, чтобы г. Брауну удалось пролить какой-нибудь свѣтъ на древнѣйшія судьбы славянства тѣмъ, что онъ признаетъ въ имени „венды" общее обозначеніе всего „славяно-балтійскаго племени" (стр. 334), т. е. какъ славянъ, такъ и литовцевъ съ латышами. Къ этому предположенію онъ приходитъ на основаніи того факта, что имя венды сохранилось въ славянскомъ племени вятичи—съ одной стороны и въ топографическихъ именахъ на территоріи литовско-латышской (Виндава, Венденъ, Вента и т. д.)—съ другой. Это положеніе имѣло бы нѣкоторую долю вѣроятія, если бы г. Браунъ доказалъ, что вендами готы прозвали всѣ покоренные ими народы на востокъ отъ Вислы, хотя и тогда было бы странно, почему одно славянское племя удержало обозначеніе, которое ему дали побѣдители-насельники, и забыло свое родное. Но г. Браунъ думаетъ иначе: онъ подробнымъ лингвистическимъ анализомъ слова венды доказываетъ (стр. 333), что это имя германцы услышали на мѣстѣ и переголосовали его по своему. Но откуда же тогда это имя? Какой „географъ" или „этнографъ" могъ изобрѣсти его въ тѣ давнія времена и заставить чуждые по языку и крови народы усвоить его? Получается какая-то странная загадка вмѣсто объясненія вопроса.

По нашему мнѣнію, г. Браунъ столь же напрасно пытался возстановить исторію славянъ, какъ напрасно передѣлывалъ онъ гораздо болѣе ясную для насъ исторію готовъ, и въ обоихъ случаяхъ равно плохо разгадалъ далекое доисторическое прошлое. Напрасно также раздвоять и невѣдомыхъ намъ будиновъ, которые, на основаніи сообщеній Геродота, останутся все тѣми же невѣдомыми „вшеѣдами". Національность ихъ не поможетъ намъ разгадать и то, что въ настоящее время вшеѣдами оказываются монголы на своей родинѣ [1]). Трактуя въ данномъ случаѣ исторически змѣй, вытѣснившихъ невровъ съ ихъ родной страны, онъ признаетъ, однако, самъ въ другомъ мѣстѣ своего изложенія, что этотъ мотивъ можно трактовать „на почвѣ индо-европейскаго фольклора" (стр. 320, въ изложеніи сказаній лангобардскихъ, гдѣ тоже встрѣчаются змѣи [2]). Почему же, однако, здѣсь, въ вопросѣ о славянахъ, онъ рѣшилъ его такъ просто? Очевидно, во всемъ виноваты „побочныя соображенія".

---

[1]) Ср. замѣчанія проф. Мищенка въ его статьѣ: „Геродотовы вшеѣды", гдѣ онъ отказывается отъ изысканнаго толкованія, которое принималъ въ своемъ переводѣ, *Филологическое Обозрѣніе*, XV т. (1898), стр. 73—88.

[2]) Тотъ же мотивъ встрѣчается и у тюркскихъ народовъ.

IV.

Бо́льшая часть книги г. Брауна посвящена вопросамъ, имѣющимъ лишь очень отдаленное отношенiе къ судьбамъ „готовъ на Вислѣ", что́, судя по заголовку, составляетъ главный сюжетъ его изложенiя. Предполагая въ будущемъ трактовать исторiю готовъ за время пребыванiя ихъ на побережьи Чернаго моря, г. Браунъ призналъ нужнымъ подробно обозрѣть этнографiю всей „Скиөiи" Геродота или „Сарматiи" Птолемея. Съ весьма различной подробностью разъясняетъ онъ вопросы о мѣстожительствѣ того или иного племени, помянутаго у Геродота и оставшагося затѣмъ жить въ ученомъ преданiи древняго мiра. Онъ искренно вѣритъ въ возможность точныхъ рѣшенiй вопросовъ о народности будиновъ, андрофаговъ, меланхленовъ и т. под. ἀντιμενὰ χάρτηνα древней науки, остававшихся жить на картѣ тѣхъ дальнихъ странъ невозбранно до временъ Аммiана Марцеллина и не уступившимъ даже у него мѣста ни готамъ, о которыхъ этотъ историкъ такъ много зналъ, ни славянамъ [1]). Въ этнографическихъ опредѣленiяхъ народовъ геродотовой Скиөiи г. Браунъ слѣдуетъ вообще Томашку, отчасти воспроизводя его доводы, а отчасти и дополняя ихъ новыми соображенiями. Для примѣра укажемъ на будиновъ. Авторъ совершенно увѣренъ, что въ будинахъ необходимо признать финновъ—„по Томашку предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ". Онъ помѣщаетъ ихъ на Дону, готовъ узнать самое слово—будины—въ имени *Udy*, *Udmurt*, какъ называютъ себя вотяки (стр. 85), и въ доказательство того, что нѣкогда „финскiе будины были непосредственными сосѣдями сарматовъ", ссылается на осетинскiй языкъ, въ которомъ проф. Всев. Миллеръ констатировалъ существованiе словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка. Мы далеки отъ мысли подвергать послѣднiй фактъ сомнѣнiю; но что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ проф. Всев. Миллеръ возвелъ эти слова къ такимъ, которыя осетины заимствовали за 500 лѣтъ до Р. Х.? Вполнѣ признавая положенiе, что осетины являются остаткомъ того большого иранскаго кочеваго населенiя, которое носило имя савроматовъ или сарматовъ, а позднѣе аланъ [2]), мы не можемъ закрывать глаза на то, что тѣ

[1]) На мнимое существованiе этихъ народовъ, какъ такихъ, я имѣлъ случай указывать въ своемъ изслѣдованiи: „Аланы по свѣд. класс. и визан. писателей". Кiевъ. 1899, стр. 19 и сл.

[2]) См. мое изслѣдованiе: „Аланы" и т. д.

„гуннскіе народы" (οὐννικὰ ἔθνη византійцевъ), которые въ теченіе долгихъ столѣтій составляли населеніе южнорусскихъ степей, заключали въ себѣ какъ тюрковъ, такъ и финновъ (доказательство: мадьяры, „турки" византійцевъ, съ своимъ финскимъ языкомъ). Почему же не къ этой эпохѣ отнести заимствованіе осетинами финскихъ словъ, а непремѣнно къ той давней, о которой такъ смутно и неясно сообщилъ намъ Геродотъ? Но г. Браунъ, забывая о послѣдующихъ судьбахъ черноморскихъ степей, подтверждаетъ данными Всев. Миллера финскую національность именно геродотовыхъ будиновъ. Развѣ это научный пріемъ?

Въ вопросѣ о народности геродотовыхъ скиѳовъ авторъ держится доказаннаго, насколько то возможно, положенія о принадлежности ихъ къ иранской группѣ арійцевъ. Таковы же и сарматы. Что же касается до смѣны въ нашемъ историческомъ преданіи скиѳовъ сарматами во II вѣкѣ до Р. Х., то г. Браунъ вѣритъ въ смѣну „*этнографической картины*: мѣсто скиѳовъ заняли сарматскія народности" (стр. 89). Конечно, представленіе это невозбранно царитъ еще со временъ Нибура; но въ его правильности весьма возможно усомниться [1]). Мы далеки отъ мысли поставить въ упрекъ автору то, что онъ воспроизвелъ это положеніе; но мы только думаемъ, что гипотезу слѣдовало бы отличать отъ факта въ ученой работѣ по первоисточникамъ.

V.

Вращаясь въ сферѣ географическихъ и этнографическихъ вопросовъ, г. Браунъ послѣ Геродота удѣлилъ наибольшее вниманіе Птолемею. Его данными онъ сначала пользуется какъ историческими свидѣтельствами, наряду съ свидѣтельствами другихъ писателей. Но по мѣрѣ углубленія знакомства съ данными Птолемея, авторъ попытался стать въ самостоятельное отношеніе къ этому важному и интересному источнику нашего знанія о древней географіи и этнографіи, занялся вычерчиваніемъ его карты и придумываніемъ способовъ переложенія данныхъ Птолемея на современную градусную сѣтку. Если бы авторъ предпринялъ эту работу внѣ зависимости отъ своей спеціальной темы, то ему пришлось бы расширить свое изложеніе, дать ему болѣе общій характеръ, выйти изъ предѣловъ двухъ-трехъ картъ

[1]) Ibid., стр. 5.

Птолемея и оцѣнить какъ матеріалъ, такъ и пріемы Птолемея съ общихъ точекъ зрѣнія. Тогда бы явилось на русскомъ языкѣ спеціальное изслѣдованіе о Птолемеѣ, полезное и интересное, которое могло бы подвинуть впередъ наше знаніе объ этомъ кульминаціонномъ пунктѣ географическаго знанія въ развитіи науки древняго міра. Но вышло иначе: частный поводъ привелъ г. Брауна къ Птолемею, онъ изучалъ лишь нѣкоторыя „таблицы" (πίναχες) Птолемея, случайно натыкался на вопросы о нѣкоторыхъ источникахъ Птолемея и увѣренно рѣшалъ ихъ, или предполагалъ рѣшенными; онъ отвергъ правильность способовъ редукціи его данныхъ, какіе были предложены Садовскимъ и Куно, предложилъ свой способъ и смѣло прилагалъ его въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ Птолемей и его предшественникъ, Маринъ Тирскій, имѣли крайне ненадежный матеріалъ и не могли поэтому дать намъ правильной карты; а главная погрѣшность г. Брауна состоитъ въ томъ, что онъ вовсе не замѣтилъ въ высшей степени важной и существенной черты географической карты Птолемея, а именно: ея *приблизительности* [1]). Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что и въ отдѣлахъ, посвященныхъ Птолемею, изложеніе г. Брауна чаще вызываетъ въ читателѣ недоумѣніе и заставляетъ его возражать автору, чѣмъ съ нимъ соглашаться и довѣрять его руководству.

Начнемъ съ того, что Птолемей говоритъ о своей картѣ, какъ исправленномъ изданіи карты Марина Тирскаго, и отмѣчаетъ одну существенную поправку относительно исчисленія протяженія земли по экватору. Эта поправка сдѣлана, какъ говоритъ Птолемей, на основаніи новыхъ перипловъ по восточнымъ морямъ въ сторону Индіи (и Китая). Но г. Браунъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выставляетъ утвержденіе, что Птолемей—„имѣлъ источники двухъ типовъ. Во-первыхъ—труды своихъ предшественниковъ, географовъ и историковъ... Нѣкоторые изъ нихъ дошли до насъ (напримѣръ, Геродотъ, Страбонъ, Плиній и т. п.), другіе утеряны (Эратосѳенъ, Пиѳей, Гиппархъ, Артемидоръ и др.). Второй, наиболѣе важный для насъ рядъ источниковъ, давалъ матеріалъ сырой: это были итинераріи купцовъ и путешественниковъ, таблицы разстояній".—Что Птолемей былъ ученый и образованный человѣкъ своего времени, это несомнѣнно; что

[1]) Позволимъ себѣ сослаться на общую характеристику труда Птолемея въ нашемъ изданіи: „Карта Европейской Сарматіи по Птолемею" (Кіевъ. 1899), а также и на дополненія къ этой работѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, статью въ *Филол. Обозр.*, т. XVII (1899), стр. 3—19.

онъ поправилъ карту восточныхъ морей на основаніи новыхъ маршрутовъ,—это онъ самъ сказалъ. Но какіе труды „географовъ и историковъ“ онъ читалъ, этого мы не знаемъ и никогда не узнаемъ, по самому характеру его изложенія. Г. Браунъ не сдѣлалъ никакой попытки доказать, что Плиній былъ въ рукахъ Птолемея; между тѣмъ онъ такъ увѣренъ въ томъ, что Плиній былъ однимъ изъ источниковъ Птолемея, что на стр. 61 своего изложенія, отмѣтивъ несогласіе въ показаніяхъ Плинія и Птолемея, готовъ объяснить это обстоятельство тѣмъ, что „въ томъ экземплярѣ Плинія, которымъ пользовался Птолемей“, была „описка“. Г. Браунъ не упоминаетъ почему-то Тацита въ числѣ источниковъ Птолемея; но тутъ онъ имѣлъ бы нѣкоторое основаніе въ знаменитомъ городѣ Σιατουτάνδα (II, 11, 12), въ которомъ многіе видѣли недоразумѣніе: слѣдъ непонятныхъ словъ Тацита (ann. 4, 73: ad sua tutanda digressis rebellibus), пока послѣдній издатель Птолемея, Мюллеръ, не выступилъ на его защиту, указавъ возможность иначе объяснить возникновеніе этого имени.

Но какъ бы ни стояло дѣло относительно Σιατουτάνδα, все же есть возможность задуматься на счетъ Тацита [1]); что же до компилятивнаго труда Плинія, то странно даже и говорить о немъ, какъ объ „источникѣ“ для Птолемея. Плиній дорогъ и важенъ для насъ, но не для ученыхъ грековъ того времени, которые нашли бы въ немъ только компиляцію изъ своихъ же ученыхъ. Что же до Птолемея, то о немъ неизвѣстно и того, зналъ ли онъ полатыни; а если Σιατουτάνδα дѣйствительно возникло изъ *sua tutanda*, то получается вѣроятность, что латинскій языкъ былъ ему совершенно чуждъ. Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса объ источникахъ Птолемея, которое сдѣлано въ двухъ словахъ и такъ категорически г. Брауномъ, роняетъ самый тонъ его отношенія къ этому писателю.

Что касается до итинераріевъ, то ими Птолемей несомнѣнно пользовался и самъ сказалъ объ этомъ въ отношеніи къ восточнымъ морямъ. Можно прибавить и то, что для нѣкоторыхъ мѣстностей Птолемей привлекъ къ дѣлу сухопутные итинераріи, которыми врядъ ли могъ пользоваться Маринъ Тирскій. Разумѣемъ Дакію, по которой прошли римскія дороги лишь послѣ ея завоеванія имп. Траяномъ и,

[1]) На стр. 27 г. Браунъ выражается такъ: „Большинство промаховъ Птолемея объясняется его стремленіемъ согласовать новыя данныя съ тѣмъ, что говорили прежніе авторитеты, какъ напр., Тацитъ, труды котораго онъ, конечно, зналъ“. На чемъ основана увѣренность г. Брауна въ знакомствѣ Птолемея съ Тацитомъ, остается для насъ загадкой.

конечно, не вдругъ. На этотъ вопросъ долженъ былъ натолкнуться г. Браунъ, такъ какъ онъ подробно обозрѣвалъ Дакію; но онъ его не замѣтилъ. Птолемей воспользовался итинераріями этой страны и сдѣлалъ это не всегда съ должной осмотрительностью, а именно: встрѣчая одинъ и тотъ же городъ на двухъ перекрещивающихся путяхъ, онъ попадалъ не на одно и то же мѣсто и ставилъ тотъ же городъ два раза на своей картѣ (напримѣръ, городъ Тибискъ).

Настаивая на итинераріяхъ, какъ матеріалѣ, который по своему редуцировалъ Птолемей, чтобы получить данныя, выражающіяся въ градусахъ и минутахъ, г. Браунъ пришелъ къ мысли возстановить цифры, положенныя Птолемеемъ въ основу своихъ исчисленій, то-есть изъ градусовъ и минутъ получить обратно стадіи, которыя можно перевести затѣмъ въ версты. Онъ имѣлъ терпѣніе вычислить въ верстахъ взаимное отношеніе множества пунктовъ Европейской Сарматіи и далъ въ „Приложеніи II" на 7 съ половиной страницахъ перечисленіе пунктовъ, для которыхъ онъ сдѣлалъ вычисленія. Какъ онъ оперируетъ съ этими данными, мы укажемъ ниже; а теперь позволимъ себѣ утверждать, что если бы г. Браунъ попробовалъ сдѣлать подобныя вычисленія для городовъ Египта, то-есть той страны, для которой въ распоряженіи Птолемея было наибольшее число астрономическихъ опредѣленій положенія отдѣльныхъ пунктовъ, то и тогда полученныя имъ въ стадіяхъ, путемъ обратнаго вычисленія, данныя оказались бы въ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Причина тому простая: Птолемей разсматриваетъ свою карту, какъ *приблизительную* картину земли, и въ своей „Географіи" пользуется повсюду лишь приблизительными числами. Въ своей „Астрономіи" онъ знаетъ для наклоненія эклиптики цифры 23° 51′, а въ „Географіи" принимаетъ 23° 50 За наименьшую величину въ „Географіи" онъ принялъ 1/12 часть градуса, то-есть 5′. При столь грубомъ приближеніи, Птолемей долженъ былъ по необходимости постоянно отступать отъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, какія имѣлъ онъ, или его предшественникъ. Такимъ образомъ, переводя градусныя разстоянія Птолемея въ цифры стадій. мы не можемъ получить данныхъ, соотвѣтствующихъ итинераріямъ, которые легли въ основу исчисленій Птолемея или его источника, а получимъ непремѣнно цифры, *несоотвѣтствующія древнимъ итинераріямъ*.

Между тѣмъ г. Браунъ, забывая о *приблизителномъ* характерѣ данныхъ Птолемея, такъ твердо вѣритъ въ изобрѣтенный имъ способъ переложенія птолемеевыхъ данныхъ на нашу карту, что, напримѣръ, отно-

сительно городовъ по рѣкѣ Каркиниту [1]) съ торжествомъ сопоставляетъ рядъ вычисленныхъ изъ Птолемея разстояній съ совпадающимъ почти до тожества числомъ верстъ между нѣсколькими селеніями Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи (стр. 222—223). Птолемей даетъ по рѣкѣ Каркиниту пять городовъ: Каркина, Торокка, Пакирисъ, Эркабъ, Тракана и Паваръ.

Разстоянія между этими пунктами по Птолемею, въ переводѣ ихъ на версты, будутъ такія: 23—60—14—7—43—21. Г. Браунъ, имѣвшій случай посѣтить Мелитопольскій уѣздъ во время своихъ раскопокъ въ Спрагозахъ, видѣлъ остатки каменнаго моста близъ села Чаплинки, отстоящаго въ 25 верстахъ отъ устья Коланчака, помѣстилъ сюда Каркину и нашелъ въ сторону отсюда слѣдующіе населенные пункты: Торгаевка, Нижнія Сѣрагозы, Верхнія Сѣрагозы, Большая Бѣлозерка, Балки. Эти селенія находятся въ такихъ разстояніяхъ: 25—65—13—7—42—21. Это совпаденіе онъ считаетъ настолько важнымъ, что объявляетъ вопросъ—„доказаннымъ въ полномъ объемѣ". Онъ находитъ при этомъ и одно лингвистическое доказательство, а именно: въ имени Торгаевка „ясно слышится древнее наименованіе", то-есть Торокка, „лишь славянизированное, не славянское имя".—Позволяемъ себѣ замѣтить, что думать такъ и прибѣгать къ такимъ аргументамъ значитъ смѣяться и надъ лингвистикой, и надъ исторіей, и надъ географіей, а также и надъ старымъ Птолемеемъ. У Птолемея Торокка и дальнѣйшіе города даны въ прямомъ направленіи къ сѣверу; это игнорируетъ г. Браунъ и ищетъ свои селенія по столбовой дорогѣ, идущей къ западу отъ начальнаго пункта. Но почему онъ не направился къ востоку? Можетъ быть, тогда онъ бы нашелъ рядъ селеній, еще ближе совпадающихъ съ нужными ему разстояніями; или къ сѣверу – тогда онъ, можетъ быть, наткнулся гдѣ-нибудь еще на какой-нибудь древній мостъ, или встрѣтилъ не только Торокку, которую онъ узналъ въ Торгаевкѣ, а еще и Эркабъ и Пакирисъ. Развѣ это научный методъ? Не возвращаемся ли мы къ этимологіямъ Сумарокова, или Вельтмана? А что касается до разстояній съ ихъ совпаденіемъ, то скажемъ, что именно ихъ совпаденіе является прямымъ препятствіемъ локализовать Птолемеевы города въ подысканныхъ г. Брауномъ селеніяхъ уже просто потому, что матеріалъ

---

[1]) Что касается до отожествленія рѣки Каркинита съ Коланчакомъ, то весьма вѣроятно, что г. Браунъ въ этомъ совершенно правъ.

Птолемея былъ не таковъ, чтобы возможны были столь точныя данныя для этой страны.

По близости отъ мѣстности, гдѣ г. Браунъ съ торжествомъ открываетъ совпаденіе разстояній Птолемея и современныхъ до нѣсколькихъ десятыхъ версты, лежитъ Азовское море, древняя Мэотида. Самый извѣстный пунктъ побережья Мэотиды, большой торговый городъ Танаидъ, въ устьи Дона, оказался у Птолемея подвинутымъ къ сѣверу почти на 7 градусовъ, и вся Мэотида получила на его картѣ размѣры въ нѣсколько разъ большіе противъ дѣйствительности. Если большой торговый городъ, для котораго Птолемей имѣлъ и астрономическое опредѣленіе въ продолжительности самаго долгаго дня, оказался помѣщеннымъ на его картѣ столь ошибочно; то какое же вѣроятіе имѣемъ мы, что незначительные и у другихъ географовъ непомянутые города внутри материка могли быть локализованы столь точно, что ихъ можно и теперь найти, отмѣривая по нашей картѣ разстоянія, извлекаемыя изъ карты Птолемея? Но это не смущаетъ г. Брауна, и онъ по поводу непомѣрной величины Мэотиды на картѣ Птолемея серьезнымъ тономъ говоритъ о „быстромъ обмелѣніи этого моря"! (стр. 237). Однако, какъ бы ни обмелѣло Азовское море со временъ Геродота и Птолемея, положеніе города Танаида все-таки оказывается на устьи Дона, въ мѣстности нынѣшней станицы Недвиговки, на 7° южнѣе того мѣста, гдѣ помѣстилъ этотъ городъ Птолемей. При чемъ же тутъ обмелѣніе моря? Напрасно разсуждаетъ г. Браунъ и о томъ, что „Мэотида мало посѣщалась греками: плаваніе по ней представляло слишкомъ большія опасности и трудности, которыя не искупались торговыми выгодами" (стр. 237). Все это пустыя слова и ни на чемъ не основанныя разсужденія, ничего они и не спасаютъ [1]). Вѣрно одно: данныя Птолемея для

[1]) Отмѣтимъ странное мудрованіе автора на счетъ *источниковъ* Птолемея въ разсужденіи о недостаткахъ его карты Мэотиды.—По вычисленію г. Брауна, у Птолемея разстояніе между Пантикаемъ и г. Танаидомъ 609,2 версты, или отъ Пареенія до Танаида—594,6 версты. Между тѣмъ по Плинію отъ устья Мэотиды до устья Дона 266 рим. миль, то есть 368,1 версты и у Страбона отъ Пареенія до Танаида — 2200 стадій, то есть 380,6 версты. Приведя эти данныя, авторъ продолжаетъ такъ: „Но Птолемей почему-то не принялъ этихъ данныхъ, а предпочелъ имъ болѣе древнія, но менѣе точныя цифры".—Откуда автору извѣстно, что Птолемей предпочелъ „*болѣе древнія* цифры" и какія то были цифры? въ какомъ источникѣ?—Дѣло объясняется очень просто: г. Брауну осталась неизвѣстной VIII книга географіи Птолемея, а потому оставшись въ невѣдѣніи на счетъ

этихъ мѣстъ были не точны, и приблизительность его метода еще болѣе ухудшала дѣло. И во всякомъ случаѣ не тѣмъ путемъ, какой нашелъ г. Браунъ, можно находить города въ Сарматіи по современной картѣ. Насколько вѣрно или не вѣрно помѣстилъ Птолемей Ольвію или Пантикапей, — это безразлично. Эти города мы знаемъ, потому что археологическія открытія опредѣлили ихъ мѣстность, это пункты вѣрные, какъ и Недвиговка. Но откладывать отъ нихъ въ любую сторону разстоянія, вычисленныя изъ Птолемея, до другихъ пунктовъ по нынѣшнимъ столбовымъ дорогамъ или прямо по картѣ, и воображать, что такъ можно найти города Сарматіи,—это праздная затѣя и совершенно напрасный трудъ.

Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе. — Г. Браунъ самъ возстановляетъ итинераріи, какими долженъ былъ пользоваться Птолемей, и дѣлаетъ это для страны, о которой древній географъ былъ мало и плохо освѣдомленъ. Не лучше ли было раньше, чѣмъ приступать къ этому неблагодарному дѣлу, попытаться сдѣлать то же для придунайскихъ мѣстностей, гдѣ мы обладаемъ римскими итинераріями и такъ называемою Tabula Peutingeriana? Авторъ очень много потрудился надъ поправкой Птолемеевой карты нижняго Дуная. Почему же онъ не привлекъ этого вполнѣ доступнаго матеріала? А если бы онъ попробовалъ это сдѣлать, то оказался бы лицомъ къ лицу со столькими затрудненіями, такими погрѣшностями въ картѣ Птолемея и отступленіями отъ точныхъ цифръ, что все это, навѣрное, выяснило бы для него полную невозможность такъ смѣло приступать къ перенесенію Птолемеевыхъ разстояній на современную карту въ странѣ, для которой Птолемей не могъ располагать и такимъ матеріаломъ, какъ для Дакіи и теченія Дуная.

Мы привели только одну серію городовъ Птолемея въ Сарматіи, которую нашелъ г. Браунъ на современной картѣ Россіи по изобрѣтенному имъ способу переложенія данныхъ Птолемея. Но онъ такимъ же путемъ опредѣляетъ города по Днѣпру, Днѣстру и Пруту. Всѣ эти опредѣленія суть такое же гаданіе о неизвѣстномъ, какъ и тѣ, которыя давали Потоцкій, Садовскій и Мюллеръ. Пока археологическія находки не дадутъ намъ точныхъ показаній для локализаціи этихъ поселеній, мы будемъ бродить ощупью, по какому бы способу мы ни пытались опредѣлить эти исчезнувшіе съ лица земли пункты.

подлинныхъ источниковъ Птолемея, о которыхъ онъ самъ сказалъ намъ совершенно ясно, г. Браунъ гоняется за призраками своей фантазіи.

Такъ какъ самый способъ г. Брауна невѣренъ по существу, то и его опредѣленія сходятъ на степень гаданія о неизвѣстномъ. Но прибавимъ, что его гаданія грѣшатъ не тѣмъ, что они гаданія, а тѣмъ, что онъ самъ выдаетъ их за научнымъ путемъ найденные факты, чѣмъ они быть не могутъ.

Въ заключеніе мы должны указать на слѣдующій весьма важный недочетъ въ знакомствѣ г. Брауна съ Птолемеемъ: онъ не заглянулъ вовсе въ VIII книгу „Географіи“ Птолемея, а потому и остался въ невѣдѣніи относительно астрономической основы локализаціи отдѣльныхъ пунктовъ на картѣ Птолемея. Обозрѣвая лицо земли по картамъ, на которыя онъ считалъ удобнымъ раздѣлить цѣльное изображеніе земли, Птолемей въ VIII книгѣ приводитъ астрономическія данныя для нѣсколькихъ пунктовъ каждой страны, опредѣляющія ихъ широту и долготу. Эти данныя выражены у него въ цифрахъ продолжительности наибольшаго дня даннаго мѣста и разстоянія по времени отъ Александріи, гдѣ онъ составлялъ свою карту. Александрію Птолемей помѣщалъ подъ 31° сѣв. шир. и 60° 30′ вост. долг. (IV, 5, 9); наибольшая долгота дня Александріи—14¹/₁₃ часа и разстояніе отъ 1 меридіана по времени—4 часа (VIII 15, 10). Данныя о продолжительности наибольшаго дня и разстояніи по времени отъ Александріи приведены Птолемеемъ для нѣсколькихъ пунктовъ всѣхъ его картъ и всѣхъ странъ, до Китая включительно. При отсутствіи хорошаго измѣрителя времени у древнихъ, данныя этого рода не могли претендовать на большую точность, а кромѣ того возможны были и ошибки въ наблюденіи. Но во всякомъ случаѣ въ разсмотрѣніи вопроса о картѣ Птолемея нельзя забывать, что основа ея—астрономическая, а не просто переводъ стадіазмовъ на градусную сѣтку. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся здѣсь указаніемъ на два пункта. Птолемей помѣстилъ г. Танаидъ подъ 67° вост. долг. и 54°20′ сѣв. шир.; этому соотвѣтствуетъ свидѣтельство о наибольшей продолжительности дня—17 час. 10 минутъ и разстояніи по времени отъ Александріи — 26 минутъ (VIII 18, 5) [1]. Ольвія помѣщена у Птолемея подъ 57° вост. долг. и 49° сѣв. шир.; наибольшая продолжительность дня — 16 часовъ 5 минутъ и разстояніе по времени отъ Александріи—12 минутъ (VIII 10, 3). Близкіе къ обоимъ этимъ городамъ пункты—Таганрогъ

[1]) Въ изд. Scythica et Caucasica акад. Латышева допущена здѣсь ошибка: вмѣсто 26 минутъ, у него стоитъ ¹/₁₆ часа.

и Очаковъ. Первый имѣетъ наибольшую продолжительность дня — 15 час. 51 мин., второй—15 час. 45 мин.; а дѣйствительное разстояніе по времени отъ Александріи—для Таганрога — 36 минутъ и для Очакова—6,7 мин. [1]). Итакъ, астрономическій матеріалъ, которымъ располагалъ Птолемей, былъ далеко не надеженъ; отсюда и его крупныя ошибки въ локализаціи отдѣльныхъ пунктовъ. Но разъ главный пунктъ оказывался помѣщеннымъ съ большой погрѣшностью, то это по необходимости вело за собою искаженіе общаго вида страны (Мэотида и вытянулась на 7 лишнихъ градусовъ къ сѣверу). А такъ какъ Птолемей принялъ $^{1}/_{12}$-ую градуса за наименьшую величину на своей картѣ, то это обстоятельство вынуждало его усиливать приблизительность карты и въ переводѣ своихъ неточныхъ астрономическихъ данныхъ на градусную сѣтку.

Заканчивая на этомъ свои критическія замѣчанія относительно I тома „Разысканій въ области гото-славянскихъ отношеній", позволимъ себѣ высказать глубокую увѣренность, что результаты работы г. Брауна были бы гораздо удовлетворительнѣе, если бы онъ имѣлъ терпѣніе сначала передѣлать про себя всю черную мелочную и трудную работу изслѣдованія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ хотѣлъ и предполагалъ касаться, а затѣмъ уже приступилъ къ публикаціи своего труда въ видѣ ли отдѣльныхъ этюдовъ, или же цѣлаго ученаго изслѣдованія. Онъ бы увидалъ тогда, что идетъ къ его темѣ и что онъ можетъ оставить въ сторонѣ, что составляетъ основу и общую почву его „Разысканій" и что для нихъ совершенно безразлично. А такъ какъ онъ углублялся въ темныя дебри „скиѳскихъ пустынь" по мѣрѣ того, какъ шло печатанье его книги, то она и представляетъ изъ себя цѣпь экскурсовъ, которые не то что вытекаютъ, а нагромождены одинъ на другой, затрудняя читателя и въ то же время затемняя кругозоръ самого автора, который попутно дѣлаетъ для себя открытія и впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собой [2]). Питая полное уваженіе къ г. Брауну за его изслѣдованіе: Die letzten Schicksale der Krimgoten (Jahresbericht der reformirten Kirchenschule für 1899/90. Petersburg. 1890), мы искренно перенесли его

---

[1]) За эти цифры приносимъ искреннюю признательность нашему уважаемому коллегѣ М. Ѳ. Хандрикову, который любезно далъ намъ цѣлый рядъ вычисленій на основаніи Птолемея и для его провѣрки.

[2]) Ср., напримѣръ, возраженіе Косиннѣ на стр. 268—299 и окончательный выводъ о времени возникновенія особенностей вандильскаго вокализма и его источника, стр. 336—341.

и на новый его капитальный, по самому заголовку, трудъ; мы искренно искали въ немъ поученія. Но чѣмъ ближе мы присматривались къ выводамъ его изслѣдованія и пріемамъ его ученой работы, тѣмъ въ большее недоумѣніе приходили мы и отъ тѣхъ, и отъ другихъ. Было бы много лучше, если бы авторъ исполнилъ свое первоначальное намѣреніе: обозрѣлъ вопросы о началахъ готовъ въ небольшой главѣ компилятивнаго характера, а затѣмъ вступилъ поскорѣе на поприще изслѣдованія „гото-славянскихъ отношеній" по тому единственно надежному съ его точки зрѣнія пути, о которомъ онъ такъ рѣшительно высказывается на первыхъ страницахъ своей работы.

Ю. Кулаковскій.

Сергѣй Шумаковъ. Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи. Вып. I. М. 1899. Обзоръ бѣжецкихъ и алатырскихъ актовъ. Вып. II. М. 1900. Тексты и обзоръ бѣлозерскихъ актовъ.

Неоднократно уже приходилось намъ печатно давать отчеты объ археографическихъ трудахъ С. А. Шумакова, по мѣрѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Неутомимый, глубоко преданный своему дѣлу, обладающій большою эрудиціей, г. Шумаковъ можетъ быть названъ однимъ изъ выдающихся и опытнѣйшихъ современныхъ издателей архивныхъ матеріаловъ. Изданіемъ же текстовъ и обзоровъ грамотъ коллегіи экономіи Московскаго архива министерства юстиціи онъ совершаетъ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ научныхъ подвиговъ, именно разработку матеріаловъ для чужихъ работъ, трудъ скромный и незамѣтный, но необходимый, кропотливый и долженствующій быть высокоцѣненнымъ всѣми истинными любителями отечественной старины. Quis dabit historico quantum daret acta legenti? сказалъ Ювеналъ...

Настоящее изданіе отличается всѣми достоинствами предыдущихъ работъ г. Шумакова: точностью, систематичностью, прекрасной группировкой матеріала, внимательно составленными и обстоятельными указателями и прекрасными библіографическими и хронологическими примѣчаніями. Обзоръ бѣжецкихъ актовъ обнимаетъ ихъ за время съ 1300 по 1767 гг. Въ предисловіи г. Шумаковъ говоритъ: „Наиболѣе цѣлесообразной для изданія и описанія такихъ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи актовъ, какъ грамоты коллегіи экономіи, мы попрежнему признаемъ форму такихъ изданій, какъ наши «Тверскіе» и «Угличскіе Акты», но провести ее послѣдовательно для всѣхъ 15.000 грамотъ

коллегіи экономіи не подъ силу одному человѣку, работающему безъ помощниковъ и сотрудниковъ" (стр. V). Въ своемъ обзорѣ издатель старается не только перечислять описываемые документы, но приводить изъ грамотъ все наиболѣе интересное для юриста и историка, а болѣе важные документы печатаетъ цѣликомъ. Обзоръ актовъ каждаго уѣзда г. Шумаковъ, по выработанной имъ системѣ, дѣлитъ на два большихъ отдѣла: частныхъ актовъ и офиціальныхъ. Приступая къ краткому пересмотру сообщаемыхъ издателемъ документовъ, позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно предварительное замѣчаніе. Г. Шумаковъ, въ каждомъ мелкомъ отдѣлѣ, начинаетъ свою нумерацію съ единицы, и этимъ получается большая дробность матеріала и часто неудобство для читателя. Изслѣдователь же долженъ всегда цитировать и № и страницу.

На стр. 5, среди бѣжецкихъ частныхъ актовъ, обращаетъ на себя вниманіе данная за № 17-тымъ, такъ какъ въ ней мы встрѣчаемъ подъ 1533 г. конюшеннаго подъячаго. До сихъ поръ не удавалось найти данныхъ о конюшенномъ приказѣ ранѣе 1535 г., времени указаннаго еще Неволинымъ [1], хотя Н. П. Лихачевъ приводитъ свѣдѣнія о существованіи конюшенныхъ дьяковъ въ 1531 г. [2]). Существованіе конюшеннаго подъячаго въ 1533 г. даетъ большое основаніе полагать, что въ это время уже существовалъ конюшенный приказъ. По поводу данной № 85 на стр. 19—20, г. Шумаковъ дѣлаетъ замѣчаніе [3]), что это замаскированная купчая. Мы знаемъ, конечно, много такихъ купчихъ. Но здѣсь, насколько можно судить по приводимымъ издателемъ выдержкамъ, мы имѣемъ дѣло съ прямымъ вкладомъ, хотя и вызваннымъ необычайными обстоятельствами. Вкладчикъ вѣдь прямо говоритъ, что даетъ свой дворъ монастырю „за 15 рублей вкладу". Очевидно, желая сдѣлать вкладъ въ монастырь, онъ и предпочелъ отдать сему послѣднему свою недвижимую собственность, причинившую ему столько хлопотъ. Быть можетъ, фраза „за 15 рублей вкладу" вставлена и по требованію монастырскихъ властей, воспользовавшихся такою офиціальною оцѣнкою имущества вкладчика. Засимъ, обращаютъ на себя вниманіе на стр. 21 №№ 4, 5 и 7, разъясняющіе юридическія отношенія, возникавшія изъ приданаго. Извѣстно, что въ исторіи русскаго права вопросъ о приданомъ остается и до сего

[1]) *Неволинъ*, „Пол. Собр. Соч." Спб. 1857, т. VI, стр. 155.

[2]) „Разрядные дьяки XVI вѣка". Спб. 1888. стр. 48 слѣд.

[3]) Стр. 20.

времени весьма неопредѣленнымъ и большинствомъ изслѣдователей относится, вслѣдствіе подсудности этихъ дѣлъ духовной власти, къ области рецепціи греко-римскаго права. Изъ указанныхъ данныхъ половины XVI вѣка мы видимъ, что приданое являлось совмѣстной собственностью обоихъ супруговъ, которые оба должны были участвовать въ гражданской сдѣлкѣ; (при этомъ въ № 4 и 5 мужъ подписывалъ актъ и за жену. Въ № 7 за ихъ обоихъ расписался ихъ отецъ духовный). Право же родового выкупа приданой вотчины переходитъ въ родъ жены. Засимъ интересно по отношенію къ подписямъ, что въ данной за № 5 со стороны жены выступали въ сдѣлкѣ не въ качествѣ послуховъ—(эти были особо въ числѣ 7) мать жены и бабушка. Интересны документы №№ 2, 3 и дополнительные (а и б) на стр. 32—33, подробно опредѣляющіе юридическую и бытовую обстановку заклада. Обращаетъ на себя вниманіе и купчая за № 8 (стр. 37), къ сожалѣнію по краткости выписки не дающая возможности точнаго толкованія. Намъ кажется, что этой купчей подтверждается выше приведенное толкованіе юридической природы приданаго. Омешата Васильевъ сынъ Титовъ съ двумя своими сыновьями продаетъ третьему сыну Ивану вотчинную деревню Трестенку за 20 рублей, при чемъ деньги получили „не изъ вопьчево живота, жены его денги приданые, деньги Катерины Ивановы дочери Данилова" (актъ 1554—1555 гг.). Этимъ еще разъ указывается, что приданое не можетъ имѣть никакого отношенія къ роду мужа, а потому при сдѣлкахъ съ представителями этого рода это оговаривается. Тотъ же Омешата Васильевъ фигурируетъ въ актѣ № 2 (стр. 45 — 46) именно въ раздѣльной съ братомъ по смерти отца оставшимися послѣ него холопами. Въ этомъ послѣднемъ документѣ возникаетъ у г. Шумакова сомнѣніе, отнести ли его къ 7018 (1510) или 7048 (1540). Намъ кажется, что въ виду актовъ № 8 (стр. 37) и № 4 (стр. 24) слѣдуетъ признать болѣе вѣроятной дату 7018. На стр. 57 интересно примѣчаніе г. Шумакова (пр. 4), что самое раннее упоминаніе о Помѣстномъ приказѣ онъ нашелъ отъ 1556 г. (7064). Изъ официальныхъ Бѣжецкихъ актовъ, вообще въ значительной степени уже напечатанныхъ, многіе представляютъ значительный интересъ и въ свое время обратили на себя вниманіе *Өедотова-Чеховскаго*, *Мейчика* и *Дьяконова*. Мы укажемъ только на отмѣченный и издателемъ, по своей необычайной формѣ, документъ за № IV (стр. 73). Г. Шумаковъ называетъ его купчей. Необычайность его въ томъ заключается, что это официальный документъ: „по государеву указу", скрѣпляющій частную сдѣлку. Но объясняется такая

форма его тѣмъ, что продаются въ вотчину помѣстныя земли. Произвести такой сдѣлки безъ государева указа было нельзя.

Среди алатырскихъ актовъ частныхъ не много. Изъ нихъ болѣе интересны слѣдующіе въ бытовомъ отношеніи: въ № 5 (стр. 77) Мордвинъ Тихонъ Четяевъ, крестившись, отдалъ въ видѣ вклада Троице-Сергіеву монастырю землю. А самъ проситъ его устроить дворомъ и пашней въ Троицкомъ селѣ, мотивируя это тѣмъ, „чтобы... крестьянскіе вѣры не отбыть“. Такое благоразумное рѣшеніе, конечно, не могло исходить отъ вкладчика: тутъ видно вліяніе духовенства. На стр. 79 обращаетъ наше вниманіе актъ № 1. Это очень опредѣленный договоръ аренды. Интересенъ въ бытовомъ же отношеніи актъ № 12 (стр. 87). Бѣглая монастырская крестьянка Василиса Никитина вышла замужъ, отъ живаго мужа, за крестьянина Н. И. Радомскаго и прижила двухъ сыновей Алексѣя и Степана. Настоящій документъ представляетъ собою мировую Радомскаго съ Троицкимъ Алатырскимъ монастыремъ, по которой онъ отдалъ монастырю помянутыхъ двухъ сыновей за „пожилыя“ деньги ихъ матери. И это 27-го іюля 1732 г. Очень интересны также и офиціальные алатырскіе акты, среди которыхъ много уже использовано изслѣдователями. Еще большій интересъ, чѣмъ бѣжецкіе и алатырскіе акты, представляетъ собою обзоръ бѣлозерскихъ актовъ 1395—1758 гг. Бѣлозерскіе акты, а особенно акты и грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго и Ѳерапонтовскаго монастырей, дошедшіе до насъ въ очень значительномъ числѣ въ подлинникахъ и затѣмъ въ очень исправныхъ копіяхъ XVI и XVII вѣка, уже давно обращали на себя вниманіе изслѣдователей. По рукописямъ Московскаго архива министерства юстиціи ими пользовались и отчасти издали и описывали Ѳедотовъ-Чеховскій [1]) и г. Мейчикъ [2]), по подлинникамъ же изъ монастыря издатели актовъ, относящихся до юридическаго быта, А. А. Э. и А. И. По копіямъ, написаннымъ въ XVI вѣкѣ [3]), издатели т. II Русской Исторической Библіотеки и авторъ настоящей статьи [4]); кромѣ того въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится сборникъ XVII вѣка, представляющій собою записную книгу документамъ, совершеннымъ монастыремъ въ то же

---

[1]) „Акты Гражд. Распр.“. К. 1860—1863.

[2]) „Грамоты XIV и XV вѣка Москов. Арх. Мин. Юст.“. М. 1883.

[3]) Сборн. Имп. Публ. Библ. Q, IV, 120.

[4]) „Изъ актовъ и грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“. Спб. 1900 г. и въ в. XIII, „Вѣст. археол. и исторіи“.

время [1]). Такіе же сборники хранятся и въ С.-Петербургской Духовной Академіи, куда они поступили изъ Новгородской Софійской библіотеки. Наконецъ, въ томъ же II томѣ Русской Исторической Библіотеки пользовались издатели копіями, снятыми Бороздинымъ съ актовъ Кирилло Бѣлозерскаго монастыря во время археографической экспедиціи Строева [2]). Самъ г. Шумаковъ въ Чтеніяхъ общества Исторіи и Древностей за текущій годъ печатаетъ тексты многихъ актовъ, обзоръ коихъ нами разбирается. Мы думаемъ, что намъ удастся подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ, когда придется дать отчетъ объ этомъ послѣднемъ изданіи г. Шумакова. Здѣсь же ограничимся, сравнительно, немногими словами. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ указать, что г. Шумаковъ уже въ настоящемъ своемъ „обзорѣ“ печатаетъ тексты наиболѣе интересныхъ документовъ. Именно имъ „здѣсь изданы... всѣ выписи изъ книгъ XVI вѣка (кромѣ мелкихъ) числомъ семь... Изданы... кромѣ того изъ актовъ XV вѣка отводная одна... пять данныхъ—и шесть грамотъ... и двѣ грамоты XVII вѣка..., какъ содержащія массу выписокъ изъ актовъ XVI вѣка до насъ недошедшихъ“ [3]).

Позволимъ себѣ указать, что въ копіи XVI вѣка въ данной Давыда Клементьева („Обзоръ“ стр. 2 № 5) рѣка вѣрно обозначена не Выка, а Выкса [4]). Далѣе, замѣтимъ нѣсколько словъ по поводу акта за № 22 (стр. 4). Г. Шумаковъ относитъ этотъ документъ къ 1551 г., въ виду упоминанія въ немъ игумена Козьмы; мы отнесли его къ 1428—1434 гг. [5]), такъ какъ въ изданной нами рукописи въ этомъ мѣстѣ упоминается игуменъ Христофоръ. По этому поводу г. Шумаковъ указалъ на недостовѣрность нашей даты и даже на основаніи сего заподозрилъ весь изданный нами сборникъ недостовѣрнымъ; онъ замѣтилъ, что тамъ черезчуръ много актовъ XV вѣка, незнакомыхъ московскому архиву, и что вообще онъ представляетъ собою, можетъ быть, поддѣлку монастыря, съ цѣлью придать своимъ владѣніямъ болѣе исконный видъ [6]). Тутъ прежде всего укажемъ, что монастырю еще могла быть выгода сочинять акты, но старить

---

[1]) Сборн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 132.

[2]) Сборн. Археографическ. Комиссіи, № 224/112.

[3]) „Обзоръ“ предисловіе, стр. III.

[4]) *Н. Н. Дебольскій*, „Изъ актовъ и грамотъ Кир.-Бѣл. монастыря“ стр. 35, № LXXXIV.

[5]) Ibid., стр. 44, № CVII.

[6]) „Вѣстникъ Права“ 1900 № 8 (октябрь) стр. 285—288.

нихъ—никакой. Затѣмъ, опредѣлять время документа по имени игумена вообще очень трудно—это опредѣленіе никогда не имѣетъ опредѣленности и точности. Г. Шумакову, какъ и другимъ, не разъ приходилось поправлять и дополнять, на основаніи актовъ, снабженныхъ датой, указатель П. М. Строева [1]). Но мы основываемъ свою дату не только на имени игумена. На стр. 41, подъ № CI нами приведена жалованная грамота князя Михаила Андреевича по поводу какъ разъ этого вклада. А такъ какъ этотъ князь умеръ въ 1485 г., то и документъ за № 22 (по „Обзору" г. Шумакова) долженъ быть отнесенъ къ XV вѣку. Къ сему позволимъ себѣ присовокупить, что въ интересной отводной 1482 г., которую цѣликомъ приводитъ въ своемъ „Обзорѣ" г. Шумаковъ (стр. 80—116), и на которую онъ ссылается въ своемъ возраженіи намъ, приведены имена и документы тѣхъ деревень, которыя возбуждали споръ между двумя монастырями: Кирилловымъ и Ѳерапонтовымъ (Мартемьяновымъ). Деревни, данныя Карповичами остались въ сторонѣ. Но и въ этой отводной (стр. 112) упоминаются лежащія въ сторонѣ Чюравскія деревни, принадлежавшія Кириллову монастырю, а эти деревни (Колышино и Иванцевская), согласно выше приведенной жалованной грамотѣ князя Михаила Андреевича, были даны монастыремъ по душѣ именно Александра Карповича. Такимъ образомъ мы должны признать, что есть очень много основаній относить документъ за № 22 (по „Обзору"), какъ это и сдѣлано нами, къ половинѣ XV, а не XVI вѣка. Если на документѣ Московскаго архива министерства юстиціи есть дата, чего изъ текста „Обзора" не видно, то она могла быть ошибочной [2]).

Духовныхъ грамотъ въ „Обзорѣ" г. Шумакова очень немного: всего три. Ужъ это одно, невѣроятно малое, даже по сравненію съ другими уѣздами, число служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что нельзя считать достовѣрными только тѣ документы, подлинники которыхъ имѣются въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

---

[1]) Напр. наст. Обзоръ, стр. 67, № 8.

[2]) Кстати еще позволимъ себѣ замѣтить, что въ нашемъ изданіи мы упустили сдѣлать ссылки на акты, изданные г. Мейчикомъ. Впрочемъ, ихъ немного. Однимъ изъ пунктовъ сомнѣнія у г. Шумакова является то, что нами, якобы, приведено много закладныхъ XV вѣка, о существованіи коихъ ни г. Шумаковъ, ни г. Мейчикъ не знали. Между тѣмъ, у насъ приведена всего *одна* закладная (№ 82, стр. 34), къ тому же уже напечатанная въ А. Ю. № 232 (стр. 260). Затѣмъ, наши акты съ величайшей точностью повторяются и въ отводной г. Шумакова (стр. 80 слѣд.).

Купчія Бѣлозерскія, по крайней мѣрѣ, совершенныя со свѣтскими лицами, поражають обиліемъ послуховъ: отъ 4 до 7. Жалованная грамота (несудимая), напечатанная въ выдержкахъ на стр. 42 „Обзора“ подъ № 3 великой княгини Софіи на Сизѣмскія земли Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, представляетъ собою краткую редакцію такого же документа, напечатаннаго по подлиннику же въ А. О. до Ю. Б., I подъ № 31, VI [1]). Засимъ, въ заключеніе нашей краткой замѣтки, не можемъ не обратить вниманія на весьма интересную отводную, напечатанную г. Шумаковымъ на стр. 80—116, представляющую собою перечисленіе многихъ (но не всѣхъ) владѣній Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а попутно и копіи и выдержки изъ актовъ на эти владѣнія. Отводная составлена въ 1486 г. На этомъ мы кончаемъ свой разборъ, полагая, что будемъ имѣть возможность еще разъ поговорить о Бѣлозерскихъ актахъ по поводу изданія г. Шумаковымъ ихъ текстовъ. Здѣсь же еще разъ долгомъ считаемъ замѣтить, что и настоящее его изданіе, подобно всѣмъ предыдущимъ, мы признаемъ прекраснымъ вкладомъ въ нашу археографическую литературу. Наши возраженія касались лишь существа дѣла, имѣли значеніе отчасти pro domo sua, и, конечно, нисколько не могутъ унизить почтеннаго труда г. Шумакова.

Н. П. Дебольскій.

Книжныя новости.

А. В. Половцовъ. Прогулка по русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39 рисунками. М. 1900. Стр. IX+174. Цѣна 60 коп.— Начинается названная книга г. А. В. Половцова „введеніемъ“, въ которомъ излагаются: просвѣтительная дѣятельность императора Александра III; научные и художественные труды князя Георгія Михаиловича, управляющаго Русскимъ Музеемъ; исторія и характеристика самаго зданія Музея, бывшаго Михайловскаго дворца, передѣланнаго въ стилѣ Empire искусною рукою художника В. Ѳ. Свиньина, и наконецъ, способы образованія Музея. За этимъ „введеніемъ“ слѣдуетъ обозрѣніе предметовъ искусства, находящихся въ *нижнемъ* этажѣ Музея. Прежде всего обозрѣваются христіанскія древности (иконы византійскія, новгородскія и московскія, паникадила, кресты и т. п.), а затѣмъ уже картины *„добраго стараго времени“*, т. е. XVIII и начала XIX вѣковъ, когда наиболѣе выдающимися художниками были выдвинутые Екатериною II В. Л. Боровиковскій, Ѳ. Я. Алексѣевъ и др., и вообще лица,

[1]) Подтвержденіе этого акта см. въ нашихъ „Актахъ и Гр. Кир.-Бѣл. мон.“ стр. 70, № 189 и стр. 72 № 191.

происходившія изъ крѣпостнаго званія. Далѣе съ довольно большими подробностями г. Половцовъ обозрѣваетъ залы *верхняго* этажа. Болѣе всего онъ говоритъ о К. П. Брюлловѣ и Ѳ. А. Бруни и ихъ произведеніяхъ, не мало приводя и поправокъ къ извѣстнымъ доселѣ свѣдѣніямъ объ этихъ художникахъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что картина Брюллова „Смерть Инесы де-Кастро" написана за два года до постановки оперы Персіани: „Инеса де-Кастро", про которую до сихъ поръ говорили, что она повліяла и вызвала даже названную картину Брюллова. Затѣмъ на основаніи документальныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ архивовъ, г. Половцовъ утверждаетъ, что Ѳ. А. Бруни „принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи Бароффа-Бруни", что его отецъ переселился съ семьею въ Россію въ 1807 г., а не при Павлѣ I, какъ было до сихъ поръ принято во всѣхъ біографіяхъ этого художника, и что Ѳ. А. Бруни родился въ 1799 г. и въ Миланѣ, а не въ 1800 г. и не въ Москвѣ. Въ слѣдующихъ главахъ находимъ обозрѣніе произведеній „спутниковъ Брюллова и Бруни", а именно П. В. Басина, графа Ѳ. П. Толстаго, Н. С. Пименова и др.; произведеній современныхъ намъ художниковъ, которыя пріобрѣтены и собраны самимъ императоромъ Александромъ III и долго оставались скрытыми отъ публики; скульптурныхъ произведеній обоихъ залъ верхняго этажа; немногочисленныхъ „матеріаловъ" и „предметовъ", относящихся до царствованія императора Александра III, и наконецъ, картинъ современныхъ выдающихся художниковъ: Айвазовскаго, Крамскаго, Верещагина и мн. др. На стр. 125, въ главѣ „Памятный отдѣлъ Императора Александра III", г. Половцовъ впервые въ печати свидѣтельствуетъ о художественныхъ работахъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны,— о портретѣ кучера Ивана Любушкина и о многочисленныхъ картинахъ, „изображающихъ какъ внутренніе виды библіотеки и другихъ дворцовыхъ помѣщеній, такъ и nature morte и портреты, находящихся въ Аничковскомъ дворцѣ въ Петербургѣ и въ Гатчинскомъ дворцѣ". Имѣя главнымъ образомъ въ виду дать своею „Прогулкою" путеводитель, указатель Музея, г. Половцовъ въ то же время не поскупился на многочисленные очерки изъ исторіи искусства, на характеристики художниковъ и скульпторовъ, теоретическія объясненія, разнаго рода историческіе эпизоды, анекдоты, воспоминанія и т. п., и изложилъ все это прекраснымъ и даже увлекательнымъ языкомъ. Несмотря на изящную внѣшность и прекрасно исполненные рисунки „Прогулки", авторъ нашелъ возможность пустить ее въ продажу по весьма дешевой цѣнѣ и стало быть сдѣлалъ самою доступнѣйшею книжкой.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ, подъ редакціей и съ объясненіями *С. А. Венгерова*. Томъ III. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+552.—Лежащій передъ нами томъ сочиненій Бѣлинскаго содержитъ въ себѣ все то, что великій критикъ писалъ въ 1836—1838 гг. Въ 1836 г. онъ печатался въ „Телескопѣ" и „Молвѣ", откуда заимствовано до 24 его статей, и всѣ почти онѣ напечатаны впервые въ столь полномъ видѣ. За нимъ находимъ „Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія" В. Бѣлинскаго. Помѣстивъ, затѣмъ, нѣсколько ненапечатанныхъ статей 1837 г., преимущественно разборовъ, г. Венгеровъ остальныя страницы своего толстаго тома наполняетъ тѣмъ, что писалъ Бѣлинскій въ „Московскомъ На-

блюдателѣ“ за 1838 г. При этомъ, конечно, какъ и въ предыдущихъ томахъ, много есть такого, что было пропущено въ Солдатенковскомъ изданіи совершенно, и еще больше такого, что напечатано было раньше не вполнѣ. Въ концѣ тома на 60 стр. находимъ примѣчанія редактора, которыя во многомъ помогаютъ читателю оріентироваться въ словахъ Бѣлинскаго, даютъ возможность точнѣе понять его намеки и недомолвки; вводятъ справедливыя поправки къ словамъ Ксен. Полеваго о Бѣлинскомъ; сообщаютъ много историко-литературныхъ свѣдѣній о современныхъ Бѣлинскому литераторахъ, и проч. Словомъ и о настоящемъ томѣ, подобно какъ и о предыдущихъ, слѣдуетъ сказать лишь то, что наконецъ-то Бѣлинскій дождался полнаго и вполнѣ научнаго изданія.

Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ. (Изданіе въ количествѣ 50 экз., подъ редакціей *А. В. Смирнова*). Съ портретомъ К. Н. Тихонравова. Владиміръ. 1900. Стр. 408, 16°.

Константинъ Никитичъ Тихонравовъ безспорно одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ изслѣдователей. До сихъ поръ никто, желая ознакомиться съ исторіей и археологіей Владиміро-Суздальскаго края, не могъ обойтись безъ знакомства съ его многочисленными статьями и отдѣльными трудами. Въ свое время онъ игралъ роль центральнаго лица, около котораго группировались всѣ „мѣстные интеллигенты“, желавшіе изучать исторію своего роднаго края и быть ему полезными. Мало того, болѣе 20 лѣтъ К. Н. Тихонравовъ представлялъ собою справочное бюро и для столичныхъ археологовъ и историковъ. Благодаря послѣднему обстоятельству у него была обширная переписка, въ которой, по словамъ редактора А. В. Смирнова, участвовало до 100 лицъ. Въ редактируемой имъ книжкѣ, заглавіе которой мы привели выше, онъ могъ напечатать только письма 30 корреспондентовъ. Въ числѣ послѣднихъ мы находимъ И. С. Аксакова, приглашавшаго Тихонравова участвовать въ его газетѣ „Москва“; А. И. Артемьева, у котораго онъ былъ сотрудникомъ по составленію „Энциклопедическаго Словаря“, издаваемаго профессорами и учеными; О. М. Бодянскаго, Г. С. Дестуниса, А. А. Мартынова, издателя „Русской Старины“, П. И. Мельникова, П. С. Савельева, избравшаго Тихонравова своимъ сотрудникомъ по раскопкамъ въ Владимірской губерніи; М. И. Семевскаго, гр. М. В. Толстого, гр. А. С. Уварова и др. Помимо матеріала для біографіи адресата письма нѣкоторыхъ изъ корреспондентовъ любопытны по біографическимъ свѣдѣніямъ и ихъ самихъ, а также и по сообщеніямъ, въ которыхъ они касались состоянія тогдашняго просвѣщенія или положенія исторической науки. Къ таковымъ могутъ быть отнесены письма В. А. Борисова, Е. С. Тиличеева, А. И. Артемьева, Г. Г. Григорьева, М. М. Ранга, архіепископа Саввы (Тихомирова) и др. Въ общемъ, такимъ образомъ, изданные „Матеріалы“ являются весьма не безполезнымъ источникомъ для исторіи русскаго самосознанія въ XIX вѣкѣ.

Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитатели. Нѣжинъ. 1900.

Вышепоименованная книжка издана Нѣжинскимъ историко-филологическимъ институтомъ по случаю исполнившагося въ 1900 г. двадцатипятилѣтія

существованія института и представляетъ собою краткій біографическій словарь личнаго его состава и воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ, съ прибавленіемъ перечня имѣющихся у нѣкоторыхъ изъ нихъ печатныхъ трудовъ. Послѣ двухъ краткихъ біографій почетныхъ попечителей института— графовъ Алексѣя Ивановича и Александра Александровича Мусиныхъ-Пушкиныхъ слѣдуютъ біографіи профессоровъ и преподавателей, среди которыхъ наибольшею подробностью отличаются біографіи: Н. Я. Аристова (составилъ проф. Бережковъ), Р. Ф. Брандта, А. С. Будиловича, И. Я. Грота, Г. Э. Зенгера, В. В. Качановскаго (особенно въ библіографическомъ отношеніи), Н. А. Лавровскаго, П. Я. Свѣтлова, Н. Е. Скворцова и др. Изъ воспитанниковъ института за все двадцатипятилѣтіе насчитывается не болѣе 18—20 авторовъ. среди которыхъ наиболѣе плодовитыми были: С. Н. Брайловскій, Е. Ѳ. Карскій (нынѣ проф. Варшавскаго университета), П. Д. Первовъ, Н. Ивановъ, И. И. Кашпировскій, А. Н. Малинка, И. Н. Смѣльницкій и др. Нечего и говорить, что подобнаго рода „Словари" не только полезны, но и крайне необходимы: въ большинствѣ случаевъ труды провинціальныхъ писателей, какими по преимуществу являются воспитанники института, оставались и остаются неизвѣстными, даже по заголовкамъ; а между тѣмъ во многихъ изъ нихъ имѣется не мало цѣннаго и въ историческомъ и въ историко-литературномъ отношеніяхъ.

Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVIII. Нѣжинъ. 1900. Стр. 16+18+19+10+7+19+37+48+143+52+19+5.—Непосредственно вслѣдъ за отчетомъ института мы находимъ вступительную лекцію свящ. А. Лобачевскаго. „Научная цѣнность христіанскаго знанія", въ которой онъ пытается, руководясь, главнымъ образомъ, „Бесѣдою" архіеп. Никанора и статьею А. Гусева: „Потребность и возможность научнаго оправданія христіанства", доказать, что „христіанское знаніе выше всякаго другого научнаго знанія". Далѣе помѣщена рѣчь проф. Пискорскаго: „Начало академической свободы въ Западной Европѣ". Авторъ здѣсь разумѣетъ подъ академическою свободою „такую организацію научной дѣятельности и преподаванія, которая опредѣляется существованіемъ ученаго сословія, регулирующаго свои отношенія и дѣятельность независимо отъ внѣшнихъ авторитетовъ и исключительно подчиняющаго свою дѣятельность интересамъ знанія, требованіямъ научной истины", и останавливается на первоначальной исторіи Болонскаго и Парижскаго университетовъ. За нею идетъ статья М. Н. Бережкова: „Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма". Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о запискѣ, приписываемой еще Н. И. Григоровичемъ извѣстному канцлеру, князю А. А. Безбородко и пытается доказать, что она врядъ ли не произведеніе другого лица. Главнымъ образомъ, онъ основывается на томъ, что нѣтъ свѣдѣній о пребываніи Безбородко въ Крыму до 1776 г., къ каковому году относится составленіе „Записки"; между тѣмъ авторъ „Записки" обнаруживаетъ обширное знакомство и съ исторіей и географіей посѣщенной имъ страны. Далѣе г. Бурзи приводитъ письмо Фр. Авг. Вольфа, отъ 5-го іюня 1808 г., къ Моргенштерну, съ отвѣтомъ послѣдняго, предпославъ имъ довольно пространное

введеніе о значеніи писемъ историческихъ лицъ вообще и писемъ Вольфа въ частности. Г. Ив. Турцевичъ въ статьѣ: „Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка Римской имперіи", на основаніи почти всѣхъ извѣстій древнихъ авторовъ, говоритъ о „поздравленіяхъ императору, выраженіяхъ соболѣзнованія, благодарственныхъ адресахъ, поднесеніяхъ даровъ, хвалебныхъ отзывахъ императору о дѣятельности римскихъ провинціальныхъ властей и другихъ лицъ" и т. п. Затѣмъ помѣщенъ довольно пространный очеркъ г. А. Добіаша о П. А. Лавровскомъ, въ которомъ авторъ болѣе всего говоритъ о педагогическихъ взглядахъ покойнаго. Почти половину тома занимаетъ напечатанное послѣ статьи г. Добіаша „Описаніе рукописей библіотеки историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ". Авторъ этого описанія, проф. М. Сперанскій называетъ въ предисловіи это собраніе рукописей „небольшимъ, но цѣннымъ по своему составу и содержанію". Состоитъ оно „изъ славяно-русскихъ рукописей", куда входятъ и рукописи изъ библіотекъ С. П. Шевырева и проф. Ф. Ричля. Болѣе всего рукописей стараго періода (евангелій—не старше второй половины XVI вѣка, богослужебныхъ книгъ, сборниковъ житій и поученій, повѣстей, хронографовъ, сказаній и мн. др.); затѣмъ довольно много рукописей новаго періода (среди которыхъ встрѣчаемъ: сборникъ сатиръ Кантеміра, сборникъ митрополита Серапіона, лѣтописецъ Устюга, житіе Петра Великаго, автографы Н. В. Гоголя, А. А. Котляровскаго, и мн. др.), и наконецъ небольшой отдѣлъ составляютъ рукописи иностранныя,преимущественно лекціи заграничныхъ профессоровъ. Заключительными статьями являются: „Изъ исторіи сербской литературы" (полемическая литература противъ латинянъ и еретиковъ) проф. В. В. Качановскаго и „Что такое филологія и каково ея значеніе?" проф. А. Добіаша.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе декабря 1900 г. и января 1901 г.:

— *Трубниковъ, К. В.* Богатства Россіи. Изслѣдованія, наблюденія и характеристики. Часть I. С.-Пб. 1901. 208 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Агапитовъ, И.* Психологическая дѣятельность учащихся при описаніи предмета. Приложеніе къ отчету о состояніи Калишскаго реальнаго училища за 1899 годъ. Варшава 1900.

— Краткій отчетъ о состояніи Уральскаго войсковаго реальнаго училища за 1898—1899 учебный годъ. Казань 1900. 52 стр.

— Отчетъ Кишиневской городской общественной библіотеки за 1899 г. (22-й годъ существованія). Оттискъ изъ „Вѣдомостей Кишиневской Городской Думы". Кишиневъ 1900. 71 стр.

— *Селивановъ, А. Ѳ.* П. П. Максимовичъ, основатель Тверской женской учительской школы. (Біографическій очеркъ съ портретомъ). С.-Пб. 1901. 175 стр. Цѣна 1 р.

— Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Май—іюнь 1900 г. Отъ 243—360 стр. Іюль—октябрь 1900. Отъ 361—642 стр. С.-Пб. 1900.

— *Тристрамъ, Г. В.* Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ. Переводъ съ англійскаго *В. Н. Аничковой.* С.-Пб. 1900. 143 стр. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— Чтенія о Святой Землѣ. Святая Земля по слѣдамъ русскихъ паломниковъ. *В. Д. Юшманова.* 49-е чтеніе. II. Виолеемъ, дубъ Мамврійскій, Горняя, Іорданъ, лавра св. Саввы, Оаворъ, Назаретъ и Тиверіадское озеро. 39 стр. Цѣна 15 коп.—Физическая географія Палестины. *Н. В. Викторовскаго.* 64-е чтеніе. 24 стр. Цѣна 15 коп.—Хожденіе въ Св. Землю Даніила русскія земли игумена въ 1106—1107 гг. *Н. В. Лилеева.* 65-е чтеніе. 31 стр. Цѣна 15 коп. С.-Пб. 1900. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— *Смирновъ, С. И.* Александръ Васильевичъ Горскій († 11-го октября 1875 года). Съ портретомъ А. В. Горскаго. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи въ память А. В. Горскаго въ Московской Духовной Академіи 22-го октября 1900 г. Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1901. 63 стр. Цѣна 40 коп.

— *Зеленинъ, А. И.* Путешествія Н. М. Пржевальскаго. (Составлено по подлиннымъ сочиненіямъ. Съ рисунками и картами). С.-Пб. Томъ I. 464 стр. Томъ II. 495 стр. Изданіе *П. П. Сойкина.*

— *Шопенгауэръ, Артуръ.* Полное собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда.* Выпускъ III. Москва 1901. Отъ 177—288 стр. Изданіе магазина „Книжное Дѣло".

— *Залѣскій, В. Ф.* Къ вопросу о реформѣ средней школы. Казань 1900. 92 стр. Цѣна 1 руб.

— *Соколовъ, Н. М.* О славѣ. Сообщеніе, сдѣланное 3-го марта 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 1900. 80 стр. Цѣна 50 коп.

— *Бороздинъ, М.* Поэтическое творчество А. Н. Майкова. Сообщеніе, сдѣланное 21-го апрѣля 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 1900. 81 стр. Цѣна 50 коп.

— *Прешнрнъ, Францъ.* Стихотворенія. Со словѣнскаго и нѣмецкаго подлинниковъ перевелъ *Ѳ. Коршъ.* Москва 1901. XCXIX+244 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Іохельсонъ, В. И.* Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть 1-я. Образцы народной словесности юкагировъ (текстъ съ переводомъ). С.-Пб. 1900. VIII + XV + 240 стр. Цѣна 2 р.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 3. 1900. Октябрь. С.-Пб. 1900. Отъ XVII—LX и отъ 270—350 стр.

— *Марковъ, А. А.* Изслѣдованіе о предѣльныхъ величинахъ интеграловъ.

34 стр. Цѣна 80 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 9 и послѣдній).

— *Kowalewsky, A.* Etude biologique de l'haementeria costata Müller. Avec 10 planches. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 1).

— *Ашмаринъ, Н. И.* Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Казань 1898. XXXIV+392+XIX стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Лермонтовъ, М. Ю.* „Бэла". Вятка 1900. 64 стр. Цѣна 5 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, изданіе 2-е, № 9).

— *Его же.* Поэма „Мцыри". Вятка 1900. 31 стр. Цѣна 3 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, изданіе 2-е, № 8).

— *Его же.* Поэма „Демонъ". Вятка 1900. 48 стр. Цѣна 4 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, № 40).

— *Самоквасовъ, Д. Я.* Централизація государственныхъ архивовъ. Архивное дѣло на Западѣ. Москва 1900. IV+213+37 стр. Цѣна 1 р. 25 коп. (Московскій архивъ министерства юстиціи).

— *Сычонковъ. Я.* Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Составилъ преподаватель Орловскаго реальнаго училища. I-я статья: Новая формула для неизвѣстнаго кубическаго уравненія общаго вида, дающая всегда дѣйствительный корень уравненія. II-я статья: Первый и второй предѣлы ошибки въ подходящей дроби. Орелъ. 1900. 38+6 стр. Цѣна 50 коп.

— *Липовскій, А. Л.* Славянскіе народы. Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. С.-Пб. 1900. II+159 стр. (Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества).

— *Гоголь, Н. В.* Мертвыя Души. Поэма. Съ портретомъ Н. В. Гоголя, 10 геліогравюрами и 355 иллюстраціями. Выпускъ I. VII+57 стр. С.-Пб. 1901. Изданіе *А. Ф. Маркса.* (Иллюстрированная библіотека Нивы 1901 г. Цѣна I вып. 1 р., цѣна на все изданіе по подпискѣ 14 р.).

— *Шрейдеръ, Д. И.* Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Страна восходящаго солнца. Разсказы объ японцахъ. Съ 20-ю рисунками и картой. Изданіе второе. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1900. 80 стр. (Изданіе *О. Н. Поповой*).

— *Реклю, Элизе.* Земля. Описаніе жизни земного шара. Выпускъ V. Атмосфера и воздушныя явленія. 68 рисунковъ и 3 карты. Изданіе второе. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго.* Съ дополненіями *Э. Ф. Лесгафта.* Цѣна 1 руб. С.-Пб. 1901. 211 стр. (Изданіе *О. Н. Поповой*).

— *Кони, А. Ѳ.* Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Второе изданіе. 174 стр. Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп. С.-Пб. 1901. Изданіе *А. Ф. Маркса.*

— *Дебольскій, В. Н.* Сибирскіе пути XVI и XVII вѣковъ. Кіевъ 1900. 17 стр.

— *Пятковскій*, *А. П.* Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики. (Съ приложеніемъ 2-хъ потретовъ и писемъ къ автору: кн. Одоевскаго, барона А. Г. Жомини и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакціи „Наблюдателя". С.-Пб. 1901. 167 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Календарь Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая на 1900—1901 г. Серія II. Годъ VII. Москва 1900. XIII+702+196 стр.

— *Бѣлинскій*, *В. Г.* Полное собраніе сочиненій въ двѣнадцати томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Томъ III. Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго, рисованнаго въ 1843 г. академикомъ К. А. Горбуновымъ. С.-Пб. 1901. 552 стр.

— *Озаровскій*, *Ю. Э.* Вопросы выразительнаго чтенія. Книга II-я съ приложеніемъ очерка *В. В. Варнеке*: „Античная декламація" (глава изъ исторіи декламаціи). С.-Пб. 1901. II+152+20 стр. Цѣна 1 р. 30 коп.

— *Гиббинсъ*, *Г.* Исторія торговли Европы. Переводъ съ англійскаго *Е. Ч.* Съ картами. С.-Пб. 1901. 212+VII стр. Цѣна 85 коп.

— *Бубисъ*, *д-ръ Г. М.* Къ юбилею 50-лѣтней дѣятельности лабораторіи профессора, доктора химіи, Александра Васильевича Пеля, бывшей Василія Васильевича Пеля. С.-Пб. 1900. 36 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

М. Азбукинъ. Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I-й (окончанія измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи). Изданіе второе (исправл. и дополн.). Орелъ 1898. 59 стр. Цѣна 25 коп.

Книга г. Азбукина сохранила тотъ же характеръ догматичности, который она имѣла въ первомъ изданіи, и благодаря которому каждая ошибка или неточность выраженій составителя невольно усугубляется. А такихъ погрѣшностей въ книгѣ г. Азбукина, по нашему мнѣнію, сохранилось еще довольно много.

На 3 стр. „Подлежащее... узнается по вопросамъ кто? что?" Этотъ *человѣкъ* — мой *братъ*. Вопросъ *кто*? равно приложимъ и къ подлежащему, и къ сказуемому.

На 4 стр. Въ выраженіи „*И на мягкой постели*" (иногда плохо спится) г. Азбукинъ видитъ какую-то новую синтаксическую категорію: *обстоятельство уступленія*. Согласимся на это, но на слѣдующей же строкѣ читаемъ, что *соединительныя* слова (примѣры на *и*) „не входятъ въ составъ предложенія", между тѣмъ въ данномъ примѣрѣ вся концессивность обстоятельства какъ разъ въ этомъ и заключается. Не собьетъ ли это ученика, да, пожалуй, и учителя?

На 6 стр. Азбукою называется собраніе всѣхъ буквъ какого-нибудь языка.

На 9 стр. Примѣчаніе. Предметы: Богъ, ангелъ и т. п. называются духовными.

На 10 стр. Звательный падежъ отвѣчаетъ на вопросы кто? что?

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

На стр. 17. При упоминаніи о pluralia tantum напрасно поставлено авторомъ: „немногія названія городовъ“, потому что такихъ названій довольно много.

На стр. 19 дѣленіе относительныхъ прилагательныхъ на три разряда съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ особо можетъ повлечь къ большой путаницѣ. Положимъ, что ученикъ, основываясь на дѣленіи г. Азбукина, отнесетъ прилагательное *дубовый* къ *вещественнымъ*, какъ означающее *матеріалъ*; но будь оно въ предложеніи соединено съ словомъ *цвѣтъ* или съ словомъ *лѣсъ*, и отнесеніе окажется ошибочнымъ. Для догматики во всякомъ случаѣ это дѣленіе не годится.

На стр. 20 въ грамматику напрасно введены какъ нормальныя *менѣ*, *болѣ*, *далѣ*, *долѣ*, а на стр. 59 даже *ну-те*: вѣдь это курсъ практическій, а развѣ учитель можетъ позволить ученику употреблять эти выраженія въ устной или письменной рѣчи?

На стр. 25 числительное *пятый* должно отвѣчать на вопросъ *какой* по порядку? Это невѣрно: надо *который* по порядку; на первый же вопросъ отвѣчаютъ слова *верхній*, *нижній*, *крайній*, *послѣдній*, *средній* и другія прилагательныя.

На стр. 26 приводится полное склоненіе: Полтора—полторы—полуторы (?); только форма „о полуторыхъ“, должно быть, кажется г. Азбукину сомнительной, потому что онъ печатаетъ ее мелкимъ шрифтомъ. Мы знаемъ выраженія: *полтора рубля*, *полторы тысячи*, но не можемъ себѣ представить множественнаго числа отъ этихъ паръ. Насколько намъ извѣстно литературное русское словоупотребленіе, эти формы употребляются для выраженія именительнаго и винительнаго падежей, что же касается до остальныхъ падежныхъ формъ, онѣ имѣютъ въ срединѣ и соотвѣтствующія окончанія прилагательныхъ во множественномъ числѣ: *полуторыхъ* рублей и т. п.

На стр. 35 напечатано слѣдующее, явно неточное опредѣленіе: „Видомъ глагола называется такая форма, которая означаетъ, совершилось ли (исполнилось ли) дѣйствіе“.

На стр. 36. Неопредѣленное наклоненіе выражаетъ характеръ дѣйствія неясно, неопредѣленно (читать). Это совершенно непонятно.

На стр. 37: „безличными называются тѣ глаголы, которые имѣютъ только одно 3-е лицо (вѣроятно, предполагалось добавить единственнаго числа), напримѣръ, *неможется*“. *А кажется*, *мутитъ*? Развѣ эти слова не суть безличныя формы, хотя вполнѣ можно сказать *мучу*, *кажусь*, *мути*, *кажись*.

Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ *И. И. Срезневскаго.* С.-Пб. 1899. 184 стр. Цѣна не обозначена.

Эта книга представляетъ собою дополненное по рукописямъ покойнаго академика, а равно и статьямъ, не изданнымъ отдѣльно, новое изданіе его бесѣдъ „Объ изученіи родного языка". Бесѣды же, въ свою очередь, составляютъ извлеченіе изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ И. И. Срезневскимъ осенью 1860 года въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Переизданіе этой книги слѣдуетъ признать весьма своевременнымъ въ виду возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ вопросамъ нашего среднеучебнаго курса и сомнѣній въ правильности постановки у насъ курса русскаго языка.

Покойный академикъ Срезневскій былъ не только глубокимъ знатокомъ русскаго языка и его исторіи и обладателемъ разностороннихъ филологическихъ познаній,—онъ былъ въ то же время настоящимъ педагогомъ и знатокомъ учебно-филологическаго дѣла и у насъ, и на западѣ. Нужно ли упоминать о томъ, что тонкій умъ покойнаго И. И. Срезневскаго, ясность его діалектики и своеобразность языка дѣлаютъ настоящую книгу не только интересной, но даже привлекательной? Первая глава посвящена выясненію того значенія, которое имѣетъ родной языкъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ исторіи цѣлаго народа.

Знаніе языка, составляющее основу его изученія, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, имѣетъ двѣ стороны: первая заключается во внутреннемъ знаніи словъ или, по своеобразному выраженію автора книги, въ знаніи *про себя*, для удовлетворенія внутреннихъ требованій ума познающаго (знаніе словъ и знаніе сочетаемости словъ); вторая или внѣшнее знаніе предполагаетъ рядъ *умѣній* (пользоваться словами, соединять слова и т. д.). О характерѣ самаго изученія родного языка И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующія слова, которыя по справедливости должны быть названы замѣчательными: „Надобно изучать именно то, что требуетъ сама природа — и такъ, какъ требуетъ, не мѣшая ей, а помогая. Какъ знаніе основное, срединное, вызываемое жизнью и вызывающее всѣ силы духовныя, живое знаніе родного языка не можетъ быть сравнено ни съ какимъ другимъ знаніемъ. Всякому знанію есть границы, опредѣляемыя силою памяти; границы живого знанія языка опредѣляются не столько памятью, сколько силою мышленія, силою *думы разума*, себѣ самому дающаго отчетъ въ своихъ движеніяхъ *словными* выраженіями. Чѣмъ болѣе человѣкъ

вдумывается въ себя самого и во все окружающее опредѣленно, то-есть, словами, тѣмъ болѣе—вольно или невольно—работаетъ надъ своимъ языкомъ. Вдумываться въ средства, представляемыя языкомъ для выраженія мысли, стараться самому быть на сторожѣ при всякомъ словномъ выраженіи всякой мысли, искать для каждой, съ тѣмъ, чтобы найти, выраженіе вѣрное, живое и достойное, давать себѣ отчетъ въ каждомъ и при каждомъ давать отчетъ въ мысли, упрочивать это за собою навыкомъ свободнымъ, навыкомъ ума, а не памяти и внѣшняго чувства: вотъ что значитъ изучать свой языкъ" (стр. 17 и 18) и далѣе: „Гдѣ только навыкъ, тамъ нѣтъ свободы мышленія, а гдѣ нѣтъ свободы мышленія, тамъ нѣтъ и дѣйствія ума. Конечно, необходимъ и навыкъ, но подчиняемый уму, навыкъ—не какъ мертвая привычка, а какъ живое умѣнье".

Эти слова являются опредѣлительными для всѣхъ остальныхъ сужденій Срезневскаго, какъ въ отрицательной, такъ и въ построительной ихъ части. Онъ не разъ высказывается противъ такъ называемаго логическаго разбора, противъ господства въ школѣ учебниковъ, особенно (напр. стр. 41—44) на первыхъ ступеняхъ обученія (стр. 38—40), противъ заучиванія наизусть прозы (стр. 35); къ заучиванію, какъ онъ справедливо указываетъ, надо *пріохочивать*, а не *принуждать*. Особенно вооружается академикъ Срезневскій противъ логическаго разбора, находя неправильнымъ даже наименованіе его логическимъ: на первыхъ порахъ обученія разборъ, по его мнѣнію, не только неумѣстенъ, но прямо вреденъ.

На стр. 56 и слѣдующихъ авторъ даетъ перечень разнообразныхъ упражненій, которыми онъ думаетъ замѣнить схоластическія упражненія изъ области грамматики. Интересно, что въ ихъ числѣ онъ ставитъ и переводы (стр. 56), но на первомъ планѣ стоитъ чтеніе и пересказъ, при чемъ матеріаломъ для него должны служить главнымъ образомъ произведенія, дающія возможность ознакомиться съ сокровищницей русской народной рѣчи. Въ качествѣ книгъ для учениковъ онъ хотѣлъ бы видѣть книгу для чтенія, ручной словарь и справочное грамматическое руководство: интересно, что это руководство предлагается не для разучиванія, а для чтенія вмѣстѣ съ учителемъ, и затѣмъ оно усвояется при помощи постоянныхъ справокъ. Въ приложеніи помѣщаются любопытные проекты уроковъ и испытаній по родному языку на первой ступени.

Характерно опредѣляется значеніе испытанія въ концѣ четырехлѣтняго начальнаго курса. „По моему крайнему убѣжденію", гово-

ритъ Срезневскій, „успѣшность провѣряется—вовсе не спрашиваньемъ того, что было выучиваемо, а испытаніемъ, въ какой мѣрѣ всѣ работы и упражненія принесли ученику пользу". Экзаменъ долженъ быть безъ подготовки и имѣть характеръ письменнаго изложенія.

Своимъ образчикамъ уроковъ и вообще положительной сторонѣ своихъ педагогическихъ указаній Срезневскій не придаетъ окончательнаго значенія и не считаетъ ихъ рѣшеніемъ вопроса о формѣ и характерѣ начальнаго преподаванія. По его мнѣнію, только опыты и „широкая педагогическая гласность" могутъ установить правильный методъ и программу обученія русскому языку (182).

Весьма интересны соображенія Срезневскаго о томъ, какой именно языкъ надо изучать, какъ родной (стр. 21 и сл.), и опредѣленіе роли писателей въ смыслѣ обогащенія народной рѣчи.

Въ общемъ мы полагаемъ, что книга покойнаго академика Срезневскаго, если даже мы и не со всѣмъ въ ней согласимся и не все сочтемъ равно доказаннымъ, являясь результатомъ долголѣтней высокой и оживленной духовной дѣятельности, которая была направлена на вопросы, близкіе русской школѣ, можетъ послужить украшеніемъ учительскихъ библіотекъ нашихъ.

В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. *В. Покровскій.* Москва 1899. 100 стр. Цѣна 50 к.

Эта книга въ сокращеніи была прочитана въ публичномъ засѣданіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 25-го апрѣля 1898 (стр. 1). Она состоитъ изъ IX главъ: I посвящена общей характеристикѣ критики Бѣлинскаго, II сопоставленію Бѣлинскаго съ Мерзляковымъ, III — съ Полевымъ, IV — съ Надеждинымъ, V — съ Шевыревымъ, VI — съ Булгаринымъ и Сенковскимъ. Въ VII Бѣлинскій разсматривается, какъ создатель исторіи новой русской литературы. Въ VIII и IX указываются тѣ стороны критики Бѣлинскаго, которыя кажутся автору тѣневыми, и замѣчанія критика, которыя г. Покровскій считаетъ ошибочными.

Укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что г. Покровскій *не сочувствуетъ внесенію всѣхъ сочиненій Бѣлинскаго полностью въ школьныя библіотеки* и указываетъ на то, что въ интересахъ школы слѣдовало бы подвергнуть взгляды Бѣлинскаго болѣе подробному пересмотру „въ виду настойчиваго домогательства нѣкоторыхъ (?)" давать всѣ его сочиненія ученикамъ средней школы (стр. 100).

Очевидно, что тѣмъ самымъ г. Покровскій опредѣляетъ и положеніе своей книжки въ нашихъ школахъ: правильно ли передавать ее въ ученическія библіотеки, если ошибочные взгляды критика въ ней подробно излагаются, да еще выдѣлены въ двѣ особыя главы, хотя бы и съ цѣлью ихъ опроверженія?

Книжка г. Покровскаго содержитъ много интересныхъ и хорошо сгруппированныхъ фактовъ. Обращаемъ вниманіе на первую главу, гдѣ подобраны отзывы о писателяхъ, начинавшихъ свою дѣятельность при Бѣлинскомъ: о Гончаровѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, Майковѣ, Григоровичѣ.

Надо также отмѣтить значительную долю объективности сужденій, обнаруженную авторомъ при сопоставленіи Бѣлинскаго съ другими критиками. Яркость таланта Бѣлинскаго не помѣшала г. Покровскому оттѣнить достоинства и отмѣтить вліяніе Мерзлякова, Полевого, Надеждина. Очень хорошо также сдѣлалъ авторъ, что по большей части характеризовалъ взгляды отдѣльныхъ критиковъ ихъ же словами, цитируя ихъ отзывы (напримѣръ, на 33 стр. отзывъ *Московскаго Телеграфа* о „Борисѣ Годуновѣ", Надеждина о „Графѣ Нулинѣ" стр. 41—42).

Очень обстоятельно и объективно охарактеризованъ у г. Покровскаго и Шевыревъ (стр. 49—55). Рядомъ съ этимъ безъ излишняго паѳоса, но убѣдительно указывая на исторію, оправдавшую многія изъ мнѣній Бѣлинскаго, г. Покровскій сопоставляетъ взгляды этого послѣдняго на Бенедиктова, Тургенева и Достоевскаго съ сужденіями о нихъ же Шевырева (стр. 54 слл.).

Съ другой стороны, мы считаемъ нѣсколько страннымъ, что г. Покровскій нашелъ нужнымъ сопоставлять взгляды Бѣлинскаго на Пушкина и Гоголя съ мнѣніями Булгарина и сужденіями Сенковскаго (стр. 62—75). Различіе между этими несоизмѣримыми величинами столь рѣзко, что сопоставленіе ихъ оказывается парадоксальнымъ и малохарактернымъ для обѣихъ сторонъ.

VII глава книжки г. Покровскаго, разсматривающая Бѣлинскаго, какъ создателя исторіи русской литературы, даетъ много интересныхъ фактовъ для характеристики современныхъ ему попытокъ теоретическаго и историческаго изученія нашей литературы, напримѣръ, книгъ Греча, Плаксина, Максимовича.

Двѣ послѣднія главы заняты изложеніемъ, какъ говоритъ г. Покровскій, „погрѣшностей" Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода, а отчасти

и новыхъ произведеній (стр. 84 слл.). Г. Покровскій старается при этомъ объяснить критическіе недочеты Бѣлинскаго недостаткомъ свѣдѣній его въ области древней письменности (стр. 91), а также слабостью научной разработки предмета въ его время. Но авторъ не закрываетъ глазъ и на недостаточную продуманность, на субъективность или зыбкость нѣкоторыхъ изъ сужденій Бѣлинскаго, напримѣръ, въ отзывахъ о литературной дѣятельности Карамзина (стр. 93 сл.), о „Горѣ отъ ума“ (стр. 94 слл.), о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, о „Сказкахъ“ Пушкина.

Учебникъ ботаники. Примѣнительно къ программѣ, выработанной Медицинскимъ Совѣтомъ для фельдшерскихъ школъ. Составилъ *П. И. Свѣтловъ*, преподаватель пріюта принца Ольденбургскаго и С.-Петербургской Военно-фельдшерской школы. Съ 42 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе „Медицинскаго Журнала“. 1898. Стр. 68.

Авторъ на 68-ми страницахъ сжато и весьма конспективно излагаетъ морфологію, анатомію, физіологію и систематику растеній. Въ виду такой сжатости, конечно, многія части учебника оказываются настолько неясными и малоговорящими ученику, что въ сущности являются безполезными. Что можно, напримѣръ, сообщить о столь важныхъ для прикладнаго знанія бактеріяхъ на 10 строкахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ (стр. 68)? Мхамъ посвящено менѣе страницы, а грибамъ 1½. Водоросли опущены вовсе.

Сообразно съ задачами учебника авторъ обращаетъ болѣе вниманія на растенія, имѣющія примѣненіе въ медицинѣ, и не сообщаетъ многаго, важнаго въ общеобразовательномъ отношеніи. Перечисляя, напримѣръ, виды сухихъ плодовъ, авторъ опускаетъ такую обычную форму, какъ зерновку. Ничего не говорится о приспособленіяхъ къ обсѣмененію. Вообще, многое, допустимое въ учебникѣ, написанномъ для профессіональнаго преподаванія, неумѣстно въ учебникахъ, предназначенныхъ для общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Врядъ ли удобно преподавателю реальнаго училища или женской гимназіи дѣлить крестоцвѣтныя растенія на декоративныя, кухонныя и медицинскія (стр. 52). Но и теоретическія представленія автора отличаются сбивчивостью. Такъ, верхушка корня называется точкой роста (стр. 10), корневые волоски приписываются лишь нѣкоторымъ корнямъ, а не всѣмъ (стр. 11). Неясны представленія автора о циркуляціи соковъ въ растеніи (стр. 30) и метаморфозѣ веществъ (стр. 38 и 43). Такъ, продуктомъ разложенія угольной ки-

слоты въ растеніи, по словамъ автора, является *уголь* (стр. 38). Бактеріи авторомъ относятся къ грибамъ, но и бродильные грибки причисляются къ бактеріямъ (стр. 42). Говоря о нитрификаціи почвы (стр. 39), авторъ не находитъ нужнымъ упомянуть о нитробактеріяхъ. Вообще физіологическія представленія автора отличаются неясностью, неточностью и подчасъ даже не совсѣмъ вѣрны.

Краткіе очерки Русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Составилъ *Д. Иловайскій*. Изданіе тридцать третье. М. 1899. Стр. 368. Цѣна 1 рубль.

Учебникъ русской исторіи г. Иловайскаго дѣйствуетъ въ нашихъ гимназіяхъ не менѣе трети столѣтія. За это время онъ много разъ пересматривался и измѣнялся; даже въ послѣднее время авторъ вносилъ въ его текстъ перемѣны. Мы нашли различія между 29-мъ и 33-мъ изданіями, напримѣръ, въ томъ, что авторъ вмѣсто отрывка изъ сочиненія Д. А. Милютина о походѣ 1799 года (XXIX, 290—291) вставилъ краткій обзоръ исторіи Грузіи, „взглядъ на исторію сей страны", „по поводу столѣтія со времени присоединенія Грузіи" (XXXIII, 292—293). Въ параграфѣ „Исторіографія въ XVIII и XIX вѣкахъ" также сдѣланы позднѣйшія вставки (XXXIII, 325 — 326). Въ началѣ книги (стр. 9) точное указаніе „въ 865 году" замѣнено приблизительнымъ „около 865 года", и кромѣ того на стр. 368 сдѣлана „поправка" къ этой датѣ: „въ 860 году". Словомъ, авторъ самъ не считаетъ своего изложенія окончательно установленнымъ и безгрѣшнымъ и признаетъ нужнымъ его улучшать. Это очень похвально въ томъ отношеніи, что избавило учебникъ г. Иловайскаго отъ грубыхъ погрѣшностей и опечатокъ, которыми такъ богаты бываютъ спѣшно составленные учебники. Но со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что частичныя исправленія не уничтожаютъ необходимости въ общемъ пересмотрѣ книги и въ освѣженіи матеріала, введеннаго въ учебникъ г. Иловайскаго.

Учебникъ г. Иловайскаго раздѣляется на три части. Первая—до Іоанна III — называется „Русь удѣльно-вѣчевая или дружинно-княжеская"; вторая часть—до Петра Великаго—носитъ названіе „Русь Московская и Литовская", и третья часть, — доведенная до нашего времени, — озаглавлена „Русь-Имперія". Не останавливаясь на самыхъ заглавіяхъ, въ которыхъ смѣшаны признаки политическіе, соціальные, этнографическіе и географическіе, обратимся къ обзору содержанія этихъ частей.

Въ первой части находимъ шесть главъ. Въ первой изъ нихъ

дана первоначальная исторія страны до 1054 года; во второй данъ обзоръ фактовъ внѣшней исторіи со второй половины XI вѣка до татаръ; въ третьей описывается „монгольское иго"; въ четвертой — внутреннее состояніе „удѣльно-княжеской Руси"; пятая и шестая главы посвящены исторіи собиранія Руси Литвою и Москвою. Скажемъ откровенно, что вся первая часть книги г. Иловайскаго насъ не удовлетворяетъ. Уже ея первыя страницы возбуждаютъ замѣчанія. Не касаясь географической характеристики Среднерусской возвышенности, которая и коротка и блѣдна, укажемъ на то, что при современныхъ успѣхахъ археологіи, невозможно ограничивать „древнѣйшей исторіи" нашей страны тридцатью строчками (на стр. 4—5), въ которыхъ гипербореи занимаютъ больше мѣста, чѣмъ готы, гунны и обры, вмѣстѣ взятые. Не предложивъ въ текстѣ ничего обстоятельнаго, авторъ въ примѣчаніи къ этому тексту (стр. 5) пускается въ область этнографическихъ домысловъ, обременительныхъ для учениковъ и не важныхъ исторически. Затѣмъ въ § о славянахъ (стр. 5—7) авторъ вовсе обходитъ вопросъ о славянской миѳологіи, хотя и говоритъ о погребеніи и тризнѣ. Вѣрованія славянъ характеризуются позднѣе, при разсказѣ о крещеніи Руси (стр. 16—17). О Литвѣ дается лишь упоминаніе въ трехъ строкахъ на стр. 7-й, а характеристика этого племени приводится ниже, на стр. 64—65, и при томъ со старыми недостовѣрными подробностями. О финнахъ же (на стр. 7—8) и „турецко-татарскихъ народахъ" (стр. 8) говорится обстоятельнѣе и полнѣе и съ данными объ ихъ религіи; а о варягахъ нѣтъ ни слова въ перечнѣ народовъ, входившихъ въ нашу первоначальную исторію. Въ общемъ этнографическое введеніе у г. Иловайскаго представляетъ странный видъ. Въ немъ нѣтъ ни цѣльности, ни необходимой полноты, ни яснаго плана. Въ однихъ своихъ частяхъ оно представляетъ номенклатурный перечень, въ другихъ—этнографическую характеристику. Слѣдующій § „Происхожденіе Русскаго государства" столь же страненъ. Въ крупномъ его шрифтѣ нѣтъ въ сущности ничего о томъ, о чемъ говоритъ заглавіе. Сначала списанъ первый походъ Руси на Царьградъ, но, разумѣется, не объяснено: *какой* Руси, ибо это пока и не можетъ быть объяснено; а самая дата этого похода „около 865 года" исправлена на стр. 368-й такъ: „Новѣйшія изслѣдованія утверждаютъ, что первое извѣстное нападеніе руссовъ на Константинополь произошло въ 860 году". Отъ этого похода, по словамъ автора, начались извѣстія о Руси византійскихъ хроникъ и русскихъ лѣтописцевъ (стр. 9), а въ X вѣкѣ владѣнія

Руси шли уже отъ Ладожскаго озера до Тамани. „Такое объединеніе, конечно, совершилось не вдругъ (говоритъ авторъ), а постепенно, цѣлымъ рядомъ... князей, имена которыхъ *большею частью* до насъ не дошли“ (стр. 10). Какъ же образовалось государство? какою силою? изъ какихъ народностей? Для какой нужды разсказанъ походъ руссовъ на Византію? На это въ крупномъ шрифтѣ отвѣта нѣтъ. Мало того: на стр. 9-й Русь названа „скиѳскій народъ“; на стр. 4-й скиѳы не называются Русью, а просто „кочевымъ народомъ“; на стр. 5-й, въ примѣчаніи указано, что скиѳы принадлежали „вѣроятно“ къ германскому племени, а выше на той же страницѣ сказано, что однимъ изъ наиболѣе значительныхъ племенъ славянскихъ „были Поляне или Русь“. Спрашивается, что вынесетъ изъ этой этнографической путаницы ученикъ, которому не заданъ мелкій шрифтъ на стр. 9 — 11? Чтеніе же этого мелкаго шрифта ведетъ насъ къ инымъ недоумѣніямъ. Общее правило состоитъ въ томъ, что учебникъ долженъ заключать въ себѣ истины общеизвѣстныя и общепринятыя. Г. Иловайскій на сей разъ отступаетъ отъ этого правила. Въ мелкомъ шрифтѣ онъ, во-первыхъ, приводитъ сокращенно лѣтописныя преданія о призваніи Руси въ 862 году и о Рюрикѣ съ Олегомъ, называя всѣ эти преданія „баснословными разсказами“; во-вторыхъ, онъ даетъ понятіе о такъ называемомъ варяго-русскомъ вопросѣ, рѣшая его въ смыслѣ, противномъ „норманнской школѣ“, и въ-третьихъ, онъ позволяетъ себѣ предложить ученикамъ свою теорію о происхожденіи Руси отъ „сарматскаго народа Роксоланъ или Россоланъ“. Если еще можно согласиться, что преданія нашей лѣтописи о началѣ Руси отмѣчены характеромъ легендарности, то уже никакъ нельзя сказать, что изслѣдованія норманнской школы менѣе достовѣрны, чѣмъ теорія самого г. Иловайскаго, и что происхожденіе Руси отъ Роксоланъ можетъ быть помѣщаемо въ учебной книгѣ въ качествѣ общепринятой истины. На самомъ вѣдь дѣлѣ эта теорія составляетъ пока монопольную собственность г. Иловайскаго, и на преподавателяхъ, пользующихся его учебникомъ, лежитъ нелегкая обязанность предостеречь учениковъ отъ односторонности учебника и передѣлать его текстъ.

Вслѣдъ за вопросомъ о началѣ государства и вопросъ о началѣ христіанства изложенъ г. Иловайскимъ не наилучшимъ способомъ. Разсказъ о торжествѣ христіанства па Руси у него имѣетъ характеръ черты изъ біографіи князя Владиміра (стр. 17—19). Вопросъ о всестороннемъ вліяніи христіанскаго ученія и просвѣщенія на рус-

ское общество здѣсь даже не поднятъ; онъ разсматривается урывками и безпорядочно въ IV-й главѣ—тамъ, гдѣ дается очеркъ внутренняго быта древней Руси. Но тутъ спутаны факты разныхъ эпохъ: такъ, напримѣръ, рядомъ съ фактами XI вѣка изложены труды св. Стефана Пермскаго и ересь стригольниковъ (стр. 57—58); упоминаніе о перенесеніи митрополіи изъ Кіева во Владиміръ предшествуетъ разсказу о началѣ Кіево-Печерской лавры (стр. 59—60) и т. п. (Характеристика древнѣйшаго лѣтописнаго свода дана лишь на стр. 60-й). Словомъ, матеріалъ, находящійся въ учебникѣ по вопросу о значеніи христіанства въ Кіевскій періодъ, подлежитъ иному распредѣленію, что опять-таки ложится на обязанность преподавателей. Между тѣмъ, если бы дать надлежащій очеркъ вліянія византійской церкви и культуры на нравы, законъ и учрежденія новообращенной Руси, этотъ очеркъ занялъ бы центральное положеніе во второй половинѣ I главы и объединилъ бы всѣ тѣ скучныя мелочи, которыми теперь въ разбивку удручается память учениковъ.

Вторая глава у г. Иловайскаго называется „развитіе *удѣльно-вѣчевой* системы". Это же выраженіе „*удѣльно-вѣчевая* Русь" стоитъ и въ заглавіи первой части учебника на стр. 3-й. Не пора ли однако покончить съ этимъ довольно позорнымъ анахронизмомъ? Еще въ 1847 году С. М. Соловьевъ возставалъ противъ этого термина „удѣльный" въ отношеніи періода до конца XII вѣка и указывалъ, что „даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи". Уже тогда онъ усвоилъ княжествамъ древней Руси правильное названіе: *волость*. А г. Иловайскій черезъ полвѣка послѣ этого находитъ *удѣлы* въ X вѣкѣ, говоря напримѣръ, что Святославъ „роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ" (стр. 15). Въ лѣтописи однако читаемъ лишь о томъ, что „Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ"—безъ всякаго упоминанія объ удѣлахъ. Да и самъ г. Иловайскій немногимъ позже (стр. 19) пишетъ, что Владиміръ Св. „по обычаю того времени почти всѣ свои области *роздалъ въ управленіе* (а не въ удѣлы) сыновьямъ". Итакъ, не удѣлы, а волости или же княжества были въ Кіевской Руси; а потому и не слѣдуетъ говорить объ „удѣльной" или „*удѣльно*-вѣчевой системѣ" въ приложеніи къ тому порядку, который не былъ ни „удѣльнымъ", ни „системою". Однако самый порядокъ очереднаго пользованія столами слѣдовало бы выяснить обстоятельнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Иловайскій: у него, напримѣръ, не объясняется княжеское изгойство (даже нѣтъ, кажется, самаго слова „изгой"), а между тѣмъ это было бы не лишне при описаніи борьбы

Святославичей за ихъ „отчину"; родовое старшинство также не имѣетъ (на стр. 23) точнаго объясненія; поэтому усобицамъ сыновей и внуковъ Ярослава приданъ характеръ борьбы исключительно за обладаніе землями, а не за родовое право. Образованіе въ Руси нѣсколькихъ „земель" или самостоятельныхъ княжествъ недостаточно объяснено (стр. 29), а самый перечень ихъ слишкомъ утомителенъ и подробенъ (стр. 29—38). Если необходимо сказать обстоятельно о Суздальской землѣ, Галичѣ и Волыни (мы думаемъ, что лучше говорить „Галичъ", а не „Галиція", какъ у г. Иловайскаго), то о прочихъ земляхъ достаточно лишь упоминанія; а о Великомъ Новгородѣ рѣчь должна идти не въ отдѣлѣ о Кіевскомъ періодѣ, а позднѣе.

Не останавливаясь на III главѣ „Монгольское иго", перейдемъ къ IV главѣ „Внутреннее состояніе дружинно-княжеской Руси". Ея основной недостатокъ—смѣшеніе эпохъ; особенно оно чувствуется въ статьяхъ „Князь и дружина" (50 — 51) и „Православная церковь" (57—61). Въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ даже о „помѣстьяхъ" за службу, о которыхъ можно говорить лишь съ XV вѣка; а во второй— о Троицкой лаврѣ и монастыряхъ Кирилловѣ и Соловецкомъ. Все это факты иной эпохи и не могутъ относиться къ „дружинно-княжеской Руси". Но и тамъ, гдѣ авторъ не впадаетъ въ столь грубые анахронизмы, онъ не различаетъ эпохи Владиміро-Суздальской и Кіевской, что прямо недопустимо при успѣхахъ современнаго историческаго знанія. Историческая перспектива въ этой главѣ отсутствуетъ, а потому учащіеся легко могутъ быть вводимы въ прямыя заблужденія. Примѣръ—указаніе (стр. 51) на развитіе служилаго землевладѣнія „съ XII вѣка"! Другой примѣръ — помѣщеніе рядомъ „волхва" 1071 года съ „стригольникомъ Карпомъ" 1375 года (на стр. 57—58). Рядъ фактовъ проходитъ передъ читателемъ въ видѣ краткаго ихъ перечня въ послѣдовательности чисто внѣшней, въ связи часто не прагматической, а только стилистической. Легко понять, почему эту главу трудно усвоить.

Глава V посвящена внѣшней исторіи Литовскаго княжества въ XIII — XV вѣкахъ, а глава VI излагаетъ, какъ „сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы". Начинается эта глава указаніемъ на главнѣйшія княжества: Тверское, Суздальское и Московское; было бы умѣстнѣе и характеристику Рязани дать здѣсь же, а не въ перечнѣ „земель" на стр. 32—33. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о первыхъ Московскихъ великихъ князьяхъ и о Куликовской битвѣ, значеніе которой не разъясняется, а лишь кратко указывается (стр.

78—79). Княженію Василіевъ I и II удѣлено слишкомъ много мѣста (разумѣемъ мелкій шрифтъ и примѣчанія, вовсе лишнія, на стр. 80—81); а причины возвышенія Москвы опять-таки лишь кратко перечислены, а не разъяснены. Предъ ихъ изложеніемъ стоитъ слово „итакъ", но лишь по случайности, ибо слѣдующій за нимъ текстъ нельзя назвать прямымъ выводомъ изъ предыдущаго. Затѣмъ, на стр. 83—85, авторъ обращается къ „вѣчевымъ общинамъ" и во второй разъ говоритъ о Новгородѣ; здѣсь бы и слѣдовало дать общій очеркъ Новгородскаго государства, преждевременно изложенный на стр. 35—38.

Таково содержаніе первой части учебника г. Иловайскаго. Нѣкоторая устарѣлость и несистематичность введенія, субъективность въ освѣщеніи вопроса о началѣ Руси, неудовлетворительная постановка вопроса о вліяніи христіанства и византійской культуры на древнюю Русь, устарѣлое изображеніе древне-кіевскаго государственнаго строя, какъ „удѣльной системы", смѣшеніе очередного порядка владѣнія Кіевской поры съ вотчинною собственностью Суздальско-Владимірскихъ князей и древнѣйшей волости съ позднѣйшимъ удѣломъ; сопоставленіе въ общемъ очеркѣ бытовыхъ явленій разновременныхъ и разномѣстныхъ,—вотъ недостатки первой части разбираемаго учебника, подробный отчетъ о которыхъ занялъ бы слишкомъ много времени. Мы лишь указываемъ на нихъ, присоединяя къ этимъ общимъ указаніямъ нѣсколько частныхъ. Эти послѣднія относятся главнымъ образомъ къ изложенію.

Стр. 6. Общее названіе славянъ „произошло" отъ „иностранныхъ писателей" Іорнанда и Прокопія; такъ гласитъ примѣчаніе. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать иное.

Стр. 11. Дата „въ 865 году" осталась безъ поправки, хотя исправлена въ другихъ мѣстахъ.

Стр. 28 и 82. Кіевская династія называется малоупотребительнымъ названіемъ „Игоревичи" (вмѣсто Рюриковичи); но авторъ самъ измѣнилъ этому термину на стр. 118, называя здѣсь Игоревичей „династіей Владиміра Великаго". Въ учебной книгѣ желательна большая устойчивость терминовъ.

Стр. 50. Утвержденіе, что „верховная власть принадлежала князю", слишкомъ категорично; здѣсь совершенно забыта роль вѣча.

Стр. 54. Говоря, что „о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ Русской Правдѣ не упоминается", авторъ не прибавилъ необходимой оговорки „для свободныхъ людей".

Стр. 63. Подчеркнуто рискованное утвержденіе, что раздробленіе

Руси на княжества „не мало способствовало распространенію гражданственности". Эта односторонняя мысль вытекла изъ неправильнаго представленія о томъ, что факторомъ культуры была исключительно дружинная среда.

Стр. 67. Характеристика Ольгерда представляетъ прямо неудачное сокращеніе лѣтописной характеристики.

Стр. 76 и 80. Излишни примѣчанія о Вельяминовѣ и смоленскомъ князѣ Юріѣ; о первомъ наши свѣдѣнія не совсѣмъ отчетливы, а похожденія втораго нѣсколько скабрезны.

Переходя ко второй части учебника г. Иловайскаго, замѣтимъ вообще, что она представляется намъ удовлетворительнѣе первой. Но и относительно ея можно сдѣлать много замѣчаній. Въ первой главѣ, посвященной исторіи Москвы съ Ивана III до 1584 года, возможно лучшее расположеніе матеріала въ границахъ отдѣльныхъ княженій. При Иванѣ III, какъ говоритъ самъ г. Иловайскій, „важное вліяніе" на политику принадлежало Софьѣ Ѳоминишнѣ; разсказъ о ней и долженъ бы былъ предшествовать всему прочему изложенію. Время Ивана Грознаго въ учебникѣ г. Иловайскаго изложено безъ соблюденія хронологическаго порядка. Работы по укрѣпленію южной границы (конецъ царствованія) попали въ § о взятіи Казани и изложены совершенно бѣгло и потому неудовлетворительно, да при томъ еще ранѣе разсказа о Крымскомъ набѣгѣ 1571 года, которымъ были вызваны эти мѣры (стр. 106 — 107). Покореніе Сибири разсказано ранѣе борьбы за Ливонію. Благодаря этому безпорядку получается какая-то эпизодичность разсказа и пестрота: заглавіе говоритъ о Казани, а читаемъ не только о Казани, но и о Крымѣ; въ заглавіи Ливонія, а читаемъ объ англичанахъ; завоевали Сибирь, а еще не познакомились съ Ченслеромъ. Затѣмъ самая постановка вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Грознаго, неудовлетворительна. Значеніе царскаго титула совершенно не выяснено (стр. 102); объ идеѣ „Москва—третій Римъ" даже не упомянуто (стр. 92, 94, 102); важность пріобрѣтенія Казани и „дикаго поля" для народной колонизаціи упущена (стр. 106—107); Балтійскій вопросъ въ XVI столѣтіи остался безъ освѣщенія (стр. 109); переходъ войны съ Ливоніей въ борьбу за Ливонію вслѣдствіе этого объясненъ плохо (стр. 110); причины неудачъ Грознаго въ войнѣ съ Баторіемъ и Швеціей не объяснены совсѣмъ (стр. 110—111). Поэтому разсказъ г. Иловайскаго о времени Грознаго надо признать отсталымъ и неудачнымъ, подлежащимъ коренной передѣлкѣ. Изложеніе послѣдующаго времени царей Ѳеодора

и Бориса Годунова и Смутнаго времени по общему плану удовлетворительнѣе. Напрасно только г. Иловайскій приписываетъ Годунову основаніе Архангельска, который былъ основанъ Грознымъ (Акты Арх. Эксп., I, № 318; Лѣтопись Двинская подъ 1584 годомъ). Подъ заглавіемъ „Прикрѣпленіе крестьянъ“ разсказывается и учрежденіе патріаршества и смерть царевича Димитрія (стр. 117—118), при чемъ значеніе церковной перемѣны не выясняется. На стр. 122 и 125, въ примѣчаніяхъ, вина въ подготовкѣ самозванцевъ произвольно возлагается на Мнишковъ, Вишневецкихъ и Сапѣгъ; это личное мнѣніе г. Иловайскаго надо еще доказать. Движеніе городовъ при Шуйскомъ на защиту порядка изложено у г. Иловайскаго неудовлетворительно; можно даже сказать, что оно опущено (стр. 126). Основанія договора съ Владиславомъ въ августѣ 1610 года указаны неточно (стр. 128). На стр. 130-й невѣрно и неловко говорится о несуществовавшемъ политическомъ сепаратизмѣ областей и описывается ихъ „нелюбовь къ Москвѣ“; противъ этого можно привести достаточное число безспорныхъ доказательствъ. На стр. 132-й находится простое заглавіе или упоминаніе о Сусанинѣ вмѣсто разсказа о немъ; невѣдомо, что означаетъ это заглавіе, напечатанное къ тому же курсивомъ, значитъ, представляющее, по терминологіи автора, „наиболѣе существенное мѣсто, долженствующее быть закрѣпленнымъ въ памяти учащихся“ (стр. 2). Причины и послѣдствія Смутнаго времени совершенно не указываются; мало того, между разсказомъ объ избраніи царя Михаила Ѳеодоровича и изложеніемъ его царствованія вдвинута цѣлая глава о „Западной Руси въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка“. Этого никакъ нельзя ни понять, ни одобрить съ дидактической точки зрѣнія.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть необходимость пересмотра и улучшеній и во второй части разбираемаго учебника. Желательны перемѣны и въ третьей его части („Русь-Имперія“), которая въ общемъ лучше первыхъ двухъ частей. Напримѣръ, въ исторіи Петра Великаго хотѣлось бы видѣть болѣе точное указаніе послѣдствій Полтавской побѣды, передавшей политическое первенство на сѣверѣ Европы изъ рукъ Швеціи въ руки Россіи (стр. 223). Слѣдовало бы исправить совершенно неточное указаніе, что сенатъ былъ созданъ „на мѣсто прежней боярской думы“ (стр. 226), и что „московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ коллегіи“ (стр. 227). Врядъ ли можно сомнѣваться, что это было иначе. „Сотрудники Петра“ (стр. 235—238) называются безъ опредѣленнаго порядка; а между тѣмъ

для дальнѣйшей исторіи была бы важна именно группировка ихъ по происхожденію и направленію. Роль дворянской гвардіи указывается (стр. 242), но не выясняется удовлетворительно. Равнымъ образомъ остается безъ должнаго истолкованія законъ о престолонаслѣдіи 1721 года, его примѣненіе въ XVIII вѣкѣ и отмѣна императоромъ Павломъ (стр. 240, 287). Не показанъ постепенный ростъ дворянскихъ привилегій, почему и жалованная грамота 1785 года недостаточно объяснена (стр. 268). Это — весьма существенные недостатки, потому, что касаются важнѣйшаго содержанія внутренней исторіи XVIII вѣка. На стр. 315-й читаемъ заглавіе „Взглядъ на Русскую образованность въ первой половинѣ XIX столѣтія“ и подъ этимъ общимъ заглавіемъ находимъ между прочимъ § „Исторіографія въ XVIII и XIX вѣкахъ“. Въ первыхъ изданіяхъ учебника и этотъ § имѣлъ въ виду естественно первую половину XIX вѣка; теперь же онъ дополненъ многочисленными, часто неточными библіографическими указаніями и совершенно излишними мелочными справками изъ области исторической и археологической литературы послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка. До чего доходитъ неточность автора, видно, напримѣръ, изъ указанія на изданія не существующаго „Императорскаго Археографическаго Общества“ въ С.-Петербургѣ (стр. 326). Эта статья требуетъ существеннаго исправленія и сокращенія. Желательно большее спокойствіе и объективность въ отзывахъ автора объ исторіи „великаго княжества Финляндскаго“, о которомъ даются бѣглыя указанія на стр. 291, 301, 334, 359-й. Столь же желательны большее спокойствіе и солидность въ оцѣнкѣ отрицательныхъ теченій въ нашей литературѣ и общественности послѣднихъ десятилѣтій (стр. 335—336). На двухъ страницахъ, посвященныхъ печати времени Императора Александра II, разсѣяно очень много категорическихъ осужденій, которыя по своей краткости представляются необоснованными и слишкомъ рѣзкими. Врядъ ли возможно роднить по направленію Островскаго и Щедрина (335) и называть преимущественно ихъ „представителями *реальнаго или обличительнаго* направленія въ литературѣ“. Врядъ ли удобно безъ поясненій обзывать *противонаціональнымъ* направленіе графа Л. Толстого и органовъ столичной печати (335). Въ старыхъ изданіяхъ (XX, 374) это обвиненіе было направлено на органы печати, проявившіе „анти-національное направленіе“ во время „послѣдней войны съ Турціей и въ дѣлѣ обрусѣнія нашихъ западныхъ окраинъ“; теперь и этого поясненія нѣтъ. Врядъ ли возможно съ плеча и такъ односторонне опредѣлять „служеніе“ Герцена, не опредѣливъ его

„дарованія", но признавъ его (336). Не покажется ли слишкомъ субъективнымъ отношеніе къ „крайне реальному" направленію беллетристики, пропечатанное курсивомъ на стр. 336-й. Рѣчь идетъ о явленіяхъ современности и лицахъ отчасти еще дѣйствующихъ. Судъ исторіи для нихъ еще не наступилъ, и лучше о нихъ молчать въ учебникѣ, чѣмъ голымъ осужденіемъ содѣйствовать образованію въ юношахъ привычки судить съ плеча и осуждать безъ должнаго разумѣнія.

Было бы несправедливо, останавливаясь на слабыхъ сторонахъ труда г. Иловайскаго, не указать его достоинствъ. Выше было отмѣчено, что авторъ, знакомство котораго съ русской исторіей безспорно, умѣлъ освободить свое изложеніе отъ грубыхъ фактическихъ промаховъ. Сверхъ того онъ умѣлъ придать учебнику надлежащій объемъ, избавивъ книгу отъ ненужныхъ подробностей и мелочей, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ излишнихъ мѣстъ, въ родѣ, напримѣръ, недостовѣрнаго сказанія о Хабарѣ (стр. 99), пустаго разсказа о корсетныхъ пружинахъ (стр. 215), безполезныхъ подробностей по исторіи Грузіи (стр. 292—293) и т. п. Языкъ книги, гладкій и правильный, содѣйствуетъ легкому усвоенію текста, хотя мѣстами и страдаетъ отрывочностью (образецъ 110-я страница). Въ свое время, когда учебникъ г. Иловайскаго былъ новостью, онъ долженъ былъ имѣть успѣхъ, какъ вещь свѣжая и цѣльная. Теперь — дѣло иное. Трудъ устарѣлъ и частныя исправленія не могутъ держать его на уровнѣ современныхъ требованій, какъ свѣжія заплаты не дѣлаютъ крѣпкою ветхой ткани. Учебникъ г. Иловайскаго требуетъ не исправленій и поверхностнаго пересмотра, а коренной переработки, и наши замѣчанія, предлагаемыя здѣсь, указываютъ лишь на малую часть тѣхъ исправленій, какихъ можно теперь желать въ текстѣ труда г. Иловайскаго.

Руководство къ Русской исторіи. Средній курсъ. (Соотвѣтственный плану третьяго класса гимназій). Составилъ *Д. Иловайскій*. Изданіе тридцать девятое. Цѣна 40 коп. М. 1899. Стр. 180.

Сравнительно съ „Краткими очерками Русской исторіи" того же автора это „Руководство" производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Достоинства его заключаются, во-первыхъ, въ отсутствіи грубыхъ фактическихъ погрѣшностей, во-вторыхъ, въ ясности и удобопонятности изложенія, въ-третьихъ, въ краткости, соединенной съ стремленіемъ къ систематичности и прагматизму. По общему своему строю это

„Руководство“ дѣйствительно подходитъ къ требованіямъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Отступленіе можно видѣть въ главѣ XIII „Преемники Петра Великаго“: она даетъ исторію всѣхъ царствованій первой половины XVIII столѣтія, тогда какъ объяснительная записка къ дѣйствующей программѣ прямо указываетъ, что „событія XVIII вѣка съ 1725 до 1762 года опускаются“. Точно также излишними по программѣ могутъ быть признаны главы III и VIII, заключающія въ себѣ обзоры внутренняго состоянія древней Руси. Сверхъ того, можно отмѣтить нѣсколько частностей такого рода, что ихъ исключеніе отнюдь не принесло бы вреда. Къ чему въ элементарномъ курсѣ подробности о Василіяхъ I и II (1389—1462), особенно о междоусобіяхъ ихъ времени? Или зачѣмъ явился „татарскій воевода Бурундай“ на стр. 38?

Субъективные взгляды г. Иловайскаго отразились и на этомъ „Руководствѣ“, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ его „Краткихъ очеркахъ“. Племя Русь оказывается и здѣсь (стр. 6) туземнымъ племенемъ. Волости именуются по-старому „удѣлами“ (стр. 14); а порядокъ родового владѣнія—„удѣльною системою“ (стр. 17). Раздробленіе Руси на княжества представляется положительнымъ культурнымъ факторомъ (стр. 29). Но задачи элементарнаго изложенія, выдвигая впередъ факты и эпизоды, низводятъ всѣ субъективныя положенія на степень легко исправляемыхъ афоризмовъ. Собственно же фактическая сторона обработана въ учебникѣ положительно хорошо. Преданія лѣтописи и позднѣйшій эпическій элементъ введены въ изложеніе въ достаточной степени, а достовѣрные факты разсказаны серьезно и общепонятно, съ полною объективностью и безъ приторнаго лиризма.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ *Д. Иловайскій*. Часть вторая. Средніе вѣка. (Курсъ старшаго возраста). Москва 1898. Изданіе 22-е. Стр. 224. Ц. 60 коп.

Курсъ средней исторіи г. Иловайскаго раздѣляется на слѣдующіе три періода: 1-й до 843 года, 2-й до паденія Гогенштауфеновъ, 3-й до XV вѣка. Какого либо введенія въ исторію средневѣковья, гдѣ была бы охарактеризована переходная эпоха отъ древняго міра къ новому христіанскому, мы въ книгѣ не находимъ. Между тѣмъ выясненіе переходныхъ эпохъ, характеризующихся зарожденіемъ новыхъ идей и борьбою ихъ со старыми, отживавшими, въ высшей степени важно именно при систематическомъ прохожденіи исторіи.

Займемся разборомъ перваго періода средневѣковья въ изложеніи

г. Иловайскаго. Здѣсь насъ, въ главѣ о переселеніи народовъ, прежде всего поражаетъ характеристика гунновъ, о которыхъ сказано, что они *„вѣроятнѣе всего"* принадлежали къ *славянскому племени*; авторъ сгруппировалъ ихъ съ славянами въ гунно-славянскихъ варваровъ, а на стр. 19 гунны приравнены съ восточными славянами. Переселеніе народовъ начинается со второй половины IV вѣка, но, вѣдь, уже до этого времени они жили въ предѣлахъ западной Европы, къ этому времени уже они сгруппировались въ отдѣльныя федераціи; объ этомъ г. Иловайскій не упоминаетъ ни однимъ словомъ; поэтому открытыми остаются многіе вопросы: откуда явились готы въ южную Россію, каковы были отношенія германцевъ къ Риму въ предшествовавшія два столѣтія (отношенія конфедератовъ, лэтовъ и т. д.), какова была культура этихъ германцевъ, можно ли найти въ ней слѣды римскаго вліянія и т. д.

Разсматривая отдѣльныя варварскія государства, г. Иловайскій, вопреки хронологической послѣдовательности, сначала говоритъ объ остъ-готахъ, затѣмъ о лонгобардахъ, государство которыхъ основано въ 568 г., и послѣ нихъ уже о франкахъ, государство которыхъ основано въ 483 г. Изображеніе франкскаго государства—чисто внѣшнее; оно доводится авторомъ до 755 года; разсказывая о Карлѣ Мартеллѣ, г. Иловайскій говоритъ объ арабахъ, которыхъ ученики еще не знаютъ, такъ какъ глава объ арабахъ помѣщена 20-ью страницами позднѣе. $1^1/_2$ страницы, посвященныя феодализму, нисколько не выясняютъ этого вопроса; ученикамъ не объяснены ни отношенія коммендаціи, ни прекаріи, ни бенефиціи.

Большимъ пробѣломъ является отсутствіе отдѣльной главы или §, въ которомъ былъ бы выясненъ ростъ и значеніе римской папской церкви. Отдѣльные отрывки разбросаны по всей книгѣ, но изъ нихъ едва ли кто можетъ выяснить себѣ идею Божьяго царства, аскетизма и теократіи. Перваго типичнаго представителя будущихъ григоріанскихъ идей — Николая I—мы тщетно стали бы искать въ учебникѣ: о немъ именно съ этой стороны не говорится ни слова; глухое упоминаніе о немъ имѣется лишь въ исторіи раздѣленія церквей.

За франкскимъ королевствомъ слѣдуетъ глава о Византіи, исторія которой доведена до XII вѣка (это въ первомъ періодѣ средневѣковья, заканчивающемся 843 годомъ, какъ говоритъ въ введеніи своемъ самъ г. Иловайскій). И здѣсь упоминанія объ арабахъ, о римской церкви, о Карлѣ Великомъ, о германскихъ императорахъ—о чемъ ученики узнаютъ только въ послѣдующихъ главахъ. И только за

Византіей (доведенной до XII вѣка) идетъ рѣчь объ арабахъ (до XI вѣка), а за этимъ слѣдуетъ разсказъ о царствованіи Карла Великаго. Итакъ въ самомъ планѣ изложенія рядъ скачковъ, съ которыми ученики едва ли легко справятся. А недочетовъ здѣсь безконечное множество! Напримѣръ, всего ощутительнѣе — полное игнорированіе исторіи развитія римской церкви (ни слова о теоретической подготовительной работѣ, въ видѣ фальсификацій и т. д.), отношеній Рима къ франкскому государству (Понтіонскій договоръ и 800 г.). вліянія феодальныхъ началъ въ исторіи распаденія монархіи Карла Великаго и ряда другихъ. Заключается первая эпоха исторіей Англіи, доведенной до начала династіи Плантагенетовъ. О значеніи событій 1066 года—ни слова.

V глава посвящена „борьбѣ императоровъ съ папами, гвельфамъ и гибелинамъ". Перечисляя нѣмецкія династіи, разсказывая исторію императоровъ, г. Иловайскій совершенно не выясняетъ сущности такъ называемой Оттоновской системы, результатовъ ея и отраженія на отношеніи государства къ церкви, за то съ любовью вноситъ детали (не историческія) въ исторію Генриха I. Между тѣмъ весь саксонскій домъ и важенъ въ общемъ развитіи Германіи только со стороны созданной Оттономъ I системы. А событіе 962 года? Что означаетъ оно по сравненію съ 800 г.? Стремясь къ полнотѣ, г. Иловайскій перечисляетъ всѣхъ императоровъ каждой династіи, даже тѣхъ, о которыхъ самъ ничего не говоритъ. Исторія XI вѣка — самая слабая часть всего учебника. Разсказывая въ учебникѣ для русскихъ дѣтей совершенно ненужныя подробности объ отношеніяхъ Конрада-графа и Конрада-герцога Франконскаго, г. Иловайскій вскользь упоминаетъ только о преобразовательной партіи, возникшей въ Римѣ, смѣшиваетъ, а мѣстами и отожествляетъ Клюнійское движеніе съ григоріанскимъ (Гильдебрандъ — у него клюніецъ), не выясняетъ съ достаточною ясностью терминовъ — инвеститура, симонія, целибатъ и т. д. И здѣсь несоразмѣрность: мелочи и анекдоты преобладаютъ. Въ еще большей степени наблюдается это въ исторіи Гогенштауфеновъ: Фридриху I посвящаются 2 страницы, полныя династическихъ мелочей, а о Фридрихѣ II, объ Иннокентіи III. новомъ аскетическомъ вѣяніи въ церкви (Арнольдъ, Францискъ и пр.)—неполная страница. За то ученики, ничего существеннаго не усвоивъ. найдутъ подробности о Конрадинѣ, Манфредѣ, битвѣ при Тальякоццѣ, Сицилійской вечернѣ и т. д. Спросите ученика, учившагося по Иловайскому, подъ руководствомъ учителя, преподающаго по Иловай-

скому, о различіи гвельфскаго и гибелиповскаго принциповъ, объ отношеніи Рима къ францисканскому движенію, о значеніи утвержденія германскихъ императоровъ въ Италіи, и онъ по праву отвѣтитъ, что объ этомъ въ учебникѣ не нашелъ абсолютно ничего.

Слѣдующая глава посвящена славянамъ: снова скачки, снова забѣганія впередъ до второй половины XIV вѣка, въ то время когда ученики еще не знаютъ ни объ Авиньонѣ, ни о схизмѣ, ни о междуцарствіи, ни о Люксембургахъ. Далѣе: забѣжавъ впередъ въ нѣкоторыхъ главахъ до XIII и XIV вѣковъ, ни слова не сказавъ ученикамъ о Франціи и Капетингахъ, г. Иловайскій предлагаетъ въ слѣдующей главѣ исторію Крестовыхъ Походовъ, доводимую имъ до конца XIII вѣка. Конечно, всѣ старые предразсудки на лицо: и Петръ Пустынникъ, проповѣдникъ перваго похода, и усиленіе папства въ концѣ эпохи (sic!), и рядъ разсказовъ о герцогѣ бульонскомъ, походъ дѣтей и прочее, культурное же значеніе эпохи не выяснено.—Говоря объ орденахъ, г. Иловайскій разсказываетъ о тампліерахъ, столкновеніи ихъ съ Филиппомъ IV Красивымъ,—и это, когда ученики еще о Капетингахъ ни строки не прочли въ учебникѣ. О нихъ разсказъ ведется съ 130 стр.,—параллельно съ исторіей Англіи. И въ исторіи Капетинговъ—съ одинаковой важностью трактуется Филиппъ IV Красивый и Людовики VI и VII; ничего не сказано о Бонифаціи VIII, о началѣ движенія противъ него въ самой Италіи (Данте и гибелины), не выяснена сущность конфликта съ Франціей. А Авиньонское плѣненіе (не вѣренъ годъ—1308), результаты его, движеніе и ростъ городовъ въ Италіи—всего этого тщетно станемъ искать въ учебникѣ г. Иловайскаго, между тѣмъ это какъ будто бы поважнѣе всякихъ подробностей о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ.

Развитіе парламента въ Англіи упоминается между прочимъ, среди ненужныхъ деталей политической исторіи.—Что вызвало 100 лѣтнюю войну, чѣмъ объясняются и вызваны соціальныя движенія (Жакерія, Этьенъ Марсель) во Франціи и Англіи, каковы были итоги войны въ XV вѣкѣ для обоихъ государствъ — на это мы отвѣта не находимъ. За то, сколько ненужныхъ подробностей о Дюгекленѣ, Іоаннѣ Д'Аркъ и прочихъ. Виклефу посвящено 9 строкъ!

Разсказывая о Людовикѣ XI, г. Иловайскій говоритъ о швейцарскихъ войнахъ, о Грансонѣ и Муртенѣ, а о Швейцаріи спеціально рѣчь идетъ десятью страницами позднѣе въ отдѣлѣ, посвященномъ Германіи.

Какъ Виклефъ приплетенъ къ исторіи Англіи, такъ Гусъ и Гуситы къ исторіи Германіи, тогда какъ всего естественнѣе было бы отнести

ихъ въ неимѣющійся (почему?) отдѣлъ о паденіи куріи и объ антипапской оппозиціи въ связи съ соборами.

Крайне неудовлетворительно изложенъ отдѣлъ: Германія во время Габсбурговъ. Въ него внесенъ весь періодъ междуцарствія, и періодъ смѣшанныхъ династій, и Габсбурги. Послѣдніе утвердились на престолѣ окончательно и вполнѣ только съ 1439 года, такъ что озаглавливать весь отдѣлъ германской исторіи съ 1250 г. эпохою Габсбурговъ—по меньшей степени произвольно и странно. Междуцарствіе разсказано совершенно въ духѣ г. Иловайскаго, т. е. на лицо разные Ричарды и Альфонсы, ужасы тайныхъ обществъ и т. д., а въ мелкій шрифтъ отнесено самое главное явленіе всей эпохи: я разумѣю развитіе городовъ и образованіе городскихъ союзовъ. Второй фактъ, ярко характеризующій междуцарствіе и также опущенный въ изложеніи г. Иловайскаго,—это развитіе княжеской автономіи и слабость центральной власти; этотъ фактъ связанъ съ царствованіемъ перваго Габсбурга. Говоря о первомъ Габсбургѣ, слѣдовало отмѣтить въ особенности его восточную политику; ею онъ создалъ тотъ дуализмъ въ имперіи, который, усиленно развиваясь въ послѣдующіе вѣка, привелъ къ краху имперіи. Въ связи съ Баварскимъ и Люксембургскимъ домами слѣдовало бы разсказать о новомъ конфликтѣ съ папами, о движеніи францисканцевъ (Оккамъ, Марсилій), но это опущено, за то вслѣдъ за Рудольфомъ подробно разсказана швейцарская легенда о Теллѣ. О значеніи царствованія Карла IV во внутренней исторіи Германіи и о связи его политико-религіозныхъ тенденцій съ тенденціей Людовика Баварскаго—нѣтъ и намека, отсюда и совершенно поверхностная оцѣнка золотой буллы. Касаясь Гуса и Гуситовъ, г. Иловайскій по этому поводу говоритъ, вскользь, о соборахъ и совершенно опускаетъ первый изъ нихъ—Пизанскій соборъ.

X-ый отдѣлъ посвященъ Италіи, Испаніи и Скандинавіи (о послѣдней слѣдовало сказать въ двухъ словахъ въ связи съ Ганзой), XI-ый славянамъ и туркамъ. Коло ди Ріенци выхваченъ здѣсь изъ гуманистическаго кружка, который вдохновилъ его, и поставленъ совершенно внѣ новыхъ гуманистическихъ идей, почему онъ и является совершенно непонятнымъ и излишнимъ.

Заключительная глава — „средневѣковой бытъ въ западной Европѣ"; здѣсь снова рѣчь идетъ о феодализмѣ (2 стр.), но новаго нѣтъ ничего по сравненію съ тѣмъ, что говорится послѣ Пипина; здѣсь и рыцарство, которое удобнѣе было разсмотрѣть въ связи съ крестовыми походами, здѣсь и монашескіе ордена: бенедиктинцевъ, фран-

цисканцевъ и доминиканцевъ — всѣ на одной страницѣ, здѣсь города, торговля, судъ, искусство и просвѣщеніе, здѣсь наконецъ—и поэзія, говоря о которой, г. Иловайскій упоминаетъ о Данте, Петраркѣ и Боккаччіо.

Неумѣлый планъ, разбросанность матеріала, главное въ перемѣшку съ второстепеннымъ, старыя отжившія свой вѣкъ точки зрѣнія—все это дѣлаетъ книгу г. Иловайскаго совершенно непригодной для нашихъ современныхъ гимназическихъ требованій.

Г. Форстенъ.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ *Д. Иловайскій.* Часть III. Новая исторія. Курсъ старшаго возраста. Москва 1899. Изданіе 26-е. Стр. 240. Ц. 65 коп.

Учебная книга, появляющаяся 26-мъ изданіемъ, должна бы, повидимому, представлять собою нѣчто очень цѣнное и талантливое, на дѣлѣ же передъ нами учебникъ, лишенный и цѣнности, и таланта, учебникъ, полный грубыхъ недосмотровъ и ошибокъ, учебникъ, свидѣтельствующій о томъ, что съ перваго изданія его почтенный авторъ уже не знакомился съ литературой предмета, а застылъ, такъ сказать, въ пріобрѣтенномъ (изъ учебниковъ же иностранныхъ!) матеріалѣ. 26-е изданіе—показатель бѣдности нашей школьной учебной литературы, которая только въ послѣдніе три-четыре года обогатилась цѣнными вкладами—трудами профессоровъ Виноградова и Карѣева, оно же—показатель рѣдкаго самомнѣнія автора, г. Иловайскаго. Всемірную исторію г. Иловайскій раздѣляетъ на три періода, вмѣщая каждый изъ нихъ въ тѣсныя, опредѣленныя хронологическія рамки. Древній міръ доведенъ имъ до 476 года, средніе вѣка до 1453 г., новая исторія открывается тезисами Лютера. Отсюда рядъ курьезовъ, на которые невольно наталкиваешься, открывая учебныя книги г. Иловайскаго; такъ, въ средневѣковой исторіи читатель тщетно станетъ искать главу о развитіи христіанства, въ новой исторіи—онъ не найдетъ сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія гуманизма или ренессанса: глава о христіанствѣ отнесена къ древней исторіи, гуманизмъ и ренессансъ къ средневѣковой. Итакъ въ своей новой исторіи г. Иловайскій обошелся безъ наиболѣе характернаго для всей новой исторіи періода. Перечисляя характерные, отличительные факты новой исторіи въ своемъ введеніи, г. Иловайскій ни словомъ не обмолвился объ индивидуализмѣ, о свободѣ личности, достигнутой долгой борьбой съ церковью, съ феодальнымъ строемъ, съ имперіей. Правда, въ

концѣ второй главы рѣчь идетъ о ренессансѣ, но только со стороны развитія живописи, скульптуры и литературы. И здѣсь рядъ ужасающихъ несообразностей: весь ренессансъ толкуется какъ дѣло заѣзжихъ въ Италію грековъ, паденіе Византіи вызвало возрожденіе наукъ и искусствъ (sic!). Очень поучительны характеристики школъ живописи. О венеціанской сказано: высшей степени своего развитія она достигаетъ въ Тиціанѣ — и ни слова болѣе. Представителями литературы возрожденія являются Аріосто и Тассо, жившіе оба уже въ періодъ упадка ренессанса.

О нѣмецкомъ гуманизмѣ авторъ говоритъ нѣсколько словъ, предпосылая ихъ исторіи реформаціи. Нѣмецкій гуманизмъ трактуется какъ явленіе, занесенное изъ Италіи, и тѣмъ не менѣе онъ разсматривается авторомъ здѣсь, въ новой исторіи, а итальянскій—въ средней. Въ силу какой логики? Гуманисты характеризуются здѣсь такими словами: это люди, изучавшіе классическую литературу, т. е. греческую и римскую. Но, вѣдь, такихъ людей, г. Иловайскій, въ средніе вѣка были сотни! Изъ странички, посвященной нѣмецкому гуманизму, ученики ничего не вынесутъ путнаго. Рейхлину посвящены 12 строчекъ, и въ нихъ ничего не сказано о значеніи его для эпохи; Эразму—14 строчекъ, въ которыхъ ни слова, напримѣръ, объ изданіи имъ Новаго Завѣта, о его религіозныхъ воззрѣніяхъ; Гуттену — 6 строчекъ. Итальянскія же войны, неизвѣстно для какой цѣли, разсказаны на 9 страницахъ!!

Первая глава Новой исторіи посвящена великимъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ. Географическія открытія подробно разсказаны на десяти страницахъ; тутъ ученики встрѣтятъ такія имена, какъ Монтезума, Гватемозинъ, Инка, Альмагро и пр. Вопросъ же о значеніи всѣхъ открытій хотя и ставится г. Иловайскимъ, но разрѣшается совершенно неудовлетворительно, такъ что ученикъ не узнаетъ изъ изложеннаго ни о развитіи капитализма, ни о смѣнѣ имъ натуральнаго хозяйства, а это все факты, вліятельно отразившіеся на общей культурѣ Европы, и объ этомъ можно было бы вполнѣ доступно разсказать ученикамъ.

Вторая глава посвящается борьбѣ за Италію; авторъ забѣгаетъ здѣсь впередъ до 1544 года. Почему же не до 1559 г., когда эта борьба окончилась Като-Камбрезійскимъ миромъ (г. Иловайскій называетъ его Шато-Камбрезійскимъ)? Характеристика обоихъ героевъ войны, Франциска и Карла,—чисто дѣтская; не выяснены мотивы войны, не выясненъ и самый принципъ „политическаго равновѣсія“ (о Маккіа-

вели ни слова), общіе интересы Испаніи и Германіи, политика „непотизма“ Римскихъ папъ, въ особенности Юлія II. Изложивъ войну до 1544 года, г. Иловайскій даритъ ученикамъ указанный § объ эпохѣ возрожденія, живописи и литературы.

Совсѣмъ слабо и ненаучно изложена реформація. Въ 26-мъ изданіи авторъ впрочемъ внесъ поправку: Лютеръ ужъ не сынъ рудокопа, а сынъ крестьянина-горнорабочаго. Біографію Лютера лучше было бы не разсказывать, чѣмъ вносить столько ошибокъ (напримѣръ, интересы Лютера въ философіи!), и оставлять столько важныхъ моментовъ невыясненными. Каковы были религіозные взгляды Лютера до поступленія въ монастырь, какіе мотивы заставили его уйти въ монастырь, въ чемъ нашелъ онъ спасеніе, какова была тутъ роль мистиковъ, Штаупитца напримѣръ,—вотъ рядъ вопросовъ, на которые авторъ не даетъ никакого отвѣта, а можетъ быть онъ и самъ себѣ ихъ не ставилъ. Нужно ли прибавлять, что о сочиненіяхъ самого Лютера, напр., вышедшихъ въ 1520 г.—не говорится ничего. А индульгенціи? Каково ихъ происхожденіе, какъ практиковалась продажа ихъ? А тезисы Лютера? Остановимся на этомъ: можно было бы еще поставить десятки вопросовъ, и ни на одинъ читатель не нашелъ бы отвѣта въ учебникѣ г. Иловайскаго. Мы не говоримъ здѣсь о несообразности трактовать реформацію, какъ явленіе, стоящее внѣ всякой связи съ гуманизмомъ; мы не говоримъ здѣсь о ненаучности изложенія всего соціальнаго движенія XVI столѣтія. Авторъ и не представляетъ себѣ, что и возрожденіе, и реформація, и соціальная революція — факты, родственные между собою: это три параллельныя теченія, развивающіяся изъ одного общаго источника—индивидуализма. Новая исторія и есть періодъ развитія этого индивидуализма въ области интеллекта, вѣры и соціальныхъ отношеній.

Рыцарское движеніе разсматривается, какъ событіе, направленное противъ епископовъ и архіепископовъ!! Объ антагонизмѣ рыцарей и курфюрстовъ — ни слова! Крестьянское возстаніе — продуктъ проповѣди Лютера.

Ученики, учившіеся по Иловайскому, не въ состояніи отвѣтить на самые азбучные вопросы по реформаціи; г. Иловайскій *ни разу* не приводитъ главнаго тезиса Лютера, что человѣкъ спасается только вѣрою, а не дѣлами.

Карлъ V также остается загадкою, если черпать матеріалъ изъ Иловайскаго. Его отношенія къ протестантамъ свидѣтельствуютъ, говоритъ г. Иловайскій, о его умѣренности и терпимости, его отреченіе

отъ престола вызвано было его меланхоліей и т. д. По аугсбургскому миру, говоритъ г. Иловайскій, *протестанты получили свободу вѣроисповѣданія*, а за этимъ идетъ уже положеніе „cujus regio, ejus religio", которое является, вѣдь, совершеннымъ отрицаніемъ вѣроисповѣдной свободы. Вѣротерпимость отличаетъ у г. Иловайскаго и двухъ императоровъ, Фердинанда I и Максимиліана II, царствованія которыхъ ознаменованы утвержденіемъ въ Германіи іезуитовъ. § 14—*Кальвинизмъ*—заключаетъ въ себѣ и *Цвингли* и *Кальвина*. Цвингли посвящены *4 строчки*, его отличительныя черты сводятся къ тому, что „онъ приказывалъ выносить изъ церквей иконы, свѣчи, оргåны"!! Борьба кантоновъ понята какъ борьба двухъ *религіозныхъ* группъ (sic!). Заключается отдѣлъ о реформаціи никакого значенія неимѣющимъ §: нѣмецкая образованность.

IV. *Католическая реакція*. Этотъ отдѣлъ г. Иловайскій начинаетъ прямо съ іезуитскаго ордена, опуская совершенно попытки капуциновъ и театинцевъ. Въ отдѣлѣ о іезуитахъ не разсмотрѣны ни политическія тенденціи ихъ, ни моральные принципы. Тридентскій соборъ открытъ не въ 1535 г., а десять лѣтъ позже; по поводу этого собора интересна замѣтка г. Иловайскаго: Лайнецъ страдалъ перемежающейся лихорадкой. О Сикстѣ V Перетти—рядъ неисторическихъ анекдотовъ. Въ слѣдующей главѣ разсмотрѣна исторія Франціи съ послѣднихъ Валуа до Мазарини. Можно ли 1) соединять въ одной главѣ обѣ династіи Валуа и Бурбоновъ; 2) какой смыслъ отрывать Генриха IV и Людовика XIII — отъ Людовика XIV, который вѣдь только продолжалъ политику своего отца и дѣда? Какъ можно, говоря о Людовикѣ XIV, молодые годы его и фронду разсматривать въ отдѣлѣ: Реформаціонное движеніе во Франціи, т.-е. біографію государя разбивать на двѣ половины, вставивъ между ними событія англійской, скандинавской и прусской исторіи??

Французская исторія второй половины XVI вѣка—вовсе не представляетъ собою только ряда религіозныхъ войнъ; давно пора бросить эти 7 религіозныхъ войнъ, давно пора Екатерину Медичи изъять изъ ряда религіозныхъ фанатиковъ, Варѳоломеевскую ночь разсматривать не какъ событіе религіознаго фанатизма, а какъ чисто политическій фактъ. Въ одномъ мѣстѣ Екатерина названа представительницей „маккіавеллизма", но въ чемъ сущность послѣдняго, остается невыясненнымъ. Сюлли трактованъ не вѣрно, его роль преувеличена; „grand projet" никогда не занималъ Генриха IV, а былъ лишь фантазіей Сюлли. Это уже 30 лѣтъ, какъ установлено въ наукѣ. Въ этомъ отдѣлѣ

помѣщены Корнель, Мольеръ, Боссюэтъ и Паскаль!! Декартъ попалъ въ мелкій шрифтъ.

Разсмотрѣвъ реакцію только со стороны религіозно-церковной, г. Иловайскій переходитъ опять къ реформаціи въ Англіи и Скандинавскомъ сѣверѣ, тогда какъ это естественно должно было бы слѣдовать за нѣмецкой реформаціей, и разбивать движеніе не было никакихъ логическихъ основаній. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ 30-лѣтняя война, какъ заключительный моментъ реакціи. Исторія Англіи излагается до начала XVIII вѣка; тутъ и Тюдоры, и Стюарты, раздѣленные революціей, и Ганноверскій домъ. И здѣсь—чисто внѣшнее изложеніе (не забыта зависть Елизаветы къ красотѣ Маріи Стюартъ), безъ характеристикъ и объясненій, что въ особенности видно въ исторіи Стюартовъ, гдѣ рядомъ, вскользь, упомянуты Буккингамъ, Страфордъ, Лоудъ. Парламентская борьба, развитіе ея, идеалы Кромвеля — все это осталось невыясненнымъ.

VII глава: Скандинавія, Пруссія и Польша. Уже это сопоставленіе вызываетъ на раздумье, а изложеніе событій внѣшнихъ и внутреннихъ, напримѣръ, въ Швеціи — совершенно искажено. Что г. Иловайскій не обошелся безъ кровавой бани, когда говорить о Неронѣ Сѣвера, само собою разумѣется; но что непростительно—такъ это упоминаніе всего на *двухъ* строчкахъ о Густавѣ Адольфѣ (Христинѣ, которой ученикамъ и знать нечего, отведено 13 строчекъ), и полное игнорированіе политическихъ стремленій династіи Ваза, а они интересны и для русской исторіи. Зачѣмъ въ этотъ отдѣлъ попалъ Карлъ X, какіе мотивы заставили г. Иловайскаго говорить о немъ отдѣльно отъ Карла XI и Карла XII—трудно сказать. Авторъ вноситъ рѣшительный произволъ въ распредѣленіе матеріала. (Въ отдѣлѣ „Скандинавія" —рядъ ошибокъ: Вестерясь вм. Вестеросъ, Оксенштирна вм. Оксеншерна). Въ отдѣлѣ Пруссія—разсказана исторія великаго курфюрста, тутъ и война съ Польшей, и Фербеллины, а о 30-лѣтней войнѣ—ученики еще ничего не слыхали. Прочтя у г. Иловайскаго о великомъ курфюрстѣ, рѣшительно недоумѣваешь, почему исторія назвала его великимъ: ни о внутреннихъ реформахъ его, ни о борьбѣ съ дворянствомъ, ни объ отношеніи къ имперіи—не упоминается ни словомъ.

VIII-я глава—30-лѣтняя война. Итакъ—до сихъ поръ мы видѣли совершенно *произвольное* распредѣленіе матеріала, забѣганіе впередъ до XVIII столѣтія, расчлененіе періодовъ, династій, даже разсѣченіе отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей.

Въ изложеніи 30-лѣтней войны—тѣ же недостатки, тѣ же гру-

быя ошибки, та же внѣшняя сторона событій, всегда выдвигаемая г. Иловайскимъ. 30-лѣтняя война въ его изложеніи чисто религіозная, политическій оттѣнокъ она получаетъ только послѣ 1635 года, т. е. послѣ Пражскаго мира. Антагонизмъ императора и князей, императора и Рима, соперничество Испаніи и нѣмецкихъ католическихъ князей—все, чѣмъ опредѣлялась политическая сторона конфликта, опущено. О 3.000 панихидъ по Валленштейнѣ говорится, а о политическихъ замыслахъ его ничего. Участіе Даніи и въ особенности Швеціи въ войнѣ приписывается исключительно Ришелье: Ришелье сказалъ, короли повиновались и приняли участіе въ войнѣ. Хронологія измѣнила тутъ почтенному историку. Швеція вступила активно въ войну *до* заключенія договора съ Франціей.

Старый порядокъ и революція—самое слабое мѣсто всего учебника. Даже внѣшнія событія трактованы невѣрно (опущена третья война Людовика XIV, а обѣ первыя соединены въ одну борьбу изъ-за Бельгіи); а о внутренней исторіи Франціи въ царствованіе Людовика XIV—и говорить нечего. Чѣмъ вызвана была покровительственная система, въ чемъ состояла сущность меркантилизма, что такое физіократическая школа и т. п.—вотъ, что было бы много необходимѣе выяснить ученикамъ, чѣмъ перечислять всѣхъ любовницъ короля (въ крупномъ и мелкомъ шрифтѣ), чѣмъ разсказывать небылицы о ханжествѣ Людовика XIV (о вліяніи Ментенонъ), заставившемъ его уничтожить Нантскій эдиктъ, о всякихъ мелочахъ его этикета и жизни. Людовикъ обратился, говоритъ г. Иловайскій, къ *покаянію о прежнихъ грѣхахъ*, и результатомъ благочестиваго настроенія его былъ эдиктъ 1685 года. Борьбу короля съ политическимъ феодализмомъ г. Иловайскій совсѣмъ проглядѣлъ, и изъ его учебника не объяснишь себѣ происхожденія привилегированныхъ.

О просвѣтительной литературѣ говорится (и какъ!!) *послѣ* царствованія Людовика XV; царствованіе послѣдняго совершенно игнорировано: ничего не сказано ни о борьбѣ съ парламентами, ни о внѣшней политикѣ, ни о перемѣнѣ отношеній къ имперіи, ни о сближеніи съ послѣдней въ виду усиленія Пруссіи. Объ англійской литературѣ просвѣщенія говорится въ XI главѣ, т. е. на 50 стр. послѣ литературы французскаго просвѣщенія, тогда какъ послѣдняя, вѣдь, всѣ идеи свои черпала изъ англійскихъ писателей. Однимъ словомъ—совершенный хаосъ! О нѣмецкомъ просвѣщеніи разсказано вслѣдъ за Фридрихомъ II, при чемъ Гете попалъ въ текстъ, а Шиллеръ въ примѣчаніе. Просвѣщенный абсолютизмъ, служителями котораго были

и Фридрихъ Великій, и Іосифъ II, остается невыясненнымъ іероглифомъ.

Революція въ изложеніи г. Иловайскаго—это верхъ наивности. Не буду вдаваться въ подробности. Тюрго попалъ въ подстрочное примѣчаніе, Неккеръ—въ текстъ; бѣгство короля—въ *подстрочное примѣчаніе*. Отдѣльные моменты революціоннаго движенія не выдѣлены, причины не выяснены, это какое-то намѣренно тенденціозное искаженіе всемірнаго историческаго факта, изложеннаго и трактованнаго ниже посредственности.

Далѣе отмѣтимъ: возрожденіе Германіи и весь XIX вѣкъ, который трактуется en bloc, не выдѣлены періоды, не выяснены идеи легитимизма и романтизма, либерализма и національзма; соціализмъ и коммунизмъ—это одно и то же въ изложеніи г. Иловайскаго.

Указанныхъ недостатковъ—достаточно, чтобы произнести приговоръ надъ новой исторіей г. Иловайскаго. — Учебникъ этотъ рѣшительно непригоденъ для нашихъ гимназій, онъ точно задался цѣлью извращать факты, а не объяснять ихъ, не излагать ихъ согласно съ исторической правдой.

Г. Форстенъ.

Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи. Курсъ V-го класса. 20 картъ съ объяснительнымъ текстомъ. Сост. *А.* и *Е. Фриде*. С.-Пб. 1900. 2+32 стр. Цѣна 80 коп.

Нельзя не признать задачу составителей „облегчить изученіе своеобразнѣйшаго изъ всѣхъ періодовъ жизни человѣчества“ вполнѣ цѣлесообразной и путь, избранный ими—вѣрнымъ. Двадцать небольшихъ, но чисто отпечатанныхъ картъ Европы и прилегающихъ азіатскихъ и африканскихъ областей должны дать наглядное представленіе о политическихъ и этнографическихъ перемѣнахъ въ средневѣковомъ мірѣ, а въ обширныхъ „примѣчаніяхъ“ къ этимъ картамъ учащійся найдетъ въ сжатомъ конспективномъ видѣ синхронистическій курсъ средневѣковой исторіи; кромѣ того послѣ этихъ „примѣчаній“ даются, гдѣ слѣдуетъ, генеалогическія таблицы династій; хронологическія даты приводятся при картахъ. — При составленіи „примѣчаній“ приняты въ соображеніе не только всѣ одобренныя ученымъ комитетомъ руководства, но и такой высоко-авторитетный курсъ, какъ лекціи проф. В. Г. Васильевскаго. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ трудъ гг. Фриде полезнымъ не для однихъ учащихся, а вообще для образованной публики. Весьма важно въ педа-

гогическомъ отношеніи и то обстоятельство, что въ „обзоръ" включена и русская исторія и отведено надлежащее мѣсто исторіи славянъ. Главное вниманіе обращается на политическую исторію, но и важнѣйшія культурно-историческія явленія не оставлены безъ вниманія (напр. итальянское возрожденіе), и нѣкоторыя мѣста вышли положительно удачны. Въ „обзорѣ" мы находимъ и рубрики, посвященныя „церкви", но это наиболѣе слабая часть труда. Церковь разсматривается здѣсь скорѣе, какъ свѣтское государство, а потому авторы имѣютъ въ виду почти исключительно западную церковь и папскую область. Отсюда понятно, почему въ „обзорѣ" не упомянуто о такомъ крупномъ по своимъ послѣдствіямъ движеніи, какъ монофиситство. Благодаря этому обстоятельству авторы впали въ противорѣчіе, характеризуя внутреннее состояніе Византіи. На стр. 4 мы читаемъ: „Восточная Римская имперія была болѣе сплочена чѣмъ Западная, не смотря на свои 20 народностей. Ее объединялъ эллинизмъ съ его древнею образованностью и твердымъ православіемъ". Все это mutatis mutandis съ гораздо большимъ правомъ можно примѣнить къ Западу; на Востокѣ же въ V в. не могло быть и рѣчи объ единствѣ „твердаго православія" — это былъ вѣкъ ересей, отчуждавшихъ отъ грековъ и имперіи цѣлые крупные народы и облегчившихъ арабскія завоеванія; къ тому же и народы эти, принявъ эллинизмъ чисто внѣшнимъ образомъ, создали свои культуры и имѣли свои богатыя литературы (сирійцы, копты, армяне). На стр. 9, когда говорится о потерѣ Византіей многихъ владѣній въ VII—VIII вѣкахъ, опять приводится фраза: „съуженная Византія стала болѣе плотнымъ цѣлымъ, связаннымъ эллинизмомъ и православіемъ". Этой же причиной объясняется и то, что дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія нашла себѣ мѣсто не въ рубрикѣ „церковь", а въ „Болгарія", при чемъ не упомянуто о просвѣщеніи ими другихъ славянскихъ странъ. Находя возможнымъ заявить, что „на Востокѣ церковь всегда была государственнымъ учрежденіемъ", авторы, конечно, не оцѣнили заслугъ восточнаго монашества и не упомянули даже о такихъ фактахъ, какъ основаніе Кіево-Печерской и Троицко-Сергіевской лавръ. О крещеніи Руси читаемъ: „Въ исторіи Владиміръ, этотъ воинственный, жестокій князь, сдѣлался знаменитъ не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи". Особенно не хороша фраза: „въ 1054 г. Восточная Церковь совсѣмъ отдѣлилась отъ Западной". Но и въ рубрикахъ, посвященныхъ западной церкви, слѣдуетъ отмѣтить промахъ—папскія притязанія датируются только съ VI вѣка и гово-

рится о погибшемъ христіанствѣ въ Британіи, „возстановленномъ“ Августиномъ. Неудобно также въ педагогическомъ отношеніи постоянное смѣшеніе терминовъ „католичество“ и „православіе“ для эпохъ предшествовавшихъ раздѣленію церквей. Въ такихъ случаяхъ лучше употреблять или „каѳоличество“ или „вселенская церковь“, „вселенское исповѣданіе“.—Есть пробѣлъ и въ русской исторіи: смѣшиваются удѣльный и удѣльно-вѣчевой періоды, нѣтъ перечисленія княжествъ, ничего не сказано о Василіи Темномъ и, что особенно нехорошо, совершенно обойдена молчаніемъ исторія Новгорода.

Остается отмѣтить нѣсколько неточностей. На стр. 1 читаемъ: „римское вліяніе переродило ихъ (кельтовъ) почти совсѣмъ и обратило въ нынѣшнюю романскую расу“. Съ одной стороны въ Италіи кельтовъ не было, а съ другой въ образованіи романской расы игралъ роль и германскій элементъ. На стр. 3 Петръ названъ „главнымъ“ апостоломъ, а не первымъ или верховнымъ. На стр. 8 „Исламъ“ переведено „вѣра“; точнѣе будетъ „врученіе себя (Богу)“, „покорность (Богу)“; на стр. 9 находимъ „Копты, христіанскіе еретики“.

Школьный Историческій Атласъ по курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Средніе вѣка. Изданіе Школьной Картопечатни. С.-Пб. Цѣна 60 коп.

Атласъ состоитъ изъ 8 таблицъ картъ, на обратныхъ сторонахъ которыхъ помѣщено 35 картинъ, предназначенныхъ служить иллюстраціями къ средневѣковой исторіи. Карты представляютъ буквальную, но исполненную болѣе грубо и менѣе чисто перепечатку, безъ указанія источника, таблицъ, 9, 13—19 и 32 изъ извѣстнаго Historischer Schul-Atlas F. Putzger'а, вышедшаго въ 1900 году 24-мъ изданіемъ подъ редакціей Бальдамуса и Швабе, и въ свою очередь, восходящаго къ большому атласу Дройзена. Но и заимствуя готовый матеріалъ, составитель не избѣжалъ грубыхъ промаховъ. Не говоря уже о странныхъ для русскаго уха транскрипціяхъ въ родѣ „Цезарея“, „Халкедонъ“, или опечаткахъ въ родѣ „Камфэ“ вм. Камбрэ (карта 7), попадаются прямыя ошибки, какъ „царство Босоорское“ и „государство Сіагровъ“ (карта 2), а также курьезы: на помѣщенномъ при 1-й картѣ планѣ Карѳагена „Scipios Lager“, вѣроятно, сочтено латинскимъ и оставлено безъ перевода. Замѣтимъ также, что на картѣ 5, 2 сѣверо-африканская и испанская арабская династія названа „Могадами“; на 6-й она же „Альмоходами“; невѣрно ни то, ни другое: или Алмохады — по испански, или Муваххиды — по арабски. — При картѣ 4-й „Германія при саксонскихъ и франкон-

скихъ императорахъ" помѣщена сбоку карта „Церковное дѣленіе Германіи", какъ и у Пуцгера, но тамъ добавлено: „съ 11 по 16 вѣкъ"; здѣсь этого нѣтъ, и учащійся, отнеся карту къ тому же періоду „саксонскихъ и франконскихъ императоровъ", будетъ введенъ въ заблужденіе, найдя на ней Прагу со знакомъ архіепископства.—Слѣдуетъ добавить, что карты не нумерованы, что значительно затрудняетъ пользованіе атласомъ.

Откуда взяты картины, авторъ также не говоритъ. Большинство ихъ давно извѣстны и встрѣчаются въ разныхъ иллюстрированныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Между ними много фантастичныхъ, напр.: „пиръ у галловъ", „Германскія училища", „Ауто-да-фе" и др.; есть снимки съ миніатюръ рукописей, есть виды. Соединеніе картиннаго атласа съ географическими—идея оригинальная и заслуживаетъ вниманія, но картины отпечатаны грубо, и нѣкоторыя изъ нихъ (напр., „храмъ Кааба") даже и неясно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ 1899—1900 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Минувшій академическій годъ — одиннадцатый со времени Высочайшаго утвержденія 25-го іюня 1889 года положенія комитета министровъ о С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ; двадцать второй со времени учрежденія въ С.-Петербургѣ въ 1878 году высшаго женскаго учебнаго заведенія, носившаго имя покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, и тридцать третій со времени возникновенія въ 1867 году мысли о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по историко-филологическимъ и физико-математическимъ наукамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію состоянія и дѣятельности курсовъ въ истекшемъ году, мы считаемъ своимъ долгомъ почтить доброю памятью бывшихъ дѣятелей курсовъ, которыхъ смерть похитила въ теченіи этого года.

19-го февраля скончался бывшій директоръ курсовъ *Василій Петровичъ Кулинъ*.

Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ: въ 1842 году онъ окончилъ курсъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ и затѣмъ тридцать лѣтъ проработалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ преподаватель и администраторъ, горячо преданный дѣлу просвѣщенія: онъ написалъ книгу для класснаго чтенія, устроилъ нѣсколько десятковъ народныхъ училищъ и организовалъ

первую въ краѣ учительскую семинарію; въ то же время появлялись въ журналахъ литературныя произведенія В. П. Кулина, онъ издалъ Виленскій Сборникъ (1869 г.) и редактировалъ изданіе памятниковъ старины Западнаго Края.

Позже В. П. Кулинъ былъ директоромъ Алферовской Учительской Семинаріи въ Смоленской губерніи, ѣздилъ въ Сирію и Палестину для осмотра находящихся тамъ училищъ,—и наконецъ въ 1889 году былъ назначенъ директоромъ курсовъ.

Поставленный во главѣ учрежденія, еще только возрождавшагося къ жизни, Василій Петровичъ долженъ былъ дать этому учрежденію первоначальную организацію. Члены совѣта преподавателей, ближайшіе сотрудники Василія Петровича, могутъ засвидѣтельствовать, сколько труда и вниманія, сколько любви къ живому дѣлу образованія, сколько такта и умѣнья въ отношеніи къ дѣлу и лицамъ проявилъ Василій Петровичъ при рѣшеніи этой задачи.

Не смотря на преклонные годы, Василій Петровичъ въ теченіи пяти лѣтъ несъ сложныя обязанности директора курсовъ, и только тяжелая болѣзнь заставила его въ 1894 году покинуть дорогое ему учрежденіе.

Бывшія слушательницы курсовъ помнятъ, конечно, съ какимъ теплымъ, сердечнымъ участіемъ относился къ нимъ всегда Василій Петровичъ, съ какою вѣрой въ силы и добрыя стремленія молодого поколѣнія онъ призывалъ ихъ на ученіе и трудъ, указывая на предстоящій имъ высокій подвигъ служенія семьѣ и обществу.

Василія Петровича Кулина не стало, но завѣты его живы, и имя его занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописи курсовъ.

13-го мая на 62-мъ году жизни послѣ долгой болѣзни скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ историковъ, бывшій профессоръ курсовъ, академикъ и профессоръ университета *Василій Григорьевичъ Васильевскій*.

Имя В. Г. Васильевскаго неразрывно связано съ исторіей перваго десятилѣтія курсовъ: съ 1879 по 1889 годъ онъ читалъ обязательный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ и необязательный по исторіи Византіи и XIV вѣку, а когда академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ оставилъ курсы, то В. Г. Васильевскій взялъ на себя и завѣдываніе учебною частью на историко-филологическомъ отдѣленіи.

Смерть этого замѣчательнаго ученаго и преподавателя и необыкновенно хорошаго и добраго человѣка принадлежитъ къ числу наиболѣе тяжкихъ потерь, понесенныхъ за послѣднее время русской наукой.

Научная дѣятельность В. Г. Васильевскаго почти всецѣло была посвящена исторіи Византіи, среди изслѣдователей которой онъ безспорно занималъ первое мѣсто. Съ первыхъ шаговъ его въ этой области и до послѣдняго времени каждый трудъ покойнаго представлялъ важное явленіе въ исторической литературѣ. Здѣсь не мѣсто приводить длинный списокъ его работъ, посвященныхъ то „византійско-русскимъ“ вопросамъ, то внутреннему состоянію Византіи въ опредѣленное время, то изданію и изученію отдѣльныхъ источниковъ и т. д.

Его труды охватываютъ самые разнообразные періоды и вопросы византійской исторіи и въ своей совокупности поражаютъ огромной массой труда и эрудиціи, а каждый въ отдѣльности говорятъ о рѣдкомъ историческомъ чутьѣ, поразительной силѣ научнаго анализа и синтеза. Свести всю эту работу воедино, создать исторію Византіи, соотвѣтствующую современному уровню науки, В. Г. Васильевскому не удалось, и это трудно вознаградимая потеря для науки. Едва ли кто-либо могъ взяться за это громадное дѣло съ большей надеждой на успѣхъ, чѣмъ В. Г. Васильевскій, и если онъ все не рѣшался приступить къ нему, если онъ постоянно откладывалъ исполненіе задуманной работы, то главная причина заключалась въ необыкновенной научной добросовѣстности, въ своего рода сознательномъ самоотреченіи. Знаменитый ученый неоднократно говорилъ своимъ слушателямъ, что еще не время приступить къ изложенію всей византійской исторіи, что нужно умѣть отказаться отъ того удовлетворенія, которое даетъ подведеніе итоговъ, пока еще не продѣлана въ достаточной мѣрѣ та подготовительная работа, на которую могутъ опереться изслѣдователи западно-европейской исторіи, но которой еще не достаетъ историку Византіи; здѣсь еще необходимо изданіе источниковъ, разрѣшеніе вопросовъ внѣшней исторіи до мелочей хронологіи включительно, разработка массы отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросовъ;—только когда цѣлый рядъ ученыхъ скромно посвятитъ себя такой подготовительной работѣ, будущій, болѣе счастливый, историкъ будетъ въ состояніи исполнить то, къ чему естественно стремится каждый ученый, но отъ чего онъ подчасъ долженъ отказаться въ интересахъ науки.

Наука и ея интересы наполняли всю жизнь Василія Григорьевича, и никто, кому приходилось слушать его лекціи или работать подъ его руководствомъ, не могъ не почувствовать на себѣ вліянія этого глубоко-безкорыстнаго увлеченія профессора, невольно дѣйствовавшаго на слушателей.

Василій Григорьевичъ никогда не былъ блестящимъ лекторомъ, но

его лекціи, форма которыхъ сначала не удовлетворяла, быстро захватывали интересомъ своего содержанія. То, что подготовили лекціи, затѣмъ развивалось на практическихъ занятіяхъ, однимъ изъ первыхъ піонеровъ которыхъ явился у насъ покойный: изученіе памятниковъ средневѣковой или византійской исторіи подъ руководствомъ профессора давало возможность слушателямъ ближе познакомиться съ научными методами и съ примѣненіемъ исторической критики, о которыхъ они обыкновенно получали первое представленіе на лекціяхъ того же профессора.

Василія Григорьевича лично знали лишь немногіе изъ его слушателей, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что каждый сохранилъ самую свѣтлую память о немъ, какъ о профессорѣ, что каждый въ большей или меньшей степени чувствуетъ, какое огромное вліяніе имѣлъ на его научное развитіе этотъ рѣдкій не только у насъ типъ профессора—ученаго.

Имя Василія Григорьевича Васильевскаго, какъ ученаго, не можетъ быть забыто,—за это ручается значеніе его трудовъ, но намъ думается, что и воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ и профессорѣ, теплое и свѣтлое воспоминаніе тѣхъ, кого онъ училъ исторически мыслить и работать, училъ серьезно и добросовѣстно относиться къ наукѣ, не должно исчезнуть въ нашемъ обществѣ.

31-го іюля скончался въ Москвѣ на 47-омъ году жизни бывшій профессоръ курсовъ *Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ*.

По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ В. С. Соловьевъ защитилъ въ 1874 году свою магистерскую диссертацію: „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ". Въ этомъ юношескомъ произведеніи уже обратилъ на себя общее вниманіе яркій философскій талантъ покойнаго. Этотъ талантъ развернулся во всей своей полнотѣ въ многочисленныхъ послѣдующихъ трудахъ В. С. Соловьева, главнымъ образомъ въ его капитальной работѣ: „Критика отвлеченныхъ началъ", представляющей его докторскую диссертацію, которую онъ защитилъ въ 1880 году, и въ системѣ этики — „Оправданіе добра", появившейся въ 1897 году.

Исключительная глубина философскаго мышленія, несравненное по силѣ этико-религіозное одушевленіе, мастерство первокласснаго стилиста—все это въ совокупности дѣлаетъ произведенія В. С. Соловьева въ высокой степени цѣнными и въ научно-философскомъ, и въ общественномъ отношеніи.

В. С. Соловьевъ соединялъ въ себѣ нѣсколько крупныхъ дарованій. Кромѣ многочисленныхъ философскихъ трудовъ, онъ оставилъ цѣлый рядъ богословскихъ сочиненій, знакомство съ которыми чрезвычайно важно для уясненія философско-религіознаго міросозерцанія покойнаго. Философская дѣятельность В. С. Соловьева неотдѣлима отъ его публицистики. Обладая величайшею чуткостью ко всякой общественной неправдѣ, В. С. Соловьевъ не разъ обнаруживалъ передъ русскимъ обществомъ въ яркомъ свѣтѣ своего этико-религіознаго ученія тѣ нравственныя противорѣчія, которыя лежали въ основаніи нѣкогда популярныхъ воззрѣній на національный вопросъ и на религіозную терпимость;—эти воззрѣнія въ настоящее время потеряли свое значеніе въ нашемъ обществѣ, чѣмъ мы безспорно обязаны В. С. Соловьеву.

Душа В. С. Соловьева была, какъ „гусли многострунны". Съ одушевленіемъ моралиста, грозно изобличающаго темную сторону въ современныхъ ему общественныхъ теченіяхъ, В. С. Соловьевъ соединялъ талантъ замѣчательнаго художественнаго критика и поэта. Ему принадлежитъ рядъ превосходныхъ статей о поэзіи А. Толстого, Тютчева, Голенищева-Кутузова, два изслѣдованія по эстетикѣ: „Красота въ природѣ" и „Смыслъ любви", томикъ стихотвореній и почти законченный, но оставшійся въ рукописи, „Очеркъ по исторіи русской поэзіи XIX вѣка". Наконецъ, В. С. Соловьевъ оказалъ русскому обществу крупную услугу мастерскимъ переводомъ „Пролегоменъ" Канта и нѣсколькихъ діалоговъ Платона.

11-го октября скончался профессоръ курсовъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Александръ Николаевичъ Щукаревъ*.

А. Н. Щукаревъ родился въ 1861 году; образованіе и среднее, и высшее получилъ въ Петербургѣ: въ 3-й гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ университета. Еще въ гимназіи, а особенно въ университетѣ, подъ вліяніемъ профессоровъ Прахова и Соколова, онъ сильно заинтересовался древностью, а въ частности древнимъ искусствомъ; хотя спеціальный его интересъ былъ тогда направленъ на изученіе греческой исторіи, тѣмъ не менѣе онъ слѣдилъ за наукой объ искусствѣ и въ своемъ первомъ путешествіи по Европѣ, еще будучи студентомъ, ревностно изучалъ музеи Германіи и Италіи. Въ 1885 году А. Н. Щукаревъ кончилъ университетъ, былъ оставленъ при немъ и въ 1886 году отправился въ заграничную коман-

дировку. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Грецію, въ Аѳины, изученію исторіи которыхъ и отдался всецѣло.

Спеціальнымъ предметомъ его изученія были памятники эпиграфическіе и та эпоха, о которой свидѣтельствуютъ однѣ лишь надписи.

Рядъ статей, написанныхъ А. Н. Щукаревымъ за это время въ греческихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ изданіяхъ, свидѣтельствуютъ объ интенсивности его работы, а появившіеся впослѣдствіи отчеты объ успѣхахъ археологіи (въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ: „Археологическая хроника Еллинскаго Востока“)—о томъ, какъ онъ зналъ и любилъ и страну, и людей, и памятники греческаго искусства. Третій годъ командировки А. Н. Щукаревъ провелъ частью въ Италіи, гдѣ работалъ надъ исторіей христіанскаго искусства (въ Сициліи), частью въ Берлинѣ, гдѣ занимался греческой исторіей и греческимъ искусствомъ подъ руководствомъ такихъ корифеевъ науки о древности, какъ Робертъ, Кирхгофъ, Курціусъ, Келеръ. Здѣсь же окончательно сложилась его большая работа: „Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ въ III вѣкѣ до Р. Хр.“, работа, за которую по возвращеніи въ Россію онъ былъ удостоенъ степени магистра всеобщей исторіи.

Возвратясь въ Россію, А. Н. Щукаревъ принужденъ былъ добывать себѣ средства къ существованію тяжелымъ педагогическимъ трудомъ. Первоначально, кромѣ совершенно необезпечивавшаго его чтенія лекцій въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, онъ преподавалъ исторію въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; впослѣдствіи ему удалось исключительно отдаться высшему образованію, и тогда онъ возвратился къ предмету спеціальныхъ занятій своихъ юныхъ годовъ—исторіи искусства. Этотъ предметъ А. Н. Щукаревъ преподавалъ и въ университетѣ, и въ академіи художествъ, и въ теченіи шести лѣтъ, съ 1894 по 1900 годъ, на высшихъ женскихъ курсахъ. За это время на курсахъ былъ основанъ кабинетъ изящныхъ искусствъ съ особой теперь уже довольно богатой библіотекой, значительно облегчающей задачу преподаванія исторіи древняго искусства.

Послѣдніе годы своей жизни Александръ Николаевичъ провелъ за работой надъ подготовлявшейся имъ диссертаціей въ области археологіи. Все свое свободное время отдавалъ онъ этимъ занятіямъ, лѣтомъ въ европейскихъ музеяхъ, зимой въ библіотекахъ. Тамъ, гдѣ онъ началъ свою научную карьеру, въ томъ мѣстѣ, которое онъ такъ любилъ,—въ Аѳинахъ открылась у него та ужасная болѣзнь—бѣлокровіе, которая

свела его въ могилу; послѣдній годъ его жизни былъ медленной агоніей.

Имя Александра Николаевича Щукарева не забудется на курсахъ: о немъ будетъ напоминать кабинетъ изящныхъ искусствъ, основанный по инициативѣ покойнаго [1]).

Почтивъ благодарною памятью почившихъ дѣятелей курсовъ, перейдемъ къ обозрѣнію его состоянія и дѣятельности въ 1899—1900 учебномъ году.

Учебная часть.

Въ минувшемъ году С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы представляли единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе съ общеобразовательнымъ университетскимъ характеромъ и методомъ преподаванія. Они состоятъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, подраздѣляющагося со II курса на разряды: математическій и химическій.

На историко-филологическомъ отдѣленіи читаются: богословіе; науки философскія: логика, психологія, исторія древней и новой философіи, исторія педагогики; науки историческія: исторія Россіи, исторія древняго міра, исторія среднихъ вѣковъ, исторія новаго времени, исторія славянскихъ племенъ; исторія литературъ: древне-римской,—всеобщей (исторія западно-европейскихъ литературъ: итальянской, французской, нѣмецкой и англійской) въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію русской литературы,—древней и новой русской литературы,—главнѣйшихъ славянскихъ литературъ; исторія искусствъ; науки филологическія: русскій и церковно-славянскій языкъ въ связи съ общими вопросами историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія, латинскій языкъ, славянскія нарѣчія (сербское, болгарское, польское и чешское), французскій языкъ, нѣмецкій языкъ (одинъ изъ новыхъ языковъ предметъ необязательный); хоровое пѣніе,—предметъ необязательный.

На физико-математическомъ отдѣленіи читаются: богословіе; математика: введеніе въ анализъ, геометрія, тригонометрія, теорія опредѣлителей, аналитическая геометрія, высшая алгебра, дифференціальное исчисленіе, интегральное исчисленіе, интегрированіе диф-

---

[1]) Въ составленіи вышеприведенныхъ характеристикъ принимали участіе: Е. В. Балобанова, Э. Д. Гриммъ, И. И. Лапшинъ и М. И. Ростовцевъ.

ференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе, теорія эллиптическихъ функцій, исчисленіе конечныхъ разностей, теорія чиселъ, теорія вѣроятностей; механика; астрономія; математическая географія; физика элементарная и высшая; химія: неорганическая, органическая, физическая и аналитическая; кристаллографія; минералогія; физическая географія; зоологія; ботаника; французскій языкъ, нѣмецкій языкъ (одинъ изъ новыхъ языковъ предметъ необязательный), латинскій языкъ и хоровое пѣніе (послѣдніе два необязательные предметы).

Личный составъ.

Въ 1899—1900 учебномъ году произошли слѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ:

Освобождены отъ обязанностей руководителей учебною частью: по историко-филологическому отдѣленію — профессоръ Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ и по физико-математическому отдѣленію—профессоръ Орестъ Даніиловичъ Хвольсонъ.

Изъ преподавательской корпораціи *выбыли:* † Александръ Николаевичъ Щукаревъ, Георгій Васильевичъ Форстенъ, Марія Александровна Шателенъ, исправляющій обязанности ассистента при каѳедрѣ зоологіи — Петръ Андреевичъ Беркосъ.

Вновь назначены: профессоръ Илья Александровичъ Шляпкинъ—руководителемъ учебною частью историко-филологическаго отдѣленія, профессоръ Александръ Маркелловичъ Ждановъ—руководителемъ учебною частью физико-математическаго отдѣленія, лекторъ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Андрей Александровичъ Ляроидъ — преподавателемъ французскаго языка, окончившія курсъ наукъ по физико-математическому отдѣленію на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Ядвига Граціановна Зѣлецкая — временно исправляющей обязанности ассистента при каѳедрѣ зоологіи и Александра Георгіевна Емельянова — помощницей руководительницы практическими занятіями по физикѣ.

Нынѣ учебно-административный личный составъ курсовъ нижеслѣдующій: директоръ курсовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Раевъ (онъ же предсѣдатель совѣта профессоровъ и попечительнаго совѣта курсовъ); профессоръ православнаго богословія, магистръ богословія. протоіерей Василій Николаевичъ Велтистовъ.

Профессора и преподаватели историко-филологическаго отдѣленія:

руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ), профессоръ русской литературы, магистръ Илья Александровичъ Шляпкинъ. По философіи: магистръ философіи Александръ Ивановичъ Введенскій, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Ивановна Максимова (по психологіи). По педагогикѣ: магистрантъ Иванъ Ивановичъ Лапшинъ. По исторіи: по русской исторіи: докторъ Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ, магистръ Сергѣй Михайловичъ Середонинъ; по всеобщей исторіи: магистръ Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ, кандидатъ Константинъ Алексѣевичъ Ивановъ, магистръ Михаилъ Ивановичъ Ростовцевъ; по исторіи славянъ: магистрантъ Алексѣй Леонидовичъ Петровъ (онъ же профессоръ славянскихъ литературъ и нарѣчій). По исторіи литературы: древне-римской: магистръ Иванъ Ильичъ Холоднякъ (онъ же профессоръ латинскаго языка), магистръ Николай Карловичъ Гельвихъ (онъ же профессоръ латинскаго языка); всеобщей: магистръ Ѳедоръ Дмитріевичъ Батюшковъ, магистръ Ѳедоръ Александровичъ Браунъ; древней и новой русской литературы: магистръ И. А. Шляпкинъ (см. выше); славянскихъ литературъ: А. Л. Петровъ (см. выше). По языковѣдѣнію: по русскому и церковно-славянскому языкамъ: магистръ Сергѣй Константиновичъ Буличъ; по латинскому языку И. И. Холоднякъ (см. выше), Н. К. Гельвихъ (см. выше), окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, имѣющая званіе учителя гимназіи, Вѣра Викторовна Пѣтухова; по французскому языку: Андрей Александровичъ Ляронд (лекторъ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ); по нѣмецкому языку: жена баварскаго подданнаго Наталія Петровна Шваабъ. Хоровое пѣніе: хормейстеръ Императорской русской оперы Г. А. Казаченко.

Профессора и преподаватели физико-математическаго отдѣленія: руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ), профессоръ астрономіи, докторъ Александръ Маркелловичъ Ждановъ. По чистой математикѣ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Билибинъ, магистръ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, магистръ Борисъ Михайловичъ Кояловичъ, докторъ Константинъ Александровичъ Поссе, докторъ Дмитрій Ѳедоровичъ Селивановъ, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Вѣра Іосифовна Шиффъ. По физикѣ: докторъ Орестъ Даніиловичъ Хвольсонъ, магистръ Сергѣй Яковлевичъ Терешинъ, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анна Елисѣевна Сердобинская. По астрономіи: ординарный академикъ, докторъ Оскаръ Андреевичъ Баклундъ,

докторъ А. М. Ждановъ (см. выше). По механикѣ: магистръ Иванъ Всеволодовичъ Мещерскій. По химіи: органической—докторъ Гавріилъ Гавріиловичъ Густавсонъ, неорганической и физической—докторъ Александръ Александровичъ Яковкинъ; по физической химіи—ординарный академикъ, докторъ Николай Николаевичъ Бекетовъ; по аналитической химіи—магистрантъ Иванъ Васильевичъ Богомолецъ. По ботаникѣ — докторъ Сергѣй Ивановичъ Коржинскій. По зоологіи—докторъ Викторъ Андреевичъ Фаусекъ. По физической географіи—горный инженеръ Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ. По кристаллографіи и минералогіи — докторъ Сергѣй Өедоровичъ Глинка.

Ассистенты. Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету Владиміръ Өедоровичъ Миткевичъ (при каѳедрѣ физики). Окончившая курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ по физико-математическому отдѣленію Александра Дмитріевна Львова (при каѳедрѣ неорганической химіи). Окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Ядвига Граціановна Зѣлецкая (при каѳедрѣ зоологіи—временно исправляющая должность).

Руководители практическихъ занятій. По химіи: магистрантъ И. В. Богомолецъ (онъ же преподаватель химіи). По физикѣ: окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Алла Карловна Диксонъ, Александра Георгіевна Емельянова, Анна Елисѣевна Сердобинская (она же преподавательница физики). По логикѣ и психологіи: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Ивановна Максимова (она же преподавательница по каѳедрѣ философіи). По математикѣ: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Вѣра Іосифовна Шиффъ (она же преподавательница по каѳедрѣ чистой математики). По ботаникѣ: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анна Өедоровна Петрушевская.

Попечительный совѣтъ. Предсѣдатель: директоръ курсовъ. Члены: инспектриса курсовъ; руководители учебною частью курсовъ; тайный совѣтникъ Константинъ Васильевичъ Кедровъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Георгіевичъ Моръ; тайный совѣтникъ Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ; статскій совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Воронинъ; вдова тайнаго совѣтника Варвара Павловна Тарновская.

Библіотека. Библіотекарь: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Вячеславовна Балобанова; помощницы библіотекаря: окончившія курсъ на С.-Петербург-

скихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Марія Михайловна Замятнина и Лидія Ивановна Воронова.

Инспекція. Инспектриса: вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софія Александровна Москалева; помощницы инспектрисы: вдова капитанъ-лейтенанта Аѳанасія Михайловна Платонова; окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсахъ Марія Семеновна Михельсонъ; окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Юлія Николаевна Вощинина и Марія Николаевна Ефремова.

Канцелярія. Письмоводитель: личный почетный гражданинъ Сергѣй Алексѣевичъ Щеголевъ; помощницы письмоводителя: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анастасія Флегонтовна Соколова и вдова инженеръ-технолога Вѣра Николаевна Бернадская.

Женщины врачи: Ольга Юрьевна Каминская; Агнія Ивановна Сырку.

Итого на курсахъ состоятъ: директоръ 1, инспектриса 1, помощницъ инспектрисы 4, профессоръ богословія 1, профессоровъ и преподавателей 43, ассистентовъ 3, руководителей практическихъ занятій 7 (4 изъ нихъ въ то же время и преподаватели), преподаватель пѣнія 1, библіотекарей 3 и при канцеляріи 3 лица.

Составъ слушательницъ и вольнослушательницъ.

Въ 1899—1900 учебномъ году на курсахъ обучалось 883 человѣка: 861 слушательница и 22 вольнослушательницы: 612 слушательницъ и 20 вольнослушательницъ на историко-филологическомъ отдѣленіи, 249 слушательницъ и 2 вольнослушательницы на физико-математическомъ отдѣленіи; изъ этого числа 88 человѣкъ выбыли до окончанія курса и окончили полный курсъ 124 слушательницы. Такимъ образомъ въ концѣ учебнаго года на курсахъ числилось 671 человѣкъ.

Въ августѣ 1900 года былъ произведенъ пріемъ новыхъ слушательницъ. Всего было подано 596 прошеній окончившими курсъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ Россіи. Принято вновь, съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія и господина попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, 299 человѣкъ: 182 слушательницы и 7 вольнослушательницъ на историко-филологическое отдѣленіе, 105 слушательницъ и 5 вольнослушательницъ на физико-математическое отдѣленіе; кромѣ того приняты 23 бывшія слушательницы здѣшнихъ курсовъ; всего принято

322 человѣка; отказано въ пріемѣ 297. Въ настоящее время на курсахъ обучается 993 человѣка.

На историко-филологическомъ отдѣленіи:

I	курсъ	203	слушательницы	7	вольнослушательницъ	=	210
II	"	223	"	6	"	=	229
III	"	134	"	8	"	=	142
IV	"	93	"	4	"	=	97
		653	"	25	"	=	678

На физико-математическомъ отдѣленіи:

I курсъ (общій) 134 слушательницы 4 вольнослушательницы = 138

По математическому разряду:

II	курсъ	36	слушательницъ	—	"	=	36
III	"	25	"	—	"	=	25
IV	"	15	"	1	вольнослушательница	=	16
		76	"	1	"	=	77

По химическому разряду:

II	курсъ	67	слушательницъ
III	"	25	"
IV	"	8	"
		100	"

Всего на *физико-математическомъ отдѣленіи* 310 слушательницъ, 5 вольнослушательницъ.

На историко-филологическомъ и физико-математическомъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ:

I	курсъ	337	слушательницъ	11	вольнослушательницъ	=	348
II	"	326	"	6	"	=	332
III	"	184	"	8	"	=	192
IV	"	116	"	5	"	=	121
		963	"	30	"	=	993

Распредѣленіе состава слушательницъ и вольнослушательницъ.

По сословіямъ: женъ и дочерей дворянъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ 600; духовнаго сословія 46; городскихъ сословій 182; крестьянокъ 28; женъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 15; дочерей и женъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, 34; почетныхъ гражданокъ 47; дочерей разночинцевъ 9; дочерей нижнихъ военныхъ чиновъ 5; финляндскихъ уроженокъ 4; французскихъ подданныхъ 2; германскихъ подданныхъ 1; болгарскихъ подданныхъ 13; американскихъ подданныхъ 2; австрійскихъ подданныхъ 2; великобританскихъ подданныхъ 1; прусскихъ подданныхъ 2.

По семейному положенію: дѣвицъ 955; замужнихъ 38.

По вѣроисповѣданіямъ: православнаго 898; евангелическо-лютеранскаго 32; римско-католическаго 19; реформатскаго 4; англиканскаго 2; армяно-григоріанскаго 7; караимскаго 1; евреекъ 30.

По образованію: окончившихъ курсъ: на высшихъ женскихъ курсахъ 2; на педагогическихъ курсахъ 5; въ женскихъ гимназіяхъ 835; въ институтахъ 91; въ учебныхъ заведеніяхъ съ правами женскихъ гимназій 33; въ епархіальныхъ училищахъ 20; домашнихъ учительницъ 6; не окончившихъ гимназическаго курса 1.

Окончили курсъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ съ наградами 594: съ шифрами 11; съ золотыми медалями 268; съ серебряными медалями 178; съ книгами 132; съ золотымъ браслетомъ 3; съ похвальными листами 2.

По возрасту: 15 лѣтъ 1, 16—18; 17—60; 18—97; 19—146; 20—155; 21—154; 22—110; 23—81; 24—61; 25—36; 26—21; 27—18; 28—14; 29—7; 30—8; 31—1; 32—3; 33—2.

Краткое обозрѣніе учебной дѣятельности курсовъ за 1899 — 1900 академическій годъ.

Учебныя занятія на курсахъ начались 1-го сентября 1899 г. и продолжались до 21-го марта 1900 г. На историко-филологическомъ отдѣленіи въ осеннемъ полугодіи читалось въ недѣлю 89 лекцій (на I к.—32, на II—20, на III—20, на IV—17) и 13 часовъ практическихъ занятій; въ весеннемъ полугодіи—91 лекція (на I к.—33, на II—21, на III—20, на IV—17) и 15 часовъ практическихъ занятій;

на физико-математическомъ отдѣленіи въ осеннемъ полугодіи читалось 102 лекціи (на I к.—30, на II—26, на III—26, IV—20) и 20 часовъ практическихъ занятій; въ весеннемъ полугодіи — 101 лекція (на I к.—30. на II—24, на III—26, на IV—21) и 22 часа практическихъ занятій; всего въ недѣлю на обоихъ отдѣленіяхъ 191 лекція и 33 часа практическихъ занятій въ осеннемъ полугодіи, 192 лекціи и 37 часовъ практическихъ занятій въ весеннемъ полугодіи; въ этотъ счетъ не вошли добавочныя практическія занятія, происходившія по особому соглашенію профессоровъ со слушательницами.

Съ 21-го марта по 16-го мая и съ 24-го августа по 8-е сентября производились переводные и выпускные экзамены по предметамъ обоихъ отдѣленій въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ преподавателей предметовъ и ассистентовъ изъ состава совѣта профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора курсовъ или руководителя учебною частью отдѣленія.

Практическія занятія въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе годы, велись подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей курсовъ, а также ассистентовъ и лаборантовъ, по предметамъ обоихъ отдѣленій; они имѣли цѣлью: во 1-хъ способствовать надлежащему усвоенію слушательницами преподаваемыхъ курсовъ, во 2-хъ пріучать ихъ къ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Въ отчетномъ году мы можемъ отмѣтить слѣдующія практическія занятія.

На историко-филологическомъ отдѣленіи. По философіи—на двухъ младшихъ курсахъ происходили практическія занятія *по логикѣ*, которыя велись Е. И. Максимовою по плану и подъ наблюденіемъ профессора А. И. Введенскаго. Занятія эти состояли въ систематическомъ анализѣ различныхъ логическихъ процессовъ, пройденныхъ на лекціяхъ, причемъ матеріаломъ служили составленные спеціально для этой цѣли образцы.

Независимо отъ этихъ упражненій велись еще добавочныя занятія *по психологіи* для тѣхъ слушательницъ II и III курса, которыя желали углубить свои знанія по этому предмету, пріобрѣтенныя въ прошломъ году; ими составлялись и обсуждались подъ руководствомъ Е. И. Максимовой рефераты на темы, избранныя ими самими и одобренныя профессоромъ А. И. Введенскимъ, а именно: 1) теорія чувствованій по ученію Вундта, 2) критика Вундтомъ теоріи чувствованій Джемса-Ланге. 3) о мускульной усталости, 4) явленіе ложной памяти, 5) ученіе

о внушеніи, 6) воля по ученію Джемса и Спенсера, 7) методъ индивидуальной психологіи, 8) методъ изслѣдованій сновидѣній.

На старшихъ же двухъ курсахъ писались сочиненія на три предложенныя профессоромъ А. И. Введенскимъ темы, относящіяся къ новой философіи, именно: 1) психологія умозаключеній по Бине и Спенсеру, 2) критическій анализъ этики Милля, 3) сравнительный анализъ Канта и Шопенгауера.

Желающихъ же писать на три темы, предложенныя по древней философіи, не нашлось, вѣроятно, оттого, что слушательницы только впервые ознакомились съ нею въ прошломъ году.

По русской исторіи въ 1899—1900 уч. году практическія занятія подъ руководствомъ профессора С. Ѳ. Платонова шли обычнымъ издавна существующимъ порядкомъ. Слушательницы II, III и IV курсовъ избирали по указанію или съ одобренія профессора извѣстныя темы для изученія и составляли кружки для совмѣстной разработки избраннаго вопроса. Общая тема расчленялась на частные вопросы; по каждому изъ нихъ составлялся рефератъ, читаемый въ аудиторіи въ присутствіи профессора; автору реферата предъявлялись возраженія и вопросы со стороны другихъ слушательницъ, изучавшихъ данную тему или заинтересовавшихся ею. Въ отчетномъ году работы велись по изученію двухъ темъ: 1) Административныя и финансовыя реформы Петра Великаго, и 2) Условія возникновенія церковнаго раскола при патріархѣ Никонѣ и послѣдующихъ патріархахъ.

Было представлено и разобрано *11* рефератовъ; всѣ рефераты могутъ быть названы весьма удовлетворительными въ томъ смыслѣ, что представляли собою попытки самостоятельнаго учено-критическаго труда, веденнаго сознательно и съ большимъ одушевленіемъ.

По русской исторіи на второмъ курсѣ, подъ руководствомъ профессора С. М. Середонина, слушательницами были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) Постепенное развитіе московскаго самодержавія, 2) Мѣстничество, 3) Служилое землевладѣніе, 4) Ливонская война. 5) Опричнина, 6) Характеристика Курбскаго, 7) Характеристика Іоанна Грознаго, 8) Крестьяне XVI вѣка, 9) Отношеніе русскаго общества къ Смутѣ и Борису Годунову.

По римской исторіи подъ руководствомъ профессора М. И. Ростовцева велись практическія занятія со слушательницами всѣхъ курсовъ. Были предложены двѣ серіи темъ: одна въ области исторіи образованія крупныхъ состояній въ послѣдній вѣкъ республики и

первые два вѣка имперіи, другая въ области исторіи римской религіи. При этомъ, кромѣ одной основной темы по каждому отдѣлу, давались еще дополнительныя темы въ той же области, предоставлявшія слушательницамъ возможность детально разработать какой-нибудь вопросъ на основаніи знакомства не только съ пособіями, но и съ первоисточниками (къ сожалѣнію, по большей части въ переводахъ). Въ теченіи года были разобраны отдѣльными слушательницами слѣдующія темы: I. Римская nobilitas и управленіе провинціями въ послѣдній вѣкъ республики. II. Публиканы и всадническое сословіе въ послѣдній вѣкъ республики; дополнительныя: a) Исторія государственнаго откупа въ первые три вѣка имперіи; b) Верресъ, какъ типъ римскаго провинціальнаго намѣстника. III. Образованіе крупныхъ помѣстій въ первые вѣка имперіи; дополнительныя: a) Аттикъ, какъ представитель крупной собственности въ послѣдній вѣкъ республики; b) Горацій, какъ представитель средней собственности въ I вѣкѣ имперіи. IV. Управленіе крупными помѣстьями въ первые вѣка имперіи; дополнительная: Плиній Младшій, какъ представитель крупной собственности въ II вѣкѣ имперіи.

По латинской словесности у пр. И. И. Холодняка, кромѣ обязательныхъ занятій согласно дѣйствующей программы, происходили занятія съ оставленными при курсахъ по его предмету слушательницами, состоявшія въ упражненіяхъ по стилистикѣ языка и въ чтеніи авторовъ, не входящихъ въ кругъ обычнаго преподаванія. Сверхъ того, для ознакомленія своей аудиторіи съ обстановкой древняго римлянина, означеннымъ преподавателемъ было предложено чтеніе „о памятникахъ древняго Рима", иллюстрированное соотвѣтственными картинами при помощи проэкціоннаго фонаря.

По латинскому языку занятія слушательницъ III курса историко-филологическаго отдѣленія, происходившія подъ руководствомъ профессора Н. К. Гельвихъ, состояли въ первомъ полугодіи въ чтеніи и разборѣ пятой части второй рѣчи Цицерона противъ Верреса, изъ которой прочитаны были §§ 1—4, 43, 44, 63, 64, 80—117; во второмъ полугодіи читалась IV книга Энеиды Виргилія, изъ которой прочитано 237 стиховъ.

По исторіи всеобщей литературы—на темы, предложенныя профессоромъ Ѳ. Д. Батюшковымъ, представлены были слушательницами III и IV курсовъ нижеслѣдующіе рефераты, часть которыхъ заслушана въ аудиторіи и подверглась обсужденію другихъ

слушательницъ: 1) Отношеніе русской критики къ французскому классицизму въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ XIX вѣка (отъ Сумарокова до Бѣлинскаго включительно). 2) Корнель—теоретикъ и Корнель—художникъ. Христіанская драма въ XVII вѣкѣ. Разборъ „Поліевкта" Корнеля. 3) Очеркъ жизни Мольера и оцѣнка историко-литературнаго значенія трехъ шедевровъ его театра: „Тартюфъ", „Донъ-Жуанъ" и „Мизантропъ". 4) Сатира семейныхъ и сословныхъ отношеній въ комедіяхъ Мольера („Школа женъ", „Школа мужей", „Мѣщанинъ во дворянствѣ" и др.). 5) Сравнительная характеристика Лафонтена и Крылова. 6) Разборъ эстетическихъ воззрѣній Гюйо, сравнительно съ ученіемъ Канта о прекрасномъ и возвышенномъ.

По исторіи русской литературы происходили практическія занятія слушательницъ подъ руководствомъ профессора И. А. Шляпкина. На III курсѣ занятія сводились къ палеографическому ознакомленію съ древней русской письменностью: слушательницы читали грамоты, сборники, опредѣляли время написанія и т. д., кромѣ того читался и коментировался текстъ „Слова о полку Игоревѣ"; одна изъ слушательницъ прочла рефератъ о Юріи Крижаничѣ. На IV курсѣ происходило ознакомленіе слушательницъ съ направленіями русской критики, насколько они отразились въ разборахъ литературной дѣятельности Достоевскаго вообще и „Братьевъ Карамазовыхъ" въ частности. При сопоставленіи различныхъ взглядовъ критиковъ ясно обрисовывались партійныя увлеченія и вырабатывалась болѣе или менѣе правильная научная оцѣнка произведеній Достоевскаго; одна изъ слушательницъ прочла рефератъ: „Императрица Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ".

Подъ руководствомъ директора курсовъ и профессора И. А. Шляпкина состоялась въ маѣ поѣздка слушательницъ въ Новгородъ съ научною цѣлью. Слушательницы пробыли въ Новгородѣ два дня. Въ первый день ими были осмотрѣны историческія окрестности города: Юрьевъ монастырь, гдѣ слушательницы были допущены въ его богатую ризницу, и затѣмъ древняя церковь XII вѣка—Спаса Нередицы, гдѣ профессоромъ было обращено вниманіе слушательницъ на тѣсную связь ея иконописи съ литературой.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру стараго Софійскаго собора, Знаменскаго собора и городского историческаго музея.

Нельзя не отмѣтить съ благодарностью того радушнаго пріема, который былъ оказанъ слушательницамъ начальникомъ губерніи и его супругой—графомъ и графиней Медемъ, а также и любезности дирек-

тора классической гимназіи А. О. Колоколова, предоставившаго въ распоряженіе слушательницъ помѣщеніе гимназіи. При этомъ съ глубокой признательностью замѣтимъ, что министерство путей сообщенія безплатно предоставило въ распоряженіе экскурсантокъ пароходъ для проѣзда по рѣкѣ Волхову до Новгорода и обратно.

По славяновѣдѣнію, кромѣ обязательныхъ лекцій по исторіи сербовъ, болгаръ, поляковъ и чеховъ, были прочтены профессоромъ А. Л. Петровымъ: на I курсѣ обзоръ современнаго состоянія славянства, преимущественно въ Австро-Венгріи, и на II курсѣ очерки славянскаго возрожденія въ XIX вѣкѣ. На III и IV курсахъ велись практическія занятія по сербскому языку, состоявшія въ переводѣ и разборѣ произведеній сербскаго народнаго эпоса.

Окончившія курсы А. Н. и К. Н. Пановы перевели съ польскаго: „Очеркъ новѣйшей литературы польской", Хмѣлевскаго, представляющій живое и отчетливое изображеніе теченій польской мысли и литературы послѣ 1864 года.

По русскому и церковно-славянскому языкамъ практическія занятія слушательницъ II курса подъ руководствомъ профессора С. К. Булича состояли въ чтеніи и разборѣ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ текстовъ.

На физико-математическомъ отдѣленіи. По математикѣ практическія занятія велись подъ руководствомъ В. I. Шиффъ; на I курсѣ — (по введенію въ анализъ, геометріи и тригонометріи) — они занимали 4 часа въ недѣлю; на II курсѣ — (по аналитической геометріи, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ) — первое полугодіе 3 часа и второе 4 часа въ недѣлю; на III курсѣ—(по интегрированію дифференціальныхъ уравненій и приложеніямъ анализа къ геометріи)—второе полугодіе 2 часа въ недѣлю.

Кромѣ того нѣкоторыми слушательницами II курса были прочитаны рефераты на слѣдующія темы: 1) Maxima и minima функцій отъ одной перемѣнной. 2) О сходимости рядовъ. 3) Объ ирраціональныхъ числахъ. 4) Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ вопросовъ методомъ безконечно малыхъ.

По механикѣ—практическія занятія подъ руководствомъ профессора И. В. Мещерскаго состояли въ рѣшеніи задачъ, относящихся къ различнымъ отдѣламъ читаемаго курса.

По астрономіи. Слушательницы занимались на обсерваторіи курсовъ наблюденіями пассажнымъ инструментомъ (опредѣленіемъ времени въ меридіанѣ и опредѣленіемъ широтъ въ первомъ вертикалѣ).

Въ руководствѣ этими наблюденіями профессору А. М. Жданову помогали бывшія слушательницы курсовъ: С. М. Домбровская и В. С. Стахевичъ.

Въ концѣ апрѣля 1900 года былъ установленъ на обсерваторіи принадлежащій курсамъ универсальный инструментъ Бамберга съ микроскопами, которымъ С. М. Домбровская произвела рядъ наблюденій въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ.

Въ отчетномъ году устроенъ „астрономическій кабинетъ"; это небольшая комната, въ которой собраны всевозможныя таблицы и гдѣ слушательницы занимаются астрономическими вычисленіями въ свободное отъ лекцій время. Главная цѣль этихъ вычисленій—пояснить излагаемый на лекціяхъ курсъ численными примѣрами. Одна изъ слушательницъ IV курса предвычислила покрытіе звѣздъ луною для С.-Петербурга на цѣлый 1901 годъ.

Бывшія слушательницы: С. М. Домбровская и В. С. Стахевичъ, которымъ совѣтомъ профессоровъ разрѣшено продолжать занятія на курсахъ, занимались не только наблюденіями, но и вычисленіями орбитъ кометъ изъ цѣлаго ряда наблюденій, а также и вычисленіями возмущеній кометы Галлея.

В. С. Стахевичъ провела нѣкоторое время въ Пулковѣ, гдѣ принимала участіе въ вычисленіяхъ обсерваторіи.

По физикѣ. Занятіями слушательницъ въ физической лабораторіи руководила А. Е. Сердобинская; ея помощницей состояла А. К. Диксонъ. Въ отчетномъ году въ лабораторіи работали и представили результаты своихъ работъ шестьдесятъ двѣ слушательницы; изъ нихъ Катаринская, имѣвшая въ виду сдѣлаться преподавательницей физики, занималась спеціально постановкой опытовъ по элементарной физикѣ. Оставленная при курсахъ А. Г. Емельянова помогала А. Е. Сердобинской въ ея занятіяхъ съ первымъ курсомъ и, кромѣ того, совмѣстно съ нею же опредѣлила теплоемкость платиновой и золотой проволокъ по методу, предложенному профессоромъ С. Я. Терешинымъ,—отчетъ объ этой работѣ будетъ напечатанъ въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества. Далѣе А. Г. Емельянова, а также оставленная при курсахъ В. А. Кашерининова упражнялись подъ руководствомъ В. Ѳ. Миткевича въ постановкѣ лекціонныхъ опытовъ.

В. А. Кашерининова совмѣстно съ В. Ѳ. Миткевичемъ выработали практическій способъ зарядки аккумуляторовъ отъ цѣпи перемѣннаго

тока и занимались изслѣдованіемъ явленій, происходящихъ около алюминіеваго электрода при большой плотности тока.

По желанію слушательницъ были устроены реферативныя собранія по физикѣ; всѣхъ собраній было шесть, и на нихъ было прочитано восемь рефератовъ.

По физической географіи. Среди учебнаго года слушательницы подъ руководствомъ профессора И. В. Мушкетова посѣтили музей Горнаго Института Императрицы Екатерины II, гдѣ познакомились съ богатымъ минеральнымъ собраніемъ, съ разнообразными машинами и моделями рудниковъ; кромѣ того осмотрѣли образцовый рудникъ, гдѣ наглядно ознакомились съ формами залеганія различныхъ рудныхъ и каменноугольныхъ мѣсторожденій, а также съ техническими особенностями рудничнаго дѣла.

По зоологіи. Практическія занятія со слушательницами III курса велись, за отъѣздомъ ассистента лабораторіи П. Ю. Шмидта на Дальній Востокъ, подъ руководствомъ временно замѣнившаго его ассистента при каѳедрѣ зоологіи въ Военно-Медицинской Академіи П. А. Беркоса и состояли, согласно выработанной программѣ, во вскрытіи и въ демонстраціи различныхъ препаратовъ по главнѣйшимъ группамъ животнаго царства.

Кромѣ этихъ занятій, преслѣдующихъ морфологическія цѣли, а именно, ознакомленіе съ строеніемъ главнѣйшихъ типовъ животныхъ, въ истекшемъ году введены были также практическія занятія по систематической зоологіи, именно по энтомологіи. Занятія эти только для желающихъ, какъ необязательныя, велись подъ руководствомъ Н. Я. Кузнецова (во второмъ полугодіи разъ въ недѣлю по два часа); въ нихъ принимали участіе около 10 слушательницъ II и III курсовъ; на первое время занятія встрѣчали затрудненіе въ недостаткѣ матеріала и могли состоять лишь въ опредѣленіи обыкновеннѣйшихъ видовъ бабочекъ и жуковъ по опредѣлителю Шлехтендаля и Вюнше и въ демонстраціяхъ наиболѣе выдающихся представителей этихъ видовъ.

Спеціальный практическій курсъ зоологіи проходили въ лабораторіи, подъ руководствомъ профессора В. А. Фаусека, двѣ слушательницы: одна II и другая III курса. Окончившая курсы и оставленная, для окончанія начатой ею работы, на одинъ годъ Я. Г. Зѣлецкая принимала участіе въ изслѣдованіяхъ профессора Фаусека надъ паразитизмомъ личинокъ Anodonta въ кожѣ рыбъ. Лѣтомъ 1900 г. Я. Г. Зѣлецкая была командирована Петербургскимъ Обществомъ Естеств-

испытателей съ научною цѣлью на Севастопольскую біологическую станцію Академіи Наукъ, съ субсидіей отъ общества; она провела въ Севастополѣ около трехъ мѣсяцевъ, занимаясь ознакомленіемъ съ морской фауной, анатоміей морскихъ животныхъ и собираніемъ матеріала по постъ-эмбріональному развитію моллюсковъ Lamellibranchiata.

По ботаникѣ. Въ ботаническомъ кабинетѣ занимались слушательницы II курса по систематикѣ растеній: въ осеннемъ полугодіи происходили занятія по систематикѣ низшихъ: водорослей, грибовъ и сосудистыхъ тайнобрачныхъ; весеннее же полугодіе было посвящено систематикѣ цвѣтковыхъ растеній.

Кромѣ слушательницъ физико-математическаго отдѣленія, въ практическихъ занятіяхъ принимали участіе 16 слушательницъ историко-филологическаго отдѣленія, вслѣдствіе чего занимающихся пришлось раздѣлить на двѣ группы.

По физической химіи. Слушательница IV курса химическаго отдѣленія Н. Рихтеръ, подъ руководствомъ профессора А. А. Яковкина, изслѣдовала скорость гидраціи уксуснаго ангидрида; результаты изслѣдованія сообщены въ засѣданіи отдѣленія химіи Русскаго Физико-Химическаго Общества и напечатаны въ протоколахъ его.

По аналитической химіи практическія занятія слушательницъ происходили въ химической лабораторіи подъ руководствомъ профессора И. В. Богомольца: слушательницы II курса изучали качественный анализъ, а слушательницы III курса оканчивали качественный анализъ и знакомились съ главнѣйшими методами количественнаго анализа.

По агрономическому анализу и по органической химіи слушательницы IV курса работали въ химической лабораторіи подъ руководствомъ профессора Г. Г. Густавсона и при участіи руководительницы практическими работами по химіи А. Цейдлеръ. Нѣкоторыя изъ слушательницъ, по окончаніи обычныхъ занятій, продолжали работать надъ вопросами болѣе спеціальнаго характера; такъ одна изъ нихъ занималась провѣркою новыхъ видоизмѣненій способа опредѣленія азота по Квельдалю, а другая работала надъ вновь предложеннымъ пріемомъ опредѣленія минеральныхъ составныхъ частей въ растеніяхъ. По органической химіи работали: Л. Пескова, Л. Кауфманъ, Н. Петрушевская и А. Цейдлеръ. Работы Л. Кауфманъ (о вліяніи бромистоводородной кислоты на скорость бромированія бензола), а также Н. Петрушевской и А. Цейдлеръ (о дѣйствіи брома

на бромистый пропилъ) вошли въ составъ опубликованной уже статьи Г. Густавсона: „Объ ускорителяхъ реакціи брома на триметиленъ".

По кристаллографіи, кристаллофизикѣ и кристаллохиміи лекціи читались на II курсѣ, по описательной минералогіи на III курсѣ физико-математическаго отдѣленія; практическія занятія происходили подъ руководствомъ профессора С. Ѳ. Глинки въ минералогическомъ кабинетѣ ежедневно по вечерамъ, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней.

Сверхъ обычныхъ занятій, параллельныхъ читаемымъ лекціямъ, впервые введены были занятія по опредѣленію минераловъ преимущественно по ихъ внѣшнимъ признакамъ, — такія опредѣленія заинтересовали слушательницъ и оказались весьма полезными при изученіи описательной минералогіи, такъ какъ, помимо изученія внѣшнихъ признаковъ минераловъ, слушательницы имѣли возможность познакомиться при этомъ съ методами ихъ изслѣдованія.

Результаты испытаній за 1899—1900 учебный годъ.

ОТДѢЛЕНІЯ И КУРСЫ.	Общее число учащихся въ концѣ учебнаго года. Слушательницъ.	Общее число учащихся въ концѣ учебнаго года. Вольнослушательницъ.	Переведено на слѣдующіе курсы. Слушательницъ.	Переведено на слѣдующіе курсы. Вольнослушательницъ.	Окончившихъ курсъ.	Переведено на другое отдѣленіе. Слушательницъ.	Оставлено на 2-й годъ на томъ же курсѣ. Слушательницъ.	Оставлено на 3-й годъ на томъ же курсѣ. Слушательницъ.	Переведено въ число вольнослушательницъ. Слушательницъ.	Выбыло во время экзаменовъ. Слушательницъ.	Выбыло во время экзаменовъ. Вольнослушательницъ.
Историко-филологическое отдѣленіе.						На физико-математ.					
Курсъ I	255	5	212	5	—	4	9	—	1	29	—
„ II	149	9	129	7	—	—	10	3	1	6	2
„ III	103	5	93	4	—	—	5	1	—	4	1
„ IV	105	1	—	—	101	—	2	—	—	2	1
По историко-филологическому отдѣленію	612	20	431	16	101	4	26	4	2	41	4
Физико-математическое отдѣленіе.						На историко-филолог.					
Курсъ I (общій)	143	—	103	—	—	2	22	—	—	16	—
А) *Математическій разрядъ.*											
Курсъ II	24	1	21	—	—	—	1	—	—	2	1
„ III	16	—	12	—	—	—	3	—	—	1	—
„ IV	10	1	—	—	7	—	2	—	—	1	1
По математическому разряду	50	2	33	—	7	—	6	—	—	4	2
Б) *Химическій разрядъ.*											
Курсъ II	26	—	22	—	—	—	—	1	—	3	—
„ III	12	—	8	—	—	—	4	—	—	—	—
„ IV	18	—	—	—	16	—	—	—	—	2	—
По химическому разряду	56	—	30	—	16	—	4	1	—	5	—
По физико-математическому отдѣленію	249	2	166	—	23	2	32	1	—	25	2
По обоимъ отдѣленіямъ	861	22	600	16	124	6	58	5	2	66	6

О занятіяхъ окончившихъ курсъ въ 1900 году.

Продолжаютъ своя научныя и учебныя занятія—26: оставлены при курсахъ—5, вновь поступили на курсы—3 (2 на другія отдѣленія и 1 вольнослушательницей для окончанія научной работы), поступили въ Медицинскій институтъ—15, въ заграничные университеты—2, обучается въ рисовальной школѣ—1.

Педагогическою дѣятельностью занимаются—29: поступили учительницами: въ женскія гимназіи—8, въ училище Св. Нины—1, въ прогимназіи—4, въ городское четырехклассное училище—1, въ профессіональную школу—2, въ музыкальное училище—1, въ пансіонъ въ Палестинѣ—1, въ начальное сельское училище—1; 1 состоитъ помощницей инспектрисы въ Медицинскомъ институтѣ, 1 содержитъ частный пансіонъ, 8 занимаются частными уроками.

Далѣе: 1 завѣдуетъ частной метеорологической обсерваторіей въ Подольской губерніи, 2 поступили въ лабораторіи на казенные заводы, 1 поступила въ частную біологическую лабораторію, 1 занимается литературной работой, 1 служитъ въ правленіи желѣзной дороги, 1 въ библіотекѣ курсовъ, 20 живутъ при родителяхъ; объ остальныхъ 42 слушательницахъ свѣдѣній не имѣется.

Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Библіотека.

Къ началу отчетнаго года въ библіотекѣ состояло 10,502 названія въ 22,134 т. и 1,900 брошюрахъ. Но эти числа далеко не соотвѣтствовали дѣйствительному состоянію библіотеки, такъ какъ вслѣдствіе крайней тѣсноты помѣщенія невозможно было приступить къ разбору и постановкѣ пожертвованныхъ библіотекъ: покойнаго профессора М. Д. Львова, А. Д. Дмитріева, чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и другихъ пожертвованныхъ книгъ, изданій и журналовъ.

Въ отчетномъ году пріобрѣтено согласно постановленію совѣта профессоровъ:

по историко-филологическому отдѣленію .	57	названій	въ	121 т.
„ физико-математическому „ .	110	„	„	177 „
Всего . . .	167	названій	въ	298 т.

Въ отчетномъ году книгами пользовались 736 слушательницъ и ими было взято 4.403 тома.

По отдѣламъ взятыя книги распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Было взято сочиненій.	На русск. языкѣ.	На иностр. языкѣ.	Всего.
По Богословію	20	—	20
„ Философіи, логикѣ, психологіи .	538	111	649
„ Всеобщей исторіи	1.062	224	1.286
„ Беллетристикѣ.	423	158	581
„ Русскіе и европейскіе классики .	353	49	402
„ Исторіи всеобщей литературы .	165	60	225
„ Исторіи русской литературы. .	140	—	140
„ Общественнымъ наукамъ . . .	108	7	115
„ Исторія искусства	20	3	23
„ Филологіи и лингвистикѣ . . .	49	21	70
„ Математикѣ и астрономіи . . .	206	72	278
„ Физикѣ	130	65	195
„ Біологическимъ наукамъ . . .	204	36	240
„ Химіи.	113	32	145
„ Геологіи	29	5	34
Итого . . .	3.560 т.	843 т.	4.403 т.

Совѣтъ профессоровъ и преподавателей. Въ отчетномъ году совѣтъ имѣлъ 13 засѣданій: 4 общихъ, 4—историко-филологическаго отдѣленія и 5—физико-математическаго.

На этихъ засѣданіяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ каковы: расписаніе весеннихъ и осеннихъ экзаменовъ, пополненіе библіотеки, пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ приборовъ и коллекцій для лабораторій и кабинетовъ, составленіе смѣты расходовъ по историко-филологическому и физико-математическому отдѣленіямъ, назначеніе пособій слушательницамъ изъ профессорскаго капитала, разборъ прошеній слушательницъ относительно экзаменовъ, оставленія на томъ же курсѣ, перевода изъ слушательницъ въ вольнослушательницы и обратно, а также съ одного отдѣленія на другое, совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе важное значеніе для дѣятельности курсовъ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ проектъ новой организаціи учебной части; въ этомъ проектѣ, вызванномъ послѣдовательнымъ развитіемъ курсовъ, кромѣ введенія нѣкоторыхъ новыхъ

предметовъ, необходимыхъ для полноты преподаванія, устанавливается раздѣленіе слушательницъ двухъ старшихъ курсовъ по спеціальностямъ: исторической и словесной на историко-филологическомъ отдѣленіи, математической и физической на разрядѣ математическихъ наукъ, химической и біологической на разрядѣ наукъ естественныхъ, причемъ эти два разряда физико-математическаго отдѣленія имѣютъ общимъ только курсъ одного перваго года;—вмѣстѣ съ тѣмъ выработанъ и соотвѣтствующій учебный планъ.

Въ то же время обсуждался важный и сложный вопросъ объ устройствѣ агрономическаго отдѣленія на курсахъ.

Далѣе совѣтъ разработалъ проектъ положенія и о части учебно-административной, а именно: о преподавательскомъ и служебномъ персоналѣ на курсахъ, о деканахъ, совѣтѣ, факультетскихъ собраніяхъ и дисциплинарной комиссіи.

Кромѣ того совѣтомъ разсмотрѣны и рѣшены вопросы объ осеннихъ экзаменахъ, объ увеличеніи зоологическаго кабинета и введеніи практическихъ занятій по энтомологіи, а также объ устройствѣ астрономическаго кабинета.

Попечительный совѣтъ. Дѣятельность попечительнаго совѣта въ отчетномъ году выразилась въ составленіи смѣты прихода и расхода денежныхъ суммъ и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, касавшихся денежной части учебнаго заведенія.

Средства содержанія. На содержаніе высшихъ женскихъ курсовъ въ теченіи 1899—1900 года *поступило*: а) Отъ министерства народнаго просвѣщенія — 3.000 руб. б) Отъ С.-Петербургской городской думы — 3.000 руб. в) Отъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: членскими взносами, пожертвованіями, сборами отъ вечера и базара, % % на капиталы общества и отъ продажи принадлежащихъ обществу процентныхъ бумагъ 109.881 руб. 50 к. г) Отъ слушательницъ за право слушанія лекцій: за первое полугодіе отъ 868 слушательницъ, за второе полугодіе отъ 789 слушательницъ и за предшествующій годъ отъ 89 слушательницъ всего 87.300 руб.

Всего 203.181 р. 50 к.

Истрачено: а) На учебно-административную часть 64.592 руб. 52 к. б) Хозяйственные расходы: отопленіе, освѣщеніе, прислуга, страхованіе, водоснабженіе, уплата % и погашеніе долга и прочее 57.162 р. 24 к. в) Стипендіи общества и ссуды изъ капитала

В. Богдановской слушательницамъ 2.470 р. г) На постройку новаго дома 79.257 р. 59 к., всего 203.482 р. 35 к.

По общежитію: а) Получено отъ слушательницъ 47.932 руб. б) Получено отъ приходящихъ слушательницъ за обѣды и буфетъ 9.997 р. 42 к.; всего 57.929 руб. 42 коп. Истрачено на содержаніе слушательницъ, на обѣды и буфетъ для приходящихъ 56.301 р. 41 к.; осталось 1628 р. 1 к. Къ 1-му сентября 1900 г. за общежитіемъ состояло долгу обществу за обзаведеніе 9.142 р. 94 к.

Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Θеодоровною прислано на курсы въ пользу недостаточныхъ слушательницъ изъ собственныхъ Ея Величества средствъ 1.150 р.; также въ пользу слушательницъ прислано 12.201 р. 30 к. разными благотворительными обществами, частными лицами, городскими обществами, земскими управами и т. д.

Общества при высшихъ женскихъ курсахъ. При курсахъ, кромѣ общества для доставленія средствъ, существуютъ два другія общества, о состояніи и дѣятельности которыхъ приводимъ нижеслѣдующія краткія свѣдѣнія.

Общество вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ состояло къ 1-му сентября 1900 г. изъ 477 членовъ. Въ теченіи 1899—1900 учебнаго года обществомъ выданы пособія и ссуды 50 слушательницамъ на сумму 2.252 руб.; затѣмъ выдано 6.590 безплатныхъ обѣдовъ для 314 слушательницъ на 1.226 р. 85 к.; кромѣ того общество имѣло 2 квартиры, въ которыхъ 19 слушательницъ пользовались помѣщеніемъ за недорогую плату; обзаведеніе и содержаніе этихъ квартиръ въ учебномъ году обошлось обществу въ 487 р. 74 к., что за вычетомъ расходовъ на обзаведеніе въ 117 р. 69 к. составило около 2-хъ руб. на слушательницу въ учебный мѣсяцъ; печатаніе отчета, канцелярскіе, почтовые расходы составили 111 р. 74 к.—Весь расходъ 4.078 р. 33 к. Къ 1-му сентября 1900 г. на приходѣ значилось 5.692 р. 2 к., въ наличности въ кассѣ общества состояло: запаснаго капитала 825 руб., расходнаго 788 руб. 69 коп.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ насчитывало къ 1-му января 1900 года 419 членовъ.

Пособій имъ выдано въ отчетномъ году на сумму 1.419 рублей 18 членамъ, изъ коихъ большинство городскихъ. Пособія выдавались

на лѣченіе, на переѣздъ и устройство на новомъ мѣстѣ, для уплаты за слушаніе лекцій, при случайномъ отсутствіи заработка и т. д.

Общая сумма прихода равнялась 5.316 р. 67 к., въ томъ числѣ возвращено пособій на 110 руб.

Организованные Обществомъ въ предыдущемъ году курсы по новымъ языкамъ продолжались и въ отчетномъ году, при чемъ занятія по французскому языку велъ А. А. Ляронтъ, а по англійскому языку С. К. Боянусъ.

Дѣятельность бюро общества для пріисканія занятій окончившимъ курсъ за время съ января по ноябрь 1900 года значительно возросла сравнительно съ предыдущимъ годомъ: въ бюро за этотъ промежутокъ времени обратились за содѣйствіемъ 96 лицъ, изъ которыхъ 55 доставлены занятія, а именно: 6—мѣста учительницъ гимназій и прогимназій: по одному въ Вологдѣ, Суджѣ, Арзамасѣ, Челябинскѣ и два въ Кологривѣ, 3—учительницъ въ пансіонахъ и профессіональныхъ школахъ, 4—учительницъ сельскихъ школъ, 1—воспитательницы, 11—домашнихъ учительницъ, 1—чтицы, 1—въ канцеляріи попечительства о слѣпыхъ, 28—частные уроки.

Вышеизложенный краткій обзоръ дѣятельности курсовъ позволяетъ заключить, что отчетный годъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи высшихъ женскихъ курсовъ; стремясь къ возможно лучшей постановкѣ преподаванія, къ возможной полнотѣ даваемаго ими научнаго образованія, С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы въ то же время стремятся отвѣтить на тѣ запросы, которые ставитъ жизнь въ ея экономическихъ проявленіяхъ.

Минувшій годъ былъ послѣднимъ годомъ того періода, въ теченіи котораго это учрежденіе представляло единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе съ общеобразовательнымъ университетскимъ характеромъ; въ настоящемъ году открылись высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, и мы радостно привѣтствуемъ возродившееся учрежденіе, желая ему развитія и процвѣтанія на службѣ нашему общему дѣлу.

Вѣрные девизу: „трудъ и наука" С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы вступаютъ въ двадцатое столѣтіе съ твердой надеждой на свѣтлую будущность высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Н. А. СЕРГІЕВСКІЙ.

(некрологъ).

Въ ночь на 16-е декабря 1900 года скончался въ Царскомъ Селѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, *Николай Александровичъ Сергіевскій*, выдающійся педагогъ и дѣятель въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Н. А. Сергіевскій родился въ 1831 г., въ семьѣ священника; высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, въ которой и состоялъ, послѣ окончанія, два года баккалавромъ библейской исторіи и греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, получивъ степень магистра богословія за сочиненіе: „О поведеніи древнихъ христіанъ въ праздничные и церковные дни“ (М., 1856 г.).

Въ мартѣ 1858 года Н. А. Сергіевскій оставилъ духовно-училищную службу и опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій VII кл. при оберъ-прокурорѣ св. Синода. Въ концѣ того же года онъ Высочайшимъ приказомъ былъ командированъ заграницу „по особо возложенному на него порученію“ и между прочимъ состоялъ почти въ теченіе двухъ лѣтъ при адмиралѣ, графѣ Путятинѣ, занимавшемся во время своей заграничной командировки выработкою новаго устава для морскихъ учебныхъ заведеній. Въ половинѣ 1861 года Н. А. Сергіевскій былъ перемѣщенъ на должность чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія и нѣкоторое время состоялъ членомъ особаго комитета, учрежденнаго „для предварительнаго составленія соображеній къ скорѣйшему исполненію Высочайшей воли объ отводѣ казенныхъ фермъ подъ народныя училища въ юго-западныхъ губерніяхъ“. Въ началѣ слѣдующаго года онъ снова перешелъ на службу въ св. Синодъ и получилъ тамъ долж-

ность старшаго чиновника канцеляріи оберъ-прокурора, вскорѣ замѣненную болѣе высшею, а именно должностью оберъ-секретаря св. Синода. Въ 1864 — 1865 гг. Н. А. Сергіевскій состоялъ инспекторомъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ и много сдѣлалъ для ея лучшаго устройства.

Въ 1866 году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность директора канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и вскорѣ затѣмъ членомъ Высочайше утвержденнаго комитета для составленія проекта устава духовно-учебныхъ заведеній. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній въ губерніи: Рязанскую, Нижегородскую, Костромскую, Самарскую и Астраханскую, а по возвращеніи изъ поѣздки былъ сдѣланъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора и назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи.

Въ теченіе 1868—1869 гг. Н. А. Сергіевскій состоялъ дѣятельнымъ членомъ временно учрежденнаго при св. Синодѣ комитета для пересмотра существующаго и начертанія новаго для духовныхъ академій устава; обозрѣвалъ духовныя семинаріи и училища С.-Петербургскаго округа; былъ членомъ учебнаго комитета при св. Синодѣ и членомъ со стороны духовнаго вѣдомства комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, учрежденной для обсужденія общихъ мѣръ наблюденія за воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, и наконецъ, ѣздилъ для „осмотра по всѣмъ частямъ“ вновь открытой Донской семинаріи и отсюда въ Самарскую губернію, для разъясненія возбужденной самарскимъ епископомъ переписки объ увеличеніи числа учащихся въ тамошней семинаріи. Результаты его ревизій всѣхъ вышеназванныхъ учебныхъ заведеній были своевременно изложены въ особыхъ брошюрахъ, появившихся въ свѣтъ въ теченіе 1868—1869 гг.

Въ октябрѣ 1869 года состоялось памятное для всѣхъ жителей края назначеніе Н. А. Сергіевскаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Тамъ въ это время были еще очень свѣжи слѣды польскаго возстанія; многое изъ учебно-воспитательнаго дѣла приходилось или передѣлывать или создавать вновь. А для послѣдняго требовалось много энергіи, любви къ своему дѣлу, настойчивости и въ то же время осторожности и хладнокровія, особенно въ

виду тѣхъ препятствій, какія оказывали почти на каждомъ шагу разноплеменность населенія и его разновѣріе.

Число средне-учебныхъ заведеній, которое онъ засталъ въ краѣ въ 1869 г., простиралось лишь до 16; онъ же вскорѣ увеличилъ это число до 22. Всѣ эти учебныя заведенія доставили много хлопотъ и заботъ Н. А. Сергіевскому своими „ветхими и совершенно не приспособленными зданіями“; въ результатѣ этихъ заботъ получилось то, что всѣ заведенія, кромѣ одного, получили прекрасныя собственныя помѣщенія, а при нихъ и домовыя церкви. Съ расширеніемъ и улучшеніемъ помѣщенія, естественно, увеличивалось и число учащихся. Къ 1-му января 1869 года всѣхъ учащихся во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ было 3.475 человѣкъ, изъ которыхъ окончило полный курсъ лишь 150, а въ 1892 году ихъ уже было 5.877 человѣкъ, и изъ нихъ окончило полный курсъ 402.

Признавая, что главнѣйшею задачею средне-учебныхъ заведеній этого края должно служить установленіе въ умахъ учащихся правильнаго воззрѣнія на минувшія судьбы русскаго народа въ области литературы и искусства, Н. А. Сергіевскій особенно заботился объ улучшеніи преподаванія русскаго языка и русской литературы, для чего давалъ, между прочимъ, широкій просторъ такъ называемымъ литературнымъ вечерамъ; старался пополнять фундаментальныя и ученическія библіотеки историческими сочиненіями и широко разрѣшалъ историческія чтенія со свѣтовыми картинами.

Кромѣ мужскихъ гимназій покойный попечитель не мало заботился объ улучшеніи имъ же открытыхъ женскихъ гимназій.

Но главною его заботою и главною заслугою, какъ просвѣтителя края, было *народное образованіе*. Въ годъ его пріѣзда въ Вильну во всемъ округѣ всѣхъ первоначальныхъ училищъ разныхъ наименованій было 1.405 и кромѣ того 434 училищныхъ отдѣленія и 13 воскресныхъ школъ для взрослыхъ крестьянъ. Почти ни одно изъ этихъ учебныхъ заведеній не имѣло мало-мальски сноснаго помѣщенія; составъ преподающихъ былъ крайне неопредѣленный; для преподаванія не существовало никакихъ программъ. Озаботившись первоначально объ открытіи новыхъ училищъ, Н. А. Сергіевскій въ 1871 году созвалъ съѣздъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, на которомъ былъ выработанъ цѣлый рядъ программъ и инструкцій для учителей. Вслѣдъ за тѣмъ онъ открылъ нѣсколько учительскихъ семинарій, для которыхъ въ 1873 году составилъ образцовую инструкцію, вошедшую во многихъ своихъ частяхъ въ издан-

ную въ 1875 году министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкцію для всѣхъ учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія. Созданіемъ и улучшеніемъ учительскихъ семинарій онъ значительно повышалъ число образованныхъ учителей въ народныхъ училищахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много способствовалъ развитію въ массѣ населенія русскаго самосознанія.

Хотя къ 1894 г. изъ 434 училищныхъ отдѣленій въ вѣдѣніи округа оставалось только 6, но Н. А. Сергіевскій, несмотря на многочисленныя финансовыя затрудненія, успѣлъ открыть новыхъ училищъ до 140, увеличить въ общемъ число учащихся болѣе чѣмъ въ полтора раза, доведя его въ 1899 г. почти до 100.000 чел. Нечего и говорить, что были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы училища имѣли приличныя помѣщенія, были болѣе или менѣе обезпечены средствами, включали въ свою програму курсы ремеслъ, садоводства, гимнастики и проч.

Мало того, желая распространить просвѣщеніе и за тѣсные предѣлы школьныхъ помѣщеній, Н. А. Сергіевскій прибѣгъ къ вспомогательнымъ средствамъ. Ими онъ хотѣлъ, во-первыхъ, оказать просвѣтительное и воспитательное вліяніе на окружающую темную массу крестьянскаго населенія, а во-вторыхъ—„удержать подъ своимъ руководственнымъ вліяніемъ“ тѣхъ изъ населенія, кто усвоилъ начала грамоты, окончивъ начальныя училища. Названнымъ цѣлямъ должны были прежде всего послужить *воскресныя и праздничныя чтенія*, впервые открытыя въ 1883 г., въ Виленской дирекціи. Правильная постановка чтеній, ихъ „осторожное веденіе“ и строго выработанныя программы, въ выработкѣ которыхъ принималъ дѣятельное участіе и самъ Н. А. Сергіевскій, „сразу же,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—привлекли къ себѣ симпатіи православнаго сельскаго населенія“ и быстро развивались, несмотря на встрѣчаемое противодѣйствіе.

На ряду съ чтеніями Н. А. Сергіевскій почти одновременно принималъ мѣры къ устройству *библіотекъ* для народнаго чтенія и успѣлъ къ 1899 г. открыть ихъ свыше 500. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увеличилъ число книжныхъ складовъ при народныхъ училищахъ, а равно и ихъ составъ, руководясь при этомъ имъ же самимъ составленными въ бытность предсѣдателемъ Виленской комиссіи 1880 г. (по вопросу о книгопечатаніи и книжной торговлѣ въ сѣверо-западномъ краѣ) правилами.

Когда въ 1880-хъ годахъ стали открываться церковно-приходскія школы, Н. А. Сергіевскій однимъ изъ первыхъ явился къ нимъ на помощь. Охотно и щедро снабжалъ онъ ихъ учебными руководствами, ко-

торыхъ онѣ не могли добыть, не отказывалъ ни одному, обращенному къ нему, ходатайству на счетъ открытія или улучшенія церковно-приходскихъ школъ, и даже сдѣлалъ въ учительскихъ семинаріяхъ обязательнымъ ознакомленіе со всѣмъ законодательствомъ объ этихъ школахъ.

Наконецъ, говоря о заботахъ Н. А. Сергіевскаго на счетъ народнаго образованія края, нельзя пройти молчаніемъ и того, что онъ ввелъ въ еврейскія училища русскій языкъ.

Въ теченіе тридцати лѣтъ пребыванія во главѣ Виленскаго учебнаго округа, Н. А. Сергіевскій пережилъ много знаменательныхъ и торжественныхъ событій и, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. События эти—празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ, открытіе въ Вильнѣ археологическаго съѣзда и памятника Муравьеву, празднованіе 1000-лѣтія памяти свв. Кирилла и Меѳодія и др., — были ознаменованы со стороны округа учеными изслѣдованіями, составленіемъ историческихъ записокъ, популярныхъ брошюръ, устройствомъ собесѣдованій, литературныхъ вечеровъ и проч.

Не имѣя за массою текущихъ дѣлъ возможности заниматься литературными и историческими изслѣдованіями, Н. А. Сергіевскій для другихъ являлся добрымъ геніемъ, всегда готовымъ дать средства. На счетъ округа при немъ было издано очень много томовъ актовъ археографическою коммиссіею, при чемъ онъ и самъ принималъ дѣятельное участіе, напримѣръ, при изданіи XVI и XX томовъ, разныхъ календарей и изслѣдованій частныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ назовемъ: „Очеркъ греческихъ древностей“ В. В. Латышева, „Бѣлорусскій сборникъ“ Е. Романова, „Витебскую Старину“ Сапунова, „Географическій словарь древней Жимотейской земли“ И. Спрогиса, „Исторію государства литовскаго“ Брянцева и мн. др. Конечно, такое количество изданій округа могло быть предпринято только при глубокомъ интересѣ къ нимъ со стороны главнаго его начальника. А объ этомъ интересѣ лучше всего свидѣтельствуетъ личная библіотека покойнаго, въ которой, при 4.000 томовъ, имѣются разнообразнѣйшія сочиненія, изъ 23 различныхъ отдѣловъ.

Наконецъ, будучи членомъ благотворительнаго общества „Доброхотной Копѣйки“ и даже директоромъ одного изъ его отдѣленій, Н. А. Сергіевскій успѣлъ устроить при немъ нѣсколько двухклас-

сныхъ приходскихъ училищъ, озаботился улучшеніемъ состоянія нѣкоторыхъ его благотворительныхъ учрежденій и основалъ въ 1876 г. сиротское отдѣленіе для помѣщенія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что въ 1891 г. покойный участвовалъ въ пересмотрѣ учебныхъ плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, за что и удостоился Высочайшаго благоволенія; что въ 1895 г. онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, и что въ іюнѣ 1899 г., уволенный отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа, опредѣленъ присутствующимъ въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, гдѣ нѣкоторое время исправлялъ обязанности первоприсутствующаго.

Какъ человѣкъ, Н. А. Сергіевскій пользовался большою любовью и уваженіемъ за свою доступность, готовность помочь всѣмъ прибѣгающимъ къ нему и рѣдкую справедливость.

В. Р—въ.

С. И. КОРЖИНСКІЙ.

(некрологъ)[1]).

18-го ноября скончался, послѣ мучительной болѣзни, одинъ изъ молодыхъ и талантливыхъ ученыхъ, экстраординарный академикъ *Сергѣй Ивановичъ Коржинскій*. Со свойственной ему неустанной энергіей онъ и во время послѣдней болѣзни, незадолго до смерти, несмотря на запретъ докторовъ, продолжалъ работать, на сколько позволяли ему уже очень ослабленныя болѣзнью силы, стараясь привести къ концу начатыя работы. Нѣкоторыя изъ нихъ ему удалось закончить въ Крыму.

Кончина постигла Сергѣя Ивановича на 39-мъ году его жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и разгарѣ его кипучей ученой дѣятельности. Родился онъ въ Астрахани, 26-го августа 1861 года, прошелъ курсъ мѣстной классической гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Казанскій университетъ, на физико-математическій факультетъ, гдѣ въ 1885 г. удостоенъ былъ степени кандидата и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. По защищеніи магистерской диссертаціи „Матеріалы для географіи, морфологіи и біологіи Aldrovandia vesiculosa“ въ 1887 г., зачисленъ въ приватъ-доценты Казанскаго университета, и по порученію факультета читалъ лекціи по систематикѣ и морфологіи растеній. Въ 1888 году, по защищеніи диссертаціи: „Сѣверная граница черноземно-степной полосы Европейской Россіи“, утвержденъ въ степени доктора ботаники и опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Томскій университетъ. Въ 1892 г. перемѣщенъ въ Петербургъ главнымъ ботаникомъ въ Императорскій ботаническій садъ, 9-го января 1893 г. выбранъ въ адъюнкты по части ботаники въ Императорской

[1]) Читанъ въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 2-го декабря 1900 г.

Академіи Наукъ, а 7-го декабря 1897 г. — въ экстраординарные академики.

Вообще говоря, изложеніе въ общедоступной формѣ научныхъ трудовъ по какой-либо спеціальности, каковы, напримѣръ, систематика и морфологія растеній, представляется въ большинствѣ случаевъ крайне труднымъ и нерѣдко совершенно невыполнимымъ. Для правильной оцѣнки и яснаго пониманія сдѣланнаго спеціалистомъ вклада въ науку требуется болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ настоящимъ состояніемъ науки. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ принадлежитъ и настоящій, задача представляется удобно разрѣшимой, именно въ тѣхъ, когда на работахъ спеціалиста лежитъ печать ума широкаго и отзывчиваго на вопросы, занимающіе не только знатоковъ его спеціальности, но и образованныхъ людей вообще, интересующихся прогрессомъ человѣческаго знанія. Многіе изъ подобныхъ вопросовъ волновали Сергѣя Ивановича и отразились въ его ученыхъ трудахъ.

Научными ботаническими изысканіями Сергѣй Ивановичъ началъ заниматься еще на школьной скамьѣ и въ бытность свою еще въ Астраханской гимназіи собралъ значительный гербарій Астраханской флоры. Гербарій этотъ и послужилъ матеріаломъ къ первому научному труду, озаглавленному: „Очеркъ флоры окрестностей города Астрахани", появившемуся въ печати, когда Сергѣй Ивановичъ находился только на 2-мъ курсѣ физико-математическаго факультета Казанскаго университета. Въ бытность его въ университетѣ появились въ печати еще четыре другія его работы, въ которыхъ молодой студентъ уже выступаетъ въ роли самостоятельнаго изслѣдователя.

Не вдаваясь въ характеристику всѣхъ работъ Сергѣя Ивановича, я остановлюсь лишь на крупнѣйшихъ его произведеніяхъ. Къ таковымъ относится обширное сочиненіе, озаглавленное „Сѣверная граница черноземной степной полосы Европейской Россіи", первая часть котораго была представлена имъ въ 1888 г., какъ диссертація на степень доктора ботаники.

Вопросъ о границѣ черноземной полосы и лѣсной области, покрывающей всю къ сѣверу отъ этой полосы лежащую часть Европейской Россіи, представляетъ большой интересъ въ ботаническомъ отношеніи.

Вышеназванное изслѣдованіе тѣсно связано съ характернымъ измѣненіемъ въ направленіи работъ по систематикѣ растеній. Между тѣмъ какъ прежде главною цѣлью флористическихъ разысканій были

поиски за новыми формами, и степень удачи экскурсіи опредѣлялась почти исключительно количествомъ новыхъ видовъ и родовъ, въ настоящее время преслѣдуются совершенно иные вопросы: изученіе характера растительнаго покрова страны и зависимость его отъ внѣшнихъ условій; поэтому наиболѣе интересными представляются изслѣдователю часто встрѣчающіяся формы и группировка ихъ въ такъ называемыя *формаціи*, т. е. въ устойчивыя формы общежитія растеній.

Съ этой точки зрѣнія сѣверная граница черноземной полосы Европейской Россіи представляется главнымъ образомъ результатомъ борьбы формацій степныхъ съ граничащими къ нимъ съ сѣвера — лѣсными, и Сергѣй Ивановичъ выставляетъ главнымъ тезисомъ своей работы, что по всей сѣверной границѣ черноземной полосы неустанно ведется вѣковая борьба между растительностью степною и болѣе мощными, болѣе совершенными лѣсными формаціями, что лѣсъ постепенно надвигается на степь; поэтому современное распредѣленіе лѣса и степи не представляетъ чего-нибудь стаціонарнаго, но лишь— временное состояніе, одну изъ стадій процесса облѣсенія.

Второй капитальный трудъ академика Коржинскаго составляетъ флора востока Россіи, обнимающая губерніи: Казанскую, Симбирскую, сѣверную часть Саратовской, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую и Вятскую. Богатымъ матеріаломъ для него послужили, кромѣ литературныхъ источниковъ, самостоятельныя разслѣдованія автора. Первая часть этого труда отпечатана въ Томскѣ въ 1892 г.; она содержитъ введеніе и описаніе географическаго распредѣленія 124 видовъ (сем. Ranunculaceæ — Cruciferae). По пріѣздѣ въ Петербургъ, ознакомившись съ сокровищами ботаническаго музея Академіи Наукъ и Ботаническаго сада и располагая всѣми пособіями, необходимыми для выполненія своей завѣтной мечты: изданія флоры всей Россіи, Коржинскій рѣшился измѣнить планъ разработки этой обширной задачи и предпочелъ начать его съ изданія, для мало изслѣдованнаго въ ботаническомъ отношеніи востока Европейской Россіи, перечня всѣхъ цвѣтковыхъ и сосудистыхъ споровыхъ растеній этой области съ подробнымъ указаніемъ ихъ мѣстонахожденій. Трудъ этотъ, законченный въ 1898 г., составляетъ большой томъ in quarto въ 566 страницъ, написанный по латыни; онъ помѣщенъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и озаглавленъ Tentamen Floræ Rossiæ Orientalis.

Не нужно быть спеціалистомъ систематикомъ, чтобы понять, что изданіе подобныхъ разслѣдованій предполагаетъ въ авторѣ, кромѣ тонкаго, наблюдательнаго и пытливаго ума, необыкновенную и не-

устанную энергію. Но помимо этихъ качествъ, необходимыхъ для всякаго естествоиспытателя, особенно въ нашъ вѣкъ, который можетъ быть характеризованъ какъ вѣкъ накопленія научныхъ фактическихъ данныхъ, Сергѣю Ивановичу было присуще стремленіе къ вопросамъ болѣе общаго характера. Разрѣшенія ихъ онъ. въ качествѣ естествоиспытателя, домогался не помощью однихъ только умозрительныхъ. теоретическихъ соображеній, но главнымъ образомъ при посредствѣ иного чѣмъ прежде освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ, а равно и открытія новыхъ.

Къ таковымъ относятся двѣ его статьи, озаглавленныя „Гетерогенезисъ и эволюція", изданныя имъ въ 1899 г. Подъ именемъ гетерогенезиса Сергѣй Ивановичъ подразумѣваетъ появленіе. среди однороднаго потомства отъ нормальныхъ родителей, отдѣльныхъ экземпляровъ, рѣзко отличающихся отъ всѣхъ остальныхъ, при чемъ, выростая, эти экземпляры передаютъ всѣ свои особенности по наслѣдству, давая такимъ образомъ начало особой расѣ.

По заглавію видно, что эта работа академика Коржинскаго посвящена разслѣдованію вопроса о возникновеніи новыхъ расъ, преимущественно въ царствѣ растительномъ. По господствующему въ настоящее время дарвинистическому воззрѣнію новыя расы различаются едва замѣтными уклоненіями отъ типической формы; уклоненія эти подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и подбора развиваются дальше только въ томъ случаѣ, если ими достигается бо́льшая чѣмъ прежде приспособляемость растенія къ окружающей средѣ. Въ зависимости отъ степени приспособленности совершается по Дарвину все развитіе формъ организмовъ какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ. Чѣмъ ожесточеннѣе борьба между живыми существами, тѣмъ сильнѣе отборъ и грандіознѣе по Дарвину достигаемые при эволюціи результаты.

По мнѣнію академика Коржинскаго, расы образуются совершенно инымъ путемъ, чѣмъ учитъ Дарвинъ. Въ виду того, что въ основѣ теоріи Дарвина лежатъ опытныя данныя надъ возникновеніемъ расъ домашнихъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растеній, академикъ Коржинскій поставилъ себѣ задачею показать, что появленія новыхъ расъ. наблюдаемыя садоводами, происходятъ не тѣмъ путемъ, какъ полагаетъ Дарвинъ.

На основаніи богатаго фактическаго матеріала, заимствованнаго изъ записей въ журналахъ, относящихся до садоводства, Коржинскій приходитъ къ заключенію, что за исключеніемъ новыхъ расъ, полу-

чаемыхъ при посредствѣ гибридизаціи, т. е. скрещиванія, всѣ остальныя разновидности садовыхъ растеній происходятъ путемъ гетерогенезиса, и полученіе ихъ не зависитъ отъ человѣка; все, что послѣдній можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи, состоитъ въ увеличеніи по возможности количества сѣянцевъ, такъ какъ съ увеличеніемъ ихъ числа возрастаетъ и вѣроятность появленія гетерогенныхъ отклоненій.

Особенно интересно, что многія изъ гетерогенныхъ измѣненій передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе не только отводками и прививками, но и при посредствѣ сѣмянъ.

Появленіе этихъ расъ, въ противоположность ученію Дарвина, вызывается не борьбою за существованіе, а напротивъ того обильнымъ питаніемъ и наиболѣе благопріятными для развитія растеній условіями; измѣненія гетерогенныя не представляютъ приспособленія къ окружающей средѣ, а поэтому могутъ быть въ иныхъ случаяхъ полезными растенію, а въ другихъ и не находиться въ соотвѣтствіи съ окружающей средой.

Не имѣя возможности войти въ критическую оцѣнку выводовъ Сергѣя Ивановича, не можемъ не признать, что этотъ трудъ, едва начатый и допускающій поэтому много вѣскихъ возраженій, представляетъ значительный вкладъ въ науку, и остается только пожалѣть, что академику Коржинскому не удалось довести до конца второй, наиболѣе интересной части этой работы.

Въ заключеніе прибавлю, что, не смотря на болѣзнь, Сергѣй Ивановичъ довелъ до конца въ Крыму слѣдующія работы: 1) ампелографію винограда, написанную имъ по порученію департамента удѣловъ; 2) по вопросу о родинѣ персика; 3) замѣтку о родоначальной формѣ миндаля и близкихъ родовъ и 4) опыты надъ опыленіемъ винограда.

Сергѣй Ивановичъ стяжалъ себѣ также почетное имя какъ путешественникъ и превосходный и неутомимый собиратель ботаническихъ коллекцій. Изъ путешествій его я упомяну лишь о главнѣйшихъ: въ Семипалатинскую и Семирѣченскую области (1889), на Амуръ (1891), въ Туркестанъ (1896 и 1897 г.).

Въ послѣднее время онъ приступилъ къ изданію гербарія русской флоры, сперва при содѣйствіи ботаническаго отдѣленія Императорскаго С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, а затѣмъ отъ ботаническаго музея Академіи Наукъ. Имъ издано уже нѣсколько выпусковъ, заключающихъ до 600 формъ растеній; къ гербарію прилагаются прибавленія: „списки растеній гербарія русской флоры“,

которыхъ вышло уже два выпуска, съ текстами русскимъ и латинскимъ. Можно надѣяться, что съ кончиною Сергѣя Ивановича изданіе этого гербарія не прекратится и будетъ продолжено, по намѣченному имъ плану.

Обозрѣвая все вышесказанное о научной дѣятельности Сергѣя Ивановича, нельзя не согласиться, что она носитъ отпечатокъ мощнаго, богатаго крупными замыслами и разносторонняго ума. Академія въ лицѣ его потеряла одного изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей, которому, судя по блестящему дебюту на научномъ поприщѣ, предстояло, по всему вѣроятію, играть видную роль въ развитіи естествознанія. Однимъ крупнымъ борцомъ въ поискахъ за истиной стало меньше.

А. Фаминцынъ.

ПОПРАВКА.

Авторъ статьи „Проповѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи“ проситъ внести поправку на стр. 110: вм. „Епифаній Кипрскій“ слѣдуетъ читать „Епифаній *Мнихъ*“.

МОГИЛА РОМУЛА [1]).

Кромѣ вопроса о значеніи надписи, возникъ другой вопросъ, вызвавшій не менѣе оживленныя пренія. Это вопросъ о названіи открытой группы памятниковъ. Вся группа, какъ извѣстно, дѣлится на двѣ части, открытыя не одновременно. Сначала въ январѣ 1899 г. случайно была раскопана площадка, вымощенная черным мраморомъ и лежавшая на уровнѣ мостовой форума императорскаго періода. Директоръ раскопокъ Бони и проф. Вальери, кажется, первые высказали мысль, что къ этой черной площадкѣ должно отнести слова Феста, дополненныя Детлефсеномъ: Niger lapis in comitio locum funestum significat, ut ali Romuli morti destinatum, sed non usu ob[venisse ut ibi sepeliretur, sed Fau]stulum nutri[cium eius, ut ali dicunt, Host]ilium avum Tu[lli Hostili Romanorum regis], cuius familia e [Medullia Romam venit post destruc]tionem eius. Итакъ, по сообщенію Феста, или скорѣе Веррія Флакка, „черный камень" на комиціѣ обозначалъ мѣсто, назначенное для убіенія и погребенія Ромула. На самомъ дѣлѣ вмѣсто Ромула, по однимъ извѣстіямъ, тутъ убили и похоронили его воспитателя Фавстула, по другимъ—Госта Гостилія, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Ромула. Съ Фестомъ отчасти согласно свидѣтельство Діонисія Аликарнасскаго, которому также было извѣстно показаніе какого-то писателя, что на комиціѣ былъ убитъ и въ томъ же мѣстѣ похороненъ Фавстулъ. Діонисій ничего о черномъ камнѣ не говоритъ, зато сообщаетъ, что могила Фавстула находилась близь ростръ, а на могилѣ лежалъ (ἔκειτο) левъ. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій разсказываетъ, что Гостъ Гостилій также удс-

[1]) *Окончаніе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

стоился погребенія „въ самомъ лучшемъ мѣстѣ“ форума (какъ и Фавстулъ), πρὸς τῶν βασιλέων, а на могилѣ его была поставлена стела съ его евлогіемъ [1]). Царская могила (τὰ βασιλέων), на которую у Діонисія только намекается, яснѣе указана у Горація (Epod. 16, 13 сл.), который предвѣщаетъ, что варваръ-пареянинъ нѣкогда проникнетъ въ Римъ и

quaeque carent ventis et solibus *ossa Quirini*,
nefas videre, dissipabit insolens.

Къ этимъ стихамъ относятся важныя показанія схоліастовъ:

Porphyr. Hoc sic dicitur quasi Romulus sepultus sit, non ad caelum raptus aut discerptus. Nam *Varro* post rostra fuisse sepultum Romulum dicit.

Schol. Cruq. Nam et *Varro* pro rostris sepulcrum Romuli dixit, ubi etiam in huius diei memoriam *duos leones* erectos fuisse constat, unde factum est ut pro rostris mortui laudarentur; сл. схоліаста Cod. Paris. 7975 plerumque aiunt in rostris Romulum sepultum fuisse et in memoriam huius rei leones duos ibi fuisse, sicut hodieque in sepulcris videmus atque inde esse, ut pro rostris mortui laudarentur.

Изъ разсмотрѣнія сообщеній Феста, Діонисія и комментаторовъ Горація выясняется, что всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же locus funebris. Мѣсто это находилось у ростръ, конечно доцезаревыхъ, еще на комиціѣ, слѣдовательно *pro* rostris, *передъ* рострами, если считать со стороны куріи и комиція, а *post* rostra со стороны форума [3]). Мѣсто это было украшено „черпымъ камнемъ“, а потому a parte potiori называлось Niger lapis. Кромѣ того на немъ находились два каменные льва, которые считались надгробными эмблемами, такъ какъ по греческому обычаю левъ на могилѣ ставился въ качествѣ охранителя ея покоя [3]). Изъ подражанія греческому обычаю объясняется и другая надгробная эмблема, niger lapis. Очевидно, онъ соотвѣтствовалъ той μέλαινα πέτρα, которая у грековъ служила зна-

---

[1]) Діон. 1, 87: τινὲς δὲ καὶ τὸν Λέοντα, ὃς ἔκειτο τῆς ἀγορᾶς τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐν τῷ κρατίστῳ χωρίῳ παρὰ τοῖς ἐμβόλοις, ἐπὶ τῷ σώματι τοῦ Φαιστύλου τεθῆναί φασιν, ἔνθα ἔπεσεν ὑπὸ τῶν εὑρόντων ταφέντος. О Туллѣ Гостиліѣ 3, 1: θάπτεται πρὸς τῶν βασιλέων ἐν τῷ κρατίστῳ τῆς ἀγορᾶς τόπῳ στήλης ἐπιγραφῇ τὴν ἀρετὴν μαρτυρούσῃ ἀξιωθείς.

[2]) *In* rostris у парижскаго схоліаста, очевидно, простая неточность.

[3]) Perrot et Chipiez Histoire de l'art VI, 824 слл. Извѣстны левъ на могилѣ Леонида и другой на могилѣ павшихъ въ битвѣ при Херонеѣ.

комъ (σημεῖον) могилы [1]). Очень важны еще фактическія показанія схоліастовъ, что на украшенномъ надгробными эмблемами мѣстѣ передъ ространн произносились похвальныя рѣчи надъ покойниками. Выраженіе pro rostris laudat или laudatur очень часто употребляется у римскихъ писателей [2]). Покойниковъ приносили къ рострамъ и выставляли передъ трибуною, затѣмъ ораторъ вступалъ на самыя ростры и съ нихъ уже произносилъ свое слово [3]). Нетрудно отгадать, что мѣсто передъ рострами, къ которымъ относятся цитаты схоліастовъ изъ Варрона, именно служило для того, чтобы на немъ во время произнесенія надгробныхъ рѣчей ставить покойниковъ. Согласно этому своему назначенію locus funebris и былъ украшенъ эмблемами могилы.

Къ locus funebris pro rostris была пріурочена легенда, которая до насъ дошла въ двухъ редакціяхъ. Первая изъ нихъ, по словамъ схоліастовъ, принадлежитъ Варрону, а авторитету знаменитаго археолога, должно быть, довѣрился между прочимъ и Горацій. Варронъ былъ увѣренъ, что подъ черною плитою и двумя львами, или однимъ изъ двухъ, покоился прахъ Ромула. Этотъ изводъ легенды былъ извѣстенъ также Діонисію Аликарнасскому, какъ можно заключить изъ его словъ, что Гостъ Гостилій былъ похороненъ πρὸς τῶν βασιλέων. Нельзя сомнѣваться въ существованіи, согласно словамъ Діонисія, въ сосѣдствѣ съ рострами и „могилою" Ромула, стелы, упоминавшей о заслугахъ Гостилія. Стела эта, можетъ быть, была воздвигнута въ память Гостилія во вниманіе къ царю Гостилію, которому въ анналахъ приписывалась постройка близлежащей Curia Hostilia [4]). Такъ какъ

---

[1]) Сравни слова Феста niger lapis in comitio locum funestum *significat*. Гамуррини (La tomba di Romolo p. 25) приводитъ стихи Еврипида (Hec. 1009): σημεῖον δὲ τί; Μέλαινα πέτρα γῆς ὑπερτέλλουσ' ἄνω.

[2]) Примѣры собраны Граффомъ De Romanorum laudationibus commentatio, Dorpati 1862, стр. 49.

[3]) Полибій 6, 51 κομίζεται—πρὸς τοὺς καλουμένους ἐμβόλους εἰς τὴν ἀγορὰν — — ἀναβὰς ἐπὶ τοὺς ἐμβόλους — λέγει.

[4]) Плебейскій родъ Гостиліевъ, начавшій играть политическую роль въ республикѣ приблизительно съ 200 г. до Р. Хр., стремился соединить свое происхожденіе съ царемъ Тулломъ Гостиліемъ. Самымъ ярымъ послѣдователемъ этихъ семейныхъ притязаній является избранный въ 43 г. въ народные трибуны Туллъ Гостилій, который велѣлъ вырѣзать свое имя на воротахъ новой куріи (Циц. Phil. 13, 12, 26). Очень возможно, что еще ранѣе въ теченіе послѣдняго или предпослѣдняго вѣка одинъ изъ Гостиліевъ, воспользовавшись своимъ политическимъ положеніемъ, для прославленія своего рода позаботился о воздвиженіи около куріи Гостиліевъ пресловутой стелы съ евлогіемъ перваго родоначальника.

царь этотъ, по установленному разсказу анналъ, былъ убитъ молніею, а слѣдовательно, по закону Нумы, не могъ быть удостоенъ законнаго погребенія, то „могила“, лежавшая противъ куріи, была пріурочена къ другому легендарному Гостилію, современнику Ромула. Вслѣдствіе того появился разсказъ, что Гостъ Гостилій былъ убитъ на форумѣ въ сраженіи съ сабинянами и на томъ же мѣстѣ былъ похороненъ. Мы даже считаемъ возможнымъ, что сперва единственнымъ обитателемъ могилы pro rostris признавался Гостъ Гостилій потому, что только ему, а не Ромулу была воздвигнута надгробная стела. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по древнѣйшему разсказу анналъ, Ромулъ никогда и нигдѣ не былъ похороненъ, а живымъ вознесенъ на небо и обоготворенъ подъ названіемъ Квирина [1]). Разсказы о смерти Ромула безусловно болѣе поздняго происхожденія; это произведеніе раціонализма позднѣйшихъ анналистовъ или конца второго или начала перваго столѣтія до Р. Хр. Изъ двухъ варіантовъ одинъ, убіеніе Ромула сенаторами, явно носитъ на себѣ отпечатокъ эпохи Гракховъ, а другой, избіеніе недовольными гражданами и союзниками, вѣка Суллы [2]).

Только вслѣдъ за установленіемъ позднѣйшаго разсказа объ убіеніи Ромула могъ явиться вопросъ о его могилѣ. Такъ какъ ученые комментаторы Горація исключительно ссылаются на авторитетъ Варрона, мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что усвоеніе мнимой могилы передъ рострами именно Ромулу одинъ изъ результатовъ ученыхъ занятій самого Варрона.

Всякій, кто немного знакомъ съ духомъ того громаднаго числа

---

[1]) Это сказаніе, несомнѣнно, принадлежало къ числу древнѣйшихъ элементовъ анналистической легенды о Ромулѣ. Въ пользу его древности говоритъ не только то, что исключительно этотъ разсказъ передавалъ древнѣйшій для насъ свидѣтель, Энній (frgm. 72—74 V.), но и немыслимо безъ этого сказанія приписываемое близнецамъ уже въ древнѣйшихъ анналахъ божественное происхожденіе отъ Марса. Оно основано на отожествленіи Ромула съ Квириномъ, котораго, вѣроятно, также считали сыномъ Марса. Съ Квириномъ слился Ромулъ потому, что эпитетъ quirinus=cursor отъ qer: cur бѣгать (см. Фиккъ V. W. 1, 384; equirria=equiquirria), сл. наше изслѣдованіе „Легенда о римскихъ царяхъ“ стр. 40. Эпитетъ Quirinus относился къ Ромулу, какъ основателю древнѣйшихъ ристалищъ. Какъ эпитетъ бога войны, Quirinus составлялъ противоположность къ Gradivus, соотвѣтственно двумъ древнѣйшимъ способамъ сраженія съ колесницъ и пѣшкомъ (Рошеръ Лекс. 2, 2423).

[2]) Самый поздній варіантъ представляетъ собою разсказъ, что Ромула убили въ Вульканалѣ (Плут. Ром. 27). Это поправка внимательнаго ученаго (Варрона), вспомнившаго, что куріи Гостилія въ то время еще не было.

этіологическихъ росказней, которыми испещрены всѣ страницы римскаго преданія объ отечественной старинѣ, согласится съ нами, что могила Ромула принадлежитъ къ области этіологическаго вымысла. Фактическая подкладка его такая: передъ рострами было отведено мѣсто для выставленія покойниковъ во время произнесенія на нихъ съ трибуны похоронныхъ рѣчей. Это мѣсто было украшено символическими эмблемами могилы, черною надгробною плитою и парою львовъ. Когда возникъ любопытный вопросъ о происхожденіи этихъ памятниковъ, сходствомъ ихъ съ настоящею могилою была вызвана мысль о погребеніи въ этомъ мѣстѣ выдающагося своими заслугами человѣка, такъ какъ погребеніе въ столь видномъ мѣстѣ очевидно указывало на особенно высокое къ нему почтеніе. Ученая теорія, какъ мы говорили, сперва остановилась на Гостѣ Гостиліѣ, одноименникѣ, такъ сказать, сосѣдней куріи. Эта теорія на практикѣ нашла себѣ выраженіе въ томъ, что воздвигнута была у мнимой могилы надгробная стела съ евлогіемъ Гостилія. Такое рѣшеніе ученаго вопроса, однако, не удовлетворило Варрона. Очень можетъ быть, что онъ затруднялся объяснить существованіе надъ могилою двухъ каменныхъ львовъ, между тѣмъ какъ принято было, особенно для одного покойника, довольствоваться однимъ. Могила, очевидно, скрывала въ себѣ еще одного мертвеца, современника Госта Гостилія. Догадка Варрона остановилась на Ромулѣ, вѣроятно, потому, что такимъ образомъ, былъ пополненъ чувствительный пробѣлъ въ археологіи. Показывали въ то время въ разныхъ мѣстахъ Рима могилы царей: Рема, Тита Тація, Нумы Помпилія. Не оставаться же было первому царю безъ могилы, разъ наука уже признала его смерть. Такъ или иначе сложился разсказъ Варрона, которому слѣдуетъ Діонисій (3, 1), что Госту Гостилію была оказана особенная честь—покоиться въ могилѣ рядомъ съ царемъ Ромуломъ.

У Феста и Діонисія (1, 87) до насъ дошла другая редакція ученаго харакера комбинаціи о могилѣ предъ рострами. Эта редакція сводится къ отрицанію того факта, что въ могилѣ былъ похороненъ Ромулъ. Его будто бы хотѣли убить въ этомъ мѣстѣ во время междуусобной борьбы между Ромуломъ и Ремомъ и ихъ приверженцами. Но злой умыслъ не удался; вмѣсто Ромула, спасшагося, былъ убитъ его пріемный отецъ, Фавстулъ, и погребенъ, гдѣ потомъ его и нашли, на мѣстѣ чернаго камня предъ рострами. Въ его честь на могилѣ поставили одного льва; кому предназначался другой, изъ короткаго сообщенія Діонисія не видно. Можетъ быть, его поставили въ честь

Госта Гостилія. Весь разсказъ этой второй редакціи явно представляетъ собою поправку къ Варрону, что не удивительно, потому что Веррій Флаккъ, общій источникъ Феста и Діонисія, вообще былъ соревнователемъ и противникомъ Варрона, полемика противъ котораго проглядываетъ во многихъ мѣстахъ сочиненія Феста. Не менѣе ясна тенденція поправки. Веррій Флаккъ, какъ близкій человѣкъ къ Августу, исполнялъ роль, такъ сказать, придворнаго антикварія. Извѣстно, что Юлій Цезарь при Августѣ былъ обоготворенъ по примѣру Ромула. Раціоналистическій разсказъ объ убіеніи Ромула также, какъ и усвоеніе ему могилы предъ рострами, для офиціальнаго міра должны были быть крайне неудобными. Поэтому сказаніе о вознесеніи Ромула на небо было возстановлено въ исторіографіи и украшено новыми подробностями, напримѣръ, введеніемъ въ разсказъ сенатора Прокула Юлія, предка Юлія Цезаря [1]). Офиціальная археологія, вѣроятно, стремилась устранить изъ науки могилу Ромула, замѣнивъ ее могилою Фавстула. Наконецъ, и послѣдняя исчезла вмѣстѣ со львами и черною плитою. Діонисій Аликарнасскій, пріѣхавшій въ Римъ въ 31 году до Р. Х., словами: τὸν λέοντα τὸν λίθινον, ὃς ἔκειτο τῆς ἀγορᾶς и т. д., кажется, указываетъ на происшедшее уже исчезновеніе памятника. Если „ossa Quirini“ Горація относятся еще къ Варроновой „могилѣ Ромула“, а сомнѣваться въ этомъ трудно, то „могила“ существовала еще въ 43 г., когда, по всей вѣроятности, написанъ шестнадцатый эподъ. Могила, въ такомъ случаѣ, пережила перемѣщеніе ростръ, состоявшееся въ послѣдній годъ царствованія Цезаря, а потомъ, въ началѣ царствованія Августа, когда достраивалась начатая Цезаремъ новая курія, могила исчезла, кажется, безъ слѣда. По крайней мѣрѣ, нѣтъ болѣе рѣчи о могилѣ Ромула на комиціѣ или форумѣ ни у Плинія, ни у другихъ писателей, нерѣдко упоминающихъ о славныхъ памятникахъ временъ основанія Рима [2]). Такъ какъ и впослѣдствіи, во времена императоровъ, продолжали по покойникамъ произносить похвальныя рѣчи pro rostris, очень возможно, что и около новыхъ ростръ былъ устроенъ для этого locus funebris. Но

---

[1]) Сл. *Швеглера*, R. G., 1, 537.

[2]) Послѣдній свидѣтель, Веррій Флаккъ, о могилѣ могъ говорить, какъ о памятникѣ уже не существовавшемъ, но, вѣроятно, многимъ еще по памяти извѣстномъ. Впрочемъ, и самъ Варронъ, можетъ быть, упомянулъ о могилѣ, какъ уже о не существующей, если подчеркнуть выраженіе sepultum *fuisse* у схоліаста.

едва ли Августъ позволилъ придать ему, по прежнему, видъ могилы, компрометирующій славу божественнаго основателя Рима.

Когда въ январѣ 1899 года случайно была открыта небольшая площадка, вымощенная чернымъ мраморомъ, тотчасъ вспомнили о niger lapis Феста. Первые, рѣшившіеся прямо отожествлять площадку съ могилою Ромула, кажется, были тѣ, кому посчастливилось открыть ее, архитекторъ Бони и проф. Вальери, извѣстный директоръ національнаго музея въ термахъ Діоклеціана [1]). Вѣсть о находкѣ могилы по телеграфу скоро передана была всему образованному міру, и увѣренность въ тожествѣ найденнаго памятника съ могилою Ромула вполнѣ окрѣпла. Правда, въ самое первое время послѣ открытія раздавались голоса несогласныхъ. Предлагались разныя другія объясненія и названія, какъ то: трибуналъ, путеалъ, lacus Curtius, смоковница Румины. Но они такъ же скоро были оставлены, потому что въ пользу ихъ нельзя было привести ровно никакихъ доказательствъ, такъ что полная неосновательность ихъ бросалась въ глаза каждому. Въ пользу же niger lapis всетаки можно было сослаться, во первыхъ, на то, что дѣйствительно площадка состоитъ изъ „черной породы камня“ или „чернаго мрамора“; эти переводы если и не совсѣмъ подходятъ къ niger lapis у могилы Ромула, всетаки допускаются духомъ латинскаго языка. Затѣмъ, мѣсто находки, если и не принадлежало къ комицію, положеніе котораго до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, но всетаки находилось недалеко отъ начала комиція.

Первый серьезный противникъ явился въ лицѣ Гюльзена [2]). Отожествленіе черной площадки съ niger lapis или могилою Ромула онъ отрицалъ на основаніи цѣлаго ряда доводовъ. Граница между форумомъ и комиціемъ, а вмѣстѣ съ нею положеніе старыхъ ростръ, хотя въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ они находились къ сѣверу отъ арки Септимія Севера. Далѣе, найденная площадка не соотвѣтствуетъ описанію могилы Ромула у древнихъ авторовъ. Niger lapis на могилѣ не цѣлая мостовая, а одна черная плита. Отъ каменныхъ львовъ не найдено ни малѣйшаго слѣда. Мостовая сдѣлана до того небрежно, что она рѣшительно производитъ впечатлѣніе работы позднѣйшаго періода упадка. Оріентація ея, наконецъ, соотвѣтствуетъ со-

[1]) См. *Де-Санктиса*, въ Rivista di filologia, 1900, стр. 410.

[2]) Archäologischer Anzeiger (Beiblatt zum Jahrbuch des Archäol. Instituts, 1899, № 1, стр. 1 сл.

оруженіямъ періода послѣднихъ императоровъ. Доводы Гюльзена въ общемъ трудно поддаются опроверженію, хотя чисто отрицательный результатъ его не давалъ полнаго удовлетворенія. Поэтому, энергичный директоръ раскопокъ, не долго думая, рѣшилъ дать самый убѣдительный отвѣтъ Гюльзену. А именно, желая выяснить до основанія тайну черной мостовой, онъ приступилъ къ раскопкѣ слоевъ, лежавшихъ подъ площадкою. Какъ извѣстно, въ маѣ 1899 года раскопки привели къ неожиданному открытію цѣлой новой группы памятниковъ, изъ которыхъ наиболѣе обращали на себя вниманіе стела съ надписью, конусъ и два плинтуса, наконецъ, тѣ многочисленные остатки жертвоприношеній, которые свидѣтельствуютъ о священномъ характерѣ мѣста. Вторыя раскопки были произведены съ цѣлью доставить дополнительныя свѣдѣнія для окончательнаго выясненія значенія черной мостовой. Новое открытіе, такимъ образомъ, являлось только продолженіемъ перваго. Неудивительно, что названіе могилы Ромула, которое уже болѣе или менѣе твердо установилось по отношенію къ черной площадкѣ, какъ бы само собою было перенесено на найденную подъ площадкою группу памятниковъ. И верхніе, и нижніе памятники сами собою слились въ одно цѣлое. Весьма архаическій характеръ сооруженій, въ особенности надписи, ясно читаемое въ ней слово *regei* [1]), наконецъ, высокая древность нѣкоторыхъ ex-voto

---

[1]) Нѣкоторые ученые не признаютъ въ regei надписи царя жертвеннаго. Въ числѣ ихъ находится профессоръ В. И. Модестовъ. На стр. 42 оттиска статьи „Памятники царскаго періода", любезно присланнаго мнѣ изъ Рима, почтенный профессоръ ссылается на наблюденіе Моммзена, что жертвенный царь у писателей часто упоминается просто подъ обозначеніемъ rex, но въ надписяхъ никогда. „Если—продолжаетъ г. Модестовъ—болѣе позднія надписи въ этомъ отношеніи строго соблюдаютъ формулу rex sacrorum, или, что то же, sacrum, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ ожидать отъ древнѣйшихъ, да еще въ такомъ важномъ законодательномъ памятникѣ, который стоялъ на комиціѣ, въ виду куріи и народныхъ собраній". Намъ кажется, что къ правилу, открытому Моммзеномъ, надо отнестись cum grano salis. Всѣ три надписи, цитуемыя Моммзеномъ, относятся къ періоду императоровъ. Когда Римомъ снова управляли βασιλεῖς, подданнымъ неловко было называть себя „царями". Къ древнѣйшимъ *эпиграфическимъ* памятникамъ римской республики безусловно слѣдуетъ причислить календарь, ежегодно составляемый понтифексомъ и выставляемый въ торжественномъ мѣстѣ въ регіи. Въ календарѣ, однако, встрѣчается традиціонная формула: Q(uando) R(ex) C(omitiavit) F(as). Простое rex употреблялось еще въ одной старинной обрядовой формулѣ, о которой сообщаетъ Сервій (ad Aen. 10, 228) virgines Vestales certa die ibant ad regem sacrorum et dicebant: Vigilasne, rex? vigila.

сильно дѣйствовали на воображеніе многихъ ученыхъ и поневолѣ побудили ихъ отнести открытые памятники цѣликомъ къ царскому періоду Рима. Названіе могилы Ромула казалось вполнѣ подходящимъ, такъ какъ уже однимъ именемъ царя Ромула была гарантирована принадлежность Варроновой могилы Ромула къ царскому періоду. О необходимости правильнаго критическаго разбора источниковъ, о провѣркѣ достовѣрности ихъ показаній о могилѣ Ромула никто до сихъ поръ не думалъ. Вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ вновь открытые старинные памятники находятся къ могилѣ Ромула, обсуждался безъ должнаго вниманія, такъ какъ имѣлись только довольно смутныя понятія о самой могилѣ. Въ просвѣщенный вѣкъ исторической критики никто конечно не думаетъ, что могила Ромула была настоящею могилою настоящаго историческаго царя. Даже ученые, въ общемъ вполнѣ вѣрующіе въ преданіе о римскихъ царяхъ, въ этомъ случаѣ уклонялись отъ преданія, позволяя себѣ толковать традицію, каждый по личному усмотрѣнію. Но такая же невыясненность оказывается и у другой партіи, невѣрующихъ критиковъ [1]).

---

[1]) Италія всегда была классическою страною партійныхъ междуусобій. Такъ, по вопросу о достовѣрности древнѣйшей римской исторіи образовались двѣ партіи. Одна, партія консервативная и дающая вѣру традиціи, въ психологическомъ отношеніи близко соприкасается съ духомъ римско-католической церкви, воспитывающей своихъ сыновъ въ строгомъ подчиненіи традиціи. Къ этому духу примѣшивается еще элементъ націонализма. Въ критическомъ взглядѣ на древнѣйшую римскую исторію, берущемъ свое начало изъ отечества Нибура, Швеглера и Моммзена, эта партія видитъ нежелательное проявленіе чужестраннаго, протестантскаго духа. Другая партія пишетъ на своемъ знамени принципъ германской критики или, по выраженію первой партіи, „гиперкритики“. Могила Ромула, какъ можно было ожидать, сдѣлалась яблокомъ раздора между двумя научными партіями. Въ разгорѣвшейся по этому поводу войнѣ двумя передовыми поборниками за традиціонизмъ и италіанизмъ выступили ученѣйшій іезуитскій патеръ Кара, въ многочисленныхъ статьяхъ журнала *Civiltà cattolica*, и Чечи. Послѣдній сначала допустилъ нѣкоторое отступничество, признавая въ *rex* надписи не царя, а жреца, rex sacrorum. Впослѣдствіи онъ торжественно заявилъ, что въ *rex* теперь усматриваетъ настоящаго царя (Rendic. Acc. Linc. IX, p. 14), fideliter se subiecit. Отъ имени критической партіи, главою которой состоитъ Пайсъ, ученикъ Моммзена, полемика ведется, главнымъ образомъ, профессорами Тропеа въ Cronaca della discussione (печатаемой въ издаваемой имъ Rivista di storia antica) и Вальери (въ Rassegna archeologica, еженедѣльномъ археологическомъ обозрѣніи въ римской газетѣ Fanfulla della Domenica). До какихъ курьезовъ доходитъ страстность полемики, особенно явствуетъ изъ словъ Тропеа, открыто обвиняющаго своихъ противниковъ не только въ созданіи особой „археологіи патріотической“, но и „archeologia elettorale“, расчитывающей, очевидно, извѣст-

Изъ работъ консервативнаго направленія первое мѣсто занимаетъ статья Гамуррини: La tomba di Romolo (Rend. Acc. Linc., cl. mor. IX, p. 163). Написана она очень изящно и привлекательно, съ блестящею эрудиціею, достойною такого выдающагося знатока археологіи древней Италіи. Главная мысль автора сводится къ предположенію, что открытые подъ форумомъ памятники, вмѣстѣ съ покрывающею ихъ черною мостовою, дѣйствительно та могила Ромула, о которой говоритъ „древнее преданіе". Гамуррини, конечно, не вѣритъ въ преданіе въ буквальномъ смыслѣ. Могила, по его предположенію, не была настоящая, это была священная могила въ родѣ греческихъ ἡρῷα. Въ доказательство вѣрности предположенія авторъ разбираетъ съ большою обстоятельностью найденную stipe votiva, вездѣ показывая, что подобныя приношенія найдены во многихъ мѣстахъ Италіи какъ разъ въ могилахъ, а слѣдовательно принадлежали къ обыкновенному инвентарю культа покойниковъ. Аргументація такого глубокаго знатока, каковымъ является Гамуррини, съ перваго взгляда кажется очень убѣдительной. Но она грѣшитъ своею односторонностью. Гро-

---

нымъ научнымъ направленіемъ влiять на выборы въ парламентъ (Riv. d. st. a. V, стр. 129). Для посторонняго читателя просто непонятно, къ чему эти критики вообще пускаются въ безплодные принципіальные споры. Вмѣсто того, чтобы позировать своимъ критическимъ превосходствомъ, они лучше доказали бы его на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ. Вышедшія до сихъ поръ разсужденія ихъ о могилѣ Ромула никакъ нельзя считать образцами критики. Какъ въ ученомъ приложеніи къ Storia di Roma т. II, такъ и въ двухъ популярныхъ статьяхъ въ Antologia (1899 ноябрь, 1900 январь) Паисъ не пришелъ ни къ какому опредѣленному результату, но предложилъ цѣлый рядъ мѣняющихся какъ въ калейдоскопѣ мнѣній, изъ которыхъ ни одно не основано на критически подготовленной почвѣ. Ромулъ отожествляется то съ Волканомъ, то съ Юпитеромъ „Ruminus", его „могила" съ Вульканаломъ, съ Caprea palus, Lacus Curtius, mundus комиція и т. д. Въ концѣ концовъ Паисъ вздумалъ назвать ее „святилищемъ Марса", потому что найдены въ stipe votiva кости свиней, овецъ и быковъ. Изъ нихъ Паисъ составляетъ suovetaurilia, принятыя въ культѣ Марса. Но Бони говоритъ (N. d. Sc. 1899, 154) и о козлиныхъ костяхъ, а Савиньони (ibid. 1900, 145) о собачьихъ, такъ что уже пришлось бы признать suovecapricanitaurilia. Тропеа также колеблется, то признавая могилу Ромула, то „святилище Марса" Паиса. Въ пользу послѣдняго онъ приводитъ (ук. м., стр. 114) довольно необдуманный аргументъ. Въ надписи Максенція, найденной недалеко отъ черной мостовой, читается Marti invicto et aeternae urbis suae conditoribus, что будто бы свидѣтельствуетъ о существованіи въ этомъ мѣстѣ святилища Марса. Тропеа оставилъ безъ вниманія, что дедикація Максенція не можетъ относиться къ разрушенному и зарытому уже съ полтысячи лѣтъ святилищу, а затѣмъ что Марсъ присоединенъ къ основателямъ города только въ качествѣ ихъ отца.

мадное большинство подобныхъ приношеній дѣйствительно найдено въ могилахъ, потому что только въ нихъ они и могли сохраниться. Иногда, однако, въ храмахъ Италіи находятъ цѣлые клады, состоящіе изъ обѣтныхъ приношеній совершенно однородныхъ какъ съ stipe votiva форума, такъ и съ могильными приношеніями. Достаточно будетъ указать для примѣра только на ex-voto, найденныя въ рощѣ Діаны близъ Ариціи или еще недавно въ римскомъ храмѣ Весты. Если, слѣдовательно, одинаковые предметы принято было приносить и божествамъ, и покойникамъ, тогда аргументація Гамуррини должна потерять свою силу. Еще болѣе шатко другое предположеніе Гамуррини—о существованіи на форумѣ съ древнѣйшихъ царскихъ временъ до поздняго вѣка республики государственнаго культа Ромула. Авторъ (стр. 14 сл.) рисуетъ намъ оживленную картину этого поклоненія манамъ Ромула, которое было устроено, по мнѣнію автора, уже Нумою Помпиліемъ. Въ присутствіи всего римскаго народа Flamen Quirinalis поднимается на area Volcani—ее Гамуррини признаетъ въ quadrato coi gradini, мнимыхъ рострахъ Бони и Компаретти — святою водою окропляетъ жертвенникъ и т. д. Въ болѣе скромномъ видѣ представляетъ себѣ культъ Ромула знаменитый знатокъ топографіи древняго Рима, Ланчани въ одномъ изъ своихъ цѣнныхъ Notes from Rome въ Athenaeum (№ 3803). Онъ говоритъ о народномъ поклоненіи (popular worship) памяти Ромула. Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ онъ, что центръ культа находился въ этомъ мѣстѣ, на границѣ форума и комиція, начиная съ того дня, когда культъ впервые былъ установленъ однимъ изъ царей Рима. Ланчани самъ заявляетъ, что онъ одинъ изъ believers in the authenticity of Roman tradition. Гамуррини также говоритъ прямо о l'antica tradizione, какъ о твердо данной, хотя въ „преданіе" входятъ разнорѣчивыя показанія Варрона, Феста и Діонисія. Въ томъ же духѣ о культѣ Ромула высказывается Тропеа, невѣрующій представитель исторической критики [1]). Принимаемый съ такою вѣрою фактъ никогда не существовалъ. Во всемъ преданіи нашемъ нѣтъ ни одного свидѣтельства о культѣ Ромула. Варронъ, единственный свидѣтель, приписывающій „могилу" передъ рострами Ромулу, ничего, однако, не говорилъ ни о какихъ жертвоприношеніяхъ. Иначе и не мыслимо, чтобы Фесту

---

[1]) Ук. м. стр. 127 tutti gli studiosi riconoscono che, stando a Varrone e ad Orazio, nel Comizio esisteva un luogo in cui le pretese ossa di Romolo erano *ogetto di culto*.

возможно было отрицать существованіе могилы Ромула. Основатель города и римскаго государства не какая-нибудь темная личность, слѣды культа которой могли пропасть въ римскомъ преданіи безъ всякихъ слѣдовъ. О культѣ Ромула, между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ римскихъ календаріяхъ, ни у писателей, разсказывающихъ съ малѣйшими подробностями всю исторію Ромула, не забывая при этомъ ни объ одной изъ священныхъ реликвій героя. Если существовали бы въ царскій или республиканскій періоды какія-нибудь sacra publica или popularia [1]) Ромула, они были бы извѣстнѣйшимъ фактомъ для каждаго римлянина. Изъ полнаго молчанія всей римской литературы и эпиграфическаго преданія съ увѣренностью можно заключить, что подобныхъ sacra не было. Хотя въ древнѣйшихъ анналахъ въ третьемъ столѣтіи была сдѣлана попытка пріурочить Ромула къ богу Квирину, эта теорія, кажется, совсѣмъ не привилась къ старинному культу Квирина. Строго консервативный духъ римскаго жречества, очевидно, отказывался санкціонировать поклоненіе лицу, не признаваемому въ традиціонномъ старомъ расписаніи государственнаго культа.

Вопросомъ, открыты ли на форумѣ могила Ромула или Niger lapis Варрона и Феста, занимался въ трехъ важныхъ статьяхъ Гюльзенъ [2]). Въ первой, написанной тотчасъ по обнародованіи офиціальнаго доклада въ Notizie, онъ только слегка затрогиваетъ вопросъ, считая въ концѣ концовъ возможнымъ, что открыта одна изъ архаическихъ святынь форума, можетъ быть Вульканалъ или sacellum Lunae in graecostasi или какая-то другая, неизвѣстная намъ изъ литературнаго преданія. Во второй статьѣ Гюльзенъ входитъ уже въ подробности вопроса. Рѣшеніе послѣдняго зависитъ отъ того, найдены ли въ одномъ мѣстѣ указываемые Варрономъ и Фестомъ памятники: 1) черный камень, 2) два каменныхъ льва, 3) стела Госта Гостилія.

---

[1]) Sacra popularia составляли, какъ извѣстно, только одну спеціальную часть государственнаго культа (sacra publica). Не знаемъ, къ нимъ ли Ланчани хотѣлъ отнести предполагаемый культъ Ромула, или выражаетъ popular worship народные неофиціальные обряды.

[2]) Neue Funde auf dem Forum Romanum (Berl. Philol. Wochenschr. 1899, 1001 слл.).—Das Grab des Romulus (Das Humanistische Gymnasium 1900, стр. 148 слл.), докладъ читанный въ февралѣ въ собраніи Германскаго археологическаго института. Переводъ этой статьи на итальянскій языкъ появился въ Riv. di storia antica 1900 p. 301—355.—Die neuen Ausgrabungen auf dem Forum Romanum (Archäol. Anz. 1900 стр. 1 слл.).

Наконецъ, мѣсто нахожденія ихъ должно лежать тамъ, гдѣ стояли старыя ростры временъ республики, на границѣ комиція съ форумомъ. Относительно послѣдняго пункта, знаменитый знатокъ топографіи древняго Рима уже не настаиваетъ на прежнемъ своемъ отрицаніи, а прямо допускаетъ возможность, что южная граница комиція находилась на 25 метровъ южнѣе, чѣмъ имъ, Гюльзеномъ, раньше предполагалось. Что касается трехъ первыхъ признаковъ, Гюльзенъ допускаетъ, что есть замѣчательно много точекъ соприкосновенія ихъ съ найденными памятниками, хотя полнаго согласія нѣтъ. На верхнемъ уровнѣ найденъ черный камень, за то нѣтъ львовъ и стелы. Внизу открыты два постамента, подходящіе ко львамъ, и стела, однако не Госта Гостилія; за то нѣтъ Niger lapis. Этотъ камень на могилѣ Ромула имѣлъ видъ черной надгробной плиты. Верхняя черная мостовая, хотя въ своемъ родѣ тоже можетъ считаться lapis niger, съ прежнимъ состоитъ только, такъ сказать, въ дальнемъ родствѣ. Старый lapis niger, принадлежавшій къ могилѣ Ромула временъ Варрона и Горація, исчезъ уже ко временамъ Діонисія Аликарнасскаго. Во всей послѣдующей литературѣ говорится нерѣдко о другихъ памятникахъ Ромула, напримѣръ, смоковницѣ Румины, casa Romuli и пр., о lapis niger или могилѣ Ромула нигдѣ нѣтъ ни слова. Гюльзенъ изъ этого заключаетъ, что новый lapis niger, площадка съ черною мостовою, въ послѣдующее время, начиная съ Августа, не существовалъ, а сооруженъ только во время царствованія одного изъ позднѣйшихъ императоровъ. На періодъ упадка, по мнѣнію Гюльзена, указываетъ необыкновенно небрежная кладка мостовой и неровная отдѣлка камней. Недалеко отъ этого мѣста на форумѣ въ прошломъ году была найдена надпись съ дедикаціею отъ имени императора Максенція: Marti invicto patri et aeternae urbis suae conditoribus. Дедикація датирована отъ 24-го апрѣля, дня основанія Рима. Въ виду того, что Максенцій, какъ видно еще изъ другихъ фактовъ, особенно высоко чтилъ память Ромула, Гюльзенъ высказалъ догадку, что именно Максенціемъ былъ обновленъ Niger lapis въ честь Ромула. Или по инстинкту, говоритъ Гюльзенъ, или по какимъ-то свѣдѣніямъ, новый lapis niger былъ сооруженъ почти точно надъ прежнею могилою Ромула, видѣнною Варрономъ. Послѣднія слова Гюльзена производятъ впечатлѣніе значительной уступки общему мнѣнію итальянскихъ ученыхъ о значеніи нижней группы памятниковъ. Все-таки эта уступка дѣлается не безъ значительныхъ оговорокъ, не только по отношенію къ черной пло-

щадкѣ, которая не признается настоящимъ lapis niger, но и къ вопросу объ остальныхъ памятникахъ. Если допустить, говоритъ Гюльзенъ, что это та могила Ромула, которую видѣли еще Варронъ и Горацій, тогда разрушеніе ея необходимо поставить въ вину не галламъ, а архитекторамъ Августа. Затѣмъ остается подъ сомнѣніемъ вся хронологія такъ называемой stipe votiva. Если она дѣйствительно вся состоитъ изъ предметовъ глубокой древности, VII, VI и V столѣтій, то какъ же объяснить себѣ полное отсутствіе болѣе позднихъ издѣлій? Могила Ромула существовала до времени Августа, неужели послѣднія четыре столѣтія не оставили около нея никакихъ слѣдовъ?

Уступки авторитетнаго германскаго археолога, не смотря на ихъ нерѣшительность, произвели пріятное впечатлѣніе на итальянскихъ поклонниковъ могилы Ромула и lapis niger. Примѣромъ можетъ служить то, что пишетъ по этому поводу Вальери (Fanfulla della Dom. 4-го марта 1900): прежде насъ, Бони и меня, чуть ли не били, если не предпочитали смѣяться надъ нами, за то, что мы осмѣлились утверждать, что эта черная мостовая есть lapis niger древности, есть мнимая могила Ромула. Теперь какъ-то всѣ обратились на путь истины, въ томъ числѣ Гюльзенъ въ послѣднемъ собраніи германскаго археологическаго института.

Какъ бы то ни было, пока остались въ силѣ всѣ сомнѣнія Гюльзена противъ полнаго и прямого отожествленія вновь открытыхъ памятниковъ съ могилою Ромула. Осталось доказать безъ всякихъ оговорокъ тожество нижней группы и нераздѣльность съ нею черной мостовой. Эту задачу принялъ на себя археологъ и историкъ Де-Санктисъ, вновь назначенный профессоръ древней исторіи при туринскомъ университетѣ. Обстоятельная статья его появилась въ Rivista di filologia (Luglio 1900, стр. 406 — 446) подъ заглавіемъ Il lapis niger e la iscrizione arcaica del Foro Romano. Авторъ имѣлъ возможность отчасти пользоваться неопубликованными археологическими матеріалами изъ записокъ Бони и Савиньони, записка котораго о stipe votiva въ то время еще не была издана. Сначала Де-Санктисъ ставитъ цѣлью доказать, что найденные памятники не могутъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ могилы Ромула. Для этого онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію разныя названія и опредѣленія мѣста, предлагаемыя другими учеными, напримѣръ, Вульканалъ (Паисъ, фонъ-Дунъ), Capreae palus (Паисъ), lacus Curtius (Маэсъ), mundus (Милани). Доконать ихъ побѣдоносными аргументами не трудно. Большинство указанныхъ гипотезъ

было высказано на скорую руку, въ первые дни по открытіи мѣста, поэтому уже давно не поддерживались даже самими авторами. Выводъ Де-Санктиса такой: мѣсто—ни Vulcanal, ни Capreae palus и такъ далѣе. Единственная гипотеза, которая можетъ выдержать критику (regge alla critica) это отожествленіе съ lapis niger и могилою Ромула. Аргументація, пожалуй, немного напоминаетъ знаменитый силлогизмъ: это—не быкъ, не корова, не свинья, слѣдовательно это лошадь. Важнѣе, чтобы теорія о могилѣ Ромула была доказана и въ самомъ дѣлѣ выдержала критику. Къ положительнымъ доказательствамъ, однако, Де-Санктисъ относится довольно поверхностно. Два плинтуса нижней группы служили постаментами для двухъ львовъ Варрона, это по словамъ Де-Санктиса, „довольно вѣроятно и принято почти всѣми". Точная интерпретація литературныхъ источниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что lapis niger находился передъ рострами въ одномъ мѣстѣ, а конечно, и на одномъ уровнѣ со львами и рострами, а не 1½ метра выше ихъ. Но объ интерпретаціи и критикѣ источниковъ Де-Санктисъ имѣетъ такія же смутныя понятія, какъ и всѣ его предшественники. Сообщеніе Феста, по его заявленію, напримѣръ, заимствовано у Варрона, а послѣдній узналъ о могилѣ Ромула отъ Фабія Пиктора (стр. 416, 421). Де-Санктиса поэтому и мало заботитъ интерпретація Феста. Что Niger lapis этого автора могъ лежать гдѣ-то надъ могилою Ромула, это тоже давно рѣшили quasi tutti. По догадкѣ Гаммурини (T. di Rom. p. 25), могила была разрушена уже галлами, а по предписанію авгуровъ (?) ее не реставрировали, но зарывъ, обозначили мѣсто черною надгробною плитою, которая въ теченіе вѣковъ превратилась въ нынѣшнюю черную мостовую. Теорія Де-Санктиса не уступаетъ этой догадкѣ по пылкости воображенія. Могила не была разрушена галлами, заявляетъ онъ, а самими римлянами при одной изъ перестроекъ форума. Тогда засыпали все мѣсто и покрыли, въ родѣ путеала (! ?), площадкою, вымощенною чернымъ мраморомъ. Мостовая въ теченіе вѣковъ, понятно, нѣсколько разъ поправлялась и измѣнялась, пока не достигла наконецъ того вида и той оріентаціи, въ которыхъ она была открыта. Относительно времени разрушенія „могилы", то-есть нижней группы памятниковъ, и одновременнаго сооруженія черной мостовой, Де-Санктисъ основываетъ свои заключенія на результатахъ Савиньони. Послѣдній судитъ такъ (Not. 1900 p. 145): хронологія обѣтныхъ приношеній вращается въ предѣлахъ между VII и I вѣками до Р. Хр., однако самыми обильными группами являются древнѣйшая и

позднѣйшая. Отсюда является возможность сдѣлать совершенно правильное заключеніе, что здѣсь были перемѣшаны остатки двухъ совершенно различныхъ слоевъ, одного очень архаическаго, и другого, доходившаго до I вѣка, или, другими словами, одного относившагося къ архаическимъ памятникамъ нижней площадки и другого, попавшаго туда при преобразованіи окружающей части форума, къ концу I вѣка, когда, можетъ быть, и была построена черная мостовая. Не обращая вниманія на указанное хронологическое дѣленіе найденныхъ предметовъ на двѣ группы, Де-Санктисъ въ новыхъ данныхъ видитъ только полную возможность и разрушеніе „могилы", и постройку lapis niger пріурочить къ любому промежутку времени между VI и I столѣтіями. Выборъ срока въ концѣ концовъ падаетъ на начало I вѣка, такъ какъ въ перемѣшку съ stipe votiva найдены осколки мрамора не только черного и бѣлаго, но и желтаго (lapis Numidicus, giallo antico). Древнѣйшій примѣръ употребленія желтаго мрамора какъ обыкновеннаго строительнаго матеріала, по свидѣтельству Плинія (N. H. 36, 49) относится къ 78 г. до Р. Хр., что даетъ поводъ Де-Санктису установить terminus a quo. Вопросъ, кѣмъ же наконецъ разрушены старинные священные памятники форума, получаетъ со стороны нашего автора очень неопредѣленное рѣшеніе. Отрицая возможность воздѣйствія галльскаго погрома, онъ предполагаетъ, что памятники сдѣлались жертвою какой-нибудь перестройки комиція, въ началѣ I вѣка связанной съ новой планировкой его. При полномъ отсутствіи историческихъ или археологическихъ свидѣтельствъ или доказательствъ о подобномъ фактѣ, Де-Санктисъ долженъ удовольствоваться приведеніемъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ параллелей, какъ то эксавгурація и разрушеніе жертвенниковъ Тита Тація, разрушеніе памятниковъ старины въ періодъ возрожденія искусствъ, постройки базиликъ на комиціѣ въ началѣ II столѣтія до Р. Хр., пожары I вѣка и т. п.

Не оспаривая, что у статьи Де-Санктиса есть нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства, мы касательно занимающаго насъ вопроса о могилѣ Ромула и Niger lapis думаемъ, что она не принесла особенно большой пользы. Вопросъ о названіи и опредѣленіи открытыхъ памятниковъ ни мало не выясненъ Де-Санктисомъ, а скорѣе еще болѣе затемненъ. Изъ даннаго нами очерка развитія вопроса видно, что уже съ самаго начала представители итальянской науки остановились на довольно поспѣшномъ и недостаточно провѣренномъ отожествленіи, при чемъ, вмѣсто спокойнаго обсужденія вопроса, къ дѣлу примѣши-

вались увлеченія не чисто научнаго характера. Открытіе и научное объясненіе памятниковъ, вѣроятно, не встрѣтило бы даже и половины того общаго интереса, который имъ теперь даетъ обаятельное для всѣхъ, а для многихъ почти священное имя основателя вѣчнаго города. Пока, за рѣдкими исключеніями, напримѣръ, Паиса, всѣ итальянскіе ученые, которыми только обсуждался вопросъ, имѣли одно и то же догматическое убѣжденіе, что черная мостовая (lapis niger), вмѣстѣ съ найденными подъ нею архаистическими памятниками, составляютъ одну общую группу. Единственное разногласіе, принимавшее въ Италіи форму оживленной, по временамъ даже горячей полемики, вызвано второстепеннымъ уже вопросомъ, открыта ли въ дѣйствительности могила Ромула или такъ называемая только въ „древнемъ преданіи" „могила Ромула". Примкнуть къ той или другой формѣ общей догмы предоставлено индивидуальной вѣрѣ каждаго. Статья Де-Санктиса подкупаетъ воздержаніемъ его отъ всякой страстной полемики. Всеу него какъ-будто основано на спокойныхъ, разумныхъ разсужденіяхъ. Но доводы его въ сущности только изощренія разума для лишняго подкрѣпленія уже издавна крѣпко установившейся общей вѣры. Апологическій характеръ аргументаціи не могъ не влiять и на правильность примѣняемаго авторомъ научнаго метода. Если данные раскопками факты противорѣчатъ господствующимъ основнымъ взглядамъ, къ которымъ примкнулъ Де-Санктисъ, онъ замѣняетъ такія неудобныя фактическія данныя другими, только возможными. На основаніи подобныхъ подтасовокъ достигнуто у него рѣшеніе трехъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ могилѣ Ромула и lapis niger.

Первый вопросъ касается открытаго въ началѣ 1899 г. верхняго памятника. Это была неизвѣстнаго назначенія площадка, вымощенная чернымъ камнемъ, находящаяся на одномъ уровнѣ и имѣющая одинаковую оріентацію съ сосѣдней куріею Юлія Цезаря и Августа. Единственное правильное заключеніе отсюда можетъ быть то, что площадка была построена или одновременно съ куріею, или позднѣе ея. Это такъ же просто и вѣрно, какъ если мы будемъ заключать изъ факта обращенія фронта нашей Александровской колонны къ фронту Зимняго дворца, что колонна построена послѣ дворца. Фактъ остался яснымъ фактомъ и послѣ раскопки внизу лежащихъ слоевъ, ими не было обнаружено рѣшительно никакихъ новыхъ фактовъ, противорѣчащихъ первому. Де-Санктисъ все-таки съумѣлъ затемнить самъ по себѣ ясный фактъ, впутывая сюда совсѣмъ еще невыясненные „pozzi rituali"

открытые Бони, изъ которыхъ невозможно вывести какого-либо заключенія. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ получается „новый фактъ“, что черная площадка какъ слѣдуетъ въ какое-то столѣтіе была оріентирована иначе, только не по новой куріи. Другой ясный фактъ полное отсутствіе около черной площадки не только каменныхъ львовъ, но и малѣйшихъ слѣдовъ прежняго ихъ существованія въ этомъ мѣстѣ, напримѣръ остатковъ постаментовъ. Если допустить, что площадку, покрытую чернымъ мраморомъ, можно было называть „чернымъ камнемъ“, то очевидно, что этотъ Niger lapis не тотъ, который былъ у Варроновой „могилы Ромула“, украшенной именно львами. Недочетъ, по примѣру другихъ, Де-Санктисъ пополнилъ двумя постаментами изъ числа архаическихъ памятниковъ, найденныхъ на $1^1/_2$ метра ниже черной площадки, принадлежащихъ къ совершенно другому наслоенію уровня, а слѣдовательно и къ другому, отдаленному періоду. На самомъ дѣлѣ и на нижнихъ постаментахъ нѣтъ львовъ, ихъ уже пришлось дополнить фантазіею. Второй вопросъ, представляетъ-ли нижняя группа памятниковъ могилу Ромула, безусловно долженъ быть отрицаемъ, если судить по однимъ фактамъ. Не найдены здѣсь ни львы, ни черный камень, ни стела Госта Гостилія, наконецъ, близость ростръ не установлена пока ни однимъ положительнымъ фактомъ. Однимъ словомъ, вполнѣ отсутствуютъ всѣ признаки могилы Ромула, указываемые древними авторами. Приходится констатировать, что господствующее мнѣніе о тожествѣ открытаго мѣста съ могилою Ромула основано только на возможности прежняго нахожденія на „постаментахъ“ львовъ, фактически не существующихъ.

Третій вопросъ, о связи черной мостовой съ архаическими памятниками внизу лежащими, собственно уже предрѣшенъ двумя предъидущими вопросами. Единственный фактъ, соединяющій ихъ между собою, это приблизительное совпаденіе мѣста. Оно служило единственнымъ поводомъ къ соединенію верхнихъ и нижнихъ памятниковъ въ одну общую группу. Въ этомъ торопливомъ заключеніи, которое скоро безъ провѣрки было принято всѣми итальянскими учеными, безъ сомнѣнія, можно признать главный источникъ той неотрадной путаницы, въ которой теперь завязъ вопросъ объ объясненіи памятниковъ. Между тѣмъ уже простой здравый смыслъ требовалъ не увлекаться такою случайностью, какою является въ этомъ случаѣ совпаденіе мѣста. Надо было принять во вниманіе всю разницу временъ, рѣзко отличающую одну группу отъ другой. Нижняя группа носитъ на себѣ всѣ признаки весьма отдаленнаго архаическаго періода. Самымъ яв-

нымъ свидѣтельствомъ глубокой древности служитъ найденная здѣсь in situ стела съ надписью, древнѣйшею изъ римскихъ надписей. Черная площадка, напротивъ, покрыта мраморомъ, который въ Римѣ вошелъ въ употребленіе только въ позднее время. Оріентація и уровень площадки соотвѣтствуетъ фронту и уровню новой куріи, что заставляетъ сооруженіе ея отнести ко времени не позднѣе царствованія Августа. Положеніе и направленіе ея, наконецъ, значительно расходится съ нижнею группою, послѣдняя покрывается ею только незначительною частью. Изъ этого видно, что черную мостовую устроили, не обращая никакого вниманія на нижніе памятники, давно, должно быть, засыпанные и покрытые.

Къ какому времени можно отнести разрушеніе и засыпку архаическихъ памятниковъ, вопросъ пока открытый. Раздѣляемое многими, между прочими нами, предположеніе, что разрушеніе было произведено галлами, придется пока оставить въ сторонѣ. Вопросъ весьма осложнился послѣ сообщенія Савиньони. Относительно хронологіи слоя обѣтныхъ приношеній теперь придется считаться не съ однимъ слоемъ, а съ двумя главными слоями. Одинъ, по изслѣдованію Савиньони, весьма архаическаго происхожденія, другой относится къ послѣднему періоду республики. Если бы тотъ и другой были строго отдѣлены другъ отъ друга, легко было бы отнести первый къ нижнему священному мѣсту, а другой къ какому-то другому сосѣднему святилищу позднѣйшихъ временъ. Но вся stipe votiva, и старая, и новая, оказалась смѣшаннаго состава. Въ смѣси нашлись между прочимъ обломки того же чернаго мрамора, которымъ покрыта верхняя черная площадка. По объясненію Гюльзена (D. h. G. 152, R. st. a. 389), при закладкѣ черной мостовой, въ царствованіе Максенція была сдѣлана развѣдка почвы, для установленія мѣста старой могилы Ромула. Но изъ новѣйшаго важнаго сообщенія Бони (Not. d. sc. 1900 Agosto) о результатахъ его почвенныхъ изслѣдованій форума видно, что такіе же обломки чернаго мрамора попадаются и въ другихъ мѣстахъ, такъ напримѣръ въ разстояніи 8 и 10 метровъ отъ черной мостовой, какъ по направленію къ куріи, такъ и со стороны форума [1]), а кромѣ того еще дальше у базилики Эмиліи „sotto la platea di calcestruzzo di età augustea“. Это наводитъ на мысль, что около времени закладки чер-

[1]) Обломки здѣсь были выкопаны изъ слоя земли, которая, по мнѣнію Бони (стр. 320), служила подкладкою для мостовой времени Цезаря или Августа. Замѣчательно, что въ томъ же слоѣ мѣстами нашлись обѣтовыя приношенія такого же характера, какъ подъ черной мостовой.

ной мостовой, въ царствованіе Августа, по случаю новаго регулированія комиція и форума въ значительныхъ размѣрахъ была раскрыта почва, а потомъ послѣ поправки и скрѣпленія основы покрыта новою мостовою. По этому поводу, вѣроятно, были раскрыты также слои, лежавшіе подъ мѣстомъ черной площадки, слой состоявшій изъ отбросовъ архаическаго святилища и покрывавшій его другой изъ туфоваго щебня. Затѣмъ яма была засыпана въ томъ же порядкѣ, при чемъ къ старому священному мусору былъ подбавленъ таковой же изъ одного сосѣдняго святилища, въ то время или упраздненнаго, или перенесеннаго на новое мѣсто. Въ этотъ слой и въ щебень при засыпкѣ попали обломки чернаго мрамора отъ приготовленія кубиковъ для кладки верхней площадки. Каменьщики въ томъ же мѣстѣ обтесывали и бѣлый, и желтый мраморъ, обломки которыхъ также нашлись въ нижней смѣси. Достойно при этомъ вниманія, что желтымъ мраморомъ какъ разъ были покрыты полы новой куріи Августа, какъ выяснено въ прошломъ году при изслѣдованіи основъ церкви св. Адріана.

Изъ всего вышеизложеннаго для насъ ясно, что вопросъ о значеніи занимающихъ насъ памятниковъ форума долженъ быть поставленъ въ новомъ видѣ. Необходимо прежде всего совсѣмъ разъединить объясненіе архаическихъ нижнихъ памятниковъ и объясненіе памятниковъ верхней первой площадки. Начнемъ съ послѣдней. Мы уже достаточно говорили о доводахъ, заставляющихъ признать въ ней сооруженіе временъ Августа. Допускаемъ конечно, что въ триста лѣтъ до царствованія Максенція она могла придти въ ветхость и быть поправлена, какъ думаетъ Гюльзенъ, этимъ императоромъ. Отнести ея первую закладку къ болѣе раннему періоду Гюльзенъ затрудняется потому, что въ весь періодъ, начиная отъ времени Августа, въ литературѣ не упоминается о могилѣ Ромула. Но, по нашему мнѣнію, причина этому та, что этотъ новый Niger lapis Августа не имѣлъ формы могилы, а потому болѣе онъ и не считался и не назывался могилою Ромула. При разсмотрѣніи извѣстій Варрона, Діонисія и Веррія Флакка (см. выше стр. 49 слл.) о старомъ Niger lapis или могилѣ Ромула мы пришли къ такому результату: на доцезаревомъ комиціѣ pro rostris находилась площадь, назначеніе которой тѣмъ или другимъ образомъ было связано съ обычаемъ произносить pro rostris похоронныя рѣчи. Считаемъ вѣроятнымъ, что на этой площадкѣ выставлялись тѣла покойниковъ на время произнесенія съ самихъ рострь рѣчей. Съ древнихъ временъ этотъ locus funebris былъ украшенъ подобающими надгробными символами греческаго образца, двумя львами и черною каменною плитою (μέλαινα

πέτρα). Сходство обстановки съ настоящею могилою впослѣдствіи вызвало разныя ученыя этіологическія объясненія; между прочимъ Варрономъ была придумана теорія, что въ этомъ мѣстѣ былъ убитъ и похороненъ Ромулъ. Въ началѣ царствованія Августа площадка, мнимая могила, исчезла, одновременно съ перенесеніемъ ростръ съ комицій на форумъ. Обычай хвалить покойниковъ pro rostris продолжался, конечно, по прежнему. Вѣроятно поэтому, что вмѣсто старой площадки устроена была новая, новый Niger lapis, для выставленія во время рѣчей покойниковъ. Невѣроятно только, чтобы Августъ позволилъ придать площадкѣ по старому видъ могилы, такъ какъ теорія о могилѣ Ромула противорѣчила официально принятой легендѣ о его кончинѣ. Съ тою же цѣлью Веррій Флаккъ вмѣсто Варроновой теоріи пустилъ въ обращеніе новую теорію о прежней „могилѣ“, съ замѣною Ромула его пріемнымъ отцомъ Фавстуломъ. Признавая въ вновь открытой черной площадкѣ устроенную и преобразованную, по нашимъ предположеніямъ, при Августѣ площадку для выставленія покойниковъ во время произнесенія съ ростръ похоронныхъ рѣчей, мы обращаемъ, въ заключеніе, вниманіе на то, что дѣйствительно и размѣры площадки, и положеніе ея между новыми рострами и новою куріею, ближе однако къ первымъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ предполагаемому нами назначенію ея.

Обратимся теперь къ нижней архаической группѣ памятниковъ. Мы въ прежней статьѣ своей указали на наблюденіе одного англійскаго археолога [1]), что плинтусы, мнимые постаменты львовъ, собою напоминаютъ извѣстный видъ римскихъ жертвенниковъ. Другой независимый наблюдатель, французскій археологъ Дьелафоа, замѣтилъ поразительное сходство между профилемъ „постаментовъ“ и капителью дорическихъ колоннъ въ Пестумѣ. Давно извѣстны жертвенники въ видѣ дорическихъ капителей [2]). Очень недавно Милани въ Rendiconti напечаталъ академическую рѣчь, въ которой наши плинтусы прямо сравниваетъ съ этрусскими жертвенниками, въ особенности съ однимъ найденнымъ недавно близь Фіезоле [3]). Между плинтусами найденъ

---

[1]) Thomas Ashby Jun. (Classical Review 13 p. 321): two pedestals—having a simple base moulding like that of the primitive Roman ara.

[2]) Dieulafoy C.-R. de l' Acad. des inscr. et b. l. 1899 p. 758. Рейшъ у Pauly-Wissowa I 1673.

[3]) Rendic. Acc. Linc. IX, 289 слл... Статья Милани производитъ въ общемъ не особенно пріятное впечатлѣніе, потому что авторъ считалъ нужнымъ пустить цѣлый фейерверкъ разныхъ сближеній, вмѣсто того, чтобы провести ос-

in situ кубической формы камень, который, думается намъ, соотвѣтствовалъ греческой πρόθυσις, каменной плитѣ или ступени, на которую наступалъ жрецъ при принесеніи жертвы. Въ пользу жертвенника говоритъ и тотъ фактъ, что за площадкою съ плинтусами открыты слѣды еще нѣсколькихъ площадокъ съ плинтусами, по общему характеру похожими на первую площадку (см. Компаретти стр. 3). Открыты, по всей вѣроятности, остатки цѣлой группы жертвенниковъ, число которыхъ, полагаемъ, еще увеличится при продолженіи раскопокъ. Заключенія Савиньони о происхожденіи такъ называемой stipe votiva, какъ мы раньше видѣли (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900 ноябрь, стр. 91), также приводятъ къ предположенію цѣлой группы сосѣднихъ святилищъ или жертвенниковъ (sacella), посвященныхъ, очевидно, разнымъ божествамъ.

Мы пришли къ заключеніямъ, близкимъ къ первой мысли Гюльзена (къ сожалѣнію, потомъ оставленной въ пользу могилы Ромула), что раскопками 1899 года на форумѣ открыты какія-то святыни древнѣйшаго періода, о которомъ молчитъ наше литературное преданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что начало ихъ восходитъ къ тому отдаленному періоду, который мы привыкли называть царскимъ. Лѣтописныя замѣтки въ этотъ вѣкъ еще не дѣлались, поэтому настоящая исторія для насъ на вѣки покрыта мракомъ. Но, безъ сомнѣнія, существовалъ тогда уже другой родъ литературы, ритуальная литература римскихъ жрецовъ. Ея данныя служили однимъ изъ главныхъ источниковъ для этіологическихъ догадокъ, которыми древнѣйшіе издатели анналъ понтифексовъ наполняли бѣлые листы исторіи царскаго періода. На одну изъ духовныхъ росказней невольно обратилось наше вниманіе, съ тѣхъ поръ, что намъ выяснилось отношеніе архаической стелы съ надписью и сосѣдняго конуса къ культу Термина. Введеніе его культа въ анналахъ, вѣроятно уже въ анналахъ Тиберія Корунканія третьяго столѣтія, приписывалось царю Титу Тацію, наряду съ культами четырнадцати другихъ божествъ. Устроенные Таціемъ на мѣстѣ Капитолійскаго храма жертвенники затѣмъ будто бы были удалены при Тарквиніѣ Гордомъ, только Термина не могли сдвинуть съ мѣста (Termino fanum fuit: id nequitum exaugurari, Катонъ у Феста 162). Цѣль легенды, говоритъ Преллеръ (R. M. 1,255), выразить недвижимость Термина и идейную его связь съ Юпитеромъ.

новную свою мысль. Авторъ обѣщалъ вернуться къ своему предмету въ издаваемой имъ серіи Studi e Materiali di Archeol. e Numism.

Съ культомъ капитолійскаго Юпитера связаны еще чтимыя также въ капитолійскомъ храмѣ богини Iuventas, уравненная съ дочерью Зевса, Ἥβη; затѣмъ Ops=Рея, мать Зевса по греческой миѳологіи. Вѣроятно, Терминъ сдѣлался сообщникомъ капитолійскаго культа тоже подъ руководствомъ грековъ или греческаго оракула Сивиллы. Terminus въ позднѣйшихъ надписяхъ называется Iupiter Terminus или Iupiter Terminalis, это переводъ названія Ζεὺς Ὅριος, греческаго бога границъ. Въ пріуроченіи стараго латинскаго бога къ греческому Юпитеру должно усмотрѣть настоящую причину, почему присоединили Термина къ капитолійскому культу. Легенда третьяго столѣтія по обыкновенію всѣхъ этіологическихъ легендъ подъ темный фактъ подкладывала новую историческую причину. Несостоятельность легенды обнаруживается еще въ другомъ пунктѣ. Терминъ вовсе не единственный изъ боговъ Тація который остался на Капитолѣ. Въ самомъ храмѣ Юпитера устроился Summanus, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ Vediovis. Подобно Термину они также прежде считались самостоятельными богами, потомъ были пріурочены къ Юпитеру (Iupiter Summanus, Vedius Iovis). Скорѣе эти божества когда-то были откуда-то присоединены къ Юпитеру, чѣмъ удалены отъ него, какъ то увѣряетъ легенда о неподвижности Термина.

Во всякомъ случаѣ жертвенники божествъ Тація, несмотря на exauguratio ихъ, когда-то дѣйствительно существовали и составляли совершенно опредѣленную группу соединенныхъ святилищъ, такъ какъ извѣстіе о нихъ сохранилось въ жреческой литературѣ, можетъ быть въ одной изъ ритуальныхъ формулъ, входившихъ въ книги понтифексовъ. Почему эти божества приписывались сабинянамъ, мы не знаемъ; замѣчательно, что большинствоихъ позднѣе не имѣло своихъ святилищъ въ четырехъ районахъ древнѣйшаго палатинскаго Рима, но около капитолійской и квиринальской горъ, въ границахъ сабинскаго пригорода. Христіанъ Петерсенъ, самый лучшій знатокъ исторіи системъ двѣнадцати божествъ Греціи и Италіи, въ божествахъ Тація призналъ древнѣйшую такую систему въ Римѣ [1]). Система, вѣроятно, состояла изъ 1) Saturnus et Ops, 2) Vediovis, 3) Sol et Luna, 4) Vulcanus, 5) Summanus, 6) Quirinus, 7) Vortumnus, 8) Lares et Larunda, 9) Terminus, 10) Flora, 11) Diana, 12) Lucina. Другая система 12 божествъ, можетъ быть палатинскихъ римлянъ,

---

[1]) Das Zwölfgöttersystem der Griechen u. Römer, Abth. II Hambg 1868, стр. 15.—Preller-Jordan Röm. Myth. 1, 66 сл.

сохранилась въ названіяхъ 12 фламиновъ minores. Потомъ въ неизвѣстное для насъ время въ Римъ была введена система 12 греческихъ божествъ, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ сивиллиныхъ книгъ. Этимъ новымъ Consentes, по примѣру Аѳинъ и многихъ другихъ греческихъ городовъ, было отведено священное мѣсто на форумѣ, гдѣ до сихъ поръ еще видны остатки ихъ портика.

Кончаемъ свои разсужденія вопросомъ: не находился ли въ томъ же западномъ концѣ форума, прилегающемъ къ „сабинскому" капитолію до введенія сюда греческихъ Consentes, подобный же культъ сабинскихъ божествъ, группа жертвенниковъ, окружавшихъ въ срединѣ лежавшую общую площадку? Открыты до сихъ поръ остатки жертвенниковъ и слѣды одного изъ сабинскихъ боговъ, Термина, а если вѣрить Милани (ук. м. стр. 300) и Бони (Notiz. d. sc. 1900 стр. 325) еще бронзовый идолъ второго, Вертумна. Отъ дальнѣйшихъ раскопокъ ожидаемъ рѣшеніе этого нашего предварительнаго вопроса.

А. Энманъ.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦІЯ „АЛЬКЕСТЫ" ЕВРИПИДА.

Концепція античной эллинской драмы была сложнѣе, чѣмъ концепція драмы современной, потому что въ нее должны были входить элементы орхестическій [1]) и музыкальный.

Но если мы ограничимъ понятіе драмы областью слова, то, не смотря на отдаленность той ступени духовной жизни человѣчества, на которой стояли аѳинскіе драматурги V вѣка, намъ, пожалуй, легче будетъ разобраться въ поэтическомъ замыслѣ „Алькесты", чѣмъ въ концепціяхъ „Зимней Сказки" Шекспира или „Ифигеніи" Гете,—я не говорю уже о драмахъ Метерлинка или Гауптманна.

Главная причина этого лежитъ не въ томъ, что самая трагедія древнихъ была строже, *каноничнѣе*, и ея положенія условнѣе,—а въ томъ, что миѳъ, эта первооснова всей нашей поэзіи, игралъ въ ней болѣе опредѣленную и болѣе логичную роль, чѣмъ въ новомъ искусствѣ.

Миѳъ даетъ себя чувствовать и въ новой поэзіи. Прежде всего въ фабулахъ, конечно, въ моральныхъ развязкахъ и въ томъ поэтическомъ возмездіи, которое такъ строго осуждалъ въ трагедіи Шопенгауеръ.

Затѣмъ, поэтическій стиль, не является-ли и онъ до сихъ поръ тяжкимъ наслѣдіемъ древности? Освободительныя попытки символистовъ нашихъ дней заслуживаютъ въ этомъ отношеніи бо́льшаго вниманія всѣхъ лицъ, которыя интересуются вопросомъ объ эволюціи творческаго ума. Обратимся-ли къ содержанію поэзіи и припомнимъ-ли, напримѣръ, „смерть локомотива" изъ „La bête humaine". Кто скажетъ, что эта дань миѳу, хотя и уплаченная бульварной монетой,

[1]) См. по этому поводу интересную книгу: Dramatische Orchestik der Hellenen v. Chr. Kirchhoff, Leipzig 1899.

была отдана тѣмъ самымъ смѣлымъ теоретикомъ романа, который уже давно и навсегда порвалъ съ условностями, традиціей, и который такъ тѣсно и, по своему, логично приблизилъ поэзію къ области экспериментальныхъ знаній?

А *герой* романа, съ его *условной центральностью*, съ наивной *аффектаціей* его *страстей*, *помысловъ* и *страданій* — развѣ это не миѳическій пережитокъ? А *мистицизмъ*, нерѣдко переходящій въ дѣтскій страхъ передъ фетишемъ, или *пантеизмъ*, прославленный именами Гете, Льва Толстого и Леконта-де-Лиль и вступившій въ новую стадію своего развитія въ идеологіяхъ Мориса Барресъ,—развѣ это въ основѣ своей не тѣ же безсознательно живущіе въ насъ остатки миѳическихъ вѣрованій?

Вотъ именно вслѣдствіе этого-то накопленія пережитковъ, которые безсознательно проникаютъ въ концепцію поэтическаго произведенія,—чѣмъ это произведеніе ближе къ намъ, тѣмъ труднѣе бываетъ разобраться въ его концепціи.

Но и въ античной трагедіи мы не свободны отъ труда анализировать пьесу съ точки зрѣнія безсознательнаго или полусознательнаго вліянія миѳа. Ко времени Еврипида миѳы частью уже успѣли создать легенды, т. е. принять нѣкоторый мѣстный или національный колоритъ, а частью получили лѣтописную или художественную обработку. Но оперировать ему въ концѣ концовъ все-таки приходилось надъ миѳами, и первый моментъ въ концепціи драмы былъ миѳургическій... Моментъ этотъ зависѣлъ, конечно, прежде всего отъ популярности миѳа: если сюжетъ былъ общеизвѣстенъ, вродѣ преслѣдованій Геракла Герой, убійства Агамемнона женой, злоключеній Эдипа или резигнаціи Алькесты,—то роль миѳурга была проще; но были мотивы и миѳы болѣе рѣдкіе: напримѣръ, фиктивный бракъ Электры, пребываніе Елены въ Египтѣ, исторія Іона,—и тогда поэту приходилось отыскивать въ книгахъ или придумывать детали миѳа и, кромѣ того, ставить свой миѳическій матеріалъ въ связь съ событіями, извѣстными его слушателямъ. Наконецъ, поэту нерѣдко приходилось также дѣлать выборъ между варіантами, и комбинировать или фиксировать детали. Кромѣ момента *миѳургическаго*, который въ концепціи всего естественнѣе разсматривать на первомъ мѣстѣ, мы различаемъ въ ней моменты *психологическій* и *индивидуальный*. Отъ миѳа, единственнымъ законнымъ сыномъ котораго можетъ считаться *эпосъ*, никто не требовалъ реальности, такъ какъ онъ былъ фантастиченъ по самому своему существу,—но когда миѳъ являлся основой для драмы,

то жизнь и, главное, душевная жизнь героевъ придавала ему особую окраску, и авторъ драматизированнаго миѳа долженъ былъ считаться съ дѣйствительностью: со сцены ждали захватывающаго ужаса и властнаго надъ душой состраданія. Психологія вносила свои поправки въ миѳъ, и элементы миѳургическій и психологическій въ душѣ зрителя, а можетъ быть, и поэта, нерѣдко вступали въ коллизію. Эсхилъ былъ, конечно, болѣе всѣхъ полонъ вѣры въ единаго, великаго и справедливаго Зевса, Зевса Орестіи; но существо, которое посылало своихъ обезличенныхъ приспѣшниковъ для страшнаго наказанія благодѣтеля человѣчества, не могло не возбуждать въ зрителяхъ совсѣмъ иныхъ чувствъ: Промеѳеева Зевса не могли не чувствовать, а, значитъ, отчасти не могли и не судить иначе, какъ если бы онъ былъ человѣкомъ.

Третій моментъ драматической концепціи—это моментъ *индивидуальный*. Душа поэта выражается не только въ обработкѣ сюжета и характеровъ, мы ищемъ ея отблесковъ и въ гномахъ, плачахъ, сатирическихъ выходкахъ, мистификаціяхъ, политическихъ намекахъ. Мы ищемъ въ текстѣ пьесы замысла, цѣли поэта, а если есть намекъ на тенденцію, то и тенденціи. *Индивидуальный* моментъ пьесы составляетъ самое зерно концепціи, и при этомъ въ немъ бываетъ наиболѣе проблематическаго. До сихъ поръ такія пьесы, какъ „Алькеста" или „Вакханки", представляютъ наиболѣе загадокъ именно съ точки зрѣнія поэтическаго замысла. Кто возьмется сказать навѣрное, напримѣръ, хотя это и весьма вѣроятно, что „Вакханки", дѣйствительно, палинодія Еврипида, что это явленіе реакціонной эпохи? Между тѣмъ, миѳургическій и психологическій моментъ трагедіи „Вакханки" могутъ быть выяснены съ должной точностью, не возбуждая въ изслѣдователяхъ особыхъ разногласій. Разсматривая, поскольку міросозерцаніе античнаго поэта отражалось въ его драмѣ, надо помнить также, что онъ отдавалъ не только эстетическія достоинства своего произведенія на судъ избранныхъ цѣнителей, но и себя самого непосредственному суду праздничной толпы въ двадцать тысячъ зрителей. Въ виду вкусовъ, предразсудковъ и настроеній этой толпы, поэту приходилось многое выражать намеками, аллегоріями и мистификаціями, такъ что нерѣдко изъ тысячъ его могли понимать развѣ десятки людей.

Разсмотримъ содержаніе „Алькесты". Прологъ довольно слабо связанъ съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣйствія, и лица, въ немъ участвующія, на сценѣ больше не являются. Аполлонъ выходитъ изъ дворца ѳессалійскаго царя Адмета и разсказываетъ театру, что онъ нѣкогда

перебилъ киклоповъ, изготовившихъ Зевсу перунъ, которымъ тотъ, въ наказаніе за воскрешеніе мертвыхъ, убилъ его сына Асклепія, и что въ видѣ возмездія онъ, Аполлонъ, сосланъ былъ въ Өессалію, въ поденщики къ ферскому царю Адмету; изъ его-то дома онъ теперь и выходитъ въ послѣдній разъ и уже не въ качествѣ пастуха и привратника.

Онъ сообщаетъ также, что, такъ какъ Адметъ былъ благочестивъ, то онъ, Аполлонъ, хитростью добился отъ богинь судьбы, чтобы Адмету дозволено было замѣнить себя охотникомъ у Смерти, которой онъ былъ за что-то преждевременно обреченъ. Мы узнаемъ изъ словъ Аполлона, что Адметъ обошелъ всѣхъ своихъ друзей, не миновавъ старыхъ родителей, но не нашелъ никого, кто бы пожелалъ пожертвовать за него жизнью: одна цвѣтущая Алькеста рѣшилась замѣнить мужа. И вотъ сегодня приспѣлъ день для ея разлуки съ жизнью. Аполлону же приходится покинуть дворецъ Адмета ранѣе, чѣмъ за его порогъ ступитъ Смерть, такъ какъ видъ мертваго не долженъ осквернять его божественнаго взора (vv. 1—27).

Между тѣмъ на сценѣ появляется Смерть: это демонъ, огромнаго роста, въ черной одеждѣ, можетъ быть даже съ черными крыльями; въ рукахъ у него большой мечъ. Слѣдуетъ сцена между богомъ и демономъ. Аполлонъ уговариваетъ Смерть дать Алькестѣ дожить до старости, соблазняя демона роскошью похоронъ старухи. Но демонъ остается непреклоннымъ. Сцена заканчивается на томъ, что разгнѣванный Аполлонъ, гнѣвно удаляясь, предсказываетъ демону смерти пораженіе отъ мужа, котораго пошлетъ Еврисоей, а демонъ входитъ въ домъ, чтобы коснуться до волосъ Алькесты мечомъ, и тѣмъ посвятить ее адскимъ богамъ (vv. 28—85).

На сцену выходитъ хоръ ферейскихъ гражданъ, возрастъ которыхъ, по видимому, подходитъ къ возрасту Адмета а не къ лѣтамъ его отца (vv. 86—135).

Въ хорѣ слышатся тревожные и печальные голоса. Не рѣшаясь войти въ домъ, который кажется имъ охваченнымъ какой-то особой зловѣщей тишиной (вспомнимъ, что туда только что вошла Смерть), друзья Адмета обмѣниваются замѣчаніями: одно полухоріе настроено болѣе спокойно, хоревты другого близки къ отчаянію. Общій хоръ поетъ о безуспѣшности жертвъ и молитвъ и съ грустью вспоминаетъ объ Асклепіи, который нѣкогда воскрешалъ мертвыхъ.

Корифей (v. v. 136 — 140) пятью ямбическими триметрами возвѣщаетъ приближеніе заплаканной служанки. За сдержаннымъ во-

просомъ, который онъ обращаетъ къ вышедшей изъ дворца, слѣдуетъ сцена корифея со служанкой, гдѣ главную часть составляетъ разсказъ служанки о положеніи Алькесты (vv. 141 — 212). Передаются трогательныя подробности о томъ, какъ Алькеста, различивъ между днями свой послѣдній, молилась богинѣ домашняго очага о счастьѣ своихъ дѣтей, съ какой свѣтлой молитвой она въ послѣдній разъ поклонилась домашнимъ алтарямъ, какъ она плакала, прощаясь съ своимъ брачнымъ ложемъ, и какъ плакали всѣ слуги, прощаясь съ доброй царицей, которой слабость не помѣшала выслушать каждаго слугу, какъ бы ни былъ онъ низко поставленъ, и каждому протянуть руку.

Слѣдуетъ небольшой лирическій перерывъ (vv. 213 — 243). Тревога хора становится болѣе нервной. Молитва помочь Адмету, въ которой настойчивость отзывается безнадежностью, ведетъ за собою страхъ, какъ бы Адметъ не наложилъ на себя рукъ, увидѣвъ трупъ лучшей изъ женъ. Въ это время на сцену показывается процессія—Адметъ съ Алькестою на рукахъ, дѣти, рабы; хоревты встрѣчаютъ ихъ призывомъ къ плачу. Видъ этой разрушающейся семьи наводитъ на грустныя лирическія размышленія о непрочности радостей брака. Начинается сцена между Алькестой и Адметомъ. Сначала слова Алькесты уложены въ лирическіе размѣры, а Адметъ говоритъ ямбическими двустишіями, какъ бы прерывая ея монодію (vv. 244 — 272). Алькеста бредитъ — при чемъ ей чудятся адскіе боги, а двустишія Адмета, выражая участіе, являются какъ бы холоднымъ отзвукомъ дѣйствительности. Но наконецъ и онъ, въ страстныхъ лирическихъ словахъ (vv. 273 — 279), молитъ жену не умирать: онъ чувствуетъ, что смерть, которою въ эту минуту выкупается его жизнь, сдѣлаетъ для него существованіе совершенно невозможнымъ. Вся дальнѣйшая часть сцены (vv. 280—392) написана ямбическими триметрами. Сначала это длинное завѣщаніе Алькесты, въ которомъ говорится о смыслѣ и цѣнности жертвы, принесенной ею прежде всего для блага дѣтей; взамѣнъ царица проситъ мужа не давать дѣтямъ мачихи. Кромѣ этой цѣпи мыслей, Алькеста отмѣчаетъ въ своей рѣчи эгоизмъ старыхъ родителей Адмета.

Адметъ въ страстномъ монологѣ славитъ Алькесту и старается успокоить ея опасенія обѣтомъ вѣчнаго вдовства и траура. Онъ мечтаетъ о ея статуѣ, которая на брачномъ ложѣ должна замѣнять ему Алькесту. Онъ клянетъ родителей, а слѣдомъ всѣ радости жизни,

всѣ утѣшенія столь любимой имъ музыки, и жалѣетъ что судьба не дала ему силы волшебной власти Орфея.

Слова заканчиваются увѣреніемъ, что онъ, Адметъ, здѣсь прикажетъ похоронить себя въ ея гробѣ, и просьбою, чтобы Алькеста тамъ, въ безсолнечномъ царствѣ Аида, приготовила домъ для ихъ совмѣстнаго обиталища. Алькеста вручаетъ ему дѣтей, послѣднее, что̀ связываетъ ее съ міромъ, и послѣ краткаго обмѣна строкъ, полустрокъ и наконецъ словъ, во время котораго чувствуется, какъ силы постепенно и уже окончательно покидаютъ Алькесту, она умираетъ.

Слѣдуетъ плачъ (ѳренъ) Евмела, сына Адмета и Алькесты, причемъ онъ обращается то къ матери, то къ отцу, то къ маленькой сестрѣ. Строфа и антистрофа ѳрена раздѣляются безцвѣтнымъ двустишіемъ Адмета (vv. 393—415).

Послѣ нѣсколькихъ строкъ холодныхъ утѣшеній со стороны корифея, которыя Адметъ отклоняетъ съ большимъ достоинствомъ, царь обращается къ окружающимъ съ просьбою почтить усопшую пэаномъ. Онъ идетъ готовить выносъ, а пусть подданные его подумаютъ объ установленіи строжайшаго годичнаго траура (vv. 416 — 434).

Въ красивомъ музыкальномъ антрактѣ, состоящемъ изъ двухъ ритмическихъ паръ, хоръ славитъ Алькесту: она должна принести радость въ домъ Аида: пусть даже старый перевозчикъ знаетъ, что ни разу волнѣ Ахеронта не приходилось поднимать лучшей жены. Хоревты пророчатъ Алькестѣ и долгую славу, связанную особенно съ культомъ Аполлона и лирой.

Дѣйствіе возобновляется приходомъ Геракла. Изъ обмѣна строкъ съ корифеемъ и словъ самого Геракла (vv. 476 — 509) мы узнаемъ, что онъ зашелъ въ Феры по дорогѣ во Ѳракію, откуда онъ долженъ пригнать къ Еврисѳею дикихъ коней Діомеда, и что уже не первый разъ приходится ему, Гераклу, вступать въ борьбу съ родомъ Арея.

Затѣмъ слѣдуетъ сцена между Адметомъ и Геракломъ (vv. 509 — 550). Адметъ, который не можетъ скрыть ни слѣдовъ слезъ, ни остриженныхъ въ знакъ траура волосъ, скрываетъ отъ гостя, что умерла Алькеста, хотя изъ словъ его можно понять, что, послѣ выраженной Алькестою рѣшимости, онъ уже не числитъ ее среди живыхъ. Узнавъ, что въ домѣ есть покойница, хотя и не кровная Адмету, но близкая семьѣ, и что ее сегодня же хоронятъ, Гераклъ хочетъ уйти, но Адметъ рѣзко противится этому и приказываетъ рабу, проводивъ гостя въ отдаленный покой, позаботиться какъ объ его

угощенія, такъ и о томъ, чтобы стоны и плачъ въ домѣ не смутили пира.

Когда Гераклъ уходитъ вслѣдъ за рабомъ, между корифеемъ и Адметомъ происходитъ горячее объясненіе (vv. 551 — 567), изъ котораго мы узнаемъ о томъ высокомъ значеніи, которое Адметъ придавалъ праву друга на гостепріимство. Слѣдующій музыкальный антрактъ состоитъ изъ двухъ ритмическихъ паръ (vv. 568 — 605). Въ первой прославляется гостепріимство Адмета и его дивный гость— Аполлонъ, добрый пастухъ и волшебный музыкантъ.

Во второй славится обширность Адметова царства и мудрое уваженіе этого царя къ праву ближняго, чувство, которое не оставляетъ его сердца и въ горѣ. Въ заключеніе въ хорѣ слышится надежда на славный подвигъ почтеннаго Адметомъ гостя. Дѣйствіе возобновляется появленіемъ Адмета, который возвѣщаетъ выносъ Алькесты (vv. 606 — 613). Между тѣмъ на сцену съ дарами и траурной свитой, и самъ въ траурѣ, появляется старый Феретъ, отецъ Адмета. Слѣдуетъ сначала его обращеніе къ сыну, потомъ къ покойной и наконецъ къ окружающимъ (vv. 614 — 628). Перваго онъ утѣшаетъ, вторую славитъ. Адметъ, не подходя къ отцу и не подпуская его къ покойной, въ страстной, негодующей рѣчи отвергаетъ его дары и участіе (vv. 627—672). Онъ считаетъ Ферета истиннымъ убійцей Алькесты, а его теперешній приходъ глумленіемъ надъ покойной и надъ горемъ ея вдовца. Въ гнѣвѣ онъ готовъ допустить даже мысль о незаконности своего рожденія.

Во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ у него, Адмета, нѣтъ уже никакихъ обязательствъ передъ этимъ человѣкомъ, и онъ иронически совѣтуетъ ему озаботиться рожденіемъ новыхъ сыновей, чтобъ не остаться въ старости безъ поддержки, а по смерти безъ похоронъ. Насмѣшка надъ жизнелюбіемъ трусливой старости замыкаетъ его слова. Отецъ (vv. 675—705) съ бо́льшимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, но неменьшей язвительностью, возвращаетъ сыну упрекъ въ трусости; онъ оправдываетъ себя строгимъ соблюденіемъ своихъ отцовскихъ обязанностей, по скольку эти обязанности опредѣляются *эллинскимъ* обычаемъ — въ грубости Адмета ему точно слышится Лидіецъ или Фригіецъ, на это есть намекъ и въ рѣчи. — Корифей напрасно старается двумя двустишіями, которыя слѣдуютъ за той и за другой рѣчью (vv. 673 sq., 706 sq.) остановить ссору. Она разгорается (vv. 708 — 740), и откровенное, почти циническое жизнелюбіе старика, вмѣстѣ съ его равнодушіемъ къ загробной славѣ, встрѣчаетъ

въ энергичномъ обмѣнѣ строкъ громкое осужденіе со стороны Адмета, которое было бы убѣдительнѣе въ устахъ другого. Въ заключеніе Фереть пророчитъ Адмету месть со стороны брата Алькесты, Акаста, а Адметъ, въ свою очередь, проклинаетъ и отца, и мать, посылая въ догонку отцу, что онъ готовъ хоть сейчасъ черезъ герольдовъ порвать навсегда съ отцовскимъ домомъ.

Вслѣдъ за Адметомъ и траурнымъ кортежемъ покидая сцену (741—746), хоръ вздыхаетъ о преступной дерзости и молитъ для почившей счастія въ домѣ Аида.

На сцену тѣмъ временемъ выходитъ рабъ, тотъ самый, на долю котораго выпало угощать Геракла. Онъ съ негодованіемъ разсказываетъ (vv. 747—772) зрителямъ о неприличномъ поведеніи гостя, который все еще шумно пируетъ въ печальномъ домѣ: его нестройное пѣніе мѣшается тамъ со сдержаннымъ плачемъ слугъ, которые, изъ страха нарушить волю Адмета, попрятались по угламъ.

Слѣдомъ появляется и Гераклъ, увитый миртомъ. Въ словахъ обращенныхъ къ рабу (vv. 773—801) герой сначала укоряетъ его за хмурый видъ, столь непристойный на пиру передъ гостемъ и другомъ его хозяина, потомъ учитъ его пользоваться радостями минуты въ виду безнадежной безвѣстности будущаго, даже ближайшаго, и заканчиваетъ дружескимъ приглашеніемъ раба раздѣлить съ нимъ кубокъ. Слѣдуетъ обмѣнъ строкъ между Геракломъ и рабомъ и монологъ Геракла, котораго рабъ не слышитъ (vv. 807—860). Гераклъ узнаетъ отъ раба о смерти Алькесты и о причинахъ неоткровенности Адмета. Послѣ мгновенной вспышки гнѣва Гераклъ, не желая терять ни минуты и успѣвъ сорвать съ себя только огибавшую ему голову миртовую вѣтку, спрашиваетъ раба о мѣстѣ погребенія. Въ энергическомъ монологѣ Гераклъ изъявляетъ рѣшимость отбить у демона смерти его добычу, хотя бы для этого пришлось спуститься въ преисподнюю: онъ не хочетъ оставаться въ долгу у своего деликатнаго друга. Затѣмъ онъ уходитъ, а въ орхестру возвращается хоръ (эпипародъ) и Адметъ. Слѣдуетъ лирическая сцена плача (коммо́съ) со вставкою хорового мелоса и монодій Адмета (vv. 861—934).

Затѣмъ Адметъ въ довольно длинномъ монологѣ (vv. 935—961) объясняетъ всю безнадежность своего положенія въ пустомъ и холодномъ домѣ, среди плачущихъ дѣтей и недовольныхъ слугъ и съ клеймомъ вѣчнаго безславія. Далѣе слѣдуетъ хоровой мелосъ изъ двухъ строфическихъ паръ (vv. 962 — 1005), гдѣ хоревты воспѣваютъ Ананку, силу, для которой нѣтъ ни алтарей, ни кумировъ, и кото-

рой чуждо состраданіе или снисхожденіе; хотя Адметъ и лишился жены, но утѣшеніемъ ему должно служить, по мнѣнію хора, то, что ея могила станетъ храмомъ для окрестныхъ жителей и путниковъ.

Новымъ появленіемъ Геракла, которое возвѣщаетъ корифей, открывается исходъ (vv. 1006 sqq.).

Сынъ Алкмены ведетъ передъ собою молодую и богато одѣтую женщину, лицо которой покрыто фатой. Изъ разсказа его и послѣдующаго разговора съ Адметомъ оказывается, что это добыча, которую онъ, Гераклъ, получилъ на атлетическомъ состязаніи, какъ самый почетный призъ за самую трудную побѣду. Такъ какъ ему приходится идти во Ѳракію, къ Діомеду, то онъ и проситъ Адмета подержать у себя до его возвращенія стоящую здѣсь рабыню съ тѣмъ, чтобы, если онъ не вернется, она оставалась у него навсегда. Адметъ отказываетъ на-отрѣзъ: это кажется ему тѣмъ менѣе возможнымъ, что подало бы поводъ къ толкамъ, оскорбительнымъ для памяти покойной. Но какъ ни молитъ онъ друга скорѣе удалить гостью, которая своимъ сходствомъ съ Алькестою, только растравляетъ его свѣжую рану, Гераклъ настаиваетъ, чтобъ ѳессалійскій царь оставилъ ее у себя. Ему удается, наконецъ, заставить Адмета коснуться до руки женщины, и въ этотъ моментъ онъ срываетъ съ нея покрывало и показываетъ присутствующимъ Алькесту, которую онъ, какъ они вскорѣ узнаютъ, отнялъ у демона смерти, схватившись съ нимъ въ рукопашную надъ самой могилой. Адметъ радостно обнимаетъ Алькесту, которая еще безмолвна, потому что съ нея до трехъ дней не можетъ быть снято посвященіе подземнымъ богамъ. Въ заключеніе Гераклъ, завѣщая царю Феръ быть всегда гостепріимнымъ и справедливымъ, уходитъ, несмотря на приглашеніе Адмета раздѣлить съ нимъ радостный пиръ, а торжествующій Адметъ, не боясь небесной зависти, приказываетъ объявить о своемъ счастьѣ на всѣ четыре конца Ѳессалійскаго царства.

Онъ уводитъ Алькесту въ домъ, а хоръ покидаетъ сцену подъ одинъ изъ обычныхъ финаловъ, состоящій изъ пяти строкъ анапестовъ.

Эта передача содержанія устанавливаетъ три факта: 1) передъ нами не трагедія, а пьеса, какого-то особаго вида, хотя и не драма сатировъ, 2) содержаніе пьесы, несмотря на присутствіе элементовъ, необычныхъ для трагедіи, серьезно, и 3) хоровыя партіи тѣснымъ образомъ связаны съ діалогомъ, что придаетъ произведенію мѣстами лирическій характеръ, а самую пьесу дѣлаетъ болѣе цѣльной.

II.

Если вѣрить схоліасту, то Еврипидъ взялъ фабулу „Алькесты“ изъ миѳа, жившаго въ его время въ устахъ народа [1]), изъ простонароднаго миѳа. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о литературныхъ источникахъ Еврипида. Изъ драмы, приписываемой традиціей Фриниху трагику, до насъ дошло у Исихія $1^1/_2$ строки, въ которыхъ сомнительно чтеніе двухъ главныхъ словъ, и проблематически сюда же относятся [2]) нѣсколько строкъ изъ коментарія Сервія къ Энеидѣ (Verg. Aen. 4, 694). Морисъ Круазе далъ намъ [3]) блестящую характеристику Фриниха, гдѣ есть черты весьма, соблазнительно намекающія на фактъ его вліянія на творчество Еврипида, но, къ сожалѣнію или счастію, соображеній о вліяніи одной Алькесты на другую мы не находимъ и у него. Виламовицъ думаетъ, что пьеса Фриниха была балаганной пьесой [4]), а Бергкъ хочетъ видѣть намекъ на нее въ ἄλυροι ὕμνοι еврипидовскаго хора (Alc. v. 445 sqq.) [5]); но эти сужденія не прибавляютъ намъ фактовъ для характеристики „Алькесты“ Фриниха. По счастью, Виламовицу удалось возстановить въ болѣе чѣмъ вѣроятномъ видѣ остовъ поэмы Гесіода Eoeae, куда содержаніе Алькесты входитъ эпизодомъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ древнѣйшую каноническую обработку легенды, и хотя въ ней заключается другой варіантъ нашего миѳа, а самая поэма осталась, по видимому, безъ прямого вліянія на драму Еврипида, я считаю полезнымъ для выясненія ея концепціи остановить вниманіе моихъ читателей на блестящей реконструкціи, предложенной Виламовицемъ.

Помимо многихъ деталей и соображеній, которыя выяснятся далѣе, уже общій образъ и характеръ Гесіодовской поэмы, по скольку можно видѣть ихъ изъ содержанія, покажутъ намъ рядомъ съ только что разсказанной пьесой, какіе успѣхи сдѣлала къ вѣку Перикла катахреза въ области миѳа, и какъ Еврипидъ, трактуя миѳъ и задумываясь надъ нимъ, далеко ушелъ отъ самой „*поэзіи миѳа*“. Вотъ переводъ словъ Виламовица [6]):

---

[1]) Scholia in Euripidem, coll. rec. ed. Ed. Schwartz, vol. II, 1891 Berolini, p. 216: ἡ διὰ στόματος καὶ δημώδης ἱστορία.

[2]) Tragic. graec. fragmenta, recensuit Augustus Nauck, ed. secunda, Lipsiae, 1889, p. 720.

[3]) Histoire de la littérature grecque, t. III, 1891 стр., 47—50.

[4]) Phil. Unters. Neuntes Heft: Isyllos v. Epidauros, Berlin 1886, стр. 66 и прим.

[5]) Gr. Litteraturg. v. Th. Bergk (Gust. Hinrichs), Berlin 1884, стр. 496 сл. прим.

[6]) U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Isyllos v. Epidauros, стр. 70 сл.

„Въ Бебидскомъ озерѣ Феба купала ноги красивая Лапитская дѣвушка, по имени Коронида. Тамъ увидалъ ее Фебъ и, воспламенившись любовью, тотчасъ же вошелъ къ ней, какъ сдѣлалъ онъ это и съ другою тоже Лапитской дѣвушкой Киреной, увидѣвъ, какъ она укрощала льва на сосѣднемъ Пеліонѣ. Прошли мѣсяцы. Наступилъ день, когда Коронидѣ пришлось выходить замужъ, за своего двоюроднаго брата Исхія, который былъ выбранъ для нея отцомъ. Она не спорила, хотя уже носила подъ сердцемъ плодъ любви бога. Вотъ сошлись ея подруги, чтобы пропѣть брачную пѣсню и въ хороводѣ протанцовать свадебный танецъ. Тогда воронъ, Аполоновъ лазутчикъ, далъ знать объ этомъ въ Дельфы. Скорбь и гнѣвъ зажглись въ Аполлонѣ, и первый, на комъ они отозвались, былъ воронъ: на его бѣлыя перья легла траурная краска, которая и до сихъ поръ сулитъ людямъ несчастье. Не замедлила и месть бога. Стрѣла его сразила Исхія. Артемида же уложила своими стрѣлами Корониду, вмѣстѣ съ ея неповинными подругами. Безжалостная царила въ Ферахъ, у Бебидскаго озера, и явилась на помощь разгнѣванному брату. Когда Аполлонъ увидѣлъ тѣло возлюбленной на кострѣ, онъ сжалился надъ своимъ ребенкомъ, который не былъ еще рожденъ.

Пославшій смерть далъ и жизнь и отнесъ ребенка на Пелій, въ пещеру праведнаго Хирона. На его попеченіи и выросъ сынъ Корониды, Асклепій; тамъ изучилъ онъ силу лѣсныхъ корней, узналъ цѣлебные соки растеній и нѣкоторыя заклинанія. И онъ сдѣлался искуснымъ (helfender) врачомъ, на счастье многихъ, страдавшихъ отъ ранъ или недуга.

Но его искусство увлекло его за грани, положенныя для людей; онъ сталъ воскрешать мертвыхъ. Тогда Зевсъ обратилъ его въ прахъ своей стрѣлой, и тотъ, который сокращалъ права смерти, долженъ былъ самъ ей подчиниться. Снова вспыхнулъ гнѣвъ Аполлона, когда онъ увидалъ на своемъ любимомъ мѣстѣ убитаго сына. Немощный противъ небеснаго отца, Фебъ поразилъ неповинныхъ слугъ, ковавшихъ Зевсу его перунъ.

Но вѣчные міровые законы не только суровы, они также справедливы, и богъ долженъ былъ искупать кровопролитіе такъ же точно, какъ его искупаютъ люди. Хотя мольбы Латоны и отвратили отъ головы Аполлона сверженіе въ Тартаръ, но ему пришлось покинуть небо и провести цѣлый большой годъ въ услуженіи у смертнаго. Онъ пришелъ къ Адмету въ Феры и пасъ ему стада въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то встрѣтилъ онъ Корониду, и гдѣ онъ ее похо-

ронилъ. Адметъ былъ мягкосердечнымъ хозяиномъ, и милость божественнаго пастыря умножила его стада.

Аполлонъ подчинилъ подъ ярмо Адмета и дикихъ звѣрей съ лѣсистаго Пелія, чтобы онъ на этихъ чудовищахъ могъ привезти себѣ невѣсту изъ сосѣдняго Іолка, потому что такова была воля отца невѣсты.

И вотъ снова зазвучали надъ Бебидскимъ озеромъ брачныя пѣсни, и Фебъ, который убилъ Исхія, благосклонно сталъ на сторонѣ Адмета, когда злая царица Феръ, Бримо̀, та самая, которая убила Корониду, послала и Адмету ужасный знакъ своего гнѣва: онъ забылъ принести ей жертву и нашелъ въ своемъ спальномъ покоѣ клубокъ изъ змѣй. Аполлонъ, истолковавъ волю сестры, потребовалъ для жениха жизни, но только замѣна могла спасти ее. Гдѣ же было однако найти замѣну? Когда приблизился рѣшительный день, и отецъ и мать отказались отъ смерти, хотя они стояли уже на порогѣ гроба; только Алькеста, его цвѣтущая супруга, отдала Адмету свою молодую жизнь. Такъ оправдалось змѣиное предзнаменованіе въ брачномъ покоѣ.

И снова была внезапно вырвана изъ жизни, любви и надежды женщина на жертву Артемидѣ. Но жестокость божества имѣетъ предѣлъ. Когда чародѣйство хотѣло прервать дорогу смерти, за ея права вступился самъ Зевсъ; но когда супружеская любовь приноситъ себя въ жертву, кротко склоняясь передъ силою богини, то на помощь ей является божественная милость. Богиня царства мертвыхъ, тоже Бримо̀ (можетъ быть, другая, можетъ быть, та-же), возвращаетъ Алькесту свѣту. Аполлонъ очищенъ, Артемида умилостивлена, Адметъ и Алькеста живутъ въ счастьѣ и мирѣ, а на родѣ героевъ, отъ нихъ нисходящемъ, вплоть до этого дня почіетъ благословеніе боговъ“.

Если сравнить миѳъ, заключающій въ себѣ исторію Адмета и Алькесты, съ его экспозиціей въ драмѣ Еврипида, то мы увидимъ, что у Гесіода она составляетъ *часть* не только художественнаго, но этическаго *цѣлаго*, а въ драмѣ взята, какъ *эпизодъ*, слабо и лишь внѣшнимъ образомъ связанный съ миѳическимъ міромъ и приводимый къ совсѣмъ иной этической основѣ. Какую роль играетъ Адметъ въ миѳѣ Гесіода и какую въ драмѣ Еврипида? Единственный поступокъ его у Гесіода—правда, и тотъ отрицательнаго свойства—а именно, что онъ забылъ принести жертву Бримо̀, да и самая Бримо̀—отсутствуетъ у Еврипида, а между тѣмъ Еврипидъ сдѣлалъ Адмета драма-

тическимъ центромъ своей фабулы; мы встрѣчаемъ его въ цѣломъ рядѣ положеній: онъ снискалъ расположеніе Аполлона, мы видимъ его въ поискахъ за охотникомъ смѣниться съ нимъ участью, онъ переживаетъ съ Алькестой ея послѣдній день, частью за сценой. частью на сценѣ, онъ видитъ ея смерть, онъ выдерживаетъ сцену съ Геракломъ, онъ испытываетъ весь ужасъ возвращенія въ пустой домъ, подвергается испытанію со стороны Геракла, наконецъ, мы разстаемся съ нимъ на порогѣ его новаго счастья. Алькеста играетъ въ драмѣ роль въ смыслѣ драматургическомъ ничтожную: она начинаетъ съ приготовленій къ смерти, и мы лишь неясно различаемъ моменты той борьбы, которая предшествовала ея рѣшенью. У Гесіода, какъ и въ томъ миѳѣ, который Платонъ вложилъ въ уста одному изъ участниковъ „Пира“ [1]), Алькеста тронула сердца адскихъ божествъ, и у Гесіода, сверхъ того, ея кротость и самоотреченіе явились искупленіемъ для цѣлаго ряда кровавыхъ проявленій мести и злобы и закононарушеній, — ничего подобнаго нѣтъ въ концепціи Еврипида. Алькеста нѣжная и лакомая добыча вурдалака [2]), ее отбиваетъ у Смерти надъ самой могилой (характерная подробность) великодушный другъ и герой, энергія котораго удвоена дарами Діониса. Не Алькеста, а Адметъ награждается у Еврипида, и не за самоотреченіе и вѣрность своему долгу, а за деликатность и уваженіе къ праву ближняго на помощь, не ослабленное даже жгучею болью отъ свѣжей утраты. У Еврипида есть еще характерная миѳическая подробность, которой нѣтъ у Гесіода, и которая взята имъ, по видимому, у Эсхила [3]): это намекъ на способъ, которымъ Адметъ коварно принудилъ дѣвъ судьбы измѣнить категорическій приговоръ надъ Адметомъ.

Введеніе этой подробности характерно. Сопоставленіе опьяненныхъ мойръ съ Геракломъ, котораго подогрѣло вино [4]), сдѣлано было Виламовицемъ [5]) и кажется намъ мѣткимъ, по скольку касается, конечно, не истинной концепціи пьесы, а кажущейся, предложенной Еврипидомъ. Интересно также, что Еврипидъ устраняетъ и die Brimò, и eine Brimó не только изъ драматическаго обихода, но даже изъ пролога, и такимъ образомъ снимаетъ съ Адмета всякую нравствен-

[1]) Symp. 179 B.

[2]) cf. Alc. v. 850 sq: ἤν δ'οὖν ἁμάρτω τῆσδ' ἄγρας καὶ μὴ μόλῃ | πρὸς αἱματηρὸν πέλανον.

[3]) Aesch. Eum. vv. 713, 714, 719, 720; cf. Sch. in Eurip. II ad v. 12 (p. 217).

[4]) Alc. v. 758 sq.: ἕως ἐθέρμην' αὐτὸν ἀμφιβᾶσα φλὸξ | οἴνου.

[5]) Isyllos v. Epidauros стр. 66.

ную отвѣтственность передъ божествомъ. Въ драмѣ мы видимъ Ананку, безалтарную и безъидольную, въ прологѣ Мойръ, и вопросъ о какомъ бы то ни было умилостивленіи божества и возстановленіи божественной правды совершенно устраненъ.

Кому принадлежалъ мотивъ борьбы Геракла со Смертью [1]), Фриниху или непосредственно Еврипиду, мы едва ли когда-нибудь узнаемъ.

Во всякомъ случаѣ къ Адмету и Алькестѣ Еврипида, конечно, болѣе подходилъ въ качествѣ друга спасителя Еврипидовскій же Гераклъ съ его „rage to suffer for mankind" [2]), чѣмъ адскіе представители божественной справедливости. Къ тому же Гераклъ „Алькесты" вполнѣ логиченъ въ драмѣ эпохи Перикла. Слабость миѳической разработки въ пьесѣ Еврипида сказывается особенно въ недостаткѣ связи между прологомъ и пьесой. Чѣмъ связаны Аполлонъ и Гераклъ,—я скорѣе вижу связь Алкида съ Діонисомъ и даже съ Ареемъ, съ дѣтьми котораго ему приходится воевать. Правда, Аполлонъ въ концѣ пролога грозитъ Демону приходомъ Геракла,—но вѣдь это только обычный драматургическій пріемъ древнихъ, у которыхъ не было нашихъ програмныхъ афишъ.

Аполлонъ „Алькесты" вообще не драматиченъ, и Еврипидъ былъ правъ, не пустивъ его за предѣлы пролога.

Его настоящее художественное мѣсто въ лирическихъ частяхъ пьесы и особенно въ очаровательной идилліи, которая слѣдуетъ за появленіемъ Геракла [3]).

Я восхищаюсь также тактомъ, съ которымъ Еврипидъ избѣгъ соблазна загромождать лирическіе антракты своей драмы эффектными миѳическими подробностями легенды самого Аполлона: этими Коронидами, Исхіями и Асклепіями. Онѣ отрывали бы вниманіе отъ той глубоко человѣческой драмы, въ которой Аполлонъ былъ важенъ лишь какъ высшій идеальный образецъ для Адмета,—какъ созерцательная натура, мирный пастухъ и артистъ. Я не знаю, впрочемъ, должна ли

---

[1]) Welcker, Die griechischen Tragödien I 21; Wilamowitz-Moellendorff ук. соч. стр. 67; Pauly-Wissowa, Realencycl. s. v.; съ другой стороны. Th. Bergk, Gr. Litteraturg. III, стр. 498: dass Alkestis dem Herakles ihre Errettung verdankt, ist ein freie Erfindung Euripides die alles Lob verdient.

[2]) R. Browning, vol. XI. Balaustion's adventure, including a transcript from Euripides (1871), стр. 88.

[3]) Alc. vv. 569 sqq.

лежать на совѣсти Еврипида вторая часть пролога, т. е. разговоръ Аполлона съ Демономъ, а слѣдовательно, повиненъ ли онъ въ томъ блѣдномъ и безцѣльно надменномъ, каноническомъ Аполлонѣ, котораго далеко не всѣ изслѣдователи соглашаются признать принадлежащимъ Еврипиду [1]).

Въ миѳѣ объ Адметѣ и Алькестѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ обработанъ у Еврипида, встрѣтились три основныхъ сказочныхъ мотива, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою особую и длинную исторію и до, и послѣ 438 года. Первый, это былъ—*богъ или герой на подневольной службѣ у смертнаго*, второй, — *вѣрная жена, которая безвинно терпитъ гоненія отъ мужа или умираетъ за мужа;* третій,—*борьба героя со смертью.*

Исторія этихъ мотивовъ, какъ бы ни кратко мы ея коснулись, увлекла бы насъ очень далеко отъ нашей непосредственной задачи, будучи къ тому же для нея и мало полезной. Я ограничусь нѣсколькими словами.

Богъ или герой на службѣ у смертнаго—этотъ мотивъ встрѣчается у грековъ не разъ: Аполлонъ, Гермесъ, Кадмъ [2]).

Обращу вниманіе на форму службы бога, самую тяжелую, какую только зналъ античный міръ—θητεία—*батрачество* [3]).

Второй мотивъ, съ точки зрѣнія народной психологіи, могъ бы быть интересно освѣщенъ сопоставленіемъ четырехъ именъ: Сâвитри (изъ Мâхабараты), Алькесты, Гризельды (изъ Декамерона Боккачо) и Герміоны (изъ „Зимней сказки“ Шекспира). Наконецъ третій имѣетъ, кромѣ Геракла, представителями: Сизифа, Дигениса — Аникита и нашего Анику-воина. Характерно, что тотъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, грубый юморъ, который былъ усвоенъ за изображеніемъ этой борьбы еще Еврипидомъ, можетъ быть, даже Фринихомъ, перешелъ въ качествѣ прочнаго наслѣдія и въ средніе вѣка: и на западъ, и въ Византію, и къ намъ [4]), несмотря на коренное различіе въ исходѣ борьбы на почвѣ языческой и на почвѣ христіанской.

По отношенію къ миѳургіи Еврипида въ Алькестѣ насъ интересуетъ

---

[1]) The Alcestis of Euripides, by H. W. Hayley, ph. d., Boston U. S. A. 1898, p. XXVII s.

[2]) Гермесъ: Hymn. Hom., 18; Кадмъ: cf. T. Burckhardt-Oeri, Gr. Kulturg. I, 152.

[3]) Ахиллесъ (Od. XI, 488) предпочитаетъ *даже батрачество* на землѣ престолу среди мертвыхъ.

[4]) Н. Ждановъ, Къ литературн. ист. русской былевой поэзіи Кіевъ. 1881; упоминаніе объ Алькестѣ на 50 стр.

главнымъ образомъ первый изъ намѣченныхъ сказочныхъ мотивовъ, *богъ въ батракахъ у смертнаго*, потому что онъ, какъ мнѣ кажется, глубже повліялъ на концепцію Еврипида, придавъ ей своеобразную окраску. *Аполлонъ у Адмета* въ первоначальномъ миѳѣ вовсе не вызывалъ представленія о пастухѣ, игравшемъ на лирѣ или свирѣли около Бебидскаго озера, среди живописныхъ ущелій; этимъ не говорилось и о дружбѣ Аполлона съ Адметомъ и о ὁσιότης Ферскаго царя, за которую Аполлонъ множилъ его стада въ необычной пропорціи, и наконецъ спасалъ его отъ заслуженной или незаслуженной смерти. Слово *Адметъ* не было даже собственнымъ именемъ, а лишь эпитетомъ Аида и значило *непобѣдимый* [1]). Аполлонъ за убійство Пиѳона былъ сосланъ въ подземное царство [2]): таковъ болѣе ранній, если не первичный миѳъ.

Всѣ попытки представителей солярной теоріи найти въ Адметѣ *солнце* разбиваются о суровое имя Адмета [3]), въ которомъ нѣтъ даже слѣдовъ осмысленія, народной этимологіи, какъ въ имени *Аполлона* [4]). Но Адметъ Еврипида что же имѣлъ онъ общаго въ характерѣ съ суровымъ и непобѣдимымъ адскимъ богомъ, этотъ слабовольный, боящійся смерти человѣкъ, за котораго работаютъ, борются и умираютъ другіе? Въ „Пирѣ" Платона Сократъ [5]), прикрываясь фиктивнымъ именемъ мантинеянки Діотимы, говоритъ объ Эротѣ, какъ случайномъ сынѣ Бѣдности и Стремленія, что этотъ богъ вовсе не долженъ быть нѣженъ и прекрасенъ, какъ этого хотятъ иные (поэты, намекъ на Агаѳона): онъ рисуется философу загрубѣлымъ, загорѣвшимъ, босымъ, бездомнымъ и спящимъ на землѣ. Кромѣ логическихъ основаній для этого варіанта миѳа, Платонъ устами Діотимы-Сократа несомнѣнно проявилъ здѣсь наклонность къ особой формѣ *юмора*, по-

---

[1]) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ это не можетъ быть еще доказано лексически; поэзія Вакхилида тоже не даетъ Ἄδμητος въ мужскомъ родѣ; но едва ли этимологическая почва отъ этого является менѣе прочной.

[2]) Объясн. имени Адмета еще въ Миѳологіи Буттмана (II, 217); O. Müller, Orchom. 356; Baumeister, Denkm. d. kl. Alterthums I, 45 s. v. Alkestis.

[3]) Schol. in Eur. ed. Schwartz, Alc. v. 1; Val. Fl. 1, 445: cf. Pauly-Wyssowa ук. м., W. Roscher, Myth. Wörterb. s. v.; O. Müller, Proleg. z. einer wissenschaftl. Mythol. s. 300 ff. Hayley ук. соч. (начало введенія); K. Dissel, Der Mythos v. Admetos u. Alkestis, Progr. Brandenb. 1882, c. 1; U. v. Wilamowitz-Moellendorff ук. соч. стр. 75 прим.

[4]) Діалектическое Ἄσμητος см. Pauly-Wyssowa s. v., не имѣетъ, кажется, лексическаго значенія.

[5]) 203 C.

ложимъ внѣшняго: чувствуется квинтиліановскій lucus a non lucendo. Но за шаткостью этой параллели къ Адмету-Аиду, я обращусь къ болѣе фактическимъ слѣдамъ вліянія первоначальнаго миѳа на концепцію Еврипида.

Отмѣтимъ прежде всего совершенно исключительное, усиленно подчеркиваемое трагикомъ *гостепріимство* [1]) Адмета. Конечно, нельзя гостелюбіе отдѣлить вполнѣ отъ другихъ типическихъ чертъ Адмета, отъ ὁσιότης καὶ εὐσέβεια, которыя утвердились за нимъ независимо отъ концепціи Еврипида и, конечно, ранѣе его [2]). Возможно также, что Еврипидъ не прочь былъ придать своему герою и нѣкоторый мѣстный колоритъ: Ксенофонтъ говоритъ о щедромъ гостепріимствѣ на *ѳессалійской манеръ* [3]), а у Еврипида есть и другая мѣстная черта— это сбриваніе лошадиныхъ гривъ, какъ знакъ траура [4]).

Но для меня несомнѣнно, что тотъ гостепріимный Аидъ, двери котораго открыты для всякаго, не остался безъ вліянія на образъ гостелюбиваго Адмета драмы. Вспомните слова раба (vv. 747 sq.):

Гостей видалъ я многихъ, приходили
Со всѣхъ сторонъ къ Адмету и за столъ
(κἀπὸ παντοίας χθονός)
За пировой садились.

Я напомню еще мрачный колоритъ Гераклова одиночнаго пира въ домѣ Адмета.

Глубокій юморъ отъ сближенія столь разнородныхъ лицъ, какъ Аидъ и Адметъ, какъ нельзя болѣе подходитъ и къ самому характеру творчества такого тонкаго мистификатора, какъ Еврипидъ, а его хорошо извѣстная любовь этимологизировать могла проявиться и здѣсь, хотя и менѣе открыто, чѣмъ въ „Вакханкахъ“ по поводу Пенѳея и Діониса (ὁ μηρός = ὅμηρος) [5]), или въ Таврической Ифи-

---

[1]) Alc. vv. 343 sqq., 539, 545 sqq., 555 sqq., 747 sq., 762, 855; seine von Euripides *stark betonte*, aber kaum erfundene Gastlichkeit (Wentzel, у Pauly-Wissowa, I, 378).

[2]) Alc. v. 10, стихъ, который Wheeler безъ особыхъ основаній уничтожаетъ. См. Hayley a. a. o. s. v. О значеніи ὅσιος см. H. Schmidt Synon. d. gr. Spr., B. IV s. v. ἱερός.

[3]) Hell. 6, I, 3; ἦν δὲ καὶ ἄλλως φιλόξενός τε καὶ μεγαλοπρεπὴς τὸν Θετταλικὸν τρόπον. См. рѣчь кильскаго проф. Schöne „Ueb. die Alk. des Eur.“ 1895, ss. 13, 21.

[4]) Alc. v. 428.

[5]) Bacch. vv. 295 sqq., 367.

геніи. по поводу имени Θоанта [1]). Кромѣ того, вліяніе параллели Аидъ=Адметъ можно прослѣдить и еще въ нѣкоторыхъ деталяхъ и эффектахъ драмы.

Когда Адметъ утѣшаетъ умирающую Алькесту, то среди другихъ обѣтовъ, плановъ и мечтаній, которые онъ расточаетъ передъ ней съ такой лихорадочной поспѣшностью, онъ говоритъ о статуѣ, портретной статуѣ Алькесты [2]), которую онъ закажетъ мастерамъ и будетъ брать съ собою па постель, чтобы

Звать именемъ твоимъ, воображая,
Что это ты, Алькеста, что тебя
Во снѣ я обнимаю... [3]).

Желаніе Адмета сбывается: Гераклъ въ послѣдней сценѣ приводитъ къ нему женщину, которая больше похожа на статую, чѣмъ на живую Алькесту [4]). Нельзя ли видѣть въ этихъ двухъ черточкахъ вѣянія того безсолнечнаго дома, который былъ нѣкогда домомъ Адмета, слѣдовъ мертвящихъ объятій его загробнаго брака?

Я напомню еще, что Адметъ проситъ умирающую Алькесту, чтобы она въ царствѣ Аида *приготовила домъ* для ихъ совмѣстнаго обиталища, *ихъ домъ*. Этотъ домъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ той *домовиной*, тѣмъ общимъ *кедровымъ гробомъ*, о которомъ Адметъ упоминаетъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, и о которомъ онъ долженъ позаботиться самъ.

Сантиментальная деталь общаго гроба любящихся не разъ встрѣчается у Еврипида [5]).

Прежде чѣмъ разстаться съ миѳургическимъ моментомъ концепціи, коснемся вопроса о томъ, что̀ заставило Еврипида остановиться на сюжетѣ Алькесты? Чѣмъ связанъ этотъ сюжетъ съ характеромъ творчества и индивидуальностью Еврипида?

Фантазія Еврипида съ любовью останавливалась па контрастахъ. Цѣлый рядъ антитезъ въ положеніяхъ, характерахъ, даже лиризмѣ проходитъ передъ нами въ его репертуарѣ: антитезъ, то яркихъ и рѣзкихъ, то, наоборотъ, тонкихъ, въ которыя надо вглядываться,

---

[1]) Iph. Taur. v. 32 sq.

[2]) Насколько извѣстно, это первое указаніе на портретную скульптуру.

[3]) Alc. vv. 348—356. Пэли думаетъ, что the Greeks had a deeper feeling for sculptured forms than we can pretend to realize; cf. Hayley ad l.; Schöne ук. соч.

[4]) Alc. v. 1143.

[5]) Or. vv. 1053, 1055, 1067.

чтобъ ихъ оцѣнить вполнѣ,—то острыхъ и холодныхъ, какъ антитеза Этеокла и Полиника, Діониса и Пенѳея, то страстныхъ, какъ антитеза Креонта и Эдипа, въ „Финикіянкахъ". Рядомъ въ „Орестѣ" стоятъ двѣ поразительныхъ по богатству контрастовъ сцены: одна между Еленой и Электрой — о ней мнѣ много пришлось говорить въ книгѣ „Миѳъ объ Орестѣ" — другая, гдѣ больной, немытый, брошенный и униженный Орестъ, котораго истерзали сомнѣнія, упреки совѣсти и галлюцинаціи, Орестъ, дошедшій до цинизма, встрѣчается съ нарядныиъ, блестящимъ, самодовольнымъ, все вернувшимъ и обо многомъ мечтающимъ Менелаемъ.

Но любовь къ антитезамъ покоилась у Еврипида не на одномъ капризномъ свойствѣ его творческаго ума: она воспитывалась въ школѣ риторовъ: словесные турниры, между Этеокломъ и Полиникомъ или у Амфитріона съ Ликомъ, указываютъ не только на вкусы аѳинской публики, но и на серьезную обработку Еврипидомъ его природной склонности. Мы отмѣтимъ ниже у Еврипида еще особый типъ контрастовъ, гдѣ наблюдается раздвоеніе индивидуальнаго мотива, а теперь обратимъ вниманіе на *юмористическій контрастъ*, гдѣ проявленіе одной какой-либо черты въ данномъ лицѣ дѣлаетъ его рѣзко отличнымъ отъ общепринятаго представленія о его типѣ или положеніи. Γενναῖος δοῦλος, т. е. не просто вѣрный рабъ, образщикъ рабской добродѣтели, а тонко и свободно чувствующій рабъ; жрица, рѣзко осуждающая свою богиню, мальчикъ гіеродулъ, серьезно читающій мораль Фебу, богу и блистательному своему патрону, старая Гекуба, это олицетвореніе мстительной муки, со словами Анаксагора, которыя она въ видѣ молитвы обращаетъ къ небу, добродѣтельная и влюбленная въ Менелая Елена, плачущій Гераклъ, хромой Беллерофонтъ, лохмотья Телефа, воинственный пылъ Іолая, танцы Кадма и Тиресія и сентиментально настроенная богиня безумія Лисса—вотъ юмористическіе контрасты Еврипида.

Въ миѳѣ „Алькесты" Еврипидъ подмѣтилъ также антитезу двухъ юмористическихъ контрастовъ: съ одной стороны, Аргонавтъ, участникъ охоты на Калидонскаго вепря, въ странной роли человѣка, который обходитъ своихъ друзей съ мольбою смѣнить его въ преисподней, и, наконецъ, принимаетъ отъ своей молодой и нѣжной Алькесты ту жизнь, которая была ввѣрена его охранѣ; съ другой, самая кроткая изъ женщинъ, прекраснѣйшая изъ Пеліадъ, которая одна бѣжала отъ кроваваго опыта, придуманнаго Медеей для дочерей Пелія надъ ихъ дряхлымъ отцомъ, чтобы, забывъ чары молодости, красоты,

знатности и богатства, сойти добровольно въ могилу за молодого героя—мужа.

Въ „Пирѣ“ Платона Алькеста ставится рядомъ съ Ахилломъ и Кодромъ, но гдѣ найти миѳическую или историческую параллель къ Адмету?

Другой контрастъ въ „Алькестѣ“ является между трогательнымъ содержаніемъ миѳа и тѣмъ фономъ грубаго чуда, которое измыслилъ Еврипидъ или Фринихъ для его развязки. Сатировскія подробности предстаютъ передъ нами, съ точки зрѣнія идейной, совсѣмъ въ иномъ видѣ, и невольно кажется, что мысль обработать миѳъ „Алькесты“ въ драму сатировъ или вообще въ четвертую пьесу тетралогіи была юмористическою. Хороша, въ самомъ дѣлѣ, сатировская драма, гдѣ слово *смерть* не сходитъ съ языка актеровъ и хора, и гдѣ на сценѣ изображается и самое умираніе, и выносъ?

Смѣлый и острый умъ Еврипида съ его опредѣленно аналитическимъ складомъ, упорно разлагая условныя понятія жизни и миѳа, не пощадилъ и той условной формулы трагическаго героя, по которой онъ являлся блистательнымъ даже въ страданіи и униженіи и былъ чуждъ колебаній, религіозныхъ сомнѣній и женскихъ слабостей: Еврипидъ далъ намъ новаго Ореста, а его Меланиппа—философъ, которая проповѣдывала философію Анаксагора, являлась протестомъ противъ каноническаго изображенія мудрости въ лицѣ старцевъ, одержимыхъ, кентавровъ или сфинксовъ.

Это надо припомнить при сужденіи о характерѣ Адмета, къ которому мы теперь и переходимъ.

Адметъ это одинъ изъ chef d'oeuvr'овъ Еврипида. Къ сожалѣнію, теперь, особенно безъ внимательнаго анализа, онъ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ производилъ въ древности, по крайней мѣрѣ на наиболѣе чуткихъ зрителей.

Не надо забывать, соображая это, нѣсколькихъ чертъ античной жизни и условій творчества греческаго трагика. Прежде всего, цѣнность мужской жизни у древнихъ грековъ была неизмѣримо выше цѣнности женской жизни. Главной тому причиной была не бóльшая физическая крѣпость мужчины, а условія всего гражданскаго строя античной жизни. элементъ коллективизма былъ несравненно сильнѣе въ умѣ древняго эллина, чѣмъ въ сознаніи современнаго европейца, благодаря тому, что нравственно-соціальныя понятія эллина воспитывались на конкретномъ представленіи гражданской общины, а не на отвлеченной идеѣ государства.

Вспомнимъ горькія слова Ифигеніи—жертвы въ ея обращеніи къ матери:

„Вѣдь одинъ ахейскій воинъ стоитъ насъ десятковъ тысячъ“.

Вотъ отчего миѳъ, т. е. народное сознаніе ставитъ въ центрѣ не Адмета, а Алькесту; добровольно исполняя высшій подвигъ самоотреченія, Алькеста приносила себя въ жертву не для одного Адмета, или своей семьи, или даже своей общины, но для всей Эллады, для эллинскаго строя, въ которомъ она своею вольною смертью оправдывала одинъ изъ его идеальныхъ устоевъ.

Если съ почвы соображеній сойти на почву фактовъ, то мы увидимъ, что участь дѣтей, осиротѣлыхъ, незаконныхъ или покинутыхъ не разъ возбуждала и эпическое, и драматическое вдохновеніе грековъ. Вспоминать ли о прощаніи Гектора съ Андромахой, гдѣ Андромаха съ такой захватывающей и такой страшной правдой, и реальной и художественной, рисуетъ перемѣну въ участи ребенка, у котораго убили отца. Еврипидъ не разъ изображалъ намъ паѳосъ материнской безпомощности: два раза онъ изобразилъ Андромаху—мать, съ Астіанактомъ и Молоссомъ, Гекабу съ Поликсеной. Онъ останавливалъ наше вниманіе на дѣтяхъ Геракла въ рукахъ Лика, на сиротахъ: Орестѣ, Электрѣ, Макаріи. Ни Адметъ, ни Алькеста не говорятъ прямо о той судьбѣ, которая ожидала бы Евмела съ сестрой, если бы они потеряли не мать, а отца. Но если мы не откажемся отъ права читать у Еврипида между строкъ, то, конечно, не упустимъ изъ виду только что высказанныхъ соображеній.

Можетъ быть, личность ферскаго царя кажется намъ жизненнѣе и человѣчнѣе, а вопли его больнѣе отзываются на насъ именно отъ того, что мы понимаемъ, что подъ внѣшнимъ бездушіемъ эгоиста кроется, самъ того не сознавая, страстотерпецъ, подавленный игомъ суроваго и безысходнаго уклада многовѣковой жизни. Второе обстоятельство, на которое надо обратить вниманіе, — это установленіе истиннаго значенія гостепріимства въ древнемъ мірѣ. „Гостепріимецъ древности“, говоритъ новѣйшій англійскій переводчикъ Еврипида, докторъ Вей [1]), „воплощалъ добродѣтели — не только современнаго филантропа, но и просвѣщеннаго дипломата. Онъ устанавливалъ и поддерживалъ дружескія сношенія съ другими государствами, пріобрѣталъ для своего государства союзниковъ, а для своего города друзей и покровителей въ чужихъ странахъ, и притомъ въ такіе дни,

---

[1]) Цитую по книгѣ A. W. Verrall, Euripides, the rationalist стр. 14.

когда безъ таковыхъ не только путешествіе было полно опасностей, но и всякія сношенія были затруднительны и не обезпечены... Супружеская привязанность была фактъ слишкомъ незначительный сравнительно съ этимъ элементомъ жизни".

Третье обстоятельство, на которое нельзя закрывать глаза при анализѣ античной драмы вообще и „Алькесты" въ частности,—это иго миѳа. Въ миѳѣ были черты, которыя видоизмѣнялись, но остовъ миѳа долженъ быть оставаться неприкосновеннымъ. Эдипъ *долженъ былъ* жениться на матери, и Адметъ *не могъ* не принять жертву жены. *Иго миѳа* было истиннымъ, реальнымъ воплощеніемъ той *силы рока*, которою романтизмъ объяснялъ въ греческой трагедіи все, что оставалось ему непонятнымъ или рѣзко противорѣчившимъ христіанскому идеалу. Миѳъ давалъ заранѣе опредѣленныя роли трагическимъ героямъ, какъ драматурги давали ихъ актерамъ. Анализъ еврипидовскаго репертуара убѣждаетъ насъ при этомъ, что нашъ авторъ далеко не прочь былъ выставить непривлекательныя стороны миѳа, при чемъ онѣ иногда даже развивались или подчеркивались имъ: ни Пиндаръ, ни Эсхилъ не изобразили бы безобразной бойни въ Орестѣ. Если въ „Пенѳеѣ" Эсхила была Агава съ головой сына, то, навѣрное, пробужденіе ея не было такъ трезво и ужасно, какъ въ „Вакханкахъ" Еврипида, а бесѣда ея съ богомъ не рѣзала уха такимъ болѣзненнымъ диссонансомъ между миѳомъ и этикой.

Въ томъ трактованіи миѳа, которое не разъ кажется у Еврипида столь серьезнымъ, почти наивнымъ, слышится иногда глубокая раздвоенность, и во всякомъ случаѣ далеко не каноническое отношеніе поэта къ греческимъ богамъ и непосредственной вѣрѣ толпы.

Адметъ Еврипидовской пьесы предстаетъ передъ нами по первому впечатлѣнію непригляднымъ. Еврипидъ *не заботится объ оправданіи миѳическаго героя* и о спасеніи его героической репутаціи. Слабодушіе Адмета такъ ярко, что заставило даже нѣкоторыхъ изъ писавшихъ о немъ (Шёне, отчасти Веррола) видѣть у Еврипида намѣренно-шаржированное изображеніе, то ли въ цѣляхъ высмѣять миѳъ, то ли въ цѣляхъ написать сатиру на какую-то старую трагедію съ тѣмъ же сюжетомъ.

Но вглядитесь поближе въ этотъ *симпатическій символъ*, и вы увидите, что, топя миѳическаго героя, Еврипидъ спасаетъ человѣка. Я долженъ оговориться здѣсь по поводу выраженія *симпатическій символъ*. Въ *поэзіи*, по моему, столь же *неестественно искать образовъ*, какъ въ изобразительныхъ искусствахъ стараться ихъ избѣгнуть.

Поэтическое созданіе, въ силу своей роковой лиричности и неосязаемости, несмотря на многообразныя отраженія въ немъ впечатлѣній внѣшняго міра, можетъ быть только символомъ и только симпатическимъ, т. е. выражающимъ душу автора. Нигдѣ это не ясно въ такой мѣрѣ, какъ у Шекспира, благодаря лирической насыщенности его поэтическихъ созданій. Исконная символичность, внѣшняя неуловимость поэзіи и ея роковая несоизмѣримость съ дѣйствительностью высказывается, между прочимъ, въ томъ, что музыкальный комментарій къ произведенію поэзіи является гораздо болѣе естественнымъ и удачнымъ, чѣмъ живописный: кто не задумывался надъ безнадежностью попытокъ иллюстрировать поэтическія созданія?

Итакъ, какъ симпатическій символъ, Адметъ покажется намъ совсѣмъ другимъ. Сойдемъ съ миѳической точки зрѣнія, забудемъ о герoѣ и вотъ что мы видимъ.

Это человѣкъ добрый и мягкій, хотя натура совсѣмъ не изъ героическаго міра. Адмета любятъ ферейцы—не о немъ ли они распрашиваютъ служанку, не его ли жалѣютъ, утѣшаютъ, славятъ, не его ли боятся упрекнуть, даже послѣ ссоры съ отцомъ?

Его любитъ Аполлонъ, любитъ Гераклъ, любятъ жена, дѣти, отецъ по своему, любитъ даже рабъ, которому онъ далъ тяжелую и неблагодарную роль. Адметъ счастливецъ, котораго избаловали удачи, и въ которомъ счастье развиваетъ самый откровенный, почти наивный эгоизмъ. Не даромъ же, при помощи Аполлона, онъ женился на прелестнѣйшей женщинѣ въ мірѣ и безъ войны и грабежа, на мирной пастушеской почвѣ, пріумножилъ свои богатства. Адметъ не атлетъ, это натура созерцательная—Еврипидъ позже развилъ этотъ типъ въ Амфіонѣ, въ дивной антитезѣ своей прославленной „Антіопы". Онъ питомецъ музъ, но занятія философіей не ослабили въ его гармонической натурѣ религіознаго начала: въ Адметѣ нѣтъ гордыни Пенѳея, Беллерофонта, Иксіона. Онъ любитъ музыку: и лиру, и ливійскую флейту, скульптуру любитъ до самозабвенія. По темпераменту, это сангвиникъ, натура впечатлительная и экспансивная, безъ глубокихъ и страстныхъ порывовъ, безъ тяжкаго гнѣва и безъ холодной тоски, доводящей до отчаянія или самоубійства. Обратимся къ его судьбѣ. Вѣчныя удачи его вызвали такъ называемую зависть боговъ. Дѣло въ томъ, что по древнимъ эллинскимъ воззрѣніямъ, счастье и несчастье отпускались на людей въ опредѣленномъ количествѣ, и тотъ, кто бралъ слишкомъ много изъ одной бѣлой бочки, привлекалъ на себя вниманіе зоркихъ боговъ. Адметъ, какъ Крезъ, долженъ былъ

испытать силу божественной справедливости, которую Геродотъ выразилъ въ классической поговоркѣ: φθονερὸν τὸ θεῖον.

Что Еврипидъ имѣлъ въ виду именно мотивъ божественной зависти, это видно, между прочимъ, изъ того, что Гераклъ, вернувъ Адмету жену, предостерегаетъ его отъ зависти боговъ [1]).

Недовольные излишнимъ счастьемъ Адмета, боги посылаютъ ему испытаніе: ему дается на выборъ — преждевременная смерть или необходимость пожертвовать кѣмъ-нибудь близкимъ и дорогимъ и любящимъ его, Адмета, до самозабвенія. Избалованный счастьемъ ѳессаліецъ никакъ не можетъ представить, что у него, всеобщаго любимца, нѣтъ друга, готоваго на самопожертвованіе, и что даже старые родители пожалѣютъ остатка жизни для своего сына, чья смерть является въ его глазахъ такой обидной несправедливостью? Въ отчаяніи и не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ онъ для себя готовитъ, Адметъ принимаетъ жертву Алькесты. Что онъ зналъ объ ней раньше, на это въ драмѣ есть нѣсколько указаній.

И вотъ Судьба, которую вымаливаетъ самъ же Адметъ, которой содѣйствуетъ Аполлонъ и для которой этотъ богъ спаиваетъ сѣдыхъ и дѣвственныхъ дочерей Ночи, эта Судьба вырываетъ изъ жизни Адмета, съ его Алькестой, ту золотую нить, на которой держалась вся ткань его призрачнаго счастія. Царь видитъ передъ собой одно тяжкое и суровое бремя долга, а вокругъ, вмѣсто любви, уваженія, веселыхъ лицъ и славы — трауръ, упреки, одиночество и на всѣхъ устахъ позорное имя труса и убійцы. А между тѣмъ для этого ему приходится вынесть весь этотъ ужасъ медленнаго угасанія любимой женщины и ея похоронъ, запинаться въ уклончивыхъ отвѣтахъ на участливые распросы друга, ему, сыну и внуку царей, среди своихъ подданныхъ и рабовъ, и наконецъ въ безобразной сценѣ проклясть отца и мать передъ бездыханнымъ тѣломъ той кроткой Алькесты, которая отдала ему жизнь именно во имя святости семейныхъ узъ.

Адметъ—эгоистъ; жалѣя другихъ, онъ жалѣетъ почти всегда себя; вокругъ онъ видитъ и слышитъ только то, что̀ звучитъ и блещетъ утѣшеніемъ или состраданіемъ ему — Адмету. Но его рѣчи льются изъ сердца такъ свободно, такой искренней волной, что онѣ насъ невольно захватываютъ, и мы понимаемъ, почему такъ любили Адмета и люди, и боги. Между тѣмъ самыя мечты Адмета, это—мечты

---

[1]) Alc. v. 1195.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(январь и февраль 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Министерскія распоряженія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СТРАН.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ
Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА:

Масперо. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис. Ц. 1 р. 50 коп.— **Гиро**. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.— **Гиро**. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.— **Тома**, Э. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.—**Ланглуа**. Исторія Среднихъ вѣковъ (305—1270 г.), съ 81 рис. Ц. 3 р. 50 к.—**Марьежоль**. Исторія Среднихъ вѣковъ и Новаго времени (1270—1610 г.), съ 111 рис. Ц. 2 р.—**Лакуръ-Гайе**. Исторія Новаго времени (1610 — 1789 г.), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к. — **Бецольдъ**. Исторія реформаціи въ Германіи. 2 т. Ц. 5 р. 50 коп. — **Штраусъ**. **Ф**. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Ц. 3 р. — **Гаусратъ**. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Арнольдисты. Вальденцы. Франдискъ Ассизскій. Вѣчное евангеліе. Сегарелли. Дольчино. 2 т. Ц. 4 руб. 50 к. — **Мюллеръ**. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. 4 т. Ц. 10 р. — **Куглеръ**. Исторія крестовыхъ походовъ, съ рис. и планами. Ц. 3 р. — **Шаккъ**. Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к. — **Додю**. Исторія монархическихъ учрежденій латино-іерусалимскаго королевства. Ц. 2 р.—**Грегоровіусъ**. Исторія города Аѳинъ въ Средніе вѣка. Ц. 3 р. 50 к.—**Штернъ**. Исторія революціи въ Англіи. Ц. 3 р.—**Сорель**. Европа и французская революція 4 т. Ц. 11 р. 50 к.—**Бобржинскій**. Очеркъ исторіи Польши. 2 т. Ц. 5 р. 50 к. — **К. Бѣловъ**. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р. — **Мерцаловъ**. Очерки изъ исторіи смутнаго времени Россіи. Цѣна 1 руб.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Цѣна 1 р. 50 к.—**Метенъ**. Соціализмъ въ Англіи. Ц. 1 р. 50 к.—**Джорджъ**. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.—**Вотье**. Мѣстное управленіе въ Англіи. Ц. 2 р.—**Мануйловъ**. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р 50 к.—**Фриманъ**. Сравнительная политика. Цѣна 2 р. 50 к. — **Дарестъ**. Изслѣдованія по исторіи права. Цѣна 2 руб. 50 коп. — **Монтескье**. Духъ законовъ. Ц. 4 р.—**Бартъ**. Философія исторіи какъ соціологія. Ц. 1 р. 75 к. — **Морганъ**. Первобытное общество. Ц. 3 р.—**Нидерле**. Люди въ доисторическую эпоху. Цѣна 5 р.—**Дриль**. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.—**Кистяковскій, А**. Изслѣдованіе о смертной казни.

Поль-Луи-Курье. Политическіе памфлеты (сочиненія, ч. I). Цѣна 2 р.—**Ларра**. Общественные очерки Испаніи. Ц. 2 р. 50 к.—**Паскаль**.

Редакторъ **Э. Радловъ.**

(*Вышла 1-го февраля*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994

